

Ольга Савченя

ПО СЛЕДАМ ПРОШЛОГО

Глава 1. Переход

Небольшой костер трещал, плевался искрами и согревать не думал. Босые ноги не мерзли, но тело не отпускало легкий озноб, мороз щипал лицо и не щадил глаза. Кончик носа давно перестал гореть и только неприятно шелушился. Аромат жареного мяса, витающий над заснеженной поляной, кружил голову и пьянил, но мог быть опасен, привлекая изголодавшихся хищников. Я понимала, что рискую, но сильнее рисковала умереть от слабости и отсутствия горячей пищи.

С румяной тушки упитанного зайцекрыла стекал жир, капал на пылающие, черно-алые с сизыми отметинами огня, поленья, шипел и пузырился на них. Сколько бы я ни сглатывала, слюна все равно забивала рот снова и снова. Когда желудок разболелся, а голод стал нестерпимым, я поднялась с места. Взвела болт в небольшом арбалете, проверила, легко ли вытаскивается кинжал из ножен, и, разглядывая кустарники, скрытые в ночной мгле, обошла небольшой периметр возле стоянки. Долго прислушивалась, озиралась, крепче сжимая арбалет, на расстоянии обходила толстые стволы высоких сосен, кедра и низкие разлапистые ели.

Ни души.

— И сегодня тебе везет, Асфи. Все еще не находишь это странным?

Горло побаливало, и голос немного хрипел, но мне и с этим везло — никакой температуры не наблюдалось. Только острая боль в горле. После всех дней и ночей, проведенных в снежно-ледяном аду, мне казалось, я как минимум отморожу себе ноги и руки, но, видимо, силу Вестниц в прошлой жизни я сильно недооценивала.

Убедившись в собственной безопасности, я быстро вернулась к крохотному костру, забралась под густые лапы высокой ели, справа от себя воткнула кинжал в снег и там же положила арбалет. Стянула перчатки, потерла озябшие руки друг о друга и, сложив лодочкой,дохнула на них. Не особо помогло, но почему-то подобный ритуал вошел в привычку. Не тратя больше ни секунды, сняла с рогатин удачно пойманного зверя.

— Скверна тебя побери! Духи Фадрэгоса, горячо! — прохрипела, обжигая руки и пытаясь оторвать ножку.

Мясо до конца не прожарилось, но я не способна была терпеть дольше. Руки тряслись от голода, а слюной я могла бы захлебнуться. Чтобы справиться с ужином, пришлось повалить его в снег, стараясь не испачкать, и помочь себе охотничьим ножом. Когда-то в бывшем доме я слышала, что человек чувствует самый яркий вкус еды только в первые минуты, а потом просто забывает желудок. Сейчас я бы с утверждающими не согласилась. Едва не проглотив собственный язык с куском горячего мяса, скривилась из-за рези в горле. Только от второго куска, кое-как прожеванного, во рту осталась легкая, но такая божественно нежная сладость. За сладостью последовала горечь крохотной обугленной корочки. Я глотала ужин, нетерпеливостью жгла горло и язык, а когда повредила рецепторы окончательно, просто давилась мясом. Никакого вкуса не ощущала.

Головокружение и слабость тоже не отступали. А так хотелось верить в чудо... Впрочем, чудес на мою долю выпало и без того немало. Столько не отсыпалось даже тем «попаданцам», о которых я успела прочесть во время короткого возвращения в бывший дом. Конечно, первые дни моего скитания в ужасных, холодных лесах напоминали предсмертные муки, и я даже всерьез приготовилась распрощаться с жизнью, но мне улыбнулась удача. От голодной смерти меня спасла другая смерть...

Я назвала этого эльфа Стойким. Мне необходимо было дать ему хоть какое-то имя, чтобы попросить у него прощение, отбирая вещи. Да и о разговоре я мечтала неопишимо сильно. Вот только беседа с покойником угнетала и расстраивала. Зато с именем Стойкий казался не таким уж мертвым, а мой монолог стал походить на диалог.

Судя по холщовым тряпкам, в которые Стойкий обматывался, и не особо утепленной одежде, он пришел с юга. И ведь почти добрался до города. Ему оставалось не так много, но у него давно закончилась вода и, наверное, он не знал, где отыскать родник. К сожалению, пить только талый снег — не самая лучшая идея. Некогда Кейел научил нас с ребятами многому, рассказывая о жизни на севере, и если бы не это, меня бы ждала та же участь, что и Стойкого. Дойдя до края ледяной пустыни, этот упрямый эльф подарил мне шанс на выживание. Я нашла у него сумку, веревки, пригодные для силков и ловли рыбы, арбалет и несколько болтов к нему, охотничий нож, огниво, котелок, пустой бурдюк и сушеные травы.

Первые расставленные силки не приносили особой пользы. К тому же я опасалась оставаться на одном месте надолго, ни на миг не забывая, что Десиен мог отправить за мной прихвостней. Несколько раз, возвращаясь к силкам, я обнаруживала только кровь, клочья меховой шкурки или перья. Мою добычу сжирали голодные волки, или другие хищники. Разве важно кто именно?

Каждый раз я ругала преследующую неудачу, но, откровенно говоря, радовалась. Могло быть и хуже.

Бывало и хуже...

Каким-то образом, несмотря на соседство с волками, мы долгое время не пересекались. Они съедали мою добычу, выли громко, рыскали поблизости, но никогда не охотились на меня. И это удивляло. Тогда я думала, что сила Вестниц может действовать и на зверей. Как-то околдовывать их. Но не могла до конца принять это, потому что голодала.

Наверное, в те дни я сама походила на волчицу и, охваченная безумством, готова была завывать. Как правило, истощенный человек молит о легкой смерти, но меня будто питала ненависть, а ее в свою очередь держала в тонусе мысль о собственной слабости. Замкнутый круг сводил с ума, заставлял думать о выживании круглосуточно и действовать. Неужели я столько вынесла, чтобы просто вернуться в Фадрэгос и подохнуть, словно зверь, всю жизнь проживший в зоопарке, а потом внезапно выброшенный на желанную свободу и не сумевший с нею справиться? Нет, я боролась за жизнь, как только умела.

Зимние ягоды и грибы не насыщали организм, а только распалили голод, но они же помогали мне сориентироваться на местности и служили указателями охоты. Я расставляла силки на разную дичь, какую только меня учили ловить. И пока скиталась от одной ловушки к другой, надеялась отыскать озеро или реку, в которой водилась бы рыба. Один из незамерзающих ключей уводил западнее, где растекался в речушку, но почему-то крупной живности в ней не было. Первой пищей спустя долгие дни голода стала белка, пойманная в силки. Никогда не забуду, как увидела крохотного зверька, и перед глазами заплесала чернота, а тошнота усилилась настолько, что я едва не скрутилась, падая над добычей на колени. Правильно обрабатывать живую пищу, чтобы убить в ней паразитов и... не отдаляться от человечности? Да, наверняка, с тушек хотя бы надо сдирать шкуру. Однако в тот момент мне не удалось растормошить мораль и человечность. Белка цапнула меня за руку, и я попыталась свернуть ей шею, но силы справиться с юрким зверьком не хватило. Опасаясь, что он убежит, я перерезала ему горло. Горячая кровь хлынула по замерзшим рукам, и я слизала ее, а затем слезы против воли потекли по щекам. Я плакала, но продолжала ножом кромсать белку и отрывать зубами сырое мясо. Мне хотелось остановиться. Духи Фадрэгоса, как же мне хотелось остановиться! Я мысленно кричала себе: «Опомнись, дура!», — но, не пережевывая, глотала мясо, слизывала кровь и отплеивалась от меха.

Затем последовала серия разочарований, вызванная тем самым опозданием, когда волки успевали добраться к улову первыми. Переставляя силки, обследуя территорию на признаки погони, я продвигалась дальше на запад, где надеялась найти пристанище и набраться в нем и сил, и пищи для перехода. Понимаю, что уже тогда следовало поспешить, но риски останавливали. Я училась тому, чего мне никогда не хватало в предыдущей жизни — терпению и осторожности. Я познавала себя: смирение — очаг моей злости, усидчивость — не моя черта, одиночество — моя медленная гибель. Я умирала ежедневно, не позволяя себе броситься на юг, понадеявшись лишь на удачу. Ночами сходила с ума, воображая Кейела. Он сидел напротив в полумраке костра, уставший и печальный. Мы говорили: я — шепотом, он — беззвучно. Мы советовались: я спрашивала прямо, он отвечал уклончиво. Мы спорили: я настаивала на привычном и человеческом, он уговаривал поступать практично. Я безоговорочно верила ему, и каждый день мы мало-помалу разбивали во мне оковы, которые с рождения росли вместе с моей личностью. Оковы лжи — так я назвала эти внутренние ограничители и бесконечные оправдания трусости перед встречей с собственной сутью.

Ночи выдавались спокойными и холодными, дни — изматывающими и разочаровывающими. Снова голод, слабость и ярость, которую не на кого было выплеснуть. А затем мне, наконец-то, повезло, хотя на первый взгляд показалось, что за мной снова пришла смерть.

Перебиваясь мелкой дичью, я вышла к замерзшему озеру. Но там же, пройдя овраг, наткнулась на стаю. Волки грызлись между собой, обнюхивали берег, барахтались в снегу. У меня не было шансов остаться незамеченной. Проваливаясь по колено в снег, я добежала до раскидистого дерева и, гонимая рациональным страхом, успешно вскарабкалась на нижнюю ветку, не растеряв при этом скромную утварь.

Волки рычали, прыгали, скулили, опираясь на ствол, поднимались на задние лапы. Их было больше, чем арбалетных болтов, и они казались сильнее. Шумели, не замолкая, кружили внизу и ни на секунду не успокаивались. На закате происходящее напомнило мне о второй встрече с Кейелом, а понимание, что в этот раз он не появится, поселило в мысли отчаяние. Вот только Солнце не успело умереть, как грузовик удачи выехал на всей скорости, врезался в дерево, на котором я сидела, и перевернулся.

Крупная раненная лосиха ослабла настолько, что наверняка даже не поняла, как, убегая от одной стаи, столкнула ее с другой. Волки же, увлеченные мною, не услышали ни ее, ни стаю, нарушившую территорию. И пока лосиха заваливалась умирать прямо под злосчастное дерево, хищники рычали, скалились и кружили, присматриваясь друг к другу, а я... Я улыбалась подвернувшейся удаче и

взводила арбалет. Схватка не на жизнь, а на смерть длилась лишь несколько минут. Возможно, она закончилась бы быстрее, но я, с трудом разбираясь кто за кого, следила за побеждающими и отстреливала одного-двух волков, даря преимущество противникам. И так до тех пор, пока число живых значительно не уменьшилось по сравнению с убитыми. Поверженная стая убегала, а вторая надеялась забрать добычу, но ей пришлось признать меня и принять поражение.

На окровавленную поляну я спустилась ранними сумерками, оттащила подальше загрызенных волков, оставляя их на растерзание собратам, набрала хвороста, разожгла костер. Ночь провозилась с тушей, наготове держа оружие. Забывать желудок до состояния сонливости себе не позволила. С рассветом затащила на дерево крупные куски мяса, предварительно обмотав их шкурой, и кучей вывалила потроха чуть в стороне, чтобы птицы не прельстились на мое. Обследовав округу, к обеду набрела на пещеру и перетащила в нее добытое. До глубокой ночи обустроивала лагерь и отгораживала его ветками так, чтобы никто не мог подкрасться бесшумно. Только потом, забравшись на высокий валун, плотно поужинала и забылась крепким сном почти на сутки.

Пещера оказалась пригодной для жизни настолько, что меня перестало пугать даже соседство с выжившей стаей. Впрочем, за пару недель, освоившись на благоприятной местности, я позволяла себе подкармливать зверей. Рыба в озере, казалось, только и ждала, когда ей проковыряют дырку во льду, чтобы буквально выпрыгивать из нее. Излишки я бросала на открытые участки, куда слетались крупные птицы, — волки пировали вместе со мной. Эта же стая не один раз предупреждала меня об опасности громким воем и рычанием, а однажды нам даже пришлось объединиться против одного врага.

Никогда не думала, что близко познакомлюсь с грифонами. Именно их гнездовья, протянувшиеся от Крова грифонов по горам и частично по редколесью, мешали мне пройти на юг, минуя Ледяную долину. Как правило, они предпочитали охотиться на проплешинах предгорья, куда я благоразумно не заходила, но иногда опасные хищники залетали и сюда. Мирно продалбливали лед на озере, утоляли жажду и насыщались рыбой. Один из таких грифонов с недвусмысленным намерением приблизился к скалам, облюбованным волками. Возможно, его привлекла непривычно малая численность стаи, но пернатый наглец не взял в расчет меня. Его редкие визиты не принесли бы мне никакой пользы, чего нельзя было наверняка сказать о моих постоянных соседях, охраняющих нашу территорию. К сожалению, на него пришлось потратить несколько болтов, которые я так и не смогла вернуть, да и попробовать его мяса мне тоже никто не позволил. Все же сказка о Маугли — всего лишь сказка. Однако мое несказанное везение нельзя было не отметить.

В пещере я прожила очень долго, чего никак не планировала. Сначала задерживали слабость и отсутствие запасов перед тяжелым переходом, затем — неутрачивающая вьюга. Было трудно сидеть в тесном пространстве, фактически взаперти, экономя набранные дрова, пищу и еду. Только и оставалось, как спать и плевать в потолок, который даже не всегда удавалось разглядеть. Выходила на открытое пространство только тогда, когда ветер немного затихал, а сквозь серо-белую взвесь просматривалось тусклое солнце. Так себе комфортные условия... Однако со временем такое напряженное одиночество превратилось в силу: воспитало внимательность к окружению, научило всегда оглядываться и надеяться только на себя. Развитая сдержанность стала приносить наслаждение, а терпение, предусмотрительность и осторожность вызывали гордость. Я росла в собственных глазах и все чаще просыпалась с мыслью, что мир лежит у моих ног. Прямо как раньше, но с существенным отличием. Я понимала: мир не принадлежит мне, но открыт для меня, позволяя жить в себе и взять у него все необходимое для этой самой жизни. Он был рад мне, а я хотела ежедневно платить ему за тепло и добродушие.

После долгих недель, а может, месяцев, бушующей непогоды, когда часто невозможно было определить время суток и покинуть безопасное укрытие, на изнуренную землю внезапно опустилось затишье. В первые секунды прекратилось завывание, перестал стонать лес, и упала мрачная пелена, мне показалось, что я оглохла и прозрела. Птицы еще долго молчали, а волки высунулись из нор, спрятанных в скалах, спустя несколько минут. Голодные, они поглядывали на меня, а я стояла у пещеры, смотрела на них и крепко сжимала арбалет с последними уцелевшими болтами. Мохнатые соседи долго мялись, но все же не стали рисковать — немного порезвились в снегу и отправились на охоту. Я же вернулась к своему выживанию.

Снег сходил с холмов, нехотя плавился под теплым солнцем, знаменующем весну. На севере природу будто торопили невидимые силы, поэтому казалось, что травы, несмотря на холод, росли ежечасно. Лед на озере еще не успел расколоться, а возле него уже пахло ранними цветами. На моем пути все чаще встречалось мелкое зверье, и в лесу все громче посвистывали птицы. Я достаточно окрепла, отдохнула, раздобыла мехов для сна вместо одеял, пусть и дырявых, обработанных неумело. Насушила рыбы — жаль, без соли, — грибов, ягод и набрала мяса. Даже минимальная плюсовая температура могла испортить припасы, да и задерживаться больше не хотелось. И без того припозднилась.

Суровая Ледяная долина оставалась безучастна к весне. Переход предполагался тяжелым, но я до последнего надеялась на свое везение. И оно не отказывало, позволяя самые страшные вьюги пережить в оазисах тепла. Помня путь и хорошо осознавая собственные силы, после последнего

такого оазиса я ушла западнее, к самой кромке леса. Понимала опасность, вызванную близостью грифонов, прекрасно представляла их огромные охотничьи угодья, даже несколько раз пряталась от них, заползая под причудливые валуны, удачно попавшиеся на пути. Иногда приходилось лежать на студеной земле весь день, проедаая запасы и экономя воду. Постепенно изменился режим: днем я отсыпалась, надежно спрятавшись, а ночью продвигалась на юг. Думала, что весной голодных хищников уменьшится, но они будто стали активнее, поэтому вскоре ночи тоже пугали наземными охотниками.

Рядом с долиной всегда веяло холодом, и снег таял медленней. Ночной мороз контрастировал с дневным теплом, обжигая, разомлевшую под солнечными лучами, кожу. Наверное, поэтому я умудрилась заболеть, что сказалось на горле. Припасов, взятых с собой, не хватило до конца пути, но они помогли перенести самые трудные дни перехода, а значит, с задачей справились. Вода закончилась раньше, развести костер было страшно — я ела снег и слабела с каждым днем. Но несмотря на все невзгоды, преодолела изнуряющий переход, и это не могло не радовать. К тому же горячий ужин... Да, упитанный зайцекрыл, пожаренный на костре, оказался равносителен празднику, ожидаемому весь год.

Еще на рассвете я пересекла черту — отчетливый стык льда и земли. Я валилась с ног, тряслась от голода и боролась с ознобом и головокружением, но, глядя на лиловое небо и простирающуюся впереди зеленую степь, не могла избавиться от чувства, охватившего сознание: теплое, необъятное и немислимим образом поместившееся в крохотном сердце — любовь. Я улыбалась, вытирая слезы с глаз. Опираясь на палку и вслух благодаря духов Фадрэгоса, опускалась на колени. Ощущая их незримое присутствие, расчищала землю от снега, а затем целовала ее и прижималась к ней щекой. Мое головокружительное сумасшествие отпустило гораздо позже и заставило еще раз задуматься о прошлом.

С каких пор я ощущаю духов так, будто рождена в Фадрэгосе?

О прошлом во время своих скитаний я думала часто...

Десиен хотел получить уникальную кровь, поэтому переместил дитя чужого мира в Фадрэгос. Это было сейчас, это же было в прошлый раз. Без сомнений. Просто тогда он ошибся, а я влетела в... шаровую молнию? В дверь, открытую им, но ведущую не к нему. Но почему сила Вестницы вернулась ко мне? Может ли быть такое, что Повелители, не успев вздохнуть спокойно, снова встретили меня на пороге и теперь поведут тем же путем на выход? В таком случае, им проще было бы помочь Десиену, чтобы он прекратил звать нежеланную гостью. Хотя есть вероятность, что они не могут этого сделать. И вот я снова в Фадрэгосе... Меня опять запишут во враги Кейелу, и нам останется только наблюдать, как он постепенно узнает правду, а потом убивает меня.

Может, так и планировалось с самого начала?

Ил сказала Аклену, что придут другие Вольный и Вестница, и они пожертвуют собой. Кейел же, как дурак, влюбился чуточку сильнее необходимого и предал своего духа, ломая планы местных Богов. В итоге я жива, а судьба Кейела вернулась к жизни без меня. И теперь Повелители, вовсе не выпроваживающие меня, а ведущие на жертвенный алтарь, вернули все, как было. Наша песня хороша, начинай сначала...

Мне ждать смерти от руки Вольного? Того гложущего чувства скорой собственной кончины, к которому я даже когда-то привыкла, теперь не было. Конечно, скорее всего, это всего лишь вопрос времени, но хотелось надеяться на лучшее.

Немного фантазируя о лучшем, я забегала вперед...

Представим на секундочку, что Повелители еще в прошлый раз смирились с моим присутствием в их доме, но наказать за потрепанные нервы очень хотели, а заодно странным образом просили определиться с местом жительства, потому и довели все до конца. И вот теперь я в Фадрэгосе, не являюсь никакой жертвой и даже, оправдывая подаренную силу, знаю врага Кейела. Как убедить упрямого, недоверчивого Вольного, что друг его юности использует силы ведьмы?

Отламывая очередную ногу зайцекрыла, я смотрела в сторону знакомого хутора, к которому планировала отправиться на рассвете. Вблизи Ледяной долины лес до сих пор частично покрывали пласты снега, а он порядком осточертел. Тем более я никогда особо не любила зиму. Пошевелив пальцами на ногах, я подсунула стопы ближе к костру. Завтра начнется мой путь проторенными дорожками. Завтра наступит странный день, в котором я возьму след собственного прошлого и буду огибать его опасные участки.

Первостепенная задача — найти Кейела. Убедить его в том, что я Вестница, помогут мои ноги и его секреты. Я готова поддержать этого безжалостного парня в желании спасти Фадрэгос, что бы за этой формулировкой ни стояло. Но как помочь ему с тем, кто он есть? Я ведь так и не разгадала главную тайну: куда исчезают Вольные?

Глава 2. Зов

Солнце ласкало лицо. Неугомонный ветер гнул травы, выбивал тепло из-под плаща, вырывал из рук маленький сверток. Растрепанные волосы после каждого порыва приходилось выплевывать и убирать с глаз. Охарс, призванные без надобности, но радующие присутствием, танцевали у лица. Опираясь на палку, все еще ощущая дрожь в коленях и слабость в руках, я поднялась на вершину холма, отозвала духов и прищурилась. Деревянные дома с соломенными крышами и аккуратными двориками, огороженными низким частоколом, разложились на степной равнине как на ладони. Небольшой фруктовый сад клонился к земле за домами и словно в страхе перед стихией тряс мелкой листвой. Неподалеку от поселения змеей извернулась полноводная река и ослепительно мерцала, мешая рассмотреть тех, кто находился на причале.

Одинокую путницу жители хутора заметили первыми. Сначала разномастная детвора мчалась в мою сторону, но затем отбежала к оврагу, поросшему густым ежевичником, позволяя встречать гостью взрослой девушке. Я помнила эту улыбчивую фангру слишком хорошо. Когда она приблизилась, с озорством шурясь на один глаз и придерживая подол коричневого платья, память вовсе разошлась. Разбушевалась, наполнила сердце необъятным трепетом, каким-то робким наслаждением, и я невольно смутилась. Опустила голову и сглотнула, забывая все приветствия, которые сочиняла по пути сюда.

— Пусть духи будут милостивы к вам, — наконец нарушила тишину фангра.

— Пусть духи оберегают ваше поселение, — прохрипела я в ответ и закашлялась.

Когда подняла глаза, застала фангру со склоненной головой. Ее взгляд выражал озабоченность, прикушенная губа натянулась и посветлела. Легким движением девушка смахнула челку с синего лба, обнажая взору трещинки и застывшие на переносице морщинки глубокой задумчивости. Она откинула косу и, отступив в сторону, пригласила бодро:

— Идем. — Руку с раскрытой ладонью к свертку протянула. — Узелок давай мне, помогу донести.

— Мне не трудно.

— Давай, давай. — И подбородок вскинула, значимость собственную подчеркивая. Пришлось отдать. А как отправились к поселению неспешным шагом, так залепетала без скромности и утайки: — Многое мне интересно, неизвестная страдальца, но только дурак не заметит недуги твои. О подробностях расспрошу, как отдохнешь после дороги трудной, но обращаться мне к тебе как-то надобно. Как звать тебя?

— Асфи.

Она хмыкнула, на ходу вперед подаваясь и в глаза беззастенчиво заглядывая.

— Асфи... И все?

Я пожала плечами. Невинность мне как минимум не к лицу, с этим Елрех точно ошиблась.

— Рассвет разным бывает, но таким слабым видеть его мне не доводилось. — Девушка выпрямилась, сверток мой удобнее перехватила, к животу прижимая, и продолжила говорить: — Проклятая земля из кого угодно силы жизненные выпьет, а ты еще и без сапог. Как только выжила, Асфи? И ведь имя наше... Кто дал тебе его? Какая добрая фангра человеческое дитя на воспитание к себе забрала? Это на севере к тому же... Она изгой, или там фангры язык наш помнят? Впервые слышу о таком... Кто она?

— Фангра? — глупо переспросила я, растерявшись от обилия внимания. Долгое одиночество явно испортило мою сообразительность.

— Не отвечай, если трудно, — беспечно отозвалась девушка. — Остановишься у меня, жить будешь, сколько понадобится. Меня Малькой зови. Да не стесняйся, когда потребуется что. Нравишься ты мне, чувства теплые вызываешь, будто знакомы мы с тобой, но я тебя позабыла. Видать, духи добрым знаком тебя помечают, просят угодить.

— Я надолго не задержусь...

— Сколько понадобится оставайся! Обувку тебе подберем. Столько путников после Проклятой земли силы не восстановило, а вещи выкинуть жалко. Там и на тебя чего найдем.

В первый же вечер Малька старосту упросила баню растопить — одну на весь хутор. Меня пустили не сразу, а самой последней.

— Пусть камни прогреются, колкую сухость отдадут, а потом подостынут, — поясняла Малька,

хлопоча по дому и собирая нам вещи в парилку. — И торопить никто не будет, и жар не прогонит. Вставай с перины, Асфи, белье поменяем. Удовольствие же одно намыться, разомлеть, а потом в прохладную кровать забраться. Вот увидишь, сон сладкий тотчас одолеет. Крепко спать будем сегодня. Ты не храпишь?

Я улыбнулась, прислоняясь лопатками к высокому подоконнику, и вдохнула запах трав и томящегося в казане ужина.

— Нет. Только хрюкаю.

Она замерла, зажимая в кулаке простынь и на меня уставившись.

— Хрюкаешь?

— Ага, когда смеюсь. — И улыбнулась шире.

Малька рассмеялась задорно, а потом снова лепетать продолжила.

В бане мы долго не пробыли. Несмотря на убеждения Мальки, что жар спал и температура самая комфортная, я, не пробыв внутри и получаса, едва не потеряла сознание. В себя пришла на улице, повиснув на крепких руках приютившей фангры. Но лечь разгоряченной в прохладную, чистую кровать и вправду показалось высшим благом. Так же, как и очнуться поутру под одеялом, в тишине, тепле, покое.

Малька болтала без умолку, но щебет ее не раздражал, а наоборот после суровой жизни успокаивал и разнеживал. В доме ее, приземистом, с высокими порожками, низким потолком и маленькими окнами, тепло и уют будто навечно поселились. Кормила она меня осторожно: супами, жидкими кашами, мясом только вареным и баловала ягодами. Худобу отмечала постоянно, будто жалела судьбу мою, о которой так ничего и не узнала. С расспросами, как она грозилась при встрече, не лезла, хоть и смотрела с любопытством. Работать не заставляла, хоть сама с зари носилась то к крохотному сараю, то к реке, то к полю за садом. Пожалуй, ее радушие могло без пут удерживать надолго, но я, ощутив близость недавней прошлой жизни, рвалась вернуть все, что потеряла. Тоска росла, сердце просилось к Кейелу, хотело вернуться к тому, в чьих ладонях ему уютнее. Поэтому я пробыла в гостеприимном хуторе два дня, за которые тело окрепло окончательно, а силы чудесным образом, а может, отварами Мальки и ее светлыми пожеланиями, восстановились.

На закате второго дня я вышла во двор. Увидела Мальку, рвущую сорняки на грядке с пряными травами, подошла к ней и сообщила:

— На рассвете уйду.

— Так скоро? — Она сидела на коленях, подложив под себя доску, и смотрела на меня снизу вверх. — Еще оставайся, Асфи. Вижу, что духи милостивы к тебе, и поправляешься ты неслыханно быстро, но оставайся, сил наберись.

Я поджала губы, себя обняла и покачала головой.

— Спасибо тебе, Малька, но мне нужно дальше.

— Упрямица, — выдохнула она. Опустила голову, и челка скрыла добрые глаза. — Сразу догадалась я, что непростая ты. Не знаю, какая сила ведет тебя, но пусть у тебя все получится. Духи любят тебя, они помогут.

— Обязательно помогут.

После заката молодая хозяйка убежала к соседям, взять молока мне в дорогу. Я стояла на крыльце, куталась в шерстяной платок и рассматривала звездное небо. И как язык поворачивался называть его чужим?

Во дворе дома напротив почудилось движение, и я замерла, приглядываясь. Нет, не почудилось... Женщина гелдов, укрытая тенью раскидистой вишни, наклонялась у скамьи и что-то собирала. Вспоминая ее, я направилась на помощь. Перешла колею, разделяющую хутор, словно главная дорога, положила руку на низкую калитку и спросила громко:

— Можно?

Как же ее имя?

Каменная женщина выпрямилась и растянула толстые губы в приветливой улыбке. Посчитав это за согласие, я вошла и приблизилась. Хотела призвать Охарс, но заметила слабое мерцание на земле — редкий гриб тускло светился в темноте голубым сиянием. Присев на корточки, стала ловко хватать рассыпанные куски и закидывать в ведро. Воспоминания внезапно нахлынули лавиной,

будто нашли крохотную трещину и наконец прорвались, превращаясь в безудержный поток.

Сердце сжалось, горло сдавило. Обида ли? Было бы на что обижаться... Сама спрашивала и получала честные ответы, а теперь... Что толку обижаться, будто маленький ребенок из-за несчастного каприза? С одной стороны, это не проблема. Больше — это даже не смешная детская проблема, а с другой — не каждый взрослый сумеет разделить всю печаль открытия безумной правды, от которой горчит на языке, и горечь эта превращается в надрыв под сердцем. «Деда Мороза не существует» — и смешно, и горько одновременно...

— Я думала, умные и мудрые — это одно и то же, — не поднимая взора на Шалгу, произнесла я. — На деле же оказывается, что умные черпают знание о мире вокруг себя, а мудрые слепо блуждают в себе. — Повела плечами, прогоняя вспыхнувшую тревогу. К сожалению, мне не стать прежней, так стоит ли оплакивать потерю? — Лучше быть умным, им живется легче. Ни в чем не сомневаешься и не боишься того, что каждый шаг, открывающий в тебе мир, о котором ты никогда не догадывался, делает тебя глупее и мельче.

Шалга улыбалась, поднимая полное ведро. Поставила его на скамью, а затем развела руки, демонстративно осматриваясь. В ночном полумраке заблестели ее зубы, а на щеках залегли глубокие ямочки.

И чего завелась, Асфи? Потеря-то невелика...

— Шалга говорит, что мир необъятный! — громко пояснила Малька, приближаясь с кувшином. Шалга в этот момент положила ладонь на сердце и устремила взгляд на меня. — Говорит, что тебе полюбить его надо. — И плавный жест каменной рукой, будто смахивает с себя крошки, — Малька перевела: — Тогда легче будет.

Полюбить себя? Я уже через это проходила, и ничем хорошим это не закончилось. С другой стороны, знала ли я себя настолько хорошо, как знаю сейчас? Нет. Кого же я тогда любила?

На рассвете я надела отобранную Малькой одежду. Удивилась, обнаружив среди нее, знакомую «счастливую» косынку.

— Малька, а это зачем?

Она выглянула из кухонки, отделенной от комнаты цветастой занавеской.

— А это... Брата моего. Она счастье приносит.

— Счастье, значит... Спасибо.

— Носи на счастье! — Малька с улыбкой снова скрылась за занавеской и ножом застучала по дощечке.

— Слушай, а много путников через вас проходит?

— Много. Очень много. Особенно, когда Солнце после забытья снова вспоминает, почему север не любит. Алхимики, знахари, торговцы. На сам север не стремятся, но тут в округе ходят. Иногда везет, и редкие семена с севера сюда ветром приносит.

— И многих ты знаешь и помнишь?

— Всех.

— Прямо всех?

Загрелась посуда, заплескалась вода, покачнулась занавесь. Малька повозилась еще немного и, вытирая руки о передник, вышла ко мне. Прислонилась плечом к деревянному столбу, обвитому веревочками и увешенному под потолком травами.

— А тебе зачем? — спросила.

— Ищу кое-кого. Кейела знаешь? Вольный. Он сначала на север ребенком...

— Асфи, — нахмурившись, перебила меня Малька. — Через нас разве что правители не проходят, а так разных хватает: от исследователей до головорезов. Мы со всеми путниками обходимся доброжелательно, и уважаем их тайны. Многие из них воюют между собой, или одни ловят, а другие убегают. — Покачала головой. — Никогда не ставь друзей в такое положение, как только что поставила меня. Уважай нас, и наш кров всегда будет рад тебе.

Даже объяснять не стоит, что мы с Кейелом не враги друг другу, — кто в здравом уме поверит путнице на слово? Поклясться духами? Тем самым лишусь обычного доверия, а затем раз за разом

буду связывать себя клятвами, как вечная врунишка. Проще жить по правилам нового дома.

— Извини, — пробормотала я, не смея больше поднимать тему о Вольном.

Не желая привлекать ненужное внимание, я все же обула удобные сапоги. Накинула легкий плащ с капюшоном и, заменив палку и сверток на увесистую заплечную сумку, отправилась к священному кольцу региона Цветущего плато.

Очередной путь через леса и луга казался прогулкой, немного утомительной, совсем чуточку опасной, но необходимой и нисколько не трудной. Дни сплелись в вереницу однообразных событий: подъем до рассвета, часовой привал во время солнцепека, обустройство ночлега на закате, ранний ужин и сразу отбой. Урвать лишние несколько минут я старалась перед отдыхом, а не с началом нового дня. Это казалось правильным. От такого режима больше пользы.

Степные луга остались далеко позади, а меня окружал лес, заполненный пестрыми ароматными цветами, журчащими ручьями на каждом шагу и еще более шумящими водопадами, потоки которых искрились под солнцем, словно бриллианты. До священного кольца, если меня не подводила память, оставалось не больше дня пути. Я вышла из тени высоких деревьев, осторожно подступилась к краю обрыва и окинула взглядом пейзаж. Зеленые кроны вдали упирались в знакомые очертания плато, но я знала, что это лишь игра пространства и горизонта. Между лесом еще лежит цветочный луг, а за ним — роща. Немного в стороне, за каменными уступами, в озеро падает вода. Именно у того рокочущего водопада во время праздников проводят различные ритуалы.

Я улыбнулась, собираясь продолжить путь сразу к священному кольцу, но сердце... С ним происходило что-то необычное — оно стучало быстро, но осторожно, будто трепетало, ожидая от Цветущего плато какого-то чуда. Прикушенная губа отозвалась болью, и я облизала ее, сглотнула, но пересохшее горло не смягчилось. Обитель звала меня, и этому сладкому зову невозможно было противостоять.

С приближением к плато, будто подгоняемая невидимой силой, я ускорялась. В итоге с первыми звездами стояла у подъема, жадно дышала и старалась не сорваться на бег. Вспоминая Волтуара и беспокоясь за наше с ним будущее, повязала на лицо серую косынку и накинула капюшон. Благо под вечер регион охватила легкая прохлада, и плащ не казался нелепым. Надеюсь. Еще надеюсь, что сила не потащит прямиком во дворец, чтобы указать мне, какой идеальный мужчина способен меня полюбить.

Поднимаясь на плато, я боролась с сердцебиением, пыталась успокоить его дыханием и светлыми мыслями. Вот только от глубоких вдохов и выдохов закружилась голова, а цветочный аромат, казалось, осел плотным осадком на языке и носу и теперь его не соскresti. Мысли тоже нельзя было назвать светлыми. Я останавливалась несколько раз, разворачивалась, немного спускалась и готова была разрыдаться от бессилия, когда опять поднималась. Ничего страшного не случится. Необходимо просто идти до манящего источника, а потом... Что потом, Асфи? Что так манит тебя в этом городе, Вестница?

Вдруг там Кейел, и я чувствую его... В такую сказку хотелось верить. Такая сказка подгоняла лучше всякого нездорового сердца.

А если зов все-таки приведет к Волтуару?

Я снова остановилась, схватившись за горло и тяжело дыша. Передо мной расстилались широкие ступени — последний подъем на плато, а потом дорога до развилки: влево — в город; вправо — во дворец. Куда я приду?

До развилки шла, сгорбившись и глядя под ноги. Прислушивалась к себе, ждала развития событий, как приговора. Жалась к обочине, едва удерживаясь, чтобы не сбежать в густые заросли азалии. Шарахалась встречных путников, но им вроде и дела до меня никакого не было. Да и откуда ему взяться?

Завидев развилку, долго топталась на месте. Серп луны успел завоевать небо холодным светом, ветерок заиграть листвой и тенью под кустами, а я все никак не решалась продолжить путь. Сердце по-прежнему беспокойно билось, согревало в груди, будто я и впрямь стола перед Кейелом. Вот только вместо него передо мной застыла неизвестность. Руки тряслись, потели, отчего прели в перчатках; спазм никак не отпускал горло, а в нем жилка стучала неутомно, резко, сильно.

Успокойся, Асфи. Не позволяй физиологии влиять на ум. Соберись! Если желание потащит ко дворцу — развернись и сбеги, а если в город... Вдруг там в самом деле Вольный, и духи ведут тебя к нему? При этой мысли, словно от правильной догадки, жар вспыхнул в груди, придал силы и немного уверенности. И это наверняка на меня влияли извне — подталкивали, вели, тянули за ручку. К моему Вольному...

На развилке сильнее закружилась голова, по ногам прокатилась слабость, а затем обратилась твердым стержнем, который выпрямил колени и заставил шагнуть налево. До города мчалась так, будто за мной гналась смерть.

— Повезло вам! — сообщил у небольшой двери эльф. — Последнюю ночь двери открытыми держим, а с рассвета к старому режиму возвращаемся. Впускать будем только до смерти Солнца.

— С чего вдруг так широко гостям двери распахиваете? — поинтересовалась я, стягивая повязку с лица и улыбаясь. И ведь даже не попросили гильдейский знак предъявить, только в сумку заглянули.

— Так Аня два села навестила... — Стражник голову опустил, насупил и, молча сумку мне протянув, махнул на дверь. — Пусть духи будут милосердны к вам. Не создавайте проблем в городе.

— Не буду.

Через главную улицу, по узким закоулкам, по брусчатке и щебню — я мчалась к таверне, не столько ориентируясь по памяти, сколько по зову. Он точно исходил оттуда, из той таверны. Не оглядываясь на оклики и смешки наемников, я проскочила широкую дорогу и остановилась перед знакомым двором. Скисший запах тутовой ягоды забрался в нос, сильнее возбуждая и пробуждая память. Сердце загрохотало в ушах, казалось, кровь обожгла вены.

Этот район города принадлежал наемникам и отбросам. Именно в этой таверне мы с Кейелом остановились перед побегом. Если не он ждет меня внутри, то кто?

Тропинка была усыпана переспевшей ягодой, отчего ноги скользили. На крыльце шаги отдавались неприятным скрипом и пугающим эхом, звучащим где-то внутри меня. Мужики сидели за столом и играли резными костяшками. Когда деревянная ручка обожгла руку сквозь перчатку, рядом взорвался хохот. Я вздрогнула, едва не отскочила. Игроки отвешивали шуточные оплеухи проигравшему и требовали выполнять условия спора. Меня это никак не касалось, но атмосфера вокруг настолько размылась и отдалилась, что ко всему происходящему приходилось с усилием присматриваться и прислушиваться. Однако даже так уловить почти ничего не удавалось, все внимание оттягивал на себя зов. Он щекотал нутро, бодрил, пугал и сводил с ума. Я знала, что источник за дверью. От входа направо и до самой стены.

Не желая мучить себя неизвестностью, я рывком открыла дверь. Переступила порог шумного заведения, поморщилась от спертого воздуха, вони пота, браги, подгоревшего ужина и неумолкающего гула. Шагнула вглубь, рассматривая колоритных посетителей. Дверь захлопнулась за спиной, мужики покосились на меня с любопытством, но с шуточками по каким-то причинам не лезли и глаза отводили, избегая прямого взгляда. Может, зря капюшон сняла? Кажется, я пугаю своим видом даже васовергов. Хотя нет, эта парочка, сидящая у входа, страх не выражала, просто оценила беглыми взглядами и потеряла ко мне интерес.

Между мной и источником осталась пара метров. Я остановилась, разглядывая собравшихся за столом. Эльф со шрамами на лице и сальными волосами держал кружку двумя руками и не отрывал пустого взгляда от грязной столешницы. Рядом с ним улыбался человек, демонстрируя дырку вместо переднего зуба. Напротив него, прямо возле меня, развалился темноволосый шан'ниэрд — эти рогатые разумные даже в ужасных условиях выглядят превосходно. Последние двое неотрывно смотрели на рыжеволосую девицу. Она упиралась руками на край стола, смеялась громко и, судя по тону голоса, заигрывала сразу с двумя. Обтягивающие брюки, заправленные в высокие сапоги, как нельзя кстати подчеркивали округлые изгибы пятой точки и сильные ноги, а короткая зеленая куртка демонстрировала тонкую талию, но при этом с отчетливо прорисованными мышцами.

От эльфийки ждешь изящества, утонченности и... хоть немного загадочности в поведении? Если только она не дочь виксарта и чокнутой мамочки, готовой экспериментировать на собственных детях.

Я повела плечами, чувствуя, как слабеет зов. Наконец-то, можно вздохнуть спокойно. Можно ли? Что, духи Фадрэгоса, происходит? Какого черта творится?

Снова прислушалась к ощущениям и под громкий хохот Вайли поежилась. Ошибки быть не может — передо мной моя Вольная.

Глава 3. Бывших Вольных не бывает

— Вайли, — громко позвала я, врезаясь в разгар кокетливой беседы.

Девчонка бойко взглянула на меня, оценила, хмурясь едва заметно, волосы поправила. И вот была серьезность на лице — а вот ее уже нет. Будто привиделась. Полуулыбка и легкая заинтересованность цвели на нем, словно это не эмоции, а самый настоящий образ жизни.

— Уделишь мне внимание? — склоняя голову к плечу, спросила я.

— А может, тебе и вечер подарить? — Насмешка в мелодичном голосе отвесила пощечину.

Встряхнуть бы тебя за грудки, идиотку! Будто этот разговор мне нужен, а не тебе! Ради кого рискую, показываясь в этом регионе?! Стараясь не сжимать кулаки и удержаться на месте, я с трудом загасила вспышку гнева.

— Можно и вечер. — Выдавила из себя улыбку и подмигнула, добавляя игривее: — Не откажусь.

За столом слышались басовитые хохотки, а Вайли округлила глаза.

— Третьим возьмете? — любопытствовал шан'ниэрд.

— И я б не отказался, — поддержал его дружок. — В таком деле много не бывает.

Вайли тряхнула волосами и с усмешкой спросила:

— Кто ты?

— Какая разница, кто я? — огрызнулась с удовольствием. — Важно, кто ты. Нам нужно поговорить. Наедине.

У притихших мужчин сползли предвкушающие ухмылки. Вайли выпрямилась, скрестила руки на груди и с прищуром осмотрела меня с ног до головы. В янтарных глазах плескалась неприкрытая настороженность. Однако через мгновение Вольная скривила пухлые губы, выгнула бровь и выдвинула условие:

— Угостишь меня ужином.

Мышцы лица задрожали, но мне удалось не скривиться, а улыбнуться. Ни гроша в кармане, а найденные в дороге вещи продать не успела.

— Хорошо, — согласилась, изображая беспечность, — идем.

Прав был Кейел: не Вольная, а наказание.

По пути к свободному столику несколько раз оборачивалась, убеждаясь, что наглая эльфийка следует за мной. В такие мгновения она перехватывала мой взгляд и улыбалась шире. Когда уселись друг напротив друга, я склонилась над столом и поманила Вайли к себе. Чего ждать от нее не представляла, поэтому приходилось обдумывать каждое слово.

— У меня есть для тебя мм... информация.

Вот только я не поняла еще, какая... Но что-то же привело меня к тебе, притащило буквально.

— Информацией сыт не будешь. — Она откинулась на спинку скамьи, скрестила руки на груди и, лениво озираясь, сделала вид, что ей скучно.

Зубы неприятно скрипнули, и звук отдался раздражением в голове, пульсацией в висках. Спустив руки под стол, я сжала кулаки. Хотелось вытереть выступивший пот со лба, но я не позволила себе продемонстрировать слабость.

— Вайли, — снова подозвала, и она нехотя облокотилась на стол, — налички у меня нет, но если сможешь кое-что продать, заработаешь не только ужин.

Наконец ее удалось заинтересовать. Она нависла над столом ниже и вытянула шею, вглядываясь в сумку, которую я приоткрыла.

— Интересный кинжальчик. Где таким обзавелась?

— Там, где его уже нет. Если бы могла, то вернула бы обратно, но мне бы сегодня на ночлег тут остановиться, самой поужинать и тебя покормить. Нужда иногда диктует совести заткнуться.

И зачем оправдываюсь? А главное — перед кем.

Вайли продемонстрировала мне два ряда безупречных зубов. Пожалуй, к маленькому изъяну можно отнести лишь удлинённые клыки, доставшиеся от папаша.

Сцепив руки в замок, она сделала заманчивое предложение:

— Отдашь его мне, и я оплачу тебе ночь в таверне и нам ужин.

Кинжал, найденный в драконьей кормушке, наверняка стоит безумно дорого. Уж не знаю, чей труп я обчистила, но, можно сказать, в каком-то роде мне повезло. Опустошив флягу, я сразу обмотала ее тряпками и решила продать в Обители гильдий, а вот кинжал сначала сильно недооценила. Только позже, когда немного отогрелась у первого костра, сумела рассмотреть и высококачественные ножны, и изящную рукоятку, и вкрапления в металле. Они очень напоминали кость — гладкие, белесые, с еле заметными полосами текстуры. Позабить кинжал Елрех, который не один раз спасал нам жизнь, было бы стыдно. Наверняка можно продать его дороже, чем флягу, но проблем с ним точно выйдет не меньше.

— Ладно, — выдохнула я, закрывая сумку и придвигая ее ближе к себе. — Договорились. Но сначала ты выполнишь свою часть сделки.

Долго эльфийку уговаривать не пришлось. Уже через миг она поднялась и вызывающей походкой продефилировала к стойке. Поговорила с одноглазым эльфиором, получила от него ключи и, разворачиваясь обратно, поманила за собой разносчицу. Довольный вид темноволосой девушки кольнул ревностью — это ее Кейел обхаживал на лестнице прямо на моих глазах. И это она была счастлива получить от него кошель и приглашение в комнату на углу. Однако ту ночь он провел со мной...

Ревность схлынула. Я облегченно выдохнула, но сразу же нахмурилась. Кейел... Я нашла Вольную, с которой ощущаю необъяснимую связь. Надеюсь, мне не придется волочиться повсюду за Вайли, потому что в мои планы это никак не вписывается.

Вайли плюхнулась за столик, бросила мне ключи, без заминки надиктовала молодой разносчице немаленький заказ и не забыла распорядиться, чтобы мне в комнату принесли горячей воды. Это было щедро. Это было настолько щедро, что я невольно пожалела о сделке. Насколько же я продешевила с кинжалом?

— Вынуждена тебя предупредить, — произнесла Вайли, как только мы остались вдвоем, — девушки меня не возбуждают. Тем более с таким взглядом.

— А парни?

— Они тоже.

Неудивительно, с учетом, что она ведет себя, как нахальный подросток. Наверное, нужно было изумиться откровенности и прямолинейности, но усталость от дороги и неисчезающих загадок не позволила.

— Тогда зачем наперед забегаешь? Но это и не важно, я не за этим тебя позвала.

— Вот как, а мне показалось...

— У тебя ведь духов нет, — перебила я, стараясь прощупать почву для более серьезного и необходимого разговора. Забарабанила пальцами по столу и отвела взгляд.

Вестницы знают тайны, которые берегут для кого-то определенного. Сколько раз я видела во снах, как Ил осаживала Аклена, напоминая, что какая-то тайна ему не предназначена. Вполне возможно, что прямо сейчас я должна рассказать Вайли то, что предназначено ей. Но что именно? Где же та сила, которая сковывала горло и давила из меня пугающие слова, напоминающие предречения?

Вайли тем временем нахмурилась и уже откровенно смотрела на меня с враждебностью.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, положив кулак на стол. — Кто ты?

— Ужин несут, — кивнув ей за плечо, предупредила я.

Вовремя. Я так и не разобралась, права ли в своем предположении, потому что отвлекают мысли о Кейеле. Мало того, что он вовсе не мой Вольный, так еще и я самая что ни на есть Вестница. А помогая сейчас Вайли, не превращаюсь ли я автоматически во врага Кейела? И выходит, меня никто не собирался выпроваживать из Фадрэгоса? Мать вашу, да что тут опять творится?!

На стол в напряженном молчании опускались заваленные яствами тарелки и миски. Блестящие

лепешки, овощная нарезка, плов из местных злаков, запеченное мясо под свежей зеленью и кольцами лука, яичница с колбасой, драники из местного овоща, напоминающего тыкву, чебуреки, куски пирогов с разной начинкой, холодные закуски, даже большие мидии под каким-то рыжим соусом, сметана. Кувшин с вином, две кружки пива и бутылку с компотом принес одноглазый эльфиор. Он с трудом уместил еще и пустые кружки рядом с кувшинами, окончательно заставляя стол, а я в очередной раз пожурила себя. Сильно же продешевила. От собственной глупости, нетерпеливости и вопиющей несправедливости даже аппетит пропал.

— Что не так с моим взглядом? — спросила, стягивая перчатки и заталкивая их в сумку. Капризы организма не должны повлиять на здоровое питание. Выносливость мне необходима, как воздух.

— А? — растерялась Вайли, явно не ожидая такой резкой смены темы. — А, это. Ты давно на себя в зеркало смотрела?

— Не особо. Помню, что сердце от испуга не останавливалось. Насколько все плохо?

На эльфийку я глаза не поднимала — перебирала блюда, приглядывалась то к румяным мидиям, то к плову. Самое настоящее пиршество, но, как оказалось, совершенно не прельщающее ни видом, ни ароматами. Миска с пловом стояла ближе, поэтому я стала накладывать в тарелку его.

— Я не знаю из какой ты гильдии, наемница, — тише произнесла Вайли, будто опасалась говорить мне правду. И этим все-таки вынудила меня оторвать взор от пищи, а через мгновение я по настороженному лицу Вольной убедилась — она как минимум остерегается: следит за моими руками, следит за каждым движением. — Не знаю, кто твой верховный, но, видимо, он... очень грозный. Или у тебя своя гильдия?

Любопытный взгляд Вольной переместился на мою шею, обмотанную косынкой, мазнул по груди, но и там все было скрыто. Значит, гильдейский знак на воротах не просили, думая, что он просто спрятан под одеждой. Спрятан под одеждой грозной наемницы... Не хотели злить ту, кто и так был не в духе, а отделались лишь брошенной невзначай просьбой не создавать в городе проблем. Вот значит, как я теперь выгляжу со стороны.

— Я не наемница, Вайли.

— Да? — Она прищурилась. — Тогда, кто? Убийца? Ваши гильдии законны только в Васгоре и на землях виксартов. Если я укажу на тебя стражам...

— Я не убийца.

— Нет? — Она заметно расслабилась, выдохнула и снова завалила бестолковыми вопросами: — Тебя ко мне зачем-то послал мой отец? Что ему понадобилось? Или он перешел твоей гильдии дорогу своей войной? Ты должна знать, что мои родители... малость необычные. Они палец о палец ради меня не ударят.

— Даже Кхангатор?

Она рассмеялась. Без сомнения, горько рассмеялась. Надо же, а я была уверена, что папаша из-за ее смерти спалил пол-обители. Или Кейел его не так понял?

— Вайли, я тут, чтобы помочь тебе. И с Кхангатором я никак не связана. Ни с ним, ни с твоей мамой. Я тут по другой указке.

— По чьей? — Она хмыкнула недоверчиво.

Лучше сказать правду и действовать дружелюбно — такая тактика приносит меньше вреда.

— Пусть мой ответ покажется тебе странным, но я толком ничего не знаю. Помогите разобраться. Мне кое-что известно о тебе. О твоей крови...

Бум! Я прикрыла глаза и надавила пальцами на висок.

— О твоей маме...

Бум! Облизала пересохшие губы и постаралась дышать глубоко, спокойно.

Воспоминания раскрылись веером, превратились в колоду карт. Выбирай любую, фокусник, и строй мысли, как карточный домик. Только не забудь разрушить предыдущий, в котором ты видел настоящий крепкий особняк.

— Что? — Голос Вайли прорезался в сознание, заставил открыть глаза. Сама Вайли поежилась, но подалась вперед. — Почему у тебя такой вид, будто убить меня хочешь? Должна тебя предупредить, полоумная человечка, что я потрясающе владею любым оружием.

— Они хотели, чтобы мы помогли ему.

Она прищурилась и голову в плечи втянула.

— Кто? Кому помогли?

Я отодвинула тарелку, но свободного места все равно оказалось недостаточно. Мимо проходили пыльные, уставшие путники, и я предложила им нарезку и драники, мужики не отказались. Попытались напроситься в компанию к «добрым девам», чем разозлили. Кажется, что-то и вправду произошло с моим взглядом, раз только от него шутливое настроение у наглецов развеялось. Они извинились, вежливо поблагодарили меня за угощения и отправились своей дорогой, чем мгновенно усмирили злость. Осталось лишь раздражение от понимания, что Повелители меня использовали.

Наконец на стол можно было облокотиться, и я с радостью воспользовалась этим. Склонилась над ним, поманила к себе Вольную и зашептала громко:

— Итак, Вайли, духов у тебя нет и, насколько помню, миссии тоже. Кивни, если все верно.

Она кивнула. Отлично. Можно тянуть следующую карту и аккуратно прислонять к первой. Если не рухнет от неосторожного выдоха, значит, крепкий клей сцепил края. Духи Фадрэгоса, неужели в этот раз все пазлы сложатся? Сколько же мне пришлось вынести ради белобрысого уroda?

— Я та, кто даст тебе миссию, Вольная. Только не смей перебивать меня, — выставив ладонь перед ее приоткрытыми губами, предупредила я. — Если спрошу, только тогда откроешь свой рот. Без обид, но мое время дорого стоит, и я не собираюсь с тобой нянчиться, ты поняла?

Она нахмурилась, окинула таверну быстрым взглядом, будто искала тех, кто, в случае опасности, поможет убить чокнутую девушку. Удовлетворившись видом крупных васовергов, вернула внимание мне и твердо кивнула.

— Слышала, что Повелители зачастили в Фадрэгос?

— Слышала. — Короткий ответ — и сжатые губы.

А она не так глупа, как хочет казаться.

— Это дело рук твоего врага. Он живет на севере, родился изгоем. Он балкор.

На ее лице и мускул не дрогнул. Ну да, она же Вольная, воспитанная виксартами. Откуда в этой неправильной полуэльфийке взяться ненависти к балкорам?

— Его зовут Десиен, он занимает должность городского защитника и пользуется всеобщим уважением. Насколько я поняла, у него самого нет сил, чтобы истончить грань мира, но они нашлись у эльфийки. Он собирается взять ее в жены, а может, уже взял. Не представляю, пригодятся ли тебе знания о ней, но парой слов опишу ее. У нее нет крыши.

Вайли свела брови домиком, и я, облизав губы, перефразировала:

— Она сумасшедшая. Видит то, чего нет. Но, к сожалению, кроме недуга, у нее есть ведьмовские силы. И в руках Десиена эта бедная эльфийка превращается в безмозглый инструмент.

Карты все же склеиваются...

— Зачем он это делает? — Она приблизилась ко мне еще и шепотом уточнила: — Что значит, истончает грань мира?

— Позволяет Повелителям войти в Фадрэгос проще.

Вайли поморщилась.

— Зачем ему Повелители?

— О, — ухмыльнулась я, чувствуя горечь, обволакивающую сердце, — эта часть из прошлой жизни балкоров самая интересная, но очень длинная. Я постараюсь обойтись без эмоций и кратко, но если будет время, обязательно поинтересуйся подробностями. Они очень... пронзительные, Вайли. Хотя ты Вольная. Вряд ли тебя так глубоко тронут чужие проблемы. Но если захочешь узнать сильные чувства, те, от которых... — Я повела плечами и посмотрела на вино — его еще надо наливать. А вот пиво налито. Отхлебнула немного, покатала на языке, подбирая слова тому, что переживала с балкорами в видениях. Духи Фадрэгоса, разве можно описать их трагедию одним словом? Легче обойтись сухими фактами: — Помнишь из-за чего эльфы возненавидели балкоров?

— Да. — Ее уши дрогнули, а она, будто потеряла интерес к моим словам, стала рассматривать посетителей за соседним столиком и мять лепешку в руках. Думает, что я несу ересь. Оно и понятно. Если бы раньше ко мне кто-то пришел, и так же рассказал о том, что меня ждет в жизни, я бы вызвала горе-предвестнику неотложку. Вайли бросила лепешку на край тарелки, тоже отпила пива и добавила с печалью в голосе: — Кажется, мама рассказывала мне эти легенды до того, как меня потянуло учиться бою и исчезли эмоции. Я помню эту историю, но думала, что балкоры давно остались в прошлом.

И все же я ошибаюсь в ней. Может, если кому-то и суждено спасти Фадрэгос, то именно такой девушке, как Вайли? Неправильная Вольная, лишённая всякой любви. У нее не было даже духов... А еще — рано в эльфов вкладывают ненависть к балкорам. Неудивительно, что потом они воспринимают ее за расовую.

— Балкоров немного, но они до сих пор живы. — Тряхнув головой, я отмела лишние воспоминания и продолжила: — Хорошо. А тебе рассказывали, как балкоры спаслись?

— По-моему, принесли клятву соггорам.

— Верно. И именно эту клятву Десиен стремится разорвать. Ему нужно какое-то эльфийское прощение и... — Духи Фадрэгоса, как же хочется расхохотаться над собственной близорукостью! Но, пожалуй, хватит и усмешки, чтобы окончательно не вспугнуть недоверчивую Вольную. — И уникальная кровь.

Рвущийся хохот пришлось запивать пивом. Когда я снова взглянула на Вайли, она скалилась, уставившись на свое запястье и поглаживая его.

— Десиен не знает, что ему нужна ты, Вайли, — протянула, вода подушечкой пальца по кромке кружки. — Отчаянный балкор даже не догадывается о твоём существовании.

И это тоже безумно смешило. Он вызвал меня в этот мир, думая, что я его жертва. Он едва не убил в той чертовой землянке Вестницу, которая теперь услужливо отправляет к нему истинную жертву! Он убьет Вайли, выпустит ей кровь! Пустит девчонку на ритуалы, как мелких зверьков, которых убивал, чтобы призвать меня! И что я делаю?.. Я — та девушка, которая несколько лет назад... Несколько лет назад? Я даже не понимаю, когда умерла и переродилась совершенно другой. Другой, потому что Аня Сорокина ни за что не отправила бы на жертвенный алтарь, по сути, сироту, толком не пожившую, не испытавшую чувства первой любви, возможно, настоящего счастья. Что же я делаю сейчас, отдавая жизнь Вольной в руки ублюдка, к которому никогда не питала симпатии?

Напиваюсь.

Кислое пиво, которое толком не пенилось, растекалось прохладой по горлу, кружило голову и туманило рассудок.

— И что он будет делать с моей кровью?

Я отняла кружку от губ, вытерла их ладонью.

— Не знаю. — Пожала плечами, стараясь удерживать на лице маску равнодушия. И все же рассматривая пусть и не самую красивую, но в чем-то приятную эльфийку, добавила немного правды — это все, чем я могу помочь себе и ей: — Но не удивлюсь, если твоей крови понадобится так много, что от тебя останется только труха. И, скорее всего, для Десиена нет никакого значения, где она прольется, иначе он был бы осторожен с Повелителями.

— Что ты хочешь сказать? Что он уничтожает целые поселения в надежде убить меня?

Вообще-то, сначала все делалось ради того, чтобы призвать меня, а теперь — чтобы убить... тоже меня. Но...

— Ему нужна ты, Вайли. Мертвой. Именно ты.

В этом нет никаких сомнений, иначе почему наша с ней связь слабеет с каждым моим оброненным словом? Или действует пиво.

— Ты говоришь так, будто отправляешь меня не убивать его, а позволить ему прирезать себя. — Вайли скривилась, словно я разом обратилась в гниль и порчу ей аппетит своим присутствием. Впрочем, не так ли это?

Злость в этот раз вскипала медленно. На себя. На Десиена. На его желания, которые невозможно осуждать. На упрямую Вайли — ведь я попросила ее только отвечать на вопросы, а не задавать их. Как чувствовала! Ее чертovy вопросы вызывают ненужное сочувствие! Хватит! Я уже мирилась с

ужасным чувством вины и не собираюсь проходить через это заново!

— А я и не отправляю тебя убивать его, — призналась.

— Что? — Вольную перекосило.

В груди все же заняло неприятно. Как оправдать собственную жестокость по отношению к девочке, сидящей напротив? А почему меня вообще должна заботить ее судьба? Может быть, это и моя Вольная, вот только я ни разу не Ил. Да и та сумела спалить своего возлюбленного. Своего Вольного. Вольный... Я пережила множество кошмаров, чем сполна отплатила за право жить в Фадрагосе. Теперь пришел черед Вайли, чтобы мне было, где жить. Чтобы фадрагосцы не лишились своего мира. Чтобы у Кейела было небо над головой.

— Я не твоя мамочка и не твоя сестричка, Вайли. Я не буду подтирать тебе сопли. Загляни в прошлое и найди способ проникнуться горем балкоров, а потом...

Потом... Янтарные глаза прищурены, но могли бы смотреть на мир с восторгом; полные губы созданы, чтобы улыбаться, как улыбаются все, кому выпало счастье быть живым; на щеках, немного тронутых загаром, вполне мог бы вспыхнуть румянец застенчивости — Вольная сама недавно призналась мне, что ни разу не испытывала тяги ни к женщинам, ни к мужчинам. Кейел по-своему любил ее...

Я снова приложилась к пиву; руки дрожали, и кружку приходилось стискивать, чтобы она не выпала.

— Что потом? — едко вклинился в мое пьянство вопрос.

Я отставила потерявшую вес кружку и выбрала себе бутерброд из холодных закусок. Принюхиваясь к неизвестному мясу на нем, произнесла незаинтересованно:

— Выберешь: убить, или быть убитой.

— А может, я не хочу умирать! — прошипела Вайли, обдавая теплом мое лицо.

Я взглянула на нее. Наконец-то, хмель подействовал, и теперь, несмотря на близость, черты лица будущей жертвы расплывались.

— С чего ты взяла, что мне не все равно? Он уничтожит Фадрагос, пока ты упрямишься. И смею напомнить тебе, кто ты есть, Вольная.

Она помедлила с ответом, позволяя в тишине откусить бутерброд и попытаться ощутить его вкус.

— У меня даже нет покровителей, — растерянно прозвучал голос.

— Но что-то же у тебя есть, — с набитым ртом отмахнулась я. — По какой причине духи избрали тебя, Вайли? Может, им понравилась твоя кровь, как думаешь?

Связь растаяла, будто никогда ее и не было. Я даже не смогла бы вспомнить чувства, которые вызывал у меня зов. Прямо отлегло от сердца. И над столом в кои-то веки нависла приятная тишина, позволяющая мне нормально поесть, а еще подумать над своей судьбой. Карточный домик внезапно превратился в крепкий особняк. Вот только обустроить его — не моя задача. Десиен — враг Вайли, пусть она с ним и разбирается, а мне необходимо понять, кто теперь враг Кейела. Духи Фадрагоса, что опять учудили светлые Повелители? Но чего бы они ни придумали, кажется, в этой жизни мне тоже не позволят заскучать.

— Слушай, Вайли, — обратилась я к эльфийке. Она без аппетита ковырялась ложкой в полупустой тарелке, — а как мне найти Кейела?

— Кого? — недовольно поинтересовалась, даже бровью не шевельнув.

Нет уж, девочка, я тебе твою судьбинушку на тарелочке преподнесла — хоть ты этому и не рада, — и благодарность в виде небольшой награды все-таки заслужила.

— Ке-йе-ла. Вас с ним вместе Кхангатор обучал. Он человек и тоже Вольный.

— Ха! — выпалила Вайли, растягивая улыбку. И откидываясь на спинку скамьи, швырнула ложку на стол и спросила с заметным облегчением: — Так ты и про северного защитника наплела? Какая же ты спятившая мразь! Или про меня сплетен наслушалась, накурилась чего и сюда приперлась? А я-то поверила уже, думала, что все — добежалась. Вот он знак свыше, да только не тот, который...

Сердце ухнуло. Глаза заслонила красная пелена. Во рту пересохло. Кровь забарабанила в висках. Пронзительный звон оглушил.

Не будем отходить от них ни на шаг. Не растают же они прямо перед нами.

К горлу подступила тошнота. Тело пробрала дрожь. Влажное тепло щеки под носом, дотекло до губы, привкусом соли и железа потеснило кислятину пива.

Главное, сердце ему не дари.

Слабость промчалась по ногам. Ледяной озноб охватил тело, сковал легкие, оборвал дыхание.

Бывших Вольных...

Злость — моя сила.

Жар вспыхнул внутри. Я вскочила на ноги. Сквозь настойчивый звон в ушах пробился грохот разлетевшихся тарелок. Пальцы нащупали крепкую ткань воротника чужой куртки. В плечах и животе напряглись мышцы, натренированные на севере, и ощутили вес чужого тела. В глазах, наконец-то, проступили очертания окружающей реальности. Сердце колотилось. Я не справилась с оскалом и рыком, меньше всего напоминающим выдох. Испуг в широко открытых глазах Вайли удовлетворил — в ближайшие секунды, пока девчонка растеряна, она не посмеет мне врать.

Пусть только попробует...

Слова, греющую душу, заструились сами собой:

— Он Вольный, удерживающий в страхе других Вольных. Он тот, за кем тянутся дурная слава, река из крови и смерть. Тот, кого все презирают из-за расы и происхождения. В нем нет чести. Его воспитывал твой папаша и презираемые вами северяне. Ке-йел. Повторяй за мной! — потребовала, глядя в янтарные озера дикого ужаса. — Ке-йел.

Воротник заскрипел в кулаках, швы затрещали. Ноющая боль появилась у позвоночника, но не заставила меня отпустить Вольную. Никто не заставит! Буду держать навесу лживую эльфийку столько, сколько понадобится. Если потребуется, не оставлю живого места на ней, но выбью правду.

— Повтори! — Я трянула ее.

— Ке-йел, — прохрипела она, вытягивая голову.

Завязка рубашки впивалась в тонкую шею, мешая ей вдохнуть. Это только мне на руку.

— Умница, — прошептала я в бледные губы. Полная тишина, накрывшая таверну, не оставляла шансов никакому длинноухому притвориться глухим. Показалось, что кто-то прокрался к двери и выскочил на улицу. Но меня интересовали не трусы и слабаки, а лишь один человек. — Где мне найти Кейела, Вайли?

Она затряслась, сглотнула и потянула мои запястья. Сколько бы силы в этой полукровке ни было, но мою ярость не сдвинуть так просто. Я поддалась, позволяя ей вдохнуть, и она, зажмурившись крепко, выпалила:

— Духами клянусь, наемница, я слышу о нем впервые.

Глава 4. Аспиды

Перемещения между священными кольцами позволяли набраться сил, чтобы преодолеть небольшой путь от тех, которые не вели к нужному пункту. Почти, как метрополитен, если разобраться. Стена Обители гильдий ошетибилась передо мной неприступным частоколом поздней ночью, когда звезды сияли ярко и неустанно. Ворота были наглухо закрыты, а стоило приблизиться к ним больше чем на два метра, как предостерегающе вспыхивали охранные духи. В поселении, раскинувшемся перед городом, стояла сонная тишина, и только из рощи неподалеку доносились бодрые тьяканья, уханье и стрекот. В нее я и направилась, чтобы дожидаться рождения Солнца.

Конечно, можно было бы потревожить стражу, пойдя наперекор духам, но лишнее внимание мне точно не на руку. Ночной визит может встревожить, да и куда я пойду посреди ночи? Нужно быть осторожнее и выглядеть дружелюбнее. Пусть Вайли и не знакома с Кейелом, но это не значит, что его совсем никто не знает в главном городе Фадрэгоса. Как говорил безымянный наставник? Если я использую Сердце времени, то изменится судьба лишь тех, с кем тесно переплеталась моя. Как-то так, кажется. В любом случае спешка не даст мне ровным счетом ничего, а только, вполне возможно, распугает тех, кто хоть что-то знает о моем Вольном.

В той жизни Кейел появился на моей дороге хотя бы потому, что должен был познакомить меня с Вайли. Или с ее сестрой... Именно Айвин рассказала мне об экспериментах их мамы над собственной дочерью, рожденной от страшного, но выносливого виксарта. Я должна была узнать, что Вайли носитель уникальной крови. И должна была услышать ее откровение о том, что она ждет знака свыше, ведь у нее никогда не было никаких духов, которые указали бы ей путь и дали миссию. Теперь же я, Вестница, рассказала тайны, которые были необходимы Вольной. Невидимая связь, обострившаяся на подходе к Цветущему плато, исчезла, вот только это не все. Босые ступни до сих пор не чувствуют разницы между острыми камнями и ласковым травяным ковром. Значит ли это, что тайны рассказаны не все и не всем? Хотелось надеяться.

Как только заря тронула небо и разогнала туманную дымку над городом, я вскочила на ноги с прохладной земли и поспешила к воротам. Мне хватило нескольких дней странствий, чтобы осмыслить пугающие слова Вайли, взять себя в руки и найти новые задачи. Хватило времени и на то, чтобы составить их решения, в итоге теперь оставалось только действовать и получить результат. Мало найти Кейела — необходимо встретиться с ним готовой ко всему.

Голубые духи невесомо оплетали ноги и руки, будто пробовали меня на вкус. Не ластились, но и не прогоняли — всего лишь проверка.

— Кто идет? — гаркнули с крохотного окна, расположенного на уровне второго этажа.

Я свернула левее, чтобы рассмотреть в темноте проема лицо стражника, но не увидела его.

— Меня зовут Асфи! — громко сообщила, скидывая капюшон и вздергивая подбородок. Пусть рассмотрят получше и поймут, что мне некого бояться и нечего скрывать. — Я пришла с добрыми намерениями! Осиротела и теперь хочу в гильдию, вдруг семью обрету!

С той стороны стояло нервирующее безмолвие. Однако вскоре застучали засовы, и в огромных воротах открылась небольшая дверь. В проеме показался лохматый фангр с темно-синими мешками под глазами.

— Проходи, чего встала? — буркнул он, поднимая воротник куртки. — И что так рано? Дождаться не могла пару шагов Солнца? Иль ночь всю тут просидела...

Под басистое бормотание я проскользнула внутрь и, узнавая улицу, хотела помчаться дальше, но стражник задержал. По его требованию пришлось выкладывать скромный запас еды и вещей на деревянную стойку у стены.

— А это откуда? — заинтересовался он флягой.

Врать нельзя. Попросит еще поклясться перед духами в том, что говорю правду, и это ничем хорошим не закончится. Он ждал ответа, внимательно рассматривая меня, и, казалось, сон с каждым мигмом исчезал с его лица.

— Забрала у мертвеца, ему уже было ни к чему.

— Кто его убил?

Я зацепилась взглядом за свое отражение в глазах без белка и, зябко обняв себя, застыла.

— Не знаю, — хрипло ответила. — Быть может, болезнь. Кажется, он не был слишком стар, или я просто не рассмотрела его в темноте.

Фанрг нахмурился, флягу сжал и в когтистой руке еще раз ее крутанул. Драгоценные камни поиграли в свете восходящего солнца кровавым блеском.

— Значит, не ты убила его?

— Не я.

— Обворовывать нехорошо, человечка, даже если это мертвец.

— Я... — Переступила с ноги на ногу, отвернулась, шумно выдыхая. Закачалась с пятки на носок и продолжила: — У меня совсем ничего не осталось. Моей семьи больше нет рядом, у меня больше нет дома. Я посчитала, что смогу остановиться в таверне и какое-то время, пока меня не примут в гильдию, питаться на выручку от продажи этой вещи. — И повернув голову к стражнику, воззрилась на него. — Если бы не желание выжить, я бы не взяла чужого.

Он молчал. Долго молчал, а потом положил руку на мое плечо и потрепал, словно пытался утешить хорошего знакомого.

— Ладно. Но ты должна рассказать защитнику, где нашла мертвеца. Если умершего не отправили к Древу жизни, как это подобает его расе, то на это должны быть причины. Мы должны помочь ему. Ты ведь запомнила место, где видела его тело?

— Да.

— Хорошо. — И прежде, чем я отступила, опять стиснул плечо. — У тебя совсем никого не осталось, кто мог бы помочь? Ну хоть кто-то же должен быть.

С какой целью он спрашивает? Желает добра, или ждать подвоха? Это же фангр... В его ясных глазах читались одновременно сочувствие и сострадание.

— Есть. — Я улыбнулась и накрыла ладонью его руку. Он не убрал, не смутился и даже позволил сжать теплые пальцы. — В обители раньше жила моя старая подруга. Но я не уверена, что она меня вспомнит.

— Хорошие друзья не забывают тех, кто им дорог.

— Да. Я тоже на это надеюсь.

— Ступай, Асфи, но если беда продолжит тебя преследовать, возвращайся к нам. Мы, — Он кивнул в сторону сторожевого домика, — отведем тебя в нашу гильдию. Хотя бы ненадолго, но приютим, а там, может, решишь остаться у нас.

— Благодарю, — тихо произнесла я. В горле запершило.

— Ступай. И не забудь найти защитника, который смог бы помочь с мертвецом. Душу должно забрать Солнце, но облегчить ей дорогу к Древу можем лишь мы. Удачи с поиском гильдии, и пусть духи будут благосклонны к тебе!

Я отступала, не отрывая взгляда от незнакомого существа. Он не назвал мне свое имя. Не сказал: «приходи ко мне», а говорил от лица всей гильдии: «Возвращайся к нам». И он даже не сомневался, что кто-то из согильдийцев будет против приютить меня. Что это, если не вера в каждого члена своей семьи?

Блеклый свет стелился по уютным улочкам, ложился на длинные дома, возвышающиеся в один-два этажа. Я шла по краю теней, ведомая дурманящей тягой, озиралась по сторонам и не могла остановиться. На центральной улице едва встречались прохожие, но стоило пересечь ее и вывернуть на широкую отдаленную дорогу, исчезающую в стороне рынка, как гомон вырвал из забвения. Мситы, так похожие на коров, но совсем низкие, с кожей бегемота и на крепких толстых ногах, тащили груженные телеги. Колеса скрипели, подкованные копыта стучали, рыли утоптанную землю. Отовсюду лились густой шелест, непрерывное шуршание, веселые приветствия, пересвист и раздавалось ритмичное подбадривание хлыстами.

Я должна была идти другой дорогой. Должна была и собиралась, но растерянная чужим радушием брела по наитию, поэтому опомнилась лишь тут. Застыла, рассматривая фадрагосцев, с желанием улыбаться каждому, узнать у них последние новости и познакомиться хоть с кем-нибудь, но напряженно молчала. Тень низкого козырька укрывала меня, грохот сердца оглушал, а руки била мелкая дрожь. Я глядела на простой народ, и меня впервые взволновал вопрос, которым я обязана была озаботиться еще в тот момент, когда приняла фадрагосцев целиком со всей их культурой: а примут ли они меня?

Отступила к стене. Звуки нарастали, сердце забило чаще. Стало душно, во рту — сухо. Я не готова

показаться им. Не готова.

Отступила еще на шаг, пяткой уперлась во что-то твердое, неустойчивое — раздался звон. Я вздрогнула. Громкие возгласы зазвучали на крыльце в паре метров от меня. Тощий эльф ругался на мелодичном языке, указывая на упавшие ведра. Человек, совсем подросток, бросился поднимать их.

— Простите, — выдавила из себя. Почему-то шепотом.

Голова закружилась, мир покрылся темной рябью. На слабых ногах я понеслась прочь, но уже у следующего крыльца сжала кулаки и выровняла боязливую походку.

Я дома, а дома не боятся, иначе это не он.

Захлебываясь эмоциями и повинуюсь чувствам, спешила знакомым путем. Сбивала подошвы сапог о булыжники и иссохшую почву, обходила грязь по обочине, прыгала и перебегала по доскам, брошенным на особо размытых участках. Рассматривала кляксы луж под ногами, но не видела в них грязи — мутное пятно воды отражало ясное небо. И я ускорялась — стремилась к той, в ком нуждалась всю жизнь, даже не догадываясь о своей нужде. К той, кого звали Пятном, но в ком я находила отражение целого мира.

Елрех. Меня словно ледяной водой окатило, когда солнечный свет выхватил ее крепкую фигуру на безлюдной дороге. В темном костюме, с кинжалом за поясом, она шла уверенной походкой, не оглядываясь по сторонам и не опуская головы. Сердце колотилось о грудную клетку, билось в горле, разгоняло кровь по венам, а вместе с ней разносило страх. Я еще не успела вновь приобрести старую подругу, но уже боялась ее потерять. Наши с ней последние часы рядом нельзя назвать светлыми. Наверное, хорошо, что она их не помнит.

Я простояла в нерешительности несколько длинных секунд, а затем свернула к раскидистому дереву. Прислонилась к стволу и для вида полезла в сумку, но поняла, что отхлебнуть воды и впрямь не помешает. Затаила дыхание, когда гордая полукровка проходила мимо, совершенно не замечая меня. Белые густые волосы, с трудом собранные кожаным лоскутом, тяжелой копной качались за ее спиной. Елрех то ли хмурилась, то ли щурилась, от чего казалась обозленной и суровой. Гильдейский знак блестел на ее груди — знак ее семьи и моя личная память о ее самопожертвовании. Чтобы помочь мне, она предала семью. Пламя Аспида были нашей семьей. К ним мне и нужно.

Я присмотрелась к Елрех, отметила, что сумки у нее при себе нет, а значит, из обители она не уходит. Несмотря на безумное желание обнять полукровку, вдохнуть стойкий запах трав от ее волос, окунуться в знакомое тепло, исходящее от ее тела, почувствовать тяжесть крепких руки на своих плечах и получить необходимую поддержку, я дождалась, когда знойное марево поглотит высокий силуэт, и продолжила свой путь. Он прекратился возле приземистого дома с беседкой во дворе. Дом Елрех, мой приют, утопал в зелени, блестел небольшими окнами и навевал трепетные воспоминания.

Духи Фадрагоса, для знакомства с Елрех еще слишком рано, но без нее я не протяну долго.

Через приоткрытое окно в кабинет проникал свежий воздух, играл с легкой занавеской и приносил утреннюю прохладу. В стеклянный графин с водой упал жук и безуспешно греб лапками, суетясь на одном месте, прямо на границе солнечного света и тени этажерки. Попадая под свет, он загорался изумрудом, а, прячась в тени, становился обычной букашкой. Все, как с нами в жизни.

Задумчивое хмыканье донеслось от письменного стола, отвлекая от созерцания безумной борьбы за жизнь и, возможно, обреченности. На столе царил рабочий беспорядок. Старый эльф с видом довольного кота склонился над свитком и заскрипел по нему афитакской палочкой, испачканной в чернилах. Стоя у порога в затянувшемся ожидании, я еще раз присмотрелась к Дриэну. После всего, что в прошлой жизни я узнала о своем верховном, больше не могла относиться к нему с былой насмешкой. Никакие длинные волосы, переливающиеся золотом, никакие длинные уши не выглядели жеманно или комично. Я знала, на что способно это существо — умное, коварное, жадное до власти. Дриэн вызывал у меня восхищение, уважение и здравую настороженность.

Он будто прочел мои мысли. Наконец поднял голову, отрываясь от своих несомненно важных дел, и растянул тонкие губы в улыбке. Такую улыбку трудно назвать гостеприимной и даже вежливой. Скорее, эльф сейчас напоминал преподавателя, к которому нерадивая студентка пришла сдавать госэкзамен.

— Проходи, раз пожаловала к нам. Или тебе удобнее стоять в дверях?

— Вы не предлагали сесть, — пояснила, направляясь к свободному креслу. — И я не думала, что меня сразу приведут к верховному.

Дриэн изогнул бровь и, облокотившись на стол, улыбнулся снисходительнее. Ну да, с чего я взяла,

что знакома с порядками приема в гильдию? В прошлый раз меня сюда протащила Елрех, а в этот раз я — незнакомка с улицы, — заявила сама.

— Мне сказали, что ты сирота и пришла к нам... Не подкажешь, с каких краев ты пришла?

Поерзав на мягкой сидухе, я устроилась с удобством и закусила губу. Прямо в лоб сказать, что я с севера? Боюсь, Дриэн не захочет пятнать репутацию гильдии из-за северянки. Хотя Елрех он к себе взял... Потому что бабушка здорово научила ее разбираться в травах? Я могла бы рассказать такую же историю, но только о подруге, и духи не смогли бы опровергнуть мою правоту. Но если Дриэн спросит о подруге, что тогда сказать?

«Где твоя подруга?» «Умерла»

«Как?» «Ее убили»

«Кто?» «Я»...

— Может, позже.

— Позже? — переспросил он, склоняя голову к груди и едва заметно изумляясь.

Я налегла на спинку, приподняла подбородок и примостив руки на деревянные подлокотники стала гладить их. Подушечки пальцев заскользили по отполированной поверхности, и прикосновения, отдаваясь в запястье, отвлекли от волнения. Дыхание не сбилось, а множества оправданий, которые успели промелькнуть в мыслях, так и не сорвались с языка.

— Позже, — твердо повторила я.

Дриэн чуть заметнее вздохнул и произнес:

— Не создавай вокруг себя таинственности, Асфи. Она не поможет тебе примкнуть к Аспидам. Я предпочитаю брать в свое гнездо только тех змей, о которых знаю все.

— Понимаю. Дриэн, я слышала о вас много хорошего. Ваша гильдия первая, куда я сразу же направилась...

— Это бы льстило, имей ты хоть какую-то славу, а так я ничуть не удивлен, неизвестная, обездоленная сирота.

— ...но вполне возможно, — продолжила я, не обращая внимание на его замечание, — что она будет не последней. И у меня нет ни малейшего желания рассказывать всем подряд свою слезливую историю. Она не делает меня сильнее.

Дриэн усмехнулся и дернул ухом.

— Наша сила не в истории.

— Лично знала одного эльфа, кто — голову даю на отсечение — с вами бы поспорил.

— Знала. И что с ним стало, человечка? — Дриэн склонил голову к плечу. — История не спасла его от смерти?

— Нет. Уверенна, он жив и здоров.

— Странно, такой исход был бы очевидным, — пробормотал он.

Я не сбивалась с мысли:

— Просто мы с ним столько периодов... — Духи Фадрагоса, как же мне теперь ориентироваться во времени? Как отделять и воспринимать прошлое настоящего и прошлое прошлого? — Кажется, мы с ним были знакомы... в прошлой жизни.

— Ну-у, — протянул Дриэн, тоже откидываясь на спинку кресла, — если жизнь полна ярких событий, то охотно поверю, что новые знакомые быстро становятся старыми. Повезет, если мы не забываем их так же быстро.

И случилось чудо — он с добротой улыбнулся мне.

— Ты права, Асфи, мы судим по историям. Слезливые слушаем, рассказчику сочувствуем, затем выпроваживаем его и стараемся забыть всю горечь беседы. И все наоборот с теми, кто держит в руках успех. Таких, как правило, я ищу сам, затем веду в лучшие трактиры и стараюсь впечатлить собственными успехами. Хочешь попасть в гильдию без этой предвзятости, — он махнул рукой, —

валяй! Не рассказывай мне о своих подвигах, но убеди, что я должен дать тебе шанс. Должен предупредить тебя, что твоя вероятность попасть к нам низка. Мне нравится, когда алхимии учатся у нас еще с детства, тогда получается привить характер будущим Аспидам. Со взрослыми другая ситуация — нас уже не перевоспитать, не искалечив.

Знал бы он, как мне это знакомо. Я пожала плечами и ответила:

— Понимаю. Чтобы построить новое, необходимо разрушить старое.

— Хорошо сказано, Асфи. Мне нравится.

— Это высказывание принадлежит не мне, — я улыбнулась, — можете цитировать.

Он тихо рассмеялся, а я, не дожидаясь окончания его веселья, предложила:

— Возможно, мы найдем мою пользу для гильдии в знаниях.

Дриэн снова взмахнул рукой, жестом разрешая говорить.

Несколько минут я перечисляла названия самых редких и ценных зелий, которые точно способна приготовить. Дриэн все это время молчал, глядя в окно, но я откуда-то знала, что, несмотря на внешнюю отстраненность и безучастие к моему монологу, он слушает каждое слово. Еще через несколько минут, когда я перечисляла травы и упоминала примерное место, где их можно отыскать, пересохла во рту. Прочистив горло легким покашливанием, я переключилась на минералы, затем на живность, после на нечисть. Когда пришел черед рассказать, как охотиться на эту нечисть, Дриэн строго уставился на меня, но вопросов не задавал. Казалось, он, как самая настоящая змея, замер, глядя на мышшь. Лишь моргал изредка.

— Паутину глетворного паука можно растворить в желчи сумрачного барсука и для сохранения ценных свойств смешать с настоем снойвицы. Простите, Дриэн, но мне не выгодно говорить вам о дозировках, — подыграла я, будто мне неизвестно о секретах Аспидов. — Полученная смесь мгновенно раскупается целителями для изготовления снадобий, и платят они совсем не гроши. Если добыча паутины у опытных наемников и алхимиков не вызовет труда, то сумрачного барсука необходимо еще найти, поймать и... убить, не позволив укусить себя.

— И ты знаешь, как это сделать?

— В теории, — призналась я. — Мне даже не доводилось видеть эту нечисть.

— Да, ты не одинока, — выдохнул Дриэн. Окинул задумчивым взглядом стол, ударил пальцем по загнутому уголку свитка и сказал: — Пламя Аспида — не просто алхимики. Это слышал каждый, но не каждый желторотый юнец представляет себе, какими рисками мы ежедневно прокладываем свой путь к успеху. Польза Фадрэгосу дается каждому из нас большой ценой, Асфи. — Посмотрел на меня исподлобья. — И именно эта цена позволяет многим из нас забыть о своей славе или позоре. Я не люблю хвастунов так же, как не люблю нытиков. Аспиды либо рискуют и делают, и я прощаю им возможные ошибки, либо проваливают и никогда больше не попадают мне на глаза. — Выдохнул шумно, почесал возле уха и продолжил тише: — Мы отбираем стойких еще с малых периодов, всех остальных убеждаем искать другую гильдию. Передо мной, — указал в мою сторону, — прямо на этом стуле, сидело бесчисленное количество желающих примкнуть к нам. Так же, как и ты, они хотели стать Аспидом и старались изо всех сил, чтобы впечатлить меня, но каждый начинал рассказ со своей истории. Попадались и те, кто подкупал знаниями. Попадались уверенные в себе, но зачастую они отводили взгляд, когда я смотрел им в глаза. Угадаешь, какое большинство из них сейчас в Аспидах?

Он так намекает, что мне нужно отвести взгляд и вести себя скромнее? Я промычала, оттягивая время перед ответом, а потом спросила:

— Уверенные?

Дриэн усмехнулся, и вопреки привычной мне старости тонкая кожа на его лице разгладилась еще сильнее.

— Те, чьи причины выбора моей гильдии меня устраивали. Я понимаю, что сейчас задам бестактный вопрос. Наверняка, он тебя обидит, Асфи. Но тогда у нас точно разные дороги. Скажи мне, зачем ты пришла?

Показалось, что золотые глаза приобрели стальные оттенки. Черт возьми, о какой уверенности он заявляет, если так запросто отбирает ее? Что он хочет услышать?

— Хочу попасть в гильдию, — произнесла очевидное.

Он покачал головой. Бестактный вопрос?.. Духи Фадрагоса, тут не любят целеустремленных! Все ставят перед собой цели, все к чему-то стремятся, но это не принято обсуждать.

— Вы спрашиваете меня о дальнейших целях? Перспективы, которые меня интересуют.

— Извини, — скривился он, но как-то дежурно.

— Все нормально. — Я подалась вперед и закинула ногу на ногу. — Но я не забегала настолько далеко, поэтому не размышляла об этом серьезно. У меня есть цели, Дриэн, но они не связаны с алхимией.

— Тогда с чем?

— Мне необходимо отыскать кое-кого, но обещаю — это ни в коем разе не отразится на репутации Аспидов. Если вдруг я захочу подвергнуть вас риску, я приду узнать ваше мнение лично.

Разглядывая меня, он побарабанил пальцами по подлокотнику. Помолчал несколько секунд, а затем признался:

— И все же, Асфи, меня смущает твоя уверенность. Повторюсь, тут, — кивнул на кресло, — я видел всяких. Но явного лидера вижу впервые.

Я невольно хохотнула, но мгновенно взяла эмоции под контроль. Вот только теплое чувство, внезапно вспыхнувшее в груди, не отступило и продолжало разливаться по телу. Лидер? Никогда не рассматривала себя с этого ракурса.

— Я пришла к вам просителем и умоляю вас взять меня к себе, а вы говорите мне о лидерстве.

Судя по кислой физиономии эльфа, он не разделял со мной радости от собственного же комплимента.

— Лидерство, Асфи, — редкое качество. Не посчитай за бахвальство, но верховные ежедневно кого-то да высматривают, и мы привыкли зреть вглубь. — Посмотрел мне прямо в глаза так, что при всем желании я бы не смогла разорвать зрительный контакт. — И другого верховного, пусть даже еще зеленого, я не просто увижу, а учую наверняка.

— Дриэн, вы ошибаетесь. Я не мечу на ваше место. Все, что мне нужно это...

— Тихо! — Он вскинул руку, и я вздрогнула. Дал себе пару секунд, а затем продолжил прежним тоном: — Теперь молчи, Асфи, пока я не договорю. Я запрещаю тебе открывать рот, и на то есть причины. Ты отказалась отвечать на мои вопросы. Заметь — прямые вопросы. При этом я и сам не понял, как согласился с тем, что ты имеешь на это полное право. После чего ты сама создала себе те условия, в которых чувствовала себя, как я заметил, благоприятнее меня самого. — Он постучал пальцем по краю стола, разглядывая мое лицо. — Прославленные или опозоренные. Сиди передо мной хоть сам изгой, я никогда не позволю обмануть себя и обмануться себе. Тут я верховный. Я управляю. Остальные подчиняются. Или проваливаются.

Он замолчал. Все еще пристально смотрел на меня, но молчал. Солнце размытым лучом касалось стены за креслом Дриэна, привнося в строгий образ немного тепла. Мысленно успокаивая себя, я смиренно ждала продолжения или разрешения говорить. Если понадобится, я приду к Дриэну завтра снова. Я буду приходить до тех пор, пока он не поймет, что я не враг ни ему, ни Аспидам.

Он молчал. Смотрел и молчал.

— Вы отказываете мне? — глухо спросила я и зажмурилась, проклиная себя за несдержанность.

Грудь давила на сердце, ноги охватил холод.

— Я беру тебя.

Я открыла глаза, мгновенно находя взглядом губы Дриэна. Это точно он сказал?

— Но с определенными условиями, Асфи. — Зашевелил он губами, и на меня мгновенно накатила слабость и облегчение. — Если когда-нибудь ты захочешь отделиться, никто из Аспидов не последует за тобой. Какую бы ты ни приносила в будущем пользу, я не хочу, чтобы твое восхождение было достигнуто разрушением Пламени Аспидов.

— Хорошо. — Разве есть другой ответ?

— На первое время, — он стал оглядываться, будто что-то искал, — пока не освоишься, я пристрою к тебе существо, которому доверяю. Думаю, только она справится с твоим нравом. Кто бы тебя ни воспитывал, но я не поверю, что они были из низшего сословия. Но об этом мы с тобой еще

обязательно поговорим. А теперь о твоём будущем попечителе. Она полукровка, Асфи.

Я ушам своим не поверила. Елрех? Неужели мне в кои-то веки повезет?

— Очень постыдная полукровка, но, духи Фадрэгоса, не смей тыкать ее в это. От нее одной польза больше, чем от всех Аспидов Рубиновой сладости. — Он выдвинул ящик из стола, вытащил камень призыва и несколько раз сдвинул в руке. Отбросил и, захлопнув ящик, продолжил: — Аспиды ее ценят, но к себе не подпускают. Я выделил ей дом. Хороший и просторный дом, но никто не соглашается с ней жить. Тебе же придется. Если она будет довольна твоим обществом в течение периода, считай — ты полноценный Аспид.

Дверь за спиной скрипнула и послышался мужской голос:

— Звали, верховный?

— Я видел утром Елрех во дворе, она еще здесь?

— Ушла.

— Куда?

— Она не говорила, но, кажется, собиралась к Ясной Лани за амулетами.

— Найди ее и направь ко мне. Будешь уходить, попроси Найлину выдать гильдейский знак новой девушке. Скажи, что скоро Асфи зайдет за ним. Иди. А тебе, — обратился уже ко мне, — придется подождать Елрех. Можешь посидеть в зале на первом этаже или во дворе, но ни шагу дальше. Пока я не услышу вердикт от Елрех, тебе запрещается без моего или ее ведома изучать территорию Аспидов.

— Я поняла, верховный.

— Найлин найдешь там же, на первом этаже, за стойкой. И помни о нашем уговоре. Настанет момент — и я попрошу тебя принести мне клятву, Асфи. Откажешься — потеряешь доверие Аспидов навсегда. Все, свободна!

Ликующую улыбку невозможно было удержать. Я бодро поднялась на ноги, хотела было поблагодарить Дриэна, но он всячески своим поведением показывал, что ему больше некогда отвлекаться на меня — стал разбирать свитки, что-то искать на столе, в полках. Проходя мимо тумбы с графином, я задержалась — мизинцем зацепила жука и, вытащив, позволила сползти на лист фикуса. Иногда и мы имеем возможность стать чьими-то Повелителями. Созидания или разрушения — зависит от ситуации. Теперь вот Дриэн стал моим спасителем, позволяя выйти из тени под свет Пламени Аспида.

У двери я обернулась и пообещала:

— Вы не пожалеете, что приняли меня, верховный.

Дриэн все-таки отвлекся от дел и с полуулыбкой кивнул.

Глава 5. Знакомыми тропами

Светловолосая девушка моей расы с дружелюбной улыбкой и наставлениями отдала мне знак Аспидов. Я ненадолго сжала в ладони железное кольцо из змеи, наслаждаясь его тяжестью и прохладой, а потом нацепила на шею и позволила себе неспешно осмотреться. Главный дом гильдии мне удалось изучить и в прошлой жизни, но сейчас каждая деталь отпечатывалась в сердце, словно первая влюбленность. Деревянные потолки нависали низко у стен, а в центре зала, прямо над квадратной стойкой, они резко поднимались до самого скоса крыши двухэтажного здания. С массивных потолочных переключателей свисали веники сушеных трав, а на самих переключателях стояли и сидели чучела нечисти и зверей. На редких полках, закрепленных аккуратно там, куда просачивались сквозь узкие окна солнечные лучи, были выставлены фигурные флаконы с разноцветными зельями. Они блестели пузатыми боками, привлекая внимание к косточкам, зубам и когтям, раскиданным между ними. В темных углах большого помещения мостились шкафы с утварью, а возле них едва прорисовывались рельефы неприметных дверей. Каждая отрезала коридоры, ведущие в флигели, где располагались мастерские, библиотеки, склады и даже несколько жилых комнатушек. Воздух хотелось глотать. Душистый, пряный, он немного перчил на языке, жег горло и легкие и оставлял долгоиграющее сладкое послевкусие во рту. Я с шумом втянула его через нос и отступила к лавочке с резными ножками и высокими подлокотниками. Удобнее уложила плоскую подушку и расположилась так, чтобы видеть главный вход.

Двери почти никогда не закрывались. Существа разных рас заходили, распахивая их настежь, с порога здоровались с улыбчивой Найлиной, приносили новости, перекидывались несколькими шутками, попутно оставляя часть добычи, а затем спешили по другим делам. Из одной неприметной двери к другой сновали задумчивые подростки — юные ученики гильдии. Некоторых из них я узнавала; помнила, как они с опаской поглядывали в мою сторону, когда я добиралась до Кеши. Помнила и тех, кто прибежал познакомиться, разузнать обо мне какие-нибудь подробности, а потом кивали при встречах. Теперь они не замечали меня или мазали по мне мало заинтересованными взглядами.

Широкий проем в очередной раз залился светом, и в нем вырос до боли узнаваемый силуэт. Елрех переступила порог, дверь за ней захлопнулась — я съезжилась в волнующем ожидании. Пару секунд фангра стояла неподвижно, затем вцепилась в меня пристальным взором, изучила с головы до ног и, ничего не выразив, направилась к лестнице.

— Дриэн у себя? — зычно спросила у Нейлины.

— Должен быть. Он не выходил, — отчиталась девушка, сортируя очередную добычу по мешочкам и корзинкам.

Я проследила за беловолосой подружкой до тех пор, пока она не исчезла из поля зрения. Слушая удаляющиеся скрипы ступеней под ее шагами, сжала гильдейский знак в кулаке. Острые грани пройдохи аспида ужалили ладонь, вырвали из kloкотания пульса и водоворота неосознанных страхов. Как бы ни хотелось рассказать Елрех всю правду, нужно набраться терпения и убедиться, что эта самая правда не испортит наши с ней отношения.

Ожидание нервировало и злило, но, к радости, не оказалось длительным. Когда знакомые сапоги мелькнули на верхних ступенях, я вскочила на ноги. Елрех бодро спустилась, остановилась в шаге от меня, еще раз окинула изучающим взглядом, а затем протянула мне когтистую руку.

— Елрех.

— Асфи. — Я крепко схватила ее за руку и едва не затрясла, но вовремя вспомнила, что жест знакомства у фангр все же отличается от земного.

— Я слышала. Это имя принадлежит моей расе. Кто дал его тебе?

Серые глаза приковывали внимание, путали мысли, сеяли хаос в чувства. Дрожь пробегала по телу, пробирая ознобом и приподнимая волоски на затылке. К смыслу слов приходилось не просто прислушиваться, а вникать, повторяя целое предложение в уме. Вот и шанс на новое знакомство...

— Подруга, — ответила я, еле заметно хватая воздух ртом. Голова чуть кружилась от волнения.

Елрех изогнула белую бровь и спустя мгновение, не опуская подбородка, взглянула ниже.

— Не могла бы ты отпустить мою руку, странная человечка?

— Извини. — Отдернув руки, я мигом спрятала их за спиной.

— Дриэн сказал, что ты сирота, — зашагав к выходу, проговорила Елрех, — но это все, что мы о тебе знаем, потому я запуталась. Теперь помоги мне разобраться. Твое имя носит символический характер

и у него должно быть продолжение. Оно дано тебе с рождения? — Покосилась на меня.

Я старалась не отставать от нее.

— В какой-то степени.

— В какой? — Повернулась ко мне, останавливаясь и вынуждая остановиться меня. — Асфи, мне важно знать, с кем я вынуждена разделить кров. Расскажи о себе сама, если такие простые вопросы вводят тебя в растерянность.

Я медленно выдохнула, обдумывая ответ. Все, что я скажу из правды, вызовет ненужные вопросы, а любая ложь — угроза добрым отношениям.

— Знаешь, впервые мне настолько трудно о себе рассказывать.

— Это еще почему?

Я жадно разглядывала ее, сжимая кулаки и лихорадочно обдумывая дальнейшие слова. Елрех же присмотрелась ко мне, а через миг оскалилась, чем мгновенно вызвала панику.

— Я не выбирала, кем родиться, грубая человечка! — прошипела она, вздергивая подбородок. — Но мы все выбираем, какими нам быть! Мне тоже не нравятся вонючие васоверги, не нравятся заносчивые эльфы и я терпеть не могу лицемерных людей. Если тебе нужна наша гильдия, то лучше прямо сейчас отправляйся к Дриэну и попроси его приставить к тебе такого же человека, как и ты сама.

Выплюнув гневную тираду, она сорвалась с места, а я тупо смотрела перед собой, переваривая услышанное. Что ее разозлило?

— Елрех, подожди! — крикнула ей вслед. Дверь за ней закрылась, и я поспешила на улицу. Выскочив на залитое солнцем крыльцо, мгновенно выпалила: — Я не хотела тебя обидеть! Да подожди же ты, сварливая баба!

Она резко развернулась ко мне. Схватила за рукоять кинжала, вынуждая затормозить на безопасном расстоянии. На всякий случай я вскинула руки в примирительном жесте.

— Да ладно тебе, Елрех. — Поморщившись, тихо протянула: — Ну же, успокойся. Я и впрямь не хотела тебя обидеть.

Она смотрела на меня с прищуром и идти навстречу в устранении конфликта явно не собиралась.

— Дело не в тебе, полукровка, — выдавила я из себя теперь уже неприятное слово, чтобы подчеркнуть, что понимаю суть ее надуманной проблемы. — В моем прошлом много горечи и ошибок. Я обязательно расскажу тебе все о себе, но в более подходящей обстановке.

Ветерок коснулся щеки, скользнул по лбу, щекоча кожу волосами и охлаждая выступивший пот. Черты лица Елрех смягчились, но хмурость никуда не делась. Не проронив ни слова, она отпустила кинжал и отправилась дальше. Я постояла еще немного, ожидая, что фангра запретит мне следовать за ней, но запрет так и не прозвучал.

Наша прогулка по улице напомнила первый день нашего предыдущего знакомства. Тогда я тоже брела позади гордой воительницы на почтительном расстоянии и многого опасалась — например, остаться одной в незнакомом лесу, или стать жертвой той, на чью помощь надеялась. Кажется, что почти ничего не поменялось, однако знания изменили мое отношение ко всему.

Наконец, когда мы вошли в уютный дворик нашего дома, Елрех дождалась меня и миролюбиво сказала:

— У меня есть определенные правила в быту, и на первое время жить будешь по ним. Позже разберешься в их порядке, а я привыкну к тебе, тогда и не буду тебя сковывать.

— Я понимаю, — кивнула я, стараясь не смотреть в ее сторону, чтобы лишний раз не спровоцировать скандал или не вызвать ненужных подозрений. — Пока ничего не знаю — я просто гостя, а не хозяйка. Заведовать буду потом.

— Да, сообразительная человечка. И прости за то, что я о тебе плохо подумала и за мое недоверие тоже. Я не привыкла к обществу. Мне, как и тебе, придется учиться соседствовать с незнакомым существом.

Я открыла рот, но никакой ответ из себя выдавить так и не смогла. В горле плотным камнем застрял ком. Незнакомка — вот, кто я для той, кто для меня является олицетворением нового дома. И хочется обидеться, да как-то невообразимо глупо обижаться на правду. Правду ли? Где теперь

искать эту правду, если у каждого она своя?

Мы промыли сапоги от грязи и оставили их просыхать за порогом — это правило я помнила. Затем Елрех показала мне дом, в котором я и без того хорошо ориентировалась. Она выделила мне ту же комнату, в которой селила меня в прошлый раз. В отношении личного пространства ничего не изменилось, но на кухне Елрех возвела четкую границу, разделив посуду, полки под нее и освободив мне в холодной кладовой шкафчик под продукты. После быстрой экскурсии она дала немного наличности с условием, что я все отработаю, а потом сослалась на важные дела и оставила меня одну. Я боялась наседать на нее, поэтому спрятавшись за занавеской, смиренно смотрела, как она отдалается от дома.

После вихря испытанных эмоций, открытие, что солнце с рассвета сделало лишь пару шагов, вызвало удивление. Казалось, что мне необходим отдых после долгого изнурительного дня, но весь день еще только маячил впереди. Я отпрянула от окна и, наконец, осознанно осмотрела комнату, в которой придется жить. Жить ли? В какой-то степени так, но лишь в той, что привычна Фадрэгосу, а не Земле. Ведь не для спокойного проживания отведенного мне времени я пришла в Обитель гильдий и уж тем более не для этого примкнула к Пламени Аспида.

Непривычный ранний зной усиливался, и марево густело над пыльной дорогой. Видимо, скоро обитель накроет гроза, и все жители вновь будут мрачными, принимая погодные условия себе в вину. Я держалась тени, продвигаясь широкими улицами к нужному району, который принадлежал низшим и отверженным. Пересекая сквер с полумертвой растительностью, замешкалась. Разбитые сорняком дорожки были засыпаны сухими листьями, ветки иссохших деревьев кривыми ветками-руками тянулись то к земле, то к небу, скручивались и изворачивались так, словно сбились с пути, потерялись в пространстве и дальше пробирались на ощупь до тех пор, пока не погибли. Я долго смотрела на них, почему-то вспоминая вечер, когда мы с Кейелом танцевали под звездами. Наверное, тогда я тоже не понимала, к чему на самом деле стоит тянуться.

Место, где Роми порезал меня ядовитым дротиком и едва не убил, нашлось не сразу. Но оно и не вызвало никаких эмоций ровно до того момента, пока я не вспомнила о метке, которой наградил нас Кейел. Пусть я была всего лишь инструментом Вольного, но он оберегал меня. Оберегал так же, как оберегал любое средство достижения своей цели. Меркантильно, цинично, практично — ничего романтического и возвышенного, ничего общего с тем отношением, о котором могут мечтать девушки. Однако именно так возник наш союз, затем рос и креп на личных интересах и наконец — обрел что-то неподдельно важное, что-то жизненно необходимое нам обоим. Мы больше, чем партнеры, и изначально были больше, чем просто любовники.

Глядя на серую землю под ногами, я сжала кулаки. Втянула душный воздух, набирая его полную грудь и ощущая созревающую решительность. Кейела необходимо отыскать как можно скорее. Вольному нужно помочь достигнуть его цель, но прежде придется разобраться, куда же эти самые Вольные исчезают. Я не отдам его никому. По крайней мере — без борьбы.

На крыльце харчевни, где когда-то мой Вольный едва не устроил стриптиз, толпился сброд головорезов. Не желая портить репутацию гильдии, я еще на подходе убрала знак под рубаху, а помня предыдущий опыт общения с Вайли, намеренно приподняла подбородок и положила руку на кинжал. Раз уж я почему-то стала напоминать наемницу и убийцу, то надо этим пользоваться. Мужики при моем приближении притихли, но разговор не прекратили. Бросая оценивающие взгляды, расступились. Шутку с пошлым оттенком позволил себе лишь один громила, человек, да и то удовлетворился моим ответным молчанием и преследовать не стал. В самой харчевне днем стоял полумрак, густились духота и вонь, гул голосов походил на жужжание шмелей. Посетителей было не так уж и много, и все выглядели сонными. Впрочем, скорее всего, так и есть. Не думаю, что наемники придерживаются дневного графика работы.

Я подошла к стойке и ко мне мгновенно подскочила фангра. А вечерами она с привлекательным эльфом поет тут песни...

— Что будешь? — спросила она, перекидывая темную косу за спину и сверкая из-под густых ресниц голубыми глазами.

— Поесть бы, — ответила я, опираясь ладонью на стойку и замечая, как крепкая эльфиорка за ближайшим столом вяло ковыряет тусклые овощи в тарелке. — Я не привередлива, но от скисших помоев откажусь.

Фангра проследила за моим взглядом и фыркнула. Не позволяя навешать лапши мне на уши, я продолжила:

— Я давно сюда не заходила, но с кухней вашей знакома. Не надейся на мне нажиться, — наклонила голову вперед. В светлых глазах фангры появилось понимание: — Я не завтракала и толком не ужинала, поэтому буду рада любому, что будет свежим, горячим и очень быстро появится передо мной.

— Сейчас распоряжусь, — бросила она, отталкиваясь от стойки и направляясь на кухню.

Всего дважды мы с Ив приходили сюда пораньше, и именно в первую половину дня тут любили подавать старую стряпню, посыпав ее свежей зеленью или полив ароматным соусом.

Вскоре со стороны низкой двери донеслись громкие указания. Я забралась на высокий табурет, стряхнула крошки со стойки и облокотилась на нее. Фангра вернулась, с грохотом водрузила передо мной кружку с чем-то темным.

— Квас, — пояснила бойко. — Разбавлен водой, поэтому за счет заведения.

— Помнится, раньше были орешки.

Она подмигнула мне и улыбнулась, показывая клыки.

— А ты действительно бывала у нас раньше. Орешки закончились, бери то, что предлагают.

— Спасибо. — Я улыбнулась ей в ответ и отхлебнула кислого напитка. — Слушай, а верховный Бесстрашных Зверей все еще приходит к вам?

— Как и раньше, каждый вечер, — мгновенно сказала она, хватая связку сушеных яблок. — Ты прямо заняла его место.

Я кивнула и без заискивания подвела ближе к теме:

— Я слышала, что он работает с Вольными.

Она поморщилась и пожала плечами.

— Может, и работает, но я такого не помню. Будешь? — Предложила пару сморщенных ломтиков.

— За счет заведения? — с усмешкой уточнила я, а она хохотнула. — Давай. Так, хорошо, если ты не помнишь, работает ли он с Вольными, у кого я могу узнать об этом прямо сейчас? Или просто подскажешь мне, где найти этого верховного, чтобы не ждать вечера?

Фангра прекратила срывать ароматные кусочки с веревки и поджала синие губы. Несколько секунд посверлила меня задумчивым взглядом, а затем произнесла:

— Знаешь, я бы не удержалась со Злобными лисицами, если бы не моя память, внимательность и голос. Пока я пою, усадив зад на эту высокую стойку, успеваю рассмотреть всех, кто сюда приходит или хотя бы раз приходил. Я прекрасно помню: каких посетителей к нам пускать нельзя, кому не наливать покрепче, кто с кем враждует, а кто с кем дружбу водит. Но вот ты сидишь передо мной, говоришь, что уже бывала тут, а я тебя будто впервые вижу. Потому врать не буду. Возможно, не помню я, но уже долгие периоды не находилось таких Вольных, которых в Зверях прикармливали бы. Им своих ртов хватает.

— Ладно. — Я глубоко вдохнула и шумно выдохнула. — А многих Вольных знаешь вообще?

— А чего их знать-то? Если Вольные появляются, слава о них на весь Фадрагос разносится быстро. Спрашивай прямо — кто тебя интересует? — Широко улыбнулась и добавила: — И накинуть несколько монет потом не забудь.

Я сразу же потянулась к кошельку.

— Мне нужен Кейел. Слышала о таком?

— Не приходилось.

Ноги онемели, сердце ухнуло — и словно падение в бездну, все вокруг размылось, утратило всякую ценность. *Не приходилось...*

— Ладно, — выдавила с трудом из пересохшего горла, стараясь держать себя в руках. — А о Ромиаре? Это беловолосый шан'ниэрд.

— Да ну! — Фангра широко глаза раскрыла и выдохнула: — Ты, что ль, такого знаешь?

Я отхлебнула кваса; кружка стала совсем тяжелой, почти неподъемной. Прямо как эти скверные новости.

— Допустим.

Она склонилась ко мне и тише поинтересовалась:

— У кого он учится?

— Учится? — тупо переспросила я, часто моргая. В висках барабанила кровь, струйка холодного пота потекла от волос к уху.

Ромиар учится? Это он меня многому учил.

— Ну, они ж все сначала по наставникам шляются, — заговорщицки проговорила фангра; ее голос едва пробивался сквозь грохочущий стук крови и поток хаотичных мыслей. Где Кейел и Роми? Куда исчезают Вольные? Неужели я больше никогда не увижу их? Кейел выполнил миссию. Он справился. — Как только видения их отпускают, так они сразу из дома уходят. Мой тебе совет — избегай детей с пустыми глазами. — И налегла полной грудью на стойку, тише любопытствуя: — Так что с этим Вольным? Представляю, какой удар семья получила. У них же каждый ребенок на счету, раса-то вымирающая. Там, наверное...

— погоди! — перебила ее, вскидывая руку и мотая головой — от раздражающе-пугающих мыслей она не освободилась. — А Вайли знаешь? Тоже Вольная.

Фангра поморщилась и выпрямилась сразу.

— Слышала о ней.

Твою мать!

— Говорят, — продолжила фангра, не замечая, как я хватаюсь за стойку, чтобы просто не повалиться, — в Обители гильдий эта полукровка редко появляется, все чаще в Васгоре и у виксартов на земле находится. Так ты мне об этом-то Вольном расскажешь, иль нет? Это ж надо, беловолосый шан'ниэрд — и Вольный.

Домой я брела на ватных ногах. Мысли едва собирались по крохотным, ускользающим кусочкам. Бывших Вольных не бывает... Предполагать, что ни Роми, ни Кейела вовсе не существует в Фадрогосе, я отказывалась.

Весь день провела взаперти как на иголках, ожидая Елрех. Когда прошел шок, идеи возникали одна за другой — только успевай хватать. Из идей формировались цели и задачи, и мне приходилось расставлять приоритеты. Казалось, еще немного — и я полезу на стены. Хотелось выплеснуть эмоции, искромсать мебель, разбить кулаки о что-нибудь. Но я вела себя смиренно, просто блуждая по комнате и разглядывая тени в щелях и углах. Иногда в них мерещились образы прошлого, будоража сожалением, виной, пристыжая едким, болезненным стыдом.

Елрех вернулась на закате. Я заметила ее в окне, когда она только подходила к калитке. Хотелось броситься к ней навстречу, обнять крепко и попросить успокоить меня. Попросить о помощи. Но я сдерживалась.

Она зашла в дом, позвала меня, и только тогда я медленно направилась к ней.

— Ты ела? — спросила фангра с порога. В ее руках был тяжелый мешок.

— Выбиралась в харчевню, — ответила я, перетаптываясь с ноги на ногу под скрип половиц. — Но это было еще утром.

— Если хочешь, человечка, можем приготовить ужин вместе. — Елрех явно пыталась улыбнуться, но лишь дернула уголком губ, как снова нахмурилась.

— Хочу.

— Тогда пойдем. Заодно расскажешь, как провела день.

Я засемила за ней следом, перехватила мешок с продуктами и стала помогать выкладывать их на стол. Елрех молчала, но ее слабая задумчивая улыбка с каждой секундой все больше походила на настоящую.

— Ты пытаешься подружиться, — тихо заметила я.

Она хмыкнула и покосилась на меня.

— Будто тебя это удивляет. Не думала, что я всегда дружелюбная?

Я покачала головой, попутно размышляя, с чего же начать трудный разговор.

— Без обид, Елрех, но в эту чушь я не поверю. Возможно, в тебе многое от фангр, но не меньше досталось и от твоих беловолосых, рогатых собратьев.

Молочный фрукт в ее руке треснул, и я поспешила продолжить:

— Я же сказала: без обид! И мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— Я голодна, человечка, — холодно произнесла она, потянувшись к миске. — У меня выдался напряженный день. Вот-вот умрет Солнце, а я даже зернышка не съела. Готова мсита целиком проглотить.

Я тяжело вздохнула и кивнула. В груди жгло нетерпеливое желание быстрее открыться ей, а затем попросить о помощи. Куда исчезли Вольные? Как вернуть их? А главное — терпит ли время?

За готовкой мы не обмолвились ни словом, а Елрех будто и не замечала того, как я подхватываю любое ее занятие, с точностью предугадывая, что она собирается готовить. Погруженная в какие-то глубокие мысли, она не придавала никакого значения тому, что мы способны работать слажено, будто делали так всегда. И ведь делали — в прошлой жизни.

Небольшая кухня быстро наполнилась вкусными запахами, но аппетит не приходил. Под маленьким котелком, размещенным на подставке, танцевали духи, над бурлящим соусом в нем поднимался пар, а в это время Елрех выкладывала из жестяной коробочки-духовки румяные лепешки. Я разлила по кружкам морс, уселась на табурет и постаралась отвлечься. Разглядывала Елрех и уговаривала себя немного потерпеть. Пока она с аппетитом наворачивала тушенные овощи с мясом, я размазывала свою порцию по тарелке.

— И о чем ты созрела поговорить? — наконец произнесла Елрех, потянувшись к кружке.

— Ты хотела, чтобы я рассказала о своем прошлом.

— Хотела, но, насколько помню, утром ты этого не хотела. Уже придумала историю, которой обманешь меня?

Обману? Я стиснула зубы. Нельзя грубить Елрех, пусть она сейчас и не права — ведь сама же не любит, когда судят по расе.

— Знаешь, Елрех, я тебе клятву принесу.

— Не нужна мне твоя клятва, — запросто отмахнулась она, — и секреты оставь при себе, раз они тебе так важны.

Уверенность в успехе грядущего разговора таяла с каждой секундой, но следом пустота заполнялась неярким страхом, раскаляющим гнев.

— Важны, но...

— Я передумала, — перебила Елрех, а я сжала кулаки, скрывая дрожь в руках. — Утром ты сказала, что прошлое у тебя горечи полно, а Дриэн сообщил, что ты сирота. Посмотри, глупая человечка, какой вечер хороший. Не нужно его портить дурными воспоминаниями.

Духи Фадрэгоса!

— Елрех! — Я хлопнула по столу; мышцы лица дернулись от напряжения. Когда Елрех подняла на меня изумленные глаза, я на миг разозлилась еще сильнее, но тут же этой злости смутилась. Провела ладонью по скатерти, разглаживая складку, и спокойнее произнесла: — Мне нужна твоя помощь.

Замолчала, ожидая вопросов, но их не последовало. Несколькими глотками морса прогнала першение и сухость в горле, медля вытерла губы и снова в серые глаза посмотрела — как в прорубь нырнула. Незримый лед остудил окончательно. Елрех не знает меня, видит незнакомку перед собой. Что она сейчас думает обо мне?

— Извини, я... — И ведь детально распланировала с чего начать исповедь, почти заучила, а сейчас все позабылось. Поэтому выдохнула правду: — Сволочь я.

Елрех распрямила плечи, на стену спиной налегла и, кружку отставив, деловито руки на груди скрестила. Я сглотнула и решила говорить так, как с языка слетает и в мыслях складывается.

— Не так давно, или все же давно... Иногда время трудно измерить и обозначить. Я была сволочью, Елрех. Хоть и жила по строгим принципам и правилам, но все равно была сволочью. А сейчас я, наверное, меньшая сволочь, но совсем недавно отправила девчонку на смерть.

Елрех грозно свела брови вместе, плечи приподняла и негромко уточнила:

— Что ты сделала с ней?

— Ничего. Почти ничего. — Сердце заколотилось быстрее, мысли в голове заметались, и я вцепилась в кружку обеими руками. Нужно переходить ближе к делу, а я все кружу вокруг да около. — Мы с ней просто поговорили, и я ей кое-что рассказала об одном негодяе. Балкоре. Теперь она должна отправиться к нему, чтобы он ее убил. Вот и все.

— Балкоре? — с недоумением протянула Елрех. — Я не понимаю.

Я бы тоже ни черта не поняла.

— Я тоже, Елрех, — несмело улыбнулась, озвучивая мысль. — Раньше я никому смерти не желала, и выбирать не приходилось. Вокруг меня всегда все стремились жизнь оберегать, а потом... мир поменялся. — Несдержанно хохотнула, опуская глаза. — Буквально. Я так злилась, что Вольной рассказала обо всем, думала, там же на месте и рехнусь. По-хорошему, это ей бы ему кинжал в сердце вогнать, но на самом деле это будет по-плохому. Она ни в чем не виновата, а он виновен во многих убийствах, и в итоге — ей собой жертвовать, а ему, наверное, почет и благодарность принимать.

Елрех молчала, а я с каждым мгновением тишины понимала, какой несвязный бред, должно быть, несу. Истеричные крохи веселья улетучились, скованные напряжением губы расслабились и от этого даже заныли скулы и щеки. Я хмыкнула и продолжила подступать к непростой правде:

— Не перебиваешь, не уточняешь. Думаешь, наверное, что я бред какой-то несу. Извини. Это очень трудно вот так просто взять и сказать, что мы с тобой давно знакомы, просто ты умерла. — Тряхнула волосами, отгоняя воспоминания последнего взгляда Елрех, направленного на меня, там, в сокровищнице, перед тем, как по моей вине все сгорело в синем пламене. — Или я умерла...

— Ты пугаешь меня, странная Асфи. — Елрех снова подалась вперед, облачиваясь на стол; под ее весом он со скрипом пошатнулся. — О чем ты говоришь?

И вновь одолела нервозность. Зачесалась шея, сбилось дыхание и захотелось сбежать от всего. Я со смешком в голосе и слезами на глазах призналась:

— Представляешь, когда-то давно сам правитель региона Цветущего плато рассказывал мне историю Фадрэгоса.

Елрех вытаращилась на меня, как на безумную, а я продолжила:

— Говорил, что раньше мудрецы и исследователи поднимали вопрос о том, считать ли больных болезнью солнца умершими? И с Вольными так же. А потом сказал, что эти же мудрецы, — я подавила очередной смешок — он щекотал горло. Хитрые лжецы, эти Энраилл, — что они предполагали, может ли появиться в Фадрэгосе тот, кто будет считаться умершим, но при этом не утратит рассудок и память. И вот я... Елрех, прости меня. Ты и представить не можешь, что я натворила. Прости.

Всхлип сорвался с губ, и я накрыла их ладонью. Съежилась и зажмурилась. Дыши, дыши, дыши! Духи Фадрэгоса, возьми себя в руки, тряпка! Ты вернулась в Фадрэгос, радуйся уже этому!

— Прощаю, — вклинился осторожный голос в мысленные приказы. — Видимо.

Неуверенность Елрех немного рассмешила и прибавила душевных сил. Лишь на капельку осмелев, я сразу заставила себя посмотреть на подругу и говорить дальше:

— А еще ты об имени спрашивала! Ты мне его и дала. Асфирель — так ты меня назвала после того, как мы с тобой убили лиертахона. — Я коснулась пустого запястья, потеряла его. Жаль, что клыка больше нет. — Асфирель. Мне не подходит это имя. Елрех, на мне лежат большая вина и тяжелое бремя. Мы с тобой познакомились давно. Это случилось рано утром в Вечном лесу...

Она не перебивала — смотрела неотрывно, изумленно, с неприкрытой жалостью, а я давила из себя слово за словом. Зачастую бессмысленно прыгали предложения, иногда они лишь путали, иногда пугали, что я не смогу вернуть утраченное — а его так много и оно все важное, — иногда доводили до слез и изредка, когда выражение лица Елрех менялось на серьезное и озадаченное, вселяли надежду. Я заставляла себя признаваться в том, кто я, откуда и какой груз прошлого тянется за мной.

Елрех поверила. Поверила не сразу, что было логично, но я смогла убедить ее.

— О бабуле своей ты многим рассказывала? Как проститься с ней не успела, или как она алхимии тебя учила? И мама твоя... Мне жаль, что она так играла с тобой. — В ладонь билось беспокойное сердце, разрывая грудную клетку изнутри. Я несильно похлопала себя по груди и, не отнимая руки, добавила полушепотом: — И я сочувствую, что при вашем прощании, когда ты уходила из ее дома, она не сумела скрыть облегчения. Мне больно, что с тобой так обошлись. Тем более больно и

стыдно, что я поступила не лучше.

Елрех дышала медленно, тяжело. Глаза ее блестели, но слез видно не было; на переносице застыла глубокая морщина, выглядя на побледневшей коже темно-синим росчерком.

— Ты и вправду использовала Сердце времени? — аккуратно переставляя посуду на столе, будто отвлекалась бесполезным занятием, спросила Елрех.

Я кивнула.

— Использовала. Говорю же, в свой мир рвалась.

— Почему там не осталась?

Наши голоса в полумраке опустившихся на Фадрагос сумерек звучали размеренно, устало. Охарс никто из нас не призвал.

— А это... — протянула я. Переживания отпустили, оставляя слабость. — Кейела, Вольного, который нами руководил, найти его хочу. Он мир спасал, Елрех. От меня спасал. В чаше-артефакте, которая врагов показывает, я была.

— Выходит, мир он не спас.

— Наоборот.

— Как это? Вот же ты... — На меня исподлобья взглянула. Без обиды и осуждения, но угрюмо.

Я вздохнула тяжело. Отодвинула от себя тарелку и, руки на нем сложив, налегла на них щекой. Ответила, всматриваясь в темноту, собравшуюся в углу, — она больше не пугала, как в той жизни.

— Говорю же, Елрех, спас он мир. Сам того не понимая, спас. До последнего думал, что ради меня всем миром жертвует. Даже простился. Идиот. — Я улыбнулась, чувствуя овладевшую мною нежность при воспоминании о нем, и пояснила: — Не в нашей с ним привычке было прощаться. А тут прощения просил.

— За что? — продолжала интересоваться Елрех, словно все еще старалась найти зацепку и опровергнуть мое признание.

— Он использовал меня. Тебя. Всех. При любой возможности использовал любого.

— Только плохие всех используют. Зачем же он тебе?

— Думаешь, я лучше? — Голову приподняла, укладывая на предплечья подбородок, чтобы Елрех видеть. — Да и не в этом суть. Я сегодня узнала, что нет его. Бывших Вольных ведь не бывает... — Неприятный ком вновь поднялся к горлу. Я шепотом попросила: — Помогите мне найти Кейела, Елрех.

Она жалостливо брови вместе свела и так же тихо поинтересовалась:

— Как же мы найдем его? Сама говоришь, что нет такого Вольного больше.

— Не знаю, — протянула я. — Надо разобраться, куда они исчезают. Надо выяснить.

— И как ты собираешься это делать, наивная человечка?

Я усмехнулась, выпрямилась и предложила одно из соображений:

— Сначала выясним об их семье. С нами был второй Вольный — светловолосый шан'ниэрд. Как я понимаю, их не так много.

— О таком Вольном точно знали бы все, — согласилась она, кивая головой.

— Значит, семей этой расы тоже не так много. Я хочу отыскать семью этого Вольного. Так мы хотя бы узнаем, рождались ли эти парни в нынешней моей жизни.

— Что значит — в нынешней моей жизни? — хмыкнула Елрех.

— Я не знаю, как еще обозначать время. — Я пожалала плечами. — Мне всегда казалось, что оно лежит в плоскости, а выяснилось, что это тот еще пространственный бред. И бред этот личный, потому как без памяти, какой обладаю я, ты можешь видеть только одну временную шкалу.

Мы с ней просидели до поздней ночи. Она спрашивала обо всем, а я без утаивания рассказывала абсолютно все. Если в этой жизни Елрех предаст меня, поутру побежав с доносом к Дризну, значит,

я вернулась в другой мир — снова чужой. Значит, и остальных искать без толку.

Охарс парили над нами, когда за окном сверкнула молния. Спустя миг раскат грома сотряс стекла, испугал духов, и они взметнулись к потолку, разлетелись в разные стороны: кто дальше от окна, кто к нам с Елрех за плечи. Она словно только сейчас очнулась и обратила внимание на окружение. Хмуро посмотрела на черное окно, скривилась от стука первых капель и тихо призналась:

— Теперь ты нравишься мне, Асфи. Не от того, что ты мне рассказала, а от того, как вела себя этим вечером. С тобой... — повела плечами, — уютно как-то, привычно.

Я улыбнулась, но сблизиться с подругой все еще не рисковала. А она продолжала:

— То, что ты рассказала, вызывает много вопросов и сомнений, но я почему-то верю тебе. Мне не хочется тебе верить, но я верю. Ты говоришь, что твой Вольный спас Фадрагос тем, что подарил тебе знания?

— Наши Вольные спасли.

Елрех никак не могла принять тот факт, что в прошлой жизни ее любил беловолосый шан'ниэрд. Вот и сейчас она скривилась, поежилась и сказала:

— Пусть так. — На меня посмотрела. — Только ты не говорила, как второй Вольный помог тебе.

— Он оберегал Ив, исследовательницу, а я удачно спасла ее. И за это спасение она наградила меня тайной, которая помогла мне выжить в этой жизни. Извини, саму тайну я рассказывать тебе не буду.

— Как скажешь, — не возражала Елрех. Постучала коготком по каемке тарелки и предположила: — Получается Фадрагос еще не в безопасности? Повелители и впрямь зачастили. — Покачала головой. — Наверное, потому несколько рассветов назад в самом деле в обитель прибыли правители регионов.

Сердце екнуло; кровь отхлынула от лица. Я прохрипела, потянувшись к морсу:

— Мне нельзя пересекаться с Волтуаром.

— Это он тебя полюбил?

Я кивнула.

— Как знать, человечка. Ты ведь жаловалась, что была другой, а теперь, по твоим словам, не то поумнела, не то справедливее стала.

— В реалиях Фадрагоса.

— Неважно. Ты изменилась. Если бы ты не сказала мне, что из другого мира, я бы ни в жизнь иномирянку в тебе не разглядела. А он, если тебе верить, полюбил как раз потому, что ты диковатой казалась.

— Я не буду рисковать, — решительно произнесла я.

— Я и не заставляю. Так, — она пожала плечами, — размышляю. А с Фадрагосом что будет? Теперь тебе его спасать?

Я вытерла губы ладонью и ответила:

— Нет, Елрех. Я только Вестница, о чем распространяться нельзя. Мне лишнее внимание ни к чему, да и тайны, которые мне известны, смертельно опасные. Спасать Фадрагос — задача Вольной.

— Той самой, которую ты на смерть отправила.

— Да. Это уже ей Десиена останавливать, а я, наверное, свободна. Понять точно не могу. Меня никуда не тянет, ни с кем поговорить больше не хочу. Только бы Кейела найти. — Голову опустила, глаза прикрывая. В груди потеплело, а волосы на затылке приподнялись, будто Вольный поцеловал незримо. — Но это другие чувства. С силой Вестницы все совсем иначе. Искусственно, что ли.

Елрех промычала. Новый раскат грома заглушил наши вздохи, а когда затих, Елрех напомнила о сне. Я не перечила. Помогла убрать со стола, и уже на выходе из кухни удержала подругу за руку. Она остановилась и на меня посмотрела вопросительно.

— Когда-то ты сказала мне, что мы живы там, где живет наша история, — произнесла я и пересохшие губы облизала. — Помоги мне ожить, Елрех. Я не хочу быть мертвой при жизни.

В ее глазах не было насмешки, только серьезность и, показалось, мелькнуло уважение.

— Если все, что ты рассказала мне, правда, то мы сумеем поладить. — Она накрыла мою руку ладонью. Сдавила крепче. — Будет тебе новая история, человечка. Вот только теперь отдохнуть мне от тебя надо, разобраться в узнанном. Во все услышанное мне еще нужно поверить.

Глава 6. Пятно из голубой крови

Первое время после непростого разговора с Елрех, я ждала от нее проявления бурных реакций, но с каждым новым закатом это ожидание исчезало. Со стороны любому, кто был малознаком с беловолосой фангрой, могло показаться, что она осталась безучастна к открытиям. Как преданный и ответственный алхимик, она большую часть дня предпочитала тратить на зелья. Только в этот раз ей пришлось убедиться, что мне, как новичку, совсем ни к чему просиживать по несколько часов в мастерской гильдии. Оценив мои знания, Елрех пригласила меня в домашнюю лабораторию — обычную комнатушку, обустроенную с удобствами для алхимика. Изготавливая зелья, улучшая их свойства методом проб и ошибок и пробуя изобрести новые, нам не оставалось ни одной свободной минутки для разговоров на личные темы. Однако они появлялись ближе к вечеру. Вот только и в эти периоды отдыха Елрех предпочитала говорить о работе — зельях, травах, благодарных целителях, успехах Аспидов, — обо всем, что меня беспокоило в последнюю очередь.

Иногда, особенно когда меня мучила бессонница, хотелось растормошить Елрех и снова поднять вопрос о нас и нашем прошлом. Почему-то до жути хотелось обсудить это, попытаться объяснить, какую важность это для меня имеет, хоть и прекрасно осознавала, что нет смысла мусолить одну и ту же тему даже всего лишь во второй раз. Сколько бы мы ни говорили о наболевшем, Елрех не сумеет увидеть целостность картины, да и проблему пустой треп не решит. В эти моменты приходилось бороться с собой, напоминать себе, что в собственном одиночестве я виновата сама. Труднее всего было сдерживать себя от спешки в поисках Вольных и требовании этого от Елрех. Она просила дать ей время, а Вольные... Возможно, мне уже и торопиться не к кому.

На восьмом рассвете все, наконец-то, изменилось.

— Поднимайся, Асфи, — тихо произнесла Елрех.

Я открыла глаза и осмотрелась. Комната все еще была погружена в утренние сумерки, холодное, какое-то мутно-серое небо за окном только-только озарялось теплыми красками. Елрех, одетая в костюм, стояла в дверном проеме и вытирала руки полотенцем.

— Встаю, — спросонок промямлила я. Вдохнула прохладного воздуха побольше, поежилась намеренно, прогоняя сон, и приподнялась на локтях. — Что-то случилось?

— Нет. — Елрех смотрела на меня пристально, с прищуром. И, быть может, я бы насторожилась от такого внимания, если бы не угадывалось умиление в серых глазах. — Ничего не случилось, милая человечка. Просто мы отправляемся по делам.

Просочившаяся ласка в ее голосе развеяла все сомнения в том, что она следила за мной без злого умысла. Видимо, пыталась разглядеть во мне прошлое, и, скорее всего, у нее получилось.

Она ушла почти сразу, оставляя меня одеваться. С кухни долетали сладковатые ароматы завтрака, слышались шорохи и легкое постукивание. Дом выпустил меня с коротким скрипом дверных петель, улица встретила зябкой прохладой, плотным туманом и ясным небом. Редкие пичуги голосили над сонной обителью, перекрикиваясь с разных сторон. Я умылась ледяной водой и, постояв немного на свежем воздухе, взбодрилась окончательно.

После улицы тепло дома окутало приятным жаром, запах каши с ягодами, фруктами и медом обрел неповторимое богатство оттенков. Я вошла на кухню и улыбнулась. Елрех уже накрыла на стол, но завтракать без меня не села. Разрезая пирог, она пригласила:

— Садись, Асфи. У меня для тебя новости. Думаю, они тебя порадуют, но не обещаю.

После этих слов желудок словно перевернулся, а сердце забилось чаще. Я поспешила занять место и стала терпеливо ждать, когда Елрех продолжит. Однако могла бы и привыкнуть, что подруга предпочитает сначала утолять голод. Когда с кисло-сладкой кашей было покончено, мы разделили пирог, разлили молоко по кружкам, и только тогда Елрех обрадовала меня:

— Тебе я не говорила, беспокойная человечка, — не хотела лишний раз волновать, — но нашли нам беловолосого шан'ниэрда по имени Ромиар.

— Кто? — приглушенный вопрос вырвался против воли. Один единственный вопрос, хоть в голове их возникло множество: где Роми, кто его нашел, как далеко он, могу ли я увидеть его сегодня, как мы будем действовать дальше?

— Гильдий, благодарных Аспидам, хватает. У целителей Золотой Лани лучшие в своем деле специалисты. К ним обращаются даже верховные мудрецы. Поэтому я решила, что если и живет этот Вольный... Кхм... — Она приглушила неловкость тихим кашлем, отняла кулак от губ и продолжила с поправкой: — бывший Вольный в нашей обители, то обслуживается именно в Золотой Лани. Он же шан'ниэрд. Аспиды тоже сотрудничают с ними, мы продаем им большую часть южных

трав и настоев. Они хорошо платят, но все же цену мы им знатно снижаем.

— Ясно, — нетерпеливо оборвала я.

Елрех понятно улыбнулась мне.

— Беловолосый шан'ниэрд по имени Ромиар состоит в гильдии исследователей, — облокотившись на стол, стала выкладывать она. — Обращается этот молодой мужчина к целителям редко, а за его здоровьем присматривает темноволосый шан'ниэрд. Они не самые умелые в вопросе здоровья, у эльфов с этим дела обстоят куда лучше, но этот беловолосый шан'ниэрд, твой Ромиар, и близко не подпускает к себе другие расы. Его целитель пожаловался мне: когда Ромиар заболевает, или когда приходит время обычной проверки всего духа, наступают самые худшие рассветы в его жизни. Но Ромиар уважаемый шан'ниэрд из уважаемой семьи, поэтому ему никто не отказывает и с ним всегда вежливы. Не знаю даже, радоваться ли тебе.

— Конечно! — Я едва ли не подскочила на стуле.

Елрех скептически изогнула бровь, и у меня язык зачесался пояснить такую простую истину:

— Даже если этот хвостатый расист будет ненавидеть меня, как прежде, или сильнее, главное, что он вообще будет ко мне хоть что-то испытывать! К его ненависти я, кстати, привыкла. И во всем этом есть кое-что безумно радостное! Если есть Ромиар, значит, где-то есть и Кейел. Понимаешь?

— Понимаю. — Она на миг поджала губы, а потом склонила голову к плечу и спросила с участием: — Неужели твое сердце полностью отдано этому человеку? Может, было бы лучше...

— Никаких «может», Елрех! — перебила я. — Он нужен мне!

— А если...

— Что?

— Прости меня, восторженная человечка, но что, если ты ему не нужна?

Чего? Смысл вопроса не сразу уложился у меня в голове, а когда все-таки уложился, то в ней оказалось пугающе тесно для него. Мысль разрастись до масштабов «у него другая жизнь: без Тоджа, с семьей, с гильдией...» не успела. Под оглушительный грохот сердца я отвлеклась ближайшими приятными перспективами:

— Давай навестим Роми.

— Давай попробуем, — кивнула Елрех, хватая пирог с тарелки. — Но не настраивайся на то, что нас к нему пустят.

— Как это?

Нет уж! Поймать птицу за хвост и узнать, что это ящерица, — не самое приятное, но это не значит, что я позволю ей удрать, оставив мне лишь бесполезный трофей.

— Он почти не выходит из дома, Асфи, — с улыбкой сказала Елрех. — Это беловолосый шан'ниэрд.

— А как же гильдия исследователей? Он ведь в ней состоит.

— Состоит, — подтвердила она и добавила: — Хорошему исследователю не обязательно тягаться по всему миру, ему могут все приносить домой. Ты ведь знаешь, что сердце беловолосого шан'ниэрда будет подарено одной единственной, и для них это вопрос жизни и смерти.

Поблагодарив Елрех и за новости, и за ее неожиданную помощь, о которой я даже не догадывалась, я заставила себя доесть кусок пирога и опустошить кружку с молоком. Неизвестно, сколько еще до возможности увидеть старого друга, но не хотелось бы оттягивать эту встречу, отвлекаясь на какой-то там голод.

Солнце грело переполненные существами улицы обители. На главной площади, под самой картой Фадрагоса, парящей в воздухе, собралась шумная толпа.

— Надо было идти в обход, — громко посетовала Елрех, оттягивая меня за локоть из-под тяжелой телеги.

Двигался мсит в таком тесном потоке медленно, но скрип и стук колес заглушал гомон.

— Почему все собрались тут? — громко спросила я, привставая на носочках.

— Я уже говорила тебе. — Елрех прочистила ухо пальцем. — Не нужно кричать, голосистая человечка, у меня все хорошо со слухом. А народ пришел посмотреть на правителей и мудрецов. Шесть деревень уничтожено Повелителями разрушения всего за полпериода. Слишком много для совпадения! И нам интересно знать, что происходит.

— Думаешь, мудрецы и правители знают? — Я скривилась от таких глупых догадок.

Да, конечно, мудрецы наворотили дел за столько столетий, но о Десиене они, скорее всего, не догадывались даже в той жизни. Могли ли они знать, что события, которые, по сути, затеяла Ил, начали проявляться частыми визитами Повелителей? Думаю, что в таком случае, они бы балкору не мешали, а всячески помогали. То есть на мнимую ведьму в моем лице охоту не устраивали бы, а даже наоборот — поднесли бы любезно меня балкору на блюде с голубой каемкой.

Мы с Елрех продвигались через толпу, огибая площадь по краю. Видимо, помня мои опасения, фангра вела меня по противоположной стороне от главного дома гильдии мудрецов. Если правители собрались сейчас там, то, скорее всего, Волтуар будет среди них. Толпа почти осталась позади, когда многоголосый шум, как по мановению волшебной палочки, затих. Слышалось лишь шиканье, наблюдались тычки в бок тем, кто все еще продолжал разговоры. Мы обернулись к карте, над которой раскинулась огромная желто-зеленая сеть. Она напоминала паутину, но при этом с едва заметным свечением, какое обычно исходит от духов.

— Это духи иллюзий, — прошептала Елрех, склоняясь ко мне. И кивнула на сеть. — Ты не видела еще такого?

Я покачала головой, замечая и самих духов. Их множество — мелкое, едва уловимое, — прodelьвало дуги над картой, оставляя после себя следы. Эти следы и формировали паутину.

— Скоро иллюзионисты покажут нам то, что происходит в главном зале дома мудрецов.

Не успела Елрех закончить, как зеленое сияние уступило первенство желтому, а сети сформировали трехмерную картинку. Постепенно она обретала четкие очертания силуэтов, появлялись другие цвета, передавая точные краски нарядов мудрецов. Я узнала эту пятерку еще в тот момент, когда черты лиц были не явными. Но даже не мудрецы, парящие выше карты, на полупрозрачном полу, приковали внимание.

— Это Ив! — громким шепотом оповестила я Елрех, указывая на эмоционально жестикулирующую эльфийку. — А это... Волтуар.

Духи Фадрэгоса, что не так в этой жизни? Почему они уже знакомы?

Не отрывая взгляда от них, я вытерла потные ладони о штаны и сглотнула. Судя по всему, парочка стояла в углу зала, в отдалении от всех. Ив была разодета, как при нашем знакомстве, в костюме с лоском, какой присущ шелку, обута в высокие сапоги с затейливой вышивкой. Волтуар был неизменно в черном костюме, а на плечах тяжело висел меховой плащ. Слушая Ив, правитель склонялся к ней и периодически мотал головой, освобождая от челки глаза. Никому и дела до них не было, кроме меня и Елрех, заметивший их только потому, что я на них указала.

— О чем они могут так бурно шептаться? — поинтересовалась Елрех.

Я оглянулась и убедилась, что все вокруг слушают Нелтора, нагло врущего о черных душах простолюдинов и их грехах, разрушающий любимый Фадрэгос. На всякий случай, вцепившись в плечо Елрех, привстала на носочки и прошептала ей на самое ухо:

— Если ничего не изменилось, то Аклен'Ил региона Цветущего плато ведут переписку с северянами. Не удивлюсь, если, не отвлекаясь на Роми в этой жизни, как на Вольного, Ив сделала себе имя, или как это правильно в Фадрэгосе называется? Неважно. Думаю, что ее пригласили к расследованию о ведьме сразу же. Ты не представляешь, на что эта фанатичная к работе эльфийка способна.

— Насколько помню, ты хотела подружиться и с ней.

Хотела, но...

— Передумала, — коротко ответила я и потащила ее подальше от бесполезного зрелища.

Пребывая в восторге от того, что Ромиар все-таки существует, я совершенно пропустила тот факт, что он состоит в гильдии исследователей. Насколько помню, эта гильдия в Фадрэгосе на уровне наших государственных учреждений. То есть одна на весь мир, просто в каждом городе есть свои... филиалы? Наверное, да, так звучит правильно. Значит, в этой жизни Роми и Ив могли бы быть знакомы, пусть не лично, но по деловым перепискам. Либо, что меня, в связи с последними новостями, устроило бы больше, они работают в разных областях одной сферы и никогда не

пересекались. Я была бы рада подружиться с Ив, пусть мы с ней и не всегда сходились во мнении, но прямо сейчас, пока я во всем не разобралась, она может быть мне только врагом. Десиен должен прийти к тому, к чему идет. Как бы я его не любила, каким бы отвратительным он мне ни казался, нельзя отрицать, что спасение вымирающей расы — благородное дело. Всегда ли оно должно совершаться только такими же благородными поступками и решениями? Об этом уже судить не мне.

— Куда дальше? — спросила я, вырвавшись из толпы на перекресток.

Елрех без слов перехватила инициативу и продолжила путь, заставляя меня следовать за ней. В эту часть города мне наведываться не приходилось. Даже роскошный дом Ив на фоне этих особняков, которые тянулись по ухоженной улице, вспоминался скромным домиком. Зеленая ограда цвела и была такой насыщенной, будто ее поливали ежедневно. Впрочем, учитывая духов, эта догадка могла быть истинной. На дороге, мощенной брусчаткой, не было ни одного опавшего листочка, а если такие и встречались, то словно были брошены намеренно, дабы придать вид легкой небрежности.

— Он живет тут. — Елрех подошла к высоким кованым воротам и, остановившись, невольно погладила кинжал.

Волнуется? Видимо, она все же приняла тот факт, что в прошлой жизни была с Ромиаром. Каково ей сейчас? Я подошла ближе и положила руку ей на плечо.

— Как мне его позвать? Давай я поговорю с ним сама, а ты...

— Ты что это, смешная человечка? — С весельем взглянув на меня, она хохотнула. — Думаешь, меня таким напугать можно? Я просто тебе помочь хочу. Уж больно любишь ты своего человека и к этому шан'ниэрду отчего-то тоже сильно рвешься.

— Они...

Хорошие? Добрые? Ни капельки. Духи Фадрагоса, в них мало и первого, и второго, скорее, больше злости и подлости, но вопреки их недостаткам, коих много, я нуждаюсь в обществе каждого парня. Пожав плечами, я выдавила из себя извиняющуюся улыбку, а Елрех, немного постояв на месте, усмехнулась и смело шагнула к воротам. После того, как сторожевые духи обследовали нас, вплоть до карманов и пазух, из больших дверей особняка показался эльф в белоснежном костюме и черных сапогах. Вышагивая бодро, он приблизился к воротам и звонко спросил:

— Вы к кому?

— К Ромиару. — Елрех поморщилась, разглядывая эльфа.

— Из какой гильдии и по какому делу? — Все еще не открыв нам, он протянул руку, будто ждал, что в нее что-нибудь вложат.

Елрех вскинула подбородок и, поправив знак на груди, с гордостью сказала правду:

— Я алхимик из Пламени Аспида, но к вашему господину пришла по личному делу.

Тонкие брови эльфа высоко поднялись, а сам он быстро хватанул воздуха ртом и оглянулся на крыльцо дома. Нахмурившись, облизал губы, дернул ушами и снова не совладал с бровями — они взмыли почти на середину лба, выдавая высшую степень растерянности. Пока он старался взять себя в руки, я уловила движение в доме. Кто-то прятался в окне второго этажа за шторой. Ровно в ту секунду, как я заметила наблюдателя, появился зов силы. Не такой очевидный и мощный, какой был с Вайли, но он был.

— Туда смотри, — показала я Елрех, подступая ближе к воротам.

Она мгновенно уставилась на указанное окно и почему-то насупилась.

— Там Роми, да?

— Наверное, он. — Елрех безразлично пожала плечами, но подбородок вздернула выше. — Молодой шан'ниэрд. Он старается не смотреть на нас, но ему трудно. Перед ним ведь стоит позор его расы.

— Э-э... но... а... — нечленораздельно поддержал беседу эльф, оглядываясь на окно. И с благоговейным ужасом прошептал: — Его не должно там быть.

— Мы сможем побеседовать с ним? — поинтересовалась я.

— Но к Ромиару не пускают женщин! — на последнем слове он взвизгнул и сам, нервно вздрогнув от своего же голоса, вытянулся по стойке смирно. Видимо, с настолько нелепыми просьбами в этот

дом еще ни разу не приходили. Однако через секунду резким, уверенным движением эльф одернул сюртук, заправил волосы за уши, а в зеленых глазах загорелся знакомый фанатичный огонек. — Пусть духи будут милостивы к вам и вашей гильдии, но, при всем уважении, пустить вас к Ромиару я не имею права.

Мы с Елрех переглянулись: я с разочарованием, а она с сочувствием. Эльф же продолжил заученно чеканить:

— Вы можете передать ему послание. Предпочтительно в письменном виде, так каждое ваше слово сохранит вложенные в него вес и значимость. Однако я должен предупредить, что мне придется обезличить ваше письмо, чтобы оно не имело ничего общего с вашим характером.

— Даже так? — изумилась я.

Эльф уперся в меня осуждающим взором, сложил руки на животе и строго обозначил:

— Уважаемому Ромиару не дозволено рисковать собой.

— Мы не можем говорить через вас или кого-либо еще, — стальной интонацией Елрех не уступила эльфу. — Только лично.

Не узнать ее решительность и веру в благородное стремление было невозможно. Расовая предприимчивость фангр ради помощи нуждающимся хорошо научила меня, что иногда она работает добродушной расе в ущерб. Сердце сжалось от плохого предчувствия.

— Но...

— Посмотрите на меня, — потребовала она, не позволяя эльфу ответить. Тряхнула густыми волосами и сжала кулаки. — Посмотрите внимательно! Посмотрели?

— Да, уважаемая. — Эльф, хоть и стоял за оградой, все равно попятился.

— Тогда ответьте: какой беловолосый шан'ниэрд влюбится в пятно на безупречной репутации своей расы?

На голубых щеках проступили синие пятна, а висок заблестел от пота. Елрех резко опустила голову и воровато вытерла скулу, будто думала, что там слеза. И хоть слез не было, смотреть на нее было больно. Я против воли отступила.

— Елрех, пойдем отсюда.

— Нет.

Я приоткрыла рот, но не нашла, что сказать — ответ прозвучал слишком категорично и неожиданно. Ноги стали ватными, а чувства запутанными. Елрех, продолжая сжимать кулаки, повернулась ко мне, окинула суровым взглядом с ног до головы и тихо проговорила:

— С рождения меня чураются и фангры, и шан'ниэрды. Эльфы, — вскинув руку в сторону, указала на пунцового слугу, — не знают, как относиться ко мне. Всезнающая Асфи, будь я просто фангрой, он бы сразу прогнал нас. А он... Погляди на него. Погляди, какой он важный! Ты видишь? Видишь же. Он прислуживает беловолосым шан'ниэрдам, и уже гордится этим. А меня повстречал и растерял все свою важность.

Она разошлась не на шутку. У меня возникало чувство, что еще немного — и из ближайших домов начнут выходить жильцы, чтобы посмотреть представление поближе и разобраться подробнее в его причинах. Елрех и в той жизни тихоней не была, но, судя по всему, мне просто не доводилось видеть ее в непосредственной близости к светлой половине сородичей. Но как же она тогда терпела Роми? Быть может, в той жизни он был ближе к народу и характером совсем не напоминал их. Не имеет значения. То, что творится с ней сейчас, бьет по сердцу и не оставляет воздуха в легких, а в голове дельных мыслей, кроме одной — увести бы ее отсюда.

Эльф побледнел и сглотнул, снова оглядываясь на дом, и в этот момент на крыльцо выскочила беловолосая шан'ниэрдка. Приподнимая подол платья молочного цвета, она сбежала по ступеням и быстро засемила по дорожке к нам. Я мазнула по ней взглядом и с облегчением вздохнула, но через миг вновь посмотрела. Уже жадно, внимательно. Ровный разлет аккуратных бровей, мягкие и тонкие черты лица, а в хитром прищуре глаз сияет цветочный мед. Серая мерцающая кожа чуть розовела на щеках, белые волосы были собраны в высокую прическу, обнажая тонкую шею и цепляясь за рога. У них даже рога одинаковые...

— Что случилось? — А в голосе звенит его высокомерие.

Слуга с облегчением подскочил к младшей сестре Роми, пригладил волосы, словно Елрех успела

его потрепать, а затем быстро доложил о нас. И доклад этот мало чем отличался от ябедничества. Выслушав его, шан'ниэрдка сцепила руки в замок, распрямила плечи и выступила вперед.

— По какому праву вы требуете от нас невозможное? — Посверлила гневным взглядом сначала меня, потом Елрех. И снова на меня уставилась: — Сердце моего брата свободно. И он точно одной из вас его дарить не намерен!

Елрех шумно вдохнула и с презрением оскалилась. Положив руку на ее напряженное плечо, я тихо попросила еще раз:

— Давай уйдем, Елрех. В самом деле, не будем рисковать жизнью Ромиара. Наша с ним дружба того не стоила.

Он хмыкнула. Проигнорировав мою просьбу, отступила в сторону и громко произнесла:

— Ты слышала, низшая человечка? Он рискует полюбить одну из нас, но мы для них настолько омерзительны, что любить они нас не могут!

— Да как тебя любить? — встряла сестра Роми, выбивая твердую почву из-под ног. Она пристально рассматривала Елрех и морщилась. — Мы все знаем тебя, полукровка. Слышали о тебе. Ты...

Ее передернуло, хвост обвил ногу, собирая платье в складки, а через мгновение она прикрыла рот ладонью и сгорбилась. Ее что, тошнит?

— И кто из вас врет, Асфи? — спокойнее поинтересовалась Елрех. Приблизилась ко мне вплотную, склонилась и перешла на шепот: — Ты говоришь, он любил меня. Но как же он тогда не сбредил? Видишь, что с ней происходит, человечка?

В серых глазах застыло требование, а я, наблюдая за плохим самочувствием девицы, не знала, что отвечать. Ситуация обернулась совсем по-идиотски печально. Сестру Роми перекосило в очередной раз, и она отступила, плотно зажимая рот. Потом вдохнула глубоко, опустив руки, сжала кулаки и потребовала:

— Убирайтесь! Родителей нет дома, а мы не будем вам помогать. И не пытайтесь вломиться! Наши духи вам не по зубам. Приди к нам хоть сам правитель, без разрешения нашей семьи он не войдет. А ваша гильдия... Аспиды, — вцепилась взглядом в гильдейский знак на груди Елрех. — Я пожалуюсь твоему верховному на тебя, полукровка. Убирайся отсюда прочь и никогда больше не приближайся! — Вскинула руку, указывая в сторону площади, и прокричала: — Вон!

Ее колотило. Хвост елозил по ногам, собираясь в кольца, серые щеки адели, губы кривились, а глаза слезились. Казалось, будто она в короткий промежуток времени умудрилась заболеть чем-то серьезным. И в другое время я наверняка пожалела бы ее, но сейчас сосредоточилась лишь на ее словах. А девчонка-то права... Ограда высокая, но никаких острых наконечников не имеет. Да и крепкие растения позволят запросто на нее вскарабкаться.

— Пойдем, Елрех. — Я потянула самую восхитительную женщину в Фадрэгосе подальше от чудовищ и громко добавила: — Эта невоспитанная истеричка не достойна твоего общества.

Шан'ниэрдка отпрянула, прижимая руки к груди. Рассматривая меня круглыми глазами, выдохнула удивленно:

— Ты многое себе позволяешь, человечка. Такие, как вы, слишком многое себе позволяете. Вы не должны быть тут. А подруге твоей должно быть стыдно дышать с нами одним воздухом. — Она приподняла брови, будто ее осенило. — Ну, конечно. Ей всего-то нужно переродиться. Полукровке нужно...

— Закрой рот! — Я ринулась в ее сторону, но остановилась в трех шагах от ворот.

Высокомерная тварь побледнела и медленно провела рукой от груди к шее. Я смотрела на ее пальцы, обхватывающие тонкое горло и в какой-то миг поймала себя на мысли, что не прочь посмотреть, как они вопьются глубже. Представляя окровавленные коготки, подняла глаза на девицу и, наслаждаясь ее ужасом, договорила:

— Закрой свой рот, иначе придет время, и я все тебе припомню. И память, к сожалению, у меня не самая плохая.

Эльф суетился, пытаясь придержать шан'ниэрдку за локоть, но при этом опасался прикоснуться к ней. Косился на меня угрюмо, обиженно сопел, кусал губы, хватался за уши и, кажется, терял терпение. Наверное, вскоре он покинет убежище и собственноручно отведет нас как можно дальше от безразличной госпожи. Но зачем доводить ситуацию до большего абсурда?

Покачивая головой, я отступила. Пару шагов пятилась, запоминая дом и ограду, а затем развернулась и поспешила догнать Елрех. Думала, что разговор уже закончен, но в спину прилетел оглушающий совет:

— Полукровка, тебе лучше утопиться! Утопись! Так будет лучше для всех!

Грудную клетку сдавило, воздух застрял в горле. Елрех встала посреди дороги, через мгновение оглянулась с мертвенно бледным лицом и с вызовом ответила:

— Уже пробовала! У меня... не вышло. — На последнем слове ее голос сорвался, превращая ответ в оправдание.

— Значит, ты плохо старалась!

Я зажмурилась, стискивая челюсть. В висках барабанила кровь, кипела в венах, заставляла сердце работать на полную силу. Я сдерживала злость, крепко ухватившись за рукоять кинжала и мысленно обращаясь к Кейелу. Как тебе удавалось терпеть все насмешки? Откуда у тебя брались силы и желания спасать мир, когда многие вокруг не давали тебе и капли добра? Не слыша о человечности, как тебе удавалось выносить все это? Кем же ты был, Вольный? Как стать хоть немного похожей на тебя?

Мы не отправились сразу домой. То ли неосознанно, то ли намеренно Елрех повела нас в трактир, где завсегдатаями были в основном Аспиды. По мере приближения к заведению отчетливей раздавались голоса с площади и громче тяготило наше молчание. Зал практически пустовал, поэтому с выбором столика проблем не возникло. С малочисленными посетителями, с виду весьма уставшими, Елрех обменялась кивками и побрела к темному углу. Как только мы расселись, к нам подбежала разносчица. Даже она удивленно переспросила о настойке из травы забытья.

— Не хочу показаться занудой, но не рано ли для такой выпивки? — полюбопытствовала я, разглядывая помещение, погруженное в полумрак.

Елрех пожала плечами, поправила волосы, а затем прямо спросила:

— Неприятное было зрелище, да, добрая Асфи?

— Добрая? — повторила я, налегая руками на стол. — Что-то в этом слове я не услышала искренности.

— А она от тебя зависит, человечка.

Елрех откинулась на спинку скамьи и скрестила руки на груди. Духи Фадрагоса, да она обижается! События последнего часа пронеслись перед глазами, наталкивая на догадку. Я опешила и на короткие секунды растеряла все мысли. Помолчав немного, поинтересовалась:

— Так ты повела меня туда целенаправленно? Хотела показать, чего мы с тобой стоим в этом мире? — Вдохнула глубоко, потерла глаза и напомнила: — Я не просила тебя идти со мной и не просила...

— Ты нашла меня намеренно, — прорычала она, прижимая кулак к столешнице. — Я устала постоянно быть одной, но свыклась с такой жизнью. Свыклась и с мыслью, что единственная моя семья — это моя гильдия. А тут приходишь ты и несешь с умным видом свои небылицы. Как же по-твоему сам беловолосый шан'ниэрд любил меня? Как прикасался ко мне? Да их от одного моего вида тошнит!

Трудно отрицать правду. Очередная правда нынешней жизни, которую я не могу опровергнуть.

— Я не знаю, — призналась ей.

Облокотилась на стол и положила подбородок на сцепленные в замок руки. К такой беседе я не настроена, а после всего случившегося мне даже просто говорить не хочется.

— Ты не знаешь. — Елрех укоризненно качала головой. — А кто знает? Ты Вестницей себя назвала. Как тебе удается так складно болтать, а на такие вопросы ответы не знать?

— Елрех, он был Вольным, — буркнула я. — Может, причина в этом.

Пока нам накрывали на стол, пока мы накладывали еду, я никак не могла оправдаться перед ней даже в собственных мыслях. Вина в том, что я появилась на пороге ее жизни, вспыхнула и никак не хотела гаснуть. Вся та дрянь, которую выкрикивала сестра Роми нам в спину, звенела в ушах, пробуждая сожаление и какой-то невыносимый стыд. Я злилась на себя и на шан'ниэрд. Даже тогда, когда Елрех успокоилась, и мы выпили не первую чашечку приторно горькой настойки, злость никуда не исчезла. Однако алкоголь все же расслабил и позволил мыслям течь плавно.

Наблюдая за расслабленной Елрех, я заговорила о волнующей теме:

— Знаешь, какая идея у меня возникла, когда глупая девчонка оскорблять тебя начала? А не пробраться ли нам к ним домой?

— О чем ты говоришь, человечка? — в очередной раз разливая по чашечкам пойло, спросила она. — Это ж кто еще из вас глупее. Где ты такое видела, чтобы сторожевые духи не задержали чужака и не сообщили хозяевам о нем?

— В прошлой жизни и видела.

Она нахмурилась и на меня блестящими глазами исподлобья глянула.

— Однажды к тебе в дом приходил Кейел, — подкидывая закуску в ее тарелку, вспоминала я. — Мы с ним тогда только познакомились, и я даже представить боялась, чего от него ждать можно. А духи твои мало того, что пропустили его гостеприимно, так и нас о нем не предупредили. Они даже ластились к нему. Елрех, ты понимаешь, о чем я толкую? Он был Вольным.

— И тебе духи так же радуются? — Она склонилась над столом.

— Лучше, Елрех. Лучше. — Я растянула улыбку и втянула носом воздух. Настроение поднималось, и ароматы становились аппетитнее. — Вестницы следуют за духами, но не служат им. А вот духи делают нам тропы мягкими...

Саму идею мы долго не обсуждали. Очень скоро зал стал заполняться взволнованными существами. Они бурно делились полученными новостями от мудрецов, занимали столы, стойку, грели воздух беседами, смехом и шутками. Мы пили, но горечь настойки теперь не была такой ощутимой, а закуска казалась вкуснее. Когда исчерпалась очередная тема между мной и Елрех, над столом затянулась тишина. Веселье улетучивалось. Отхлебнув овощной сок и любясь танцующей парой в центре зала, я спросила:

— Это правда? То, что ты пыталась утопиться.

Елрех с ответом не спешила. Собрала себе бутерброд из лепешки, вяленого мяса и зелени. Откусила прилично, прожевала и только потом непринужденно сказала:

— Правда.

С подробностями к ней лезть не хотелось, хоть пьяное любопытство удерживалось с трудом. Когда человек, молодой мужчина, в танце поцеловал темноволосую фангру, Елрех отвернулась от них и сама продолжила делиться:

— Я тогда к бабуле вернулась, а дальше ты знаешь. Мне соседка рассказала, как она умирала. Да так рассказала, что я опять пожалела о своем рождении. Тогда сразу и пошла на реку. — Рукой смахнула крошки со стола себе на ладонь и добавила: — Страшно было дурехе, плавать-то не умела.

— И что в итоге? — Я нахмурилась и на миг взгляд на кружку с соком опустила. Но долго не смотреть на Елрех не могла. — Смелости не хватило?

— Нет, милая Асфи. — Она горько усмехнулась, выбрасывая крошки в пустую тарелку. — На такие поступки не смелость толкает, а безрассудство. Его у каждого из нас с запасом отыщется, надо лишь растолкать. Вот и я в воду полезла: зашла по грудь, уговаривала себя каждый шаг делать, а там глубина. Я под воду и ушла с головой.

Она замолчала, склоняясь и за чашку хватаясь; белые волосы упали на щеки. Я поспешно напомнила о себе:

— А дальше? Ты ведь плавать не умела. — В лицо ей заглянула и увидела клыкастую улыбку.

— Научилась, — со смехом ответила Елрех. — Вот тогда и научилась. До сих пор хорошо плаваю.

После обеда, пока Елрех отсыпалась в своей комнате, я умылась ледяной водой, а затем позвала Айссию. В этой жизни ни они, ни Ксанджи не отказывали мне и даже не артачились, будто время, разделяющее мои жизни, не имело для них никакого значения. И если брать мою теорию о временных шкалах, как базу, то духи не были привязаны к одной конкретной шкале. Как там было написано на стенах сокровищницы о Повелителях? Нет у них прошлого, и нет настоящего, живут они вне времени и созданы нуждой и верой? Что-то вроде того... Видимо, с духами дела обстояли так же, но в Фадрагос они попадали не просто одной верой, а с водой Истины.

Рассуждать о духах теперь, когда мне столько всего было известно, оказалось интересным занятием, но подходящего собеседника рядом не находилось. Поэтому я и шепталась с Айссией, спрашивая их о тайнствах:

— Планеты находятся в космосе. — Позволяя духу ластиться к руке и лицу, я закрывала глаза. Опынение с теплым прикосновением исчезало, а в теле появлялась сила. — Но не думаю, что Повелители живут в нем. Вы ведь обитаете с ними в одном измерении? Или у вас никаких измерений вовсе нет? Логично, раз живете вы вне времени, то и с другими ограничивающими рамками все, по идее, обстоит так же. Еще виски чуть побаливают, снимите, пожалуйста. Во-о-от, — с облегчением протянула я, — огромное спасибо, великие духи.

Они, понятное дело, не отвечали. К счастью, никаких больше поводов при их призыве я не ощущала. И, к глубочайшему сожалению, я их вовсе не ощущала. Они были оторваны от меня, были отдельными существами, поэтому любую просьбу приходилось озвучивать вслух, учитывая их характер. Оскорблять духов не хотелось, поэтому на каждый зов о помощи тратилась самая ценная разменная единица в нашей смертной жизни — время. Ведь необходимо было давать себе отчет, о чем просишь и в их ли силах выполнить просьбу.

До заката я изучила все кустарники во дворе, которые находились в непосредственной близости соседских территорий. Мне довелось насмотреться и на дыры в деревянных заборчиках, и на заросли сорняков, и на кротовые норы и даже, кажется, на кроличьи подкопы. К закату я подружилась со всеми охранными духами, к которым смогла подойти незаметно от чужих глаз. Поэтому со смертью Солнца вошла в дом, на скорую руку приготовила ужин, призвала Айссию и с ними отправилась будить Елрех.

При свете луны, ежась в ночной прохладе, мы уже стояли под роскошным забором рогато-хвостатой семьи. Ночные цветы на нем раскрыли бутоны, запахи насыщенно и мерцали синевой, освещая нас в темноте. Нужно было торопиться, чтобы никто нас не заметил, но Елрех медлила, постоянно отворачивалась и строила страдальческое выражение лица. Эта фангра, какой бы скандальной и обидчивой ни казалась, не умела долго держать зла. В отличие от меня. Ее пришлось силком тащить с собой, и сдалась она только при озвученной не радужной перспективе: Ромиар может влюбиться в меня, а я точно не отвечу ему взаимностью. И что тогда будет с беловолосым шан'ниэрдом? Ни любви, ни ума, ни счастья под конец короткой жизни... Впрочем, о его уме я приукрасила, терять там особо нечего. Но, главное, что на Елрех это подействовало.

— Мы поступаем неправильно, жестокая Асфи, — она опять завела порядком надоевшую песню и схватила меня за локоть, останавливая в метре от цели.

Я посмотрела на забор перед собой, тяжело вздохнула и напонила:

— Елрех, это важно для всей его расы. И пусть сила Вестницы не тащит меня к нему, как тащила к Вайли, но это важно, — последнее слово хотелось повторить для убедительности еще раз, но я удержалась. Позволила сове ухнуть дважды и продолжила: — Есть какая-то разница между простым беловолосым шан'ниэрдом и Вольным. Не тошнило его от тебя, понимаешь? Он от всех нас кривился, всех нас чмырил, как... как... — Развела руками, подбирая слова, но плюнула на поиск сравнения. — Глупцами нас всех считал, но тебя полюбил. Полюбил сильно. И я не видела у него никаких признаков сумасшествия, кроме того, что он был чванливым тупицей. Но тупил этот высокомерный идиот и до влюбленности.

Елрех будто меня не услышала, только руку крепче сжала.

— Я не могу понять, чего ты добиваешься, настырная человечка. Я его совсем не знаю и против, чтобы меня с ним сводили.

— Разве я что-то подобное обещала? Еще не факт, что он тебя в этой жизни полюбит. Да и... — Так ли нужна им любовь? Об этом лучше вслух не спрашивать. — Послушай, Елрех, дело не только в проклятой любви. На ней мир клином не сошелся, и без нее жить можно.

— И это ты говоришь?

Ее неподдельное удивление оскорбило и пристыдило.

— Если понадобится, я и без Кейела до конца своего срока проживу, — заявила я. От брошенных слов сердце ушло в пятки. Я заозиралась, вглядываясь в тени, будто Вольный мог услышать меня, но улица, окутанная ночной мглой, пустовала. — Просто... Есть эльфийская ненависть к балкорам, а тут ненависть ко всему, что на них не похоже. Роми исследователь, понимаешь? Ему чертовски полезно будет вспомнить, кем он был.

— И как ты собираешься ему напомнить?

Перекатившись с пятки на носок, я пожала плечами. Идея у меня, конечно, имелась, но Елрех она точно не понравится. Она и в той жизни о сокровищнице слышать не хотела, ей для этого безумства не хватало. Да и опять же пришлось бы ее убеждать, что любовь Роми не сделает их несчастнее, чем есть на самом деле сейчас. Через такую толщу высокомерия и самоуверенности, как у них, и без тесного контакта невозможно рассмотреть тревоги этих двоих.

— Елрех, ты нужна сегодня только как прикрытие, — попробовала успокоить ее. — Может, он вообще ни в кого из нас не влюбится, и тогда все для всех закончится замечательно. А если и влюбится с первого взгляда, то лучше уж в тебя. Теперь лезем, пока духи не передумали с благожелательным отношением к нам.

— Ты же сказала, что они пропустят нас, — прошипела она, наконец отпуская меня.

— Конечно. Но я сейчас язык не сдержу и случайно не тех ласковыми словами награжу, духи обидятся, а потом ты опять... Духи Фадрэгоса, неважно! Просто лезем.

Через несколько минут мы уже перебежали по большой территории двора от одной клумбы к другой. Сторожевые духи суетились вокруг, но никакого вторжения в наш визит не видели. Для того, чтобы подружиться с ними, мне понадобилось всего лишь дружелюбно представиться, а потом сказать, что я Вестница и хочу помочь обитателям этого дома. Духи после этого даже ворота нам открыли, но я же их быстро и закрыла, после чего вжалась в кусты колючих роз и здешних цветов. Слишком уж открытым был для обзора участок у ворот, чтобы не перепугаться. И только простояв некоторое время в ночной тишине, мы с Елрех убедились, что никто нас никому не сдал.

Декоративно выступающие камни в стене дома позволили вскарабкаться на второй этаж. Сначала я пропускала зоркую Елрех — она заглядывала в темные окна, спускалась обратно, молча мотала головой, и мы двигались дальше. И так до тех пор, пока не нашли спальню Роми. За домом следили с особым рвением — окно открылось легко, петли не издали ни звука. Я осторожно забралась коленями на подоконник и бесшумно спустилась в комнату. Лунный свет стелился у кровати лишь внизу, но силуэт спящего шан'ниэрда отчетливо угадывался даже в полумраке. Он лежал на боку, одной рукой упираясь в матрас, а второй прижимая подушку к щеке. Наверное, по привычке, чтобы рога за нее во сне не цеплялись. Но именно его рука под подушкой напрягла сильнее всего.

Он больше не Вольный, Аня. Успокойся, не дрейфь.

Мышцы проступали под серой кожей на руках и груди, но не были такими же крепкими, как прежде. Белые волосы, собранные в косу, успели растрепаться во сне, а длинная челка падала на лицо, прикрывая веки. Тонкие ноздри раздувались при каждом вдохе. Я посмотрела на босые ступни, торчащие из-под одеяла — на щиколотках темные штанины собрались в складки. На них виднелась светлая кисточка хвоста. Что радовало — неподвижная. Не сумев отогнать воспоминания той жизни, я тихо вытащила кинжал из ножен. С тем Роми и его реакцией никакое оружие ближнего боя мне не помогло бы, но так все равно было бы спокойнее.

Следом в комнату беззвучно запрыгнула Елрех. Наблюдая за мной, тоже обнажила кинжал и застыла. Прислушиваясь к сонному дому, я осмотрелась: просторная спальня с одним окном, широкой кроватью, маленьким столиком и всего одним креслом. Видимо, хозяин покоев не слишком гостеприимный, а к работе относится серьезно, разделяя ее и отдых. На кабинет нынешнего Ромиара мне было любопытно взглянуть, он бы помог больше узнать о парне перед знакомством, но это являлось недоступной роскошью. Под ногой скрипнула половица, и я замерла, затаила дыхание. Роми вздохнул шумно, почесал пальцами одной ноги пятку другой, чем еще больше скинул с себя одеяло, и снова затих.

Я позволила себе двигаться дальше. Медленно приближаясь, отметила, что Елрех слишком пристально присматривается к шан'ниэрду — склоняет голову то к одному плечу, то к другому, ворочает кинжалом, будто не знает, как удобнее его перехватить. К тому же подходила она к изголовью кровати, да так осторожно, что сомнений в моей догадке оставалось все меньше и меньше. Меня и Роми разделял жалкий метр, когда я спросила в полный голос:

— Ты не спишь, да?

Он вскочил на ноги. Сердце ухнуло, кровь взбурлила. В его ладони блеснул камень, и я не стала испытывать удачу.

— Ксанджи, уничтожьте амулет! — опасаясь перебудить весь дом, приказ я прошипела. Оставалось надеяться, что со смыслом не ошиблась.

Роми отдернул руку от вспыхнувшего огня, выпуская из ладони пепел. Отскочил и застыл с поднятыми руками. Только белая кисточка хвоста резко мелькала возле их с Елрех ног.

— Не вздумай кричать, — тихо рыкнула она и прижала клинок к горлу плотнее.

— Две девушки в спальне свободного шан'ниэрда, — язвительно протянул Роми, — ну просто моя смертельная мечта.

Услышав его голос, я с трудом справилась с нахлынувшими чувствами. Хотелось рассмеяться, броситься к нему в объятия и признаться, что безумно рада его видеть. Хотелось. Но не всегда желания нужно исполнять — в непростых ситуациях их необходимо контролировать, а эмоции

всячески подавлять.

— Мы пришли не за твоим сердцем, шан'ниэрд, — в полтона произнесла я. — Хотя из него наверняка выйдет могущественное любовное зелье, как думаешь, Елрех?

Кисточка его хвоста хлестанула по ее сапогу, и Роми выгнулся сильнее, стараясь отдалиться от нее, насколько это возможно.

— Что вам нужно?

— Просто послушай нас.

Он фыркнул, вознося руки к потолку.

— Искренне надеюсь, что в ваших безмозглых головах живут мысли, стоящие всего этого риска.

— А ты ничуть не изменился, — заметила я.

Роми молчал, но даже молчал как-то слишком выразительно, отчего казалось, что ночной полумрак пропитывался насмешливым изумлением. А может быть, все дело в его глазах. Они горели в темноте, выдавая недоверчивый прищур.

Стиснув кинжал крепче, я сказала прямо в лоб:

— Ты был Вольным, Ромиар. — Зов, зудящий в груди, с этим признанием стал затихать.

— В твоих кошмарах, сквернословная человечка? — кажется, он шипел сквозь зубы. — Не знаю, чего стоило вам пробраться сюда, но мне смешно, если все усилия были лишь для моего унижения.

— Унижения? — Я шагнула ближе к нему, чтобы не ошибаться в словах, но постаралась оставаться в тени. — Ну да, я поняла: ты считаешь Вольных отбросами.

— Я изучаю их, — с нажимом заявил Роми. — Они бесчувственные твари, не различающие элементарных ценностей. У них нет уважения ни к нам, ни к нашим предкам. Ты знала, что они пренебрежительны даже к духам? — Замолчал, но я бы даже слово вставить не успела, как он уже продолжил: — У них есть только дух-покровитель и дух-помощник, которых они почитают. Остальные — всего лишь инструменты, ступеньки для восхождения к награде, или... Чтобы тебе было проще уяснить — мы для них вещи. — Несмотря на острие у горла, он деловито скрестил руки на груди. — Не сравнивай меня с этими неблагодарными существами без принципов.

Я чуть не хрюкнула, сдерживая смех. То ли еще будет, Роми...

— Ты был Вольным, — пропела я, не отказывая себе в широкой улыбке. — Я помню тебя Вольным. Ты не видел разницы между тем, кого убить, а кого пощадить. У тебя была только одна задача — защищать ту, что должна была спасти Фадрагос. Кстати, она была всего лишь эльфийкой.

Он резко подался вперед, сжимая кулаки, и Елрех, судя по тону, выругалась на своем языке, но кинжал удержала, не порезав Роми.

— Твой рот надо очистить огнем, — тихо сказал обиженный; желтые глаза, казалось, загорелись ярче, — а тебя саму отдать под суд духам.

— А я духами и клянусь, что говорю о тебе правду.

Прежде, чем в комнате засиял многоцветьем знак, я успела надеть платок до самого носа, а капюшон спустить ниже. К тому моменту лицо шан'ниэрда тронул свет, и оно уже вытягивалось.

— Отпусти его, Елрех, — попросила я, оценивая состояние парня. Она мгновенно послушалась и стала боком отступать ближе ко мне. — Ромиар, если дернешься, Ксанджи от тебя мокрого следа не оставят.

Конечно, я врала, но припугнуть парня все-таки нужно было. Однако, как выяснилось, он кричать не собирался. Не замечая нас, Роми медленно шагнул к знаку клятвы и осторожно прикоснулся к нему.

— Этого не может быть, — растерянно произнес, водя пальцами сквозь духов. — Это какое-то представление.

Пока он впечатлялся правдой, я украдкой посмотрела на Елрех. Она была изумлена не меньше, переводя взгляд от знака на Роми — и обратно.

— Выходит, все, что ты говорила правда.

Можно было бы напомнить ей, что я с самого начала предлагала подтвердить все клятвой, но не видела в этом никакого смысла.

— Ты был Вольным, — наблюдая, как духи опадают тающими лепестками на пол, повторила я. — И раз уж ты исследователь, да еще изучаешь Вольных, тебе вдвойне будет интересно мое предложение.

— Какое? — Роми мгновенно вскинул голову.

Я же не собиралась облегчать ему задачу и раньше времени нервировать Елрех.

— Раздобудь перечень артефактов Энраилл. Среди них будет один очень любопытный для тебя. И раз уж ты заговорил о своем свободном сердце. В прошлой жизни ты любил девушку низшей расы, и тебя это... — Я пожала плечами, пряча кинжал в ножны, — вроде как немного смущало. Иногда. А теперь мы пойдем, не будем мешать твоему сну. Как будешь готов, разыщи нас.

Пока мы шустро выбирались на улицу тем же путем, каким пришли, Роми так и стоял посреди комнаты: полуголый, растерянный, с рукой, повисшей в воздухе, где парил знак клятвы. Только когда я уже перевалилась через подоконник, цепляясь за него рукой и проклиная плотный ужин, из-за которого лежать на животе было, мягко говоря, не комфортно, из комнаты раздался вопрос:

— И я не сходил с ума?

Я хохотнула, отчего едва не сорвалась. Уцепившись носком сапога за выступ и обломав парочку ногтей, прокряхтела предельно честно:

— Мы все были не в себе, Рогатый. Все.

Глава 7. Сотрудничество

Ожидание бывает разным. В прошлой жизни я бы не старалась различать его оттенки и не наслаждалась богатым вкусом. А сейчас с затаенной радостью впитывала в себя даже горечь и печаль. Многое изменилось. В прошлой жизни я вовсе не умела ждать. Я просто не знала, что любое ожидание обязательно окупается.

— И он спрашивал обо мне? — Елрех хмурилась, а в ее глазах застыл ужас.

Зато Дриэн никакого страха не испытывал, как и недовольства. Он важно развалился в кресле, после того как собственноручно разлил нам по стаканам грушевую наливку. Так и спиться недолго... Впрочем, как и Дриэн, мне хотелось отметить успех затеянной мною кампании. Он по своим причинам, я — по своим.

— Спрашивал. И что, змейки трудолюбивые, вы такого натворить успели?

— А он не рассказал? — вмешалась я в разговор, раз уж и меня любовно упомянули змейкой.

— Нет. Нашлись другие, кто рассказал, не вдаваясь в подробности. — И потрясая указательным пальцем, вцепился в подлокотник. — Но я догадался, что затейница ты. Елрех никогда бы не позволила себе такую дерзость! Сказать по правде, я бы тоже тебе запретил. И к слову, напомню: ты обещала, что о подобных вещах будешь спрашивать мое разрешение.

Елрех потерла ладонями лицо, прижала одну ко лбу и выдохнула:

— Я все еще не понимаю, верховный. Для чего мы понадобились такому важному шан'ниэрду?

Я давилась смехом, суматошно разглядывая кабинет Дриэна. Конечно же, Елрех с первого раза все прекрасно расслышала и поняла, но поверить даже мне было сложно. Немыслимо! Роми, Роми... И в той жизни эта хитрюга умела плести интриги и не гнушалась никаких методов, а в этой он сходу меня удивлять стал. Какой же ты теперь, рогатый изворотливый червь?

— Он сказал, что вы сами подкинули ему идею, как продвинуться в важном исследовании. Но он не признался, в каком именно. — Дриэн требовательно уставился на меня, и я мгновенно занялась грязью под ногтями. Надо же, как запустила руки...

— Не волнуйся так, милая моя, — с счастьем в глазах продолжил он, обращаясь к Елрех. Вдохнул глубоко, глядя в окно, и произнес: — Ах! Чудесная погода на улице! Чудесные новости, чудесная погода... — И на нас посмотрел: — чудесные вы! Духи Фадрагоса с вашими затеями! Вы возвысите Аспидов! Но для начала спрячете знак.

— Мне это не поможет, — буркнула Елрех.

— Попытайся. — Он хлопнул по столу. — Ты не можешь отказаться от его предложения, потому что я уже согласился на него. Это такой шанс для Аспидов!

Я не сдержала широченной улыбки. Чертов Роми переплюнул все мои ожидания, и они обернулись ликованием и эйфорией. Не знаю, к каким выводам хвостатый пришел в своей рогатой голове, но принял верное решение. Одно меня не устраивало — он додумался превратить нас с Елрех в своих подчиненных.

— Это, — В тонких эльфийских пальцах появился лист бумаги, — жалоба на вас обеих.

— Его сестра, — мы с Елрех сказали это хором. Она ведь обещала, что нажалуется на нас.

Дриэн беззвучно зашевелил губами, и духи обожгли угол письменной жалобы. Пламя взялось охотно, взвилось и стало жадно расплзаться. Спустя миг пепел был подхвачен духами воздуха и вынесен из окна. Я с головокружительной радостью следила за разворачивающимися событиями.

— Знаки спрятать! — приказал Дриэн, поднимаясь с кресла. — Пользоваться ими только при острой необходимости. Шан'ниэрда слушаться во всем! Отныне и до конца выполнения его таинственных исследований вами распоряжается он.

— Но ограничения же есть? Хоть какие-то? — Во рту пересохло, и я вспомнила про стакан с настойкой.

Веселье сошло с лица Дриэна; длинные пальцы забарабанили по краю стола.

— Ограничения есть, — заговорил верховный. — Асфи, я забочусь о каждом Аспиде так, как хотел бы, чтобы заботились обо мне. Как только вы поймете, что исследования несут угрозу вашей жизни — уходите. И вы не прислужницы, а гордые алхимики. На кого бы вы ни работали, не забывайте, что

работаете вы по моему приказу. Вы — алхимики. Аспиды. Всегда помните об этом, и не позволяйте другим забыть. Личные прихоти исследователя вы не выполняете, рискуете жизнью и здоровьем лишь по собственному усмотрению. Только в рамках его исследования, не касаясь этих ограничений, вы безукоризненно выполняете все, что ему потребуется. Как только он отпустит вас — возвращаетесь ко мне и отчитываетесь о своем состоянии.

— Что он пообещал Аспидам? — Елрех мяла пальцы.

— Выплаты. Хорошие выплаты и не только. Пока вы работаете с ним, у Аспидов есть допуск к исследованиям трав и зелий последних трехсот периодов, а также... — он замолчал, вытягивая губы, словно раздумывал то ли извиниться, то ли вовсе ничего не говорить, — знакомства. После успешного окончания вашего задания он лично представит меня правителям региона Рубиновой сладости. Елрех.

Она выдохнула, распрямляя плечи, и с готовностью в глазах пообещала:

— Мы не подведем, верховный.

— Тогда выпьем на дороге, славные змейки. Пусть духи будут милостивы к вам.

На сборы ушло меньше времени, чем на встречу с верховным. Елрех, услышав выгоды, сулящие от сделки, превратилась в пример для подражания любому наемнику. Без каких-либо обсуждений и вопросов, она быстро завершила все домашние дела, вооружилась и, закинув походную сумку на плечо, встала на пороге моей комнаты. Я поморщилась и заметила:

— Думаю, ты торопишь события.

— К пятнадцатому шагу солнца он будет ждать нас в таверне, которая находится на пересечении дорог от самого крупного рынка и выезда из обители. Таверна недешевая, но другого от беловолосого шан'ниэрда ждать и не стоило. Но он выбрал ее, а не назначил встречу в своем доме или любом другом, который смог бы запросто снять. Так поступают только в том случае, если им скучно, или...

— Хотят узнать последние новости в округе, чтобы распланировать безопасный маршрут, — договорила я вместо Елрех, скручивая куртку. — Значит, ты уверена, что он потащит нас в поход.

— Это ты подстроила.

— Это комплимент? — Я изогнула бровь.

Елрех насупилась, а затем спросила:

— Что такого в перечне артефактов он нашел, что могло бы его заинтересовать? Только не говори мне, что мы отправимся в сокровищницу.

Я открыла рот и молча развела руками.

— Ты сказала мне, что мы много раз едва не погибли по дороге к ней.

— И в ней, — добавила я. — Однако времена меняются Елрех. Тогда мы рисковали, а теперь...

— Твоих знаний достаточно, чтобы мы добрались до нее без риска?

Я свела брови и покачала ладонями, импровизируя взвешивание. Ни один из ответов ей не понравится.

— Елрех, — Закидывая сумку на плечо, я направилась к выходу, — он попросит отвести меня туда. Я знала это еще тогда, когда решила, что он должен вспомнить, кем был.

Она шагнула в сторону, освобождая проход, но прежде чем продолжить путь, я задержалась, признаваясь:

— Это будет непросто. А как ты хотела? С сокровищницей ведь никогда просто не бывало. Но я знаю. — Облизала губы и перешла на шепот: — Елрех, я знаю, как поступить дальше. Остальное — мелочи.

— Асфирель.

Уже за порогом, я обернулась к ней.

— Почему я назвала тебя так?

Вопрос не удивил и не обескуражил, но тем не менее я только пожала плечами.

— Может быть, когда ты выслушаешь нас с Роми, то сама захочешь вспомнить.

— И какой-то артефакт поможет в этом? Ты могла бы предложить это и мне, как предложила ему.

— Не могла.

— Почему?

— Потому что точно так же я могла найти тебя — и нашла. В итоге ты осталась недовольна и обвинила меня.

Она опустила голову, а я сглотнула тугой ком и сказала:

— Сами определяйтесь, чего хотите. Я не собираюсь никого уговаривать.

Роми в зале первого этажа мы не нашли, да, наверное, и не сумели бы. Однако, как только одна из разносчиц разглядела Елрех, сразу же подскочила к нам.

— Вы пришли! — с затаенным облегчением произнесла эльфийка и шустро всучила поднос мимо проходящей девчушке. — Следуйте за мной. Я отведу вас к нему.

Мне довелось побывать во многих подобных заведениях Фадрэгоса, но столько народа под крышей одной таверны я видела впервые. К лестнице через шумный зал приходилось буквально проталкиваться и протискиваться. На жилых этажах постоянно хлопали двери, из комнат доносились голоса, стуки и другой прочий шум. В такой суматохе продумывать, как пройдет встреча с Роми всего-то через несколько минут, было невозможно. Я двумя руками прижимала к себе сумку и радовалась, что предусмотрительно упрятала кошель за пазуху.

По приставленным к дверям темным шан'ниэрдам у самой отдаленной комнаты становилось понятно, где находится Роми. Почему-то даже сомнений не возникло, что его не просто охранять намерены, а будут нянчиться с ним. Ничего. С учетом того, как в той жизни он носился с Йв, парень заслужил и к себе немного бережного отношения. В конце концов, Вольный мир спасал. Даже пусть ему никто и не поверит...

Вот только охрана возле Роми в мои планы не входила... По крайней мере, не одобренная лично мной. Да и нужны лишь пятеро.

В комнату нашу компанию любезно пропустили. Эльфийка, сопровождающая нас, губы искусала, и они покраснелись, а ту улыбку, какую она растянула на лице, переступая порог, можно было бы смело отправлять в рейтинг лучших голливудских. Уверена, что в первую пятерку девчонка точно бы проскочила. Однако Роми встретил нас спиной — он опирался ладонями на подоконник и любовался городским видом из окна. Охранник бесцеремонно положил эльфийке руку на плечо и с требовательным взглядом склонился к ней. Она посмотрела на темноволосого шан'ниэрда, съежилась и, промямливая, поинтересовалась, не угодно ли господину что-то еще. Роми молча покачал головой, но так и не повернулся.

Дверь за девушкой тихо закрылась. Охранник остался. Скрестив руки на груди, нагло разглядывал меня и Елрех.

— Я не буду говорить при нем, — сказала я озираясь.

— Ты подчиняешься мне, — напомнил Роми.

Елрех нахмурилась, тоже скрестила руки на груди и с вызовом уставилась на охранника в ответ. Я молча подошла к пустующей тумбе и, скинув сумку на пол, уселась на нее.

В коридоре что-то грохнулось, послышались возгласы, топот. Вскоре все затихло, а потом снова поднялась шумиха — разговоры, смех, хлопанье дверьми. Суматоха...

— Выйди, — наконец произнес Роми.

— Вы приказали мне не оставлять вас наедине...

— А сейчас приказываю выйти!

Он развернулся еще до того, как охранник убрался в коридор. Дождался, когда щелкнет дверь, и поставил в известность:

— Зелье будет действовать до заката, а на рассвете мне придется полагаться только на амулеты. Но хотя бы тошнить от вас не будет. Если я влюблюсь в кого-то из вас двоих, значит, в скором времени

у меня останется одно спасение — смерть.

— Ты пошел на этот риск добровольно. — Елрех скривилась.

Он зацепился за нее взглядом, пошарил по лицу и поежился. Отвернув голову, обратился ко мне:

— Асфи, кто ты?

Я усмехнулась, приподнимая ладони к потолку, но съязвить не успела.

— Не нужно ехидства, — попросил он и сжал челюсти.

От его вида стало как-то не до смеха. Опущенная голова, синяки под глазами, а серая кожа казалась бледной. Белые пряди выбивались из длинной косы и падали на угрюмое лицо.

— Ладно, Роми, обойдемся без шуточек. Но и откровенничать с тобой я так просто не собираюсь.

— И что ты предлагаешь?

Он присел на краешке кровати, облокотился на колени и, сцепив руки в замок, поднес их к губам. На нас глаза не поднимал, смотрел в стену перед собой, будто видел в тонких трещинах деревянной стены настоящее искусство произведения.

Я под чувством вины сгорбилась, но ответила, как и планировала:

— Сначала ты. Выкладывай все, что успел узнать и надумать.

Роми понимающе закивал головой, а потом заговорил:

— Два рассвета я потратил на поиски иллюзии клятвы духов, но такой не отыскал. — Белая кисточка хвоста мазнула по голенищу начищенного сапога. — Потом решил, что вы меня одурманили. Долго злился. Узнавал о вас все, что только могли раздобыть мне наемники. Ничего нового по одной, — Покосился на Елрех, после — на меня, — ничего дельного по второй. Тогда последовал твоему совету. Многие артефакты и так на слуху, но Энраилл был способным архимагом и один трудился за нескольких.

Усмешку пришлось замаскировать легким кашлем. Роми на меня внимания не обратил, а вот Елрех вопросительный взгляд бросила.

— Полный перечень оказалось нелегко раздобыть, — продолжал Роми. — Мудрецы дали огромное количество легенд, а короткий перечень, как выяснилось, нельзя получить даже мне. Пришлось обратиться к знакомому правителю. Только у него разыскались свитки, где описывался каждый артефакт. И уже тогда я задался вопросом: кто же ты такая, если знала, что этот перечень существует вовсе? Наемница?

Я изумилась такому предположению:

— По твоей логике, выходит, что у высшего света Фадрагоса таких перечней нет, а у каких-то жалких наемников — есть?

— Есть разные фанатики, которые могли собрать и целый перечень по крупице найденной информации. — Он пожал плечами. Грубости или чванливости в его поведении совершенно не наблюдалось. Он такой приятный из-за зелья, притупляющее эмоции? — Человечка, в высшем свете о сокровищнице даже говорить не принято. Если только беседа не несет исследовательского интереса. Артефакты — это сила, а силу ищут только слабые и нуждающиеся.

Я развела руками.

— Ладно. Духи с тобой, Роми. Я признаюсь тебе, что между мной и наемниками нет ничего общего.

— Но ты интересовалась одним из них.

— Ого! — удивилась я. — Ты даже об этом узнал.

— Я узнавал все, что мог. И чем больше узнавал, тем больше путался. Ты интересовалась верховным Бесстрашных зверей, и не работает ли он с Вольными. Там же проболталась о беловолосом шан'ниэрде, который стал Вольным. Я искал его, но так никого не нашел.

Он тяжело вздохнул.

— Ты потратил много времени на ерунду, — укорила я. — В какой-то момент я даже подумала, что ты так и не свяжешься со мной.

— Я искал доказательства своим предположениям.

— А ты и их успевал строить?

— Много. Но многие отметал. Почти все. Скажем так, Асфи, я больше старался опровергнуть твои слова обо мне, чем подтвердить их. Ты искала Вольного моей расы, после чего полукровка искала меня, а потом вы заявили ко мне посреди ночи, и ты сообщила, что я был Вольным. Ты знала меня Вольным — так ты мне и сказала. Человечка, после своего визита ты оставила очень много вопросов. Слишком много. «Когда она могла знать меня, если я за всю жизнь из женщин видел только мать и сестру?» — этот вопрос имел только один ответ. В прошлой жизни.

— Я говорила тебе об этом.

— Говорила, — нахмурившись, кивнул он. — Да, ты бросила мне это невзначай. Именно поэтому появилась первая нестыковка. Мы не перерождаемся точными копиями себя самих. Внешность и характер — все отличается. И если ты знала меня в прошлой жизни, это совсем не означает, что ты узнала бы меня в этой. Мы все другие. Мы стараемся проводить дух умершего так, чтобы он возродился той же расы, но существо умирает. С этим ничего нельзя поделать. Оно умирает, и мы смиренно принимаем этот факт и отпускаем его. А ты в свою очередь знала меня так, будто в прошлой жизни я был в точь-точь таким же, какой есть сейчас. Я нашел артефакт, на который ты намекала. Я абсолютно уверен, что ты хочешь отыскать для меня Слезу Луны. И я готов рискнуть собственным рассудком и жизнью, но сначала ты ответишь мне хотя бы на один и самый главный вопрос.

Я улыбнулась ему, мысленно отдавая должное. Как бы плохо я о нем ни отзывалась, он и в той жизни не был идиотом. Но сейчас... Теперь даже интересно, какой Роми опаснее?

— Что ты хочешь узнать?

Он посмотрел мне прямо в глаза и сумел изумить еще сильнее:

— Почему ты использовала Сердце времени?

Глава 8. Поиски

Когда я найду его, то обниму и признаюсь, что люблю. Люблю так сильно, что...

Что?

Может, сказать, что от невозможности подобрать слова для признания у меня каждое утро портится настроение? Глупость какая... Как отреагирует мужчина, если незнакомая девица повиснет на его шее и будет поэтично заверять его в любви? Да и какой он сейчас? этот мужчина...

Мы искали Кейела, прибегая к всевозможным хитростям и используя все связи, которые только имелись у Роми. Тщетно. С трудом, не без зелий и местного гипноза ведуньи, живущей у болота, да еще и вблизи дождливой местности, я все же догадалась, куда двигаться дальше. Елрех тогда, в сырой хижине — пока я поджимала ноги, сидя на низком табурете, пила вяжущий отвар и пристально следила за старухой с крючковатым носом, — посмеивалась надо мною, шепотом называя Великой Вестницей. Фадрэгоская Баба-яга общалась с духами памяти, не самыми полезными, но сильными. Например, вернуть память прошлой жизни Роми и Елрех они не смогли бы, а вот показать мне сон из моей — сохранившейся — памяти сумели.

Помню, как очнулась после, а перед глазами продолжало стоять перекошенное лицо русоволосого мужчины. Его угрозы зарубить нас с Кейелом тоже потом долго звучали в голове. Отец ненавидел сына просто за то, что тот принял не ту судьбу, которую родители ему желали. Будто Кейел мог выбирать... Однако сильнее всего раздражала себя я — та, прошлая. Почему мямлила? Перед кем пыталась оправдать Кейела? Только наше время зря тратила.

Ведунья не помогла так, как планировалось — ни отец Кейела за короткую встречу, ни сам Кейел ни разу не упоминали деревню, откуда они уехали, из-за проклятия, павшего на сына, — но натолкнула на кое-какой след. Погружаясь все глубже в раздумья о судьбе Вольных, я вдруг решила составить маршрут Кейела, который был мне урывками известен. И то, что я помнила, привело меня к южным землям. Кейел и Вайли были совсем детьми, когда их обучал Кхангатор, а Вольные, как правило, не любят усложнять. Поэтому я сделала вывод, что Кейел родом из южных земель. Он родился в деревне, в семье плотника или столяра, затем его избрали духи, обработали, а после отпустили искать наставника. Зачем безэмоциональному мальчику пользоваться священными кольцами и выискивать самое лучшее? Для того, чтобы выбрать лучшее, надо иметь этот выбор. Абсолютно ничего не умеющий ребенок просто направился куда поближе, но, подходя с умом, предпочел агрессивную расу.

К тому времени, как до меня дошла эта мысль, подручные Роми уже обыскали окраины многих регионов, но следов Вольного или парня, подходящего под мое описание, не нашли. Роми, ежедневно получая отчеты, злился на меня и все чаще подолгу находился рядом с нами, будто боялся, что мы в любой момент улизнем — теперь-то он знал, что в прошлой жизни я и Елрех оказались способны отречься от гильдии. И ему это не понравилось. Ему вообще не понравилось, что я сразу же не побежала выполнять его требования и не рассказала сходу все, что знаю о сокровищнице. Основным моим условием сделки стал Кейел. Мы находим его, затем подбираем пятого спутника и только тогда отправляемся за ключами.

Вот только Кейела до сих пор мы так и не нашли...

— Сколько осталось, ты сказал? — Елрех сидела на подоконнике и разрезала яблоко.

Роми, устроившийся на кровати, закинул ногу на ногу, сцепил руки в замок и ответил:

— Пять.

Пять... Пять деревень в глуши Вечного леса, граничащие с Землями Викхартов. Шесть стопок отчетов, что никакого Кейела в деревнях не найдено... Духи Фадрэгоса, как не потерять надежду?

Роми раздраженно спросил:

— И что мы будем делать, если твой человек не найдется?

Рука дрогнула — сок расплескался мимо кружки по тумбе. Опустив кувшин на угол, я застыла. Медленно вздохнула, сглотнула, немного прогоняя сухость во рту, взглянула на стену и сразу глаза опустила. Стены кружились, расплывались, до тошноты мотали сознание, а вместе с ним и мысли.

Что я буду делать?

И ведь убеждала Елрех, что смогу прожить без него. Вот и проверю, смогу ли.

— Асфи, независимо от результата, тебе придется выполнить свою часть сделки.

Напоминание требовательным тоном оскорбило. Я стиснула глиняную ручку и постаралась унять злость, засевшую во мне занозой. С каждым днем безуспешных поисков, которые я сидела взаперти таверны, она копилась, зрела и саднила. Под сердцем ли? С каждой смертью солнца, подытоживая результаты дня, я сомневалась, что во мне все еще билось сердце, а не образовался на его месте обугленный камень. А у кого бы не было этой чертовой злобы?! Я не зверь — человек! Живой человек! Да даже зверя вырви из привычной среды обитания и забрось приспособливаться во враждебную — он придет в бешенство! А если бросать туда и обратно, при этом отбирая все, что стало ему необходимым? Дорогим и бесценным! Духи Фадрэгоса! Повелители! Плевать кто — отдайте мне Кейела! Верните его! Дайте хотя бы шанс вернуться все, от чего я в растерянности и по незнанию бежала!

— Я отведу тебя туда, — глянув на Роми, ответила я. Голос звучал резко, дыхание дрожало, но я не могла больше держать себя в руках.

— Поклянешься? — упрямо спросил он. И спросил не в первый раз...

— Не в этом.

— Что мешает? Вдруг ты замыслишь опять нас обмануть?

— Будь вежлив, недоверчивый шан'ниэрд, — взъелась на него Елрех. — Асфи многие слова подтвердила клятвой, и была не обязана. Погляди на нее! Погляди, как дрожат ее руки! А какая бледная в последние рассветы? Она не спит от смерти Солнца и до самого его рождения. Погляди внимательно! Этот человек, Кейел — залог ее спокойствия. Неужели не понимаешь, что, не отыскав его, она может заболеть и не выполнить того, в чем поклянется? Что тогда с ней сделают духи?

— А я? — Роми вскочил и в два шага приблизился к Елрех. В лицо ей проговорил раздраженно: — Обо мне вы не забыли? Я буду сходить с ума до тех пор, пока не увижу один единственный выход из разрушенной жизни! В бреду! Всем моим братьям, кто полюбил девушку низшей расы, предначертано умереть в бреду!

— А что, — Елрех насупилась, — ты уже кого-то из нас полюбил?

Он отшатнулся от нее и скривился.

— Нет! — И тише дополнил: — Меня воротит от вас обеих, амулеты едва ли справляются, и их очень скоро придется заменить.

Роми направился к выходу, а меня саму стало подташнивать от сомнений, рожденных навязчивой мыслью об очередной ошибке. Елрех и Роми скандалили и спорили ежедневно, будто после моего рассказа об их совместном счастье они намеренно отталкивали друг друга. Словно боялись, что теперь с этим же счастьем не справятся, или доказывали самим себе, что не опускались до нежных чувств к друг другу. На удивление, это не злило, но сильно огорчало. Все же надо было пожалеть их — соврать...

До того, как Роми успел открыть дверь, я тихо заговорила:

— Знаешь, может, ты прав.

Он остановился, обернулся — хмурый и злой. Несмотря на вставший в горле ком, я продолжила давить из себя слова:

— Я не хочу клясться по многим причинам. Елрех озвучила только одну из них. Вторая существенней: я не могу знать наверняка, что все в мире останется таким же, и никто не доберется до ключей раньше нас. К тому же я смотрю на тебя, без обид, — приподняла руки, — реакции у тебя отменные, но ты не тот боец, каким был. Я не знаю, как мы будем справляться. У меня, конечно, есть задумки, но если тебе или Елрех с высокой вероятностью они будут угрожать смертью, я лучше отступлю.

— Ты не отступишь, — грозно протянул Роми, хвостом захлестал по сапогам. — Тогда ведь не отступила.

— Ты до конца не понимаешь!

Жгучая злость отыскала трещину в камне. В глазах потемнело, в висках забились кровь. Я постаралась вдохнуть глубоко и удержать себя в руках, но как же хотелось разбить чертов кувшин, швырнуть его в рога того идиота! Быть может, он отключил бы хоть на миг свои мысли и послушал мои! Как же хотелось встряхнуть весь мир, всех существ, все вокруг! Мне удалось только обойтись без грубости и не ломать ничего, но голос опустить с высоких нот оказалось не по силам:

— Меня же эгоизм толкает! Он привел меня к Елрех снова! Он привел меня к тебе! И сейчас, —

Рубашка треснула в плечах от силы, с которой я ее в груди потянула; грубая застежка расцарапала пальцы, но из-за охватившего напряжения я не могла их разжать, — приходят вести о Кейеле, а я разрываюсь между желанием найти его и нет! Я желаю ему счастья, но вдруг он уже счастлив без меня! И вы! — Резко перешла на шепот: — Я с облегчением вздыхаю, когда во мне пробуждается сила Вестницы. С облегчением, потому что она снимает с меня ответственность за выбор. Я рассказала тебе все, что нужно было — и сила перестала толкать меня. — Шагнула к нему и тихо поинтересовалась: — Так ли тебе нужна сокровищница для успеха? Я вот смотрю на тебя нынешнего и все больше убеждаюсь, что прошлый ты себе не понравишься. Думаю, тебе будет невероятно трудно принять себя.

Он повел головой и твердо спросил:

— К чему ты ведешь?

Камень в груди увеличился, потяжелел, потеснил легкие. Я постаралась не думать о Елрех, сидящий позади меня.

— Может, тебе лучше забыть о нас? — Страх мигом вспыхнул, и я поспешила добавить: — Но не сейчас! Дай мне шанс!

Он перестал хмуриться, но из глаз его угроза не исчезла. Прислонился спиной к двери, руки скрестил на груди и опустил подбородок.

— Так я не ошибся, ты хочешь нас кинуть?

— Не совсем так.

— Тогда как, бессовестная человечка? — Елрех соскочила с подоконника, по скрипучему полу направилась к Роми, но остановилась на полпути и, сжав кулаки, тоже на меня уставилась.

— Елрех, он пока никого не полюбил, и все может обойтись.

Оправдания собственной нерешительности давались тяжело. В последние дни я настолько запуталась в себе, что уже ни в чем не была уверена. Казалось, Аня из прошлого до сих пор боролась с Асфирель из прошлого, а сейчас еще и я... Настоящая. Мне хотелось прожить свою жизнь с учетом прошлых ошибок, но чем дальше я шла, тем четче видела, что сама осознанно иду на грабли и при этом веду за собой ребят.

Сердце колотилось, спина и лоб покрылись липкой испариной, горло сдавило. Не чувствуя ног, я отодвинула кувшин и присела на тумбу. Стараясь не повышать голос, продолжила говорить:

— Роми в опасности рядом с нами, но если все делать быстро — быстрее, чем сейчас, — то он не привыкнет ни к кому из нас. Тебе нужна сокровищница? Нет. И ему не нужна. Он исследователь. — Указала на молчаливого шан'ниэрда. — Пусть изучает Вольных дальше: их воспитание, отношение к жизни. Думаю, этого хватит, чтобы ответить на вопрос о восприятии всех разумных существ, а не только беловолосых шан'ниэрдов. Елрех, однажды я уже видела, как вы рискуете, страдаете, умираете, и... — Руки бессознательно прижала к груди, и лишь потом заметила это. — Я не могу... Не хочу проходить через это снова.

— Но ты готова рискнуть своим человеком? — Роми выгнул бровь. Усмехнулся и ударил по нервам: — Тогда ты не любишь его.

«Я хочу, чтобы ты была счастлива только со мной. Не знаю, что это, но точно не любовь» — что это? Откуда слова в голове? Ах, да... Кейел. Он ведь не мог признаться обычно, по-человечески.

Злость погасла.

— Что с тобой происходит, человечка? — Елрех с подозрением присматривалась ко мне. — Тебе так страшно встретиться со своим человеком?

По ногам прокатился холод, слабость овладела телом сильнее. Я судорожно выдохнула. О чем она спрашивает? Я им только что все объяснила, а она... Что я скажу ему, когда увижу? А если у него уже своя семья?..

— Больше не проси меня бросить эту затею, — с угрюмым выражением лица произнес Роми, отвлекая и прогоняя охватившую меня панику. — Выпей сонных зелий и выпись наконец. Приведи себя в порядок, избавься от ереси в голове. Елрех, а ты проконтролируй моих сопровождающих, пусть соберут нас в путь.

— И куда мы пойдем? — удивилась она.

— В оставшиеся деревни. Сами все проверим.

— Сами? — Елрех смерила его насмешливым взглядом с ног до головы. — Непостоянный шан'ниэрд, ты же сказал, что только к сокровищнице и никуда дальше.

— Сами! Если она тут, сидя на месте, не спятит, то я с ее метаниями и без всякой любви рехнусь!

Выспаться и вправду не помешало. Я проспала почти сутки, а проснувшись посреди ночи, ясно поняла, что последние несколько дней смешались в один. Более того — как ни старалась, я не могла вспомнить ни одной отчетливой мысли. Зато теперь, кажется, готова была проанализировать свою внутреннюю борьбу и придумать решение, как ее избежать. Злость из-за неудач нельзя копить — наверное, так и формируются маньяки. Надо обязательно придумать, куда ее выплескивать.

Роми и Елрех за время моего сна организовали сборы. Они единогласно приняли решение, что в Вечный лес лучше идти с сопровождением и одной охраной важного исследователя не обходиться. Поэтому уже к позднему вечеру подчиненные Роми выяснили, что в одну из нужных нам деревень отправляется торговец и сразу следом за ним выходит целый караван из молодой гильдии плотников.

— Они скупают в Изгорье древесину, — ставил меня в курс дела Роми, разложив карту на столике и склонившись над ней. Полуденное солнце светом стелилось по крепкой бумаге, желтило участок леса, куда указывал Роми — деревню туда не нанесли. — И если мы к тому времени не отыщем твоего человека, то в Изгорье с ними ненадолго разоидемся. Они останутся в этой деревне еще на треть периода, поэтому мы успеем с торговцем пройти в Золотые холмы, поискать Кейела там и вернуться как раз к их отбытию.

— И с торговцем обратно вернемся? Или без него? — нахмурилась я, глядя на расположение Золотых холмов. — Мы же не планировали заходить на земли викхартов. Разве это не опасно? для тебя...

Роми губы поджал, хвостом метнул пол, а затем на меня укоризненно посмотрел, но в желтых глазах и сострадание почудилось.

— У тебя был жар, пока ты спала. Даже не помнишь, как Елрех поила тебя из ложечки зельем. Я думал, Вестницы, если и существуют, то, как и Вольные, от болезней защищены, но до сих пор склоняюсь, что это именно обычная болезнь и была.

— А Елрех, значит, спорит?

— Переубеждает. — Он поморщился. — И к тебе уважения требует и хоть немного жалости. Я решил уступить. И себе заодно выгоду заметил, поэтому на свой счет сильно не обольщайся. Сляжешь еще без этого человека, как мне потом самому во всем разбираться? Да и обязан я тебе буду, если все твои теории верны и помогут шан'ниэрдам. А я в долгу быть не люблю. Поэтому сделаю все, чтобы Кейела твоего найти, и если ничего не выйдет, — Пожал плечами, — извини.

Открытое окно дышало жаром. Я посмотрела на ясное небо и кивнула. Откровенность Роми безмерно радовала.

— Спасибо, — сказала тихо. И сразу попросила: — Рассказывай дальше, что по планам.

В день отправления поднимались затемно. В таверне, которая на приличное время стала нам домом, уже хлопотали работники. Молодые девчонки разбежались по нашим комнатам, убирали, проверяли услужливо, не забыли ли мы чего. Кухарки тихо звякали посудой на кухне; из нее в обеденный зал долетали приятные ароматы и слабое тепло. Мы сели поближе к ней и, пока ждали горячий завтрак, ежились и еще раз обсуждали ближайшие планы. В зале, кроме нас, находился тот самый торговец — худой, высокий человек с проседью в коротких волосах, — со своими помощниками и охраной. И больше никого.

После плотного завтрака хозяин лично отчитался перед нами за провизию и передал ее подчиненным Роми. Сам Роми в это время писал письмо в гильдию казначеев с требованием выплатить указанную сумму этой таверне. Письмо заверил клятвой духов — она упала ржавой кляксой в угол листа, расплзлась на три части, искривилась: в знак гильдии исследователей, семейный знак Роми и наконец — в его имя. Другие духи подсветили разок лист зеленым сиянием, и хозяин таверны широко улыбнулся, принимая местный вексель, стал прощаться и звать нас погостить в любое время.

В предрассветных сумерках вышли на крыльцо, там же ближе познакомились с торговцем и дружно отправились к месту сбора. Двигались медленно — спешить было некуда, да и нагруженные телеги позади скрипели натужно; крепкие мситы тяжело вздыхали, всхрапывали и норовили свернуть к обочинам, скупно покрытым травой.

— Поговаривают, совсем приперло ее, — делился торговец с Роми новостями, — так она у сатиров что-то ценное выкрала да к деревне их привела. И пока они, обозленные, на местных отвлеклись, с

добычей удрала. Сволочь. Сколько же народу загубила, дура жестокая!

— Как есть сволочь, — громко поддержал Роми, с гордой осанкой вышагивая рядом.

Мы с Елрех плелись чуть позади и голоса старались не подавать. Только молчком многозначительно переглядывались, если что-то интересное звучало. Вот сейчас сплетня казалась до безумия знакома, но разговор начался в тот момент, когда я отвлеклась, помогая подростку отнять у животного подол потертого плаща. Он пропах сладким сеном, и она с остервенением принялась его жевать. Прослушав, о ком речь, я теперь пыталась вникнуть в суть и заодно разобраться, откуда взялось чувство дежавю.

— Я потому к каравану этому и прибился, — нервно потрясая зеленой косынкой, проговорил торговец. — А как разбойники и на меня нападут, иль того хуже — натравят нечисть какую. Во дошло! Уже в мирных регионах жить опасно стало! Что уж говорить о свободных землях? А Вечный лес, а? Это ж близость какая к разбойникам.

И на шепот перейдя, к Роми придвинулся. Тот было шарахнулся, хвост дугой поднял, но в кулаке новый амулет крепче стиснул — и снова расслабился. Торговец ничего не заметил.

— А так бы ни в жизнь с этой гильдии не связался, — донесся громкий шепот. — Кто ж так низко опускается, чтобы древесину в свободных землях закупать, а? Пользы-то нашим больше, если тут будут брать. — И деловито добавил: — Пусть и дороже.

— Насколько помню, ты сам из Белых долин, — Роми пренебрежение в голосе не скрывал, — а торговать едешь к виксартам.

— Духи Фадрэгоса! — вскинулся эмоциональный мужчина. — Пусть помилуют меня, скверной запачканного! Да как же, господин? Где еще меда виксарских пчел раздобыть?! А он так нужен! Всюду и всем нужен! Да я едва на ящик склянок в два периода сторговался и вынужден с тех пор...

Не желая дальше слушать оправдания и пустой треп, я подняла голову к светлеющему небу. Рассвет...

Рассветы угнетали, луна пугала. Я шла вперед, заставляя себя делать каждый шаг.

Вереница телег двигалась медленно, и путь, который мы могли бы преодолеть за день, растягивался на два дня, а то и на три. Непредвиденные остановки, вроде поломки колес, раздражали сильнее всего — в них я стремилась углядеть знак повернуть назад. Возможно, Елрех верно указала на то, что я просто боюсь отыскать Кейела и не добиться его в этой жизни. Видимо, мой страх обрел новую форму — злобу.

Из-за отсутствия нормальных дорог и близкой опасности крупные караваны отказывались от перемещения сразу в регион Каменных великанов. Приходилось делать крюк через регион Шелкопрядов, где давно обосновался город именно для путников. Он располагался ровно между священным кольцом и границей, позволял починить возы, пополнить провизию, наконец — отдохнуть и продолжить путь обновленными. Затем пришлось считаться с планами торговца, который уговорил-таки караван-вожатого зайти в Заводь Ал'лирта.

В знакомом мне городе мы пробыли несколько дней, за которые Роми и носа не показал из самой дальней комнаты таверны, а я несколько раз приходила к разрушенной половине города и, разглядывая руины, долго стояла на уцелевшей лестнице. И в этой жизни дорога Аньи повторялась неизменно... Почти. В этот раз жители Красной осоки будут разбираться со своими проблемами без нас, а значит, наверняка вся деревня не пострадает. Возможно, убьют северянина и на том разойдутся. В этой жизни мы с Кейелом не спустимся по лестнице, не дойдем до логова Стрекозы, не попадем в западню, и я не пострадаю. Не услышу, что Вольный тоже умеет бояться...

За две недели пути многие свыклись с присутствием безрассудного беловолосого шан'ниэрда, ушедшего так далеко от дома, да еще и в компании двух девушек. Сам Роми с каждым днем заметно уставал от общества и старался держаться в стороне ото всех, что еще сильнее сближало его со мной и Елрех. Гордый шан'ниэрд к концу похода стал похож на поджавшего хвост пса, который теперь мечтал лишь спрятаться ото всех. Смущало меня в его поведении не только это. Если в первые дни он с былым задором и пылом спорил с Елрех, а в мою сторону и не смотрел, то в последние — пытался разговорить меня, всячески избегая Елрех. Мне же, напротив, говорить хотелось все меньше и меньше, а разбираться в причинах такого поведения друзей не оставалось ни сил, ни желания. Приближение к деревням, в которые вложено столько надежды, угнетало, пугало, тянуло все силы. Что если Кейела и там нет? А если есть?..

— Опять думаешь о своем человеке? — спросил Роми поздним вечером, сидя рядом со мной.

Костер трещал в метре от нас, разгонял сумрак вокруг, обдавал жаром лицо. Возле соседнего костра затянули песню на эльфийском языке, сильные голоса заглушили шум листвы.

— А ты опять хочешь вытянуть из меня клятву? — в ответ поинтересовалась я, бросая взгляд на уставшего шан'ниэрда и стискивая в руке обугленную ветку, которой поправляла горящие поленья.

Роми поморщился и голову на грудь свесил. Может, пока я глубже закапывалась в себя, они с Елрех успели поссориться?

— Не нужны мне твои клятвы, — произнес он, приподнимая кружку с отваром на уровень глаз. — Если понадобится, я сам найду на тебя управу.

— О-ого, — равнодушно протянула я, хоть и пыталась вложить эмоции. С трудом выдавила из себя улыбку и заметила: — А теперь ты похож на себя прошлого. Угрозы, обещания... Насмешек только не хватает.

— Я так смешон в твоих глазах? — Он вскинул брови и ко мне голову повернул; кончик хвоста ритмично ударял по носу грязного сапога. — Не забыла, что и мы с Елрех не давали тебе клятву о том, что ничего о тебе никому не расскажем, Вестница?

Последнее выплунутое слово едва не стерло улыбку с лица, но я удержала ее. Ветерок охладил лицо, упростил вдох. Мне удалось сказать твердо:

— Хочешь рассказать всем мои тайны — вперед. Знаешь, Роми, что я тогда потеряю?

Желтые глаза превратились в щелки, а серые впалые щеки напряглись сильнее.

— Ну? — не вытерпел шан'ниэрд.

— Надежду, — прошептала я. — Ты лишишь меня всего. И нет ничего хуже, чем разумное существо, лишённое всякой надежды. Давай, — Веткой повела в воздухе, указывая на множество костров вокруг, — иди и расскажи им все. Подари мне волну, которую утратил сам.

Роми хмурился и поджимал губы, разглядывая меня. Хотел было ответить, но заметил приближающуюся Елрех с разделанной тушкой в руках. Поморщился и стал подниматься.

— Ты куда? — любопытствовала я.

— К главному. Уточню к какому шагу солнца мы дойдем до первой деревни.

— А это так важно? — с насмешкой подхватила Елрех.

Роми ей не ответил. Только вперился горящим взглядом на пару секунд в ее лицо, передернул плечами, хлестанул хвостом траву и сорвался с места.

Тревога сковала дыхание. Я спросила:

— Влюбляется?

— Ненавидит, — беспечно отозвалась Елрех и принялась возиться с поздним ужином.

К деревне, огороженной тыном, прибыли только к вечеру. Широкая, расчищенная колея вела к высоким воротам. Если бы не ухоженность леса в округе, то я непременно сумела бы вообразить, что встречать нас выйдет Вяз, фанатичный защитник тайн Энраилл. Однако встречали нас приветливые незнакомцы. Суетились, стараясь угодить, после долгой разлуки хлопали приятелей по плечам, интересовались делами и жизнью, с настороженным интересом присматривались к беловолосому шан'ниэрд. Роми только раз поправил гильдейский знак на груди и важно потребовал личной беседы со старостой. Отвели нас к нему сразу же. В двухэтажном доме из сруба я пробыла недолго — услышала, что ни о каком Кейеле мужчина знать не знает, и ушла. На то, чтобы обойти всю деревню, понадобилось не больше часа, но одного обхода для душевного спокойствия оказалось недостаточно.

Обычно деревни в регионах вели более вольный образ жизни и не так сильно зависели от гильдий, но на свободных землях жизнь отличалась. Тут жители сами походили на гильдию, занимаясь одним общим делом. Конечно же, тоже возделывали поля и огороды; женщины занимались домом, белье стирали в реке, протекающей прямо по огороженному участку; в отдалении и ферма мситов отыскалась, и вольеры с хищниками примостились. С последними крепкие мужики работали громко и упорно, натаскивали обучаемое зверье на охрану территории. Духов в деревнях Фадрэгоса хоть и любовно почитали, но только на них одних не полагались.

Обхаживая территорию повторно, я столкнулась с группой разнокожих мальчишек, тащивших на спине сети, сачки и удочки. Помня, как многих в нашем районе знал Егорка, я с надеждой спросила у них о Кейеле — те переглянулись, плечами пожали и продолжили путь к воротам, ссылаясь на то, что до рыбного места еще пару шагов Солнца ходу и нужно бы поспешить. Уступив им дорогу, я подставила лицо солнцу и постояла еще немного на месте с закрытыми глазами. Мысли о Кейеле

пугали, и думать о нем не хотелось, но и не думать не могла.

Ориентируясь на громкие стуки и шорохи, направилась к скоплению сараев. Свернув за угол постройки, вдохнула плотный запах древесины. Слой опилок под ногами смягчил шаг, но несколько мужчин меня все равно заметили и как-то неохотно от дел отвлеклись. Услышали, что я ищу плотника или столяра по имени Кейел, или отца его, утратили интерес и разошлись обедать. Лишь один улыбочивый молодой фангр остался — сначала меня пристально рассматривал, а потом уставился на светло-синий палец, словно там заноса засела.

— Нет у нас никакого Кейела, — задумчиво ответил он; при этих словах я изо всех сил удерживала улыбку. — В Медвежьей колыбели тоже такого не припоминаю.

— Медвежья колыбель? — сглотнув комок, переспросила. — Это что, соседнее село?

Фангр на меня быстрый взгляд бросил, кивнул и охотно дополнил:

— Там деревья валят, а оттуда к нам по реке сплавляют. Чуть дальше от нас находится. Мы туда иногда по вечерам ходим. Народу больше, интереснее жизнь, нескольким девушкам духи музыки благоволят, поэтому они хорошо на дудках и барабанах играют. Вот танцы на всю ночь и устраиваем. — Улыбнулся и тише добавил: — Этой луной тоже собираемся. Если приглашу, пойдешь?

Я рот открыла, но ни слова из себя выдать не смогла. Настолько о Кейеле мечтала, что, получив приглашение от незнакомца, растерялась.

— У нее других забот хватает, — донесся резкий голос со стороны.

Роми стоял у колодки и с отвращением рассматривал рабочий двор. Я нахмурилась, руки на груди скрестила и звонко согласилась:

— С радостью пойду!

Фангр, успевший миг назад заметно расстроиться, снова приободрился — плечи распрямил, улыбнулся и с блеском в голубых глазах переводил взгляд с меня на Роми. Рогатый отвернулся беспристрастно, но кулаки все-таки сжимал и хвостом нервно дергал, выдавая раздражение.

— Тогда вечером свидимся, — с надеждой сказал фангр, чье имя я даже не запомнила. — Где ты остановилась?

Я пожала плечами и покосилась на Роми — он подсказывать не спешил. Я спросила:

— Вы собираетесь возле ворот?

— Да! Но только не возле тех, через которые вы пришли. Там другие есть. — Фангр указал южнее. — Такие же большие, ты их точно найдешь. Со смертью Солнца все к ним сходимся. Если будешь опаздывать, все равно приходи. Я подожду!

— Обязательно приду, — заверила я и еле заметно повела плечами. На такое рвение парня в ответ вспыхнуло чувство вины.

Коротко распрощавшись с ним, поспешила к недовольному Роми. Едва мы поравнялись, он с места сорвался чуть ли не на бег. Я не отставала, а попутно с опаской любопытствовала:

— Что это там было? Ты, случаем, не ревнуешь?

Роми с шага сбился, побледнел, а через мгновение передернулся. Красноречивое отвращение на его лице стерло сомнения — шан'ниэрда тошнит от одной лишь мысли, что я могу быть его возлюбленной. И это хорошо. Без сомнения, хорошо. От сердца отлегло...

— Перед тем, как отправиться разгуливать по деревне, ты должна была меня предупредить.

Я выгнула бровь.

— Может, еще разрешения у тебя спрашивать?

Он скривился и, ничего не ответив, ускорился.

Поселили нас отдельно. Роми выделили комнату в доме старосты, и такую, где окна выходили на глухую территорию, а женщин на время даже ограничили в свободном перемещении по деревне. Нам с Елрех повезло больше — приютила нас старая вдова, человечка. Сильно не донимала, все время нянчилась с детворой, ростом едва достающей мне по пояс. Пока взрослые расходились по делам, старушка собирала всю энергичную ораву ребятишек у себя во дворе и рассказывала им

сказки и легенды. Рассказчицей она была превосходной; мы с Елрех после плотного обеда уселись неподалеку и, сами не заметив, заслушались. Так время и пролетело.

В отличие от Роми, Елрех мою идею, сходить вечером в соседнее село, поддержала. И самим не помешало бы развеяться, и подробнее местных расспросить о Кейеле. Как знать, а может, и деревня тут найдется, о которой никто еще толком не знает. Как правило, поселения образуются часто. Наемники с нечистью борются ежедневно, и как только она сходит с насиженного места, то смысленные существа пытаются первыми занять нетронутый никем участок.

Темнело в лесу рано. Солнце начало тонуть в частых стволах, коснулось кромкой густых орешников. Деревня, укрытая прохладной тенью, загудела; возвращались мальчишки с богатым уловом, с дальних полей воротилась толпа уставших взрослых. Парни постарше и мужчины, работающие в пределах территории, потянулись к каморкам складывать инструменты. Близился закат. Мы с Елрех отправились ужинать.

Смерть Солнца жители деревни обозначили зажженным костром на вышке. Затрубили в рог. У ворот столпилась шумная молодежь. Завидев меня, улыбчивый фангр отделился от нее и бросился ко мне. Присутствие Елрех вызвало у него короткую оторопь и хмурость, но он быстро с собой совладал. Поправил смоляные пряди, собранные в длинный, низкий хвост и, предлагая мне руку, поторопил:

— Ворота сейчас закроют, нужно поспешить.

— Ты же сказал: не страшно, если опоздаю. Я вот вовремя пришла. — Я показательно губы надула. — Солнце только умирает. А если бы опоздала?

Он улыбнулся шире. Получив мою руку, стиснул в горячей ладони и потащил к веренице молодых существ, теснящихся в воротах. На ходу ответил:

— Стражники ведь все местные, знаем друг друга. Уговорил бы, выпустили бы нас. Другое дело, что здешние охранные духи на меня бы оскорбились. Мы им со Смертью Солнца волю большую даем, ночью силой своей питаем. Не любят они, если кто-то после вечернего ритуала деревню покидает. Сейчас все желающие выйдут, и их позовут. Пойдем скорее!

До соседней деревни путь оказался неблизким, но шумным. Галдящая толпа молодых существ бурно обсуждала прошедший день, делилась впечатлениями, сплетничала о знакомых, интересовалась мной, с недовольством косилась на Елрех. Казалось, ее это ничуть не трогало; ее занимал лес. Даже в сгустившихся сумерках она то и дело сходила с колеи к деревьям и растениям, ощупывала, принюхивалась, изучала... Только в этой жизни, в непосредственной близости с самыми обычными фадрагосцами и из-за отсутствия рядом Вольных, я сумела рассмотреть эту резкую отстраненность позорной полукровки. И разница эта как-то делала Елрех старше, серьезнее. Ее ровесники тем временем смеялись, вываливая на меня все милые случаи, которые бывали с моим кавалером. Шайд, тот самый фангр, перебивал друзей на самых неприличных моментах и просил меня их не слушать.

Серп луны навис над верхушкой сосны, как новогоднее украшение. Охарс суетились в ногах и у кустарников, освещая последние крохи пути до деревни. Медвежья колыбель и впрямь была больше, и это бросалось в глаза даже ночью, даже среди деревьев. Я озиралась, расспрашивая и слушая: слева, в полушаге Солнца, лесоповал; там же полноводная, бурная река, которая разветвляется ниже по течению. Тут рубят деревья, обтесывают бревна, сортируют их и укладывают, а потом спускают ниже по течению в двух направлениях.

— Есть и вторая деревня, куда бревна спускают? — воодушевилась я.

Зачастую мне стремились отвечать хором, но обычно говорила самая громкоголосая эльфийка.

— Да! Их даже больше, но там совсем мало народа, потому им много и не отдашь. Есть еще одна — большая, в трех рассветах пути. Там тоже лес валят, но рядом с ней озеро, а не река. Она южнее. Говорят, виксарты там часто бывают — гостят! А еще дальше племя обосновалось. И всех, кого поймают, в жертву темным духам приносят. Мы поэтому с той деревней не дружим.

Частокол острыми зубьями возвышался в ночи. За ним слышалась музыка, смех, искры взметались ввысь и тухли. Огромные ворота встречали нараспашку. Мы с Елрех молча сблизились перед тем, как войти.

— В деревню саму не пойдем, — приобняв меня, сказал Шайд.

Я тоже его за талию ухватила и, оглядываясь по сторонам, спросила:

— Почему?

— Там в ночь отдыхают, а мы тут шумим. Погляди, как мы выстроили забор.

Я проследила за его рукой, которой он взмахнул перед собой. И вправду население умудрилось возвести целую крепостную защиту, не хватало только рва. Мы стояли в замкнутом пространстве — перед нами забор вокруг деревни и за спиной такой же, а по всему свободному участку разбрелись те, кому хотелось развлечений.

— И все только ради ночных танцев?

Фангр на мой вопрос задорно рассмеялся, отчего прижал к себе плотнее.

— Ты так говоришь, будто радость жизни ничего не стоит, — пояснил он. И повел дальше от ворот. — Пойдем, познакомлю тебя с друзьями. Ты любишь наливку или настойки?

— Пока не решила.

Елрех следовала за нами молча, и взгляды, которые были направлены в ее сторону, заставляли меня пожалеть, что я предложила ей пойти со мной.

— Ворота открыты. А если нечисть войдет? — впервые заговорила она, обращаясь к Шайду.

Он на секунду глаза округлил, отвернулся мимолетно, но все же ответил неохотно:

— У нас в округе безопасно. К тому же деревня закрыта, а мы за себя постоять сумеем.

— Неужто? — Елрех насмешливо вздернула бровь и, руку на кинжал положив, с вызовом осмотрелась.

Шайд клыки стиснул, но, как только я отстранилась, улыбку растянул и, будто ничего не было, стал рассказывать об окружающих. Многочисленные расы и имена проходили мимо меня. Я жадно всматривалась в лица молодых людей, хваталась взором за русые волосы, позолоченные пламенем костров, и вслушивалась в голоса.

— Мы пришли рано, — выхватила из монолога Шайда, — скоро сюда из всей округи придут, и даже одного места у костра не найдем. Поищем сейчас хорошее? Я знаком с одной веселой компанией, они тут, как бы сказать... настроение задают.

— Заводилы, — подсказала я.

— А это выражение из какого региона?

— Из Обители гильдии, — поддержала меня Елрех с гордыми интонациями.

Я вздрогнула и резко остановилась, не смея вдохнуть. Передо мной словно непреступная стена из воздуха вылезла. По ногам прошла легкая дрожь, в груди заледенело. Сила Вестницы очнулась, но не тянула вперед, а гнала прочь. Опасностью веяло со стороны ворот, откуда мы пришли. Поддавшись панике, я оглянулась, отступила, стала нащупывать гильдейский знак под курткой и рукоять кинжала.

— Что-то потеряла? — спохватился Шайд.

Елрех молча свой кинжал крепче стиснула, но из-за пояса не доставала.

Вокруг суетился народ, танцевали под звездами пары, песни звучали многоголосьем, стучали кружки, поднимались вверх вместе с бурдюками. У бочек толпились парни, с ковшей стекал местный алкоголь, на помятой траве стелились покрывала и куртки. Неподалеку с визгом и смехом пробежала эльфийка, следом за ней — раздумянный молодой человек. У ворот быстро собиралась толпа, народ там явно начинал волноваться.

— Что там? — мигом позабыв обо мне, Шайд заинтересовался суматохой. И рассмотрев, кто всполошил выпивших, протянул удивленно: — Погляди, шан'ниэрды. Наряды у них богатые...

— Только разодранные, — подхватила Елрех.

— Кажется, из высших, — продолжал фангр. — И похожи, будто брат и сестра.

Елрех нахмурилась.

— Безопасно у вас, говоришь? А напал на них кто?

В нашу сторону бросился еще один фангр.

— Диррейк! Диррейк! — кричал он, на бегу подтягивая сползавшие штаны. — Еда нужна! Вода!

Музыка прекращалась, веселье затихало, а моя сила с каждой секундой все крепче охватывала страхом.

Глава 9. Тени прошлого

— Кто такой Диррейк? — спросила я у Елрех, стараясь сморгнуть головокружение.

— Это мой друг, — вместо нее ответил Шайд. — Я тебя вел познакомиться с его компанией.

Значит, не название нечисти...

Пока Шайд был озабочен, разузнавая у пробежавших мимо подробности о незнакомой паре, Елрех ко мне приблизилась и тихо спросила:

— Что с тобой, Асфи?

— Сила, — коротко сказала я. Рывком оттянула ворот, душивший меня, но вдохнуть полной грудью все равно не получилось. — Тут опасно.

Она нахмурилась сильнее, голову склонив к груди, пристально всмотрелась в шан'ниэрдов.

— Они не сильно пострадали. Оборваны только да грязны.

Я головой покачала, сглотнула колючий ком и, не сумев ни слова выдать, на них кивнула. Елрех поняла, но удивленно уточнила:

— Они опасны? — Прищурилась, хмыкнула и произнесла: — Я пригляжу за ними, а ты скорее узнавай о Кейеле.

Сказать проще, чем выполнить. За то время, пока все возились с новоприбывшими, я даже сумела утихомирить силу вспыхнувшей злобой. Меня раздражало ее неповиновение, бесило, что она руководила мною, мешая планам. И в какой-то момент моя злость достигла того пика, когда страх отодвинулся на задний план. Он все еще оставался, но лишь держал в тонусе, не позволяя ни на миг расслабиться.

Шан'ниэрдке лили воду на руки, и она смывала легкую копоть и грязь с румяного лица. Ее темные волосы, как и мои, в свете костра отливали медью; сложная, растрепанная коса ложилась на землю всякий раз, как девушка склонялась в поясе. Ее брат, статный, но немного растерянный, стоял рядом и вытирал шею влажной тряпкой. Диррейк — что удивительно, широкоплечий парень моей расы, — тихо расспрашивал его. Когда умывания закончились, пару повели к самому яркому костру, усадили на самые высокие бревна, выдали по миске похлебки, наспех стащенной в каком-то доме на окраине деревни, по куску хлеба и позволили им молча поесть.

Шайд позабыл обо мне напрочь, но я о себе напомнила сама. Ухватила его за локоть и пожаловалась, что мне страшно. Он проникся моментально, стал шутить и отыскал для меня место рядом с собой, как раз в компании Диррейка. Елрех место не уступили, но она упрямо встала за моей спиной, обзавелась кружкой с выпивкой, к которой недовольно принюхивалась, и косилась на темноволосях сородичей. Те тряслись и жадно ели. Все вокруг ждали...

— Пусть духи не забывают вашей доброты, — заговорил шан'ниэрд, отставляя в траву пустую миску. — Меня зовут Ликвир, а это моя сестра Ланкеала.

Ноги налились свинцом, лоб покрылся испариной, в висках застучало. Я стиснула кружку с ягодным вином в руках, стараясь не расплескать его и чувствуя, как холодеют щеки. Против воли одними губами повторила их имена, вглядываясь во взрослые, безумно красивые лица сидящих неподалеку шан'ниэрдов.

Это не они... Совпадение? Ни в жизни не поверю...

Ликвир и Ланкеала — разве можно забыть этих детей? Нельзя забыть всю боль от потери тех, кого любил. И я помнила их боль, потому что разделила ее с ними. Потому что она стала моей собственной. Руки дрожали, а в ладони почудился ключ от дома. Искры обратились ягодами в лукошке, пробудили словно свежую ненависть к ним. Из-за дурацких ягод Ликвир поругался с родителями в свой день рождения и сбежал в лес. Ланкеала, маленькая, еще безрогая шан'ниэрдка, увязалась следом за братом, и он не стал прогонять ее. Только это спасло их от пламени дракона, испепелившего деревню.

— Там все сгорело, — всхлипывая рассказывала шан'ниэрдка, прижимая кулак к груди. Вытянула его вперед, раскрыла, демонстрируя большой ключ. Ее губы скривились и задрожали, голос стал тоньше. — Вот! Только он и остался, как память о родных.

— Далекое это? — спохватился эльф воинственной наружности.

— Да прямо возле Долины драконов, — сказал лже-Ликвир и, за рога руками схватившись, голову

свесил.

— Драконы только у этих уродов, викс-с-сартов и остались! — дразнясь воскликнул малорослый фангр, пританцовывая за спиной хмурого Диррейка.

— А насылают на мелкие деревни зачем? — громко спросила девушка. — Войну, что ль, затеять хотят?

Брат с сестрой заметно плечи опустили и виновато потупили взгляд. Толпа, собравшаяся вокруг костра, ловила каждое слово, поэтому молчала и даже старалась не двигаться. Тишина накрыла все вокруг. Ее разбавлял стрекот сверчков и клич ночной птицы.

— Мы виноваты, — наконец, произнес шан'ниэрд. — Хотели пошутить над одной виксарткой, завели ее на скалы, а потом...

— Мы не хотели, чтобы так все вышло! — Названная Ланкеалой, пряча лицо в ладонях, расплакалась с новой силой.

Я наблюдала за представлением с отвращением. Что за вздор происходит? Кто эти шан'ниэрды? По их нарядам из дорогой ткани с серебристой вышивкой по канту можно было бы предположить, что они и сейчас решили подшутить над местными. Отпрыски высокопоставленных шан'ниэрдов отыскивали где-то настоящую историю двух мудрецов, двух шан'ниэрдов из Энраилл, изучили ее и решили примерить их роль. Но откуда им знать ее? Даже у Волгуара нигде не было этих воспоминаний. Да и сила Вестницы билась неумолкающим ключом внутри, журчала, уговаривая уйти подальше. Кто они?

— Мы только узнать хотели, правда ли, что их кровь способна любой яд выдержать, — продолжала сквозь слезы делиться девушка. — Мы ее спрашивали, а она грубила в ответ, кинжалом размахивала. А ведь младше нас...

— Где вы ее встретили? — строго спросил Диррейк, почесывая рыжие кудри на макушке.

— В лесу, — твердо ответил Ликвир, взглянув главарю молодежи прямо в глаза. — Наверное, она заблудилась. Ходила вокруг деревни пару рассветов. Мы рискнули подойти, но она сразу за кинжал схватилась.

Он быстро повернулся к сестре, без скромности плащ с нее скинул и, несмотря на ее изумление, подол платья высоко задрал. И пока все уставились на покрытый струпьями порез, растянувшийся от колена высоко по бедру, брат беззастенчиво расшнуровал лиф и стащил платье с плеч. Второй заживающий порез был серьезнее, лежал прямо на груди, исчезая где-то под платьем в глубокой ложбинке. Полуголая шан'ниэрдка раскраснелась, голову скромно опустила, себя беззащитно обнимала, дышала медленно, шумно, пересохшие губы то и дело облизывала, но молча позволяла всем свои увечья рассматривать.

Я вздрогнула, ощутив прикосновение к колену. Шайд, не сводящий возбужденного взгляда с девчонки, положил мне ладонь на ногу, сжал легонько и, отхлебнув из кружки, стал меня поглаживать. Я тоже смочила губы вином и продолжила наблюдать за происходящим. Догадка, растущая в голове насчет брата и сестры, ошеломляла и казалась совершенно невероятной.

— И что... — Диррейку пришлось прочистить горло, чтобы говорить дальше. Он отнял напряженный кулак от губ, куртку с земли поднял, положил на ноги, накрывая пах, а затем громко спросил: — И что дальше произошло?

Лже-Ликвир ответил не сразу, ухватившись за подбородок сестры, заставил ее поднять голову. Растрепанная коса, упала с тонкой шеи, прядка темных волос прилипла к влажным губам, и старший брат заботливо убрал ее. Не с первого раза... Тихо о чем-то спросил сестру и, слушая ответ, вытирал остатки слез с ее щек. За это время напряжение вокругросло: девушки с колкими взглядами шептались, сбиваясь рядышком, а парни, напротив, старались отделиться, выйти ближе к нашему костру. Шайд меня совсем по-хозяйски обнял и даже чмокнул в висок, будто мы с ним всю жизнь душа в душу прожили.

На плечо легла тяжелая рука, я оглянулась — Елрех смотрела на всех с беспокойством и, кажется, готова была выхватить меня из хмельной толпы в любую секунду.

Лже-Ликвир наконец отпустил сестру, позволяя ей одеться, и ответил:

— Мы всего лишь хотели припугнуть ее. Нам сильный дух иллюзий благоволил... благоволил, — поправился он, — пока мы эту ошибку не совершили.

— От вас отвернулся дух?!

По толпе пробежал ропот. Шан'ниэрдцы стыдливо спрятали глаза, но Диррейк поднял руку, не позволяя гомону войти в полную силу.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил он.

Шан'ниэрд, сцепив руки в замок, ответил сразу:

— Мы иллюзию лиертахона создали и испугом виксартку к скалам привели. Там было много гнезд пройдохи аспиды... Мы не хотели, чтобы все так закончилось.

— Ее укусил аспид? — слышалось из толпы.

— Нет, — лже-Ликвир понуро качнул головой, — она от страха спрыгнула с утеса и разбилась.

— И вы разбили сердце дракону? — я не удержалась от язвительной усмешки, но мигом подавила ее.

— Мы не хотели! — Глядя на меня, шан'ниэрдка прижала руки к груди. — Мы не хотели, чтобы все так вышло.

— Видимо, дракон ее племени учуял ее кровь, — шан'ниэрд хмурился, не сводя с меня глаз, — а там взял след нашей магии. Вы ведь знаете, добрая человечка, как это бывает?

Спину охватил озноб, и даже нервное веселье ушло бесследно. На собственном опыте помню, как это бывает... Выходит, догадки верны. И как же ваши имена, Повелители разрушения? А если ошибаюсь? Вдруг этим двоим просто благоволят сильные духи памяти? Но тогда зачем они нарываються?

И словно в подтверждение моим мыслям, шан'ниэрд проявил простодушие и совершил немислимую глупость. Он вытащил из кармана бархатный мешочек кровавого цвета, хотел было открыть его, но не стал — сжал его двумя руками и произнес:

— У нас есть кое-что... — помялся, стискивая мешочек, и продолжил: — Приютите нас хотя бы на два дня, позвольте нам отдохнуть, а потом мы уйдем дальше. По нашей вине сгорели все, кто нам был дорог, и мы лишились дома, от нас отвернулись духи, но — пожалуйста! — разве вы не видели?!

И он мешочек на пояс нацепил и снова суетливо лиф с сестры стал сдергивать — тонкая ткань треснула, разошлись швы, грудь оголилась больше необходимого. Шан'ниэрдка с опозданием спрятала ее, кое-как натягивая ткань, но старший брат, охваченный идеей всем доказать, что это они жертвы, напротив, спускал лиф, мешая сестре нормально прикрыться.

— Ну кто бы не захотел проучить виксартку за такое? — Он вскочил, указывая на порез. — Я тогда испугался! Все ведь кровью залито было! Думал, что Ланка умирает. А тут еще и нога... Вы ведь видели!..

— Хватит! — Его ухватила за руки полноватая фангра прежде, чем он снова продемонстрировал бы всем стройные ноги сестры. — Верим мы тебе, видели все.

Он на нее уставился брезгливо, руку из ее рук вытащил и, будто не понимает, как оскорбительно все выглядит, вытер запястье плащом. Проговорил при этом:

— Проявите доброту, а мы расплатимся. Там, в мешочке у нас... — на миг замолчав, губу закусил, — вам потом хватит, чтобы еще такую же деревню построить. А может, даже обитель возвести.

Толпа молчала. Все переглядывались, словно не могли разобраться в услышанном. Диррейк как-то быстро принял решение и озвучил его:

— Мы будем рады принять вас! Вам не помешает отдохнуть с дороги и хотя бы пару рассветов пожить в тепле и с крышей над головой!

Народ нехотя расходился, будто еще ожидал развития событий. Друзья Диррейка же стали всячески отводить толпу, направляя проверить выпивку, закрыть ворота, принести еще поленьев для костров и выполнить многие другие никому не нужные поручения. Спустя несколько стаканов выпитого и пару спетых песен народ почти забылся весельем, танцами и поиском романтики. Почти...

Я отходила по нужде, когда услышала приглушенные мужские голоса, исходящие из тени раскидистого дерева:

— Слышали, как он время отмеряет?

— Да, запрещено так говорить. Беды накликает, невежда.

— Я слышал, что так северяне все еще говорят.

— Эти выродки? Так, может, он изгой? Придумал все, разбойник, а потом нам уши греет враньем.

— А сестрица у него какова? — самый высокий из компании цокнул языком. — Красавица.

— Да-а, — дружно протянули остальные, затем один что-то шепнул, видимо, пошлое, и все дружно заржали.

От другого собрания парней слышалось иное:

— Зачем Диррейк разрешил им остаться?! — спрашивал человек. — Совсем сдурел!

— Во-во! — поддержал фангр. — Я тоже говорю, что раз по их следу дракон к тому поселению добрался, то и до нашего доберется.

— И духи не уберегут, — проворчал второй фангр, сжимая кулаки. — От них духи сильные отвернулись, и если будем их поддерживать, то и от нас все духи отвернутся. Гнать их надо отсюда!

У небольшого костра в отдалении и вовсе уши захотелось заткнуть, а пьяных парней развести по домам и насильно уложить спать.

— Видал, под юбкой-то у нее ничего нет! — захихикал кто-то щуплый; в тени кустарника, где он сидел, я даже расу разобрать не сумела.

— Да ну!

— Я видел! Своими глазами и видел!

— Богато разодета эта шлюха, — ворчал сутулый человек, пьяно шатаясь и вороша поленья в костре. — Мы для таких, как она, тряпка. И смотрят такие на нас, как на дерьмо.

— Таких воспитывать надо! — поддержал эльф, а, может, и эльфиор, натягивая капюшон на голову.

— Слушайте, слушайте, — зашушукал первый из тени, — а ведь действительно, духи-то от них отвернулись.

— И? — заинтересовался сидящий рядом с ним парень.

— Вот дуралей! Кто за них заступится, если мы того с ней... с ними... Ну это...

— Грабануть ты их, что ли, хочешь? — уточнил еще один участник беседы.

Я пригнулась, радуясь, что малинник скрыл меня от глаз скользких типов, и замедлилась. Беседа увлекала.

— И грабануть тоже!

— Нельзя так! — возмутился кто-то басовитый.

— А убивать виксарток можно, что ль?

— Вот! Хоть кто-то здраво рассуждает! Они убили виксартку — это еще ладно, вина маленькая. Но ведь потом дракон деревню спалил. Значит, виксартку столкнули...

— Стокнули? Так вроде ж сама сиганула!

— Сама?! Да так они тебе во всем и признаются?! Они ж и клятвой духов теперь наверняка заручиться не могут!

— Тс-с-с...

— Давайте послушаем Харка! Дело же говорит, ну!

Деревья шумели над головой. Прежний заискивающий голос продолжал говорить различным шелестом:

— Из-за них деревню спалили, за ними ведь дракон следует. Он ищет их, а значит, и к нам прилетит. Эти двое не думают о других.

— И то правда...

— И что теперь делать? У меня четыре сестры! Матушка, отец, два старика, да и возлюбленная! Следующей полной луной сердца связать хотим.

И разошелся хор:

— Прогнать их надо.

— И как это поможет?

— Дракон прилетит. Точно прилетит!

— Виксартов задобрить надо.

— Как?

— Убьем эти двоих.

— Да ну? Не дело это, мужики.

— Да чем же ты слушаешь, простак?! Тебе же сказано было, что сами они виноваты!

— Так не нам же судить! Пусть гильдия Справедливости разбирается!

И снова Харк:

— Вот дурак! Туда пока весть дойдет, пока наше прошение рассмотрят... Ты что это, деревню нашу сжечь хочешь? Сядь! Сядь, говорю! Мы вот что сделаем: шан'ниэрд опасен — ловкие они больно, — мы его убьем, а девчонку оглушим и живой оставим — она не так опасна. Девчонка же.

— Верно толкуешь.

— И? — кто-то вкладывал недовольство в тон.

— Сами к виксартам отправимся, заранее, так сказать. Девчонку к ним отведем, тут рассветов двенадцать пути. Недалеко.

— Я с тобой пойду.

— И я хочу!

— А ты зачем? Даже меч в руках не удержишь.

— А я готовить буду! Вот ты...

— Да тихо вы! Заладили, скверна вас побери! Говори, Харк.

Несколько мгновений стояла тишина, а затем заводила с насмешкой продолжил:

— Вместе пойдем. Такую шан'ниэрдку лучше дружно охранять. И про мешочек не забудьте. Что там этот убийца говорил? Что-то про то, что город построить можно за спрятанную вещицу. Мешочек Диррейку отдадим, пусть продаст — все польза деревне будет. Глядишь, виксарты еще и щедро медом своим отблагодарят или золотом черным. Решено?

— Решено.

— Я за!

— Дело ведь говоришь, дружище! Конечно, поддержать нужно!

— А когда?

— А вот пусть напьются сильнее, там и отведем старшего в сторонку. На разговор позовем...

— До рождения Солнца бы успеть, — протянул тот, кто изначально единственный был против всей затеи.

Идиоты...

По возвращению к костру нашелся повод и для радости. Толпа девчонок жарила сало на прутиках, удерживая их над костром. Неподалеку стояли бочки с выпивкой, куда я и завернула, когда

заметила, что глаза многих девиц из компании направлены именно на пару шан'ниэрдов.

— Надо отговорить Диррейка, — сказала та самая фангра, к кому выразил брезгливость лже-Ликвир. — Нельзя так с существами поступать.

— А как по мне, так поделом им, — заявила эльфийка, перекидывая косу с плеча за спину.

— Ная! — Человечка с широким лбом вцепилась в расшитый подол сарафана, сжимая кулак.

— Что Ная? Ты глянь, какой он высокомерный?! Будь у него хотя бы волосы белые, а кожа серая! А так что?

— Какая разница какой это шан'ниэрд? — возмутилась светловолосая человечка. — Мне вот темные больше нравятся.

— Да не в этом же дело, девочки! Нельзя прогонять их! Тем более отнимать у них то, что им принадлежит!

— А я слышала, что они изгой с севера! — округлила глаза третья человечка, кудрявая, как одуванчик. — Что, и с ними тоже так нельзя?

Хмурая эльфиорка поежилась и протянула:

— Чушь...

— Северяне — звери! — воскликнула Ная.

— Правда, правда! — заверила высокая фангра тоненьким голосом. — Я тоже слышала, что они... они... Кажется, у них говор северный!

— Ничего это не меняет! — закричала полная фангра.

Все замолчали и на нее глянули.

— Даже если северяне, — настаивала она. — Не нам их судить! Напишем в гильдию Справедливости.

— А что до этого? — возмутилась кудрявая. — Пусть у нас живут? Прогнать их!

— Не прогнать! — в один голос закричали те, кто взывал к гуманности.

— А что тогда?

— Попросим их уйти, объясним им, что нам своя деревня дороже. Пусть обижаются, но за нами вины не будет. И отбирать у них ничего не будем. Пусть с рассветом уходят — и все.

Голова шла кругом. Я вспоминала север и тот период абсолютной тишины и спокойствия, которые он мне подарил. Холод, вьюги, крепкий мороз и одиночество — теперь казалось, что это, должно быть, награда. Иногда любое общество, независимо от мира, становится невыносимым.

Я возвращалась к самому яркому костру, расположенному на небольшом пригорке, с мыслями о шан'ниэрдах и Повелителях разрушения. Как звали ту Повелительницу коварства, которая помогла парню, но тем самым обрекла целую деревню на медленную и неминуемую смерть? Волтуару пришлось всех казнить на рассвете... И сколько их, этих Повелителей? Наверное, Анья не самая плохая из них.

Елрех стояла в компании, но при этом совершенно одна. Изредка на нее бросали неодобрительные взгляды, но все внимание сегодня брали на себя другие персоны. Я остановилась возле подруги, подала ей вишневую наливку и шепотом поинтересовалась:

— Ну что тут, все нормально?

— Да как тебе сказать, ошибающаяся человечка... Тут точно назревает что-то нехорошее, но это нехорошее, вопреки твоим опасениям, не от шан'ниэрдов исходит.

Сами шан'ниэрды будто позабыли о своих горестях. Сестрица с громким смехом плясала между двумя парнями: то жалась к симпатичному эльфиору, то замедляла шаг перед рослым человеком, затем пьяно хохотала ему в лицо и, быстро кружась, возвращалась к эльфиору. Старший брат пил вино из рога и хвастался перед Диррейком и его друзьями золотым кулоном, который ему подарил отец — староста деревни.

— Так вы не бедные были, — не замечая, что я вернулась, с завистью в глазах протянул Шайд и отхлебнул крепленной настойки. — Как же так вышло, что мы о вас не слышали?

— А мы развиваться не хотели, — запросто отвечал шан'ниэрд и снова прервался, чтобы сделать три больших глотка вина; оно потекло по подбородку, окрасило воротник рубашки кровью. Лже-Ликвир отнял кубок от губ и, махнув хвостом, протянул его сидящему рядом верзиле и жестом попросил добавки. А сам продолжил: — Нам хватало для жизни. И жили хорошо! Если деревня большая — всех не прокормишь. К нам приходили, просились многие, но мы только молодых и здоровых принимали.

— Как так? — удивился Диррейк. — Разве можно так?

— А кто нам указ? Духи за такое не наказывают.

— Но и не одобряют.

Шан'ниэрд расхохотался, отклоняясь назад. Не заметив, что ему рог вином наполнили и протянули обратно, он его рукой задел и на верзилу опрокинул. Вместо того, чтобы извиниться, смех оборвал и нахмурился.

— Смотри, что делаешь! — прикрикнул на изумленного верзилу и беспечно к Диррейку обратился. — Ты посмотри, из-за какой ерунды от нас с сестрой дух отвернулся. Потакай им, не потакай — они все характер свой демонстрируют. А вот старики деревне не нужны. И дети — не всякие...

— Глупый шан'ниэрд, — тихо протянула Елрех. — Он же это не всерьез?

— Да как бы тебе сказать, фангра, слишком уж верующая в добро, — вернула я ей высказывание.

Время шло. Поднялся холодный ветер, донес от рек легкую сырость, заслонил тонкими облаками звезды и месяц. Сидящие прямо у костров вздохнули легче, а те, что дальше маялись, стали ежиться, присоединялись к танцующим, чтобы кровь разогреть и разогреться. Веселье не убывало, а, напротив, с выпитым только возрастало. Отовсюду доносились музыка, песни, визг, смех... Молодые и сильные существа собирались сидеть до утра, решили лично поздравить Солнце с рождением, а затем идти отсыпаться в свой единственный за десять рассветов выходной. Я ждала.

Все время, что мне пришлось ждать удачного случая, я старалась смотреть по сторонам. Даже сейчас, чувствуя назревающую беду, желание отыскать Кейела не ослабевало, а, возможно, даже возрастало. Что бы он подсказал мне? Как бы поступил, столкнувшись с этой интересной парой лоб в лоб?

В какой-то миг за костром осталось мало существ: рассудительный Диррейк с друзьями отлучился, Шайд отвлекся на закуску, несколько парней куда-то повели шатающуюся шан'ниэрдку. Я мимолетно погладила Елрех по плечу и бросилась к одинокому шан'ниэрду, застывшему у костра с кружкой в руках и насмешливо-задумчивым взглядом. Моей смелости хватило на три шага, а затем словно к земле застолбило. Ноги налились свинцом, дыхание сперло. Ветер колко саданул по глазам, швырнул волосы в лицо, ударил в плечи, отгоняя и бросая на меня искры с костра. Следующий порыв повторился незамедлительно — рванул больше пламени, пригнул травы, загудел между стволами в лесу, заскрипел ветками, зашептался листвой кустарников, густо росших на огороженной территории. Музыка сбилась, наступила короткое затишье — беспечные существа прислушивались к погоде.

Под необъяснимый грохот сердца я стиснула кулаки; ногти впились во вспотевшие ладони. Страх отступил перед желанием защитить Кейела, если он тут все же есть. А если и нет... Как поживает тот однорукий гелдов, потерявший от визита Аньи всю семью? Искалеченные существа, с искалеченной душой и разбитой жизнью. Никто не заслуживает этого.

Ветер утихомирился, вернулся к легким порывам, охладил горячее лицо и шею. Музыка зазвучала снова. Обогнув лежащее бревно, притащенное для сидения, я с трудом преодолела еще несколько шагов, оглянулась на озадаченную, наблюдающую за мной Елрех, а затем позвала негромкого:

— Ликвир!

Он улыбнулся. Стоял, как и прежде, глядя в костер и удерживая кружку в когтистых руках, но улыбнулся. В его светлых глазах растеклось пламя, плясали существа, кружились цветастые наряды — бурлила жизнь. Темные волосы лоснились позолотой; ветер едва заметно играл ими, а чуть пухлые губы блестели от вина.

— Ликвир, — позвала я повторно, и голос дрогнул. Шан'ниэрд посмотрел на меня, будто пронзил взором. Сердце ухнуло, мигом позже заколотилось в диком страхе, поднимая тошноту. Я едва не отступила, но лишь пошатнулась. Сглотнула, пытаюсь избавиться от сухости во рту, и как-то робко

спросила:

— Отойдем?

Лже-Ликвир мгновенно скривился, что меня взбудрило. Пока он хоть немного похож на обычное разумное существо, его проще воспринимать.

— Люди не в моем вкусе, — произнес он. Повел кружкой перед лицом, указывая на веселящихся, и добавил: — Впрочем, тут никого нет, кто мог бы быть в моем вкусе.

— Будто ты в этом хоть что-то понимаешь. — Я немного осмелела.

Он резко голову склонил и снова уставился на меня взглядом, от которого пробрал озноб.

— Грубить нехорошо, — протянул с угрозой. И сразу сменил гнев на милость. — Ты интересная, дитя двух миров.

Улыбнулся широко и шагнул в сторону. У меня мир перед глазами опрокинулся, на миг исчез. Куда он уходит? Двигался Лже-Ликвир в сторону густого малинника и гибких ив, танцующих тонкими ветками под лаской ветра. Двигался быстро и с каждым шагом ускорялся. Я бросилась следом, но меня рывком остановили.

— Не ходи за ним, глупая человечка! — Елрех с воинственным выражением лица смотрела ему в спину, а рука ее лежала на рукояти кинжала. — Ты права была, когда от них опасность почувствовала. Не знаю, кто он, но он не прост. На нечисть похож.

— Он не нечисть, — отрезала я, но губу закусил. А вдруг и вправду нечисть? Будто я так хорошо ее всю изучила. — Я не знаю.

— Не ходи за ним. Я позову остальных, чтобы они его...

— Нет!

В груди от ее слов кольнуло, а страх возрос. Многие легенды замельтешили в памяти, подсказывая, что сначала надо лично во всем удостовериться, а только потом позволять остальным вершить суд. Хотелось Елрех объяснить это, напомнить о многом из прошлого, рассказать подробнее, но я отдалась коротким:

— Мне нужно. — Заглянула в серые недовольные глаза, сжала крепкую руку и попросила: — Дождись меня тут.

Шан'ниэрдка сидела на коленях у какого-то громилы и смеялась, принимая еще выпивку. Но когда я проходила мимо, взгляд, которым она меня проводила, не показался мне хоть сколько-нибудь пьяным.

Колючие ветки цеплялись за куртку и волосы, под сапогами в низине зачавкала земля. На всякий случай я вытащила из ножен кинжал и вышла к силуэту. Шан'ниэрд стоял на окраине поляны, смотрел перед собой, будто в кустах происходило что-то интересное. Его затылок щетинился острыми рогами, воротник рубашки серебрился под тусклым светом, хвост повис бездвижно.

— Все еще ненавидишь Фадрагос? — спросил он безразличным голосом.

Я прошла чуть дальше и замерла, оглушенная нахлынувшими эмоциями. На миг показалось, будто спиной ко мне стоит Волтуар. Вот он опустил руку, и сейчас с нее потечет кровь... «*Кто из нас двоих насильник, Асфирель?*»

Я мотнула головой и нахмурилась, прогоняя образ прошлого. Это какая-то магия? Шан'ниэрд передо мной как-то влияет на меня?

— Ты позвала меня помолчать, Вестница?

Дыхание перехватило. Он знает и это? Лже-Ликвир повернулся ко мне и, не позволяя ответить, сказал:

— Ты мне мешаешь. — Бросил кружку в кусты. Заправил прядь волос за уши — до боли знакомый жест — и посмотрел на меня высокомерно. — Разве не чувствуешь, как мои братья Созидатели прогоняют тебя? Они даже мне надоели своим нытьем.

Я выцепила лишь главное и, скривившись, не смогла не спросить:

— Ты пришел убить всю эту деревню?

Он не ответил, и все так же позволял себя разглядывать.

— Зачем тебе это нужно?

Лже-Ликвир выгнул брови и сцепил руки в замок.

— Грань мира истончилась тут, и я смог сюда прийти. Мне бы, конечно, хотелось поближе к Обителю гильдий, — протянул он и поморщился, — но там у фадрагосцев все еще стремление к Созиданию выше. Ты же читала нашу историю. Разве наши герои плохо все объяснили в сокровищнице? Столько бедняга Ил, — На меня указал, поясняя: — одна из твоих предшественниц, трудилась над этой историей, чтобы даже ребенок все понял, а вы вот... Возможно, все дело в твоём воспитании.

Воспоминания об Аклен и Ил напомнили о страдании Кейела, о моих переживаниях — злость взметнулась. В висках запульсировала кровь.

— Так это, значит, меры воспитания? Профилактика? — я усмехнулась, шагнув по кругу. Шан'ниэрд с полуулыбкой следил за мной. — Вы приходите и разрушаете все то, что строят фадрагосцы. Вы отбираете их жизнь, насылаете беды, мешаете развитию.

— Мы? — удивленно спросил он. Развел руками. — Разве это мы разрушаем? Асфирель, мы любим Фадрагос и не хотим, чтобы его жители его же уничтожили.

Громкий крик ударил по слуху. Я резко бросилась к узкой дорожке между кустами, по которой пришла, но, услышав следом за криком знакомый смех, остановилась и сжала кулаки. По телу прошла волна омерзения, из-за нее хотелось ежиться или даже помыться, как от грязи. Я вдохнула ароматный воздух полной грудью и потребовала от Повелителя:

— Отзови сестру! Я знаю ваши методы! Вы провоцируете существ на преступления, а затем наказываете за то, что они не смогли устоять.

Он хмурился с непонимающим взглядом и выставленными перед взором пустыми ладонями. Я повторила:

— Отзови сестру!

— Асфирель, — обратился он с ласковой улыбкой, — у меня нет сестры.

— Что?

Несмотря на его признания, через кусты к нам продиралась шан'ниэрдка.

— Так ты меня не узнала? — спросила она, ступив на поляну.

Я, зажатая между двумя Повелителями, отошла подальше от них. Нахмурилась, обдумывая ее вопрос.

— Аня? — предположила я.

Они оба рассмеялись, словно забавной шутке. Я почувствовала, как в промокшие сапоги просочилась ледяная вода, но из лужи не вышла, остерегаясь приближаться к опасным... божествам или тварям?

Первой отсмеялась разговорчивая шан'ниэрдка. С довольным видом поправила кое-как подвязанный лиф платья, а затем принялась разглаживать длинную косу, поясняя при этом:

— Аня считает себя слишком благородной для вас. Она не тратит себя на разговоры со смертными и давно считает, что большую часть из фадрагосцев нужно просто уничтожить, чтобы вернуть гармонию в мир. И почему ты так плохо читала историю мира, который успела полюбить? Или ты до сих пор ненавидишь его?

Верхняя губа неприятно напряглась, задрожала; на лбу выступила испарина, но я удержалась от желания, вытереть его.

Заговорил второй Повелитель:

— Мы были против того, чтобы спасти чужих существ и тащить их в свой дом. — Заложив руки за спину, стал расхаживать по поляне, напрягая меня; на кинжал в моей руке Повелитель посматривал снисходительно и насмешливо. — Братья Созидатели настаивали на вашем спасении и благополучном исходе. Результат тебе известен. Как после такого можно доверять им воспитание фадрагосцев? Но и ограничить мы их не можем. — Остановился и на меня исподлобья посмотрел, пока его компаньонка в другой стороне мельтешила, прибавляя эмоционального напряжения. — И

чтобы ты знала, Асфирель, мы не можем прийти, если в мире не возникает нужда в нас. Просто сейчас...

— Просто сейчас полоумный сын Фадрагоса приглашает вас, — перебила я и все же вытерла тыльной стороной ладони лоб. Каждая мышца в теле была натянута. Мне казалось, что Повелителям в любой момент надоест говорить со мной, а когда надоест, они быстро убьют меня, после чего примутся за деревню. Как их пронать? — Вы могли бы не приходиться.

Лже-Ликвир поджал губы и склонил голову к плечу.

— Ты одна, — сказал негромко, — а как при этом трудно тебя одну перевоспитать. И ведь мы ни разу тебе не угрожали. Мы даже братьям не мешали с тобой возиться. И не перечили, когда они сказали, что ты поможешь. Ты одна...

— ...а тогда таких, как ты, было много, — подхватила шан'ниэрдка, приподняв подол платья и направившись к «братцу». — Они не понимали нашего языка, боялись нас, а когда боялись, становились опасными. Как викхартка, которую я придумал. Мы с братьями Разрушения будем меньше наведываться и вмешиваться в жизнь Фадрагоса, когда наконец-то отгрянут последствия героического поступка моих братьев Созидания. Их светлейшие методы не всегда приводят к светлому исходу. А помыслы и стремления у нас у всех одинаковые. Теперь ты меня узнаешь?

Всего мгновение, незаметное взгляду, — и на месте двух шан'ниэрдов стоял старик. Его глаза блестели бельмом, седые волосы были грязны и пыльны. Он горбился под лохмотьями тряпок, надетых вместо плаща и платья, опирался на кривую, с ободранной корой палку.

Я убрала кинжал в ножны и прошептала:

— Тавирд... Слепой безумный старик.

— Тавирд, — кривляясь прокряхтел он. — Каких только имен мне не давали, но это привязалось особенно сильно. Этот идиот, — воскликнул с какой-то изумленной интонацией, — спрятался в пещере и все строчил, и строчил. Дурень! Грань там вновь стала плотной, и я никак не мог до него добраться. А он еще взялся прощения у всех за грехи молить! Тьфу! Я уж думал, что упустил эту черную душу. Но горе дракона было сильнее, чем раскаяние этого... — Дряблое лицо сильнее покрылось морщинами; слабые руки затряслись, да и сам старик натурально, по-старчески, затрясся. — Этого...

— Человека, — подсказала я.

— Человека... Умным он был, хитрым. Это его и погубило. И ты такая же. — Он на меня глаза поднял, и я невольно отшатнулась. Слепые глаза двигались так, будто читали что-то на моей груди. В моей груди, внутри.

— Ты все еще чужая Фадрагосу, и вряд ли, даже со стараниями моих братьев, когда-нибудь станешь своей. Десиен, этот милый, отчаявшийся балкор, ищет свою жертву. Ты бы ему не подошла, но ему знать об этом не обязательно. У него впереди еще длинная дорога, и тебе придется ему помочь. А теперь забирай свою подругу и уходи, скоро сюда придет лишний народ, и мне бы хотелось успеть закончить до их прихода. Светлые души хоть обречены на страдания не будут, но и перерождаться им рано.

Растерянность завладела сознанием. Я смотрела на низкорослого старичка, немного вредного, очень слабого и с виду побитого жизнью, и никак не могла увидеть в нем Повелителя. Ни в голосе, ни во внешности, ни в поведении не было ничего общего между братом и сестрой, пришедшими сюда несколько часов назад.

— Уходи! — скрипучим голосом потребовал старик и даже нервно палкой о землю стукнул.

Я отступила от такого неожиданного напора и головой неуверенно помотала — вода сильнее в сапог натекла. Отказ прозвучал тихо:

— Нет.

Тавирд сморщился, будто обиженный ребенок, который вот-вот расплачется из-за глупого каприза. Я продвинулась на пару шагов вперед и тверже произнесла:

— Не уйду.

— Душевные раны долго лечить будешь. — Склонил голову к плечу. — Умрет твоя подруга.

— Оставь поселение в покое!

— Не могу, — он свел кустистые брови на переносице.

— Не можешь? — Я вздернула подбородок. Угроза Елрех из его уст только раззадорила меня — не отступлю.

— Не хочу, — недовольно признался он. — Они жадные.

— Они жадные? — я повысила голос и вскинула подбородок. — Да ты, Повелитель, ничего о мировой жадности не знаешь.

Он меня слепыми глазами оценивающе осмотрел. Подумал немного и выдал:

— И жестокие.

— Жестокие?

Страх исчез полностью. Короткое времяпровождение на Земле напомнило мне обо всех прелестях выживания дома, и у меня хватило времени, чтобы обдумать все, взвесить и сравнить. Чувствуя, как наливаются свинцом ноги, я подступила близко к Тавирду. Глядя на него сверху вниз, руки на груди скрестила и напомнила.

— Ты ведь знаешь, из какого я мира.

Он скривил рот, выдавая недовольное согласие.

— У нас жадности синоним придумали и экономическое обоснование. Смелые идут по головам добрых и уступчивых. Вторых больше, но о них никто не знает, потому что чужая жадность убивает их незаметно и законно. У вас этого нет, Тавирд. За что же ты наказываешь свой народ?

— За помыслы, дитя. — Он сгорбился, будто хотел от меня что-то спрятать, отступил и стал отворачиваться. — Я не хочу, чтобы Фадрагос стал таким, как твой дом.

— Убивать не обязательно.

Я поддалась любопытству и склонилась к старику, чтобы разглядеть, что он пытается заслонить от меня, но он только спину горбатую подставлял, вороном кружась на месте, и отвечал скрипуче:

— Тогда они рано или поздно начнут сами уничтожать себе подобных. Разве не об этом ты только что сказала? И ради чего? Не ради благ... Из жадности. Синоним ей придумают...

— До капитализма вам еще очень далеко.

— Не дальше, чем ты думаешь. Зачем ты защищаешь тех, кто не в состоянии удержать себя перед искушением? Думаешь, они безобидны, если их не провоцировать? Вопрос лишь... — он закашлял, склоняясь ниже к земле и безобразно прикрывая смех.

— Времени, — вместо него завершила я, отступая. — Между прочим, это не смешно. Ты Повелитель, а ведешь сейчас себя, как вредный старик, и разговор превращаешь в фарс. А тем самым время идет, и не нужно мне о нем напоминать.

Он на меня украдкой глаза скосил, и в бельме под светом луны я разглядела темные точки, словно черви белое яблоко проели.

— Вы смертные цените время, но недооцениваете его. Оно глубже, чем просто... как это называется в твоём доме? Стрелки на часах? Глупцы. Не я убиваю вас — вы сами себя пороками убиваете. — И голосом звонким, чистым спросил: — Хочешь напомню, как это бывает?

Я оцепенела; волосы на затылке приподнялись, сердце замерло. Седовласый старик выпрямился молодой, но измученной девушкой. Пыльная походная одежда сидела ей не по размеру. Она поправила полуседы волосы, закатила темные глаза и повела плечами.

— Если я расскажу Кейелу правду, то буду счастлива, — принялась рассуждать «я». — Правда, потом он умрет, и я снова останусь одна. Ты, кстати, не знаешь, куда исчезают Вольные? — Курносый нос вздернула выше, почесала шрамы на щеке. — Все никак не могу определиться: мне важно сиюминутное счастье с ним, или неразрушенный мир в перспективе. О, Духи Фадрагоса! О чем я вообще думаю? Я ведь все равно предам его и уничтожу весь мир. Как ни крути, а в Фадрагосе мне ловить нечего!

— Прекрати.

— Почему? — изумленно спросила «я», но темноволосая. От ее наивности и веры в чудеса, написанных на лице, зачесалось в горле.

— Мне не нравятся кривляния, — чистосердечно призналась я. Ну не угрожать же Повелителю!

— Тебе много чего не нравится, — прозвучал хриплый голос.

Мир закружился, с губ слетел выдох-стон, на глаза мигом навернулись слезы. Я отступила на ватных ногах, теряясь в собственных желаниях и утонув в смятении.

Он заправил волосы за уши, стал устало рассматривать поляну, будто решал, оставаться нам тут на ночлег или поискать место лучше. С его губ слетали привычные претензии, а шрамы, оставленные мною, то заливались холодным лунным светом, то исчезали в непроглядной ночной тьме.

— Ты многим недовольна, разве я против? Постоянно что-то утаиваешь, шушукаешься со своими друзьями у меня за спиной. Аня, я устал. — Развел руками, поднимая на меня глаза, блестящие от слез, и сглотнул. — Я хочу хоть кому-то доверять. Я хочу доверять тебе.

— Прекрати, — прошептала я.

Он услышал. Кивнул и покладисто замолчал, снова изучая поляну. Его волосы стали короче, шрам исчез, морщины утратили резкую глубину. Я вспомнила, как он молчал всю дорогу до леса после того, как обманом оставил нас наедине и вынудил меня следовать за ним. Тогда он был моложе и... счастливее.

— Прекрати! — громче потребовала я, сжимая кулаки.

Он посмотрел на меня, покачал головой и произнес, раздирая сердце:

— Аня, я не понимаю тебя.

Я бросилась на него с кулаками, опустила их на его грудь. Прошла насквозь и упала на влажную траву. Стоя на коленях обернулась — вместо Кейела стоял недовольный Волтуар.

— Асфирель, я не могу тебе навредить. Как бы ни старался, у меня ничего не получится. И ты не сможешь. Мои братья постарались уберечь тебя от нашего гнева.

Мышцы лица заныли, а язык словно распух и никак не складывал звуки в слова. Я сжимала грязные руки и мычала, пытаюсь оторвать кончик языка от неба и произнести короткое «Прекрати», но мысли смешивались, а язык прирос к небу.

Он не прекратит... опять высмеет, примет облик Кейела. Полюбуюсь... Или обманусь? Это плохо или хорошо? «Что такое хорошо, а что такое плохо?» Мне плохо. Сейчас мне плохо. И тогда было. А время глубже, чем просто стрелки на часах...

Оттягивая куртку от груди двумя руками, я стиснула крепче челюсть и заглушила рвущийся наружу стон. С трудом взяла себя в руки и прошептала:

— Пожалуйста, прекрати это. Ты мучаешь меня.

Взглянула на Волтуара, а через миг там уже стоял тот шан'ниэрд, что в поселение наведалься и Ликвиром представился.

— Ты сама себя мучаешь, Вестница. Просто уйди. Я не могу прикоснуться к тебе, а ты ко мне, но душевные раны могут быть опаснее. Ты ведь знаешь, как это бывает.

Тавирд нахмурился и недовольно оглянулся на шум, словно через заросли кустарников мог разглядеть все, что там творилось. Кто-то смеялся залиvisto, кто-то выкрикнул признание в любви и послышались хлопки, одобрительные свисты. Я опустила без сил на холодную землю, себя руками обняла и головой покачала.

— Вы спорите там, — повела плечами от зябкой сырости, принесенной ветром, и предположила безразлично: — на небе, в космосе... Неважно. Вы спорите о чужой жизни, а сами ею не живете. Думаешь, они без твоего вмешательства из жизни уроков не извлекут?

Он на меня смотрел молча, с каким-то недовольным сожалением. Тряхнул рогатой головой, мотнул хвостом и строго ответил:

— Будь по-твоему. Но если услышишь затем, что души темные процветают, знай: ты причастна. Твоя вина не будет велика, но будет.

— Я отработаю, — с затаенным облегчением заверила я, приподнимаясь с земли. — Тут не все такие, Тавирд.

— Такие? — Он усмехнулся. — Плохие, злые — какие, Асфирель?

Я сглотнула ком, застрявший в горле, но он снова мигом поднялся, мешая вдохнуть и говорить

свободно.

— Не все души темные. — Позабывшись от волнения, хотела взять Повелителя за руки, но они словно превратились в пустоту при прикосновении. Тавирд улыбнулся и понимающе кивнул. — Некоторые просто не хотели помогать, но были против того, чтобы обидеть вас... Тебя. Их не смутило, что от брата и сестры духи отвернулись.

— Но помочь им не хотели, — укорил он.

— А надо было? — Не зная, куда деть руки, я их на животе сложила, пошатнулась на ватных ногах.

— Не надо было. Духи отворачиваются неспроста. — Он потянулся к листьям куста, подцепил один пальцами, погладил. И, ухмыльнувшись, лист оборвал, смял и выкинул. — Но и обижать беззащитных нельзя. Я ценю тех, у кого хватает сознательности для такого выбора. У нас с тобой одна цель, Вестница, но разные пути. Ступай своим и больше не мешай ни мне, ни моим братьям. Ты слишком недалёковидна, чтобы учить меня, как надо воспитывать и учить!

Я приоткрыла рот, но все вопросы и возражения остались не озвученными. Поляну заливал тусклый лунный свет, смятая трава дергалась — травинки разгибались, поддавались ветру. Тавирд исчез.

Напряжённую тишину разрушил гомон продолжающегося веселья, и я бросилась на эти звуки. Последнее высказывание Тавирда было угрожающим, по нему мне не удалось понять, он уходит или будет провоцировать жителей деревень на преступление дальше?

Народ веселился, плясал. Казалось, что полночи уже минуло и все желающие давно пришли, но, пока я беседовала с Тавирдом, на огромной поляне стало оживленнее и теснее. Среди мельтешения незнакомых лиц я вовсе запаниковала. Остановилась между несколькими компаниями, разбившихся на отдельные группы. Отскочила, едва не попав под ноги танцующей паре. И сразу снова, спасаясь от столкновения с другой. Налетела спиной на кого-то, услышала басовитый голос и ощутила руки на талии:

— Ну ты чего, девица? Перебрала, что ль?

Незнакомый эльфior проявил интерес к моему лицу, но очень скоро остался им недоволен, чего не смог скрыть. Он извиняющееся улыбнулся и, дождавшись от меня ответа, что все в порядке, вернулся к беседе с товарищами. За локоть крепко ухватили. Я резко обернулась, но выдохнула облегченно. Елрех взволнованно смотрела на меня.

— Где ты была, беспечная человечка? Я тут каждый куст изучила, а тебя никак найти не могла!

— Потом расскажу. Не тут.

— Нам лучше уйти. Мне не нравится Медвежья колыбель и ее жители.

— А шан'ниэрд? Елрех, мы не можем оставить его тут, но и прогнать не можем. Нужно подождать и не позволить народу растерзать его и младшую сестру.

— Они ушли, Асфи. Я видела, как некоторые существа последовали за ними, но тебя там не заметила, поэтому и обошла тут каждый куст.

— Я не понимаю...

— Понимать и нечего. — Она через толпу потянула меня к воротам. — Я тут не намерена дольше оставаться. Поищем твоего человека в других деревнях, а в эту зайдём только если нигде его больше не встретим!

Кейел... От одного его упоминания в голове что-то взрывается, и она начинает кружиться.

Как назло, в стороне почудился знакомый силуэт. Я встала на месте, но Елрех настойчиво потянула меня дальше. Через множество голов и плеч удалось рассмотреть, что происходило у одного из крайних костров. Несколько парней окружали «Кейела». Елрех отпустила мою руку, словно швырнула и, руки в бока уперев, уставилась на меня. Я скривилась.

— Он не ушел.

— Кто? — Елрех нахмурилась и проследила за моим взглядом. — Это тот же шан'ниэрд? Он меняет облики?

Отвечать не хотелось. Злая обида превратила сердце в раскаленный камень. Он выжигал душу, разогревал насмешку к себе и воспитанной во мне человечности. В Фадрогосе она всегда играла со мной злую шутку, и теперь я понимала, кто за всем этим стоял.

Тем временем лже-Кейел поднимался с травы и что-то угрюмо проговаривал высокому эльфу, провоцируя того на драку. Я оттягивала время перед тем, как вмешаться, обдумывая, нужно ли мне заступаться за этих существ, или Тавирд накажет сильнее. А наказать он может не меня... Слезы и усталость застилали зор, и все плыло. Я видела лишь, как блеснул нож в руках у второго обидчика моего «возлюбленного». Толпа расступилась, отхлынула. Эльфиор толкнул Тавирда на крепкого фангра, а тот перекинул его на высокого человека. Они бросались им, словно перебрасывали мяч, злились, угрожали, плевались в него и пинали. Никто не заступался — лишь охали и подзуживали. Парень с ножом переступил с ноги на ногу, заходя Тавирду за спину, и стал приглядываться, выбирая нужный момент для удара. Эльфиор, указывая на этого парня, крикнул фангру:

— На него толкай выродка!

Синее пламя застелило зор, вызвало тошноту. На миг показалось, будто над Кейелом нависает Роми и бьет его по лицу. Омерзение к себе взорвалось иглами в висках. Я задрожала.

— Асфи! — Елрех затрясла меня за плечо. — У тебя кровь носом пошла!

Гул голосов ворвался оглушительным всплеском, обратился белой вспышкой в глазах. Я выкрутилась из захвата Елрех и сорвалась в гущу разборок, вытаскивая на ходу кинжал. Протиснулась между толпящимися, едва не упав, вывалилась на свободное пространство и вытерла рукавом кровь с лица. Направила руку с кинжалом в сторону зачинщика и главаря — как мне показалось, это был эльфиор, — но никак не могла отдышаться и найти подходящие слова. «Прекрати это» — даже в мыслях звучало смешно. Я так и представляла, как Тавирд зайдет хохотом, когда услышит это глупое, обреченное на провал требование. Хуже всего, что смеяться этот урод будет в личине Кейела. И убивать на моих глазах тоже будут не старика...

— Чего тебе надо, девка? — обратился ко мне человек. — Уйди и не мешайся.

Да пошел ты... Сейчас только головная боль утихнет, тошнота пройдет, и я заговорю.

— Он сам напросился! — крикнул эльфиор, хмуря густые брови.

— Уйди тебе говорят! — гаркнули за спиной. Дохнули жаром на ухо.

Я развернулась, перехватывая кинжал удобнее, и полоснула противника. Он отступил, изумленно разглядывая окровавленные пальцы, а через мгновение стал прощупывать порез, растянувшийся от уха до подбородка по квадратному, обветренному лицу.

— Духами клянусь! — громко произнесла я, стараясь перекричать гул и улюлюканье толпы. — Я убью любого, кто ко мне приблизится!

Знак клятвы вспыхнул перед лицом, немного уgomонил толпу. Неужели они всерьез планировали отдать на растерзание незнакомца, но испугались серьезных намерений в ответ?

— Ты не знаешь, за кого заступаешься! — тонким голосом заверещал парень с ножом. У него под глазом, на худом лице, застыл синяк. — Он сам виноват! Пусть вернет то, что украл!

Я посмотрела на Тавирда и неодобрительно покачала головой. Он стоял в метре от меня и улыбался со снисходительной грустью. Урод.

Перед глазами замельтешили черные точки, виски вновь разболелись, и, кажется, кровь потекла по губам и подбородку с новой силой. В этом облике Тавирд что-то мимолетно изменил. Короче волосы? Возможно, но не это бесило. Взгляд? Зачем нужно было делать его добрее и глупее? А эта улыбка, будто Кейела огорчает несправедливость мира... Для чего Тавирд исказил мою память? Проучивает меня.

— Что ты уставилась на него, тупая баба? — послышалось со спины. — Проваливай и не мешай!

Толпа загудела одобрительно. Послышались отовсюду возгласы и требования, чтобы я ушла. В первом ряду зрителей стоял Шайд и презрительно разглядывал меня. А может, Тавирд прав?

Уйти и не мешаться... Духи и Повелители сами разберутся во всем. Я отступила, но взглядом мазнула и по другому лицу. Полноватая фангра прыгала за спинами парней, пыталась прорваться к драке, но ее удерживали. Я обернулась и отыскала в толпе белую макушку Елрех. Она смотрела на меня с состраданием и беспокойством. Я вдохнула полной грудью. Убрала кинжал и резко шагнула к Кейелу, заметив, как он, плюнул в ноги эльфиору.

— Хватит! — собственный крик резанул по ушам. Ярость взбурлила, и я толкнула Кейела — он отступил на несколько шагов, насупившись. — Хватит провоцировать их! В них не может быть только одно зло!

Боль в висках заставила замолчать. Я прикрыла глаза ладонью, а затем отступила. И впрямь хватит. Качая головой, стала пятиться к Елрех и продолжала говорить:

— Оставь их в покое! И вы! Вы тоже присмотритесь к себе и спросите у себя, уверены ли вы, что завтра духи не откажутся защищать вас и ваших близких!

Как только я оказалась рядом с Елрех, она обхватила мои плечи и потащила прочь. Толпа расходилась перед нами, расступалась.

— У тебя снова жар, человечка. Мне даже не нужно лоб твой трогать, чтобы это понять, — приговаривала презренная полукровка, прижимая меня к себе и с упреждением во взгляде озираясь по сторонам. — И зачем ты ввязалась в эти разборки? Видишь же, что глупым, ни разу жизнью не рисковавшим, показать ее ценность нельзя. А тебя целителям показать надо. Не нравится мне болезнь твоя, странная она.

Мы вышли на лесную колею, погрузились в ночной полумрак и прохладу. Елрех о чем-то успокаивающе говорила и, так и не выпустив меня из объятий, поглаживала по плечу, придерживала. Я слушала ее вполуха — в голове крутился весь утомительный вечер и возникали вопросы о дальнейшем поиске Кейела. Кейел... Сегодня мне хотя бы удалось увидеть его, пусть не настоящего. Хотя бы увидеть. Жаль, что не было возможности прикоснуться. А если бы была, то все равно это был бы не он...

Я замерла. На меня словно ушат ледяной воды вылили.

— Что опять с тобой, беспокойная человечка?

Я хватанула воздух ртом, затопталась на месте. Вглядываясь в лицо Елрех, выставила перед собой дрожащие руки и спросила:

— Я ведь толкнула его?

— Кого? — Она склонилась ко мне, на плечо руку положила.

— Парня! — Я указала в сторону деревни, облизала губы и подробнее сказала: — Того, которого убить хотели! Я ведь его толкнула?

— Толкнула, — растерянно подтвердила Елрех.

Я подалась к ней. Уточнила еще раз:

— Толкнула? Он прямо отлетел от меня?!

— Не тряси меня... Не тряси! Хорошую рубаху порвешь!

— Елрех!

— Не отлетел! — в ответ прикрикнула она, отпихнув меня от себя. Ее рубаха и впрямь треснула. Я хотела было извиниться, но услышала: — Он устоял, просто на пару шагов отступил. Куда ж тебе его, такого дылду, толкать, чтобы он отлетал?

Я всхлипнула, за горло схватившись.

— Да что с тобой, ненормальная человечка?

Я покачала головой и отступила, споткнулась пяткой о кочку и едва не завалилась. Удержалась на ногах, вглядываясь в темную колею. Где-то вдали виднелось легкое зарево от костров.

— Они убьют его...

— Кого? Парня этого? Ты куда? Асфи, куда ты?!

Глава 10. Две жизни

— И ты не выяснила, откуда он? — спросил Роми, заложив руки за спиной и расхаживая по комнатке. Три размашистых шага к одной стене, три шага к другой...

Я сидела на большом сундуке, в котором хозяева дома хранили вещи. Макушкой упиралась в скошенный потолок. Рассеянный утренний свет таял у моих ног, полностью исчезал в углах комнаты. Хмурая Елрех, опираясь на узкий стол, нависала над роскошным букетом роз и каких-то высоких лесных цветочков, поставленных в вазу.

— Не выяснила, — ответила я и уткнулась лицом в ладони.

Глаза болели, их резало и щипало, словно песка насыпали; ноги ныли, гудели. В голове стелился туман, аппетита не было, меня даже подташнивало, но под ложечкой сосало беспрерывно, будто от голода. Вина меня не тяготила, но страх, что с Кейелом случилось этой ночью страшное, навевал ощущение, что мои страдания еще впереди, и винить в них я буду только себя.

— И эта фангра даже не догадывается, кто к ним приходил? И ее братец... Им безразлично, кто приходит в их дом? Безразлично, если на их глазах кто-то хочет убить кого-то?

Тяжелые шаги резко оборвались, скрипнули подошвы. Я потерла глаза, подавила зевок, чуть потерпела заложенность в ушах и наконец посмотрела на Роми. Он возвышался напротив меня и, зацепив пальцы за пояс, раздраженно махал хвостом. Волоски из белой растрепанной косы подсвечивались восходящим солнцем, как и мелькающая за ногами кисточка хвоста. Роми ждал ответа, хоть он тут и не требовался.

Я кивнула и скрестила руки на груди.

— Хорошо выходит, — кривясь протянул он и быстро обернулся к Елрех. Она в это время ощипывала слабые, увядшие листочки с роз. — И тебе все равно?

Она брови вскинула изумленно. Роми ответить не позволил, сам продолжил отчитывать непонятно кого — то ли нас, то ли фадрагосцев из селян:

— Мы голову ломаем в высших гильдиях. Работаем, чтобы жизнь им улучшить, чтобы защитить и обезопасить, а они играючи жизнь друг у друга отнимают. А другие еще и потакают! Тебе надо было уйти, как только Тавирд попросил об этом.

У Елрех брови поползли еще выше. Я в сундук руками уперлась и, к Роми подавшись, уточнила:

— То есть ты методы его одобряешь?

— А кого там спасать? — взвился он и к узкой кровати направился.

— Там не все мыслят, как разбойники.

— Как васоверги! — с нажимом произнес Роми, усаживаясь на кровать. — Только эти о пожизне помышляют и тем живут.

— Там полно и хороших, вредный ты шан'ниэрд, — вступилась Елрех.

— И кто же? Девица, которая неспособна общий язык с братом найти, лишь потому, что у них матери разные? И что же это за поселение, где одни на других управу ищут уговорами?

— Не всем жить, как в Обители, — настаивала Елрех. — У них нравы другие, гильдию деревней заменили. Живут на свободной земле, где им никто не указ, и никто их тут не защищает. Вы там, в высших своих гильдиях, заботу не о них проявляете, а о тех, кто на землях под вашим покровительством живет и вам прежде всего пользу приносит.

— А мы их куда не прогоняли. Хотят рисковать тут — пусть рискуют! Но мне обидно: сколько у нас за здоровье и жизнь молодых сражаются и защитники, и защитники, а тут они жизнью раскидываются.

Елрех губы поджала, спиной на дверь налегла и молча голову опустила. Я понимала переживания Роми, но на данный момент заботил меня совсем другой вопрос.

— Когда мы выходим? — тихо спросила я. — Нужно найти Кейела.

В ответ стояла тишина. Роми сцепленные в замок пальцы к губам приставил и на меня уставился, а Елрех продолжала растерянным взглядом сверлить дощатый пол. И только жук бился о мутное, хоть и чисто вымытое стекло в крошечном окне, не позволяя совсем уж отрешиться от реальности.

Я понимала, что по возвращению, пока я смывала с лица кровь и приводила себя в порядок, Елрех успела не только разбудить Роми, но и предупредить его о моем состоянии. Мое состояние... его я помнила словно бредовый кошмарный сон.

Помнила, как по стопам ударяли подошвы сапог, а ветки и кочки норовили повалить меня с ног, цеплялись и мешали. Совершенно не помню, когда разулась, и с того момента не запомнила дорогу вовсе. Очнулась только тогда, когда влетела в огороженный участок перед Медвежьей колыбелью. И музыка играла веселая, а может, она такой казалась из-за частого смеха. Это помню. До сих пор не понимаю, как среди всей толпы мне так быстро удалось отыскать полную фангру, но в тот момент я верила, что она единственная, кто проникнется и поможет. Я не ошиблась и ошиблась одновременно — она прониклась, но не помогла.

Фангра оказалась единокровной сестрой Диррейка, потому-то ее голос обладал в этом сборище хоть каким-то весом. Она успокоила меня, сказав, что сумела остановить драку, но и обеспокоила — парни, устроившие разборки, ушли сразу за мной, но другой дорогой. В эту ночь решено было позвать в Медвежью колыбель существ даже из самых отдаленных поселений, поэтому многих фангра видела впервые. Так случилось и с Кейелом, и с компанией, которая набросилась на него. Или он на них...

«Они пришли первые, и их сразу к Диррейку повели, — рассказывала она мне тогда, — у нас так принято. Чтобы он знал всех и понимал, кого в следующий раз можно пропускать, а кого лучше гнать подальше. А этот парень один влетел за ними. Его даже на входе не расспросили, кто он, — не успели. Он как вбежал, так сразу на тощего набросился, ударил пару раз. Ты пойми, Асфи, он первый начал драку. Замахнулся — значит, они право имели ответить. Я не люблю смотреть, как кто-то умирает. Это меня пугает и злит, я потому их и прогнала. Даже если по закону хотят кровь пролить, пусть проливают где-то подальше от моего дома. У меня папа староста, он тоже порядок ценит»

Она милостиво показала мне, какой дорогой ушла разъяренная толпа. Мы с Елрех в потемках прошли по ней, наверное, около часа, а затем остановились на развилке. Куда идти дальше, никто не знал. Жив ли Кейел? Неизвестно.

Роми с тяжелым вздохом поднялся и направился к скамье, на которой были свалены его вещи. Отыскал карту и вернулся к кровати. На коленях развернул желтый свиток и несколько мгновений разглядывал его, а только потом твердо сказал:

— Сейчас ты идешь спать. Я в это время соберу вещи, а мои люди разузнают об этой дороге подробнее. Заодно разузнаем, что там за деревни и безопасно ли в такие наведываться без сопровождения.

Я нахмурилась и мотнула головой, и Роми, заметив это, карту откинул с восклицанием:

— Хоть сейчас не спорь! — На серых щеках заиграли желваки, выступил легкий румянец, а в желтых глазах разгорелись огоньки злости. Он вскочил на ноги и стал снова шагами комнату мерять. — Ты достаточно себя проявила, Асфи. Дай отдохнуть и себе, и Елрех. Если твоего человека убили, то мы уже ничем ему не поможем. А если он жив, то мы найдем его в тех деревнях. — Остановился напротив и назидательно добавил: — Хуже будет, если по дороге на нас нападут хищники, и мы отбиться не сумеем. Тогда твоего человека некому будет искать. Я даю вам обоим время до обеда, затем разбужу и сразу отправимся. Перекусите уже в дороге.

Как и обещал, Роми поднял нас, когда солнце стояло высоко. Еще перед тем, как улечься, я была уверена, что не смогу заснуть, но стоило лишь голове коснуться подушки, как сон увлек. Пробуждение было трудным — все еще болели глаза, а голова казалась неподъемной. Давили виски, ломил затылок. Несмотря на состояние, я поднялась, обулась и сразу направилась во двор, где уже ждал Роми и его охрана. Я успела умыться, поблагодарить старушку за гостеприимство и принять от нее теплый кусок пирога и полный кувшин с молоком. На узком горлышке тянулась тонкая трещина.

— Как допьете, ополосните в реке и, если не нужен, оставьте там же, на бережке, на самом виду, — сказала она, прикрывая ладонью от солнца глаза. — Вдруг кому-то да пригодится.

— В лесу? — удивился один из шан'ниэрдов, охраняющих Роми.

— В лесу! — враждебным тоном ответила Елрех.

Забросила заплечную сумку на спину и направилась по колее к воротам. Роми проводил ее недовольным взглядом, но заступаться за охранника не стал.

Дорога по лесу в резко уменьшившейся компании, как по мне, доставляла меньше хлопот. Мы не останавливались каждый час, а сами остановки не длились больше пятнадцати минут. Шли до самого заката, а для сна хватило крохотной поляны, щедро прогретой солнцем за день. Елрех, не

обращая внимания на приказы Роми, отдалялась от нас, но неизменно возвращалась то с травами, то с дичью. Она-то и добыла нам на ужин целого поросенка. Разделала его самолично, а затем еще и отвар мне приготовила, со словами: «Успокаивает хорошо и здоровье крепче делает».

Роми перестал нам приказывать, понял, видимо, что это бессмысленно, — ни я, ни Елрех не собирались плясать под чужую дудочку. Она слишком своенравная, а я... Объяснить свое упрямство было невозможно. Мне это просто не нравилось.

Вечером дружно разлеглись вокруг костра, но четверо темноволосых шан'ниэрдов поочередно каждые полчаса минимум вставали и прохаживались по округе. Одному из них запросто помогали Мивенталь, но не так услужливо, как приходили на выручку Кейелу. В одном он был уверен, если серьезная опасность будет приближаться — завоют волки. Другие шан'ниэрды обладали прочей силой: одному духи «шептали» об окружении, второго к воде вели, а третий ядовитых насекомых отпугивал. И при этом все, как один, умело владели оружием. Этакие ниндзя-черепашки, только вместо панциря рога, хвост и хорошее зрение в темноте. Впрочем, о темноте рядом с Елрех переживать не приходилось. Несколько раз она без объяснения уводила нас с дороги, а потом сообщала, что видела следы нечисти или заговоры местных племен.

Фанатиков в Вечном лесу было огромное скопление, и поселения их по описанию, кроме, как племенем, никак не назовешь. Поклонялись они разному, но обычно тому, что в густо населенных землях было под запретом. Фадрагос давно жил, но только по второму моему приходу в него он для меня по-настоящему оживал.

— Вкусно, — протянул самый улыбчивый шан'ниэрд, облизывая жирные пальцы. — Руками его, что ли, ловила?

Елрех отвечать не спешила и медленно пережевывала сочный кусок. Мясо и впрямь было нежным, а с солью и пряностями, зажаренное над огнем, превращалось в какой-то особенный деликатес. Даже я, постоянно рвущаяся вперед и всю дорогу с опаской выглядывающая труп Кейела, расслабилась. Вкусный ужин на свежем воздухе, отдых уставшим ногам, лесные ароматы прохладной ночи, треск костра и тихие рассказы мужчин об охране других важных персон — блаженство. Нервировали лишь комары, мошки и постоянная мысль, что я упустила Кейела навсегда. И в последнем даже винить было некого.

— Я приманила его зельями и ими же усыпила, — неохотно ответила Елрех.

— Знал я одну девицу из уважаемых, — отбрасывая в костер кость, заговорил шан'ниэрд с кошачьими глазами. — Так она плакала над любым животным. Неважно было, курицу зарубили или хищника при защите убили — горько оплакивала смерть любого. И мы ее всем дворцом уважали за эту неподдельную доброту и сострадание всему живому. Восхищались ею. Наверное, именно поэтому правитель выбрал ее себе в любовницы. И вот потом эта защитница себя проявила...

— У какого правителя? — заинтересовался Роми; даже пересел так, чтобы лучше видеть разлегшегося вдоль костра шан'ниэрда, откровенного и немного нахального.

— В регионе Черного хрустала, — ухмыльнулся парень, выставляя напоказ клыки. Хвостом ногу свою обмотал и застучал кисточкой по колену. — Вы же знаете, уважаемый, они там все немного не в себе.

— Регион полезный, — насупившись кивнул Роми и за бурдюком потянулся.

— Полезный, богатый, вот и позволяют себе творить безрассудство. Неудивительно, что там что ни период, то правители сменяются. Духи не любят такого.

— Так что случилось-то? — нетерпеливо потребовал продолжения другой охранник, который собирался по нужде отойти, но из-за начала рассказа остановился у дерева и ждал.

— Да вот девица эта милосердная с придурью в голове оказалась. Ну, может, не мне судить, но такой уж у меня взгляд. Она зверей защищала, благоустройством их занималась, а затем узнала, как служанка змею убила во дворе. Любовницы правителей крик подняли, метались по этому дворику. Узкому такому, ну, знаете, с фонтаном по центру. А змея, как потом выяснилось, в клумбе кладку сделала, поэтому и бросалась на всех. И эльфийка молодая, выросшая в какой-то деревне, не испугалась, схватила лопату и змее голову отсекла. Так любовница эта, защитница, прибежала на крики, все узнала, расплакалась. Чуть позже и кладку нашла. — Шан'ниэрд приподнялся и сплюнул в мох. Скривился и договорил: — К вечеру эльфийке голову отсекли. Змею закопали в землю, проводили ее по эльфийским обычаям, а эльфийку гнить в поле выбросили, как зверье какое. Я после этого ушел отсюда.

— Неужели правда? — изумлялся шан'ниэрд, застывший у дерева.

— Правда, — с неприкрытым отвращением подтвердил Роми. — Не так много времени после этого

прошло. Нам доносили, но особо не распространялись.

— И к чему это? — недовольно спросил третий шан'ниэрд, с сожалением глядя на недоеденный кусок мяса в своей руке.

Рассказчик многозначительно на Елрех посмотрел, и остальные за его взглядом проследили. Елрех, заметив внимание к себе, от ужина отстала и нахмурилась. Я невольно напряглась и руки друг о друга потеряла, жир растирая.

— Чего нужно? — с угрозой спросила Елрех. — Я с твоей историей никак не связана.

— Речь не об этом, полукровка, — произнес наглый шан'ниэрд; Елрех едва заметно оскалилась. — Я после того случая на мир иначе взглянул. Вот сейчас наблюдаю за вами — за тобой и человечкой, — и наслаждаюсь знанием, что есть такие женщины.

Я хмыкнула. В груди шевельнулась вина за прошлое, горечь отравила вечер, напомнила о постыдном вранье любимым, о корысти и многочисленных ошибках. Такими восхищаться нельзя, в нас настоящего мало — все хорошее вокруг мы превращаем в оправдание своей жестокости.

— Вы себе отчет за поступки отдаете, — продолжал охранник, — за других не страдаете, потому что своими проблемами живете. А своих проблем у вас много, потому что на чужие плечи их не перекладываете. С такими и на войну смело идти можно.

— Ты доел, болтливый шан'ниэрд? — громко спросила Елрех, подбородок высоко поднимая и спину сильно выпрямляя.

— Доел.

— Тогда иди и котелок помой, хоть какая-то от тебя польза будет.

Над поляной нависла тишина. Елрех единственная, кто с места сдвинулся — нервными движениями начала кости собирать, чтобы потом сложить на какой-нибудь пенек кучкой. Все внимательно за ней наблюдали, наверное, поэтому признание шан'ниэрда прозвучало как гром среди ясного неба:

— Ты мне сильно нравишься, полукровка. Сначала ничего, кроме брезгливости, не вызывала, а потом наблюдать за тобой стало в удовольствие. Ты к груди моей руку прямо сейчас приложи — поймешь, о чем говорю. Голову ты мне кружишь, Елрех.

Она замерла, так и не дотянувшись до моего листа, на который я объедки складывала. Побледнела, а на лбу морщинок больше залегло. И вроде бы признание любое, а особенно от шан'ниэрда, радовать должно, но в вечернем воздухе ощущалось всеобщее напряжение. Я перевела взгляд на Роми, тот угрюмо смотрел в костер. Влюбился или не влюбился? А Елрех в него?

— Почему же ты молчишь, Елрех? — не отставал шан'ниэрд. Склонил голову к плечу и напомнил: — Ты же знаешь, что мы однолюбы, а у меня все к этому делу движется. Если полюблю вдруг, что делать с тобой будем? Мне ведь уже плевать, кто родители твои, потому что...

— Тебя попросили вымыть котелок, — перебила я. Во рту сухость мешала говорить — язык превратился в наждачку.

Шан'ниэрд вздохнул тяжело, пожал плечами и легко поднялся, но с Елрех при этом насмешливого взгляда не сводил. Она, его игнорируя, продолжила своими делами заниматься. Роми, сцепив руки в замок и облокотившись на сумку и сверток покрывала, вытянул ноги. Я думала недолго, а решение приняла быстро и слишком легко — шан'ниэрд его высказала:

— А с рассветом ты уйдешь.

Я слышала, как за моим плечом шаги затихли, но оборачиваться не стала. Вместо этого поймала строгий взор Ромиара и в желтые глаза в ответ смотреть стала.

— Мы отдадим тебе часть провизии, шан'ниэрд. Вернешься тем же путем, как мы сюда шли, а в Обители расчет заберешь за хорошую службу.

— Не ты тут главная, человечка, — прорычал охранник.

— Не я, — согласилась я, не прерывая зрительного контакта с Роми, — но приказываю тебе с одобрения твоего нанимателя.

Роми долго не двигался и молчал. Мне чудилось сомнение в выражении серого лица, но свет костра слизывал его бесследно, не позволяя убедиться, что оно и вправду было. После томительного ожидания Ромиар медленно кивнул, снова в костер уставился и тихо проговорил:

— Займись тем, о чем тебя попросили. И поблагодари Асфи за ее заботу о тебе.

Шан'ниэрд уходил к ручью с явной обидой, Елрех почти сразу отправилась спать, а Роми допоздна потягивал что-то из бурдюка, крутил в когтистой руке амулет и задумчиво вглядывался в костер, будто искал там ответы на многочисленные вопросы. Я волновалась о грядущем дне.

Поутру, когда небо только-только тронула розовая дымка, мы распрощались с двумя шан'ниэрдами. Оба друга не высказывали недовольство, но виновник разрыва нашего контракта еще раз попытался поговорить с Елрех, расспросить ее подробнее о возможном романе. В этот раз Елрех не растерялась и просто вежливо отказала, не объясняя причин. Роми в это мгновение что-то суматошно писал в дневнике, словно боялся упустить осенившие его мысли.

С первыми лучами двинулись дальше. Колея сужалась, а вскоре и вовсе превратилась в едва заметную тропу. Мы шли по ней, собирая штанами росу, снимая собой паутину и отмахиваясь от кровососов. За долгие часы пути не встретилось ни одной поляны, чтобы присесть и отдохнуть. Несколько раз останавливались, сверялись с картой и обсуждали наши пометки на ней, где, как нам сообщили, мы найдем отдаленные поселения. До них обычно сплавляются по реке, но нам бы пришлось ждать лодку, идущую туда, целых двенадцать рассветов.

— Склон! — донесся крик Елрех из-за зарослей густого орешника. — Вижу деревню!

Мы направились на ее голос, вышли к солнцу. Оно, застыв в зените, слепило нас и согревало лучами холмы, стелящиеся снизу. Крутой обрыв косой уходил вдаль, не позволял спуститься к поселению напрямик, а сердце стучало быстро и громко. Домики, словно игрушечные, рассыпались на глади зеленого моря из трав и цветов. Отбрасывали блики окна, желтыми пятнами торчали крыши, и забор возвышался зубами вокруг. Широкая колея вела к полноводной реке, на обрывистом берегу которой трудились существа — строили большой причал.

— Наконец-то, — басовито произнес охранник, разминая плечо; грязная сумка валялась у него в ногах.

— Подумаешь, — фыркнул его напарник, срывая красный мак, — всего ничего в пути, а уже ноешь.

Роми, стоя в метре от края, перехватил удобнее сумку и повернулся к подчиненным. Поставил в известность:

— Если не найдем тут того, кого ищем, то сразу же отправимся в путь.

— Как? Даже не отдохнем?

— Пообедаем, тогда и отдохнешь, — ответил он и пошел вдоль обрыва.

— Чего это с ним? — раздался тихий вопрос позади.

Я повернулась к Елрех, плечами пожала и снова посмотрела на осанистую спину Роми. И важно ли, что с ним?

— Может, искренне хочет мне помочь, — предположила я.

— Помочь он тебе и раньше хотел, но так сильно не спешил. Идем за ним, а то, как утром, злиться будет, что медлим.

Солнце уже стало клониться к горизонту, когда мы подошли к спуску. Небольшая тропа уводила вниз, а там виляла вдоль реки и упиралась к маленькому причалу. У него же стояли вышка и небольшой домик, из которого к нам навстречу выскочил молодой эльфиор. Встретил нас настороженно, но как разглядел Роми и его знак на груди, так сразу и просиял.

— А я сюда недавно прибился, — запросто отвечал он на прямые вопросы. — Мама заболела, в Обители нам помочь не смогли, а знакомые сюда отправили. Знахарка сильная тут живет, из-за нее мы семьей сюда и перебравлись. Вот рассветов пять назад, как пришли, поэтому всех еще не узнал. Если Кейел тут и живет, то я с ним еще не успел познакомиться. Вы пройдите внутрь, в деревню прямо! Там дом старосты первый стоит, с деревянным драконом во дворе. Вы не пропустите. Только на воротах никого не зовите и духов охранных не опасайтесь, добрые они тут.

— А почему не звать никого? — Елрех выступила немного вперед.

— Так деревня небольшая! Вы не смотрите, что она с холма выглядит большой, не так это. Место хорошее, как видите, вокруг простор какой, да и лес поблизости хороший. Хищников мало, а те, что есть, всегда сытые. Дичи много, рыбы еще больше. Но вот добраться сюда только рекой можно, но там пороги опасные, приходится лодки по берегу тащить. По лесу только молодые пробираются, а как кто постарше — уже остерегаются, чтобы ноги не поломать. Вот существ и мало тут живет, и в

основном старшие. Они все сейчас за деревянной причал новый строят, кто-то в деревне трудится, потому ворота открыты, сторожить некому.

Распрошавшись с эльфиором, направились к деревне. До нее было рукой подать, поэтому шли на втором дыхании. Я вдыхала воздух полной грудью, гнала пугающие мысли прочь, кусала губу и мяла ремень сумки. На ровном месте спотыкалась. Елрех шла рядом и, украдкой поглядывая в мою сторону, лоб жалостливо морщила. Речной запах смешался с ароматами луговых трав, свежесть холодила лицо. Я волосы со лба убрала и, когда пустые ворота миновали, стала озираться.

Дом старосты сложно было бы пропустить. Вслед за остальными я подошла вплотную к низкому частоколу, рукой ухватилась за штaketину и заморгала часто, непрошенные слезы убирая. От вида вырезанного из цельного бревна дракона сердце застучало быстрее. Он выглядывал из травы и с игривым взглядом добычу высматривал. По длинной спине тянулся гребень, и чешуя на ней виднелась четче, а вот на морде трещина немного портила вид, рассекая нос ровно по центру.

— Хозяин! — охранник вошел во двор к старосте и бодро зашагал к крыльцу; светло-зеленые духи вертелись вокруг него. — Хозяин! Есть кто дома?

Остальные тоже стали входить во двор. Шан'ниэрд заколотил в двери, но звучный голос послышался из-за дома.

— Иду, иду! — Высокий эльф, руки вытирая о темный фартук, показался на дорожке.

В это же время в другой стороне раздался иной стук. Топор стучит по дереву?

Сердце замерло. Я отступила от забора и на новый зов побрела. Ладони потели, с каждым шагом слабели ноги. Стучали во дворе, где стоял высокий дом с резными ставнями и козырьками. Забор был низкий, но работника заслоняла яблоня, ветки которой под множеством плодов чуть ли не до земли клонились. По утоптанной дороге шаг пружинился, пыль поднимал, и я смотрела на нее, не смея взгляда оторвать. Расстроюсь ведь, когда опять увижу, что надежда не оправдалась. Так хоть пожить волшебным ожиданием чуть дольше.

На пути яблоко возникло. Настолько спелое, что треснуло и ароматной кашей начало подгнивать в пыли. Пчелы кружили вокруг, ползали по нему. Левее ромашки любовались в крохотной луже своим отражением. Муха присела на белый лепесток, но с теплым дуновением ветра сразу же слетела. А стучать не прекращали...

Я, наконец-то, глаза подняла — и сразу опустила. Носом шмыгнула, дрожащей рукой выступившие слезы вытерла, а затем и руками тряхнула, будто это могло помочь успокоиться.

Кейел меня не видел — занят был. Рубаха его висела на заборе, а загорелая спина блестела под солнцем. Очередным крепким ударом он разрубил полено, топор вогнал в колоду и, выпрямившись, мокрые от пота волосы за уши убрал. Вытер лоб и оглянулся на кувшин, стоявший на табурете у забора. Меня заметив, вздрогнул — наверное, от неожиданности. Через секунду улыбнулся; зелено-карие глаза теплом наполнились. Родной голос погладил сердце:

— А, это ты. Не думал, что снова свидимся. Какие духи привели тебя сюда?

Он подошел ближе, дразня собой. Ухватил кувшин и губами приник к нему. Большими глотками жадно пил, а я не в силах взгляд оторвать смотрела. Ответить что-то надо. Но что? О духах говорить? Спросить о чем-нибудь в ответ? Можно сказать, что с друзьями пришла сюда. Уточню, что с беловолосым шан'ниэрдом, пусть удивится, так разговор и завяжется. Ага, конечно... А когда спросит, зачем пришли, что говорить? В любви признаться?!

— Я что-то плохое тебе сделал? — вопрос вырвал из задумчивости и мысли путанные окончательно распугал.

Кейел с беспокойством следил за мной. Кувшин мне протянул.

— Будешь?

Слезы снова подступили, в горле защекотало.

— Кейел... — только имя произнести и смогла. О его сосредоточенный взор споткнулась и растерялась. Сумку поправляя, плечами повела.

— Я тебя не знаю, — тихо сказал он, ставя кувшин на место. — Если я вдруг тебя обидел ночью той, так знай — я не хотел.

Я головой замотала.

— Не обидел.

— А плачешь сейчас почему?

Всхлип ладонью удержать не удалось, но кривящиеся губы скрыла. Хотелось отвернуться, спрятать слезы, но боялась. Отвернусь — из виду потеряю. А вдруг сон все? Еще кошмаром обратиться...

— Извини, — попросила я, щеки вытирая и улыбку выдавливая.

— Ничего. — Кейел успел стащить с веревки полотенце и мне протягивал. — Возьми. И все-таки — воды налить?

— Давай, — кивнула я.

Он снял деревянную кружку с забора, наполнил ее. Протянул мне, а я смелости не нашла, чтобы руки поднять. Дотронусь ведь до его пальцев... На них виднелись заусенцы, а кое-где на коротких ногтях трещины тянулись.

— Почему не берешь? — еще тише спросил он. — Не отравлена.

Я усмехнулась и посмотрела ему в глаза. Сердце пустилось вскачь, дыхание перехватило, слова сорвались с губ:

— Ты не представляешь, как я рада, что нашла тебя! Так боялась, что тебя убили.

Шагнув к забору, вцепилась в него. На носочки привстала, вглядываясь в знакомое лицо и незнакомое одновременно. Он казался проще в этой жизни, какой-то открытый и словно простодушный. Несмотря на то, что вместо меча топором махал, телосложением крепче был, а вот лицом — моложе.

— Не знаю, что там между тобой и этими парнями, но... — Зажмурилась на миг, а когда глаза открыла, он уже свои округлил; его лицо вытянулось. — Кейел, мне так жаль, что я тебя толкнула. Ты меня прости, ладно? И если нагрубила — я не помню совсем, — если нагрубила, то тоже прости, пожалуйста.

— Ты из-за этого так переживаешь? — Он улыбнулся широко и буквально мне кружку впихнул, а затем еще и своими ладонями руки мои сжал, даже не представляя, что землю из-под ног выбивает прикосновениями. — Держи крепче!

И рассмеялся так, что дух захватило. Хрипло, негромко, по-доброму...

— Правду в легендах говорят, что люди самые непредсказуемые существа. Я тебя точно не знаю, запомнил бы! — И с виноватым видом отвел взгляд, добавляя: — Наверное. Но ты в любом случае зря волновалась! Не нашла бы меня — подумаешь. Многих же не находят.

— Не говори так.

— Я-я-а... А как к тебе обращаться? — Он на забор оперся и ко мне склонился.

— Ан... Асфи!

— Асфи! — повторил выразительно и громко. — Имя у тебя красивое, Асфи. И глаза.

— Спасибо.

Он фыркнул беспечно, не прекращая улыбаться. Его легкость в поведении завораживала и заражала — я тоже улыбалась до боли в скулах.

— Асфи, не для слез твои глаза предназначены. Им куда больше блеск тот воинственный идет, которым ты ночью всех напугала. Поэтому плакать больше не вздумай. Тем более о незнакомцах вроде меня. Я ведь сам тогда драку затеял, знал, на что шел.

— Зачем?

— Да так. — Он забавно поморщился, на землю взгляд опуская. Улыбка его на мгновение дрогнула, а голос стал печальнее. — Мое это дело, Асфи. Да и где тебя учили, чтобы девушки за парней заступались? Но поблагодарить мне тебя есть за что. Если бы не ты, убили бы меня. Дурость свое взяла, вот и полез. Спасибо, что... Если бы ты не влезла тогда — по пьяни или перепутав меня с кем-то, — меня бы следующим рассветом родные оплакивали. Спасибо!

Ответить я ничего не успела. На крыльце его дома белокурая девушка появилась. Окликнула, сбега по деревянным ступеням:

— Кейел! Матушка просит ведро воды!

— Сейчас? — Он на меня виноватый взгляд бросил.

— Не обязательно, — ответила, ко мне присматриваясь и складки на цветастом платье на ходу разглаживая, — но скоро понадобится. Хотим морса сделать. А вы кто?

— Асфи, — представилась я и, не зная, что еще добавить, молчала.

Решила было, что Кейел ни разу мне о сестре не рассказывал, но холод сердце тронул — девушка подошла к нам, Кейела обняла за талию и прижалась щекой к его груди.

— Фу ты! — отшатнулась изумленно. — Вспотел весь.

Кейел рассмеялся.

— Где ты видела, чтобы работали и не потели? Асфи, это Лери, — с горящим взглядом представил он, — моя суженная.

Низкорослая, немного полная, но фигуристая, она смотрела на меня светло-голубыми глазами с любопытством. Волосы на солнце лоснились, концы кольцами из толстой косы свисали. Пухлые губы в улыбке растягиваться не спешили, а брови вразлет сошлись на переносице.

— А вы зачем к нам пришли? — деловито спросила она, опять к Кейелу прижимаясь.

— Лери, — укоризненно шепнул Кейел, и щеки ее вспыхнули румянцем.

Сколько ей лет? Восемнадцать, девятнадцать? Выглядит совсем молодо, но... Чертова Этирс все равно была красивее! Откуда она взялась? Что он в ней нашел?

Я коротко пожала плечами, стараясь скрыть дрожь, охватившую все тело.

— Мы с друзьями искали кое-кого.

— И кого же? — Она от Кейела отстранилась и прямо высказалась. — Я в окно смотрела. Вижу, как вы на него смотрите. Не знаю, откуда вы пришли, но уходите!

Меня холодом прошибло.

— Лери! — шикнул Кейел, за руку ее хватая.

— Что?! Рубаху надень! — Она руки в бока уперла. — А он сказал вам, что счастье у нас? Я сына ему рожу. А может, дочь. — По животу себя погладила. — Уже больше периода жизнь во мне.

Кейел ее за щеки схватил и на себя заставил посмотреть. Заговорил тихо, но я каждое слово слышала. А земля тем временем под ногами медленно раскачивалась.

— Лери, я ее второй раз в жизни вижу. Не закатывай скандал, не ревнуй ко всем подряд.

— Кто она? — злобно спросила девчонка.

Мир шатался, кривился, свет бил по глазам, резал их. Хотелось схватиться за голову, но я удерживала себя. Вспоминала Кейела. Он стоял передо мной, а я его вспоминала...

«Будто хотели добраться до сердца» «Хотели» «А ты не отдал... жадина» «Тебе отдам. Заберешь?»

— На позапрошлом закате... — Кейел тяжело вздохнул. — Ты мне как все рассказала, так я голову потерял. Пошел к Тигару, но не застал его дома.

— Как? — Лери ахнула, отпрыгнула от Кейела. — Зачем ты к нему пошел?! Я же просила тебя!

— Я с собой не совладал, — оправдался он, за руки ее удерживая и с сожалением на нее глядя.

«...чтобы быть монстром, не обязательно обладать устрашающей внешностью. Достаточно жить, как ты, сея разрушения и смерть»

— А он что? Где был?

— В Медвежью Колыбель пошел на танцы. И остальные с ним.

— И ты следом?

Кейел виновато голову опустил. Я отступила. *«...слабые... Сильным нужна пища. Аня, прошу тебя, стань сильнее»*

— Прости, — тихо попросил он и мотнул головой. — Я хотел ему все высказать. Просто высказать. А догнать их никак не мог, шел полночи, едва ли не бежал. Там только его увидел и не удержался — ударил. И Асфи вмешалась. Так меня убили бы.

Она дышала глубоко, смотрела на него глазами полными слез; подбородок округлый морщился.

— А обо мне ты подумал? — спросила она. — А о ребенке нашем?! Я попросила тебя оставить все это!

— Я оставил! Больше не пойду к ним. В скверну их. Обещаю тебе, что больше не пойду.

Лери вырвала руки из его рук и бросилась к калитке. Заливаясь слезами, выскочила из двора и побежала к деревенским воротам.

— Лери, стой! — Кейел задержался лишь для того, чтобы рубаху с забора сорвать.

При всем желании ничего сказать ему я бы не смогла — воздуха дико не хватало, поэтому молча заступила путь, но он меня легко обошел. Проскользнул в миллиметре, теплом обдавая, коснулся мимолетно локтем моей руки. В глазах на миг потемнело, я покачнулась, но, за забор ухватившись, устояла на ногах. Кейел оглянулся и, так ничего мне не сказав, просто махнул на меня рукой. И не обращая внимания даже на беловолосого шан'ниэрда с постыдной полукровкой, идущих по дороге, бросился вслед за невестой.

«Я буду ждать на рассвете» «Я вернусь»

Роми посмотрел на меня, глубоко вдохнул и будто дыхание задержал. Жалость от него? Сострадание? Это худший кошмар! Оба бывших Вольных изменились настолько, что ничего от прошлых в них не осталось. Это ли Вольные? Они мир спасали?! Я хохотнула. Смех рос изнутри, расцветал и я захлебывалась им еще заранее. С брезгливостью отдернула руки от деревянного забора, вытерла ладони о штаны и стала отступать. Только бы не видеть больше этого уютного и ухоженного дворика вместе с домом. Только бы не вспоминать эту белокурую девицу.

— Асфи, — протянула Елрех, приближаясь ко мне.

Роми не отставал от нее. Он и вправду смотрел на меня с состраданием, будто я вот-вот умру.

— Я ударю тебя! — пригрозила я ему.

Шан'ниэрды за его спиной напряглись, ускорились, но он руки вытянул в стороны и, глядя на них, головой покачал. Елрех застыла с изумлением на лице.

— Это был твой человек? — поинтересовался Роми, сводя белые брови на переносице. — За кем он побежал, Асфи? За своей возлюбленной?

Он приближался, ладони мне демонстрируя и взгляд смягчая улыбкой сожаления.

Меня будто в грязь опрокинули, вязкую, противную, вонючую. И сколько бы я ни оглядывалась, не видела ничего, за что бы уцепиться и выбраться. В груди что-то надорвалось, треснуло, я скривилась и сжала кулаки. Зачем мне позволили вернуться в мир, где не осталось ничего моего? Ни Вольного, ни возлюбленного. Для чего мне жить тут? И эта жалость от того, кто всегда смеялся надо мной... Как же раздражает.

— Тебе нужно отдохнуть, Асфи, — с участием проговорил Роми, сокращая расстояние между нами еще на два шага и позволяя разглядеть искренность в глазах. Подошел совсем близко и продолжил: — Я тебе сочувствую, но человеческая любовь — это не любовь шан'ниэрдов...

Я ударила. Удар ощутимым эхом отразился в плече, пальцы кольнуло, в локте заныло, но желаемого облегчения это не принесло. Роми отшатнулся и с изумлением глаза округлил. Я изнутри горела, и пламя рвалось наружу, но выхода не находило. Снова сжала кулаки и зажмурилась. Ответный удар стал неожиданностью и тем самым на мгновение отключил все эмоции, словно выбил их. Меня снесло в сторону, челюсть с легким хрустом сдвинулась, в ухе резануло. Я на ногах устояла, замерла, прислушиваясь к ощущениям. В глазах плясали темные точки, медленно набирая темп, в ушах тихо звенело, а челюсть боязно было проверять. Не сломана ли? Языком по зубам осторожно поведив, убедилась, что они на месте.

— Вы что устроили, дурные существа? — выкрикнула Елрех, отталкивая от меня разъяренного Роми.

Я расхохоталась, сильнее прижимая тыльную сторону ладони к ноющей щеке. Челюсть не сломана, а нелепую ситуацию за эти мгновения удалось увидеть со стороны. Она-то смех и вызвала. Но чем громче звучал мой смех, тем сильнее хотелось плакать.

— Ну хватит! — произнесла Елрех, и зачем-то обнимать меня полезла. — Хватит, Асфи.

Оттолкнуть ее не получилось. Одна попытка, вторая — без толку. Я хохотала ей в плечо, пока она меня удерживала и по волосам гладила. А темные точки в глазах плясали все быстрее и быстрее, и мир беспощадно кружился. А затем я поняла, что плачу. Ухватилась за Елрех, повисла на ней и все никак не осмеливалась вслух признаться, что только она у меня и осталась.

Вскоре мы втроем сидели под деревом, смотрели на дом Кейела. Я продолжала жаться к Елрех, а она меня обнимала и гладила по плечу. Роми тоже рядом со мной устроился, крутил в руках амулет и иногда трогал разбитую губу. Охранники, стоя неподалеку, молча переглядывались.

— Назад придется в возвышенность идти, — сказал Роми и стал подниматься. — Дорога будет тяжелой. Пойду договорюсь о ночлеге.

Глава 11. Распутье

Нард сплюнул под ноги, рогатой головой потрянул и с улыбкой снова стал кружить по полю. В небе крикнул сокол, ветер кожу погладил, жар унес. Я, насколько могла, вдохнула глубоко и, наблюдая за противником, шагнула против часовой стрелки. В боку колело, а легкие жгло. Хорошо!

— Свирепая, — хрипло произнес Нард. Судя по блеску в волчьих глазах, он мне щедрый комплимент отвесил. — Не скажешь, кто бою тебя учил?

Я головой мотнула, стопой щупая почву, укрытую высокой травой. Под ласковым солнцем она не выгорала, а силой напитывалась, зеленела сочно. Вдали, ближе к реке, стадо мситов паслось, и я усмехнулась, когда их за плечом шан'ниэрда увидела.

— Что смешного? — Нард нахмурился.

— Хвосты у шан'ниэрдов забавные, да и рога.

— Нравятся? — Он самодовольно голову вскинул.

Беспечный...

Я набросилась. Кулаком в твердый живот ударила, из быстрого захвата выскользнула. Прыжком за спину мужчины ушла и, на колено упав, ударила в поясницу. Нард уже разворачивался, и я подножку поставила.

— Духи Фадрагоса, женщина! — взревел он, в траве развалившись. Покряхтел немного, поерзал и уселся. — Удар у тебя крепкий. Больно, скверна тебя дери!

Я усмехнулась, глаза потерла, черную пелену прогоняя, и руку охраннику подала. Он ухватился, и мне пришлось поднапрячься, чтобы этого тяжеловеса старого поддержать.

— Устала, — заметил он.

— Вот только не говори, что ты не устал.

Вообще, в путь с Роми отправились неплохие шан'ниэрды. Веселые, общительные и при этом совершенно ненавязчивые. Свое дело они знали — не наседали опекой круглосуточной и всегда настороже были. Даже жаль, что пришлось двоих от себя отправить, и мы толком не познакомимся. Но, как сказал Нард, все поправимо. Отделаюсь от Роми, а затем присмотрюсь к гильдии этих уважаемых наемников внимательнее. Уверена, что ни Елрех, ни Дриэн не обидятся, если я вдруг захочу изменить свой род занятия.

— Так что, девчонка, кто учил тебя бою? — Нард меня в плечо толкнул, и я с колеи сошла.

Улыбаясь широко, плечо потерла и правду ответила:

— Вольные.

— Неужто?

— Правду говорю.

Солнце заставляло шуриться. Мы медленно тащились к деревне, куда возвращаться совсем не хотелось. Опять четыре стены в доме, пропахшем травами и старостью.

— И не один?

— Два.

— И когда они тебя учили, ты же соплячка.

— На себя посмотри, старик! — засмеялась я, глядя на гладкую кожу лица. У него она лишь обветрена чуть-чуть. — И это тебе четыреста периодов исполняется?

Духи, это же почти сто лет!

— Я шан'ниэрд, мне положено так выглядеть. Вот к четыреста пятидесяти уже стареть начну, а там с благословения духов проживу еще сотню и к Древу жизни с незапятнанной душой отойду.

— И ты всю жизнь так?

— Как?

— В наемниках проходил?

— Нет. Я начинал с бумажной работы, хотел при дворце устроиться, но надоело быстро. Как понял, что жизнь не в удовольствие, по гильдиям пошел. Сначала по высшим — Справедливости, Мудрецов, несколько целительских, а затем до Защитников дошел. Но вот в высшей у Защитников мне не понравилось, я поэтому попробовал в уважаемой гильдии прижиться. И, как видишь, прижился.

Болтая о ерунде, мы миновали дом Кейела, дошли до дома старой знахарки — вредной, вонючей и жадной. Впервые мне пришлось так близко и долго контактировать с викхарткой. Зато, как только мы с Елрех ее увидели, сразу поняли, почему выдающаяся знахарка в такой глуши обитает. В деревне же ее любили, уважали и помогали, чем могли. Впрочем, я тоже душой кривлю, думая о ней только плохо. Старая, выглядела она ужасно, словно труп — кожа дряблая, морщинистая, с частыми пигментами и темная, будто толстым слоем грязи покрытая, висела на костях. Даже лицо было таким впалым, что, казалось, потяни за отвисшую кожу под подбородком и снимешь маску с голого черепа. Клыки ее желтые выпирали особенно, трещинами пестрили, а концы сточились. И на всем этом безобразии ни одного волоска не осталось, лишь пара коротких ресниц над выпученными глазами нависала. Неприятен один только вид, что уж говорить о запахе тонком, сладковатом, который уж больно трупную вонь напоминал. Вот только за этим внешним ужасом и за грубостью языка скрывалось безграничное желание помогать всем нуждающимся. Да и сплетни викхартка до удивления не любила — ни о ком не рассказывала, и сама мало о чем спрашивала.

Каждый вечер старуха ругала меня на незнакомых языках — я по тону понимала, что ругает, — но при этом переносицу чем-то едким натирала, а после еще руки свои мазала какой-то дрянью жгучей и голову мне долго массировала. Сначала жгло сильно, прямо не усидеть на месте, а затем ничего — отпускало медленно и даже ощущения приятные появлялись, на сон клонило. Я просыпалась с рассветами, и викхартка нехотя вставала со мной, шла в тесную кухню, разбавляла мне горькие настои с другими настоями. Еще более горькими... Старуха знала, что пить эту гадость я дико не любила, поэтому внимательно следила, чтобы я все до последней мерзкой капли выпивала, а только потом поесть разрешала, да и то не все, что хочу. Диета мне ее не нравилась, скудная, не жирная и часто на меду все. От меда уже тошнило.

Так и жила я последние двенадцать дней в деревне с милейшим названием Солнечная. Вечерами терпела издевательства телесные, по утрам терпел желудок, а только потом вырывалась на улицу, где не скрипел бесконечно голос старухи и не приходилось дышать через раз. Сначала опрометчиво к старосте шла, где поселились и Елрех, и Роми, и двое охранников, но быстро ощутила близость Кейела и одновременно его недосягаемость. Смешно, наверное, но он стал моей Луной, в понимании фадрагосцев. Я знаю, что он постоянно где-то рядом, что можно взять и дотронуться, заговорить с ним, но даже если просто коснуться его — значит, себя осквернить.

Спасением стали вылазки подальше от деревни. Я ближе познакомилась с Нардом; только он и согласился запросто руками по утрам и вечерам махать. Так и жили на первый взгляд беззаботно, но Роми... Рогатый нервничал и меня тем самым нервировал. Я лишь раз попыталась отговорить его от идеи с сокровищницей, но он перебил, приказав мне заняться своим здоровьем, и сразу ушел. Последующие попытки я считала заранее обреченными и бессмысленными.

И вот, наконец, я поняла полноценно, во что ввязалась и во что втянула Елрех и Роми. Нас было трое из тех, кто мог пойти в сокровищницу. Рассчитывать на охранников, преданных своей гильдии, не хотелось. Слишком рискованно, когда речь заходит о сокровищнице Энраилл. Один человек из гильдии — вся гильдия... И даже если мне удастся спровоцировать такого шан'ниэрда, как Нард, на предательство гильдии, как было в той жизни с Елрех, то как быть с той информацией, что у него есть возлюбленная и целых шестеро детей? У него и без того непростая работа, но скитание по лесу и защита местных вельмож в лесах, где Елрех и в одиночку неплохо справляется, не одно и то же, как прогулка, например, в Свод скверны за ключом. Нет, шан'ниэрд слишком стар для этого, а я слишком хорошо знаю, что такое груз вины. Я не готова брать на себя ответственность за таких, как Нард. В таком случае, если я не отговорю Ромиара, то где взять подходящих людей, которые способны будут справиться бок о бок со всеми трудностями?

— Знахарка сказала, что через пару рассветов, выставит меня на улицу, — пожаловалась я, хватаясь за калитку.

— Что ты такого сделала, суровая человечка?

— Выздоровела.

Кейел

В доме пахло сладкими пирогами. Матушка ютилась на кухне, гремела посудой и что-то напевала нежным голосом. Лери не было видно ни в сенях, ни в доме.

— Ма, я принес овощи. Куда поставить?

— Сюда неси, — мгновенно отозвалась она и стала расчищать лавку под окном.

В светлой косе матушки застряла сережка ивы, и я, как только руки освободил, вытащил ее и губами к виску с едва заметной проседью прижался. Отстранился почти сразу и, направившись в кладовую, спросил:

— Лери еще не приходила?

— Нет. Не сидеть же ей у нас безвылазно; и дома наверняка забот хватает.

В полумраке на верхних полках блестели склянки с морсами и компотами. Я вытащил первую попавшуюся и поспешил обратно на кухню.

— Вы с ней помирились? — поинтересовалась мать, руки о передник вытирая.

— Помирились.

В который раз.

— А эти, — она кивнула на окно, — когда собираются уходить?

— А мне откуда знать? — нахмурился я, откупоривая компот. Опять с Лери о чужаках болтали... Что неймется этим женщинам?

— Ишь ты, — она плечами острыми передернула; в зеленых глазах недовольство зажглось, — поселились тут.

Я понимал, что смотрю на нее слишком строго, что потом она опять на меня Лери пожалуется, а та в ответ меня за неуважение к матушке пилить будет... Понимал, но отвернуться не мог. Хрупкая такая, ниже Лери будет, с виду нежная, а как лучше узнаешь, так поймешь: злобы в ней за всех мужиков в семье хватит. Даже дед глубокой старостью от нее ушел в другой дом жить, там и помер, вдали от семьи. И ведь сама не ругает никого, но на одного другим жалуется, на другого — третьим — и так по кругу.

— И чем они тебе мешают, ма?

— А вот тем! — распознав в вопросе укор, моментально вспыхнула она. Морщинки на худом лице стали глубже, сложились едва заметными трещинками над губами и на лбу. Она тряпку, которой стол протирала, на скамью отшвырнула и с преувеличенной досадой за шею руками ухватилась. — Лери ребенка твоего носит под сердцем, а эта!.. Эта!

— Асфи, — подсказал я, тяжело вздыхая и рукой на угол стола опираясь.

Она, глаза округлив, от меня отшатнулась, за сердце схватилась, побледнела.

— Ты и имя ее запомнил, — прошептала и губы стала тереть, будто запрещая себе повторять имя девушки. — Ох, скверну она в тебя поселит, сынок.

— Да что вы заладили? — я невольно в потолок взгляд устремил.

— Помяни мои слова! Она, знаешь, как на меня смотрит?! Как ни проходит мимо, глазами своими страшными клещом цепляется в меня и все смотрит, и смотрит. Я уже боюсь к дому знахарки подходить! И Лери волнуется, а ей волноваться нельзя. Ой, нельзя!..

Я головой потряхнул, волосы поправил и, избегая скандала, женских слез и прочих прелестей, под причитания матушки на улицу устремился. И, едва не забыв, сообщил:

— Под навесом уток скинул! Ощипать их надо.

— ...и какие ж глазюки у нее страшные! С такими — мужа она только среди дурачков искать и будет. Вроде тебя! Доверчивых таких вот! А потом матушку его к Древу спроваживать начнет, чтоб не мешалась руководить и ездить на...

Дверь со скрипом закрылась, отрезая от слуха несправедливые слова. Ну какие же глаза у Асфи страшные? Напротив, красивые очень, в такие засмотреться запросто можно и забыться. В них

словно закат растворился, и Солнце не умирает — все помнит, живет вечно. Наверное, Лери оттого на чужачку и взъелась. Поговорить бы серьезнее, обозначить опять, что мне никто, кроме дурехи этой, не нужен, так ведь опять разволнуется и подозревать неладное начнет. Вот же бабы!

А может, неспроста волнуется. Скорее бы ушли чужаки.

Фыркнув, я сбежал по крыльцу и по узкой тропе направился к сараю. Солнце с рассвета сделало только три с лишним шага, а, значит, до заката еще многое успею. Скоро в плохом регионе Шиллиар плакать начнет, а там горы, и с них слезы к нам потекут. Так всегда после затяжной жары и южного ветра. А как Шиллиар там землю от гнева Солнца спасает, так Живительная сразу из берегов выходит. Опасно. Нужно до того порога в сарае отремонтировать да забор подбить, а затем к мужикам на подмогу идти. Новый причал выше будет и длиннее, а значит, слезы Шиллиар не будут сильно торговле мешать — польза большая.

От дома старосты донесся громкий смех. Женский... Я ходу прибавил, узнавая его, но через пару шагов все-таки застыл и оглянулся. Прислушался. Сад шелестел, шептался, листвою потряхивая и все заслоняя. Отсюда ни дороги толком нельзя было разглядеть, ни уж тем более двор старосты, но отчего-то хотелось. Как же Асфи на матушку смотрит? Лери тоже в последний раз скандалила, говоря, что взгляд у Асфи в сторону моих родителей такой, будто она на них глубокую обиду затаила. А саму Лери и меня Асфи избегала... Странная она, чужачка эта. Да и вообще чужаки вместе непростые собрались, зачем-то сюда пришли. Может, больна Асфи, не зря ведь у знахарки поселилась. И перепады настроения ее заметны, и к существам отношения я не мог не заметить: одних резко любит и над ними печется, а других, напротив, резко презирает.

Ветер снова принес залиvistый и громкий смех, а я улыбнулся. На душе теплее стало. Красиво смеется, как-то невинно, что ли?

Я улыбнулся шире, представляя очередное собрание во дворе старосты, которое наблюдал иногда украдкой. Асфи выходила с друзьями по утрам и вечерам в поле: то мечами помахать, то кинжалами, то просто кулаками. В последние рассветы приобщила даже беловолосого шан'ниэрда, хоть исследователь и казался далеким от воинского дела. А после таких боев они дружно шли обедать к старосте, рассаживались на топчане под виноградником и могли просидеть целый шаг Солнца.

В сарае сырость застоялась, плесень порог разъела. Все пока не так страшно. Животина все равно всю жизнь Солнца на пастбище, а дышит дрянью только при Луне. В этот раз порог опять заменю, а там с отцом поговорю, чтоб сарай новый построить, с высокими полами. Может, под скос, чтобы вода стекала? В стене слив устроить, и пусть в землю уходит. А если отец сошлется на другие заботы — сам займусь.

Я постучал по дверному косяку, прислушиваясь и присматриваясь — сверху дерево хорошее, еще не прогнило, и термиты не завелись. В соседней пристройке не нашел нужного инструмента, поэтому воротился к дому, и почти дошел, но посреди двора остановился и невольно сжал кулаки. Беловолосый шан'ниэрд, на забор облокотившись, что-то у нас высматривал.

— Вам чего, уважаемый? — спросил я.

— С тобой поговорить хотел, — он улыбнулся, клыки показывая.

Я нахмурился, злость в себе несправедливую ощутил, но решил потерпеть и уступить. Подходя к нему, не знал, чем руки занять, а хотелось, поэтому ладонями потирать и бить стал, словно от грязи отряхивая. Остановился в метре от калитки и, большие пальцы за пояс зацепив, поинтересовался еще раз:

— Ну, чего вам?

Он внимательно рассматривал меня волчьими глазами, голову медленно к плечу склонял, точно оценивая. Пугало во мне увидел?

— Не надоело тут? — махнув хвостом и прищурившись, спросил он.

— Где — тут?

— В деревне. В город не тянет?

Мне даже отвечать на этот вопрос не хотелось. Вечно такие, как он, приедут с больших обителей с видом знатоков истинной жизни... А жизнь она тут, рядом. За ней идти никуда не надо.

Не дождавшись ответа, шан'ниэрд продолжил еще более дружелюбно:

— Я Ромиар. Прости, руку пожимать не стану. — И ладонь раскрыв, камень синий на веревочке

показал. — Амулеты, притупляющие чувства, на исходе.

Я устыдился своей строгости к нему. Ему неприятно с людьми общаться, а он вот... и зачем, спрашивается?

— Кейел, — кивнул я. — Так о чем поговорить хотели?

— О скуке и хотел. — Он обвел насмешливым взором двор и часть улицы, затем пояснил: — Не знаю, чем себя занять. Как-то не видел у вас никого, с кем можно было бы весело вечер провести.

— Вы слишком смело ходите, — заметил я. — Влюбиться не боитесь?

— Боюсь, — признался он, амулет крутанув на пальце. — Но в четырех стенах усидеть не могу. Да и девушки ваши... Я к ним приглядывался, пока амулет новый был — что-то у вас с девушками туго.

— Немного, — согласился я и взгляд ненадолго отвел. Девчонки наши не заслужили, чтобы их вот так за глазами оценивали.

— Фангру заметил, — шан'ниэрд скривился, — безглазую и со шрамом на пол-лица. Это кто ее так?

— Нечисть в лес увела. — Я руки на груди скрестил и подбородок приподнял. Не нравится мне этот разговор. — Давно было.

— Ясно. Нечисть — это проблема всех фадрагосцев. А эльфийка? Мне показалось, что она полукровка.

Я покачал головой.

— В ней только четверть эльфийской крови, а остальное разбавлено человеческой и эльфиорской.

— Смесок, в общем.

И ухмыляется чужак нехорошо...

— Вы бы на нее не засматривались, — предупредил я.

— Из-за дружков ее?

Я скривился. О дураках высокомерных вспоминать не хотелось еще сильнее, чем этот разговор поддерживать. Надо бы сослаться на дела и уйти... Но я отчего-то глянул на дорогу, в сторону дома старосты, и беседу продолжил:

— Не друзья они ей. Есть у нас тут один эльф, родом не местный...

— Из обители?

— Да. — Чуть не скривился сильнее, а внутри все омерзение охватило, дрожью противной по телу прошлось. Старые синяки разболелись, будто не прошли за долгие десятки периодов. — Мнит себя главным, порываете других ребят своего возраста учить, как жить. Онкайла с ним давно, но они то сходятся, то расходятся.

— Чего ж мирно не живут?

Я фыркнул и с усмешкой сказал:

— Так она же смесок.

— Брезгует, выходит? — Шан'ниэрд белые брови высоко поднял и, удерживаясь за забор, назад отклонился.

— Он отрицает, говорит, что это просто у нее характер невыносимый.

— Скандальная?

— Есть немного.

— Но собой неплоха, да? — он мне подмигнул.

Я плечами пожал, улыбаться перестал. Онкайла хоть и высокомерная, как и вся эта компания, но никогда ничего плохого мне не делала.

— Я за ней не слежу, мне Лери хватает.

— Любишь ее? — серьезно спросил Ромиар.

— Люблю.

— И как давно?

Как давно? Что за вопросы? Смешной он. Мы с ней еще с детства то у нее во дворе, то у меня играли. Чуть подросли и к речке выбираться стали, и в лес вместе, и повсюду, пока урод этот в деревне не поселился.

Моя хмурость Ромиара не смутила, и он, не дождавшись ответа, полюбопытствовал с полуулыбкой:

— А она тебя?

— А вам зачем?

— Интересно, — беспечно ответил он и стал когтем забор царапать. — Тут только изувеченная фангра, гордая деревенщина-полуэльфийка и твоя Лери...

И на меня, не поднимая головы, желтыми глазами сверкнул.

Пальцы хрустнули от силы, с которой я кулаки сжал. Во рту сухо стало, а сердце застучало словно глубже. И Лери, смеющаяся громко, как назло, привиделась в объятиях этого шан'ниэрда. Будто нам с ней мало испытаний выпало. А затем зажмуриться пришлось и жгучую злость перетерпеть — зачем она с уродами связалась? Ничего... Опомнилась, ко мне пришла вовремя и теперь хорошо все будет. Наконец-то.

— От нее держись подальше, — открыв глаза, твердо произнес я. И пусть он уважаемый, но Лери обидеть не позволю. — Я люблю ее.

— Любишь... — протянул шан'ниэрд, с грустной задумчивостью в ноги мне уставившись.

— Я пойду.

— Постой, Кейел, — тихо окликнул он, когда я уже развернулся. — Поговорить нам надо.

С почтением смотрит? С чего вдруг?

— Мы уже все обсудили, уважаемый. Мне больше нечего вам сказать.

— На «ты», раз уж начал, — поправил он мягко. Спину выпрямил, руки за спину заложил и серьезно добавил: — Это важно, Кейел. Я расскажу тебе кое-что о твоей прошлой жизни. Уверен, тебе будет очень любопытно послушать о себе. Ведь я знаю, — улыбнулся одним уголком губ и покосился в сторону ворот, — что тут произошло с тобой и Лери.

Глава 12. Две тропы

Аня

Конечно, хотелось его увидеть напоследок. Очень сильно хотелось.

— Что-то ты сегодня слишком веселая, — заметил Нард, подпирая ногами походный мешок.

Я набросила заплечную сумку на спину и рассмеялась, чувствуя при этом собственную нервозность на грани истерики. А может, не поправилась я вовсе? Но знахарка говорила, что мои душевные силы восстановились, хоть прежними никогда уже не станут.

— Наконец-то уходим из этой дыры! Какой же еще мне быть?

Роми, проходя мимо меня, показательно хмыкнул и с насмешкой покосился в мою сторону. Меня передернуло. Вот уж точно нервы — натянутые струны, и каждый с легкого прикосновения играет на них, как хочет.

Конечно, хотелось еще разок его увидеть...

— Елрех, ну скоро ты? — крикнула я, нетерпеливо перетаптываясь у крыльца и заглядывая в открытый дверной проем.

Раскаленные угли жгли камень в груди, кололи стопы, подгибали колени, ворошили мысли. Кейела видеть нельзя — хуже будет. Необходимо уйти быстрее и забыть сюда дорогу раз и навсегда.

— Елрех!

— Иду я, нетерпеливая человечка!

Она выскочила на крыльцо, бросила на меня недовольный взор, а затем прямо на крыльце стала подвязывать тесьмой очередной мешок.

— А это что? — Я нахмурилась.

— Грибы полезные, — не отвлекаясь от занятия, проговорила она. — Таких обычно не сыщешь, а тут целыми полянами растут. Доберемся до Заводи — нашим передам.

Я тяжело выдохнула в небо, но торопить ее не стала. Бежать отсюда надо. Как можно скорее бежать, пока предлог не нашелся к *нему* зайти на прощание.

Ке-йел. В этот раз обязательно получится забыть твое имя. Когда-то же должно получиться, правда?

Деревня оживала с зари, а может быть, и раньше. Местные жаловались, что место хоть и хорошее — урожайное, спокойное, дичью насыщенное, — но полноводная горная река часто устраивает стихийное бедствие. Поэтому тут не было отдельного участка под сарай, или даже лучше сказать фермы, какие я часто в других деревнях наблюдала, не было и огромных огородов на территории поселения. Видимо, деревни в Фадрогосе всегда строили и жизнь в них налаживали по месту — где и как придется. В Солнечной одно огромное поле под огороды находилось на относительной возвышенности, примерно, в километре от нее. Хлева стояли прямо в широких дворах, поэтому петухи пели на заре, а то и раньше. Еще в густом тумане и сумерках жители выводили мситов, коз, овец, каких-то ни то ослов, ни то мелких безрогих коров на дорогу, а пастухи гнали дальше в поле.

Деревня оживала рано.

Наверное, поэтому с утра мне удалось увидеть тех, кто ночами на окраине устраивал настоящие, по земным меркам, вечеринки — местную молодежь. Парни — девушек среди них, почему-то никогда не наблюдалось, будто они в деревне вели затворнический образ жизни, — стояли у ворот, дурачились, зевали, ждали кого-то, чтобы, видимо, уйти на работу. Кто и где из них работал, я не представляла и не хотела представлять. Несмотря на то, что из дюжины, а то и больше парней и мальчишек, не все были обидчиками Кейела, кого я прекрасно запомнила с той ужасной ночи, невзлюбила я их всех. Они казались мне болванами и малообразованными мужланами. Мне не нравились и их заискивающие взгляды в мою сторону, и шуточки, которые они себе позволяли, если заставляли меня одной во дворе у знахарки, не нравились оскорбления и плевки в спину равнодушной Елрех, а особенно не нравились слухи, которые дошли до меня — они сделали из Кейела своеобразного дурачка и неудачника, типичного изгоя из высшего общества. Однажды мне удалось расспросить об этом милую старушку, проживающую по соседству с Кейелом, и она рассказала, что в детстве парень не выходил от знахарки, залечивая синяки, ссадины, ожоги, а то и жуткие ушибы и переломы. Взрослые не находили времени и управы на активных и с виду милых детишек. Я успела возненавидеть всех их.

— Сколько тебе, Асфи? — спросил вдруг Нард, когда мы прошли мимо отвратительного сорища.

«В периодах?» — чуть глупо не уточнила я. Кажется, моему телу 23 года...

— Девяноста два периода, — перевела я.

— Так ты ровесница многим из них, — протянул он, через плечо оглядываясь.

— И что?

От сравнения с этими отбросами дурно сделалось. Я ляжку сжала с силой, а затем полезла проверить, легко ли кинжал из ножен достается.

Нард плечами пожал, мешок удобнее перебросил и ответил:

— Так не скажешь ведь.

— Так и не говори.

Я ускорила, слушая что-то о непостоянстве бабского настроения. Злая я, всегда злая, и незачем это усложнять, выискивая во мне доброе расположение духа. Догнала Елрех, молча выхватила у нее из рук один из мешков, которыми она обвесилась, и пояснила:

— Я помогу, а то у тебя ноги спотыкаются. В гору как собираешься подниматься, трудоголик?

— Кто? — нахмурившись, уточнила она.

Я не ответила, не смогла собрать все силы, чтобы сосредоточиться на переводе и пояснении. Бежать и не оборачиваться...

Елрех головой покачала, но сразу взгляд грустный в сторону отвела. И правильно. Если и заметила, что я себя насильно вперед нестись заставляю, то пусть лучше молча сочувствует. Теперь главное — не оборачиваться. Хватит, хватит уже оглядываться. Хватит.

Так и шли тесной компанией из пятерых существ до первой деревни, где оставили караван. Дорога в подъем ощутимо сказывалась на пройденном пути за день — он заметно сократился, а останавливаться на отдых приходилось чаще. Однако ужаснее всего было уходить от своих надежд, ставить крест на них и стараться не задаваться вопросами о будущем.

Кейел

Я ударил его сразу же, как только он заявил мне, что в прошлой жизни я был Вольным. А кто бы не ударил? Кто стерпел бы такое унижение и обвинение? Все еще мышцы сводит и неприятная дрожь по телу пробегает, как только представлю, что я мог быть Вольным. Нет. Нет, не мог я им быть. Они ведь нелюди, звери без жалости и сострадания. Говорят, что если видишь Вольного издали, то лучше свернуть с его пути, пока он не увидел в тебе способ достижения его миссии. Ни в коем случае нельзя привлекать внимания этих животных.

И все-таки я ударил уважаемого... Не вернется ли отмстить? Духи-то не заступятся. И хорошо, что он предусмотрительно попросил уединиться, и мы во время разговора находились в лесу, без свидетелей. Было бы только хуже, если бы в деревне опять увидели, что я проявляю несдержанность.

— О чем пригорюнился? — спросила Лери, на костяную иглу ягоды сухие насаживая.

— Да так, — отозвался я, к ней ближе подсаживаясь, — чепуха.

Она растянула пеструю нить в руках и произнесла:

— Погляди, красота какая получается.

— Красиво, — согласился я, заправляя ее золотые пряди за маленькое ухо.

Лери фыркнула и, плечами играя, голову отвела.

— Щекотно, Кейел! — И засмеялась тихо, но звонко.

Я улыбнулся ей, разглядывая в последних лучах солнца голубые глаза и губы, красными ягодами помазанные. Ветер подул, разнес от нее запах яблок и пирогов — домашний такой, уютный. Сколько помню, Лери всегда пахла цветами, а теперь с моей матушкой на кухне засиживается. Жаль, что так поздно повзрослела, а я ведь ждал. Долго ее ждал. Всю свою жизнь? И то правда, мы ведь родились в одно время — разница лишь в семь рассветов. Почти и нет ее. Но Лери всегда выглядела моложе своих периодов.

— Чего так смотришь на меня? — с блеском в глазах спросила она, будто причины не понимала.

— Любуюсь. — Я улыбнулся шире и чмокнул ее в румяную щеку.

И кожа у нее с детства на ощупь не изменилась — волосков много, но все мелкие, едва рассмотришь, светлые, а оттого по коже не гладишь, а скользишь, как по дорогим тканям, что к нам из главной Обители привозили однажды.

— Да ты никак съесть меня хочешь, ненастный? — в ее вопросе призывная игривость прозвучала.

И хотелось ответить, но кровь в голову ударила, вскружила. В чистом поле — кто нас увидит? К губам ее своими прижался, и жар тело наполнил.

— Не хочу. — Лери отвернулась, в мою грудь ладонью упираясь.

Я сглотнул. Ладонь мягкую в руке сжимая, приоткрыл рот, воздуха схватил им, думал уговорить Лери, зная, что она не откажет, если настоять, но не стал. В последнее время от таких уговоров на душе мерзко, как будто меня застали за воровством черешни, как было однажды в детстве. Уселся удобнее, руками упираясь в землю, пальцы в примятой траве запутал и, голову назад откинув, лиловое небо стал рассматривать. Совсем скоро замерцает оно холодными духами, а Солнце утонет за Краем Фадрэгоса. А сегодня оно злее обычного, вон — небо какое раскаленное. Неужто никто не понимает, как неправильно мы живем? Сколько размышляю над этим, ничего не меняется...

Дыхание все еще дрожало, когда Лери, не отвлекаясь от плетения бус, сказала вдруг:

— Хорошо, что *эти* ушли.

Эти... Чужаки, видимо. Мама их тоже недобрым словом поминает. Разве можно так?

— Лери, за что ты так их невзлюбила?

Она плечами повела, голову к земле ниже склоняя, и губы надула.

— Да хотя бы из-за полукровки! — выпалила наконец, хоть причина была совсем не в фангре. — Зачем они ее с собой таскают? Кто вообще с такими водится?

— Полукровка и полукровка, — нахмурившись, произнес я, но тон постарался смягчить. — Ты же

знаешь, что часто низшая кровь верх берет над кровью высших. И чем кровь чище, тем она слабее. Будь иначе, эта фангра родилась бы беловолосой шан'ниэрдкой, и мы бы все тут ей прислуживали. Как знать, может, беловолосый — ее брат по одному родителю, а почему так вышло, что в семье появилась дочь с грязной кровью, нам никто не скажет.

— Знаю, — вздохнула Лери. — Но вот у Онкайлы в роду эльфы с сильной кровью были. И видишь, красивая она какая. Кровь эльфийская, несмотря на прочую кровь, расу высшую в ее роду подчеркивает.

— Она исключение, — согласился я. Однако сразу вспомнил, как легко Ромиар в ней кровь разную разглядел. — Да и знающие все равно в ней полукровку рассмотрят. Думаешь, почему она в обитель сходила, а вскоре обратно вернулась?

— Думаешь, не принимали ее там? — удивилась Лери, глаза ясные округлив. — Что дурного в помеси эльфов и людей?

Я хмыкнул, задумавшись ненадолго, и не стал скрывать другую мысль:

— А что дурного в помеси беловолосого шан'ниэрда и фангры?

— Ну ты даешь! — воскликнула Лери, бусы роняя. Быстро подняла их, пока они в траве не затерялись, и, прижав к груди, сказала: — Они же сами такую связь осуждают! Грязная она.

— И нам теперь за ними повторять? А сами думать когда научимся? — невольно вырвалось грубое рассуждение. Замечая, как розовеет белое лицо Лери, я попробовал тему вернуть: — А Онкайла гордячка. Присматривалась к чужакам? Они только и говорят о работе, думают о гильдиях, в которых живут, да о Фадрагосе. Где ж Онкайле, с ее самолюбием, прижиться с теми, кто в ней не кровь прежде всего, а пользу от дел оценивать будет?

Лери, щеки надув, нитки стала связывать. Разговор поддержала неохотно:

— Да, все так. Жена старосты о чужаках много рассказывала, когда мы по грибы ходили. Говорила, что полукровка только об алхимии и здоровье злюки этой пеклась. — Она затянула узел слишком туго, и нитка тонкая порвалась. — Скверна вымри!

Выругавшись, она долго молчать не стала. На меня колко взглянула и проговорила быстро:

— И шан'ниэрд беловолосый туда же! И что они в ней нашли?!

— А ты? — осторожно спросил я, сердце дыханием успокаивая. Неужто глубоко в память въелась кареглазка? Да нет, ерунда это все. Просто Лери злится, а ей волноваться нельзя.

Я к ее руке потянулся, но накрыть не успел — она ее из-под моей ладони выдернула и выкрикнула:

— А я что?! Мне она, наоборот, противна была!

— Противна была, потому что ты в ней что-то нашла.

Лери фыркнула, нос к небу устремляя. А глаза от обиды наполнились слезами, заблестели.

Горечь в груди разлилась, на плечи тяжестью надавила. Опять испортил все.

— Она мужик в платье!

— Лери, — тихо позвал я, пытаюсь обнять ее, но она оттолкнула.

На ноги вскочила и на полшага от меня отступила. Сверху вниз осуждающим взглядом к земле пригвоздила и отчитывать принялась:

— Видела я, как ты встречи с ней искал! И матушка твоя видела! Дай духи ей здоровья, потому что только она меня тут и понимает! Только она любит и поддерживает.

— И я люблю.

— Не любишь!

И встречи с Асфи не искал, наоборот, избегал, как мог. Но об этом говорить не стоит, иначе Лери и это признание против меня обернет. Придумает, что встречи не искал, чтобы себя не искушать.

— Люблю, — настоял я, усаживаясь удобнее, чтобы не смотреть на Лери.

Когда она злится, все красивое в ней портится и исчезает. От вида ее и от голоса противно на душе становится, уйти хочется подальше и так, чтобы не возвращаться. Пусть потом жалеет, что ушел.

— Врешь! — Ветер резкое обвинение в сторону унес, приглушая его. — Не любишь! Я тебя сколько раз просила не думать так, а ты продолжаешь за свое!

— Как не думать? — И все же в глаза ей посмотрел, придавливая кулаками траву к земле.

— Так как ты думаешь! — Лери руки в бока уперла; губы на пунцовом лице кривились и дрожали. — Дурно думаешь! Из-за этого тебя любой убить может, — тише заговорила, на деревню опасливые взгляды бросая. — Мысли у тебя скверные, так ты еще и высказываешь их! Это у меня терпение есть их слушать, а у матушки твоей любовь к тебе сильная. Да и то не всегда и у нас с ней желания хватает за тебя заступаться.

— Вот как, — усмехнулся я; сердце с болью заколотилось, — у матушки — любовь, а у тебя — терпение?

— Именно. — Гордячка подбородок вскинула, презрением на меня плеснула и не заметила даже, в чем призналась.

— Только терпение — и все?

Лери замялась, руки к груди прижала и несколько мгновений на меня испуганно смотрела. Я ждал, что обнимать начнет, переубеждать, а она, как бывало почти всегда... обиделась.

— Вот, значит, какого ты обо мне мнения? — изумилась. — Не веришь мне, получается? А еще говоришь, что любишь... Как же любишь, если в моей любви сомневаешься? А мне хоть веришь? Ой!

Она за живот — пока еще маленький, незаметный, — схватилась и сторбилась. Холод промчался по жилам, дыхание оборвал, волосами на затылке зашевелил.

— Лери, — позвал я и бросился к ней. На коленях стоя, к животу ее прижался, поцеловал в шершавое платье и попросил: — Прости меня. Прости.

— Ничего, — Лери всхлипнула, руками голову мою к себе прижимая. — Прощаю, Кейел. Несильно болит.

Мысли на короткое время напрочь исчезли, а когда вспыхнули, все осуждали и осуждали. Я насколько мог, старался отвлечься. Прижимая ухо к мягкому животу, слушал и думал, каким будет наш ребенок. У Лери эльфийской крови в роду даже больше, чем у Онкайлы. Вдруг повезет — тогда ребенок наш будет, как Лери, красивым. Или дураком, как я?

— Прости меня, — повторил я, не зная, как вину загладить. Голову запрокинув, взглядом лицо ее бледное отыскал и спросил: — Что мне сделать, чтобы ты никогда не волновалась?

Она и не думала над ответом.

— Не заговаривай больше ни с кем, — обхватив мое лицо и склонившись ко мне, попросила. — Думай не только о себе, но и о нас. Если тебя убьют, кому я буду нужна? А ребенок твой? Хоть немного о нас думай.

Я вздохнул тяжело, все мысли спорные отгоняя. Кивнул, снова к животу щекой прижимаясь. А Лери продолжила:

— Тебя и без того не трогают только потому, что я с тобой. Меня жалеют, Кейел. Не тебя желают, а меня. Это все отец твой виноват, что в тебе скверна эта сидит, но он хотя бы научился молчать. Он умнее тебя, а ты глуп. Не умеешь думать, как все, так молчи — не раздражай других. У тебя хоть силы в руках есть, но постоять-то ты за себя не умеешь. Ни за себя, ни за меня. Обещаешь, что говорить о том, что думаешь, не будешь? Обещаешь?

— Обещаю, — выдохнул я.

— А духами поклянешься? — внезапно спросила она.

Дыхание перехватило; я отшатнулся. Поверить не получалось в то, что она об этом попросила. И будто лес за ее спиной стал мрачнее, выше, а лучи Солнца краснее и длиннее. Так недолго и до того, что они дотянутся до меня.

Лери же смотрела на меня просветлевшими глазами твердо и уверенно.

— Лери, а если я потом случайно что скажу? — Слова горло сухое царапали, как будто я опилок наглотался. — Или выпью настойку, и язык развяжется? Меня деревенские пощадят, скорее всего, а духи убьют.

У нее губы затряслись, подбородок морщинами покрылся. Я рот приоткрыл, чтобы дальше

отговаривать от клятвы, но Лери с места сорвалась, легко из рук выпорхнула, тепло свое отнимая, и побежала к деревне. Звать ее смысла не имело — не вернется и даже не обернется.

Я сел на траву, локти на колени поставил и голову тяжелую руками подпер. Прислушался к себе и огорчился — вина за все мои мысли, озвученные когда-либо вслух, не пробудилась, а стыдно было лишь за то, что вина молчала. Неужели я и впрямь не найду ни одного существа, кто понял бы меня и мое отношение к миру? Может, в самом деле духи наказали меня скверным разумом?

Аня-Асфи

Роми если сам с ума не сходил, то меня своими капризами раздражал ежечасно. То, он слишком уставал, чтобы продолжать путь, и поэтому мы делали долгие остановки зачастую в самых опасных промежутках дороги — там, где Елрех отмечала следы пребывания нечисти, виксартов или васовергов. То, он гнал нас дальше в путь, когда мы добирались до более или менее приемлемых поселений, где могли бы набраться сил. При этом я всегда напоминала ему, что у меня все еще нет четкого плана, по которому мы будем следовать к цели, что я никак не могу с ним определиться. Роми не смущало ни это, ни то, что мы все в пути выматывались от постоянного проживания под открытым небом, на голой земле и под постоянным давлением близкой опасности. И я бы поверила, что беловолосый шан'ниэрд, проживший свое детство и юность, почти как Рапунцель, в заточении, добрался до острых ощущений, но, с учетом его возрастающего недовольства всем и всеми, верилось с трудом.

Так мы миновали все поселения, которые пересекли по пути к Солнечной. Так оставили позади караван торговцев, окончательно распрощавшись с ним. Так то плелись, то неслись неизвестно куда — без плана, с шаткой целью, с моими сомнениями и страхами, которые с каждым капризом Роми лишь росли и крепились. Этим составом мы никогда не доберемся до сокровищницы... Мы погибнем даже не в Своде скверны, даже не в пустыне и не в регионе Ночной смерти, мы погибнем элементарно в дороге от разбойников, от нечисти или от бессмысленных и бесцельных блужданий. Так продолжаться просто не могло, но и определенного решения для нашей ситуации я не видела.

Заводь Ал'лирта была такой же, какой я ее запомнила. Мы пришли в нее с последними лучами солнца, уставшие, голодные, злые. В таверне, где останавливались в прошлый раз, по каким-то причинам не нашлось места даже для такого уважаемого шан'ниэрда, как Роми, поэтому нам пришлось помотаться еще до ночи. Свободные комнаты обнаружились в постоялом дворе на окраине города. Скупая обстановка, маленький выбор горячей еды, вонь из квартала кожевников, расположенного по соседству, заполнившая собой все здание — злили еще сильнее. Первым делом, когда хозяин спросил о наших пожеланиях, я приказала натаскать мне в комнату воду и бросила на стол все последние свои сбережения. Поймала на себе хмурый взгляд Роми, но сделала вид, что ничего не заметила. От его щедрого содержания нас с Елрех во время этого странствия отказались мы обе. Перепады настроения нашего «руководителя» обижали и меня, и ее. Мы не стали терпеть и, как могли, охладили отношения с ним.

— А поужинать? — спросила Елрех, когда я отправилась от стойки сразу к лестнице.

— Ужинайте без меня, — бросила я, поведя плечами. — Тут тошно.

От мерзкого запаха, витавшего в этой части города, сохранять аппетит оказалось невозможно. На купания в реках и озерах при тех условиях пути, которые создал Роми, не хватало ни времени, ни сил, ни желания, поэтому теперь создавалось ощущение, будто на коже толстый слой жира, на который налипла вся дорожная пыль и грязь. А в первый момент, когда вонь этого квартала, пощекотала нос, я даже порадовалась, что она перебила мою собственную вонь. Пот пропитал одежду, дождливые регионы, естественно, мы максимально избегали, и вскоре я была убеждена, что одежда на мне просто-напросто прокисла. Наверное, даже брезгливого проберет.

Я отыскала дверь, с нужным мне нацарапанным знаком, и отворила ее. Через крохотное окно стелился лунный свет, падал на дощатый пол и едва выхватывал даже метр помещения. Призвав Охарс, я осмотрелась и хмыкнула — могло быть и хуже. Узкая кровать, больше напоминающая лавку, стояла у стены. На ней лежал серый тюфяк: мягкий на ощупь, но колючий, кажется, набитый сеном или соломой. Подушка была такая же. В изножье лежало чистое, но истертое от частого использования белье и одеяло.

— Самообслуживание приветствуется, — пробормотала я, сбрасывая тяжелую сумку с плеч.

У противоположной стены стояла длинная лавка с ведром, маленькой лоханью, черпаком и кружкой. Все это уместилось на одной ее трети, а остальная часть почти пустовала, если не считать крохотное полотенце. И это все. Вся мебель в сырой и мрачной комнате. Тоскливо.

— Можно войти? — воскликнул девичий голос за дверью.

Я молча открыла дверь и впустила крепких ребят. Они внесли широкую бочку в комнату и вылили в нее два ведра воды. Молодая белокурая девчонка мышкой проскользнула мимо меня и поставила у бочки табуретку. Шепотом отправила молодцов еще за водой, велела им заполнить больше половины, а затем повернулась ко мне и о чем-то заговорила громче. Она не была красивой — жиденькие волосы, почти невидимые брови и ресницы, тонкие губы резкой формы, а ровный нос и щеки укрыты густым слоем веснушек. Щербинка между зубами портила еще и неловкую улыбку.

Она не была красивой, но заставляла меня завидовать себе. Я внезапно почувствовала себя «недодевушкой», недочеловеком в Фадрагосе. Потерянное в жизни существо, не нашевшее свое

место и обреченное на безнадежность. Раз моргнув, на месте служанки я увидела невесту Кейела. Она улыбалась, а ее живот стал быстро расти. По пухлым губам я прочла: «Он не твой».

Схватив воздух ртом, я сморгнула видение.

— Госпожа, вам не здоровится? — спросила девушка.

За спиной слышались громкие шаги молодцев, вернувшихся с очередными полными ведрами.

— Повторите все, что вы сказали, — попросила я, развязывая тесемки смердящей рубашки. Свежего воздуха до жжения в легких не хватало.

Растерянная служанка уверенным движением худой руки заправила пряди, выбившиеся из косы, за ухо и проямлила:

— Хозяин просил передать извинения за убранство наших комнат. Мы не привыкли встречать таких важных гостей. Я буду лично следить за вашей комнатой и выполнять ваши поручения. Меня зовут...

— Тебя приставили служить нам? — повысив голос, перебила я.

Я слышала ее через пробку в ушах. Светловолосая, она, пусть и мало напоминала Лери, но все-таки напоминала. И вот я перед ней — грязная, лохматая, искусанная кровососами, раздражительная, — словно в очередной раз унижаюсь.

— Нет, только к вам. Остальным других девочек подобра...

— Поменяйся с кем-то, — сказала я, быстро стягивая с себя куртку.

— Я вас расстроила, госпожа? Видят духи я не хотела вас...

— Духи Фадрэгоса!

Девчонка от моего крика испуганно ойкнула и отскочила; парни, выливая воду в бочку, с угрозой посмотрели на меня. Я с трудом вытащила руки из рукавов и, швырнув куртку на пол, пару раз вдохнула глубоко. Стараясь сдержать раздражение и выбросить воспоминания из головы, взглянула на девчонку еще раз.

Светловолосая, но не Лери. Смотри же, Аня, она не Лери. И парни позади — не *он*.

Его больше никогда не будет рядом — *он* будет с другой. Или нет? *Он* теперь тоже другой.

Ты сама во всем виновата, ты убила *его*. Уничтожила. Стерла с лица Земли?.. И Земли у тебя не осталось, а Фадрэгос теперь пустой, ненужный. Впрочем, как и Земля. Бессмысленная жизнь — вот, что тебя ждет.

А она — не Лери.

— Просто не люблю светловолосых девушек, — спокойно произнесла я, чем удивила присутствующих.

Их изумленные переглядывания разозлили. Может, они еще осуждать меня начнут за то, что я из любезности решила перед ними оправдаться?

Я грубее добавила:

— Пусть мне прислуживает темноволосая и более сообразительная.

— Простите, — покраснев, пискнула девчонка.

— Живее!

Она пулей выскочила за порог, а я вспомнила темноволосую Этирс, и сердце сжалось в испуге. Зычный приказ в спину служанке долетел прежде, чем соображение включилось:

— И не человечку! Кого угодно веди, но не человечку!

В наступившей тишине раздалось покашливание. Парни, тоже оба человека, осуждающе смотрели на меня, поэтому я сумку подняла и принялась возиться с вещами. В какой-то миг стало стыдно, но нестерпимая ревность и горечь осознания, что ревновать даже некого, что ревную я не Кейела, а воспоминания о нем, разозлили и, что хуже всего, слезы очнулись — к горлу комок подкатился, в носу защипало и появилось невыносимое желание, излить кому-нибудь душу, хоть той же служанке, которую прогнала — пусть бы пожалела. Это отрезвляло и заставляло взять себя в руки. Лучше

пусть остается все так, как получилось, чем буду срывать на девчонку каждый раз. И лучше пусть обвиняют в расизме, чем сейчас я стала бы искать еще несовершенства в ней, оправдывая ими свое решение.

— Вам бы повежливее быть, госпожа, — начал было один из парней, опустошая последнее ведро, — вы ведь тоже, как и мы...

Я резко повернулась к нему, и под моим взглядом он замолчал. Небрежно ведро от бочки оторвал, воду на пол разливая, и добавил:

— Хватит вам воды.

С гордым видом парни вышли из комнаты и даже двери не закрыли. Бочка и на половину не была наполнена.

Кое-как помывшись, я надела чистую рубашку, которую берегла для такого случая, когда смогу смыть с себя дорожную грязь, с неохотой натянула штаны и накинула куртку. Наспех рассортировала вещи, отложила сверток с тем, что нужно отдать алхимикам, что к целителям отнести, а что на свои нужды оставить, после чего нацепила оружие и покинула временное пристанище. В шумном зале смешались запахи еды, грязи, отходов; голоса превращались в гул, стучала и звенела посуда. Из своих я заметила лишь Нарда, засидевшегося в большой компании, видимо, знакомых. Несмотря на кружку с выпивкой в руке, шан'ниэрд среди толпы быстро увидел меня, и мне пришлось кивнуть ему.

Улица встретила прохладой и шумом ночного города. Где-то кто-то коротко вскрикнул, в другой стороне послышался топот, а за спиной, из приоткрытой двери, раздался дружный гогот. Забитый слив, тянувшийся вдоль дороги, блестел под лунным светом жирными отходами. Он отразил скрипучую телегу запоздавшего работника. Мужик вел мсита под уздцы и бормотал ругательства под нос. Охарс суетились у крыльца, освещая потертые ступеньки. Я постояла несколько долгих секунд, вспоминая дорогу от постоянного двора хотя бы к центру города. Повернуть назад — и в мыслях не было.

Как и в прошлые визиты в Заводь Ал'лирта, меня тянуло туда, где хранилось мое бесценное сокровище. И я не могла устоять, чтобы не воспользоваться моментом и не пережить заново все чувства, какие оно рождало во мне.

Неспешным шагом я дошла до развалин, которые оставила после себя Анья и удивилась. Через каждые сто-двести метров на нетронутой территории стояли палатки, горели костры, находились существа. Возле одной палатки я остановилась, прислушалась, но собравшиеся говорили на незнакомом мне языке.

— А ты кто будешь? — спросил на общем языке эльф, болтая чем-то в бурдюке и сидя на небольшом возе, заваленном сеном, шкурами и разным тряпьем.

— Я так... Не из ваших точно, — решила не врать. Приближаясь к костру, заговорила громче: — Я тут не так давно была, но никого здесь не видела. Что-то опять произошло?

Крупная эльфиорка недовольно хмыкнула и за ухом почесала. Сидящий рядом с ней фангр произнес:

— Вот уже сколько случается, а все до сих пор вопросы такие слышу. Случилось и случается, а объяснить никто не может. Все эти похождения Повелителей в Фадрогос...

— Зачастили же они, — протянул тощий человек, кутаясь в плащ и не отрывая взгляда от костра.

— Снова сюда приходили? — насторожилась я.

— Язык свой завяжи, — обозлилась на меня эльфиорка.

— Полегче, — осадил ее эльф. Он же и понятней пояснил: — Никто сюда больше не приходил. Да и кому надо это? Земля ж мертвая, а Повелителям жизнь нужна. Это нас сюда высшие гильдии направили.

— Зачем?

— Да много поселений уничтожено, размещать выживших где-то надо. И чтобы от нечисти защитить, то в крупных городах и деревнях селят. А тут, глянь, какая территория пустует. Мало, конечно, постояла, кровь плохо впиталась, но что поделать? Мы расчищать все будем, а потом сюда строителей пришлют. Пусть земля и мертвая, да дома построить в городе — пойдет. А тебе чего нужно-то?

— Да так... У меня тут... — Я поежилась, обдумывая слова и вспоминая, что связывает меня с этим местом. — Прихожу сюда близкого человека вспомнить.

— Пусть Солнце будет ласковым с ним, — с жалостью произнесла эльфиорка.

— Солнце? — взбудоражился тощий. — Так тут же Аня прошла, она ж и души... Ай!

Эльфиорка заткнула его увесистым тычком в бок и тихо проговорила, но я все равно услышала:

— Дурень ты! Кто ж тебя за язык-то тянул?

— Так правду же... Ай!

— А можно я туда пойду? — спросила я у эльфа, как у того, кто первый ко мне обратился. — Мне там... даже не знаю, как сказать, лучше, наверное.

— Иди, иди! — замахал он рукой в нужном направлении. — Иди, пока есть, где вспоминать. Иди. И это.... Постой, девица! — Остановил меня окликом и тихо повторил за эльфиоркой: — Пусть Солнце будет ласковым с душой твоего человека.

Я не знала, нужно ли благодарить за такое сочувствие и как, поэтому просто кивнула и отправилась к уцелевшей лестнице. Вскоре углубилась в молчаливую тьму ночи, укрывшую разрушения. Добрела до места, где мы столкнулись со Стрекозой и ее людьми. Вспоминая, как Кейел прикрыл меня собой, посидела на обломках каменной стены, а после пошла к подвалу.

В густую темноту спускалась фактически на ощупь, скользя пальцами по нагретому за день камню, скидывая носами сапог камешки с лестницы. Там, где лунный свет вовсе исчез, позвала Ксанджей и, удивительно, они явились даже на мертвую землю. Стремительно и резко закружились вокруг меня, ожидая приказов. Свет пламени затанцевал на каменных стенах, низком потолке и земляном полу. Разглядывая знакомое помещение, я подняла руку — Ксанджи мгновенно слетелись к ней и замерли.

— Сегодня жечь никого не будем, — прошептала я, с замиранием сердца делая первый шаг в прошлое.

По углам громоздились обломки ящиков, у стены на бочках стоял пустой сундук с откинутой крышкой, но главное — две большие клетки были тут. Возможно, до разрушения в подвале дома содержали зверей. Важно ли, что тут было до нас? Никаких следов пребывания Стрекозы я не видела, но сходства с той обстановкой было достаточно, чтобы мое сокровище забилося, как начинает биться сердце после короткой остановки. Воспоминания оживали.

Сперва я зашла в его клетку, коснулась прутьев и прикрыла глаза. Тут он стоял и видел меня своими глазами. Какую? Запуганную, слабую, наверное, такую девушку, на какую нельзя положиться.

— Прости меня, — прошептала я, открывая глаза и отстраняясь от прутьев.

Захлебнувшись стыдом, резко развернулась и ухватилась за плечо. Сжала крепко и попятилась. Ему было больно, а арбалетный болт все выскользывал... Из-за крови его никак не удавалось удержать. А там он убил Стрекозу. Что я тогда подумала о нем? Я как-то осуждала его или благодарила за смелость? Кажется, я только и способна была бояться.

Снова обернулась и постаралась представить себя, зажатую в углу второй клетки. Это оказалось трудно. В фигуре с размытым пятном вместо лица виделось безумие, рожденное страхом. Воспоминания раскрылись лучше, напомнили о том, что должно было вот-вот произойти. Я кричала? Он отдал мне болт и просил метить врагу в горло. А тут шел шан'ниэрд, желающий мести.

Я вышла из клетки, хотела продолжить путь шан'ниэрда, но ошеломленная, глядя на землю под ногами, застыла. Подняла голову — в памяти вспыхнул образ шан'ниэрда, и я стала разглядывать его с головы до ног. Затем перевела взгляд в другую сторону, всего на полметра — тут я стояла на коленях, выставив руки и умоляя не убивать меня.

Вздрыгнула, поежилась, оцарапала неосторожным глотком сухое горло. Язык превратился в наждачку. Нутро противилось моим намерениям, но я заставила себя занять свое место. Медленно опускаясь на колени, оскалывалась. Дыхание потяжелело. Ксанджи с новой силой заметались над головой, закружились в нетерпении. Колени коснулись твердой земли; выставленные перед лицом руки задрожали. «Пожалуйста» — даже с ненавистью, не удалось выдавить из себя. Слезы встали в глазах, ярость закипала. За прутьями клетки привиделся Кейел, он ждал с интересом наблюдая за мной. Я приоткрыла губы с очередной попыткой выдавить мерзкое «Пожалуйста», чтобы окунуться в воспоминания как можно глубже, но лишь скрипнула зубами. Сжав руку в кулак, отмахнулась. Вскочила на ноги и попятилась от места своего позора.

Не тратя время на размышления, заскочила во вторую клетку. Остановившись почти в самом углу, ухватилась за прутья и прижалась к ним лбом; железо охладило распаленную кожу, немного остудило злость. Усмирив ненависть к себе прошлой, улыбнулась. Ради этих воспоминаний, ради таких сильных эмоций я сюда и пришла. Вспомнить, пережить заново, заполнить образовавшуюся пустоту. Тут я едва не умерла, тут Кейел впервые признался, что ему тоже бывает страшно. Ему и страшно — звучит невыносимо. Если бы я только умела тогда взывать к таким духам, как Ксанджи...

Я усмехнулась смелости собственных мыслей. Даже под страхом смерти в тот день я не смогла бы убить ни Стрекозу, никого другого. Человечность — не просто свод законов, а границы, растущие с младенчества. Не так уж и легко вырасти над ними, еще сложнее перешагнуть их. И тогда я, вчерашняя девушка Земли, точно не смогла бы.

А сейчас?

Протянутую руку через прутья в этот раз никто не сжал в ответ, и я позволила ей повиснуть. Сейчас я наверняка знаю, что способна не только на убийства. Барьеры стерты.

— Все, как ты хотел.

Только легче не стало.

— Я все так же беспомощна, Кейел.

Стать бы такой же сильной, как он. Стать бы им.

Ночная тишина приняла мое насмешливое фырканье, а сердце наполнилось теплом. Губы дрожали, но упорно растягивались в улыбку. Идея, сказанная невзначай, понравилась мне. А что еще остается, если забывать его никак не хочется? Без него я не справляюсь.

— И как бы ты поступил сейчас, Вольный? — свесив голову, тихо заговорила я. — Ты знаешь Роми, а он ведь почти не изменился. Другой, конечно, но упрямства ему не занимать. Видел бы ты, с каким жаром в глазах он требует от меня привести его к сокровищнице. Отговаривать бессмысленно.

Тишина отвечала мне, но я прислушивалась внимательно. По углам зрели тени; сгущались они — сгущались мысли. Улыбка сошла с лица, на смену ей просилась хмурость. Я потеряла пальцы о пальцы руки, тонувшей в темноте клетки напротив.

— Нард хороший шан'ниэрд, не уговаривай меня обманывать его. Знаю, ты бы плюнул и на его детей, и на его жену. Положился бы на удачу? Нельзя никого вести туда, не говоря об этом. Ты ведь помнишь: дорога туда состоит совсем не из удачи, а только из знаний.

Я замолчала, взвешивая все еще раз, вспоминая. Вскоре выдохнула шумно, голову запрокидывая и прикрывая глаза.

— Ты использовал меня, о чем потом много раз говорил, что пожалел. Я жалеть не хочу, Кейел. Устала винить себя, устала сожалеть. Ты ведь потом сам хотел пожить нормально, вот и я хочу. Слышишь, я тоже хочу пожить нормально. Поэтому Нарда я за собой не потащу. Предложи что-нибудь другое, что-нибудь, чтобы потом я не сожалела.

На улице послышались шелест и глухое хлопанье. Я взглянула на проход, а свободной рукой кинжал нащупала. Через мгновение карканье разлетелось в тишине, затем затихло вместе с хлопаньем. На лестнице стелился ледяной свет луны. Взор как зацепился за него, так и приклеил внимание намертво, напоминая обо всем произошедшем тут и смешивая с тем, что происходит сейчас.

— А сейчас я бы смогла... Ты смог — и я смогу. Ты ее не пожалел, и я не буду.

Взглянув на свою руку в той клетке, я стиснула кулак и, наконец-то, с облегчением в душе, сказала:

— Я тебя никогда не забуду. Кейел, я не забуду тебя.

Через час я поднималась по скрипучей лестнице постоянного дома. Без труда разыскала дверь с нужным знаком и, стуча в нее, лишь надеялась, что служанка не перепутала комнаты. С той стороны донеслись тихие шаги, легкое царпанье; дверь отворилась.

— Ты где была, загульная человечка? — рассматривая меня хмуро, поинтересовалась Елрех.

— Пропустишь?

Она посторонилась, но сразу любопытствовала:

— Так поздно... Что случилось?

— Разговор есть. Двери закрой.

Она послушалась. Насадив крючок на петлю, подошла к окну и поманила к себе.

— Ну, говори уже, — прошептала, склоняясь ко мне.

Я, скрестив руки, облокотилась на стену и приступила к делу.

— Сумки я тебе подготовила, скоро принесу. Как ты и просила, что-то нашим подготовила, что-то целителям на продажу. Займись, пожалуйста, — нам деньги не помешают. У меня совсем по нулям, и я бы кое-что продала из запасов, но опять не успеваю.

— О чем ты говоришь?

— О фляге. Забудь, потом о ней. — Я взяла Елрех за руку, сжала ее пальцы и начала поглаживать черный коготок. Она не растерялась и даже, показалось, значения не придавала, отчего мне особенно приятно стало. — Я у тебя немного наличности возьму и кое-что ценное заберу из того, что мы собрали в пути. Мне нужно, Елрех.

— Как скажешь, человечка. Там твоих вложений немало. Но ты так говоришь, будто собралась куда.

— Собралась.

— Куда?

— В Васгор.

Елрех серые глаза округлила.

— Зачем тебе туда?

Я не сразу ответила. Еще раз прокрутила в голове все планы, взвесила, что Елрех сказать можно, чтобы она, даже клятву Роми принесла, не знала лишнего. А Роми пока все знать нельзя, пусть сначала от посторонних избежится.

— Послушай, Елрех, нас всего трое, а для доступа к тому, что мы ищем пятеро нужны. Охранники не в счет.

— Почему?

— Что будет, если им рассказать, куда мы идем?

Она закусила губу, взгляд бросила на окно и понимающе кивнула.

— Гильдии выше контрактов, — с улыбкой произнесла я. — А Нард любит свою гильдию.

— Он верховному отчитывается — это понятно, Асфи. Непонятно мне, что ты делать собралась.

— Хочу найти кое-кого.

— И за ним в Васгор надо идти? — она посмотрела с укором мне в глаза. Второй рукой мою руку накрыла и в ответ на ласку погладила тыльную сторону ладони. — Там не место таким, как мы. Это не обитель и даже не город, а огромное... — Повела плечами. — Там зверства больше, чем у нечисти.

Я усмехнулась, склоняя голову набок.

— Я знаю. Была там разок, но запомнила хорошо. Мне и вправду нужно, Елрех. Вот ради тебя и нужно. И ради этого рогатого.

Она покачала головой, косясь на дверь.

— Роми всегда был таким... необычным, — поняв ее взгляды, пояснила я. — Ради вас не то, что в Васгор, в пекло можно полезть. Туда нам, кстати, тоже как-то добраться придется.

— Куда? — всполошилась Елрех.

— В пекло, — тихо рассмеялась я. Настроение пришло вместе с решением задачи, а теперь росло вместе с уверенностью в себе. — Но о нем мы тоже потом поговорим. От тебя мне вот что нужно: на рассвете иди к Роми, расскажи, что я ушла искать существ для нашего похода. Передай, что обещание я перед ним сдержу, пусть не переживает так сильно. А то на беднягу в последние периоды тошно смотреть. Теперь хоть расслабится немного, что дело сдвинулось с мертвой точки. Но это не все. Скажи ему, что я потребовала отослать охранников. Чем скорее, тем лучше. В

остальном сидите тихо, старайтесь особо не привлекать к себе внимания. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

— Асфи, — она подалась ко мне еще ближе и прошептала, — тебе в Васгор нельзя.

— Почему?

— Ты девушка, а они васоверги. У них женщин своих нет, понимаешь это?

Я понимала, но отказаться от единственной идеи не могла.

— Нам нужен информатор, — я осеклась. — Нужно найти разбойников.

— Ты что задумала? — Елрех оскалилась. — Мы пойдем вместе...

— Елрех, это не прогулка по Вечному лесу! Мне нужны люди... существа, которые так же, как и я, ради цели и собственной выгоды в пекло сунуться. Неужели ты думаешь, что мы среди благородных таких найдем? Не забывай, что нам нужны те, кто не заинтересован делиться с гильдией.

Она нехотя кивнула, но так просто уйти не позволила.

— Я с тобой пойду.

— Что? — от ее уверенности я опешила.

— Роми пусть тут остается, — деловито заговорила она. — Ему наверняка к васовергам нельзя. Белый шан'ниэрд для таких мест не рожден, но я полукровка. Мне там никто не удивится.

— Но будешь там...

«Белым пятном» — я проглотила. Впрочем, Елрех и без слов все поняла.

— К тому же, Роми запаникует, что я его кинуть хочу. Остайся, чтобы у него не возникло сомнений в том, что я вернусь.

Уже у двери я услышала тихое высказывание:

— Ты бы хоть поспала.

Вспомнив о комнатке, я вспомнила и вечернюю сцену в ней...

— Нет. — Я с улыбкой оглянулась. — Мне тут обслуга не нравится.

Кейел

Комната куталась в полумрак. Лери укрылась одеялом с головой и отвернулась к стене. Она точно не спала — еще несколькими мгновениями раньше у нее ютились Охарс. Она точно знала, что я пришел — у ее отца громкий голос, и он, как это часто бывало, встретил меня упреками за испорченную мною дочь. Я не нравился ему, еще сильнее не нравился ее матушке. И только недавно, узнав о том, что Лери носит моего ребенка, они смирились с тем, что мы хотим связать сердца. Упреки не прекратились, но меня хотя бы стали пускать на порог дома, а позже — когда матушка Лери наплакалась над горькой судьбой дочери, — и терпеть под одной крышей.

Половицы заскрипели под ногами, но Лери не шевельнулась. Она не сдвинулась с места и тогда, когда я сел на край кровати.

— Лери, три заката минуло, а ты со мной не говоришь.

— И не буду. — Она скинула мою руку с плеча.

Упрямая.

За окном завыл ветер, застучал ставнями. Через мутное стекло показался лунный свет и снова исчез за плотной завесой облаков. Наверное, в горах уже расплакалась Шиллиар. И как проводить ритуал сердец через девять рассветов, если вдруг Шиллиар продолжит землю укрывать даже от Луны? Кто-то проливает слишком много крови...

— Лери, я уже давно ни с кем не говорил. Я обещание держу. Даже мыслить стараюсь правильно.

Она вскочила на кровати и с обвинением набросилась:

— И все равно ты слабый! — Снизив тон, продолжила выговаривать: — В обед приходил Тамнор. Сначала сватался, потом опять насмеялся, а в конце грозился тебе обо мне наврать! Сказал: способ знает, как обмануть духов клятвой. — Схватила меня за руки — ладони холодные, мокрые — и перешла на шепот: — Обещал напести тебе обо мне гадости и духами поклясться, что все правда.

Я сжал девичьи руки. Снова волнуется, а волноваться ей нельзя. Успокоить бы.

— Вздор это, — с улыбкой проговорил я. — Духи никогда не обидят невинных, а виновных...

— А если он правду говорит, что знает? — гневно перебила Лери.

Я нахмурился. Где она такое слышала, чтобы кто-то мог подтвердить вранье клятвой духов и при этом остаться безнаказанным? Но убедительно произнес:

— Лери, я не поверю ему.

— И я ему так сказала! А он сказал, что они убьют тебя, если мы с тобой сердца свяжем.

— Тоже вздор, — отмахнулся я, но дыхание сбилось. А убить они могут... В последний раз едва отпустили. Я улыбнулся и продолжил убеждать: — Они ведь часто грозились, что убьют, но сдерживались. Лери, они первыми на меня руку подняли. Если они меня убьют, то духи...

— Да кто за тебя вступится?! — громким шепотом спросила Лери, привставая на кровати. Ухватила меня за щеки и заставила голову приподнять; в темноте я угадывал черты ее лица. — Кто в Обитель пойдет вину выяснять?! Вы давно друг друга колотите, на вас уже все рукой махнули! Тут только один способ есть.

Она склонилась ко мне, дыханием губы обдала.

— Давай убьем его.

— Убьем? — переспросил я.

Ослышался. Точно ослышался.

— Да, их всех убьем, — вопреки мыслям повторила Лери, щекоча губами за ухом. — Не будем ждать, когда они к нам придут мешать нашей жизни, сами их Солнцу отдадим.

И в голове мутнело от ее близости, и одновременно во рту пересохло. Страшные мысли не позволяли расслабиться.

Я нащупал в темноте тонкие руки и отстранился.

— Лери, я не могу.

— Кейел, — она снова за шею обхватила, щекой прижалась к моей щеке; голос ее ласкал, мягкое тело в такой близости с ума сводило, — они тебя всегда дураком называли. Хотя раз послушай меня и поступи разумно. Тамнор пришел и угрожал убить тебя. В этот раз он был настроен решительно. Ты их знаешь...

— Он не осмелится... Лери...

Она отпрянула. Я вздрогнул. В плечо стукнулся кулак — не больно, но отрезвляюще, — заставил отшатнуться. Я высматривал линии ее лица, глаз, губ, хотел понять настроение, но темнота все съедала. Я молчал, а Лери, руки на колени уронив, сидела на кровати, дышала шумно и не двигалась.

— Они давно хотели тебя убить, — прошептала едва слышно. — И все-таки имеют право. Пусть духи и не простят их, но в деревне тоже никто не осудит. И твоих родителей в Обитель гильдий не пустят. Они не смогут пожаловаться. Смотри, Кейел, как бы их следом не убили. — Тихий всхлип душу наизнанку вывернул. Лери голос повысила: — А мне потом что делать? Хочешь, чтобы я за вашу семью вступилась?

Я мигом к ней подался. Обнял, к себе прижал, ощутил кожей слезы. Она дрожала в моих руках, а я не знал, что делать.

— Да я так... следом душу Солнцу отдам... и свою, и не рожденную еще, — сквозь плач сказала, прикивая ко мне всем телом. Неосознанно защиту ищет... — Говорю тебе... надо избавиться от них, пока они тебя не убили... Тебя духи не осудят, Кейел. Они даже вину твою не покажут.

— Не говори глупостей, Лери. — Я коснулся губами ее лба — холодный. Вздохнул спокойнее. — Деревенские мне не простят.

— А никто не узнает. Даже не догадаются. — Она вытянулась и поцеловала меня в шею. Сначала осторожно, а затем так... сладко. — Мы их к нечисти отведем. Озеро помнишь, где Дева желаний поселилась?

Холодок скользнул по спине, прогнал тепло, пробужденное лаской, разлился по телу и в ногах колким льдом осел. А Лери продолжала чередовать поцелуи в мокрую от слез шею и слова, слетающие с ее губ легко, будто уже все решено.

— Ты пойдешь к ним и скажешь... что Дева ни с того ни с сего ушла с насиженного места. У меня есть гребень... с черным хрусталем; от бабки достался... Я тебе его дам, а ты его им покажешь... Скажешь, что там нашел... В ее вещах. — Губами к подбородку прильнув, надолго замолчала, затем поцеловала в губы и мое лицо обхватила. — Скажи, что там целый комод сокровищ стоит. Что ты за телегой вернулся, чтобы его в деревню привезти. Скажешь, что гребень с собой взял, чтобы мужикам показать. Как доказательство, чтобы те согласились помочь. Понял, Кейел? — Ладони надавили на щеки сильнее. — Скажешь все, как я говорю. Они жадные до богатств, им девок на танцах привлекать хочется. Но в помощники они тебе не вызовутся. Сами туда, к Деве, первыми побегут, захотят лучшее из сокровищ по карманам растолкать.

— Они мне не поверят, Лери, — прохрипел я. Кажется, будто я в кошмаре застрял. И никак не очнуться...

Комната вертелась перед глазами, ком колот горло, мешал вдохнуть. Она хоть понимает, о чем меня просит?

— Поверят, — уверенно произнесла. — Ты им, как дурак, всегда правду говорил. Они и не подумают, что ты можешь им соврать. Они тебя, скорее всего, к Валту отправят. У него телега самая крепкая и в лесу проедет, не застрянет. А они сами пойдут вперед всех. Точно пойдут. И поверят, и пойдут. И поделом им.

Я зажмурился, не зная, как ее переубедить. Нельзя делать то, что она хочет.

— Они нам жизни не дадут, Кейел.

— Уедем, — зацепился я за крохотную нить к спасению. — Давай в другое место уедем. В Обитель хочешь?

— Вот еще! — фыркнула Лери и, отстранившись, стала подушку поправлять. — Как мы жить там будем с твоими мыслями? А если и там врагов наживешь? Нет, Кейел, тут останемся. И родные близко, и жить хорошо. А вот от Танмора и остальных избавимся. Только это надо сделать вовремя.

— Вовремя? — Неужели это все взаправду происходит?

— Да, — Она пересела удобнее и взяла меня за руку, — перед Медовым днем. Они на танцы уйдут, а

там еще и полнолуние скоро. Я все подготовлю к тому, чтобы ты их одних встретил. Соберу твоих обидчиков вместе и так, чтобы ты мог просто мимо проходить. — Второй рукой ко мне потянулась, щеку погладила. — Нам с тобой нужно до полнолуния успеть, чтобы никто не помешал связать наши сердца.

Тонкие пальцы надавили на затылок, и я поддался им: склонился к Лери, но не мог сосредоточиться на ней. Нужно отговорить ее от этой затеи. Жестокость ни к чему, можно найти другой выход.

— Мы с тобой так давно этого хотели, — произнесла она. — И откладывать я больше не хочу. В это полнолуние ритуал проведем. Осталось совсем немного подождать.

— Лери, одумайся. Убивать их...

— Хватит, Кейел. Это ты одумайся. Они нам жизни не дадут. Так нужно сделать, и мы сделаем. А теперь ложись рядом. — Она потянула меня к себе. — Давай. Вот так. И обними меня. Крепче обними.

Прижимаясь грудью к ее спине, я оставался мыслями в разговоре. Была ли возможность отказаться? Может, не поздно еще? Поздно... Если Лери что-то вбила себе в голову, то отговорить ее невозможно. И надумала же... Видимо, ребенок потянул силы, скоро быстрее расти начнет, вот она и обезумела.

Но Танмор приходил...

А вдруг и впрямь решился убить? Если один придет, я сам запросто его убью. Но он один не ходит... Наверное, Лери права: он жизни нам не даст, и я перед духами душу не оскверню — именно он первым руку на меня поднял, теперь должен удар держать. Вот только деревенские не простят. Неужели только хитростью и придется со всеми справляться? Убивать... Виновные пострадают, но и невинные могут пострадать. Случится всякое может.

«И все равно ты слабый»...

И разум у меня скверный — убивать не хочу, духов не так почитаю. Есть ли выход?..

Я обнимал Лери. Слушал тихое дыхание, держал маленькую руку в своей руке и понимал, что не достоин ее. Другой бы давно за нее убил, раз право имеет, а я не могу. И в этот раз боюсь, не хочу кровь проливать. Делать-то что?

Решиться нужно.

И я решился. В сумерках тихо выскользнул на порог ее дома, закутался плотнее в куртку. Взглянул на черное небо над головой.

— Низкое, — удивляясь безумию Шиллиар, проговорил я, но сырой ветер хлестнул по лицу, снес слова. — Неужто над нами плакать собралось? Духи Фадрагоса, за все простите.

Никогда еще в Солнечной не было так холодно. Никогда еще в Солнечной Шиллиар не плакало, не предупреждало рокотом и не слепило бликами. Я спешил к своему дому, не оглядываясь и отменяя сомнения. Все, теперь все решено. Главное — успеть до полнолуния.

Глава 13. Васгор

Аня-Асфи

До Васгора от Заводи Ал'лирта ушло четыре дня пути, с учетом, что мне приходилось уходить от разрезанной и протоптанной дороги и идти в тених частых скал. Прятаться меня заставляло отнюдь не Солнце и дневная жара. Я сняла сапоги сразу, как только достаточно отошла от населенных пунктов и наслаждалась комфортом, подаренным Вестницам. Однако то и дело на горизонте возникали черные точки, или существа появлялись из-за скал, густых кустарников, возвышенностей и низин, от них-то я и пряталась. И пусть как таковой границы между свободными землями и землей васовергов под ногами начерчено не было, и тут еще, недалеко от Заводи, встречались и вполне миролюбивые путники вроде тех же торговцев, алхимиков, целителей, но напороться раньше времени на разбойников совершенно не хотелось.

Многое ли я помнила из рассказов о животных законах васовергов, или точнее сказать — об их отсутствии вовсе? Многое. К тому же Елрех не отпустила меня в дорогу с пустыми руками и без наставлений. У меня сложилось стойкое впечатление, что фангра отправляла меня самую настоящую войну. Так, например, раскладывая по сверткам долгохранящуюся еду, она проговаривала:

— Будут буравить тебя взглядом, тоже смотри им в глаза. С вызовом смотри. Не смей показывать слабость, смелая человечка. Заметят хоть каплю страха в тебе, и их уже ничего не остановит. Будешь духов благодарить, если только над телом надругаются.

А провожая глубокой ночью до городских ворот, за руку удержала и, глядя в глаза, буквально потребовала:

— Не позволяй им себя унизить. Убивай любого, кто даже просто насмеяться над тобой вздумает.

— Убивать? — изумилась я.

Елрех кивнула. В свете луны белые волосы серебрились, глаза холодом блестели.

— Там только оружием и насилием выживают. Духов они презирают, но ты сама помощи их не чурайся. — И руку мою не отпуская, дальше к воротам повела. — Ты не их расы — тебе такую слабость простят. Главное, не смей показывать, что ты покорной можешь быть.

Я нахмурилась.

— То есть на помощь Ксанджей звать могу?

— Ксанджей? — Елрех на меня взгляд строгий бросила, но вскоре подбородок вздернула и заявила: — Да, их обязательно зови, хоть для угроз пустых. Виксарты этих духов почитают и тех, кому они подчиняются, уважают. А виксартов в Васгоре не меньше самих васовергов. Ксанджей зови в любой стычке. Ты меня услышала, человечка? Обязательно их зови.

— Услышала, Елрех, услышала.

— Хоть весь их паразитник спали, но себя в обиду не дай.

— Паразитник? Это ты про их город? — я рассмеялась.

Тогда смеялась, после улыбалась, а чем глубже уходила на земли васовергов, тем меньше оставалось от хорошего настроения. Снова одолевала тоска по Вольному, опять крутились воспоминания о нас с ним. Хотелось оживить надежду, что есть шанс все вернуть, как было, но я отчетливо понимала, как это глупо — мучить себя неосуществимыми мечтами.

С каждым пройденным днем почва под ногами скудела, сила солнца росла, а ветер усерднее швырял в глаза песок. Я повязала на лицо косынку «на счастье», которую подарила мне фангра, живущая вблизи севера, — так дышать было проще, — а голову капюшоном укрыла. Вскоре и обуться пришлось. Твердая, иссохшая земля часто сменялась раскаленным песком, на котором, кажется, можно было яичницу пожарить, но стопы это бы стерпели. Зато оголенные ноги не щадило солнце. То, что они у меня от щиколотки до колена, как штанины закатаны были, обгорели я поняла поздно, лишь к закату ближе, когда кожу печь стало. Помню прошлый мой визит с Кейелом в этот регион: местами было даже сыро, а теперь климат напоминал Свод скверны — днем жара, ночью холод. И что бы я без силы Вестницы делала?

Впереди раскинулась истрескавшаяся равнина, когда, наконец, в разгар очередного дня сквозь густое марево зноя выросли стены Васгора. Я вздохнула с облегчением и устроила себе привал в скупой тени одинокого дерева с толстой остроконечной листвой. Доела припасы, допила воду, отдохнула, проверила кинжал и направилась в город. Было страшно. Скрывать от самой себя этот

факт было бы глупо, но и оставлять без внимания я его не стала. Эту трусость перекрывала мысль с одним словом «надо». Надобность, потребность, нужда — я шла выполнять задачу, как поступил бы Вольтер. Он тоже шел вперед, несмотря ни на что, просто потому что выполнял свою миссию. Так надо.

У города пришлось обходить огромные обломки. В разбитом камне, отвалившемся от стены, можно было рассмотреть торчащую траву, небрежно намешанную глину, какое-то тряпье — и по ним судить о низких строительных умениях васовергов. Возле ворот, вечно открытых и всеми забытых, зияла огромная дыра, громоздились куски стены побольше. Даже представлять не хотелось, чем могли ее разворотить. Возникло ощущение, будто снарядом из катапульты стреляли — сверху все разрушено, а ближе к земле много уцелевшего. На той стороне уже виднелись одинокие лачуги и отвратительные площади с огромными костями. От них хотелось держаться подальше. Я помнила, как на обоченные ребра высаживали измученных до полусмерти пленников и оставляли их там истекать кровью, а после трупы — гнить. Такой резонанс между процветающими регионами и свободными землями, где бушевала война, сводил все в груди холодом.

В самом городе ничего не изменилось — скудно, однообразно серо и грязно. Повсюду сновали компании из нескольких васовергов и виксартов. Частенько встречались люди, эльфы, фангры и даже шан'ниэрдры, но держались они как-то особняком от главенствующих тут рас, будто избегали лишней раз конфликтов. Я шла по главной улице, скрываясь под капюшоном и удерживая спину прямой. Спешила к закоулкам, которые, к сожалению, или счастьем, запомнила слишком хорошо. На полном ходу завернула в нужный и сразу же попятилась — на той стороне несколько существ измывалось над одним. Васоверг держал в руке тесак, угрожая избитому, виксарт — нож, двое выход перекрывали, а еще один васоверг на меня с гордо поднятой головой смотрел. Я немедля развернулась и отправилась искать путь безопаснее.

В следующем закоулке с двух сторон меня теснили высокие дома, сапоги по щиколотку тонули в ржавой жиже, в лицо лезли мухи, в ушах стоял комариный писк, а лохмотья паутины вынуждали склоняться. Зловонье вызывало тошноту, грызня крыс нервировала. Прижав руку к носу, прикрытому косынкой, я боком продвигалась к нужной улице. Молилась: лишь бы не ошиблась с направлением... Ногой пнула что-то в грязи и задержалась, разглядывая чьи-то кости. От вида влажных зелено-желтых стен, по которым ползали насекомые: мокрицы, тараканы и не то клопы, не то клещи, — поежилась. В самом деле, паразитник. Лучше и не скажешь.

На залитой солнцем территории вдохнула полной грудью. Горячий ветер лицо обласкал, но песком глаза резанул. От дверей ближайшего дома слышались голоса; незнакомая речь напоминала карканье или даже харканье вперемежку с ругательством — еще одна проблема, с которой мне придется разобраться. Насколько я помнила, Фаррд не говорил на общем языке, а понимал его совсем немного. Успокаивало лишь то, что Кейел рассказывал о виксартах, когда думал, что сам умрет, а мне придется без него выживать. Он говорил, что среди виксартов на самом деле много спокойных и терпеливых, с васовергами они дружны из-за выгоды. Часто именно виксарты становились тенью успешного рогатого друга, чтобы помочь ему в том, в чем он сам не был силен — например, в языках. И я помнила, что при Фаррде в злосчастный вечер был виксарт, к которому льнула шан'ниэрдка. Он ушел, но быть может, ушел, потому что Кейел и сам прекрасно владел языком васовергов.

Приземистая таверна сильно выделялась на фоне других построек. Из белого камня, с соломенной крышей при нынешней жаре она смотрелась нелепо. Впрочем, у васовергов и впрямь была огромная проблема со вкусом в архитектуре. Скрип двери едва был слышен в шуме. Как и тогда, сегодня тут тоже бурно пили прямо посреди дня. Факелы опасно полыхали под потолком, коптели каменные стены. Под ногами солома смешалась с песком, то тут, то там были брошены объедки, валялись кружки и осколки битой и разломанной посуды. До меня и дела никому не было.

Не снимая капюшона, я прошла к прожженной, словно от сигарет, стойке. Осторожно втиснулась между лысым виксартом, флегматично рассматривающим глиняную посуду, и миниатюрной эльфиоркой с лицом, исполосованным шрамами, и зыркающей по сторонам. Станный эльф — слишком грузный фигурой, — не обращая на новоприбывшую клиентку никакого внимания, ввинчивал в железную кружку поломанную ручку. Виксарт зашуршал на стойке какими-то травами. В большой подсохший лист насыпал измельченного табака, потом скрутил крепко, пробормотал имена духов и, прикурив с их помощью, затянулся клыкастой пастью. Поваяло сладковатым дымом. Стараясь не морщиться, я стала высматривать Фаррда. В прошлый раз Кейел шел сюда так целеустремленно, что и сомнений не возникало — Фаррд тут постоянный посетитель и искать его надо именно тут, или начинать поиски отсюда.

На поясе внезапно что-то защекало, будто на талии смялась рубашка и легонько коснулась кожи. Я резко обернулась и, не успев толком сообразить, что произошло, ухватила тонкое запястье эльфиорки. Воровка за считанные секунды и полу моего плаща отвела, и кошель нащупала, но срезать маленьким ножом не успела. Поняв, что ее поймали с поличным, глаза широко раскрыла и явно к побегу приготовилась. Я медлить не стала и, воспользовавшись сложившейся ситуацией, прошептала быстро:

— Ксанджи!

Духи испепеления вспыхнули мгновенно, но эльфиорка так ловко извернулась, что даже будь у меня желание, я бы ее не удержала. Еще доли секунды — и она в дверь выскакивала, что радовало — без добычи. В харчевне ни на секунду гул голосов не смолкал. Наоборот, загалдели активнее, кто быстро разобрался в произошедшем, уже смеялись и вслед воровке улюлюкали, свистели, каркали что-то на своем языке. Несколько васовергов, стоявших у разных столов многозначительно переглянулись, а затем дружно направились вслед за ней. Я даже кошель на всякий случай перепроверила, потом и сумку — все было на месте. Выходит, у рогатых свой интерес к эльфиорке имелся.

Нахмурившись, я стянула косынку с лица и скинула капюшон с головы — васоверги на меня реагировали, как и прежде: с любопытством приглядывались, но никто приставать был не намерен. Повернувшись к стойке, удивилась — виксарт, куривший самокрутку, крючковатым пальцем играл одним из моих духов. Будто ласкал его желтым когтем по пламенному боку, а тот и рад был ластиться.

— На ритуал Ярос-сти прис-с-шла? — спросил виксарт, выпученные глаза на меня скошив.

— Нет, по делу. Фаррда ищу, знаешь такого?

И он знал. Тонкую шею вытягивая, на один из столов долгий взгляд бросил. Я проследила. Фаррда сразу узнала — щека со шрамом и прорехами, пустая, ничем не прикрытая глазница, светло-серые волосы, едва видневшиеся из-под четырех рогов. Он наблюдал за мной, прищулив целый глаз и ковыряя в зубах какой-то спицей. С ним за столом сидело еще двое васовергов, эльф и виксарт. Склонившись над столом, они что-то с интересом обсуждали. Изучающий взор Фаррда я выдержала, затем кивнула виксарту в благодарность, а он со страшной улыбкой тихо пожелал:

— Удачи-с-с...

Отозвав Ксанджей, я направилась к Фаррду. Во время короткого пути взгляды на себе ловила, но презрения или насмешки в них не чувствовала. Радовалась, что еще после севера изменения в себе не только ощутила, но и убедилась в них по осторожному поведению окружающих со мной. И сейчас только на руку играло, что во мне сходу какую-нибудь наемницу видели, но никак не безобидную девушку.

Фаррд, следящий за мной, ногой пнул одного из васовергов. За столом мигом беседа оборвалась, а потревоженный мужчина — самый плечистый, но самый же короткорогий — поднялся мне навстречу и путь загородил. Вырос, как скала, едва ли потолок рогами не подпирая.

— Дагракх харга, — выплюнул он.

В глаза ему смотреть было сложно — надбровные дуги, будто плавленные, сползли на них, пряча в густой тени. Пока я медлила с ответом, васоверг руки на груди скрестил, подбородок высоко задрал и продемонстрировал желтые клыки и широкие передние зубы.

— Я вашего языка не понимаю, — громко произнесла я, стараясь заглянуть ему за спину.

Виксарт к Фаррду склонился, но за широким телом васоверга я не видела его лица. Уставившись на воина-скалу, громче произнесла:

— Мне нужна информация. Я знаю, что Фаррд может мне помочь.

Прошло еще несколько утомительных секунд прежде, чем раздалось шипящее приглашение:

— Прис-с-аж-живайс-ся. Ранхор радак. — Последние два слова заставили громилу сдвинуться с места.

Глядя на него снизу вверх, я пролезла к столу. Усевшись на табурет оценила собравшихся, но сразу же себя в руки взяла. Как говорила Елрех: главное — страх им не показывать. Но страх при виде головорезов — рациональное чувство, которое стыдиться мне не хотелось. Впрочем, надо.

— С тобой говорить могу? — спросила я, глядя на виксарта.

Он кивнул.

— Я ищу кое-кого, но не знаю, могу ли говорить при посторонних.

Виксарт снова к Фаррду склонился и что-то прошептал. Фаррд на своем произнес что-то эльфу, а тот — ему. Пришлось ждать, когда они, судя по интонациям, улыбкам и кивкам, на дело сговорятся, а только потом наслаждаться уходом ушастого.

— Впервые к вас-с...сверкам приш-шла? — с трудом проговаривая и даже коверкая слова из-за шипящих, спросил виксарт.

Я сцепила руки в замок и, на стол облокотившись, кивнула.

— Тут дела ведут иначе. С-сначала о с... с-с... — он замолчал ненадолго, кривясь и клыки скаля, затем его кадык заметно дернулся, и он закончил: — О себе рас-скажи.

Глубокий вдох не расслабил, а под взорами нелюдей никак не удавалось собраться. Только одна мысль колотилась в голове: «не показывай им страх».

— Даже и не знаю, с чего начать, — нахмурившись, ровным тоном произнесла я.

Ближайший васоверг, не тот громила, а помельче фигурой, придвинул мне свою кружку. Я на него уставилась, как надеялась, пытливо, и он вскоре что-то виксарту сказал. Тот перевел:

— Пей. Напряж-шенно выклядиш-шь.

После него пить?..

Задержав взгляд на бурых губах, с рваным шрамом в уголке, я взялась за тяжелую кружку. Не позволяя себе опомниться, прогоняя образ желтых зубов рогатых существ, отхлебнула поила. Приторная сладость заполнила рот, плотно обволокла язык, напоминая ликер. Однако схожесть развеялась быстро — запекло во рту, закололо в носу, как от ядреного хрена, а горькое послевкусие перебило сладость. Слезы выступили на глаза, на миг прояснилось в голове, но через мгновение затуманилось легкой дымкой. Позволяя жару в груди остыть, я прочистила горло кашлем и с благодарностью протянула напиток обратно васовергу. Он выставил руку в отказном жесте, затем махнул пятерней и подозвал к себе разносчицу. Кажется, заказать новую порцию.

— Я натворила много бед, — наконец-то, подыскав первые слова, произнесла я.

Виксарт тут же начал переводить Фаррду; последний стал почесывать целую щеку, не сводя с меня пристального взгляда.

Я продолжила смелее:

— В Фадрагосе не осталось никого, кто бы помнил мое настоящее имя, поэтому зовите меня, как все тут: Асфи. Пришла я... — выдохнула шумно, запрокидывая голову, — с севера, наверное, и пришла. До этого весь Фадрагос обошла, где только не побывала.

— Ис-згнанница? — спросил виксарт.

— Нет. Я дом свой потеряла еще, кажется, в прошлой жизни. И как-то так вышло, что на севере очутилась, а оттуда — сюда. Дело у меня есть, которое поможет друзей вернуть.

— Куда? — Он склонил лысую голову к костлявому плечу и, словно догадавшись о чем-то, добавил: — К ж-жизни?

— Ну... — слова полуправды складывались гладко, но вопросы вводили в ступор. — Нет, наверное. Живы они, но ценить им меня пока не за что. И кое-кто может помочь мне.

— Кто?

Я склонилась над столом и тише сказала:

— Стрекоза.

Виксарт равнодушно озвучил Фаррду, а тот удивленно хмыкнул. Что-то отвечал долго, после чего виксарт ко мне обратился:

— Вс-стречу твою с-ш-с ней ус-строить мош-ш-но. Но с-што взамен?

— Я заплачу. — К этому вопросу я была готова и, почти не оставив Елрех налички, денег взяла с собой прилично. — Назовите стоимость.

— Ты в первый раз-с к нам обратилас-с, — не задумываясь, произнес виксарт. Откинулся на спинку лавки и поскреб желтым ногтем столешницу. Выковырял из-под него мигом забившуюся грязь, стряхнул на пол и добавил: — Мы ничего о тебе не знаем.

Разумно и осторожно... Я скрестила руки на груди и, на манер собравшихся, тоже постаралась расслабиться.

— И что вы хотите?

— Имена.

— Чьи? — Я вскинула брови.

— Твоих друзей.

Что? Первое мгновение я еще не понимала, о чем меня просят и для чего, но постепенно суть стала доходить. В лице холодело, а в животе все тугим узлом стягивалось. Не нужно спрашивать, зачем головорезам знать тех, ради кого я сунулась в Вастор. И так все ясно.

— Или тайну, — снисходительно улыбнувшись, виксарт предоставил выбор.

— Какую тайну?

С этим словом мои ассоциации заиграли опасными красками. По спине пробежал озноб, и я едва не поежилась.

— О с-себе тайну, которую мы проверить с-смож-шем.

От сердца отлегло. Им ведь неоткуда знать, что мне известно о тайне Энраилл, или о трагедии Аклен и Ил... Стараясь скрыть облегченный выдох и за короткие секунды взять себя в руки, я промочила губы резким напитком и спросила:

— Информация стоит так дорого? — не позволяя им ответить, отставила кружку и решила надавить. Чем черт не шутит, может, сумею урвать лидерство в этой сделке и выторгую себе более безопасные условия. — Встречу устраивать не обязательно, просто скажите, где я могу найти Стрекозу, и я сама ее найду.

— Нет, — покачал головой виксарт, — информация — дес-шевле. Д'такмар. — Указательным пальцем почесал нахмуренный лоб. — С-с-сотруднич-ше-с-с-с...

Резко махнул головой и скривился.

— Я поняла.

Не продолжая бессмысленные торги, полезла в сумку. Сыграю девочку-дурочку. Покажу им флягу, добытую на севере, скажу, что там ее с трупа забрала. Она недешевая, точно недешевая, должна заинтересовать, а откровения, откуда добыта, послужат нашим маленьким секретом. Хоть бы прокатило...

Пока я в сумке ковырялась, меня накрыла плотная тень и стремительно двинулась дальше. Край столешницы пролетел у носа, обдавая кожу сквозняком и заставляя отпрянуть. Звон и треск перекрыли гам громкого пьянства соседних столов. Залаял пес. Раздался мягкий стук — и пес, взвизгнув, заскулил, рыжим размазанным пятном заметался по залу, а после, забившись где-то в углу, продолжил истерично скулить. Я бросила сумку, схватила кинжал и, подбравшись всем телом, попыталась разобраться в случившемся всего за секунду-две.

Васоверг, угостивший меня выпивкой, лежал под перевернутым столом и пытался сбросить его с себя. Длинные рога оказались под его спиной и явно мешали, заставляя сильно выгибать спину и опасно выпячивать грудь с животом. Другой васоверг, незнакомый мне, ударил его ногой так, что лежащего, казалось, должна была отлететь голова. И хоть били не меня, но от громкого хруста мою челюсть свело резкой болью. В стороне пара васовергов теснила громилу, второго охранника Фаррда. Виксарт, раскинувшийся на земле, перепачканный едой и закуской, с трудом поднимался. К нему-то и подошел затейщик драки.

Крупный васоверг, с хрустом размяв широкую шею, отшвырнул пыльным носом сапога ботву, валяющуюся перед ним. Занес кружку над врагом и медленно наклонил. Темно-зеленое густое пойло тонкой струйкой потекло вниз, зашлепало по лысой голове, перепачкало лицо, залило лупатые глаза. Тихо зазвучала насмешливая речь, которую я, к сожалению, разобрать не могла. Однако Фаррд, слушая ее, оживился. Хватаясь за столб, в который, видимо, его швырнули, поднялся и вытер кровь с разбитого лба. Одним глазом буравил недруга, на миг бросил требовательный взгляд на громилу, но тот отступал перед численным преимуществом.

Если я сейчас помогу Фаррду, потом смогу рассчитывать на постоянную помощь? Вот и главарь чужой банды повернут ко мне спиной. Кинжалом бок проткнуть — и отскочить. Только медлить больше нельзя. Я подобралась, но предпринять ничего не успела.

Фаррд сплюнул под ноги и, шатаясь, с ревом оттолкнулся от опоры в сторону врага. Враг тоже не медлил. Растеряв веселье и надменное добродушие, скривился и кружку впечатал в голову виксарта

— железо звонко отозвалось, а виксарт рухнул на пол. Фаррда васоверг встретил еще на подходе, ударя кулаком в живот. Ухватив за плечо второй рукой, приподнял над землей и опрокинул на спину. Вдогонку с размахом опустил тяжелую подошву на выпяченную грудь. От четкого звука ломаемых ребер и короткого болезненного стога, хотелось зажмуриться. Васоверг, не позволив Фаррду схватить себя за ногу, сразу же пнул его в бок. Все то время, что я медленно вставала с табурета, уцелевшего посреди развала, удары сыпаться не прекращались. На негнущихся ногах, я отступила в сторону, чтобы лучше рассмотреть Фаррда и попытаться узнать в нем его. Каша, или лицо? Руки с пальцами, или обломанные ветки? И из-за крови темной, смешавшейся с грязью, ничего толком не было видно.

Сердце сжималось при каждом вдохе, который приходилось чуть ли не отвоевывать. Грудная клетка отказывалась разжиматься, а мышцы — расслабляться. Когда безумный васоверг с удовлетворенным выдохом закончил избивать нужного и важного мне информатора, у того из мятого носа пузырилась кровь. Страх охватывал все сильнее. Так умирала Феррари... Ее внутренности были выдраны, организм не мог функционировать дальше. То же будет с Фаррдом? Он вроде бы дышит... Но и малышка тоже кое-как дышала. Выживет ли? О Ксанджах забыла... Успела бы Фаррда с их помощью спасти? И что делать теперь? На помощь Айссию звать? Только сначала необходимо как-то оттащить Фаррда от свидетелей, а потом надеяться, что он меня простит за то, что вылечила. Васоверги ведь презируют лечение.

— Дарок, тикранг хамор дар, — донесся низкий голос васоверга, одним ударом вырубившего того, что меня уговал.

Я заметила краем глаза, что он указывает на меня безумному главарю, и сама на главаря уставилась. Губы разомкнула и, воздуха глотнув, приготовилась звать духов испепеления. Однако главарь медлил: внимательным взором изучал меня с ног до головы, бегло зацепил сумку, упавшую на пол, и не оставил без насмешливого внимания кинжал в моей руке. За эти долгие секунды я тоже успела рассмотреть мужчину: на лице шрамов было мало, один лишь, самый большой, пересекал широкие губы; светлые глаза в тени бровей блестели сталью; светлые, какие-то грязно-серые волосы прятались под рогами, падали на широкие плечи; сами рога, все четыре, были на месте, целые и, судя по металлическому окрасу, окрепшие — выходит, васоверг немолодой. Он уступал ростом громиле Фаррда, но все равно, стоя под потолочной балкой, склонял голову. Скривив рот в презрительной усмешке, что-то спросил — голос звучал мягко, бархатисто, но в тишине харчевни разборчиво.

— Я не понимаю, — ответила я, быстро оценивая положение его приятелей.

Холодные капли пота покатались по лбу, выступили над губами, пропитали рубашку. Я стиснула кинжал крепче.

— Чего высматриваешь? — почти без акцента спросил васоверг.

В этот момент Фаррд застонал и, кажется, попытался приподнять голову, но длинные рога, зажатые его же телом, не позволяли ему даже пошевелиться. Он сильно закашлял. Через рваную щеку кровь плеснула фонтаном, а затем обильно потекла.

— Мать твою... — глядя на чужие мучения, протянула я.

Васоверг расхохотался.

— Чтоб я знал эту шлюху, — сквозь смех произнес он, — сам бы ее живьем закопал.

Что? О чем он говорит?

Прокручивая в голове наш короткий диалог, я смогла-таки отвлечься от Фаррда. Васоверг, все еще смеющейся над моей «шуткой», ухватил с соседнего стола тряпку и принялся вытирать руки. Кивнув на Фаррда, улыбнулся мне.

— Не знаю, какие дела у тебя с ним, девица, но связываться с этим куриным дерьмом я тебе не советую. Я давно говорил, что тварь до последнего из союзников выжимает выгоду, а потом отправляет их умирать. Одним других продает, других — третьим, а когда и те платить больше не могут, и их продает. Как оклемается, передашь ему, чтоб ни он, ни его сладкоголосые яйцелизки рядом со мной не показывались. — Бросил тряпку на лицо Фаррду, будто обозначал последний штрих своей небрежности к нему, и тремя шагами подошел ко мне вплотную. Склонился, обдавая жаром и кислой вонью, вынуждая отстраняться, и добавил: — В следующий раз я его уже убью. Так и передай, поняла?

Я, стараясь и в глаза ему смотреть, и голову сильно не задирать, кивнула.

— Вот и умница.

Мазнув по моему плечу тяжелой ладонью, он направился к выходу, а я так и стояла посреди развала под взглядами множества отребья, по какой-то причине не смеющего вступить за избитых и осторожно опускающего глаза перед этим главарем. Окровавленный Фаррд не подавал признаков жизни, но почему-то я верила, что он выкарабкается. Рядом с ним валялся без сознания виксарт, чуть дальше под столом распластался охранник этой компании. Громила, совершенно невредимый, неспешно подошел к нему и, упираясь носком сапога в его щеку, пару раз покачал голову. Раздался тихий скрип-хруст — кажется, поломался рог. Громила что-то недовольно пробормотал и, руки в бока уперев, сплюнул на пол.

Внимательно наблюдая за ним, я отступила. У табурета медленно склонилась, быстро схватила сумку и, стискивая ее, бесшумно прокралась к выходу. Стоя на пороге, в последний раз окинула беглым взглядом притихших посетителей, разгром, побитого пса, залезшего под лавку... И выскочила на улицу.

Глава 14. Свобода. Первые впечатления

Кейел

«У нее нет границ, Кеша. Лети же, бестолковая птица!»

Ветерок резвился, лохматя волосы и бросая их на лицо. Я снова отвернулся, убрал пряди за уши и попробовал откусить лепешку. В этот раз получилось. Только я отнес ее от лица, как порыв ветра вновь завертелся и опять швырнул волосы в лицо. Стоя на пригорке и пережевывая завтрак, я запрокинул голову и улыбнулся. Кроны деревьев темнели на фоне ясного неба так высоко, что от их вида закружилась голова. Мир завертелся! Яркий, насыщенный, неизведанный... Листва шумела, скрипели ветки и стволы, а птицы подпевали им. Густой и тяжелый аромат хвои распространялся от редких сосен, обволакивал все вокруг, теснил прелый запах листвы, оседал терпкой горечью на языке. И я наслаждался им. Он словно разделял мои чувства — такие же тяжелые и густые, но при этом — странно — приятные, ни на что не похожие. Кажется, я влюблялся в него, в этот запах.

Запив лепешку водой, набранной рассветом ранее в ручье, я присел на корточки и принялся засовывать бутылку в сумку. Проверил скудные запасы и шумно вздохнул. Выйти бы к закату на дорогу или колею, все было бы проще... Ноги ломило от усталости, натертые стопы жгло, а мозоли на пальцах дергало. Разуваться не хотелось. Незачем лишний раз портить себе настроение.

Мелкая пичуга вспорхнула из зарослей папоротника, уселась на нижнюю ветку дерева и зашлась трелью. Ей отозвались со всех сторон. Я улыбнулся.

Не стоит переживать о том, что уже не исправить. Надо двигаться дальше.

Путь, судя по редким прогалинам, предстоял непростой. Солнце уже заливало лес, пробираясь под ветки, разгоняя мрак и борясь с сыростью. Я не стал больше медлить — вдохнув глубоко, резко поднялся и, не обращая внимания на боль в ногах, стал спускаться с пригорка. Как бы ни хотелось забыть и забыться, все вокруг невольно напоминало о прошлых рассветах и закатах. Пробуждался стыд, кормил страх сомнениями.

Густой орешник никак нельзя было обойти. Задетые листья сбросили на меня росу, окропили голову, холодом коснулись шеи; капли затекли за шиворот, заставили поежиться, напомнили о слезах Шиллиар...

Непроглядный мрак укрывал Солнечную, когда я выходил из родного дома. Ветер стучал ставнями, скрипел калитками, расшатывал заборы. Я крался по двору, словно вор. Хотел было вернуть взятую еду и дедовскую одежду, но Шиллиар прогрохотало так, что затряслись окна в доме, а затем расплакалось прямо надо мной. Я ловил первые капли ладонями, не веря, что оно плачет над Солнечной, но растирая их на ладони, стирал и иллюзии. Когда рыдания стали сильнее, я пытался держать плечи прямыми, но у меня не получалось. Слезы быстро пропитали одежду, вымочили сумку, утяжелили дорогу, будто я тоже был виновен в зверствах.

В окнах сторожевого домика кружилась пара Охарс, самого сторожа не было видно. Я опасался, что охранные духи выдадут меня, но они даже не показались рядом. Ворота были крепко закрыты, но я знал лазы в заборах, которыми пользовался еще мальчишкой. Дерево намокло и стало скользким, и я без труда пролез через узкое отверстие. Оказавшись за забором, на миг обрадовался, но сразу же опомнился. Что подумают обо мне, когда не найдут в деревне? Поймут ли? Дождется ли Лери?..

Долго топтался на месте, не решаясь двигаться ни назад, ни вперед. Насквозь промок под слезами Шиллиар, продрог, ощутил голод и, вспоминая домашнее тепло и сухость, хотел вернуться. «Ты слабый», «у тебя скверный разум», «ты не защитишь нас» — лучше любого ремня и кнута подстегнули двигаться вперед.

Луна не пробивалась сквозь покрывало Шиллиар, а его слезы еще и застилали глаза. Склон быстро размыло, и я в полной темноте, словно слепой, поднимался по нему несколько раз. Падал, съезжал и снова поднимался. С вершины потекли ручьи грязи, скользили между пальцев, пачкали руки, штаны, полы плаща. Добравшись до небольшого выступа, я зашвырнул сумку наверх, а затем, цепляясь за кусты, уже налегке забирался сам. Потом много времени потратил, чтобы отыскать сумку в густой траве, примятой ливнем. А Шиллиар не прекращала тяготить...

Я поскользнулся на сыром пеньке и, проехав по нему пяткой, едва не упал. Зашипел от боли в ногах и зажмурился, пережидая, когда она затихнет. Воспоминания о трудной ночи развеялись.

Вокруг лес дышал жизнью, капли росы ослепительно блестели на листве. Я сжимал ляжку сумки и всячески отгонял мысли о возвращении домой. Там хорошо... Матушка каждое утро печет блины, а отец рассказывает обо всем, что происходило на строительстве причала — о том, что не успел или забыл рассказать еще за ужином. Потом работа до обеда, а после, пока Солнце в силе, можно и с Лери повидаться. И со смертью Солнца — еще раз...

Надеюсь, она не плачет... Пусть бы не плакала, пусть бы догадалась, что я вернусь. Я ведь обязательно вернусь к ней.

Долго пришлось слоняться по оврагам. Казалось, я плутал на одном и том же месте, но своих же отметин на деревьях не встречал, потому не позволял себе волноваться. Лишнее беспокойство в лесу только вредит. Я остановился у дерева, примостил сумку рядом, стянул тяжелый плащ с плеч. Дохнув на ладони, похлопал ими и, подпрыгнув, уцепился за нижнюю ветку. Ноги ошпарило, в глазах замерцали яркие пятна. Перетерпев боль, я полез выше. Забрался настолько высоко, насколько позволяли силы. Встав на крепкую ветку в полный рост, обнял ствол и огляделся. Колеи видно не было, но среди гущи кустарников белел просвет. К нему и направлюсь. Как правило, существа перемещаются в лесу от прогалин до прогалин, от поляны до поляны, так и появляются тропы.

Вскоре оправдались предположения, накатило чувство радости.

Узкий ручей петлял среди камней, уводил к пологой местности и в конце впадал в небольшую реку. Она шумела, колотясь волнами о каменное дно, пенилась и искрилась; водяная взвесь рождала радугу.

Вдоль реки я прошел всего ничего — пару шагов Солнца, — как наткнулся на тропу, наверняка оставленную разумными существами. Впервые за все рассветы мне удалось посидеть на прогретом и сухом камне, а заодно спокойно пообедать все той же черствой лепешкой и ледяной водой с реки.

Плохо, что пришлось сходить с дороги, но лучше заплутать, чем не заметить следы нечисти и попасть в ловушку. Бывало такое, что и деревенские не возвращались из лесу, который с детства знали, как родной дом. А потом их находили совсем недалеко, исхудавшими, обессиленными настолько, что они не могли ходить и кричать. Лес безжалостен к малейшим ошибкам, к любой невнимательности. Однако лес до последнего оставляет шансы на выживание, а нечисть заставляет умирать в муках и без надежды на спасение.

По тропе от реки я быстро вышел к колее и сориентировался по местности. До ночи топтал грязь, а лес все не кончался. Духи мерцали над головой, когда я в последний раз подумал развести костер, но устало брел дальше.

Ночью ветер казался ледяным — пробирался под сырую одежду, пронизывал до костей, сводил их ломотой. Однако временами становилось жарко и хотелось распахнуть плащ. Сухие глаза начали слепиться лишь под утро, когда Охарс были уже не нужны. Я зевал, растирал щеки — гнал сон. Шел вперед, спотыкаясь на каждой кочке, но не позволял себе останавливаться. Мне нужно в город.

С полнолунием они уйдут...

Лес кончался. Темная и яркая зелень листвы сменилась мягкой желтизной тростниковых полей. Поля шумели, кружа голову и оглушая, и я не сразу услышал голоса. Земля ходила ходуном, мешая разглядеть приближающихся.

— Ты куда это пошел? Тебе же сказали: стоять!

Их было трое. Четверо, шестеро...

Я потер глаза, мотнул головой — немного стряхнул сон.

Трое мужиков в кое-как залатанных плащах, штанах, в грязных рубахах и растоптанных сапогах обступили меня. У каждого кинжал за поясом имелся, а у лысого и бородатого верзилы еще и топорик маленький.

— Три раза повторил, — оправдывался кудрявый человек перед лысым. — А он все идет и идет!

Я молчал, разглядывая их, а они хмуро рассматривали меня. В жизни разбойников не встречал, но сразу понял — они.

— Деньги давай, — подтвердил мои мысли лысый и потербил пушистую бороду.

Вздых вышел обреченным. Я развел руками, но они так потяжелели, что едва не упал.

— У меня их нет.

— Что, совсем? — опешил тощий фангр, но присмотревшись ко мне внимательно, все же поверил.

— Тогда отдавай, что есть, — не растерялся кудрявый и за сумкой потянулся.

Я попытался удержать ее, но шлейка легко из руки выскользнула. И так хорошо стало... Давно надо было бросить ее где-нибудь.

— И что это? — донимал все тот же тип, рыская в моих вещах, словно там было, что рассматривать. — Это все, что есть?

Я кивнул. Они не поверили — сумку вытряхнули. Краюха лепешки упала в подсыхающую грязь, бутылка скатилась в ямку. Маленький кусок сыра мужики даже не заметили, и лысый растоптал его. Продолжая стоять по середине дороги в тесном кругу, они держали мою сумку и переглядывались. Я просто ждал. Быстрее бы хоть как-то все это закончилось.

Вдруг синяя рука фангра показалась из его плаща — вышла наружу через прореху. Пощупала воздух и снова исчезла. Кудрявый поднял ногу, задрал носок, подошва повисла, будто рот разинула. Лысый хмыкнул.

Мужиков осенило.

— Ну, — протянул лысый, бросая сумку на землю. — Сапоги хоть давай.

— Сапоги? — голос тоже едва звучал и, кажется, болело горло.

— Сапоги, сапоги, — закивал фангр.

Я вспомнил о мозолях и понял, что привык к постоянной жгучей боли, даже замечать ее перестал.

— А, да, это с радостью.

Неподалеку лежал валун; метелки тростника поглаживали его поверхность. Я указал на него, спрашивая:

— Я присяду?

Лысый плечами пожал и рукой махнул.

Троица плелась за мной, ни на шаг не отставала. Фангр дышал в затылок. Будто опасаясь позабыть о главном, произнес на ухо:

— И плащ. Плащ не забудь.

— Забирай, — согласился я, с нетерпением развязывая тесемки на груди.

Пальцы путались в них, затягивали узлы, но вскоре непосильную тяжесть с плеч удалось скинуть. Потеплевший к обеду ветерок коснулся разгоряченной кожи, охладил ее. Я присел на камень и, вытянув ноги, закрыл глаза. Хорошо... Вдохнул полной грудью, дрожащей рукой вытер пот со лба и поморщился — ноги разобрала пульсирующая боль.

Мужики опять столпились надо мной. Морщили лбы, смотрели с нескрываемым подозрением. Ждали, когда сапоги отдам. И я стянул. Осторожно, стараясь кожу вместе с ними не снять. Местами она давно спарилась и облезла, местами струпья все же содрались, и следом сразу зашипало, запекло. Некоторые мозоли нехорошо вскрылись; кровь пошла грязная. Я поочередно подкинул сапоги разбойникам, вытянул босые ноги и, закрыв глаза, блаженно застонал.

Молчание затянулось, а мужики явно не спешили его нарушать. Я приоткрыл один глаз. Любопытно же, чего не уходят? А они все так же толпились, только теперь не сводили окаменевшего взора с моих ног. И показалось, будто даже погрузились в глубокие мысли. Вспомнили чего?

— Ну, это, — заговорил кудрявый, любовно прижимая сапоги к груди. — Мы пойдем.

Я улыбнулся, как мог, но, кажется, только хуже сделал. Кудрявый понуро голову опустил и побрел к лесу. Фангр и лысый прощаться не стали — молча поплелись вслед за приятелем. А я поморщился... Совсем забыл!

— Погодите! — вытянулся вперед, стараясь ногами не двигать.

Мужики мгновенно остановились и развернулись; у всех троих надежда в глазах застыла.

— А до Заводи далеко? — спросил я.

— Не! — хором отозвались. И лысый первенство взял: — Меньше полушага Солнца!

— Вон, погляди, — подхватил фангр, указывая на горизонт, — пригорок видишь? Вот сразу с него Заводь видна.

— Спасибо!

Они улыбнулись широко и дорогу продолжили гораздо бодрее. Будь силы, я бы посмеялся от души, а так только усмехнулся, стараясь на ноги не смотреть.

Немного отдохнув, поднялся и без спешки захромал дальше. Хотелось пить, но вернуться за бутылку даже в мыслях не мог. Просто дойти до города, а там что-нибудь придумаю.

— Мужик! Мужик! — кричали позади.

Я оглянулся и прикрыл ладонью глаза. От леса ко мне бежал кудрявый и махал рукой.

— Стой, мужик!

Невольно взгляд опустился на босые ноги, на душе стало сквернее. Неужели догола разденут?

— Стой мужик, — сорвавшимся голосом повторил разбойник.

— Стою! — успокоил я. Будто убежать в состоянии...

Он догнал меня, запыхавшийся, но счастливый. Отдышался, а затем ладонь раскрыл и протянул. На ней лежало четыре медяка и даже поломанная серебряшка.

— На, держи, — с довольной улыбкой прохрипел кудрявый, — последнее наскребли. Купи себе чего-нибудь поесть в Заводе. И это... извини...

— Да ничего, — я потер лоб, удерживая смех, — бывает.

Шум и тычки в плечо — первое мгновение, когда я понял, что вижу перед собой город. Каменные стены уходили куда-то вверх, куда я был не в силах посмотреть. Я поднимал голову, старался разглядеть, где заканчивается высокая стена, но яркое солнце слепило, стена сливалась с небом, а затем все темнело. Тычок повторился, и я повернул голову.

— Слышишь меня? — спросил эльф, вцепившись в плечо.

Его рука весит слишком много...

— Я тебя спрашиваю: с какой целью ты в Заводь Ал'лирты пришел? Эй, парень. Падать не вздумай. Стой, тебе говорю. Ливаль!

Крик резанул по ушам, и я скривился, попробовал отступить, но эльф удержал меня. Кажется, охранник города.

— Пришел и стоял тут, как пьяный, — говорил он подошедшему фангру.

— Так, может, набрался где?

— Нет. Хмелем не несет, а вот больной он — это точно. Зови знахарку, наверное. На целителя у него денег не найдется. На ноги вон глянь.

— Я к Ромиару, — прохрипел я, пытаюсь прийти в себя.

— Чего? — эльф склонился ко мне. — Вот дела! Что говорит? Даже я не слышу!

Я нашел в себе силы на то, чтобы вцепиться в ворот его рубахи и повиснуть на нем. Он пошатнулся со мной вместе, но удержал нас обоих на ногах. Я прорычал ему прямо в ухо:

— Р-ромиар-р! Шан'ниэрд. Беловолосый. Он исследователь. Найдите и скажите, что Кейел пришел.

— Беловолосый, говоришь?

— До полнолуния найдите...

Хоть бы успеть...

Вскоре меня усадили на лавку, установленную сразу за городской стеной. Рядом сновали охранники, менялись сменой, сплетничали, шутили, смеялись. Я вцепился в лавку двумя руками и боялся двигаться. Грязь на ногах смешалась с кровью, перепачкала все. По земле ползали муравьи, букашки, мухи летали низко, садились на ранки, на содранную кожу. И те, и другие ползали по мне — неприятно. Хотелось согнать их, но я не шевелился. Движение вправо, движение влево, вперед-назад — просто рухну без сознания. И холодно. Никогда еще мне не было так холодно.

Не зря существа прячутся от слез Шиллиар...

Не знаю, сколько я так просидел, но, кажется, вновь задремал. Вздрогнул от прикосновения.

Незнакомый охранник, гелдов, принес воды. И я с радостью отцепился от лавки и взялся за кружку. Руки тряслись, вода едва не расплескалась, но гелдов помог. Напившись, я поежился и поблагодарил огромного охранника.

Гелдова я видел второй раз в жизни...

И снова на неизвестное время дремота околдовала сном, затмила реальность, оставляя разум лишь частично подвластным. Кости ломило, голову словно зажало в камнях, а каждый шорох резал слух. Но сон был сильнее... Казалось, ничего не способно было вырвать меня из него.

— Где он? — я услышал знакомый голос и взбудоражился.

Сон исчез бесследно. Надеюсь, что не мерещится, голову поднял.

Она...

— Ты? — удивилась полукровка.

Белые волосы сияли под солнцем, и я щурился болезненно. Она подошла, склоняться и не думала. Спросила громче:

— Что тут делаешь?

— Вас ищу, — просипел я. Откашлялся в кулак и уточнил: — Ромиара, тебя... Наверное...

— А с ногами что сотворил? — Полукровка быстро на корточки опустилась, отчего голова закружилась и затошнило. Холодными пальцами надавила на вспухшую рану. — Болит?

Я едва не прыснул от жгучей боли, но, зубы стиснув, сдержался.

— Терпимо.

— Заразу занес, гной нехороший, — ровным тоном проговорила и встала. — За мной иди, тут до Аспидов недалеко, а там помогут.

Она, не оглядываясь, зашагала прочь, а я сидел, собираясь с силами. После ее прикосновений, ногу дергало, и будто даже колено подгибалось. Набрал полную грудь воздуха, я поднялся. Опираясь на стену, устоял. И стараясь девушку из виду не упустить, осторожно захромал следом. Как ее имя? И почему не запомнил?

Охранники у ворот толпились, до прибывающих в город им и дела не было. Видимо, только к совсем подозрительным подходили. Беловолосая фангра остановилась на обочине широкой дороги и, зацепив пальцы за пояс, стала ждать меня.

А я плелся медленно. Быстрее бы идти, но не могу.

Глянул под ноги. И вправду о городах рассказывали — улицы камнями застилают... И дома высокие. Крыши добротные.

— Идти-то хоть можешь? — спросила полукровка, когда мы поравнялись.

— Ну ведь иду же, — устало вздохнул я и улыбнулся.

Она бровь вскинула.

— Сумасшедший человек, ты с такими ногами еще шутишь? Весельчак?

— Нет, — я перестал улыбаться. В висках быстро забила жилка, тошнотворный ком поднялся к горлу. — Просто учусь быть сильнее.

Жар вспыхнул где-то внизу, в животе, поднялся быстрой лавиной. Мигом пробрала дрожь, в голове щелкнуло. Огонь охватил мир, а затем все потухло.

Глава 15. Дарок

Аня

Яркое солнце ослепило. Я, щурясь и прикладывая руку козырьком ко лбу, высмотрела на дороге агрессивную компанию. Она очень быстро удалялась в неизвестный мне район, и чтобы не упустить их, нужно было поспешить. Закинув сумку на плечо, я бросилась следом. Безлюдная улица упиралась в двухэтажный каменный дом и расходилась в две стороны; компания свернула вправо. Узкая улочка в конце темнела под выросшими навесами и досками, будто мостики, закрепленными между окнами домов на втором этаже. Знакомые силуэты терялись в этом полумраке и, к моему огорчению, снова сворачивали.

В этой части города было сырее, душнее, темнее и оживленнее, чем на площадях, неприкрытых от солнца. Однако под ногами не было той грязи, по которой я добиралась к харчевне. Правда, ступать все равно приходилось по настилу из подгнивших досок, а зловоние душило и подгоняло выбраться на проветриваемую часть Васгора.

Компания юных васовергов привлекла меня еще издали. Они сидели на узком крыльце и что-то тихо обсуждали. Все худые, полуголые — на ногах лишь обмотки тряпья, — но жилистые. Грязные волосы либо собраны в косы, либо обрезаны кое-как под рогами. Чумазые лица еще не испорчены шрамами, без печати жестокости, но взгляды... Даже от взглядов взрослых васовергов не веяло такой опасностью. В их молодых глазах не было угрозы, не было пошлых намеков — лишь интерес: холодный, расчетливый, оценивающий. Молодняк видел не меня, а то, что у меня можно отобрать. Натянув капюшон сильнее, я плавно прибавила скорости. Дощатый настил пружинил шаги, но выравнивал дыхание.

Я прошла мимо подростков, словно по тонкому канату над пропастью, и даже не удивилась, когда обернувшись, заметила преследование. Они не скрывали того, что идут за мной. Подростки, дети... Даже если они ровесники Егора, то ростом явно пошли в своих отцов. Мне приходилось идти уверенно, но спешить, часто оборачиваться и при этом не упускать впереди идущих васовергов. Я понимала: если побегу — я добыча.

За очередным поворотом едва не вскрикнула, но лишь молча отскочила, обнажая кинжал. Компания поджидала меня прямо за углом, подпирая стены и перекрывая дальнейший путь.

— Чего пристала? — спросил васоверг, избивший Фаррда.

Я растерялась на миг, а один из рогатых с ухмылкой направился ко мне. Зубы скрежетнули, но имя слетело верное — Ксанджи отозвались быстро, заставили мужчину выдержать дистанцию. Позади меня послышались шаги, показался молодняк. Быстро оценив обстановку, мальчишки сделали вид, что прогуливались, и продолжили путь.

— Духами своими меня не пугай, — тихо проговорил главарь и шагнул ко мне ближе.

И от вида его грозного, и от вони хотелось отступить. Попятиться.

— Ты лишил меня информатора, — сказала я, не двигаясь с места.

— Я сам сгорю, но шею твою цыплячью свернуть успею, — проигнорировав мои слова, произнес угрозу.

— Ты знаешь общий язык, — упрямо продолжала говорить я, глядя ему в серые глаза.

Он навис надо мной, сжимая кулаки до скрипа и не отрывая от меня гневного взора, но молчал.

— Ты избил Фаррда на глазах у других васовергов, и никто не вступился за него. Это ваши порядки, или тебя боятся?

— Сейчас интерес твой приглушу. — Двинулся на меня.

— Помоги мне! — потребовала я, стараясь держаться с гордостью.

Мелкая дрожь одолевала ноги, и мне казалось, что еще мгновение — и я просто упаду на колени.

Васоверг остановился с приподнятой рукой для увесистого удара и долго разглядывал мое лицо. Хмурился, поджимал губы, будто хотел сплюнуть. Затем поморщился, фыркнул и отступил. Молча развернулся, руку расслабляя, и отправился по улице дальше. Его подчиненные и слова не сказали, даже косога взора на меня не бросили, просто последовали за ним, словно и не встречали никого на своем пути.

И как расценивать это молчание?

Позади послышался шорох, и я оглянулась. Один из подростков сидел на корточках на перекладине, протянутой между окнами второго этажа. Свесил длинные руки с отростками плетей и немигающим взглядом смотрел мне прямо в глаза — без улыбки, без тени веселья или даже злости. Из-за угла показался еще один; увидел, что взрослые васоверги уходят и кого-то подозревал. Духи Фадрэгоса, им плевать, что я вижу их! Плевать, что понимаю намерения. Эти не пощадят, не попросят раздеться и добровольно отдать все вещи. Наверняка, они молча, без особой жестокости убьют и сами все заберут. Мне об этом никто никогда не рассказывал, но откуда-то я это знаю наверняка. Чувствую, что с ними так и будет.

Немедля и не опасаясь показать свой страх перед ними, я побежала вслед за взрослыми васовергами. Уж лучше быть рядом с теми, с кем хоть попытаться договориться можно.

Рогатый главарь не оглядывался. Петлял по улочкам то сужающимся до метра в ширину, то расширяющимся до приличной дороги. Рельеф уходил вниз, и вскоре от резких скатов спасали каменные лестницы. И тут хватало разбросанных и затоптанных костей, крыс, каких-то муравейников... Детворы становилось больше, и некоторые мальчишки вызывали ужас. Это были совсем дети. Мальчишка лет семи, с короткими рогами, безумно худой, но с круглым животом осторожно следил за мной, укрываясь в тени небольшого помоста. В руках он держал какие-то объедки: серые, рваные, будто требуха. Съедобные ли?

Следом я увидела второго, третьего... Чумазые, грязные, не по годам хмурые, они с любопытством выглядывали из полуразрушенных домов. Старательно держались тени и постоянно озирались по сторонам, а стоило только раздаться шуму неподалеку, или мне и взрослым васовергам, повернуть к ним голову и прямо взглянуть на них, как они сразу прятались в глубь своих убежищ.

В более тесном закоулке толпились ребята постарше и покрепче. Они обступили сплетенные из колючих веток клетки и что-то бурно обсуждали, заглушая визг пойманных зверей. Дети увлеклись настолько, что не сразу заметили нас. И стоило только одному из васовергов заговорить громче, что-то обсуждая с главарем, как они притихли. Насторожились и долго провожали нас напряженными взглядами, медленно отступая к стенам переулка. За их спинами так же медленно открывалась картина, перечеркивающая всю жалость к ним.

В клетке металась не то окровавленные крысы, не то местные звери, которые лишь были похожи на крыс. Сцепившись в клубок, грызли друг друга, затем отпрыгивали в стороны, но зажатые в тесноте, снова вынуждены были вонзять зубы во врага. Несколько пустых клеток валялось дальше, прямо по центру переулка — на единственном свободном пространстве от гниющих трупов различных животных. И не только животных.

Позади раздался звонкий голос, еще не сломленный переходным возрастом, и дети, стоявшие в переулке, бросились врассыпную. Я оглянулась. Подростки — на фоне последней детворы почти молодые мужчины, — приставшие ко мне еще в начале этого района, до сих пор следовали за нами. За мной...

Чувствуя нарастающую панику, я перестала рассматривать закоулки и оглядываться.

Васоверг пришел к широкой улице, протянувшейся ровной полосой между районами. Трущобы остались позади, а впереди виднелось подобие особняков, огороженных высокими заборами. Каменные дома терялись в мареве зноя, но даже так можно было понять, что их хозяева не гнались за красотой, а стремились к практичности. Почти во всем...

Пока мы шли вдоль домов, я видела огромные дворы. Вместо цветов заборы оплетали колючие растения, вместо лужаек повсюду были воткнуты палки, а на них насажены черепа. Рогатые, безрогие, похожие на человеческие и звериные — казалось, тут их было собрано все множество, доступное в этом мире. Местами виднелись ямы и что-то похожее на капканы. Ловушки для незваных гостей?

С такими детишками под боком я бы тоже озаботилась любой защитой.

Возле одного из таких домов компания и остановилась. Я догоняла их медленно, не представляя, на что подписалась, и отгоняя любые мрачные фантазии. К тому же путь отступления был отрезан — подростки и не думали оставлять меня в покое. Они брели через дорогу, как я поняла, по своей территории, иногда нарушая тишину залихватистым смехом и громкими переключками. Они забавлялись не надо мной, а просто жили своей жизнью, но, как стервятники, ждали, когда добыча станет доступной.

Главарь, снимая замок и звеня массивной цепью, открывал ворота. Трое васовергов стояли рядом и все со смешливым любопытством наблюдали, как я приближаюсь. Самый низкий грыз ногти и переглядывался со жгучим брюнетом, а последний, трехрогий, зацепив пальцы за пояс, барабанил ими по себе. Сердце колотилось. Я взяла себя в руки и, нахмурившись, остановилась рядом с ними так, будто мы всю жизнь были знакомы и в моем поведении нет ничего необычного.

Петли ворот скрипнули; главарь покосился на меня, хмыкнул и вошел внутрь. Двое последовали за ним, а третий васоверг, проговорив что-то мне, поторопил приглашающим жестом. Войдя во двор, я обернулась. Смотрела, как продеваются дужки замка в толстые петли ворот. Звон цепей перебивал стук сердца. На что я подписалась?

С другой стороны дороги снова донесся звонкий хохот...

На шею легла тяжесть, и я едва не вздрогнула. Горячие пальцы крепко впились в нее, но не причинили боли.

— Ты домой ко мне пришла, — произнес главарь. — Духов тут позовешь — убью. Кинжал без разрешения в руках увижу — убью. Шуметь начнешь — убью. И если хоть один мой трофей от рук твоих пострадает, знаешь, что с тобой сделаю?

— Убьешь, — предположила я.

— Убью, — подтвердил он.

И наконец отпустив меня, направился к дому. Всю дорогу осматривал черепа, насаженные на палки, будто проверял их целостность. Это и есть его трофеи?

Ветер поднял пыль с твердой земли и понес вихрями к широкому крыльцу. Под тяжелым каменным навесом стояла тень, но от жары не спасала. С каждой минутой все сильнее хотелось пить. На двери, громоздкой, двустворчатой, обитой железом, висело целых три замка. Пришлось скромно подпирать стену, ожидая, пока главарь откроет все. В полумрак дома я входила последней и, проявив вежливость, осталась у порога.

— Чего встала там? — остановившись в центре круглого зала, спросил васоверг. — За мной иди.

Дом оказался большой, но весьма темный, а воздух в нем сухой, хоть и прохладный. Отшлифованные стены не блестели, но выглядели гладкими и ровными. Мебели почти не было, зато повсюду лежали и висели шкуры зверей, черепа облепили стены, а из костей то тут, то там были сложены причудливые горки. Что тревожило — звериных черепов в доме было мало.

Васоверг привел всех в просторную комнату и, раздавая указания подчиненным, принялся стягивать с себя пыльную куртку. С его размахом плеч, казалось, что она вот-вот треснет по швам. И я ни слова не понимала на языке васовергов, могла лишь наблюдать за их действиями. Брюнет стал снимать плотные шкуры с узких окон, позволяя солнечному свету проникнуть внутрь. Трехрогий ненадолго вышел из комнаты, а вернулся уже с бочонком под мышкой и кружками. Низкорослый раскидывал шкуры вокруг круглого камня с ровной поверхностью. Кажется, камень импровизировал стол.

Главарь сбросил куртку у камина и направился к двери. Проходя мимо меня, произнес:

— За мной иди. И вещи оставь.

Я не мешкала. Примостила сумку в углу и прикрыла плащом, надеясь, что васоверги не полезут в нее. По однотипным залам шли недолго, вскоре спустились в погреб, где главарь нагрузил меня чем-то съедобным. Кажется... Кажется, по запаху, это что-то бурое, почти черное и темно-красное были вяленным мясом и сушеной рыбой. Без разговоров вернулись обратно, а там уселись на шкуры вокруг скудно накрытого стола. Передо мной поставили железную кружку, наполненную до краев. Я присмотрелась к непроглядной жидкости цвета угля и решила не приноживаться. Только у главаря поинтересовалась тихо:

— Обычной воды нет?

Он сидел напротив и, будто не услышав, продолжил нарезать себе мясо. Разломал серый хлеб — если это клейкое тесто вообще можно назвать хлебом — и только потом поднял на меня глаза.

— Хорошая вода дорого стоит, — дружелюбно заявил он, — а та, что тут бесплатная убьет тебя до следующей смерти Солнца. Даже васоверги стараются ее не пить. Да и на вкус она дрянь дрянью. Пейakraк'кнан, он лучше того пойла, что в Фаррдовском отстойнике подают.

— Это его харчевня? — удивилась я.

Разговорчивость васоверга тоже удивляла, но больше настораживало его гостеприимство. Сначала вытерпят проявленную наглость, домой приведут, накормят, а потом потребуют отработать. Так это, наверное, и случается, когда девушки случайно попадают в рабство.

— Он тут многое к рукам прибрал, — ответил главарь. — До всего дотянуться не может, ему не хватает силы и уважения яростных васовергов. Он ведь как таракан: серьезно навредить не может,

но и легко от него не избавишься — хоть пополам разруби, он еще долго по отдельности жить будет. И смотри, чтобы потом не выжил, а на тебя остальных тараканов не натравил. — Поморщился, отчего шрам, пересекающий губу, потемнел, и бросил кусок мяса посветлее мне на медное блюдо. — На, это ешь. У вас, у людей, желудок слабый, не переварит все подряд.

Поблагодарить я не успела — он, как отрезал разговор, переключился на беседу с васовергами на своем языке.

Пока за столом звучали непонятные слова, я постаралась запихнуть в себя еду. Хотя и не была голодна, неизвестность собственной судьбы в ближайшее время заставляла предполагать любые непредвиденные ситуации. Нельзя отказываться от еды, когда в сумке не осталось ни одного съестного продукта. Окна были узкие и расположены высоко, но я понимала, что при необходимости пролезу в одно, под которым стоял еще один каменный блок — не то столик, не то стульчик. Побег я бы не рассматривала, если бы не бесстрашие васоверга перед Ксанджами, проявленное еще на улице. Однако даже при этих расчетах хотелось надеяться, что мне удастся договориться с главарем мирно.

Мясо я жевала лениво, к сладко-соленому вкусу лишь сначала привыкала, а потом ничего, даже понравился. Напиток и впрямь оказался лучше того поила в харчевне: напоминал квас, немного скрипел на зубах, зато охлаждал, утолял жажду и совершенно не пьянил. Пока щупала липкий мякиш, украдкой наблюдала за васовергами и пыталась понять, о чем они говорят, над чем посмеиваются. Поняла лишь, что они хорошие приятели. Возможно, боевые товарищи. Однако главарь даже в непринужденной атмосфере оставался главарем или... отцом семейства? На него смотрели, слегка склоняя голову, и не смели повышать голоса, а он тем временем хватал крупные куски мяса с общего блюда и почему-то лучшие раздавал нам, в том числе и мне, худшие же бросал в свое блюдо.

— Ну, — неожиданно он обратился ко мне, — говори, что хочешь от меня.

Я едва не поперхнулась. Кое-как проглотила кислый хлеб, запила его и, вытерев ладонью губы, в спешке заговорила:

— Я пришла в Васгор за информацией о воровке.

Главарь усмехнулся — шрам на губе вновь потемнел.

— Хотела узнать у Фаррда о ней, но, думаю, что в ближайшие... эм... рассветы он не сможет мне помочь, — предельно честно выложила все, что могла и растерялась. Не сказала ли чего лишнего? И как раз в задумчивости ляпнула лишнее: — А я бы хотела убраться из Васгора поскорее. То есть... Ты не подумай ничего плохого. Не то, чтобы Васгор мне не нравился, но меня ждут... там.

Черт! Духи Фадрогоса! Возьми себя в руки!

Казалось, главарь едва сдерживал хохот, но он взял тряпку, вытер жирные руки и серьезным голосом спросил:

— И почему я должен тебе помогать?

Этот вопрос я ждала с самого начала. Облизав губы, сцепила руки в замок, вдохнула, как перед прыжком в ледяную воду, и сказала:

— Ты не обязан, поэтому я заплачу. Не прими за наглость, просто рассуди сам: у меня был единственный информатор, о котором я слышала, но ты избил его. К тому же ты первый васоверг, от которого я слышу знакомую речь.

— Могла бы выучить наш язык. Он совсем не трудный.

Я поморщилась. Помню, как некоторые знакомые на Земле ругали немецкий язык. Если бы они слышали язык васовергов, то всерьез решили бы, что кто-то не может отхаркнуть.

— Сейчас разговор не об этом. Раз ты так разочаровался в Фаррде, может, познакомишь меня с хорошим информатором?

— Ты всерьез полагаешь, что я знаю кого-то еще? — Он изогнул густую бровь и будто скопировал мою позу: сцепив руки в замок, облокотился на стол.

Я вдруг поняла, почему мебель мало того, что каменная, так еще и без ножек. С таким весом ему пришлось бы часто делать ремонт дома.

— Вероятнее всего, — ответила я, с трудом выдавливая из себя улыбку. — Если бы не знал, то ценил бы единственного и, соответственно, не стал бы избивать его до полусмерти.

Главарь потянулся к черной спице, воткнутой в бурую губку. Осторожно вытащил ее и стал ковырять в зубах. Остальные васоверги с интересом прислушивались к нам, словно понимали все дословно.

— Смекалка у людей часто встречается, — звонко причмокнув, наконец-то, заговорил главарь и принялся легонько царапать спицей по столу; шорох разбавил чавканье, стоявшее в комнате. — Это хорошее качество. А вот различить ваши бесстрашие и безумство — это надо исхитриться. Не хмурься, девица. Я не назвал тебя безумной, но то, что ты сунулась следом за мной в кандар'рхор, заставило меня присмотреться к тебе получше.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Я покачала головой. — Что такое кандар... Как ты сказал?

— Не знаешь? — он удивился.

— Не знаю.

— Ну и хорошо. Значит, ты не безумна. С другой стороны, плохо, — протянул он, откидывая спицу, как надоевшую игрушку. Она покатила по столу, но черноволосый васоверг придавил ее пальцем. — Ты ведь не знала, куда шла. Выходит, и бесстрашие твое от незнания исходит.

Бесстрашие от незнания исходит?.. Обдумывая, почему это плохо, я потерла подбородок и, закусив губу, прямо на него посмотрела. Он считает меня слабой и бояливой. Мало того, что это и по глазам его видно, и слышно по снисходительному тону, так он еще и прямо это озвучивает. И ведь недалеко от истины ушел... Вот только мне такое отношение от васовергов совсем ни к чему.

— Послушай, мне не нужны проблемы, — я подняла руки. — Я пришла сюда, чтобы найти воровку. Стрекозу. Я уверена, что ты о ней слышал.

Слышал. Точно слышал. Серые глаза стали такими же стальными, какими были в харчевне после избиения Фаррда.

— Я много слышал о ней, — почесывая массивную шею, сказал он. — Что тебя с ней связывает?

Я сглотнула и глаза опустила. И что меня связывает с ней, о чем ему можно сообщить? Явно нельзя признаваться, что ее сообщник кромсал меня кинжалом, как перьевую подушку. О сокровищнице Энраилл даже вспоминать опасно, не то, чтобы о ней вслух упоминать.

Васоверг по-своему растолковал затянувшееся молчание.

— Говорить не хочешь? — он склонился над столом ниже, заглядывая мне в лицо.

— У меня предложение к ней.

— Мне предложи, — не растерялся он.

Я громко вздохнула, беспомощно разводя руками. Соврать, что у нас намечается девичник? Чувствую, что васовергов это не смутит и они с радостью попросятся поучаствовать.

— Ладно. — Он прищурился на один глаз. — Хотя бы скажи, что у вас с ней за отношения. Трудно не заметить, как губы кривишь, когда о ней разговор заходит.

Ясно, стоит поработать над контролем мимики...

— Мы не друзья, — я не стала лукавить и даже позволила себе поддаться импульсивности — оттолкнула от себя блюдо с мясом и сразу сжала кулак. — Мы далеко не друзья, но мне нужна ее помощь. Наверное, тебе не знакомо такое чувство, — постаралась вложить во взгляд уважение перед тем, как окинуть им главаря. — Это не безысходность, но... лучшая партия из всех, что имеется в выборе.

Васоверг хмыкнул. И еще раз. А затем вдруг заметно преобразился: распрямил широкие плечи, приподнял тяжелый подбородок и без насмешки, которая еще мгновение назад плескалась в серых глазах, кивнул.

— Понимаю. Партия, — он протянул это слово, будто смаковал что-то особенное. — Хорошо звучит. Гораздо лучше, чем «сложные интриги», «подлые игры» и «серия из нескольких ходов». Партия, — повторил и снова хмыкнул. — И с кем же ты воюешь?

Я вновь растерянно молчала и готова была развести руками. А что отвечать? С собой? С результатами своих выборов и поступков? С прошлым, в конце концов? Это не похоже на войну, это исправление собственных ошибок.

Он усмехнулся и сам избавил меня от ответа, безмерно удивляя:

— Я готов тебе помочь.

Вот так быстро? В чем подвох?

— Но не бесплатно, — сказала я. Это даже была не догадка — стопроцентная уверенность.

Тихий грудной смех подтвердил мои слова. Я опустила голову, не смея даже смотреть в сторону сумки. Сердце не стучало, скрежетало, вновь превращаясь в камень. Только наивная дурочка поверит, что именно в таких торгах цена назначается покупателем. Если бы главарь с самого начала поинтересовался, что я могу ему предложить, фляга, украшенная драгоценными камнями, могла бы его удовлетворить, но сейчас... Что он задумал? Что попросит у меня? И как далеко я готова зайти в этот раз, когда цель не имеет с моими желаниями равного веса? Ради капризов Роми, ради его и Елрех памяти обо мне, об их памяти друг о друге — не ради себя... На что я соглашусь?

Вспомнился Фаррд — не этот, валяющийся в крови информатор, а тот урод из прошлой жизни: с дырявой щекой, скользким взглядом и отвратительной ухмылкой, желающий провести со мной ночь. Хуже всего в васовергах даже не их внешность, а то, что они — васоверги. Иными словами — не люди.

Главарь перестал смеяться и, словно прекрасно зная, о чем я думаю, смотрел на меня с лукавым блеском в глазах и кривой улыбкой. Остальные васоверги тоже ухмылялись, а брюнет даже налег на стол и, подперев кулаком подбородок, вопросительно изогнул бровь. Значит, уроды ни слова не говорят на общем, но хорошо его понимают. Возможно, «папаша» учил их.

Чем дольше я разглядывала омерзительные морды нелюдей, вдыхала противную вонь помещения, тем быстрее подступала решимость. Вспомнила Кейела и Айвин — а ведь он тоже сошелся с ней только ради того, чтобы раздобыть кровь мудрецов. Но Айвин хотя бы красива, а Кейел... парень? Это ли оправдание?

Я скривилась от непонятно откуда взявшейся горечи на языке.

— Что ты потребуешь от меня? — спросила, оглядываясь по сторонам.

Взялась за кружку и посмотрела в нее — напитка было больше половины. Дико хотелось сплюнуть горечь хоть куда-нибудь, в любую пустую посудину. Не на пол же.

— Ты красива. — Слова главаря вызвали тошноту. — В моем вкусе. Но нужно мне от тебя совсем другое, поэтому не вздумай в моем доме опорожнить желудок.

Облегчение от прозвучавшего заверения не наступало, и мелкая дрожь продолжала пробираться пальцы, а затылок противно сводило.

— Не томи, — выдавила я сквозь зубы, ослабляя ворот рубахи.

— Не торопи меня, девица, — ответил он и что-то произнес трехроговому. Тот поднялся и куда-то поспешил, остальные снова прислушивались к беседе. Главарь шумно вздохнул, отодвигая от себя свое блюдо и холодно предупредил: — Сейчас от твоего решения будет зависеть, подружимся мы или нет.

— Хорошо, — глухо ответила я и прочистила горло кашлем.

Мне понадобилось несколько секунд и пара глубоких вдохов, чтобы заглушить все чувства и сосредоточиться на разговоре. И когда трехрогий внес бутылку с выпивкой я снова была готова торговаться. В конце концов, что я теряю? Все, что могла, уже потеряла, и теперь пришла пора любой ценой возвращать хотя бы часть потерянного.

На столе появились железные кубки, а бутылка, разлитая на пятерых, опустела до дна. Однако никто к выпивке прикасаться не спешил. Главарь опять скреб спицей по столу, разбавляя тишину раздражающим звуком.

— Ты спросила, почему за Фаррда никто не вступился, — наконец-то произнес васоверг, мгновенно заинтересовывая меня затронутой темой. — Я отвечаю.

Склонился над столом еще ниже.

— Потому что уже все знают, как мало мне осталось до победы в войне. Долина Драконов вот-вот станет моей, и тогда, — поморщился, сгибая спицу в кулаке, будто соломинку, — я убью этих трусов, претендующих на священное место вождя. И вождя убью. Он слишком долго оскверняет Солнце своей трусостью. Никого не оставлю. Я сниму с них кожу, срежу мясо, доберусь до их черепов и выброшу на площадь Жатвы. Только там им и место. Этим трусам!

Я вздрогнула от громкого крика, сильнее втягивая голову в плечи.

— Всего лишь жалкие трусы и слабаки. И своей жизнью среди нас они оскверняют нашу расу.

Он замолчал, и тишина зазвенела в доме. Ни шелеста сквозняка, ни шороха... Я слышала свое дыхание и опасалась, что он тоже его слышит. Оно было неровным, пугливым, наверное, присущим таким же слабакам, которых он, без сомнения, ненавидил. Каждый мускул в теле дрожал от напряжения. Язык невольно изгибался в пересохшем рту, в любую секунду позволяя произнести первую букву имени духов испепеления. Я боялась, но знала, что Ксанджи успеют превратить в пепел хотя бы одного-двух васовергов прежде, чем они доберутся до меня.

Затянувшуюся паузу хотелось заполнить вопросами, уточнениями, но под царапающим взглядом стальных глаз чувство самосохранения вопило о том, что следует молчать. Украдкой наблюдая за остальными васовергами, я непроизвольно стремилась повторить их покаянную позу: опустить ладони на стол и свесить голову. Но злость, очнувшись вместе с криком главаря, ворчала, грела грудь изнутри, будто в ней непрестанно ворошили угли, и мешала покориться страху всецело.

К сожалению, ни откровения, ни подробности, на которые я втайне рассчитывала, не прозвучали. Зато мне выдвинули еще более загадочное условие:

— Вероятно, мы можем помочь друг другу в наших войнах, — спокойным тоном произнес васоверг, и я осмелилась уставиться на него. Он и впрямь выглядел абсолютно спокойным, хоть и кривился, будто обдумывал маленькую неприятность. — Но мне нельзя осквернять свою ярость, связываясь с кем попало. Как тебя звать?

— Асфи, — коротко представилась я, снова откладывая все вопросы на потом и просто ожидая продолжения неясного монолога.

— Твое имя мне ни о чем не говорит. Ты чем-нибудь известна, Асфи?

— Нет.

— Как я и думал, — нахмурившись, кивнул он.

Остальные, расслышав мягкость в его голосе, подняли головы и расслабились. Я тоже постаралась незаметно поводить плечами, сбрасывая напряжение и оцепенение.

— С моей стороны будет глупо доверять тебе, Асфи. Ты согласна?

Я кивнула. Он продолжил:

— И это мешает нам с тобой. Я даже не могу назначить цену за мою помощь тебе. При этом если ты не соврала мне о ваших со Стрекозой отношениях, то эта цена покажется тебе смехотворной. Но для меня твоя услуга, при удачном раскладе, может оказаться бесценной. И я буду еще глупее, если не воспользуюсь подвернувшейся удачей. Ты ведь понимаешь меня, Асфи? Я же вижу, что у тебя есть опыт в таких делах.

— Я понимаю тебя, — негромко заверила я, не выпуская из внимания ни единого его слова.

— Поэтому мы подойдем к нашему сотрудничеству издали. Обезопасим его для обеих сторон. Решай сама, как мы с тобой поступим, Асфи, — он облокотился на одну руку и посмотрел в мое лицо пристально, строго. — Ты вправе сейчас встать и без вопросов уйти из моего дома. Архаг, — глянул на насмешливого брюнета, — откроет тебе замки и двери. Потом делай, что хочешь: сама пробирайся в центр Васгора через кандар'рхор, ищи нового информатора, выпытывай у него подробности о Стрекозе... Сама разбирайся со своими делами. Либо, — провел толстым пальцем по оставшимся от спицы царапинам, — ты остаешься тут, со мной, до ритуала Ярости и участвуешь в нем. Я дам тебе свое дозволение пройти на священное плато и подскажу, кого тебе вызвать на бой. У нас много слабых воинов, которых даже ты убьешь без особого труда, и тогда никто не посмеет до следующего ритуала считать тебя всего лишь жалким человеком. Никакой уважающий себя васоверг не обманет тебя и не потребует с тебя унижительную плату. Ты же знаешь: Солнце питает нас яростью, которую нельзя осквернять неуважением.

Я не знала, но остерегалась показать эту неосведомленность явно важным ритуалом. Мне придется убить? Может, есть шанс схитрить. Везде есть лазейки, но для этого надо знать правила и законы. Пока я пыталась осознать условия и взвесить их, попутно абстрагируясь от привычной морали и нравственности, главарь поднял кубок. Васоверги незамедлительно последовали его примеру.

— Меня зовут Дарок, Асфи, — представился он. И тем же тоном приказал: — Подними свой кубок.

Железо тронуло пальцы холодом; кубок оказался настолько тяжелым, что рука затряслась. Ну не от нервов же она дрожит. Сколько можно бороться с собой? Рано или поздно человек ко всему привыкает. Когда же к Фадрагосу привыкну я?

— И за что мы пьем, Асфи? — Дарок растянул широкие губы в улыбке и изогнул брови. — За короткую приятную встречу или за начало нашего союза?

Глава 16. Рождение дружбы. Защита стереотипов

Кейел

— И вы изучаете весь мир? — переспросил я.

— И не только по деревенским легендам, — дополнил Ромиар, шутливо хвастаясь.

Он улыбнулся, подошел ближе и присел на край стола. Высокая тень упала на карту, которую я разглядывал. Весь Фадрогос на квадрате бумаги.

Я видел карты и до этого, но не такие плотные, не такие разборчивые и без причудливого обрамления по краям. Не только карта, но и все тут было другим, непривычным. Деревянная мебель, отшлифованная до блеска и покрытая тонким слоем красноватой смолы — такую мы делать еще не научились. Мягкий матрас на широкой кровати и вовсе вызвал в первые две ночи проблемы со сном. Прозрачная посуда, красиво мерцающая, когда на нее падал свет — из нее было совестно есть. Странные картины, мозаика на полу у входа, разрисованные цветными красками потолки и стены, обтянутые темной тканью с серебряными узорами... Выходит, так выглядит богатство. Потрясающее воображение, броское в первые рассветы и почему-то быстро блекнущее.

— Я могу научить тебя читать, — предложил Ромиар. — Только попроси об этом.

Я отдернул руку от витиеватых символов. Расположение местности на карте подсказывало, что это должно быть какое-то название на виксартских землях.

— Зачем? — я развалился в кресле, поглаживая пальцами подлокотники и задевая приятную на ощупь ткань. Ромиар сказал, что она называется бархатом. Бархат... Запомнить бы, а перед возвращением домой раздобыть рулон такой ткани. Порадовать своих женщин, хоть как-то сгладить перед ними вину. — В Солнечной умеют читать только староста и переселенцы из городов. Остальные обходятся и без этого умения. К тому же у нас нет ни свитков, ни книг.

— Мы собираемся в долгое путешествие, — Ромиар улыбался дружелюбно. — Ты мог бы многое узнать о мире из разных записей. У меня есть доступ к огромной библиотеке.

Его предложение подкупало и звучало великолепно, но... Почему согласиться так трудно? Словно признаться в очередной неполноценности. Хотя в поведении Ромиара по отношению ко мне не было унижающей насмешки. Он даже никак не упрекнул меня за то, что я без стука вошел в его комнату и без разрешения сел в его кресло. Да и за все время, что я жил в его доме, он всегда относился ко мне с нескрываемым уважением, едва ли не с почтением. Сначала я думал, что он именно так и выказывает пренебрежение к деревенщине, но Елрех никак не одергивала шан'ниэрда, а, наоборот, поддерживала. Елрех же я верил; она оставляла о себе только хорошие впечатления.

— Почему ты так милостиво настроен ко мне? — прямо спросил я. Бровь задергалась, вынуждая приложить к ней пальцы.

Шан'ниэрд нахмурился. Он молчал несколько мгновений, буравя меня тяжелым взглядом, а затем скрестил руки на груди, застучал хвостом по штанине и поинтересовался:

— Тебя ведь еще в детстве окрестили дураком?

Меня словно в кипяток окунули.

— Какая тебе разница? — Я уперся в подлокотники, быстро вставая.

— Ну, ну, не уходи. — Он поднялся и вмиг оказался у кресла, возвышаясь надо мной, но и не подходя слишком близко. — погоди, человек. Давай просто обсудим этот феномен. Я любопытный исследователь, оторванный от своего дома и занятия. И все из-за обещаний глупой человечки, которая бросила нас в отвратительном городе в неизвестном, утомительном ожидании. Я скажу тебе прямо: она меня раздражает, а вот ты, несмотря на расу, восхищаешь.

— Если она тебе не нравится, скажи ей об этом так же прямо. — Я все-таки попытался встать еще раз, но Ромиар выставил перед собой руки, показывая раскрытые ладони — никакого амулета в них не было. Почему-то это подкупило.

— Послушай, — мотнув рогатой головой, сказал он требовательней, — в твоей проблеме может скрываться решение моей.

О чем он говорит?

— У меня нет проблем, кроме тех, которые возникли из-за твоих обещаний. Эта не Асфи обещала мне силу, а ты. И вот скоро полнолуние, а мы до сих пор сидим на месте и чего-то ждем.

— Я говорю о другом, — он беззаботно отмахнулся. — О том, что тебя считают дураком.

— Зря я сюда пришел, — выдохнул я; во мне нарастала злость. — Пойду разыщу Елрех, она не считает нужным макать меня в гниль, которая живет во мне.

— Нет, сядь! — приказал Ромиар. — Сядь, духи Фадрэгоса! Дай мне возможность нормально изъясниться. Уж прости, что я не имел опыта дружить с низшими расами и мне трудно не опуститься до заискиваний! Тебя ведь они обидели?

— Я не обижен.

— Хорошо, уязвлен. — Он потер губы и жестом попросил подождать. — Я не хотел, Кейел. Помоги мне подружиться с тобой.

Я поддался уговорам. Он без промедления ухватил ближайший стул и поставил его напротив. Сел на него так, что мне стало неудобно в кресле. Есть существа, созданные роскошью, те, которые даже в деревне, в грязи, будут нести с собой роскошь. Нести ее в себе. Я из других, я никогда не стану ровней ни Ромиару, ни Тигарду.

Ромиар сцепил руки в замок, закинул ногу на ногу и, обмотав хвостом одну, по привычке застучал по ней белой кисточкой. Выдохнув пару раз шумно, опустил голову и заговорил:

— Не люблю ходить вокруг да около. Знаешь ли, привык приказывать. Послушай меня, Кейел, я наблюдал за тобой еще в деревне, и никак не мог понять, почему тебя считают дураком. Не злись, — мгновенно попросил и, обводя пальцами свои щеки, пояснил: — Когда ты злишься, у тебя сильно напрягаются скулы.

Я попытался расслабиться и отстраниться от его слов, словно они касались не меня — это всегда немного помогало. Он наверняка не хотел упускать возможности, поэтому продолжал говорить в спешке:

— Еще собирал сплетни. Я ведь благодаря им многое понял о тебе, но еще больше о жителях Солнечной. У тебя никогда не возникало мысли, что это не ты дурак, а все вокруг тебя дураки?

Я сглотнул, глядя на него. Воспоминания обид, вызванных непониманием и оставшихся далеко позади, испортили настроение. Тогда я был ребенком и все обходилось обычной поркой, иногда запирали на несколько рассветов в холодной кладовой. Да, такие мысли и стали постепенно разрушать мою жизнь и жизнь моей семьи. И эти мысли, и многие другие... Скверные мысли.

— Ты можешь рассказать, с чего все начали считать тебя... — Он не закончил вопрос — хмыкнул и поморщился. — У меня едва язык поворачивается называть тебя дураком.

Во мне от его слов рождалась надежда, но вспоминать все равно ничего не хотелось. Я долго забывал, учился не присматриваться к миру, и это давалось трудно, а теперь... Вот — сидит передо мной исследователь, беловолосый шан'ниэрд, и хочет услышать от меня ту чепуху, которой в детстве была забита моя голова. Я вырос, а избавляться от скверных мыслей становилось лишь сложнее. Ими хотелось делиться, их хотелось отстаивать, но я понимал, что за этим последует.

— И чем тебе это поможет? — тихо спросил я и гораздо громче добавил: — Знания о моем позоре и скверном разуме, чем они тебе помогут?

Он хлопнул себя по лбу и широко улыбнулся.

— Да, это верно, — смеясь, произнес он. — Прошу тебя откровенничать со мной, но даже не объяснил, почему для меня это так важно.

Я против воли улыбнулся — так не шел ему этот образ простака. Умирующее Солнце проникало в комнату и подсвечивало белые волосы, делало серую кожу теплее. И в этот же миг я будто смутно узнал в нем кого-то другого. Такое чувство иногда возникало, будто я уже проживал этот миг. И вот сейчас передо мной сидел кто-то, кто был важен мне и у кого я многому научился. Я откуда-то точно знал это. И теплое чувство... Могут ли быть воспоминания о ком-то так сильны, чтобы переноситься из жизни в жизнь? Но миг ушел, и передо мной остался только беловолосый шан'ниэрд.

Я выдохнул разочарованно и, устроившись в кресле удобнее, заметил:

— Ты переигрываешь.

— Я не хотел, — он мгновенно перестал улыбаться.

— Я не упрекаю, — успокоил я, — а подсказываю. Ты попросил о помощи, сказал, что хочешь подружиться. И я помогаю.

Он некоторое время сидел с серьезным видом, а затем снова улыбнулся, но куда более естественно. Постучав пальцем по серому лбу, сказал:

— Видишь, я уже забыл об этом, а ты запомнил, да еще и подстерег момент, чтобы припомнить. Я не говорю, что только это и есть показатель твоего ума... — Снова хмыкнул. — Опять отхожу от темы. На самом деле, боюсь, что ты сбежишь. Ты вспыльчивый. Кулаками, как я понял, размахиваешься не всегда, но от разговоров убегаешь часто.

— Не люблю выслушивать оскорбления.

— Наверное, я не смогу тебя понять. За всю мою жизнь меня оскорбляли только две девушки, — он усмехнулся. — Чувствую, мне еще предстоит проникнуться этой несправедливостью.

Только две девушки... Он постоянно сидел взаперти, в доме, где богатство приедается и за пару рассветов.

— Это сложно? — полюбопытствовал я. — Жить взаперти.

— Я думаю, ты и сам знаешь, каково это.

Его вопрос застал врасплох. Еще не осознав его, я понял, что он странно отзывается во мне. Я опустил голову.

— Кейел, твой случай не удивительный для Фадрэгоса, — голос исследователя звучал так, словно он извинялся, — но так сложились обстоятельства, что я разглядел его только в Солнечной. На твоём примере. Я стал сторонним наблюдателем за вами и скажу тебе опять же прямо: для меня вы там все идиоты.

Он сложил руки лодочкой и поднес к губам. Ненадолго закрыл желтые глаза, а после сказал мягко:

— Я не унижаю деревенских. Это говорит не мое высокомерие, а моя обида. Ты ведь уже расспрашивал, чем я занимаюсь в гильдии. Ты, как пришел в себя после болезни, каждый рассвет интересуешься исследованиями, будто у тебя имеется масса вопросов ко мне, но ты никак не наберешься смелости задать их. И я сомневаюсь, что тебе мешает страх. Думаю, в нас с тобой корни проблем сидят гораздо глубже. Они где-то там, — нахмурившись, постучал по лбу. — Тебе с детства говорили, что ты глупый и у тебя... скверные мысли? Это ведь не твои слова. Кто так назвал твои мысли?

— Мне не нравится этот разговор, — вместо ответа признался я.

— Никому не нравится, когда кто-то расковыривает нарыв. И мне тоже не нравится, Кейел. Они, — Ромиар склонился и вдруг, указав на дверь, перешел на громкий шепот, — свалились мне на голову, когда Луна была в самой силе. Приставили кинжал к горлу и толком ничего не объяснили. Асфи... Эта человечка не стала сразу говорить мне о своих планах, а лишь создала вокруг рой вопросов. Она ушла, а я остался один на один осознавать, насколько это может быть правдой: я — и Вольный. Ты видишь меня? — Выпрямился, вскидывая рогатую голову. — Разве я похож на Вольного?

Я усмехнулся. Мне не удавалось представить себя Вольным, а его и подавно.

Аня

Это все с самого начала было лишь в моих фантазиях.

Замок из песка стоял у лазурного берега моря. Волны накатывали, освежали, умиротворяли, удерживая огонь внутри — стремление к свободе, тягу к выходу за рамки. И замок этот был выше меня, больше, крепче. Мой замок. Волны не могли навредить такой громадине; они лишь питали его влагой, склеивали песчинки. Я жила в этом замке: из одних окон любовалась морем, на котором люди — такие как я, но лучше, — сияли счастьем. Глядя же в другие окна, выходящие на острые скалы, замыкалась в себе и быстро отворачивалась, стремилась забыть, что видела. Кого видела... С детства училась не замечать их. И каждый раз, как кто-то подводил меня к этому окну и заставлял смотреть на давящую размером и чернотой скалу, злилась, ругала прозревшего и уходила, вина его в нарушении моего спокойствия, придумывая ему ругательства.

Я жила в грезах.

Иногда резалась о подсохшие песчинки, начинала озираться пугливо и задаваться вопросом: какой смысл жизни в этом замке? Ходила по нему, придумывая способ открыть тяжелую дверь, ведущую к морю. Там — на берегу, залитом солнцем, — веселились те, у кого хватило сил и ума открыть дверь своего замка. Они смогли, а я нет.

И тогда я шла посмотреть на другую сторону — взглянуть мельком и быстро-быстро отвернуться. У острых скал от тяжелого труда гибли другие. Они сами виноваты, что разрушили свой замок вместо того, чтобы аккуратно открывать дверь. О них даже думать не хотелось. Я просто знала, что никогда не стану такой, как они.

А потом мой замок выбросило в пустыню... Он высох. Ветер срывал песчинку одну за другой и смешивал с колким песком под ногами. Как теперь собрать замок и именно из своего песка? Как уберечь стены и склеить их снова? Слез для этого не хватало, а ветер был неумолим. И в этой пустыне все было иначе — ни моря, ни скал... Не осталось и стен.

Однако Фадрогос не просто уничтожил мою уютную фантазию — он мешал создать новую.

— Что же в этом плохого? — спросила я.

Остановилась, выпуская из рук ногу мертвого мсита. Запрокинула голову к ясному небу. Ну и пекло! Вытерла пот, стекающий прямо на глаза, и потрясла воротником рубашки, хоть как-то охлаждаясь. Дарок не стал ругать за заминку и позволил отдохнуть. Выпрямился во весь рост, красуясь полуголым атлетическим телом, и зацепился пальцами за пояс.

— Мышцы болят? — спросил он, замечая, как я мну плечо и руку до локтя.

Болели не только руки, а все тело. И даже не из-за тренировок, которые для существа с любой подготовкой не проходили бы легко — васоверги тренировались на износ. Но все сражения мы прекратили еще несколько дней назад, а их заменили тяжелый труд и диета, постепенно подошедшая к полному голоданию.

— Немного, — призналась я.

— Надо будет размять перед ритуалом, — добил меня рогатый изверг. И ответил на мой основной вопрос: — А духи... что в них хорошего, Асфи? Они изнеживают и защищают слабых.

— Они уравнивают, — осторожно заметила, стараясь не разозлить Дарока неосторожными словами. — Это справедливость.

— Какая-то дерьмовая справедливость у тебя. Уравнивают, — протянул он с ухмылкой и сплюнул на землю. — Слабаков с сильными. Путают они, Асфи. Сила — это же не о размахивании кулачищами. Она у нас внутри, — застучал по груди. — Эта сила позволяет нам править, и это правильно. Вот как было хорошо тогда, когда никто духов не знал? Я тебе рассказывал, как было! И правильно это было! Согоры мудро правили, и с нами они считались. Никогда нас за дураков не держали.

В эту секунду из-за дома показались остальные васоверги. Архаг нес на плечах тушу барана, Норкор и Гахсод волокли огромного мсита. Дарок заметил, что я отвлеклась на них. Поморщился, не находя во мне явной поддержки, снова сплюнул и, кивнув на нашу тушу, произнес:

— Потасили дальше. Солнце умирает, а мы еще и половины не перенесли.

Я повела плечами, улыбнулась в ответ на ленивую улыбку Архага и снова ухватила за толстую ногу мсита.

За прошедшие дни, которые я прожила под одной крышей с «интеллигенцией» васовергов, мне

удалось узнать о низшей расе больше, чем за все время скитаний по Фадрэгосу. Все эти предубеждения по отношению к ним рушились, прямо как замок из песка, высохший без воды и оказавшийся под сильным ветром.

Они были... простыми? Нет, они оказались сложнее многих других рас, с которыми мне доводилось общаться. При этом с ними было просто, как ни с кем другим. Они были злыми, но добрыми; они были грубыми, но мягкими; их желания были понятными, но сложными для принятия. Эти парадоксы возникали в жизни с ними на каждом шагу. И в итоге быстро утомили... Пришлось признаться самой себе, что я легко поддаюсь предубеждениям и так же, как и остальные, боюсь, когда мой замок, созданный стереотипами, рушится. Как бы мы ни стремились к свободе — когда оказываемся предоставлены сами себе, боимся жизни без рамок. Быть может, еще — ответственности. Или Дарок прав: даже сильные боятся собственных слабостей. И чем слабее существо, тем громче он защищает свой замок.

Васоверги уже не удивляли меня. Но я внимательно впитывала их знания, старалась проникнуться их волнениями, чтобы обрубить в себе желания навязать им правила своей жизни. Эта их жизнь, культура, дом — их замок. И они без чьего-либо вмешательства сами раз за разом разрушали его до основания. Они жили свободными, не позволяя пепелищу под ногами остывать.

Война васовергов оказалась не так проста, как виделась фадрэгосцам, не вникающим в ее суть. Мародеры вновь убивали друг друга — что необычного? Однако услышанные причины войны стали неожиданностью для меня. Васоверги разделились между собой на несколько сторон: одни хотели впустить в свою жизнь духов; вторые, под предводительством Дарока, отвергали эту идею; старый вождь прятался за своими воинами, не мог прекратить вражду, но и не хотел уступать свое место сильнейшему; остальные — мелкие группы, вроде тех, что образовывал Фаррд, просто наживались на междоусобице.

— Он точно прилетит до того, как все это стухнет? — прокряхтела я, дотаскивая тушу к нескольким другим. — И было бы проще убивать скотину прямо тут, а не волочь ее по всему двору.

На мою подсказку Дарок фыркнул, как самый настоящий конь — протяжно, да еще и заржал в конце.

— Видела же, как приходится удерживать мсита, пока не сдохнет. — Он без моей помощи подтянул тушу еще ближе к куче и наконец бросил. — А теперь представь, что его придется отпустить, потому что Хайко вдруг прилетит. А если недобитая скотина к дому поперет? Мне дом еще нужен.

Я извиняющееся свела брови вместе, вспоминая разрушенную стену возле городских ворот. Именно молодой дракон Дарока, ядовитый Хайко, и пробил ее. Как восторженно рассказывали васоверги — у Хайко был первый полет и первое приземление. Бедняга просто еще не знал, как тормозить и воспользовался постройкой, которая удачно под него подвернулась. Кстати, остальные васоверги тоже говорили на общем языке, но очень плохо и неохотно. По крайней мере до того момента, пока окончательно не привыкли к моему обществу и не убедились, что я не струсила перед их загадочным риуталом. Мне сказали, что я должна буду поговорить с Солнцем, простить себя и очиститься от слабости. А когда уйдет слабость, Солнце заполнит освободившееся во мне место своей яростью.

Кейел

Солнце почти умерло, когда мы разговорились. Комнату затопил красный свет, тени то серели, то темнели, расплзаясь из углов.

— Я сразу и не понял, почему она за меня заступилась. — С улыбкой вспоминал я. Ухватился за подлокотники и вытянул удобно ноги. — Как раз отвлекся и увидел кинжал в руках Тамнора.

— Это тот, что к Лери сватается? — перебил Ромиар.

Он уже пересел на диван, который слуги по первому же приказу перенесли к столу ближе. В руках шан'ниэрда мерцал хрустальный бокал с красным вином. Свой бокал я поставил на край стола.

— Да, тот самый.

Захотелось запить гнев, опустошив бокал залпом, но я постарался отойти от неприятной темы, вернуться к той, что вызывала добрые чувства.

— Асфи угрожала всем и сказала что-то такое... Что-то о совести. Да, наверное, о совести, потому что я тоже устыдился и опомнился. Потом нас прогнали, и парни оставили меня в покое. Решили, что я сам не доберусь до Солнечной.

— Почему? — Белые брови сошлись на серой переносице. — Ты вообще никогда не уходил из деревни?

— С дедом только. Когда был совсем мелким. Он по молодости состоял в гильдии лесников и многому учил меня, пока не отрекся от всей нашей семьи.

Ключий ком встал в горле, и я все-таки запил его большим глотком вина — не особо сладким, но с приятным пряным послевкусием. Вино расслабляло и, как это бывало часто, развязывало язык. Наверное, стоит сдержаться от пьяной болтовни... Или пусть. Пусть стану выглядеть в глазах очередного существа дураком и... Пусть узнает о моих многочисленных сценах позора, выслушает скверные мысли, раз ему интересно, а потом отворачивается при встрече. Как бы он сейчас меня ни расхваливал, его отношение переменится сразу же, как только он узнает меня лучше. Никто не оставался прежним.

— Он из-за тебя отрекся? — без подсказок догадался Ромиар. Он продолжал хмуриться — без злости, просто от непонимания.

Я кивнул, опуская взгляд на вино и наклоняя бокал в разные стороны. Хрупкую тонкую ножку, оплетенную серебряными листочками сломать не хотелось, но пальцы сжимались все крепче и крепче. Скулы сводило. Я понял, что собственную злость прятать уже бесполезно. Да и надо ли? Пусть уважаемый видит меня во всей красе.

— Он до последнего за меня заступался. — Горло сдавило; голос и без того неприятный, грубый, охрип сильнее и при каждом слове царапал изнутри. — До того момента, пока меня перед всей деревней не заставили признаться, что я дурак, что мне просто нравится всех злить. После моих слов он впервые сам назвал меня дураком и ушел из нашего дома. Больше он ни с кем из нас не заговаривал.

Ромиар хмыкнул, укладывая на спинку дивана затылок. Задумчиво смотрел на потолок, освещенный Охарс, а затем произнес:

— Я не слышал о твоём дедке. Никто в Солнечной мне о нем не говорил.

— О нем не любят говорить. — Я быстро отставил бокал, пока не расплескал остатки вина в дрожащей от злости руке.

— Почему? — взглянув на меня, любопытствовал Ромиар.

Я пожал плечами. Ответ, который напрашивался сам собой, выдавить из себя не получалось — во рту мигом пересыхало, а челюсть становилась чугунной.

— Его уважали? — Ромиар потянулся за бутылкой. Долил себе вина и молча предложил мне.

— Уважали. — Я подставил бокал и наблюдал, как он быстро наполняется до краев. Отпив половину, отставил вино.

— Значит, его дураком не считали. Умный человек не считал дурака дураком... Понятно, почему о нем не вспоминают. А ты, Кейел, понимаешь?

Я зажмурился. Даже кивнуть было тяжело. Они не могли признать его правоту тогда, а сейчас не хотели лишней раз давать себе для этого повод.

— Понимаешь, — протянул Ромиар утвердительно, будто мог заглянуть в мою голову. — Не представляю, какую силу воли надо иметь, чтобы насильно заставляя себя глупеть. — Усмехнулся, разглядывая кончик своей косы. — И ты спрашиваешь у меня, каково живется взаперти? Думаешь, мне было расти хуже, чем тебе?

— Я не считаю, что насильно делал себя глупее. Ты просто... — Я облокотился на колени. Разглядывая беловолосого шан'ниэрда — уважаемое существо, — не знал, какие лучше мысли рассказать ему, а о каких промолчать, чтобы он лично не отдал приказ убить меня этой же Луной.

— Что просто, Кейел? — он склонил голову к плечу; белый кончик хвоста изогнулся и застучал по колену.

— Я могу создавать радугу, — выдохнул я. Пусть смеется.

И он усмехнулся, хоть и пытался скрыть веселье. Уголок губы так и остался приподнят. Желание что-либо доказывать ему быстро пропадало, снова росло внутреннее бессилие.

— Многие знают, как приманивать духов радуги, Кейел, — мягким тоном произнес он. — Пусть мы так и не узнали их имен, но и они не несут никакой пользы в жизни. Развлечение для детишек — и только.

— Это не духи! — Обида взяла свое; я вскочил с кресла.

Он назвал меня ребенком! По сути — дураком. А если он прав? Какой же я идиот, что выбрал эту мысль первой. Нет. Нет, ему нельзя ничего рассказывать. Никому нельзя, чтобы не опозорить семью на весь Фадрагос. Не подставить родителей и Лери с нашим ребенком. Нельзя позорить Солнечную. Я сжал кулаки и направился к двери, но, видимо, вино ударило в голову, вынудило остановиться. Однако опоздал — Солнце погибает...

Горькая ухмылка рвалась наружу, скверный разум боролся, портил мысли, и устоять перед ним не получалось.

Погибает ли?.. Или оно тоже живо лишь в наших головах?

— Я хочу увидеть, как ты создаешь радугу, — вдруг произнес Ромиар, напоминая о себе. — Как ты ее делал?

Он подобрался на диване, выпрямил спину и, высоко подняв подбородок, рассматривал мое лицо. Былой насмешки в нем почему-то не осталось. Сердце билось быстро, горячило кровь, поддерживало злость, а вместе с ней и скверну. Я вернулся к креслу, но не смог сесть. Успокаивал себя шагом: от стола до стены — и обратно.

— Был праздник, — начал я, прижимая кулак ко лбу; в глазах темнело, голова кружилась. — С полей собрали богатый урожай, в короткий срок удачно повалили лес, в целых семнадцати домах скотина дала приплод, а из города вслед за уважаемой семьей пришло множество горожан. Но затянулся зной, и все жители Солнечной, давно знающие причуды гор, с опаской поглядывали на них. Все собранное могла отнять река. Тогда мой отец встал у костра и высказал подозрения, что в горах могут прятаться изгой или фанатики, ведь Шиллиар плачет там так часто, как должно плакать только над острогами. Он всех перепугал.

Я остановился и взглянул на Ромиара. Он, сцепив руки в замок и подавшись вперед, слушал внимательно. Пусть слушает, пусть рассудит. Возобновив шаг, я продолжил:

— Тогда меня считали обычным ребенком, а на мои слова мало кто обращал внимания. Часто просто смеялись и объясняли, почему я не прав. Но деду мои детские вопросы нравились. Он много ходил по Вечному лесу и повидал многое. Нам с ним нравилось фантазировать на... — сглотнул, обдумывая, стоит ли уточнять. Стоит. — На скверные темы. Мы размышляли: «а что если мир не такой, как мы привыкли видеть?» Он говорил, что слишком долго смотрел на все общим зрением, а я могу развить другое.

— Ересь, — не то сказал, не то поинтересовался Ромиар. — Безумство? Прости. Кем был твой дед?

— Думаешь, фанатиком? — я криво улыбнулся, замедляя шаг. — Нет, уважаемый, он состоял в уважаемой гильдии лесников, пока не влюбился. С моей бабкой они ушли в лес еще молодыми, жили отшельниками, а потом прибились к Солнечной и нашли там свое место. Там родился мой отец, а моя мать пришла туда из другой деревни. Они подарили мне, неблагодарному скверномыслящему сыну, жизнь.

Лишнее... Об этом рассказывать не стоит, это причиняет боль.

Я потер шею и заставил себя сесть в кресло. Посмотрел на сосредоточенного шан'ниэрда и вернулся к основной теме:

— Тем праздником перепугалась вся Солнечная. Зная прошлое моего деда, они доверили ему дело: выяснить, кто прячется в горах. Он дождался, когда сильнейший гнев Солнца пройдет, потому что... — я замолчал, когда снова отошел от темы к скверным мыслям. Однако глотнув вина, договорил: — Это уже странно.

— Что странно? — Ромиар прищурил желтые глаза.

— Все повторялось. Гнев Солнца и слезы Шиллиар. В этих горах есть огромная местность, где все повторяется. Но обсуждать это не обязательно. В деревне мне на этот вопрос давно дали ответ. Они объяснили мне, почему все повторяется — жара, дождь, прохлада, жара, дождь, прохлада...

Спина заныла, хоть и давно зажила. Остались только рубцы.

— И почему у вас там все повторяется, Кейел? — Ромиар развалился на диване.

— Из-за жертвоприношения фанатиков. Они ловят существ и с каждым рассветом все сильнее истязают их, а в конце убивают. Тогда-то Шиллиар и льет слезы, чтобы Солнце не сожгло наши земли.

Ромиар задумчиво промычал, пригубил вина и спросил:

— А ты что думаешь?

— Я думаю так же.

Я думаю так же, я думаю так же... Они все смеялись надо мной, потому что я дурак. Тогда я думал иначе, а сейчас избавился от инакомыслия. Оно ушло с кровью и болью. Я думаю так же...

Злость вновь вскипела. Рубцы на спине запекли так, будто там рваная кожа. Они все смеялись, они все кричали, они все смотрели...

— Прикажи слугам принести воду, кружку и пустую тарелку. — Я опять вскочил на ноги; злость не давала посидеть спокойно.

Амулет призыва лежал на диване. Ромиар без лишних разговоров поднял его и сдвинул. Мы, не сговариваясь, молча ждали, пока придет слуга и выслушает поручения. Как только снова остались вдвоем, я более собрано принялся рассказывать о радуге.

— Тогда дед взял меня с собой в горы. Матушка с отцом были против, но я уговаривал деда, а он сумел настоять. Он был силен, один мог повалить здорового вепря, а уж внука на плечах пронести, если устану, и подавно. Мы не поднимались на самую гору, а шли именно туда, где Шиллиар чаще всего лило слезы. По пути нам стали попадаться странные камни. Блестящие, гладкие, похожие на стекло. Но они были разных цветов: черные, рыжие, как от песка или земли, а один и вовсе был прозрачный.

— Что это были за камни?

— Я не знаю.

— Где вы их нашли? — допытывался Ромиар, будто прослушал начало рассказа.

— Там, где сильнее всего рыдает Шиллиар, — повторил я и уточнил: — Они были в земле. Дед опасался к ним прикасаться, но один мы откапывали палками. Копали так глубоко, насколько могли. Этот камень был тонкий, вытянутый и искривленный. Уходил далеко вниз. Мы остались ночевать неподалеку от прозрачного, и ночью, когда дед заснул, я тихо отошел. Сумел отломать себе маленький кусочек и спрятал в свой узелок. Потом мы еще несколько рассветов походили в горах, но так никого и не нашли. Наверное, плохо смотрели.

Вина надавила на плечи, но обида мешала ей захватить меня целиком.

— А вы плохо смотрели? — Ромиар вскинул брови.

Удивительно наблюдательный шан'ниэрд...

Я подошел к окну и стал вглядываться в сумерки — они отражали меня. Высокого, взрослого идиота, вдруг решившего, что раз Ромиар пообещал мне силу, то обязательно отдаст ее мигом же. Теперь только время трачу, ожидая незнакомую девушку, которая заявила двум существам, что

знала их в прошлой жизни. Асфи отправилась в Васгор и уже долго не возвращалась. Наверное, она уже не вернется. Тогда к чему мы тут сидим? Может, стоит взять в долг денег у исследователя, купить подарков и с рассветом пойти домой? И разговор изматывающий закончить бы.

Однако что-то внутри заставляло продолжать беседу:

— Нет. Мы каждый булыжник осматривали. Там никого не было. Ромиар, может, я был совсем мелким, но не видел там никого. Когда мы вернулись в Солнечную, деда сразу же выслушали, но не поверили. Жители решили, что у деда ухудшается зрение, и он попросту не разглядел следы. Со временем все забыли о нашем походе, а я не мог. Думал не о фанатиках, а об этих камнях, уходящих вглубь земли. Я часто разглядывал прозрачный камень...

Радуга — развлечение для детишек? Я любовался радужным переливом всегда, как только выдавалась возможность. В моей жизни было много хорошего, но лучшие чувства рождали рассветы и радужные переливы. Глядя на них, я мог позабыть обо всем вокруг.

— Позже я заболел красной хворью.

— Что за хворь? — поинтересовался Ромиар, облакачиваясь на спинку дивана и глядя мне в спину — я видел его в отражении сумерек, застывших за окном.

— Пятна на теле. Если кто-то болеет ею, то его прячут от Солнца.

Ромиар покачал головой.

— Не слышал о такой. Я не изучаю недуги, и у меня с детства были лучшие целители.

— Неважно, — отмахнулся я, отмечая очередную пропасть между нами. Скорее всего, Елрех бы сразу поняла, о какой хвори речь. Она попроще. — Я тогда сидел дома с закрытыми ставнями. Через них бил тонкий солнечный луч. Я стал подсовывать под него камень и разглядывать. — Повернулся к исследователю, скрестил руки на груди и прислонился поясницей к подоконнику. — Ромиар, если сделать так же с твоими бокалами, радуга появится на стене.

Он мгновенно бросил взгляд на стену.

— На стене? — по интонации вопроса было сложно понять, какое настроение он в себе несет.

— Да, на стене, — подтвердил я. — А у нас все считают, что духи, вызывающие радугу, появляются только там, где льется вода.

Ромиар пытался не поморщиться, но у него ничего не вышло. Я с усмешкой фыркнул и позволил себе широко улыбнуться. Бессилие и усталость медленно отбирали силы...

— Вот и они мне не поверили. Взрослые. Обвинили деда, что он недосмотрел, когда я поднимал какое-то проклятое стекло. Камень отобрали и унесли от деревни подальше. А я решил всем доказать, что они не правы.

— И как? Смог?

— Смог, — коротко ответил я, но свесил голову и признался: — Наверное, не смог...

Наступила короткая тишина, и стало страшно, что исследователь больше никогда не станет слушать меня. А вдруг есть шанс, что хоть кто-то поверит мне?

— Это случилось гораздо позже, — вскинув голову, я продолжил говорить. — Я был уже взрослым и никому ничего не показал. Только Лери. Остальные точно убили бы меня.

Что-то изменилось в его лице; оно стало угрожающим.

— Ты ей доверяешь? — отстраненно спросил он и отвел взгляд.

— Лери многое обо мне знает, но до сих пор никому ничего не рассказала.

— И ты показал ей, что можешь создавать радугу?

— Показал. Это может любой. У нас был стеклянный кувшин, который матушка выставляла только для гостей и на семейные праздники. Мы выменяли его на деревянные фигурки у приезжих торговцев и набирали в него самые вкусные морсы. После такого праздника он сушился на столе, а мне нужно было срочно зачерпнуть воды из лохани. Я набрал в него воды и поставил на стол. И все.

— Как — все? — удивился Ромиар.

Я развел руками, направляясь к креслу. Мне нравилось, что это наблюдение вызвало у исследователя такую реакцию.

— Солнце светило на стеклянный кувшин с водой, — проговорил я, усаживаясь, — а в тени, на столе, была радуга.

— И ты показал это Лери? — он точно заинтересовался. — Что она сказала?

На сердце вновь появилась тяжесть.

— Она разбила кувшин. Сказала, что либо он из проклятого стекла, либо я научился пленять духов радуги. Она запретила мне забавляться этим, пригрозила, что расскажет остальным о моем непочтении к духам.

Ромиар вновь налег спиной на спинку дивана и нахмурился. Некоторое время сидел молча, а потом неуверенно заговорил:

— Может, Лери права: духи как-то попадают в плен, или мы...

— Может, — перебил я, подаваясь вперед. — Но тогда объясни мне многое другое, раз взялся допытывать меня. Я пытаюсь думать правильно. Всегда прилагаю все усилия, чтобы думать о духах так, как думают все. Чтобы верить, что Шиллиар... — сбившись с дыхания, потер глаза. Договорил на выдохе: — Что мы не живем в собственных выдумках, и невинные не гибнут по нашей вине как раз из-за этих выдумок.

И опять комнату заполнила глухая тишина. Где-то снизу раздался громкий голос Елрех — она всегда ближе к слугам, чем Ромиар.

— Ладно, — наконец сказал он. — Ты мог повернуть это... создание радуги на глазах у родных, а не только у Лери. Твои родители не убили бы тебя и сельчанам не рассказали. Возможно, они бы даже перестали звать тебя дураком.

— Не перестали бы, — фыркнул я, взглянув на добродушного беловолосого шан'ниэрда. Он ведь понимает, как его подбадривание глупо звучит. Лучше б уж не пытался... Но я пояснил: — Лери не перестала. Она испугалась, разбила графин и запретила пленять духов радуги. С ними было бы так же, или даже хуже.

Роми резко вытянулся, приложил к губам указательный палец, подсказывая, что нужно молчать, и принялся приглаживать волосы. Вскоре заглянули слуги, предупредили, что вот-вот подадут ужин в столовой. Старый эльф поставил на стол кружку с водой и блюдце. Сердце замедлилось, а дыхание перехватило. Я сжал кулаки, умиряя внутреннее беспокойство. Все будет как обычно. Мы каждый день видим это, но не хотим замечать или просто никто не замечает. А Ромиар... Что он скажет на то, что можно вызвать гнев Шиллиар без убийств? Если исследователь и в этот раз назовет меня дураком, тогда мне точно остается только окончательно поверить в это.

Аня

Дракон, как и предсказывал Дарок, прилетел сегодня же. Солнце медленно погружалось в пески. Мы проверяли барахливший капкан, один из многих, которые тут и впрямь раскидывали для детей... от детей? Ими защищали территорию и дом от любых непрошенных гостей: часть из них показательно оставляли наверху, но большую часть присыпали песком. Сидя на корточках, я наблюдала, как Дарок удерживает ловушку раскрытой, а Гахсод, склоняя трехрогую голову, ковыряется в несложном механизме. Огромная тень Хайко накрыла нас так внезапно, что я вскрикнула, вскочила и вытащила кинжал. Дракон промчался высоко над нами, но поднял пыль и взлохматил волосы ветром.

— Спрячь, — недовольно приказал Дарок. — Сказал же, чтоб без моего разрешения кинжал в твоих руках не видел.

Я не смогла подчиниться. Под быстрое сердцебиение провожала взглядом пролетевшего ящера и вспоминала, как стояла в пламени его старшего сородича.

— Спрячь, — повторил Дарок.

Дыхание сбилось, руки тряслись, и мне с трудом удалось засунуть чертов кинжал в ножны.

— Я не ожидала, — признаваясь, потерла лицо. — Он меня врасплох застал.

— Не бояться драконов — значит, быть безумцем, — спокойнее произнес Дарок, поднимаясь в полный рост. Отряхивая руки, признался: — Я его тоже боюсь. С молодняком особенно опасно. Они ж прям как васоверги: детьми опаснее всего, а мудреют только с возрастом.

Я подавила нервный смешок. Васоверги любили льстить себе.

— Они рождаются без дара. Знала же? — спросил Дарок, с гордостью глядя на лиловое небо — дракона и след простыл.

— Я мало интересовалась историей, а драконы — это же почти история.

— Ты не перестаешь меня удивлять. Знаешь редкие мудрости, но при том совсем не знаешь пустяков.

— Так меня воспитывали родители, — оправдалась я, окончательно успокоившись. — Жаль, что мне пришлось от них уйти.

— Да, — протянул Дарок, щуря серые глаза, — родители... Драконов воспитывают так же, как нас. Они вылупляются беззащитными. Их приходится оберегать, и тогда появляется огромный риск, что он привыкнет к ласке от рук того, кто о нем заботится. Это опасно, Асфи, ведь потом в них пробуждается сила. Она сжигает их изнутри.

— Огненные — наполняются огнем, — предположила я, — ядовитые — ядом...

И не прогадала.

— Верно, — кивнул Дарок, глядя, как Гахсод устанавливает починенный капкан. — Хуже всего, что для самих драконов эти изменения остаются незаметными. Многие, кто растил их, в итоге сгорал или травился. Пока драконы молодые, выжить можно и с отравлением, и с ожогами. Я сам видел, как огненный дракон захотел поластиться к руке своего друга. Когда виксарт, воспитывавший его, прикрылся от него рукой, дракон принял это лишь за приглашение и ткнул мордой в ладонь. У моего знакомого остались сильные ожоги, но не отдернул он руку мгновенно, не осталось бы вообще ничего. У него было видно кости, и они были черно-желтыми.

— Обугленными? — я скривилась.

— Да, Асфи. Думаю, его руку можно было жрать, как плохо прожаренное мясо. Драконов надо воспитывать в жестких рамках, но при этом осторожно, чтобы не вырастить вместо друга врага.

— Прям как наших сынов, — с сильным акцентом напомнил Гахсод. — Готово, Дарок.

— Пойдемте в дом, — одобрительно кивнув, позвал тот. И обратился ко мне: — Норкор разомнет тебе мышцы.

— Массаж? — удивилась я.

Дарок промычал, потирая подбородок.

— Кажется так. Массаж... Боль, удовольствие и отдых. Мы должны отдохнуть Асфи. Почти до самого рассвета будем только отдыхать, но поднимемся еще при Луне. Ритуал начнется с рождением Солнца и закончится с его новым рождением. Нам понадобится много сил: и тех, что у нас внутри, — он приложил руку к груди, — и тех, что у нас снаружи, в мышцах. Уже с рассветом ты поймешь все величие ритуала Ярости.

Первые мои опасения были, что у всех мужиков одно на уме — особенно у таких безмозглых бугаев, вроде васовергов — и рано или поздно они начнут приставать. Нет чести, нет чувства собственного достоинства... Но я ошиблась. Возможно, мне повезло повстречать именно Дарока с его уникальным отношением к миру, потому что с каждым днем все больше казалось, что никакой особой выгоды он от меня и не ждет, а помогает, чтобы просто помочь.

Помню, как промучилась первую ночь под одной крышей с рогатыми. Несмотря на обилие комнат, они все спали в одной. Принесли кучу сухих веток и колючек, запахнули в камин и разожгли. Очаг согревал только вблизи, а ночь с холодным воздухом быстро студила камень. Мне накидали шкур у огня так, чтобы не доставали искры и другим оставался доступ к камину для поддержания огня. Сами мужчины потеснились, милосердно предоставили мне пространство, но в итоге зажали плотным полукольцом. Сон долго не приходил. Я вздрагивала от каждого шороха за спиной. Укрываясь своим покрывалом, не выпускала из кулака рукоять кинжала и ждала, что вот-вот договор будет нарушен. Я ждала беды до утренних сумерек, а затем организм устал, меня начало клонить в сон.

Дарок разбудил меня затемно, и я подскочила, суматошно нащупывая кинжал на шкурах. Тогда васоверг с понимающей ухмылкой продемонстрировал его в своей руке. В то утро он разрешил мне спать дальше, предупредил, что ему нужно по делам. Оставив меня одну с запасом еды и воды, запер на все замки и ушел. В тот день они вернулись лишь после обеда, когда я устала считать черепа в доме и от скуки легонько барабанила чьими-то костями друг о друга, вспоминая земные мотивы песен.

Вторая ночь грозила повториться бессонницей и вечным ожиданием беды. Если бы только Дарок не заговорил... Я уверена, что он знал о причинах моего беспокойства, поэтому рассказал то, что не было ни для кого в Васгоре секретом. Тогда я лежала, подперев рукой щеку и смотрела на огонь. Васоверги еще не спали — я и настораживалась по ночам только тогда, когда чей-то громкий храп резко замолкал.

— Моя мать хотела помочь мне, — сказал Дарок.

Я нахмурилась и опять сжала кинжал. Убеждала себя в мыслях, что в этот раз не выпущу его из рук, что в этот раз я не потеряю оружие.

— Она была из благородных эльфиек. Уважаемая девица.

— Кому ты это рассказываешь? — спросила я, переворачиваясь и приподнимаясь на локте.

Свет от огня плясал на каменных стенах, желтил васовергов с грязными оттенками кожи, показывал их причудливый способ сна: невидимые духи воздуха — единственные духи, кого признавали васоверги, — держали их туловища в воздухе. Длинные рога почти касались пола, и казалось, что стоит кому-то мотнуть головой, раздастся скрежет, но духи служили надежно и предано. Дарок, скрестив руки на груди, полусидел и смотрел на огонь за моим плечом. Остальные тоже оживились, почему-то с осторожностью поглядывали на меня.

— Тебе, — ответил Дарок.

Могла бы и не спрашивать... Однако остальные тоже слушали с любопытством, будто в первый раз.

— Моя мать — безгрешная душа, добродетельная женщина — хотела мне помочь, — повторил он. Серые глаза наполнились танцем огня, губы едва заметно двигались. — У Норкора тоже мать была добродетельной — она хотела его убить перед тем, как его бы выбросили в кандар'рхор, но отец зашел проведать сына. Он девицу и прирезал, а Норкора тем же вечером выбросил на улицу, взростеть.

Низкорослый васоверг, о ком шла речь, тоже скрестил руки на груди и равнодушно уставился в потолок.

— У Гахсода мать была пленницей. Отцов у него много, а мать откупила появлением его жизни на свет и ушла. Нам всем не повезло, кроме Архага. — Черноволосый васоверг самодовольно улыбнулся и стал почесывать волосатую грудь. Дарок, ни на кого не отвлекаясь, продолжал делиться подробностями их семейных драм: — Его мать шлюха. Давать не любит, а рождает легко. Вот и берет деньги не за ночи, а за сыновей. Выкармливает их молоком, растит, пока не окрепнут, а потом сама же относит в кандар'рхор. Пусть будет здорова она. Счастливые у нее сыновья, да, Архаг?

Черноволосый ответил незамедлительно, но на их языке. Спросить у Дарока, зачем мне эти знания, я не решилась. В итоге дождалась логичного окончания:

— А мою отец взял силой. Он возвращался в Васгор со своими воинами, увидел две повозки и охрану. Наемников убил, а девку увидал, и — духам ясно, — яйца у него зачесались. Стал торговаться: девку забирает, остальных отпускает. Мог бы и сам ее забрать, но хотелось старому вояке, чтобы она добровольно отдалась. А она гордая, плюнула ему в лицо. Он ее там же и поимел перед всеми, а потом остальных перед ней выставил и убил.

Я голову опустила, пряча отвращение.

— Потом она меня родила. Полюбила и додумалась, дура, — скрежетнул зубами, — со мной сбежать. Спряталась в деревне у Края мира, куда никто не приходит. Думала, что васоверги ее не найдут. А им и дела до нее уже не было, им важно было меня вернуть.

— Разве твой отец не полюбил ее с первого взгляда? — Я изогнула бровь; эти слова дались с трудом. Об их методах воспитания и говорить не хотелось.

— Не обманывайся, мы все любим красоту или заботу. Заботы он от нее никогда не видел, а от красоты ее что тут осталось?

Резонно. В грязном городе крови больше, чем воды, даже помыться негде. Естественно, вслух я этого не сказала.

— Она сбежала — и скверна с ней. Но она меня забрала. Когда и до той глуши слухи дошли, что васоверги уже на подходе к деревне, что ищейки взяли след беглянки, она отдала меня старику и старухе. Доверила людям, а сама ушла, след увела. Я тогда только лепетать мог да сиську материнскую сосать. Это мне потом дед со старухой правду рассказали, когда я чуть было не убил двух парней немногим старше себя.

— За что?

— А они со мной дружить не хотели, — он ухмыльнулся. — И смеялись надо мной, вечно пальцем тыкали. Я и знать не знал, в чем провинился. Да, рога, да, плети из рук растут, да, не так красив, как другие, и да, мать бросила. Да разве ж это преступление? О себе я знал только то, что мне позволяли знать. Но кровь наша, васовергская, она другая, Асфи. Она землей этой, — он постучал ладонью по полу, — долгими периодами вращивалась и напивалась. Я был сильнее, я мог многое, что и взрослые мужики не могли. А надо мной смеялись, меня сторонились. Не будь у меня этой силы, — до скрипа сжал кулак, — неизвестно, чем бы обернулась моя жизнь. А так я терпеть не стал. Но из деревни меня попросили уйти.

— И ты ушел? — теперь я слушала внимательно.

— Ушел не сразу. Своих родителей — тех, кто меня кормил и воспитывал, — бросать не хотел. Мне было больно с ними расставаться. Но они поступили честно, пусть и сильно опоздали: они рассказали мне всю правду. Они плакали, ковыляя со мной до самого леса и обнимая напоследок. Мы знали, что больше никогда не свидимся. И я — васоверг — тоже плакал, оставляя стариков одних. Я ведь с каждым рассветом, пока у них жил, вставал и шел проверять, не померли ли. И как дожили-то до таких периодов? Потом мне без них пришлось несладко. Гахсод подтвердит. Подтвердишь ведь?

— Он, как ты, язык один знал, — мгновенно подхватил трехрогий, с паузой подбирая слова. — Я учил его.

— Он доброту проявил! — отметил Дарок.

— Редкое везение — такой васоверг на пути в беду, — проговорил Архаг.

— Он был младше, когда я наконец нашел кандор'рхор. Это наша среда взросления, Асфи. Васовергу нельзя без нее. Она учит нас выживать, укрепляет и позволяет понять, кто мы есть на самом деле. А вы живете с дурью в голове, себя не зная и только оглядываясь на других. Моя мать хотела как лучше, а в итоге едва не обрекла мою жизнь на страдания. А теперь засыпай, Асфи, и не смей просыпаться до тех пор, пока я не подниму тебя. Знай, что если б мы хотели навредить тебе, то сделали бы это сразу. Я принял тебя в своем доме, кормлю тебя, терплю тебя, а тебе и этого мало, чтобы доверять мне.

Те опасения исчезли той же ночью. Нет, я не выпустила кинжал из руки, не перестала просыпаться от каждого шороха. Однако почему-то эти откровения позволили увидеть в головорезах разумных существ. Наверное, поэтому спустя несколько дней я запросто входила в их дом, ночевала с ними под одной крышей и спрашивала обо всем, что меня интересовало. Если васоверги могли ответить — они всегда отвечали, в ином случае прямо говорили, что я сую нос не в свое дело.

Поздним вечером я сидела у камина, прижимая к груди рубаху, пока мозолистые руки Норкора царапали спину и плечи. Сначала от силы, с которой он мял мышцы, было больно, приходилось стискивать зубы, но вскоре боль уступила место жару, а позже и вовсе захотелось разлечься удобнее и стонать от удовольствия. В это время Гахсод стучал склянками, что-то разводил в них, разливал. Дарок и Архаг, сидя за столом, пили горький отвар и о чем-то говорили на васовергском.

— Следующей Луной поешь, — внезапно прокаркал Норкор. И ущипнув над лопаткой, добавил: — Быстро теряешь плоть.

— Вес, — поправила я. — Теряют вес, худеют.

— Худеют, — повторил он. — Следующей Луной перестанешь худеют.

Я усмехнулась, но исправлять не стала. Он, подпортив настроение, внес условие:

— Только выживи.

— Я не чувствую голода, — я поспешно перевела тему от риска и возможной смерти. Как выяснилось, нельзя обойти законы там, где их практически нет. Придется выбрать противника. — Желудок перестал болеть, и теперь я ощущаю сытость просто от питья.

— Скоро нельзя будет пить.

— Помню.

И все ради того, чтобы ничего лишнего не занимало тело во время ритуала. Звучало красиво — солнце напитает яростью все, что свободно. Но я понимала, что все куда банальнее: мне не приспичит по нужде в ответственный момент.

Из двора донесся шум, отвлек от болтовни. Дарок с улыбкой что-то громко произнес, а потом перешел на общий:

— Хочешь посмотреть на Хайко, Асфи?

Меня едва не передернуло, но ради приличия я не отказалась. Отвернувшись от мужчин к камину, натянула на себя рубашку. Облегченно вздохнула, когда узнала, что во двор к ящере выходить не будем, а понаблюдаем за ним из окна. Дарок пропустил меня первой, но предупредил, чтобы не заслоняла его.

— Нас он знает и узнает даже в темноте, а ты ему не знакома. Пусть видит меня рядом с тобой и чует наши с тобой запахи.

Тяжелая ладонь лежала у меня на пояснице, согревала через рубашку, нервировала. Прежде чем всмотреться в ночную мглу улицы, я повернула голову и, глядя в ласковые глаза Дарока, прямо сказала:

— Не хочу показаться тебе грубой, но твоя рука на моей спине меня смущает. Я не знаю, что этим жестом ты проявляешь.

— Хочешь наполнить мой жест смыслом? — он улыбнулся шире. — Каким?

Сердце мигом обратилось в твердый уголь. Я провела пальцами по подоконнику, собирая ими каменную крошку и обдумывая, как отшить главаря.

— Эта могла бы быть забота о подопечной или подруге, — медленно произнесла, наблюдая за ночной трапезой дракона. — Такая же забота, как ты проявляешь к своим васовергам. Но ты ведь не кладешь на их поясницы руки?

— Не кладу, — он шумно вздохнул через нос, чуть сводя пальцы, но оставил все, как и было.

Вокруг дракона — тонкого, изящного и гибкого — светилось зеленое облако яда. Он вел концом хвоста — и в воздухе оставался едва заметный след. Хайко и дела не было до того, что творилось в доме. Разместившись на просторном заднем дворе-пустыре, он прижимал лапой туши, с громкими чавканьем и хрустами отрывал от них куски и жрал. Изумрудные глаза иногда сверкали ярче яда и каких-то вкраплений на туловище и сложенных крыльях.

— Думаю, — продолжила я более твердым тоном, вспоминая, как мы с Кейелом стояли под пламенем дракона, — ты не проявляешь заботу о своих васовергах через прикосновения, потому что уважаешь их. Я тоже хочу твоего уважения, Дарок. — Повернула голову, снова находя серые глаза. — Позволь мне его заслужить.

Он не смутился. На лице, изуродованном шрамом, не дрогнул ни один мускул. Однако рука

перестала греть кожу.

— Как тебе мой Хайко, Асфи? — спросил Дарок так, словно не пытался только что со мной заигрывать.

— Теперь я понимаю, откуда в твоём голосе гордость, когда ты говоришь о нём, — я тоже стала щедрее на похвалу, а улыбка растянулась самая настоящая, искренняя. — Только ему ещё расти и расти.

— Вырастет. Я все для этого сделаю.

Кейел

В первое мгновение я не поверил Ромиару. Он выглядел озадаченным, пока стряхивал капли с тарелки. Хмурился, насухо вытирая ее. Сам попросил Итъял подогреть воду, которая даже не успела остыть, и опять накрыл кружку. Ждал, не отрывая от нее пристального взора и барабана когтями по столу. Увидев, как тарелка дрогнула, отозвал духов и зажмурился. Он не спешил, позволяя воде остыть. Затем присел перед столом на корточки и двумя руками осторожно поднял тарелку — капли воды собирались на дне, тяжелели и падали.

— Сколько раз я это видел? — задал он вопрос, на который ответ не требовался.

Вера в успех пришла только тогда, когда он попросил меня сесть и поделиться с ним мыслями. Как он выразился, рассказать свою теорию. И я рассказывал. Начал с того же похода в горы с дедом. Объяснил, что замечал повторение жары, холода и даже ветра. Не заметил, как разоткровенничался, позволяя себе без остановки фантазировать о том, что такое Шиллиар. И Ромиар тер виски, когда я говорил, что над нами может быть такой же стеклянный купол. Что земля везде пропитана влагой по-разному. Возле Солнечной есть и озера, и реки, а ветер почему-то часто дует в горы. Он кивал, соглашаясь, что, возможно, там поднявшаяся к небу вода собирается в большем количестве и остывает.

— Об этом нельзя никому говорить, — строго произнес он, сидя напротив и глядя на пол.

Мне об этом можно было не сообщать. Я узнал это правило еще в детстве. Многие мысли, озвученные вслух, приносили только наказание. Когда-то, когда я умел считать только до двадцати, я рискнул подсказать отцу, что можно вести подсчеты слез Шиллиар, сберегая засева полей от воды. Тогда он выбил мне два зуба. На их месте выросли новые, но я знал, что эти последние — больше не вырастут.

Нас дважды звали ужинать, но Ромиар прогонял слуг и полушепотом допытывал меня обо всем. Я мог в любой момент встать и уйти, но вместо этого сидел и надеялся, что этому шан'ниерду удастся вытянуть из меня по зернышку абсолютно все, что я с трудом забывал.

— Кейел, я тебе не враг, — громким шепотом заверял он. — Твои односельчане тебя не жалели: они мне многое рассказывали из того, о чем ты сейчас молчишь. Они, видимо, думали, что я сам решу сдать тебя гильдии Справедливости и буду судить за ересь. Теперь я хочу разобраться, где правда, а где сплетни старых идиотов. В одном они только правы: о таких вещах нельзя говорить во всеуслышание. Твои теории могут разделить существ, а это приведет к войне.

— Тогда как быть? — Я нахмурился.

— Идти с ними к мудрецам, — предложил Ромиар, подняв на меня желтые глаза. — Они найдут способ, как повлиять на существ, чтобы те ничего не заметили. Нельзя ничего открыто навязывать, нужно сделать так, чтобы существа были уверены, что они и сами всегда так думали, и их мысли всего лишь подтвердились.

— Но ты можешь выслушать и даже поверить. Неужели остальным так трудно?

— Я исследователь. — Уголок серой губы приподнялся. — Но должен признать, что даже среди нас большая часть любит жить предрассудками, считая при этом себя умнее других. Просто есть верховные и их приближенные. Я, — он воровато оглянулся на дверь, — состою в этой маленькой части. Как тайная гильдия в гильдии. Туда приглашают только тех, кто способен принимать на веру абсолютно все, а потом исследовать и проверять. Нам с тобой повезло, что Асфи привела меня к тебе.

Наступила неловкая тишина. Впервые в жизни я слышал, что кому-то мои наблюдения важны. Облокотившись на колени, я заправил пряди за уши и свесил голову. Разглядывая узор шерстяного ковра под ногами, набирался силы провалиться в прошлое. Сердце замирало, дыхание перехватывало.

— Когда-то мой отец решил помириться со мной. Накануне ссоры я как раз хотел рассказать ему о Шиллиар. А он и слушать не стал — сразу отвел в кладовую и запер. Я, как обычно, ждал, что с Луной мне принесут поесть, попить и ведро. Но про меня забыли. Я слышал за толстыми дверями шум и смех родителей, все ждал, что они вспомнят обо мне. Он вспомнил только спустя два рассвета. Думаю, что на самом деле обо мне вспомнила матушка, у моего отца из-за тяжелой работы всегда было плохо с памятью, — зачем-то соврал я, оправдывая его. Для Ромиара или все еще для себя? — Ему было стыдно, поэтому он пообещал, что выслушает меня внимательно и, если это снова скверные мысли скверного мальчишки, никому не расскажет.

— Он не сдержал обещание, — выдохнул догадливый Ромиар.

— Не вини его. Я осквернил величие Шиллиар и обесценил его щедрость. Отец бы сдержал слово, если бы не такой грех.

— Это был тот закат, да? — спросил Ромиар, и я внутренне вздрогнул. — Мне говорила старая эльфиорка, что в тот день из тебя наконец удалось выбить скверные мысли.

Я сглотнул и, не смея поднимать головы, кивнул. Пряный запах цветущих яблонь, колея под лунным светом, лай собак, множество Охарс у дверей домов, острые камешки под босыми ногами...

— Он волок меня за волосы и созывал всех из домов. По его указанию на берегу реки развели костер и вбили два столба. Матушка плакала, стыдила меня и спрашивала, доволен ли я теперь своим длинным языком. Они собрали всех, отец принес пенек и велел встать на него, а затем просил повторить, что я говорил ему.

— Они секли тебя.

— Не только. Я умолял его остановиться, но старики говорили, что скверна должна выйти с кровью.

Глава 17. Ритуал Ярости. Внутренние оковы

Аня

Пробуждались васоверги всегда затемно и как заведенные шли на улицу встречать рассвет. Удовлетворяя собственное любопытство, я иногда наблюдала за ними, но зрелище было мало интересным. Рогатые рассаживались на расстоянии друг от друга на землю, устраивались удобнее и молча встречали рассвет. Как только кромка огненного диска отрывалась от горизонта, мужчины на своем языке благодарили солнце и расходились по делам.

Это утро наступило гораздо раньше...

Меня подняли ночью — за окном еще ярко мерцали звезды — и сразу всунули в руки что-то холодное и мокрое. В камине тлели угли, на стенах чадили факелы. Под скудным светом удалось разглядеть на ладони ни то разваренный бобовый стручок, ни то жирного богомола. Под скользкой кожей виднелись и вроде бы шарики бобов, и странная консистенция зеленого цвета. Рыбья икра? Зеленая?

— Ешь, — приказал Дарок, стоя неподалеку и вооружаясь. — Оно горькое и противное, но ты должна проглотить.

Я окинула всех присутствующих в комнате внимательным взглядом. В это мгновение Архаг как раз вытаскивал из склянки такую же ерундовину. Стараясь не уронить, уложил на ладонь и быстро опрокинул в рот. Зажмурился, сжал кулаки и передернулся, как зверь от воды.

Недолго думая, я повторила его подвиг. Горло свело, словно в него засыпали ментола, рот онемел, меня пробрал озноб.

— Это поможет, — с улыбкой сообщил Дарок, пока я старательно дышала через нос — даже легкие разболелись, наполняясь ледяным воздухом. — Солнце не будет вредить тебе, но сможет проникнуть в тебя.

Я перевела для себя — неизвестная ерундовина должна защитить от солнечного удара.

Пока переживала тошнотворные ощущения, Дарок ухватил со стола миску и подошел ко мне.

— Мое разрешение, — произнес он, пачкая толстые пальцы в алой жиже. — Не забыла?

Я подставила ему лоб, смахнула запыленные, невымытые сосульки прядей. О знаке меня предупреждали: кровь васоверга, дающего свое покровительство представителю чужой расы, смешивали с соком местного кактуса, превращая ее в стойкую краску, а затем рисовали символ — герб войска, к которому васоверг принадлежал. На смоченной коже быстро появилось вяжущее ощущение, по которому угадывался треугольник. Закончив, Дарок отбросил миску на стол. Вытер руку о тряпку и кивнул на меховой сверток, перетянутый кожаным шнурком и белеющий на моей лежанке из шкур.

— Надень, — сказал он и направился за остальными на выход.

В меховой шкуре лежали легкие тряпичные брюки, короткая майка и вязанная, кажется, шерстяная туника сеткой. Мелькнули опасения, что такой подарок принимать не следует, но я тряхнула волосами, а уже через несколько секунд стягивала кожаные штаны, не стиранные духи знает сколько. С сожалением о том, что сама не имею возможности элементарно окунуться в озеро или реку, надела новую одежду и улыбнулась. Когда в последний раз у меня был повод порадоваться? Вот уже и просто парочка вещичек вызывает благодарность и восторг.

Взглянув через окно на улицу, в очередной раз задумалась, стоит ли брать с собой куртку. Дарок предупредил, что во время ритуала нельзя отвлекаться на жару, снимать вещи, говорить, пить, елозить. Днем будет жарко, после обеда поднимется зной, к вечеру станет легче, но прогретая земля не позволит остыть. А ночь... Архаг хлопал меня по плечам и говорил, что ночью мне некогда будет мерзнуть — будут бои, будет праздник. Куртка не нужна...

На задней стороне дома вход вел на другую его половину, где находились сараи. Обычно они простаивали, но иногда туда сводили купленную и раздобытую грабежом скотину на недлительный срок. Потом, подсчитывая дни прилетов и отлетов Хайко, ее убивали и складывали для него на большом свободном участке. Для сегодняшнего ритуала в сарае тоже сберегли зайцев и животных с трудновыговариваемым названием. Больше всего они напоминали мне крохотных викуний: ростом всего лишь мне по пояс — и это с головой, тонконогие, большеглазые, с забавной мордочкой. Именно их тащили на ритуал, потому что они не издавали ни звука: ни блеяний, ни лая, ни хрюканья, ни фырканья — ничего, кроме редких тихих вздохов. Когда васоверги рассказывали для чего они, я искренне порадовалась, что никогда не питала особой слабости к зверям. Васоверги

выводили их, удерживая за цепь метра полтора-два в длину — железный ошейник на тонкой шее врезался в светлый мех, а на другом конце свисал острый кол. Норкор отдал мне одну цепь, наставляя свою жертву вести самой. Я приложила кол к руке — он лег от пальцев до локтя, а тяжелый был, словно целый меч держала.

— Ничего не забыла? — спросил Дарок, одной рукой подтягивая к ногам животину, а второй — отдавая мне оглушенного, еле живого и крепко связанного зайца.

— Пиала, кинжал, — перечислила я, перехватывая зверька за задние лапы. — Остальное ты братъ запретил.

Дарок кивнул и тяжелой поступью направился вдоль трофеев к воротам.

Ночь не отступала. Звезда, которую тут называли, душой Щедрого Таррила ярко горела на востоке. Как только она начнет меркнуть, можно считать про себя минуты — солнце начнет вставать спустя двадцать. Ветерок подул сухой прохладой, мазнул волосами по шее и щекам, скользнул по животу и пробрался под короткую майку, заканчивающуюся на ребрах. Кожа покрылась мурашками. Сквозь темную сеть шерстяной туники рука не пролезала, но запросто провалилось бы куриное яйцо. Наверное, после дня под палящим солнцем в таком виде у меня будет загар в решеточку. Я безразлично зевнула, поежилась и ускорила, проскакивая в ворота вслед за васовергами.

Пока лязг замков тревожил тишину, я прислушивалась к звукам из района, соседствующего через дорогу. Кандар'рхор — ужасное место, которому мне никак не удалось подобрать земной аналог. Взрослеющие в этом районе дети, маленькие васоверги, теснились под крышами обветшалых домов. Они сызмала знали правила, установленные взрослыми. Им разрешено выходить за пределы своих владений, разрешено воровать, убивать, насиловать, грабить, лишь при двух условиях: первое — никто из них не должен быть пойман, второе — если одного поймали, например, рядом со свежим трупом, он ни за что не должен сдать остальных. Из-за одного умрут все. Открытые убийства собратьев — прерогатива яростных васовергов; ярость появляется только после ритуала, а ее количество и наличие доказывает побежденный враг.

На дороге молча выросла колонна воинов. Каждый шаг отдельного васоверга бряцал оружием и железными пиалами, закрепленными на поясе. Звенели цепи, «викуньи» цокали копытцами по твердой, не знающей влаги, земле. Мы примкнули к толпе и продолжили путь бок о бок с безмолвными участниками грядущего ритуала. Спустились до самой городской стены, там свернули в кандар'рхор на широкую улицу, полностью покрытую дощатым настилом. Многочисленный топот зазвучал громче, привлек зевак.

Юные васоверги пользовались неспешно уходящими покровами ночи, прятались в тенях, жались к стенам, вытягиваясь на носочках. Другие осторожно выглядывали с крыш; их глаза хищно блестели. Но никто из парней не осмеливался подойти близко.

В верхнем Васгоре — территория города, где без разрешения могли жить и гостить другие расы, — к нам с каждой улочки потянулись бесчисленные вереницы желающих заполучить ярость Солнца. Среди них изредка встречались эльфы, фангры, шан'ниэрды, люди. Остальные выглядывали из окон домов, выходили к дверям. Все хранили нерушимое молчание.

В пустыне, раскинувшейся за городом, коротко провыли шакалы и замолкли. Редкие деревья с толстой остроконечной листвой стояли неподвижно, отбрасывая причудливые тени — в них мерещились монстры с растопыренными пальцами. Ветер шелестел, катая песок, выше вздымал пыль, поднятую неисчислимыми парами ног. Темной лавиной мы двигались на восток, где острыми клыками ошетились горы. Издали они казались невысокими и стоящими неподалеку, но мы двигались и двигались, а черные пики лишь росли, словно собирались пронзить ясное небо и нацепить на себя звезды. Тем временем звезды отказывались гаснуть.

Предрассветный сумрак немного сгустился, когда мы поднялись на предгорье и вошли в ущелье. Через метров триста оно резко закончилось — горы с обеих сторон сменились бездонными обрывами. Плавно-извилистая дорога, шириной в десяток метров, уводила выше. От края веяло опасностью и неминуемой смертью. Ветер уже не шелестел — посвистывал прямо у обрыва, похлопывал штанинами и выл за спиной в горах. На каменном плато в первые секунды полегчало, спало внутреннее напряжение. В последующие — навалилась тяжесть на плечи, одолело чувство собственной ничтожности. Абсолютная пустошь тянулась бесконечно вперед: лишь редкие трещины под ногами и сколы небольших ямок. Казалось, твердую почву тысячелетиями обтачивал ветер, следил на ней вихрями, рисовал зигзагообразные узоры, снова и снова, каждый день безостановочно шлифовал ее.

Осторожный тычок в плечо привел в себя. Архаг кивком указал поспешить за Дароком, исчезающим за множеством крепких мужчин, и с улыбкой похлопал по спине.

Вскоре под ногами стали просматриваться большие круги; они чернели через каждые несколько

метров. Пока васоверги молча входили в них и устраивались, мы шли дальше. Дарок уводил нас к самому обрыву.

Душа Щедрого Таррила стала терять яркость; небо принарядилось лиловой дымкой. Ветер немного усилился. Следующим прикосновением к плечу и выразительным взглядом Архаг обозначил, какой круг мне занять. До обрыва осталось совсем немного. Некоторые васоверги проходили дальше, оставляя нас за спиной. Дарок опускался на колени в кругу прямо передо мной. Рядом с ним устроился Гахсод, а Норкор и Архаг разместились по сторонам от меня. И хоть Дарок рассказал буквально все, что мне нужно делать, я все равно наблюдала за васовергами и повторяла их действия, стараясь не ошибиться в порядке.

По кайме круга неаккуратными росчерками были нанесены символы на драконьем языке. Днями ранее Дарок рисовал мне каждый на песке и заставлял запоминать. Солнце с лохматыми завитушками чернело на земле передо мной — прямо на востоке. На него я уложила связанного зайца. От этого солнца тянулись тонкие желобки, связывались с другими символами, а от них сходились к центру. Слева — там, где на часах была бы двойка, — был начертан символ источника. Зажав под мышкой кол с цепью и послушной животиной, я отвязала пиалу с пояса и поставила на него. На символ оружия положила кинжал. Оглянувшись, мигом отыскала символ жертвы, с давно оставленным и затвердевшим углублением от многочисленных колов. Расчистив ладонью символ от пыли, воткнула в него свой кол. «Викунья» с тихим звоном потащила цепь за круг, направилась изучать территорию, обнюхивать голый камень.

Я села в центре на колени и, наблюдая за окружающими, стала ждать. Васоверги недалеко впереди еще только занимали места, готовились к ритуалу, остальные сидели смиренно и смотрели на угасающую звезду на востоке. Колени упирались в твердый камень, медленно немели, мелкие камешки превращались в острые иглы. Я поерзала — пятки неприятно впились в ягодицы, носки придавило, большой палец хрустнул. Нервный вздох удержать не вышло. Посмотрев на обездвиженного зайца, на черный глаз-пуговку, отражающий предрассветное время, я прогнала недовольство. Мне еще не так паршиво, как зверю.

Время тянулось.

Моя «викунья», прогулявшись в доступном ей пространстве, поплелась навстречу «викунье» Норкора. Сумев сблизиться настолько, насколько позволяли цепи, они стали облизывать друг другу мордочки и шеи. В больших глазах не было страха, не было даже понимания происходящего, но отражался мир. На душе сделалось паршивее. Хотя казалось: куда уж больше?

Небо розовело и теплело, горизонт рыжел. Тупые «викуньи» вылизывали шерстку друг друга. Вспомнилась моя Вольная...

Почему она?

Вспыхнули вина, стыд и — хуже всего — сострадание. Оно внезапно одолело. Сидя в огромной толпе васовергов, я ощутила себя одной в целом мире. Желание вскочить и броситься к кому-нибудь поближе, заговорить с кем-то, стало невыносимым.

Сегодня мне придется убить... Не впервые. Я уже видела смерти, убивала сама, отправляла Вольную на смерть, в конце концов, сама умирала. Но вот сегодня снова... И снова дурно, как в первый раз. Под ложечкой сосет. Быть может, от трехдневного голода? Наверное. И голод терпеть мне приходится не в первый раз, но на севере он был сложнее.

Луч мигнул на горизонте и на мгновение исчез, а вскоре засветил непрерывно, заставляя прищуриваться и опускать голову. Сальные пряди тяжело свисли, налипли на щеки; грязная шея и затылок зачесались, но прикасаться к себе не хотелось. Да вроде бы уже и нельзя.

Солнце медленно всходило. Васоверги тянули к нему шеи, подставляли лица теплым лучам, смотрели с хмурым прищуром и сжимали кулаки, лежащие на крепких ногах. Я пыталась прочесть по лицу Архага, о чем он думает: казалось, ему было больно, и он просил прощение.

Солнце оторвалось от горизонта, и васоверги зашевелились. Я последовала их примеру. Кинжал обжег ладонь холодом. Мех зайца согрел ладонь второй руки; крошечное сердце заколотилось в большой палец, вмиг заразило бешеным ритмом и мое, стряхнуло с него каменную крошку. Пульс в запястье отдался в локте и в плече, жилка в шее оглушила гулким эхом в ушах. А что если ритуал Ярости что-то большее, чем просто причуды фадрагосцев? Почему я не задумалась об этом раньше?

«Викуньи» любовно терлись мордочками. Сколько невинной крови прольется сегодня?

Нахлынувшие чувства вмиг оборвались равнодушной к страданиям нуждой. Она напомнила: я не могу обмануть ожидания Елрех и Роми.

Заяц дернулся из последних сил, пересилив зелья, смог коротко взвизгнуть и издать сип. Зафыркал

с кровью; глаз-пуговка открылся шире, запечатлел в себе рассвет. Вот и встретились смерть и рождение. Ручеек чужой, уходящей жизни растекся по нарисованному солнцу, впал в желобки и стал лениво пробираться дальше.

Я оглянулась, словно в вязком сне, — васоверги умывались.

Затаив глупую надежду, я испачкала руки — они запросто окрасились кровью. Предали меня.

Я смотрела на них долгие секунды, изучая редкие чистые участки. Когда-то так я сидела над фантомом Кейела и старалась разглядеть кровь на чистых руках... Глупые вопросы вскружили голову. Как же так все изменилось? Когда? Зачем я это делаю? В кого я превращаюсь? Что бы сказал Кейел, увидев меня?

«Ты любишь все усложнять»... Люблю. И тебя, безумно непростого человека, люблю.

Я выдохнула, избавляясь от земных оков, в очередной раз выросших призраком далекого прошлого.

Кровь смочила щеки и губы, запах железа пощекотал нос, сладковатым привкусом осел на языке. Подул ветер, освежая. Я чуть опустила веки и, запрокинув голову, подставила ему лицо. Кожу начало медленно стягивать. Перед глазами застыли неподвижные крепкие фигуры воинов, сидящих на коленях. У многих из них рога едва ли не доставали до земли, у некоторых плети не были намотаны на руки — валялись длинными веревками на земле, блестели острыми бритвами на концах. Впервые появившись в Фадрэгосе, я спутала васоверга с человеком. Впервые появившись тут... Сколько же времени прошло с тех пор?

Солнце размыло силуэты, обняло их лучами, ослепило меня до слез. С ним нужно говорить. Как? Кто в здравом уме начнет говорить с солнцем? Дарок сказал, что это доступно любому существу — Солнце не разделяет нас по внешности и крови, ему важно, какая у нас душа.

Нельзя усложнять. Хватит.

Поговорим, Солнце? О чем мы с тобой могли бы поговорить? Может, мне пожаловаться тебе на свои несчастья? Или рассказать тебе о своих планах?

Кулаки непроизвольно сжались — отросшие ногти впились в плоть, я поморщилась и, фыркнув, усмехнулась. Посплетничаем о Повелителях? Я расскажу тебе, какие моральные уроды правят Фадрэгосом и какую хрень они наворотили в моей жизни. Надеюсь, они подслушивают мысли. Надеюсь, им не понравится.

Кейел

Солнечный свет медленно застилал просторный двор перед особняком. Ветерок гнул травинки, приносил цветочные ароматы с клумб. Листва высокой липы перешептывалась над моей головой, укрывала меня от посторонних глаз. Я сидел на земле и, перебирая травинки, любовался рассветом. Должен был радоваться ему, как любой фадрагосец, но не мог. Солнце рождалось — великое и красивое событие, важное для каждого живого существа. Тогда почему вместе с искренней любовью к этому явлению всегда одолевает скорбь? Рассвет — это не потеря — приобретение. Я наверняка люблю рассветы: и сердце бьется медленней, и с каждым стуком разносит тепло и приумножает его. Но не любовь поглощает меня, уносит глубоко в раздумья и чувства, не она отрезает меня от реальности. Скорбь, печаль, тоска — тягучая дыра внутри, которая создает без причин болезненную безнадежность, и почему-то я всякий раз стараюсь ощутить ее снова.

— Опять тут?

Я встрепенулся и растер лицо, стараясь вырваться из волшебства рассвета. Елрех остановилась на дорожке неподалеку и, прикрыв рукой глаза, повернулась к востоку.

— Не могу спать долго, — сказал я, вставая и вылезая из укрытия.

— Это хорошо, добрый человек. Работа легче дается с рождением Солнца, а с Луной быстрее приходит крепкий сон. Поможешь мне?

Елрех посмотрела на меня, и я с готовностью кивнул. При взгляде на ее мрачное лицо и в особенности глаза, сердце дрогнуло, охватил страх.

— Думаешь, Асфи не вернется? — полушепотом спросил. Как я вернусь в деревню ни с чем? Как объяснюсь с родителями и Лери?

— Не говори чепухи. — Белые брови сошлись на переносице, на голубом лбу проступили синие морщины; в серых глазах появился воинственный блеск. — Я уверена, что эта странная девица укоротит рога всем васовергам. Видел бы ты, как она ударила уважаемого Ромиара.

— Как ударила? — представив эту картину, я опешил. Не желая выглядеть дураком, стал суматошно отряхивать штаны от налипших травинок.

— А вот так, — усмехнулась Елрех, тоже отводя свои штанины и изучая их, словно сидела вместе со мной, — сказала ему, что ударит, и ударила.

— Что он натворил?

— Ничего.

Я все-таки замер и позволил эмоциям проявиться. Елрех рассмеялась. Тряхнула белыми волосами и с широкой улыбкой произнесла:

— Ты мне не поверишь, хороший человек, но когда я узнала ее получше, поняла, что она считает людей многим выше других рас.

Ноги потяжелели, руки, наоборот, полегчали. Меня охватило удивление такой силы, что я не мог сдвинуться с места и даже просто что-нибудь сказать. Да и что можно сказать на это? Вспомнились деревенские девчонки, вспомнился Тигар — высокий, золотоволосый эльф. Лери так часто восхищалась цветом его глаз. *«Как будто Шиллиар застыло в чистом ручье. Ты когда-нибудь видел такие глаза, Кейел?»*

— Это ведь беловолосый шан'ниэрд. Даже не эльф, — произнес я, отступая в листву липы.

Сережки и листья погладили выбритую щеку, одаривая бескорыстной лаской. Новорожденное Солнце засияло ярче, краем задевая косые крыши домов. Еще полшага — и оно спрячется за соседний дом, уйдет из узкого просвета, но потом быстро поднимется над городом.

— Я не вправе рассказывать о ней, — скрестив руки на груди и тоже наблюдая за Солнцем, гордо произнесла Елрех. — И Ромиар поступил дурно, наплевав на ее пожелания, утаить от тебя ее слова о твоём прошлом, но это на его совести. Когда Асфи вернется, сам и полюбопытствуешь у нее, откуда у нее нетерпимость к другим расам.

— Тебя и Ромиара она любит, — заметил я, вспоминая, как и сам много раз украдкой видел отношения чужаков между собой, и о чем сплетничали Лери и матушка.

— Любит, — с улыбкой согласилась фангра. — Но, как я поняла из бесед с ней, мы ее любовь заслужили. — Рассмеялась низко. — Представляешь, простейший человек Кейел, подобная тебе

человечка милостиво приняла нашу любовь.

— Чудачка, — прошептал я, опасаясь, что кто-нибудь услышит в голосе восхищение.

Аня

Вестница тоже живое существо! Слышите, черствые вы нелюди?!

Я не отрицаю, что была слепой. Слепой!? Кто придумал эту идиотская формулировку?! Мне просто нужно было зарабатывать, как все! Ну может, чуть больше... На Земле это важно, там счастье проще измерить в деньгах, а на прочее просто не остается времени. Духи Фадрэгоса...

Я закрыла глаза рукой. До сих пор не прозрела?.. А как прозреть с чувствами внутри? Я ведь не Вольная, чтобы опустить этот рубильник.

И уж давай начистоту, Солнце: было бы проще лишиться меня чувств, а затем измываться. И мне проще для принятия происходящего, и им проще. Или Повелители побольнее сделать хотели? Чему я должна была научиться? Только ли увидеть, чем могут обернуться некоторые поступки и куда приведут отдельные дороги? Не верю! Вот просто не верю! Отказываюсь верить!

Солнце, поднимаясь все выше и выше над горизонтом, оставалось безучастным. Но оно было тут единственным объектом, который казался живым. Может, еще «викуньи», но на них смотреть не хотелось. Только извращенец будет привыкать к своей жертве, чтобы в конце концов убить ее.

Я опустила голову. Поднесла руки к лицу; они затряслись сильнее. Сквозь пелену слез размывались грязные пальцы; кровь засохла и спрятала тонкие линии. Кажется, по ним в другом мире гадали. Для чего? Чтобы узнать о завтрашнем дне или о далеком будущем — спешили глупо прожить жизнь. Тогда я понимала жителей того мира, теперь не понимаю никого. Твои Повелители, Солнце, все отняли, даже понимания не оставили.

«У меня отобрали семью и будущее, имя опорочили, гордость разбили. Я топталась на осколках, пока не привыкла к боли. Пока не отреклаь от всего, что любила в себе»...

Я усмехнулась, растирая одинокую слезинку между пальцев. Теперь мне есть за что себя любить, но это и вправду не мое. Он подарил мне больше, чем рассчитывал. И в итоге...

«...потеряв все, я обрела путь к вере. К самой сильной вере, какую только можно придумать».

Мне не за что благодарить Повелителей, Солнце. Если я кому-то что-то и должна, то только Кейелу и себе.

Кейел

Я громко чихнул, прикрывая нос. Пыль в подсобке стояла такая, что казалось помутнело в самих глазах.

— Кейел! — раздался голос Ромиара от дверей. — Елрех, ты решила пристрастить парня к алхимии? Донесу до твоего сведения, что у меня на него другие планы.

— А ты у него об этих планах интересовался? — спросила Елрех, просыпая через сито толченые грибы.

Ромиар стоял на пороге и морщился, прикрывая воротом шелковой рубахи нос. Я закрутился на месте: все — стол, лавки у стен, полка под крошечным окном, кадки, ведра, ковши — абсолютно все покрылось бело-лиловой пылью. Поднял голову и убедился: даже веники сушеных трав, привязанных к потолку, придется отряхивать.

— Да, — громко прогнусавил Ромиар, — и ему все нравится. Духи Фадрэгоса! Эта пыльца еще и жжется! Мои глаза, моя кожа — все начинает гореть! Это нормально, я не покроюсь волдырями?

— Где ты слышал, чтобы раздражение от гриба аутукко было нормальным явлением? — удивилась Елрех и отступила от стола, давая мне подступ к наполненному ушату. — Он вызывает опухлость всего, с чем соприкасается и сушит глаза до такой степени, что их потом можно смело вытаскивать из глазниц и использовать, как амулеты. Никогда не видел таких, уважаемый?

На стремительно бледнеющего Ромиара стало жалко смотреть, а Елрех, напротив, посинела, явно сдерживая хохот. Я покачал головой, но решил не вмешиваться — не убьет же полукровка беловолосого шан'ниэрда в его же доме. Поднял тяжелый ушат и понес к нескольким мешкам, прислоненным к стене у выхода. Ромиар шарахнулся от меня подальше, а фангра все-таки расхохоталась.

— Что смешного? — оскорбления точно рвались из напуганного Ромиара, но он вовремя сомкнул губы и стиснул их до побеления.

— Не бойся, напыщенный шан'ниэрд! Лучше подойди ко мне, — позвала Елрех, зазвенев склянками у подоконника, — да побыстрее. Пока твои глаза еще способны видеть.

Он вопросительно посмотрел на меня, сжимая кулаки и размахивая хвостом.

— Иди, — тихо подсказал я, с улыбкой кивая в сторону Елрех.

Ромиар мгновенно заскочил внутрь, подошел к ней и остановился рядом, нетерпеливо следя, как она ищет нужное зелье. Я отвлекся ненадолго, пересыпая грибную муку в мешок. Хотел было сказать Елрех, что наполнен четвертый, но застыл.

Елрех внимательно капала зелье из флакона в ложечку. Так осторожна и сосредоточена, что наверняка ничего не увидит... Ромиар, словно позабыв о смертельной опасности, медленно поднес руку к густым волосам фангры, лежащих на ее спине. Почти прикоснулся к ним, но, украдкой бросив на меня взгляд, отдернул руку. Еще раз посмотрел на меня как-то стыдливо и уже не прятался. Я улыбнулся ему, стараясь не придавать значения случившемуся.

— Сейчас выпей это, — Елрех протянула ему ложку, — а на дальнейшее запомни: я не зря ухожу так далеко работать от жилых комнат. Прежде чем входить, стучись.

— Я уже в собственном доме не хозяин, — фыркнул Ромиар. Принимая зелье, резко взмахнул хвостом. — Кислятина какая!

— Жизнь у тебя больно сладкая, — хохотнула Елрех, — если не насолю, так хоть кислотой разбавлю.

Она привычно тряхнула волосами, но совсем непривычно опустила веки и отвернулась. Неужели кокетничает?

— Четвертый мешок до краев заполнился? — заметив меня в углу, спросила она. Дождавшись кивка, удовлетворенно выдохнула: — Такой запас... Аспиды рады будут, а с тобой я выручкой поделюсь, трудолюбивый Кейел.

— Не откажусь, добрая фангра.

— Ты можешь просто попросить у меня, сколько тебе нужно, — вмешался Ромиар, поправляя воротник рубашки. — Или присоединись к исследователям, и забудь, что такое финансы. Тебе будут рады в любой лавке.

— Я еще не решил. — После долгих уговоров, которые мне пришлось выслушать от него, расстраивать его категоричным отказом не хотелось. Служить исследователем и одновременно жить в Солнечной не получится, а Лери вряд ли согласится уезжать в Обитель. В любом случае сначала нужно обсудить этот вопрос с ней.

— У тебя полно времени на раздумья, — мягко сказал он. И добавил громче: — Но у вас двоих совсем не осталось времени на работу. Подали обед, я жду вас. Но сначала вымойтесь, не травите моих слуг.

Ромиар быстро направился к выходу. Когда дверь скрыла его от Елрех, он поднес указательный палец к губам и посмотрел на меня с обреченностью, от которой сделалось страшно. Я кивнул ему с пониманием, и на его лице растянулась усталая улыбка.

В Фадрогосе никому нет покоя.

Аня

В голову припекало, и немного хотелось пить. Даже представить страшно, что бы со мной случилось, если бы васоверги не накормили меня странным стручком. К тому же, казалось, что чем жарче грело Солнце, тем сильнее охлаждалась туника. Надо будет поблагодарить Дарока после ритуала. Когда же наступит конец этой пытки?

Солнце перевалилось за зенит и неспешно клонилось к горизонту. Поворачивать к нему голову не хотелось, разбираться в таинствах непостижимого для меня ритуала — тем более. К черту все. Только вымоталась душевно, вновь и вновь переваривая все, что меня волновало. Просто осталась наедине со своими загонами и даже отвлечься не могу. О чем еще не успела подумать? О сокровищнице? Там и думать нечего... Нахожу Стрекозу, предлагаю ей найти сокровищницу вместе, выдвигаю условия — только она и самое близкое ей существо. Она согласится. Должна согласиться, если я хоть немного разобралась в фадрагосцах. Затем возвращаюсь к Елрех и Роми в Заводь, подготавливаю их к не самой приятной компании и увожу на место встречи. Кстати, место лучше выбрать мне самой и... Есть ли разница: обидится Стрекоза или нет, если я потребую с нее клятву, что она будет молчать и о сокровищнице, и о месте встречи? Надо бы разузнать о приличиях среди разбойников.

И вот впятером мы двинемся за первой подсказкой. А когда соберем все, направимся в сокровищницу. Наверное, надо будет тащить разбойников до скованных душ Аклена и Ил. Пока они будут разглядывать драконов, их можно будет убить. Их можно. Они ведь никого не щадят: ни детей, ни стариков — никого.

«Викунья» лежала на горячей земле, быстро дыша, вывалила язык и шаталась. Мои веки потяжелели; через закрытые глаза просочился солнечный свет, застилая глаза краснотой. Думая о сокровищнице, я невольно вспоминала прощение с Кейелом. Воспоминания уводили дальше, кружили голову. Духи Фадрагоса, как же он перепугался, когда я проходила другой ритуал. Он плакал. Жестокий парень плакал, уговаривая меня вернуться к нему.

«Аня, прошу тебя, стань сильнее»... Стану, Кейел, обязательно стану.

Привиделись холмы долины, с двух сторон зажатые горами, а на них силуэт. Перепуганный ящер с радужным оперением и Кейел весь в крови... Васоверги хотели мести. Единственные разумные существа в Фадрагосе, кто не боялся разозлить духа-покровителя Вольного. И вот я среди них. Среди твоих обидчиков, Кейел. Духи Фадрагоса, каким же ты вернулся после встречи с ними... Шея в высохшей крови, рваная, липкая куртка, избитое лицо, измученная улыбка и нежный блеск в глазах... И руки берегут воспоминания о прикосновениях к тебе, а они, эти воспоминания, согревают изнутри. Как и в первый раз, я боялась причинить тебе боль, трогая раны и кровоподтеки. А помнишь, первый раз? Этот ужасный коготь. До того дня я не видела увечий страшнее. И кровь. Столько крови на крохотную подсобку — слишком много, Кейел. Слишком много страданий на тебя одного. А им все было мало... Повелители решили наказать тебя еще и мною. Я сожалею, родной. Мне так жаль.

Прости меня.

Кейел

После плотного обеда хотелось лечь и не вставать, но Елрех предложила пойти с ней в город, и я с радостью согласился. Во-первых, мне нравилось гулять по улицам шумного города, рассматривать его жителей, заглядывать в торговые лавки. Во-вторых, я не привык видеть, чтобы женщины работали столько, сколько работала Елрех. И в этот раз она, не попросив ни у кого помощи, нагрузила двухколесную повозку мешками с мукой и собиралась сама катить ее до лавки алхимиков. Каждый раз, когда невежливые вопросы рвались наружу, я прикусывал язык, напоминая себе, что эта девушка позорная полукровка. Наверное, ей уже давно в привычку все делать самой.

Торговец гильдии Пламени Аспидов в этом городе был безумно приятный человек, и я с удовольствием задержался у него вместе с Елрех, рассыпая муку по склянкам и мешочкам. От монет тоже не отказался — сразу запрятал пухлый кошель за пазуху. Надо было придумать, с кем передать их в Солнечную. Это была задача практически невыполнимая. К сожалению, через пару шагов Солнца задача решилась сама собой — кошель совсем исхудал. Елрех потащила меня на рынок, где заставила купить по паре крепких штанов и рубах, хорошие сапоги, куртку и даже новый плащ. Возражать настойчивой фангре оказалось невозможно; она убеждала, что поход предстоит долгим, а в пути ей некогда будет поправлять мое здоровье. И можно было отказаться, напомнить, что Асфи уже больше пятнадцати рассветов не возвращается, но глядя на улыбчивую девушку, я видел отчаянную мольбу в серых глазах. Убить надежду в полукровке мне оказалось не под силу, и я подыгрывал ей в подготовке к походу.

С другой стороны, ее слепая вера в человечку обнадеживала. А вдруг и впрямь Асфи вернется? Хотелось бы, чтобы вернулась. И пусть влюбляющегося Ромиара она уже не спасет, но нам с Елрех не помешало бы, чтобы она выполнила все обещания. Плохо лишь становилось от мысли, что меня Асфи никуда не звала и лично мне ничего не обещала. А если прогонит прочь, что делать?

Незаметно прошло время — Солнце постарело и медленно умирало. Мы вернулись домой, разошлись: я — в комнату, Елрех — с новыми зельями в кладовую. Я поднимался по лестнице, когда наткнулся на Ромиара; он стоял, опираясь на перила, и провожал фангру внимательным взглядом.

— Как прогулялись? — поинтересовался он.

— Хорошо.

— Хорошо, — выдохнул, потирая переносицу. — Если ты не устал, то я бы не отказался от твоей компании.

Я кивнул.

— Только переоденусь. — Миновав его, уточнил: — Хочешь поговорить о чем-то конкретном?

Он покачал рогатой головой и последовал за мной.

— О чем угодно, лишь бы... — Покрутил пальцем в воздухе, указывая в потолок. — С каждым рассветом труднее. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю, заметил.

И только после этих слов я вдруг действительно понял, что с ним происходит. Сердце упало в пятки, за спиной вместо Ромиара почудился мертвец. Посочувствовать ему? Сказать, что сожалею? Нет. Лучше и не спрашивать, сколько он еще будет в порядке, и не напоминать о том, какая участь его ждет. Зачем он вообще покинул дом? Только ради похода?

Духи Фадрэгоса, пусть Асфи вернется.

Аня

Ты верил мне, верил своим духам, верил в свою миссию, а теперь... Посмотри, что стало. Посмотри, чем наградили тебя Повелители. Тебя просто не стало. Поэтому-то я права — нельзя никому верить. Ни в кого верить нельзя сильнее, чем в себя и свои силы. Я. С самого начала и до самого конца есть только я. И вот если я с чем-то не справляюсь, то мне никто ничем не поможет. В этом мне импонируют взгляды васовергов, вроде Дарока. Слабым нужна поддержка, а сильные справятся и без какой-либо магии.

Моя тень росла, дотягиваясь до кинжала, лежащего на символе оружия. Колени ныли, ноги затекли и онемели, а в душе царил пустота. Так я не уставала морально даже на севере, где пробыла сама с собой гораздо дольше. Возможно, это из-за того, что там я могла отвлекаться от раздумий на дела: на поиски пропитания и тепла, да даже просто на хождение в пещере из угла в угол. А тут приходится сидеть на месте и смотреть в одну сторону.

От внезапного хора голосов я вздрогнула. Васоверги волной подхватывали, незнакомые слова песни. Дарок говорил, что петь не обязательно, да и вряд ли я бы сумела так издеваться над горлом и языком. В душе росло волнение. Утомительно долгий день наконец-то заканчивался. Пока продолжалось песнопение, я быстро прокручивала в голове все, о чем успела сегодня надумать. И приходила к выводу, что в чем-то васоверги действительно оказались правы — я снова злилась. Не от голода и перегрева я до боли сжимала челюсть, не из-за усталости тряслись руки и колотилось сердце — из-за злости. Она взорвалась с первым голосом, прозвучавшем над плато и росла, росла, росла... Вскипала с каждым горьким воспоминанием, распирала изнутри с каждым подведенным выводом. Одни потери, одна боль, один траур. С каждым шагом пути я могла приобрести ценность, но обязательно теряла что-то взамен. Феррари, Тиналь, Фираэн, Бавиль... Множество потерь. И одна утрата должна была стать наградой — Кейел. Разве я не заслужила? Разве я недостаточно разбила сердец?!

Я запрокинула голову, адресуя ненависть к Повелителям. И хохотнула, понимая, что им плевать. Ненависть заслуживаю только я — овца на заклятие. Мои тупость и упрямство разрушили все. Я все усложняла.

Дарок впервые, как уселся на колени, зашевелился. За ним следом задвигались и другие васоверги. Все подтягивали к себе обессиливших от солнцепека «викуний». Я нащупала горячую цепь, тоже дернула и удивилась, сколько силы во мне осталось. Животное не сопротивлялось: кое-как перебирая копытцами, позволило подвести себя к закоченней тушке зайца и рухнуло рядом. Кинжал согрел руку, «викунья» не сопротивлялась, под давлением второй руки послушно укладывая голову. Острый клинок чиркнул, отнимая очередную жизнь.

В этот раз крови было больше. Она брызнула, пачкая светлый мех, растеклась, заполняя желобки, промочила мои штаны на коленях. Пока «викунья» успокаивалась, рвано дыша, я гладила ее и шикала. Вскоре подставила чашу, наполняя почти до краев и вспоминая, как когда-то на севере Кейел заставлял меня пить кровь овцебыка. Наша тогдашняя ссора уже не вызывала слезы, но добавляла злости.

Наполнив чашу, я поднесла ее к губам. Сделала большой глоток и поморщилась — от металлического привкуса свело зубы, от соленого — затошнило. Умывшись остатками, облегченно выдохнула. Можно вставать. Черт возьми, можно вставать...

Полминуты пришлось двигать ступнями, чтобы ощутить их. Как только ноги пронзила сотня невидимых иголок, я встала на одно колено. Дарок предупреждал, что вставать быстро нельзя — это опасно даже для васовергов; они часто ломали ноги, просто поднимаясь резко после ритуала Ярости.

Ушло еще не меньше пяти минут, прежде чем первый васоверг впереди осмелился встать в полный рост. Он хорошенько потянулся и повернулся лицом к западу. Я последовала его примеру, окинула беглым взглядом собравшихся существ и вдруг поняла — я не боюсь. Совсем.

Раздражение, злость, затаенная радость, что Солнце наконец-то умерло, и желание побыстрее все закончить — все это перемешивалось, чередовалось, завися от внешних факторов: освежающего ветерка, зноя, исходящего от земли, мокрых штанин на коленях.

Внезапный хлопок по плечу. Тяжелый. Я оскалилась, мгновенно оборачиваясь. Архаг рассмеялся.

— Чувствует, — с довольной улыбкой произнес Гахсод, глядя на меня.

— Много Ярости впитала во время смерти? — спросил Архаг. И указал на красное пятно, размазанное по горизонту. — Еще можно впитать. Впитывай.

С другой стороны подступил Дарок. Склонился, обдавая кислым зловонием, и прошептал:

— Я укажу тебе на воина слабее. Убей его. — И посмотрел на меня, кривясь от злости. Крепко ухватил за подбородок, потянул вверх, вынуждая подниматься на носочки. — Убьешь, воинственная человечка, или подведешь?

Рывком отвернувшись, я вырвалась. Под оглушительное сердцебиение выплюнула:

— Убью!

Помяла челюсть, избавляясь от тянущей боли. Дарок вновь шагнул ко мне, а я отступила, но наткнулась спиной на Норкора. Загнанная в угол, задышала чаще. Хотелось вдохнуть свежего воздуха, избавиться от крови, опять очутиться совершенно одной и жить воспоминаниями. Снова и снова дышать ими.

— Не опозорь меня, — вполголоса произнес Дарок, глядя мне в глаза. — Если сдохнешь, я сброшу тебя с утеса и выставлю вокруг твоего тела своих воинов, чтобы ты гнила, как можно дольше. Чтобы птицы Солнца не смели освобождать твою душу. Ты поняла меня? Я позволил тебе ступить на великую землю, на самую священную землю в Фадрэгосе. Я открыл тебе эти земли.

Я нахмурилась, вслушиваясь в его речь. И с каждым словом давила в себе желание, вытащить кинжал и перерезать ему глотку. Как он смеет?

А Дарок продолжал:

— За последние рассветы я многому научил тебя, и все васоверги на священном плато знают об этом. Не опозорь меня. Я привел тебя домой, теперь не смей мешать мое имя с грязью.

— Не ты. — Я подалась вперед. Он насупился, и захотелось многое объяснить ему, рассказать, кто стал моим ключом от нового дома, кто научил меня всему, но он был не достоин этих знаний. — Не ты, Дарок. Не ты.

Я отступила, выбралась из тесного капкана тел и подошла к своей жертве. Сняла ошейник, вытащила кол и, не оглядываясь на приведших меня васовергов, направилась к сгущающемуся столпотворению в центре. Оттуда уже доносился шум, споры. Видимо, сильнейшие мужчины рвали в бой первыми.

Цепь на плече прилипла к коже, ошейник ритмично ударялся о лопатку. Каждый шаг сопровождался растущей внутренней силой — мне нужно, я должна. Справлюсь, деваться некуда. Слова Дарока набатом отдавались в голове и обижали. *Его* забыли в этом мире, о *нем* никто не помнит. Ни о жестоком Вольном, ни о ведьме, проклятой и преследуемой всем миром. О нас забыли, Кейел, когда ты просил не забывать. И я не забуду. Тем более не оскверню твое имя.

Не усложнять и быть хитрее самого опытного лжеца — что может быть проще?

За первыми сражениями я наблюдала из-за множества плеч и украдкой следила за недовольной физиономией Дарока. Впрочем, Солнце и впрямь напитало его яростью, и теперь он злился по поводу и без. А может, дело было в том, что он, глядя то на одного противника, то на другого, никак не мог определиться, кого выбрать. Пока двое самым натуральным образом избивали друг друга до смерти и кружили в большом пространстве по центру, Дарок уделил-таки мне внимание.

— Видишь васоверга с двумя рогами и отрезанным ухом?

Я высмотрела нескольких, подходящих под это описание, поэтому еще и проследила за взором Дарока.

— Он молодой и, судя по его состоянию, слабый. Должно быть, это его первый ритуал. Гахсод, — он оглянулся, — ты помнишь этого сына?

— Он тут впервые, — громко произнес Гахсод, пересиливая шум возбужденной толпы и драки. — Точно тут сдохнет.

— Как только он выйдет в круг, — опять обратился ко мне Дарок, — постарайся встать в первом ряду. Слабаки тоже будут искать слабых. Женщина, человек — мимо такой мало кто пройдет. И еще старик, — кивнул на седого васоверга с длинной косой волос на плече. — Не смотри на стальные рога. Недавно ему отбили внутренности, а несколько периодов назад пытались порезать сухожилия на левой ноге. Он хромает и неповоротлив.

Они тут все неповоротливы — я наблюдала за каждым боем очень внимательно. До ловкости Ромиара, когда он был Вольным, ни один из них и близко не дотягивал. А Ромиар, надо признать, успешно и долго учил меня и во дворце Цветущего плато, гоняя ночами по полям и болотам, и после — во время похода. И какой бы яростью ни кичились четырехрогие, она не давала им абсолютно никакого преимущества; злоба буквально лишала их рассудка.

Васоверг крупнее, уклоняясь от плети противника, упал на толпу и его оттолкнули внутрь. Он даже не остановился, бросаясь вперед и склоняясь к земле. Ухватил за ноги врага и опрокинул себе за спину. Все звуки утонули в ликующих возгласах; шея упавшего неестественно вывернулась. Он попытался подняться, но под посыпавшимися ударами ног вскоре перестал двигаться вовсе.

— Что если кому-то в конце не достанется противника? — спросила я у Архага, замечая, что взбудораженный Дарок занят беседой с хмурым Гахсодом.

— Ему придется ждать до следующего ритуала. Лучше идти среди первых — это больше ценится среди нас.

— Почему же вы не идете?

Он с усмешкой пожал плечами — вот уж кому что ярость, что радость — все весело. Прибняв за плечи, он подтянул меня к себе ближе и с жаромдохнул в ухо:

— У нас игры вождей. Мы ждем нужных врагов. Убьем их — получим преимущество в войне.

— Дарок поэтому и недоволен, что они тянут?

Он покачал головой, пугая опасной близостью своих рогов.

— Пришел еще один претендент на место главного вождя. Мы воюем с ним.

— А он не должен был прийти?

— Ни он, ни сам вождь. Этот требует, чтобы такие бои проходили с благословения и помощи духов. Дарок всегда всем говорил, что он трус, потому и не проверяет силы на ритуале Ярости. Если сейчас Гор победит без духов, то заслужит больше благосклонности воинов.

— И что, Дарок боится не справиться с ним?

Архаг округлил глаза, а затем гордо вскинул квадратный подбородок.

— Дарок никого не боится. Но мы все заранее определились с противниками. Если Гор сам вызовет Дарока, тогда смерть троих врагов от наших рук никак не повредит старому вождю. А если Дарок первый войдет в священный круг и вызовет нужного врага, то ему останется только надеяться, что Гор подохнет в бою.

Духи Фадрогоса, сплошные интриги... Я высмотрела парня, на которого указывал мне Дарок; возле того уже крутился низкорослый васоверг, толкотней и смехом в лицо провоцируя слабого воина выбрать в бой его.

Внезапно Норкор протолкнулся к Дароку и эмоционально заговорил с ним на васовергском. В центр вышел тот самый Гор, и с первым его возгласом толпа стала стихать.

— Что происходит? — я опять обратилась к Архагу.

Несколько долгих секунд он слушал речь широкоплечего васоверга, шагающего в центре и снимающего с себя куртку, затем так же, как и Норкор, обогнул меня и громким шепотом влез в разговор с остальными. Дарок жестом приказал ему заткнуться и отогнал от себя. Со свистом выдыхая воздух через нос, Архаг вернулся ко мне и, кажется, выругался.

Ухватив его за запястье и краем уха слушая отвратительную речь на васовергском языке, я повторила вопрос. Наконец-то, Архаг ответил:

— Норкор хочет выйти против Гора.

— Без вызова?

— Он гораздо слабее, ему можно. Если Гор примет вызов и победит, то, пожелав, сможет вызвать второго противника. Если победит Норкор Гора, тоже получит право закрепить такой успех.

Я потеряла лоб; кожа под краской зудела. Неприятное осознание дошло с приличным запозданием: васоверги, кто отнесся ко мне с дружелюбием, пусть и продиктованным выгодой, сегодня могут погибнуть.

— А этот чего разорался? — занимая свое время ожидания, я решила отвлечь от волнений и Архага.

— Обещает процветание, — выплюнул он, ударяя несколько раз кулаком в ладонь, — и говорит, что принес доказательства того, что не является предателем традиций. Заверяет, что, несмотря на почтение к духам, самолично обезглавил троих Вольных.

Я нахмурилась. Что?

Холод и тяжесть сначала появились в ногах, а затем стали волнами накатывать к голове. Волосы на затылке приподнялись, пошевелились за ухом. Почудилось на миг, что Кейел мимолетно коснулся губами шеи и усмехнулся. *«Мы с трудом себя понимаем, но чувства других видим наверняка»*

Важному Горы вынесли грязный мешок и, почтено склоняя голову, подали двумя руками. Я поморщилась, отговаривая себя от высокого риска. Это неоправданная и безумная идея — мстить за незнакомых Вольных. Конечно, зная их подробности воспитания и жизни, трудно остаться безучастной, еще труднее поверить, что васоверг одиночно, как он похвастался, справлялся с каждым, но нельзя лезть на рожон.

Выкрикивая неизвестные мне слова, Гор вытряхнул содержимое. В сумраке мелькнула длинноухая рыжая голова и прокатилась к краю, где исчезла за множеством ног.

Сердце ухнуло, во рту пересохло. Я осторожно шагнула вперед, надеясь не увидеть бездарную эльфийку.

Присмотреться не успела — кто-то пнул рыжую голову, словно мяч, и она скрылась от глаз в другой стороне. Меня затрясло. Вайли, Вайли, Вайли... Девочка, которую Кейел уже когда-то оплакивал над ее небрежной могилкой. Вайли, из-за которой развязалась самая настоящая война. Вайли — моя Вольная. Она должна умереть иначе, не тут, не так. Фадрэгос погибнет без нее. Мы все погибнем.

Ноги понесли меня вперед, взгляд цеплялся за все мало-мальски рыжее — сапоги, медные застежки, бронзовые наколенники, наручи, бляхи... Васоверги толкались, не пропуская. Кто-то позади попытался задержать, но я увидела рыжие волосы и без труда выскользнула из захвата.

— Асфи! — окликнул Дарок.

Я хотела обернуться, но заметила, как здоровый васоверг заносит ногу, собираясь разmozжить эльфийскую голову. Два быстрых шага в полуприседе и рывок позволили проскочить через толпу, вывалиться в круг и успеть толкнуть громилу в твердый живот. Он лишь немного пошатнулся, опустил ногу и с изумлением на квадратной морде застыл. Не теряя времени, пока все были в замешательстве, я упала на колени и стала осторожно освобождать лицо от волос. Присматриваться к шее не было ни малейшего желания, но даже поверхностный вид вызывал тошноту.

На опухшем грязном лице пестрели синяки. Из приоткрытого рта виднелся почерневший язык, цвет широко раскрытых глаз невозможно было разобрать, но одно было ясно — это не Вайли. Рыдание и смех рвались наружу, но я дышала глубоко, сдерживая охватившие эмоции. Хотелось одновременно обнять кого-нибудь, объявить ему о своем счастье и в то же время избить кого-нибудь, уничтожить, спалить. Подростку отрубили голову ради каких-то игр вождей. Единица... Никому ненужная единица, за которую скорее всего не вступились бы даже те, кто желает Фадрэгосу процветания. Кому нужны Вольные? Интересно, к нему хотя бы успели вернуться чувства, или он так и умер куклой? Наверное, хорошо, если даже не понял, чего лишился.

Над головой приглушенно гудели голоса, и я вскочила. На меня было направлено внимание толпы, Гор молча улыбался — не мне. Судя по всему, меня пытался остановить Архаг, а когда у него не получилось, следом за мной бросился Дарок. Именно он застыл во втором ряду, сжимая кулаки. Стоявшие перед ним мужчины расступились, образуя клин и предъявляя его многочисленным взорам. Смысл произошедшего дошел до меня, как само собой разумеющееся: я слабее, я на территории круга — я бросила вызов находящемуся внутри васовергу. И быть может, Гор бы посмеялся надо мной и прогнал, но, увидев реакцию Дарока и знак на моем лбу, точно не собирался отказывать слабенькой девчонке в поединке.

И плевать.

Я стащила цепь с плеча и швырнула ему под ноги. Звон отозвался приятным теплом в груди; злость трепетала в предвкушении возможности выплеснуться. Я убью урода!

Гор кивнул, развел руками — толпа возликовала; живой круг сделался теснее, забурлил, поддерживая всеобщее возбуждение. Я тряхнула волосами, невольно потрогала шею, взглядом поочередно выцепив три доказательства преданности претендента на местный трон из костей. Так хочет стать вождем? Пусть помечтает.

Васоверг воздел руки к темному небу, ловко перехватывая свои плети. В глубине души родились сомнения и опасения, привкус чужой крови, так и не исчезнувший с окончания ритуала, напомнил, что я тоже состою из плоти и крови — погибнуть могу и я. Склонив голову и наблюдая за уверенной походкой врага, я понимала — риск смерти у меня гораздо выше. Но пусть даже так — вонючему васовергу для этого придется обломать об меня рога и клыки.

Гор двинулся по часовой стрелке — я шагнула против. Достала кинжал, мельком пожалела, что так и не приобрела себе меч — он бы тут справился лучше. Следила за противником: пружинистая походка, странно вывернутый большой палец на руке, рога отливают сталью, на каждом мускуле выпирают вены. Широкие плечи, сильные руки и ноги, узкий торс — стандартный набор для васоверга.

Он атаковал первым. Плеть просвистела рядом, вынуждая уйти вправо, — бритва второй плети ошпарила руку. Теплая пульсация перебила все ощущения в теле, кровь тонкими струйками потекла к локтю. Я накрыла порез, но сразу отняла грязную ладонь, опасаясь занести инфекцию. Хохотнула, осознавая глупость собственных мыслей.

Сначала надо выжить.

Толпа превратилась в сплошную ограду из живой плоти; возгласы, крики, хлопки, свисты смешались в неразборчивый гул. Сумрак, застеливший плато, скрыл детали, позволяя сосредоточиться только на Горе. Васоверг потер лысину между рогов, пальцем вывел треугольник у себя на лбу, а затем прижал к нему кулак. После улыбнулся — опять не мне. Взбесил.

Его переговоры с Дароком унижали меня. Он даже не понимал этого, и впрямь верил в то, что я пустое место. Будто насекомое, от которого он легко отмахивался на потеху публике, собираясь одним ударом прихлопнуть позже и раздавить до мокрого пятна.

Я шагнула к нему в тот момент, когда он изображал треугольник на паху. Противная ухмылка исчезла с его лица только на миг, когда он заметил движение. Хлестнул плетью, не позволяя ни на сантиметр приблизиться. А уже через секунду снова заулыбался, вытянул ко мне голову и стал клацать челюстью. Подразнил и опять обратился вниманием к толпе, забывая о сопернице.

Васоверги бурно торжествовали, заранее определив победителя. Их герой... не человек.

Я опустила руки, склонила голову, позволяя волосам налипнуть на щеки. Бой превратился в посмешище, даже не начавшись, и я не представляла, как это прекратить, как заставить толпу заткнуться. Более того — этого уже было недостаточно, мне захотелось ужаснуть их.

Васоверги из первого ряда стали дотягиваться ко мне и толкать в плечи, в спину, в затылок. Чей-то плевок достал до щеки; слюна капнула на плечо, потекла по шее. Мышцы лица задрожали, губы тряслись так, что невозможно было сжать их.

...«*будь хитрее*», «*будь хитрее*»... «*сильнее*»

Я вдохнула глубоко, дважды качнулась на носках. И побежала к врагу. Не тратила время на анализ происходящего, не замешкалась, когда бритва полоснула по спине, обожгла позвонок. Отрешилась от звуков. Только добраться до врага — уже маленький шаг вперед. Мне нужен лишь один удачный подступ. Лишь один.

Необдуманный замах кинжалом предсказуемо не дал никаких результатов. Гор увернулся, пропуская меня в толпу. Множество рук оттолкнуло обратно, незнакомые лица, искаженные бурей эмоций, мелькнули перед глазами и сразу исчезли. Я с трудом удержалась на ногах, упираясь рукой в землю. Прикосновение к талии взорвало изнутри: не разбираясь, я попыталась ударить врага кинжалом, но едва не поранила себя.

Земля перед глазами стремительно сменилась небом. Я замахала руками и ногами, но не могла извернуться. Гор поднял меня высоко над собой, словно детскую игрушку, и снова веселил публику. Имя Ксанджей едва не сорвалось с губ, но я зарычала, лишь бы не поддаться слабости. Миг — и желудок будто подскочил к горлу. Удар о твердую почву выбил воздух из легких; в затылке хрустнуло, челюсть заныла. С сипом я пыталась вдохнуть, но в груди невыносимо колело.

Перед помутневшим взором вырос высокий силуэт, почернел на фоне темного неба, отклонился, занося ногу... Иного сценария для человека ждать не стоило.

Я резко дернулась в сторону — между лопаток прошило болью, словно я напоролась на острый камень. В глазах заплескали черные точки, стон прозвучал жалко, но его никто не услышал, кроме меня. Тяжелая нога с глухим ударом опустилась рядом с лицом всего лишь секундой позже.

Не дожидаясь пинка в живот, я откатилась снова. Быстро поднялась, сглотнула желчь, не позволяя рвоте ослабить себя. Сплюнула горечь и вытерла губы предплечьем. Краем глаза заметила Гора — он с хозяйской уверенностью направлялся ко мне. Растопырив медвежью пятерню, с замахом потянулся к моему затылку. Я нырнула вперед, уклоняясь, но за волосы рванули — из глаз посыпались искры. Голова замоталась от рывков крепкой руки — мир зашатался, ноги подогнулись, одна зацепилась за другую. Гор швырнул меня в центр круга, с треском вырывая клок с затылка.

Не теряй оружие. Нельзя терять оружие. Пальцы заледенели на рукояти кинжала.

Костяшки хрустнули, когда я упала на руку, но оружие не выпустила, лишь стиснула кулак крепче. Второй удар пришелся по голове — от него на пару секунд мир спрятался в крошечной темноте. С сияющими вспышками и нарастающим звоном в ушах зрение медленно восстановилось. Разодранные запястья, ладонь и локоть казались мелочью на фоне рассеченного лба. Теплая кровь потекла безостановочно и обильно, заливая глаз и мешая обзору. Сердце колотилось о грудь, билось в горле, мешало вдохнуть полноценно. Дрожь пробирала мышцы во всем теле невыносимой слабостью.

Страха не было.

Я зажмурилась и оттолкнулась, поднимаясь на ноги. Окружение поплыло, нос заложило, кровь опять залила глаз. Враг приблизился, замахнулся, и в этот раз я уклонилась удачно. Пока присматривалась к васовергу, в глазах посветлело, толпа исчезла — на Холмах грез застыла нечисть, медведь шел на меня.

И снова сумрак.

Гор — наконец-то, разъяренный, — с ревом направился ко мне. Расстояние в четыре шага. Один, второй — рано. Я быстро вытерла кровь с глаза — третий. И упала на колени. Прыгнула в сторону, вслепую вогнала кинжал — он мягко погрузился в толстое бедро. Я навалилась на него грудью и, перехватив рукоять, оттолкнулась, освобождая оружие. Гор по инерции прошел еще полметра. Я поднялась у него за спиной и, повернув клинок, всадила между ребер. Воин мгновенно потянулся за ним, но мускулистые руки ожидаемо не доставали.

Немедля я бросилась за цепью. Подобрала ее, подскочила к васовергу и поддела под длинные рога. Разок обмотав, закинула цепь на плечо и, развернувшись, рванула вперед. Нестерпимая боль в груди и руке обожгла — и я закричала. Но, крепко удерживая цепь, навалилась всем весом и потащила дальше.

Наконец меня дернуло назад, звенья ошпарили ладонь, выкрутили фаланги — цепь вырвалась из руки. Я упала и, стиснув зубы, кинулась обратно. Сил в ногах не осталось, тратить время на безуспешные вставания было опасно, поэтому я как могла быстро поползла к васовергу на карачках.

Гор пытался подняться, одновременно ощупывая острие кинжала, прошившее его насквозь. Увидев меня, стал оглядываться, видимо, в поисках выхода из опасного положения. Дернулся, замахиваясь плетью, но я вовремя припала к земле. Пальцы жгло, все тело дрожало, и пробудились опасения, что я больше не поднимусь, но коротким воспоминанием о Вольном я прогнала скверные мысли.

Доползла до васоверга и поднялась на колени, нависая над ним. Порывистым движением он обхватил мое горло, пальцы впились так сильно, что казалось, дырявили плоть. Не поддаваясь панике, я дотянулась до лежащей плети и всадила бритву в плечо Гора. Он зашипел и мгновенно выпустил меня. Снова суматошно задергался, большими пальцами цепляясь за бритву. Чувствуя чрезмерную усталость, я нащупала кол, обхватила его двумя руками и воздела так высоко, насколько это позволяла цепь, намотанная на рога. Гор замер, оскаливаясь. Я выдохнула — «*меть в горло*» — и, собрав последние силы, стремительно опустила кол.

Кейел

— Я против любого убийства.

— Вот так категорично? — Ромиар нахмурился.

Вечер был спокойный и, как обычно в компании дружелюбного шан'ниэрда, уютный. Правда, этим закатом он выбрал другой сорт вина. Необычайно густое и очень темное, оно напоминало кровь и рождало волнение на сердце.

Я шумно выдохнул и отвел взгляд, запросто выкладывая самые скверные мысли, которые когда-либо посещали меня:

— Сколько я ни думал над этим, никак не мог найти оправдание убийствам.

— Мы и не должны искать, — улыбнулся Ромиар, — за нас судят духи.

— В этом-то и проблема. Мы не духи, а духи не живут нашей жизнью.

Он хмыкнул. Пристально глядя на меня, постучал когтем по бокалу и попросил:

— Объясни.

— Хорошо, — согласился я. Поерзав в кресле, подался вперед и сцепил руки в замок. — Возьму пример из своей жизни. Я был ребенком, когда меня впервые обидела целая толпа ровесников. Ведь каждый из них лично ударил, чтобы закрепить между собой связь злодеяния. Там были и наши девушки — Онкайла и Лери. Думаешь, если бы парни не настаивали, они бы сами ударили?

— Нет, — Ромиар ответил без заминки.

— Я в этом уверен. Они никогда никому не хотели зла и выросли хорошими, но, выходит, я до сих пор могу убить любую из них. И если потом меня будут судить за это, то духи не покажут моей вины, потому что помнят об их детских проступках.

— Да... — с тяжелым вздохом протянул Ромиар. Пригубил вино и замотал головой. — Но, Кейел, они все же виноваты.

— Глупость. — Я откинулся на спинку кресла. Почему никто не хочет признаваться, что мы поступаем жестоко со всеми, слепо повинуюсь законам духов? Чужим законам. — Они были маленькими девочками, а я спустя столько периодов мог вырасти злым и жестоким. Я могу бесконечно требовать с них что угодно, угрожая убить, если не подчинятся. Кто меня накажет, когда духи на моей стороне?

— Но ты ведь не будешь, — Роми фыркнул насмешливо. — Ты не такой.

— Я не буду. Но кто-нибудь другой будет. Что ему мешает?

Глава 18. Попутчики

Аня

Своих сил я все-таки не рассчитала, поэтому обратная дорога затянулась. Надо было послушаться Дарока и задержаться чуть на дольше. Будто день, или два, после такого громадного срока отсутствия что-то мог решить для Елрех и Роми. Если они меня и похоронили живьем, то наверняка сделали это гораздо раньше. Но я рванула к ним сразу, как только сумела, а точнее — уже следующим вечером после ритуала.

О ритуале вспоминать не хотелось, но забыть его никак не удавалось. Он отложился в голове, будто сон, который перевернул во мне отношение ко всему: Фадрогос, Земля — не имеет значения... Возможно, за день абсолютного спокойствия я переварила все, что меня волновало, а затем разложила по полочкам, взвесив, что важно, а что не стоит ничьих нервов. Если кому-то не повезло родиться васовергом, он не ныл по этому поводу и не заламывал сам себе руки, а превращал недостаток в достоинство. Думаю, относительно Земли можно найти свои примеры. А мне — простому человеку — повезло поучаствовать в ритуале Ярости, благодаря которому я урвала гораздо больше, чем планировала. Я вдруг поняла, что могу все, что не выходит за грань человеческих сил и законов того места, где я оказалась. Я могу. А если нет, то... Пусть меня остановят.

Ступая по обочине широкой колеи, обрамленной полями, я улыбнулась. Прикоснулась к царапине на лбу и сощурилась на один глаз. Солнце сияло высоко, а Заводь Ал'лирта серым маревом уже виднелась с пригорка. Осталось совсем немного, и я увижу ребят. К ним тянуло на уровне подсознания, будто я спешила домой после долгого путешествия, хоть моего дома в этом городе не было. Я немного огорчилась, представляя себе, как они будут выслушивать новости. Елрех не понравится, что мне придется уйти из Аспидов, толком и не пробив в их составе, но свое решение я не поменяю. Сегодня ритуал у васовергов, завтра жертвоприношение у виксартов... К тому же игра Дарока может втянуть меня в местные политические интриги низших рас. Тогда моя слава может оказаться не совсем светлой, и рисковать благополучием отличной гильдии не хотелось.

Остальные новости должны порадовать, если не вдаваться в подробности, как я все провернула всего лишь за одну ночь. Но как не уточнять все детали, когда их от меня потребуют — а ведь оба потребуют — я не представляла.

Я здорово проявила свою Ярость после ритуала, и потом васоверги готовы были притащить мне кого угодно?

Я убил яростного воина, и за это сразу выросла в глазах воинственной расы?

Я...

Все не годится.

Елрех, не злись. Я в очередной раз едва не умерла, и выжила только благодаря васовергу, который был воспитан чуткими людьми, поэтому знает, когда можно тихонько нарушить традиции и сжульничать. Как так вышло? Я и сама не понимаю. Просто я выполняю условия сделки с Ромиаром и тобой.

— Духи Фадрога, — я тряхнула тяжелыми от воды волосами и ускорила.

С пригорка, заросшим зеленью, было приятно спускаться. Ветерок дул, охлаждая мокрую одежду; с сапог, которые я несла в руках, только недавно перестало капать. После жара васовергских земель свежесть местного воздуха и шелест листвы многочисленных кустарников и лесов приносили наслаждение. Через пару глубоких вздохов я снова успокоилась и расслабилась.

Видимо, ритуал Ярости изменил меня гораздо сильнее, чем я думала, и в итоге разучил меня оправдываться. Любые мысли о том, что мне придется перед кем-то отчитываться за каждое решение и защищаться, безумно злили.

— Я так решила, — твердо заявила я. И присвистнула. Вскинув брови, закрепила успех: — Так будет лучше для всех.

Или...

— Я не собираюсь, как школьница, отвечать на все вопросы: мы либо делаем, как я говорю, либо не делаем вообще.

С первого раза прозвучало искренно, даже тренироваться не пришлось. И лаконично. Зачем каждый раз долго объясняться, чтобы потом еще и отстаивать то, что они могут не понять. Я знаю,

что делаю, и могу ручаться за то, что все риски учтены. Но в этих знаниях куча деталей, о которых ребята просто не помнят. Неужели надо буквально описывать им каждый шаг? Так мы вовсе с места не тронемся.

Может, только стоит предупредить их насчет Стрекозы. Эльфийка подозрительно быстро согласилась на предложение присоединиться к походу в сокровищницу Энраилл. Хотя, скорее всего, только дурак бы отказался. К тому же надо учитывать, сколько пьяных васовергов бросилось на поиски воровки посреди праздничной ночи, как на славное приключение, и в каком состоянии ее ко мне приволокли. Думаю, я бы тоже после такой доставки соглашалась на все, лишь бы сбежать подальше и элементарно прийти в себя.

Однако доверять ей нельзя. Стоит ли объяснять, почему? Дарок ничего не сказал насчет сохранения его тайн между нами, но я бы не хотела на себе испытывать его доверие. Тогда как объяснить Елрех и Роми, что, возможно, эльфийка не просто ради обогащения ищет сокровищницу? Будь у нас еще одно место в составе, я бы предпочла пригласить с нами Архага или Гахсода, чтобы они сами выводили воровку на чистую воду.

Черт...

— Елрех, Ромиар, — забубнила я под нос, приближаясь к городским стенам, — не в ее интересах сдавать нас, но... Не доверяйте ей, следите за ней. Почему?.. — шумно выдохнула и одними губами ответила единственное, что приходило на ум: — Потому что так надо.

— Эй ты! — командным тоном обратился ко мне высокий эльф и стал сбегать по ступеням охранной башни. — А ну стой!

Я остановилась под аркой ворот, наслаждаясь тенечком, и с улыбкой ждала, когда охранник приблизится. Он шустро подошел, остановился на почтённом расстоянии и внимательно осмотрел с ног до головы.

— С какой целью ты пришла в Заводь Ал'лирта?

Его важность веселила.

— Меня тут ждут друзья.

— Почему мокрая? — удовлетворившись одним ответом, сразу задал новый вопрос.

— Мылась.

— Вся? — пристально уставился на сумку.

Я поправила ее, подтягивая на плечо повыше. Да, после проживания в Васгоре я дважды стирала в реках одежду, а себя мыла травой, выдернутой с корнями. Прямо землей и песком сдирала верхний слой кожи. И вот еще разок провела такую же чистку, чтобы даже намек на вонь не осталось. Насколько я помню, Елрех очень не любила именно немых васовергов, а мне бы очень хотелось крепко обнять ее при встрече, и чтобы она обняла меня в ответ.

— Люблю чистоту. С этим есть какие-то проблемы?

— Нет. — Уши эльфа дернулись, а сам он нахмурился, теперь уже разглядывая саму меня. — А увечья откуда?

— Ветки в лесу.

Его вопросительный взгляд, направленный на мою шею, заставил растянуть широкую улыбку.

— Некоторые ветки могут оплести. Вам не о чем беспокоиться, — поспешно заверила я, предостерегая следующие вопросы. — Я не доставлю городу никаких хлопот.

— Хорошо. Но я вынужден узнать, к кому вы идете. Я запишу. Если не будет хлопот, запись так и останется просто записью.

— Я Асфи, — с легкостью сообщила, — пришла к исследователю по имени Ромиар и алхимику по имени Елрех. Они...

— Я знаю их, — перебил он. Его плечи опустились, а вся важность резко сдулась. — Мог бы по вашему виду догадаться, к кому пришли.

— Простите? — я изогнула бровь.

— За что? — удивился он.

— Ни за что. Это просто форма приличия. — Поморщилась, отмахнулась и сразу спросила: — У моих друзей проблемы?

Мне показалось, он хотел кивнуть и сказать: «да», — но вытянулся стружкой и покачал головой. Явно выслуживаясь, приобрел официальную вежливость.

— У вашего друга не может быть проблем. Он уважаемый шан'ниэрд, и если вдруг у него возникнут трудности, мы будем рады помочь ему. А этой ночью, как мы и обещали, выставим у его дома больше охраны.

Я едва не закатила глаза. Какой дом? Просила же: не высовываться!

— А ко мне у вас какие вопросы? — выдохнула я.

— Извините, — эльф поклонился. — Я сразу не разглядел, что вы странно выглядите. То есть... увечья. Увечья не разглядел! — Резко выпрямился и, приложив руку к груди, в глаза посмотрел с серьезностью. — Асфи, прошу прощения. Могу подать лист и перо — напишите на меня жалобу. Но поймите меня: я должен останавливать всех, кто выглядит странно, и узнавать о них, как можно больше. Иначе я не понимаю, в чем суть моей работы.

— Я понимаю, — поддержала его тоном, но ни черта не понимала.

— Спасибо. И на самом деле останавливать приходится не так часто. Тем более редко приходят раненные, болезненные и изувеченные — а таких я останавливаю всегда. Теперь, пока уважаемый Ромиар не покинет наш город... то есть свой дом! Пока он не уедет в другой свой дом, я постараюсь сразу видеть изувеченных издали и пропускать в город без каких-либо расспросов. Если нужно, готов выделить охранника, кто будет провожать таких сразу к дому уважаемого Ромиара. Будьте добры, передайте это ему по случаю.

Он его достал... Ромиар точно достал ушастого беднягу. Что тут произошло, пока меня не было? Опасаясь довести любопытством до нервного срыва и без того пунцового от злости эльфа, я просто поинтересовалась:

— А для меня провожатый найдется?

— Без проблем, уважаемая! — И развернувшись на пятках, заорал: — Ливаль!

Снова повернулся ко мне и быстро проговорил:

— Но думаю, что вы бы и сами легко нашли его дом. Вокруг него молодые девушки разбили самый настоящий военный лагерь. Уверен, что даже васоверги могли бы поучиться у них тактикам осады. — Заметив приближающегося фангра, указал на него. — Этот мужчина сопроводит вас.

После Васгора идти по мощенной камнем главной улице было одно удовольствие. Ароматы топленого молока и жженого сахара напоминали о том, что я завтракала только голубикой. Дружелюбные голоса, смех детей, пробегающих по улице с корзинками и пухлыми, но очевидно легкими мешками, вызывали улыбку. Как же тут хорошо.

По главной улице мы добрались до центральной площади с фонтаном и лавочками, где и свернули. Долго двигались вдоль оживленных рядов лавок, затем снова свернули, и продолжили путь. Вышли к большим особнякам, окольцовывающих парк. Именно в этом парке, как я заметила, собрались «охотницы» на сердце беловолосого шан'ниэрда. Мы пересекли зеленый массив по запутанным дорожкам, и, если бы я не высматривала девиц целенаправленно, то ни за что не догадалась бы, что они тут не ради прогулки. Смутило лишь то, что среди гуляющих в основном были шан'ниэрдки, которые на городских улицах встречались крайне редко и обычно с сопровождением. И иногда их разбавляли безумно красивые эльфийки.

Двухэтажный белый дом с мансардой утопал в зелени. Скопление девиц напротив него, якобы прохлаждающихся в парке на скамейках, не позволяло ошибиться адресом. Но фангр, положив руку на эфес меча, проводил меня к самым воротам. Охранные духи появились сразу же и без заминки соприкоснулись со мной. В воротах уже через секунду тихо скрежетнул встроенный замок. Я застыла, сдерживая улыбку и проникаясь приятным ощущением — меня ждали. Именно меня тут ждали.

Войдя внутрь, осторожно прикрыла за собой ворота. Какой-то эльф, видимо, садовник, увидел меня и ненадолго прекратил стричь кусты. Я сделала вид, что не заметила его. Если Роми каким-то образом настроил духов на мою ауру, открывая для меня все двери, то наверняка предупредил и слуг, что я могу прийти и имею права на добрую встречу. Предположение подтвердилось, когда второй эльф выскочил на широкое крыльцо дома и с улыбкой произнес:

— Пусть духи будут благосклонны к вам, Асфи. Мы рады вашему возвращению. — И сразу распахнул

передо мной дверь. — Если вам угодно, я заберу ваши вещи.

Я с полуулыбкой остановилась на нижних ступенях и все еще переваривала происходящее. Это какой-то сюрреализм, опасно граничащий с карикатурой. Или так кажется после Васгора?

Старый эльф не торопил меня и, если смущался, делал какие-то мысленные заметки насчет моей адекватности, то вообще ничем этого не выдал. У него даже губы кривились в настолько естественной радости, что я и впрямь чувствовала себя самой желанной гостьей дома. Гостьей ли? Любимой хозяйкой! Надо же...

Скрип за углом привлек внимание. И вскоре из-за цветущих кустарников по дорожке выскочил Кейел. Увидев меня, резко замер и сглотнул.

Куда я попала?

А сердце превращалось в лед. От него растекался холод, боролся с вспыхнувшим в груди теплом. Я смотрела на любимое лицо и через силу глубоко дышала. Сомкнутые губы, вкус поцелуев которых трудно забыть. Этот вкус нельзя описать привычными эпитетами — этот вкус взрывался в голове, а послевкусием сохранялся в груди, животе, слабостью — в ногах. Впалые щеки, на которых спустя два дня похода, уже ощущалась щетина, но не колкая — мягкая. Позже Кейел согласился убирать волосы соком травы, которым пользовалась и я. Этих мер ему хватало на дольше. Чуть длинный нос, иногда мешающий поцелуям, но в который можно было игриво чмокать Вольного, а затем любоваться осторожной улыбкой, будто тогда он, прямо как я сейчас, тоже находился в реалистичном сне, угрожающим отобрать твердую реальность и понятные установки на будущее, но который давал от этой реальности необходимую передышку. Хищный разлет бровей, делающий взгляд опаснее даже теперь, когда в теплых, зелено-карих глазах почему-то таится тревога. И эти волосы, собранные в хвост... И жест, ранивший даже камень, в который превратилось сердце.

Чуть склонив голову, он заправил выбившиеся пряди за уши, и сглотнул, отчего дернулся выпирающий кадык. На миг поджал губы и тихо поздоровался:

— Пусть духи будут благосклонны к тебе, Асфи.

От хриплого голоса на коже выступили мурашки, нежная щекотка пробрала за ушами и на затылке. Духи Фадрогоса, как же хорошо... Лишь бы не замурлыкать.

— Я рад, что ты вернулась. Надеюсь, твои раны, — он указал на свой лоб и, слегка насупившись, глянул на мою шею, — несерьезны.

Я с наслаждением втянула полную грудь воздуха и стиснула шлейку сумки на плече, как бы удерживая сон. Наверное, надо ответить. Но как все не испортить?

Он замялся от долгого молчания и, точно смутившись, взволнованно переступил с ноги на ногу. Отвернулся и стал блуждать взглядом по двору. В деревне он был другим...

— Я в порядке, — заставив себя, проговорила.

Кейел посмотрел на меня и с облегчением улыбнулся — наконец-то, зацепился хоть за какую-то протянутую ему нить для разговора и решительно ею воспользовался.

— Ты только вернулась, — произнес и шагнул ближе. Я едва не отступила, но устояла на месте. — И, наверное, хочешь отдохнуть. Я понимаю, но потом я бы... Мне, наверное, нужно поговорить с тобой.

— Потом, — отрезала я. Моя улыбка дрожала, я это чувствовала, но не могла удержать — ни ее, ни гнев. — Потом поговорим. Обещаю.

Он кивнул, сжал губы и, опуская взгляд на землю, еле заметно втянул щеки. Даже злитесь так же... Напряженным взором обшаривая землю, опять заправил волосы за уши, и я дернулась. Словно громкий хлопок в тишине. Опасности нет, а сердце колотится, адреналин бурлит в крови, и закипаешь — хочется накричать на виновника нарушения спокойствия. Вот только как тут виновника остановить? Запретить использовать те же привычки, что были с ним в другой жизни? Заставить исчезнуть? Что делать?!

— Отведите меня к Ромиару, — обратилась я к такому же радушному слуге, ни на миг не изменившимся за все время ожидания, пока мы тут с парнем болтали.

— Как прикажете, но сначала я должен показать вам покой и узнать у него...

— Духи Фадрогоса!

Я взбежала по ступеням, проскочила мимо слуги и влетела в просторный холл. Круганулась,

высматривая пути, которые могли бы вести к рогатой скотине. Увидела лишь лестницу, ведущую на второй этаж. Арки на первом этаже, в разных сторонах, не говорили мне вообще ни о чем.

Указывая на лестницу, обернулась к застывшему на пороге старому эльфу и спросила:

— Он там?

— Да, госпожа, — покорно ответил он. — Вторая дверь по правой стороне.

Прежде чем сорваться к подлому шан'ниэрдю, отступила, выглядывая кусок дорожки за плечом слуги. Мой кошмар стоял там же и не думал исчезать: закрыв глаза и опустив руки, тер большими пальцами другие пальцы — так делают, когда молятся за кого-то, не имея привычки расшибать лоб.

Чертов Ромиар! Он или бестолочь, который не понимает, что натворил, или эгоистичный урод, которому плевать на всех, кроме себя!

Я быстро отыскала нужную дверь и рванула на себя. Вбежав внутрь, мгновенно отыскала взглядом Ромиара. Он сидел за столом, расположенном в центре роскошной комнаты, и рассматривал какие-то крохотные свитки. Медленно поднял голову; белые пряди упали на серые щеки, темные губы превратились в тонкую нить, а желтые глаза — в щели, переполненные злобой.

Он молчал и не двигался; я стискивала кулаки и подбирала в мыслях самые приличные слова, которые могла бы использовать в этом разговоре. Тишину нарушил щелчок двери, закрывшейся за спиной, — будто сорвал последние капли терпения.

— Подонок! — выкрикнула я и бросилась к столу.

Ладони обожгло от удара о столешницу. Подставки и статуэтки задрожали, зазвенели, что-то укатилось на край и упало. Ромиар откинулся на высокую спинку кресла и виновато развел руками. И может быть, я бы поумерила гнев, но рогатый ублюдок вдобавок улыбнулся.

Тварь! Со взрывом в висках я швырнула в стену какой-то яркий цилиндр, попавшийся под руку.

— Не порть вещи! — прикрикнул Роми, упираясь в подлокотники. — Я тщательно отбирал каждую, терпел купцов в своем доме не для того, чтобы...

— Вот чем ты занимался, пока я там едва не подохла! — Горло резануло; комната расплылась, покрываясь мраком. Я стянула волосы и, запрокинув голову, зажмурилась.

— А что я должен был делать? Ты ушла Луной. Исчезла! Я должен был поверить, что ты вернешься, потому что обещала? От васовергов живой вернуться, руководствуясь одним обещанием?!

— И я вернулась! — уставившись в бесстыжие глаза, указала на себя. Ткнув на него пальцем, заговорила тише: — А ты все развалил. Все, что я там пережила у них, пошло тебе под хвост. Идиот недоверчивый! Думаешь, я не обратила внимание на твои выверты, которые приходилось терпеть всю дорогу сюда? Ты ждал его! — громко прошептала, бросая взгляд на окно. — Ждал, что он догонит нас. Остановливался там, где опаснее, и гнал дальше, когда можно было отдохнуть. Я все это видела, просто причины понять не могла.

И, едва не выплюнув очередное оскорбление, рассмеялась. Он ли идиот, если при всей моей наблюдательности все равно провел меня?

— Он с нами не пойдет. — Я скрестила руки на груди.

Улыбка со смазливового личика Ромиара сползла мигом. Он поерзал в кресле и заявил:

— Пойдет.

— У нас нет мест.

— И ты отправишь его обратно? — Он вскинул бровь и усмехнулся.

— Что в этом такого? — Я пожалала плечами и, увидев полки с бокалами и напитками, направилась к ним. — Хоть кто-то же из нас двоих должен подумать о простом деревенском парне, наверняка не умеющем даже меч в руках держать. Хоть у кого-то из нас должны быть и трезвый ум, и совесть, и ответственность, и, в конце концов, элементарная жалость. Ты ведь даже не сообразил о том, что у него вся жизнь впереди. Свадьба на носу... То есть ритуал связи сердец. Между прочим, к твоему сведению, если ты вдруг упустил, — вдохнула глубоко и выпалила: — с любимой девушкой они ждут ребенка. Ты не знал? Наверное, не знал, иначе бы он не появился сегодня тут. Ведь после рождения малыша начнутся бытовые хлопоты. У меня, знаешь, бабушка до самой старости в деревне жила. Это ведь совсем не город, где у тебя... — Мотнула головой, возвращаясь к основной мысли. — Ты совсем не подумал о нем? О них.

Наступило молчание. Бокал охладил ладонь. Графины с винами, наливками и настойками, украшенные разными причудливыми узорами, затрудняли выбор. Откупоривая то один, то другой, я принималась к содержимому.

Ромиар так и не ответил, будто ему в самом деле было стыдно за свой поступок. Странно. Я была уверена, что он только и ждет возможность для того, чтобы оборвать мой выговор и выставить меня во всем виноватой.

— Роми, тебе прекрасно известно, куда мы собираемся. Я даже не могу гарантировать, что мы справимся и тем составом, который у нас собрался. Но этот сброд... Мне плевать, что случится с любым из нас, кроме тебя и Елрех. И еще обидно, Роми, что ты настолько мне не доверяешь, что решил подстраховаться несчастным парнем. Не знаю, что ты ему наговорил, что пообещал и чем вообще соблазнил на эту безумную авантюру, но, увы, тебе придется пойти к нему и объясниться. Я тоже извинюсь перед ним, но попросишься с ним именно ты.

— Я не могу, — тихо произнес Роми.

От интонации его голоса плечи и ноги мгновенно налились свинцом. Под ложечкой засосало. Я отмахнулась от плохих предчувствий, и сама предложила простой вариант:

— Скажи ему, что у нас нет мест. Их у нас и вправду нет.

Со звоном закрыла последний графин и отодвинула вино. Вспомнилась расслабленность, которую дарит алкоголь, и пить его расхотелось. Приятнее всегда контролировать себя. Заметив графин с водой на тумбе, шагнула к нему.

— Я не могу отправить его домой, — твердо сказал Роми.

Мельком взглянув на него, я так и не сумела отвернуться. Самоуверенный шан'ниэрд вдруг стушевался, а губы выражали даже не упрямство — обиду. Серая кожа была бледнее обычного, а на скулах выступил темный румянец. Кажется, он по моему виду понял, что я не готова задавать пугающие меня вопросы, поэтому взял инициативу:

— Ты права, Асфи: я подонок. И это не самое худшее ругательство, которое приходило мне в голову, когда я сам себя ругал.

Я хмыкнула, приоткрыла рот, но он поднял руки и опередил с просьбой.

— Не перебивай и выслушай меня. Присядь, налей себе чего хочешь, если голодна, попросим слуг, чтобы накрыли тебе тут. Разговор предстоит долгий. Потом... — Вдохнул шумно, потирая губы. Внезапно отдернул от них пальцы и закончил: — Потом, когда все услышишь, сама иди к Кейелу и отправляй его на смерть.

— Не смерть? — Я склонила голову к плечу. Эта сволочь пытается и дальше манипулировать мною? — Роми, я не доверяю тебе.

— Я и не жду от тебя доверия. — Поежился и скривился, как от лимона. — Сначала выслушай, а затем сходишь к Кейелу за подтверждением и сделаешь выводы. Но я уверен, что родители Кейела убьют его, как только у них появится внук и выпадет удачный случай. Я редко ошибаюсь, Асфи.

Камень в груди разросся, потяжелел и раскалился.

Родители Кейела еще в той жизни раздражали меня, но я думала, что в этой они, наконец-то, получили того ребенка, о котором мечтали. Он ведь уже не Вольный. Однако в деревне меня не раз настораживали слухи. Как можно позволять обижать любимого сына? Едва ли не калечить его... Егора тоже в начальных классах пытались задирать — так ерунда: поломанный карандаш, обидные слова и спрятанные тетрадки. От моей опеки брат отмахивался, и его стыд я понимала. Именно поэтому в школу сразу после первой шишки на лбу Егорки, поставленной якобы случайно дверью, заявился папа и устроил там грандиозный скандал.

— Рассказывай, — потребовала я.

И все-таки сдвинулась с места, налила себе в бокал воду и подошла к окну, выглядывая Кейела. Камень стал легче и в кои-то веки застучал. Но во дворе парня не оказалось, и булыжник снова притворился мертвым. Куда подевался этот простак? Где он? Где?

— В Солнечной я кое-что разузнал о Кейеле, — произнес Роми, шурша за моей спиной свитками и хлопая полками, — пока ты от него шарохлаешься. Он был любопытен мне не только, как рычаг давления на тебя, но и с исследовательской точки зрения, поэтому моя идея нравилась мне со всех сторон. Вот только я надеялся, что он увяжется раньше, чем мы уйдем из Заводи. А потом одним рассветом я проснулся — тебя нет. Немного позже, другим рассветом, мне принесли Кейела. Он

был без сознания, весь горел и бредил. Елрех водила к нему каких-то алхимиков и целителей, поэтому оклемался он скоро. Я не мог выставить его за порог сразу же, да и не планировал, ведь не знал, дождусь тебя или нет. И с Кейелом хоть не скучно. А потом я разговорил его, и от того, что он рассказывал мне, у меня до сих пор хвост сжимается и твердеет.

Вскинув брови, я обернулась к Роми. Он постучал стопкой бумаг по столу, выравнивая ее, затем положил в полку стола и приглашающим жестом указал на диван. Я не стала отказываться.

— Так ты голодна? — проявил вежливую заботу.

— Нет, переходи к сути.

О голоде, который давал о себе знать на улицах города, я позабыла при встрече с Кейелом. При встрече с ним многое вылетело из головы. Например, я даже не поинтересовалась, как дела Елрех.

Погладив бархатную обивку дивана кремового цвета, глотнула воды и закрыла глаза. Кто говорил, что вода безвкусная? Катая ее на языке и наслаждаясь вкусом, я слушала вкрадчивый голос Роми.

— В деревне нам только и говорили о скверных мыслях Кейела. Думаю, что жители Солнечной всем об этом рассказывают, чтобы хоть кто-то избавил их от позорного парня.

— Не думала, что он им чем-то мешает, — призналась я, открывая глаза. — В моем мире сильные дети тоже обижают слабых детей. Не научи их хорошим манерам и дай им дурака, они слетятся в стаю и начнут его лупить. Да и взрослые вмешиваются не всегда.

Ромиар облокотился на стол и с хмурым взглядом покачал головой.

— Асфи, все намного сложнее, чем опасные игры детей, в которых нас тогда убеждали. Все настолько сложно, что даже Кейелу проще заслониться от ненависти самообманом и жить в иллюзиях о том, что он нужен хоть кому-то.

Это он о ком? О Лери?

Окончательно заинтересовавшись, я кивнула и стала внутренне собирать силы. Если бы только знала, сколько их понадобится, то предварительно озаботилась бы успокаивающим зельем.

Ромиар рассказывал все, чем поделился с ним Кейел. И чем больше я слушала, тем невыносимее становилось молчание. Шок гасил злость, но ненависть возрождала ее — и так по кругу. Мне казалось, я уже повидала многое. Что еще может не уложиться в моей голове?

Для современной Земли мысли Кейела показались бы смешными, нелепыми. Для жителей деревни Солнечная они стали ударом по восприятию мира. В итоге наступил момент, когда они все-таки рискнули вместе ударить пугающего мальчика в ответ.

— Запомни вот что, — попросил Роми, царапая коготком основание рога, — родители всегда запирали его в кладовой за провинность, но никогда не забывали покормить и дать воды. А в тот раз забыли. — Прикрыл желтые глаза. Я отставила бокал, опасаясь разбить его при очередной волне злости. Духи отдали им сына на воспитание, я самолично вернула его им, а неблагодарные люди не приняли наш общий дар. Обманули. — Асфи, позже он узнал причину — в его матери зародилась новая жизнь, и они с отцом извинились. Так и сказали, что позабылись от счастья. Но это случилось несколькими периодами позже, чем он пережил весь этот кошмар. И судя по его рассказам, он, если и связывал эти события, старался от них отстраниться. Ему нужно хоть кому-то доверять, хоть кому-то быть нужным, иначе...

...иначе смерть становится привлекательнее жизни. Это ясно любому живому существу. Это понятно мне теперь, как никогда прежде, несмотря на то, что Елрех, да и кажется, Роми, приняли меня. Даже взрослому тяжело жить ненужным, так каково же было ребенку?

Как выяснилось, отец наказывал Кейела и до этого — выбивал зубы, разбивал лицо, швырял ребенка, и тот расшибал колени, руки. Он устал от сына, которого было невозможно перевоспитать, и лупил его. По любому случаю мальчика запирали в холодной кладовой, чтобы он сам подумал и понял, за что его наказывают. Это была обычная практика привычного воспитания. Однако в очередной вечер произошел немыслимый перегиб даже по меркам цивилизованных фэдрагосцев. Ребенок всего лишь предположил, что Шиллиар, небо — не то, чем его считают. Отцу хватило короткой фразы, чтобы собрать всех односельчан на берегу реки. Кейела публично осудили и, привязав к столбам, стали хлестать.

— Я не представляю, что было с его спиной, — уронив голову на ладони, безжизненным голосом бубнил Роми. — Кейел сказал, что перестал ощущать боль, когда обмочился. Ты представляешь, как надо бить и сколько, чтобы жертва перестала контролировать естественные желания? А перестать чувствовать боль? — Посмотрев на меня, скривился в отвращении. — Как их не ненавидеть? Как не

бояться таких? И нас, беловолосых шан'ниэрдов, потом обвиняют в нетерпимости. А они сами? Увидели, что ребенок перестал сопротивляться и плакать, что он сходил под себя, и решили — мало! Будто они уже не могли остановиться!

Не могли... Толпа с ее мышлением, как Титаник: если разгоняется, тяжело остановить. Я опустошила бокал и посмотрела на графин; сухой язык царапал небо. А Ромиар продолжал терзать сердце, ожившее не к месту.

— Часть скверны вышла! — возмущился он. — Они обрадовались, но даже не сговариваясь, поняли, что остальное выйдет только с болью. Они требовали от мальчика раскаяния! Но разве кто-то слушал его? Ни один! — хлопнул по столу. — Ни одна паскуда!

...и вместо плети отец взял палку. Он заботился о любимом сыне, спасал его от скверны. Он плакал и бил, плакал и бил, плакал и снова бил. До тех пор, пока сын не потерял сознание.

— Говорил, что проснулся из-за голосов вокруг, — прижимая к губам дрожащие руки, сложенные замком, тихо произносил Роми. Его, беловолосого шан'ниэрда, стремящегося всегда к лучшему, трясло от пересказывания чужой истории вслух. — Говорил: в первое мгновение понять не мог, что происходит...

Светило солнце, над головой пели птицы, шумели рогоз и камыш, а в лесу, раскинувшимся неподалеку, тьявало зверье. Кейел очнулся от боли, мокрый, продрогший и обессиленный. Его расталкивали и раскачивали, надавливая то тут, то там на ноющее, горящее огнем тело. Знакомые голоса сначала обрадовали, потом испугали, а затем снова обрадовали — деревенские дети нашли его на берегу реки. В нем затаилась надежда, что из него вывели скверну, что он прощен, и теперь жизнь изменится. Но он устал настолько, что не мог поделиться своим счастьем, не мог толком открыть глаза. Только мычал и с трудом дышал. И когда был перевернут на спину, услышал слова, из которых понял, что его кошмар только начинается. «Они сказали, что скверна должна выходить с кровью! — повторяли рассуждения вчерашние приятели, перебивая и перекрикивая друг друга. — Надо чтоб больно было подольше! Нет, черное нутро надо освободить! Да, так говорили!»

Он слышал шорох, беготню. Почувствовал запах костра, а затем жжение то в руке, то в ноге. Боль и шипение... К запаху костра добавилась вонь жженной плоти и волос. «Он стонет! Хватит! Ему уже больно!» — останавливала всех Лери. Но остальные были убеждены, что стонет глухо, а значит, ему не больно.

«У кузнеца красное железо видели?! Оно в огне лежит и потом долго красное! Такое надо брать!» «Возьмем у него то, что он выкидывает в конце двора, а потом обратно вернем» «Он не заметит» «Точно!» «Хватит! Ему же уже больно!» «Не хватит! Он даже не двигается!» «Вспомни, как ночью вопил! Так даже девчонки не вопят» «К кузнецу! К кузнецу! Давайте, кто первый!» «Освободим черное нутро!»

Он надеялся, что они не вернуться. Надеялся, что силы восстановятся раньше, чем они вернуться, чтобы успеть спрятаться. Но время шло, а он так и не смог пошевелиться. Не мог отогнать от себя даже мух. Особенно запомнил, как самая наглая заползала в рот, перебирала лапками, цепляясь за передние зубы. Он терпел.

Терпел до тех пор, пока в ногу не всадили раскаленный железный штырь. После небольшого отдыха он взвился змеей и завопил так, что ему заткнули рот и шикнули на него. «Скверный Кейел! — поочередно дразнили дети. — Скверный мальчишка! Очистись!»

Исцеление штырем пришлось детям по душе, потому что он еще и легко разрезал кожу. И когда они прожгли насквозь живот Кейела, Лери все-таки не выдержала. Еще до приезда высокомерного эльфеньша из главной обители, — которого мне надо было лично придушить, пока я была в Солнечной, — она крепко дружила с Кейелом. Ей было с ним весело и интересно, а остальные дети не стыдили за игры с ним и частенько сами тянулись к нему. Никто из них толком и не понимал, за какие такие скверные мысли наказывают их приятеля.

Они не понимали и тогда, когда по примеру взрослых изгоняли из него скверну. Все ждали чуда...

Из-за нелюбви к виксартке дети всегда держали ее под присмотром, поэтому Лери отметила отсутствие знахарки на вечернем собрании у костра. Потянув еще день и поучаствовав в очередной дневной вылазке, посвященной «исцелению» Кейела от скверны, она все-таки рискнула пойти в мрачный дом страшной знахарки. И виксартка потребовала от нее все детали: куда течение выбросило мальчика, как далеко от деревни и сколько рассветов они занимаются «исцелением» друга.

— Понимаешь, откуда у него доверие к Лери? Она ему тогда жизнь спасла. Будь она трусливее, то не рассказала бы знахарке, где мальчишка умирает и какую участь ему запланировала детвора.

Отвечать не хотелось. Не хотелось даже двигаться.

Страшно. Страшно, что такое может случиться с каждым. Что просить помощи в такой ситуации не у кого. Что даже дети, впитав пример жестокости взрослых, могут бездумно пойти на такое.

В тот же день виксартка отправилась за рогозом, а к закату приволокла к себе полумертвого Кейела. Как оказалось, с ним поступили почти так же, как поступали в средние века земляне с «ведьмами», только, к счастью, обошлись без камня на шее: «если скверна вся вышла, то духи смогут удержать очищенного мальчика на воде» — рассуждали старики. А затем бессознательного мальчика за руки и за ноги выбросили в реку. Родной отец... Из-за непочтения к Шиллиар?

Я зажмурилась и потеряла виски. Ромиар не собирался щадить меня:

— Не знаю, какие духи ей благоволят, но она душу в его тело вернула.

Позже Кейел день за днем, вместо доброго утра и доброй ночи, слушал от виксартки и о том злополучном вечере, и том, с каким трудом она возвращала в него жизнь. Я лично знаю, какой может быть надоедливой эта клыкастая старуха. От нее даже мне не удавалось спрятаться и отмахнуться.

Знахарка без конца и края упрекала его и за бестолковый ум, и за то, что он не умеет держать скверный язык за зубами, но при этом буквально оживляла его. И он, будучи шокированным ребенком, неосознанно улавливал намеки. А позже, исцеляясь у нее, учился молчать и держаться от всего в стороне.

Сам Кейел о том вечере помнил мало — лишь начало, — но после него долго мучился кошмарами. Еще дольше не мог ходить, а после еды и лекарств терпел острую боль в животе. Знахарка часто спускала ему кровь, поила его ядами и странными отварами, мыла в них же, и он терпел все. Он держался за жизнь так, словно ничего больше у него не осталось. Только сама жизнь.

И Лери... О Лери он спрашивал часто. Волновался, не узнал ли кто из детей, что это она направила знахарку к нему, и ждал ее. Она не приходила, но, пробегая с другими детьми мимо старого дома, всегда громко смеялась и что-нибудь выкрикивала друзьям, таким нехитрым образом сообщая другу, что с ней все хорошо. О том, что творилось все это время вне дома, Кейел не знал. Неразговорчивая знахарка всякий раз обрывала его вопросы, строго повторяя: что с таким скверным умом ему надо подчиняться, а не спрашивать. И он слушал ее. У нее он научился выживать с помощью молчания. И успел как раз вовремя.

В один из бесконечных солнечных дней входные двери затряслись от ударов. Но в дом единственной знахарки, творящей настоящие чудеса, жители вломиться дальше порога не посмели.

Кейел от страха забился под мешки с опилками и слушал скандал. Его мать потеряла жизнь в себе. В Солнечной все были убеждены, что это из-за скверного мальчика. Что он проклят, и это он стал настоящей напастью для несчастной семьи и всей деревни. Знахарка ругалась, угрожала духами, а затем долго убеждала всех, что проблема не в ребенке, а в настоях, которые пила беременная. Она точно припоминала всякий раз, когда предупреждала нерадивую мать о том, что только умеренные дозы укрепляют, а большие — разрушают. И жителям пришлось поверить и отступить.

— А потом они потребовали его обратно. — Ромиар улыбался, но в его улыбке не было ничего хорошего. — Виксартка уже не носила его на руках, не подмывала его и не убирала за ним кровать, но ходил он плохо. Пользовался веревками, которые она ему протянула по всему дому и двору. Он держался за них и так учился заново ходить. И соседи знахарки стали замечать, что мальчик изменился: молчаливый, вежливый, хороший — прямо не узнать. Все обрадовались — мол, скверна из него вышла. Со временем, правда, выяснилось, что не вся, но причуды были редкими, да и проявлялись по мелочам.

— Например? — спросила я, укладывая тяжелый затылок на мягкую обивку.

Ромиар фыркнул.

— Не поверишь: он избегал своих спасителей! И даже на простые вопросы мог не знать ответов. Другими словами, стал дураком.

— Мм... — протянула я, растягивая улыбку.

Может, устроить Хайко несколько торжественных ужинов на берегу полноводной реки?

— Ты меня хотя бы слышала? — Роми налег на стол, стиснул кулаки и нахмурился.

Лучше бы не слышала... Я потеряла глаза и покачала головой. Его злость меня не тронула; и без нее паршиво было.

— От меня ты теперь что хочешь?

— От тебя? — удивленно переспросил он. — Ты говоришь, чтобы я отправил его обратно. Ты понимаешь, как он опозорил семью?

Он — их?..

— Думаешь, — продолжал Роми, — они живут с ним и не видят, что он не изменился, а всего лишь научился помалкивать? Да они теперь эту Лери...

Бум! Бум! Бум!

— ...со всех сторон облизывать будут. А когда появится внук, думаешь они позволят...

— Заткнись! — Я вскочила с дивана.

Сердце заходило в ударах; жар доводил до тошноты, а чертова пульсация в висках не позволяла расслабиться. Я прошлась взад-вперед по комнате, позволяя себе несколько секунд тишины и повторила спокойнее:

— Заткнись. — Остановилась и согнула руки в локтях. — Я все поняла. Они мечтают о ребенке. О хорошем ребенке. О правильном. О таком, чтобы все соседи завидовали, а они гордились! Ублюдки. Я поняла.

— Они не позволят скверному мальчику портить чистую душу.

— Я поняла! — Поднеся тыльную сторону ладони к носу, втянула воздух. Ромиар хмурился и ждал моего вердикта. — Ладно. А теперь я спрошу еще раз: что ты хочешь от меня?

— Позволь ему пойти с нами, — кажется, впервые он мягко просил, а не требовал или приказывал. Поднялся из-за стола и предъявил моему взору серые ладони. — Асфи, Кейел должен увидеть другую жизнь! Должен понять, что существуют другие города, где есть гильдии. У него масса интересных идей, о которых нельзя распространяться, но они могут быть полезны нам, исследователям, и мудрецам. Его оторвали от большей части Фадрэгоса, и я хочу, чтобы он приобщился. Пусть идет с нами. Еще в Солнечной я сказал ему о том, что он был Вольным и что он может об этом вспомнить. Его волнует благополучие семьи — Лери и ребенка, — только поэтому он тут. Асфи, я виноват. Мне не известно, как тебе удалось вернуться из Васгора живой и без рабского клейма, не знаю, на что тебе пришлось пойти, но Кейел... Давай придумаем что-то, чтобы ему нашлось место среди нас. Позволь ему пойти с нами!

Я сдалась — будто у меня был выбор!

— Ладно. — Кивнула и вслед за болью, охватившей голову, сжала переносицу. — Пусть идет. Пусть идет, но он обойдется без артефакта. Ты знаешь, что я любила его прошлым. И поверь мне, он любил меня. Теперь все изменилось. Он будет...

...как балкор, которому пришлось занять чужую жизнь. Ему нельзя вспоминать о нас. Если вспомнит о том, какая в прошлом была его жизнь, то станет еще несчастнее.

— Это ужасно, — прошептала я.

— Да, Асфи, это все ужасно. Общество должно быть лучше, и мне обидно, что существа так недаленовидны, — почему-то оправдывался передо мной Роми. — Представь себе, сколько по всему Фадрэгосу может быть таких Кейелов.

Он снова опустился в кресло и замолчал, продолжая виновато смотреть на меня. Стало неловко.

— Пойду найду его, — отчиталась я. — Я обещала ему, что поговорю с ним.

— Не гони его, Асфи.

— Не буду. Обещаю.

Ромиар кивнул.

Я остановилась только на пороге, чтобы предупредить:

— После разговора с ним надо собраться вместе и обсудить дальнейшие планы.

Ромиар снова безучастно кивнул, так же глядя виновато, но уже на стол.

Слуги любезно подсказали мне, что Кейела надо искать в мастерской, организованной Елрех. Она выбрала самую дальнюю постройку на территории двора, приземистую, сделанную из камня, с узкими, но частыми оконцами, расположенными высоко. Под косой крышей свили гнезда птички, и

птенцы щебетали без остановки. Крепкая деревянная дверь отворилась от легкого толчка и даже не скрипнула. В нос сразу проникли запахи знакомых трав, грибов, корней и зелий. В небольшом коридоре было начисто выметено, у входа громоздились мешки, дальше стояла различная утварь. Открыв следующую дверь, я вошла в самую мастерскую.

Кейел, стоя у длинного стола, мгновенно обернулся. Посмотрел на пыльные руки и мигом потянулся к полотенцу.

— Надо было позвать меня. Тут грязно, — сообщил он. И не поднимая на меня глаз, продолжил говорить, кажется, даже не задумываясь над словами: — Елрех скоро вернется от алхимиков. Я помогаю ей. Она упрямая, хватается за тяжелые мешки и ящики, перемальвает корни на маленькой мельнице — и все сама.

— Спасибо.

— За что? — он наконец-то посмотрел на меня.

Я оглянулась. На потолках сушились цветы и травы, на стенах повсюду стояли флаконы и склянки. Видимо, Елрех успела за короткий срок организовать целую фабрику по производству зелий и ингредиентов.

Проходя вперед и продолжая озираться, я заметила:

— У вас тут уютно. — У стола развернулась, уперлась в столешницу руками и прижалась к ней поясницей. Перед Кейелом были свалены мешочек, миски, лежали молоток, нож и дощечка: в одной миске горсть очищенного афитакского ореха, в другой — пустая скорлупа, на дощечке — только что расколотый орех. — За это и спасибо. Помню, как резалась скорлупой этой дряни, а потом согласилась расчлнять трупы лягушек, лишь бы не прикасаться к этим орехам. Они же как камень, невозможно расколоть. Елрех же, заядлая трудяга, за все хватается.

— На самом деле не трудно, — Кейел улыбнулся, и от его улыбки дух перехватило. — Если бить не по ореху, а по ножу. Видишь, — показал мне на выемку, — главное, не спешить.

— Вижу.

Подушечки пальцев цеплялись за шершавую поверхность стола, и то сближались с рукой Кейела, то отдалялись. Мне не хотелось дразнить себя, но сложно было устоять, чтобы не прикоснуться. До отчаяния сложно...

— И все же порезался, — заметила я, разглядывая тонкую, розовую полоску на указательном пальце.

От его присутствия рядом внутри все переворачивалось, все важное забывалось. Это не он, Аня. Это не он. Опомнись.

— Ерунда, — отмахнулся парень. Тоже повернулся к столу спиной и, прислонившись к нему, скрестил руки на груди. — Асфи, я ведь поговорить с тобой хотел. Мне неудобно, что я тут... так...

Склонил голову к груди, сжимая челюсть. Желваки заиграли на щеках. Я вдруг вспомнила, как встретила его впервые в этой жизни; слова Роми зазвучали вереницей в голове. Духи Фадрогоса... Нужен ли он Лери так, как нужен мне?

— Мне Ромиар сказал, что ты... — Опять прервался и сглотнул. И пока хмуро смотрел в пол, я любовалась им, мяла край столешницы, удерживая себя — лишь бы не коснуться. — У меня к тебе много вопросов, но я даже не имею права спрашивать. Я пойму, если ты попросишь меня уйти, но мне необходимо пойти с вами. — Поднял на меня глаза и решительно добавил: — Я сделаю все, что угодно. Я буду полезным.

Какие же у него теплые глаза и ясный взгляд. Как же от него кружится голова. А его голос...

— Асфи, я не хочу жаловаться тебе.

«Жалуйся» — едва не слетело с губ, и я вовремя поджала их. Он заметил — виновато свесил голову. Растолковал по-своему:

— Прости, что без твоего приглашения. Я понимаю твою злость. Даже не подумал, что ты не знала о моем разговоре с Ромиаром.

Это ты меня прости. Я виновата перед тобой. Сцены, представленные при рассказе Ромиара вспыхивали в голове, а перед глазами стоял Кейел. Живой, рядом. Мой. Духи Фадрогоса, за что так с ним? За что я бросила его? Предала...

— Это ты меня прости, — тихо выпалила я.

И сама не заметила, как оказалась перед ним. Как, привстав на носочки, обняла. Приникла губами к любимым губам, языком слизала вкус малины. Глядя волосы и шею, склоняла к себе. Всего на миг опомнилась, когда Кейел попытался оттолкнуть меня, но заново сошла с ума, когда он же крепко обнял и прижал к себе. Сердце быстро стучало, гоня кровь, оглушая, позволяя миру вместе с нами начать падение в пропасть. Под ладонью, в твердой груди, билось другое сердце — тоже мое. Кейел отдал его мне. Оно мое. Мое!

Стон прозвучал коротко, но сорвал следующие оковы. Не с меня...

Кейел развернул нас, прижал меня к столу. Скомкал рубашку, задирая ее. Горячими руками согрел спину, стиснул талию. Дыша шумно, нависал надо мной и с напором отвечал на поцелуй. Я забылась, забылся и он.

Вдруг замер. Дыханием тронул губы, охмелевшими глазами посмотрел в мои глаза — вынул душу. Поглаживанием пальца по подбородку распаял надежду. Духи Фадрагоса, пусть это длится вечно.

Вновь сократил расстояние и отобрал последнюю силу у ног. Опьянил легким поцелуем в щеку, сразу следующим — ниже, и еще одним — в подбородок. Прижал ладонь к моему затылку и, погладив меня, спустил ее, позволяя запрокинуть голову. Мимолетно касаясь губами, ласкал шею, дарил нежность. Второй рукой бережно придерживал за талию. И я улыбалась, чувствуя трепет в груди, а в объятиях — его. Надышаться бы им, насладиться жизнью. Мой ключ от Фадрагоса...

— Я люблю тебя. — Сердце ухнуло от собственного голоса. Сказка лопнула, как мыльный пузырь.

Поцелуи прекратились; мы не двигались. А за окном щебетали вечно голодные птенцы.

Я шархнула от Кейела — толкнула собой стол, посуда на нем задрезжала. Узкие склянки, стоявшие на углу, ударились друг о друга, и крайняя упала. Разбилась оглушительно. С жаром в щеках и холодом в ногах я бросилась к осколкам и принялась собирать их. Дрожащими руками подняла и не понимала, что делать с ними дальше.

— Асфи! — голос Елрех, прозвучавший с порога, взбудоражил сильнее. Я вытянулась и напряглась, словно меня застукали на месте преступления. — Не успела вернуться, а уже все разбиваешь и ломаешь!

Как всегда... Хотелось скривиться и рассмеяться. Я позволила себе только последнее.

— Как же я рада тебя видеть, Елрех!

— Зальешь все кровью от радости! — Она бросилась к столу, схватила полотенце и подбежала ко мне.

Я наконец увидела, что сдавила собранные осколки.

— Руку разожми, странная человечка! — Елрех тряхнула моей рукой, но расслабиться не получалось. Она прижала тыльную сторону ладони к моему лбу, причитая: — Ты никак не в себе. Неужто и тебя исцелять от жара придется?

Хохот вырвался из горла, крупные куски склянки наконец посыпались на пол. Я повисла на подруге, крепко обнимая ее и проговаривая все, что приходило на ум:

— Я такая неуклюжая Елрех. Прости меня, я все уберу. Мне так тебя не хватало!

— Я вижу, безумная Асфи, — ласково ответила она, обнимая меня в ответ.

Я потерлась щекой о густые, белые волосы и украдкой глянула на Кейела. Кажется, он за все это время не сдвинулся с места. Упираясь запястьем в край стола, крутил в руке отколотую половинку ореха и смотрел на меня пристально. Даже заметив мой взгляд, свой — не смягчил. Напротив, нахмурился и стиснул челюсти так, что на щеках обозначились желваки.

Злитесь... Духи Фадрагоса, что я натворила?

Елрех быстро увела меня из мастерской в свою комнату, не переставая корить из-за порезанной руки. Однако уже на лестнице, ведущей на второй этаж дома, разглядела синяки на шее и замолчала. В покоях не хуже Ромиаровских провела меня в каменную комнатку, обставленную под ванную. Там усадила на лавку, налила воду в лохань и позвала духов воды и света. Вскоре стала смывать кровь с моей ладони и, внимательно глядя в нее, вытаскивать мелкие осколки.

Я разрывалась в желаниях: хотела закрыть глаза и вспоминать поцелуи, с другой стороны — гнала провоцирующие образы. Нельзя срывать, нельзя сближаться с чужим мужчиной, к тому же

будущим отцом.

— Рассказывай, Елрех, — попросила, отвлекаясь от лишних мыслей. — Говори: как твои дела, что успел учудить Ромиар, кроме покупки этого дома и сбора всех уважаемых девиц этого города в парке напротив. Не молчи, пожалуйста.

— О себе он наверняка расскажет сам. — Она улыбнулась и взглянула мне в глаза. — Он оказывается любитель поговорить.

— Правда?

— Иногда мне некуда было от него деться. Теперь я знаю, почему беловолосые шан'ниэрды так разборчивы в искусстве — им просто хочется чесать языком постоянно, а искусство — это мысли разных существ, которые выражают их разными способами. И мало кто способен своими глазами точно увидеть эти мысли глазами создателя, потому спорить об искусстве можно бесконечно. И дом он купил, — она хохотнула, — тебе назло. Как я передала просьбу о том, что ты просила не привлекать внимания, так он и раскапризничался.

Бережно обрабатывая мою руку, Елрех рассказывала мне обо всех новостях. И вроде бы ничего особенно важного не прозвучало, но каждая весть имела для меня большую ценность, чем те, что принесла я.

Слушать о Кейеле вновь было больно. Еще свежи были в памяти рассказы Роми, да и прикоснуться к губам, закрыть глаза и погрузиться в шквал чувств хотелось дико. А тут к тому же шла речь о его болезни, о его волнении из-за побега, о его четком разделении своих вещей и вещей родителей. Он переоделся в одежду деда просто потому, что не мог позволить себе забрать лишнего у отца и матери. В итоге сапоги оказались не впору; Кейел не просто намозолил ноги, а содрал кожу до мяса, куда и попала местная инфекция. Да еще и иммунитет подорвался после того, как парень проходил пару дней под непрекращающимся дождем. Больше всего бесило, что он все равно беспокоился о родителях. Разве они этого заслуживали?

О Ромиаре было слушать веселее. В Заводе Ал'лирта вредный шан'ниэрд успел достать не только охранника, задержавшего у ворот Кейела, но и многих руководителей свободного города. Он цеплялся ко всему, до чего добирался. А добрался он до многого... Ему не понравилось, что для покупки дома пришлось тратить полдня. Что гильдия исследователей не получает тут тех привилегий, какие имеет во многих других регионах, подконтрольных правителям. Рогатый черт успевал везде — лично ходил повсюду, припугивал гильдии чем-то весомым и устраивал проверки. Как я поняла со слов Елрех: вел себя тут словно мэр. И ему везде уступали, а, памятуя слова охранника, я понимала — местные еще и мечтали, чтобы Ромиар как можно скорее убрался восвояси.

— Теперь не только в Обители гильдии при его имени будут кривиться целители, — проговорила Елрех, насухо вытирая мою ладонь. — Да и не только целители.

— Он умеет взбесить, — согласилась я. — Все, Елрех, спасибо, дальше я сама.

Она уперла руки в бока, когда увидела Айссию, стягивающую порез, убирающую синяки, царапины, сглаживающую шрамы. Не дожидаясь осуждения, я объяснилась:

— Хотела получить хоть немного твоей заботы. Я заслужила.

— Ладно порез, а старое почему раньше не вывела?

— Не хотела напрягать духов. — Я повела плечами, вспоминая ночь после ритуала. — Подробнее расскажу при всех остальных, чтобы не повторяться, но, поверь, духам пришлось вложить в меня немало силы. Они потом долго не отзывались. Я даже решила, что обиделись, но все-таки пришли гораздо позже, вот только эффекта от их исцеления фактически не было. У меня есть теория насчет этого, но сейчас бы разобраться с главными вопросами, а уже потом разбираться в силе духов.

— Еще одна любительница теорий, — добродушно усмехнулась Елрех. Поправила мои волосы и вновь оживила камень в груди: — У вас с Кейелом будет много тем для бесед. Слышала бы ты ту чепуху, какую он несет. А Ромиар его еще и распаляет, будто в самом деле ему верит.

Вскоре мы собрались в комнате у Ромиара, где он вызвал слуг, а затем стал нагружать их бесчисленными распоряжениями, словно предостерегался от подслушиваний. И я понимала его — у эльфов острый слух. И я краснела, вспоминая, когда именно сказал мне об этом Кейел. Тогда, еще будучи Вольным, он тоже злился на меня и смотрел так же пристально, как и сейчас. Кажется, этот взгляд заметили все, но не стали вслух проявлять любопытство.

Елрех сидела рядом со мной на диване, отвлекаясь на энциклопедию по растениям и ожидая, когда Ромиар отпустит слуг. Сам Ромиар так и не вылез из кресла, все еще одновременно и раздавая

поручения, и разгребая завал из бумаг, свитков и книг. Я облокотилась на подлокотник изящного диванчика и наблюдала за всеми, кроме Кейела. Он развалился на стуле, сцепил руки в замок и, склонив голову, неотрывно смотрел на меня. Это было не просто демонстрация интереса ко мне, а, судя по выражению лица, открытым вызовом. Будь он Вольным, я бы такое смелое поведение поняла, но сейчас не могла объяснить. Ладно, я его поцеловала — соблазнила фактически на предательство любимой девушке. Это, конечно, повод для ненависти, но ненавидеть при этом логично самого себя, а не меня. К тому же мне показалось, что иногда он всех нас одаривал этим гневным взглядом, будто подозревал в подлом заговоре.

Когда дверь за прислугой закрылась, Ромиар снова зашумел выдвижными ящиками, затем застучал амулетами, а после быстрым шагом направился к двери. Молча положил крохотный камешек на узорчатый карниз над дверью. Темно-коричневый амулет растворился без следа на таком же элементе декора.

— Чтобы наверняка нас не услышали, — пояснил Роми и вернулся к своему месту за столом. — Ну что, думаю можно начинать.

— Хорошо, — с облегчением выдохнула я.

Во мне теплилась надежда, что уверенность в себе, данная с прозрением Вестницы, а также укрепившаяся в Васгоре, вернется сразу же, как я погружусь в воспоминания о всех пройденных испытаниях. Мне хотелось хоть как-то защититься от незнакомого Кейела, чье прикованное внимание игнорировало любую каменную шкуру и мешало собраться. Несмотря на все знания о нем, о том, какая он со всех сторон беспомощная жертва, я ни на миг не забывала, что зубы у этой жертвы все-таки имеются. Иначе он бы не появился в Медвежьей колыбели с отчаянной попыткой отомстить за что-то обидчикам своей ненаглядной Лери. Черт возьми, неужели в его глазах я теперь тоже стала угрозой для нее?

Выпрямив спину и улыбнувшись всем, я приготовилась начать заготовленную речь. Но...

— Я не иду с вами, — вдруг заявил Кейел и, наконец-то, отвернувшись от меня, уставился на Роми.

— Что случилось? — насупил тот и покосился в мою сторону.

Я округлила глаза и пожала плечами.

— Не хочу мешать вашим планам.

— Ты вообще не мешаешь, — мягко заверил Роми. — Правда, Асфи?

При чем тут я? Поинтересоваться об этом не успела — меня опередил Кейел:

— Зачем я тебе?

— Кейел, — чутко произнес опешивший Роми, — что случилось с...

— Я не настолько дурак, чтобы отдать себя на растерзание — вот, что случилось!

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — растерялась я.

Кейел посмотрел на Елрех.

— Ты тоже?

— И я тебя не понимаю, добрый человек, — ответила она, откладывая энциклопедию. Прищурилась и обратилась к нам двоим: — Что произошло между вами в мастерской?

— Ничего!

— Асфи призналась в любви, — одновременно со мной произнес Кейел и улыбнулся.

— Зачем ты это сделала? — мгновенно возмутился Роми.

Я беспомощно развела руками. События развивались явно быстрее, чем я соображала.

— Даже если и сделала, что в этом такого? — От глупого оправдания захотелось выругаться. Лучше бы я промолчала!

— Если я вам нужен, то хочу знать все, что происходит. Я не хочу, чтобы меня... — Кейел нахмурился и опустил голову; волосы упали на щеки, скрывая суровый взгляд. — Не хочу, чтобы со мной...

— Все в порядке, Кейел, — произнес Роми. — Асфи все знает, я рассказал ей.

— О чем ты ей рассказал? — удивилась Елрех.

— Так ты, уважаемый, по части языком трепать? — Кейел разозлился сильнее: вскинул голову и посмотрел на Роми так, что я невольно нащупала рукоять кинжала.

И опомнилась, отпуская оружие. Не буду же я снова уничтожать дорогих мне существ!

— Погодите! — поднявшись, призвала к спокойствию. — Не надо скатываться к ругани. Кейел, скажи нам, что тебя не устраивает и к чему конкретно у тебя претензии.

Через миг пожалела, что позволила себе взглянуть ему в глаза. В них плескалась насмешка надо мной.

— Я ведь поверил, что вы хотите мне добра. — Взмахнул рукой в сторону Роми. — Он рассказал мне о том, что я был Вольным. О том, что он был Вольным. Не скрывал, что ты пришла из прошлого и сообщила об этом. Еще пообещал, что память, которую ты вернешь нам, сделает меня сильнее.

— Тебе и вправду надо завязать язык узлом, — прошипела я, повернувшись к хвостатому засранцу и сжимая кулаки.

Ромиар скорчил рожицу в ответ.

— Я просто раскрыл ему правду. Асфи, разве это хуже твоего признания?

— Замолчите, бесстыжие существа! — не выдержав, грубо вмешалась Елрех. — Дайте сказать Кейелу.

Кейел мгновенно кивнул ей в благодарность и, расслабив напряженные плечи, спокойно проговорил:

— Я решил, что это хороший вариант, чтобы урегулировать мою слабость. Вольные — бесчувственные звери, но сильные, а я слабый и... Впадаю в ступор, если кто-то убивает другое существо. Вот только из-за тех проблем, которые вынудили меня принять приглашение Роми, я совсем не задумывался, почему вы вообще меня позвали. Ты вела себя мягко с Елрех и, хоть пыталась скрыть, но проявляла заботу о Роми. И при нашем знакомстве... Я решил, что мы все были друзьями.

— Духи Фадрэгоса, — выдохнула я, пряча лицо в ладонях.

— И вот в мастерской ты призналась ему в любви, — упрекнул Кейел.

— Ему? — переспросил Роми.

— Там был кто-то еще? — уточнила Елрех.

Я мгновенно оценила глупость их вопросов и с силой втянула воздух через зубы. Духи, дайте мне терпения.

— Ему — Вольному, — пояснил он. Дождался, когда я отниму руки от лица и посмотрю на него, затем растянул полуулыбку и добавил: — Не мне ведь.

— И тебе обидно, ранимый человек?

— Мне обидно, что от меня утаили эту информацию, — снова нахмурился, подаваясь вперед. — Для вас это может быть мелочью, а для меня? Я отправился за вами, чтобы вернуть чужую память. Но ведь вместе с памятью Вольного ко мне вернутся и его чувства. И у меня возникли вопросы ко всем вам. Роми, ты хотел, чтобы Асфи из-за меня рвалась к артефакту, возвращающему память, сильнее и быстрее? Асфи, ты любила зверя, а он любил тебя? Для меня это очень важно. И, Елрех, ты знала об этом всем? И если знала, то как могла так душевно относиться ко мне? В конце концов, как после этого всем вам верить?

Последнее самообладание отступало перед нарастающим стыдом. Осознать претензии Кейела мне труда не составляло, но остальные даже не представляли, как это быть в чьей-то шкуре. Видимо, они даже не задумывались об этом. Я же помнила ту кроху видений и эмоций, которые открывали реликвии, — они до сих пор жили во мне, как собственные. Удивительно, что сам Кейел так заботился о себе, что сходу понял, какой кошмар ему уготовлен. Его чувству самосохранения можно лишь позавидовать. Или он заботился не о себе? Кольнувшая ревность придала сил — я медленно выдохнула и заговорила с уверенностью:

— Идти с нами или нет — твой выбор. То, что было между мной и Вольным, тебя никак не касается,

ровно как меня не волнуешь ты с Лери. Не будем лезть в жизнь друг друга и обойдемся без сложностей.

Он согласно кивнул, а я немного переждала неприятную дрожь. Вновь села на диван и постаралась расслабиться. Роми, видимо, решил отмалчиваться, полностью отдавая бразды правления мне. Вот так: рвалась к командованию и организации и получила желаемое в тот момент, когда собрался ком недовольств. Разбирайся в одиночку, Асфи. Как же мой Кейел со всеми нами управлялся?

— Память мы тебе не возвращаем, независимо хочешь ты этого или нет, — поставила в известность этого Кейела. Он недовольно хмыкнул, но я, запрокинув голову на спинку дивана и уставившись в потолок, проигнорировала парня. — Решение примешь до заката. Если не останешься, я возьму с тебя те клятвы, которые посчитаю нужными. Если останешься, то вот какой план я предлагаю.

Облизала губы, прислушиваясь к окружению. Со стороны Роми доносился размеренный шорох — наверное, снова метет пол хвостом. Елрех сидела беззвучно. Под Кейелом едва уловимо скрипел стул. Нервничает и поэтому никак не может усесться? Да, и вздыхает шумно...

— Я отыскала Стрекозу. Она идет с нами и берет с собой доверенного шан'ниэрда.

Шорох у стола прекратился. Елрех поерзала. Вопросы не последовали. Славно!

— И вот нас пятеро. Но с Кейелом — шесть. Поэтому по пути к виксартским землям я снова загляну в Васгор и прихватю с собой приятелей. Они отличные воины, и уверена, что заинтересуются кое-каким моим предложением.

— Я не ослышался, она сказала: Стрекоза? — спросил у кого-то Роми.

— Какие еще воины из Васгора? — тихо поинтересовалась Елрех.

— К какому племени виксартов ты хочешь пойти?

Ну хоть кто-то действительно заинтересован в сотрудничестве!

— Названия не вспомню. — Я пересела так, чтобы видеть Кейела. Он и впрямь с серьезным видом смотрел на меня. — Вождя зовут Кхангатор. У него еще огненный дракон.

— Рухмар'тиар.

Я вскинула брови.

— Так это племя называет себя, — пояснил Кейел. — Наша знахарка из него. Я был совсем мелким, когда она пришла к нам и рассказывала всей деревне о себе, чтобы ее приняли. Мы наслышаны о Кхангаторе.

Интересно. Выходит, знахарка была в той жизни Кейела и повлияла на его путь.

— Я расскажу тебе все, что услышал от нее, и все, что знаю о ней самой, — предложил он. — Если тебе это будет полезно.

— Тебе нужно время для заката? — Сердце замерло...

— Нет. Я иду с вами.

...и мгновенно забилась чаще. Хоть бы у меня хватило терпения.

— Мы не будем связываться с разбойницей. — Роми вскинул подбородок.

— Будем, — настойчиво сказала я и не позволила дальше развивать эту тему. — Еще мне нужны мастера, кто делает гарпуны. Они должны построить такой, который сумеет точно выстрелить на большое расстояние, при этом никакая веревка на нем не должна внести погрешность в траекторию полета. Роми, ты оплатишь разработку и строительство.

Он рассмеялся от моей наглости, но обошелся без комментариев.

— Елрех. — При взгляде на нее становилось ясно, что она уже смирилась с васовергами. С ней будет проще договориться. — У виксартов мы должны взять какую-то сумочку — растение, которое позволяет дышать отравленным или задымленным воздухом.

— Я поняла, о чем ты говоришь, Асфи.

— Тогда подумай, что мы можем предложить виксартам взамен. И так, — хлопнув в ладоши, сцепила руки и громче объявила: — Нас будет десять чел... существ. Нам придется терпеть разбойников и

васовергов, нам придется терпеть друг друга. Воспринимайте все проще: мы не сбиваемся в тесную семью, не стремимся подружиться, у нас даже нет общей цели. Мы просто попутчики. Провырнемся по Фадрэгосу, соберем ключи от сокровищницы Энраилл...

Кейел встрепенулся; его брови медленно поползли на лоб. Кажется, Роми не все сообщил ему и как минимум утаил, где именно хранится наш артефакт. От всеобщего смятения уголки моих губ невольно поднимались.

— ...затем спустимся в нее. И там дойдем до последней комнаты. В ней находится ваша цель, — окинула взглядом Роми и Елрех. — Вы воспользуетесь артефактом. Ты, — повернула голову к Кейелу, — по пути не отходишь от Роми. Он научит тебя всему, что знает сам.

— Он может взять сокровища в...

— Они не для нас, — перебила я Роми.

— Как это? — изумилась Елрех. — Тогда для кого?

— Мы возьмем там только то, что нам нужно. А затем уйдем, ничего больше не трогая.

— Ты не ответила на вопросы Елрех. — Роми насупился и, облокотившись на стол, склонился над ним.

— Главное сокровище в ней — для балкора, — призналась я. Понимание пришло в голову внезапно и словно подняло меня над историей Фадрэгоса еще выше, позволяя проследить все ее истоки и устья. Зов Вестницы взбудоражил, перехватил дыхание, из-за его силы вспотели ладони, подогнулись колени, но я тряхнула головой, напоминая себе, где нахожусь, и добавила: — После сокровищницы мне нужно будет к мудрецам.

— Это разумно, — согласился Роми, ничуть не осознавая серьезность моих слов. — Но ты понимаешь, в какую сокровищницу ведешь разбойников и мародеров?

— Понимаю, конечно. Поэтому разбойников мы убьем, а мародеров... Если придется — тоже.

Или наведаться к мудрецам раньше? А если ошибаюсь? Тогда подставлю всех нас.

Глава 19. Сила огня, крепость камня

Кейел

Я ходил по комнате, поглядывая на широкую кровать со сбившемся постельным бельем. Вновь приблизился к окну. Луна давно истончилась, о возвращении домой я даже не думал. До полнолуния у меня были шансы, а теперь туда нельзя возвращаться без весомых ценностей. От окна шагнул в сторону кровати, но миновал ее и приложил ухо к стене — в соседней комнате было тихо. Как Асфи может спать? Как она спокойно переживает случившееся? Я ведь видел, какое безумие охватило ее от любви к Вольному. Как она вообще воспринимает меня, опираясь на свое прошлое? Да и какое оно было, это прошлое?

Провел пальцами по стене, обтянутой скользкой тканью, и отдернул руку, отступил. Сердце часто забилось, жар наполнил тело. В который раз за короткое время? Веки невольно опустились, девичий стон, въевшийся в память, казалось, прозвучал рядом. Я облизал пересохшие губы, ладонью грубо стер с них другие воспоминания и резко выдохнул. Тряхнул волосами, стянул пачетниками их на затылке и вновь направился умываться. Сомнений не оставалось — до рассвета я уже не усну.

Почему такого не было с Лери? Наверное, потому что она никогда не обнимала меня так и не целовала. Целовала... Я вновь вытер губы и склонился над лоханью с холодной водой. В темноте нельзя было разглядеть своего отражения, но блеск глаз все равно был замечен. Как унять возбуждение? Как забыть о поцелуе, ядом уводящий мысли к подлому пути? Я не слышал и не видел, чтобы кто-то так целовался. Мерзко, что хотелось еще. На душе становилось хуже от того, что Лери никак в голове не вязалась с таким поведением. В фантазиях, вспыхивающих в забывчивости, и во сне появлялась только Асфи. Смотрела на меня безумными глазами, в которых плавилось Солнце. И я, не меньший безумец, наслаждался его смертью, хотел обречь его на нескончаемые страдания.

— Духи, смилостивитесь... — начал просить я, но остановился.

Духи тут ни при чем. Виноват лишь я и мой скверный разум. Для чего я иду в этот смертельный поход? Я не получу сокровищ, как и не получу память Вольного. Затаил дыхание. Вольный любил Асфи. Она целовала его, а не меня, но целовала так, будто он мог быть лучше любого другого существа. Как она могла полюбить зверя? Чем он завоевал эту девушку?

Не отыскав ответа на свой вопрос, я задержал дыхание и окунул голову в воду. Несколько мгновений не двигался, а после поднялся и, нависая над лоханью, стал жадно глотать воздух. Струи потекли с намочших волос, капли стали собираться на лице, падать на темную гладь и звонко разбивались, оставляя круги. Ледяная вода пробрала тело ознобом, отрезвила. Нельзя забывать о Лери, о нашем с ней счастье — оно ничуть не хуже того, что я испытал, оказавшись на месте другого мужчины, на месте безжалостного зверя. Оно чище и праведней. Деревенские мужья нередко изменяют женам, а жены нередко бегают к чужим мужьям, но у нас с Лери все иначе. Она никогда не простит меня. Повезло, что она вовсе вернулась ко мне.

Нельзя думать об Асфи.

— Духи, спасите меня от грязных помыслов, — пробормотал я, стараясь избавиться от очередной скверной мысли, запрятанной глубоко в сознании, что в таких вопросах духи сами беспомощны. Они никогда не помогают. Но, желая поверить в обратное, продолжил молиться: — Избавьте от плотского желания и отравляющей зависти к зверю. Милосердием своим оградите от низменных проступков...

Рассвет утратил былую власть над разумом. Теперь, глядя на него, я думал о скверном. Эта скверна распространялась и укоренялась с небывалой скоростью и силой. Она селила в душе одновременно страх и сладость. Страх был перед самим собой, перед невозможностью отгонять короткое воспоминание, дарящее ту самую сладость во всем теле, и думать, думать, думать... Раз за разом представлять Асфи, испуганно отпрянувшую и утратившую разум. Осколки в напряженной руке, кровь, пролитую на пол, — полную отрешенность Асфи от боли. Но, как всегда, мои чувства поменялись: страх остался, а горечь уничтожила сладость — меня так любить не будут. Выходит, я хуже Вольного. Выходит, деревенские никогда не вразили мне, но зачем-то врет Роми.

Солнце разгоралось на горизонте тонкого проема, образованного несколькими домами. Прохладная трава, колеблясь под ветерком, ластилась к рукам. Над головой безмятежно шумела липа, вдали заголосила ранняя пичуга. Краем глаза я уловил движение у дома. Разглядев Асфи, сбегавшую по ступеням, ощутил прилив тепла. Дыхание перехватило; я смял траву руками. Девушка зябко ежилась, быстро потирая плечи, сминая пальцами длинные рукава рубахи. Остановилась напротив, не замечая меня. Прикрыв рот, зевнула, затем подняла руки к небу и хорошенько потянулась. Гибкое тело приковало взор, и я сумел отвернуться только на миг. Асфи завела руки за голову и на

носочках повернулась. Наконец увидев меня, отпрянула и обняла себя.

— Привет, — поздоровалась она и резко отвернулась. Вздернула курносый нос. — Ты почему здесь? Не спишься?

— Привык рано вставать.

— Раньше Елрех? — Карие глаза стали совсем широкими. Быстро оглянувшись на дом, девушка с удивлением призналась: — Не думала, что такое может быть. Она ведь встает до рассвета.

Я закусил с силой щеки, но улыбка все равно вырвалась. Было бы глупо дальше корчить из себя недовольного. В горле билась жилка, пьянящая легкость наполнила тело, согрела ноги.

— Я встаю затемно. Люблю встречать рассветы. А ты зачем поднялась так рано? Отдохнула бы после дороги.

Показалось, будто она вздрогнула перед тем, как уставиться на горизонт. Отступила на два шага, сходя с дорожки, и мотнула головой. Темные пряди упали на румяные скулы.

— Сначала дела — потом отдых. Сейчас умоюсь, разомнусь, потом пойду будить рогатого тирана.

До меня не сразу дошло, о ком она говорит, но догадки подтверждались с каждым дальнейшим словом — иногда с непонятными словами. Откуда она? Никогда не слышал даже похожего произношения.

— Елрех сказала, что он устроил в городе ревизию. Черт бескопытный. Теперь хоть бы нам козни не устроили перед отходом. А ведь тут предстоит приобрести кучу вещей в дорогу. — И, поежившись, пробубнила: — Его бы в налоговую инспекцию отправить, он бы и среди бюрократов шороху навел, и остальным жизни не дал. Наверное, и в коллектив вписался бы идеально.

Замолчав, посмотрела на меня извиняющееся, словно пожалела о сказанном. И произнесла:

— Не обращай внимания. Настроение по утрам редко бывает хорошим, а тут еще и сборы на носу.

— Ничего, понимаю.

— Ну, — пожала плечами, — я тогда пойду. А то, боюсь, поклонницы Роми нехорошо отнесутся к девице, делающей зарядку у него во дворе. — Посмотрела прямо в глаза, взглядом отбирая глоток воздуха, и попятилась. Заморгала часто, точно пробовала отвернуться, но не могла. — Буду за домом.

От короткой фразы ее черты лица на мгновение дрогнули, скривились, но быстро превратились в неловкую улыбку. Продолжая отступать, Асфи провела рукой по волосам, убирая их с лица и обронила лишнее — я ведь и так все понял. С первого раза понял...

— Это для Елрех. Вдруг она потеряет, искать будет. Скажешь ей, ладно? — И быстро отвернувшись, едва слышно выдохнула: — Идиотка...

Ветер принес ругательство, и я тихо рассмеялся. Смотрел вслед забавной девушке, отмечая красивую походку. Шаг за шагом — по одной линии. Улыбка исчезла, настроение мгновенно испортилось. Я стиснул рубаху на груди и, не замечая рассвета, уставился на горизонт. Чему радуешь дурак? Она видит не меня. А мне и замечать ее нельзя.

В городе мы надолго не задержались. Уже через два рассвета покинули его и отправились в знакомом мне направлении, но с каждым шагом Солнца все дальше отклонялись от пути, который мог бы привести меня домой. Я брел позади тройки существ, стараясь не привлекать к себе внимания. С возвращением Асфи в дом Ромиара не было ни шага Солнца, чтобы я не подумал о ней. Она оказалась не такой, как я успел себе вообразить. Жесткость в ней быстро таяла, будто не была ей свойственна. А когда она забывалась в кругу друзей, то и вовсе вела себя добродушно и открыто. Впрочем, иногда в ней находились недостатки, и тогда она вызывала противоречивые чувства. И чем лучше я узнавал их, тем больше понимал, почему они с Вольным сошлись.

— И что ты сделала с ним? — спросила Елрех, огибая заросли лопуха.

— Повалила и заколола. — Асфи гордо подняла голову, будто говорила о чем-то несущественном и даже приятном. Легко перескочила рытвину и отвела пряди, выбившиеся из косы, обнажая взору шею.

Я отвернулся, удержал желание облизать губы; они помнили мягкость и вкус светлой кожи, и им было плевать на черноту в сердце девушки. А есть ли у нее сердце? Ромиар перехватил мой взгляд и подмигнул. Пытается приободрить из-за рассказа Асфи, или заметил, как она будоражит меня?

— Он бросил их головы на растерзание дружкам, — не замолкал звонкий голос. — Мне все равно пришлось бы кого-то убить, а тут тем более так вышло, что...

— Не оправдывайся, человечка, — с насмешкой крикнул ей в спину Роми. — Мы все знаем о твоём безжалостном нраве.

— Чего? — протянула она, резко оборачиваясь и останавливаясь. Окинула друга презрительным взглядом и сказала: — Себя давно видел? Да твой хвост за твоим нравом не поспевает!

Елрех помотала белыми волосами, гремя вплетенными в них амулетами, и в который раз подивилась:

— Как человечка может так не любить шан'ниэрда?

— А ты прямо его любишь? Было бы за что!

— Нет, конечно, — хохотнула Елрех. — Но ты когда-то сама сказала мне, что я тоже наполовину беловолосая шан'ниэрдка. Их кровь вызывает во мне нетерпение ко многим, кто мне хоть малость не нравится. В тебе-то этой крови нет.

Ромиар после ее слов сник. Скривил губы и полез в сумку за дневником; белая кисточка хвоста дергалась над пыльной дорогой из стороны в сторону. Когда он признается всем, что влюбился в полукровку?

Я поравнялся с парнем и, кивнув на дневник, спросил:

— Будешь писать прямо на ходу?

— Наверное, не смогу, — не стал отрицать глупость. — Если только ты поддержишь чернильницу и меня под руку. А, нет! Не смей меня трогать!

Отступил к густой траве, кривя лицо. За его плечами раскинулись можжевельниковые заросли, дальше виднелась макушка Вечного леса. Надо было плюнуть и вернуться домой. Меня давно никто не бил, кроме компании Тигара, наверное, я бы смог оправдаться. Ромиар хоть понимает, что своим секретом рискует не только собой, а всеми нами?

— Ты набрал амулетов в дорогу? — спросил я.

— Набрал, но они действуют все слабее.

Звучит неутешительно.

— Тебе стоит рассказать им.

— Нет. — Он посмотрел на меня с угрозой. — И ты не скажешь.

— Ты меня не жалел, — напомнил я. — Почему я должен?

Он захлопнул дневник и исподлобья глянул в спину полукровке.

— Посмотри, какая она мерзкая. Даже люди не такие страшные. Иногда она уходит из моей комнаты, а мне страшно касаться того, что она трогала. Но в тот же момент, знаешь... хочется. И хочется все сильнее. Раньше я сразу вызывал слуг, и они вычищали каждый уголок, где могла лечь ее тень, а теперь стараюсь никого не впускать и не открывать двери, чтобы дольше дышать запахом, который остается после нее. С ней я становлюсь извращенцем. Это как тянуться к собственным...

Он не договорил — его передернуло; серое лицо побледнело.

— Забудь. Я уже схожу с ума. Амулеты всего лишь замедляют этот процесс, делают его не настолько невыносимым. Будет только хуже, если Елрех начнет насмехаться надо мной или, что более вероятно с ее характером, жалеть меня.

Я промолчал. Холодный ветер немного отвлек, заставил крепче запахнуть полы новой куртки. И вроде солнце сияет высоко, но этим рассветом все равно холодно. Взгляд опустился на низкую девушку. И снова ее походка приковывала, одурманила. При каждом шаге обозначались изгибы тела, напоминали о его тепле, о гладкой коже на спине, о дрожи напряженного живота под моей ладонью. Я тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Наверное, отчасти я понимаю шан'ниэрда. Дурно от того, что меня тянет к ней.

— После ритуала, — продолжала делиться она с Елрех тем, о чем умолчала дома, — они скидывают трупы с края плато. Если кто-то выжил во время боя и просто потерял сознание, то шансов у него не остается. Им плевать, кто перед ними лежит: друг, отец, дед, вчерашний собутыльник. Традиции

управляют ими. Буквально диктуют, что делать!

Неужели она этим недовольна? Был уверен, что она рассказывает о них с восторгом.

— Но они даже сами не осознают, что борются с ними. Не знаю, что повредил во мне этот недовождь. Мне казалось, что во мне живого места не осталось. Никогда не думала, что организм — это настолько хрупкая система. В итоге помню только, как меня Дарок вытащил из круга. И пока нес на руках я ему жаловалась, как больно. Рискнула еще, а может, просто не думая, сказала, что если не позову Айссию, то вот прямо сейчас и сдохну.

— И он не запретил? — Елрех понизила голос и вытянула шею.

— Шикнул. Приказал рот закрыть. Отнес в сторону, а затем уложил на землю. Я уж думала, что плюнул на наши условия и оставил умирать. С кем он в поединке сошелся, кого убил — без понятия. Но, завершив свое испытание, вся эта четверка меня обступила. Они же широкоплечие амбалы, вот и заслонили собой. Я тогда очень удивилась, что Дарок тряхнул меня и сказал: «Зови своих духов, женщина». Он ведь неммыслимо рисковал, не я ж себя на священное плато пустила. Но раз сам попросил, то я и позвала.

— Васоверги не любят духов, — с сомнением протянула полукровка, сближаясь с Асфи.

Колея в этом месте сузилась, заросла бурьяном. Лес, напротив, расходился; под кедрами редел орешник. Но отмечая эти изменения, я все равно не мог отделаться от нового вопроса, злившего меня по многим противоречивым причинам — какой из себя этот Дарок?

— Даже не в этом дело, — перебегая затопленный участок по поваленному дереву, бодро говорила Асфи. — Он же вождем стать хочет. Как раз таким, кто за традиции выступает и воюет с теми, кто хочет внедрить в их быт духов.

— И что ему не нравится в этой идее? — изумилась Елрех, осторожнее шустрой девчонки продвигаясь по скользкому стволу.

Я хмурился. Ромиар учил меня читать на общем языке, взял для меня несколько книг в поход, но обычно все слова в них были мне знакомы. К тому же я неплохо понимал нашу знахарку, когда она говорила на своем родном языке, хорошо знал эльфийский и отличал от него эльфиорский, знал несколько слов из шан'ниэрдского и бегло объяснялся на фангровском. В Солнечной хватало разных пришлых, а еще многие торговцы обсуждали торги между собой на своем родном, надеясь на необразованность деревенских. У меня была возможность поучиться языкам. Однако Асфи удивляла. Неужели она росла среди рассатов? Но благородные кошки предпочитают компанию гелдодов и шан'ниэрдодов, изредка эльфов и эльфиоров, а вот люди... Наверное, должна быть весома причина для такого сближения. Но это единственное, что приходило на ум. В незнакомых словах, которые иногда звучали от Асфи, преобладало рычание. Выразительное «р». И вот опять «внедрить».

Успокаивало лишь то, что не я один напрягался от незнакомых слов. Роми всякий раз щурился, а Елрех хмурилась. Но никто и не просил девушку уточнить, смысл сказанного все равно был ясен.

— А не нравится Дароку то, что за бытовой помощью скрывается большее. Они же воины, а значит, рано или поздно прибегнут к силе духов в бою, а дальше клятвы и законы духов. Он не хочет, чтобы их мужчины перестали полагаться на собственные понятия о чести и отрекались от истинной, как он выражается, чистой, ярости. Дарок считает, что жить по законам духов — это несправедливо.

Ромиар присвистнул.

— Что не так? — резко обернулась Асфи и сразу надула обиженно щеки.

— Все хорошо. Кейел, — позвал меня парень, — я не замечал, что у тебя много общего с мародерами.

— При чем тут мародеры и Кейел? — пятась, возмутилась человечка. — Мы говорим о духах и вашей глупости. Я о тех, кто и впрямь сильно послушен духам. Например, всяким разным шан'ниэрдам. Думаю, вам надо с рождения рога удалять, чтобы мозг до нормальных размеров вырастал. Роми, у вас и вправду хватает пробелов в законах из-за того, что вы сильно опираетесь на духов.

— Слышал, Кейел? — спросил он, игнорируя оскорбления. — Мне кажется, я попал в сборище скверномыслителей.

Асфи взглянула на меня с интересом, а затем приковалась взглядом к... моему подбородку?

К губам...

Наткнулась пяткой на кочку, ойкнула и взмахнула руками. Сердце ухнуло, меня прошиб озноб. Я вмиг оказалась в шаге от нее, но не успел. Елрех удерживала подругу за локоть, позволяя ей обрести устойчивость на твердой земле и проговаривая:

— Неуклюжая Асфи, как же ты целого вождя победила, если валишься на добротной колее?

— Это в каком месте она добротная?

Ромиар рассмеялся, а Асфи натянуто улыбнулась. Держалась за горло и все норовила отвернуться. Прятала от меня виноватый взгляд. И во мне росло желание встряхнуть ее, потребовать, чтобы прекратила мучить. Но ведь глупо... Она ничего не делает по отношению ко мне такого, за что ее можно было бы осудить. Тогда что мне требовать?

Со смертью Солнца мы развели костер, ждали, когда в котелке сварится каша с мясом. Пока доходил ужин, пили отвар и беседовали. Елрех продолжала допытывать Асфи, а та все так же стыдливо отводила взгляд от моих глаз. И я злился на нее ни за что, понимая это, но не зная, как избавиться от этой злости.

— После боя мы вернулись в Васгор, — сказала она.

Костер сильнее разжигал пламя в ее глазах, придавал приятному лицу таинственность. Тонкие пальцы мяли железную кружку, над которой поднимался пар. Я следил за ним, видел, как он растворяется в прохладном воздухе на уровне приоткрытых губ. Отвлечься уже не пытался — пропущу скверные желания через себя, и они пройдут. Наверняка пройдут.

Очередной мимолетный взгляд с ее стороны ошпарил изнутри. Она повела плечами, склонила голову, снова спрятавшись за волосами. Хотелось бы обвинить, что дразнит намеренно, но я понимал, какое это безумие. Стоит ли попросить у нее прощение и объясниться? Но Елрех и Роми будто не замечают моего внимания к ней, может, и она не замечала бы, если бы сама так часто не смотрела на меня?

— В Васгоре нас встречали у ворот, — Асфи с полуулыбкой продолжила рассказ. — Много женщин разных рас. Была жидкая еда, видимо, чтобы после голодовки не утяжелять желудок. С другой стороны, там было столько выпивки, что ею точно при желании можно было бы напиться до смерти. Я только делала вид, что пью. Боялась. Излечиваться полностью не рискнула же, чтобы другие васоверги ничего не заподозрили, поэтому страшно было, что настойки элементарно кровь разгонят.

Небрежным взмахом руки она убрала челку, упавшую на лицо. Тонкая прядь прилипла к влажным губам, попала в рот, и Асфи, вода пальцами по щеке, стала осторожно выталкивать волосы языком. Я вдохнул глубоко, переживая взрыв в голове. Погрузившись в созерцание костра, вновь обратился к духам с молитвой.

Голос, сладким стоном застрявший в памяти, опять зазвучал над стоянкой:

— Празднуют они до рассвета. Как я поняла, напиваются и хватают первую попавшуюся девушку, чтобы быстро рухнувшую демографию исправить. Ну, Роми, наверное, знает, что это такое. За один ритуал они половину смелых васовергов убивают, а потом спешат эту половину восстановить.

— И тебя не трогали? — Роми изогнул бровь, подтягивая к себе походную сумку.

Я затаив дыхание мысленно ругался на себя. Мне-то какое дело спала она той Луной с васовергами или нет? Асфи хмыкнула с отчетливой грубостью.

— Вот еще! Я хоть и переживала за свое здоровье, но так злилась, что готова была еще нескольких васовергов завалить. Нет, в самом деле. Может, солнце в голову напекло; может, голод дал о себе знать; может, пережитый стресс — или все вместе взятое. Елрех, ты не представляешь, как там мучаешься даже просто от долгого сидения на месте. И в голову лезет все — что нужно и не нужно, а отвлечься — ну вот вообще никак! — Она развела руками; ее кружка блеснула выгнутым боком, отражая огонь. — В итоге потом ходишь и на всех рычишь, чтобы даже со спины не подходили. Но вот знакомилась часто. Это связано с желанием запомнить всех, кто на ритуале проявил свою Ярость. У них существуют привилегии, которые выделяют яростных васовергов среди тех, кто на этот ритуал даже не суется. Якобы: опасаясь за свою жизнь, значит, пресмыкайся.

— Сколько еще до Васгора? — поинтересовался Ромиар, раскатывая карту перед собой.

— Если будем идти таким же темпом, то пара-тройка дней.

Дней?..

— Ты с севера? — Я осмелился вновь посмотреть на нее.

Она ответила не сразу. Несколько мгновений хмурилась, а затем резко повернулась ко мне. Злости на милом лице не было, только сочувствие.

— Пожалуйста, не будь как все фадрагосцы: не считай изгоев преступниками с рождения, — попросила она мягко, неожиданно приятно удивляя. — Они не виноваты, что родились в другом месте. А я нет, не с севера. Из другого мира.

Я усмехнулся, хоть шутка, сказанная, чтобы скрыть родное место, и не была смешной. Скорее, отдавала излишним самолюбием.

— Смотри, — округлила глаза, обращаясь неизвестно к кому, — думает, что я шучу. Нет, Кейел, это чистая правда. И рассказываю я тебе об этом, только потому что ты захотел знать обо всем. Справедливое желание, я его уважаю. И не вздумай брать пример с Роми — держи язык за зубами, цени тайны, которые тебе доверяют.

Роми фыркнул, а Асфи выплеснула остатки отвара в костер и стала вытряхивать из кружки последние капли.

— Елрех, наверное, каша уже готова. Есть хочу. И спать. Завтра...

— На рассвете, — поправила Елрех, потянувшись за мисками и ложкой. — Не дуйся, смелая человечка. Кейел прав: с твоей речью надо что-то делать, иначе тебя будут принимать за изгнанницу.

— Хорошо. На рассвете я отведу вас к горе. Роми, ты как раз поставил на нее палец. Ага, к этой самой. Там разобьете лагерь и будете ждать, когда я вернусь из Васгора.

— Опять сунешься к ним одна? — с упреком узнавала полукровка.

Асфи в ответ повела плечами. Взяв посуду у Елрех, заглянула в котелок. Промычала, облизывая губы, и закусил язык, оставляя кончик снаружи. И я по очередному жару внутри себя и дрожи в руках понял: одна она не пойдет. Я должен вырваться из омута соблазнов, пока не влюбился, как Роми. Поэтому мне необходимо пойти с Асфи и поговорить с ней наедине.

Как и предполагалось, без сопротивления не обошлось.

— Куда пойдешь? — изумилась Асфи, поднимая с земли сумку.

— С тобой, — с готовностью повторил я, поправляя свою сумку на плече.

Девушка заглянула мне за спину и поинтересовалась:

— Ты ничего в обед не подсыпала?

— Нет, сумасшедшая человечка!

— Тогда — подливала?

— Асфи, мне нужно пойти с тобой! — твердо сказал я и шагнул к ней. Она мгновенно отступила и с недоумением уставилась мне в глаза. — По твоему, зачем я пошел с вами?

— Ну...

— Чтобы стать сильнее. — Я улыбнулся, щурясь от яркого солнца. — И чтобы ты понимала: духовно и физически. Васгор, судя по твоим рассказам, прекрасное место для начала.

— Не. — Она покачала головой.

Я несколько раз кивнул.

— Какой ты настырный, Кейел. — Ромиар остановился в метре от меня, положил руку на живот, второй — облокотился на первую и обхватил подбородок. Стал переводить задумчивый взгляд с меня на Асфи. — Соглашайся, человечка, он ведь прав.

— Не, — упрямилась она. Повернулась к нему и скрестила руки на груди. — Ты говорил, что будешь за ним...

— Я способен сам за собой присматривать, — не дослушивая оскорбления к себе, перебил я ее.

Она залилась румянцем. Сглотнула, сложив губы трубочкой, медленно выдохнула и решила попытаться снова:

— Кейел, послушай...

— Я иду с тобой, — настоял я и направился прямо на нее.

Асфи мигом отскочила в сторону, и я затылком ощутил ее молчаливое общение жестами с другими. Либо надумал... Без разницы — главное, меня больше никто не задерживал.

Девушка не ошиблась с расчетами. К горе мы пришли третьим рассветом к половине пути Солнца. Местность нагоняла тоску и желание двигаться без остановки, чтобы скорее миновать ее. Степи, выжженные палящим гневом Солнца, сменялись желтым камнем, от которого поднимался зной. Но больше всего не по душе были промежутки с рыжими барханами. Горячий ветер срывал с их вершин песок, и он летел в лицо, глаза, скрипел на зубах и прощупывался в волосах. Я слышал, что земля викхартов сплошь такая, только песок там бурый.

Когда жара плавно вытеснила мягкое тепло соседнего региона, я удивлялся, почему Асфи размотала плащ, аккуратно свернутый в рулон и прицепленный под сумку, и накинула на себя, но потом понял — Солнце не любило землю васовергов. Под плащом в самый зной становилось невыносимо, но пот, льющийся струями с волос, по шее, спине, ногам, пропитывал одежду, а она, влажная, хоть немного остывала даже под горячим ветром. Без плаща никто из нас долго не продержался. Однако никакие неудобства не останавливали меня от любования Асфи, поэтому в своем решении я не передумал.

Мы молча двигались по твердой земле. Асфи насупилась, в мою сторону даже быстрых взглядов не бросала. Иногда лишь поднимала глаза к Солнцу, а затем озиралась, прекрасно ориентируясь по местности, но иногда все-таки сбиваясь. Я не поправлял, просто шел следом и ждал, когда она прекратит дуться.

Солнце сделало шаг с половиной, когда Асфи указала вдаль — на дерево со скудной тенью под ним.

— Нужен привал. — Предплечьем вытерла пот со лба и протянула: — Тут невыносимая жара...

И ее, наконец-то, прорвало.

— Когда я сюда в первый раз пришла, еще в той жизни, было мрачно, но как-то сыро. Видимо, небывало повезло. А сейчас просто невыносимо находиться, пекло похуже чем под Сводом скверны. Хотя нет, там все-таки хуже. С другой стороны, некоторые переулки в Васгоре под солнцекеп попадают и сохнут. Вони меньше. Ты, кстати, все же зря в Васгор со мной отправился, не для первого раза местечко... Противное и ужасное. Может, тебя стоит даже о нем просветить, ну, чтобы...

— Асфи, — с улыбкой позвал я, и она, склонив голову и замолчав, искоса посмотрела на меня. — Ты любишь поговорить.

Темные брови сошлись на переносице, губы выдали сомнение. Я засмеялся и покачал головой; капюшон чуть съехал от движения, и я снова спустил его на лоб.

— Роми любит слушать, размышлять, уточнять, спорить. Елрех говорит в основном по делу — не привыкла, наверное, — но послушать тоже любит, а вот твой голос звучит всю дорогу. Я от тебя столько всего о Фадрагосе узнал, сколько от торговцев за всю жизнь не слышал.

— Хочешь сказать, я болтливая? — она растерялась.

Неужели ей никто об этом никогда не говорил?

— Извини, — вдруг произнесла, опуская голову. — Если соскучился по тишине, просто одерни меня. Обещаю, я помолчу.

Нет, только что прошли целый шаг с половиной Солнца без ее болтовни, и путь показался долгим. Пусть не замолкает.

— Наоборот, Асфи, мне нравится тебя слушать. Но я бы хотел поговорить с тобой.

— Не удивлена. Ты ведь за этим здесь? Извини, я просто гадала: наедине остаться хочешь или действительно ради глупой закалки со мной навязался.

Мы выбрали самое темное место под деревом. Остроконечная листва пропускала свет, как решето. Под таким особо не расслабишься, но отдохнуть немного можно. Асфи опустила на землю первая, прижала ладонь к ней и вскоре отдернула, втягивая воздух сквозь зубы. Я вздохнул тяжело, вытащил маленькое полотенце из сумки и вытер мокрый лоб, шею. Затем нехотя уселся рядом с Асфи, как можно лучше закинув плащ под себя. От земли мгновенно дохнуло жаром в лицо, но ноги пробрала приятная колкость, и они словно загудели. Несмотря на зной, захотелось вытянуть их и дать им отдых. Глядя, как Асфи, пьет воду, я потянулся к своему бурдюку.

— Оставь хоть немного, — через несколько мгновений услышал я и отнял бурдюк ото рта. Асфи, вытирая губы манжетой рубахи, предупредила: — В Васгоре воду днем с огнем не сыщешь. Я бы ее рекомендовала вообще запрятать в сумку, как и деньги. В городе смотри в оба, воровство — дело обычное.

Кинула бурдюк на сумку и, прислонившись затылком к стволу дерева, блаженно застонала. Я последовал ее примеру и, прикрыв глаза, с трудом удержался от такого же стога. Еще бы ветер прохладнее...

— Так о чем поговорить хотел?

— О нас, — ответил прямо.

Она наверняка поймет. Возможно, Елрех и Роми не поняли бы, наверняка не поняли бы родители и Лери, но, насколько я успел узнать Асфи, она готова выслушать любую откровенность.

— М-м... — протянула лениво. — Мы же уже договорились.

— Договорились, — согласился я. — Но усложнять ничего не хочу.

— Это правильно.

— Ничего утаивать, надумывать лишнего.

— И это правильно.

— Лучше ведь для всех, если обойдемся без секретов. Ты, как я понял, как раз из тех, кто ценит правду.

— Ценю. А ты я смотрю, приглядывался. Не слишком ли увлекся?

— Слишком. — Признание осело тяжестью в груди.

— Понятно. — Она тяжело вздохнула.

— А ты?

Ответь, что тоже, Асфи...

— Старалась не присматриваться.

Уклончиво. Нечестно. Одним словом — девушки. Но эта...

И опять голова пошла кругом от воспоминаний. Я упрекнул на выдохе:

— Асфи, нельзя ведь так парней целовать. — Подождал ответа, но его не последовало. — Мне понравилось. Теперь не могу перестать думать о тебе. Не слышал, чтобы у нас кто-то так целовался.

— А у вас так и не целуются, — очень тихо сказала. Если бы ветер не успокоился, я бы не разобрал слов.

— У вас? А где так целуются, Асфи?

— В моем мире.

Я отнял затылок от дерева и посмотрел на девушку. Она будто почувствовала мой взгляд, приоткрыла один глаз и скосилась на меня.

— А ты не поверил? Я же сказала: я из другого мира.

— Да ну?

— Честно, Кейел. Могу рассказать о нем. Хочешь?

— Быть не может... — Неужели она говорит это всерьез? Другой мир — что? — Хочу. И многое расскажешь?

— Я же болтливая. А о своем мире к тому же говорить могу постоянно. Это вообще моя излюбленная тема, нашелся бы только слушатель.

— Поверить не могу.

Асфи рассмеялась, выгибая шею, — и я позабыл сразу о двух мирах. Ощувив привычное волнение,

наблюдал за ней.

— Асфи, что мне делать? — вопросом мгновенно оборвал красивый смех. Она плотно сомкнула губы, на влажном лбу залегли морщинки. Отвернулась. — Я постоянно думаю о тебе. Пытался не думать, но не получается.

Она вцепилась в плащ у горла, запахнула плотнее, будто опять пряталась от меня. И мне нравилось... Нравилась ее реакция, нравились напряженные пальцы и блеск в карих глазах. Нравилось сорвавшееся дыхание и румянец на щеках.

— Я злюсь на нас, Асфи. На себя, потому что ничего не могу с собой поделать. На тебя. Тот поцелуй... — Зажмурился, обхватил лоб рукой, потер виски. Договорились ведь быть честными, значит, надо сознаваться во всем, в чем себя уличил. — С первой встречи глаза запомнил. Еще в Медвежьей колыбели. Потом в Солнечной от смеха твоего замирал. Другое дело, что значения, дурак, не придавал. И этот поцелуй окончательно укрепил интерес к тебе. Мне ведь нельзя тобой увлекаться, Асфи.

— Думаешь, мне легче? — спросила тоскливо.

Я присмотрелся к ней внимательно, но и с беглого взгляда все становилось ясно.

— Не легче, — озвучил увиденное, трогая горячую землю возле стройной ноги. Поддаваясь скверне, я склонился к Асфи, заглянул в лицо, и девушка, как обычно, ступшевалась сильнее. — Я не слепой. Ты постоянно смотришь на меня и стараешься избегать. Ты... Если бы я мог, то поцеловал бы тебя снова и не остановился бы. Вот такие плохие желания. Порок. Ты ведь ощущаешь то же.

Асфи, втянув голову в плечи, молчала и всячески избегала смотреть мне в глаза.

— Но тебя тянет к нему. К тому, кого ты видишь вместо меня, а я... Я и так уже предал Лери: оставил ее одну. Ушел, не сообщая, куда и зачем. Мне остается только надеяться, что я успею вернуться до того, как она подарит жизнь нашему ребенку. Я хочу быть хорошим отцом и мужем.

Я отодвинулся, чувствуя стыд. Асфи слабо кивнула. Подтянула ноги к себе, обняла колени и прилегла на них щекой. Устремила пустой взор на песок.

— Ты любишь ее? — поинтересовалась и шмыгнула носом, едва сдерживая слезы.

— Люблю, — тихо ответил я.

— Вот и я его люблю. До сих пор люблю.

Девичьи руки сжались; костяшки побелели. Ревности, наконец-то, не было, но любопытство осталось и победило.

— Неужели Вольный был хорошим?

— Хорошим? — Асфи, все так же глядя на землю, приподняла бровь. — Потом был. Сначала — нет. Даже убить пытался. И потом долго нет. Я даже и не помню, когда хорошим стал.

— И ты все равно полюбила? — Я пересел удобнее: подтянул одну ногу к себе и обхватив ее, сцепил пальцы в замок.

— Значит, нашла за что. Не суди его. У него судьба была...

Девчонка — невероятно ранимая, хрупкая, беззащитная, — осторожно выдохнула. Сильно сомкнула губы, и сама вся сжалась в комочек. Слеза покатилась к ее носу, смешалась с каплями пота. Сердце замерло, руки ослабли, меня охватил страх. Пришлось сдержать себя, чтобы не обнять ее, не начать бестолково спрашивать, чем я могу помочь. Ну чем я могу помочь ей?

— Опять плачу. Столько не плакала, держалась, и вот — снова. Каждый день скучаю по нему, вспоминаю. Представляю, как было бы, а если бы, а вдруг... — Опять шмыгнула носом. — Я когда появилась в Фадрагосе, порядков не знала. Людей видела реже, чем эльфов. А тут человек, парень, может, чуть старше меня. И красив, зараза. Смотришь на него — и дух захватывает. Хочется, чтобы... — Встрепенулась, побледнела. На меня круглые глаза подняла и, губы пальцами накрывая, прошептала: — Прости.

Улыбка была неуместна, но я не удержался. Не смог. Отпустил себя; неправильная радость перебила все плохое. Будто прямо на чужом горе выросло счастье.

— Это ты меня прости, — попросил. Закрыв глаза, сдавил рукой щеки, стирая улыбку, сводящую скулы. Объяснился: — Никогда не слышал о себе ничего подобного. У нас ведь с ним единственное общее — это внешность. Приятно. И что, даже эльфы не затмевают?

— Сдались тебе эти эльфы? — фыркнула она, тоже повеселев. Выпрямилась и вытерла щеки. — И общего у вас чуть больше — в той жизни тоже все меня к эльфам отправлял. Красивые, красивые...

— Видимо, у меня во всех жизнях эльфы вызывают предвзятость.

— Ты сейчас говоришь про этого? — Асфи нахмурилась. — Который у вас в деревне главным себя возомнил.

— Не будем о нем. — Дернул рукой, желая накрыть ее рот, но вовремя опомнился. Сжал кулак, заводя за поясицу.

— Как скажешь, — запросто согласилась. — Он мне тоже не понравился, видела эльфов и получше. А насчет твоего разговора. Делать что?.. — Опустила плечи, почесала курносый нос и сдалась: — Не знаю я, что нам делать, Кейел. Но, знаешь, спасибо тебе, что ты вот так честно обо всем заявил. Не знаю, как тебе, но мне полегчало.

Полегчало? Наверное.

— Давай попробуем подружиться и впредь всегда друг друга одергивать. Вот так открыто говорить, где перегиб, где забываемся. Будем учиться держать дистанцию и всегда помнить. Я буду помнить, что ты — не он, а ты о том, что тебя дома ждет любимая невеста, которая скоро сделает тебя счастливее. Увидим, что кто-то из нас... ну, скажем, попутал берега, сразу же будем бить тревогу. Мне кажется, у нас получится отличная взаимопомощь. Как думаешь?

— Получится, — уверенно сказал я, действительно ощущая облегчение и даже прилив сил. Она права, бороться вместе проще, чем в одиночку.

— Идем дальше? — спросила, поднимаясь с земли.

— Идем.

— Сейчас расскажу тебе об основных порядках в Васгоре, — хватая бурдюк и сумку с земли, начала она, — но, по сути, порядков как таковых нет. Ты главное, держись рядом со мной. Не встречай в разговоры, игнорируй любые провокации. Помни, что если завяжешь конфликт, то пострадаем мы оба. Поэтому я буду тебе благодарна, если ты нас не подставишь. И не обижайся, что тоже тебе так прямо об этом говорю. Это не потому что я считаю тебя, как жители твоей деревни, дураком, а потому что лучше заранее...

Я расхохотался, и она, растерянно взглянув на меня, замолчала. Духи Фадрэгоса, замечательная девушка! Еще ни с кем не было так легко. Вставая следом за ней, сквозь смех успокоил:

— Асфи, я не обижаюсь. — Положил руку на ее плечо и с благодарностью заверил: — Я не вижу ничего плохого в предостережениях. Больше не волнуйся об этом.

Дальнейший путь пролетел незаметно. Асфи изредка замолкала, да и то интересуясь у меня, все ли я верно понял. Рассказы о разных ситуациях с васовергами лились из ее уст нескончаемым потоком. Большую часть я знал с детства из чужих слов, но девушку не останавливал, чтобы не сбивалась.

Когда на горизонте показался Васгор, полупрозрачный, обьятый маревом, Асфи изменилась. Незаметно исчезла осанка, походка утратила женственную красоту, а правая рука, почти всегда сжимающая ляжку сумки, перелегла на рукоять кинжала. По мере того, как стены города росли перед нами, на лице девушки разглаживались морщинки улыбки и веселья, а вместо них появлялся отпечаток опыта, пожалуй, больше подходящий бывалому воину. Вмиг почудилось, что она старше, чем выглядит, а потом я вспомнил — не чудится...

Оказавшись в самом городе, я согласился с Асфи, что хуже места еще не видел. Для первого раза это хоть и не было слишком, но смотреть на казненных существ, нанизанных на кости драконов, не хотелось. Во мне росла злость, рождались вопросы, мысли, требования... Опять глупые требования, которые некому предъявлять. Нельзя отбирать чужие жизни, для этого нет никакого оправдания. Ни Солнце, ни Дерево жизни, ничего нет, что может оправдать отнятую жизнь.

Некоторые васоверги встречали Асфи крепкими хлопками по спине и обрывками слов на языке, звучащем грубо. Другие молча сходили к обочине и провожали нас внимательными взглядами. Девушки... В Заводи я видел множество девушек, и часто любой можно было любоваться. Не так, как я люблю Асфи — без желания, но с приятным ощущением. Однако тут девушки вызвали отвращение. Одни: лохматые, грязные, часто с выбитыми зубами и синяками на лицах; такие смотрели хмуро, шипели вслед проклятия. Другие: хоть и с сальным блеском на волосах, но ухоженные, одетые броско, откровенно; горящими взглядами и манящими жестами подзывали к себе, а затем, когда я отворачивался, смеялись дружно. Третьи: их я заметил не сразу, да и то после того, как васоверг швырнул темноволосую человечку прямо нам с Асфи под ноги. Из-за пазухи

дырявой куртки вывалились флаконы и мешочки, из разорванного ворота в грязь упали монеты.

— Воровка, — бросила Асфи, толкая меня в локоть. — Обойдем.

И мы обходили по грязным, вонючим переулкам. Под сапогами хрустели кости, под завалами мусора пищали крысы, растаскивая объедки из вылитых помоев. Иногда среди всего бытового безобразия просматривались останки существ.

— Ромиар не прав, — произнес я; омерзительная дрожь в груди нарастала. Асфи хмуро глянула в мою сторону, и я добавил: — У меня нет ничего общего с васовергами.

— У меня тоже, — ответила она ободряющим тоном. — Но им об этом знать не обязательно.

В таверне — с закопченными стенами, затхлым кислым воздухом и забитой пьяными васовергами — Асфи отыскала мужика, который согласился отправиться в дом Дарока. В этой же таверне мы сели за узкий стол, взяли какой-то несъедобной дряни, но не ели. Сидели друг напротив друга и вяло переворачивали пыльными пальцами бледно-желтые с зелеными разводами куски. О том, что нам принесли, даже гадать не хотелось.

Когда я уже был готов рискнуть и попробовать темно-зеленую выпивку, за нами наконец-то пришли. Два васоверга от души похлопали Асфи по спине, а затем без лишних расспросов пригласили идти за собой. О месте, где я видел молодых парней, а затем полуголых, голодных детей, хотелось забыть. Я шел за Асфи, едва ли вслушиваясь в ее беседу с васовергами, и понимал, что мне еще повезло с детством.

Сам Дарок, как и его дом, уже не впечатляли. По мне этот васоверг с серыми лохмами под стальными рогами мазнул взглядом и словно забыл. Видимо, тоже не впечатлился. Поглядывая на Асфи, преобразившуюся в какую-то осторожную, таинственную наемницу, пытался понять — она изменилась только внешне, или внутренне тоже? Заметив, что она, не думая, отправляет еду со своего блюда в рот, я и себе позволил выпить и поест. Говорили присутствующие на общем языке, и иногда информация из звучавшей беседы цепляла, но я молчал, мысленно откладывая вопросы на потом.

— Я, как услышал, что ты вернулась и меня ищешь, успел обрадоваться, — проговорил Дарок, раскидывая по нашим блюдам крупные куски мяса. — А ты снова с просьбами.

— Оставь эти намеки, — беззлобно попросила Асфи. Но при этом в ней не осталось ничего хрупкого и ранимого, что я видел в пустыне. — Я не ищу отношений, тем более не спешу стать мамой.

Дарок довольно ухмылялся. Его шрам, пересекающий губу, то темнел, то светлел.

— Зачем ты вернулась, Асфи? Скажи, что Стрекоза посмела обмануть тебя, и весь Васгор бросится на ее поиски. За оскорбление яростных полагается особая казнь.

— Не обманула. — Она покачала головой. — Пока еще нет.

— Но ты этого ждешь. — Большие пальцы Дарока превратили крохотный кусок мяса в блин.

— Просто не исключаю никаких ситуаций. Однако я тут по другому вопросу.

— Говори. — Мясной блин полетел к отходам.

Все васоверги выжидающе уставились на Асфи. Я не чувствовал опасности, но заметил топорик на стене. Управляться топорами я умел.

Асфи цыкнула и повернулась ко мне. Я посмотрел на нее в ответ. Что?

— Я не знаю, могу ли говорить при Кейеле, — выпалила она и снова уставилась на Дарока.

Тот помрачнел. Склонился над столом.

— Ты привела ко мне в дом человека, которому не доверяешь?

— Нет! Я ему верю. Как себе верю. Просто... Откуда мне знать, могу ли я кому-то рассказывать твои секреты? — прозвучало это упреком.

Я напрягся, снова бросая взгляд на топор, но Дарок ухмыльнулся.

— Похвально, — произнес он. И поднял свою кружку. — Говори, раз ему доверяешь.

— Ты сказал, что разведчики видели Стрекозу рядом со старым вождем, — незамедлительно произнесла Асфи, постукивая пальчиками по столешнице. — А вождь ищет любое могущество,

которое делает его сильнее. Ради этого ты согласился мне помочь и попросил разузнать о ней все, что смогу.

— Все верно, — согласился он и сделал несколько больших глотков.

— Дарок, я тебе об одном не сообщила. Я сама предложила ей найти такое могущество. За этим я сюда изначально и пришла.

Васоверги напряглись. Дарок отнял кружку ото рта, а вскоре сдвинул ее — железные бока жалобно скрежетнули и прогнулись.

— Не злись, договорить дай, — казалось, бесстрашно потребовала Асфи, но я заметил, как напряглись ее ноги. Зато в карих глазах плескался гнев. — Я уверена, что со старым вождем они ищут сокровищницу Энраилл. Ни какой-то там отдельный артефакт, брошенный непонятно где, а целую кладовую артефактов, способных покорить весь Фадрогос.

— Эта сокровищница — выдумка. — Дарок фыркнул, остальные васоверги расслабились, заулыбались. — Им никогда не найти ее, как и тебе, потому что это жалкая сказка.

— Ошибаешься. Я знаю, где она, и веду Стрекозу в нее. Но собираюсь убить разбойницу сразу, как только она станет мне ненужной.

Милость Дарока мигом сменилась гневом. Он резко подался вперед. Сердце замерло. Я подумал, что он схватит безумную девушку и ударит. И сам не сообразил, как навалился животом на край стола, со своей стороны подаваясь навстречу Дароку. Тот застыл с стиснутыми кулаками, лежащими на столе, взглянул на мои кулаки — точно такие же, напряженные, как и его. По спине пробежал озноб. И что я сделаю этому мужику?

Он вдруг ухмыльнулся, кивнул мне и снова уселся расслабленно. Я постарался вспомнить самые интересные скверные мысли, чтобы отвлечься от страха, накатившего с опозданием.

— Если все это правда, то мне проще убить тебя, — заявил Дарок, пока его дружки проделывали во мне дыру тяжелыми взглядами. — Ты рискуешь. Что заставляет тебя говорить нам все это?

На Асфи я не смотрел, но услышал в ее голосе звонкие нотки веселья, либо удовольствия. Гордость? Прикосновение к плечу привлекло внимание, и я обернулся. Девушка стиснула мое плечо, но обращалась по-прежнему к васовергу.

— Вера в то, что ты ч... васоверг слова. У меня появилась нужда еще в четверых существах. Вас как раз четверо. Пойдем со мной, Дарок.

Он, не раздумывая, спросил:

— Когда?

Аня

Волнение мешало создать картину будущего из прошлого. Но я гадала. Почти каждую минуту, когда мне удавалось отвлечься от ближайших планов нашего похода, от нынешнего Кейела и воспоминания о прошлом, от опасений перед Стрекозой и Дароком, я гадала о будущем Фадрэгоса. До недавнего времени у меня и мысли не возникало, что я буду так часто размышлять о Десиене.

Мерзкий балкор, не умеющий даже ударить... И вдруг спаситель? Он?

Не смешно.

Часто хотелось выбросить эти мысли из головы, забыть о них, перестать сопоставлять, но не получалось. Иногда возникало желание удалиться подальше от ребят и позвать Тавирда, или Анью, или еще кого-то из Повелителей, чтобы просто расспросить их подробнее о планах и правдивости собственных догадок. Надежда тлела, что они ответят: подтвердят или опровергнут — этого более чем достаточно. Ведь это важно для всех нас. В том числе и для Повелителей. Хотелось позвать, но я опасалась, что если мое приглашение сработает, то Разрушители не преминут попутно заглянуть в ближайшие поселения.

Оставалось лишь верить, что сценарий будущего, складывающийся из известного прошлого, — не бред моей больной фантазии. Фадрэгос вот-вот приобретет гармонию, которую утратил с появлением людей. И добьется этой гармонии Десиен — жалкий балкор, едва не умерший от меланхолии.

Или я несправедлива?

Будущий мир Фадрэгоса — заслуга многих: погибших, забытых, застрывших во времени, утративших чувства и, в конце концов, утративших все. Как я или Вольные.

— Асфи, — позвал Кейел.

Порыв ветра швырнул темный, с красным отливом песок в глаза, и я отвернулась, натягивая серую косынку на нос. Парень, догоняющий меня, опустил голову ниже, удерживая капюшон на голове. Елрех и Роми тоже отвернулись от ветра. Наверное, стоило пожалеть ребят и разбить лагерь, переждать ветряную погоду в низком шатре, за тонкими покрывалами. Однако затягивать поход не хотелось настолько, что я гнала всех в путь с зари и до самого заката.

Как только ветер опустил взвесь песка к нашим коленам, Кейел взглянул на меня и улыбнулся. На эту улыбку я не могла не ответить улыбкой — еще ни разу не получилось не отвечать.

— Ты далеко ушла, — поравнявшись со мной, сказал он. — Тебе не тяжело? Я могу поднести твою сумку.

— Все хорошо.

Он предлагает это каждый день. В первые дни, как мы покинули Васгор, он даже стягивал с меня сумку насильно, напоминая то мне, то Елрех, что мы девушки. Он заставлял и Роми тащить котелок и палки, которые Кейел предусмотрительно отыскал и взял с собой, — в пустыне с их помощью мы и выстраивали низкую и очень тесную палатку из одеял, спасаясь в ней от песчаных бурь. Кейел многое знал об этой пустыне от сварливой знахарки и этими знаниями спешил поделиться с нами, уберечь нас.

Иногда мне казалось, что между этим добродушным парнем и Вольным много общего, но я моментально выбрасывала из головы все вспыхивающие сравнения. Все-таки у нас возник уговор, благодаря которому было легче находиться рядом. И как друг, как приятель, этот парень доставлял мне удовольствие своим обществом. С Вольным было гораздо сложнее.

Сердце сжалось от очередного лишнего сравнения. Я уничтожила того, кого любила. Стерла малейшие воспоминания о нем. А сейчас... Как я могу улыбаться тому, кто занимает его тело?

Вина надавила на плечи, стыд кольнул в груди.

— Ты что-то хотел? — поинтересовалась, с трудом шагая по зыбкому песку.

— Рассветом ранее ты рассказала о небе и дожде. Это было очень интересно. — Теплые глаза сияли, глядя на безоблачную синеву над головой. — Расскажи что-нибудь еще.

Я порадовалась, что мою усмешку скрывает косынка. Нет, я не считала себя выше этого парня. Как не считала себя умнее Роми или Елрех. Может быть, раньше... Раньше я была уверена, что банальные знания о мире дают право на превосходство, что они делают существ цивилизованной. Однако в последние дни мне приходилось многое рассказывать Кейелу о Земле, и я всякий раз

ловила себя на мысли, что Фадрогос вызывает у меня больше симпатии. Существа тут, конечно, хитрые, но при этом честнее и зачастую мудрее. Например, они меньше врут сами себе.

Усмешку на моем лице рождали приятные чувства. Мне нравилось, как Кейел тянулся к знаниям, словно ребенок. Но при этом на фоне фадрогосцев он за счет этой тяги выглядел в разы взрослее.

— Я не знаю, что тебе рассказывать, — призналась я. — У нас многое по-другому, Кейел. Раньше я была уверена, что у нас прогрессивное общество, а теперь не уверена. Несмотря на все технологии в моем мире, самые ценные знания я приобрела в вашем.

Он нахмурился и произнес:

— Вы многое знаете, чего не знаем мы. У вас есть наука, а она помогает жить даже без духов. Что ты могла узнать ценного в Фадрогосе?

— Что бездумное развитие неизбежно ведет к разрушению, — не задумываясь, ответила я. — Что всегда нужен баланс между первым и вторым. Или то, что стремление к лучшему существует лишь в наших головах.

Я могла перечислять бесконечно, но сомневалась, что он понял бы. Единственные, кто мог меня понять — мудрецы и Повелители. Или это я научилась их понимать?

— Хочешь я расскажу тебе о наших религиях?

— Рассказывай, — охотно согласился он.

— Я не все знаю. Их у нас много. Начну с самой распространенной в моей стране.

— Что такое страна?

День за днем мы продвигались глубже на земли виксартов. Я сверялась с картой, но все чаще терялась на местности. Благо, что со мной была Елрех. Да и Роми с Кейелом явно ориентировались в пустынной местности, где никогда не бывали, лучше меня.

Скучать приходилось все меньше. Кейел прилип ко мне с расспросами как банный лист, а мои развернутые ответы собирали вокруг и Елрех с Роми. Те тоже слушали с удовольствием, часто возмущались, уточняли, с трудом принимали научные теории, но спорили редко. Иногда я забывалась, что рядом со мной существа с другим прошлым. Грань двух дорог, расположенных в разной временной шкале, для меня стиралась. Однако призраки, выращенные такой иллюзией, быстро разбивались, причиняя острыми осколками боль.

Так случилось и очередным вечером.

В пустыне, наконец-то, воцарилось безветрие. Собранные в пути перекасти-поле, колючие ветки и поленья пересохшего дерева трещали в костре. Рыжий свет плясал на песке, разгоняя опасных животных. Но нет-нет и пробежали в непосредственной близости пауки, блестя черными панцирями скорпионы, а змеи ворошили и приподнимали тонкими линиями песок. К нам они целенаправленно не стремились, но заставляли нервничать, а поутру осторожно пересматривать вещи и хорошо вытряхивать покрывала.

От серой громады скал, застывшей миражом вдаль, донеслась шакалья песня. Я поморщилась от безобразных надрывных криков, повторяющихся почти каждую ночь. На сытый желудок хотелось покоя и даже веселья, а приходилось прислушиваться и на всякий случай озираться.

Кейел, сидящий чуть в стороне от меня, бережно закрыл очередную книгу. Всего их было пять, и он прочел уже каждую, а теперь соломками делал закладки, видимо, на интересных моментах. Я тоже иногда брала книги, удивляясь, что хоть и научилась тут читать гораздо раньше этого Кейела, но осилить эти толстенные талмуды так быстро не могла. И ведь было не скучно, а для меня и полезно. Две книги рассказывали о множестве духов, еще две — повествовали общую историю Фадрогоса, а последняя содержала в себе подробное описание всех рас и советы, как обустроить жизнь в городах и поселениях, в зависимости от того, какая раса в них преобладает в числе. Очень важные темы, которые мне хотелось освоить, но от рун в свете костра, или Охарс, рябить в глазах начинало уже в течение часа.

— Асфи, — обратился Кейел, как раз удерживая последнюю книгу, — ты сказала, что ваши люди тоже разделены на расы. А среди наших людей ты видела это разделение?

Роми миготнул от своего дневника, вытягивая шею. Помнится, Ив каждый удобный момент вела наблюдения, а сейчас эта привычка имелась у Роми. Наверное, в таких записях заключается основная задача исследователей: конспектировать все наблюдения, а затем из них формировать теории. Елрех на миг оторвалась от разделки пойманной змеи, из которой еще на закате выцедила

весь яд. Ее не зря приняли в алхимики. Уверена, что она даже из булыжника умудриться извлечь пользу для зелий или амулетов. Не пропадет ни грамма!

— Нет, Кейел, — ответила я, стараясь хорошо вспомнить всех местных людей, которых встречала. — У вас есть удивительно красивые люди и, честно признаюсь, очень страшные. Возможно, дело в примеси крови других рас. Но вот конкретного разделения между вами сделать трудно — не настолько и броские различия. Зато вы все высокие. Даже девушки. Я уже привыкла, и отмечаю среди них низкорослых, но посмотри на меня — зачастую ваши низкорослые девчонки заставляют меня смущаться.

В последнем я преувеличивала. Насколько броскими выглядели для меня другие разумные существа, что мне и дела особо не было до внешности местных людей.

— Но ведь ты такая, как и мы. — Кейел нахмурился, откладывая книгу и усаживаясь удобнее. Облокотился на сумку, вытянул ногу и сцепил руки в замок. Внимательно посмотрел на меня. — Кровь красная, два глаза, один рот, нет рогов... С первого взгляда видно, что человек. И дышишь ты нашим воздухом, ешь нашу еду, безбоязненно глотаешь наши зелья.

— Тебе жалко? — пошутила я, стараясь сбросить напряжение от цепкого взгляда.

Вот только вышло хуже... Кейел хрипло рассмеялся и закачал головой. Роми и Елрех тоже поддержали веселье. Я выдавила из себя улыбку — сердце заходило в сильных ударах. Оторвав взгляд от улыбчивого лица Кейела, подкинула поленьев в костер.

— Мне хочется узнать другое, — продолжил говорить он. — Ты сама сказала, что у вас доказали — форма жизни надиктована условиями и возникает под... Факторами? Какими-то факторами. Извини, то, что ты говорила, — сложно, и я не повторю, но смысл помню. И мне теперь кажется странным, что в нашем мире, если он такой же, как ваш, нет других людских рас. Или, что еще страннее, что у вас нет никого больше, кроме людей.

Я тяжело вздохнула, с растерянной улыбкой рассматривая любознательного парня. Он с отблеском огня в глазах и с неприкрытым интересом ждал ответов. Наверное, скоро я не смогу ему дать их, потому что вопросы так же быстро усложнялись, как он впитывал знания о мирах.

— Во-первых, у меня несколько теорий, — подобрала я слова. Почесывая нос, взвесила все еще раз и бодрее произнесла: — Ваш климат не так сильно зависит от расположения... Духи Фадрэгоса! Кейел, у вас весь мир расположили на карту, а вот широты и высоты не придумали.

— Какие еще высоты и широты? — нахмурившись, уточнила Елрех.

— Они помогают ориентироваться и по местности, и по климату, и...

— И так все понятно, — буркнул Роми, уже вертя карту в руках.

— Почему это важно? — спросил Кейел. — Как это связано с моим вопросом?

— Все связано. В нашем мире все было связано с климатом, а он — основа тех самых факторов, которые влияют на формирование людей и их жизни. Но у вас есть река Истины.

— А она тут при чем? — изумился Роми.

Три тяжелых взора пригвоздили меня к месту, заставили поежиться. Я взъерошила волосы, прислушалась к вою шакалов, а затем сдалась:

— Ладно, будет вам сразу вторая теория. Она будет проще для вашего понимания, а стену сокровищницы с ее письменами вы все равно увидите.

— Какую такую стену, умная человечка?

— История о том, откуда в Фадрэгосе взялись люди. Нас не должно быть здесь, Елрех. И именно мы стали причиной многих ваших бед. — Убедившись, что меня не собираются перебивать, я скрестила ноги по-турецки, облизала губы, обняла себя, плотнее кутаясь в куртку, и начала рассказ: — В нашем мире тоже есть места, вокруг которых все еще полно загадок. Они давно обросли легендами и мифами, и в них, как в реально-существующие, мало кто верит. Прямо как с сокровищницей Энраилл, только еще больше скептицизма. Одним из таких является остров, когда-то, очень-очень давно, ушедший под воду из-за землетрясения. Существование Атлантиды пытаются доказать и сейчас...

Мой голос звучал над стоянкой негромко, сопровождаясь потрескиванием костра и ночной песней шакалов. Иногда нарушался тихими сомнениями Елрех и бормотаниями Роми. Только Кейел слушал молча, внимательно и ни на что не отвлекался. Я рассказывала обо всем, что знала и про

исчезнувший остров, и о том, как Повелители спасли людей, нарушив тем самым гармонию жизни Фадрагоса. Рассказывать пришлось и про балкоров. Да и про самих Повелителей — разрушения и созидания. О Вестницах и Вольных, об истинном сокровище, спрятанном в подземелье — о проклятии Единства. Что-то Роми и Елрех уже слышали, а от чего-то округляли глаза и стремились расспросить подробнее.

Когда мой голос охрип, я подвела итог:

— Так, как фадрагосские люди произошли от несколько сотен наших людей, вырванных из одного места Земли, то у вас и нет таких сильных различий между собой, как у нас. И сформироваться они еще не успели. Или, может быть, никогда не сформируются, потому что Фадрагос на самом деле — не весь ваш мир, а только один континент. Один гигантский остров, понимаешь? Да и на нем климат зависит не столько от погоды, сколько от духов, которые создают вам комфорт, где угодно.

— А духи привязаны к реке Истины, — задумчиво произнес Кейел и тряхнул головой. Непослушные пряди выпали из-за ушей и прикрыли впалые щеки. — Выходит, чем ближе к поверхности земли ее воды и чем их больше, тем выше скопление духов. Не поэтому ли мы издавна селились там, где дождей меньше? — Кольнул меня взглядом, будто хотел потребовать ответ. Я пожала плечами, удивляясь, как ловко он связывает знания Земли с местными. — Ведь дожди не будут выпадать часто там, где духи разгоняют тучи и сами увлажняют почву.

— Поясни, — попросил Роми.

— Думаю, что изначально существа не боялись дождей, а просто тянулись туда, где был лучше климат. Благоприятнее. Это потом были придуманы пугающие легенды и о Шиллиар, и о Солнце...

— Хватит, дурной человек, — полушепотом осадила Елрех и оглянулась опасливо. — Если даже ты веришь в такую чепуху, то не нужно разносить ее повсюду.

— Извини, — мгновенно попросил Кейел, но, убрав волосы за уши, заговорщицки улыбнулся мне.

Я привстала, хотела подойти и... Опомнилась.

Зажмурилась ненадолго, а затем скомандовала:

— Пора спать. Завтра мы дойдем до племени викхартов, и нам нужно быть собранными. Нельзя никого оскорбить. Мне нужна их помощь, а поэтому надо набраться терпения и завоевать их доверие.

— Это невозможно, — усмехнулся Ромиар. — Они никогда и никому не доверяют.

— Но помощь они нам окажут, — заверила Елрех, стуча склянками в сумке. — Мы несем им бесценные дары. Мало, кто хочет сотрудничать с этими подлыми существами. Да и те, кто хочет, не всегда может преодолеть этот путь. Мы сильно рискуем, Асфи, двигаясь по этим землям. И меня удивляет наша везучесть.

— Это точно, — выдохнул Ромиар, укладываясь на своем покрывале.

— Еще ни разу не встретили хищников и нечисть, — поддержал Кейел, заваливаясь на спину и устремляя мечтательный взгляд на звездное небо. — И разбойников будто от нас отводят.

— Я это заслужила, — прошептала я, готовясь первой сторожить сон ребят.

Честное слово, я ожидала шатры или хижины из глины, или неотесанные кривые постройки, но никак не целый город из камня, да еще и с высокими пальмами. Завидев первые колонны, оплетенные густой зеленью, даже оглянулась. Вдруг и вершину пирамиды найду.

Пирамид не было, но был дракон. Огромный, угольный, с огненными прожилками на сложенных крыльях и наростах шипов вдоль позвоночника. Джоранмо, окутанный рыжим маревом жара, отдыхал недалеко от города — разлегся под солнцепеком, свесив хвост со скалы и вытянув длинную, мощную шею. Если он нас заметил, то виду не подал — продолжал притворяться мертвым.

Зато в городе нас заметили издали. Викхарты, сверкая белыми тканевыми обмотками на бедрах, стояли прямо на колоннах, окольцевавших город, и несли караул. Никакого оружия у них не было, но стоило нам подойти ближе, как существа воздели длинные руки к небу и хором что-то пропели — вокруг нас сгустился воздух. Я не отшатнулась только потому, что была готова к недоброй встрече. Легкие на миг до боли сковало, но вскоре начало отпускать, позволяя дышать — медленно, с трудом, а вот сдвинуться с места стало невозможно. Тяжелый воздух окутал тела, вдавил нас в красный песок. Хорошо, что при очередном порыве ветра хотя бы удалось опустить веки.

Из-за колонн показались воины с луками во все тело и, натянув тетиву, замерли. За их спинами

выросли очередные мужчины, но уже с тонкими мечами. Они обошли соратников и быстро сбежали по массивным каменным ступеням. Ощетинившись клинками и злобно оскаливая клыки, направились к нам. Не убили при входе — уже здорово!

— Рархот га! — крикнул викхарт с грубой тиарой из черного металла.

Давление на горло и лицо убавилось, и я мгновенно сглотнула. Попыталась взглянуть на ребят, но повернуть голову по-прежнему не могла.

— Гир ракха тун? — спросил тот же воин — видимо, командующий стражниками.

Я закусила губу, волнуясь, но полагаясь на ребят. Елрех говорила, что немного понимает викхартов, а мне бы просто попасть к Кхангатору. Вольный предупреждал меня, чтобы не смела оскорблять вождя на общем языке, если решу искать у него защиту, потому что тот может элементарно прикинуться, что языка не знает.

— Ир ракха таоран, — внезапно прозвучал хриплый голос за моей спиной. — Ир ракха дан Кхангатор ток таоран.

— Тур таоран? — викхарт прищурил выпученные глаза янтарного цвета.

— Ир лакх ан Кхангатор.

Воин клацнул клыками и зашипел. Кейел повторил громче:

— Ир лакх ан Кхангатор. Ир агна ток таоран!

Воин поморщился, но, быстро обернувшись, махнул стражам на колоннах. Те снова пропели имя духов и приказы — воздушное давление упало. Однако лучники не расслабили тетиву, а мечники окружили нас.

— Что ты им сказал? — бросила я Кейелу и послушно засеменяла туда, куда нас повели.

— Что у нас важное дело к Кхангатору.

— А ты не мог бы попросить, чтобы они не резали одежду мечами? — донесся голос Роми.

Вместо Кейела на незнакомом языке что-то произнесла Елрех. Кейел мигом ее поддержал и кольцо острых клинков расширилось. Воины явно уступали нехотя, но, наверное, заинтересовались нашими делами к их вождю.

Раскаленные плиты под ногами дышали жаром. Ветер гулял между высокими домами, не разгоня зноя. Окна были без ставен и стекла, но, как в Васгоре, завешены плотными тканями и шкурами. На дверях тоже висели длинные полотна. Их отводили жители города, выглядывая и удивляясь нам. В основном любопытство проявляли женщины, но иногда встречались и старики. Детворы тут хватало — тоже тощая и пока еще с мелкими клыками. Мальчишки и девчонки бегали босые по полосам тени, а солнечные места ловко перепрыгивали. Кажется, маленьких викхартов никто не закалял трудностями жизни, как у васовергов, а, напротив, баловали вседозволенностью.

По крайней мере, ни один стражник не запретил высокой, но заметно юной девчонке прямо-таки влезть в кольцо мечей и потрогать волосы Елрех. Другой парень без зазрения совести потянулся к топору Кейела, висящему на поясе. Однако Кейел, в отличие от Елрех, терпеть молча не стал и что-то грозно произнес. Стражники оскалились, и один что-то сказал расстроенному парнишке — топор остался на своем месте.

Чем больше мы углублялись в город, тем сильнее он зеленел. Пальмы, кусты, высокая трава, цветы — большие озелененные участки встречались гораздо чаще. С ветки на ветку перелетали яркие птички, на камнях разлеживались длинные ящерицы. Постройки становились приземистыми, широкими, над дверными проемами появлялись козырьки. По фасадам зданий тянулись барельефы, превращая несколько домов, кварталов и даже целые улицы в коридор со спектаклем. Кажется, в них рассказывались истории викхартов-героев. Как я заметила, часто они начинались с рисунков младенца, а заканчивались взрослым мужчиной, добившегося важного дела. На одном я разглядела викхарта, пишущего в книге; над его головой сияли символы, у ног стояли чаши с едой и кувшины. А викхартка, которую он заприметил двумя домами ранее, обнимала его со спины. У следующего дома началась история воина, сумевшего уже через дом победить страшного монстра, а потом его поход с монстрами продолжался еще домов на пятнадцать и сворачивал за угол, куда нас, к сожалению, не повели.

Сам город окружали только колонны, и мы изначально просто подошли к ближайшей его границе. Но, судя по широкой дороге, до которой нас довели, один вход тут точно имелся. Дорога ввела к очередным колоннам, но не похожим на те, что мы видели. Эти были гораздо выше,

толще, а на их вершинах сидели каменные драконы — изящные, тонкие, узнаваемые. Словно ими обозначали условные ворота.

Вдоль дороги, прямо в камне, были выбиты углубления, в которых, сверкая, текла вода. На дне просматривались неровности, камешки и поросль мха. На поверхности плавали листочки, насекомые, дрожали редкие пузыри. Раскидистые пальмы укрывали большую часть дороги тенью; с ветвей то и дело шлепались маленькие рыжие плоды со сладким медовым ароматом. Они были похожи на персики, но в расколотых половинках я вместо косточки увидела мелкую черную россыпь.

На главной улице точно было оживленнее. Местные сидели кружком под пальмами, распивали напитки, а, завидев нас, поднимались. Вскоре за нами собралась целая толпа, гомонящая на непонятном мне языке. Кейел пару раз что-то отвечал мужчинам, и те смеялись. Даже злой стражник.

Роми размахивал хвостом, теснился к нам и бормотал:

— Кейел, я не понял, что сказал этот лысый. Кажется, я ему не нравлюсь, и он назвал меня высокогородной женщиной. Их язык не самый трудный, но самый бесполезный. Даже если бы знал, что сюда придется идти, все равно усерднее бы не учил. Елрех, посмотри на их клыки! Они не следят за ними. Разве им неизвестны хотя бы простейшие отвары для ополаскивания рта? А ведь повсюду написано, что эта раса самая живучая. Как можно жить долго, не следя за собой и своим здоровьем? Ну хоть бы калирной клыки почистили раз! Асфи, Асфи! Взгляни вон тот мужчина смотрит на тебя и кривится. Тут многие кривятся, глядя на тебя. Ты им, как и я, тоже не нравишься...

Одно успокаивало — он предусмотрительно напялил на себя два амулета, а третий прямо сейчас крепко стискивал в кулаке. Настолько крепко, что я заметила кровь на рубахе после того, как он, не разжимая кулака, потер этой рукой грудь.

От Елрех тоже не укрылось волнение Роми. И она старалась задвинуть парня в центр между всеми нами, незаметно заступая его всякий раз, как приближались любопытные жители.

Вскоре Кейел окончательно разговорился с местными, Роми снизил бормотание до шепота, а Елрех улыбалась девушкам и женщинам. На мое удивление, встречались среди викхарок очень привлекательные особы, несмотря на клыки, на сероватый оттенок кожи, выпуклые глаза и непривычно длинные конечности.

У гигантской площади, залитой полуденным солнцем, какой-то юнец и вовсе протянул Кейелу самый настоящий каравай. И пока они о чем-то переговаривались, девчушка, возможно, младшая сестра юнца, прибежала с кувшином.

— Роми, они из-за тебя, — с улыбкой сообщил Кейел. С интересом на нас поглядывали даже стражники. — Отсюда не выходили многие викхарты, но иногда видели и фангр, и людей, но вот беловолосого шан'ниэрда увидеть не надеялись.

— Им нравится? — спросила я. — Мы все. Мы им нравимся?

— Да, я сказал им, что мы желаем благополучия их дому. Они верят.

— Еще бы не поверили, — выцедил Роми, но отломанный от каравая кусок принял. — Какой идиот сунется к викс-с... хартам! — громче исправился, окидывая всех дружелюбным взглядом, и тише закончил: — с недобрыми намерениями.

Толпа от его улыбки зажужжала активнее. Мужик толкнул парня, указывая на каравай и обозначая размеры, — кажется, он обвинил, что принесли такой мелкий. Девушки и женщины бросились собирать плоды под пальмами, стражники, оскалившись, зашипели — не на нас, на местных.

— Почему их считают агрессивными? — удивилась я.

— Потому что их гостеприимство настолько же радушное, насколько жестокой может быть месть за обиду, — ответила Елрех и тоже принялась жевать каравай.

Я с удовольствием втянула аромат настоящего пшеничного хлеба, который в Фадрэгосе и не надеялась увидеть, но при этом на языке ощутила горечь. Вспомнила выжженную часть Обители гильдии, рассказ о казни мудрецов и сведения об осаде обители Цветочного плато. Сколько тогда понадобилось Кхангатору времени и решительности, чтобы развязать очередную мировую войну?

Нас провели вдоль площади, укрытой тенью высоких зарослей различных деревьев. Сразу за ней широкие ступени позволяли спуститься к берегу озера, края которого терялись в мареве и блеске. Обступившие чужаков местные трещали с Кейелом, перекикивая друг друга, а тот ловил моменты,

чтобы поделиться обрывками информации с нами.

В пустыне протекала полноводная река, и в этом месте русло резко сворачивалось кольцом. Земля давно просела, вымылась — в образовавшейся глубокой котловине залегло озеро. Разные племена долгое время воевали между собой ради этого оазиса, но осесть в нем не успевали. При затяжной засухе озеро мельчало, а от реки оставался только след истрескавшейся почвы. Но и тут иногда наступали периоды долгих слез Шиллиар. Многодневный, или многонедельный, — в этом я не смогла разобраться — ливень оживлял реку, наполнял озеро в ней, и часто вода выходила из берегов. Все, что было построено, уничтожалось. Племя уходило, а в это время к оазису подтягивались другие племена, чтобы воспользоваться удачным временем и отвоевать хлебный участок.

Прапрадед Кхангатора изменил жизнь викхартов, когда вместо глиняных жилищ потребовал возвести высокий каменный настил. Фундамент поселка уберег труды жителей от наводнения, а поселок вскоре разросся до размеров города. Другие племена признавали мудрость, или, как сказал Кейел, хитрость чужого вождя, поэтому уходили от своих вождей к нему. Город рос, и мог расти до бесконечности. Он и сейчас был таких размеров, что от одного его конца к другому приходилось идти почти весь день. Править такой громадиной трудно, поэтому уже дед Кхангатора возвел колонны и запретил расширять границы владений этого племени.

Жители с удовольствием хвастались, что эта линия вождей — все до одного — обладали необычайным умом.

— Хитрейшие из вождей, — с улыбкой протянул Кейел, с блеском любопытства рассматривая окружение. — Соберись, Ромиар, тебе нужно все это запомнить. Как давно исследователи были тут?

— Тут никто не был, — сквозь зубы выцедил Роми, отыскивая в сумке новый амулет. — Сюда даже разбойники не дойдут. Это нам удивительно повезло.

— Слушай, что говорит эта болтливая женщина, Кейел! Они в пустыне сделали поля!

Я с полуулыбкой слушала восторги ребят и изумлялась тому, что викхартов считают низшей расой. Поля они возделывали на побережье реки, а отец Кхангатора вместе с самим же юным Кхангатором придумали, как уберечь реку от засухи.

— Перехитрили Солнце, и не побоялись его гнева...

Викхартам запросто подчинялись великие духи разрушения, чувствуя их спящую ярость. И эти духи с удовольствием прорываются куда угодно, лишь бы их накормили ненавистью. Ксанджи — огненные духи, духи испепеления, — ценились у викхартов издавна, а вот Илатиал — водные духи, смывающие все на пути, — особой популярностью не пользовались. Пить воду гневных духов в чистом виде было опасно, к тому же песок быстро впитывал ее. Но вождь и его наследник приказали отыскать всех, кому подчиняются эти духи, и выдать им лучшие дома в поселении. Взамен они просили об услуге: раз в период каждый такой викхарт должен глушить одну рыбу в озере или брошенный в него предмет.

Опасная вода духов смешивалась с обычной водой, испарялась с ней же, да еще и очищалась песком. В засушливый период это не помогало уберечь всю реку, но часть реки и маленькое озеро доживали до сезона дождей, а этого хватало, чтобы выживали посевы. Так через разрушение хитрая раса научилась созиданию и сохранению.

— Быть хитрее самого опытного лжеца, — прошептала я, разглядывая двух каменных драконов, охраняющих ступени в простейший с виду дом.

Если бы не эти драконы, я бы и не подумала, что в нем живет вождь. Разве что — дом находился в непосредственной близости к озеру и прямо-таки утопал в зелени.

У крыльца толпился народ до тех пор, пока из арки входа не вышел вождь. Его приветствовали радостными криками — кажется, пожеланиями доброго дня. Кхангатор раскинул длинные руки в приветственном жесте, а затем подзвал к себе прыгающего от нетерпения главу стражи. Быстро переговорив с ним, Кхангатор жестом отпустил стражу, но их место мигом заняла личная охрана. Воины с пронизательными взглядами, с множеством рисунков на тощих телах и ленивыми движениями. Эти словно не боялись ни топоров, ни кинжалов, ни голых рук врага. Возможно, им подчиняются духи, способные в считанные секунды оставить от угрозы клочья.

Кхангатора я рассматривала с особым интересом, пропуская богатое убранство дома. Заметила лишь, что золотом и цветами пестрит каждый угол. Так не было даже во дворце Волтуара. Сам вождь на добрых полголовы был выше Кейела. Длинную руку он держал на изогнутом кинжале с широким лезвием. Пояс со вставками кольчуги плотно сжимал серые шаровары. Коготки на босых ногах при каждом шаге царапали отшлифованный до блеска камень. Позвонки и ребра на серой спине выпирали, натягивая кожу, а проступающие золотистые вены создавали эффект

полупрозрачности. Выбритые виски подчеркивали заостренность ушей, а подбритый затылок удлинял шею. Остальные волосы, черные, будто смола, были собраны в пучок.

Кхангатор остановился посреди террасы и резко обернулся. В рассеянном дневном свете блеснул кровью клык с рубиновым навершием, закрепленным на обломок зуба золотым кольцом. Янтарные глаза выцепили Кейела, а через миг раздался низкий голос. Я не вслушивалась, жадно разглядывая того, кто вложил в моего Вольного самую основу отношений между существами. Услышав короткий ответ, Кхангатор поморщил нос, похожий на клюв ворона, и стиснул клыки. Через миг янтарные глаза изучали меня, а черные, кустистые брови сошлись на переносице.

— На общ-щем языке говорить не люблю, — произнес Кхангатор. — Но мне сказ-зали, что вы пришли с-с добром. Может, заблуждение, но за помыслы уже плачу гос-степриимс-с-с...

Скривился. Но из всех викхартов, кого мне удавалось слушать, он справлялся с шипящими лучше других. Да и выглядел, наверное, для этой расы симпатично. Или я просто пытаюсь отыскать в нем то, что полюбила в своем Вольном, а это уже подкупает.

Нас усадили вокруг небольшого стола. Почти как в Васгоре, но каменную мебель тут украшали резными узорами и делали подпилы снизу для удобства. На стол водрузили железный тазик с водой и даже белую тряпку. Первый протер лицо и вымыл руки Кхангатор, затем он передал тряпку мне, а после внимательно следил, кому я ее протяну. словно это отмечало нашу иерархию. Как только я это заметила, даже неожиданно для самой себя, отдала полотенце бледному и измотанному Роми. Он, не глядя, кинул полотенце Кейелу, но Елрех будто и не расстроилась. Либо не заметила, что Кхангатор наблюдает, либо, что вероятнее всего, ей было плевать, что о ней думают.

Очень быстро местные девицы убрали воду, оставив только промоченное полотенце, затем расставили золотую посуду, а юноши принесли тяжелые подносы с различной едой. Почти вся пища была жирной, пахла медом и была украшена фруктами. Ложками ели только суп и каши, а остальное — руками. От еды никто из нас не отказывался. Много дней пришлось вытягивать на сухих продуктах, а воду всячески беречь, поэтому сейчас набросились на угощения будто век крошку в рот не брали. Сам Кхангатор лишь перекусил, а на мой извиняющийся взгляд усмехнулся.

— Шаг С-солнца назад у меня был накрыт с-стол.

— Благодарю за радушие, — прожевав, в очередной раз произнесла я и поспешила еще зачерпнуть ложкой вкуснейший рис, который когда-либо ела.

Набив желудок досыта, я отломала кусочек золотистой лепешки и, вдохнув несравнимый и незабываемый аромат, вытерла им губы и подбородок от жира. Когда кусочек оказался во рту, зажмурилась, наслаждаясь вкусом. Фадрагосский хлеб, тот, который был на территориях регионов, делался из муки неизвестных мне зерновых. Возможно, какой-то и был вкуснее и пышнее, но все же родные вкусы всегда приправлены душевной сладостью.

Под разомлевающим взглядом возобновилась суета слуг: опустевшие блюда с горячим уносились, на их местах появлялись вазочки со сладостями, пиалы с разным медом, подносы с фруктами. Кубки с соком сменились горячим отваром. Пытаясь разобраться, чай ли это, я пила мелкими глотками. От меда вежливо отказалась, а сладости брала лишь самые мелкие.

— По какому делу тут? — выслушав от нас очередные благодарности, спросил Кхангатор.

Даже Роми заметно раздумялся и успокоился. А может, сказывалось то, что в доме толпы не было: слуги держались на уважительном расстоянии, а охрана застыла у стен.

Я скосилась на Елрех, опасаясь, что она передумает. Но эта идея родилась у нее из моей идеи, и она уверяла, что Дриэн после такого назовет в мою честь целую линию лучших зелий. Убедившись, что алхимик не передумала, я посмотрела в глаза Кхангатора и произнесла:

— У меня к тебе торговое предложение.

— Из-с какой ты гильдии? — мигом поинтересовался, но при этом украдкой глянул на Елрех.

Следит, гадает, ничего не упускает из вида и никому не доверяет. А еще Вольный говорил, что вождь не любит гильдии.

— Не из какой.

Кустистая бровь изогнулась.

— Вступила в Аспиды, но не пробыла там долго. — Я пожала плечами, поглаживая грань разукрашенной пиалы. — Гильдии меня ограничивают, а этого я не люблю. Мне нравится, когда у меня развязаны руки.

— Тогда от кого ты? — Острые плечи выпрямились, тонкие пальцы с желтыми когтями очертили край стола.

— Я от Дарока, — призналась прямо, и нечеловеческие глаза на краткий миг округлились, сузились, а затем вернулись в обычное состояние. Я кивнула на Елрех, — а она из алхимиков, гильдия Пламя Аспида.

— Слыш-шал, — протянул он, но Елрех много внимания не уделил. Уставился на меня, продолжая поглаживать край стола. Молчание затягивалось, но не я разорвала его — Кхангатор спросил: — Как поживает Дарок?

— Хорошо, — с готовностью ответила. — Но не спеши огорчаться, великий вождь, иногда враги могут стать друзьями.

— Иногда, — с выдохом согласился он. Повел головой, вытягивая тонкую шею; кадык выпер, кожа сложилась в тонкие морщинки и натянулась. Хрустя позвонками, Кхангатор проговорил: — Он присвоил час-сть долины и не уберег вс-с-сю драконью кладку. Его прямой враг не пощадил детеныш-шей великих сущес-с-тв. Ес-сли бы я заполучил эту землю, то оградил бы драконов от такой утраты.

— Но один дракон выжил, — склонив голову набок, напомнила я. — Великий вождь, Хайко молод, но быстро растет и уже прекрасен. Я видела его. Дарок даже бросил войска на поле боя, чтобы лично вырастить дракона, а теперь регулярно навещается к себе домой, чтобы самому отбирать скотину для корма.

— Кормуш-шка дома? — Темные брови поднялись, локти легли на стол.

— Дарок любит Хайко и защищает его.

Викхарт задумался, расслабляя челюсть. Поводил ею, тихо стуча клыками, но потом все равно недовольно поджал губы.

— Этого мало. Ты с-смелая, раз пришла пос-сланницей этого кровожадного воина ко мне. И уже за эту с-с... смелость я отпущу тебя живой.

— Я пришла не от него, а от себя, — повысив тон, сказала. И вскинув подбородок, заявила: — Я не разбойница, не изгнанница, не преступница. Но я ненавистна этому миру уже за то, что меня ведет личная выгода.

Ромиар фыркнул и с усмешкой глотнул отвар. Ожил! Елрех насупилась, тоже недобро глянув на шан'ниэрда. Кейел же словно был прикован вниманием ко мне и вождю. Кажется, он вцепился в пиалу просто для вида и даже не заметил короткой заминки, которую прервал вопросом Кхангатор:

— Чего ты хочешь?

Вернуть память этому парню...

Мотнула головой и улыбнулась хмурому викхарту.

— Я слышала, что пламя Джоранмо способно превратить землю в лаву всего за один пролет. Я видела его. Твой дракон нежится под солнцем недалеко от твоей обители.

Лесть ему нравилась. Он расплылся в ответной улыбке и с заметным наслаждением поправил:

— Он прохлаждается. Жар Джоранмо сильнее жара С-с... Тари, — видимо, назвал солнце на викхартском.

— Прости. — Я потупилась.

— Продолжай, — благосклонно разрешил вождь.

— Признаюсь честно, я не ожидала увидеть такую роскошь вместо скромного поселения, и теперь волнуюсь, как бы мое предложение не вызвало у тебя смех. Но осмелюсь: алхимики Пламени Аспида с удовольствием начнут сотрудничество с тобой. Им нужен ваш мед, интересны ваши редкие травы, и они будут рады черному золоту, которое вы добываете в горах.

— Ас-с-спиды, — протянул Кхангатор, намеренно растягивая шипящую. — Я уважаю их. Помню былого верховного — хитрый был фангр, но новый верховный хитрее. У эльфов хватка меньше, но наглос-сти больш-ше. О них много говорят. — Посмотрел на Елрех. — Передай ему, что я с-слышал. — И опять повернул голову ко мне. — Что нужно, чтобы с-с-сотруднич-т... наладить торговлю?

— Новый путь. — Я улыбнулась победе. — Всего лишь новый путь. В последнее время мне пришлось много ходить по Фадрэгосу, и от караванщиков я слышала, что они бы с удовольствием пользовались регионом Каменных Великанов, но проблема заключается в самих великанах. Они не трогают птиц, но звери чуть крупнее лисицы уже не пройдут. Зверей нельзя заткнуть, и они тревожат сон великанов.

Кхангатор поскреб выбритый висок, сморщил нос.

— Жар Джоранмо не навредит каменной коже.

— Жар — нет, — охотно поддержала я. И сразу подсказала: — Но твой дракон велик, и он бы мог... отбросить их.

— Куда? — Янтарные глаза блеснули.

— Можно было бы в соседние регионы, но, наверное, Гиблый лес не убьет великанов. Они могут вернуться злыми. А за ним обитают гарпии. Можно, конечно, бросить великанов к ним, — с сомнением произнесла я и, почесав кончик носа, покачала головой. — Нет. Так ты вызовешь недовольство многих гильдий. Только на промысле когтей и перьев гарпий зарабатывают наемники и охотники. Слушай, Джоранмо ведь дотащит великана до Холмов Грез? Он вообще поднимет целого каменного великана?

— Джоранмо может унести гору, — похвастался Кхангатор, продолжая задумчиво чесать висок.

— Отлично! Тогда Холмы грез — идеальный вариант, — навалившись на стол запястьями, заверила я. Услышала покашливание со стороны Кейела, быстро перехватила его предупредительный взор и осадила себя. Переигрывать нельзя. Пригубила отвар и менее эмоционально сказала: — Я уверена, что если ты приструнишь крупную нечисть в опасном регионе, тебе лишь выразят благодарность. Если уж пламя драконов не способно пробить каменную шкуру этих древних существ, то куда нежити тягаться с ними.

Кхангатор нехорошо прищурился и прекратил чесать висок, будто заподозрил в моем плане коварство. Но ведь это не так, ему ничего не грозит, кроме выгоды. Просто мне ее достанется чуть больше, чем он знает. Внезапно в разговор подключился Роми.

— Я исследователь, уважаемый Кхангатор. — Белая кисточка взметнулась за спиной рогатого и тихо забарабанила по полу. — В регионе Каменных великанов полно ценных трав, древесины и есть вероятность, что имеются ценные залежи в горах Гиблого леса, куда мы не можем добраться. Не столько мешает сам лес, сколько мы не можем из-за великанов изучить местность и возможные подступы к горам.

— Тогда выгода для меня мала. — Кхангатор выше поднял голову и распрямил спину. — Джоранмо придется-ся тратить силы и больше нескольких периодов, чтобы перекинуть великанов в Холмы грез.

— Твоя выгода огромна, если ты предъявишь права на регион Каменных великанов, — настойчиво проговорил Роми, тоже гордо разворачивая плечи. — Кто оспорит это право, с учетом твоего вложения в освобождение этого региона? — И сам же ответил: — Никто не посмеет.

— Ты сможешь возвести в нем еще одну восхитительную обитель, разумнейший вождь, — не удержалась от похвалы и Елрех. — Разве это плохо?

— И, если захочешь, я запросто выступлю посредником в вашей сделке, — предложение слетело с языка прежде, чем я его прикусила. На кой черт мне дополнительные выгоды от этого предприятия? Но с жадностью не справилась и завершила: — Даю голову на отсечение, что ты больше выиграешь, чем потеряешь!

Кхангатор думал. Глядел на меня, чесал висок желтым когтем и думал. Давай же, Кхангатор, соглашайся!

— Великий вождь, что ты потеряешь от этой попытки, кроме времени?

— Ус-силая. — Он сложил руки на столе. — Почему я должен тебя с-слуш-шать?

— А почему нет? Разве мы враги?

Он хмыкнул.

— Но и не друзья.

— Подружимся. Делов на пару... шагов Солнца, — я хохотнула, показывая ему ладони.

— Почему ты такая с-смелая?

Вопрос словно обухом ударил, но улыбку я удержала.

— Меня отчаяние толкает. Да и ритуал Ярости многое дал.

Кхангатор, вспомнив о васовергах, растерял доброе расположение и опять нахмурился.

— Друг Дарока никогда не с-станет мне другом.

— Прости, Кхангатор, но ты сказал неправду, — тихо сказала я. Это второе предложение, которое ему придется выслушать и на которое он должен согласиться. Мне это нужно. Нам всем это нужно. Я чувствую, и даже Вестница во мне чувствует эту нужду. Сцепив руки в замок, я перестала улыбаться и вежливым тоном заговорила: — Ты мог давно уничтожить Дарока, когда он еще был слабее, но не сделал этого. И я знаю, что это твой ум останавливает тебя.

Темные брови сошлись на переносице теснее, однако Кхангатор молчал, давая мне слово.

— Васоверги давно потеряли своих драконов, и в войне остались лишь ваши драконы. И насколько мне известно старый вождь васовергов в союзе с другим племенем викхартов. С твоим врагом. Он пользуется его защитой и оружием. Взрослый ядовитый дракон уступает огню, но против пехоты... Ужасная смерть. Дарок сказал, что заклинателей, способных призывать великих оберегающих и исцеляющих духов вырезают во сне даже в мирных регионах. Любой их интерес к войне и к предложениям помочь в ней способен вызывать подозрение, а потом лазутчики убивают их. Поэтому жители регионов все меньше лезут в ваши дела, а цены на их услуги так быстро растут. Против драконов у войска фактически нет защиты. Драконы — ваша основная сила. — И я улыбнулась, спрашивая: — Кто сравнится по силе с Джоранмо?

— Никто, — твердо ответил Кхангатор и на секунду напряг пальцы.

— Тогда почему ты не уничтожил войско Дарока? — Я вскинула брови и напомнила. — Если верить его словам, то у тебя была масса возможностей.

— Он хитрый воин, — с уважением в глазах оправдался викхарт.

— Не хитрее тебя. — Я растянула улыбку шире.

Казалось, ребята не дышали. Замерли, не двигаясь. Ветер шелестел занавесками и листвой, гонял песок по камню; в желобах журчала вода. Птица молча вспорхнула из-за колонны, на миг отвлекая от лица Кхангатора.

— Умееш-шь врать? — короткий вопрос вождя нарушил тишину.

— Конечно нет! — не задумываясь возмутилась я, округляя глаза.

Вновь нас накрыла звонкая тишина, но губы Кхангатора дрогнули, уголки выразительно тянулись в стороны. И я поняла: хитрость без вранья — никуда!

Мы рассмеялись с ним вместе. Ребята выдохнули и разом поднесли пиалы к губам. И я продолжила гораздо бодрее:

— Тебе выгодны старые традиции, великий вождь. Вашу расу причисляют к разрушительным, но вы — не васоверги. Вы не хотите жить одной лишь войной, а просто отрезаны от регионов и вынуждены защищаться как можете. Джоранмо старый, но проживет еще поколение-другое. Твое, быть может, твоих детей. А что потом? — Мой вопрос не требовал ответа, а Кхангатор совсем по-человечески кивал каждому слову, будто отыскал доверительного собеседника. — Дарок растит Хайко, у твоего врага ядовитый дракон только вошел в силу. Несколько старых драконов едва успели отложить кладку, как ее уничтожили в очередной битве за нее же. Васоверги предпочитают убить, но не отдать врагу. И, кстати, до Дарока дошли сведения о древней кладке, спрятанной где-то в глубинах скал. Это в Долине драконов, которая рядом с Васгором.

— Когда? — неприкрыто заинтересовался викхарт, налегая на стол.

— Посланец принес вести за два рассвета до ритуала Ярости. Я сама слышала новости.

— Ты выдаеш-ш-шь тайны Дарока? — Прищурился на один глаз.

— С его разрешения, — мигом оправдалась я. И это действительно было правдой. — Он хочет твоей поддержки и готов разделить кладку.

— Он не ценит духов, — пробормотал вождь, но сопротивлялся совсем неубедительно.

— Не артачься, — мягко попросила я. — Вам это выгодно. Что станет с миром, если васоверги примут духов разрушения? По дороге к тебе местные рассказали нам, что вы питаете с их помощью озеро. Будут ли васоверги использовать духов с такими же целями? Или они направят все силы, чтобы только отбирать? Ведь так было и раньше. При Гархорте.

— Великий вождь, — сразу отметил Кхангатор, сжимая кулаки. — Он держал в с-страхе многие регионы.

— И тогда еще в Фадрагосе не было духов, — используя удачный момент, напомнила я. — Была другая сила. Недоступная васовергам.

— Древние знания говорят, что о пробуждении этой с-силы знали лишь с-соггоры.

— Они были справедливыми правителями. — Короткое подмечание и интерес к сладости из орехов в меду. Чертов мед тоже напоминал о прошлом: не только о Волтуаре, но и о его сопернике...

Кейел, ты бы мною гордился. Ты бы точно мною гордился!

— Они и теперь с-ш-справедливые правители. Некоторые викхарты ходили за Ледяную долину, а потом возвращались, чтобы с-с-скаж... скас... Говорили, что там хорошо.

— Если бы согоры вернулись в регионы, ты был бы рад? — глянула на довольного Кхангатора украдкой, попутно выбирая другую сладость.

— Это невозможно. — Видимо, занятый в мыслях моими предложениями, он даже не придал значения вопросу, а вот ребята посмотрели на меня многозначительно.

— Можно помечтать, — предложила я, игнорируя к себе интерес друзей.

— Говорить не о чем. При с-согорах мы не терпели вечные войны. Они не с-с-стояли в с-с-с... Они тоже воевали. Теперь правители боятс-ся вмешиваться. Твои темные братья, — обратился к Роми, скаясь, — не правители. Трус-с-ы. Не правление то, что они делают.

— Согласен, но нас не допускают, — запросто нашелся с ответом беловолосый шан'ниэрд, с досадой разводя руками.

— Согоры справлялись со всеми регионами разом, — чуть громче напомнила я, снова акцентируя внимание на истинных правителях.

— Один правитель с помош-щиками, — поддержал меня Кхангатор. И, не зная того, даже приободрил: — Хоть кто-то понимает. Толковая у тебя голова. Назови имя, чтобы я знал, как тебя звать.

— Оно тебе не понравится, — с улыбкой ответила я. — Асфи.

Он поморщился и, отвернувшись, решил:

— Тогда будешь Девкой.

— Без проблем, я не обижусь.

Местные закатали в нашу честь настоящий праздничный вечер. Для них гости из регионов — не опасные разбойники свободных земель — оказались чудом. Но у нас с Елрех закралось стойкое впечатление, что викхартам процветающей обители просто нужно мало повода для веселья. Судя по тому, что мы увидели и услышали, устроились тут существа вполне хорошо и сами справлялись со всеми своими заботами, несмотря на постоянное участие в войне за Долину драконов. Может, и был в чем-то дефицит, но знали о нем не все, а только те, кто думал об улучшении жизни и сравнивал эти самые разные жизни в разных регионах. Например, Кхангатор, который все же заинтересовался союзом с Дароком, а также в ближайшее время обещал заняться каменными великанами. От нас требовалась уже мелочь — заглянуть к Дриэну и обрадовать его небывалой выгодой, а заодно огорчить моим дезертирством. Прямой путь через регион Каменных великанов открывал дорогу и к дальним свободным поселениям, образовавшимся в Вечном лесу. А им, судя по детству Кейела, точно не помешает частый контроль гильдии Справедливости или вождя викхартов.

Стоило подумать о Кейеле, как он оказался за спиной и, пересилив местную музыку, громко проговорил:

— Не могу уследить одновременно за всеми вами.

— А нужно? — удивилась я.

На площади, которую мы проходили днем, разожгли высокие костры. Самые яркие горели на

песчаном берегу озера, куда меня и отвели смеющиеся викхартки. Вместо венка на голову на мою шею надели ожерелье из ярких перьев, цветов и крупных чешуек. Нагретый за день камень остывал неохотно, поэтому я с удовольствием воспользовалась предлогом тепла и оставила сапоги в доме, половину которого нам любезно выделили на две ночи.

Воздух пропах дымом, пропитался дурманом, который тут курил каждый второй взрослый, аромат ночных цветов осел у земли тяжелой возбуждающей сладостью. Мерцающее небо нависло так низко, что хотелось привстать на носочки и сорвать самую крупную звезду. И я почти верила, что смогу это. Настроение от очередной победы и приятных открытий вселяло ощущение всемогущества. Оно гнало меня танцевать с девушками, которые так и норовили поучить улыбчивую человечку диковатым движениям.

— Роми с Кхангатором, дожимает последние амулеты, но продолжает расспрашивать его, а Елрех только что была у знахарки и пробовала местные зелья, — отчитывался Кейел, будто не услышал моего вопроса. Но все-таки склонился к уху ниже и пояснил: — Я волнуюсь за вас.

— Они не маленькие, Кейел! — музыка усилилась, и мне пришлось чуть ли не кричать, приблизившись к нему вплотную. Эта близость и его глаза, губы совсем рядом сводили с ума. — Лучше сам повеселись. Ты же лучше всех понимаешь местных, так пользуйся их гостеприимством!

Я отступила, но в этот миг толпа молодежи, прыгающая в безумном танце, промчалась за спиной Кейела. Он, оглянувшись, шагнул на меня и врезался. Я едва не упала от столкновения, но была поймана за талию. И застыла на цыпочках, с занесенными руками над плечами, спрятанными под белой тканью рубахи. Всего несколько сантиметров — и я обниму его.

Стоило отойти, отступить, уйти, но я стояла, глядя на ключицу, улавливая краем глаза быстрое биение жилки в смуглой шее. Сердце стучало тихо, согревало изнутри и удерживало на месте. Голова не кружилась, но мир то и дело размывался, а в голове будто ударял колокол. Отойди, отойди...

Подавшись вперед, повела носом возле теплой кожи. Ощутила, как сжались пальцы на пояснице. Приподняла голову, покусывая губы и безуспешно заставляя себя отступить. Даже мысли о том, что это совершенно другой парень, не помогали. Ладони легли на напряженные плечи, и при затихшей музыке я выдавила короткое:

— Прости.

Прижалась щекой к плечу, обняла крепче и вдохнула полной грудью. Кейел не обнимал, не двигался, но и не отталкивал. Одной рукой по-прежнему придерживал меня за талию, а вторая неподвижно повисла. На его лицо я старалась не смотреть, а чтобы улыбки умиления девушек не отвлекали, вовсе закрыла глаза.

Мое сердце расшатывало нас, необычная музыка снова звучала громче. Я обнимала его, а он позволял обнимать. Еще секунду. Еще мгновение.

Еще...

— Асфи, мы говорили об этом, — произнес он, когда музыка вновь начала стихать. — Ты...

— Перегибаю? — Я резко подняла голову, сокращая расстояние между нашими губами.

Может, поцелует...

Но жалость в зелено-карих глазах отрезвила, а хриплый голос охладил похлеще ледяной воды:

— Да, верно. Ты перегибаешь. Мне тоже многое хочется, — он улыбнулся, — но мы ведь договорились. Извини меня.

Я покачала головой, отступая и выдавливая улыбку. В глазах вспыхивал образ его и Лери. Из них получится прекрасная пара. Усмехнулась с болью под сердцем. О чем это я? Уже получилась! Они прекрасная пара!

— И ты лишняя, — прошептала в ладонь. Громче и с весельем добавила: — Ты отвлек меня от вечеринки! Не переживай за нас, Кейел! На таких мероприятиях нужно отрываться!

— Отрываться? — с широкой улыбкой спросил он и отшатнулся, когда пара, приплясывая, промчалась между нами.

— Так выражаются на Земле! Иди и оторвись!

Сама быстро отвернулась, чтобы не видеть его. Не сегодня. Сегодня я праздную очередную свою победу! Сегодня я только победительница!

Клыкастые девушки, вскинув тонкие руки к небу, кружились друг перед дружкой. Их юбки раскидывались бутонами цветов вокруг ног, темные косы волос хлестали жаркий воздух. Янтарные глаза впитывали огонь костров и отражали его медью и бронзой. Мое приближение девушки отметили улыбками, смехом и радушно протянутыми ладонями. Никто из них не показывал на Кейела и не пытался жестами узнать о нас, вместо этого они легко потащили меня танцевать.

Мужчины стояли на постаментах и ритмично били железом по камням, а те звенели. Поющие камни я видела впервые, но больше восхищалась другим музыкальным инструментом. В плотную шкуру, пропитанную маслами, оборачивали груз. Ее привязывали к веревке и поджигали. Масла не позволяли шкуре ни сгореть, ни потухнуть. Викхарты забирались на широкие колонны и раскручивали веревку высокого над головами танцующих. Пламя ухало, веревка гудела, и множество музыкантов, синхронизируя движения, создавали мелодию. На фоне необычных инструментов ни погремушки из костей, ни барабаны с подвязанными к ним колокольчиками не удивляли.

Я танцевала.

Сначала в паре с высокой девушкой, затем, когда поняла движения, — одна. Пальцами ног черпала песок на берегу, кланялась костру, тянулась к земле и, в одночасье, раскидывая руки и запрокидывая голову, стремилась грудью к звездам. Жадно вдыхая ароматный воздух ночи, кружилась на носочках, смазывала мир перед глазами и тогда видела его. Костры плевали искрами, лизали поленья и землю, обнимали теплом. Девушки и парни водили меня от одного огня к другому, а я и без пламени сгорала.

Я победительница!

Радуйся... Давай же, Аня, радуйся!

И я кружилась снова. Опять выгибала спину злобной кошкой и кланялась земле, а затем птицей стремилась к небу. И кружение... Будто подбитая стрелой, падаю и падаю. Вот-вот рухну, достигну земли, разобьюсь, сама рассыплюсь на последние осколки и мучения закончатся. Но я танцую. Танцую пока есть силы в ногах. Пока есть душевные силы — живу.

С ноющей болью на сердце поддержала залиvistый смех. Под очередные незнакомые слова направилась к столам. Приняла из девичьих рук кубок и с жадностью залила сухость во рту, обжигающей сладостью смысла горечь на языке. Небо защипало, в носу закололо, но я допила все до дна и рукавом вытерла губы. Девушки, танцующие вместе со мной, пили из той же бочки, и опасения исчезли. Не отравлюсь.

Стоило мне протянуть опустошенный кубок, как мне опять заполнили его до краев. И я пригубила сладко-кислый напиток, унимающий боль в груди. Насладилась облегчением и залпом опрокинула содержимое кубка в себя. Уж лучше бы в клетке из ребер вместо сердца крепко спал обугленный камень.

Зачем я нашла этого парня? Зачем он пришел следом?..

В голове помутнело, боль затихла, а мир показался прохладной колыбелью. Закачался, убаюкивая. Хорошо...

Теплая ладонь накрыла мою руку, викхартка с каштановой копной волос потащила плясать дальше. Ноги расслабились, но послушно ступали по песку.

И я в который раз танцевала. В танце исчезало время этого мира, и оживало другое. Оставленное мною, брошенное, ошибочно принятое невероятно тяжелым. И я улыбалась призраку Кейела, стоящему в тени пальмы и улыбающемуся мне. Подойти боялась — ведь исчезнет. Растворится в другом времени, в том, что уничтожало надежду, заставляло думать о смерти. Но я боролась и жила. Не на зло ему, не на зло другим, просто потому что хотела жить. Потому что хватало сил.

Я победительница!

Лишь бы не было больно...

Но боль медленно возвращалась, острым холодом вплеталась в хмель, селила чувство ужаса и обреченности. Боль неумолимо возвращалась.

Кейел

Я смотрел на Асфи. Собирался уйти, но не смог ее оставить.

Сначала отошел в сторону, хотел понаблюдать, убедиться, что не обидел, что она не натворит глупостей, а потом пойти и проверить остальных безумцев. Они все безумцы! Елрех исколола себе руку кинжалом, сделанным из кости нечисти, только ради того, чтобы испробовать все исцеляющие зелья и мази викхартов, которые ей показали. Роми изводил себя близостью с существами, присутствие которых с трудом переносил, но узнавал о них, спрашивал и вносил записи в дневник. Я ждал, что ему скоро станет плохо и его придется уводить подальше от викхартов, а Елрех... Вдруг какое-то зелье подействует на нее неправильно?

Искренне полагал, что Асфи поможет остепенить ее друзей, но она лишь отмахнулась и отправилась... отрываться?

Я с улыбкой покачал головой. Наблюдая за ее весельем в кругу молодых девушек, уже направился в сторону помоста, возведенного для Кхангатора, но остановился. Асфи, держа за руку высокую викхартку, училась их танцу. Ломано и некрасиво повторяла поклон и, когда местные смеялись над ней, тоже смеялась. Движимый неясным интересом, я встал в тени пальмы и продолжил следить за ней.

Девушка закружилась, оступилась, но, устояв на ногах, тряхнула густыми волосами и снова неумело затопталась на месте, повела руками. Однако с третьей попытки ее движения вызвали одобрительные улыбки наблюдающих, а она перестала смотреть на других, отвлекаться на изучение и затанцевала отрешенно.

Плавно выгибаясь, выбросила руки к костру. Темные волосы легли на песок, а через миг взметнулись к небу. Поясница изящно прогнулась, ноги оттолкнули невесомое тело.

Сердце ушло в пятки. Упадет!

Я сорвался к ней, но через два шага с облегчением замер — девушка ловко перескочила с ноги на ногу и стремительно закружилась. Местные разошлись, уступая ей место и воодушевленно переговариваясь. Она и не замечала, как от других костров к ней устремились, чтобы затянуть в свой танцующий круг. А я прислонился плечом к волокнистому стволу и, скрестив руки на груди, с плохим предчувствием продолжил наблюдать.

Предчувствие скоро оправдалось. Натанцевавшись, Асфи приняла крепкое вино и большими глотками выпила сразу все, что ей подали. Когда выпила второй кубок, я понял, что оставлять ее ни в коем случае нельзя. С тяжелым выдохом оглянулся, но подходящего свободного места, где можно было бы присесть, не отыскал.

Асфи снова танцевала. Вино добавило движениям раскованности, и теперь девушка будто летала, но — спасибо духам — от облюбованного костра оттащить себя не позволяла. Ее запястья всякий раз ловко выскальзывали из множества рук, а после она всегда бросала взгляд в мою сторону. Улыбалась мне, а я улыбался ей. Пусть, если хочет, веселится хоть до потери разума и будет спокойна. Если упадет без сил, я буду рядом: увижу, помогу встать и отведу домой. Вот только не натворили бы в это время глупостей остальные...

Ветерок, вея с реки, освежал, но воздух все равно был пропитан дымом и сладким дурманом. От него першило в горле, а во рту пересохло. Я глянул на Асфи, убеждаясь, что она, изучив второй танец, как и прежде, пляшет. Позволил себе ненадолго отвлечься — отойти, отыскать морса, холодного отвара или вина, разбавленного соком. Не прошел и двух метров, как в ладонь вцепились теплые руки и потянули обратно.

— Асфи? — удивился я. Почему она такая бледная? Я ведь только отвернулся, что могло случиться?

— Пойдем потанцуем! — звенящим от напряжения голосом попросила она.

— Я не умею танцевать.

В Солнечной меня на танцы не звали, а когда пришел сам — прогнали. И Лери потом отчитывала за то, что рисковал собой, довел ее друзей и испортил вечер. А по большим праздникам, когда к кострам приходили все, родители просили меня сидеть, не высовываясь. Танцевать я не умел.

Асфи рассмеялась горько. Крепче стиснула мою руку, закусила губу; ее глаза заблестели. Плачет?

— Ты все забыл. А я учила.

«Не меня» — вовремя проглотил. Понял, что сделаю ей больше. По-дружески обхватил свободной рукой ее плечо и мягко произнес:

— Асфи, нам лучше уйти.

— Хочу танец, — пролепетала она. И глянув в глаза горящими глазами, повторила громче: — Хочу танцевать с тобой!

— Я не умею.

— Я научу снова!

Рванула меня на себя с такой силой, что я не устоял и шагнул следом. Поддавшись немного, не смог отказать вовсе. Она привела меня к костру, и викхарты, с любопытством наблюдая, расступились. Ее поведение раздражало. Пьяная, капризная и... Разве не понимает, что я не Вольный? Горячие ладони легли на плечи, тонкие пальцы смяли рубашку, погладили приятно. Асфи уткнулась носом мне в шею, дохнула теплом; волосы, помытые хвойным отваром, пощекотали щеку и разбавили удушливый запах еще более дурманящей терпкостью.

Кого она обнимает сейчас? Меня или его? Его.

Захотелось оттолкнуть, но я сглотнул и продолжил терпеть. Что за глупый танец? Мы топчемся на месте, медленно кружимся и даже не попадаем в быструю музыку. Этому она учила Вольного? Интересно, сколько времени ему понадобилось, чтобы научиться?

Дыхание перехватило, когда Асфи прильнула ко мне всем телом. Влажно коснулась шеи. Мокрыми губами? Языком? В голове лопнуло стекло, что-то беззвучно громыхнуло, и голова слегка закружилась. А ведь я не пил ничего хмельного. Шумный вдох безумной девчонки отозвался слабостью в ногах.

— Это не танец, Асфи, — прохрипел я.

Она не услышала. Втянула в рот кожу на шее, прикусила, вызывая во мне дрожь и горячую тяжесть в паху. Что она делает? Забралась рукой под рубашку, погладила поясницу и прижала ладонь между лопаток. Мы замерли — больше не танцевали, не топтались на месте, не кружились.

— Обманщица, — выдохнул я ей в висок и вдохнул аромат хвои.

Это с самого начала не было танцем...

Подушечки пальцев ощутили нежную кожу, нащупали жилку на шее. Темные волосы прятали девичье лицо, но я отыскал аккуратный подбородок и потянул вверх. Пряди стали падать со щек, предьявляли взору прекрасные глаза и мокрые, чуть опухшие губы. Я склонился к ним, ощутил винное дыхание и... Опомнился. Что мы творим?

На нас смотрели изумленные викхарты. Даже те, кто наигрывал мелодию, продолжая стучать, греметь, звенеть, смотрели на нас. Я виновато улыбнулся гостеприимным существам, попробовал осторожно оторвать от себя Асфи, но она и не заметила. Потянула вверх мою рубаху, отыскала хмельным взором мои глаза, приоткрыла губы и пробормотала что-то неразборчивое.

Опасаясь, что она может зайти слишком далеко, просто вывернулся из объятий и моментально подхватил ее под колени и спину. Не тяжелая, донесу до конца площади, а там спокойнее, существ меньше.

— Я люблю тебя, — повиснув на мне, выдохнула девчонка. — Слышишь меня, Кейел? Я люблю тебя.

— Ты пьяна. У них сильный хмель. Асфи...

Она не слушала — вновь принялась целовать. Стянула ленту с моих волос и с улыбкой целовала в щеку, висок и снова в шею.

— Асфи, не надо, иначе я брошу тебя тут. Уйду без тебя.

Расслабленное тело вмиг окаменело. Ласки прекратились, а в темных глазах вспыхнул гнев; они снова заблестели. Обиделась? До слез обиделась. Духи Фадрагоса, естественно, я не брошу ее! Но она безумна и заражает безумием. Как ее остановить?

— Я люблю тебя.

Не меня!

— Я слышал.

— А ты так и не признался мне в любви! — От удара кулаком в грудь я отшатнулся вместе с девушкой на руках. Ошалело посмотрел на нее, оценивая ее злость. Асфи оскалилась не хуже

викхартов и закричала: — И ты попрощался! Как посмел только?!

Я быстро спустил ее на землю и оглянулся. Музыка заглушила крик, но на всякий случай я накрыл ладонью раскрасневшиеся губы.

— Тихо, тихо. — Лбом прижался к ее лбу, и она послушалась.

Шмыгнула носом и едва слышно прохныкала:

— Мы никогда не прощались!

Сгорбилась, пряча лицо в руках. Плечи затряслись, и я потянулся приобнять девчонку. Если бы мог поселить душу Вольного в другое тело, то обязательно сделал бы это, чтобы избить дурака.

— Асфи, мне жаль...

Она крутанулась в моих объятиях и точно собиралась сбежать, но я схватил тонкую руку. Асфи вздрогнула. И, словно очнулась, прекратила плакать и изумленно смотрела на сцепленные руки. Ее, мою.

Не очнулась... Переплела наши пальцы и молча продолжила глазеть на них, как на чудо. Что творится в ее пьяной голове?

— Пойдем, — тихо позвал я, больше не пытаюсь оттолкнуть и сопротивляться.

Побуду ее Кейелом, пока не доведу до дома. И даже не удивился, когда она смиренно поплелась следом. Неужели готова идти с ним куда угодно? И Вольный готов был отказаться от этого всего, ради миссии? Какой же дурак.

На невысокое крыльцо дома помогал Асфи подняться, придерживая за локоть. Убрал тяжелую штору в сторону, пропуская девушку в ночной полумрак. По тесному коридору вел медленно, опасаясь разбудить хозяев, если вдруг они не пошли на праздник или вернулись раньше. В комнату, отведенную Асфи, вошел тоже. Призвал Охарс, но они на пустынной земле едва ли освещали метр под ногами. Отыскал лучину и поджег факел у окна.

Асфи все это время стояла посреди комнаты и озиралась. Увидев широкий тюфяк, разложенный на полу, довольно улыбнулась, сняла праздничное ожерелье и потянула тесемки рубахи. Прежде, чем она стала бы раздеваться при мне, я направился к двери и услышал едва разборчивый испуганный вопрос:

— Ты уходишь?

— Асфи, — выдохнул я, хватаясь за голову.

Ее язык заплетался, а глаза, наполненные ужасом, опять блестели от слез.

Она прошла ритуал Ярости! Заколола васоверга — почти вождя! Она запросто вела дела с воинствующими расами, влезала в их конфликты, говорила о драконах не как о могущественных существах, а словно размышляла о своем кинжале, закрепленном на поясе. Она смело говорила о сокровищнице Энраилл. Она была в ней! В конце концов, она полюбила зверя! И она... расплакалась, как обычная девчонка, и бросилась мне на шею.

— Не уходи! Пожалуйста, не оставляй меня больше! Я не смогу. Я больше не смогу!

— Асфи...

— Ты обещал! Ты обещал мне! Обещал!

Затрясла меня, а после разревелась. Задыхалась, прижимаясь ко мне, и выла, будто ее Вольный умер только что.

Я старался не слушать и не поддаваться своим чувствам, но они толкали обнять, успокоить, пожалеть. В ее рыданиях и всхлипах иногда звучали обвинения.

— Обещал... оставил... бросил... Ты.

Не я.

С трудом удалось подвести ее к тюфяку и усадить. Когда она поняла, что я не собираюсь уходить, успокоилась, но в себя не пришла. Повиснув на шее, упрекала из-за какой-то целительницы, потом припомнила разносчицу... И стоны в дешевой таверне, за тонкой стеной, принадлежащие какой-то мрази Этирс, взбесили даже меня. С другой стороны, что она хотела от Вольного?

— И к Вол... туру гнал, — заплетающимся языком, проговорила. — Как ненужную. А до этого птицу мне сбил. Помнишь? Помнишь же?

— Помню, — соврал. Лишь бы не плакала.

— Сегодня кру... жилась и падала. Ты сбил. В сердце... стрелой.

Рубашка на плече и груди вымокла от слез, прилипла к коже. А еще ее волосы... Тоже липли, но к тому же щекотали шею, подбородок, нос и лезли в рот. Я терпел. Как и хмельное дыхание, и неудобную позу — Асфи забралась мне на ноги и скрутилась калачиком, отдавливая все, что можно. И выговор лился на меня, словно на виновника, и я терпел.

— А потом избавил... ся. Ты сжал сердце. Я не хотела сжимать.

О чем она бормочет? Ей пить нельзя. Нельзя.

— Дома думала... убью себя. Не успела... И кровь на ногах... Побила пальцы... Нож ис... правил бы. Но мама... Там думала — все. Тут думала... — Всклипнула, ошутимо сжимаясь. — Не успела...

— Т-ш-ш...

Я прижал лохматую голову к своему плечу, обнял девушку и закачал.

— Все хорошо, я рядом. Не плачь.

Но она плакала. Тихо, почти беззвучно. Позволяла укачивать себя и плакала.

Духи Фадрэгоса, Вольный, что ты скотина наделал? Ты же знал, что бывших Вольных не бывает. Знал, что подохнешь! Знал! Не верю, что все об этом в мире знают, а ты не слышал. Какой тварью надо быть, чтобы позволить девушке, ничего не знающей о нашем мире, влюбиться в себя?

Безжалостные звери!

Успокоившаяся девушка в моих руках вдруг встрепенулась. Прошептала, обдавая ключицу теплым дыханием:

— Я засыпаю.

— Спи. — Я погладил ее по голове и, запустив пальцы в волосы, помял затылок.

Она кивнула и устало добавила, будто с чем-то смирилась:

— Я увижу тебя на рассвете. Ты обещал.

Я тяжело вздохнул, еще сильнее путаясь в чужих отношениях. О своих уже задумываться не хотелось.

Глава 20. Сбор

Аня

Голова гудела. Щебет птиц откликнулся дерганьем в висках и затылке. Желтый каменный потолок расплывался, а стену на пару секунд перекосило. Когда очередной пик боли отступил, я заморгала. Глаза резало так, словно в них песка насыпали. Может, так и было?

Комната узнавалась медленно, но это узнавание приносило ни с чем несравнимое облегчение. На всякий случай я ощупала себя и, приподнявшись на локтях, оглядела одежду на себе. Крови не было, следов побоев тоже. Значит, вечер прошел благополучно. Тошноты тоже не было, будто и не пила вовсе, но все-таки голова раскалывалась, а часть вечера напрочь была выдрана из памяти. Помню второй кубок напитка...

И все.

За окном только начало светать, что безумно радовало. Мы не планировали задерживаться у викхартов надолго, поэтому, несмотря на праздники, отдыхать и отлеживаться некогда. Хорошенько зевнув и потянувшись, я вышла из комнаты. Крадучись пересекла узкий коридор, заваленный сетками с продуктами и различными вещами, откинула темную занавеску на дверном проеме и переступила порог соседней комнаты.

У Елрех было прохладнее, но заметно теснее. Ее матрас лежал по центру. Сама Елрех, натянув легкую простыню до подбородка, спала на боку. Белые пряди, спутавшись с защитными амулетами, свисали на лбу, пересекали ровный нос. Синие губы были приоткрыты, и едва слышное сопение шевелило несколько тонких волосков. Присев на корточки, я легонько коснулась плеча, на котором собралась в многочисленные складки рубаха. Видимо, Елрех так устала ночью, что даже не разделась, к тому же непривычно долго спала.

— Асфи? — разлепив серые глаза, промямлила она. Приподнялась на локтях и глянула в сторону окна с приоткрытой шторой. — Уже рассвет?

— Ты, видимо, загулялась допоздна.

Она нахмурилась, кивнула. Села и принялась приглаживать волосы перебинтованной рукой.

— А это что? — поинтересовалась я.

Елрех удивленно вскинула брови, но сразу же закатала рукав мятой рубахи повыше и стала снимать бинт. Под ним оказалось четыре царапины.

— Смотри, как хорошо все зажило, — проговорила она, одновременно зевая. Провела коготком рядом с самой заметной царапиной. — Даже слабейшее зелье, приготовленное с кровью викхартов, за ночь затягивает глубокий порез. Глянь, а от других и следов не осталось.

— Кровь викхартов? — изумилась я, склоняясь над синей царапиной ниже. — А это безопасно?

— А что может быть опасного в их крови?

— Болезни, например, — предположила я.

Тихий смех разнесся по комнате. В глазах Елрех образовалась убойная доза умиления.

— Поднимай остальных, Асфи, — с улыбкой сказала, — а я соберу нас в дорогу. Знахарка говорила, что за травами надо идти с Луной.

— Значит, с гор мы должны спуститься до вечера.

— Желательно до полпути Солнца.

Не медля ни секунды, я поднялась и отправилась в комнату Кейела.

В помещении, больше похожем на подсобку, гулял легкий сквозняк. Каменные этажерки были завалены старой утварью. В углу стояла метелка и железное ведро — местные даже в костры старались бросать меньше древесины, пуская в расход высушенный навоз и непригодные в быту коряги, зато с камнем и металлом никакой нехватки не испытывали. Через прорехи в шкуре, висящей на окне, просачивался утренний свет и тонким лучом падал аккуратно в изножье матраса. Серая простыня сползла с Кейела и сбилась на полу; рубаха была брошена чуть дальше. Вот же, а совсем недавно он сетовал, что пустыня не пощадит такую хорошую вещь.

Я не удержалась — подняла рубаху. Отряхнула, а потом, глянув воровато на спящего, уткнулась

лицом в мягкую ткань и закрыла глаза. Его запах... Казалось, даже головная боль притихла.

Позволив себе короткое отвлечение от реальности, я все-таки заставила себя вернуться к делам. Сложила вещь и оставила на табурете. Присев на корточки у матраса, залюбовалась. Кейел, опрокинув голову на согнутые руки, спал на животе. Русые волосы разметались по сторонам, оголили шею. Загар, приобретенный под палящим солнцем, отливал золотом. Полоса — переход к коже без загара — была с трудом заметна в тусклом свете помещения. Руки сами потянулись к спине, к проступающим позвонкам. Сердце замедлилось, а вот дыхание зашумело, и я сдерживала его, чтобы не разбудить парня раньше.

Знахарка в Солнечной была и вправду потрясающей, потому что от детских травм почти не осталось следов. Тонкие рубцы тянулись такими незаметными ниточками, что пришлось постараться, чтобы увидеть их. Труд прожитых в деревне лет отложился в мышцах. Хотелось прикоснуться к ямочкам, образовавшимся на лопатках из-за поднятых рук. Еще сильнее хотелось лечь рядом и попросить обнять.

— Кейел, — осторожно позвала я и позволила себе накрыть ладонью плечо, — просыпайся.

Он никак не отреагировал, поэтому я сжала пальцы и позвала громче — в ответ ничего. Склонилась к нему и с удовольствием погладила по плечу.

— Кейел.

Он отозвался тихим стоном. Я скользнула ладонью к шее, все собираясь похлопать по-дружески, но никак не могла прекратить просто гладить.

— Нам пора выходить, а мы еще не собраны. Завтракать придется в дороге.

— Уже встаю, — прохрипел он.

Вытянул одну руку и повернув голову, упал на щеку. Злость на саму себя выдавила шумный выдох, но остановиться мне оказалось не под силу. Пальцы легко подцепили русые волосы, а те с привычным движением послушно заправились за ухо.

— Духи Фадрэгоса, — протянула, наблюдая темные круги под зелено-карими глазами и в целом помятый вид, — ты ночь не спал?

Кейел странно улыбнулся, будто сомневался в чем-то. Несколько секунд молчал, разглядывая меня, а затем тихо произнес:

— Не отпускали. — Его сонный голос звучал еле слышно, словно мурлыканье, и сводил с ума. — Я пытался уйти несколько раз, но меня крепко держали.

— Что-то серьезное? — я внутренне напряглась.

— Серьезное.

— Тебя обижали?

— Что? — Кейел свел брови над переносицей и изогнул их. — А, нет! Нет, Асфи, меня не обижали, но и не отпускали.

— Не удивительно, — усмехнулась я, — ты понравился местным.

— Да, — выдохнул, не сводя с меня таинственно веселого взгляда.

Неужели меня с местными обсуждал? Вполне возможно, потому что Кхангатор не скрывал, кто у нас выступил за главного.

Кейел ничего не говорил о моей руке на своей спине, а ладонь между тем согревалась его теплом. А если... Может, сонным и не заметит. С той же дружеской улыбкой возобновила поглаживание, но Кейел сразу заметил. Вот только вместо того, чтобы одернуть меня, растянул улыбку шире, зажмурился и с наслаждением промычал. По ногам прошлась дрожь, в груди залегло волнение. Я мигом смилостивилась:

— Знаешь, я думаю, что ты можешь остаться. Мы с Елрех и сами справимся, а Роми навязался только из-за исследовательского интереса. Тебе идти совсем не обязательно.

— Я пойду, — ответил он и перелег. Уперся кулаками в матрас под шеей, уткнулся лбом в него и выгнул спину, подставляя мне под ласку.

Духи Фадрэгоса! Его кожа покрылась мурашками, а сам он блаженно простонал. Я едва не

рассмеялась, чувствуя прилив радости или даже самого настоящего счастья.

— Болит спина? — поинтересовалась сиплым голосом и сразу прочистила горло легким кашлем.

— Нет, просто хорошо.

И плевать, что не болит!

Я с решимостью присела рядом и принялась массажировать ему спину, а чтобы отвлечься от глупого чувства стыда, спросила:

— Хорошо повеселился?

Он не ответил, лишь фыркнул громко. Вздыхнул шумно и любопытствовал:

— Елрех не убила себя?

— Только изрезала руку. С ней все хорошо, ты зря беспокоился.

— А Роми как? — Он снова простонал. — Его уже разбудили?

— Пока нет, я только собиралась.

— Я сам, — коротко вызвался. И тут же попросил: — Давай задержимся еще на полчетверти шага Солнца.

Десять-пятнадцать минут мы могли себе позволить, раз все равно проспали. К проводнику посыльный от нас должен был прийти еще до зари, но нас предупредили, что после праздника опоздание возможно не только с нашей стороны.

— Зачем? — уточнила я.

— Хорошо так, — произнес он, отбирая глоток воздуха. — Не сдавливай кожу, Асфи, просто погладь, как гладила до этого. Духи, каждое утро бы так.

С замиранием сердца я смотрела на свои руки, на его спину, затылок. Наслаждалась кожей, покрытой мурашками, с удовольствием прикасаясь к ней снова и снова. Хотелось продлить наше общее наслаждение как можно дольше, но вскоре заглянула Елрех. Глянув на меня, с жалостью покачала головой, а после позвала нас обоих. Пришлось идти.

Роми выглядел ничуть не лучше Кейела, даже менее довольным. На сером лице залегли фиолетовые тени, желтые глаза часто были прикрыты веками, а белая кисточка хвоста свисала мертвой мышью — слабо болталась в ногах и вызывала чувство жалости. В какой-то момент даже пришлось сдерживать себя, чтобы не подойти, не приподнять ее двумя пальцами, затем встряхнуть и спросить: «Жива, милая?» Опасалась, что после этого Роми точно оторвет мне руки.

Позавтракать мы все же успели. Сынишка хозяев вернулся от проводника с новостью, что тот сам опоздает. Виххартка в годах напекла нам пышек и пожарила яичницу, а после, пользуясь неплохим знанием общего языка, развлекала рассказом о своем времяпровождении на празднике. Я жевала и пыталась вспомнить хоть что-то, что происходило после второй порции крепкого напитка. Все же зря я так залпом осушала эти пол-литровые, или даже литровые, кубки. В голове образовалась самая настоящая дыра, в которой то и дело вспыхивали костры и танцы, танцы и костры. Кажется, кто-то плакал. Кто?

— Я все. — Кейел отодвинул опустевшую миску и поднялся из-за каменного стола. — Пойду наберу нам воды в путь.

— Хорошая идея, — пробормотал Роми, одновременно жуя и перечитывая ночные записи в дневнике.

— Подожди, милый человек, я с тобой.

Елрех залпом допила бодрящий отвар, встала и начала заправлять штанины в сапоги. Я, грея в руках кружку, смотрела на нее, все еще пытаюсь вспомнить, чем закончился у меня праздник. Иногда возникали пугающие воспоминания. Я знаю, что давно рехнулась, наверное, еще во дворце Цветущего плато, после казни девочек. Поэтому ничего странного нет в том, что вообразить Вольного для меня не составляет труда, а уж по пьяни...

Скосила взгляд на Кейела, стоявшего со сложенными руками на груди в дверном проеме, и удивилась, когда он, дернувшись, резко отвернулся. Так бывает, когда невольно ловишь на себе взор того, кто не хочет быть застуканным. Сердце замерло и словно ждало подтверждения, чтобы затрепетать. Он смотрел на меня? Допустим. И улыбнулся бы, как это происходило обычно...

И сердце все-таки затрепетало...

Он осторожно поднял на меня глаза и снова быстро опустил. Тряхнул волосами, позволяя непослушным прядям упасть на щеки, и стал поправлять пояс. Чего он смущается? Утренней нежности? Так вроде бы и сам просил, и после никак не отмечал. Значит, дружеский жест... Натянутый, конечно, но пойдет. Тогда чего смущается?

Щеки разгорелись, а воздуха стало мало. Надежду, что Кейел влюбился в меня, пришлось всеми внутренними силами гасить. На нее я не имею права. Я предала его в той жизни, а теперь он с другой. Лери, в отличие от меня, спасала его, вытягивала из передряг и оберегала. Лери, в отличие от меня, не побежала делать себя бесплодной и просто обрывать беременность от него, как сделала я в той жизни все в том же проклятом дворце Цветущего плато.

Однако надежда не гасла, а, вопреки всей логике, под мысленными запретами только распалась сильнее и хотела жить. Она стремилась поселиться в чертовом сердце, не желающем больше превращаться в обугленный камень. Простое желание переспать с девушкой, как правило, смущение не пробуждает. Для этого должна быть другая причина.

Духи... Я пропала.

Тряхнула головой, отгоняя глупые мысли. Должна быть другая причина. Может, стыд. За что?

После ухода ребят мы с Роми тоже долго не засиживались. Он по диагонали прочел записи, пофыркал, похмыкал, чем-то со мной поделился, что я пропустила мимо ушей, а затем поторопил.

Улица с самого утра была залита солнцем. Кейел и Елрех сидели на крыльце и тихо беседовали о местных знахарях, а, услышав нас, с улыбками обернулись. Высокий подросток выбежал вслед за нами и, кое-как высказываясь на общем языке, повел нас по адресу: дом, на котором Тогир сковал первый меч.

Две улицы вскоре остались позади, а на третьей отыскался сквер с большой каменной чашей, заполненной водой. В ней плавали рыбки, росли водные цветы, рядом спряталась лягушка и изредка подавала противный голос. На одном из фасадов домов, расположенных напротив, и вправду стоял возле кузницы викхарт и любовался тонким мечом. Парнишка что-то бодро проговорил, получил от Елрех монету и сбежал, а мы отошли в тень раскидистой пальмы. Может, и в горы надо было выходить ночью? Такой зной с самого утра...

— И вот за это он нас ругал, — долетел отголосок беседы Роми с Кейелом.

На Кейела я всю дорогу старалась не смотреть, но получалось, мягко говоря, плохо. Вот и сейчас я отвернулась, опустила голову, но всякий раз бросала на парня взгляды. Кейел зевнул. Потер бледное лицо, часто заморгал. При хорошем освещении его недосып приобретал новые оттенки — лиловые и оливковые — они залегли в тенях под глазами. Наконец-то, его состояние заметила не только я.

— А ты где провел праздник? — с подозрением присматриваясь к нему, спросил Роми. — Ко мне ты подходил в последний раз, когда Кхангатор рассказывал о жертвоприношениях в Вечном лесу. Потом я тебя не видел.

— Меня перехватили, — отмахнулся Кейел и снова зевнул.

Елрех присела на валун возле клумбы. Кивком указала мне на второй, но я покачала головой и прижалась спиной к столбу, на вершине которого стояла чаша — ночами в них насыпали горящую смесь и поджигали.

— Ты вообще спал? — привязался Роми, и я пользовалась его настырностью, с интересом прислушиваясь.

— Спал. — Кейел с вялой улыбкой кивнул.

— Я вернулся, когда голосила ранняя птица и на улицах почти никого не оставалось, — с сомнением потирая подбородок, сказал Роми. — Заходил к тебе, но тебя не было.

Вот как? Я вскинула брови. И опять поймала на себе быстрый взгляд Кейела. Любопытно.

— Я был... — Кейел тяжело вздохнул и опять посмотрел на меня, но теперь я отчетливо заметила не стыд и смущение, а вину. — Меня увели с праздника и почти до рассвета не отпускали.

— Надо было уйти. — Роми нахмурился.

— Я пытался. Несколько раз пытался. Но меня держали.

— Как держали? — изумилась Елрех, вытягивая шею.

Кейел развел руками.

— Крепко. Вцепились в одежду. Как только я двинулся, просто удерживали крепче.

Елрех округлила глаза и нащупала рукоять кинжала. Роми нахмурился сильнее, показал клыки, а его хвост впервые за утро метнул каменную дорогу. Я сглотнула. Какая-то навязчивая идея пыталась возникнуть в голове, чем отвлекала от серьезных проблем. Я поморщилась. Если Кейела и впрямь всю ночь где-то насильно удерживали, то почему он не рассказал об этом утром? Злость Роми наводила меня лишь на одну мысль: Кейел не привык жаловаться. От этого становилось мерзко. Но хуже всего, что мое воображение, распаленное странными взглядами Кейела, рисовало ужасные ночные фантазии, будто мы могли провести ее вместе. А ведь надо в первую очередь думать о том, как, если что, выйти из конфликтной ситуации, не позволяя викхартам измываться над нами, но при этом не разжигая ненависть между ними и нами. Может, Кейел поэтому и молчал? Привычно принес себя в жертву, ради спокойствия окружающих.

— Дикари, — тихо рыкнула Елрех, поднимаясь. — Так и знала, что доверять им нельзя!

— Что с тобой делали, человек? — Роми шагнул к нему.

Кейел тем временем примирительно поднял руки и попятился.

— Ничего такого!

Роми потребовал ответ более настойчивым тоном:

— Что делали, Кейел?!

— Любили! — выпалил Кейел.

Что?..

— Любили? — переспросила Елрех, высоко поднимая брови.

— Ну... Вроде того.

— Вроде? — все еще не верил Роми. — Или ты просто не хочешь говорить?

Кейел с шумом выдул воздух через рот и беспомощно опустил руки.

— Роми, большую часть праздника я провел с девушкой.

— С какой? — не унимался рогатый, пока я пыталась сглотнуть и найти силу в ногах.

Голова пошла кругом.

— Очаровательной. — Кейел рассмеялся. — Неужели я под строгим надзором, и должен отчитываться за каждый шаг? Я был с девушкой почти до самого рассвета! И мне понравилось! Я не жалею. Не выспался — и всего-то! Зато меня... — Пожал плечами, — любили.

Он изменил Лери? Ничего ведь страшного не случилось. Даже если с викхарткой, а не со мной. Я едва подавила нервный смешок, но вот глупый вопрос сорвался с языка.

— Как?

Кейел посмотрел на меня с изумлением. И с кривой улыбкой сжал кулаки. Ну да, только что он прямо заявил, что немаленький и отчитываться ни перед кем не собирается. А я вот лезу.

— Кажется, до смерти, — ответил он. — Так, как меня никогда раньше не любили.

— Не понимаю, — пробормотала Елрех.

— Наконец-то! — обрадовался Кейел, глядя в конец улицы. И сорвался с места, сбегаая от допроса: — Смотрите, проводник идет. Нам пора.

В горы мы направлялись скорее из чистого интереса, чем по надобности. Хангатор, решившись на сделку, предложил нам изучить местный быт, познакомиться с карьерами и травяными долинами. Роми не мог упустить этой возможности, а у Елрех так засияли глаза, что я не смогла отказать.

Когда-то давно, в моей прошлой, или позапрошлой, жизни, я не особо интересовалась географией и биологией. Сначала любила песни, а затем прикипела к цифрам. Подсчет рисков и взвешивание выгоды быстро вошел в обиход, а со всем остальным я знакомилась лишь поверхностно и с

любопытством, принесет ли это знание хоть какую-то практическую пользу. Но у меня был младший брат. Егорка, казалось, всегда был моей противоположностью — ненавидел деньги, бунтовал против обогащения и заступался за всех несчастных. А еще он обожал географию с первых классов, как начал ее изучать. Отец всегда переживал, что «его пацан» заделается каким-нибудь геологом, потом не найдет работу и вынужден будет пойти по стопам мамы, а учитель, известно, — профессия неблагодарная. В этих горах Егорка, наверное, бы поселился...

Идти к ним пришлось несколько часов без остановок и быстрым шагом, но уже к полудню они появились перед нами, окутанные дымкой марева. Невысокие. В Фадрэгосе я видела горы и выше. На них не было красивых снежных шапок, да и приземистая растительность издали терялась на желто-бурой почве. Еще на подходе я была больше занята разглядыванием затылка Кейела и попыткой разобраться с фантазиями. Они все сильнее обретали черты памяти, и даже крохотная зацепка тянула один за другим фрагменты ночи. Когда мы подошли к расщелине в горах, я и вовсе была убеждена — Кейел провел ночь со мной. С одной стороны, это принесло огромное облегчение, но с другой — безумный вопрос. Что между нами было?

Однако вскоре горы и шепелявая речь проводника сумели отвлечь. Я бы сравнила эти горы с короной и, быть может, даже назвала королевскими. Дело в том, что горная цепь создавала собой кольцо, оставляя котловину в центре.

— Таких нес-с-сколько, — шипел высокий викхарт, снимая с головы капюшон.

Оставив расщелину позади, мы вошли в настоящий рай. Буйная зелень и множество цветов облепили тенистые участки. Шатры стояли через каждые несколько метров. Викхарты, рабочие, расхаживали с инструментами, тягали ведра, мешки, носилки с камнями, стучали кирками и молотками, пилили и сколачивали подпорки. Обжитая территория была вытоптана, а тропы ввели к темнеющим у изножья гор пещерам. Птица, выпорхнув из раскидистого куста, испугала меня и с шелестом крыльев взмыла вверх. Я подняла голову и залюбовалась небом, виднеющимся в огромнейшем круге, окаймленном зубами скалистых выступов.

— Черное золото добывать трудно, — продолжал викхарт, уводя нас к одной из пещер. — Внутри воздух другой. Иногда он убивает.

Зато, как рассказывала Елрех, какая-то черная смола, которую называли золотом, при правильном смешении с другими целебными травами давала быстрый исцеляющий эффект даже при самых серьезных ранах. Я остановилась возле шатра, вдохнула запах наваристого супа, кипящего в подвешенном котелке, и снова подняла голову к ясному синему небу. Это место нравилось мне, как многие другие в Фадрэгосе, и в нем хотелось задержаться. Тем не менее мы спешили.

Спешка не позволила нам спускаться глубоко в пещеры и по ним же подниматься по коридорам шахт на опасные отвесы, где, кроме камня, еще встречались редкие растения. Эта же спешка постоянно напоминала, что нельзя расходовать силы, потому что сразу по возвращению в город необходимо идти со знахаркой в зеленую долину, сокрытую в других горах. Там, в вечном безветрии, если верить рассказам, по ночам сгущался туман, а утром оседал на землю росой. И долины цвели независимо от погодных условий.

Из-за спешки я часто думала о предстоящем переходе через пустыню обратно к Заводу Ал'лирта. Не хотелось забыть что-то важное, а потом возвращаться к викхартам. С другой стороны, глядя на Кейела, я боролась с возникшим желанием продлить все наше путешествие. Что будет потом, когда он выйдет из сокровищницы Энраилл? Деревенский паренек научился читать и уже тратит свободные вечера выводя буквы везде, где только можно — на песке, царапинами на камнях, иногда на испорченной Ромиаром бумаге. Он глотает знания, как голодный, добравшийся до пищи. Скорее всего, Роми оказался прав, и свое будущее Кейел найдет в гильдии исследователей. То есть получит влияние и защиту гильдии, после чего заберет из своей деревни Лери, наконец-то, пройдет с ней ритуал связи сердец, и заживет со своей семьей в Обители гильдий. С моей стороны будет глупо потом искать с ним встречи. Но сейчас...

— Надо поговорить, — буркнула я, одергивая Кейела за локоть у входа в пещеру.

— О чем? — включил он дурака.

И даже не обернулся ко мне...

Темные своды поглощали дневной свет, но, кроме тусклых Охарс, в пещере чадили факелы. Воздух наполнился дымом и потяжелел. Шорканье шагов утопало в громкой работе викхартов, голос Елрех неразборчивым эхом доносился до меня, но быстро глушился многотонными пластами камня. Я опять сократила расстояние между собой и Кейелом и тихо сказала:

— Я вспомнила ночь.

Кейел мигом остановился и посмотрел на меня. Его капюшон был снят, на лицо падал свет факела,

подчеркивал остроту носа, впалость щек и предъявлял взору сведенные на переносице брови в извиняющейся мимике.

— Я не хотел говорить при остальных о твоём... — опустил голову, заправляя пряди за уши, — поведении. Не был уверен, что тебе бы это понравилось.

Улыбка вырвалась против воли, а вот на слова благодарности не хватило глотка воздуха. Кейел, так и не подняв головы, ожидающе смотрел мне в глаза. Сжимал губы и мял в руке шлейку заплечной сумки. Казалось, еще немного — и он начнет просить у меня прощение ни за что. Или за что-то...

Я отступила. Вжалась спиной в неровную стену коридора, прячась за толстой подпоркой. Кейел мельком глянул в сторону увлеченных ребят и нашего гида, с каждой секундой отдаляющихся от нас, а затем решительно шагнул ко мне.

— Между нами что-то было? — в лоб спросила я.

— Ничего такого, о чем тебе стоило бы волноваться, — с готовностью ответил Кейел.

— Тогда о чем ты говорил утром? Кейел, это ведь я тебя не отпускала. Когда утром я спросила было ли что-то серьезное, ты подтвердил. Что между нами произошло?

Он потер переносицу. В пещере что-то заскрежетало, участились удары железа о камень, громче зазвучала переключка рабочих. Кейел вынужденно склонился ко мне, удерживаясь за балку, и дыханием тронул щеку, своим теплом окутал грудь и шею. Шепотом спросил:

— Что ты помнишь?

Хитрый. Помнила я, наверное, мало. Отрывки позволяли составить скупой сценарий. Я выпила больше, чем следовало, а от местного напитка напрочь снесло голову. Затем помнила, как с Кейелом шли к дому, где остановились. Помнила, как плакала, за что было особенно стыдно. А потом — как мы сидели в обнимку и о чем-то говорили. Как кружилась голова, как плыла комната. А перед глазами светлая рубаха, на которой плясал отсветами огонь и застыла моя тень... Выбритые скулы и подбородок, к которым хотелось прикоснуться руками, но страшно было отпустить парня из объятий. И еще — губами, но пьяному телу не хватало сил, чтобы даже просто держать голову прямо.

Я сглотнула призрак хмельного поила, повела языком по небу, рассасывая горько-сладкий привкус воспоминаний. Он только сильнее растворился в теле и подразнил эгоистичные желания. И мне понадобилось собрать все внутренние силы, чтобы голос прозвучал ровно:

— Не думаю, что сейчас время для пересказа. Мне важно понять, что серьезного произошло ночью.

— Ты рассказывала мне о своих отношениях с Вольным. Мне кажется, для тебя это было серьезно. Выговориться. — Кейел тоже говорил непринужденно, но всякий раз делал заминку, подбирая слова. При этом не отводил внимательного взора от моих глаз. Пощекотав очередным выдохом щеку и подбородок, тише добавил: — Ты обвиняла меня.

— Нет! — Сердце ухнуло. Я подалась вперед, сжимая кулаки, но мгновенно отпрянула обратно. Картинка ночи вспыхнула новыми деталями, и щеки запылали. Духи Фадрэгоса, как он вытерпел меня?! — Нет, Кейел, конечно же, не тебя. Извини! Надо было оставить меня, а не выслушивать пьяную истеричку.

— Я не мог. — Он покачал головой, нахмурился. Отвернувшись, поморщился. — Сначала боялся оставлять тебя одну, а потом, когда ты уснула, пытался. Но ты постоянно просыпалась и держала. То за рубашку хваталась, то обнимала и бормотала всякое...

— Всякое? — зацепилась я за последнее не столько из интереса, сколько из желания понять его настроение. Показалось, что оно вдруг испортилось.

Он, к сожалению, так ко мне и не повернулся. Освещенный факелом, стоял совсем рядом — стоило лишь немного податься вперед, чтобы прильнуть к нему, — удерживался за балку и молча смотрел в сторону. В мхуром взоре теперь только слепой не разглядел бы разочарование, или грусть.

— Всякое, — не двигаясь, повторил Кейел. — Просила не оставлять тебя, в любви признавалась. Ты так любишь... — Закусил губу, точно не договорив фразу. Наконец-то повернулся ко мне с широкой улыбкой, похлопал по балке и, отступая, весело позвал: — Пойдем, Асфи, иначе скоро нас потеряют.

Вот только веселья в зелено-карих глазах не было.

Прежде, чем я смогла даже рот приоткрыть, Кейел направился дальше по коридору пещеры, а я сдержала вопрос. Глупый вопрос о том, как я могла обвинить именно его? Как Кейел это себе

представляет? И этот вопрос застрял тянущей болью в горле и мешал вдохнуть полной грудью. Сердце билось быстро-быстро, а с осознанием смысла возникшего вопроса безумно хотелось просить прощения у Вольного... В конце концов, передо мной другой парень, с которым у нас нет ничего общего, или тот же, просто забывший, кем мы были?

Неужели Кейел тоже задумался над этим? Наверное, это плохо и мне должно быть стыдно.

Ветер шелестел густой листвой подлеска, уносил искры костра к кусочку звездного неба, раскинувшегося над поляной. Я куталась в куртку и с улыбкой отмахивалась от редких комаров. Знойная пустыня два дня назад осталась позади, а мы выбрали замечательное место на окраине леса для стоянки — спокойное, тихое, с узкой речушкой неподалеку.

— И как же тебя поймали, шепутной шан'ниэрд? — Елрех расчесывала влажные волосы небольшим гребнем.

— Много ты видела детей беловолосых шан'ниэрдов на улицах? — поинтересовался Роми. Он развалился на покрывале и с довольным видом мял кисточку своего хвоста. Пустыня сильно сказалась на Роми, он словно обессилил в ней, выглядел точно уставшим и все меньше задирап меня. — Я заблудиться не успел, а обо мне уже говорила вся обитель.

— Я когда была маленькой, тоже сбегала из дома, — вспомнила я.

— Тебе тоже казалось, что от тебя за воротами что-то скрывают?

— Ну нет. Не настолько же у людей затворнический образ жизни, как у вашей расы.

— Даже в твоём мире? — спросил Кейел.

Он сидел, прислоняясь к огромному стволу дерева, и срезал тонкую стружку с небольшого полена, которое подобрал под ногами день назад. Кажется, оно постепенно обретало форму.

— В моём — тем более. Наверное. — Я пожала плечами, стараясь отвести взгляд от блеска в зелено-карих глазах. Но Кейел терпеливо ждал ответа, пытливо глядя прямо в мои глаза, чем завораживал. — Я мало видела жизнь простых горожан в Фадрагосе, поэтому сравнивать мне трудно. Просто у нас не принято прятать детей в четырех стенах, в этом нет никакой необходимости. Наоборот, очень рано...

В чаще громко хрустнула ветка, и я мгновенно позабыла о беседе. Сжав рукоять кинжала, стала всматриваться в темноту. Луна освещала нас, как и костер, но ее лучи не могли пробраться под густые заросли леса. Ромиар сел и тоже схватил свой кинжал. Кейел выпрямился и, глядя в тени, нащупал топорик. Елрех молча хмурилась и медленно поднималась. Ее выражение лица не понравилось мне. Что она увидела там своим зрением? Кого?

Не дожидаясь, когда она поставит меня в курс дела, я бесшумно вскочила на ноги и сама зашла в тень. Оглянувшись разок на ребят, поняла, что они даже не заметили моего ухода. Лишь бы не всполошились напрасно.

Ветки норовили зацепиться за одежду, то и дело попадали под ноги, но я успевала исправить шаг, избегая шума. Паутина липла к лицу, а шелест листвы заглушал возможную опасность. Среди стволов деревьев появился просвет, в котором мелькнула тень. Что-то большое двигалось в сторону костра.

Я насторожилась, но вытаскивать кинжал из ножен не спешила. В конце концов, мы ждали компаньонов. Ночь в лесу звучала шумно, но легко принесла мне с ветром неизвестные слова, сказанные знакомым голосом.

— Дарок! — обратилась я в темноту, отпуская кинжал и распрямляя плечи. — Ты не мог предупредить нас о приближении?

— Для чего? — отозвалась темнота его голосом. — Ты и без того услышала меня!

Четверка васовергов показалась из-за кустов. Архаг, раскинув руки в стороны, шел впереди. Будь я его восторженной фанаткой, бросилась бы в объятия, но так лишь улыбнулась приветливо, показательно отступила в сторону и просто дождалась, когда крупные мужчины встанут рядом.

— Я ждала вас этим рассветом.

— Упрекаешь? — удивился Архаг.

— Мы не на войну шли. Не получилось прийти в оговоренный срок, мы и не пришли, — бесстыдно ответил Дарок, словно напоминал мне мое никчемное место человечки. Кто я и кто он...

— Не вы одни опаздываете, — проигнорировав его безответственность передо мной, недовольно произнесла я очередной факт пренебрежения к себе. — Стрекоза до сих пор не появилась. Надеюсь, она не передумала.

— Не посметь она, — заверил Норкор и, поправив крупную бляху пояса, сплюнул на землю. — Ты проходишь ритуал Ярости, а она просто раздобыть имя. Она не посметь.

— Побойтись улизнуть, — лукаво улыбнулся Архаг и, с любопытством склоняя четырехрогую голову набок, направился к костру.

— Накормишь нас? — спросил Дарок и тоже растянул дружелюбную улыбку. Вот только в ночном сумраке его шрам сильнее исказил дружелюбие, превращая в ужасный оскал.

Гахсод выступил вперед и приподнял одной рукой тушу молодого вепря.

— Сейчас? — уточнила я, изумляясь командному тону.

Он ведь не заставит меня свежевать тушу под луной? Может, обойдется нашим остатком ужина? Конечно, мясо дикой утки не такое жирное и его не так много, но достаточно для... Мысль оборвалась. Четверо здоровых васовергов... Прокормить таких будет нелегко.

Не ответив мне, мужчины по-хозяйски прошагали к костру. Я тяжело вздохнула, хлопнула себя по ногам и обреченно проследовала за ними. Что там говорил мне Дриэн про лидерство? Видимо, старый эльф ошибся во мне, либо Дарок не тот, кому я смогу приказывать.

У костра образовалась малоприятная картина. Ненависть Елрех к васовергам я недооценила и теперь в полной мере могла осознать ее. Непривычное выражение мерзости искривило приятное лицо Елрех, а сама она втянула голову в плечи и стискивала кулак, а второй рукой сжимала рукоять кинжала.

— Какие интересные у тебя друзья, — отметил Дарок, останавливаясь в двух метрах от лагеря. Важно заправив руки за пояс, стал рассматривать всех. — Ты не упоминала эту деталь, Асфи.

— Воняет вкусно, но на вид как мое дерьмо, — заглянув в отставленный котелок, резюмировал Архаг.

— Воняешь тут ты! — Елрех высоко подняла подбородок и выпятила грудь.

Архаг, так и не распрямившись, вскинул голову и хмыкнул. Низкорослый Норкор насупился. Гахсод швырнул тушу в ноги Ромиару и сказал:

— Займись делом, шан'ниэрдка.

— Он шан'ниэрд, — хмурясь, деликатно поправил Кейел.

— Такие шан'ниэрды сидят по домам, — заметил Дарок. — Яйца свои берегут. Разнеживают настолько, что от девки потом этих бледных слизняков не отличишь.

Ромиар прищурился; желтые глаза сверкнули гневом.

— Хватит! — Поднимая руки в успокоительном жесте, я приблизилась к васовергам. Посмотрев в нахальную морду Дарока, спросила: — Ты не забыл, зачем мы тут?

— Не забыл. И понимаю, зачем они тут.

— Они тут, потому что я их за собой потащила. Никто из них не стремится найти могущество в артефактах.

— Твои друзья слабаки, Асфи, — спокойно сказал Дарок и шагнул ко мне. Я мигом отступила, удерживая между нами дистанцию. — Я пришел сюда, потому что ты меня позвала. Но это не значит, что я буду терпеть их на равных с собой.

— Тебе придется! — как я ни старалась удержать в себе рычащие нотки, но не вышло. Еще и верхняя губа задрожала, покрываясь потом.

— Ты заставишь? — спросил он. Несколько секунд молчал, давая мне осознать, что сделать я этого не могу. По крайней мере, силой. — Так заставь, Асфи.

Он прошел к свободному месту у костра, сел на мое покрывало и протянул руки к огню. Гахсод, не сводя требовательного взгляда с Роми, пнул тушу грязным сапогом и потребовал еще раз:

— Займись делом.

Будет трудно...

— Я займусь, — выдохнула я.

— Нет, — громко произнес Дарок и махнул рукой, указывая на место рядом с собой. — Садись, Асфи. Расскажи мне, о чем ты договорилась с Кхангатором.

Елрех подошла ко мне, коснулась локтя и с теплым выдохом шепнула:

— Не волнуйся, храбрая человечка, я все сделаю. — Кивнула мне и добавила еще тише: — Лучше присмотри тут за порядком. Не пускай бесчинство на самотек и усмири вонючих васовергов, а я приготовлю нам второй ужин.

Я бы кивнула ей, с удовольствием пожала руку или элементарно поблагодарила, но под насмешливыми взорами васовергов воздержалась от всякого проявления мягкости. Даже не уделила внимания глазам Елрех, но вскользь заметила, что прежней бури ненависти в них не было. Уж не знаю, в чем Елрех нашла силу для ее усмирения, но меня пробирала мелкая дрожь. И эта дрожь точно не была связана со страхом.

Я потерла большими пальцами о другие пальцы, не смея сжимать кулаки, и направилась к месту, где сидела до прихода наших компаньонов. Каждый шаг старалась не обращать внимания на раздражение и злобу, а вспоминала, чем Дарок помог мне и что я сама пригласила его. Я нуждаюсь в нем, поэтому мне придется терпеть все его выходки. Показывать агрессию к нему — тоже не выход из напряженных отношений.

За пару секунд до того, как подошла я, Архаг развалился неподалеку от Дарока, оставляя мне лишь полметра пространства. Сводничество? Только этого не хватало... Краем глаза я выцепила остальных васовергов — они не казались заинтересованными в глупой затее, которая пришла мне на ум. Норкор разбирал единственный мешок, который был у четверки. Гахсод, увидев, что Елрех подбирает тушу, решительно сел рядом с Роми, будто выбрал себе жертву для травли. Удивительно, но Роми так и не сказал ни слова в ответ на все оскорбления, а просто открыл свои записи и с недовольным видом отвлекся от унижительного знакомства на привычную работу.

— Почему стоишь, Асфи? — с улыбкой и понимающим взглядом обратился ко мне Дарок.

— Асфи, садись, — прозвучал хриплый голос за спиной. — Твой отвар остыл.

Я нахмурилась и обернулась. Кейел даже не смотрел на нас — сидел на прежнем месте и продолжал как ни в чем не бывало стругать ножом свое полено. Возле его вещей лежали моя куртка и сумка, две кружки — моя и его — стояли на ровной, обтесанной топором деревяшке. Когда он успел все переставить?

Стараясь не показать удивленного вида и отгоняя один вопрос за другим, я просто прошла к Кейелу и опустилась рядом с ним. Он отвлекся от своего занятия, взглянул на меня и спросил:

— Разогреть тебе отвар?

Я вскинула брови, но ответить ничего не успела.

— Мне разогрей, — едва ли не смеясь, произнес Дарок. Повел тяжелой головой, указывая на поляну. — Нам. Моим братьям.

— Я буду просить духов. — Кейел беззастенчиво посмотрел в глаза Дароку — без страха, без ненависти. — Только так и грею.

Оцепенение пробрало все тело, на затылке пошевелились волосы. Веселье Дарока смело подчистую, будто и не было его. Предложение о том, что можно заварить травы в котелке над костром, чуть не сорвалось с губ, но я быстро взяла себя в руки. Уголком губ улыбнулась неожиданному союзнику, уселась удобнее, сцепила руки в замок и, добавив приказных интонаций в голос, разрешила:

— Подогрей мой отвар. И долей воды. — Не позволив Дароку зацепиться на этой почве, обратилась к нему: — У меня для тебя хорошие вести, Дарок. Великий вождь принял мое предложение. Ему понравилось сотрудничество со мной. Он увидел во мне, — вдохнула глубже, позволяя прозвучавшим отсылкам именно к своим заслугам немного повисеть в тишине, — надежного союзника. Он принял некоторые мои предложения. Тебя они не касаются, поэтому, если тебе будет интересно, — улыбнулась, надеюсь, мило, — я расскажу о них потом. А после мы обсудили твое послание, и он принял и твое предложение.

Дароку надо отдать должное — веселье в его стальных глазах лишь возобновилось и приросло, но больше за вечер не было попыток показать мне, что я всего лишь никчемная человечка. Ставя его в курс наших дел, я наблюдала за ним, ждала подвоха, но претендент на место вождя быстро

втянулся в дела и отставил в сторону никому ненужные игры. Либо я сама увлеклась важным обсуждением настолько, что перестала их замечать.

И если напряженная ночная встреча плавно перетекла в спокойное деловое русло, а глубокой ночью еще и в тяжелый ужин перед сном, то сумасшедшее утро ударило по мне едва ли не до сердечного приступа.

Первым делом, услышав шум и голоса, я постаралась разобрать смысл звучавших слов. Голова гудела, как после пьянки, а глаза щипало. Судя по розовой дымке, которую я увидела сквозь приподнятые ресницы, мы не поспали и трех часов. Светать начало совсем недавно.

— Убери от нее руки! — рявкнул кто-то незнакомый.

Я хотела вскочить, но услышала предупреждение Роми:

— Лежи, Асфи!

Открыла глаза пошире, поморгала несколько раз, позволяя пелене сойти. Увидев происходящее, захотела снова закрыть глаза и попросить разобраться без меня. Вот только что-то холодное надавило на шею сильнее, не позволяя даже сглотнуть. Стрекоза сидела надо мной на корточках и руку, протянутую ко мне, убирать явно не собиралась. Впрочем, на ее месте я бы тоже не спешила отказываться от страховки...

Роми стоял за спиной эльфийки и, намотав на кулак ее светлые волосы, удерживал кинжал возле тонкой шеи. Под бледной, натянутой кожей колотилась жилка. Глаз Стрекозы я не видела — Роми не щадил разбойницу, заставляя ее смотреть в небо.

Сбоку опять прозвучал незнакомый голос:

— Если ты не уберешь...

— Она уберет кинжал первой! — потребовал Роми.

Я скосила глаза, и дыхание мигом оборвалось. Ну вот... А я считала, что всегда почувствую своего несостоявшегося убийцу за версту. Темноволосый шан'ниэрд хмурился, тоже угрожая кинжалом Елрех. Она морщилась, а под ее подбородком размазалась синяя кровь. Страх во мне снесло волной огня.

— Роми, не порежь Стрекозу, — попросила я, стараясь не двигаться. И прошептала одними губами. — Ксанджи, обожгите кожу на руках эльфийке и темноволосому шан'ниэрду.

Успела лишь порадоваться, что тут такие были только в одном экземпляре. Стрекоза ахнула, взвилась и закричала. Шан'ниэрд уронил кинжал и вскоре тоже завопил, сгибаясь пополам. Ксанджи дословно выполнили просьбу и закружились огнями в воздухе, будто надеялись, что я попрошу о продолжении расправы. Но беда с великими духами все-таки имелась — от кожи на запекшемся мясе не осталось и следа. Оба разбойника корчились от боли на земле, и я вскочила абсолютно растерянная. Все же у любой жестокости есть предел.

Сердце колотилось, голова кружилась. Я водила глазами из стороны в сторону, пока стоянка вертелась, а события скручивались в голове каким-то невыносимым вихрем.

— Ты в порядке? — Кейел развернул меня к себе за плечо и, надавив рукой на подбородок, заставил вскинуть голову.

Я непроизвольно отшатнулась, обхватывая ладонью горло. Споткнулась о мягкую преграду — преграда голосом Стрекозы взывала громче. Васовергская речь дошла до сознания откуда-то сбоку и внесла большую суету в утро. Глянув на чистую ладонь, я вспомнила о Елрех. Мысли в секунду упорядочились, и все лишнее из них исчезло.

— Как ты? — Я бросилась к хмурой подруге.

Она прикрывала небольшой порез рукой, кровь била тоненькой струей между пальцами. В серых глазах читались мысли, но такие же суматошные, как были у меня несколькими секундами ранее.

— Можно залечить зельем, — проговорила я, даже не стараясь перекричать стоны и вой разбойников, взяла окровавленную руку Елрех и осторожно потянула на себя, — но будем долго обрабатывать рану, а потом горло еще опухнет и неизвестно сколько будет заживать. Елрех, — позвала, но она смотрела на меня с непониманием, поэтому я дождалась осмысленности в ее глазах. — Елрех, я позову Айссию. Они все быстро исправят. Ты мне веришь?

Елрех, наконец-то, затряслась и кивнула. А потом кивнула еще раз, будто сама была не уверена, что ее жесты заметны.

— Отлично. — Я улыбнулась, облизала пересохшие губы и постаралась подавить заразные зачатки паники. — Ты не представляешь, какую сложную операцию мы с этими духами когда-то провернули. А тут маленький порез на поверхности...

Айссия отозвались еще быстрее, чем Ксанджи, а с порезом и вправду справились быстро. Уже через несколько минут от него даже крохотной царапины не осталось. Кейел, понимающий без слов и указаний, что может понадобиться в таких обстоятельствах, подал мне смоченную в воде тряпку. Сам он держал в руке миску, наполненную водой.

— Если нужно, я сам смою кровь и проверю, все ли затянулось, — предложил он, склоняясь ко мне и оглядываясь на поляну. — Там ты нужнее.

— Иди, Асфи, — тихо поддержала его Елрех. — Видишь, я даже говорю без затруднения. Я хорошо себя чувствую. Мы справимся сами.

Я постаралась разглядеть беспокойство в глазах этих двоих, но увидела лишь собранность и скрытое недовольство. Кивнула им, отступила всего на шаг и будто пересекла границу между покоем и безумием. Вдохнула полной грудью и сразу поморщилась от привкуса горелой плоти. Постаралась разобраться, что творилось на поляне, пока я занималась Елрех, но сходу не вышло.

— Никто не будет ее калечить! Ни ее, ни его! — выкрикнул Роми, поднимая высоко подбородок. Его хвост хлестал траву и ломал тонкие стебли. Кинжал в ловких руках исследователя мелькал, будто находился в руках Вольного. — Они нужны нам целыми.

— Эльф и без ушей прожить! — произнес на ломанном языке Норкор. Перехватив удобнее плеть, выпущенную из рукава, шагнул к Стрекозе. — Она заслужить!

— Не позволю! — Ромиар шагнул ему навстречу и оскалил клыки.

— Уйди, щенок! — Дарок сплюнул под ноги. Мотнул рогатой головой — лохмы волос качнулись и упали на щеки беспорядочно. Удерживая бритву своей плети, указал на напарника Стрекозы, стоящего на коленях и вытянувшего обгоревшие руки перед собой. — Гахсод, Архаг, займитесь им.

— Не надо! — голос эльфийки сквозь всхлипы я едва узнала. Она взмолилась громче: — Не трогайте нас!

Попыталась встать с бока, но как только оперлась на руки, вновь закричала, упала, зарыдала и в приступе боли забила ногами по земле. Ее напарник бросился к ней, но был сбит ударом сапога в грудь. Архаг от этого пинка и сам едва не завалился на спину. Шан'ниэрд после гулкого стука отлетел, зацепился рогами за землю, и его шея на миг неестественно выгнулась. Сердце ухнуло, ноги налились свинцом.

Пока я осознавала, что напарник Стрекозы оказался крепче и шевелится, пытаюсь подняться с земли, между Стрекозой и Дароком встал Роми. Гахсод направился выполнять приказ до конца. Я поморщилась, видя отчетливый след от грязного сапога на груди многострадального шан'ниэрда, и позвала так громко, чтобы услышали все присутствующие:

— Ксанджи! — крик резанул горло, и я потеряла шею.

Зато с удовольствием прислушалась к лесной тишине. Ксанджи увеличились в размере и стремительно летали над головами присутствующих, пока те молчали. Замолчала даже Стрекоза, до крови закусив губу и зажмурившись. Я прошла к остывшему кострищу, оттягивая время и позволяя обдумать следующие слова, но чем больше планировала, тем сильнее терялась, поэтому плюнула и просто заявила:

— Я тут главная, Дарок. — На него не смотрела, а, скрестив руки на груди, уставилась на пепел под ногами. Нахмурилась, на секунду проваливаясь в воспоминания — первое знакомство с лиертахоном, зарождение дружбы с Елрех... Давно же это было. Подковырнула ногой обугленное полено, посмотрела на пальцы, перемазанные синей кровью, отметила с досадой, что запачкала ею свежую рубаху. Выдохнула шумно. — Не знаю, за кого ты меня держишь, но я не позволю тебе помыкать мною. Тем более не позволю тебе решать за меня, кого и за что нужно наказывать. Напомню тебе, что без меня у тебя вовсе ничего не будет. И я очень надеюсь, что мы с тобой не будем устраивать междоусобицу в моем походе.

Наконец глянула на него. Он недовольно щурился, поджимал нижнюю губу, смотрел на меня свысока, но молчал. Мне было, что сказать ему еще — о том, что их враждебный уклад жизни только усугубит походные условия, что их отношение провоцирует ответную агрессию, но решила, что нравоучения от человечки могут ударить по его самолюбию, а подрывать авторитет Дарока при посторонних до сих пор не захотелось. Вдруг ему и впрямь потом править. И дело даже не в том, что он может потерять уважение среди присутствующих — у некоторых он его и заслужить-то не успел, — а в том, что от свидетелей подобных унижений и оскорблений важные люди, или существа,

как правило, при вступлении в должность такого масштаба избавляются.

— Что тут произошло? — спросила я, не обращая ни к кому конкретному и поворачиваясь так, чтобы видеть всех.

— Я услышал, как она подкрадывалась. — Роми скривился, глядя на Стрекозу.

Только сейчас я заметила, что он растрепанный после короткого сна и выглядит чуть лучше трупа. Он вытер тыльной стороной ладони разбитую губу, прикрыл глаза устало.

— Дождался, когда она подойдет к тебе. Мне было интересно, что она будет делать.

— Интересно ему было, — протянул Дарок с презрением. — А если бы она убила Асфи?

Роми снова оскалился, скосив глаза, полные злобы, в сторону Дарока.

— Как только она приставила кинжал к горлу Асфи, я сам поднялся и подкрался к ней. В это время проснулась Елрех и, видимо, со сна не заметила, как к ней подбегал шан'ниэрд. А я предупредить не успел.

— Черт-те что! — прошептала я и направилась к Стрекозе.

Подошла к ней, присела на корточки и всмотрелась в бледное лицо эльфийки. Только на ее скулах пылали пятна румянца. Сама она тряслась, удерживая руки на весу и опасаясь ими шевелить. Я поморщилась, чувствуя себя скотиной, но чувство стыда быстро прошло, когда Стрекоза скривилась и выкрикнула:

— Мы так не договаривались! Ты не предупреждала о васовергах! Не... — И закусив губу, снова завывала от боли.

Я выдохнула, поднялась и встретилась с Елрех взглядом.

— Я исцелю и их, но не уверена, что духи согласятся нарастить несколько слоев кожи. Даже не представляю, получится ли.

Елрех кивнула и повернула голову к сумке, где в запасах лежали сильнейшие зелья. Кейел сразу что-то спросил у нее, и я поняла по зазвучавшим указаниям, что он предложил помощь. Посмотрев на остальных существ, оставшихся без дела, я поняла второе — если не найти им занятия прямо сейчас, они снова создадут проблемы. Надо что-то придумать... Зеленая трава теперь вдруг подсказала очевидный ответ на вопрос, который мучил нас с Женькой и Витьком еще на Земле: почему в армии, по слухам, заставляют красить траву в зеленый цвет? К сожалению, с моим окружением такой номер не пройдет...

Воззрившись на плачущую эльфийку, которая, по сути, с такими руками мне и не нужна, я задалась очередным вопросом: почему она просто не поприветствовала нас с утра и не спросила меня о переменах? Глупая. Для чего все усложняла?

Усложняла... Вспомнила свое начало сотрудничества с Вольным и лишь тяжело вздохнула.

— Дриэн всегда говорил в таких случаях, что из всякого кошмара можно вынести свою пользу.

— Он прав.

— И что же ты вынесла, мудрейшая человечка?

Я с удивлением посмотрела на Елрех, шагающую рядом. Мудрейшая? Это шутка, или мы уже дожили?

— То, что место встречи лучше назначать в людном месте. То есть... существенном?

Елрех жалостливо свела брови на лбу. Я махнула рукой.

— В каком-нибудь трактире до такого не дошло бы. С другой стороны, васовергам, как я понимаю, только повод дай для драки.

— Для жестокости. У них это в грязной крови.

— Не в крови. Просто с детства привито.

Елрех спорить не стала, а лишь качнула головой. Ветер резко поднял дорожную пыль и швырнул в нас сбоку. Мы, не сговариваясь, отвернулись и выждали несколько секунд до кратковременного затишья. Как только оно наступило, так же молча ускорились. До Обители гильдий осталось совсем

немного.

Кейел

— Тебе надо было навязаться с ними, — сказал Роми, удобнее разваливаясь в своем кресле и покручивая в руке очередной полный бокал вина, — посмотрел бы на главную Обитель.

— Еще успею, — ответил я, сползая на диване. Голова упала с подлокотника на мягкий матрас.

Мы находились в Заводи Ал'лирта полрассвета, отдыхая в доме Роми, но ноги все равно гудели так, будто мы только-только сошли с дороги.

— И мне надо было тоже, — проговорил Роми, словно не услышал меня. Его язык начинал заплетаться. Напиваться после долгого пути в привычке у всех беловолосых шан'ниэрдв? — Торчим тут, ждем, бессмысленно тратим время...

— Нам обещали, что гарпун будет готов уже к закату. Не так много времени и ушло. К тому же ты сам говорил, что заказ не из простых. Мастера и без того уложились...

— Не зуди, — тихо, но тверже прозвучал голос Роми.

Я скосил на него глаза и выхватил силуэт из дневного полумрака. Наверное, солнечный свет надоел шан'ниэрдву, потому он плотно закрыл тяжелые занавеси. Либо он соскучился по жизни в замкнутом пространстве. Они с Асфи и Елрех давно в странствии, а он до того сидел под крышей безвылазно.

— Тебе из-за Елрех хуже? — спросил я, вновь поднимая взор на потолок.

Ответа не последовало. В тишине послышался шелест выливаемого в бокал вина. Если исследователь напьется, то с закатом мне одному никто не отдаст гарпун. А нам еще нужно нанять кого-то, кто помог бы вывезти его из Заводи и оттащить подальше от городских стен. Васоверги должны ждать нас в оговоренном месте, Асфи тоже обещала, что прибудет раньше. Ей не хотелось оставлять нас наедине с воинствующей расой. Опасается остаться без нужного числа существ или заботится о нас?

— Как думаешь, куда Асфи отправила Стрекозу? — снова задал я вопрос.

Может, хоть в беседу его втяну, чтобы не пил так быстро бокал за бокалом.

— Не знаю. Мне не дано понять эту девицу.

— Ты видел когда-нибудь таких, как она? — Я приподнялся на локтях и тряхнул головой, освобождая лицо от волос. — Одинаково легко призывает и Ксанджей, и Айссию. Многим даже бытовые духи нередко отказывают, а она вот...

Ромиар не донес бокал до рта. Поджал губы, глядя в стену, поставил бокал обратно на стол и опрокинулся на спинку кресла.

— Слышал о таких, но все написанное о них было в старых свитках, — задумчиво произнес он. — Духи ненависти и духи жизни не сочетаются между собой. И в целом непонятно, почему ей вдруг подчиняются великие духи.

— Ты не думал, что она нам не все рассказала о себе?

Ромиар ровным взмахом повернул ко мне голову и уставился на меня. Желтые глаза были затянuty хмелем и светились тусклее. Наверное, хвост мягко застучал по ножке кресла — этого я не видел, мог лишь гадать по тихому стуку.

— Не много ли ты хочешь узнать о ней? — любопытствовал Роми и как-то запоздало свел брови на переносице. — Заинтересовался ею? Не стоит. Чем больше ее узнаю, тем сильнее убеждаюсь, что никакому мужчине с такой связываться не посоветую. Для дел — запросто, но не для жизни. Кейел, точно тебе говорю, Асфи не для семьи.

Я сглотнул невольно и стал медлить с ответом. Наверное, в самом деле много интересуюсь ею. И ведь чем больше узнаю, тем еще больше хочу узнать. Может, сказать ему прямо, что теперь я чаще думаю об Асфи, чем о Лери? Вдохнул неглубоко и... почему-то не смог вообще заговорить о ней и просто перевел тему:

— А ты о Елрех и вовсе не узнаешь.

— Зачем мне о ней узнавать? — Ромиар скривился, снова отвернулся и потянулся за бокалом.

— Вы с ней были вместе, — напомнил я. — В прошлой жизни.

— И что? — спросил Роми и приложился к бокалу, выливая в себя все содержимое до последней капли.

— Роми, вы все вспомните. — Я уселся на диване и скрестил руки на груди. Раздражение росло медленно, но неотвратно. — Ты не думал об этом?

Он тяжело выдохнул и свесил рогатую голову на грудь. Выходит, думал. И что он ответит?

— Может, Кейел, это единственное, что меня спасет, — проговорил едва слышно. Потер лоб и так же тихо продолжил: — Ты видел ее? Смотрю на нее иногда и воротит только от вида. И не прекрасная шан'ниердка, и не ужасная фангра. Никакой ясности. А если долго не смотрю, то паршиво становится. Как будто я в чудовище что-то прекрасное разглядел.

— Она симпатичная, — попытался убедить я. Она ведь в самом деле симпатичная девушка, просто с непривычной внешностью.

— Тебе и Асфи такая же, а я в них обеих вижу уродство. — Роми поднял палец за миг до того, как я открыл рот. — Но знаешь, я чуть не убил Асфи.

Сердце споткнулось, а сам я, казалось, пошатнулся. Либо это комната качнулась в глазах, вызывая легкую тошноту.

— Что ты имеешь в виду? — вопрос царапнул вмиг пересохшее горло.

Исследователь, как назло, опять принялся наполнять бокал. Пролив вино на стол, начал оглядываться в поисках полотенца и, не увидев, попросту потянулся за бокалом. Испачкал манжету дорогой рубашки, но и не заметил, а я сидел и ждал его ответа, будто готов был помчаться прямо сейчас выручать кареглазую девчонку. От осознания смысла и признания Роми, и собственных чувств, вызванных этим признанием, становилось нехорошо.

— А то! — Ромиар с грохотом поставил бокал прямо в лужицу, разбрызгивая вино. — Нет, не не убил, а... Асфи или Елрех? — Схватился за голову. — Забыл.

— Тебе хватит пить, Роми.

Настроение испортилось окончательно. Я поднялся на слабых ногах и застыл на месте. Почему мне так везет на выслушивание пьяного бреда? Ромиар опять проигнорировал меня и продолжил вываливать пьяные мысли:

— Урод этот приказал отпустить Стрекозу, и я чуть было не отпустил. Он ведь порезал ее. Елрех. Он порезал ее! — Посмотрел в мою сторону со злостью. — А я стоял, держал сволочь эту и готов был отпустить. Думал в тот миг, что все брошу, всех отдам, сам убью, лишь бы не тронул! Лишь бы только не тронул. А как ее можно тронуть? Она всегда всех понимает, всем помогает, всех поддерживает! Ее и обидеть боишься, а он порезал. Угрожал!

— Ромиар, — стиснув кулаки, громко позвал я.

Однако шан'ниэрд не обратил на меня никакого внимания.

— А потом! Потом я вдруг осознал, что это со мной! Знаешь, как мерзко стало?! Не знаешь, — протянул, потрясая пальцем, будто уличил меня в этом незнании. — Я! Беловолосый шан'ниэрд! И я люблю чудовище. Люблю грязную полукровку.

Он рассмеялся, запрокидывая голову и накрывая глаза ладонью. Лери, наконец-то, четко привиделась в воспоминаниях, а не смазанными пятнами. Сколько я пытался ярко представить ее? Вот только и эти образы не обрадовали. В них мы обсуждали грязную полукровку, которую Лери незаслуженно ругала. Теперь я был уверен, что тогда был абсолютно прав.

— Ее неоправданно так называют.

— У нее грязная кровь! — Роми хлопнул по столу и уставился на меня.

Желваки заиграли на серых щеках, поверх выступил бордовый румянец. Стук из-под стола зазвучал громче и чаще.

— Это у нас у всех неправильное воспитание, а Елрех здоровая и душой чище многих других.

Настояв на своем, я быстро направился к двери. Руки била мелкая дрожь, но природу ее я толком не распознал. Злосць на Ромиара, на Лери, на себя? Либо на Асфи? Нет. К ней в последнее время лишь благодарность испытываю. Если бы не она, я бы до сих пор о многом не узнал и на многое не решился.

А Ромиар тем временем не замолкал:

— Пусть так! Не имеет значения! Но я назло решил, что не уступлю этому выродку. Решил, что надо добить все это одним махом! Представляешь, на безопасности Елрех себя испытывал! Назло ей! Мерзко! — рявкнул он и гневно спросил: — Куда ты?!

Взявшись за ручку, я открыл дверь и обернулся.

— Искать твоих высокомерных слуг, чтобы они сделали что-нибудь, от чего ты протрезвеешь.

— Не смей, человек! Ты в моем доме! — Пьяный шан'ниэрд попытался подняться, но завалился в кресло. Положив ладонь на разлитое вино, попробовал встать снова, но легко сдался и, слепо глядя перед собой, забормотал: — А она... Она... Где она сейчас, Кейел? Как думаешь, они уже добрались до Обителя? Надо было хоть кому-то из нас пойти с ними. — Потер ладонями лицо, словно избавлялся от видения с призраками. Запястьем вымазал белоснежный воротник, оставляя бледные, красные пятна. — Надо было хоть кому-то из нас пойти. Нельзя оставлять ее одну, Кейел. Ее нужно оберегать. Запереть бы где-нибудь...

Я больше не вынес нахождения рядом с ним и вышел из комнаты. Найдя первого попавшегося слугу, распорядился собрать всю выпивку и выставить во дворе, а уважаемого Ромиара уложить спать. Сам же помчался в город. Неужто нельзя сделать для беловолосого шан'ниэрда амулеты по сильнее? Видимо, все — эти больше не помогают.

Асфи

— Змейки мои, — протянул Дриэн и замолчал, обводя пальцами контур открытого рта.

Понять, был ли он рад новостям, или расстроен, оказалось невозможно.

В кабинет заглядывало полуденное солнце. Попадая на графин с водой, свет преломлялся и оставлял радужные разводы на стене. Зеленые веточки фикуса рядом с этими разводами напоминали насыщенный пластик. Елрех стояла рядом со мной, высоко задрав голову и неотрывно глядя в стену поверх старого эльфа. Ее спина была прямой, как палка, а дыхание ровное, словно происходило под строгим контролем. Я же отчего-то напряжения совсем не чувствовала.

— Вы недовольны? — спросила я и опустила глаза на стул.

Присесть нам не предложили, да и стул был всего один. Можно было бы нагло сесть, но становилось обидно за Елрех. Поэтому я нашла другой вариант. Шагнула к стулу и с наслаждением навалилась локтями на высокую спинку. Уставшим ногам стало немного полегче.

— Твоим решением недоволен. — Дриэн поднял голову и уставился на меня. Забарабанил ноготками по краю стола, заваленного бумагами. — До сих пор не понял, зачем тебе от нас уходить? Тебе с нами плохо?

— Это прежде всего уважение и беспокойство о репутации замечательной гильдии.

Верховный скривил тонкие губы, подергал длинным ухом.

— Асфи, в твоих словах есть правда. Не без нее, естественно. Вот только командует у вас уважаемый Ромиар из всем известной гильдии Исследователей. И это он допустил тебя к васовергам, это по его вине ты подвергалась смертельной опасности в зверском ритуале. Именно его безответственность послужила тому, что ты убила одного васоверга и связалась с другими.

— Это сотрудничество необходимо нам, — мягко сказала я, отворачивая голову к окну. Почесала висок, незаметно освобождая волосы у виска. Они упали на глаза и, надеюсь, скрыли неуместную вину. Врать Дриэну не хотелось, но иного выхода я не видела.

— Все еще не понимаю, для чего. — От требовательных интонаций мелодичного голоса мне стало грустно.

Я и не надеялась, что будет легко, но хотелось верить, что будет не настолько трудно. Снова посмотрела на него и столкнулась с легким прищуром, выдающим нехорошее подозрение. Набрал побольше воздуха в грудь, напомнила:

— Верховный, мы не можем разглашать эту информацию.

— Да, да, — цыкнув, протянул он. — Как ты там выразилась? В целях безопасности нашей гильдии. Ты не забываешь ли, молодой Аспид, что прежде всего сама состоишь в этой гильдии? Ваша с Елрех безопасность меня волнует не меньше. Почему это ты должна покидать нас, если ответственность и вина за ваше таинственное мероприятие лежит в первую очередь на исследователе?

— Потому что отправиться к васовергам — целиком и полностью моя идея.

Дриэн выгнул одну бровь, отчего тонкая кожа на лбу и щеке будто утончилась еще сильнее.

— Вот оно что. — Длинные пальцы обеих рук ритмичнее забарабанили по столу. Следующий вопрос адресовался Елрех: — Оно хотя бы того стоит?

— Стоит, верховный, — с готовностью ответила она. Но вот ее напряженность и хмурость могли только насторожить и напугать. — Но Асфи права, мы не можем рассказать вам о деталях важных исследований.

И снова вопрос ко мне:

— А ты, значит, боишься, что тебе придется позориться? — Дриэн, к моему счастью, прекратил стучать, облокотился на стол, изящно переплел пальцы в замок и положил на них острый подбородок.

— Боюсь, что мне придется нарушать законы Фадрагоса. Духи могут и не отвернуться, но я рискую запятнать свое имя, а вместе с ним и всю гильдию.

— Тогда как быть с именем Елрех? И что по этому поводу думает сам Ромиар? Как он это все допустил?

— Он... — Тяжелый выдох не удалось удержать. — Верховный, на кону стоит слишком многое. Уважаемый Ромиар верит, что мы преследуем огромную пользу для Фадрагоса. А с Елрех... Ответственность за все дальнейшие решения в этом походе будет лежать только на мне и Ромиаре. Нам это нужно, верховный.

— Ладно, — произнес Дриэн, откидываясь на спинку кресла. Помолчал немного, а затем широченно улыбнулся и похвалил: — Умницы! Виксартский мед, черное золото, алльерсский минерал и множество ценных трав! Конечно, сотрудничать нужно. Будем ждать, когда Кхангатор пришлет своих виксартов к нам

— Викхартов, верховный, — поправила я. — Они обидчивые и мстительные.

— Конечно, Асфи. Викхартов, а как же. — И он застучал выдвижными ящиками стола, зашелестел бумагой, возвращаясь в привычный рабочий процесс. — Кхангатор не сообщил, когда займется регионом Каменных великанов?

— Обещал начать в ближайшие периоды, — я с радостью принялась отчитываться перед ним. — Пока об этом деле знаете только вы и исследователи. Ромиар хотел отправить весточку им и, наверняка, уже это сделал, но пока она дойдет... А мы с Елрех уже тут. Разрешите дать совет.

— Разрешаю. — Дриэн даже прекратил бумаги перебирать и выжидающе посмотрел на меня.

— Действуйте прямо сейчас, первыми, и урвите от этого сотрудничества кусок побольше. Не ждите, когда раскачаются исследователи и свяжут вас с викхартами. Сами станьте связующим звеном.

Судя по блеску в золотистых глазах, он уловил смысл, а может, и сам пришел к этим планам, но мои слова послужили ему поддержкой. Застучав толстой стопкой по столу, он довольно произнес:

— Я горжусь вами.

К сожалению, от Дриэна мы вышли позже, чем я рассчитывала. Пришлось задержаться из-за моего ухода из гильдии. Хотя я и не успела полноценно вступить в ряды Пламени Аспида — подписать договор, закрепленный клятвой перед духами, — но знала слишком много, чтобы так просто меня отпустить. Поэтому мне принесли договор, в котором в основном были прописаны условия о неразглашении всего того, что я успела узнать. И как выяснилось, узнала я достаточно и о самой гильдии, и о некоторых значных местах, используемых Елрех для сбора трав. Много приходилось вписывать вручную, чтобы духи в дальнейшем трактовали каждую мою оплошность правильно и наказывали без усердий.

Багровое небо полыхало над городом. Солнце закатилось за дома и подсвечивало кромкой темные крыши. Ветер продолжал бушевать, словно обещал пригнать непогоду. Срывал листья с деревьев, поднимал высоко пыль и закручивал ее в вихри, дергал наши куртки, хлопал штанами. Я встала на крыльце гильдейского дома Аспидов, наскоро заплетала косу и обдумывала ближайшие планы.

— Ты хотела пойти к мудрецам, — напомнила Елрех, отворачиваясь от ветра и туже затягивая узел одного из амулетов, вплетенных в длинные белые волосы.

— Не успеваем.

— Думаешь, проворные парни справятся раньше?

— Даже если задержатся, оставлять их одних с Дароком и его братьями нельзя ни на минуту. Мудрецы подождут.

Ждали же веками, потерпят и еще немного.

Петляя улицами, мы забежали в лавку за провиантом, чудом успели на рынок, где уже собирали с прилавков товар запоздавшие торговцы. Добавив пару одеял, сумок и нескольких больших рубах к ноше за спиной, озаботились еще точильным камнем, новым котелком, ножами, кружками и прочей утварью. К сожалению, на рынке многое уже не нашли, но торговец, знакомый Елрех, жил неподалеку. Поэтому пришлось мчаться еще и к нему.

Все эти мелочи могли купить и Роми с Кейелом, но я не стала нагружать их. Пусть направят все внимание на гарпун. Он важнее.

К городским воротам добрались с первыми яркими звездами. Упрямства нам с Елрех было не занимать, потому что у нас даже вопрос не поднимался, не остаться ли на ночь под крышей ее дома. Знакомый фангр сидел на лавке у сторожевого дома и общался со вторым стражником, провожая ленивым взором поздних путников. Я замедлила шаг, присматриваясь к фигуре, охваченной светом Охарс, к чертам синекожего лица, и улыбнулась. Подойти к мужчине, который когда-то предлагал мне помощь, конечно, хотелось, но я не рискнула.

Фляга, украшенная драгоценными камнями, которую я обещала отнести к защитникам, осталась у Кхангатора. А как еще дополнительно задобрить того, у кого весь дом в золотом убранстве? Подарок ему понравился. Еще сильнее Кхангатору понравилась весть о том, что я встречалась с его дочерью в таверне. Соврала немного, что она согласилась выручить меня и по доброте душевной накормила ужином, когда при мне не было ни гроша. Упоминание о том, что я в ответ на доброту подарила Вайли кинжал из набора с этой флягой, окончательно растрогало клыкастого мужика. Интересно, Вольная уже на севере?

Сердце ухнуло от неожиданного осознания. Улыбка сползла с лица, а я, стискивая шлейку тяжелой сумки, ускорила шаг. Миновав ворота, пнула камешек и спросила:

— Елрех, как думаешь, Кхангатор объявит войну северу, если узнает, что его дочь умерла там?

Кейел

Солнце в этот закат умирало особенно ярко. Небо окрасилось его пылающей кровью и измазало растянутые облака. Ветер, бушующий в первую половину рассвета, к закату умчался бесследно. Птицы перекликались неохотно, будто с опаской. Я стоял под липой, скрестив руки на груди, и мял в пальцах зеленый листик.

В стороне садовник понуро следил за тем, как двое слуг носят ведра и сливают всю выпивку в выкопанную яму. В метре от меня еще двое слуг откупоривали бутылки, открывали графины и содержимое сливали в опустошенные ведра. Ромиар крепко спал в своей комнате. Телегу с разобранным гарпуном я завел во двор.

До сих пор не понял, каким чудом мне удалось убедить мастеров, что Ромиар не накажет их, если они отдадут заказ человеку. Существо, согласных помочь с вывозом гарпуна и сопровождением до указанного места, я нашел среди наемников. Вот только Ромиар так и не протрезвел, чтобы мы могли отправиться в путь. Он разлил все зелья и отвары, которые к нему носили, бросался в слуг всем, что попадало под руку, и гнал всех из дома, напоминая, что тут он хозяин. Кричал о своей расе, о своем всемогуществе. Самый крепкий эльф, который в итоге и уложил господина в кровать, теперь, ставя пустое ведро на землю, каждый раз трогал подбитый глаз и с волнением смотрел на окна второго этажа. Наверное, гадал, не вышвырнут ли его из гильдии, услугами которой пользовался капризный беловолосый шан'ниэрд.

Я злился. Как Асфи справляется с нами?

С самого рассвета Ромиар принялся ругаться.

— Это мой дом! — расхаживая в подштанниках по комнате, отчитывал он меня. — Мои слуги и моя выпивка!

Я оглянулся на двух сгорбившихся эльфов, оттирающих от пола присохшую лужу рвоты. При них лучше не говорить, что Роми злится из-за влюбленности. Кипа свитков, любовно перевязанных ароматными лентами и шнурками, подсказывали, что мать и сестра Ромиара пекутся о нем, несмотря на произошедшую между ними ссору. Наверное, женщины найдут способ, как узнать о жизни их близкого существа. И, наверное, лучший способ — спросить у слуг.

— Ты не имел право командовать ими! Ты...

— Тебе нужно оплатить наемникам их ожидание.

Ромиар застыл. Очертил хвостом размашистую дугу, щурясь в мою сторону.

— Ты можешь ругать меня хоть полрассвета, но это не вернет тебе твое вино. И твои растраты только увеличатся, потому что наемники продолжают ждать.

— Кого я подобрал, — сквозь зубы процедил он, но направился в комнату, где его ждала лохань с водой, чистая одежда, отвар, снимающий похмелье и новые амулеты. Темно-синие, с разводами, как на бирюзе, и символом, похожим на глаз.

Целительница обещала мне, что они помогут унять чувства шан'ниэрда — неважно, ненависть или любовь. Но и сообщила о том, что потом другие амулеты станут фактически бесполезны. Я сомневался, необходимо ли тратить на них все свои монеты, которые отдала Елрех, честно оценив мою помощь ей. Сомневался долго.

Дверь за Ромиаром захлопнулась. Я постоял несколько мгновений, слушая шорох тряпок по полу, плеск воды. Затем подошел к столу и еще раз взглянул на амулеты, давно истратившие силу. Слуга, пострадавший от Ромиара, любезно рассказал мне, что мешочек с амулетами вывалился из-за пазухи господина, когда тот размахивал кулаками. Пять одинаковых камней были собраны и закинута в маленькую вазочку — темно-синие, с разводами, как на бирюзе, и символом, похожим на глаз.

Асфи

Дарок сидел на пригорке и ковырял кинжалом между зубов. Архаг и Норкор исчезли в лесу после их ритуального утреннего приветствия солнца и обещали не возвращаться без приличной добычи. Елрех забралась на дерево, откуда сообщала нам все, что видит на длинной колее, исчезающей за холмами, и грызла дикие груши. Очередной крохотный огрызок пролетел прямо у лица Гахсода и упал в траву возле его сапога. Васоверг нахмурился и поднял голову, недобрым взглядом обозначая беловолосой полукровке свое отношение к ней.

Я отстранилась от ствола. Стряхнула с плеча налипший мох, отмахнулась от мухи и спросила:

— Уже видно, кто это?

— Вижу белое пятно на голове у высокого, — громко ответила Елрех. — Двое монстров оказались мситами, они тянут телегу. Что на ней лежит, я не вижу. Она накрыта чем-то плотным. Позади к ней кто-то привязан. Покрупнее мситов. Четверо осанистых мужчин едут верхом на лошадях. Еще один идет пешком. Если я верно узнаю, то походка нашего доброго Кейела. Ну и высокий мужчина с белым пятном, должно быть, уважаемый Ромиар. Только у шан'ниэрдов волосы будут так ярко отсвечивать от солнца.

Я с облегчением выдохнула и постаралась удержать улыбку. Дарок с интересом оглянулся на меня и следил. Теперь он вел себя излишне послушно, будто прощупывал мое справедливое и грамотное правление или ждал, когда оступлюсь. Позволить ему поглумиться над собой не то, чтобы не хотелось, а элементарно вызывало опаску. Нельзя васовергу предоставить даже короткую возможность возглавлять поход. Только не в том случае, когда от этого зависят жизни дорогих мне существ.

Небольшой отряд остановился на холме, когда даже я способна была отличить двуногие силуэты от четырехногих. Вот только оставалось загадкой, что они собирались делать. Приходилось томиться в ожидании, сидя в укрытии кустарников, как самые настоящие разбойники. Вскоре от отряда отделилась четверка сопровождающих и направилась обратной дорогой. Двое остальных продолжили путь.

Кейел вел мситов под уздцы. Ромиар, размахивая хвостом, бесстрашно шагал немного впереди. На миг захотелось устроить нападение, чтобы вытряхнуть из исследователя беспечность, но от идеи я отказалась из-за Кейела. Пугать парня я не намерена. Но ситуация, конечно, разозлила. Мы договорились встретиться у развилки дороги, где лежал большой валун-указатель с расписанными на нем направлениями. Сошлись на том, что лучше нам не светиться прямо на дороге, а дожидаться их неподалеку в лесу. Вот только учитывать любые риски необходимо всем нам. А если бы нас убили или схватили? Мало ли, кто мог ждать их так же, как и мы.

— Твои друзья в сборе, Асфи. — Дарок стал подниматься с земли. Выпрямился в полный рост, похрустел массивной шеей, снял с рога паутину. — Разбойницу мы тоже будем ждать, прячься в лесах?

— Не будем, — заверила я, не обращая внимания на насмешку в его голосе.

О Стрекозе он спрашивал не в первый раз, и я всячески перекрывала эту тему другими вопросами. Только Елрех знала, что я не давала разбойнице никакого тайного задания, как сообщила всем. На самом деле Ксанджи выполнили мою просьбу дословно. Руки у Стрекозы и ее напарника были обожжены ровно до плеч. Рукава пришлось осторожно срезать и отделить от плоти. Айссия смогли лишь снять боль и заживить все до тонкой пленки. При малейшем прикосновении пленка лопалась, из-под нее сразу вытекала прозрачная жидкость. Елрех выдала укрепляющие организм зелья и заживляющие мази, которые необходимо было наносить несколько раз на день. У нас просто не было времени, чтобы заниматься уходом за пострадавшими. Опять же я не могла отправить разбойницу открыто в город с Роми и Кейелом, а оставлять с васовергами ту, которая посмела угрожать существу, прошедшему ритуал Ярости, казалось равносильно, что запереть в загоне антилопу с крокодилами.

Не дожидаясь, когда парни дойдут до развилки, я сама направилась к дороге. Остановившись у валуна, заложила руки за спину и стала раскачиваться с пятки на носок. Кейел был в одной рубашке, его куртка и плащ висели на бортике повозки. Русые волосы за время путешествия отрасли, но я заметила это лишь сейчас. Длинные пряди выпутались из хвоста, собранного на затылке, и падали на обветренное лицо. Хмурые морщинки залегли между бровями. Взгляд зелено-карих глаз показался суровым. Кейел блуждал им по моему телу. Что высматривает?

Я невольно опустила голову: мои штаны были заправлены в высокие сапоги. На колене налипла сосновая иголка. На поясе висели кошель с мелочью, бурдюк. Поверх серой рубашки закреплены крепкие ремни ножен, а в них лежит простенький, но удобный кинжал. Короткая куртка на плечах — вполне приличная, хоть уже и запачкана зелеными разводами от сока травы. Плащ остался на

месте нашей стоянки. Но Кейел смотрел на меня так, будто что-то со мной все же было не в порядке.

— Рада вас видеть! — сообщила и шагнула к ним.

Глянула на Ромиара — как обычно, недовольный, немного исхудавший, но вроде бы в порядке. А Кейел... Снова уставилась на него. Опять прошлась взором по хмурым морщинкам, зацепилась за синяки под глазами от недосыпа или усталости, за обветренные губы, за руку, удерживающую вожжи. Опять не надел перчатки. Сколько можно напоминать, что в местах, где мы будем проходить, могут встречаться твари, оставляющие ядовитый след после себя?

— И мы тебя, — совсем безрадостно, как-то скованно произнес он.

И сильнее нахмурившись, повернул голову к лесу. Там, на пригорок, вышел под солнечный свет Дарок. Обогнул Елрех, заслоняя ее собой, важно выпятил широкую грудь и сложил на ней руки. На Кейела он даже внимания не обратил, а сразу заинтересовался грузом. Я тоже вспомнила о гарпуне. Наверняка, это он в телеге под тканью, напоминающей что-то между целлофаном и брезентом. Позади за телегой плелись привязанные животные, которых до этого мига я никогда не видела. Вроде бы рыжие быки, но какие-то безрогие, с высокими, тонкими ногами и с небольшим горбом на холке.

— Все обошлось без проблем? — любопытствовала я на всякий случай у Роми.

Ромиар отвечать не спешил — стоял смотрел в сторону Дарока и едва заметно кривился. Я изогнула бровь. Кажется, не в таком уж и порядке вредный шан'ниэрд был. Исхудал сильно, щеки ввалились, под глазами обозначились вены, подбородок стал острее. Он, что, ничего не ел в пути? Спал ли хоть?

— Роми, ты мне ответишь?

— Чего ты хочешь от меня? — Он тряхнул головой, белая коса свалилась с плеча за спину.

— Проблем не было, — вклинился Кейел. Растянул улыбку и отчитался: — Мы забрали заказ и проверили его. Выполнен хорошо: дерево и железо обработаны, каждая заклепка вбита крепко и оплавлена так, чтобы не вылетела, но можно было заменить. Тросы в порядке, длина веревки именно та, которую мы указали. Наконечник тоже сделан по нашим пожеланиям. Запасные тоже есть. Установка для закрепления...

— Я поняла, все в порядке.

— Да, Асфи, все в полном порядке.

— А наемники? Они не интересовались, зачем нам это все? — кивнула на телегу.

— Интересовались. Мы говорили, что для исследований, — снова ответил Кейел. — Ромиар еще и часто пресекал все расспросы.

Упомянутый опять пялился на Дарока, проявляя полное безразличие к нашему делу. Он вообще с нами? И на Дарока ли смотрит? За плечом васоверга стояла Елрех и выбирала из кулька собранных груш самую сочную.

Я снова повернулась к нему, чтобы убедиться в подозрениях, но шан'ниэрд уже возился с застежками своей куртки, собираясь ее снять. День и вправду выдался знойным. Ветер побушевал накануне, погонял облака и исчез. Солнце палило жарко, на небе не было ни одного облачка. Птицы прятались в лесу, щебетали тихо и лениво. Из высокой колосющейся травы доносился громкий стрекот кузнечиков, заглушая слабые песни пернатых.

— Ладно, даем парням время на отдых, а затем отправляемся в путь! — объявила я и двинулась в сторону лагеря за вещами.

Мы быстро собрались, оставляя на месте стоянки лишь кострище и примятую траву. Я сразу взяла направление к Лавовому озеру. В этот раз мне были известны все опасности в дороге, поэтому я легко приняла решение, в каком порядке добывать ключи. Начать хотелось бы с простейшего — например, с региона Ночной смерти, а там и до пещеры, где разбилась Ил недалеко. Но таскать с собой здоровенный гарпун — то еще удобство. Поэтому я все-таки составила план, в котором первым числилось Лавовое озеро.

К сожалению, в этот раз Феррари с нами не было, да и не сказать, что мне хотелось плестись в поселение фанатиков. Уверена, так же просто втереться к ним в доверие, как было в прошлый раз, не получилось бы. В конце концов, большая доля доброго отношения к нам была заслуга Вольного, представившегося местным лесничим.

Из-за телеги приходилось идти ровненько по колее и надеяться, что нам никто не попадет. Путь лежал до священного кольца в регионе Каменных великанов, а оттуда мы без труда переместимся в регион Больших мостов, откуда и потащимся в горы. Васоверги уступили мне в требовании и шли вдоль дороги по лесу. Если кто-то и нападет на нас, то они услышат и успеют помочь, а если нам встретятся купцы, то те и не заметят в нашем отряде никого подозрительного. Разве что, Елрех и Роми сами по себе броские личности. Но к счастью, торговцы редко пользовались этим путем. Только самые рискованные.

Как я и предполагала: чем дальше мы уходили этой дорогой от городов, тем меньше замечали признаков жизни разумных существ. К обеду колея превратилась в заросшее бурьяном бездорожье. Деревянные колеса часто застревали в ямах, и Дароку с Гахсодом приходилось вылезать из леса, чтобы просто помочь вытолкнуть тяжелую телегу. В конце концов, даже я плюнула на меры предосторожности и попросила крепких мужчин находится рядом постоянно.

Когда солнце склонилось к горизонту, нас отыскивали Норкор и Архаг. Мало того, что они шагали бодро, будто и не охотились, так еще и были нагружены под завязку убитыми зверями. Связка из диких птиц висела у каждого на груди. Архаг навалил на плечи мертвую косулю, а Норкор тащил за спиной трех жирных зайекрылов.

— Сто-ой! — окликнул нас Архаг и с широкой улыбкой сбежал по холму.

Вся его одежда была в пыли, местами на ней виднелись бурые пятна подсохшей крови. Низкорослый Норкор хмурился, как и всегда, и за активным другом не спешил.

— Разбиваем стоянку! — весело произнес Архаг. — Посмотри, Асфи, сколько всего. Я же говорил, что устрою тебе пир!

Я скривилась от такого рвения. Зачем столько мяса? Мы съесть не успеем, пропадет только.

— Я не уверен, — сказал Кейел, приближаясь ко мне, — но мне кажется, что тут не лучшее место для лагеря.

Лес тянулся от нас по правую сторону, по левую — виднелась роща, позади остался просвет, а впереди стелилась бескрайняя степь. С нашего места все хорошо просматривалось, но Кейел прав — точно так же и мы, должно быть, отлично просматриваемся с любой точки.

Я взглянула на парня, остановившегося в шаге от меня и настороженным взглядом исследующего местность. Хотелось, как раньше, подождать, когда он закончит свою мысль каким-то четким решением, но с каждой секундой молчания становилось понятно, что это от меня ждут приказов. Произнесла негромко:

— Найди пологий подъем в лес и присмотри пространство для выезда. Завези груз и прикрой со стороны дороги ветками, кустами, хоть чем-то.

— Что делать с мситами?

Я нахмурилась и растерялась, глядя в глаза, отражающие полную готовность выполнять распоряжения. А что не так с мситами? Низкие, но сильные животные стояли, впряженными в телегу, и пользовались остановкой — склонив массивные шеи к земле, щипали широкой пастью густую траву. В первую половину дня мы обходили по кромке болотистую местность и делали несколько остановок у широких луж, из которых скотина долго пила воду.

— Их распрячь? — снова спросил Кейел и свел брови на переносице.

— Распряги. — Я пожала плечами.

— А если придется быстро убегать? В этих местах почти никто не живет, вокруг наверняка полно нечисти.

Гарпун — это важнейшее, что у нас на сегодня есть. Его нельзя ни в коем случае потерять. Кейел смотрел на меня внимательно, и мне казалось, что я заметила признаки веселья на его лице. По крайней мере, как объяснить то, что уголок губ дрогнул, и сразу после этого пареньё закусил нижнюю, словно удерживал улыбку.

— Значит, не распрягай.

— Тогда они не отдохнут. — Опустив веки, прикрыл глаза длинными ресницами и убрал волосы за ухо.

— И что тогда с этой скотиной делать? — возмутилась я. Животины же, оставшиеся без двуногих существ рядом, медленно куда-то покатали наш гарпун. — Они сейчас его увезут!

Кейел перехватил меня за руку, не позволяя броситься к мситам. Его ладонь будто прожгла куртку и прикоснулась сразу к коже запястья, и мои щеки обдало жаром, а сердце ушло в пятки.

— Побежишь на них и испугаешь, — спокойно произнес он, опережая меня, — тогда точно понесут. Они просто пасутся, Асфи. Тут полно сочной травы, но они все равно ищут получше, вот и не стоят на месте.

Он отпустил руку и неспешно направился к мситам, то и дело поворачивая голову в сторону Ромиара. Тот стоял, заложив руки за спину, и с гордо поднятым подбородком смотрел, как в просвете между хвойным лесом и лиственной рощей медленно стареет Солнце. Белая кисточка хвоста лениво качалась у голенища черного сапога. Возникло подозрение, что именно ответственному исследователю было поручено подержать вожжи. Да нет, он бы точно справился с таким пустяковым заданием. Если только не влюбился и не стал сходить с ума. И как же тогда сходят с ума от любви к представительнице низшей расы беловолосые шан'ниэрд?

Я тряхнула головой, откинула косу за спину и постаралась не думать об этом. Возможно, «тепличный цветочек» просто устал от пребывания под открытым небом. В любом случае надо будет просто выбрать момент, отвести его в сторону и прямо расспросить обо всем.

Вскоре мы отыскивали просторную поляну недалеко от дороги, а в нескольких минутах ходьбы наткнулись на кристально чистый ручей. Ледяные ключи били из земли в нескольких местах у каменной насыпи. Васоверги в этот раз не досаждали ни Роми, ни Елрех, а сами занялись разделкой многочисленной добычи. Кейел и Роми без меня определились со скотиной, распрягли ее, напоили и, привязав веревками, оставили щипать лесную траву возле лагеря. Обустраивать ночную стоянку тоже взялись они. Елрех, спросив у меня разрешения, отправилась в глубину леса искать полезные травы, ягоды и местные лесные фрукты. Я набрала хвороста, развела костер, повесила котелок с водой и принялась готовить кашу, с расчетом, что позже место котелка займет вертел с дичью.

Васоверги разделявали мясо у ручья и, как я успела разузнать, туши давно остыли, поэтому ждала я их нескоро. Роми и Кейел ходили от скотины к лагерю и обратно, последний появлялся на глазах реже. Его топор стучал тихо неподалеку. Наверное, трудолюбивый парень озаботился прикрытием телеги со стороны дороги или дровами на ночь. В любом случае его присутствие я отмечала для себя не только приятным созерцанием внешности любимого человека, а также убежденностью, что мои указания, озвученные при нем, будут исполнены, но и ежедневным облегчением рутинной работы. Он просто брал ее на себя, и его даже не нужно было об этом просить.

Сумерки начинали окутывать лес рано. Солнце терялось в кустарниках, путалось последними лучами в листве. Лесная прохлада пробиралась под одежду сыростью, проникала в текстуру ткани, скапливалась и оседала тяжестью. Быстро становилось зябко. Я сдула громадного комара с носа — их в фадрагосских лесах было полно, и, кажется, к ним я успела привыкнуть настолько, что даже укусы после них чесались редко, — сжимая в руке тряпку, подступилась к костру и собиралась снять немаленький котелок с железного крюка.

— Давай я, — раздалось за спиной.

Я подпрыгнула на месте от неожиданности. Кейел отобрал у меня тряпку, используемую вместо варежки, и бесстрашно полез к костру.

— Не рано? — спросил, не оборачиваясь ко мне, и поставил котелок на составленные в круг камни.

— Хочу еще успеть сделать отвар. Васоверги пить не будут, если заварим травы просто в кружках с помощью духов.

Кейел весело хмыкнул.

— Они в самом деле считают, что это делает их слабее? — Судя по блеску в зелено-карих глазах, настроение у него было гораздо лучше, чем при утренней встрече.

— Ты, фадрагосец, спрашиваешь об этом у меня? — с улыбкой поинтересовалась я и направилась ко второму котелку, с набранной водой и прикрытым от жучков, мух и лесного мусора тоненьким полотенчиком.

Не успела и руку протянуть к посудине, как ощутила чужое тепло у плеча. Кейел и тут подоспел на помощь. Я только улыбнулась шире, выпрямляясь в полный рост, и стала наблюдать за парнем. Он ловко нацепил котелок на крюк, затем присмотрелся к толстым рогатинам, вбитым в почву по обе стороны от костра.

— Помнишь, ты рассказывала мне, что миры круглые? — Похлопал, будто сбивая с ладоней пыль. И уселся на бревно, которое сам же где-то высвободил из-под веток и приволок сразу, как сбросил все вещи к месту стоянки.

— Помню.

Пока вода нагревалась, я стала искать травы в холщовом мешке. Присела возле вещей на корточки, открыла его — в нос ударили душистые ароматы. Множество мелких мешочков шуршали подсушенным содержимым, на тонких белых подвязках чернилами были выведены символы — названия трав. Я без раздумий вытянула мелиссу, ненадолго замешкалась с ясноткой. Она нагоняет сон или прогоняет? И даже название не подсказало верный ответ. Оно могло означать и ясность разума, и ясность сна, а могло вообще не нести никакого обозначения в себе. Лучше не рисковать и не пить, раз не помню. Дождусь Елрех, спрошу у нее.

— Ты сказала, что они двигаются в темноте, — продолжал говорить Кейел, сидя у костра и наблюдая за мной. Он облокотился на колени и свесил между ними руки, сцепленные в замок. Свет огня стелился на гладкой щеке, золотил русые волосы. — И что это Фадрагос вращается вокруг Солнца. В этой темноте...

— В космосе.

— В космосе, — легко исправился он, но, проговорив, ненадолго замолчал и еще раз повторил «в космосе» одними губами. Я покачала головой, сетуя на собственную забывчивость. Это ведь для него даже язык незнакомый, не то, чтобы понятие... — В темном космосе нет верха и низа, поэтому миры не падают. Но они ведь двигаются и при этом никогда не сталкиваются. Почему Солнце ежедневно умирает... — Нахмурился и почесал морщинку между бровями. — Почему оно не улетает? Или почему Фадрагос всегда следует за ним?

Я старалась не рассмеяться, но удавалось это тяжело. Не только Кейел, но и Роми с Елрех, касаясь этих тем, превращались в любопытных взрослых детей.

— Я в чем-то запутался? — смутился Кейел. Сглотнул и отвернулся от меня к костру. — Не правильно представил себе все, что ты рассказывала?

— Правильно, — успокоила я. Выбрав травы, присела рядом с Кейелом. Отложила мешочки и уставилась на котелок, над которым появлялись первые едва заметные облачка пара. — Ты представил даже больше, чем я рассказала. А не улетают миры друг от друга из-за магнетизма.

Заметила краем глаза, что Кейел вновь шевелит губами и хмурится. Дважды повторив тихо незнакомое слово, спросил:

— Что это?

Я задумалась, вытягивая губы и медленно выдувая из себя воздух. Как объяснить?

— Знаешь, когда две половинки тянет друг к другу? — спросила и, уловив для себя скрытый смысл, мгновенно прикусила язык. Но быстро нашлась, как выкрутиться и заставить свое сердце биться в нормально темпе: — Или отталкивает?

Хмурость на красивом лице усилилась. Взгляд изменился до полной растерянности.

— Ну или молекулы... элементы, частички, осколки...

— *Что делать с осколками, которые нельзя склеить?*

— *Выбросить.*

— *Он ошибся, как и я недавно. Думаю, их нужно беречь. Все осколки до единого.*

Я отвела взгляд от любимых глаз, тоже сцепила руки в замок и постаралась отстраниться от вспыхнувших воспоминаний. Духи Фадрагоса, почему так трудно? Когда станет легче?

— Слушай, — выдохнула я, спасая ситуацию. — О нет! Смотри! Сейчас!

Возникшая идея мигом вернула настроение и отогнала печаль. Все ведь очевидно!

Я быстро отыскала рядом с собой сумку, а в ней железную ложку, которой мы с Елрех перемешивали некоторые зелья. Продемонстрировала сосредоточенному Кейелу и стала тереть о волосы. Когда ощутила, как они зашевелились, медленно потянула руку вверх.

— Видишь?

— Прилипли, — изумленно произнес Кейел.

Из-за его вытянутого лица во мне разгорелся азарт. Я осмотрелась, и в глаза бросились вещи Ромиара. Он успел выбрать себе самое сухое и ровное место для ночлега. Расстелил на нем

покрывало и даже вытащил частично вещи из сумки. Крохотный клочок афитакской бумаги с какими-то записями виднелся из приоткрытой сумки, лежащей на краю покрывала. И очень близко ко мне! Стоило лишь руку протянуть. Это я и сделала, еще раз хорошенько потерев ложечкой о волосы. Бумажка легко прилипла.

— Смотри. — Я продемонстрировала физику обомлевшему Кейелу. Увидев круглые глаза, усмехнулась и залюбовалась. Севшим голосом пояснила: — Если намагничить две вещи, то они будут отталкиваться друг от друга. Я не физик, да и в школе ее не любила, поэтому извини, но большего объяснить тебе не смогу. Даже в этом объяснении не уверена.

Внезапно поднялся легкий ветерок. И к нему, привыкнув за день к безветрию, я оказалась не готова. Бумага отлипла и полетела к костру.

— Лови! — выкрикнул Кейел.

Я бросилась за листом, успела поймать его, и жар костра опалил лицо, пламя лизнуло одежду, но меня снесло в сторону. Кейел придавил меня собой к земле, нависая сверху.

— Поймала?!

Вместо ответа я потрясла листом, стиснутом в запрокинутой к небу руке, и рассмеялась. Кейел тоже рассмеялся, опуская голову к моей ключице. Лбом налег на плечо, дыханием согрел сердце, и оно вспыхнуло, заколотилось эхом в ушах. Я вдруг поняла, чьи руки на моей талии, кто почти лежит на мне.

Ну вот, снова голову вскружил...

Кейел тоже отсмеялся, вздохнул тяжело и затих.

Шелест листвы и треск костра разбавили тишину, переполненную громкими мыслями обид. Не знаю, как Кейел, а я смотрела в огрызок лилового неба с первыми бледными точками звезд и снова винила жестоких Повелителей. Сердце стряхивало каменную крошку, распаяло остывший уголь, росло в груди, мешая дышать. Отталкивать от себя того, кого я видела каждую ночь во снах, от кого мечтала услышать признания в любви, не было сил. Напротив, силы были нужны, чтобы заставить себя просто не двигаться — не обнимать его, не попросить обнять меня.

Он согревал. Не только сердце. Я чувствовала его руки жарким отпечатком на талии. Ожидая, когда он сам слезет с меня, начнет глупо оправдываться и сводить все в какой-нибудь пустой треп, наслаждалась телесной близостью. Вот только он не спешил. Щекотал дыханием ключицу, волосами — подбородок, щекой давил на грудь.

Пришлось считать про себя, опустив руки на землю над головой и сжимая кулаки. Мысль о том, что я ногтем большого пальца разорвала несчастную бумажку с записями Роми, отвлекла не сильно.

Когда Кейел шевельнулся, я замерла, задержала дыхание и не могла отвести взгляда от клочка сумрачного неба, обрамленного ветвями высоких деревьев. Кажется, я была мыслями там. Затерялась в клетке этих ветвей. Вздогнула пугливо, когда небо от глаз закрыла тень, а родные глаза заслонили весь мир. Сердце перестало биться, но и не превратилось обратно в камень. Сжималось в ожидании чего-то бесценного.

Рваный глоток воздуха удалось сделать ровно за секунду, как сухие губы коснулись моих губ. Я опустила веки и приоткрыла рот, но не спешила с остальным. Кейел прильнул к губам крепче и осторожно, словно пробуя, провел языком. Зацепил зубы и потянулся им глубже. И я ответила своим. Кейел отодвинулся. По лицу скользнул поднявшийся ветерок, снес резко полегчавшее в весе сердце, испугал. Я открыла глаза, и испугалась сильнее.

Кейел и не собирался вставать и уходить, а смотрел с той же утренней хмуростью на меня. Не говоря ни слова и не позволяя мне опомниться, склонился быстрее и вновь прижался губами к моим губам. Надавил ими, заставляя приоткрыть рот шире и возобновил ласку языком. Ласку ли?

Кажется, он и тут нашел почву для изучения. И я попросту позволяла ему медленно пробовать на вкус новый вид поцелуев. Без страсти, без спешки, с полной осознанностью и анализом каждого испробованного миллиметра и столкновения.

Кейел

Она сжималась в моих руках, будто напуганный, растерянный зайчонок. Она-то? Та, что еще несколько мгновений назад усмеялась над моим незнанием мудрости чужого мира. Та, что весь рассвет командным тоном подзывала к себе васовергов и указывала им на колесо телеги, увязшее в топкой грязи. Низкая, едва достающая им до плеч, смотрела на них снизу вверх, но так, будто это они ниже. Сильная, бойкая, умная — и в моих руках вдруг теряется и превращается в застенчивую девицу. Не в первый раз...

От этих поцелуев быстро заканчивался воздух, но останавливаться, чтобы глотнуть его, не хотелось. Сладко ею дышать. В груди и животе сладко. И голову кружит, как от вина, а на душе тепло настолько, что тянет раздеться. Или это согревает жар ее тела?

Рукой скользнул под рубашку Асфи, тронул плоский живот, и ладонью ощутил дрожь девчонки. Наконец-то, и она обняла меня. Обхватила плечи, погладила и, надавив на затылок, заставила крепче прижаться губами. Начала спешить с поцелуем, но этим не отобрала сладость, а лишь опьянила сильнее. Руки ослабли, ноги потяжелели.

— Мы зашли далеко, — выдохнула она, но сама же выгнулась подо мной и качнула ногой, согнутой в колене.

В голове будто пламя ухнуло, в глазах потемнело, и представилось живо, как мы могли бы лежать так у костра, лишь она и я. Наш жар согрел бы под светом холодной Луны. Нагие, переплетенные тесно, с этими поцелуями, с ее стонами и шумными выдохами. А еще ее мелкая дрожь... Я бы сделал все, чтобы она не замерзла подо мной, но дрожала. И сам не заметил, как признался шепотом:

— Я постоянно думаю о тебе.

Горло свело, воздух сухим комом застрял в нем, а страх ознобом прокатился по спине. Асфи замерла. Посмотреть в ее глаза было боязно, но я заставил себя. В них тлело золото, разливалось медовое море. Теплые ладони легли на мои щеки, сдавили, не позволили заглядеть оплошность продолжением поцелуев. Асфи свела тонкие брови на переносице и спросила:

— А Лери?

Лери? Новый удар в голове не принес наслаждения. Лери...

Моя Лери и знать не знает, где я. Наверняка злится за то, что бросил. И ведь ничего не сообщил ей. Стыд быстро въелся в меня. Но Асфи... Глядя на нее, дышать становилось легче.

Я потянулся губами к нахмуренным бровям и прижался к одной.

— А Лери, Кейел? — настойчиво переспросила Асфи, но не оттолкнула.

И я поцеловал еще. И еще. Целовал всякий раз, как понимал, что мне нечего ответить.

Что Лери? Что с ней? Я и сам не знал. Даже не мог полностью составить вопрос о нас. Один ли вопрос?

— Помоги мне Асфи, — попросил я. — Мне стыдно. Что мне делать?

Аня

А что делать мне? Как я ни старалась унять дрожь, но меня не переставало трясти. Он ничего не помнит о нас, но тянется ко мне. Что в этот раз привлекло его?

— У меня есть?.. — он не озвучил вопрос до конца.

Догадки, наполненные надеждой, вспыхнули в мыслях и прекрасно завершали вопрос и без Кейела. Я с трудом растянула улыбку на лице, снова заставила посмотреть Кейела на себя и уточнила:

— Что? О чем ты спрашиваешь?

— Асфи, я... — Тонкие губы искривил оскал омерзения. — Ты любишь его, а он был Вольным.

Опять о том же... Он или ты?

— К чему ты клонишь? — несмотря на горечь в сердце, спросила дружелюбно.

— Я не хочу становиться им. — Кейел смотрел на меня с твердой решимостью.

Будто я заставляю или уговариваю. Смирилась же с его решением. Более того — взяла его с нами, помогаю в начинаниях, поддерживаю и при этом прекрасно понимаю, что после всей моей благотворительности, он умчится к другой. Перед глазами даже привиделось, как он со счастливым смехом подбрасывает на руках крепкого малыша, а рядом с ним мнетса довольная Лери.

— Кейел, ты спрашиваешь у меня есть ли у тебя шанс быть со мной? — стараясь не скривиться, поинтересовалась прямо. — А Лери?

Кейел мотнул головой, высвобождая щеки из моих рук, и недовольно воззрился в одну точку над моим плечом. Обиделся? Неужели он это серьезно? Он бросит Лери с ребенком ради меня? Бросит?! И я позволю?

Почему-то думать об этом совершенно не хотелось. Не сейчас. Не в этот момент, когда меня колотит только от осознания возможности, что я могу снова быть с ним. Обнимать его, просыпаться рядом с ним и спрашивать, что он видел во сне. Могу жаловаться ему на трудности пути, интересоваться здоровьем, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Духи Фадрагоса, я снова смогу держать его за руку, когда мне понадобится поддержка.

Прогоняя все мысли о собственной бесстыдности, о несчастной Лери и еще не родившемся ребенке, которого могу лишиться отца, тихо выдавила из себя:

— Ты совсем меня не знаешь, но я буду рада...

— Забудь.

...попробовать. И для этого тебе не обязательно вспоминать о нас, прошлых, если так этого не хочешь.

— Прости меня, Асфи, — хриплый голос звучал тихо, с сожалением. Кейел по-прежнему не смотрел на меня. — Не знаю, что на меня нашло. Я понимаю, что никогда не стану тем, кого ты любила. Да я и сам голову потерял. Прости. Лери наверняка ждет меня.

Он уперся рукой в землю возле моего плеча и резко оттолкнулся. Быстро сел, схватился за голову, но покосился на меня виновато и словно смутился. Стянул шнурок с волос и стал заново собирать их в хвост.

— Я виноват перед ней, — проговорил отрывисто. — Уже виноват.

Меня сковало оцепенение, ногти впились в ладони, зубы скрежетнули. Небо над головой за время наших поцелуев успело потемнеть до синевы; звезды рассыпались на них, как осколки моей надежды. Не долго она прожила...

— Вырезаю ей фигурку. Может, хоть чем-то порадую. Скажу, что думал о ней, пока работал с деревом. Асфи, — Кейел замолчал, и я насладилась короткой тишиной. Дикое желание заткнуть его пылало во мне. — Я не хочу врать ей.

— Я не помогу тебе с этим.

Я перекаталась на бок и тоже села. Стала стряхивать с куртки прицепившиеся травинки, мох, листики, лепестки...

— Кажется, я влюбился в тебя.

Духи Фадрэгоса! Я крепко зажмурилась. В груди жгло сердце.

— Но это ничего не значит. Я тебя ни к чему не призываю. Просто объясни мне, прав ли я. Влюбленность — это ведь что-то непонятное, запутанное. Чувства кружат голову, а потом часто проходят бесследно. А с тобой все чуть-чуть усложнилось.

— Я усложнила? — мой голос звенел от обиды. В горле щекотало.

— Нет, не ты... — тихо заверил Кейел.

Я взглянула на него искоса. Он уставился в костер и мял руки, будто от холода.

— Да, — выдохнул. И пожав плечами, опустил голову. — Немного. Мне хочется, чтобы Лери любила меня так же, как ты любишь своего Вольного.

— М-м, — коротко выдала я.

В этом и состоит моя вина? Ему хочется, а виновата я? Глаза защипало от рвущихся слез, губы и подбородок затряслись.

— Но этого никогда не будет, — полупшепотом сказал он.

От его обреченного вида душевная горечь пробрала сильнее. Я поежилась и спросила, чтобы просто разбавить его голос своим:

— Почему?

— Потому что вы разные люди. — Он даже не задумывался над ответом. Не удивлюсь, если размышлял над этим не в первый раз. — И потому что мы с Вольным тоже разные. Разные ведь?

— Разные.

— Совсем ничем не похожи? — Повернулся ко мне.

Я мигом отвела от него взгляд и, крепче стискивая руки в замке, пробубнила:

— Совсем.

— Только внешностью?

— Только внешностью.

— Я расстроил тебя.

Какой наблюдательный.

— Нет.

— Но ты плачешь. Прости меня.

Я шмыгнула носом. И прицепился ведь... Прогнать бы, накричать на него, чтобы отстал с расспросами, оставил меня в покое! Просто прогнать хоть на время. Но как представляю, что он спокойно кивнет, встанет и действительно уйдет, оставляя меня одну вариться во всем этом безобразии, становится невыносимо страшно. Поэтому пусть сидит рядом и наблюдает за моей обидой. Пусть знает, что довел меня, пусть... Пожалуйста, духи Фадрэгоса, пусть он неожиданно поймет, что ему важно мое счастье так же, как мне его!

— Асфи, — прошептал Кейел и стал озираться.

Я шмыгнула носом, закусил губу и хотела опустить голову, но он не позволил. Подхватил пальцами подбородок и заставил посмотреть в его сторону. Натянул рукав своей рубахи на запястье, подсел ближе и, глядя на меня, стал вытирать мне щеки. Шершавая ткань царапала кожу. Неприятно. Но как хорошо чувствовать его заботу к себе...

— Я просто завидую Вольному, — тихо заявил Кейел.

Я прикусила губу сильнее, чтобы не сказать, что завидую Лери. Что ему мешает бросить ее, если не любит? А может, он и вправду просто хочет, чтобы именно она любила его так, как я люблю? Нервный смехок вырвался мгновенно. Я убрала руки чужого мужчины от своего лица, и сама вытерла последние слезы. В груди не утихла ноющая боль.

«Мне больно» — прозвучит жалко. Какое ему дело до моей боли, когда у него голова забита мыслями о своей будущей семье? Совестно ему, стыдно... Мы и впрямь разные. Он не тот, кого я

любила. Не тот.

— А я завидую тебе, Кейел, — не выдержав, огрызнулась я. — Ты отлично устроился!

Распрямила плечи, вскинула повыше голову и выгнула бровь. Вытерла мокрый нос и с удовольствием отметила смятение на красивом лице парня. Почему-то оно принесло наслаждение.

— Дома ждет невеста. Она любит тебя, ждет от тебя ребенка, а значит, дождется. Тут ты насладишься моим обществом, наберешься знаний у Роми, заручишься его поддержкой, поучаствуешь в грандиозном походе в самую желанную сокровищницу в Фадрэгосе. — Снизил голос: — Потом вступишь в уважаемую гильдию Исследователей, вернешься домой, похвастаешься перед сельчанами заслугами и почетом. Что потом? Ты думал только обо мне, или еще и о том, как вернешься к привычной жизни? К семье. У тебя есть Лери, а у нее есть ты. А когда-то ты был у меня, а теперь осталось... — Растерявшись, замолчала. Убрала спутавшиеся волосы с плеч и посмотрела на давно закипевшую воду в котелке. Густой пар смешивался с дымом, и они плотной стеной закрывали все, что находилось за огнем. Примерно так я вижу все то, что у меня сейчас осталось. — Что у меня осталось, Кейел?

Кейел тоже отвернулся и тихо произнес:

— Асфи, мне жаль, что ты не можешь вернуть любимого.

Разве я об этом спросила? Что же у меня осталось? Отобрали семью, отобрали прошлое...

— Свобода? — предположила я.

— Что? — переспросил Кейел.

— Я свободна, Кейел. В отличие от тебя, я полностью свободна. Но я завидую тебе. Вижу золотую клетку, в которой ты сидишь, и завидую, что она у тебя есть.

Услышав в зарослях голоса васовергов, нащупала мешочки с травами и занялась вечерним чаем.

Глава 21. Лавовое озеро

Кейел

Красные всполохи, оранжевые разводы, а когда чуть приоткроешь веки — слепнешь от яркого света. Желтый ли он, или белый? Так и не разобрался.

Я открыл глаза, позволяя солнечному свету затопить мир. Глаза заболели, намокли от выступивших слез, ресницы задрожали. Густой, толстый мох подо мной смягчал почву, и лежать, вытянув ноги, было одно удовольствие. Вокруг шумел лес, пахло хвоей. В душе росла знакомая тревога.

— Так как твое имя, Стрекоза? — раздался голос Асфи с другой стороны поляны, и сердце замедлилось при его звучании.

Что она сейчас делает? Как и недавно ест с кинжала ломтики айвы? Посмотрю — она снова насупится и отвернется. Знал бы к чему приведут мои неосторожные слова, ни за что не открывал бы рот тем закатом. С тех пор Асфи избегает меня, и это одновременно злит, пугает и раздражает. Чем дольше она держится от меня на расстоянии, тем сильнее тянет к ней.

— Я же сказала, что его знать никому не обязательно, — ответила разбойница.

Светловолосую эльфийку и ее темноволосого шан'ниэрда мы встретили недалеко от священного кольца в регионе Больших мостов. Удивительное место. И от перемещения с помощью духов Предков в памяти остались приятные ощущения. Плохо, что не удалось хоть немного взглянуть на Обитель гильдий. Хотя бы издали.

Асфи не позволила...

После того вечера и моего признания она изменилась — отстранилась ото всех, стала неразговорчивой, постоянно уходила вперед, а ждала нас только для того, чтобы дать указания. За эти рассветы, наверное, все привыкли к тому, что она сторожила стоянку каждую Луну хотя бы пару ее шагов, а только затем будила кого-то из нас. Отчего-то мне чудилось, что так она не столько позволяет нам отдохнуть, сколько за что-то истязает себя. Даже васоверги, обычно не упускающие возможности подтрунить над нею, перестали ее задевать. Мрачная, недружелюбная и часто грубая в ответах — я злился на себя, видя ее такой.

А если в самом деле наказывает себя, то за что? За то, что потеряла Вольного? Но разве она виновата? Он бы и без того исчез. Они все исчезают или умирают.

— Девушка боится, что ее семейку отыщут, — с уверенностью заявил хвастливый васоверг.

Он, этот Архаг, не нравился мне. Не нравился тем, как изредка смотрел на Асфи. Так смотрят только мужчины, заинтересованные женщиной на пару встреч. С похотливым блеском в глазах оценивают фигуру, ухмыляются и глазеют, если вдруг удастся заметить, как она переодевается или наклоняется. Разок я даже поймал его на подглядывании, пока Асфи мылась в реке.

И я понимал причину, по которой ни Архаг, ни другие васоверги, не переходят черту. Возможно, уважение к тем, кто прошел ритуал Ярости, и имело силу, чтобы остановить их животные повадки, но этих васовергов прежде всего останавливал их предводитель.

— Буду я еще за кого-то бояться, — фыркнула эльфийка. — Они мертвы, и скверна с ними!

— Тогда к чему такая строгая тайна с именем? — изумилась Елрех.

— Да какое вам дело до ее имени? — вступился друг Стрекозы.

Я скопил глаза на довольного Дарока. Он сидел на пеньке и, подтачивая лениво свои бритвы, разглядывал Асфи. Его мечтательную улыбку будто только я и замечал. Неужели никто больше не видит, что он пытается очаровать Асфи? А она сама не замечала, что Дарок всегда старается быть рядом? Раньше он не мог этого делать, не мог чуть что помогать ей, потому что я всегда успевал первым. А теперь... Я стиснул мох в кулак, оторвал мягкую поросль. Теперь Асфи всячески прогоняет меня, находя работу подальше от себя.

Этим рассветом, прямо после двух шагов Солнца, они вдвоем ушли вперед и о чем-то с улыбками и смехом говорили. О чем? Чем он рассмешил ее?

— Ладно, — смилостивилась Асфи, — не хочешь говорить, не говори. Все, народ, привал окончен!

— Мы только остановились, грозная правительница, — опять произнес Архаг. — Я даже прилечь не успел.

— На закате ляжешь раньше.

Асфи поднялась, со скрежетом спрятала кинжал в ножны, водрузила на хрупкие плечи тяжелую сумку и молча отправилась в путь дальше, не оставляя никому возможности отмахнуться от требований. Я быстро поднялся с земли, отряхнул куртку, на которой лежал, и быстро надел ее на себя. Схватил свою сумку и поспешил следом за Асфи к телеге, оставленной неподалеку в роще. Не успел и догнать девушку, как она, словно почувствовав меня, резко обернулась и остановилась. От ее гневного взгляда хотелось отвернуться, или лучше ударить кого-нибудь. Дарока, например, или Архага. На них она так не смотрит, будто они ведут себя с ней лучше, чем я!

— У нас заканчивается вода, — сказала, сама постоянно стремясь отвести взгляд от меня. И заметно ведь, что ей тоже трудно делать вид, что нас ничего не связывает. Костяшки ее пальцев на руке, которой она стиснула где-то оторванную веточку, побелели. — Возьми с собой Елрех и Роми, заберите все ведра и котлы, наполните все. Скоро пойдем в гору, а там вода встречается не часто.

— Асфи, — тихо обратился я, подавляя в себе злость, и приблизился к ней на расстояние вытянутой руки.

Она высоко подняла подбородок и скрестила руки на груди, продолжая медленно ломать большим пальцем веточку. В ее глазах Солнце не умирало — бушевало, плавало все, что попадало в их отражение. Меня, например.

— Что? — спросила, будто сдержанно выкрикнула, и поджала губы.

Действительно, что? И сердце колотится, и ладони вспотели, а дышать приходится глубже. Хуже всего, что мне нечего предложить ей. Я столько раз обдумывал, что могу предложить и почему... Все ведь правильно, всем могло бы быть хоть недолго, но хорошо. Но как вижу Асфи, вся ценность моих доводов рассыпается в голове как труха. Хочется, чтобы хорошо было долго.

Заметив паутинку на темных волосах и крохотного паучка, обрадовался поводу еще сократить расстояние. Шагнул к Асфи, но она мигом отскочила. Широко раскрыла глаза, развела руками и тихо прошипела:

— Что тебе от меня нужно? — Отшвырнула веточку и сжала кулаки. — С каких пор ты решил, что можешь трогать меня, как подружку? Думаешь, если у тебя имя и внешность его, то... Не смей этим пользоваться, как разрешением для такого отношения ко мне! Убери от меня руки и никогда не смей прикасаться!

Ноги ослабли, во рту пересохло. Я привык, что меня ненавидят, привык, что прогоняют. Просто в новой обстановке и окружении отвык от такой прямолинейности. И привычная усмешка, выработанная многими периодами, сама растянула губы. И голос вернулся к той интонации, которую приходилось выдерживать дома, в Солнечной:

— Я хотел помочь, Асфи. — Указал на ее голову, глупо оправдываясь. — У тебя в волосах паутина.

Она несколько раз провела пятерней по волосам и, даже не посмотрев на пальцы, просто тряхнула рукой. Все так же глядя на меня, приказала:

— У нас мало времени. Наберите воды и быстро возвращайтесь.

Я кивнул и отступил. Наконец-то, холод в груди уступал место теплу, немного тошнотворному, мерзкому. Стыд. Он заставляет гореть щеки, прятать глаза, смеяться бестолково, отшучиваясь от обидного отношения к себе. Но я заслужил. Когда успел придумать себе, что могу быть лучше тех же васовергов? Они воины, пусть и мародеры, а я дурак из деревни, которую даже на карту не наносят. И Вольный действительно был лучше меня. Она только что это обозначила. Ему было можно, мне нельзя. А наши с ним различия лишь в характере. И я как бы ни старался, в отличие него, не достоин внимания таких особ, как Асфи.

Обогнать обозлившуюся на меня девчонку ничего не стоило. С каждым шагом распался гнев. На себя, на Асфи, на родителей, на Лери, на Роми... Кажется, на весь Фадрогос. Я оставил сумку возле телеги, откинул полог с задней части, куда мы составляли утварь. Подхватив котелки и два ведра, направился обратно в гущу леса. Асфи в это время только вышла из-под тени густых сосен и, скривившись, рассматривала узкую прогалину впереди, по которой предстояло провести мситов. В мою сторону она даже беглого взгляда не бросила.

Стараясь отвлечься легендами, которыми делился со мной Ромиар, быстро взбежал по холму. Но все равно не удержался и оглянулся на Асфи.

— Хуже зверя, — шепотом напомнил себе, кто я для нее.

И врезался в кого-то, зацепил плечом.

— Ты смотреть, на кого идешь, вошь? — Низкий васоверг с приплюснутым носом оскалил клыки.

В спину несильно пихнули, и я отступил, чтобы видеть всех четверых васовергов. Злость никуда не исчезла, а лишь копилась. Этим воинам я ничего серьезного не сделаю, а духов они учитывают редко. В случае чего, можно бить первым, чтобы знали, что за себя постоять могу. Насмешки меня не оскорбляли, но и допускать того, что было в Солнечной желаний не было.

— Обвесился посудой, как мамка, — засмеялся Архаг, проходя мимо.

— Асфи его крепко под кулак посадила, — поддержал беседу Дарок так, словно я не стою рядом. И для него пустое место. — Что ни скажет, все выполняет послушно.

— Ей и говорить не надо, — пробасил четвертый из них. Самый высокий, самый молчаливый и самый спокойный.

— Ты надеяться, что она ноги перед тобой раздвинуть? — склонившись ко мне, спросил низкий.

Из его пасти дохнуло зловонием. Поежившись, я уткнулся носом в плечо. Архаг воскликнул:

— Ты глянь, Дарок! А человечек неженка какой! Да если Асфи с нами период-другой поживет, он сам от нее шархаться начнет. Будет умолять, чтобы ноги сдвинутыми держала.

Дружный гогот смешался со звоном в ушах. Как она их терпела в Васгоре? Как терпит теперь?

Дождавшись, когда смех за спиной отдалится, поспешил дальше. Ромиара перехватил через десяток метров, и он выглядел взволнованным. Выскочил из-за густого можжевельника и, кривясь, смотрел вслед вонючему отродью.

— Они опять к тебе цеплялись?

— Они цепляются к каждому из нас. — Я сунул ему в руки ведро, дождался, когда он обхватит его и устремился к озеру, оставшемуся неподалеку от поляны. — Где Елрех?

— Мне откуда знать, где она? Опять траву какую-нибудь высмотрела. Будто, духи, я за ней слежу. А эти выродки достали, но к тебе они цепляются чаще и серьезнее, чем к другим. К тому же ты не слепой. Заметил, что цепляются тогда, когда Асфи не видит? Может, пора рассказать ей, что они тебе прохода не дают?

Железная ручка котелка скрипнула в ладони. По телу прошлась дрожь, застряла в горле, и меня передернуло.

— Я не буду ей жаловаться на них.

— Кейел, я понимаю, что ты привык у себя...

— Я не буду ей жаловаться! — Резко повернулся к нему и уставился в желтые глаза.

Ромиар тяжело вздохнул и отвернулся. Луч солнца упал ему на исхудавшее лицо, подчеркнул провалы вокруг глаз, морщины возле губ, подсветил виднеющуюся проплешину в волосах. Он пытался скрыть ее замысловатым плетением косы, но ветер дул и приоткрывал, а свет предьявлял даже невнимательному взору разодранную до крови голову.

— А ты сам? — спросил я. — Когда ты расскажешь всем, почему худеешь и почему тебя поражает эта страшная болезнь? Скоро от тебя начнет вонять гнилью и разложением.

— Не понимаю тебя. — Он прищурился с широкой улыбкой и покачал головой.

— Сколько ты уже не снимаешь куртку? Даже когда жарко, ее ворот наглухо поднят и застегнут.

— И что?

— Ромиар, я видел струпья на твоей шее, а основания твоих рогов начинают желтеть, как старая бумага.

Он грозно сдвинул брови и попятился от меня. Тронул воротник, засунул за него палец и поскреб когтем.

— Никому не говори, — попросил тихо.

— Сколько ты еще протянешь?

— Пока тяну, видишь.

Я хмыкнул, стараясь разглядеть в его лице другие признаки неизвестной мне болезни. О сумасшествии влюбленных беловолосых шан'ниэрдов в Фадрэгосе не слышали издавна. Осторожная раса научилась избегать смертельной участи, просто не подпуская к не влюбившимся шан'ниэрдам представителей низших рас.

— Вижу, что едва ли справишься, — проговорил я и отправился дальше к озеру.

— Тебе волноваться не о чем, — прилетело заверение в спину. — Я написал верховным в свою гильдию о тебе. Даже если я отправлюсь к Древу жизни, они ждут тебя в любое время.

Облегчение я все-таки испытал, хоть и небольшое. После того, как я сбежал из дома, меня спасет только какое-то могущество. Поступив на службу в гильдию Исследователей, я сразу же получу статус уважаемого и соответствующую защиту. Да и у родителей появится повод, чтобы гордиться нерадивым сыном. Но при этом вместе с утешительной вестью и слабым облегчением под сердцем засела тоска. Ромиар в этом мире единственный, кто первый разглядел во мне ценное существо. Я успел привязаться к нему.

— Почему бы тебе не сказать Елрех? — полюбопытствовал я.

Без сомнения, она сильный алхимик и душевная фангра. Неужто она не начнет искать способ, как спасти того, кто умирает из-за любви к ней?

— А чем это поможет? Дело ведь не в ней, а во мне, — сказал Роми и фыркнул, будто лошадь. — Духи Фадрэгоса, меня стошнит, если продолжим говорить о ней и о том, что я чувствую к ней.

— А мне поможешь? — Я остановился и дождался, когда шан'ниэрд поравняется со мной.

Сердце вновь замедлилось. О чем я думаю? На что рассчитываю, идиот?

— С васовергами? — Ромиар выгнул бровь. — Тут только снова к Асфи идти. Они над ней смеются за глаза, прямо в лицо подсмеиваются над ее важностью, но все равно прислушиваются. Признают, сволочи, что без нее они многое потеряют.

Я тяжело вздохнул. Ветер выпутал волосы, бросил на щеку, но руки были заняты, чтобы убрать их за уши. Хоть Ромиара проси, но его наверняка сейчас вырвет от прикосновения к любому из низшей расы. Я опустил веки и тряхнул головой. Представилось вдруг, будто Асфи касается щеки, трогая мои волосы, поправляя. Дыхание перехватило при воспоминании о том, какой бывает ее забота.

— Я не об этом, — уверенно сказал я. — Хочу посоветоваться с тобой об Асфи.

— Рассказывай. — Он мгновенно стал серьезнее.

— Тебе будет неприятно, потому что я хочу поговорить о тебе и, возможно, о Елрех. О вас обоих.

Роми поморщился, а через миг согнулся, сгорбился, сильно прижимая кулак ко рту. Серая кожа побледнела, а желтые глаза заблестели от слез и потускнели. Вскоре он задышал глубже, размеренно и смог выпрямиться. Проговорил с кривой улыбкой:

— Я еле запихнул в себя обед, а ты хочешь, чтобы я и от него избавился.

— Прости, — попросил я и, отступив, поплелся к озеру.

Стоит обратиться к Елрех. Думаю, она тоже согласится дать мне совет. И пусть ее история отличается от нашей с Роми, но все-таки переплетается тесно.

— Кейел, — позвал Роми, вынуждая снова дожидаться его. Ноги проваливались в густой мох по щиколотку, зной проникал даже в темные заросли леса. Хотелось скорее добраться к озеру и умыться, а затем быстрее вернуться к Асфи. Она осталась одна с разбойниками и мародерами. Вдруг что-то случится. Ромиар же, видимо, выкладывал все силы, чтобы просто идти с нами в одном темпе и не выдать собственную слабость. Когда он, с трудом переступая ветки и кочки, догнал меня, произнес запыхавшись: — Хорошо, давай попробуем поговорить. Я хочу помочь тебе, человек.

— Тебе сложно.

— Я вытерплю. Говори немедленно, что у тебя произошло с заносчивой девицей.

Я покачал головой. Он снова ведет не к тому.

— Как ты смирился с тем, что был Вольным? — спросил я.

— Никак. — Роми пожал плечами. — С таким нельзя смириться.

— Но ты согласился вернуть его память. Тебе не страшно, что он завладеет твоим рассудком?

— Два сознания в одном теле, — задумчиво протянул он, перешагивая очередные кочки так, будто переступает через низкий частокол. — Кейел, я все равно сильнее. Как бы не обернулось объединение воспоминаний и двух разных м-м... личностей, я все равно сильнее. Поэтому уверен, что останусь самым собой. Но я признаюсь тебе, что тоже вначале много переживал по этому поводу.

— И как решился на такое? Из-за Елрех?

— Нет. — Он снова скорчил гримасу отвращения. — Она тогда и не запомнилась толком. Кейел, я исследователь, и мне вдруг выпадает шанс узнать, как духи обучают Вольных. Я ведь изучал нескольких. Выведать у них знания об их духах, обучении и остальных подробностях невозможно. Они говорят ровно столько, сколько мы знаем с самого начала их появления в Фадрагосе. А тут я просто сам взгляну глазами Вольного на мир. И еще Асфи сказала, что я любил Елрех. Настолько сильно любил, что прошел с ней ритуал связи сердец. Представляешь? И говорит, что я с ума не сходил. Ни разу не сказала, что я дурно себя чувствовал. А сейчас взгляни на меня. — Обогнал меня, встал в шаге передом мной, вынуждая остановиться, и оттянул высокий воротник. Серо-бурая шея была в синяках и болячках, многие из которых кровоточили и гноились. — Я болен. Из-за любви болен.

— Я не хочу, чтобы ты умирал. — Это мой голос? Я прочистил горло кашлем и потер носом о плечо. Проблемы с Асфи незаметно потеряли силу.

Ромиар закивал, растягивая неестественную улыбку.

— Я тоже не хочу умирать. Но что теперь, уже плакать будем? Живьем оплакивать себя не собираюсь, а ты потом навести моих родных, скажи, что я ни о чем не жалел. Кейел, я понял, что люблю лучшую женщину во всем Фадрагосе. Единственное, о чем сожалею, это то, что я не достоин ее. У нас расовая слабость. О последнем родным не передавай. Ну, а у тебя что?

— Тоже самое, но только слабость в другом, — выдохнул я.

Долго смотреть ему в глаза не получилось. В голове будто медленно рассеивался туман, а за ним таилась правда, о которой я знал давно, но увидел ее во всей красе только что.

— Вы однолюбы, Роми, а мы люди, — тряхнув головой, я постарался вернуться к своей жизни. — Мы несовершенны. Наверное, я тоже с ума схожу из-за Асфи. Не так, как ты, но...

— И в прошлом ты был с ней, — перебив меня, мигом подхватил он, будто сам вцепился в чужую проблему, чтобы отвлечься от собственной неизбежности.

— Я ли? — спросил я и обогнул его.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Да и какой смысл знать? — сквозь зубы выцедил. — Чувствую себя таким же уродом, каких ненавидел в Солнечной. Я с детства добивался Лери, и она мне поверила, пришла. А я смотрю теперь на другую и обо всем важном забываю. А Лери нашу общую жизнь носит под сердцем. Ребенок — это ведь не пустое слово. — Повернулся к другу, чувствуя необходимость в поддержке, пока гнев не разъел изнутри. Глянув во внимательные желтые глаза, произнес четко: — Это мой ребенок.

— Все так серьезно с Асфи? — с сочувствием поинтересовался Роми.

— Не серьезно, если только временно. Знаешь, я ведь не шан'ниэрд. У нас вашей верности нет. Что изменится, если я позволю себе побыть с другой девушкой? Какое-то время. А затем мы разойдемся разными путями и забудем друг о друге. Это ведь не трудно? Многие сходились, наслаждались близостью друг друга, а потом расходились. Влюбленность ведь не навсегда, если ты человек, а не шан'ниэрд?

От собственных вопросов стало дурно, но я сумел озвучить их. Обратил мысли в слова.

— А Лери? — тихий вопрос оглушил яростью Шил'лиар.

Я пошатнулся, красная пелена застелила глаза. Волна злости опять поднялась и затопила изнутри.

— А что Лери? — Котелки хотелось отшвырнуть подальше, но я помнил о просьбе Асфи. Важно, чтобы у нас был запас воды, а портить посуду в начале такого похода нельзя. — Она ведь пробовала с другими. До меня пробовала. Ты сам замечал, что у нас в Солнечной девушек мало, а любить и быть любимыми всем хочется! Она была с другими, а я нет!

— Получается, ты просто хочешь нагуляться? — хмыкнул Ромиар и с умным видом потер подбородок. — Кейел, ты понимаешь, что это всего лишь оправдание?

Его насмешка вывела из себя.

— Меня тянет к ней! — Я поднял руку с котелком, указывая в сторону, где нас ждали. — До безумия тянет! А тебе смешно?!

— Тогда оправдывайся. — Он пожал плечами и спокойно пояснил: — Перед собой, перед другими... Оправдайся и иди к Асфи.

— И ты не осудишь? — Я опешил. — Не попробуешь остановить человека от скверны?

— Я только поддержу тебя. — Он грустно усмехнулся, подергал воротник куртки, открывая шею, и стал с усердием расчесывать ногтями то, что с трудом заживало. — Кейел, я умру. Может, еще несколько периодов продержусь на всех этих зельях, что набрал с собой и вливаю в себя тайно ото всех, а потом умру. Хорошо бы мне до сокровищницы дойти. — Простонал от удовольствия, а по его шее потекла темная кровь. — Глупый человек, не отправляй себя к Древу жизни заживо. Живи полноценно. Тянет к Асфи, иди к Асфи. А Лери все равно ты не любишь. Так зачем приносишь себя в жертву ради нее?

— В каком смысле не люблю? — спросил я, но не мог отвести взгляда от того, что наблюдал.

Куртка расстегнулась шире, полы разъехались, а рубашка и не была толком застегнута. На серой груди и ключицах виднелись мелкие язвы, похожие на те, какие лечила мне знахарка в детстве. Они появлялись всего лишь от того, что я долго не мог ходить и лежал.

— Не бери в голову, — отмахнулся Роми, отковыривая корочку большой болячки. — Когда-нибудь сам поймешь. А от Асфи, если так к ней тянет, не отказывайся.

— Да, не буду, — пробормотал я, думая о том, скрывать ли дальше тайну Роми от нее. — Только теперь она меня отгоняет. Я сглупил. И не знаю, как все исправить.

Асфи

Я не знала, что твориться в его голове. Иногда смотрела на него, пытаюсь представить и разобраться, но лишь сильнее путалась в самой себе. Разве можно настолько заблудиться в трех соснах? Вроде бы все ясно и просто, но так сложно одновременно.

Он забыл меня, забыл о нас, чуть изменился, но в нем все равно прослеживаются прежние черты характера. Может, именно в них я и влюбилась? Упрямый до крайности. Во всем упрямый. И до зависти целеустремленный. Просто непрошибаемый какой-то. Вот только цели у нас и в этот раз совершенно разные. Но при этом я четко определилась для самой себя, это он. Мой Кейел.

И все-таки чужой. В конце концов, существ роднят общие воспоминания. Ты их либо строишь заново, связываешься крепко, как происходит сейчас со мной и Елрех, либо разрушаешь все доброе, что могло бы быть. А последнее как раз о нас с ним.

Кейел, слышишь меня? В этот раз я не стану монстром, который будет оставлять после себя одни лишь разрушения и смерть. Не стану. Живи той жизнью, о которой мечтал всю свою прошлую жизнь, как только тебе вернули способность мечтать.

— Асфи, нужно остановиться! — позвал он.

Я подтянула сумку на плечах и повернулась. Серая пустошь, обдуваемая со всех сторон ветрами, стелилась вокруг. Внизу, в нескольких километрах позади, зеленела полоска леса. Повозку тащили два тамарга — длинноногие звери, которые до этого просто плелись на привязи. Мситов пришлось оставить у подножья горы, отпустить на волю с надеждой, что они не повстречают хищников. Коротконогие, хоть и выносливые, звери не смогли долго подниматься по скользкой каменистой почве. Эти же животные ловко поднимались даже на сильный откос. Но резкий подъем все равно приходилось избегать. Оглобли телеги жутко скрипели и становились неповоротливыми при возрастающей на них нагрузке. Вскоре ее вовсе пришлось максимально облегчить.

Теперь мотки веревок волокли на себе Елрех и Роми, подпорки — Кейел. Васоверги спустя долгие, утомительные и унижительные уговоры согласились взять на себя гарпуны и частями механизм взведения и спуска гарпунника, или, как они поправили меня, стреломета. Подобной участи избежали лишь Стрекоза и Лиар — как самых быстрых и ловких, я отправляла этих двоих на разведывании пути, а заодно ловлю дичи. А на телеге мы оставили лишь основу под оружие, крепко закрепленное веревками, провизию и утварь.

Кейел подкинул подпорки на плечах, удобнее перехватывая их, и поспешил по пологому склону ко мне. Я смотрела на его пыльные сапоги, уже истоптанные из-за трудной дороги, исцарапанные, и сосредоточенно гасила желание поинтересоваться у него, как он. Уверена, что давно устал тащить такую тяжесть на плечах. Если сейчас попросит о привале, то правильнее будет отказать ему. Сердце сжалось, но необходимость двигаться дальше спасала от излишней мягкости к этому человеку.

— Колесо расшаталось, — пояснил, останавливаясь в паре метров от меня ниже по склону и поднимая голову. Тряхнул волосами, но ветер снова бросил непослушные пряди на глаза. Кейел выгнул шею, попробовал убрать их с лица, потирая лбом о кулак, в котором сжимал связанные подпорки, — успеха это не принесло. Он с досадой поморщился и с заметной неохотой повел плечами. — Надо подбить, иначе слетит.

— Недавно только подбивали, — напомнила я, не поддаваясь другому желанию — отпустить свою сумку на землю и убрать ему волосы за уши.

— Асфи, тут нет дороги, — нахмурившись, сообщил очевидное. — Если не смотреть за телегой, то вскоре основу придется волочь по этим камням, — Потопал ногой по твердой земле, — на веревках. Но мы ведь не для того столько платили мастерам, чтобы угробить все чары по дороге.

Нужно было сказать хоть что-то, но все силы уходили, чтобы удержать улыбку в себе. Все такой же рассудительный, не боится спорить со мной, доказывать. Я и без него все прекрасно понимаю, но мне нравилось общаться с ним, говорить хоть о чем-то. И мне удалось найти единственный вариант для бесед, не показывая при этом слабость к нему, вот в таких пустых обсуждениях очевидных проблем.

— Ладно, — сделала вид, что смилостивилась и опустила на землю нелегкую сумку, с ценными зельями, мазями и амулетами, которые из-за хрупкости боязно было класть с прочими вещами. — Только давай быстро.

Он кивнул, а затем осторожно, но с заметным трудом перекинул руки вперед. Чтобы опустить подпорки под ноги, ему пришлось согнуться. А когда снова выпрямился, стал мять плечи. И представить не могу, какого ему тащить это все на себе. Хотя и Елрех с Роми тоже быстро уставали

нести мотки веревок, и даже сейчас Елрех, ведущая за вожжи тамаргов, моментально скинула с плеча свою ношу и уселась на валун. Я отыскала взглядом Роми — он в последнее время отставал и все чаще предпочитал проводить время в одиночестве. Возможно, рогатого бесили другие рогатые, а может, как я догадывалась, дело было в Елрех.

Ромиар, заметив нашу возню, сбросил веревку с себя и стал поправлять причудливую прическу. В последнее время он увлекся своими волосами и этим не оставил мне смысла бороться с тупыми шутками васовергов, приравнивающих его к девушке. Возможно, именно так и начинает проявляться сумасшествие из-за любви. Для парня, конечно, это глупый способ привлечения внимания любимой. Но может, я чего-то не понимаю, потому что кажется, Елрех начала избегать его, а это точно что-то значило.

Пока Кейел чинил колесо, я решила провести время с пользой.

Елрех встретила мое приближение клыкастой улыбкой. В серых глазах отражалось высокое солнце. Ветер играл белоснежными прядями, прикрывал ими маленькие вплетенные амулеты.

— О чем ты хочешь спросить, суровая Асфи? — любопытствовала она, глядя на меня снизу вверх и сжимая в руке открытый бурдюк.

Я не могла не улыбнуться ей в ответ. Опустилась рядом на теплую землю и стала наблюдать, как Кейел орудует своим топором. Что он делал с колесом, я даже не интересовалась, полностью доверяя вопрос поддержания нашего инвентаря ему. За то время, что мы пробирались по лесистой и болотистой местности, он множество раз сооружал на скорую руку одноразовые мосты, настилы, выдумывая, как протащить груз, не объезжая небольшие овраги или бурьян. Я даже не уверена, что без него мы бы вообще смогли так далеко закатить телегу.

— Вы с Роми поругались? — поинтересовалась я и посмотрела на подругу.

— С чего ты так решила? — Елрех изумленно вскинула белые брови.

— Мне показалось, что ты его избегаешь.

— Это ты избегаешь доброго человека и слишком строга с ним, — вернула она мне.

Я втянула щеки и уставилась на голубое, ясное небо. От Елрех я правды не скрывала, но и смысла жаловаться и мусолить неприятную тему не видела.

— Так нужно.

— Вот и мне так нужно, любопытная человечка.

— Ты, что, влюбилась в него? — догадалась я. Ведь я именно по этому же поводу избегаю Кейела.

Елрех хохотнула, а затем рассмеялась. В это время васоверги собрались в кружок и, следя за работой Кейела, тоже над чем-то расхохотались.

— Нет, Асфи, я не влюбилась в уважаемого Ромиара, но и не буду отнекиваться. Мне он нравится. — Елрех нацепила бурдюк на пояс, облокотилась на колени и, склонив беловолосую голову к плечу, с веселым прищуром уставилась в сторону Роми. Рогатый так далеко шел от нас, что я даже не могла рассмотреть его хвост. — Глянь, какой он добрый, и вспомни, какой важный в обществе шан'низрд. Все, что он ни делает, все для пользы Фадрагоса. Разве такой может не нравится?

Я хмыкнула, но не нашла ничего для опровержения ее слов. Ветер поднял пыль и песок, потрепал плащ, заставил зажмуриться и быстро затих. В небе подняла клич большая птица, и Роми, вытянув длинные ноги, запрокинул голову.

Елрех продолжила:

— И именно потому, что он мне нравится, я держусь от него подальше, — удивила она, снова привлекая к себе внимание. Ее улыбка ничуть не изменилась. — Из уважения позволяю ему дышать спокойнее.

— А он при тебе дышит спокойно? — я зацепилась за новую нить информации.

— И не только с дыхания сбивается, — с жалостью усмехнулась она, — но и прямо-таки меняется в лице.

— Елрех, может, он влюбился?

— Нет, Асфи. Так на любимых женщин не смотрят, как он смотрит на меня. Ему трудно среди нас. Таких существ из низших рас и разбойников ему, должно быть, тяжело терпеть. Вот он, наверное,

натерпелся. И на меня больше терпения не хватает. Ты наверняка и не замечала, как он каждый раз, видя меня, хватается за горло и кривится. Я ему противна и надоела давно.

Беспокойство и горечь омрачили затаенную радость. От всплеска волнения пришлось занять руки кинжалом. Я опустила голову, стиснула рукоять кинжала покрепче и стала портить оружие. Темно-серая каменистая почва с трудом поддавалась, но я и не стремилась оставлять заметные царапины. Все равно никто, кроме меня, не прочтет имя Кейела, выведенное родной кириллицей.

— Елрех, он и в той жизни говорил мне, что в самом начале ему было противно тебя любить.

Когда-то я уже говорила ей об этом, но, судя по всему, Елрех просто не хочет нормально услышать о себе и Роми. В коротком затишье ветра раздался шумный вздох, а затем тихий вопрос:

— И что же ты предлагаешь мне делать?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Не избегай его. Хотя бы на обеде не уходи есть со скотом, а останься с нами.

— Нет, милая человечка, — она повысила голос, — и не проси. Я прекратила есть с вами не из-за Ромиара, а из-за зловония.

— Васоверги, — выдохнула. Руки сами собой повисли безвольно.

— Они рыгают, плюются там же, где едят, могут испражниться за ближайшими кустами, — с ненавистью проговорила Елрех, пробуждая во мне вину. — И я убеждена, что если бы этот грязный Дарок не положил на тебя глаз и не старался заинтересовать, то они гадили бы в открытую. Поэтому я не могу проглотить даже вкуснейшую пищу рядом с ними.

— Прости, что я позвала их, — закрыв глаза, понуро попросила я.

— Не извиняйся. — На плечо легла тяжесть, и я сразу поняла, что это рука Елрех. — Гляди на нас. Мы все сидим, кроме сильных васовергов и приученного к тяжелому труду Кейела. Он вон, сколько прошел с железом на шее, а топор держит крепко. И эти стоят, смеются. Они и не думают ношу свою на землю ставить, будто усталости не чувствуют. Такие, если понадобится, сами воз на гору без животного занесут. Поэтому не извиняйся. Ты поступила рассудительно, и у тебя одной из нас всех хватает силы терпеть отвратительную расу. В твоём мире живут удивительные люди, Асфи.

Как бы мы ни старались отыскать пологие участки, но уже к обеду уперлись в то, что поднимать телегу даже на несколько метров, означало потратить больше времени на объезд. И речь Елрех приобрела пророческий характер. Плотный материал, которым накрывался гарпунник, мы использовали, как носилки. Самые огромные запчасти уложили в них и доверили их судьбу в руки васовергов. Скотину распрягли и, что смогли, навьючили на нее, а остальное перераспределили между собой. Даже вернувшуюся Стрекозу с ее дружкой нагрузили и оставили при себе.

Без колес подъем пошел быстрее.

Несколько теплых озер все, кроме васовергов, оставляли позади с сожалением. Мне тоже хотелось смыть с себя пыль, отмокнуть хорошенько, вымыть песок из волос, но я задвигала свои желания подальше и торопила остальных. Чем выше мы забирались, тем отчетливей я вспоминала местность и меньше заглядывала в карту. А завидев издали скрытые прутья, поднимающиеся из земли, вовсе перестала обращать на что-либо еще внимание.

— Ведьмовской указатель! — воскликнул Лиар, друг Стрекозы.

— Клыки стисни! — прикрикнул на него Роми, из-за местности вынужденный приблизиться к нам. — Мудрецы запрещают давать этому минералу такое название.

— Мудрецов тут нет, — коротко отчеканила эльфийка и, несмотря на перекинутый через плечо моток веревок, проворно взбежала по склону вслед за своим другом.

Камешки из-под ее ног покатались ко мне, и один, когда я хваталась за выступ, отскакивая высоко, едва не угодил в лицо. Вовремя отвернувшись, получила легонько по уху.

— Будешь бегать, не глядя, кто за тобой идет, я тебе ноги вырву! — пригрозил Дарок, замечая инцидент. Васоверги бесстрашно тащили свою ношу по этим скалам чуть в стороне от нас.

Благодарить за непрошенное заступничество я не стала. Только слепой не заметит, как он клеится ко мне. И ведь уже приходилось напоминать ему о нашем сотрудничестве, об уважении, о дистанции и даже откровенничать о моих вкусах относительно других рас — все без толку. Он лишь в шутку переводит или легко заводит тему о делах.

— Смотри, Стрекоза! — донесся голос из-под свода, созданного переплетением крепких прутьев.

Лиар, если не вспоминать наше с ним трагичное прошлое, оказался жизнерадостным, лихим и даже приятным существом. — Будто специально выступ укрепляли ведьмовскими указателями.

За спиной тихо выругался Роми.

— Тебе помочь, добрый человек? — раздался и голос Елрех; я едва не обернулась, чувствуя мигмом вспыхнувшее волнение о Кейеле.

— Может быть, нам поможешь, полукровка? — с ухмылкой отозвался Архаг. Этот быстро истосковался по женщинам и теперь к каждой лип с непристойными намеками.

Склонившись, я нырнула под переплетения прутьев, прошла под аркой и вскоре оказалась на уступе. Стрекоза стояла на самом краю и глазела на огромное озеро лавы. Ощувив мою руку на плече, вздрогнула и чуть не юркнула вперед. Я стиснула пальцы и удержала пугливую воровку.

— Не сорвись!

— А ты не подкрадывайся! — рявкнула она, широко открыв зеленые глаза и сжимая кулаки. На бледном, худом лице разругались щеки; уши дергались нервно.

Темноволосый шан'ниэрд хмуро следил за мной из-за ее плеча, тоже зеленоглазый и со змеиным зрачком.

— Я не хотела тебя напугать. Привыкла, что у эльфов острый слух.

Стрекоза заметно смутилась, но быстро вытянула тонкую шею и снова уставилась на открывающийся вид.

— Залюбовалась, — внезапно призналась она с искренним восторгом. — Красиво! У меня, человечка, дух захватило! — И снова встала на самый край. — А у кого не захватит?!

— У меня, — скрежетнул голос Норкора позади.

Васоверг и впрямь разглядывал окружение со скучающим видом, прислоняясь спиной к скале и скрестив руки на груди. Возле него столпились остальные собратья. Дарок верно оценил мое искривленное лицо, раз решил оправдаться:

— Ты так восторгаешься этими черными и огненными просторами лишь потому, что не была с нами на поле битвы. Заглянула бы к нам. Разрешаю прихватить и твоего друга вождя, встряхнул бы своими дряхлыми костями. Я лично помогу ему с этим.

Стрекоза мигмом открыла рот, вытянулась, как струна, и скользнула к шан'ниэрду. Хотя она и была воровкой, но врать не умела. Да и Лиар потянулся к кинжалу и хмурился, сразу же выдавая и себя, и возлюбленную с потрохами. Они и вправду сразу же доложили о сокровищнице Энраилл старому вождю васовергов?

— Чушь собачья, Дарок! — прошипела она, положив руку на свой кинжал. — Кто тебе наплел об этой дружбе? Я ему лично кишки выпущу!

Вместо ответа Дарок молча растянул кривую улыбку; шрам изуродовал его лицо. Гахсод, не сводя тяжелого взора с эльфийки, сплюнул на землю. Архаг высоко задрал голову и открыл рот, но я не позволила накалить обстановку — мне их война не интересна.

— Господа, мы на месте! — громко крикнула, стараясь, чтобы в голосе не было писклявых интонаций.

Заложив руки за спину, шагнула вдоль края. Заметила в просвете за плечами светлую макушку то ли Елрех, то Роми — васоверги заступили проход, просто не позволяя пройти остальным. Сколько это будет продолжаться?

Позволила себе глубокий вдох и выдох, облизала губы и сообщила:

— У нас есть время до заката, чтобы собрать гарпун. — Взглянула на васовергов и специально для них уточнила, раз им это так важно: — Стреломета. Он зачарован, но все равно будьте аккуратны при сборе и не повредите его. Без него не будет возможности попасть на остров. — Кивнула в сторону темно-серого участка суши. — Кейел и Ромиар возьмут руководство над сборкой, мы с Елрех займемся подготовкой для посещения острова. Приступайте к работе прямо сейчас.

— И как мы туда попадем? — Архаг, приложив руку козырьком ко лбу, посмотрел на остров. — На гарпуне? Да он мне сгодится лишь в зубах поковыряться.

Я направилась на васовергов, и они вынужденно расступились, открывая проход. Не замедляясь,

бросила:

— Вы на острове долго не проживете. На него отправлюсь я одна.

И сразу же в тесном проеме под сводом столкнулась с Кейелом. Он, услышав мои слова, нахмурился. Быстро заправил волосы за уши и, подловив момент, полупшепотом беспокойно спросил:

— Одна?

— Поспешите! Солнце давно начало стареть, — проигнорировав его, поторопила я.

Елрех тоже хмурилась, но вопросов не задавала. Когда мы выскочили из-под свода на открытый участок, за спиной раздался голос Роми. Шан'ниэрд требовал от васовергов внести основу гарпунника на выступ.

Спокойные животные стояли ровно там, где их бросили. В отличие от прожорливых мситов, тамарги могли долго питаться одним лишь воздухом. А их небольшой горб, по моим предположениям, играл ту же роль в выживании, как и у земных верблюдов. Я отыскала взглядом свою сумку, оставленную у небольшого валуна, и сразу направилась к ней.

— Почему они там долго не проживут? — тихо поинтересовалась Елрех, не отставая от меня.

— Ляпнула первое, что в голову пришло, — призналась я. — Мне не хочется, чтобы они видели священное кольцо. Не знаю почему, но не хочу.

— Предчувствие?

Я села на корточки, открыла сумку и стала искать мазь из сумочки дыхания, раздобытой в одной из долин Кхангатора. Многочисленные склянки зазвенели, заблестели круглыми боками. Прежде чем ответить Елрех, я обернулась, убеждаясь, что никто за нами не последовал:

— Похоже на силу Вестницы. У нее свое ощущение, скованность, зов... Как внутренний зуд. Ты внезапно точно знаешь, куда идти, или что говорить нельзя, а что нужно. И если начинаешь сопротивляться, то мысли путаются, а зуд только растет.

Переработанная сумочка дыхания по запаху напоминала «Звездочку». Была у бабушки такая мазь на все случаи жизни, которую, впрочем, сначала предстояло открыть — та еще задача. Но вот с виду не было ничего общего даже с мазью.

Траву со свернутыми листочками, словно крохотные мешочки, завязанные на узелок, Елрех сначала сушила, затем измельчала в порошок, после варила его с водой несколько вечеров. В итоге из десятка веников получился густой отвар, уместившийся в пол-литровую склянку. Последние ночи Елрех смешивала его с другими порошками и снова варила. В конце концов темно-фиолетовый, почти черный, гель мы с трудом соскребли ложками со стен котелка и затолкали в крохотный флакон. В нем даже ста грамм не было!

— Мазать надо перед самым уходом. — Елрех присела рядом и отобрала у меня ценную мазь. — Как только почувствуешь, что в носу свербит, а на языке горчит, сразу нанесешь ее снова.

— Но нос и на лоб, — проговорила я, повторяя то, чему учила Елрех.

— Именно, умная Асфи. А теперь займемся тобой.

Особых приготовлений вылазка за первым ключом не предусматривала, но Елрех знала, что мне предстоит, и стремилась максимально уменьшить число отвлекающих мелочей. Поэтому прическа, которую она мне сделала, могла поспорить со многими сложными плетениями. Трогая мелкие косички, я беспокоилась, что потом ни за что не расплету их, и даже мысленно смирилась с тем, что попросту побрею голову. Зато через час-полтора мучений не осталось ни одного волоска, который мог бы пощекотать лицо или шею. Все мелкие косички Елрех собрала в крепкую гульку на затылке.

На одежду мы потратили меньше времени, но все равно убедились, что ничего не помешает. Рукава рубашки и перчатки плотно обмотали мягкой тканью. То же самое проделали со штанинами.

От плотной еды я отказалась, как и от большого количества питья, но на закате перекусила. К тому времени стук и ругань на выступе прекратились, а вокруг лагеря, организованного мною и Елрех наспех, поднялся аромат каши с мясом. По идее, в сборке гарпунника не было ничего сложного, кроме тяжелого веса частей. Все, что требовало заклепок и крепкого сцепления, мастера соединили еще в городе, но целиком тащить оружие было бы в разы труднее, поэтому то, что мы могли собрать сами, нам оставили разъединенными.

С первыми звездами мужчины позвали нас на оценку работы. Гарпунник стоял на выступе, как родной — такой же темный и заостренный со всех сторон, как и скалы вокруг. Занимал большую часть площади, но передвигаться по сторонам мы могли по двое, не беспокоясь, что упадем. Лебедка для взвода показалась маленькой, однако я быстро вспомнила, сколько Ромиар заплатил за то, чтобы уменьшить все, что можно, компенсируя размер чарами самых сильных духов. За эти деньги, как проговаривал задумчиво исследователь, он мог купить небольшой замок в регионе Рубиновой сладости или Черного хрустала, а это, надо отметить, самые зажиточные регионы Фадрагоса. Высотой гарпунник оказался ровно со мной, и я порадовалась, что Елрех выше меня. Именно ей предстояло своим фангровским зрением смотреть в прицел-рогатину и руководить мужчинами, подсказывая куда направлять оружие.

— Отлично, — похвалила я, погладив обработанную зачарованной смолой древесину. — Пойдемте ужинать. Необходимо дожидаться, когда луна войдет в силу.

— Что произойдет с Луной? — любопытствовала Стрекоза, стоя в тени свода.

— Мы увидим на острове кольцо из ведьмовского указателя.

Ромиар стоял впереди меня, упирая руки в бока. В этот раз он лишь скривился при упоминании запрещенного в Фадрагосе названия и с внимательным прищуром уставился в сторону острова. Кисточка белого хвоста мелькала возле земли, выдавая нервозность.

Когда я дошла до разведенного костра и уже позабыла о гарпуннике, сосредоточившись на воспоминаниях прошлой жизни, рогатый окликнул меня:

— Асфи, нужно перепроверить крепления твоих ремней.

Я насупилась, разглядывая его. Высоко поднятая голова, деловой вид, несмотря на пыльную одежду и растрепанные ветром волосы. Желтые глаза смотрели с уверенностью.

— Гарпун мы заказывали у лучших мастеров, — произнес он, опуская голову, и пошаркал подошвой по земле, катая камешки, — и сделан он на высшем уровне. Но у меня нет того же доверия к кожевнику, который делал ремни. — Снова посмотрел на меня. — Я хочу убедиться, что они в порядке.

Беспокойство от его слов усилилось. О чем он говорит?

С другой стороны костра выступил Кейел и, согнув руки в локтях, стал успокаивать:

— Я проверял ремни. Они выполнены качественно. Только я был уверен, что это для какого-то груза и... — Остановился возле меня и повернулся ко мне. Спросил осторожно: — Ты полезешь на остров одна?

Взор зелено-карих глаз вцепился тяжестью и укором, расшевелил неприятно сердце. Высокий силуэт был подсвечен в вечерней темноте костром, и за широкими плечами ветер подбрасывал искры к небу. Смущение нахлынуло быстрой волной, и я не ожидала, что мой ответ прозвучит, как оправдание:

— Кейел, нам ни к чему лезть туда всем вместе. К тому же...

— У тебя есть секреты от нас? — За спиной Кейела вырос силуэт повыше и шире. Лицо Дарока осталось в тени, но я не сомневалась, что васоверг хмурит кустистые брови. — Почему ты отказываешься брать с собой кого-то еще? Стрекоза и без ремней спуститься туда.

Эльфийка, гуляющая изящной походкой возле наших сумок, услышав его слова, быстро юркнула за ближайший валун, будто и не было рядом. Только в тени неподалеку светились зеленые глаза ее друга, внимательно следящего за нами.

— У нас мало мази из сумочки дыхания, — скрестив руки на груди, уверенным тоном ответила я. Если стараться не замечать Кейела перед собой, то взять себя в руки получается за считанные секунды.

— Достаточно, — настаивал Дарок, склоняя четырехрогую голову к плечу.

— Мало, — вмешалась Елрех, выручая меня. Она единственная, кто занималась делом — сидела у костра и накладывала в миски кашу. — Не смотри на количество, опытный васоверг. В этот раз твои глаза обманули тебя. Чтобы не выварить все свойства ценной травы, мне пришлось разбавлять ее другими зельями.

Вранье! Мазь вышла настолько хорошая, что ее хватит на сотни раз. Еще и Дриэну принесем. Обожаю Елрех.

— Я одного не понимаю, — поежившись и нахмурившись, я вернулась к более волнующему вопросу. — Кейел, **ты** проверял ремни, которые мы с Роми заказывали?

Парни переглянулись, словно уличенные. Роми свесил голову, сжал пальцами переносицу, а его хвост замелькал в ногах быстрее и резче. Кейел, не получив от рогатого друга поддержки, развел руками и кивнул с обреченным выдохом.

— А гарпун проверял тоже ты?

Кейел промывчал задумчиво, глядя мне в глаза. Разомкнул губы, но стиснул зубы и с шумом втянул через них воздух.

— Выходит, только ты? — уточнила я, обнимая себя. Злость медленно смешивалась с обидой. — А что делал наш уважаемый Ромиар?

— Прости меня, человечка, — донесся виноватый голос уважаемого. — Мне не здоровилось.

— Здорово. — Я со смешком хмыкнула.

Он единственный, с кем я консультировалась по каждому вопросу, касающегося этого мероприятия. Да от этого заказа жизнь моя зависит! А если Кейелу выдали что-то иное?! А если его предупредили о замене чар, или пропитки той же веревки, а он и не понял, что замена не подходит?! А если заменили без предупреждения? Важно все!

Ромиар поднял голову и попросил более вкрадчиво:

— Прости.

— Проехали. — Я попыталась тряхнуть волосами, но крепко собранные косички не шевельнулись. Заметив, что Роми шагнул ко мне и приоткрыл рот, отступила и опередила просьбой: — Не надо, Роми. Не надо просить прощения, этим ничего не исправить. Я просто хочу понимать, на кого могу полагаться, а кто может подвести. Ты подвел. Даже если ремни не сорвутся, а веревка будет скользить, как надо, знай, что ты рискнул важным делом! На пустом месте рискнул.

— Асфи, я ведь все проверил, — громко прошептал Кейел.

— Пустить шан'ниэрдку вместо себя, — посоветовал Норкор, поднимая с покрывала миску с горячей кашей.

Гахсод и Архаг на расставленную еду внимания не обратили. Сидя на земле перед костром, внимательно наблюдали за происходящим.

— Дельный совет, — с кивком поддержал предложение Дарок. — Тебе не стоит рисковать собой, когда вокруг столько...

— Нет! — перебила я, нащупывая рукоять кинжала. — И это не обсуждается.

— Так ты из добрейших и всепрощающих девиц? — пропела Стрекоза, выходя из-за валуна и направляясь к мискам. — Люблю отходчивых, с вами приятно работать.

Она позабыла, как рыдала из-за обожженных рук? Следом, неотстающей тенью, показался из темноты Лиар.

Я сглотнула, кивнула мрачному Ромиару, надеясь, что нам с ним еще удастся обсудить его прокол. Ему нужно ответственной подходить к нашей затее. А на кого мне рассчитывать, если только не на него и Елрех? Кейел — не самый лучший вариант, с учетом наших отношений. Дружить с ним трудно, проще держать на расстоянии. Однако обратиться к нему придется...

— Ужинаем, отдыхаем, а потом занимаемся делом, — сказала я, обозначая не столько приказ и планы, сколько конец разговора.

Дарок хмыкнул, но я не разобралась, с недовольством или весельем. Одно ясно — руководить мне не нравится. Или не нравится руководить именно такими существами, которые не поддаются контролю, не имеют чести или относятся к делам несерьезно. Это изматывает постоянным подрывом самооценки.

Пока все ужинали, я отдыхала, набираясь сил. Когда над нами нависло чернильное небо и показалась половинка луны, мы, будто по негласной команде, поднялись. Ветер дул несильно, что радовало. В небе кружила птица, иногда с писком проносились летучие мыши.

Все из нашей команды, кроме одного исключения, с нетерпеливым интересом направились на выступ. Многим хотелось поглазеть и на выстрел из гарпунника, и, наверное, позже на меня. Но вот

Кейел... С угрюмым видом он сидел на корточках и копошился в своих немногочисленных вещах. Перекладывал рубашки, ворошил портянки, всячески делал вид занятого человека. Ну хоть в этот раз не сидит просто с отрешенным видом.

Я подошла к нему со спины и подавила жгучее желание, обнять, поцеловать в шею, прижаться щекой к его щеке и прошептать, что все будет в порядке... Вместо этого сглотнула, набрала побольше воздуха в грудь и поинтересовалась бодро:

— Кейел, ты не мог бы дать мне свой топор?

Он замер, явно не ожидая, что я первая обращусь к нему, да еще и с такой просьбой. Не вставая, резко обернулся, вскинул голову и посмотрел на меня напряженно. Показалось, что вот-вот вскочит, вцепится в мои плечи и запретит лезть на остров одной. Из-за устойчивого опасения я даже отступила на два шага и несмело улыбнулась.

— Топор? Дам. Бери. — Он нахмурился сильнее и тише спросил: — А зачем он тебе?

— Мне нужно будет разломать замок на сундуке, — не стала утаивать я. И попыталась свести все в глупую шутку: — Надеюсь, я не затуплю тебе лезвие.

— Ничего страшного. — Он замотал головой и поднялся в полный рост. Шагнул ко мне, снимая топорик с пояса, и протянул его. — Это нужно для дела.

В руку легло топориче, перемотанное кожаными лоскутами, и я отступила на полшага.

— Спасибо.

— Асфи, а если я полезу вместо тебя? — глядя в глаза, спросил и заправил пряди за уши.

Свет, падающий от костра, на миг сыграл нехорошо — лег на впалую щеку неровными штрихами, и тени показались шрамами ожогов. Я схватила воздух ртом, отвернулась и часто заморгала. Благо, голос не подвел — зазвучал ровно и твердо:

— Мы рассчитывали все ремни на мой вес, на мой рост, обхват талии. Они подойдут только мне. И, Кейел, это надежная страховка.

— Я не знал, — интонация подсказала укор с его стороны.

Я криво улыбнулась, одновременно радуясь такому волнению, но и раздражаясь от этой самой радости.

— Мы с Роми и не отчитывались ни тебе, ни Елрех. И, Кейел, давай позаботимся о том, чтобы твой ребенок дождался невредимого отца, а Лери — жениха. Идет?

Он молчал. Я не смотрела на него, но чувствовала на себе тяжесть пристального взгляда. Не дожидаясь ответа, направились на выступ.

Под светом неполной луны скрюченный минерал, так похожий на железные лианы, превращался в тусклые светильники. Он излучал бледное сияние, превращая проход под собой в подобие подземного перехода с улиц городов Земли. Наверное, в полнолуние эти естественные светильники создавали бы иллюзию белой палаты.

— Правее, сильные васоверги, правее, — донесся до меня командный голос Елрех еще до того, как я ступила под открытое небо.

Сразу за проходом стоял Роми, наваливаясь спиной на скалистую стену. Веки с тяжелыми ресницами прикрывали желтые глаза, руки скрещены, а черный коготок царапал рукав добротной куртки. Хвост бездвижно повис до самой земли.

— Кольцо из ведьмовского указателя видно хорошо? — спросила я, продвигаясь к краю так, чтобы не мешать остальным.

— Сама смотри, человечка! — отозвалась Стрекоза за спиной.

Я обернулась и удивилась. Они с другом умудрились вскарабкаться на эти самые железные лианы, с удобством расселись на них, свесив ноги, и, разве что, не плевались на нас скорлупой от семечек.

— Видно хорошо, — ответила Елрех, возвращая мое внимание к делу. — Даже дымка жаркого озера не заслоняет его.

— Ты уверена, что мы попадем в него с такого расстояния? — спросил у меня Дарок, стоя с высоко поднятой головой позади трудящихся васовергов.

Архаг сидел на корточках перед гарпуном, а Норкор и Гахсод, вцепившись в длинные рукояти, ворочали тяжелое орудие, выбирая точное направление для выстрела. Я подошла ближе к краю, легко рассмотрела в серо-синей дымке ночи сияющий бледно круг. Возможно, казалось, но кольцо будто сияло сильнее остальных ростков ведьмовских указателей.

Не дождавшись от меня ответа, Дарок продолжил размышлять равнодушным тоном:

— На гарпун повлияет даже слабый ветер. Не сильно, — признал будто вынужденно. — Но к нему привязана веревка. Сколько в этом мотке метров? Больше, чем настоящее расстояние от выступа до кольца?

Я тяжело вздохнула и заложила руки за спину. Поворачиваться к Дароку, как и отчитываться перед ним за наши с Роми расчеты, совершенно не хотелось.

— Нельзя полагаться только на карту, когда планируешь что-то подобное, — сам ответил он. — Веревки много. С виду намотана на катушку ровно, в толщину с мой палец. Но это все равно тонкая. Мудро — облегчить вес, уменьшая толщину, но ты должна понимать, что это не спасет. Она будет разматываться...

— Да, Дарок, — не сдержавшись, вмешалась я. Положения не сменила, лишь расправила плечи и выше подняла голову. — Люфт катушки неизбежен. Веревку на ветру будет мотать, а гарпун встретит сопротивление воздуха. Поверь мне, я знаю об этом не меньше, чем ты. И Ромиар знает. Он хороший исследователь и умный, поэтому подобрал множество чар самых сильных духов и для веревки, и для гарпуна, и даже для катушки. У нас все получится.

Дарок хмыкнул.

— Твой исследователь только что признался...

— У нас все получится! — отрезала я, оборачиваясь к нему.

Он стоял, вытянувшись во весь рост, и хмурился. Неужели действительно волнуется обо мне? Сдалась я ему...

Роми тоже волновался. Под светом ведьмовских указателей его желваки ходили даже заметнее, чем при дневном. Если Кейел хоть в каком-то перечне использованных чар и вложенном количестве ошибся, то вина за сорванную операцию ляжет на плечи Роми. Он не меньше моего понимает это. И никому не станет хуже или лучше, если мы начнем постоянно твердить ему о проявленной им халатности.

— Стойте, васоверги! — приказала Елрех.

Она потянулась носом к рогатине, через которую присматривалась к тусклому кольцу вдаль. Затем отклонилась назад, упираясь ладонями в поясницу, и прищурилась. Через пару секунд сообщила:

— Все, Асфи, со своей нетрудной задачей я управилась.

— Фиксируйте, — сказал Роми. Голос его, несмотря на некрасивое происшествие с ним, звучал бодро и уверенно.

Я отступила к стене, позволяя хвостатому другу завершить весь остальной процесс. Может, организаторская деятельность немного загасит его чувство вины. Мне ли не знать, каким приставучим и въедливым оно бывает.

Над головой тускло светился ведьмовской указатель, ничуть не затмевая звезды на ночном небе — будто кто-то сыпанул блески в разлитые чернила. Озеро дышало жаром. Особенно сильно температура ощущалась в ночной прохладе. Тут, на выступе, не приходилось обнимать себя и потирать руки, а, напротив, легкий ветер уносил тепло с трудом и лишь чуточку охлаждал разогретую кожу. Тонкие струи дыма исходили от серой насыпи пепла внизу. Создавалась иллюзия огромного покрывала, по которому запросто можно пройти, но кое-где оно истончалось, превращалось в сизую гладь с черно-красными проплешинами жидкого огня. Именно оттуда и тянулись ввысь завитки дыма. При дуновении ветерка завитки исчезали, превращались в невидимую массу, которая частично рассеивалась, а частично оседала в щелях камней, между скалами, в трещинах, окутывая темный остров легкой серой мглой.

Я стояла на краю выступа, смотрела на пятна и царапины из огня. Прислушивалась к пустому трепу Стрекозы и Лиара, к указаниям Роми, к хмыканью Дарока, редким спорам о высоте, возникающие между всеми мужчинами, к перестукиванию амулетов в волосах Елрех. Сама она остановилась рядом со мной, скрестила руки на груди и не спешила затевать разговор. Кейел на выступе не появился.

— Отпускай! — скомандовал Роми, вытягиваясь в полный рост.

И я вздрогнула вместе с хлопком рычага. Зажмурилась, не справляясь с нахлынувшими переживаниями. Долетит? Попадет ли? Сгорит... Упадет в озеро и сгорит. И даже не невнимательность и незнания Кейела этому послужат, и не халатность Роми, а наши с ним расчеты. Приблизительные масштабы, погрешности карты, неверно подсчитанный вес снаряда и веревки... Что угодно.

Катушка стучала, отматывая бесшумную веревку. Должна ли она свистеть? Мне всегда казалось, что да. Но я слышала лишь стук, все те же голоса Стрекозы и Лиара, а еще тихий голос Елрех. Она едва слышно стала напевать песню на незнакомом языке.

— Все, лететь вниз, — прокаркал Норкор.

Я не выдержала. Открыла глаза, выдохнула неровно, вцепилась в рукоять кинжала, будто он мог мне помочь. Бросила взгляд на запасную веревку и гарпун — у нас будет еще одна попытка. И снова посмотрела в дымку над озером, где исчезла тонкой нитью веревка. О том, что гарпун начал падать, становилось понятно лишь по тому, как замедлился стук катушки.

— Тяни, — прохрипел Дарок, не отрывая хмурого взора от острова.

Гахсод потянулся к рукояти катушки.

— Рано! — подняв руку, запретил Роми.

— Потом не успеешь. — Дарок оскалил клыки.

Роми промолчал, по-прежнему вытягиваясь по-военному. Кисточка изогнутого хвоста дергалась резко, иногда зависала на пару секунд, а затем снова срывалась в другую сторону. Роми выжидал. Возможно, отсчитывал про себя метры, возможно, полагался на интуицию.

Серая рука опустилась, напряженный голос дал разрешение:

— Сматывай.

Гахсод перехватил вращающуюся перед ним рукоять и без труда рванул в противоположную сторону. Веревка легонько простонала, ослабла и потянулась вниз. Я вытерла одеревеневшей рукой пот над губой, с висков и шагнула к краю. Постаралась увидеть центр веревки, понять, коснулась ли моя тонкая дорога лавы, но даже сфокусироваться удавалось с трудом. Одно было ясно: если центр веревки погрузится в озеро, то очень скоро ее огрызок будет свисать с выступа, но пока она прогибается над огнем дугой, можно надеяться на удачу.

К моему счастью, с быстрым стуком катушки дуга медленно уменьшалась — веревка натягивалась.

— Хороший признак, — отозвался на изменения Дарок. — Но гарпун мог зацепиться за камни. Асфи, опасно лезть по веревке.

— Он вошел ровно в кольцо, недоверчивый будущий вождь, — успокоила меня Елрех.

Прошло еще несколько десятков секунд прежде, чем мы закрутились с другой задачей. Веревку крепко-накрепко перевязали на толстый прут ведьмовского указателя. Прицепили к ней ремень, опоясывающий меня, и, не тратя лишнего времени, я смазала себе переносицу и лоб мазью из сумочки дыхания. Заметила лишь краем глаза, как Елрех шагнула ко мне, как упер кулаки в бока Дарок, а Архаг с полуулыбкой приоткрыл рот, но я мигом дала им понять, что на прощания не настроена. Убрала флакон под рубашку, молча и не глядя на окружающих, вцепилась в тонкую веревку, забросила на нее ноги и поползла вниз.

Первые секунды никак не могла отделаться от мысли, что Кейел даже не появился на выступе. Затем хотелось запрокинуть голову, оглянуться и убедиться, что он не сидит там, прислоняясь спиной к скалистой стене. С упрямо сжатыми губами, хмурым взором и растрепанным хвостом волос. Что вместо малознакомых существ, стоит взволнованная Ив, а вместо вонючей мази ядовитый воздух очищают духи, подвластные Роми. Хотелось до кома в горле и рвущихся изнутри слез — еще не выступивших на глаза, но интуитивно ощутимых. Я ползла вниз, запрещая себе видеть прошлое за спиной.

Казалось, столько дорог было пройдено, что ноги давно привыкли к нагрузке. Я запросто залезала на деревья, взбиралась на скалы, при этом могла тащить что-то на плечах. Однако не оставила и десятой части пути, как веревка вместе со мной закачалась от легкого ветерка и моих движений, и мышцы в теле напряглись до ноющей боли. Голова потяжелела, шею заломило. Снизу обдало духотой — испарина выступила на всем теле. Я попыталась сложить губы так, чтобы обдуть лицо, но это слабо помогло. Мысли о Кейеле и прошлом отпали сами по себе.

Насколько близко остров располагался к выступу, когда я стояла на твердой земле, настолько же далеко он находился теперь. Озеро вдруг пугающе задышало в спину, будто живое. Будто очнулось, превратилось целиком в разъявленную пасть, готовую поймать неосторожную добычу. Сердце забилось быстрее, в висках учащался пульс. Во рту пересохло, а на язык словно песка насыпали. Испарина собиралась в капли пота, и они стекали, щекоча, заливали глаза, щипали их. Приходилось останавливаться и, полагаясь на ремни, быстро вытирать лицо предплечьем. Веревка врезалась в ладони через перчатки. Штаны медленно вылезали из обмоток, собирались в складки. Но больше волновал топорик, привязанный к поясу и шатающийся при каждом движении. Крепко ли привязала?

Огненный монстр каждую секунду все сильнее изматывал меня едким дымом и горячим дыханием. Глаза резало уже не от пота, а от воздуха. Пепел летал вокруг, а небо исчезло за серой пеленой. Ветер словно сговорился с этим местом — раскачивал меня, шептал из ущелий: «смерть, смерть, смерть»...

Я несую смерть? Или она обещана мне?

А топорик тяжелел. Шатался сильнее, будто норовил выскользнуть.

Красивый... Почему я раньше этого не замечала? С узорами по отполированному топоричу, с крепко намотанной кожей. Лезвие наточено до блеска, ухожено так, будто топором не пользуются ежедневно, а вывешивают для антуража дома.

«Прочь, про-о-очь» — провыл ветер.

Я остановилась. Запрокинула одну руку, повисая ею на веревке сгибом локтя, и вытерла мокрое лицо. Слизала соленый пот с губ и скривилась. Попыталась дотянуться до флакона под рубашкой, обновить мазь, но руки задрожали, сапог соскользнул со второго сапога, нога сорвалась. Я вцепилась обеими руками в веревку, удержалась с трудом.

«Сме-ерть, сме-ерть, сме-ерть» — обещал ветер, не переставая раскачивать меня.

Веревка тряслась, ходила ходуном, несмотря на все чары, вложенные в нее. Подтянувшись на ней, я до скрипа сжала ее в кулаках и закрыла глаза. На сморщенном лбу защипала царапина. И откуда только взялась?

Позволив себе несколько секунд бездействия, я удобнее перехватила веревку ногами и поползла дальше. Сравнить пройденный путь и предстоящий не хотелось, ведь все равно пришлось бы двигаться вперед. Ради Елрех ли с Роми? Возможно, ради себя. Ради собственной жизни в Фадрогосе, ради эгоистичного желания уничтожить чувство одиночества. Знать столько тайн и не иметь возможности поделиться ими — то еще испытание. Но глупее всего и навязчивее была обида, что даже если меня выслушают и услышат, все равно не сумеют всецело разделить прожитые эмоции. Например, даже Елрех не поймет, как мне не хочется возвращать Кейелу его топор. До такой степени не хочется, что возникают образы перед глазами, как я перерезаю чертову веревку кинжалом. Прямо сейчас.

Не перережу. И топор верну.

Остров незаметно вырос в черную громадину с острыми скалами вдали. Когда-то мы с Феррари осторожно облетали их, а затем девочка мягко опустилась со мной на твердую, ровную почву. Теперь же я упустила границу лавы и камня. Пепел стелился подо мной ворохом, кружил вокруг, лез в глаза, прилипал к ресницам и лицу. Трещины внизу алели огнем и чернели углем. Голова болела и кружилась, в носу свербело, кашель душил, глаза застилала слезы. Хотелось вдохнуть полной грудью, но приходилось лишь прятать нос в тонкую косынку. Вот только я не была уверена, что она хоть сколько-нибудь помогала. Руки болели. Штанины сбились в складки и при каждом движении щипали кожу.

Надо было разуться. Наверное, глупо настолько бояться, что в походе кто-то узнает, что я Вестница. Глупо настолько бояться, чтобы усложнять себе путь и рисковать собой.

Сквозь пелену слез пробился свет ведьмовского указателя. Прыгать вниз, не видя под собой ничего, я не рискнула. Добралась до купола над священным кольцом, открепила ремни, и ухватилась за него. Задержав дыхание, стала аккуратно спускаться. Как только ступила на твердую почву, откупорила флакон и щедро вывалила мазь на пальцы в перчатках. Спустя несколько секунд начала отступать головная боль, а дышать стало гораздо легче.

Не тратя времени, я вытерла слезы, юркнула под купол и разглядела горку из камней. Встав на колени, быстро разгребла ее и без труда выкопала из сухой почвы сундучок. Ксанджи по шепоту отозвались незамедлительно, раскалили замок, и топор расколол его с первого удара. Замок отскочил и затерялся в серой насыпи. Не рассматривая содержимое сундука, я вытащила подушечку. Разорвала и вытряхнула, превращая в сумочку. Все, как в прошлый раз.

Кроме спуска и подъема...

С подъемом оказалось труднее. Мышцы за короткие минуты перерыва успели расслабиться, заныли, загудели. Я старалась стискивать сияющий минерал крепко, но пальцы словно не слушались и отказывались сжиматься. Слабость в руках пугала. Забравшись на самый верх, я попыталась рассмотреть уступ, на котором остались ребята, но сияние кольца, дым и пепел превращали все в паре метров от меня в непроглядную тьму. Я переползла на веревку и, повиснув на ней, закрыла глаза. Вдохнула глубже, пока позволяла мазь, и поползла вверх.

Ветер вновь доносил угрозы из ущелий. Перевязанный топорик давил на живот и грудь, а возле сердца натирал мешочек с ключом. Стоил он таких усилий? Все затеянное имело смысл ровно до того момента, пока Кейел не оказался чужим человеком, а сейчас все движется по глупой инерции и из-за обещаний исследователю.

Я открыла глаза лишь тогда, когда услышала приободряющие выкрики и свисты. Разобрать в гомоне все голоса не представлялось возможным, но громче всех орали Архаг и Норкор. Я сомкнула губы крепче и, вглядываясь в звездное небо, не обращая внимания на стекающие по лицу и шее капли пота, ускорила шаг. Веревка шаталась, скрипели перчатки, сапоги стали давить, мир вокруг увяз в каком-то жидком тумане. Вскоре голоса зазвучали громче, в плечи вцепились крепко и потянули. Воротник рубахи надавил на шею, куртка затрещала, но под ногами через миг оказался камень. Я мазнула взглядом по радостным лицам, но с трудом узнавала каждого. Когда глянула на серое покрывало далеко внизу, нащупала слабой ладонью ключ за пазухой, стиснула топориче, крепко примотанное к телу, едва устояла на ногах. Ими овладела мелкая дрожь, все тело пробрал озноб.

— Справилась и все так же хмурится, — слух тронули первые осознаваемые мною слова. Архаг хлопнул меня по плечу и спросил тише: — Ты не нашла того, что искала?

В голове вспышкой пронеслись мысли об Энраилл, и я резко повернулась к болтливому васовергу.

— Нашла.

Сухое горло мешало говорить громко и много, поэтому я молча протиснулась через толпу подальше от уступа с одним лишь желанием. С желанием, которого не осознавала до последнего, пока не выдохнула с облегчением. Кейел никуда не исчез. Сидел хмурый, навалившись спиной на камень, и что-то держал в руках. Первые секунды я не могла сфокусировать не только мысли, но и взгляд. Одна нога вытянута, вторая — согнута в колене, плечи двигаются, хмурое лицо опущено, непослушные пряди качаются из-за движения и ветра, заслоняя глаза. Живой, целый, не исчез... За недолгое мое отсутствие с ним ничего не случилось. А сколько же меня не было? Вроде бы вечность качалась на веревке, но вечность вместила в одну секунду прошлого.

Глаза рассмотрели-таки в руках Кейела кусочек светлого дерева уже с заметным силуэтом пока еще неразборчивой фигурки. Сердце мигом сжалось, один раз стукнулось о ребра и затвердело.

— Я рада, что ты цела, смелая человечка, — тихо произнесла на ухо Елрех, возвращая меня в другую реальность, в которой помещалось гораздо больше существ, чем я и мои воспоминания. Но в этой реальности никак не хватало места для нас с Кейелом вместе.

Глава 22. Откровения состоявшегося монстра

Спать сразу же после вылазки лечь не удалось. Во-первых, безумно хотелось остыть, во-вторых, откат после рискованного мероприятия приходил постепенно и волнами накапливал адреналин, а в-третьих, остальные взбудоражились сильнее меня. И взбудоражили их конкретно подсказка и ключ, раздобытые на острове, словно только теперь, благодаря им, все вокруг меня впервые по-настоящему поверили в существование сокровищницы Энраилл. Между тем, лишь Кейел выглядел все таким же угрюмым и никак не расставался с деревяшкой — будущим подарком Лери.

— С завтрашнего дня начнем разучивать Наллеран, — оповестила я всех, заглушая разговор и глядя в костер.

— Наллеран? — уставившись на меня, переспросила Стрекоза и дернула ухом. Ветер уносил в ее сторону искры и играл с золотыми волосами. — Что это?

— Игра, дрянь ты глупо! — Норкор глянул злобно на нее из-под кустистых бровей и с большим ожесточением вонзился широкими зубами в прожаренное бедро гуся.

Дарок тоже осудил ее покачиванием головы.

— Ты долго живешь у нас, а о таком не знаешь. — Архаг поцокал языком.

— Игры?! Мне нет дела до игр! — прорычала она, поддаваясь телом к костру и кривя красиво лицо, будто вот-вот покажет васовергам язык.

— Зачем нам учить Наллеран? — поинтересовался Гахсод, при этом не переставая наблюдать за Ромиаром, который в свою очередь весь вечер что-то записывал в ежедневник, держа перед собой подсказку и ключ.

Елрех коснулась плеча Кейела, дождалась, когда он поднимет голову, и кивнула в мою сторону. Он, наконец-то, вынырнул из глубокой задумчивости и перестал стругать деревяшку.

— Одно из испытаний в сокровищнице требует знаний Наллеран, — произнесла я, когда все, кроме Роми, были готовы слушать. — Нам придется проходить участок по пять существ. Ошибка одного будет стоить жизни всех пятерых.

Стрекоза отодвинулась и втянула голову в плечи. Лиар, сидевший позади нее, положил руку на хрупкое плечо, и Стрекоза быстрым взмахом сбросила ее. Лиар шумно вздохнул и понуро свесил рогатую голову. Значит, темноволосый шан'ниэрд влюблен в воровку, мне это не показалось. Если вспомнить любовь Волтуара ко мне, сразу пропадает всякое удивление той жестокости, с какой этот шан'ниэрд старался расправиться со мной в той жизни.

— Наллеран трудная игра, — заключил Дарок, подкидывая полено в костер. Он смотрел на меня сквозь пламя, отчего серые глаза полыхали, добавляя взору суровости и гнева. Впрочем, после моего возвращения с острова, кроме злости, я от Дарока ничего не замечала. — И как ты планируешь разбить нас, Асфи? В какой отряд кто входит?

— У тебя есть опасения? — догадалась я по интонации вопроса.

— Есть. — Улыбка раскрыла шрам, уродуя и без того некрасивое лицо. — Мы плохо тебя знаем.

— Ты знаешь ее хорошо, обиженный васоверг, — вступилась Елрех. И приоткрыла новые знания: — Но, судя по твоему недавнему беспокойству за ее жизнь, недостаточно веришь в нее. Боишься, что окажешься в пятерке с этой смелой человечкой? — Вскинула высокого голову. — Тогда твое место с радостью займу я.

— У тебя резкий язык, полукровка. — Дарок прищурился и опасно склонился к костру. Серые лохмы волос упали на плечи, прикрытые грязной кожаной курткой, рога блеснули рыжей сталью, отражая огонь. Низкий голос зазвучал глубже, с угрозой: — Твоя мамаша-фангра не воспитала в тебе прилежности?

Меня обдало изнутри тошнотворным жаром. Мамаша-фанга... Я тряхнула головой, незамедлительно проговаривая:

— Не смей, Дарок. — Стиснула кулаки, не до конца представляя, о чем конкретно должна требовать. — Не смей трогать семью Елрех.

Он лишь с насмешливым видом хмыкнул и, выпрямив спину, сцепил руки в замок. Я решила в очередной раз игнорировать уничижительное отношение будущего вождя.

— Елрех, ты в любом случае идешь по коридору Наллеран со мной. Как и Ромиар с Кейелом.

Пятый... — Я осмотрела поочередно напряженные лица, вдохнула глубже и призналась: — Скажу откровенно: мне все равно, кто пойдет пятым. Как и то, выживет ли вторая пятерка. Только от вас зависит, насколько вы серьезно отнесетесь к этому походу.

Треск костра и уханье кружащей над нами птицы длились в тишине несколько секунд, после чего прозвучал неуверенный голос Стрекозы:

— Я пойду с тобой.

— Я, — заявил Дарок, отменяя несмелую попытку эльфийки и не сводя с меня пристального взгляда. — И мы все выйдем оттуда живыми.

Я шумно вздохнула и кивнула. Опустив голову, позволила себе короткую передышку. Возможно, сейчас удачное время, чтобы поставить всех в известность о многих других подробностях нашего пути.

— Асфи, — вновь заговорил Дарок, но гораздо тише, — поклянись в этом своим духам. Прямо сейчас.

— Духам? — с удивлением переспросил Норкор. Кажется, сами васоверги не ожидали такого от своего вождя.

Дарок продолжил требовать:

— Поклянись духам, Асфи, что мы все выйдем оттуда живыми.

Поднимать головы не хотелось, чтобы не показывать растерянность.

— Это глупое требование, безумный вождь.

— Мы все можем умереть и в походе, — впервые за вечер подал голос Кейел.

— Именно, — согласился с ним Дарок. — И что тогда мы будем делать? Вы слышали: Налеран могут пройти только пятеро. Что же она будет делать, если в походе кто-то умрет? Эта женщина хочет командовать мной и моими братьями, но не может гарантировать нам успех.

— Что ты будешь делать, если кто-то один умрет? — звонко спросила у меня Стрекоза.

— Тогда в сокровищницу войдут лишь пятеро. — Я взглянула на приободrivшуюся воровку. Видимо, она смеется лишь за счет слабости окружающих.

— Кто? — Роми, заложив палец между страниц, прикрыл ежедневник.

Вопрос не поставил в тупик, хоть о нем я ни разу не задумывалась.

— Стрекоза, Дарок, Ромиар, Елрех и я. Если кто-то из перечисленных умрет, мы заменим его одной из заинтересованных сторон. Умрет Стрекоза — вместо нее пойдет Лиар, умрет Дарок, пойдет кто-то из васовергов.

— А если ты? — Дарок спросил спокойно, но при этом поерзал и пошевелил губами, словно прятал кривизну эмоций.

Я уверена, что не могу умереть так просто. Сила Вестницы в Фадрогосе необходима.

— Ромиар и Елрех знают все подробности нашего похода, — ответила я.

— Все? — Дарок потер подбородок.

Гахсод скрестил руки на груди, остальные молча уставились на меня. В их глазах читалось недоверие. Приехали...

— Не все, — выдохнула я.

— Почему? — едва слышно спросила Елрех.

Ромиар фыркнул, отвернулся и забарабанил коготками по кожаной обложке. Я налегла локтем на колено, отыскала взглядом серые глаза Елрех, полные изумления, и ответила:

— Потому что я не хочу, чтобы вас пытали до смерти, требуя информацию. Хочу, чтобы вы могли поклясться духами и заявить, что ничего сверх не знаете. Если кто-то сильно и пострадает в поисках сокровищницы, то это буду только я.

Дарок усмехнулся, и я резко повернулась к нему. Он улыбался, ворочая во мне огромный пласт

злости и ненависти. Казалось, эти чувства напрочь выжгли и вытеснили все человеческое во мне, но движение сбоку отвлекло, а сердце на миг испуганно сжалось. Кейел вскочил на ноги, бросил дервяшку в ворох вещей и, отряхивая помятые штаны, произнес:

— Не думал, что самолично увижу, как васоверги прибегают к помощи духов. Да и страннее все тем, яростный воин, что боишься ты человеческую женщину.

Дарок изменился в лице. Норкор опешил на секунду, а как пришел в себя хотел подорваться, но Архаг, положив руку на его плечо, удержал буйного брата.

— Асфи умная женщина, смелая воительница, но никудышный вождь, — на удивление, стал оправдываться Дарок, однако скаля клыки и с силой потирая рука об руку. — Она затыкает мне рот. Она желает нашего подчинения, но для защиты собственной власти использует только знания о сокровищнице. Я могу выбить их из нее. Вот взять и выбить. Но не делаю этого. Теперь же я хочу быть уверенным, что она не ведет нас на смерть.

Морщина между бровей зачесалась, руки тянулись ее разгладить. Жара не было, стыд тоже молчал, а вот холод, несмотря на близость костра, пробрал до кончиков пальцев. Нельзя доверять сброду из варваров и воров, даже если они этого требуют.

Дарок злился, неотрывно глядя на Кейела, пока он, все такой же, без настроения, поправлял пояс на рубахе. Елрех сидела поникшая, задумчивая и теребила завязки мешочка с травами. Ромиар, закрыв глаза, гладил высокий ворот куртки. Остальные настроенно наблюдали, почти не двигаясь и не издавая звуков.

— Ты согласился идти с ней. — Кейел, наконец-то, поднял голову, предъявляя недовольное лицо нашим взорам. Уперев руки в пояс, шаркнул ногой по земле. — Согласился при меньших условиях и уже тогда знал, куда мы отправляемся. Теперь-то чего порядок рушишь и нас всех путаешь?

— В походе нужен сильный предводитель, а не женщина, защищающаяся одними только знаниями.

— Недавно она проявила храбрость, несправедливый вождь. — Елрех откинула тяжелую копну волос за спину.

— Безрассудство! Человек сказал ей, что ее шан'ниэрд не выполнял возложенные на него обязанности. А она не послушала! Она рискнула собой!

— Духи Фадрэгоса, — пробормотал Роми, погладив рог.

— Ты пошел за ней, — настаивал Кейел. — Я был свидетелем твоего согласия, Дарок. Неужто ты согласился идти сам и вести за собой братьев за слабым предводителем?

— Все не так. — Дарок засопел и выпятил нижнюю губу. — Я же признал, что Асфи умная женщина и смелая.

— Она прошла ритуал Ярости. — Кейел указал на меня. — Разве это не показатель вашей силы?

— Показатель.

— Тогда о чем мы спорим? — Устало поинтересовался Ромиар, сжимая горло и с болезненным видом разминая шею. — О ее силе или моей ошибке? Я извиниться готов, — повернулся к Дароку, — если потребуешь, но прекрати зудеть. И без тебя тошно.

— Тебе нездоровится, добрый шан'ниэрд? — с участием спросила Елрех.

Ромиар вместо ответа втянул голову в плечи. Поджав губы, пристально посмотрел на Кейела и через миг стал тереть глаза. Кейел неловко улыбнулся Елрех, потоптался на месте и отправился в сторону низких скал. Дарок сплюнул под ноги, глядя ему вслед, а Елрех при этом подобралась и нащупала кинжал у себя на поясе. Стрекоза прищурилась и о чем-то быстро обмолвилась с другом. Норкор бурно и со злостью зашептался с Архагом. Я поежилась от дуновения ветерка и мерзкого головокружения. Что, черт возьми, творится у меня перед носом?

Поднимаясь с места, я не контролировала себя. Ловила на себе хмурые взоры, слышала недовольное хмыканье, но все равно не остановилась. Силуэт Кейела на короткое время растворился на фоне серых камней, но ветер прогнал густые облака, луна осветила камень, выхватила светлую рубаху. Заметив меня, Кейел остановился за валуном. Прислонился спиной к нему и, скрестив руки на груди, принялся ждать.

— Спасибо, — сказала я, остановившись напротив него.

В полумраке глаза Кейела виднелись слабо, под бровями образовались темные провалы. Сомкнутые губы растянулись в улыбке, и это позволило мне понять его настроение. И только я расслабилась,

как прозвучал хриплый голос — напряженный, сдержанный:

— Он раздавит тебя.

— Кто?

— Этот васоверг. Дарок. Ты пользуешься его помощью, а он ждет от тебя гораздо большего, чем вы договорились.

Значит, и Кейел заметил перебор с вниманием со стороны васоверга ко мне. Ревнует?

— Он просто мужчина, — попыталась отмахнуться я.

— И я просто мужчина. — Кейел оттолкнулся от камня и навис надо мной. Тепло его тела ненадолго согрело меня, но ветер сдул его, словно и не было никогда. А вот глаза с такого близкого расстояния, как и блеск неподдельного интереса в них, были видны отлично. — Тебе он нравится?

Почему спрашивает шепотом? Я вздрогнула и обняла себя.

— Нет. — Ветер унес тихий ответ, вызывая сомнение, что я вообще хоть что-то произносила наяву. Поэтому я произнесла громче: — Ты прекрасно знаешь, что я испытываю к Вольному. У меня нет никакого намерения строить романы с кем-либо в этом походе.

— Но они были, — заявил, будто осуждал, и добавил, безумно раздражая: — Ты искала меня.

— Не тебя! — Я тяжело вздохнула и, отвернувшись, попросила: — Хватит об этом, Кейел.

Он снова налег спиной на камень и вытянул шею, вглядываясь в хмурое небо. Ветер не утихал. Сгонял тучи, сбивал их в непроглядные, тяжелые комья, а они ни то съедали Луну, ни то прятали нас от нее. Кричать ни о чем больше не хотелось. Наоборот. Наверное, так и приходит усталость. Именно в такой форме она и приходит: когда хочется молчать, но чтобы это молчание было переполнено высказываниями, которые было бы с кем разделить в полной тишине.

К сожалению, у меня не осталось никого, кто понял бы меня...

— Зачем ты пошла за мной? — спросил этот Кейел.

Этот Кейел не сможет разделить со мной мое молчание.

— Поблагодарить и предупредить. — Незачем скрывать элементарную правду. — Ты рискуешь, поддерживая меня так открыто. Не нужно, я справлюсь сама.

— Не справишься. У Дарока планы на тебя, и он раздавит тебя.

— Какие планы могут быть у васоверга, с которым мы едва ли знакомы? — фыркнула я и стала покачиваться с пятки на носок. — Не выдумывай. Он просто злится на то, что я пытаюсь командовать.

И ведь трудно не согласиться, что я никчемный руководитель. Прямо у меня перед глазами творится бардак, а я в нем никак не могу разобраться. Как заставить всех слушаться? Речь уже не идет о каком-нибудь минимальном уважении, хоть бы послушания и дисциплины добиться.

— Когда вы все затихли на уступе, — вкрадчиво заговорил Кейел, — я бросился туда. Даже увидел, как ты забралась на веревку и... хотел снять.

Ком застрял в горле. Мелкая дрожь овладела всем телом, а ветер вдруг успокоился, будто тоже прислушался к хриплому голосу. Спросить бы у Кейела прямо, что он нашел во мне, но без толку. Более того — опасно. Нельзя.

— Дарок вытолкнул меня. Сказал, чтобы я на тебя не зарился.

Мрачный скалистый пейзаж перед глазами обрел четкость. Ком в горле превратился в щекотный смешок и вырвался. Я повернулась к Кейелу, едва удерживая улыбку. Зачем он это выдумывает? Дарок ведь не будет конкурировать всерьез с человеком из-за женщины. Ведь не будет же?

— Не смейся, Асфи. — А вот Кейел веселым не выглядел. Заправив волосы за уши, проворчал убежденно: — Он сделает тебя своей.

И отвернулся, предьявляя моему взгляду безупречный профиль. Бледный лунный свет упал на пригорок, осветил хмурость парня и зло поджатые губы.

— Не сделает. — Я замотала головой.

— Он в этом уверен. — Впился в меня осуждающим взглядом. — Он видит в тебе прежде всего женщину.

Прежде всего женщину... Отсюда непослушание? Руки сами стиснулись в кулаки, а язык прижался к небу.

— А ты? — поинтересовалась я. Рукою кинжала согрела ладонь, вернула утраченную на миг уверенность в себе.

— Ты сильная и умная, — Кейел повторил слова Дарока.

— Но женщина, а не вождь, — закончила я вместо него.

Перед глазами промчались образы пережитого. Дароку наверняка и не снилось всего того, через что мне пришлось пройти. Я разделяла чужую боль. Я полюбила чужих существ, как собственных родных. Я теряла их... По-настоящему теряла. Это может выглядеть, как сон, но я теряла их всех взаправду. Я умирала, выживала, боролась, терпела, унижалась, убивала... И они перечеркивают все это лишь потому, что я физически слабее?

Как заставить собранных существ уважать себя? Возможно ли это? Стрекозе, кажется, удалось... Как?

И ответ вертится в голове, но даже в мыслях его невозможно озвучить, не ломая себя в очередной раз.

— У нас нет правительниц и никогда не было, — Кейел беспечно пожал плечами, продолжая разговор. — Наверное, все дело в этом.

— У нас, — едва слышно повторила я.

В Фадрогесе.

Склонила голову, разглядывая каменистую землю под ногами. Наверное, жизнь тут застряла на стадии нашего средневековья. Простой народ ценит физическую силу прежде всего остального. Или духов... Все ценят, кроме васовергов, а они у меня — основная проблема. У меня нет ни армии, ни силы, чтобы крушить кулаками камни в крошку. Что же делать? Бить себя в грудь, рассказывая всем о своем прошлом?.. Но прошлое — это былые заслуги, а все, заботясь о себе, ждут поступков лишь в настоящем.

— Асфи, не стоит расстраиваться, — по-своему растолковал мою заминку Кейел. — Даже Ромиар уважает тебя. Просто Дарок другой. Будь внимательной, не позволяй ему обмануть себя. — Ненадолго замолчал, катая подошвой камешки по земле, а после тихо добавил: — Если, конечно, ты сама не хочешь этого.

— Он не нравится мне, — повторила я сдержанно, хоть и хотелось прокричать ему об этом в лицо. Руки теперь тряслись, но не от бестолковых волнений, а от такой же бестолковой и бесполезной злости. — Я уже говорила.

Не дожидаясь ответа, отступила и направилась прочь и от Кейела, и от костра, где вновь шумело сборище неконтролируемых существ. Хотелось уйти как можно дальше от всех. Хотелось уйти подальше от Кейела и забыть, что он, живой и невредимый, только что стоял в полуметре от меня. На севере, там, далеко за Ледяной пустошью, я помнила и отчетливо видела перед собой другого Кейела, и он вселял в меня уверенность в каждом шаге и дарил силы. А этот... все-таки они разные люди.

И Дарок... Что с ним делать?

Кейел

Она спускалась по склону, отрешенная, задумчивая, печальная. И печаль ее беспокоила меня сильнее всего остального. Совсем недавно я видел горькую печаль Роми — его усмешку и молчаливую просьбу сохранить нашу с ним тайну. Я видел разочарованность и растерянность Елрех от того, что Асфи доверила нам не все знания. Я видел злобную тревогу Дарока, бывшего воина и бесспорно смелого существа. Он тревожился об Асфи, как тревожился о дорогом ему существе. Способны ли мародеры на добрые чувства к людям? Не знаю, добро ли движет им, но я все еще помню смрадное дыхание и твердую руку на своей шее. До сих пор помню тиски, давившие на кадык и затылок. И слова... «Не вертись возле нее, волчонок. Увижу рядом с ней — сверну тебе шею» Елрех тоже слышала их, наверное, поэтому весь вечер держится рядом со мной. Даже подвижная эльфийка с хитрыми глазами часто печалится и тревожится. У нас у всех свои тревоги, но Асфи хранит свои глубже, раз зачастую просто принимает отрешенный вид.

Я ждал, что она обернется и улыбнется мне, как сегодня улыбалась неоднократно. Пусть натянуто, но улыбнется так, что сердце в груди застучит быстрее. Она же спускалась, петляя между камней, и не смотрела даже по сторонам. О том, куда она направляется, я и не пробовал узнать — все равно не ответит. Среди всех собранных существ, только Елрех и Роми отвечали мне, да и то, потому что я им нравился. Тут никто не привык отвечать таким, как я.

У костра меня встретили теми недружелюбными взглядами, какими и провожали. Несмотря на глубокую ночь, спать будто никто и не собирался. Стрекоза о чем-то шушукалась с Лиаром, а он незаметно для нее теребил ее волосы. Что могло свести этих двух разных существ вместе?

Стрекоза мне не нравилась. Не только из-за слухов, ходивших вокруг нее, но и из-за ее отношения к миру. Она даже не стыдилась его, а будто бы гордилась тем, что думала только о себе и своей выгоде. С Лиаром же мне удалось поговорить недолго. Сначала он был насторожен, когда я попросил у него воды, сославшись на свой опустевший бурдюк, а затем развязалась беседа о непуганой дичи у подножия гор, окаймляющих Лавовое озеро. Темноволосый шан'ниэрд не был похож на горделивого горожанина. Тем более, он не вызывал впечатления, что способен на жестокость ради наживы. Он улыбался, был вежливым и радушным ровно до того, как из-за орешника не показалась Стрекоза. Как только она вышла к нам, Лиар перестал улыбаться и, не проронив больше ни слова, поспешил к воровке.

Я уселся удобнее, отодвинулся немного от полыхающего костра, чтобы не чувствовать сильный жар от него. Отыскал в вещах будущую фигурку Лери и оценил выпирающий шар живота. Может, следовало делать ее образ сразу с малышом рядом, а не с малышом в ней? И сразу вспомнил, почему отказался от этой идеи. В деревне высмеют мальчишку в платье, а девочку в штанах и рубашке. Если не угадаю с тем, кто у нас будет, то потом Лери не сможет хвастаться моим подарком, а будет прятать его.

Небольшой нож, который я одолжил у Ромиара, запросто снимал тонкий слой дерева. Но под тяжелыми взорами васовергов даже дышать было трудно. Я поддел кусок у плеча деревянной Лери и замер. Слишком глубоко вонзил лезвие... И руки скованные, как само это дерево, не позволяют легко исправить оплошность. Неужели испортил всю работу?

Чего васоверги так смотрят на меня? Не я пошел за Асфи, а она последовала за мной. Неужто и за это бить будут? Нашли, чем меня пугать. Не столько Асфи нужна, как просто не отвык от того, что все мне угрожают и хотят побить.

— Стрекоза, — обратился я, нарушая всеобщее безмолвие и отвлекаясь от неприятной атмосферы. — Как вы познакомились с Лиаром?

Эльфийка с удивлением посмотрела на меня и спросила:

— А тебе какая разница?

Лиар, сидящий за ее спиной, нахмурился, разглядывая меня так, словно я совершил что-то постыдное.

— В самом деле, наглая воровка, расскажи, как это тебе удалось переманить на разбойничий путь хорошего и доброго шан'ниэрда, — поддержала мой интерес Елрех, откладывая крохотные веточки сухих полевых цветов, с которых общипывала листья.

Стрекоза фыркнула, задирая голову и переплетая пальцы в замке. В это же время за нее вступился Лиар:

— Не хаами, фангра! Ты ничего о ней не знаешь! Не понимаешь, как это тяжело...

Стрекоза ловко развернулась и толкнула его в грудь, выразительным взглядом заставляя замолчать.

— Так расскажи, — с насмешкой ввязался в разговор Дарок, забывая о недавней злобе, — нам тут всем любопытно.

— Лучше молчи, Лиар, — не отрываясь от записей, посоветовал Ромиар. — Они не поймут тебя.

— Напекаешь на шан'ниэрдскую любовь, девка? — Гахсод громко рассмеялся.

— Что смешного в нашей любви? — Лиар вскочил, сжимая кулаки.

— Сядь! — приказала Стрекоза.

И он отпрянул от нее. Долго и со злостью смотрел на нее сверху вниз, но все равно сдался, послушался, чем вызвал дружный хохот всех васовергов. Ромиар упрямо не отрывал взора от записей и гладил шею. Казалось, что он вот-вот опустит высокий воротник куртки и будет до крови чесать шею. Елрех же будто намеренно не смотрела в его сторону, чтобы просто не замечать. Обижается, что он перестал говорить с ней? Догадывается ли она, что с ним происходит?

— Лиар единственный, кто у меня есть в Фадрогосе! — звонко крикнула Стрекоза, выпрямляя спину и с ненавистью глядя на веселящихся мужиков. Посмотрела на Ромиара и скривилась. Повернулась в нашу с Елрех сторону, мазнула по мне взглядом и ответила фангре: — Тебе повезло, что ты уродка! А я чистокровная эльфийка. Тебе не понять, какой это приговор.

Она резко замолчала, уставившись поверх наших голов, и я обернулся. Асфи, угрюмая, остановилась у валуна, за которым мы спрятались от ветра, и прислонилась к нему плечом. Скрестив руки на груди, осмотрела всех задумчиво, сомкнула губы крепко и опустила взгляд на землю.

Стрекоза фыркнула, повела плечами, сбрасывая руку Лиара, и тихо, но отчетливо сказала ему:

— Не трогай меня. — Снова повернулась ко всем нам, понимая, что привлекла внимание всех и поселила в нас любопытство. Почти всех... Кажется, Асфи не было дела до нас. — Моих родителей убила нечисть. Я попала к тетке и дяде. Вот они не были чистокровными эльфами, у них от людей не только крови больше было, но и мерзости, и коварства, и!.. Все в них было ужасно!

— Так ты от них понабралась? — едва сдерживая смех, спросил Архаг.

Низкорослый Норкор не стал сдерживаться: схватившись за живот, повалился на спину и захохотал.

— Они были тварями! — Громче вскрикнула Стрекоза с таким выражением боли на лице, что во мне проснулся стыд и сковал все тело. Не нужно было лезть с расспросами, не зря Лиар разозлился на меня. Он снова попытался утихомирить воровку, из-за чего она вспыхнула сильнее. Вскочила на ноги и бросила ему: — Убери руки от меня! А вам смешно?! Я убила их! Я! Убила! Их! Я!

— Так хвастаешься, будто убила опасных монстров, — ухмыльнулся Гахсод.

— Они были опаснее монстров! И что ты, бесчувственная верзила, знаешь об убийстве тех, кого любишь?!

Улыбки дрогнули. Елрех нахмурилась, а Лиар опустил голову и плечи, только его хвост заметался чаще. Даже Ромиар прекратил гладить шею и с неподдельной заинтересованностью поднял глаза на Стрекозу. А она разошлась и перестала следить за языком, выплескивая все на четверку воинов:

— Я до сих пор поверить не могу, что они были одновременно такими добрыми и заботливыми, и такими лживыми тварями. Они работать не хотели!

— Как и ты, — влез с улыбкой Норкор, но мигом получил тычок в бок от Архага.

— Я может, и хочу, но не могу! Они меня приютили, они меня кормили и баловали, а затем... Затем. — Она скривилась, сплюнула и губы с силой ладонью потерла. — Грудь у меня вылезла. Я ее тряпками обмотаю, платье сверху натяну, а ее все равно видно. И наемники... Шастали они там. В лесок, возле деревни нашей, ходили часто. У нас нечисть развелась, так они ходили, по одному чудовищу убивали, а потом не приходили, позволяя дальше ей множиться, чтобы был у них заработок. И вот через нас ходили! И грудь мою заметили! Знал бы ты, рогатый олух, как это тошно, когда над тобой немый мужлан пыхтит, а ты должна радость изображать. Вам ведь нужно палку свою пихать в счастливых баб! Хотя разные твари среди вас есть...

Я онемел, рассматривая хрупкую с виду разбойницу совершенно иначе. Ее постоянное дерганье и неумение сидеть на месте приобрели другой вид. Ей беспокойно среди нас? Боится нас?

— Сама легла, — тихо заметил Дарок.

Стрекоза покраснела до кончиков ушей, и на меня отчего-то нахлынул страх. Пробрал настолько,

что смотреть на девчонку не смог. Стал разглядывать песок и скудную траву, прорастающую в выемках камней, заполненных лежалой пылью.

— Думаешь, вождь, просто так согласилась? — голос эльфийки звучал тихо, но с угрозой. Тень ее танцевала на земле, повторяя пляски огня. — Думаешь, все в мире просто происходит?

Она шагнула в мою сторону, и я с трудом удержался, чтобы не отпрянуть. Ветер подул, разнося искры и склоняя пламя к земле. Стрекозе никто не отвечал, и она продолжила рассказывать о своем прошлом:

— Духи воды от нас отвернулись. По глупости дяди отвернулись. И весь урожай завял. А работать в гильдию ни дядя, ни тетя идти не хотели. Это дом бросать, это гильдию искать. — Стала заламывать тонкие пальцы. Затем махнула рукой, отбросила за спину светлые волосы и хмыкнула. — Думали переждать, когда духи смилоствивятся и простят. Молили их, обращались к ним, а те не отзывались. Позвали меня к себе дядя с тетей, отдали последние куски мяса и хлеба, вырученные за остатки овощей, и спросили, хочу ли я им помочь. И, конечно, я сказала, что хочу. И перед духами послушно поклялась, что слова мои искренние, — засмеялась горько, руки к груди прикладывая. — Что помогать буду до тех пор, пока дядя с тетей в помощи моей нуждаются. И долго... Долго я им помогала. А потом устала.

Руки опустила, погладила по серой куртке и одернула полы. Голову выше подняла и шагнула в сторону Роми.

— Когда уже новый дом с моей помощью построили, когда мне здоровье и мечты о своей семье отварами и грязными руками знахарок загубили. Когда я стала забывать и путаться в именах наемников, которые в лесок наш ходили нечисть убивать. И когда нечисть эта чаще стала появляться и как-то хитрее себя вести, — нервно посмеялась и оборвала смех коротким рыком. — Хитрая нечисть завелась в последние периоды у нас. Прямо никому в руки не давалась! И наемники эти несчастные чуть ли ни каждый рассвет к нам в лесок, через наш дом, без толку ходили. И когда отмечать все стали, что я с возрастом становлюсь лишь краше, а моя помощь — ценнее. Вот тогда я и убила дядю с тетей!

Всплеснула руками и широко улыбнулась. Обвела нас всех взглядом, и я вновь с трусостью не справился, отвел глаза. В лице холодно стало, а в голове пусто как никогда раньше.

— Как убила их, так и помощь моя им стала больше не нужна. Все, клятва распалась! Что не смеешься, увалень?! — обратилась к Норкору, сжимая кулаки. — Не смешно тебе? Вот и мне не смешно было, когда на меня всем Фадрэгосом охоту объявили. И кто? Наемники. Те самые, что на мне ерзали и пыхтели. А больше никто к нам в дом не заходил! Они наябедничали!

Я смотрел на нее украдкой, видел безумную улыбку. Видел сухие глаза, блестящие не от слез, а от едва скрытой ярости. Мы столько слышали о ней плохого и ничего не слышали о том, что плохого происходило с ней.

— Если бы не Лиар, — не оглядываясь на него, произнесла она, — отдали бы меня под суд защитникам. К нему я забралась в дом. Спряталась в сараях, а он наткнулся и спрятал от всех. Пока прятал, влюбился. А потом бежать нам с ним пришлось. Когда родители его меня нашли, тогда и пришлось бежать нам. Теперь вот ходит за мной следом, хоть вины за ним никакой нет. Я грабила и убивала, а он чист перед духами. Разве что, родителям обо мне врал.

— Прости, — прохрипел я. — Зря я спросил.

Она услышала, но отреагировала не так, как я ждал. Подскочила быстро и пнула меня по ноге. Больно не было, но от неожиданности я вскочил и уставился в прищуренные глаза эльфийки.

— За собой следи, слабак! У тебя-то уж точно в прошлом что-то интереснее моего кроется. Иначе что ты среди нас забыл?

Я ощутил на себе взгляды всех и вернулся в вечер с костром. С костром гораздо выше того, что горел теперь. С костром на берегу реки...

— Роми, остаешься караулить.

От голоса Асфи, резко нарушившего тишину, я вздрогнул. Сердце сорвалось с цепи, в грудь ринулся воздух, и я едва не захлебнулся им. Стрекоза уже давно потеряла ко мне интерес и с ненавистью рассматривала остальных.

— Все равно спать не ляжешь, пока не допишешь свои заметки, — продолжала говорить Асфи. Кажется, тень смятения легла даже на лица васовергов, а она вела себя так, словно не слышала историю Стрекозы. Подошла к своим вещам, отряхнула одеяло и стала укладываться. — Я поднимусь до рассвета и разбудю всех. Нам нужно до заката спуститься в лес.

— До рассвета?! — изумилась Стрекоза. — Ты обезумела, человечка! Луна уже давно прошла больше половины своего пути!

— Как хочешь. — Усевшись и удерживая над собой одеяло, Асфи пожала плечами. — Я проснусь до рассвета, соберу свои вещи, один раз позову вас, а затем уйду. Кто захочет, пойдет со мной. Остальным я покажу место на карте, где у нас будет остановка. Как потом будете меня искать, мне неинтересно.

Поерзала на твердом камне, вздохнула шумно, кажется, ругаясь себе под нос, и улеглась спиной к нам.

Только я закрыл глаза, устраиваясь на твердом камне удобнее, как уже вскочил от громко голоса:

— Подъем!

Сердце колотилось в груди, голова кружилась. Вокруг стелился полумрак, а прохлада мигом воспользовалась тем, что одеяло съехало, и пробралась под одежду. Я потер глаза и, щурясь, старался осмотреться. Неподалеку от меня кто-то шевелился. Над серым горизонтом все еще темнело звездное небо; сторона, где рождалось Солнце была скрыта за камнем. Два силуэта возвышались неподалеку: один высокий — кажется, Ромиар, а второй... Асфи? Точно, ее голос.

— Просыпаемся, быстро завтракаем, собираемся и начинаем спуск! — продолжала кричать она, упирая руки в бока.

Со стороны васовергов послышались громкие зевки, и вскоре войны ловко поднялись на ноги и стали трясти рогатыми головами, словно звери. Елрех уселась, сонно оглянулась и принялась поправлять волосы. Я решил последовать примеру остальных и постараться сбросить сон быстрее.

Вскоре небо озарилось розовой дымкой, костер затрещал с новой силой, а над ним забурлила вода в котелке. Хоть Асфи и настаивала на скором уходе, васоверги ее не послушались — отошли на высокий уступ молиться Солнцу. В это время мы с Елрех разделили остатки ужина на равные десять порций, разлили по всем бурдюкам воды из одного ведра, а остальным запасом напоили скотину. Что с ней делать дальше, Асфи так и не сказала. Гарпун ведь уже довели до нужного места, а теперь воз спускать по скалам — только тормозить себя. Может, Асфи забыла об этом?

Елрех осталась с завтраком возле скотины, выбирая их общество вместо общества васовергов, а я отправился обратно к костру. Возле него обнаружил сонную Стрекозу, зябко натягивающую на себя плащ Лиара. Рядом с ней сидел и сам Лиар, попивал травяной отвар и смотрел на холодный кусок мяса в миске. Ромиар, видимо, завтракал до зари, вместе с Асфи, либо просто ничего не ел. Он сидел у костра и вновь крутил в руках странную подсказку. А вот Асфи в лагере не было. Короткий вопрос Ромиару позволил получить от него кивок в сторону уступа.

Я прошел под переплетением ведьмовского указателя, но под открытое небо выходить не спешил. Стоя в тени, разглядывал темноволосую девушку. Она повисла на гарпуне, прижимаясь к нему щекой, и смотрела на стену. Что она увидела? Задумалась... Огонь потух в карих глазах, а уголки губ опустились, снова отражая грусть.

— Асфи, — тихо позвал я, выходя к ней.

Она посмотрела на меня лениво, но вскоре, словно пришла в себя, нахмурилась. Выпрямила спину, отстранилась от гарпунника и постучала по нему ладонью.

— Что? — спросила строго.

— Что делать со скотиной? Тащим воз обратно?

Асфи посмотрела вдаль лишь на мгновение, после чего поинтересовалась:

— Как обстоят дела с едой?

— Хочешь их заколоть? — я не был настолько дураком, чтобы не понять, к чему она клонит.

Асфи повела острыми плечами, тонкими пальцами надавила на морщинку между бровей, будто хотела ее разгладить, но безуспешно.

— Незачем добру пропадать, если нам нужнее, — пояснила и повернулась лицом к острову. Вытянулась на носочках, закладывая руки за спину, и добавила: — Реши сам, отпустить животных или вести с нами вниз. В лесу найдем приличное место для стоянки, где сможете разделить их и я позволю вам всем дольше отдохнуть. Воз... Воз. — Опустила голову, разглядывая края уступа, и хмыкнула. — Гарпунник, веревки и все остальное, что сюда волокли, — все скинуть в озеро. Пусть тебе с этим помогут васоверги. Или нет, — цыкнула недовольно и покачала головой, касаясь

большим пальцем надутых губ. — Я отправлю их сюда сама, а ты держись в это время от них подальше.

Волнуется обо мне? Вместе с затаенной радостью возмутилась колкая обида. Унизительно ли, что она таким образом оберегает меня?

Асфи развернулась и направилась мимо меня к лагерю, на ходу распоряжаясь:

— Как они закончат, проверь, чтобы тут ничего не осталось после нас. Сруби все веревки, выбрось щепки, сравняй камни. — С каждым шагом она ускорялась быстрее и быстрее. — Сделай так, чтобы от нашего пребывания не осталось ни следа.

— А воз? — растерялся я, не отставая от нее. От кого мы прячем наши следы? Зачем?

— Воз? — резко остановилась и обернулась ко мне с изумлением в темных глазах. И поморщилась, потирая лицо. — А, воз. Воз попробуй затащить на уступ и тоже выбрось. Если не получится, я дам тебе время для того, чтобы ты его разобрал. Кейел, — вдруг обратилась с полной серьезностью. И хоть смотрела на меня снизу вверх, но чувствовал я себя уязвимей, — дальше мы пойдем налегке. Никаких повозок, никаких плетущихся животных рядом. Тем более они могут неосознанно выдать нас бляением, если вдруг нам понадобится вести себя тихо. Ты понимаешь, от чего нам нужно избавиться, а что должно остаться, чтобы мы могли двигаться дальше без нужды?

— Да, — ответил я. Наверное, я ее понимал. — Думаю, тогда нам нужно выбросить еще и...

— Я доверяю тебе, — перебила она, глядя в глаза. И напряжение во мне возросло, будто она только что наградила меня чем-то, чего я не заслуживал. — Разберись по части провизии и нашего скромного хозяйства, а я займусь остальным. Пойдем, поторопим приятелей с молитвами и завтраками.

Не только я один задался вопросом, для чего уничтожить гарпунник, на который было потрачено столько средств и усилий. О причинах попытался разузнать Роми, о них долго допытывались васоверги, любопытствовала и Стрекоза. Асфи оставалась непоколебима в нежелании отвечать.

С возом я управился самостоятельно, но всем пришлось меня ждать. Асфи в это время собрала всех вокруг себя и начала учить их странной игре Наллеран. Она чертила какие-то символы и клетки на земле, объясняя правила. Я втайне радовался, что позже она обещала лично повторить мне их. Только к четвертому шагу Солнца мы покинули мрачные скалы.

Васоверги ко мне не приближались, но шутливо выли, глядя в мою сторону. Когда я обращал внимание, переходили с воя на скулеж и дружно хохотали. Почему они прозвали меня «волчонком», оставалось загадкой. Но я не обижался на это прозвище, оно все-таки было получше, чем «девка», как они называли Ромиара.

Стрекоза с Лиаром плелись в стороне от нас, держась ниже, а вот Елрех часто задерживалась и отставала, поднимаясь на скалы и рассматривая местность. Наверное, ее зрение позволяло нам избежать встречи с хищниками и нечистью. Иначе как объяснить такой беззаботный путь по таким нехоженным местам?

Асфи с Роми шли впереди и иногда оглядывались. Я плелся за ними, отставая всего шагов на тридцать-сорок. Хотелось бы догнать, но тамарг, которого я вел за собой на привязи, кое-где не мог просто спрыгнуть. Из-за него резкие спуски приходилось обходить. Второй тамарг бежал за нами сам, без привязи. Стадные животные едва слышно блеяли, боясь разделяться, но я не опасался, что шум от них накличет на нас беду. В конце концов, мы поднимались по открытой местности с ними, шли по лесу, а значит, пока не направимся в какие-то новые регионы, живность может идти с нами. Убивать их не хотелось — в лесу и реках полно пропитания. Оставить их посреди скал не сумел — поддался жалости. Асфи упоминала в маршруте и известные дороги, и священное кольцо, поэтому я надеялся оставить зверей где-то там. Возможно их подберут купцы или другие путники. Пусть живут.

Опушка леса со скал казалась низким порогом. Как только мы сумели ее разглядеть, Асфи впервые за время пути позволила сделать короткий привал. Елрех воспользовалась этим, быстро вытащила заготовки — сухую еду, разделенную по кулькам, — и раздала каждому его долю. Ели уже на ходу, запивая остатками воды, нагретой за день. Солнце припекало, ветер стих. Зной нарастал.

Роми в пик жары отстал от Асфи, дождался меня и молча продолжил путь рядом со мной. Я без слов повел скотину более пологими склонами, уходя от остальных как можно дальше в сторону. Оказавшись на достаточном расстоянии, посмотрел на уставшего исследователя, задумчиво бредущего вперед, и подсказал:

— Встань за тамарга и расстегни куртку.

Роми глянул на меня косо, вяло махнул хвостом, а после вздохнул шумно и последовал совету. Чтобы увидеть, что у него с шеей, пришлось вытягиваться на носках. Под черным воротом серая кожа желтела и темнела. Бурые царапины расчесов пересекали волдыри и язвы. Куртка с внутренней стороны была перепачкана гноем.

— Я думал, от тебя будет нести гнилью, — признался я.

— Воняет, — равнодушно подтвердил догадки Ромиар, вытягивая шею и подставляя ее солнечному свету. — Но не забывай, что я шан'ниэрд. Помню, наняли мы фангра в услужение. В сарае смотреть за скотиной. Так он приходил рассветами на собрание и, если вечером не помылся, то от него на всю комнату несло. Мы его лишь период вынесли, а потом нашли на его место эльфа. От них тоже вонь бывает, но не такая сильная, как от других.

— Среди нас совсем плохо?

— Было плохо, но как васоверги к нам присоединились, понял, что было вполне терпимо.

Я фыкрнул, сдерживая смех, но когда Ромиар сам рассмеялся, я не устоял.

Опушка леса росла, превращаясь из порога в высокую, шумящую стену. Шумело приятно. Листва замерла в безветрии, травы застыли. Птичий щебет звенел живо, радостно, многоголосно. Стрекот и жужжание поднимались от земли вместе с медовыми и пряными запахами разнотравья. Я вдыхал полной грудью кружащие голову ароматы, забывая о том, куда иду и во что ввязался. Мертвая, серая земля осталась позади. Огонь, жар и пепел исчезли, их заменила тенистая прохлада и свежесть.

Послышался неразборчивый, короткий клич. Асфи стояла на валуне, возвышающимся над зеленью, и складывала ладони у рта. Поворочала головой, убеждаясь, что остановились все, а затем махнула рукой, подзывая нас. Ромиар застегнул куртку, погладил воротник, будто проверял, что шея спрятана от чужих взоров, а затем ускорился. Я потянул за собой тамарга, то и дело срывающего зубами колосящиеся стебли.

Асфи с камня не спрыгнула. Стояла на нем, щупая кинжал на поясе, и вглядывалась в белоснежные облака, нависшие низко над верхушками деревьев.

— Дальше идем рядом, — не меняя положения, произнесла она. — Как только находим подходящую поляну, останавливаемся.

Лес густел с каждым шагом. Деревья трещали, словно лопались изнутри, как спелая тыква. Встречались необъятные стволы, пропитанные влагой до черноты. На них тарелками росли трутовики, а на низких ветках торчали мелкие опята. Старый бурелом сгнивал, образуя трухлявые, поросшие густым мхом горки. Ноги вязли в них не по щиколотку — по колено. Кругом выглядывали шапки грибов, которые Елрех охотно собирала. Глядя на нее, не выдержал и я, отдал поводья Ромиару, развернул один из опустевших мешков и побрел неподалеку от остальных. Один гриб за другим — они вывели меня на крохотную поляну, залитую слепящим солнцем и усыпанную земляникой. Я, опасаясь отстать, набрал для Асфи лишь пригоршню.

Нагнал всех на пологом берегу озера. Черная вода впитывала в себя краски старого леса и ясного Шиллиар. Она впитала в себя и яркое сияние Солнца. От озера веяло холодком. Я улыбнулся, прислоняясь к толстому стволу плечом и слушая невозмутимый к смешкам и непослушанию голос Асфи.

— Солнце через шага два-три сядет, — произнесла, осторожно подступая по мокрому бревнышку к берегу, и присела на корточки. Запустив пальцы в воду, поводила в ней, словно пробовала температуру. — Поляна неподалеку, вода рядом. Место хорошее.

Поднялась и с тихим всплеском перепрыгнула с бревна на сухую землю. Тряхнула рукой и растерла оставшуюся влагу ладонью.

— Займемся лагерем, затем мыться. Первыми девушки, пока не стемнело, потом мужчины.

Норкор, скривившись, отступил от озера. Дарок лениво цокнул языком, заинтересованно переводя взор с Асфи на озеро. Думает, если помоемся, то понравится ей больше? Она удивительная, раз даже к шан'ниэрдам спокойна.

— Нам это не нужно. — Архаг махнул рукой на озеро. Хлопнул Норкора по плечу и поставил в известность: — Мы за мясом.

И на меня с прищуром посмотрел. Я зубы стиснул и качнул головой. Он усмехнулся, но друга потащил в другую сторону от скотины. Асфи пожал плечами и снова к озеру повернулась. Я выгадал момент, когда все разойдутся, подошел к ней. Она посмотрела на меня вопросительно.

— Руки протяни. — Улыбнулся ей.

— Ух ты! — тихо восхитилась, когда красные ягодки на ее ладонь посыпались.

— Вторую подставляй.

Она послушалась. Склонила голову над нашими руками и носом шумно воздух втянула.

— Спелая, — довольно сказала. — Пахнет вкусно.

— Спелая, — согласился я. — В руках быстро слежалась. Теперь весь липкий.

— Стой! — скомандовала она громко. И в глаза мне с возмущением посмотрела. От ее взгляда сердце ухнуло. — Мне все не надо. Попролам разделим.

И сыпанула ягод мне обратно. Опять повернулась к озеру и поделилась:

— Хорошо тут. Суеверия ваши, с одной стороны, глупость, а с другой... Посмотри, как красиво. Дождей бойтесь, селитесь в таких местах редко. Не удивлюсь, если даже просто стараетесь не заходить по дороге.

— У нас в Солнечной точно не ходили туда, где Шиллиар часто плакало. А тут видно, что часто плачет.

Пока Асфи разглядывала озеро, я разглядывал ее. Умиротворенная, с расплавленным золотом в глазах и с затаенным блеском радости в них. Красивая. Отчего-то сейчас она стала настолько красивой, что трудно глаза отвести. Почему раньше было по-другому? Ведь кажется, она внешне никак не изменилась.

Асфи забросила пару ягод в рот, губы пальцем вытерла, и меня желание пробрало. Обнять бы, поцеловать, разделить с ней земляничный вкус, смешать со своим. Или просто коснуться. Да, хотя бы просто коснуться ее. Даже от этого крохотного, безобидного желания внутри все замирает и дышать становится невозможно.

Она вдруг улыбнулась так легко, как никогда раньше еще не улыбалась. Повернулась ко мне, выбивая землю из-под ног одной лишь этой улыбкой и беззаботным взглядом. Я отступил невольно от нее на ослабевших ногах.

— Пойдем, Кейел. Хватит нам халтурить. — И с тем же выражением удовлетворенности на лице направилась к выбранной поляне, на ходу забрасывая по несколько ягодок в рот. Обернулась ненадолго и сказала: — И за землянику спасибо! Очень вкусная!

Я пытался шагнуть за ней, но прирос к земле. По телу бежала приятная дрожь, ласкала трепетными чувствами. Хорошо, когда Асфи такая... влюбленная? Посмотрел на озеро, каких в Фадрэгосе много, если уходить далеко от поселений. И хоть озеро выглядело обычным, но миг стало особенным, пропитанным чем-то таинственным. Асфи влюбилась в это озеро, и я, кажется, за это тоже его полюбил.

Солнце в этот закат умирало необычайно ярко. Горел лес, пронизанный последними лучами. Птицы беспокойно шумели, лисицы тьякали неподалеку, чуть дальше кричали еноты. Запах поджаренной на огне косули витал над лагерем, приманивал мелких хищников. Зверьки мелькали за листвой из тени в тень, шуршали лежалой листвой, мяукали и мурлыкали, кружили вокруг, но держались от нас на почтительном расстоянии. К закату сырость словно усилилась, пробиралась под одежду, заползала в рот, оставляя почему-то привкус земли и немного плесени. Аромат мяса смешивался с ним, и на языке образовывалась горечь. Я запивал ее подслащенным медом отваром из листьев лесных ягод и молодой вербы. Несмотря на неприятную компанию, все во мне вызывало дурманящее тепло в душе. Каждое мгновение, каждое действие окружающих было пронизано чем-то, что хотелось запомнить на всю жизнь.

Стрекоза пела. Ее голос журчал, вливаясь тихонько в лесной шум, не перекрывая его, но и не теряясь в нем. Она прикрывала веки, глядя в костер и вытягивала шею для более густого и чистого звучания голоса. Вытянутое лицо горело рыжим отсветом огня, золотые локоны сияли. Тонкие руки лежали на притащенном и очищенном от мха бревне. Рядом с одной, едва ли не касаясь ее мизинца, Лиар положил свою руку и неотрывно следил за эльфийкой. Я наблюдал за ними, думая об Асфи.

Ее с нами не было. Стоило только всем доделать свою часть работы, рассестись после трудного дня, как она повторно отправилась к озеру, прося не беспокоиться о ней. Каждый раз, как Лиар подтягивал руку еще ближе к руке Стрекозы, я хотел отправиться к озеру. Хотел и убедиться, что с Асфи все в порядке, хотел и увидеть ее, заговорить с ней. Но всякий раз смотрел на васовергов, блаженно улыбающихся, приветливо покачивающихся под мелодичную эльфийскую песню, и запрещал себе портить эту необычную для нас атмосферу. Даже Ромиар, уставший за день, не

открывал своих записей. Лежал на еловых лапах, закинув руку под голову и закрыв глаза, и слушал.

Мне удалось, не вызывая подозрений, выпросить у Елрех мази от царапин и принести к озеру. Мы хорошо промыли язвы Роми, распространившееся по всему телу, а особенно на ногах, и после нанесли мазь. Наверное, за многие рассветы и закаты, он просто наслаждался отсутствием боли.

На то, что я принес Елрех почти пустую склянку, она ничего не сказала. Лишь сообщила, что если ветка поцарапала меня серьезно, то она может дать что-нибудь сильнее. Теперь добрейшая фангра сидела, навалившись спиной на одного тамарга, улегшегося неподалеку от поляны, и чистила собранные грибы. Иногда она с улыбкой и тихим смехом отмахивалась от второго тамарга, лежащего рядом и норовящего облизать ее или попробовать на вкус ее волосы.

Стрекоза замолкла, но песня продолжала звучать в голове. Лиар тихо спросил ее на шан'ниэрдском:

— Ты не устала?

Она с улыбкой качнула головой, но при этом вытянула вдоль костра длинные ноги.

Устали все мы. Устали даже васоверги, которые обычно в свободное время старались не отдыхать, а оттачивать мастерство боя или поднимать над собой что-то тяжелое, вроде бревен. В этот закат и они поспешили усесться и словно избегали нарушать спокойную обстановку. Дарок лениво подкидывал поленья, нарубленные мною, в костер и улыбался. Иногда он громко зевал, но спать не спешил.

— Спой еще, — попросил Архаг и, подозревая маленьких духов воздуха, уселся на еловых лапах. — Хорошо поешь.

Стрекоза помедлила немного, а затем затянула балладу веселее. Я понимал не все слова, но смысл улавливал, потому улыбался все шире и шире, слушая злоключения неудачливого разбойника. Баллада оказалась длинной, но с разным настроением и ритмом, а потому никак не могла наскучить. Эльфийка то рычала низко, хватаясь за кинжал, то пела тоненько и высоко, закрывая глаза и превращаясь с виду в невинную девицу. Понимали ее и все остальные, поэтому часто раздавался дружный смех.

На поляну, сквозь черные кроны, заглянула Луна. Сильнее насытила атмосферу таинством, будто принесла с собой все прошлое, что помнила, и пыталась стереть границу между ним и нашим временем. Глянув на нее, я укололся этим прошлым. Вспомнил вдруг о Лере, об отце и матушке, о своем бесстыжем предательстве. Дрожь пробрала тело, и я поежился, прогоняя ее. Вновь посмотрел на Стрекозу, стараясь вернуть доброе настроение и отпугнуть охвативший страх. Мне придется вернуться в Солнечную, придется вымаливать прощение и доказывать всем, что я стал сильнее. А стал ли? Стану ли? Оценят ли высоко мои родные то, что я вступлю в гильдию Исследователей? Матушка может и расстроиться...

И вновь перед глазами разгорелся костер из детства. Ожил запах собственной крови и моей же горелой плоти. Вернулась та, забытая, боль, резанула спину, пронзила живот, отозвалась в ногах, разбудила обиду. Почему я после всего должен просить прощения? Или Стрекоза... Почему она, обманутая взрослыми и связанная клятвами духов, должна теперь нести наказание за то, что не нашла другого пути к свободе? Неужто она должна была и дальше выносить весь тот кошмар, о котором рассказала той Лунной?

Хрупкая девушка затягивала очередной куплет о разбойнике, который, как и все разбойники, рано или поздно находят свою смерть в подлости союзников, в собственной жадности, в охватившем отчаянии их последнего боя... Этому по словам баллады повезло меньше: он попал в руки защитников и предстал перед судом. Его вину показали духи, и мудрецы с защитниками решили отправить его в Острог оскверненных душ. Но на последних словах приговора вышла старушка из толпы и предъявила всем череп ее убитого сына. Она призвала толпу к высшей справедливости и попросила положить череп на Алтарь Возмездия. И уже в следующем куплете разбойник стоял перед ледяным алтарем, безумными глазами смотрел на череп, но до последнего надеялся.

Он надеялся и в тот миг, когда два дракона — синий и красный — взвились под неровный потолок пещеры и закружили над виновником. Он стоял прикованный к ледяному полу и не терял надежды даже в то мгновение, когда к нему устремился красный дракон. И растворяясь в красном свете, разбойник все еще не верил, что этот кошмар мог произойти именно с ним.

Стрекоза закончила песню. Над поляной, окутанной задумчивой тишиной, с писком пролетели маленькие, мохнатые кровопийцы. За ними следом, громче хлопая крыльями, промчалась сова. Я смотрел на поджаренный бок косули, с которого капал жир, и не чувствовал голода. Отхлебнув остывшего отвара, промочил рот и горло, а затем тихо спросил:

— Справедливо ли это, запирает чью-то душу навсегда даже за убийство?

Стрекоза вопросительно хмыкнула, покосившись в мою сторону.

— О чем это ты говоришь? — дружелюбно поинтересовался Дарок.

— О том, что суд этот может быть несправедливым. Вдруг разбойник убил сына старушки, защищаясь?

— Он хотел убить и убил, — возразил Лиар, сведя на переносице ровные черные брови.

Ромиар приоткрыл желтые глаза и недовольно глянул на меня. Опять не соглашается со мной? Но ведь уже признавал нехотя мою правоту суждений.

— Он мог хотеть убить, — взялся объяснять я простую, казалось бы, вещь, но отчего-то многими упускаемую, — если бы защищал себя. Разве, испугавшись чего-то, мы не думаем о том, чтобы одолеть это что-то?

— Думаем, — легко согласилась Стрекоза и скривилась, выпрямляя спину и откланиваясь назад. Ее волосы, все еще распущенные, влажные, а оттого тяжелые, утонули в темноте. — Поэтому виноваты. При грязных мыслях наша душа порождает черноту, но эта чернота еще способна отступить, если злодеяния так и остаются только в помыслах.

Я покачал головой.

— Солнце выше всяких этих духов и справедливее, — произнес Дарок, морщась и бросая осторожные взгляды на воровку. — Ты можешь жить при наших законах Стрекоза и не бояться гнева духов. Никто среди нас не призвет их. А черноту позволяй выжечь Солнцу. Если не хочешь просить его об этом каждый рассвет, то сделай, как сделала Асфи, — пройди ритуал Ярости. И проходи его каждый раз, как наступает время для него.

Эльфийка с опаской уставилась на него и медленно втянула голову в плечи. Дернула дважды ушами и ответила резко:

— А я не боюсь своей черноты, и на духов не в обиде. Вся моя душа — сплошная чернота. И если после смерти по милости духов я останусь призраком в этом мире, то буду только рада, что не отравлю собой Древо жизни.

— Вот как... — с блеском любопытства в глазах протянул Дарок. — Поэтому ты дальше преступления творишь?

Эльфийка воровато коснулась лица тыльной стороной ладони и быстро плечи распрямила.

— Ты слишком хорошо обо мне думаешь, будущий вождь. Не облагораживай меня. Плевать я хотела на многое, но у меня уже полно друзей среди разбойников. И если Древо жизни вдруг заболит и не сможет удерживать Фадрагос, то пострадают и они. И вы, кстати, тоже.

Он кивнул. А я не смог дальше слушать этого, не смог остановить себя, возвращаясь мыслями ко всей несправедливости, какую и я, и Стрекоза, пережили. Заговорил тише:

— Нет ничего плохого в том, чтобы стремиться к добру. Даже в твоём стремлении защитить Древо жизни от своей черноты, накапливая ее больше. Только я думаю, что мы сами себя обманываем.

— И чем же это? — спросила она и закачала из стороны в сторону вытянутой ногой.

— Навязанными правилами духов. Мы слишком верим им.

Она нахмурилась, Лиар изогнул брови. Васоверги все, как один, прислушались и вытянули головы. А Ромиар, стиснув пальцами переносицу, покачал головой, чем сильнее подстегнул меня к разговору.

— В том, что с тобой случилось, Стрекоза, ты не виновата.

— Не виновата? — с изумлением переспросила она. — Как это не виновата?

— Ты была неразумным и добрым ребенком, который и подумать не мог, как обернут против него слова его клятвы. Тобой воспользовались.

— Да, это так, — с нервной улыбкой согласилась она.

— И духи позволили этому случиться.

Нервная улыбка застыла на ее лице, а глаза расширились и заблестели нехорошо. Я уже встречался

с этим осуждением и непониманием. Помнил, как на меня смотрели родители, как смотрела вся деревня. Но Стрекоза... Почему она смотрит так же? Разве она не пострадала от несправедливости духов? Разве мы с ней не смотрим на их прямоту правил с одной стороны?

— И сейчас духи, если будет суд над тобой, не учтут того, что ты, убивая, защищала себя. Они бы и тогда не позволили никому помочь тебе. Даже защитники, узнав обо всем, не смогли бы ничего поделаться с твоими дядей и тетей, ведь духи были бы на их стороне. Разве ты не считаешь это неправильным?

Дарок с усмешкой кивнул.

— Ты что это, червь, несешь? — покраснев сильно, с тихой яростью прохрипела Стрекоза.

Я вздохнул тяжело, опуская голову. Почему она не понимает всей этой бессмыслицы? Вот и васоверги со своей верой в очищение через Солнце понимают, а она не понимает.

— Будь все иначе, Стрекоза, — поставив кружку под ноги и сцепив руки в замок, произнес я, — тебе не пришлось бы творить еще больше зла. Если бы тебя судили не духи, а простые существа, то тебя бы поняли и простили.

— Хочешь сказать: духи неправы? — Она вскочила на ноги и, не сводя с меня злого взгляда, стиснула кулаки. Ее рот скривился в оскале, губы дергались, подбородок трясся.

— Успокойся, воровка, — вмешался Роми. — Он перегрелся в пути.

Я нахмурился, пытаюсь заглушить собственную злость. Почему Ромиар не хочет поддержать меня и начать переубеждать фадрагосцев? Начать хотя бы с этой девушки, которая губит свою душу из-за глупых заблуждений? Или я в который раз обманут, мои мысли в самом деле скверные, а я безумный?

— Успокойся?! — закричала она, топнув ногой. — Успокойся?!

Ромиар скривился, а я зажмурился, сжимая вспотевшие руки сильнее. Меня бросило в жар стыда, обиды и злости на себя. Испортил досуг. Опять своим грязным языком разношу скверну.

— Ты всерьез веришь в это, человек?!

— Он перегрелся! — разозлился и Ромиар.

— Не кричите, бестолковые существа! всю живность в округе перебудите. Посмотрите, как перепугали бедную скотину.

— Поклянись духами, человек, что ты не веришь в ту ересь, что только что нес! — потребовала эльфийка.

Я стиснул челюсть. Шипение костра донеслось до слуха, пробудило детские страхи. Почудились громкие стуки в дверь, показалось, что за мной к знахарке пришли разъяренные сельчане.

— Оставь его в покое! — потребовал Роми.

— Поклянешься ты или нет?!

Щеку ошпарило, в челюсти щелкнуло, в закрытых глазах ярко засияло от внезапной боли. Я открыл их и посмотрел на эльфийку с занесенной рукой. Она держала кинжал. Лезвие было чистым, без крови, но я потрогал щеку. Нашупал две глубоких царапины от ногтей; пальцы порозовели от выступившей крови. Сердце стучало быстро, с силой, и этот стук раздавался громко в ушах. Но я услышал, когда эльфийка медленно потребовала:

— Говори!

Что ей сказать? Я разжал руки, набирая полную грудь воздуха, тоже стиснул кулаки, пока еще не представляя, как буду останавливать девушку. Смогу ли ударить ее? Парней усмирять легче.

Краем глаза уловил движение. Ромиар поднимался с места и собирался что-то сказать, но раздался другой голос из темноты:

— А если не скажет?

Эльфийка мигом повернула голову на звук. Пригляделась во мрак, прищуриваясь, и вскоре оттуда вышла Асфи. Выжимая мокрые волосы, она прошла к Елрех. Улыбнувшись, склонилась и потрепала по холке настороженного тамарга.

— Испугался, дружище? Не бойся. Мерзкая эльфийка совсем не страшная. Она такая трусливая, что и тебя в ночи испугается. Такие, как она, боятся даже собственной тени. Слышал о таких? Нет? А я и знакома с такими была. Близко знакома... — И снова выпрямилась. Переступив его хвост, подошла к дереву. Прислонившись к стволу плечом, скрестила руки на груди, снова посмотрела с неподдельным интересом на Стрекозу и спросила: — Так что же ты сделаешь, если он откажется клясться? Расскажи мне, милая эльфийка.

Стрекоза молчала, лишь выше подняла подбородок. Я переводил взор от нее на Асфи, не узнавая последнюю. Что-то было в ней незнакомое, отталкивающее, пугающее.

— Ну же, смелее. — Ее губы растянулись в ласковой улыбке, но эта улыбка отличалась от той, которой я обычно не мог наглядеться. Она вызывала оторопь, озноб и недоброе предчувствие. — У тебя такой приятный голос, что я готова слушать его снова и снова. А ты молчишь...

Асфи

Эльфийка стояла передо мной, нагло демонстрируя уверенность. Смотрела с вызовом и с готовностью держала кинжал. Кинжал...

Что же она собиралась сделать с Кейелом?

Я старалась не замечать *его*, не касаться даже беглым взглядом. Опасалась, что если увижу порез... Духи Фадрэгоса... Об этом даже думать было опасно. В глазах сразу темнело, к горлу подступала тошнота, и колючий страх пробирал все тело.

Она угрожала *ему* кинжалом? Зачем ей кинжал в ссоре с *ним*?

Я, маскируя усмешкой волнение, медленно выдохнула. Постаралась взять себя в руки, но в ушах до сих пор стояли пронзительные крики безумной эльфийки. Чем бы все тут закончилось, если бы я не появилась?

— Ты проглотила язык, Стрекоза?

— Он оскорблял духов! — наконец-то, заговорила она. И опасно шагнула к нему, заставляя меня внутренне напрячься. — Он перекалывал на них смертные грехи!

Ее передернуло. Она перехватила кинжал удобнее. Меня затрясло. От страха? От злости? Не знаю...

— Я покажу *ему*, как духи велики, когда он начнет молить их о спасении, — тише произнесла она.

Огонь плясал за ее спиной. В диком танце из стройного силуэта родились тени, пробежались по стволам и листве, над головами застывших у костра существ. В этих тенях я увидела монстра на четырех лапах, бегущего за человеком. А затем они оба упали и скатились во тьму земли...

Листва надо мной зашумела так громко, что перекрыла все звуки и у меня заложило уши. Вынудила поднять голову. Каменное сердце, охваченное внезапным холодом, превратилось в лед, а через миг он с легкой болью треснул и рассыпался ледяной крошкой. Осколки упали под ноги, заключая меня в кольцо. В ловушку... Я поморщилась от непонимания. Разве меня можно напугать болью?

Луна безучастно наблюдала за мной. За нами. За происходящим.

Зачем тебе это?

На мой немой вопрос она не ответила, но ответ возник в мыслях сам по себе... Я вздрогнула.

Слепо нащупала рукоять кинжала, хоть и понимала всю его бесполезность против Вечного Свидетеля. Прищурившись и схватив воздух ртом, я потерялась во всем: во времени, в реальностях, в событиях. За спиной, в самой гуще тьмы, померещилось движение и жуткий, знакомый шелест. Лунный свет вдруг застал врасплох, и я отступила, стараясь уйти в тень. Ожившие монстры, зашумевшие в округе, не пугали так, как блеклый ночной взор Луны.

Казалось, все это видение захватило на несколько секунд, но, кажется, прошла лишь секунда. Стрекоза вновь привлекла внимание целенаправленным шагом к Кейелу. Последним шагом, разделяющим их. Он даже не пытался встать. А я искала взглядом окровавленный арбалетный болт. Где он? Потерялся во мхе и траве?

Его нет. Нет в этой жизни.

— Отступи! — я не узнала своего голоса. Гортанного, тяжелого, плотного. Всю глотку свело тем же колючим холодом, как и тело. Язык едва ворочался, зубы не удалось разжать.

Шелест ночных охотников усилился за спиной и, вытащив кинжал, я обернулась. Тьма застыла густой стеной. Казалось, если войдешь в нее, то увязнешь и не сможешь двинуться. Но ночных охотников не было... Всего лишь очнулась память.

— Он не умрет, — с трудом добрались до слуха слова Стрекозы, будто прошли эхом через сотни километров, залитых водой. — Но он должен быть наказан за свои слова, человечка! Либо пусть отрекается от них!

— Отойди от него, — убедившись, что за спиной никого нет, я посмотрела на непослушную воровку.

Она помотала головой и спросила:

— Или что? А что ты мне сделаешь?

Что я ей сделаю?

— Я нужна тебе. Ты сама сказала, что мы все нужны тебе! Что ты сделаешь мне? Призовешь духов, которых он оскорбляет, чтобы сжечь мне кожу?! Но потом сама же залечишь! — И расхохоталась. — С помощью духов!

Духи... Странное состояние медленно стало спадать, хоть и ощущение, что мы окружены взорами со всех сторон никуда не исчезло. Стал отступать страх. Появилась уверенность, в голове сами по себе сложились в одну единую связь множество событий.

Если со Стрекозой ничего не сделать, то она рано или поздно со своей безумной верой доберется до Кейела. И после этого я точно убью ее... Зато сейчас я могу воспользоваться шансом. Я бегло оглядела существ у костра и мигом выцепила Архага.

— Последнее предупреждение Стрекоза: отойди от человека.

Она рассмеялась, оборачиваясь к васовергам и запрокидывая голову:

— Вы слышали? Она меня предупреждает! Будто мы не успели рассмотреть под слоем ее напускной грубости и гнева доброту. Или ты думаешь, человечка, что я смерти боюсь? Я ни ее не боюсь, ни тебя!

Ее смех звучал омерзительным скрипом железа внутри, сводя скулы и вызывая желание заткнуть уши. Или заткнуть ее...

— К сожалению, твой язык нам еще пригодится.

— Что? — с широкой улыбкой переспросила она, не расслышав меня. И через секунду потеряла ко мне последний интерес, вновь возвращаясь вниманием к Кейелу. — Ты будешь отрекаться от своих слов, еретик?!

Он ответил не сразу, но ответ был для меня очевиден и не вызывал ничего, кроме уважения:

— Не буду! Посмотри на себя, эльфийка, ты и теперь готова сильнее очернить себя, ради духов.

Факт того, что обо мне снова все забыли, что меня снова ни во что не ставят, не огорчал, а всего лишь убеждал в правильности решения.

Я опять посмотрела на Луну и прошептала:

— Я не боюсь тебя.

Луна предсказуемо молчала. Она, как и духи, не выбирала наш путь за нас, а всего лишь принимала его.

— Архаг, — обратилась я и показала жестом руки, чтобы он поднялся.

Кейел со Стрекозой уже стояли друг напротив друга. Она с кинжалом, он с кулаками. На что он рассчитывает с таким раскладом? Его безграничная доброта не приведет его ни к чему хорошему.

Слепая доброта, слепая вера, слепая жадность... У каждого найдется своя слепота.

— Поднимайся, — пояснила я непонятливому васовергу. — И поддержи воровку.

Стрекоза опять отвлеклась от Кейела и вскинула брови. Бесстрашно оглянулась на поднимающегося Архага, фыркнула насмешливо и пожала плечами. Видимо, ее разобрало любопытство, как далеко я зайду.

— Я много раз видела таких существ, как ты, Асфи, — елеинно заговорила она. — Ты не сделаешь ничего такого, чего не сможешь потом себе простить.

Это была моя вечная ошибка... Пора исправлять ее.

Архаг подошел к девице, и я одобрительно кивнула ему. Темноволосый васоверг легко и осторожно взял худые локти и завел их ей за спину. Она не сопротивлялась, лишь поморщилась, обозначая, что мужские прикосновения ей неприятны.

— Ты веришь, что если он изнасилует меня на глазах у всех, я буду разбита и стану послушной?

Я удивилась ее вопросу. Надо же...

Подошла к ней вплотную и немного приподняла голову, чтобы видеть зеленые, как свежая трава, глаза. Ответила предельно честно:

— У меня не настолько испорчена фантазия.

Она недоверчиво нахмурилась.

— Архаг, держи ее крепче. И подойди ближе к костру. Тут лучше видно. Не хочу случайно убить ее. Потом придется тратить время на поиски нового союзника.

— Что ты собралась делать? — наконец-то, мелодичный голос прозвучал с опаской.

— Я просила тебя по-хорошему, — напомнила я, стягивая с худых плеч девушки куртку. — Быть может, я добрая, но у меня есть терпение. На тебе оно закончилось.

Острое лезвие легко разрезало тесемки рубашки, беззвучно распорол ткань. Грудная клетка эльфийки застыла на миг, а затем заходила в частом дыхании.

— Что ты делаешь, человечка? — в какой-то необычной тишине, когда не слышалось ни шороха, спросила Стрекоза.

— Выбираю место на твоем теле, где буду срезать кожу. Лоскут за лоскутом, — призналась я, отводя угол рубашки от ключицы. Ткань пришлось еще немного подрезать, чтобы она не мешала. — Я никогда этого не делала, но постараюсь быть предельно аккуратной. Ты права, незачем впутывать духов в то, в чем я могу разобраться собственноручно.

Одновременно с последними словами я быстро поднесла клинок к ключице и надавила. Острое лезвие легко проткнуло нежную кожу.

Эльфийка дернулась, и я быстро отступила.

— Держи ее крепче! — приказала Архагу.

По его виду создавалось впечатление, что он до сих пор не понимает, что происходит. Но надо отдать ему должное, он, как я и предполагала, лучше всех готов беспрекословно подчиняться.

Я попыталась снова подступить к воровке, но она дергалась, ругалась и пиналась. Возле костра мелькнула огромная тень, взметнула искры над костром, промчавшись прямо сквозь него. А уже через миг с другой стороны раздался громкий стук. Я обернулась: Дарок возвышался на поляне и смотрел на лежащего под деревом темноволосого шан'ниэрда. Друг Стрекозы, видимо, пытавшийся помешать мне, лежал без сознания или мертвый. Почему-то это не вызывало во мне абсолютно ничего, кроме благодарности к будущему вождю.

Следом за Дароком мне на помощь подоспел и Норкор. Поймав ноги Стрекозы, он крепко сжал их и уселся на коленях.

— Не трогай меня! — надрывая голос, вопила воровка. — Не трогай меня!

Я вспомнила о своей просьбе, которую она проигнорировала. И теперь уже беспрепятственно подошла к ней.

Она смеялась мне в лицо. Угрожала ему и смеялась мне в лицо.

Ненависть вспыхнула к ней, к васовергам, ко всем, кто проявлял непонятную, глупую агрессию. Именно их непослушание вынуждает меня действовать настолько жестоко. Будь они покладистыми, наши отношения сложились бы иначе. Теперь же другого пути не осталось.

Схватиться пальцами за надрезанную кожу оказалось непросто. Эльфийка, продолжая ругаться, дергалась. Но в итоге мне все равно удалось. С первым же нажатием клинка на плоть, слова ругательства переросли в один оглушительный крик. Я поморщилась.

Но не остановилась.

В душе образовался небывалый штиль. А в голове звучало лишь обращение к постоянной свидетельнице. «Смотри, раз тебе так нравятся чужие страдания. Наслаждайся»

Она касалась поляны холодным светом, проникала под одежду, но не могла вытеснить из меня внутренний жар. Я стискивала челюсть до зубного скрежета. Рот наполнился слюной с привкусом железа. Аромат крови забился в нос. И я вспоминала Ледяную пустошь и единственную кружку с густой, свежей кровью, которую мы передавали из рук в руки. Мы выживали.

Необходимость двигала мною и сейчас, вытесняя малейшую слабость и гася еще при зарождении мысли о том, что надо быть добрее, что можно и отступить. Ведь может быть насилия уже достаточно.

Нельзя. Пока я слышу лишь неразборчивые крики, всего этого наказания недостаточно.

На молочной, идеальной коже эльфийки, под самой ключицей образовалось кровавое пятно размером в мою ладонь. Кровь выступала из неровных надрезов и красных волокон мяса. Стрекоза захлебывалась криком, но я до сих пор не слышала от нее ничего, что могло убедить меня в том, что она больше не вздумает пойти против меня.

Покажи же мне хоть какое-то раскаяние!

Жилка в тонкой шее билась так, что, казалось, может пробить горло изнутри. Зеленые глаза выпучились и закатывались, а белки залились кровью. Я посмотрела на багровую рубашку, на кусок плоти, оставшийся без кожи, и приняла решение, что тут не стоит ничего больше трогать. Все-таки эльфийка нужна мне живой. Если, конечно, ее друг выжил... В ином случае наверняка замену придется искать обоим.

Стрекоза больше не дергалась. Сползла в крепких объятиях непоколебимого Архага, дышала с хрипами, сипами и бормотала что-то неразборчивое. Вся она блестела от пота, а по бескровным щекам текли слезы. Я налегла коленом на спину Норкора и легко достала длинное ухо.

— Не надо, — вдруг отчетливо произнесла девица.

— Да, думаю, что оно тебе не надо, — согласилась я с ней, осторожно отводя его и поднося к нему лезвие. — В походе ты справишься и с одним.

Хрящик заскрежетал точно так же, как при разделке они хрустят у любых животных.

— Не надо! — громче взмолилась эльфийка и с новой силой завертела головой. Кинжал с хрустом вошел глубже. — Я сделаю все, что ты хочешь, но не надо! Пожалуйста, Асфи! Духами клянусь, я сделаю все, что ты хочешь!

Перед моим лицом вспыхнуло многоцветье принятой клятвы. От неожиданности я вскинула брови. И сразу крикнула:

— Не дергайся!

Стрекоза поняла приказ иначе и взвыла не своим голосом. Пришлось повторить громче:

— Не дергайся! Дай мне вытащить кинжал!

Она застыла не сразу, но застыла. Вся тряслась, вынуждая стискивать зубы и действовать аккуратнее, что замедляло процесс. Когда я справилась, склонилась к растрепанной эльфийке и поинтересовалась:

— А что ты скажешь мне о человеке, неверующем в справедливость духов?

— Я не трону его! — стуча зубами заверила она. — Не трону никого, кто тебе важен! Клянусь духами, Асфи, я не пойду против твоей воли!

Духи сложились между нами в очередной символ, принимая новую клятву.

— Отпустите ее.

Норкор отпрянул первым, поднося поочередно руки к носу. Поморщился и принялся ожесточенно вытирать их о мох под собой. Архаг отпихнул от себя девицу, брезгливо морщась. Она не устояла на ногах и мешком повалилась на землю. Ее штаны были мокрыми.

Сквозь несмолкающую ругань Норкора я услышала тихие уговоры Елрех. Она сидела над шан'ниэрдом и трясла его за плечо. Сразу за мной находился Гахсод. Как оказалось, он заступал путь Кейелу и Роми. Мелькнула глупая мысль, что они пытались остановить меня. Но я мигом отмела ее. Еще не настолько я сошла с ума, чтобы поверить, что они заступятся за ту, кто угрожал Кейелу расправой.

Что-то мешало шевелить пальцем свободно, и я посмотрела на него. Лоскут чужой кожи прилип к нему. Я трянула рукой, но из-за густого слоя крови, он даже не пошевелился. Пришлось пачкать и руку, в которой был зажат кинжал. Я поморщилась. Нужно снова идти к озеру и отмываться.

Раздался слабый голос дружка Стрекозы:

— Тиэлин. — Он приподнялся на локтях. На его шее темнели синяки. Глаза расширились по мере того, как он разглядывал эльфийку, лежащую на боку, дрожащую и беззвучно плачущую. Длинное ухо держалось на месте, но именно оттуда ручьем текла кровь по виску на лицо. Заливала глаза, белка в которых нельзя было разглядеть. — Тиэлин!

Тиэлин...

Я повторила это имя про себя, и оно напомнило мне другое. Тиналь.

Что-то резко изменилось в моем настроении. Вновь подорвалась уверенность, вспыхнула злость, но не к эльфийке. Я не смогла разобраться, что конкретно меня злит. Отступила, хмурясь и рассматривая молчаливых существ. Они все чего-то ждали, глядя на меня. Чего?

Единственные, кто был занят не мной — Елрех, уже копошащаяся в сумках, Стрекоза, не видящая никого вокруг, и шан'ниэрд. Он, продолжая говорить на мелодичном языке, быстро пополз к возлюбленной. Приподнял ее с земли и прижал к себе спиной, опасаясь трогать рану под ключицей. На меня он не смотрел. Но я помнила... Помнила его ярость, его способность убивать.

Я растерла большим пальцем на ладони кровь, густеющую с каждой секундой, и услышала собственный голос в голове: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста»... Пережитое унижение и страх в прошлом теперь вызвали недоумение и отвращение. Вот этот шан'ниэрд, перед которым я опускала на колени, теперь сам ползает на четвереньках и рыдает. Кого я боялась?

Не понимая, что хотят мужчины, пронизывающие меня различными взглядами, я развернулась и ушла. С ними и их ожиданиями разберусь позже.

Возле берега пахло тинной сыростью и свежестью. Прохлада остудила лицо. Озеро серебрилось и мерцало мелкой рябью. Звезды тонули в нем. Близость воды успокаивала. Я прошла по бревну чуть дальше от берега и присела на корточки. Быстро смыла кровь с рук и решила умыться. С первой пригоршней воды, накатило наслаждение, но оно легко прерывалось обдумыванием завтрашнего пути. Подвернувшейся ситуацией хотелось воспользоваться максимально эффективно, поэтому решение по реорганизации нашей компании нужно было принять в ближайшее время.

Желудок заурчал, напоминая, что я еще не ужинала. Да и не спала толком. И все это раздражало и подгоняло быстрее все обдумать.

Потянувшись за следующей пригоршней воды, я замерла. В темной глади озера отражалась я, но другая. Луна посеребрила волосы, а рябь исказила черты лица, делая меня какой-то напуганной и нерешительной. Я вдруг вспомнила, что когда я действительно была такой, и именно это все в основном и привело к тому, что сегодня у меня не осталось ничего. Улыбка растянулась сама по себе, захотелось посмеяться над собой. Я склонилась ниже к отражению и, желая сбросить хоть немного злости в воздух, с ненавистью прошептала:

— Ты все уничтожила.

На берегу раздался хруст. Я мигом встала и всмотрелась в темноту. Кое-как вытертый кинжал покоился в ножнах, но я не собиралась в ближайшее время пользоваться им. При настоящей опасности лучше призвать Ксанджей, а показательных порок на сегодня больше не планировалось.

Вскоре на тропинку вышел Кейел. Белая рубаха отсвечивала серебром, знакомая походка была резкой, даже несколько неуклюжей. Что еще случилось? Я ведь только отошла...

Перепрыгнув с бревна на берег, я спросила:

— Все хорошо?

— Хорошо? — тихо переспросил Кейел и замолчал.

Луна осветила изумленное лицо, но очень скоро изумление исказилось гневом.

— Зачем ты это сделала?

Я нахмурилась, чувствуя охватившую меня растерянность.

— Что сделала?

— Это! — прошипел, кивнув в сторону лагеря. Волосы выбились из-за ушей, и он быстрым жестом заправил их обратно.

Я молчала, глядя на него, и не зная, что отвечать. Было столько причин, и все они были такими очевидными и логичными. Разве он сам этого не понимает?

Кажется, он не выдержал моего молчания. Указал в сторону лагеря и выплюнул:

— Ты изувечила ее! Мучила ее! Ты...

— Остепенила ее, — подсказала я.

Он резко замер. Даже дышать перестал. Я смотрела ему в глаза и отчетливо видела непонимание.

Почему?

Я не ошиблась! Не сейчас! Сейчас я не ошиблась!

Глубоко вдохнула и попыталась донести до него простую истину:

— Кейел, она угрожала тебе. Мне нужно было как-то повлиять...

— Поговори с ней! — перебил он. — Тебе нужно было просто поговорить с ней!

Как он себе это представляет? В который раз мне нужно было предупреждать ее, если она не поняла ни одного предупреждения? Кажется, он и сам понимал, что говорит глупость, иначе почему схватился за голову?

— Чудовище, — едва слышно произнес он, и я застыла с едва зародившейся улыбкой на лице. — Какое же она чудовище.

О ком он говорит? Я потеряла лоб, стараясь разобраться, но единственная связь, которая возникала, никак не укладывалась в голове. Я защищала его, защищала себя, защищала всех нас от агрессии разбойницы... Может, он все же называет чудовищем Стрекозу? Это было бы логично, если бы только он не пришел с претензиями ко мне.

Смешок слетел с губ прежде, чем я успела накрыть их ладонью. И Кейел услышал. Он стоял в полутора метрах от меня и разглядывал одновременно с жалостью и неверием.

— Прав был Роми, — громче сказал он. — Ты не для семьи. Ты даже не для любви!

Махнул на меня рукой, будто показывал кому-то невидимому, а я пыталась справиться с шоком. Меня будто ледяной водой окатили. Что? Как это — не для семьи?

— Там, со Стрекозой, ты показала себя! Теперь мне ясно, почему зверь любил тебя! Ты такое же кровожадное животное, какими являются все Вольные.

Я прислонила кулак к губам, и втянула воздух сквозь зубы. Как это — я не для семьи? Вольный — животное?

Оба вопроса вызвали очередной порыв смеха, и я с силой прикусила нижнюю губу, чтобы удержать его. Но вот от улыбки избавиться не могла. Я шагнула к Кейелу и посмотрела в его искаженные отвращением глаза. Посмотрев на меня ближе, он скривился и отступил. Я все-таки тихо рассмеялась, прокручивая раз за разом в голове все его безумные претензии и не могла никак найти им объяснения.

И особенно занозой глубоко застряло высказывание о том, что я не для семьи. Тогда для чего? Как это один для нее подходит, а второй — нет? Кто это определяет? Ромиар?

Это недоразумение удерживало смешливое настроение и улыбку на лице всю короткую дорогу, расплывающуюся и шатающуюся перед глазами, до самого лагеря. Я бесшумно вышла под освещение костра, и слух уловил изменения. Отвлеклась от мыслей, чтобы понять, что именно изменилось. И это удалось мне легко. Все замолчали.

Все обсуждения прекратились вестись даже шепотом. Васоверги усердно высматривали что-то в своем куске мяса. Только Дарок в открытую смотрел на меня, но в его взгляде не было ничего необычного. Может, лишь немного восхищения. Я прошла к бревну, смахнула с него возможный мусор и уселась. Глянула в сторону Стрекозы, и она, хоть и не смотрела на меня, вздрогнула и крепче сжала одной рукой кончики пальцев второй руки.

— Не дергайся, несчастная эльфийка, — негромко попросила Елрех, сидя перед ней и обрабатывая чем-то рану на груди. — Потерпи немного, и боль спадет, а потом займемся твоим ухом. Оно у тебя миглом прирастет, вот увидишь...

Дружок Стрекозы сидел рядом с ней и затравлено смотрел на меня исподлобья. Когда я улыбнулась ему, он покорно опустил глаза в землю.

И чем Кейел недоволен? Наконец-то наступившим порядком? Перед сном я стребую с этих двоих еще парочку клятв, и они никогда не смогут навредить ни мне, ни Кейелу, ни Роми, ни Елрех. Разве это плохо?

Я столкнулась взглядом с желтыми глазами Роми. Он тоже отчего-то смотрел на меня осуждающе. Еще один праведник...

Под ложечкой засосало, и это не было каким-то неприятным чувством. Забытая всеми косуля хорошенько подгорела, но аппетит проснулся такой, что запах, пусть и с гарью, кружил голову.

— Подайте мне кусок, — попросила я васовергов, к кому ужин был ближе.

Архаг с Норкором спохватились одновременно, будто от того, как быстро они исполнят мою просьбу, зависела жизнь каждого. Норкор не успел дотянуться до мяса, как Архаг ударил его по рукам и что-то прокаркал на васовергском языке. Норкор уставился на свои руки, потом понюхал их повторно, но и Архаг не стал пачкать мясо своими руками — им на помощь подоспел Гахсод. Пока он выбирал мне кусок, проверяя ножом черную корочку, к костру пришел Кейел. Не глядя ни на кого, он сразу улегся на лежанку из еловых веток и повернулся к нам всем спиной.

Гахсод подал мне, наверное, лучший кусок, и я сразу же откусила от него. Несмотря на аппетит, вкус исчез, все казалось пресным. Как и сегодняшняя победа... Судя по поведению окружающих, я добилась послушания, но одновременно с тем будто отдалилась ото всех. Ни на шаг, ни на километр, а как-то иначе. И снова звучали слова, въедающиеся глубоко в память: «Ты не для семьи»

Это правда, Кейел?

Во тьме, за языками пламени, прямо за плечом Дарока, сидел он. Бесшумный, ни для кого, кроме меня, невидимый. В этот раз улыбчивый и, судя по взгляду, гордый мной. Вольный, улыбнувшись шире, покачал головой, словно просил меня не брать в голову чужую бестолковость. И я улыбнулась ему.

— Нравится? — по-своему растолковал улыбку Дарок.

— Вкусно, — слукавила я.

Другой Кейел, тот которого я не могла понять, резко натянул на себя одеяло и снова замер.

Глава 23. Огонь и вода

Кейел

Я не мог уснуть. Стоило только закрыть глаза, и, словно наяву, передо мной возникали Асфи, Архаг и Стрекоза. И крики. Крики въелись в память и продолжали звучать отовсюду еще долго. Слышались во всем: в скрипе деревьев, в бляении тамаргов, даже в слабом ветерке, добирающемся в этот глухой лес.

Асфи стояла посреди поляны, освещенная огнем, и словно сливалась с ним. Будто выходила из него. Ее руки и кинжал — орудие пытки — были измазаны кровью. Я видел ее лицо и не узнавал — бездушное.

Когда сон охватывал сильнее, вместо Стрекозы я видел себя. Со стороны наблюдал, как Асфи, не мешкая, наказывает меня. И тогда мои крики — давние, детские — звучали в ушах.

Выходит, она ничем не лучше остальных.

Я открывал глаза — и все растворялось в лунном свете.

Смотреть на темноту тоже приходилось с осторожностью. И она пробуждала память о недавно увиденном. Но хуже всего дела обстояли с голосом Асфи.

Допоздна она сидела за костром, ждала, когда Елрех отпустит бедную эльфийку. Негромко переговаривалась с Дароком так беспечно, будто ничего не случилось. А затем требовала отвратительные клятвы и с Лиара, и со Стрекозы. Ими она буквально пленила этих двоих, лишая их малейшей свободы и, наверняка, превращаясь для эльфийки в жадных дядю с тетей в одном лице.

Удивило и насторожило ее решение опять разделиться. Она отправляла Стрекозу, Лиара и троих васовергов в регион Хищного хребта. Долго рассказывала, где найти озеро и на его дне ларец со вторым ключом.

Удивились таким переменам в планах все, но поинтересовался об этом только Дарок. Возможно, потому, что Асфи оставляла с нами Гахсода, а не его. В любом случае ответа ни он, ни остальные не получили.

— Так нужно, — строго заявила Асфи и вернулась к беседе со Стрекозой, требуя от нее повторить все услышанное.

Все то время, что она говорила, я вспоминал ее другой девушкой — решительной, но нежной; плачущей, но бойкой; веселой, но всегда готовой к трудностям. Она нравилась мне такой все больше и больше. И тут... Было невыносимо горько видеть все то, что она творила своими руками, без чьей-либо укаски. Я пытался найти причины для всей этой жестокости, но никак не мог. Неужели не было другого пути примирения? Мы бы с ней смогли. Смогли бы склонить всех к дружелюбию со временем, с помощью внешних обстоятельств, каких-то наглядных жизненных примеров. Мы с ней многое смогли бы. А так... Так все превратилось в ощущение, будто это она держала розги в ту дальнюю Луну, и я был привязан к столбам перед ней. Именно она своими руками раздирала мне спину до крови, до мяса. Исполосовывала веру в добрых существ. Именно она заставила меня — меня, а не Стрекозу! — понести наказание через страдание и позор.

Неужели со мной не было возможности договориться? Неужели нельзя доказать свою правоту, не прибегая к жестокости?

Я убежден, что правду можно доказать одними лишь словами.

Над лесом занималась заря, а я так и не смог уснуть. Лежал на спине, заложив руку под голову, и смотрел на серое небо, подернутое розоватой дымкой. Макушки деревьев чернели, пятная его, а блеклые звезды мерцали, исчезая, но до последнего украшая.

Все в лагере спали, уставшие после трудного спуска с черных гор. Заснула даже Стрекоза, наверняка измученная и страхом, и болью. Норкор, оставленный следить за лагерем, и тот сидел на бревне, выронив свою плетъ из рук и свесив голову на грудь. Иногда он похрапывал слишком громко и будил сам себя, после чего вздрагивал, хмурился и спешно оглядывался. Не видя никаких лазутчиков и врагов поблизости, засыпал снова.

Я сдвинул руку, нащупал мох. Влажный от первой взвеси будущей росы, мягкий и живой. Захотелось остаться тут. Просто остаться вдаль от разумных существ, от которых постоянно приходится ждать удара.

Через мгновение поддался душевному порыву и тихо поднялся. Думал уйти, не оглядываясь. Особенно хотелось уйти, не глядя на Асфи и не вспоминая о ней.

Не смог.

Проходя мимо костра, обернулся. Отыскал взглядом и не поверил глазам. Нежная, беззащитная, маленькая.

Я бесшумно подкрался к ней, присел на корточках. Заметил две морщинки на лбу. Они создавали впечатление, что Асфи хмурится даже во сне. Она дышала размеренно, спокойно. Веки дергались, ресницы дрожали, а кулаки то сильнее стискивали одеяло у груди, то расслаблялись.

Испытывая необъяснимое желание разбудить девушку, порадовать чем-то, лишь напомнил себе, какой она была совсем недавно. Однако ярость утратила силу и приобрела тягучий оттенок горечи. Так было и с родителями, когда они, потеряв не рожденное дитя, снова забрали меня к себе от знахарки.

На просторном берегу озера света было больше. Небо из лилово-серых оттенков резко становилось белесым. От воды веяло свежестью, приятным холодком и бодростью. Туман уже таял у берегов, лишь призрачная дымка вздымалась ближе к центру. Ничего, кроме легкого, едва ощутимого кожей ветерка не трогало темную гладь. Я присел у берега, не решаясь умыться. Боялся первым нарушить спокойствие, опасался, что вслед за моим первым действием вновь последует череда разрушений. Поэтому ждал, когда природа очнется, когда рядом загомосит первая пичуга. Они пели, но пели где-то за тем берегом, где уже разгоралось небо.

Солнце рождалось медленно, и глаза успевали привыкнуть к сиянию его пламени. Однако с каждым его крохотным шагом, они болели все сильнее и сильнее. Болели до слез.

Я смотрел. Смотрел и не понимал своей любви к рассвету. Раньше я считал его рождением чего-то важного, считал, что с каждым рассветом наступает новая пора для жизни. Теперь же мне казалось, что из этого яркого огня проступает знакомый девичий силуэт.

Чем выше поднималось Солнце, чем ярче сиял рассвет, тем больше он проникал в озеро, которое я по ошибке успел полюбить. В воде любой огонь должен гаснуть, но сейчас он лишь засиял ярче, заполнил собой все вокруг. Огонь на небе и огонь в отражении. Он с новой силой разжег во мне недавнюю боль, словно от предательства. Словно он и Асфи предали меня.

Асфи

Утро начиналось с огорчений и очередных волнений. Мало того, что я не выспалась и вставала на чистом упрямстве, так и остальные старались пролежать под одеялами как можно дольше. Лишь Стрекоза вскочила по первому же моему требованию, а за ней подорвался и Лиар, с опаской поглядывая на меня. А вот Ромиар, на которого я — доверчивая идиотка — возлагала огромные надежды в нашем походе, валялся с потеряннным видом до последнего момента, пока я не выдержала и не обратилась к нему самолично.

Больше всего беспокойства, конечно же, доставило отсутствие Кейела. Норкор, по идее, карауливший покой и безопасность лагеря, каким-то чудом проспал исчезновение человека. И я разрывалась между желанием, как девочка, броситься искать непутевого соратника или спокойно дождаться его возвращения, как поступил бы любой адекватный взрослый. Наверное, поступил бы...

Тайно я ждала, что поиском Кейела озаботится кто-нибудь другой и тем самым разрешит мою дилемму. С одной стороны, я в ответе за каждого в этой группе, с другой — сомневаюсь, что организовала бы оперативные поиски Дарока, не обнаружив того на месте поутру. Но Ромиар выглядел совсем потеряннным, а Елрех сходу занялась готовкой завтрака. Остальным и дела не было до исчезновения одного из нас.

К счастью, очень скоро я наткнулась на Кейела у озера, где он сидел без движения и неотрывно смотрел в воду. Стоило ему только услышать мои шаги, увидеть меня, как он подорвался, нахмурился и ушел к лагерю. Молча. Без единого слова приветствия или проклятия.

Но хуже стало из-за собственной реакции на его обиду. Я глянула на озеро с глупой мыслью: «Ему станет легче, если я утоплюсь?»

За завтраком я вновь штудировала со второй группой их путь и задачи. Разойтись необходимо было до обеда. Лучик надежды на небольшую передышку в непростой жизни трепетал и подгонял. Вот только надежда жила ровно до нашего отхода.

Вторая группа оставалась коротать еще одну ночь на этой поляне, а мы собрали свои вещи и определились с направлением. В этот же момент вместо Гахсода поднялся Дарок. Коротко распорядился о том, чтобы Гахсоду подчинялись, и последовал за нами. Я молча приняла его очередное самоуправство, не желая показывать, как в действительности сильно раздосадована.

Дальнейший путь лежал к священному кольцу в регионе Больших мостов, а оттуда — в регион Ночной смерти. Я не видела никаких проблем в том, чтобы мы управились впятером. А достать сундучок со дна озера в Хищном хребте — и вовсе плевое дело, с которым вторая пятерка должна справиться. Благо, я уверена, что друг друга они не поубивают. Теперь уже точно. Все-таки у Гахсода нрав спокойнее, чем у Дарока. Но если бы Дарок вдруг избавился от Стрекозы и Лиара, то у меня был бы предлог не тащить остальных васовергов в сокровищницу. Чего уж юлить, такая рокировка сил была даже привлекательнее, потому что теперь убийство Тинаэль собственными руками в сокровищнице вдруг виделось гораздо сложнее, чем раньше.

Надо же... Тинаэль. Наверное, имя напоминает ей о покойных родителях. Или о бессердечных родственничках, на чьем попечении она, к несчастью, осталась.

Сырость и влага в густом лесу давила со всех сторон, мешала вдохнуть полной грудью и вызывала противную испарину по всему телу. Я шла немного впереди, хотя была уверена, что выбираю направление не лучше той же Елрех или Кейела. Тем не менее даже Дарок отстранился и шел позади. Иногда мне для спокойствия хватало хруста веток и негромких голосов за спиной, но чаще все равно приходилось оглядываться, считать каждого. Всего пятеро... Уследить за таким количеством существ в лесистой местности гораздо проще, да и руководить, как я надеялась, тоже.

На небольшой и такой редкой для этого леса прогалине меня догнала Елрех. Она улыбалась радушно, разглядывая залитый и прогретый солнцем участок.

— Хочешь сделать привал? — предположила я, снимая с плеча налипшую паутину.

— Зачем? — склонив голову набок, поинтересовалась Елрех. — Мы не так давно вышли в путь, и я уверена, что мужчины не успели проголодаться. Да и сколько нам еще идти? Три-четыре шага Солнца, и все равно придется искать место под лагерь.

— Найдем его засветло.

Она изумленно взглянула на меня. В серых глазах отражалось солнце, и они сияли теплом сильнее обычного.

— Ты не злишься на меня? — осторожно спросила я.

— С чего вдруг мне злиться на тебя?

Я повела плечами. Сумка сползла и чуть прищемила кожу. Да, именно так щемило у меня на душе все то время, пока я пыталась уснуть этой ночью. Мне никак не удавалось смириться с тем, что правильные действия отдалили меня от тех, в чьей близости я как раз нуждалась.

— Да так... — отмахнулась я. — Показалось.

Елрех хмыкнула и продолжила затронутую тему:

— Этой Луной ты проявила жесткость, строгая человечка.

— Жесткость? — Я вскинула брови. — Не жестокость?

Она покачала головой, амулеты, вплетенные в густые волосы, застучали по-летнему приятно: деревяшки ударились друг о друга глухо, привязанные костяшки — звонко. Почти музыка ветров. Удивительно, когда возникала необходимость, от Елрех не исходило ни звука.

— Я не могу говорить за всех, сильная Асфи, — останавливаясь перед оврагом, произнесла Елрех, — но я не осуждаю твой поступок.

Мы постояли на краю, посмотрели на крутой склон, заросший крапивой и лопухами, а затем, не сговариваясь, пошли вдоль. Я мысленно отметила легкое недовольство, что приходится задерживаться, разыскивая обходной путь, но в душе порадовалась, что могу поговорить с Елрех чуть дольше.

— Мне показалось, что на меня разозлился даже Роми, — с невероятным облегчением поделилась я.

— Он разозлился, потому что ты не подумала о Кейеле.

— Что? — Я усмехнулась с горечью.

— Я знаю, что ты заступалась за него, — с сочувствием сказала Елрех. Даже дотянулась до моего плеча и легонько сжала его. — Наверное, ты перепугалась за него сильнее, чем он за себя. Но, упрямая Асфи, разве не понимаешь, как ему трудно наблюдать за истязаниями, когда он на себе испытывал подобное?

Я споткнулась о густую поросль травы и едва не упала. Ухватившись за подставленную руку Елрех, устояла. Взглянула на нее, сведя брови на переносице, и приоткрыла рот. Целых несколько секунд не знала, что сказать. Конечно, я помнила об этом горьком детстве Кейела. Да и том... Ему досталось в обеих жизнях. Я помнила о нем все, что знала, но при этом мне и в голову не приходило сравнивать его и Стрекозу.

— У меня не было выбора, — тихо выговорила я слова, которые дались с трудом. Вдохнула глубоко, теряясь из-за них сильнее, и теперь намеренно взяла подругу за руку. — Елрех, она бы не остановилась. А следом за ним, они бы добрались и до Роми, и до тебя. Как бы я потом на них всех повлияла? Что бы я потом делала, если бы они...

— Я понимаю, мудрая Асфи, понимаю, — перебила она меня, стискивая мою ладонь в ответ. — Тебе нелегко с нами. Отсюда и жесткость, и резкость. Тебе не следует беспокоиться, что за это я буду тебя осуждать. Я буду помогать тебе, чем смогу, пока ты мне не запрещаешь. Строй порядок как тебе нравится, а я буду залечивать последствия.

Мне хотелось плескаться в той искренности, которую выражали ее глаза, бесконечно долго. Она говорит это всерьез. Говорит, что готова поддерживать даже такие мои меры.

— Вроде пришивания ушей эльфийкам? — с улыбкой полюбопытствовала я, с чувством неловкости отпуская ее руку и отступая.

— Вроде того. — Она шагнула за мной следом и на ходу сорвала ярко-красную травинку незнакомого мне растения.

— Знаешь, Елрех, ты и в той жизни была такой же. Вечно, как ни гляну, а ты шла с ним рядом. Вы всегда о чем-то беседовали, каким бы жестоким он ни был накануне, что бы он ни сотворил. И, наверное, ты была единственной, кого он упоминал с улыбкой и... любовью. Да, пожалуй, он даже не думал или, вероятнее всего, не знал, что любит тебя.

— Любит? Ты говоришь о своем Вольном? И без ревности?

Я кивнула и улыбнулась шире.

— Я люблю тебя той же любовью. А теперь еще и знаю, что вы могли обсуждать. — Прищурилась, прислушиваясь к себе, и добавила: — И почему после разговоров с тобой ему становилось легче.

Она задумалась, почесывая коготком висок. Вскоре украдкой оглянулась и перевела тему:

— Почему ты не настояла на том, чтобы с нами отправлялся вежливый Гахсод?

Я немного помедлила с ответом, пытаюсь разобраться в природе ее интереса. В итоге спросила:

— Ты догадалась, почему я хотела, чтобы с нами шел именно он?

— Потому что тебе надоел настырный Дарок?

От ее предположения я прыснула в кулак. Тихо отсмеялась и ответила:

— Если бы я избавлялась ото всех, кто мне надоел, со мной в сокровищницу отправилась бы только ты. Нет, Елрех. Гахсод — правая рука Дарока. Что-то вроде самого доверенного исполнителя. Норкор и Архаг уже готовы подчиниться мне, но не Гахсод. Он проявляет уважение. Всего лишь.

— Чего же ты хочешь от него?

— Уже ничего. Но я планировала ему понравиться.

— Как девушка? — Серые глаза округлились, а через миг легкий ветерок прикрыл их белоснежными прядями.

— Нет! Конечно же, нет. Думала, что завоюю его доверие, подружусь. Тогда была бы вероятность, что в случае очередной дележки власти между мной и Дароком, Гахсод отказался бы принимать чью-либо сторону.

Морщинки залегли между белыми бровями. Елрех откинула волосы за спину и совершенно точно озвучила вывод:

— Тогда это было бы поражением Дарока. Мы и так поддерживаем тебя, Стрекозу этой Луной ты связала клятвами. Остались только васоверги, которые идут за своим вождем.

— Именно.

— Думаешь, что Дарок догадался о твоих намерениях?

— Не знаю. Не все ли равно? Не получилось подмять под себя всех, значит, будут довольствоваться маленьким преимуществом в количестве. На моей стороне все равно большинство. Если это принесет порядок в наши ряды, этого будет уже достаточно.

Овраг закончился, земля выровнялась, даже кочки уменьшились и встречались реже. Лес тоже поредел. Все вокруг стало напоминать заброшенный давным-давно сад. Тут и яблони встречались, и груши, и даже черешня росла, но, к сожалению, без ягодок на ветках. Темно-зеленый пружинистый мох сменился сочной, сладко пахнущей травой. Мы с Елрех беседовали всю дорогу. Впервые за многие дни я отвлеклась на болтовню о погоде, травах, даже просто погрузилась в спор о готовке каши. Только заметив блеск реки между деревьями, я поняла, что, несмотря на все душевные тяготы, налегке прошла путь от оврага.

Остановившись в метрах пятнадцати от берега, объявила привал и обрадовалась, как я считала, всех, что ляжем пораньше, а завтра будем спать до тех пор, пока ото сна не разболится голова. Но Елрех была единственной, кто улыбался, слушая мои планы. Кейел на меня даже не смотрел, Роми сверлил тупым взглядом, будто ему было все равно, с ним разговариваю я или дерево. Он же и ушел с Кейелом, как только тот ухватился за топорик и позвал рогатого нелюдя с собой. Благодарностей я не дождалась. И в течении нескольких секунд разбрелись почти все. Остался только Дарок, снимающий с себя куртку. Васоверги всегда старались охотиться полуголыми, видимо, жалея вещи.

Зная, что Елрех отправилась к берегу за водой, я решила вытащить остатки круп и подготовить все к готовке раннего ужина. Я присела возле сумок, но не успела даже сообразить, в какую мы переложили съестные припасы, как за спиной раздался голос Дарока.

— Асфи, нам бы поговорить.

— Конечно, — с тяжелым вздохом, но наигранно легко отозвалась я, бросая поиски и вставая в полный рост. Дарок стоял совсем рядом, зацепив пальцы за кожаный пояс. — Что ты хочешь обсудить?

Он скрестил руки на обнаженной груди, выше поднял голову, улыбнулся и предельно кратко заявил:

— Нас с тобой.

Ну, конечно... Я развела руками и с полуулыбкой поджала губы, молча приглашая к разговору. Но он говорить не спешил. Приблизился в два шага, и мне пришлось поднять голову, чтобы видеть его лицо. Удерживать эмоции дружелюбия стало труднее, а чтобы как-то отгородить себя от васоверга, я тоже скрестила руки на груди. От него несло потом, а темная кожа была покрыта крохотными капельками.

— Ты сильная женщина, Асфи. Настоящий воин! — вдохновенно произнес Дарок и даже руками взмахнул, а затем быстро зацепился пальцами за пояс и огорченно, словно недовольный отец, добавил: — И мне не нравится, как ты рискуешь собой.

— Я это заметила, — не мешкая, ответила я.

— Правда?

К чему все это? Выглядит как ужасная пьеса в театре.

— Извини, Дарок, у нас еще полно времени, но, может, все же перейдем ближе к делу?

Он улыбнулся шире, но из этой улыбки хотя бы исчезла напускная патетичность, которая сильно ему не шла.

— И ты разумная, — продолжил зачем-то расхваливать меня. — Поэтому, Асфи, я хочу, чтобы ты родила мне сыновей.

Я присмотрелась к нему внимательнее. Вытянула губы, медленно выдыхая и опять прокручивая в голове его слова.

Сыновей. Родила. Кому? Ему?

Прокрутила еще раз. Сыновей? Каких сыновей?

И еще раз... Сыновья. Васоверги? И я.

Какие роды?

Чего он хочет?!

— Родила? — растерянно спросила я.

— Понимаю. — В серых глазах, сидевших глубоко под густыми белесыми бровями, промелькнула жалость. Сочувствие? — Роды изматывают женщин, но человечки почти так же выносливы в этом деле, как и шан'ниэрдки.

— Мм, — протянула тихо. — То есть ты хочешь, чтобы я просто взяла и родила?

— Да, мне нужны сильные и верные воины.

Чужая рука легла на плечо горячим камнем, и колени едва ли не подогнулись под этой тяжестью. Я покосилась на мужскую нечеловеческую руку, затем снова всмотрелась в нечеловеческие глаза. Серые. Почти такие же серые, как и у Елрех, но оттенок темнее. Под светом солнца они становились ярче и блестели. В темных зрачках отражалась я. Низкая, какая-то слишком маленькая... Я глядела вверх, но видела себя внизу.

Верные и сильные воины... Воины?

— А-а, — постепенно приходя в себя, наконец, протянула я, — ты хочешь вырастить воинов из собственных сыновей? Но как же отдельное воспитание в этой... — Почесала висок, потерла переносицу и призналась: — Все время забываю название.

— Кандар'рхор.

— Да, да! Именно.

— Извини, им придется прожить в нем. Без жизни там они не станут достаточно сильными воинами.

Я прикрыла глаза и вдохнула глубже.

— Жаль.

— Ты слишком жалостлива. Не стоит беспокоиться о васовергах, даже если они твои сыновья. Если кто-то умирает в кандар'рхоре, значит, он бы не прожил долго и после него.

Ни о каких родах я не думала и думать не хотела. А уж тем более рожать от Дарока. Наверное, поэтому вся его... просьба? Вся эта дурь в голове не укладывалась! Мысли могли сосредоточиться на чем угодно, кроме серьезного обдумывания всей этой беседы. Я потеряла губы, удерживая улыбку и чувствуя, как истеричный смех назревает внутри.

— Родишь мне шестерых, и будешь свободна, — продолжил размеренно говорить Дарок. — Если даже половина умрет в кандар'рхоре, у меня останется трое. Не волнуйся об их судьбе, я приближу их к себе сразу же, как они почувствуют себя достаточно сильными для выхода к мужчинам.

— Шестеро? — повторила я, недоумевающая от его серьезного тона. Он действительно не шутит! А вот меня от злости разрывало. Я цокнула языком и поинтересовалась: — Не мало?

Кажется, мое сомнение порадовало Дарока. Он коснулся моей щеки и, ласково глядя на меня, погладил от уха до подбородка. Дикое желание отрезать ему пальцы подавить вышло с трудом.

— Я пожалел тебя. После восьмерых женщины часто лишаются красоты и сил. — Второй рукой подхватил меня под ягодицы и придвинул ближе к себе. Выдохнул смрадом прямо в лицо: — А ты сильная и красивая.

Железом по стеклу — это было бы меньшей пыткой. Однако я все-таки улыбнулась.

— И что же ты предложишь мне в ответ на мое... мою...

Роль? Материнство? Как это назвать правильно? Инкубаторство! Вот только этот нелюдь не поймет, о чем я говорю.

Рядом из-за кустов кто-то вышел, и мы с Дароком повернулись. Кейел остановился, как вкопанный, прижимая к себе одной рукой охапку дров, а во второй удерживая топор. Он смотрел то на меня, то на Дарока. Он был настолько изумлен, что показалось, будто все вокруг посвящены в подробности нашей беседы. Хотелось рассмеяться идиотскому предложению, и я все же прыснула от смеха, склоняя голову вперед. Макушкой уперлась в твердую грудь, и веселье, как отрезало.

Хорошо, что этот верзила не знает о моей силе Вестницы. Сыновья от сильной женщины... Как бы он заговорил, вспоминая, что самый прославленный вождь васовергов, Гар'хорт, добился многого именно из-за Вестницы, ставшей его тенью?

— Иди, куда шел, — приказал Дарок, и я вздрогнула.

Наверное, Кейел решит, что я обнимаюсь с васовергом... С другой стороны, какая нам с этим парнем к черту разница, с кем и кто из нас обнимается?

Краем глаза заметила, как Кейел и вправду молча прошел к центру поляны. Послышался звук падающих дров, а затем шаги в другую сторону. Все это время мы с Дароком стояли, не двигаясь, не промолвив ни слова. Он, высокий, видимо, сгорбился, раз дышал мне в макушку, щекоча волосы и грея кожу. Тяжелые руки тоже жгли пятую точку. Изнутри меня поднималось другое пламя, рожденное усталостью, ненавистью, злобой. Я облизала губы, позволила себе на короткую секунду легкий оскал, а затем подняла голову. Нашла взглядом серые, внимательные глаза и, положив руки на мокрую, липкую от пота грудь, спросила:

— Так что же ты мне предложишь?

Он с довольной ухмылкой выдохнул шумно.

— Женщина, у меня третья по величине войско в Васгоре. И оно приносит мне добычу. В моем тайнике множество сундуков, и все они ломятся от украшений, драгоценностей и тканей. Вы любите такое. Разные цепочки, перстни, браслеты. За крепких сыновей я отдам тебе все это богатство!

— С чего ты решил, что мне нужны драгоценности? — я изогнула бровь и вытянулась, приближаясь своим лицом к его. Хотелось ближе видеть наглые глаза.

— Все женщины любят их. — Он подался навстречу, кажется, посчитав, что сумел-таки подкупить меня.

— Ошибаешься, — прошептала я. — Я уже отказалась от таких богатств.

— Кто предлагал тебе их?

— Другой мужчина, считающий, видимо, что драгоценности могут удержать любую женщину рядом.

Дарок хмыкнул, но не отступил.

— Тогда я отдам тебе дом. Ты будешь жить в нем, пока будешь вынашивать моих сыновей. Он огромный, Асфи, — с восхищением произнес, будто говорил о своем ядовитом драконе. — Больше чем тот, в котором ты бывала. Стоит на северной вершине Васгора, где часто дуют прохладные ветра. Окна выходят на восток, и из них можно наблюдать каждое рождение Солнца.

— Зачем мне дом в Васгоре?

— Не нужен? — Кустистые брови приподнялись.

— Фадрагос — мой дом, — само собой сорвалось с губ.

— Фадрагос не укроет тебя от напастей с Шиллиар. Каждому разумному существу нужна хоть какая-то крыша над головой, а я предлагаю тебе один из лучших домов Васгора.

— Я способна самостоятельно найти для себя клетку. Какой бы огромный дом ты мне ни предлагал, знай, не так давно я отказалась от самого большого дома. Он был настолько огромным, что ты не получишь такого, даже соединив все свои дома.

Дарок прищурился, прижал меня к себе теснее, вынуждая отклоняться.

— Кто ты, Асфи?

— Какая разница?

— Ты бывшая любовница одного из правителей?

— Может быть.

— Не смейся надо мной, — сказал с угрозой в голосе. — Шан'ниэрдды не берут в любовницы человек.

Я исключение... Волтуар был совсем не таким, как этот увалень. От Дарока исходил не только смрад — помесь пота, нестиранной одежды, невымытой плоти, — но и жар, как от печки. Это все раздражало. Его настырность, смрад, жар, сила... Все!

Не дождавшись от меня ответа, он спросил:

— Почему ты от всего отказалась?

Я повела плечами.

— Есть вещи поважнее.

— Какие?

— Любовь. — Ком поднялся к горлу, а невидимая сила вновь скрутила грудь.

Дарок нахмурился сильнее. Клык показался из-под мясистой губы.

— Разочарован? — догадалась я. И заодно порадовалась. Может, разглядит во мне слабость?

— Удивлен.

— Почему? Я... не для этого? — повторить вслух слова, сказанные Кейелом, запросто не получалось. Они царапали горло, кололи сердце. — Не для любви?

— Не знаю, женщина. Я в ней не разбираюсь, — без воодушевления ответил Дарок и даже ослабил объятия. Но быстро спохватился и серьезным тоном проговорил: — Я любил своих стариков, люблю своих братьев и обещаю, что полюблю наших сыновей, если они станут сильными и присоединятся ко мне.

Ах, да... Улыбка расплзлась на моем лице против воли. И я уже не скрывала ни ехидства, ни насмешки.

— Возможно, полюбишь. Но я так и не услышала, что получу взамен.

— Я отдам тебе и дом, и драгоценности. — Судя по его кривой гримасе, он распознал мое настроение, но продолжал надеяться на лучшее. — А еще я дам тебе свою силу. Я буду защищать тебя, Асфи. К моему войску не может примкнуть женщина, но я буду следить за тобой так, как слежу за своими братьями.

— Предлагаешь защиту мне? — Искренне полагала, что в этой беседе меня уже ничего не удивит. — Разве она нужна мне?

— Она нужна всем женщинам. — Он снова прижал меня к себе и низко проговорил: — Не забывайся, Асфи. Я неспроста не боюсь твоих духов. И я голыми руками мог оторвать тебе голову, когда ты увязалась за нами. Мог взять тебя у себя дома, когда впервые почувствовал влечение к тебе. Я мог отказаться помогать тебе, когда ты пришла ко мне снова и притащила своего кобеля следом.

— Он не мой кобель.

— Не ври мне, женщина! Ты говорила, что веришь ему, как себе. Ты готова порезать каждого из нас на лоскуты из-за него. Почему вы не вместе?

— У него есть невеста, — ответ слетел с языка легко, будто всегда был заготовлен для этого вопроса. И я с досадой закусила губу.

— Одна баба, вторая... Он не шан'ниэрд.

— Они ждут ребенка.

— Вот пусть и бежит к ней, как только мы выйдем из сокровищницы. — Дарок склонился ниже ко мне, и я отвернулась.

— Это ему решать.

— Не правда, Асфи. Решать мне и тебе. Мы знаем это. Волчонок смотрит на тебя щенячьими глазенками. Но я ему сказал, чтобы он не смел трогать тебя.

— А если посмеет? — поинтересовалась я, с откровенной злобой.

— Я не Стрекоза, женщина. — Дарок оскалился. Я вблизи увидела его клыки, почти звериные, желтоватые у корней, и острые на концах. Увидела темно-серую небу с черными вкраплениями. А он продолжал говорить с этим же оскалом: — И я не так туп, как ты думаешь. Тебе не удалось бы настроить Гахсода против меня. Мы с ним братья, а ты будущая мать. Вы должны рожать, Асфи, а мужчины сражаться. Слабые васоверги будут признавать тебя равной лишь до того, пока ты не пропустишь ритуал Ярости. Сильные васоверги, — коснулся шершавыми губами моей щеки, — будут признавать тебя на равных, пока я уважаю тебя. Поэтому никогда не пытайся запугать меня. И не будь большей дурой, — Огромные ладони легонько сжались на ягодицах, и я поморщилась, посмотрела в серые глаза. В них стояла прежняя угроза, — соглашайся на те условия, что я предлагаю. Лучше не будет. Я отдам тебе все, что мы собрали в нашем хранилище. Все эти золотые безделушки, все это барахло. Отдаю свой дом и даю обещание, что буду защищать тебя до тех пор, пока Солнце не заберет тебя. А ты родишь мне шестерых сыновей. С нашей кровью они впитают ярость, а с твоим молоком — твою внутреннюю силу. Ты будешь воспитывать их до тех пор, пока они не пойдут самостоятельно. Затем мы выбросим их в кандар'рхор и будем наблюдать.

— За их смертью? — фыркнула я, сильнее упираясь в его грудь и пытаюсь отодвинуться.

— За их взрослением и превращением в мужчин! — Дарок тряхнул меня, и я по инерции потянулась к кинжалу, но вовремя остановила себя. — Я уверен, что они унаследуют твой упрямый характер и необъяснимое бесстрашие. — Притронулся к моему виску, а через миг стер пальцем пот над моей губой. — Твой разум не позволит им умереть с голоду, а моя сила позволит им стать самыми грозными детьми в кандар'рхоре.

— Мне не интересно твое предложение. У тебя полно прислужников...

— Не будь дурой! — Схватил меня за шею, стиснул затылок, и я втянула голову в плечи, приготовилась назвать имя Ксанджей. Неважно, что он их не боится. Если возникнет нужда, я позову их на помощь. Он продолжил: — Сильные сыновья позволят мне добиться расположения у старых васовергов. Это добавит мне уважения среди огромной части Васгора.

Я поерзала, и Дарок ослабил хватку, позволяя мне выкрутиться из его рук и даже из объятий. Оказавшись на свободе, я отступила от него, потеряла шею, лицо и сдержалась, чтобы не сплунуть. Резкая кислая вонь, исходившая от васоверга, казалось, осела налетом на языке.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Дарок? — снова приблизилась к нему, чтобы не повышать голоса, но теперь держала ладонь на рукояти кинжала. — Тебе нечего мне предложить.

Он округлил глаза; они наполнились яростью.

— Я предлагаю тебе больше... — медленно протянул он, почти рыча. И взмахнул кулаком в воздухе, распуская плетень. Бритва упала в высокую траву и затерялась в ней. — Гораздо больше! в разы больше! чем берет самая дорогостоящая женщина в Васгоре!

Я отступила и шепотом назвала имя Ксанджей. Огненные духи мигом отозвались и закружились над нами.

— Обратись к ним, — предложила я. Во рту пересохло, но голос звучал ровно, спокойно: — Обратись к этим женщинам, Дарок.

— Твоя сила, Асфи, — глянув мельком на духов, произнес Дарок. И обвел рукой, указывая на них. — Не эта. Твоя настоящая сила. Такая встречается у женщин редко. Ты видела воровку этой Луной. Все видели, насколько она слабая и незащищенная. А я этой Луной увидел тебя. И видел до этого. — Сжал кулак и поднял его к рогу. Тише сказал: — Твоя сила не напускная. Настоящая.

Отступив еще, я наткнулась пяткой на сумку и шагнула в сторону, чтобы под ногами ничего не путалось. Если прямо сейчас надо будет отстоять себя, то мне сразу сжечь Дарока или попытаться оставить его в живых в бою без духов?

— Именно поэтому мне не нужна твоя защита, — ответила я, осторожно обходя васоверга боком.

Он провожал меня суровым взглядом, поворачивая за мной рогатую голову и перехватывая удобнее плети в кулаки.

— Хватит играть со мной, Асфи. Я будущий вождь! — Высоко поднял подбородок; длинные рога сверкнули под светом темной стали. — А ты не первая красавица в обителях. Всего лишь человечка. Да и куда делся твой гильдейский знак? Кто заступится за тебя, если я возьму тебя силой? Ну? — Топнув, резко повернулся, вынуждая отпрянуть дальше. Застыл, уставившись на меня не мигая. — Я не хочу этого делать. Когда мы были в моем доме, ты попросила об уважении. И теперь я проявляю его, а ты в ответ унижаешь меня.

Коротким напоминанием, он вернул меня к другим нашим делам и союзам. Я хмыкнула, потерев большим пальцем губу и бегло пропуская в мыслях многие факты, которые успела упустить из-за неожиданного предложения.

— Силой взять меня? — усмехнулась я. Подошла к приземистой дикой яблоне и налегла спиной на нее. — Ты кое о чем забыл, Дарок, но я напомню. У Кхангатора сделка со мной. Не только по твоему делу. То, что предложила ему я, гораздо весомее твоего предложения. Возьмешь меня силой, и я разрушу ваши с ним договоренности! — Смахнула налипшие волосы со лба, удовлетворилась тем, как тяжело Дарок повел головой, склоняя ее и кривясь. — И ты действительно согласился уважать меня. Мы договаривались о деловых отношениях. Разве нет? Любви ты мне тоже предложить не можешь. Забудь меня. И к тому же мы в походе, в котором, как мне кажется, ты должен извлекать свою выгоду. Займись своим делом, пока есть время.

— Эльфийка у тебя на привязи, — сходу сообразил он, о ком речь. — И ты разговоришь ее для меня, как только она вернется с остальными.

— Разговорю, — согласилась я, цепляясь за удачную возможность немного понизить градус вражды между нами, — если ты оставишь меня в покое.

Он покивал головой, и с меня спала большая часть напряжения. В конце концов, он единственный тут, кого я действительно остерегаюсь.

— Оставлю. На время этого похода оставлю. Материнство требует нахождения дома и обеспечения всем необходимым для спокойной жизни.

— Ты не понял. — Нервный смех вновь назрел, злость кипела, вызывая дрожь по телу. Я все-таки не выдержала: шагнула к нему и выкрикнула: — Я не буду рожать тебе детей!

Он тоже шагнул мне навстречу. Заслонил собой солнце, развел немного в стороны крепкие руки, став резко похож на гигантского коршуна, и с нескрываемым презрением проговорил:

— Это ты не поняла, женщина. За такое предложение, такие женщины, как ты, — без крова, без гильдии, без сильных заступников, — должны благодарить будущего вождя, а не отказывать ему. Теперь я позволю тебе править мной и своими братьями. Любезно стерплю многое, но затем, когда Кхангатор вместе со мной заполучит кладку, мы с ним отпразднуем эту победу, побеседуем... Как разумные вожди. Это случится скоро после нашего возвращения. Поверь мне, я потороплюсь. А потом я найду тебя. Где бы ты ни находилась, Асфи, я найду тебя и приду за тобой. А теперь иди, — махнул головой на сумки, — копайся в своих крупах. Мне нужно раздобыть нам мяса к ужину.

После разговора с местным дикарем — иначе я его никак назвать не могла! — мне хотелось смыть его вонь с себя. Хотелось догнать и вогнать кинжал ему в сердце, или перерезать толстую шею, или... Даже хотелось просто сжечь что-нибудь!

По дороге к речке мне встретился старый дуб, но я не испепелила его, заметив дупло и пышный

рыжий хвост, торчащий из него. Попадался и пенек с давно поваленным деревом, но под пеньком виднелась чья-то нора, а на поваленном дереве щебетали две милые птички. Ради безопасности окружающих, Ксанджей пришлось отозвать и запретить себе называть их имя.

Однако мне немного полегчало, когда я призвала Айссию и помогла маленькому чахлому ростку сосны подрасти и подняться чуть выше травы, заглушающей его.

Быстротечная речушка шумела весело и мерцала ярко. Она подмывала берег, прорубала бурным потоком себе путь и отвоевывала у земли территорию. Густые травы, прибрежные кустарники и деревья противостояли ей, удерживая крепкими, узловатыми корнями рыжую почву. Из-за их длительного сопротивления берег получился резким, с небольшим отвесом над темно-рыжей водой. Более или менее безопасный подступ к воде подсказала Елрех, подозвав меня.

В земле отыскалась трещина, засыпанная влажными комьями. Эта трещина и послужила короткой, пологой тропой. Спустившись вниз, я сразу вступила сапогами в воду.

— Осторожно, шустрая человечка! — предупредила Елрех, стоя с котелком в руках на узкой кромке желто-бурого песка. — Видишь, там уже вода темная. Глубоко, видать. Не провались. Как бы с головой не ушла.

— Холодная, — заметила я, опуская руку в воду.

— Застояться реке негде, чтобы прогрелась. Зато такая чистая будет. Вон, глянь, ни одной травинки вдоль не растет, ничего удержаться не может.

Обмолвившись еще несколькими фразами с Елрех, я поняла, что наши с Дароком крики она не слышала. Не удивительно — вода шелестела, журчала, бурлила. Весь берег под отвесом из травы был утыкан крохотными норками. От них то и дело отлетали ласточки. Стоял густой щебет птенцов.

Я помогла Елрех донести котелок в лагерь, где Ромиар уже разводил костер. Возле него лежала огромная охапка хвороста, небольшая кучка веток, видимо, от сухостоя, еще немного нарубленных тонких поленьев и отдельно высилась стопка толстых дров. Зачем нам столько?

— А где Кейел? — спросила я.

Ромиар отвлекся от будущего костра, в который подкидывал щепки и траву, поднял на меня слезящиеся от солнца глаза. Рядом с серой рукой парили крохотные духи огня, кусая щепки еще на полете.

— Рубит, — коротко ответил, как отрезал от разговора, и вернулся к своему занятию.

Показалось, будто желтые глаза чересчур полны слез. Разве от солнечного света так бывает? Но подул ветерок, тонкая струйка дыма заволокла Роми, и тот закашлялся, потер глаза. Причина стала ясна без слов.

— Ты бы пересел, — посоветовала я и с разрешения Елрех отправилась мыться.

В холодной воде, даже после душевного пути через сырой лес, этого делать не особо хотелось. Но Дарок однозначно решил для меня вопрос сегодняшней чистоплотности. После его же слов я не рискнула снимать с себя рубаху. Стянула лишь сапоги, штаны, куртку, распустила косу, срезала кинжалом пучок травы и спустилась по трещине-тропе к берегу.

Стоило лишь шаг ступить с песка, как провалилась по бедра. Хватанула воздух ртом — легкие словно от студеного мороза свело, — и опустилась в воду по шею. Сидела недолго, к температуре привыкла быстро. Сила Вестницы и не думала оставлять меня, пробуждая свои свойства всякий раз, как босые ступни касались поверхности чего-либо.

Вода гладила меня, обтекала ласково. Рубашка местами липла к телу, местами набухала, пучилась от набранного под тканью воздуха. Зубы стучали, скорее, по инерции работы организма, не успевшего перестроиться к теплу. Челюсть, как и грудь, легонько стягивало, но вскоре жар изнутри усилился, согрел, и я поднялась.

Ветерок немного студил дуновениями. Я шагнула вперед — сразу погрузилась в воду почти по грудь. Выпрямилась и стала тереть травой щеки, шею, руки. Хотелось использовать местное мыло-шампунь, заглушить вонь, которая будто въелась под кожу и теперь преследовала повсюду, но я только вчера израсходовала последнее. Новое мы с Елрех сварить не успели.

Рядом плюхнулась рыба, утаскивая упавшего в воду жука. Солнце светило с ясного неба, согревало все кругом. Ласточки кружили над головой, взмывали круто вверх и исчезали черными точками в небесной лазури. Зеленое море разнотравья виднелось на пологом берегу с другой стороны реки и растворялось в серой дымке горизонта. При спокойном ветерке степь дремала.

Я загляделась на нее. Не заметила приближения незваного визитера...

— Как вода?

Хриплый голос вынудил резко обернуться. Кейел стоял на высоком берегу и мял в руке веточку люпина. Темно-фиолетовые цветочки выделялись на фоне белой рубашки, моментально привлекая к себе внимание.

— Хорошая.

Я опустила в воду, задерживая дыхание и смывая с себя травяной сок. Вынырнула, тряхнула мокрыми волосами и фыркнула пару раз. Вытерла глаза.

— Асфи, мы можем поговорить?

Сердце замерло. Я нахмурилась. Сегодня мне уже доводилось слышать подобную фразу, и ничем хорошим моя отзывчивость не закончилась.

— Я думала, что ты со мной не разговариваешь!

Провела руками под водой, ощущая приятное прикосновение и видя собственные искаженные рябью пальцы. Теплилась надежда, что Кейел не уйдет. Не посмеет уйти! И это будило злость на себя. Как я могу до сих пор испытывать к нему симпатию?

Он не уходил. Я радовалась и злилась.

Не удержалась и начала украдкой наблюдать за ним. И, как случилось со мной всякий раз, не смогла больше отвести глаз. Он стоял, прищурившись, и задумчиво рассматривал степь. Высокий, широкоплечий — красивый... Я, как сегодня, помнила те чувства, которые охватили меня при первой нашей встрече. Второй... При первой — его лицо было покрыто слоем грязи, а при второй он чуть ли воздух из меня не вышиб. Не смазлив, не женственен, не такой, как Женька. За ним со школы толпой девчонки бегали, и потому что красив безумно, и потому что успешен был. А тут черты другие. Резкие, не тонкие, но острые.

Он должен был достаться мне...

Внутри все сжалось, затрепетало, замерло и, превратившись в воздушное нечто, стало подниматься. В душе ли, в теле?.. Где хранятся наши чувства?

Ладно... Духи с ним!

— Говори уже, — смилостивилась я, поворачивая к нему голову. — О чем хотел спросить?

Кейел взглянул на меня своим цепким, но теплым взглядом.

— Кричать? — уточнил и стал озираться.

Я собирала все упрямство в себе, чтобы твердо кивнуть, но на его пике выдохнула и с чувством полнейшей обреченности поплелась к берегу.

Вода тормозила меня. Течение с каждым шагом толкало дальше от Кейела. И чем больше меня относил от него, тем сильнее и быстрее я направлялась к нему. Когда подошла к берегу, задумалась, выходить ли. Местные рубашки длинные, просторные, но она все равно липнет к телу, а тут еще и ноги голые. Смущать его не хотелось, соблазнять — тем более.

Но Кейел, как назло, сам присел и подал руку. Спросил тихо:

— Берег крутой. Не вымажешься?

Рядом тропинка...

— Постараюсь, — слукавила, умолчав о пологом пути, и положила руку на его ладонь.

Блаженство... Теплая, немного колючая и твердая от мозолей. Держать бы его за руку вечно!

Я нащупала стопой выступ и стала высматривать второй. Кейел резко отпустил руку, но я и охнуть не успела, как он перехватил меня под мышки и легко поднял к себе. Что-то темное полетело вниз. Мягкая трава коснулась ног, защекотала голени. Как оказалась на свободе, я опустила взор, высматривая, что упало. Веточка люпина, оборванная от листочков, лежала на самом краю темного песка. Вода слизывала ее, и я была уверена, что максимум через полминуты ее подхватит поток и унесет далеко-далеко.

Порыв спуститься за помятым, неряшливым цветком вынудил шагнуть к краю невысокого обрыва. Цветок оказался таким дорогим — бесценным! — будто Кейел сорвал его не просто так, руки занять, а для меня. Будто хотел подарить мне. Ветерок подул, небольшие волны вышли на бережок. Тяжелые соцветья погрузились в воду, и прямо на моих глазах люпин поплыл...

Я стиснула кулаки, сжала челюсть и повернулась к стоящему в стороне Кейелу.

— Чего тебе?

Он смутился, но, судя по всему, не от моего вида, а от тона вопроса. Прикусил губу, нахмурился и склонил голову. Выдыхая шумно, скрестил руки на груди и спросил:

— Ты соврала мне, потому что тебе меня жалко?

— О чем соврала? — не поняла я.

— О том, что Дарок тебе не нравится, — отводя от меня глаза, пояснил.

— Я не соврала. Он мне не нравится.

Не поверил. Более того — разозлился. Черты лица заострились, поджатые губы побелели, а на длинных пальцах, сжавших локти, выделились костяшки. Несмотря на вспыхнувший гнев, мне захотелось успокоить Кейела.

— Я ведь тебе говорила. Мне не нравится Дарок, и я люблю Вольного.

— Тогда ты изменяешь ему?

С ума сошел?! Как это я изменяю ему? С кем?! И резко камень в груди разросся, надавил изнутри на ребра.

— Он мертв! Хватит об этом! — И медленно, почти по слогам повторила: — Он мертв!

— Тогда почему васоверг, а не я? — Кейел поднял голову и впился требовательным взором мне в глаза. — Потому что он вождь? Потому что сильнее? Потому что я хуже?

Каждое слово кусало, каждый вопрос жалил. Ответов не было. Я не выбирала Дарока. Я даже не сравнивала их. Да разве ж можно? С Волтуаром сравнить могу. Но не с Кейелом.

— Асфи, не злись, пожалуйста, — попросил, убирая волосы за уши. — Я просто хочу разобраться, почему ты предпочла его? Я думал, что ты отличаешься от наших девушек, и не видишь во мне сквернодумца, еретика... — Сглотнул заметно и добавил тише: — Дурака. Тебе просто нравятся такие? Такие, как он.

Темные круги под глазами, как следы его усталости, вызывали во мне вину. Я гнала всех, торопила. Он не выспался. Из-за меня не выспался. Из-за меня теперь думает о себе черт-те что! Как он может сравнивать себя с этим вонючим мужланом? И зачем? Ответ я знала... Помнила. Каждый день вспоминала, и не могла забыть. Он снова рядом, но между нами пропасть. Как тогда, когда меня едва не уронила Феррари. Тогда между нами лежала пропасть, и Кейел подыгрывал мне в танце, которого не знал и не мог знать. Потому что я его выдумала. Он готов был вести. И теперь тоже... Что с ним делать? Духи Фадрагоса, что мне с ним делать?

— Какая тебе разница, кто мне нравится? — спросила дрожащим голосом. Тронула уголок глаза, убеждаясь, что слезы не текут. Не выступили и даже не созревают. Словно высохла изнутри. — Что у нас с тобой может быть?

Кейел не растерялся. Взгляд стал твердым, упрямым, голос, в отличие от моего, прозвучал четко:

— А что у тебя может быть с Вольным или васовергом? Все знают, что Вольные умирают. И васоверги... — Скривился и проговорил едва слышно, на одном дыхании: — Только девушки, которым некуда деться и которые хотят легко получить монет, соглашаются быть с ними.

Денег хочу? Так значит, я опять в его глазах продажная девка?!

— Это не твое дело, чего я хочу!

— Не мое? — Опустив руки и сжимая кулаки, шагнул ближе. — Ты пришла ко мне! Пришла и разворошила все! Поцеловала, признавалась в любви, рассказывала о том, как любишь меня! А прошлой Луной ты изрезала девушку! Этим рассветом ты с васовергом! И во мне все... — Встряхнул руками у лица, морщась. — Я злюсь!

Восхищение им, его настоящими эмоциями и чувствами затопило все внутри, смешалось с

кружащим голову гневом. Он жег изнутри, рвался наружу. Я упивалась этой круговертью!

— О, старая песня о главном! — с неясной для себя улыбкой протянула я. — Хочешь сказать, что тебе больно, потому что я вдруг не такая лапочка, как тебе показалась в самом начале? — Усмехнулась с удовольствием и горечью. — Тебе вдруг не понравилось, что я не такая, как тебе хочется?

— Я говорю о другом! — выдохнул он. — До тебя я жил другой жизнью! Я был убежден, что люблю Лери!

Я рассмеялась. И смех быстро вырос в хохот. Болезненный, разрывающий на части. Кейел рядом! Явно ревнует, явно тянется ко мне! Влюблен! Точно влюблен... Но как я могу отнять у него ту жизнь, о которой он мечтал? Он сам сказал, что я не для семьи. Что я могу предложить ему? Семью? А если он прав? Если Роми не ошибается? Сколько он протянет со мной прежде, чем вернется к Лери и ребенку? Как потом будет смотреть им в глаза? Как его, и без того изгоя, примут в деревне?!

А он смотрел на меня. Опять смотрел с жалостью и непониманием. Мой смех ему опять не нравился. Почему он тянется ко мне, если я ему вся не подхожу и не нравлюсь? Пусть бы исчез прямо сейчас! Ушел обратно и не возвращался. Пусть бы ушел к своей Лери!

— Ле-ери! — пропела я, не сумев перебороть едкую ревность, а он скривился. — Что? — Сорвала травинку и бросила в него. Он вместо того, чтобы отмахнуться от нее и обнять меня, как мне того хотелось, отступил. Разозлил. Накопившиеся обиды выплеснулись: — Думаешь мне не было обидно, когда я увидела вас вместе?! Когда поняла, что ты... Ты не дождался меня! Я спешила! Я пересекла Ледяную пустошь! Не позволяла себе отдохнуть лишний раз и с ума сходила! Люди Роми перерыли каждую деревню в Фадрогосе! Одну за другой! Я искала тебя. Искала. И кого нашла?

Обхватила шею и стала тереть ее, мять. Он наблюдал и уходить не собирался. Приподняв верхнюю губу, спросил отрывисто:

— Кого?

— Кого?! — Я захлебнулась от злости, задохнулась от невозможности подобрать короткий ответ. — Да ты плюнул мне в лицо! Нет! В душу плюнул! Улыбался, будто заигрывал! А потом вышла она. Твоя чертова Лери. А я кто? — Ладонь к груди прижала и к нему подалась. — Незнакомка, подруга, девочка-всезнайка и твоя персональная утешалка! Вот кто я! Да ты издеваешься надо мной?! Какие из нас с тобой могут быть друзья?! Какие откровения между нами? Я устала смотреть на тебя и удерживаться, чтобы не трогать! Устала, понимаешь? Я ведь ждала! Искала! И вот... Нашла!

Кейел переменялся в лице — смягчился, хоть хмурость никуда не исчезла. Расслабил руки.

— Асфи, я...

— Я ненавижу тебя! — перебила, опасаясь, что он опять причинит боль словами и потому что не могла замолчать. — Ненавижу, потому что ты не дождался меня! Ненавижу за то, что у тебя есть подруга детства, невеста, будущая мать твоего ребенка! И это не я! Ненавижу вас с ней за это! Понимаешь ты или нет? Я-не-могу-вас-разделить! Нельзя выковырять ни ее, ни вашего ребенка из твоей жизни! Что я могу сделать с этим, Кейел?! Давай же, ответь мне! Что?!

Его беспомощный вид напротив и возросшее сожаление в глазах только раззадорили. Я растормошила мокрые волосы и решила закончить разговор, о котором уже жалела, высказав все мысли до конца.

— Да лучше бы ты убил меня там. В сокровищнице, — произнесла спокойнее. Горло саднило, пальцы щипало — на них остались тонкие порезы от травы, которую я в порыве ссоры выдернула. — Самопожертвование от Вольного... К черту его! Как же я тебя ненавижу, Кейел. Слышишь?

Он слышал. Точно слышал каждое слово. Стоял бледный, растерянный, вновь пробуждая жалость. За что я с ним так? И в той жизни, и в этой... Монстр, а не человек. Куда и к кому ни приду, везде оставляю после себя разрушения. Не Аня, а Анья во плоти.

Посмотрела ему в глаза и срубила последнюю нить, строящегося моста между нами.

— Ненавижу тебя.

Развернулась и направилась к лагерю прямо, в чем была. Но и пары шагов не сделала. Кейел ухватил меня за плечо и дернул к себе. Через мгновение я стояла к нему лицом и видела, что он хочет что-то сказать. Зачем? Для чего? Хватит! Нет между нами ничего и не будет! Я же сказала, что ненавижу его! Сказала!

Оттолкнула его ...и он полетел.

Оступился, сорвался с берега, взмахнул руками и исчез с глаз. Послышался всплеск.

Земля пошла кругом, сердце перестало биться. С небывалым холодом в теле я бросилась к берегу. Увидела руки из воды, пенистую воду, и не смогла ни о чем думать. Забыла, умеет ли Кейел плавать!

И Ромиар разозлился на меня, потому что я его не пожалела! Он ведь пережил все это. Его измучили, а потом бросили, как ненужного, в быстротечную реку.

Все разрушаю!

Трава, песок, вода... Вода забралась в нос, закрыла мутной пеленой глаза, попала в легкие и мешала вдохнуть. Я нащупала руки Кейела, потянула, помогая встать. Не помню, умеет ли плавать! Глубоко ли тут?

Проехала по скользкому дну, едва сама не повалившись, зато хотя бы поняла, что вода мне достает до бедер. Не глубоко...

Кейел стоял возле меня в полный рост и пытался вытереть себе лицо, а я мешала. Вцепилась в его запястья и не могла разжать пальцы. До сих пор не верила, что не утонет. Он попытался стряхнуть мои руки, уже вытирая глаза кое-как о плечи. А я тряслась и не могла разжать пальцы, не могла ничего сказать. Он поморгал несколько раз, глядя поверх моего плеча, а затем его взор застыл на мне. Злой и одновременно разочарованный.

Пальцы против воли сомкнулись на его запястьях сильнее, а сама я отступила. Но Кейел потянул руки на себя, вынуждая опять приблизиться. Быстро склонился ко мне и поцеловал в щеку, в подбородок. Ткнулся носом в него и сразу добрался губами к шее.

Я ослабла. Он мигом выпутался из моих рук и обнял меня. Продолжая целовать крепко и быстро, все повторял:

— Прости.

И его «прости» нашло отражение моей вины перед ним. Мое «прости» тоже созрело на языке, но страх за его жизнь, переросший в другой страх, что я не управлюсь с собой, сковал. Он был настолько сильным, что я просто не могла ничего сказать. Даже простонать в ответ, выдавить хоть какой-то звук из себя — ничего не могла.

— Прости, что не дождался тебя. Прости меня. Я не знал, что ты такая есть. Не знал, что ты существуешь. Прости, что даже не догадывался. Прости...

Я пришла в себя так же за короткий миг, как и испугалась. Обхватила Кейела за шею и поцеловала. Сердце стучало быстро, сильно, громко. Воздуха не хватало, но я готова была и вовсе отказаться от последнего глотка, лишь бы целовать Кейела. Обнимать его, прижиматься к нему, чувствовать его крепкие объятия. И слышать мысленное эхо прозвучавших признаний.

Он не знал. Он сожалеет.

Любит ли? Услышать бы что любит? А если услышу, что делать с Лери? Лери — заноза на сердце, черная пропасть, отделяющая меня от счастливой жизни. От него. Он — мое счастье. Моя жизнь в нем. Бьется в нем. Бьется так сильно под моей ладонью, что заглушает мое собственное сердце. Мое сердце. Он подарил его мне. Ведь мне! Не ей...

— Асфи!

Я отпрянула, как застуканная за чем-то постыдным. Быстро вытерла губы, ощутила, как кровь прилила к щекам.

— Асфи! Асфи! — раздавался женский крик с берега.

А я смотрела на Кейела, на родное лицо, на зелено-карие глаза. В них тоже застыли испуг и беспокойство.

— Асфи, идем скорее! Помогите мне!

Елрех?

Я повернулась к берегу, меня вновь обдало холодом. Что за день? Что на этот раз случилось?

Даже стоя в метрах двух-трех от нее было заметно, что светло-голубая кожа превратилась в какую-

то серую. Да и сама Елрех... Я никогда не видела ее настолько взволнованной. Бледная. Как смерть бледная! Огромные от страха глаза, посиневшие губы, искривленный в истерике рот. Что с ней? Что могло случиться у нее? Она ведь первая, кто всегда готова к трудностям и предлагает не волноваться, будто наперед знает, что любую проблему можно решить, или знает, как с ней смириться.

— Там Роми! — проговорила она, прижимая одну руку к груди, а вторую ко рту.

Меня парализовало. Это что, слезы у нее на глазах?

— Он обидел тебя? — прохрипела я.

Как такое может быть?

Она покачала головой, сбрасывая камень с моей души.

— Ему плохо! Ему очень-очень плохо! Я не знаю, как ему помочь! Он не подпускает меня к себе!

Не дослушав, я пулей выскочила из воды. За секунду вскарабкалась на берег и бросилась к лагерю. Опомнилась и свернула к дереву, где раздевалась. Ухватила штаны и стала натягивать на мокрые ноги. В это же время Кейел пробежал мимо, словно лично знал, как помочь шан'ниэрду.

Елрех потопталась рядом со мной мгновение и сорвалась вслед за ним. Я поторопила себя. От рывка треснула штанина, но штаны налезли быстро. Ухватившись за сапоги и подбирая кинжал, я застыла. На траве лежал огромный букет из ромашек, фиолетового люпина и белых цветов, напоминающих огромные нарциссы. Чувствуя яркий аромат от них, я отступила. Попятилась, не сводя взгляда. Через силу заставила себя развернуться и бросилась к лагерю.

Глава 24. Тени прошлого

На просторной поляне, выбранной для стоянки, с прибрежной стороны росли тени деревьев. Солнце медленно клонилось к горизонту. В безветренной тишине слышны были уговоры Кейела.

— Я хочу, чтобы ты сел. Ты можешь? Тебе больно?

Одним прыжком я преодолела узкий, протоптанный нами участок, быстро обогнула раскидистые ветви яблони и остановилась. Кейел поднимал Роми с земли за плечи, а тот, как немощный, иссохший старик, толком не двигался. Длинные серые пальцы с черными коготками скрючились и стали похожи на птичьи ножки — вывернутые болезнью, неподвижные, закаменелые.

Отравился? Что мы ели? Елрех вчера собирала грибы, Кейел ей помогал. Разве мы уже готовили их?

— Что он ел? — громко спросила, приближаясь к троице.

Они на меня внимания не обратили. Елрех топталась неподалеку от парней, мялась, как испуганная девочка, и тихо оправдывалась в воздух:

— ...упал. Я его поднять пыталась, костер ведь рядом горит. Куда же он? А если бы сам вспыхнул? Хотела оттащить, а его рвать стало. Трясти.

— Совсем ничего не вешишь, — продолжал разговаривать Кейел с Роми, стараясь то ли усадить того, то ли переложить к себе на колени. — Вконец извел себя, исследователь.

Мимолетно брошенный взгляд на кострище подтверждал слова раскаяния Елрех. Угольки даже не тлели. Все было залито водой, остатки поленьев лежали сырыми деревяшками с черными, обгорелыми боками. Рядом валялся пустой котел, в который мы набирали воду.

— Что он ел? — рывкнула я, надрывая себе глотку.

Елрех и в этот раз не среагировала. Смотрела стеклянными глазами на парней, на Роми, и все хваталась за шею, за щеки, часто прикрывала рот ладонями. Кейел посмотрел на меня, но не ответил, быстро теряя ко мне интерес. Он с трудом уложил Роми к себе на колени и стал расстегивать куртку. У меня глаза на лоб полезли, когда увидела шею. Крово-гнойное месиво. Елрех ахнула и запричитала срывающимся голосом:

— Вода из него розовая была! Наверное, с кровью. Он перед тем, как упасть, просил меня уйти, просил не приближаться. Что это, Асфи?

— Его рвало кровью?

Я разрывалась, не зная, к кому бежать: к Елрех, чтобы допрашивать ее, или к сипящему и хрипящему Ромиару, кажется, умирающему на руках у Кейела.

— Да где же мне было разобраться, милая Асфи? — спросила она, словно оправдывалась. — Я только дотронулась, а его вырвало и сразу трясти начало. Он руками отмахиваться стал, и я костер потушила и к тебе. Его от меня и без того мутило, а теперь я только хуже сделала.

Ее рот снова искривился, у нее потекли слезы. Она мотнула волосами и быстро вытерла щеки предплечьем, да так, словно хотела скрыть это. Я все-таки подошла к ней, вцепилась в плечи и, встряхнув, заставила сфокусироваться на мне.

— Мы разберемся, Елрех. Ты ни в чем не виновата. Не смей себя ни в чем винить. Поняла?

Она точно не поверила, не приняла мои слова всерьез, но, с силой сомкнув губы, кивнула. Несмотря на все желание поддержать ее, убедить в невиновности, мне пришлось поспешить к Роми. Его дыхание ухудшалось.

Я опустилась на колени возле парней. Штанины мигом намокли, впитывая разлитую воду, лужей собравшуюся в траве. Кейел осторожно расстегивал куртку Роми, пытался, видимо, рассмотреть болезненное тело подробнее.

— Под рубахой еще язвы, — подсказал мне уверенно, когда заметил сияние Айсии.

Никакого раскаяния в голосе не слышалось, но в голове пришлось отложить этот вопрос на потом. Он знал, что Роми болен, но не сказал мне, — это первое. Второе — у Роми были язвы раньше, значит, он не отравился, и никакая нечисть не успела пробраться к нему незамеченной. Причина в другом. В чем?

— Разрежь рубаху. — Я протянула Кейелу кинжал. — Мне нужно видеть, на что указывать духам.

— До этого его никогда не рвало кровью, — Кейел не переставал вываливать на меня информацию.

— А чем рвало?

— Почти всем, что съедал. — Нож легко вспорол ткань. Кейел раскинул ее в обе стороны, обнажая Роми до пояса. — Посмотри.

— Мать твою...

Дистрофия? Возможно, самое ее начало, но в голову приходило именно это жуткое название болезни. Как такую худобу можно настолько ловко скрывать под одеждой?

Когда Кейел приподнял осторожно Роми, тот попытался вырваться, задергался, и мне было страшно, что мы попросту поломаем его. В голове четко всплывал другой образ этого же шан'ниэрда — того сильного парня, который притворялся спящим в кровати в ночь, когда мы с Елрех забрались к нему. До чего я довела его своим походом?

Спустя несколько минут аккуратного переворачивания этого безумно легкого, какого-то сухого тела, нам с Кейелом удалось снять куртку и разрезанную рубашку. Серая кожа обтягивала мышцы, под ней выступали сине-красные вены. Ребра можно было издали сосчитать, а живот, казалось, склеивался с позвоночником.

Будь передо мной незнакомец, я бы решила, что это полукровка шан'ниэрда и викхарта. Однако такую радужную фантазию портили язвы, покрывающие все тело. Кожа была изъедена гноящимися воронками, будто от паразитов. Края темнели, гнили, все ранки покрывались едва заметной бело-желтой слизью. Я боялась притрагиваться к ним, чтобы не потревожить Роми, который то и дело терял сознание, но стоило лишь коснуться его, как он приходил в себя: дергался, мычал, слабо отмахивался от нас, втягивал воздух с пугающими сипами. Однако я пересилила себя и жалость к этому фактически незнакомому существу — а мне был неизвестен такой слабый, обессиленный Ромиар. Я провела легонько по мокрой от испарины и невероятно горячей коже. Растерев слизь, собранную у ранки, пальцами, поднесла их к носу. Она источала слабую сладость, обманчиво приятную, даже чуточку карамельную.

Не оттягивая больше времени, я приманила парящих вокруг Айссию и принялась просить их исцелить язвы, на которые показывала. Хуже и медленнее всего удавалось справиться с ранами на шее, они были разодраны, кровоточили и, при каждом тяжелом вдохе Роми, расходились снова.

Когда с язвами на теле было покончено, я положила руки на серую грудь и попыталась направить духов внутрь. Они сияли, маялись вокруг, но бездействовали. Все было тщетно. Я не целительница, не медик — просто не знала, откуда взялись недуги Роми и что творится у него внутри. Не зная об этом, мне никак не удавалось четко сформулировать просьбу. В который раз отчетливо осознавалась польза Единства, когда можно видеть и чувствовать духами, когда можно управлять ими мыслями, полунамеками, простыми желаниями исцелить.

— Не могу, — призналась я, посмотрев в глаза Кейелу, кажется, ожидающему от меня чудес. — Себя приходилось исцелять, но я чувствовала приблизительно, где болит, и понимала, что просить. А с Роми не могу.

— Надо понять, отчего у него появились язвы, — прозвучал неуверенный голос Елрех.

Кажется, она приходила в себя, и это радовало.

— Он исхудал. — Я пожалала плечами. — Если его тошнило постоянно, и все, что он съедал, быстро уходило из организма, то он мог попросту лишиться витамин... — Поджала губы, подбирая более удачное слово для Фадрэгоса. — Микроорганизмов, элементов...

У моей сокурсницы, неудачно севшей на диету, стремительно развился авитаминоз, и она вся ходила в пятнах, с шелушащейся кожей. Но родственники быстро исправили результат ее самодурства, насильно затащив девушку к врачам. Могло ли случиться то же с Роми?

— Почему он не ел? — вопрос прозвучал против воли строго.

Кейел нахмурился, но ответил быстро:

— Не мог есть при Елрех.

Я оглянулась. Елрех насупилась, шагнула к нам ближе и, видимо, по привычке взялась за рукоять кинжала. Она все еще была бледной, волосы липли к мокрым щекам, но в остальном сильная фангра выглядела более собранной, чем минутами ранее.

— Он влюбился, — продолжал выкладывать начистоту Кейел, осторожно ощупывая руки Роми от

плеча к локтю. — Съедал все, что мог, при вас, а потом старался не смотреть на Елрех. Но получалось редко. Я приносил ему поесть отдельно, но он, наверное, вспоминал, почему вынужден питаться вдали, и его снова тошнило.

— Почему мне не сказали?

— Он обещал мне, что справится. Говорил, что мы не пойдем, и что это не наше дело.

Злость сегодня не унималась. Что значит, не наше дело? А мне в поход кого тащить? Мертвеца?! Однако пришлось взять себя в руки. В конце концов, радовало, что Кейел умел уважать чужие желания и секреты. Если уж и отчитывать кого-то, то не его, а самого Роми за то, что проявлял такое недоверие к нам всем. Он снова рисковал не только собой, а всеми нами разом.

— Елрех, — обратилась я к алхимику, надеясь привлечь ее к решению важной проблемы, — я не целительница, но если его рвало кровью, то, скорее всего, у него язвы и внутри.

Елрех какое-то время стояла, с жалостью сводя брови на переносице, а затем словно в голове у нее прояснилось. Она обвела поляну беглым взглядом и кивнула мне, но при этом переступала неловко с ноги на ногу.

— Да, думаю, что ты права, умная человечка.

И снова тишина от нее. Она же алхимик! Из лучшей гильдии Фадрогоса! А алхимики в Аспидах по знаниям, насколько я помню, целителей обставить могут.

— Я не смогу вылечить то, чего не вижу, — произнесла я, щупая горячий лоб Роми. Жар можно сбить, обтирая тело водой, но как быть с остальным? — Боюсь, что могу только навредить. Не прощу себе, если приращу его кишечник к чему-нибудь. К печени, например. Я от страха все забываю! Даже вспомнить не могу, касается ли одно другого. Поэтому давай, Елрех, приходи в себя, и подсказывай, как нужно действовать дальше.

Елрех лишь со страданием и еще большим испугом уставилась на меня. Затем покосилась на Роми и снова побледнела. Время было не до разбирательства ее чувств, но я допустила мысль, что она не так давно не до конца отдавала отчет своим чувствам. Роми ей не просто нравился...

— Сходи умойся, — посоветовала я, не теряя надежды, что она все-таки поможет. — Ты нужна мне.

Она послушно попятилась. Вскоре повернулась и через миг исчезла за густой травой и ветками.

Ждали ее в гнетущей тишине. Злиться на Кейела не получалось, на Роми злости было больше, но вся она перемешалась с состраданием и желанием спасти его. Мелькали и мысли о сокровищнице, о количестве кратном пяти. Но вслед за этой мыслью, сразу приходила следующая. Зачем нам сокровищница без Роми? Без него все это теряло всякий смысл. Хуже — перспективы будущего сразу окрашивались в темные, траурные оттенки. Елрех, увидев его при смерти, и сейчас едва ли с ума не сошла. Что с ней будет, если ей вернуть прошлую память, но не сберечь его самого? Даже если она в этой жизни успела полюбить надменного шан'ниэрда, то к этим чувствам хотя бы не прибавляется память прошлого.

С охоты воротился Дарок, благо молча. Тащил на себе кабанчика и парочку упитанных гусей. Глядя на нас сурово, бросил добычу неподалеку от меня. Затем, вытирая рука об руку, спросил:

— Что это с ним? Помер?

— Почти, — не стала глгать я, сжимая одеревенелую руку бессознательного Роми. И огрызнулась: — Любовь у него случилась.

Дарок хмыкнул задумчиво.

— Вот тебе и пример любви, — проговорил, видимо, обращаясь ко мне. — Лучше в ней не разбираться.

Я стиснула зубы, заставляя себя не разводить скандал. Сейчас все негативные эмоции следует отбросить и необходимо заниматься только Роми.

За спиной послышались шаги. Елрех вернулась гораздо живее; серые глаза наполнились сосредоточенностью и решительностью. Присев на корточки в ногах Роми, она сцепила руки в замок, нахмурилась и заговорила уверенно, но вполголоса:

— Ты не ошибаешься, Асфи. У него наверняка язвы внутри. У нас есть зелья, которые мы брали еще у виксартов. Они помогут. Но если он долго ничего не ел, то живот его будет сам от еды и зелий отказываться. Но и с этим справимся. Я сделаю мазь, которая расслабит мышцы в шее. Вот тут. — Потрогала себя под подбородком. — И часть ее разбавлю водой. Придется как-то самим смазывать

внутри тоже. Пусть ест, а только потом смазывайте все. Запомни: сразу, как поест. Так он избавиться от пищи не сможет, она внутри застревать будет. В итоге, сама увидишь, пища и тело его насытит, и в желудок попадет. А я уйду, чтобы он меня не видел.

— Куда? — Сердце ухнуло. Как я обойдусь без нее?

Елрех нахмурилась сильнее и крепче сомкнула руки.

— В лес. Не бойся за меня, заботливая Асфи, к жизни в лесу я привычная. Да и идти буду рядом с вами, но так, чтобы на глаза вам не попадаться. — И на Роми кивнула. — Все ему легче будет.

Елрех ушла не сразу. На возню с зельями она потратила все время до заката. Кейел еще засветло натаскал еловых веток, соорудил из них высокую лежанку. Все это накрыли одеялом и плащами. И Кейел самолично перенес Роми на руках, будто тот ничего не весил. После чего приволок мне котелок воды и занялся разделкой дичи. Дарок радовал тем, что не отвлекал никого. Отошел к краю поляны, где занялся тренировками. Размахивал плетями, кувыркался, ломал невидимого врага, кидался в него огромным бревном, а затем лупил по этому бревну кулачищами так, что щепки летели во все стороны.

Роми спал беспробудным сном, не реагируя больше ни на прикосновения, ни на солнечный свет, ни на шум вокруг. Я постоянно находилась рядом. Смачивала порванную рубаху в холодной воде, обтирала его и каждую минуту ощупывала снова. Горячий или все-таки температура отпустила? Ветерок обдувал, и накатывал страх, что ослабшего шан'ниэрда продует, но Елрех настаивала на том, чтобы не укрывать его, пока жар не спадет.

Когда она готова была передать мне все лекарства, жар и вправду отпустил. Кейел мигом забрал котелок и направился мыть его в реке. Пока я слушала указания о дальнейшем лечении шан'ниэрда, Кейел успел вернуться, установить котелок над заново разведенным костром и принялся возиться около него.

Второй костер, находившийся немного в стороне от лагеря, я заметила не сразу. Даже пропустила то, что из-за вкусного запаха, сглатываю слюну. Над вторым огнем уже доготавливалась пара румяных гусей. Одного из них, когда тот поостыл, Кейел свернул в листья лопуха и отдал Елрех. Он же провожал ее с малочисленными вещами.

Дыхание Роми вселяло надежду, что он быстро поправится. Грудь вздымалась высоко и легко, никаких сипов и хрипов больше не слышалось. Я приложила тыльную сторону ладони к серому лбу еще раз, убеждаясь, что температура спала, а затем накрыла шан'ниэрда.

Поляна наполовину погрузилась в прохладную вечернюю тень. На солнечной стороне макушки деревьев пылали в угасающих лучах. Из кустов, разросшихся в низине, доносилось ленивое кваканье. Оттуда же поднималась гудящая туча комарья и мошек. В котелке, висевшем прямо на линии тени и света, кипел бульон, источая головокружительный аромат. В блестящих кругах растопленного жира ворочались крупные куски мяса. Я осторожно подступила к костру и помешала содержимое котелка самодельным черпаком. Украдкой глянула на неутомимого васоверга, до сих пор рассекающего воздух. Острые бритвы сверкали то позади него, то впереди и со свистом косили траву. От них иногда страдали и деревья: стволы были исполосованы глубокими свежими надрезами, ветки то и дело разлетались в разные стороны. Дарок в своей обычной ежедневной тренировке был беспощаден. Страшно представить, каков из него воин в бою.

— Я помыл немного кореньев, — прозвучал за спиной голос Кейела, — надо забросить в суп.

— Каких кореньев? — спросила я, стараясь скрыть растерянность. Даже не заметила, как он вернулся.

Свернув рубаху на животе по принципу кармана, он и вправду насобирав каких-то корнеплодов. Опустившись на колени, вывалил их. На светлой ткани остались темные разводы.

— Разных, — ответил, улыбаясь мне. — Все съедобные, не волнуйся. И Роми пойдут на пользу. Я смыл с них землю, а это, — оттянул от себя грязную рубаху, — осталось, еще пока с леса нес. Все равно стирать надо, раз уж промок.

Я прикусила губу виновато, мигом вспоминая, как столкнула его в реку. Сжимая черпак в кулаке, завела руки за спину и отступила. Хотела попросить прощения, но не смогла найти в себе силы. Вместо этого спросила тихо:

— Суп ты для Роми решил сварить?

Он улыбнулся шире, отчего возле глаз появились морщинки. Они сделали теплый взгляд еще теплее.

— Ему одному много будет. Да и нам пора бы чего-то жидкого поесть. — Посмотрел на сваленные на траву коренья и спросил: — Сама справишься?

Я честно покачала головой.

— Могу испортить. Я не знаю, что это.

— Их почистить только, нарезать крупно и бросить в котелок. Но если не справишься, то дождись меня. Я быстро вещи постираю и приду.

«Дождусь» — застряло в горле, будто речь шла не об обычной готовке супа.

А Кейел уже подошел к сумкам. Отыскал среди них свои запасные вещи и поспешил к реке, но остановился, обернулся ко мне.

— Как он, Асфи? — заметно побледнев, поинтересовался и посмотрел на спящего Роми.

— В порядке.

— Хорошо, — тихо произнес, опуская голову, и пошел дальше.

Я не стала дожидаться его, услышав четкие указания того, что следует сделать, поэтому к его возвращению белые кругляши неизвестных корнеплодов варились вместе с мясом. Он развесил постиранную одежду на нижних ветках и приблизился к нам с Роми — я вновь проверяла температуру парня и его дыхание.

— Вижу, ты справилась, — Кейел говорил едва слышно, наверняка стараясь не потревожить сон друга.

— Это было нетрудно. — Я подняла к нему голову и с ответной улыбкой упрекнула: — Ты забыл букет на берегу.

Он изменился в лице, весь вытянулся. Сглотнув, чуть отклонился назад и глянул в сторону реки. Заправил мокрые волосы за уши — видимо, успел и сам освежиться, — и с извиняющимся видом проговорил:

— Он завял, Асфи. Долго пролежал под солнцем. — Скулы четче очертились, ноздри с глубоким вдохом втянулись, кулаки сжались. Взор, направленный на меня, стал острее. — Но это не беда. Чуть дальше река сужается, там брод и лес тянется на том берегу. Из него можно быстро выйти. А луг на той стороне ты сама видела. На нем полно цветов. Я нарву их тебе снова. Хочешь, прямо сейчас пойду?

Меня пробрала слабость, легким трепетом сковала все тело. Хотелось вскочить и броситься ему на шею, но вместо этого я сидела и гладила Роми, выпутывая осторожно светлые волосы из-под серых рогов. Ответить тоже ничего не успела.

— Кухарка, может, ты и кабанчика нам поджаришь? — Дарок приближался, тяжело дыша и стирая пот со лба.

Кейел шумно выдохнул, не сводя с меня глаз.

— Поджарю, — удивляя, согласился он. — Сейчас все сделаю.

— Ты не обязан! — произнесла я. Любовный трепет улетучился, как и не было его. — Дарок, не хотел бы ты хоть немного помочь нам? Ты расходуешь силу и энергию напрасно...

— Асфи, не надо. — Кейел шагнул ко мне и стиснул мое плечо. Он хмурился, но при этом, казалось, состоял из сплошного спокойствия. — Мне приходилось хлопотать по кухне, когда матушка болела. Это не трудно, если не заниматься этим постоянно. — И перевел тему: — Ты помнишь, что Елрех говорила? На закате нужно напоить Роми успокоительным зельем. Всего пару капель на язык, чтобы не вызвать у него рвоту. А после заката его надо заставить проглотить хоть немного супа. Только жидкость.

И не позволяя ответить, ушел к валяющейся туше кабана.

Дарок отгрыз от травинки кончик и сплюнул под ноги. Постоял немного рядом, молча убивая Кейела взглядом, а затем отправился к костру, где уселся и принялся точить свои костяные бритвы.

На закате я выполнила ненавязчивые указания Кейела, приоткрыв рот Роми и капнув пару капель желтого, густого зелья ему на язык. Шан'ниэрд впервые за вечерний сон поморщился и простонал, затем даже поерзал, укладываясь удобнее. Я проверила сверток из куртки Кейела под шеей Роми, чтобы тот не растрепался и не позволил рогам запутаться в ветках. После отправилась доваривать

суп. Особого моего вмешательства в этом деле не требовалось, а вот Дарок раздражал, хоть и пытался заговорить о чем-то отстраненном — то о погоде, то о надоедливом комарье... Даже озабодился состоянием «рогатой девчонки». В его заботу, естественно, я не поверила. Но разговор поддержала ради того, чтобы убедиться в нашей договоренности:

— Ромиар сильный парень, — сказала я, забрасывая щепотку соли в котелок, — он выкарабкается. А как насчет тебя, Дарок?

Кустистые брови взлетели на широкий лоб. Бритвы, как и рога, отдающие сталью, перестали мелькать и скрежетать.

— Я не болен, Асфи. А если заболею, то тебе не придется носиться со мной. Мы не терпим этой вашей слезливой заботы и сюсюканья.

— Я не про болезнь говорю, а про твою силу. — Из мешочка с сушенными травами дохнуло укропом, петрушкой и базиликом. В отдельной склянке у нас был даже перец, но сыпать его я не рискнула, помня о состоянии Роми. Приправив суп, взглянула на внимательно слушающего Дарока и продолжила: — Насколько ты внутренне силен, чтобы сдерживать свои обещания?

Он скривился и сплюнул в сторону.

— Не раздражай меня, женщина. Все, что я сказал, правда. Как улажу дела с Кхангатором, я найду тебя, ты родишь мне сыновей. Тебе же лучше быстрее смириться с этой мыслью.

— Тебе еще предстоит меня заставить. — Я прикусила язык. Не планировала же опять ругаться, хотела лишь вынудить его твердо держать свои слова.

— Я помню, как ты убила Гора. Но я и сам запросто оторвал бы ему рога. Посмотри на меня, Асфи, и вспомни, кто я, а потом вспомни васовергов. Или, может, тебе напомнить Фаррда? Во что я превратил его. Задумайся над тем, какой силой и яростью надо обладать, чтобы заставить васовергов служить себе. Тебе самой же легче будет смириться с мыслью, что ты от меня никуда не денешься. А если попробуешь найти себе защитника, то я его на твоих глазах выпотрошу, чтобы ты поняла, что никого нет сильнее меня.

— Во время похода ты мне подчиняешься, а что будет после — увидим, разберемся. — Я отмахнулась от дыма и спросила: — Это твои слова?

— Мои.

— Тогда я хочу насладиться жизнью хотя бы до сокровищницы. Не мешай мне, Дарок. Раз уж ты не можешь дать мне любви, не мешай получать мне ее от другого.

В полной тишине я помешала еще раз наваристый суп и направилась к Кейелу. Он стоял спиной к нам и вытирал руки, которые обмывал из кружки. Посуды на две разделенные группы все-таки не хватало. Перед ним лежал кабанчик, умело вздетый на крепкую палку. Под ногой хрустнул сучок, и Кейел резко обернулся. Я застыла на месте. Сердце сорвалось с медленного ритма, заколотилось быстро-быстро.

Кейел с заметным напряжением опять отвернулся, видимо, решая не придавать значения моему приближению. А я пыталась вразумить себя, успокоиться. Не может же он читать мысли? Значит, не догадался и о намерениях. А если догадался, что меняется?

Шаг стал пружинистым, неровным. Постоянно хотелось отступить, свернуть или уговорить себя от ужасной идеи. В полной мере — отвратительной. Но я не позволяла, запрещала себе думать о чем-либо, кроме того, что нужно дойти до цели.

И я дошла.

Рывком обняла Кейела со спины, прижалась к нему щекой и затряслась, застучала зубами. Ничего не могла поделать с этой крупной дрожью, откровенно выдающей мое волнение. Ощувив под ладонями его грудь, услышав биение его сердца, запаниковала и хотела отпрянуть, извиниться, придумать глупую отговорку. Он, словно почувствовав это, перехватил меня, переплел крепко наши пальцы, накрывая ладонями мои руки, и заставил вернуть все на место.

Стояли молча под треск костра, под ленивое кваканье одинокой лягушки и комариный писк. Стояли долго. Жар от огня успел пробраться под одежду и начал припекать кожу с правой стороны. Где-то на затылке, в волосах, запутался комар, второй — нагло присосался к ноге. Но двигаться совсем не хотелось. Напряжение после первых десятков секунд объятий постепенно спадало, и вместо него накатывало спокойствие, какое-то безмятежное благодушие. Оно заполняло каждый уголок тела, селило любовь даже к кровососам. Их не хотелось прихлопнуть, может, только смахнуть и отогнать. С другой стороны, им тоже надо питаться. С меня не убудет потерпеть, а им нужна лишь малость

для жизни.

Я потерялась щекой между лопатками Кейела, и, кажется, он впервые за эту нашу близость выдохнул. Погладил большими пальцами мои руки и негромко произнес:

— Я в крови. Наверное, тебя измазал.

— Не страшно, — полушепотом ответила я.

На небе таяли остатки красной дымки, разгорались ярче звезды. Двигаться совершенно не хотелось, но более ответственный к делам Кейел пробуждал во мне совесть.

— Нужно повесить на рогатины кабана и попробовать напоить Роми. Его нельзя надолго оставлять. Можно я обниму тебя позже?

Я тихо рассмеялась и вдохнула его аромат. Он сжал мои руки.

— Если ты этого не сделаешь, Кейел, то я сама тебя обниму. Видишь, я все могу.

И отступила, отпуская его. Он с улыбкой повернулся ко мне.

— Ты и в самом деле все можешь.

Мы разобрались с делами только глубокой ночью. Луна сияла на ясном небе, освещая поляну не хуже костра. С трудом напоив Роми и супом, и зельями, мы совсем немного помазали ему горло тем средством, которое Елрех сделала, чтобы хуже работал рвотный рефлекс. Отпаивали его по чуть-чуть, радуясь, что он пришел в сознание. Толком не понимал, что происходит, но самостоятельно все проглатывал и послушно терпел горечь некоторых зелий. Кейел запретил давать больше половины кружки супа, опасаясь, перегружать живот, а может, его успела проинструктировать Елрех.

Сами сели поесть, когда ночная прохлада вынуждала ежиться. Дарок недовольно смотрел на нас, но никак не отмечал вслух нашу заботу друг о друге. А я дорвалась... Упиваясь старой привычкой, заправляла непослушные пряди русых волос за уши, гладила впалые щеки, прислонялась лбом к сильному плечу, обнимала Кейела за талию всякий раз, как выпадал удачный момент. Он постоянно терялся в первые секунды, но потом удерживал рядом и продлевал малейшую близость.

Надо признаться, готовил он не хуже Елрех. А может, я давно не ела наваристого супа — лишь каша да мясо. Или сегодня был особенный день, особенный вечер, который все делал вкуснее, ярче, насыщеннее. Даже состояние Роми и отсутствие Елрех ничуть не омрачало чувства и ощущения.

После плотного ужина Дарок, весь вечер рассказывавший о подвигах многочисленных васовергов, расхваливавший недооцененные нравы и культуру своей расы, а также прелесть северной части Васгора, которую мне, по его словам, обязательно стоит увидеть, подозвал духов воздуха, скрестил руки на груди и мгновенно уснул.

Кейел, словно, как и я, пропускал слова Дарока мимо ушей. Он улыбался едва заметно, лишь одними уголками губ и с блеском в глазах смотрел на костер.

— Тебе тоже пора ложиться, — прошептала я, поднимаясь на колени и подползая к нему. Его снова хотелось трогать, обнимать и целовать. От него не хотелось ни на секунду отдаляться.

Он прикрыл глаза и шире улыбнулся, позволяя обхватить себя за плечи. Но помотал головой.

— Я посижу, а ты ложись. Только сварим мне крепкий отвар из бодрянки.

— Елрех ругает меня, если я ее так называю, — целуя его в шею, прошептала я. От него исходило приятное тепло. — Тебе не холодно?

— Хорошо, — ответил он, запрокидывая голову и глядя меня по рукам от пальцев почти до самых плеч. — А как она ее называет?

— Не помню. Мне проще тоже запомнить бодрянку бодрянкой. — Я рассмеялась, а он усмехнулся. — Варить не в чем.

— В кружке сварим.

Так и сделали. Я готова была согласиться с ним на что угодно. Даже не спорила, что первые полночи буду спать я, а только потом он. Мне и хотелось, чтобы он выспался, но желание угодить любой его прихоти побеждало.

Перед сном я еще раз проверила Роми, и его состояние внесло в радостное настроение свою

немалую лепту. Он сам повернулся набок и натянул одеяло, которое отдал ему Кейел, до самого подбородка. Дыхание стало еще лучше, чем было. Жара не было. На мое осторожное прикосновение он вовсе поморщился и отмахнулся, как от надоедливой мухи.

Я легла на еловые ветви и заставила Кейела сесть рядом со мной. Он особо и не сопротивлялся, лишь задержался, отыскивая в траве свой плащ. Когда присаживался, накрыл меня, заверяя, что ему не холодно. Укладываясь удобнее, я взяла его за руку и поднесла к щеке. Сон накатывал, но вместе с ним никак не отпускало желание продлить наступившую и необходимую мне реальность. Он рядом, я могу его трогать, могу прижимать его руку к щеке. И к губам. Могу целовать ее, зная, что он задерживает дыхание, наслаждаясь моим проявлением ласки. Могу. Я все могу.

Кейел

Мир выглядел таким хрупким, будто чудился наяву. Дотронушь неосторожно — мигом все разрушу. И только лунный холод, пробирая до костей, трезвил меня.

Не чудится. Все происходит в самом деле...

Асфи, подложив руки лодочкой под голову, спала за моей спиной. Ее дыхание и невинный вид успокаивали меня, убаюкивали. А спать было нельзя... Лес купался в мрачной синеве. Звуки в нем то настораживали резкостью и близостью, то развлекали загадкой, кто воет и как далеко.

Думать об Асфи не хотелось, и я гнал любые мысли, которые рождались в голове от одиночества. А их было много, и они успевали даже мимолетным касанием разума взбудоражить чувства.

Жестокость со Стрекозой. Объятия с васовергом — словно очередное предательство.

«Он умер»... Почему это обидело сильнее всего?

И ее забота о Ромиаре... Удивила. Как в ней помещается столько всего? И любви, и ненависти.

И мы вместе. Но одновременно — нет... Что Лери? Лери из жизни не выковырять, тут Асфи права. Значит, мы вместе, пока наши пути лежат по одной дороге. А потом?..

Потом не было. Ни в мыслях, ни в фантазиях — нигде.

Об этом лучше не думать.

Асфи, свернувшись на боку, спала за спиной. Прижимаясь ко мне ногами, согревала мою поясницу, и дрожь от холода изредка отпускала даже от этого крошечного тепла. А крошечное ли оно? Я невольно сравнивал Асфи и Лери. Не хотел сравнивать, не хотел предавать ни одну девушку, ни вторую, но и от этих мыслей так легко отмахнуться не получалось. Казалось, Асфи дарит тепло постоянно и охотно. Закрадывалось подозрение, что так и должно быть, когда тебя в самом деле любят. Я гнал его, чтобы оно не множило мерзкое чувство обиды.

Дарок храпел, сидя возле костра. Пламя бросало на крупное лицо свет, показывало взору шрамы, рубцы, морщины. Во сне васоверг часто скалился и чесался, вызывая омерзение. Зачем ему Асфи?

Стоило вспомнить о девушке, как она вздрогнула. Я мигом склонился к ней. Асфи морщилась, как от боли. Мышцы на лице задрожали, а вся она съежилась и что-то тихо пробормотала на выдохе.

— Тише, — прошептал я.

Поднес пальцы к бледной щеке и застыл, не смея коснуться. Вдруг задремал, и все это чудится? Сердце билось с силой, страх овладел до самого нутра. Пальцы свело от напряжения, и я сжал их в кулак. Девочка опять поморщилась, ресницы задрожали, и что-то блеснуло в уголке глаза. Слеза?

— Асфи, — выдохнул я и, не думая, погладил по худенькому плечу. Растормошил.

Она всхлипнула едва слышно и произнесла мое имя. Или показалось?

В груди все сжалось, перевернулось, ноги ослабли, а Асфи затрясло сильнее. Я смелее тронул темные волосы, погладил, успокаивая ее. Склонился низко над ней, ощутил тепло ее тела, тонкий аромат трав и тины. Зашептал на ухо:

— Это все дурной сон, Асфи. Тебе все снится.

Она замерла — я перестал слышать ее дыхание. Насторожился.

— Кейел? — прозвучал сонный голосок.

— Я. Ты плачешь. Тебе приснился дурной сон?

— Кейел! — чуть громче выдохнула она, а через миг уже повисла на мне, крепко обнимая за шею.

Я не знал, что ответить. Не понимал, что делать. Поэтому поднялся вместе с ней, пересел удобнее и затащил ее к себе на ноги. Попытался укутать одеялом, пока тепло из-под него не выветрилось, но Асфи вцепилась в меня, не позволяя ничего сделать.

Я обнимал. Слышал всхлипы, чувствовал, как ветер холодит мокрую от слез и поцелуев шею. А в голове эхом звучало мое имя ее голосом.

Асфи успокоилась не скоро, но, наверное, с самого начала не была до конца в сознании. Стоило мне

начать целовать ее в ответ, с улыбкой заверять, что я рядом, и гладить по голове, как девчонка устроилась с удобством у меня на руках и быстро заснула.

Переключившись на Асфи не хотелось. Ее близость дурманила, пробуждало странное чувство... Словно я во всем Фадрэгосе лишь один удостоился чего-то бесценного.

Было страшно осознавать, что это нечто бесценное спит в моих объятиях.

Хорошо и необычайно легко.

И одновременно стыдно и трудно. А что Лери?..

Прогоняя всякие мысли — и приятные, и тяжелые, — я набросил на себя одеяло. Укутал нас с Асфи, прижался губами к девичьему лбу, а затем взглянул на нее внимательнее. Щеки успели высохнуть, но под густыми ресницами все еще блестели остатки слез. Их хотелось вытереть, но я не мог шевельнуться. Все смотрел и смотрел... Ее черты лица незаметно въедались в разум и пробуждали удивительное желание трогать. Снова и снова. Целовать, гладить, запоминать...

С трудом я отвел от нее взор и поднял его к небу. Теперь я не видел на нем звезды, о которых мне рассказала Асфи. Теперь оно было усыпано ее слезами.

Я обнял девушку крепче — потревожил сон. Но она, запустив руки мне под мышки, лишь обняла меня в ответ, потерлась щекой о ключицу и замерла. Я не дышал, пока ее дыхание не выровнялось.

Давно прошло время пересменки. Так Асфи это называет? Скоро Шиллиар начнет розоветь, и я уже должен был спать. Я улыбнулся, глянув на Асфи, и понял, что мне придется побыть без сна дольше. Я снова поцеловал ее в голову, ощущая от этих поцелуев неизвестный до этого мгновения прилив сил. Наверное, с такими силами я бы сумел победить даже васоверга.

— Не пора? — вдруг очнулась Асфи.

Стала часто моргать. Ощувив движение тонких рук, я прижал свои руки к телу, не позволяя ей разомкнуть объятия.

— Не пора, — соврал я. Соврал с небывалым удовольствием. — Не пора. Спи.

И она доверилась. Сладко зевнула и, снова прижавшись ко мне, заснула.

До самого рассвета я держал Асфи на руках, наслаждаясь близостью с ней и охватившим спокойствием. Грелся ее теплом, прислушивался к тихому дыханию. Улыбался, когда раздалась песня ранней пичуги. Заря вспыхнула над лесом. Сразу с ней проснулся васоверг. Потер глаза, зевнул и поднял лицо к небу. Убедившись, что не проспал рассвет, уставился в мою сторону. Заметив Асфи в моих руках, нахмурился. Медленно перевел взор на меня и ухмыльнулся недобро. Я прижал Асфи к себе крепче и плотно сомкнул губы. Для мародера я пустое место. Человек, который никогда не сможет постоять за себя. И это правда... Что я сделаю васовергу, если он захочет отобрать Асфи? Но пока она со мной. Не с ним...

Васоверг, как и всегда, не дождавшись от меня ответа, тяжело поднялся на ноги и потянулся до хруста в спине. Потоптался на месте, потер ладонями лицо и пошел к участку, где весь закат тренировался. Уселся там в примятую траву и уставился на небо. Теперь его было трудно чем-либо потревожить.

Я снова посмотрел на Асфи в своих руках, и вопросы хлынули с новой силой, будто наконец-то прорвался поток. И этот поток с каждым вопросом нес какое-то болезненное понимание случившегося. Почему я не дождался ее? Откуда я мог знать, что кто-то будет искать меня? А если бы не было Лери, чем бы все закончилось? Неужели Асфи не настаивала бы вернуть мне память Вольного? Зачем я ей без его памяти?

«Я люблю Вольного» «Он умер»...

А я? Кто я для нее? И если бы не Лери, смирилась бы она с тем, каков я есть?

— Кейел! — раздался слабый голос.

Я встрепенулся, в руках шевельнулась Асфи.

— Кейел! — Ромиар пытался подняться на локтях, но снова заваливался на спину. Под ним хрустнули еловые лапы.

Асфи вмиг забилась в руках, словно мотылек в паутине. Выпуталась, вскочила на слабых ногах и едва не повалилась, но я успел привстать следом и подхватить ее за талию. Удержал, а через миг почувствовал, как вместе с убегающей Асфи исчезает тепло. В это же мгновение по моим ногам

пробежала неприятная дрожь, их охватила судорога, свело болью. Я рухнул на землю и поморщился, растирая затекшие голени, сдавливая онемевшие стопы. Пока размял их, пока доковылял до Роми, Асфи уже щупала его лоб.

Он вертел головой и отбивался от ее рук.

— Не трогай меня, человечка! — скалил клыки.

— А если снова жар? — Сидя на коленях перед его лежанкой, она уперла руки в бока и насупилась. — Дай проверю температуру, идиот рогатый!

Ромиар оскалится сильнее и зашипел на нее. Перевернулся на бок так ловко, будто и не умирал накануне. Желтые глаза сверкали раздражением. Кончик серого носа резко заострился, от крыльев носа залегли глубокие морщины; глаза превратились в горящие щели.

— Где она? — спросил он.

— Кто? — Асфи прищурилась в ответ.

Я подошел к ней ближе и убедился, что она злится. Но злость эта не та, которую она испытывала к той же Стрекозе, а другая. Эта ее злость не несла бед окружающим. Эта злость даже умиляла.

— Елрех, — ответил Роми очевидное, и умиление мигом исчезло.

— Из-за тебя, идиота хвостатого, в лес ушла! — приподнимаясь выше и выше над исследователем, осуждающе произнесла Асфи.

— В лес? — Ромиар опешил. — Как это в лес?

— Вот так.

— И ты отпустила?! — Он вскочил, заставляя ее шарахнуться. Но она не опрокинулась на спину, а ловко переставила ноги и вытянулась в метре от него. Гибкая, тонкая, будто готовая к нападению. И взгляд ее, колкий, будто оценивал не друга, а противника. Ромиар и не обратил на это внимания, потребовал: — Верни ее.

— Еще чего! — Асфи тряхнула лохматыми волосами и стиснула кулаки.

— Сейчас же!

— Спятил?! — Шагнула к нему, склоняя голову ниже, и с вызовом полюбопытствовала: — А потом мы снова тебя откачивать будем?

Я невольно отступил дальше. Ее взволнованность и решительность будоражили чувства крепче дурмана. У меня не получалось оторвать от нее глаз всю Луну, не получалось и теперь.

— Верни ее! — настойчиво повторил Роми.

Попытался встать, но слабость все-таки одолела. Он свалился в траву.

— Ты посмотри, что делает! — возмутилась строгая девица, указывая на него ладонью. — Кейел, помоги, уложим эту бестолочь обратно.

И я не смог послушаться. Наконец-то вспомнил и о Ромиаре, и о его горе — дурман любования слетел с меня, но то и дело охватывал снова. Помогая исследователю встать, укардкой глядел на Асфи. Руки тянулись тронуть ее пальцы, ощутить ее тепло, мягкость кожи. Неужели я пол-Луны обнимал ее? Как поверить в то, что я могу прикасаться к ней?

— Асфи, когда она ушла? — укладываясь обратно на лежанку, допытывался Роми.

— На закате, — ответил я, поправляя свою куртку у него под шеей. И поспешил успокоить: — Я проводил ее к большому дереву неподалеку. Она говорила, что будет спать на его ветках. Она недалеко.

— Когда она вернется? — Он вцепился в рукав моей рубахи, заставил посмотреть в желтые глаза.

— Когда тебе станет лучше. — Я был не уверен в ответе, но решил, что другой может только навредить.

— А если хищники? Асфи, найди ее. — Он вцепился в ее запястье и, стиснув с силой, дернул. — Найди ее и убедись, что все хорошо. — И снова посмотрел на меня. Безумен! — Кейел!

— Я найду, — пообещал я, стараясь осторожно высвободить руку Асфи. Она морщилась и бормотала

ругательства под нос, тоже стараясь вырваться, не причинив ему вреда. — Прямо сейчас и найду.

— Пусть покажется. Попроси ее, чтобы показалась. Попроси...

Как только я кивнул, он лег на спину и сложил руки на груди. Лицо его расслабилось, морщины разгладились. Лишь брови сошлись над переносицей, отражая внутреннее страдание. Взор прояснился, устремился в светлеющее небо. Глаза наполнились тоской и миролюбием.

Поправляя накинутое на него одеяло, я встал и направился той тропой, какой на закате провожал Елрех. За спиной слышались шаги, и я обернулся. В груди все сжалось — сладко, приятно. Асфи следовала за мной, потирая покрасневшее запястье.

— Прости его, — попросил я и, стараясь не думать об охватившем страхе, взял ее пальцы. На миг застыл, ожидая, что она оттолкнет или отнимет руку. Ничего... Стояла и внимательно наблюдала за мной из-под густых ресниц. Я осторожно погладил нежную кожу. Надо же, как покраснела... И тихо напомнил: — Он сходит с ума. С беловолосыми шан'ниэрдами всегда так.

— Это пустяки, — опустив взор на наши руки, ответила она. — Мне главное, успеть дотащить его до сокровищницы. Когда он был Вольным, то не страдал так. Кейел, ты точно знаешь, где она?

Асфи шагнула ближе и, положив ладонь мне на щеку, выбила воздух из груди. Заглянула ласково, но одновременно требовательно в глаза. Я кивнул. Сглотнул пересохшим горлом и с трудом сказал:

— Я оставлял ее с вещами у дерева. Она при мне присматривала ветку пониже.

— Хорошо. — Отступила от меня, медленно, словно прощаясь, поглаживая по щеке. Улыбкой вызвала слабость в моих ногах. Продолжая пятиться с улыбкой, которая становилась все шире и шире, уличила: — Кейел, ты не спал всю ночь.

— Луну, — поправил я и едва не шагнул следом за ней. Мне в другую сторону... Но я быстро вернусь. Быстро.

Асфи усмехнулась, взлохматила волосы сильнее и, приподнявшись на носочках, завела обе руки за голову. Солнце просветило ее фигуру и словно влило свой жар в меня. В висках застучало, в паху потяжелело, а в глазах медленно стал темнеть мир, сужая свет на Асфи.

— Скажи Елрех, что мы пробудем тут еще одну Луну. Тебе нужно отдохнуть.

Она круто развернулась и бодро направилась к лагерю. Я заморгал, потер глаза и постарался отвлечься на мысли о Роми и Елрех. Нужно найти Елрех и успокоить Роми. Сейчас важно лишь это.

Только успокоился и шагнул по тропе дальше, как вновь пьянящий голос тронул сердце:

— Кейел! — И мое имя из ее уст звучит иначе... Особенно.

Я обернулся, кусая губы и стараясь устоять от желания броситься к этой девушке прямо сейчас. Ее лицо тонуло в засветах восходящих лучей, но я хорошо запомнил каждую черту на нем. Я видел, как плавится Солнце в темных глазах, не глядя в них. Я помнил и, как наяву, видел...

— Спасибо, что дал выспаться! — поизнесла она с радостной интонацией, и я улыбнулся.

Закрыв лицо ладонями, едва не расхохотался, словно заразился безумием шан'ниэрда.

Асфи

Не удивлюсь, если со стороны я казалась бесчувственной тварью. Да и сама постоянно одергивала себя, напоминая, что у Роми горе. Он сходит с ума. Это серьезно!

Но улыбка рвалась наружу. Хотелось наскаками-перескоками ворваться в лагерь и закружиться со всеми в танце. Даже с Дароком. Плевать!

Хотелось плясать, петь, смеяться или побежать в поле через речку и, будто нет у меня никаких забот, нарвать самой себе огромный букетище цветов.

Однако я нашла в себе силы удержать шквал радости. На поляну выходила с высоко поднятой головой, с заправленными за пояс пальцами и спокойным шагом. Озираясь, прикинула объем работы на сегодня, прибавила к нему болеющего Роми и поняла, что справимся гораздо раньше.

Дарок развалился под солнцем, впитывал его лучи и молча разговаривал со своим божеством. Кого он сегодня собирался убивать, меня не волновало, потому что я была убеждена, что сегодня не умрет никто. Настроение-то у меня хорошее, а значит, пострадать никто не посмеет.

Перво-наперво я озаботилась завтраком. Елрех в этом деле очень не хватало, но, с другой стороны, мне и самой надо было развлечься. Вскоре к краю поляны подошла и сама Елрех. Целой и невредимой показалась в тени высокого дерева, дождалась, когда Кейел приблизится к Роми и укажет ему на его возлюбленную, и, напоследок кивнув мне, ушла.

Или точнее сказать, оставила нас наедине с новым проявлением безумия.

Душевные раны Роми вскрывались словно в отместку на заживление телесных. Стоило Елрех уйти, как он стал страдать о том, что выглядит глупцом в ее глазах. Смешно не было. Его состояние к полудню даже начало угнетать, но на глаза попался Кейел — и на сердце легчало. Зов Вестницы не мог обмануть. Не мог ведь? Он привел меня к Роми. Он отпустил, когда я сообщила исследователю о знаниях Вольного и их расовом недуге. Значит, до сокровищницы мы доберемся, а там Ромиар получит сполна свою награду за путь Вольного. И Кейел... Будучи Вольным он отыскал семью, он едва не разорвал меня на кусочки из-за того, что я хотела лишиться себя возможности материнства. Да и Этирс он хотел посадить дома, чтобы она дождалась его в безопасности, а затем стала ему женой. Чем Лери не Этирс в новом обличии? Будучи Вольным, Кейел всегда мечтал о своей семье и доме. Значит, в этой жизни он уже получил свою награду. А я...

Я, кажется, прозрела.

После сокровищницы мне нужно к мудрецам. Мысли о них пробуждают зов Вестницы, и он противно зудит в груди.

Что будет после — неизвестно. Одно ясно: если Повелители позволят, как-то жизнь проживу.

Пересматривая наши вещи на целостность, я покосилась на отдыхающего Дарока. Он полусидел с помощью духов воздуха и чистил свои лезвия. Еды у нас хватало впрок, время тренировок еще не наступило, а больше этот мужчина занятий не знал. Предстоит ли мне сразиться с ним, или удастся уйти так далеко, чтобы он меня не нашел?

Уйду. Не найдет.

Дарок заметил мой взгляд, ухмыльнулся криво, и я отвернулась. Передернула плечами.

...а если найдет — убью.

Кейел, в отличие от васоверга, радовал. Он и о будущем не заговаривал, и о своем прошлом. Может, сам не хотел ничего между нами портить? В любом случае смекалистый.

И работающий... Увидев, как страдаем от нехватки посуды, отправился к поваленному дереву. Каким-то чудом вырубил из него крепкий кусок, оставив непугаными птиц и нетронутым их гнездовье. На мое удивление отмахнулся скромно — дерево похвалил: сохранилось — не сгнило и не приглянулось вредителям.

Когда роса высохла, жужжание шмелей потонуло в птичьем гомоне, Кейел ушел к реке и пропал. Беспокойство одолело. Я бросила починку сумок, исцарапанных лесистой дорогой, и последовала за ним. Кейел отыскался у самой воды. Разулся, засучил рукава, подвернул штанины и сидел у реки. Камнем тер выемку в дереве, а в выемке с громким шуршанием песок катался. Я постояла там немного и так же молча, как пришла, вернулась в лагерь.

К полудню на поляне стояло выструганное и отшлифованное корыто с водой. Возле Роми лежал посох. С него Кейел при мне снимал кору, срезал ножом острые веточки, а после оставил просыхать

под солнцем. Он же поймал три рыбины, двух попросил меня выпотрошить и почистить от чешуи, а третью, самую крупную, отнес Елрех. Я только наблюдала за ним и молча завидовала его прыти.

Пока он с охотой занимался хозяйством, я развесила все вещи просыхать и села начищать оружие: кинжалы — Роми и свой, все подряд ножи. После, воспользовавшись тем, что Кейел отвлекся на Роми, добралась и до его топора.

Мы шли в регион Ночной смерти. И если пещеру и ее обитателя я уже почему-то не боялась, то вот к скале, у которой разбилась Ил, идти хотелось во всеоружии. Мне там быть еще не доводилось...

Когда из котелка поднимался густой пар, а над лагерем густо запахло ухой, Дароку надоело валяться и наблюдать за нами. Он поднялся и вновь принялся крушить бревно, деревья и срезать траву. Его тренировки злили особенно. Нужно ли мне столько же вкладывать усилий в ежедневные упражнения с оружием, чтобы однажды победить этого громилу?

Нет, просто спалю... Отдам его Ксанджам, и хватит с нас теплых отношений.

Между делами Кейел возился с ослабшим шан'ниэрдом — водил его к реке умыться, в лес по нужде, по строгому наставлению Елрех поил зельями, кормил чуть ли не с ложечки и смазывал горло. Между тем до меня долетали отголоски их негромких бесед, и они лишь прибавляли в моих глазах уважения этому Кейелу и сочувствия. В конце концов, душевные метания Ромиара с трудом понимала даже я. Его очень тянуло к Елрех, но при этом рвало от ее вида. Он хотел знать, что с ней все хорошо. Хотел, чтобы она знала о его заботе, но при этом очень переживал, что она увидит в его желании слабость. Ему хотелось быть для нее героем, но при этом его до тошноты изводило это стремление.

Полукровка, грязь, позор его расы... Он словно замкнулся на этом и ни о чем другом говорить не мог.

К вечеру Кейел снова проведаль Елрех. Пришел от нее с ее миской, налил ухи и под благодарным взглядом желтых глаз отправился обратно к ней. А я вдруг поняла, что за день соскучилась по нему. Мы смотрели друг на друга, перекидывались словечком-другим, но все о делах и предстоящем пути. Мимолетные прикосновения можно было списать на дружеские, если бы не взгляды украдкой и улыбки полные нежности.

Он вернулся. Шагнул на поляну, отряхивая штаны от паутины. На негромкую шутку-плевок Дарока отреагировал спокойной хмуростью. Жаль я не расслышала слов...

До захода солнца я успела перебрать вещи, провизию, сложить все снова по просохшим и залатанным сумкам. Кейел же разлил остатки ухи по мискам, поставил порцию перед каждым. Даже перед Дароком, снова заговорившим со мной о своем — теперь о долинах драконов, о самих ящерах, об их величии.

— Умел бы ты удар держать, человек, — взяв миску с примятой травы, внезапно обратился Дарок к спине Кейелу, — я бы тебя в войско к себе позвал.

Я против воли нахмурилась, ощутила тревогу под сердцем. Кейел промолчал. Прежде, чем самому сесть за ужин, озабочился состоянием Роми. Я, отложив осмотр ножен, тоже принялась за еду.

А Дарок продолжил говорить громче, чтобы все слышали:

— Мы слабых васовергов берем как раз в услужение. Жрать готовят, а вечерами они развлекают нас рассказами и песнями. Как бабы, да только за себя постоять могут. Научись меч в руках держать — приходи. Я тебя к себе поближе пристрою. Речами о духах всех братьев моих забавлять будешь, а еда твоя вкусная. Не в каждой харчевне такая перепадет. Ценить тебя будут сильнее своих матерей.

Я стиснула ложку в руке и зажмурилась. Вкус ухи сладковат был, насыщенным, аппетит пробуждал, но Дарок умудрился все испортить. Кейел опять молчанием отвечал, хоть и заметно злился — хмурился, губы поджимал, а движения стали резче. Его хотелось как-то поддержать, да так, чтобы не унизить.

После ужина Дарок с довольной физиономией отдал миску Кейелу в руки. Будто хвалил за то, что парень собрался мыть посуду за нами. Кейел собрал все в корыто, им же сделанное всего за полдня, и направился к реке. Я вскочила следом.

— А ты куда? — удивился он, останавливаясь. — Я сам справлюсь.

— Помогу. Я человек, — громко отметила, — женщина простая. Надо командовать — команду, а так и в обычных делах полезна буду. Идем.

В затылок будто тяжесть давила — Дарок с недовольством провожал нас взглядом. Но я только

плечи распрямила и любовалась профилем Кейела. Хорош он собой. Во всем хорош.

У реки было прохладно. Журчание воды загасило капли вспыхнувшей злости. С посудой управились быстро. Кейел поднял корыто высоко, поставил на берег, стараясь не налегать грудью на песчаную землю. Сами выбрались пологой трещиной-тропой и к лагерю возвращались в уютной тишине. По дороге он зевнул и тряхнул головой, стараясь скинуть волосы с глаз. Я заступила ему путь, с наслаждением заправила пряди за уши и привстала на носочках.

— Поцелуешь? — спросила тихо.

Он глубоко вдохнул, замер. Затем глянул на ночь растерянно, будто не знал, как быстро от нее избавиться. А я хохотнула и с улыбкой продолжила путь.

Однако в лагере стоило ему только руки освободить, сама к нему в объятия прыгнула и поцеловала. Сладко, до головокружения и слабости в ногах. Счастье в зелено-карих глазах и заметное недовольство Дарока лишь подстегивали к дальнейшему проявлению ласки.

Кейел лег спать первым. Последние лучи еще не успели угаснуть, а он устроился на лежанке. Только я его поцеловала в уголок губы, растянутый улыбкой, а через миг Кейел уже спал. Утомился за бессонную ночь и день беготни.

Укутавшись в его плащ, я смотрела на костер. Стерегла его сон. Когда душа Щедрого Таррила засияла ярко, затмевая ближайšie звезды, пришла пора будить Кейела. Будить не хотелось, и меня вдруг осенило... Почему не попросим помощи у Мивенталь, как делали это в той жизни? Духи живут вне времени, значит, Кейела помнить должны.

Однако будить его все равно пришлось. Путь до священного кольца предстоял неблизкий, а Роми еще и мог тормозить нас. У меня не было никакого желания валиться с ног к закату.

А с зари путь продолжился... Шли лесом. И он то густел, то редел. Привалы из-за Роми старалась делать каждые полчаса. Рогатый шагал молча, посохом шупал тропу, на него же налегал, когда необходимо было перешагнуть яму. Помощь принимал неохотно, и только от Кейела. Меня к себе не подпускал, а Дарок и предлагать ничего не думал. Четырехрогий воин и вовсе стремился отдалиться от меня с Кейелом, будто обиделся, что я позволила слабому человеку ухаживать за собой.

К полудню поднялся ветер. Гнул кроны до треска, гулял между стволов, унося сырость. Выглядывая Елрех в густых зарослях и стараясь заметить ее, я только увидела, что тамаргов с нами нет. Очухалась... Были, были рядом, а потом исчезли... Спросила о них у Кейела, постоянно идущего рядом со мной. Как выяснилось, в первый же день на поляне, Кейел перевел их вброд на другой берег и отпустил на волю. Он оттянул ветки от лица и поделился:

— Теперь волнуюсь, не поспешил ли. Если не одичают, не выживут.

— Жить захотят — выживут, — отмахнулась я. Прошла следом за широкой спиной парня и поймала лицом паутину. И снова забывчивость смело. Только что ведь он прошел передо мной, а паутина мне на лицо легла. Ему максимум на одежду липнет! — Кейел, а ты призвать Мивенталь не хочешь?

Он споткнулся, разворошил носом сапога мох. Настороженно оглянулся и спросил:

— Зачем?

— Не знаю, — пожалала я плечами и подтянула сумку. Кейел тащил на себе и свои вещи, и Роми. — Пусть бы постерегли наш обеденный отдых.

— Смейшься надо мной? — кажется, Кейел обиделся. Отвернулся резко и будто согнулся, ссутулился. Продолжил путь, проговаривая: — Асфи, я духов не презираю. Я уважаю их и почитаю. Просто считаю, что за свои проступки мы сами отвечать должны.

Я попыталась его догнать, поравняться с ним, но деревья росли густо, местность была неровной — все в рытвинах и впадинах. Ложбины преграждали дорогу каждую сотню метров. Пришлось кричать ему в спину:

— А что плохого в том, чтобы попросить Мивенталь постеречь нас?

— Как ты себе это представляешь? — Кейел приостановился, потеснился, позволяя пойти плечом к плечу. — Их зовут, только если беда приключилась, или путь отыскать не можешь. У нас беды нет.

— Ты звал их когда-нибудь? — нахмурилась я.

— Нет, — беспечно ответил он. — Не было нужды.

Меня это возмутило. Между ним и Мивенталь была такая дружба... Они угождали любимым его прихотям.

— Сейчас позови, — потребовала я, опять снимая с лица паутину.

— Не буду, — он и глаза округлил и нахмурился одновременно. Тряхнул волосами и поморщился, когда пряди из-за ушей выпали.

— Позови.

— У нас нет нужды тревожить духов! — Встал резко на холмике и с укором вонзил в меня строгий взор.

Я вскинула брови. Пробудилась давняя ревность. Как это он мне отказывает, защищая духов?

— Мивенталь! — Я закрутилась на месте. — Мивенталь!

— Асфи, что ты делаешь? — спросил Кейел и даже бросился ко мне, кидая сумки и, кажется, собираясь закрыть мне рот ладонью.

Но в ближайших кустах затрещало громко, и мы уставились на них в ожидании. Через миг из них вывалился Дарок. С плетями в обеих руках, со звериными оскалом и ищущим взглядом. Его глаза нашли меня, затем Кейела, и в них появилась подозрительность.

— Чего раскричалась, женщина?

— Зову лесных духов.

— Каких?

Я пожала плечами. Черт их знает, какие Мивенталь духи: великие или попроче...

— Мивенталь, — ответила я. И снова закричала: — Мивенталь! Где же вы, лесные духи?

На мой призыв никто не отреагировал. Я озиралась, ждала. Парировала улыбкой отвращение Дарока, написанное на лице и вызванное моей затеей. Виногато потупилась под осуждающим взглядом Кейела. А отчаявшись, выдохнула с горечью:

— Они злопамятные. Видимо, до сих пор меня не любят.

И шагнула к просвету между двумя шумящими тополями.

— Осторожно! — Кейел ухватил меня за шкурку и потащил назад.

В это же время передо мной выросла рука Дарока, будто в предостерегающем жесте. Я посмотрела на нее, а за ней... волк. Стоял как раз в просвете деревьев. Большой, черный, крайне недовольный. Сверкал на меня зелеными глазницами, прижимал уши к голове, к земле льнул и рычал.

— Отозвались-таки? — я выкрутилась из рук Кейела и, вскинув высоко голову, крохотный полукруг по заросшей местности обогнула.

— Зачем духов потревожила? — проворчал позади Ромиар. — Совсем, человечка, без уважения.

Не правда... Уважение было, даже желание склониться до земли и от всего сердца попросить прощения у этих духов. Они словно почувствовали мое настроение. Волк спрятал клыки под усатой тонкой плотью, но следил за мной пристально.

— Так это ненастоящий волк? — догадался недогадливый васоверг, и я уж было уколоть его хотела, осудить ум, но он изумил: — А я думал, прибился одиночка.

— К кому прибился? — Я ногу для шага занесла, но так на землю и не поставила.

— К нам, — ответил так, будто очевидное озвучивал. И поправился, уточняя кивком на Кейела: — Наверное, к нему. Ходил следом. От нас по кустам прятался. Мелкое зверье отгонял от мальчика, будто от волчонка своего.

— Я не видел. — Кейел стоял с круглыми глазами и головой мотал: от волка — на меня, от меня — на Дарока, и снова на волка.

— Само собой не видел, — хмыкнул Дарок, сматывая плети обратно. — Ты всю дорогу слюни на Асфи пускаешь. А волк с первых рассветов появился. Как в лес углубились, так он и прибился. Норкор первый заметил.

— Почему мне не сказали? — возмутилась я. А если бы это не Мивенталь были, а настоящий волк? Вдруг хотел бы Кейела загрызть!

Дарок глянул на меня исподлобья, словно вызов бросал, и протянул поучительным тоном:

— Ты или полезна будь, или командуй и за всеми в оба гляди.

Я губы поджала. Пыталась ответ подыскать, придумать, но только чувствовала, что вот-вот покраснею от стыда, как двоечница перед учителем.

— Если бы я видел, Асфи, — добавил Дарок, распрямляя спину, — что зверь кому-то из этого отряда зло причинить хочет, то придушил бы его голыми руками. Я помню, что тебе все мы нужны живыми.

Краска все же бросилась в лицо. Даже уши гореть стали. Я втянула щеки, закусила их изнутри и постаралась отвлечься на Кейела и духов.

Дарок прошел к камню, поросшему мхом с северной стороны, и уселся. Ромиар, опираясь на посох, подыскал себе поваленное дерево. Я подошла к нему, оставляя Кейела один на один с волком, и опустила прямо в густой мох.

Как только я удалилась, волк рычать перестал. Недолго переминался с лапы на лапу, а затем, виляя хвостом, словно пес домашний, двинулся к замершему Кейелу. Обнюхал колени и, скривив морду, чихнул. Вдруг взвизгнул громко, так что я подскочила и за кинжал ухватилась, а Кейел отшатнулся, попятился и, зацепившись пяткой за сучья, упал. Я шагнула вперед, но Ромиар удержал меня за плащ. Кейел сначала прикрывался от волка руками, будто тоже боялся, что тот покушает, но вскоре заулыбался и руки развел. Волк лизал ему пальцы, тыкался носом в ладони, лапами от счастья мох разрывал и раскидывал. Вскоре запрыгнул на грудь Кейелу и принялся лицо лизать. Из-под духов, явившихся в мохнатом воплощении, послышался хриплый смех.

Еще минуты через две Кейел сидел рядом с волком и забавлялся с ним, позволяя запрыгивать к себе на плечи. А я тосковала все сильнее. Мивенталь встречали его так, будто век не виделись. Радовались, идиоты, даже не понимая, что он не помнит их. Он нас не помнит...

С призывом Мивенталь дорога пошла как минимум веселее. Кейел сиял радостью... И повод действительно был. Волк меня сторонился, на Дарока рычал, к Роми относился терпимо, но трогать себя не позволял. А вот к Кейелу бежал всякий раз, как он подзывал. Если парень не обращал внимания на духов, то они неслышно отставали. Недолго трусили по кустам, а потом и вовсе исчезали. И не попадались на глаза ровно до тех пор, пока Кейел не пожелает видеть их опять.

Как из леса просвет показался, выводящий к желтой пустоши региона Больших мостов, Елрех пришлось сблизиться с нами. Дальше она не могла помогать Ромиару своим отсутствием. А на опушке леса Кейел прощался с волком, словно с сердечным другом. Обнимал его, трепал по холке, что-то нашептывал. Никто не смел просить их прекратить нежности и торопить, опасаясь обидеть духов.

— Надо же! — восхищался он, отходя от леса и постоянно оборачиваясь. — У нас многие Мивенталь пробовали звать, когда в лесу на медведей натыкались, а они не приходили. Знал бы кто, что они мне так благоволят!

Я усмехнулась, разглядывая с удовольствием счастливое лицо Кейела.

— У вас в лесу медведи водились?

— Всякое жило. И медведи попадались, и рысы разрывали сбежавших коз. От волков пастухи несколько раз скот отбить пытались. Толку не было. Если хищник разводился, — разговорился Кейел, видимо, от переизбытка добрых эмоций, — то пропитания им не хватало. Они из леса выходили, а в лесу и на разумных существ напасть могли. Поговаривали, что Мивенталь редко к кому снисходили. В косяк обернутся, недалеко хищников уведут — и больше помощи ждать не приходилось. А тут, глянь, Асфи, Мивенталь волком оборачиваются и даже потрогать себя дают.

Его слова наводили на интересные мысли. Я спросила промежду прочим:

— А ты в лесу совсем никогда в беду не попадал?

— Никогда. — Он с озорной улыбкой посмотрел на меня. Гордится удачей? — Мне и деду моему всегда везло. Его потому долго как лесничего берегли. Куда с ним ни пойдём, всегда со зверем тропами разминались.

— А остальным, значит, не везло? — я едва не прыснула от ехидного веселья.

Кейел, прищурившись подозрительно, покосился на меня. Оглянулся, заметил отстающего Роми и попросил:

— Асфи, надо шаг замедлить, Ромиару тяжело.

Я кивнула, оценивая землю впереди. В регионе Больших мостов почва твердая была, почти каменная. Любая поступь, даже самая мягкая и осторожная, слышалась глухо и громко. Пожалуй, яблоко уронишь — разобьется, как сырое яйцо. Зато она радовала: и посох Ромиара стучал за версту, и ухабин почти не было — все ровно, гладко, ветром сглажено.

Мы сбавили шаг, и Дарок сразу вперед вырвался. Елрех в стороне держалась, но словно под нас издали подстраивалась.

Кейел с улыбкой вернулся к теме:

— Остальные часто с лесным зверем встречались. Что же это ты думаешь, что Мивенталь с детства меня берегли?

— Догадался? — я бровь изогнула.

Он шире улыбнулся, будто радости не мог сдержать. Значит, любовь духов льстит ему... Интересно, догадается ли, что любовь Мивенталь к нему послужила отражением их ненависти к его обидчикам?

Я задумалась, поэтому вздрогнула, когда он резко рассмеялся. Ускорился, меня опережая, и попятился передо мной. Счастливый... Таким в этой жизни я его еще не видела. Да и в той, наверное...

— В последние рассветы столько всего доброго произошло. Боюсь, как бы в самом деле разума не лишиться от таких жизненных подарков.

У меня ноги потяжелели, а счастье с колючим комом одновременно в горле засели. Духи Фадрогаса, пусть бы всегда таким был... Разве не заслужил он милости вашей и всего мира, который он спас?

Я тряхнула волосами и, спрятав от солнечного света глаза под ресницами, ладонь Кейелу подставила. Он посмотрел на нее вопросительно. Пустая ведь... Не привык еще.

— Возьми меня за руку, Кейел, — пояснила я, приблизившись в один шаг к нему, застывшему, — и даже в священном кольце не вздумай отпустить.

Он взял осторожно. Теплой ладонью пальцы мои сжал, а затем повернулся, расцепил наши руки лишь на секунду, чтобы сразу переплести удобнее и крепче. Рядом идти продолжил и, на меня глянув, пообещал:

— Не отпущу.

Наблюдая его счастье, я пропускала через себя тоску. Точно получил он в этой жизни все то, за чем гонялся в той. Тот Кейел жил разумом, а этот движим эмоциями.

Регион Ночной смерти грелся под жарким полуденным солнцем. Вытягивал к небу острые горы, напоминающие жало пчел. Ветер гонял между ними песок, тряс тонкими стеблями неприхотливых растений. Не пытался их выдернуть, а лишь угрожал им. Но что-то мне подсказывало, что корни здешней растительности были крепкими и длинными. Таким любая непогода нипочем.

Воздух тут пах особенно. Горькие воспоминания окутывали сладостью, сердце захватывали в мягкий плен и уносили чувствами обратно. Туда, где жило наше с Кейелом первое предательство. И вроде бы я злиться на него должна, но нет... С любовью прокручивала в голове первый урок. Жестокий, равнодушный, со зверским сочувствием — то есть никаким.

А я ведь умереть могла...

Дарок шел впереди, широким шагом и уверенно распрямив плечи, но то и дело головой крутил, озираясь. Елрех сначала плелась позади, но Роми оглядывался на нее взволнованно, поэтому она ему облегчила присмотр — меня догнала. Теперь Роми сверлил ей спину виноватым взглядом, а Кейел держался рядом с ним и постоянно мял топориче, наверное, остерегаясь нападения. Хотя бояться в этом регионе было некого. Из-за ночных охотников он спокойный. Только камни падают изредка с пустых склонов, с шуршанием скатываются под ноги. Голову запрокинешь, глянешь против солнца, прищуришься, но никого не увидишь.

— Внимание привлечь хотят, — сказала я Елрех, косясь на пригорок, с которого песок с шелестом посыпался. — Истосковались по живым.

Она вздохнула с сожалением. Плечи опустила, голову на грудь свесила и лямку сумки крепче стиснула.

— Тут у нас тайник, — полушепотом поделилась она. — Пользуемся лунными охотниками, как старожилками. В него пока никто не совался, все боятся мертвого региона. — И в полный голос продолжила: — Тоска тут и вправду сильная. На сердце горестно, сколько тут существ погибло, а души так и остались в мире живых.

— Хватит болтать, — обернулся к нам Дарок. Скривил толстые губы и снова глянул из-под кустистых бровей на шелестящий склон. Какой нервный... — Тут только черные души остаются.

— А ты, что, боишься, вождь? — не без издевки полюбопытствовала я, растягивая полуулыбку.

Он сплюнул под ноги, открыл рот, намереваясь ответить. Я успела первой заговорить:

— Нет ничего постыдного в страхе перед мертвыми, застрявшими в мире живых. Неестественно это, когда жизнь со смертью рядом существуют. Всему свое место должно быть отведено.

— Много ты об этом знаешь, женщина? — хмыкнул он, но будто не нашелся, что еще сказать.

— Знаю, что они повсюду.

— Кто повсюду? — спросила Елрех, тоже поворачивая голову на очередной шелест песка.

— Лунные охотники. — Я положила ладонь на ее плечо, отвлекая от пугающих эмоций. Нечего волноваться попусту. — Это призраки с черными душами. Фадрэгосское Солнце нигде их не забирает. Просто в этом регионе им подарена возможность физически воплощаться. А так скитаются они за нами повсюду и всегда. Где бы ни были живые, души неприкаянные всегда к ним тянутся.

— Глупости болтаешь, — проворчал Дарок и, отвернувшись, смелее зашагал.

Елрех только смотрела на меня, задумчиво сводя брови на голубой переносице. Я пожала плечами. Лямка сумки через куртку врезалась больно в плоть, заставила поморщиться. Пришлось остановиться, чтобы опустить ее на пыльную землю и отдохнуть. Темно-серое одеяло, примотанное к ней бечевкой, мигом пожелтело от песка.

— Давай я понесу, — Кейел подоспел на помощь, уместая на одном плече две ноши и склоняясь за моей.

— Куда? — Я перехватила его за руку. — Просто плечо натерла, сейчас на другое подниму.

— Я понесу, — тихо сказал Роми. Опираясь на посох, согнулся медленно и аккуратно за лямку взялся. — У тебя сумка полегче моей будет. Что там у тебя: травы, склянки с зельями и мазями...

— Ага, и набор для чистки оружия. — Я растерялась от его предложения и даже не попыталась остановить. Неужели очухался?.. Верилось слабо. — Да и так... Все равно долго нести тяжело. Ты бы себя поберег.

Он не разогнулся толком, а глаза на Елрех устремил. В них опять виделось страдание. Так ему перед ней стыдно, что слабый такой? Болезненный... Длинный черный плащ сбился тяжелыми складками на плече, и будто даже от этого Роми клонило в сторону. Впервые видела, чтобы чистоплотный шан'ниэрд не заметил, как полы его плаща упали на землю и перепачкались. Да и волосы пыльные спутались под ветром, цеплялись белыми лохмами за рога. О хвосте с метелкой на конце я вовсе забыла, будто тот висел без движения.

Тяжелый вздох я подавила. Сама подняла с земли сумку, но протянула Роми так, будто он и вправду сильнее и бодрее меня.

— Держи. Как отдохну, заберу.

— Мне не трудно, человечка, — фыркнул он. Но сумку забрав, замер и серые губы поджал, видимо с духом собираясь, чтобы закинуть себе на спину. И как столько времени продержался в пути, строя из себя здорового?

Я сократила расстояние между нами, вызывая гримасу отвращения не его лице, и шепнула:

— Как только поймешь, что идти тяжело, попроси у меня воды, или еще чего. Дай знать, чтобы я сумку отобрала. И спасибо тебе. Мне и вправду отдых не помешает, совсем плечи ноют.

Он хмурил светлые брови, не мог утаить раздражение во взгляде, и вдруг поблагодарил:

— И тебе спасибо, упрямая человечка.

— За что? — опешила я.

— За все. — И обогнув меня, на посох опираясь, поспешил за удалившимся вперед Дароком.

До пещеры дошли к полудню. Вход ее чернел высокой, узкой щелью. Одна сторона прохода прогрелась под утренним солнцем. Желтый камень дохнул жаром, а другой в тени, скрытый под откосом, обдал затылок холодом. Внутри было сухо, пыль кружила в воздухе.

Как только я протиснулась глубже, темнота развеялась, обнажила печальное нутро. Здешний монстр был ненасытен, жаден. А существа глупые... Разве не сообщали им о монстре, кто на вторую ночь в камень утаскивает и в нем же оставляет? Я усмехнулась. Сила Вестницы мыслью навела на след работы другой Вестницы... А кому еще подсказывать существам о таких таинствах? Как уберечь их от смерти за углом, если не вестью? Тайну приоткроешь — и хватит. Дальше пусть исследуют, узнают, решают сами за себя, насколько им жизнь важна.

Протерев глаза, я избавилась от наваждения силы. Отогнала мысли. Из всех фигур, измученных перед смертью и превратившихся в камень, сразу отыскала фангру. И если этот секрет не знать, то кажется, что она к кому-то тянулась, просила, чтобы спасли от смерти. А если тайна известна, сразу понимаешь — она руку помощи протянула. На каменном лице на секунду привиделась улыбка, но миг исчезла с игрой тени и света.

Я обернулась к застывшим путникам. Дарок пытался протиснуться в пещеру боком, но, видимо, рога цеплялись за стены. Он так и остался под солнцем у узкого лаза. Фигура Ромиара, высокая, тонкая, закутанная в черное, стояла дальше, излучала под ярким светом марево зноя. Роми отвернул голову и навалился на посох. О чем он беспокоился, гадать не приходилось. Волновало только, что он в своей влюбленности даже позабыл, кем является. Будто и не исследователь стоял возле пещеры, о которой ходило так много слухов, а умирающий старик, которого в этой жизни больше ничего не интересовало.

Елрех вошла под темные своды первой и стала разглядывать с сочувствием каменные изваяния. Кейел, ступив следом, тоже заозирался. Ко мне приближался медленно, спиной. Когда я тронула его плечо, он вздрогнул.

— Мне нужен топор.

Кейел без вопросов снял оружие с пояса и протянул.

— Все в порядке? — спросила я, глядя на хмурое лицо.

— Да. — Он кивнул, но нервно заправил волосы за уши и покосился на угол, заполненный густыми тенями. Казалось, они то и дело двигались. — Просто странное ощущение, словно за нами следят.

— Это лунные охотники. Они могут навредить лишь ночью, да и то, если останешься без света.

Я перехватила крепче топориче и с размаху разбила обухом протянутую руку фангры. Камень с гулким звоном разлетелся, за спиной воскликнула Елрех. Ей не понравилось, что я изувечила чье-то окаменевшее тело. Следующий удар по стене неприятно отдался в плече, топор отскочил, а камень остался нетронутым. Меня остановили крепким захватом за локоть.

— Дай я. — Кейел по-хозяйски отобрал топор и потеснил меня себе за спину. — Отойди, чтобы не задел тебя.

Взвесил топор в руке и ударил. Камень мигом треснул, в груди фангры обозначился раскол. Спустя два удара я и радовалась, и обнимала себя, чувствуя другой взгляд в затылок. И треск, и шелест едва слышно касались слуха, в основном они тонули в громком стуке железа о камень. Пришел, значит... Но не спешит выйти из стены и повидаться.

— Что у вас там? — гаркнул с улицы Дарок.

Елрех смекнула, что волнуется наверняка не он один, и мигом отправилась к выходу.

Кейел в это время отложил топор, вытащил из черной ниши сундучок. Поставил на землю и принялся тихонько сбивать замок.

— Встань под свет, — положив руку ему на плечо, попросила я.

— Зачем? — он поднял на меня изумленные глаза.

Волновать и пугать его не хотелось, поэтому я слукавила:

— Видно плохо. — И прищурилась, как будто мне очень важно, именно стоя в полный рост, разглядывать сундук.

Долго упрашивать не пришлось. Кейел в три шага гуськом переместился под густой солнечный луч и продолжил начатое дело.

Не прошло и десяти секунд, как повеяло ледящим холодом. Треск раздался в метре от нас. Кейел мигом оглянулся и замер, напряженно уставившись мне за спину. Я потеряла лоб, стирая хмурость, и развернулась.

— Ну, здравствуй, — с улыбкой поприветствовала давнего знакомого.

Он стоял в тени, не смея нарушить ее границу. Высокий силуэт из густой тьмы, без лица, без глаз, без рта... Он вынуждал высоко поднимать голову, чтобы смотреть на его голову. Тьма исходила от него и рвалась лохмотьями. Наверное, треск раздавался при отрыве очередного куска. Каждую секунду от неосязаемого тела отделялась сотня, а может, тысяча кусочков.

— Ты же, как и духи, живешь вне времени? Помнишь меня?

Монстр помнил. В ответ на мой вопрос он вздыбился разъяренным медведем и бросился ко мне. И я бы устояла на месте, если бы Кейел не дернул меня к стене. Я быстро развернулась в его захвате и накрыла пальцами приоткрытые губы.

— Не кричи, — тихо попросила.

Кейел перевел испуганный взгляд с монстра на меня. Приподнял брови, но вскоре послушно кивнул. Я отняла руку от его лица, легко выпуталась из сильных рук и шагнула обратно. Наверное, монстр, по-прежнему держась самой границы тени, скалился. В тьме, над подбородком, образовалась ямка. А может, он кричал на меня.

Но жестокий Тавирд не оставил ему голоса...

Монстр искривил форму беззубого рта — теперь казалось, что у него отвисла сломанная челюсть. Он медленно потянулся ко мне. Длинные пальцы-кинжалы мгновенно растаяли под солнцем.

Сострадание кольнуло в груди. Я прошептала, глядя туда, где, по идее, должны быть глаза.

— Все имеют право на прощение. Укроти свою жадность и моли Тавирда о прощении. Моли всех Повелителей. Они слышат каждого.

Тьма на плечах монстра с треском вздыбилась и дрогнула. Кажется, монстр потерял ко мне интерес, и медленно повернул голову к Кейелу. Он помнит и его...

Тварь.

На глаза словно надавили изнутри — они разболелись, в них заплясали красные и черные пятна. Я моргнула дважды, вдохнула глубоко и, сдерживая глупое желание попросту ударить тьму, прошептала охрипшим голосом:

— Надеюсь, ты будешь гнить тут вечно. Захлебнись своей жадностью. — И не желая больше видеть безмозглое создание, посмотрела на Кейела. — Бери сундук и пойдем отсюда.

Просить дважды не понадобилось. Кейел поднял сундук и, постоянно оглядываясь то на меня, то на монстра, направился к узкому выходу. Я коротко произнесла:

— Никому ни слова о том, кого мы видели.

— Как скажешь, — отозвался он и, шумно вздохнув, не с первой попытки растянул улыбку. Немного глупую, но все лучше, чем закаменелое выражение страха.

На улице открыли сундук. Я на всякий случай проверила, чтобы подсказки и ключ соответствовали тому, что мы находили в прошлом, а затем отдала все Роми. Он бегло прочел подсказку, ведущую к Лавовому озеру, фыркнул и пробормотал:

— Мы только что отсюда.

Говорить ни с кем не хотелось, поэтому я молча кивнула и направилась к месту гибели Ил.

Солнце медленно клонилось к закату, когда на горизонте показалась высокая скала. Она возвышалась над вереницей других скал, как дерево посреди поля. Единственная упиралась вершиной в голубое небо. Шпилем, взмывающим резко вверх по косой, насаживала на себя пушистое облако и словно мешала ветру нести его дальше. Ветер поднимал песок у ног, дул на

легкие облака-перья в небе, и они запросто мчались, часто меняя форму и бросая на землю едва заметные тени. А большое облако застряло... Клубилось, мрачнело, бурлило пеной по краям, и никак не могло перекатиться через скалу.

Неужели Ил прыгнула с этого шпилья? Нет, наверное, в форме дракона она поднялась над облаками и... Чтобы наверняка.

— Только к закату приблизимся, если дорога не перестанет вилять, — недовольно сообщил Дарок, вроде бы обращаясь ко всем сразу, но было ясно, что отвечать придется мне.

Отвечать не хотелось...

Жадность или ненависть очерняет души? Я была жадной, а потом меня настигла сила Вестницы. До нее мне хотелось всего и сразу. Успеть везде, забрать свое, а, по возможности, урвать и лишнее. Как так получилось, что теперь я готова отказаться от всего, что не мое? К примеру, взять Кейела. Сердцу больно, когда думаю о нем. Больно от того, что он теперь не мой, а больше привязан к другой жизни. И даже если малостью кому-то еще принадлежит, то я не готова отобрать его себе. Ведь сердцу еще больнее при мысли, что счастливым я его не сделаю. Вдруг не справлюсь.

Я и не справлюсь?.. Что же со мной, если допускаю такие мысли? Сила Вестницы научила? Или научилась сама. А души чернеют от жадности и ненависти. Наверное, я больше не жадная, раз готова отказаться от Кейела ради него же. Теперь бы узнать, как побороть ненависть в себе. Потом — как душу от черноты очистить, спасти от отверженной участи.

— Лучше бы дождались рассвета у священного кольца, — не успокаивался Дарок. — С рассветом спокойно дошли бы до скалы.

Я взглянула на его спину. Темная куртка из добротной кожи крепко натягивалась на широких плечах при каждом движении. Тоже боится за свою душу грома? А как же вера в очищение души солнцем? Как же молитвы каждый рассвет, которые нередко задерживают нас? Мне с трудом удалось не скривиться. Внутренняя слабость, спрятанная даже от нас самих, хуже всякой другой слабости. С ней никакой враг не нужен, она сама все в жизни разрушит.

— До священного кольца отсюда рукой подать, — отозвалась я, опуская голову. Пыль превратила темно-коричневые сапоги в светло-рыжие. — И даже если не успеем, разведем костер.

— Из чего? — Дарок остановился и потряхнул серыми лохмами, спутанными под рогами. — Вокруг одни высохшие кусты.

— Мы можем набрать с собой сухостоя, — вмешался Кейел, догоняя нас бодро. — Он встречается часто.

— И насколько нам этого хватит? — Дарок направил злость в тон и адресовал вопрос Кейелу. — Он прогорит за шаг Луны. Что потом делать будешь?

— Призовем духов, — напомнила я, чувствуя, как закипает во мне ответная ярость. — Охарс отгоняют лунных охотников не хуже любого другого света.

Дарок взглянул на меня с отвращением. Так смотрел сосед по подъезду, который спяну перепутал меня со своей дочерью и решил, что я вернулась с ночной гулянки. Тогда я, приехавшая домой поздно от родителей, совершенно одна, на каблуках, с сумочкой в руке и только что уехавшим лифтом, сильно перепугалась. Наверное, поэтому запомнила то выражение лица. Повезло, что на площадку вышел другой сосед и сразу смекнул, что мне нужна защита от буйного "папаши".

Но это было тогда... На каблуках, с сумочкой... От родителей.

Я в два шага сократила расстояние между собой и васовергом и четко произнесла:

— Ты восхищаешься моей внутренней силой, Дарок, даже не задумываясь, что она отличается от твоей самой малостью. Когда вопрос касается выживания, я не брезгую ничем. — Повернулась к застывшим ребятам и сообщила громче: — К скале идем сейчас. Нужно поспешить. К закату вернемся к священному кольцу и оттуда перенесемся в регион Рубиновой сладости. Все, ускоряемся.

Дорога стелилась змеей. Скалы замыкали ее с двух сторон, но иногда их цепь прерывалась, образуя разветвления. Трудно было предположить, куда свернет и приведет очередное. У нас была лишь высокая скала, исчезающая в облаках, как маяк, на который мы держали путь в лабиринте. Однако за очередным поворотом дорога повела прямо к цели.

К огромным драконьим костям, заметенным наполовину плотным песком, добрались, когда солнце начало краснеть и разливало медное пламя по небу. Надо было быстро отыскать тайник и уходить.

Скала соединялась с одной стороны цепью мелких скал, а с другой заканчивалась резким отвесом. В нем же нашелся низкий вход в пещеру. Закатное солнце заглядывало в нее, частично освещало стену. Из пещеры несло затхлостью.

— Возможно, внутри есть вода, — сказала я, заметив под камнем одинокую травинку, напоминающую одуванчик.

Окинула взглядом решительных ребят, но быстро разглядела усталость Роми, затем вспомнила Лери и ее голос. Помнила смутно, размыто, но понимала отлично, что девушка существует.

И мы разделились. Как бы ни злился Кейел, как бы ни волновалась Елрех, как бы ни смотрел на меня и с виной, и с осуждением Роми, ни сплевывал и ругался Дарок, я настояла на этом. Помнила уговор с Дароком и Стрекозой, что если с кем-то из нас что-то случится, поход не остановится. Просто сформируется новая пятерка, где каждый будет представлять интересы разных сторон. В эту пятерку обязательно должны войти Елрех и Роми. Особенно Роми... И именно из-за Роми я настояла на том, чтобы Кейел остался с парочкой снаружи. Да и ради безопасности самого Кейела.

Не зная, как далеко придется зайти, я сказала ребятам о том, куда надо отправиться, если мы не вернемся с последними лучами солнца. Взяла у них полный бурдюк воды, сухари и солонину. Привязала небольшой сверток с едой к поясу. Взглянув на Дарока, едва не скривилась. Чудно же будет застрять с ним в какой-нибудь яме. Передернув плечами, прогнала мерзкие ощущения и быстро подошла к взволнованному Кейелу. Обхватив за шею, привстала на носочках и крепко поцеловала. Приятного воспоминания на губах хватит на ближайшие часы. И быстро развернулась. Кейел попытался удержать... Сердце ухнуло. Я вырвала свою руку из осторожного захвата и, опасаясь обернуться к парню, отправилась к черной пасти пещеры.

Прощание с ним отнимет слишком много сил.

Кейел

Тепло ее рук и вкус губ — все, что она оставила мне напоследок. Ни мимолетного взгляда, ни короткого слова...

Я подался следом за Асфи, но остановился под жгучим чувством обиды. Эта обида была сильнее, чем какая-либо другая, которую я ранее испытывал. Хотелось вцепиться в девичьи плечи, развернуть обидчицу к себе, встряхнуть и заставить посмотреть на меня. Мне безумно хотелось убедиться, что я ей нужен...

Она отмахнулась от моей помощи и вновь уязвила моей бесполезностью и другой жизнью: «Под землей ты будешь только мешать. Дарок — опытный воин, мне хватит его одного. А ты лучше позаботься о себе, чтобы мне потом не пришлось просить прощения у твоей семьи»

Асфи отказалась не только от моей помощи, но и от Елрех. Глаза фангри могли бы здорово подсобить в темноте. Но Асфи коротко ответила, что польза Елрех на поверхности. Полукровка не стала спорить, лишь понуро опустила плечи. Каждому было ясно, что дело в беловолосом шан'ниэрде, у которого разорвется сердце от ожидания и неведения того, что происходит с возлюбленной под толщей камня.

Наверное, странно, но... Что с моим сердцем?

Я стиснул крепче топорище, а второй рукой почесал грудь, хотя хотелось прижать ладонь и тереть с силой. Я смотрел, как отдаляется Асфи, и глаза застилала пелена, отнимая последние мгновения созерцания жестокой девушки. Видел, как Асфи пригнулась, пробираясь под темные своды, и исчезла. Обида захлестнула целиком. Горло сжалось, плотный комок надавил изнутри и поцарапал.

Наблюдая за васовергом, собирающимся последовать за Асфи, я дернулся к нему. Но сразу же остановился. Рука стала тяжелой, неуправляемой, словно чужой, и топорище выскользнуло из нее. Васоверг опытнее...

Повинуясь резкому порыву желания, я приоткрыл рот, но не успел попросить Дарока уберечь Асфи. Тот уже исчез вслед за ней в черноте.

Асфи

Из-за низкого потолка пришлось склоняться, а потом слушать громкие ругательства Дарока за спиной. Однако через полметра сводчатый потолок пошел ввысь. Я выпрямилась в полный рост, но могла запросто подпрыгнуть и дотронуться кончиками пальцев до камня. Дарок тоже расправил плечи и поднял голову, но еще сантиметров двадцать-тридцать — и рога ударились бы о потолок.

В каменной коробке было душно и темно. Я призвала Охарс и прикоснулась к сухой стене. На ней тонкими линиями застыли разводы. Видимо, когда-то тут текла вода. Ближе ко входу ползали насекомые, летали крупные комары. На уровне ног полупрозрачными лохмотьями свисала паутина с многообразием крошечных гамаков. Пришлось порвать ее сапогом, а крупного паука, поднявшего две лапы в предупредительном жесте, раздавить подошвой. Не было никакого желания проверять, ядовит ли он. Откуда-то из глубины доносился писк. Возможно, где-то выше в скале летучие мыши устроили себе опочивальню. Любой неосторожный шаг приумножался эхом в стенах. Свет Охарс разгонял темноту в двух метрах от меня. Пытался забраться в бездонные трещины, но тени в них забивались плотно и держались неотступно. Шорохи в их глубине звучали беспрерывно.

Я замерла над одной из трещин в земле. Провалится ли в нее нога, если встать неудачно?

Теплый воздух тронул левую руку. Я отпрянула и быстро обнажила кинжал. Охарс разогнали тьму. В стене у самого пола скрывалась ниша. Она тянулась дальше, обрывая пол каменными зазубринами и срастаясь с черными трещинами. Углубляясь, разрасталась в ширину. Пожалуй, если бы я захотела дотянуться до ее стены в самой крайней точке, которая виднелась глазу, мне пришлось бы лечь пластом и нависать туловищем над провалом. Однако в самом начале ниши стену можно было с легкостью достать и пощупать. Я сглотнула и бегло посмотрела на руку. Секунд пять назад кто-то дохнул на нее. Теперь же передо мной никого не было.

Дарок тяжелой поступью заглушил подземные шорохи.

— Что там? — Он остановился возле меня.

Едкий, кислый пот воина смешался с удушливой затхлостью пещеры. Вонь ударила в нос, вызвала тошноту, заставила мелко встряхнуться. Я убрала кинжал обратно в ножны и как бы невзначай потерла нос рукавом.

— Ничего, — ответила, но на всякий случай погладила стену, покатила ладонью крупницы песка.

Через несколько метров Охарс осветили разросшуюся нишу в стене. И как только зеленый свет тронул самый темный участок камня, камень вздрогнул.

Кейел

Многому научила меня жизнь в Солнечной. Наверное, мое взросление шло мне на пользу и теперь. Пусть с трудом, но я успешно отвлекался от угнетающего беспокойства.

— Что скрывается под Сводом Скверны? — спросил, расстилая на песке плащ.

Елрех подавала хороший пример: любую возможность отдохнуть в пути необходимо использовать. Вот и она с уходом Асфи и васоверга собрала заплечные мешки в кучу, расстелила плащ и улеглась. Будь в этом регионе спокойнее, она наверняка заняла бы руки несложной работой.

— Монстры из раутхута. — Роми хмурился, разглядывая метательные дротики. Их было немного, и он брал их с собой по совету Асфи. Наверное, хотел научиться метать, но сейчас едва ли поднял бы посох над головой. Он сидел на небольшом камне и поражал сутулостью. В сторону Елрех даже на миг не поворачивался. — Асфи рассказала, как их убивать.

С одной его короткой фразой весь мой труд пошел насмарку. Я вжался телом в плащ, через него в спину впилась камешки. Ржавое небо внезапно нависло так низко, что грудь отказалась подниматься даже ради крошечного вдоха. Да и воздух раскалился, загустел, стал осязаемым и плотным. Асфи рассказала, как убивать монстров под Сводом Скверны, чтобы в случае ее смерти, мы могли управиться сами.

А если она прямо сейчас умирает? Вдруг отчаянно зовет на помощь, а мы не слышим? Она может быть ранена и совсем одна. Обреченная...

Я вздрогнул.

Асфи

Я не двигалась, глядя на каменную стену. Ждала секунду, две, три...

В спину опять уперся Дарок, но не торопил и не отвлекал от пристального созерцания. Я ждала. Сердце почти не билось. В голове роились мысли об этой подсказке. Как в той жизни разбойники добыли ее? С чем столкнулись? И столкнулись ли с опасностью вообще?

Камень точно дрожал. Тогда... И вот на миг снова ожил: подернулся поволокой, будто глаз затянуло тонкой пеленой. Я замахнулась кинжалом, но миг закончился — камень снова стал камнем.

Дарок осторожно потеснил меня, будто пытался заслонить от странной стены. Спуститься в нишу и посмотреть, что с ней? Можно просто обжечь ее Ксанджами. А если нельзя? Что может водиться в Фадрэгосе? Я оттолкнула тяжелую руку Дарока и шагнула к участку, но вскоре вновь замерла. Из темного угла ниши донесся громкий шорох. Сердце остановилось. Я задержала дыхание и крепче стиснула кинжал. Давай! Кто бы ты ни был, я готова встретить тебя.

На бурой стене, семеня множеством лап, показалась огромная сколопендра. Быстро проползла по стене и исчезла в темноте, куда не добирался свет Охарс. Я коротко втянула воздух сквозь зубы. Хотелось выругаться.

— Идем, — позвала Дарока.

— Скверные насекомые. — Он сплюнул под ноги и ослабил плети. — Отродье Фадрэгоса.

Проход ширился с каждым метром, а неровный потолок нависал ниже. Я склонилась под ним, вытянула руку над головой и не переставала трогать шершавую поверхность. Камень, обычный камень. Почему не отпускает ощущение, что он живой?

За спиной не то фыркнули, не то чихнули.

Дарок обернулся одновременно со мной. В углу клубком свернулась темнота. Охарс разогнали ее. Угол был пуст.

Кейел

Лежать не получалось. Сиделось с трудом.

В ярости старого Солнца полыхало Шиллиар. Я поднимал голову к небу и стискивал руки в замке. Хотелось броситься под скалу и отыскать Асфи и Дарока. Убедиться, что она жива и невредима.

— К чему у тебя самый сильный интерес? — признавал Роми, до сих пор крутя в пальцах метательный нож. Тайну его внезапной влюбленности к этому оружию я разгадал, когда увидел в маленьком клинке крохотную копию Елрех. Наверное, ужасная сутулость шан'ниэрда — тоже не из-за тяжести болезни и слабости тела, а попытка получше выбрать угол для ловли отражения. — Когда придешь в гильдию исследователей, тебе необходимо будет четко обозначить, чем ты займешься в ближайшие периоды.

— Я не вступлю в твою гильдию, — слова вырвались резко, и я взглянул на Роми с надеждой, что не увижу в желтых глазах обиду.

— Почему? — Ему было все равно. Весь его мир собрался в крошечном клинке, а мой словно растворился повсюду и нигде одновременно.

Где сейчас Асфи и Дарок? Когда вернуться? Почему так долго ищут тайник? Я потрянул головой и попытался отвлечься на беседу. В конце концов, если не отвлекаться хоть на что-то, ноги понесут меня под скалу сами.

— Мне не позволят этого сделать. Мы с тобой были глупцами, когда решили, что это возможно.

Асфи

На теле давно выступила испарина, волоски на затылке вставали дыбом от каждого шороха. Когда чудилось, что они самым настоящим образом шевелятся, я чесала голову, и таким образом проверяла, что никто не заполз в волосы. Темнота сгущалась. Охарс внезапно показалось недостаточно. Возможно, сказывались собственные нервы. По проходу мы шли медленно: прислушивались к любым звукам, приглядывались к камню вокруг.

Стены дрожали издали. Подойдешь, тронешь — обычный камень. Все ровно, спокойно — безжизненно.

Расшатанные нервы пробудили страх и раздражение. Легче, когда знаешь наверняка, есть ли враг. Надуманные враги вызывают манию. Вот и мне с каждым метром углубления под скалу казалось, что камень следит за нами пристально. У него множество глаз и недобрый нрав.

К счастью, потолок пошел медленно ввысь. Лаз продолжал шириться и даже разветвлялся. Обычно новое ответвление напоминало вход в нору: низкое, нередко круглое, узкое.

Из очередной норы донесся свист, а следом шорох. Будто кто-то чихнул и быстро заполз в нее. Нервы сдали. Меня передернуло, злость вспыхнула жаром в теле и противной дрожью. Я метнулась к норе, упала перед ней на колени и шлепнула ладонью по камню. Пусто.

— Никого, черт побери! — сжала в кулаке воздух.

Дарок молча опустил на корточки рядом со мной. Дышать опять стало нечем. Тряхнув рогатой головой, он отогнал от себя дружелюбного духа Охарс. Тот игриво отлетел, но вскоре вернулся. Дарок зарычал на приставучего помощника, и тот шарханул от клыков.

— Прояви терпение! — сказала я.

Васоверга хотелось ударить, но вместо этого я приманила духа, который от испуга сжался до размера горошины, и с улыбкой пощекотала кончиком пальца. Дух в ответ на ласку разросся до огромного яблока, а через миг от него отделилось еще несколько духов. Закружив вокруг меня, они бросили свет на черный лаз-нору.

— Я проверю, что там, — сказала я Дароку и стала опускаться на живот. Поняв, насколько нора узкая, добавила: — Постучу три раза ногой, и тогда вытащишь меня. Вряд ли вылезу сама.

Дарок хмыкнул и, по-прежнему сидя на корточках, навалился локтем на стену.

— Своими криками ты уже предупредила о себе того, кто спрятался там. Можешь просто позвать.

Я фыркнула, выдувая пыль из носа, и крепче стиснула зубы. Огрызаться на замечания — только новую пыль глотать. Охарс осветили мне зазубрины на краях лаза. Я ударила по самой большой, но камень был крепким и толстым. Крупная крошка песка впивалась в тело через тонкую ткань штанов и в неприкрытые ничем ладони. Голова без проблем вошла вслед за руками в отверстие, но плечи застревали. Пришлось елозить и, положив кинжал на землю, упираться в стены руками. Зазубрины царапали куртку, давили на тело со всех сторон. Самая крупная больно упиралась между лопатками. Стало легче только тогда, когда пролезла грудь. На локтях я пробралась как можно дальше, но бедра уперлись. Да и лезть дальше не было необходимости.

Клейкая паутина тонкой леской налипла на нос и губы. Я убрала ее и сразу же осмотрела все поблизости. Пауки были. Но не такие, как тот, напоминающий земного тарантула. Крохотные, абсолютно белые, они волнами разбежались от яркого света. Таких замучаешься давить. Я перестала обращать на них внимание и оглядела пространство перед собой. Раскол в скале уходил вперед. Я бы могла пройти по нему боком и, пожалуй, втягивая голову. Я бы могла, но не Дарок...

Минуту — не меньше — я пролежала в тишине. Не двигаясь и почти не дыша, следила за медленными Охарс. Видимо, духам самим было интересно изучить ответвление пещеры. Они то поднимались между стенами, то опускались до самого дна. Иногда быстро юркали в какую-нибудь трещину, реагируя на движение без моей команды, а из чистого любопытства. И, как правило, в трещинах прятались насекомые.

Минуту — не меньше — я пролежала, внимательно разглядывая серо-желтый камень. Просто камень.

Убедившись, что в лазе никого нет, постучала три раза носком сапога по земле. Ощутила, как мгновенно крепкие руки обхватили бедра и потащили. Оставалось лишь уберечь голову от острых зазубрин и перетерпеть отвратительное ощущение. Куртка и рубаха задрались, поэтому по животу словно нождачкой проводили. Я прищурилась и прыснула, когда поцарапала пупок. В этот же миг

камень неподалеку вздрогнул и с нескольких сторон вздохнул.

Дарок вытащил меня.

Кейел

Солнце умирало. Я сидел на расстеленном плаще и не мог оторвать глаз от алого Шиллиар. Разговоры больше не занимали. Ноги пробирала нервная дрожь, челюсти сводило от напряжения. Я кусал губы изнутри, втягивал до боли щеки, водя языком по небу, собирал слюну во рту. На ладони саднила содранная мозоль, а на мизинце кровоточил заусенец. Оторвать его не получилось.

— Ты зря разулся, добрый Кейел, — обратилась ко мне Елрех. Села на своем плаще и принялась распутывать белые волосы. — Нам скоро нужно будет продолжать путь.

Продолжать путь...

Я потер грудь, морщась и глядя на огромное Солнце. Его край вот-вот коснется края Фадрагоса. Вместо того, чтобы обуться, я нетерпеливо стащил с себя куртку. Как можно уйти, не дождавшись Асфи и Дарока? Как можно уйти на всю Луну, чтобы только с новым рассветом вернуться?

Злость смешалась со скопившейся обидой. Я быстро пересел на колени, рывком подтянул к себе свою сумку и вытряхнул содержимое на землю. Принялся ворошить одежду, отделять от нее посуду, разную походную мелочь, вроде иголок и ниток. Я не знал, что ищу среди скупого набора. И понял поздно, что просто пытаюсь остановить смерть Солнца, оттягивая время. Будто от того, что я создам массу препятствий для скорого ухода от скалы, смогу обернуть время вспять — и Солнце помолодеет. Так капризничали дети в Солнечной у соседей, когда родители поздними закатами загоняли их в дом. Так никогда не капризничал я. Даже в детстве.

— Несчастный человек, — протянула Елрех без злости и, присев рядом со мной, стала собирать мои вещи обратно в сумку.

И я не мешал ей. Только смотрел на нее и задавался вопросом: почему она жалеет меня, когда я пытаюсь задержать нас?

Асфи

— Что-нибудь увидела? — спросил Дарок.

Я выругалась про себя, быстро поднимаясь. Одернула одежду, отряхнулась и закрутилась на месте, пытаюсь определиться с направлением. Злость путала.

Руки чесались разнести все вокруг. В последний миг, как Дарок вытаскивал меня, Охарс дружно ринулись за мной следом. После такого сближения глаз со светом тьма превратилась в черную стену с кляксами разноцветных вспышек. Могло ли это создать марево на точке, в которую я смотрела? И я прищурилась. И шорох отовсюду — Дарок тащил меня по земле. Я что-то видела и кого-то слышала. Себя, мираж, камень? Кого?!

— Ничего, — раздраженно ответила я и поспешила дальше по широкому коридору.

Волосы на затылке все чаще изводили. И все реже я чесала его. Хлопала по нему, пыталась вытащить кого-то. Поймать у себя на голове. Нервы достигли предела. Природный тоннель шел под уклоном и глубже уводил под землю. Воздух наполнился сыростью и новыми зловониями. Из-за кислого першило в горле, а от вони тухлых яиц разболелась голова. Камень продолжал следить, но ни я, ни Дарок уже не обращали на это внимания.

— Женщина, мы точно идем к подсказке?

Вопрос усилил головную боль.

— Точно, — соврала я.

Мы не можем вернуться ни с чем. Если мы будем умирать под этой вонючей землей, я сделаю все, чтобы отыскать сундук и доставить хоть немного ближе к поверхности. Ребята вернутся днем и отыщут его. Роми знает о дальнейшем пути и справится без меня. Но я Вестница, и во мне все еще живет зов к мудрецам. Разве Повелители допустят мою смерть?

— Точно, — повторила я.

Мрак казался осязаемым полотном и нехотя расступался перед Охарс. Стоило вытянуть руку туда, где свет не доставал — и рука исчезала. Будто отрублена. Точно так же появлялись перед нами крохотные островки рыже-серого камня в старых водяных разводах, трещинах и следах насекомых, а потом исчезали в черноте, где ничего не существовало: ни потолков, ни стен, ни полов, ни следов. Островки земли и хоть чего-то, напоминающего о жизни, исчезали бесследно.

Мрак был удушливым и тошнотворным.

А еще он дышал.

И двигался, шуршал, бегал...

Бегал почти бесшумно, что раздражало сильнее. Вдруг просто нервы? А если не нервы?..

Иногда до нас гулким эхом доносился писк летучих мышей. Хлопки крыльев, шелест, царапанье стен коготками...

Собственная трусость победила. Я оглядывалась на Дарока, бегло выхватывала черты его лица, скупо освещенные зеленым светом Охарс. Слушала тяжелую поступь и думала, надеялась, строила самые разнообразные планы...

...если Дарок не пройдет в очередной лаз, мне придется лезть одной. Надеюсь, коридор будет таким же широким.

...А если застрянем или провалимся? Тогда попрошу его посадить меня и попытаюсь вытащить из ямы. Но если не смогу...

...придется бросить его. Одна я пробегу по коридорам быстрее, а он будет лишь тормозить. Он слишком огромен и неповоротлив!

...надеюсь, коридор не разделит нас.

К моей радости, коридор рос и вширь, и в высоту. Обретал округлые, покатые бока и потолки с отростками сталактитов.

— Как будто в чужой желудок идем, — проворчал Дарок.

С его внезапно прозвучавшим голосом раздался громкий шорох. А затем стук...

Мы обернулись, я быстро прошептала имя Охарс и указала, куда светить. Каменные крошки скатывались с небольшого выступа на стене и исчезали в черных трещинах пола.

Дарок рыкнул. Я промолчала.

— Пусто, — произнесла спустя утомительные десятки секунд.

— Пусто, — недовольно вторил Дарок.

— Может, подземные колебания, — попыталась найти логичное объяснение. Хотелось отогнать раздражающую трусость. — Небольшие встряски. Мы их не чувствуем, а камень не лежит на месте.

— Или черные души, — Дарок кивнул.

Мы отступили одновременно и нехотя отворачивались от места, где ранее осыпался камень. Черные души в пещере у монстра молчали, но Дарок мог оказаться прав. Они повсюду. И вот-вот наступит ночь. Может, в пещере, без лунного света, они нам не угрожают, но, быть может, обретают какую-то силу. Если так, то похулиганят немного и угомонятся.

— Смотри, женщина. — Дарок положил мне на плечо тяжелую руку и оскалился, будто хищник перед прыжком на добычу. — Блестит.

Я проследила за его взглядом. Крохотный огонек Охарс отлетел на несколько метров вперед от нас и выцепил в темноте что-то блестящее.

— Возможно, минералы в сталактите, — предположила, не позволяя себе радоваться раньше времени.

Убрала кинжал в ножны и, указав всем Охарс в нужную сторону, успела приманить рукой нескольких крупных. Остаться в кромешной темноте казалось сродни обречению себя на верную смерть.

Охарс взмывали вверх, разлетались и снова слетались в кучу, освещая все подряд. Коридор превратился в просторный зал и напоминал открытую пасть. Сталактиты-клыки нависали высоко над нами, укрывая юркие тени от зеленого света Охарс. Сталагмиты-зубы торчали из земли. Местами камень дрожал, местами подергивался пеленой и часто дышал. Я устала присматриваться и разбираться, чудится ли в полумраке глазам то, чего нет. Вздохи же списывала на сквозняки.

Вот только воздух был спертый, удушливым, вонючим и горячим.

— Смотри! — Дарок сильнее надавил на плечо.

Я хотела сбросить неподъемную руку, но растерялась, уловив краем глаза, на что он указал. Охарс в танце опустились к земле, усыпанной костями, и одновременно добрались к сундуку. Он стоял на постаменте и блестел ровными гранями.

— Ключ, — выдохнула я.

И присела на корточки. Охарс разлетались, показывая множество останков. Они валялись и кучками, и в одиночестве. Черепа, фаланги пальцев, позвонки, пластины тазобедренных костей... Старые, серые, желтые, покрывшееся пылью и песком, оплетенные паутиной, целые, разломленные, раздробленные в крошку — разные.

Ближайший череп валялся в полуметре от меня. В ладонь он не поместился даже без нижней челюсти. На верхней, широкой, сохранились клыки. Большие, с мой мизинец. И четыре нароста торчали обломками вокруг темечка. Я показала череп Дароку, тот скривился с угрозой во взгляде, но промолчал. Кто бы тут ни убивал существ, он справлялся и с васовергом. Возможно, молодым, раз рога у него отломаны. Это обнадеживает.

У постамента виднелось несколько черепов, не все воинственной расы. Были и узкие, и со странными глазницами — чуть более вытянутыми. Я принялась жевать собственные губы и гадать, что тут спрятано. Или кто скрывается во тьме? Ядовитая или огненная ловушка? Такие не дробят кости.

Камень жил... Эта мысль не отпускала.

Я взвесила череп в руке и тихим свистом привлекла внимание Дарока. Тот по предупредительным жестам понял, что я собираюсь сделать, и подобрался. Череп полетел к постаменту — я приготовилась к побегу. С глухим стуком он отскочил от земли и со звоном колотушки ударился в горку костей. Кости развалились, немного разъехались, пошумели. И все затихло.

Каменная пасть не схлопнулась. Сталактиты не опустились нам на головы. И нам не пришлось

бежать обратно в коридор-кишку, оставленную в нескольких метрах за спиной.

Мы остались живы в каменном желудке.

А потом раздался вздох.

— Выходи, мразь! — вдруг рявкнул в полный голос Дарок, оборачиваясь вокруг себя. — Хватит прятаться!

Я шикнула:

— Не шуми!

— Он играет с нами! — Дарок сплюнул под ноги и развел руками. Кажется, у него сдали нервы. — Разве ты не чувствуешь?! Как вошли, он увязался за нами сразу!

Чувство было. Липкое, в какой-то мере тошнотворное. Мы шли в ловушку.

Дароку отвечала тишина. И вздохи... Камень дышал то тут, то там.

Я снова покарябала затылок, расценивая расстояние между собой и постаментом. Вскочить, добежать до сундука, схватить его и унести стремглав по коридору обратно. Мы шли сюда медленно, много времени тратили на окружение. Если просто двигаться — путь займет не больше двух-трех минут.

Ноги налились свинцом, пальцы в ногах согнулись до хруста и легкой колкости. Я уперлась руками в пол, не спуская глаз с сундука. Добежать, схватить — и обратно.

По ногам прошла волна жара и дрожи. Руки онемели, во рту пересохло. Добежать и схватить. Добежать и...

Под ноги Дароку упали камешки. И стало тихо. Совсем тихо.

Я прислушалась к камню.

— Не дышит.

Желудок комком подкатил к горлу. Где-то за изгибом каменной кишки завыл ветер. Ветер ли?

Шепотом я отправила Охарс к потолку. Они осветили пустоту.

Камень, камень, камень... Со всех сторон не было ничего, кроме камня. Но появилось в звуках что-то новое. Я медленно повернула голову на неизвестное. Звук был настолько слабый, что его поглощало даже собственное дыхание. И я вдохнула, но не выдохнула. Звук повторился.

— Фр, фр, фр...

Такой слабый, такой приглушенный... Словно не звук, а вибрация. Я пошевелила губами, повторяя его, скорее, по памяти.

— Чего ты там бормочешь, женщина? — шепотом поинтересовался Дарок, поднимая рогатую голову к потолку и под чувством страха отступая. Под его ногой хрустнула кость. Я повторила громче:

— Тофр, тофр, тофр...

Кейел

— Шелестят создания скверны, — ругался Роми, оглядываясь на тени скал.

Я выхватывал взглядом туманные силуэты, но не мог задержать на них внимания. Пока еще они прятались от багрового света. Солнце погружалось медленно, но мне было недостаточно. Я безумно желал остановить его. Это желание схватывало горло, скапливалось в груди и распирало изнутри. Хотелось броситься к Солнцу и звать его, кричать, просить, чтобы остановилось.

Или броситься в пещеру... Я косился на черный проем, застывший над землей. Солнечные лучи давно перестали согревать его. Ожидание команды от Елрех, что нам пора уходить смешивалось с чувством страха. Я не понимал, чего боюсь больше: того, что у меня не хватит мужества броситься в пещеру, убегая от Роми с Елрех, или... У меня останется сын. Каким он будет? У меня наверняка будет сын, а не дочь.

Сердце билось в горле вместе с желанием умолять Солнце остановиться.

Асфи

Тофр, тофр, тофр...

Я плохая мать.

Первая тварь свалилась на Дарока с потолка. Почернела, обретая форму. Беззвучно раскрыла зубастую пасть и, раздирая плечи и спину васоверга, быстро завертелась на рогатой голове.

Ручка Шании в крови. А мой сын? Где мой сын?

Ты не для семьи...

Ярость вспыхнула с воспоминаниями.

Колетание воздуха подсказало в последнюю секунду, куда отскочить и как ударить. Я встретила прыгнувшую на меня тварь выставленным кинжалом. Лезвие распоролло плоть с тихим скрежетом. Раздался визг. Тонкий и острый для ушей. Виски сдавило болью.

Молодняк грызся с визгом. Он с остервенением делил между собой маленькую добычу. Они учились охотиться и выживать.

Простите меня. Я не для семьи...

Меня повалили крепким ударом в грудь. Камень больно впился в лопатки и затылок. Челюсть защелкала перед самым лицом, отдавая измученное обоняние новым зловонием. Не таким резким, как воздух в пещере, а сладковатым и едва уловимым. Из пасти тофров будто несло призраком будущей смерти.

Тофр, тофр, тофр...

— *А ты? Мама, а ты?*

— *Я догоню, маленькая...*

...догоню.

Кинжал вошел в плоть с чавканьем. Тварь слетела с меня, позволяя мне вскочить на ноги. Попыталась цапнуть, но я ударила ее кулаком по морде. Охарс осветили мелкие блестящие зубы в черной пасти.

Они убили моих детей. Эти твари убили моих детей!

Дикое чувство беспомощности охватило лишь на секунду, но до слуха добрались голос Дарока и звуки драки. Чужие чувства, давно ставшие собственными, немного притупились.

Дарок, бросив плети, ругался и крутился. Тофры облепили его, как самого грозного противника. Мелкая тварь ловко цеплялась за длинные рога и вертелась на голове васоверга. Когти задних лап царапали кожу. Волосы налипли на лоб Дарока, кровь залила брови и глаза.

Мой враг очухался и бросился на меня, но я прыгнула в сторону и ударила на опережение. Зацепила его — кинжал едва не вылетел из руки. Тофр промчался вперед, ударился головой в стену. Забился в угол и принялся раздирать камень, будто тот внезапно превратится в землю, и вместо борозд быстро образуется нора.

Пользуясь победой, я вновь посмотрела на Дарока.

Тварь крупнее — размером с огромную собаку — встала на задние лапы, упиралась на рога у лопаток и кусала Дароку руки. Он пытался сорвать с головы мелкую и попутно отбивался локтями от второй. Еще одна тварь атаковала спереди, но Дарок крутился на месте, заставляя всех тварей перемещаться за ним и выжидать, когда он устанет.

Возле стен кружили еще тени. Шипели, подступали ближе. Перепуганные Охарс едва ли освещали их. Крупная особь отделилась. Стремительным прыжком налетела на Дарока, и он едва устоял на ногах. Тварь впила ему в шею, и Дарок не то зарычал, не то закричал. Вслепую перехватил нового врага, крепко обнял его и сам с дикой яростью вгрызся в толстую глотку. Враг задергался в его руках, но не мог вырваться из крепкого захвата. Оглушительный визг распугал остальных тофров. У меня от него потемнело в глазах и зазвенело в голове. Казалось, вокруг все исказилось.

«Ксанджи! — позвала я, ощутив теплую струйку крови из носа. Собственного голоса услышать не удавалось, он звучал лишь в голове. — Сжечь всех, кроме Дарока и твари рядом со мной!»

На ощупь я поспешила к раненому тофру. Чувство беспомощной злости оживало сильнее с приходом темноты. Они убили моих детей...

Ксанджи разогнали мрак, но чувство беспомощной злости не прошло. Своды зала наполнились дымом и запахом гари. Я запоздало задалась вопросом, не можем ли мы взорваться? От зловония горчило на языке. Ксанджи метались из угла в угол, пугая даже Охарс. Моя ненависть питала их...

Тофр, тофр, тофр...

— *Мам, мама...*

— *Беги же! Я догоню!*

...догоню.

Тофр жался к стене. Тонкий, скользкий. Возможно, от крови. Задняя лапа была вытянута, а под телом петлял темный след.

Догоню. Я отмахнулась от искр и, опустившись в чужую кровь на колени, попыталась вытянуть тварь из угла. Хотелось видеть ее глаза. Понять, что она не разумная. Или наоборот?

— Сундук у меня! — Дарок отвлек криком.

Вокруг пылали тела монстров. Более живучие особи визжали и, охваченные огнем, разбежались по норам. Ксанджи преследовали их. Очередной вдох вызвал боль в переносице и лбу. Я закашлялась.

— Уходим! — прижимая к груди сундук, Дарок потянул меня за плечо.

Я дернулась и оскалилась на него. Он оскалится в ответ. На окровавленном лице воина белели лишь глаза, даже клыки были измазаны кровью. Приступ кашля повторился, и я вскочила на ноги, прикрывая рукавом нос. В глазах вновь потемнело, и твари ожили перед глазами. Молодняк. Плечо сжали сильнее, потянули...

— *Теперь можно кричать.*

— Нельзя.

Я стиснула зубы, отмахнулась от тяжелой руки и бросилась к полудохлому тофру. Нащупала его, ухватила за задние лапы и потащила. Тофр с новой силой задергался, передними лапами оставил в полу борозды.

— Зачем тебе он? — орали на ухо.

Будь у воина свободные обе руки, он бы вытянул меня из пылающей пещеры насильно, а так я запросто отбивалась и тащила свою добычу. Перед глазами мелькали образы, в груди все на части рвали чувства. Окровавленная рука. Я больше не смогу держать детей за руки. Не смогу смотреть им в глаза и любоваться их улыбками. Тофры отняли у меня все. Они сожрали и меня.

Не меня...

Но часть чьей-то жизни, стала моей собственной. И я разрывалась изнутри от агонии. Хотелось кричать, вопить и биться обо все вокруг — что-то удерживало рассудок на поверхности. Он то нырял в темные воды чужой жизни, то всплывал на поверхность моей.

Темнота и свет менялись местами. Они качались, крутились, переворачивались вверх дном. Потом снова становились на свои места. Моя жизнь под огненным светом и чужая во мраке.

Раньше я бы определенно сошла с ума, опустила руки и позволила тофрам безнаказанно расправиться со мной. Но мгновение помутнения в голове и страшные фантазии, как тофры пожирают меня, прошли. Во мне откуда-то появилась устойчивость, которая вынуждала задерживать дыхание и волочь убийцу моих детей туда, где можно дышать.

Кейел

— Ты идешь, человек? — позвала Елрех.

Я поднялся на железных ногах и застыл. Вещи были собраны, куртка лежала рядом с сапогами. Оставалось только подойти и взять. Солнце наполовину погребло. Тени толпились под камнями и, чуя нас, рвались к нам. Шелест стоял такой же плотный, какой бывает в теплый рассвет от жужжания жуков на цветущей поляне. Ни шелест, ни тени меня не пугали.

Как мы оставим ее? Она жива. Наверняка жива, но, кто знает, вдруг умирает прямо сейчас. Как ее оставить?

Я с трудом поднял ногу с плаща, но опять опустил на то же место.

Духи Фадрэгоса, пожалуйста, помогите.

— Нам пора идти, Кейел. — Ромиар, опираясь на посох, поднялся с камня и направился к моим вещам. Он понуро свесил рогатую голову. Теперь он не смотрел и в мою сторону, и это злило. Почему он стыдливо прячет от меня глаза? — На рассвете вернемся сюда и постараемся отыскать тайник сами.

На рассвете. Разве можно ждать до рассвета? Кого мы боимся? Теней? Я заозирался и сжал кулаки. Еще при свете Солнца они меня пугали, но теперь... другой страх вытеснил все чувства.

Духи Фадрэгоса! Я снова попытался шагнуть, но прирос к земле. Тронул губы, вспомнил последние ночи, девичью ласку и игривый шепот. Призывный взгляд карих глаз... У кого просить помощи? Чье-то имя суматошно вертелось на языке. Чье-то имя хотелось произнести в мыслях. Кто-то мог управиться со временем. Остановит ли этот кто-то Солнце? Кто? Я не помнил.

— Кейел! — Ромиар прикрикнул на меня, выпрямляясь в полный рост.

Елрех ждала в стороне. Угрюмая, с блеском слез на серых глазах. Это раздражает беловолосого шан'ниэрда? Слезы возлюбленной?!

Я посмотрел на пещеру и стиснул топориче. Кого молить о том, чтобы Асфи вернулась? Я знал лишь одно существо во всем Фадрэгосе.

Асфи, пожалуйста, вернись.

По телу прошла неприятная дрожь, вывернула душу наизнанку. Солнце почти погребло. Ромиар швырнул мне в ноги куртку и подбросил сапоги. Поторопил:

— Быстрее! Иначе мы уйдем без тебя.

«Уходите» — этого произнести не удалось. У меня скоро будет сын.

Я сошел с плаща на теплую землю, потянулся за сапогом и сердце замерло. Когда из входа в пещеру кто-то показался, я пошатнулся. Сердце забилося в горле.

— Они вернулись! — крикнул я и бросился ко входу.

Из-под низкого камня на коленях выполз Дарок. Попытался подняться на ноги, но рухнул снова. Весь в крови, в лохмотьях оборванной куртки, он держал в руках сундук.

— Где Асфи?! — спросил я, глядя на него. Он тяжело дышал и кашлял. Мне захотелось вцепиться ему в грудки и выбить ответ. — Где она?!

Он махнул рукой на пещеру. Жива ли, умерла? Что означает его жест? Он кашлял. Ветер донес от него запах дыма, жареного мяса и чего-то еще прогорклого. Я оттолкнул Елрех, вставшую у прохода в пещеру. Удерживаясь за камень, склонился и собирался войти под темные своды, но оттуда показалась сама Асфи. Живая! Духи Фадрэгоса, живая!

Я выдохнул с облегчением и удивился, когда в носу защипало. Тряхнул волосами, прогоняя слабость. Асфи что-то волокла. Я попытался помочь ей, но девушка прошипела что-то на неизвестном языке и оттолкнула меня. Через несколько мгновений она вытянула черную зверюгу под последние лучи Солнца, и озноб сковал меня.

Дарок весь в крови. Зверюга была тонкой, но с виду сильной, гибкой. Асфи... Она могла умереть.

Асфи

Вскоре огонь стал ярче. Потолок перестал задевать голову. Силуэты других балкоров расплывались перед глазами. Где они были раньше?

Камень встретил колени острой болью, ладони уперлись в теплый бок тофра. Я пыталась увидеть его глаза, понять, осознавал ли хищник, что делает. Но глаза были закрыты. Я хотела срезать ему веки, но почему-то смогла лишь ударить острием в плоть. Хотела срезать кожу лоскут за лоскутом, будто знала, как это делать, но вместо этого била и била клинком. Никак не могла остановиться.

Сородичи толпились рядом, что-то говорили, кричали. Зачем-то попытались оттащить меня от твари. Зачем пытаются защитить убийцу моих детей? Зачем?! Я отмахнулась кинжалом и кого-то зацепила. Не позволю отобрать у меня право на месть!

Поволока сошла с глаз. Местность проступила четкими очертаниями под закатным солнцем — темнота и свет перепутались. Где свое, где чужое?.. Опять заблудилась в воспоминаниях. А может, давно все срослось и склеилось. Горькая тоска пронзила умирающее сердце. Ее детям уже не помочь. И ей тоже. Мне не помочь.

Темнота снова потянула на свою сторону, и я ухватилась за единственное, что разум распознал во всех временах. Кейел...

Он стоял в нескольких шагах от меня. Родной и уютный. Почему смотрит так жалостливо? И откуда пятно крови на его рубашке?

В голове ясным воспоминанием промчалось, как совсем недавно я отмахнулась кинжалом. Едва не убила? Кинжал выпал из ослабевших рук. Я бросилась к Кейелу и сквозь звон в ушах услышала хриплый голос:

— Это пустяки, Асфи. — Он перехватил мои пальцы. И я, увидев их, не смогла отвести от них взгляда. Они в его крови? В его! Я нанесла удар! — И не такие царапины переживал. Заживет. Вот увидишь.

Улыбается? Я подняла голову и пристально посмотрела на его губы. Они и вправду были растянуты. Взглянуть ему в глаза было страшно.

— Асфи, — выдохнул он. Я чувствовала его взгляд на себе и невероятное тепло, вложенное в него. За что испытывать такую благодарность ко мне? Я ведь едва не убила его. — Я в порядке.

Он погладил мои руки от пальцев до запястьев — и обратно. И крепко сжал их. Насмешка природы или защита? Близость острой смерти — неважно чьей — рождает стремление к жизни. И это стремление так же остро прошибает, как пробирает горькими чувствами смерть.

Лицо вспыхнуло от невинной ласки. Я обхватила Кейела за шею, склонила к себе и поцеловала. Голова кружилась. Во мне росла необходимость чувствовать крепкие объятия еще сильнее. Чувствовать Кейела еще ближе. Я цеплялась за его волосы, сжимала плечи, гладила спину и, как только казалось, что объятия слабеют, подавалась к нему снова и снова.

Добыча подсказки и ключа, которую пришлось недавно пережить, превратилась в ночной кошмар. Образы смерти легко исчезали из головы. Рядом с Кейелом все кошмары оставались в прошлом. Рядом с ним я не боялась воспоминаний.

— Хватит пожирать друг друга! — рявкнул Дарок. — Ключ у нас! Солнце гибнет. Пора уходить.

Я оторвалась от мокрых губ Кейела, но объятия не разжала. Спросила шепотом:

— Останешься со мной тут?

Услышала собственный вопрос, утонувший в нарастающем шелесте, и поняла, какой глупостью интересуюсь. Ноги ослабли. Эйфория помутнела. От нахлынувшей тоски заложило уши. Я покосилась на тофра и опять стала теряться между тьмой и светом. Другими... Не имеющими ничего общего со временем. Если Кейел уйдет — сяду и разрыдаюсь, как того велит сердце. Это тьма. А останется... в его объятиях забуду любое горе. Он мой свет.

Кейел обхватил мое лицо и заставил посмотреть на себя. Сердце ухнуло, ком подкатил к горлу. Я представила, как останусь одна рядом с монстром и буду рыдать всю ночь. Буду переживать в одиночестве приступ тьмы.

В теплых глазах сияло счастье. Откуда? Что произошло, пока меня не было?

— Останусь, — произнес Кейел.

Я забыла выдохнуть. Голова закружилась с новой силой, сердце забилося быстрее. Я дернулась к застывшей неподалеку троице, но ноги подкосились. Кейел придержал меня.

— Уходите! — приказ получился негромким. Неубедительным.

Роми ткнул посохом в мертвого тофра, рассматривая его с отвращением. Елрех не отрывала от нас с Кейелом переуганных глаз, а Дарок осматривал и ощупывал собственные раны. Я помнила, во что он превратил Фаррда, и помнила его слова о том, что Фаррд выкарабкается. Дарок выглядел гораздо живее информатора.

— Уходите! — повторила я, и бросилась к ближайшей сумке, чтобы швырнуть ее в руки Дароку. Пусть проваливают! Пусть оставят нас, позволят забыть нам... мне! о моей грядущей тьме без Кейела.

Он когда-нибудь неизбежно оставит меня.

Когда-нибудь... Не сегодня.

Я ждала, пока они осознают, что я без шуток и на последних каплях терпения жду их ухода. Слезы накатывали, от них уже свербило в носу, и я кривилась, сжимая кулаки и кусая губу. Хотелось гнать лишних с кулаками.

Наверное, Елрех поняла. Она всегда была понятливой. Именно она принялась звать и изумленного Дарока, и хмурого Ромиара. И без лишних вопросов они ушли в течении нескольких секунд.

Они ушли и забрали с собой сундук. В нем хранились ис'сиары — символы любви в Фадрогосе. Вольный сплел их для Вестницы и для себя, зная, что им не суждено быть вместе. Мой же Вольный всегда напоминал мне, что его когда-нибудь не станет. Он хотел, чтобы я научилась жить без него. У него, в отличие от Аклена, никогда не было для меня ис'сиары. И он был прав. Кейел никогда не ошибался.

Кейел...

Он доверился мне, остался со мной на ночь там, куда даже васоверги днем заглядывали с опаской. И я с каждой секундой сильнее погружалась в чувство благодарности. Снимала с Кейела одежду и позволяла раздевать себя. Последние лучи солнца умирали на его ресницах, таяли на зацелованных мною губах. Отовсюду росли шорохи, но Ксанджи, вылетевшие вслед за мной из пещеры, акулами кружили над нами и не позволяли никому приблизиться.

— Не бойся их, — попросила я и мазнула губами по ключице Кейела.

Нам предстоит испытание куда хуже внешних монстров. Откуда знал Дес, каково это — убегать от собственной тени? От внутреннего монстра... Неподалеку лежало тело тофра, напоминая о ветвистом прошлом. Тофра я подожду, когда Кейел избавит меня от ненависти.

— Не буду, — прошептал он и, закрыв глаза, принялся целовать мое лицо.

Я подняла голову, подставляясь ему. Каждый поцелуй — глоток прохладной воды в пылающей пустыне.

Мы обнажились. Я откинула штаны ногами, выпутала ступни из них и подалась к Кейелу. Он отступал к плащу, лежащему неподалеку. На ходу принял меня в нежные объятия. Я хотела видеть его глаза. Теплые, ласкающие взглядом, хмельные от возбуждения. Хотела видеть их каждую секунду. Вот так — на расстоянии нескольких сантиметров от своих. Именно так...

Острая необходимость чувствовать его губы своими губами лишала глотка воздуха. Из-за нужды в его руках мы едва не повалились, и Кейелу пришлось разжать объятия и разорвать поцелуй. Он уселся на плащ, хотел подвинуться и посмотрел на свернутое одеяло. У меня не хватило терпения и на долю секунды. Я опустилась на колени возле Кейела, обхватила его голову руками и поцеловала. Разве можно тратить время на что-то еще? Он опустился на спину, а я, нависнув над ним, продолжала целовать его. От поцелуев с ним было хорошо: горячо, сладко.

Кейел погладил ладонями бедра, надавил, подтолкнул — и через миг я забралась на него. Но целовать перестала лишь тогда, когда разболелись губы. Я с улыбкой отстранилась от его лица. Заглянула в темные от возбуждения глаза, убрала русые пряди с лица и прислушалась к ощущениям. Кейел дышал неровно — с мелкой дрожью, да и напряженное тело тряслось, но руки при этом едва ли ложились мне на поясницу. Он будто опасался требовать ласки с меня, будто не хотел проявить нетерпение и причинить боль. Мне-то?..

— Я хочу тебя, Кейел, — склонившись к нему, шепнула на ухо.

Сильные руки, наконец-то, крепче легли на спину и даже сжались. Но я не стала ждать его. Сама взяла того, кто давно подарил мне себя, но кто никогда не станет моим. С удовольствием поймала первый стон Кейела губами и, закрыв глаза, уперлась лбом в его щеку. Собственное дыхание сорвалось следом за его дыханием. Я двигалась плавно, стараясь проникнуться ощущением близости сполна. Погладила грудь Кейела, хотела прощупать сердцебиение — задела свежий порез. Кейел дернулся, втянул воздух через зубы и, поймав мою руку, быстро прижал пальцы к своим губам.

Мы застыли, глядя друг другу в глаза. Он смотрел внимательно и в тоже время возбужденно. Одновременно строго и с непонятным интересом. Я вспоминала о шрамах на его груди. Теперь шрам нанесла я. Не первый... Но всякий раз больно.

— Прости, — попросила.

Он молча поцеловал мои пальцы.

— Они в твоей крови, — напомнила я. И от слов стало не по себе.

Слезы опять подступили, тоска затопила скверную душу. Кейела хотелось оставить себе. И его хотелось спасти от себя.

Кейел только крепче прижал мои пальцы к губам, а затем изменился в лице. Подорвался, усаживаясь и обхватывая меня.

— Осторожно! Охарс!

Ксанджи без моей ненависти теряли подпитку, но все-таки лениво кружили над нами. Черные души набирались сил и бездумно тянулись к теплу. Как мотыльки на свет... Наверное, и мы с Кейлом в каждой жизни так же шли друг к другу, зная, что обречены сгореть.

Свет Охарс растворил несколько силуэтов совсем рядом с нами. Но я улыбалась и качалась на волнах трепетной радости. Теплая ладонь с мозолями лежала на моей лопатке, а вторая прикрывала голову. Объятиями Кейел попытался защитить меня, уберечь. Сидя подо мной, он повернул ко мне хмурое лицо. Я хохотнула и чмокнула его в морщину над переносицей.

Хмурость испарилась. В теплых глазах вновь появились искорки.

— Ты безумная. — Кейел пропустил прядь моих волос между пальцами. Кончиками зацепил скулу, провел нежно по коже к губам. Видимо, пытался восстановить утраченное мигом возбуждение. — Ты могла умереть в этот рассвет. Ты могла умереть дважды. — Мимолетно глянув мне за плечо, исправился: — Трижды.

В прошлой жизни ты рисковал собой чаще... Я обняла его за шею крепче и, устраиваясь на нем удобнее, улыбнулась шире.

— Меня не так просто убить. Я верю в это.

— Почему? — Он приподнял голову, стараясь не отводить взгляда от моих глаз.

— У меня есть секрет.

Призвав Айссию, я поманила духов к свежему порезу. Кровь размазалась на груди Кейела и запеклась.

— Расскажешь?

Я приоткрыла рот, но горло слегка похолодело. Эта тайна никому не навредит, но и не принесет пользы. Пожав плечами, я проследила за тем, чтобы Айссия начали исцелять Кейела. Улучив секунду, отвлеклась на испарившихся Ксанджей. Они отозвались неохотно, но послушно ужалили мертвого тофра. Взвзвизывая за него огонь отогнал тени, сгущающиеся поблизости.

— Они шепчутся. — Кейел опять нахмурился.

Жадные души обступили нас плотным черным кругом. Сквозь их дымчатые тела не было видно ничего. Кейел, обняв меня одной рукой, потянулся за одеялом. Я изогнула бровь и быстро опустила голову, пряча легкую насмешку. Что плохого для умерших в плотской любви? Но раз Кейела смущает их присутствие, то пусть прикроет нашу наготу. Или ему холодно?.. Я пошевелила пальцами босых ступней. Может, и холодно.

Как только я вспомнила о силе Вестницы, так сразу в голове появились знания о причудах призраков. Кейел укрыв ноги, мои ягодицы, поднял одеяло мне на поясницу и, хмурясь, пытался уложить уголки одеяла на мои колени тоже. Я окинула взглядом процесс исцеления и быстро

подалась к Кейелу, лизнула его губы. Он мигом обратил на меня бесценное внимание. Я, отпрянув быстро, принялась собирать его волосы у лба и стягивать на затылке.

— Души мертвых следят за нами повсюду, — заговорила так, чтобы голос не утопал в шелесте. — Где бы мы ни были: дома, в глухом лесу, под сводами пещер... Они наблюдают днем и ночью.

— Откуда знаешь? — заинтересовался Кейел.

Его любознательность всегда меня удивляла, а сейчас даже возмутила.

— Что с тобой, смертный? — Я округлила глаза, обняв его за плечи. Склонила голову набок. — На тебе сидит голая девушка, а ты интересуешься призраками?

— Асфи, прости. — Он мигом изменился в лице: острые черты приобрели мягкость. Хрипый голос прозвучал едва слышно: — Я не хотел...

Я с широкой улыбкой поцеловала его, крепко прижимаясь к нему. Ненадолго. Почти сразу отстранилась и продолжила делиться тайной:

— Днем им хватает солнца, чтобы согреться, и живые мало их интересуют.

Кейел успел потянуться следом за моими губами, но замер и снова нахмурился:

— Кто? Кого?

— Призраки, — прошептала, накрывая влажные от поцелуя губы указательным пальцем. — Тс-с.

И многозначительно покосилась на лунных охотников.

— Мы ведь говорили о призраках.

— Ты, — выдохнул он, сжимая руки на моей пояснице. Я чувствовала, как в нем зреет возбуждение, и моя игра с ним лишь усилила его. — Асфи, тебе весело забавляться надо мной?

Я попыталась опрокинуть Кейела на спину, но он успел упереться рукой в землю. Второй — рывком подтянул меня выше на своем животе. В зелено-карих глазах вспыхнули искры азарта. Разве были они у него в этой жизни? На меня он так смотрел впервые.

— И что дальше, девушка, знающая все на свете?

В груди разгоралось пламя, и питалось оно отнюдь не ненавистью и злостью. Я облизала губы; в голосе против воли появились кокетливые нотки:

— А ночью им холодно под лунным светом, и они ищут тепло. Скипаются за живыми повсюду, но тронуть их не могут. Согреться тоже. — Провела рукой по запекшейся крови на груди — Айсии не оставили и следа от шрама. — Поэтому они прячутся от лунного света в тенях листвы и гор. Пытаются забраться в норы диких зверей. Но звери давно научились делать лазы узкими, а норы глубокими. — Склонилась к Кейелу за глотком его дыхания. Он, несмотря на страшную тайну и жутких наблюдателей, лишь сильнее возбуждался. — Ночью звери заползают на самое дно, жмутся к земляным стенам и рычат на призраков. Они не видят их, но чуют отлично. Знаешь, кто страдает сильнее всего?

Кейел вопросительно промычал мне в губы и поддел кончиком носа мой нос.

— Собаки, — тихо сказала, прогибаясь в пояснице и прижимаясь грудью к Кейелу. — Призраки забираются в их будки или под навесы, где заботливые хозяева кидают псам солому. И собаки мнутя на привязи или, если гуляют по двору свободно, бегут к порогу дома. Жмутся к двери и скулят. Чуют смерть рядом. И ведь понимают прекрасно, что привело ее к ним, чьего холода она боится.

Кейел изучал мою грудь хмельным взглядом и ладонью. Приятно... Однако стоило мне замолчать, как он снова превратился во внимательного слушателя. Заручившись его интересом, я договорила:

— Собаки запрокидывают голову и воют на луну так тоскливо, что хозяева ругают их и хватаются за сердце. — Я взяла руку Кейела и положила обратно на сердце, откуда он ее недавно убрал... чуть выше. И одобрила: — Да, тут. И прижимают крепче. Им ведь из-за воя страшно. А псы всего лишь молят о спасении.

Кейел многозначительно хмыкнул, шумно выдохнул и прижал меня к себе. Я вытянула шею, подставляя ее горячим губам. Поцелуи Кейела смелели с каждой секундой. Кажется, ему было плевать на мой рассказ, плевать на черные души — на все вокруг.

— Тебе не страшно? — спросила, закрывая глаза. Кейел погладил мою спину и дотянулся губами до моего подбородка.

— Нет, — прерываясь, ответил он. — Пусть смотрят.

Мы вздрогнули одновременно, когда затухающие Айсии взмыли бирюзовой вспышкой в небо. Разрослись над нами огромным пузырем, заставляя прищуриться от яркого света, и лопнули. Множеством светлячков разлетелись в разные стороны и завертели в танце, отгоняя смерть. Я спрятала глаза от света, уткнувшись в плечо Кейела, и рассмеялась.

— Что с ними? — спросил он, пытаясь спрятать лицо в моих волосах.

— Их питает жизнь! И...

Кейел резко обхватил мою голову, заставил поднять ее и возобновил поцелуй.

...любовь.

Не заметила, когда он окончательно осмелел. Не заметила, как с поцелуями избавился от страха. Как сам подался ко мне, обнимая за талию, приподнимая и подталкивая к возобновлению близости. Жар охватил, желание напитало силой. И вскоре я упивалась шумными вздохами Кейела. Губы к губам, вдох в размен на выдох, тихие стоны — моя сладкая награда. Сколько длился праздник тел и сокровенное касание наших согретых взаимностью душ? Десятки минут или часы... Важно ли? Мы жили вне времени. Оно нам было нипочем.

Глубокой ночью я лежала рядом с Кейелом: голова на его груди, нога на его ногах. Мы смотрели на небо — единственный кусок пространства над нами, который не заняли черные души. Айсии пылали так же ярко, но по моей просьбе легко спустились ниже к земле — так они не затмевали звезды. Кейел рассказывал мне о них. Хриплый голос звучал тихо, устало. Бывало, когда шелест черных душ нарастал в какой-то стороне, Кейел ругался. Приподнимался на локтях, нащупывал поблизости камешки и швырял в черноту. Черноту такая агрессия не пугала, но шелест почему-то стихал.

Луна смотрела на нас, но я не боялась. Пусть смотрит. Пусть следит за мной, выжидает и, если ей надо, судит. Я знаю всю свою вину. И не одну. Все могу признать, за каждую готова ответить. Мне не страшно. Перед своей совестью я чиста.

— Асфи, ты слушаешь меня? — тихо спросил Кейел, поглаживая мою поясницу.

— Конечно.

— И как имя той звезды, которую я тебе только что показал?

— М-м, — коротко обозначила я раздумье. И легко во всем созналась: — Я немного отвлеклась. Как имя этой звезды?

Кейел молчал, а поглаживание становилось интенсивнее. Шелест вновь звучал громче.

— Асфи, я снова хочу тебя.

Сердце сжалось. Я погладила твердый живот и, привстав на локте, поцеловала в плечо. Однако Кейел опрокинул меня на спину и навис сверху. Одеяло съехало, сбилось комками, и он оттолкнул его, чтобы не мешало. Будто обрел былое бесстрашие. Широкой спиной скрыл меня от взгляда Луны, а сильными руками заслонил от моих глаз черные души. Ото всех уберег меня. Единственное, что оставил мне для созерцания, — свое лицо. Опять сосредоточил весь мир на себе.

Глава 25. Свод Скверны

Регион Рубиновой сладости произвел на меня впечатление во второй раз такое же сильное, как и в первый. Болота с пестрыми цветами и деревьями, увешанными бахромой, тянулись почти до самого священного кольца, где плавно переходили в жаркую степь. Глубокое синее небо с легкими хлопьями облаков. И жизнь. Она была тут повсюду.

В круг камней, отдохнувшая и наполненная силой духов, я ступила первая. Втянула жадно горячий воздух степи, насыщенный пряными ароматами трав. Он вскружил голову, опьянил, одурманил счастьем.

— Никогда тут не был! — Кейел опустил на землю за моей спиной.

— Ты нигде не был, — усмехнулась я, поправляя ножны.

Он навалился мне на плечи, стиснул до хруста.

— Не правда! — Рассмеялся, продолжая не обнимать, а именно стискивать! — Я бывал в таких местах, побывав в которых, любой фадрагосец может объявить себя храбрейшим героем!

Я расхохоталась следом и попыталась вырваться из крепких рук. Как только он поцеловал в шею, я и вовсе рванула вперед. Он не отпуская. Силы в нем хватало, чтобы удерживать меня часами.

— Я вся в пыли, Кейел! И от меня воняет.

— В месте, которое делает нас героями, тебя это не смущало. А у меня и тогда песок на зубах хрустел.

Я ахнула и попыталась хлопнуть его по плечу, но он только перехватил мои руки, скрестил их на моем животе и медленно пошел вперед, заставляя шагать и меня. Подбородком остро упирался мне в плечо, но я не жаловалась. Терлась щекой о самое красивое лицо во всех мирах. Настроение было чудесным.

— Карта осталась у ребят, — вспомнила, разглядывая желто-зеленое море трав и рыжие горы за ним.

Потеряться бы в этой сказке...

— Я видел твою отметку, знаю куда идти.

Я тоскливо вздохнула. К ребятам нужно вернуться скорее, убедиться, что у них все хорошо. Пришли ли Стрекоза и Гахсод на место сбора? Надеюсь, их добыча досталась им без приключений.

— Нужно идти быстрее, — сказала, затылком ложась на плечо Кейела.

— Нужно, — выдохнул он.

Выпустил меня из кокона объятий, но сразу же нащупал мою руку.

В жизни определенно наступил период празднеств, и я собиралась пользоваться этим временем сполна.

К месту, о котором подсказала Стрекоза, мы дошли после полудня. Конечно, хотелось задержаться. Хотелось замедлить шаг, погрузиться в пустой треп, будто нет ничего серьезнее в мире. Хотелось проникнуться невинными прикосновениями и поцелуями. Жить только ими, словно именно в них заключался смысл всей жизни. Хотелось растянуть мгновения, наполненные всеми этими маленькими нужностями, до вечности, превратить секунды в пыль и плюнуть на будущее, растворить прошлое в настоящем без остатка. Хотелось... но мы остановились лишь ненадолго в обед. Разделили сухари и солонину, оставшиеся у меня после вылазки, запили несколькими глотками воды. Посидели пару минут в высокой траве напротив друга друга, обмениваясь молчаливыми улыбками, а затем Кейел поднялся и помог встать мне. О том, что Елрех волнуется о нас, а Роми нуждается в спешке, мы ни на секунду не забывали. Нам хотелось задержаться, но уже после полудня мы отыскивали точку сбора.

Стрекоза была права, называя это место колыбелью.

После жаркой степи тень раскидистых деревьев служила прохладным пологом. Водопад грохотал в километре от нас, поднимая водную взвесь над деревьями, и в ней зависла вечная радуга. Возле нас вода текла широкой рекой. В ней выступало множество плоских валунов, по которым запросто можно было перейти на другой берег. На мелководье, прогретом солнцем, плавали пестрые рыбки, видом напоминающие яркие цветы, которые тут же качались на поверхности. В местах поглубже

рыба крупнее то и дело мутила воду прыжками. Над нами летали птицы, и щебет стоял такой громкий, что в нем едва ли можно было разобрать стрекот кузнечков. Я держала Кейела за руку, во второй несла сапоги, и ощущала себя в раю.

Елрех заприметила нас в тот момент, когда Кейел рассматривал обломанную ветку и примятую траву — мы нашли тропу, но не были уверены, что она оставлена нашей троицей.

— Асфи! — Елрех вышла из-за толстого ствола дерева, убирая кинжал за пояс. — Безрассудная человечка! Я поняла, где мы вас оставили слишком поздно! А когда свирепый васоверг рассказал, что произошло под скалой, я едва не поседела!

Елрех отчитывала меня, быстро подходя к нам. Очередное нежное чувство окатило волной. Я бросилась к фангре и обняла крепко. Аромат трав от белых волос был еще вкуснее того, что пропитал воздух в этом прелестном регионе. Чувствуя ответные крепкие объятия и легкую дрожь Елрех под ладонями, я смутилась. Совесть кольнула.

— Хочу увидеть тебя седой, — удерживая улыбку на лице, отстранилась и проговорила я. Обхватила щеки Елрех, ощутила необычную кожу под ладонями и вытерла большими пальцами мокрые дорожки. — Тебе наверняка пойдет.

Елрех шмыгнула носом, но проявляла гордость — упав в лужу, сделала вид, что хотела охладиться. Клыкасто улыбнулась, несмотря на льющиеся ручьем слезы, и произнесла радушно:

— Что же вы встали тут, бестолковые люди? Кейел, бессовестный ты человек, мы остались без хороших дров. Мне пришлось пару шагов Солнца собирать гнилье по лесу. А как видишь, лес тут не густой. Асфи, лентяйка! Тут полно ценных растений, а у меня всего две руки.

— Так и у меня всего две.

— Ну-ну, — Она подтолкнула меня в поясницу, подсказывая дорогу к лагерю, — не отлынивай, когда причина — не причина. У меня две руки, у тебя две и у трудолюбивого человека две — считай, сколько уже помощников. Я одна не справляюсь. Мне пришлось усадить за переборку трав уважаемого Ромиара.

Я выгнула бровь.

— И как?

— От него проку больше, чем от тебя. А вот за что ты бросила на мои плечи бездельника, готового проглотить целиком мсита, я не понимаю. В чем я провинилась перед тобой? Добрый человек, может, ты знаешь причину? Чего это ты молчишь? Прячешь от меня что-то во рту? Даже не поприветствовал при встрече.

— Здравствуй, Елрех, — мягко сказал Кейел, шагая с другого бока от нее.

Она обнимала меня за талию. И внезапно обняла его тоже.

— Так-то уже лучше, бессовестные люди. Но поучить вас манерам еще стоит. И разуму поучить обязательно нужно. Вот придем в лагерь, я вас накормлю, а затем отхлестаю прутиком. Как раз под вас нашла...

Я слушала ее дрожащий голос, видела ласковую улыбку и непрекращающиеся слезы, и самой хотелось плакать.

— Прости меня, Елрех, — попросила тихо.

— За что это, хитрая человечка? — Она недоверчиво усмехнулась.

Но причину ее слез я знала прекрасно.

— Я заставила тебя волноваться. Я во всем виновата.

— Не ты одна. — Елрех повернула голову к Кейелу. — Ты рассказал ей, бессовестный человек, как собирался нарушить ее приказ?

— Что? — заинтересовалась я.

— Елрех! — возмутился Кейел; на впалых щеках проступил румянец.

Я засмотрелась. Он умеет краснеть?

— Ах, бесстыжий негодник! — вскинулась Елрех, поднимая высоко голову. — Ты гляди на него,

рассудительная Асфи. Он еще и кричит на меня. Выходит, не сказал он тебе, как бунтовать вздумал! Ну ничего, ничего... Я сама Асфи про тебя все расскажу.

Кейел ссутулился и насупился.

— Не нужно. Мы разберемся сами.

— Еще чего! Раз ты сам до сих пор Асфи не рассказал, как тебя едва ли не пришлось одевать насильно, так я в подробностях расскажу.

Глядя на обреченный вид Кейела, я рассмеялась. Что же случилось наверху, пока я сжигала тварей под землей?

Никогда бы не подумала, что мечтать о счастливом будущем может быть невероятно больно. И эта боль лучше всего остального вынуждала забывать о времени и просто жить настоящим.

И мы снова с Кейелом смеялись. Хохотали истерично над малейшей глупостью, будто ничего смешнее никогда не видели. Мы обнимались каждую удобную секунду. Целовались... Поцелуи стали нашей второй пищей, глотком воды — острой необходимостью.

— Останемся на Луну снова здесь? — хрипло спросил Кейел и нежно поцеловал в щеку.

Я зажмурилась ненадолго и улыбнулась.

Широкая река журчала и мерцала под полуденным солнцем. Большой камень подо мной был теплым и гладким, будто много веков его шлифовала вода. Однако он, подставляя ровную поверхность свету, высился как раз на небольшом холме. Я сидела на нем, упираясь ладонями за спиной и рассматривала поперек плеча Кейела водную гладь. Кейел стоял рядом, обнимая и разглядывая меня, казалось, будто любовался мной. Хотелось верить, что именно любовался.

— Тут много комарья, — я притворно закапризничала.

Он свел брови на переносице и заслонил лицом обзор на реку. Я сразу же заправила русые волосы за уши и только потом, осознав уже собственную привычку, рассмеялась.

— Что? — Кейел тоже улыбнулся.

Я покачала головой. Он стиснул мои бедра и легонько боднул лбом в лоб. Потребовал:

— Признавайся. — В отместку моему усилившемуся смеху укусил меня за щеку. И спросил: — Что мне сделать, чтобы ты осталась со мной?

Сердце ушло в пятки, смех застрял в горле и не позволял сделать хотя бы крошечный глоток воздуха. Я обняла Кейела за шею и стала целовать его в висок, в лоб. Сердце, наконец-то, застучало чаще, но одновременно с этим закружилась голова. В ней никак не укладывалась просьба Кейела и, кажется, сводила с ума.

— Я буду отгонять от тебя кровососов хоть до самого рассвета, — прошептал он, и я стиснула зубы, сдавила волосы на его затылке. Идиотка! — Пока Стрекоза не вернулась, мы можем уединиться, потом будет сложнее. Ты говорила у костра, что в Своде Скверны нельзя будет разделяться.

Я облизала пересохшие губы, подавила взметнувшуюся внутри горечь и заставила сердце успокоиться. Постаралась вернуться в привычное впитывание настоящего, отказываясь от мгновенно оживших мечтаний о будущем. Эти фантазии нужно хоронить сразу же, чтобы не успевали укрепиться. Они — моя слабость.

— Конечно же, я останусь с тобой, — приблизив свои глаза к его глазам, произнесла я.

Кейел не улыбался. Смотрел с задумчивостью и сжимал губы, будто хотел о чем-то спросить, но не смел.

— Я хочу сделать что-нибудь для тебя, — признался. Я приподняла бровь, подталкивая говорить дальше. Он взял меня за руку, поднес ее к губам и принялся целовать. Прерываясь от поцелуев, покусывающих меня с потрохами, продолжил: — Мне очень хочется, сделать для тебя хоть что-то. Что-нибудь приятное, что-нибудь... Не знаю, Асфи. Что мне сделать для тебя?

Я выдавливала из себя улыбку, хоть и захотелось ругаться на Повелителей. Хотелось одновременно остановить безумие, собственное мучение, но... Это попытка. Никогда не пробовала наркотиков, но, наверное, идиотская тяга к саморазрушению прямо сейчас была именно зависимостью.

— Покружи меня, — попросила я.

— Покружить? — удивился Кейел.

Я кивнула. Он прижал мою ладонь крепче к своей щеке и нахмурился.

— Асфи, я в самом деле хочу сделать для тебя хоть что-нибудь. Ты не представляешь...

Он осекся, а я вцепилась в него и заставила посмотреть на меня.

— Что не представляю?

Кейел подтянул меня к себе ближе, надавил на затылок, лишая возможности видеть его лицо. Полушепотом произнес на ухо:

— Ты не представляешь, как многое ты мне даешь. Я будто только теперь начал понимать, какой может быть жизнь. Асфи, я не знаю, как тебя благодарить, но очень хочу. Мне это нужно. Нужно сделать тебя счастливой в ответ.

— Я ведь ничего не прошу. Ни в чем не нуждаюсь.

— И я чувствую себя подлецом. Я... и есть подлец. Дай мне возможность хотя бы с тобой быть немного лучше.

Противная дрожь прошла по мне волной. Теперь он стыдит себя за то, что со мной изменил Лери? Все-таки он был прав: я чудовище.

— Покружи меня, Кейел. — Я заставила себя улыбнуться и дунула ему на висок. — Я и вправду хочу, чтобы ты меня покружил. И еще. Больше никогда не заводи эту тему. Мне с тобой очень хорошо, и этого достаточно.

Он опять нахмурился и явно хотел спросить что-то еще, но не решился. Легко подхватил меня на руки, в два широких шага отошел от камней и, крепко прижав к себе, закружил.

После обеда я помыла посуду и возвращалась от реки к лагерю. Елрех ушла собирать цветы, распускающиеся лишь в определенный момент времени ровно на час. Кейел отправился проводить ее и забрать какие-то припрятанные ею неподалеку корнеплоды. Ромиар, устав от борьбы с тошнотой, улегся на лежанку и мигом заснул. Дарок отсиделся недолго в тени и принялся за единственное занятие, которое было ему доступно и которым он владел в совершенстве.

Я мельком оценила замах руки и внутренне сжалась, когда кулак опустился на дерево. От коры, изрезанной плетью, отлетели куски, от ствола — щепки. Дарок не останавливаясь ни на секунду, развернулся, отпрянул, хлестнул плетью еще раз. На толстом стволе осталась новая зарубка.

Свободного времени хватало, а вот занятия мы себе искали сами. Поэтому, сгрузив посуду в лагере, я с интересом приблизилась к Дароку. Скрестила руки на груди и стала откровенно следить за ним, за его движениями, за силой тех или иных ударов. От удара сверху треснула низкая, толстая ветка. От прямого удара раскрошился верхний слой ствола. Бритвы плетей были менее острыми, чем у лиертахонов, поэтому они не оставляли глубокие и едва заметные порезы — не как нож по маслу. Бритвы васовергов врезались в дерево и раздирали его. Порез получался с рваными краями, неровным, грубым — наверняка, безумно болезненным. Между лопаток зачесалось. Я помнила слабые удары Гора по себе. Наверное, он бы недолго выстоял против Дарока, а со мной в первое время тот воин поигрывал. Следующей его ошибкой стало то, что он подпустил меня к себе близко, и не мог в полной мере сечь плетью. Стоит ли рассчитывать на такую же глупость от Дарока?

— Что, женщина? — обратил на меня внимание Дарок.

Вытер предплечьем пот со лба, встряхнулся по-звериному и улыбнулся. Я знала, какими чувствами он охвачен. Помнила и свои тренировки, и свои малочисленные бои — восторг, полученный при них дарит кипящую силу. На Земле сказали бы проще — выброс адреналина. Но в Фадрагосе мне казалось, что этого короткого описания недостаточно для выражения всей той дикости и сближения рассудка со звериным, которое сопровождало силу. Ярость? Пожалуй. Дикая, необузданная, вытесняющее все человеческое.

— Я помню, как ты одолела тварь под землей. На тебя напала всего одна, я бы отправил ее душу к Солнцу всего за один удар, а ты не справилась быстро. На тебя могла напасть свора и разорвать на куски.

— Мне бы помогли духи.

— Они не всегда успевают помочь. — Дарок ухмыльнулся, искажая шрам на лице. Отошел от дерева на середину поляны. — В этой вере в духов кроется основная ошибка воинов другой расы. Не думай, что я не прибегаю к помощи тех, кто может вызывать великих духов. На поле боя я тоже не брезгую

ничем. Но в бою один на один, если тебе сломать челюсть, ты не сможешь позвать никого на помощь.

— Пытаешься учить меня?

— Даю советы толковому воину. Будет жалко, если другие васоверги оценят тебя скорее меня и доберутся до тебя раньше. И я вижу, как ты смотришь на меня. Я не враг тебе, Асфи, и никогда не стремился стать им.

— Ты обозначил свои намерения. Кем они делают нас, если не врагами?

Он с улыбкой склонил голову и принялся тереть сбитые костяшки на кулаке. на мой вопрос не ответил, предложил:

— Выйдешь против меня? Разомни мышцы, женщина.

Я думала недолго. Вышла. Хотя бы попробовать свои силы, понять, стоит ли рассчитывать на победу. Раны на Дароке после битвы в пещере все еще не прошли: укушенная шея была опухшей, на спине и животе краснели полосы от когтей, а местами чернели и желтели синяки, — но все на нем заживало как на собаке. И я не боялась ранить его даже серьезно.

Сощурилась от яркого света и повертела кинжалом в руке. Дарок заслонил собой солнце, поиграл мускулистыми плечами. Быстрым шагом смял траву и ударил. Без предупреждения, без оглашения о начале боя.

Я увернулась прежде, чем плеть срезала траву рядом. Бой не шуточный...

Рванула вперед, сокращая расстояние и ударила кинжалом, метя в бок. Острие не встретило препятствия, и меня повело по инерции вслед за ударом. Переставила ноги и ударила снова, но рука оказалась в крепких тисках. Дарок потянул за нее до хруста в плече. Я ахнула, в глазах вспыхнуло от боли. Резкий удар между лопаток снес меня вперед, но через два размашистых шага, я упала на колени, глотнула воздуха и быстро развернулась. Выставила кинжал перед собой и не успела среагировать на хлесткий удар-пощечину в лицо. Он пришелся частично на висок и ухо — в голове зазвенело, меня повело в сторону. Упасть не успела.

Дарок поднял меня за воротник рубахи и швырнул в сторону. При падении я наткнулась ребрами на камень и упала возле него. В глазах мельтешила трава: то исчезала в темноте, то растворялась в белизне, то просто расплывалась. Я тряхнула головой, пытаюсь прийти в себя. Это бой насмерть?

С чужой помощью я взмыла вверх, пояс штанов впился в живот и треснул. Кинжал выпал из горячей болью руки.

— Не шипи, Асфи, — донесся грубый голос сквозь звон. — Я не собираюсь тебя насиловать. Но мог бы.

Кожа на ладонях содралась о поверхность валуна. Голову придавила неподъемная рука, впечатывая щекой в жаркий камень. В нос, кроме запаха трав и крови, ударила вонь едкого пота. Пальцы с острыми ногтями оторвали щеку от камня и впелись по обе стороны от губ, надавили до боли, и я под этой силой открыла рот и не смогла сомкнуть. Попыталась подняться, но натолкнулась спиной на грудь Дарока. Он мигом налег на меня, придавливая к камню всем телом.

— Видишь, как запросто с тобой расправиться? Ты хороший воин, Асфи, но недостаточно хороший, чтобы противостоять мне. И ты женщина, хоть и ведешь себя, как мужчина. Природа наградила тебя даром рождения, а ты отказываешься его использовать. Я предлагаю тебе все, а ты отказываешься. Я иду тебе навстречу в условиях нашего договора даже после твоего отказа, а ты смотришь на меня, как на главного врага. Думаешь, —дохнул он мне гнильем изо рта в губы, — ты первая женщина, которую я буду брать силой? Ошибаешься.

Дарок резко отстранился и дернул меня за шиворот. Швырнул в сторону, и я полетела, путаясь в собственных ногах. Ветки поваленного дерева встретили недружелюбно: ободрали бок, ударили между ребер и в поясницу. Выбили стон. Я зажмурилась. Мыслей не было, в голове только настойчиво крутились слова Дарока и нравоучения Кейела — в этом мире драться нельзя, нужно лишь убивать.

— С тебя достаточно, Асфи. — Шаги затихли возле головы. — Иди к реке, смой кровь с себя. Или задержишься ненадолго и выслушай мое новое предложение. Оно тебе понравится.

Я с острой колкостью в груди вдохнула глубоко через рот и приподняла веки. Нос заливала кровь, попадала в глотку и ее хотелось сплюнуть. Руку от плеча до локтя жгло невыносимо и хотелось засунуть ее в холодильник, обложить льдом, или хотя бы нырнуть в ледяную воду. В нескольких местах на теле саднило, но боль в плече перекрывала все.

Дарок возвышался надо мной высокой скалой — гора мышц. Только гора эта была подвижной, быстрой и готовой к опасностям в любое мгновение. Эту гору мышц я недооценила. Когда попыталась приподняться, руку и живот пронзила острая боль. Дарок хмыкнул. Мигом вздернул меня на ноги и, вцепившись в плечо, рванул до очередного хруста. Я вскрикнула, ноги подогнулись. Едва не упала, но Дарок придержал за плечо.

— Готова выслушать меня, гордая женщина?

Я слизала кровь с разбитой губы. Что-то не хотелось представлять, сколько всего на самом деле васоверг успел разбить мне за короткую минуту. Даже организм не смог так быстро распознать и прочувствовать все раны и ссадины.

— Говори, — сказала и, покачнувшись, оперлась на него.

— Не знаю, что ты нашла в этом человеке, — Дарок сплюнул, — но скверна с тобой, если тебе нравятся существа со слабой внутренней силой. Тебя ведь тянет к нему серьезно?

Рука, которой я держалась за васоверга, непроизвольно сжалась в кулак. Губы приподнялись в оскале. Но Дарок, глядя на меня, лишь ухмыльнулся и легонько встряхнул меня. Вывернутое плечо, только-только вставшее не без помощи Дарока на место, отозвалось жгучей болью.

— Я не собираюсь его трогать, — сказал воин.

Я не поверила. Подсказала продолжение мысли.

— Не собираешься трогать, пока я...

— Не зли меня, женщина, — голос прозвучал грубее. — Я сказал тебе, что не хочу вражды с тобой. Ты нравишься мне, как союзница.

Он хмурился, вглядываясь мне в глаза, будто искал в них проблески доверия. Мимолетно оскалился, хрустнул опухшей шеей и произнес:

— Волчонок тоже схлебывает слюну рядом с тобой. А у него есть обрюхатенная девка.

— Есть, — короткое подтверждение поцарапало горло. — К чему ты ведешь?

— Чего испугалась? Я же сказал, что не буду его трогать. Вот, что я могу предложить тебе, раз ты такая неподкупная. Наши сыновья вынашиваются быстро. Ты и на несколько морщин состариться не успеешь, а уже шестеро подрастут и будут отправлены в кандар'рхор. На этом, как и договаривались, мы разойдемся. И я в ответ могу оказать тебе услугу.

Дарок замолчал ненадолго. Свободной рукой почесал ссадину на лбу, языком выковырял остатки еды, застрявшей между клыками. Сплюнул и озвучил:

— Твой малец из Солнечной. Я не бывал в этой деревушке, но когда-то добирался к соседним. Это не так далеко от Васгора, и я могу отправиться туда в любое свободное время.

— Зачем? — спросила я. Сердце перестало биться, меня сковала оторопь.

— Опишешь мне эту его девку. Если она хороша собой и плодovита, то я оставлю ее себе. Пусть рождает васовергов, нам всегда нужны воины. А если страшна или надоедлива, то отдам ее кому-нибудь. Впрочем, — прищурился задумчиво, — Архаг давно себе девицу присматривает. Не нравится ему менять их от похода в поход. Вот его и награжу ею. Правда, если она человеческое дитя родит прежде, чем мы до нее доберемся, то не злись. Его бросим в этой деревне. Пусть твой человек своего сына и воспитывает.

— Да, звучит многообещающе. — Я скривилась. Рассеченная губа напомнила о себе покалыванием.

— Опять недовольна? — догадался Дарок. — Что ж ты за женщина такая? Я не трону ни его, ни кого-то другого из Солнечной. Просто заберу его девку и тем самым решу ваши проблемы. А то как он, со своей слабой волей, от нее избавится? А тут я выручу. Можем, даже ему не говорить ни о чем, если тебя это волнует. Потом, как родишь мне, пойдешь к нему. Я уверен, что он тебя с радостью встретит. И будете дальше тереться друг о друга хоть до смерти. Ну, что скажешь?

Я закусила разбитую губу, удерживая смех. Кинжал валялся где-то в траве, и меня это радовало. Никому бы не понравилось, что у нас внезапно поубавилось в команде на одного васоверга. В груди кипела злоба, напоминала о Ксанджах, но Дарок будто прочел мысли по моему лицу и с готовностью призывал:

— Убить меня хочешь, Асфи? Так убивай. Вот прямо сейчас и убивай, в благодарность на все мои уступки тебе. Думаешь, умру я, если ты душу мою Солнцу отдашь?

На мой заинтересованный взгляд, Дарок мигом пояснил:

— У меня столько воинов, что будь я жестокой мразью, то захватил бы Васгор силой. Догадываешься, что будет, если ты убьешь меня? — хлопнул по плечу, и я увернулась, втягивая воздух сквозь зубы. Пошатываясь, отступила от васоверга, а он только усмехнулся криво и склонил рогатую голову к груди. — Чтобы занять мое место, желающим надо будет сразиться между собой. Но до этого всем моим братьям нужно будет отомстить за мою смерть. Тебе придется сразиться с каждым желающим возглавить мое войско. Но ты женщина. Они не захотят видеть тебя во главе, даже слабак постарается убить тебя. И долго ты выступишь против многотысячной армии?

Дарок шагнул ко мне, снова убирая дистанцию между нами, и произнес с угрозой:

— Никакие духи не помогут тебе, Асфи. Я умру, но ты не проживешь дольше нескольких периодов. Первым делом тебе выбьют зубы и вырвут язык, чтобы ты не смела звать духов. А затем первый же васоверг отрежет тебе голову и насадит ее на площади Жатвы на драконью кость. И только тогда мои братья возьмутся делить мое место между собой. Сначала они достанут тебя хоть из желудка пещерного монстра.

Я отступила, морщась и вытирая ладонями кровь с лица. Отлично, вот и уступки от дикаря. Почему мне всегда было смешно, когда фадрагосцы даже говорили с омерзением о васовергах? Насмешливо слушала о них, что они мародеры и животные. Выдохнула шумно и кивнула. Сплюнула кровь и снова кивнула. Щедрое предложение Дарока кружило голову и делало мысли о будущем совсем невеселыми. Я покачала головой, не соглашаясь с такой помощью, и снова кивнула, осознавая, что зря связалась с этой расой. Не доросла тягаться с ними...

— Я тебя услышала, — произнесла, отступая медленно. На улыбку больше не осталось сил. — Услышала, Дарок. Спасибо. Правда, огромное спасибо! Но давай остановимся на первоначальном варианте. Разберемся друг с другом после похода. Не нужно приплетать в это кого-то еще. Только ты и я. Найдешь меня и... — Махнула рукой. — Кто-то кого-то убьет.

Развернулась и, спотыкаясь, поплелась к реке. В голове от тяжелой пощечины все еще периодически темнело, а мир расплывался.

— Ты плохо услышала меня, женщина! — прилетело уже в спину, но я не стала оглядываться. — Я не убью тебя, а возьму себе. Тебе проще смириться и согласиться. Почему ты так упрямисься?! Даже бывшая любовница правителя самого богатого региона поняла бы, что проще согласиться, а после жить дальше, как захочется!

Привкус крови стал каким-то привычным, как и смирение с будущим. Дарок просто не понимает, что я убью себя, если окажусь в неволе. Он может связать мне руки, отрезать язык, выбить зубы, вырвать ногти, посадить в комнату с мягкой обивкой без острых углов, но в итоге я удавлюсь единственным глотком воды, который он подаст мне, когда мой организм перестанет справляться с истощением.

Немного полегло только в реке. Одежда осталась лежать кучкой в невысокой траве. Ветер гнал маленькой рябью воду к низкому берегу; сама же вода мчалась с успокаивающим журчанием между камней разных размеров. Непуганая рыба плавала совсем рядом со мной. Я смотрела в чистую воду и видела дно, усыпанное галькой. Айссия принялись за меня изнутри — щекотали что-то возле ребра. Кровь с носа капала в воду и мигом растворялась в нитях разводов.

Так растворялись бесследно очередные логические нити моих мыслей. Куда следует прятаться от Дарока после похода? А если вступить в гильдию мудрецов? Можно попробовать договориться с Энраилл. Неужели не защитят Вестницу? Неужели Дарок настолько помешается на идее сильных сыновей от меня, что будет готов объявить войну Обителю гильдий? Воспоминания о Кхангаторе напомнили, как хрупка иллюзия мира во всем мире... Спрятаться на севере? Примет ли меня Десиен под свое крыло? В конце концов, я нашла ему жертву.

— Как вода? — вопрос заставил вздрогнуть и, прикрыв грудь, резко повернуть голову к берегу.

Кейел с довольной улыбкой прыгал на берегу, стягивая наспех сапоги. Пошатнувшись на одной ноге, хотел что-то спросить, но впился в меня взглядом и замер. Улыбка медленно сползала с его лица. Я отвернулась, прижимая тыльную сторону ладони к разбитой губе. А уже через миг всплеснула вода. Кейел быстро добрался ко мне и остановился напротив.

— Зачем намочил одежду? — недовольно поинтересовалась я, глядя на мокрые штаны и рубашку, промокшую по грудь от быстрых шагов и высоких брызг.

Кейел молча сжимал кулаки. Воды мне было по пояс, и она, казалось, обмывала напряженные костяшки мужских рук.

— Смотри, вода из-за тебя помутнела.

И на это замечание он не ответил. Только сильнее кулаки сжал и выдохнул с шумом. А затем потянулся к моему лицу пальцами. Я уже не вздрагивала, только поежилась и глаза закрыла. Мозолистый палец мягко тронул подбородок, губы невесомо приласкали поцелуем ссадину на щеке.

— Что случилось, Асфи? — хриплый голос прозвучал тихо. С нежностью, способной мигом растопить любое затвердевшее сердце.

— Ветка. Тут полно веток.

Кейел отстранился и прикоснулся к покрасневшей коже на ребрах. Провел осторожно подушечкой пальца под моей рукой — завел за спину, где я себя осмотреть не могла.

— М-м, — протянула я, открывая глаза и сталкиваясь с пугающей злостью в зелено-карих глазах. И отговорка оборвалась недосказанной: — А потом камень, их тут тоже...

Злость была не та, какой он смотрел на меня в ночь разборок со Стрекозой. И не та, когда он ворвался в деревню Медвежья колыбель в поисках обидчиков Лери. Я сглотнула и едва не отшатнулась. Вольный?.. Страх покрыл тело ледяной корочкой; кожа покрылась мурашками. Я обхватила горло, стараясь вдохнуть и прогнать ужас. Отвела взгляд. Передо мной другой Кейел. Просто...

— Дарок нужен мне живым, — произнесла я, все же не сумев отогнать ощущение, что передо мной Вольный. — Слышишь, Кейел, не смей его трогать. К тому же его убийство доставит больше хлопот, чем пользы.

— Он не оставит тебя в покое, — выдохнул Кейел, обнимая меня.

Выходит, вариант с убийством он все-таки обдумывал? Я прижалась к его груди и закрыла глаза. Мысли о Дароке мигом вытеснила одна единственная: у нас с Кейелом остается все меньше и меньше времени побыть друг с другом.

— Хочешь проведем ночь на берегу? — спросила я.

Кейел долго молчал, а затем шумно выдохнул мне в макушку и ответил:

— Хочу.

Допоздна мы пробыли у реки. С трудом выдавленные первые вопросы о пустяках быстро переросли в трепотню. И уже вскоре я смеялась над шутками Кейела, отвечала на школьные вопросы о разных природных явлениях, которые в Фадрагосе объяснялись наличием духов. Айссия милостиво залечили ссадины, затянули царапины — и о недавней стычке с Дароком я вспомнила лишь тогда, когда мы с Кейелом вернулись к лагерю. И если в этот раз Дарок не трогал Кейела, то Кейел вдруг остановился перед сидящим васовергом и беззастенчиво спросил:

— Каким ядом можно отравить васоверга?

Дарок медленно перестал жевать мясо и поднял голову. Кейел скрестил руки на груди, шире распрямил плечи и нахмурился. Я замерла в трех шагах от мужчин; страх вызвал оцепенение.

Дарок проглотил мясо, отбросил недоеденную ножку зайцекрыла в кусты и поинтересовался:

— Убить меня хочешь, малец?

— Нет. Я просто любопытный. Елрех, может, ты знаешь? Я видел неподалеку куст рубиновой сладости. Мне любопытно, выживет ли васоверг, если съест ягоды без листка.

Бледность Елрех была заметна даже при свете костра. И Ромиар, помешанный на ней, отвлекся от подглядывания и прямо, с настороженностью посмотрел на Кейела. Я быстро нагнулась за миской, подошла к котелку и произнесла:

— Мы просто слышали, что у васовергов крепкие организмы. Викхартов ведь не один яд не берет, а как обстоят с этим дела у васовергов, мы не знаем, — пожав плечами, стала накладывать кашу.

— Я слышала, — заговорила Елрех, возвращаясь к еде, — что...

— Если хочешь убить меня за женщину, на которую претендуешь, то сделай это открыто, — перебил Дарок, обращаясь к Кейелу и скалясь. — Или у тебя девичьи методы?

— Он не это имел в виду, — настояла я на своем. Приблизившись к Кейелу, всучила ему в руки первую миску и сразу же вернулась наполнять вторую. И застыла в еще большем страхе, когда услышала хриплый голос.

— Я хочу убить тебя, но не знаю, как это сделать. — Кейел стоял так же перед Дароком гордо, хоть и удерживал в руке миску с кашей. — За тебя будут мстить, будущий вождь, а я всего лишь человек.

— Признаешь свою слабость и смеешь стоять передо мной? — Дарок стал подниматься.

Я мигом наполнила миску, подошла к Кейелу и, заслоня собой, заняла вторую его руку.

— Держи. Сейчас возьму одеяла и плащи. — Повернулась к костру и сообщила всем, стараясь игнорировать напряжение: — Мы проведем... пробудем всю Луну на берегу. Кейел призовет Мивенталь и попросит присматривать и тут и там.

Дарок, поморщившись и глядя Кейелу в глаза, сплюнул и снова уселся. Я несильно толкнула хмурого и упрямого парня, дождалась, когда он перестанет сверлить Дарока злобным взглядом и посмотрит на меня. Кивнула в сторону берега — только спустя несколько секунд Кейел все же отступил и нехотя направился к реке. Подхватив вещи, я последовала за ним.

Свет костра остался далеко позади. Луна разгоняла сумерки. От реки веяло прохладой, сыростью; высокая трава ластилась к ногам. Я догнала Кейела, идущего по тропе.

— Что это было?

Он молча ускорился. Я не отстала:

— Кейел, он мог убить тебя! И может! Ты хотя бы думал...

— А что я должен делать?! — резко развернувшись, громко спросил он. Я затормозила и отступила. Кейел, напротив, подошел еще ближе и склонился ко мне. Тяжелое дыхание слышалось в ночной тишине, глаза блестели из-под бровей. Наверное, если бы его руки не были заняты мисками, он бы вцепился в меня или сжал кулаки. Прощедил мне в лицо: — Он зверь, Асфи. Хуже зверя! Васоверги все такие, но...

Замолчал и вскоре покачал головой, закрывая глаза.

— Что — но? Они и вправду живут по звериным законам. Зачем же ты тогда ждешь от Дарока чуда? Для чего угрожаешь ему?

— Асфи, ты была вся в крови, — шагнув на меня, прорычал Кейел. Я вынужденно попятилась. Кейел судорожно вздохнул и тряхнул головой. Что-то пробормотал под нос, а потом опустил плечи и тише сказал: — Прости меня. Я не понимаю, как это вышло. Увидел тебя с этим... — Мазнул плечом по щеке, но так и не смог произнести о синяке или ссадине. — А он там сидит и даже не думает о том, что сделал. А я... Прости, Асфи, я не сдержался. Просто не сдержался.

Качая головой сам попятился, а вскоре развернулся и продолжил путь. Я поспешила следом. Чувства разделились надвое, если не натрое... Страх за жизнь Кейела, злость на него, вызванная этим страхом, и безумная нежность в ответ за его беспокойство обо мне. Насколько же я ему небезразлична?

Несмотря на ночь, ветерок был теплым. Он отгонял комаров, ласкал нас и качал травы. Их шелест успокаивал, смешивался с журчанием воды в реке и несмолкающим далеким рокотом водопада, и вместе они убаюкивали. Каша из местной крупы, похожей на чечевицу, оставляла пряный привкус. Кусочки запеченного мяса попадались в ней и буквально таяли на языке, будто нежнейший паштет. Я сидела возле Кейела, наслаждаясь ужином и видом. Луна сияла среди звезд и в небе, и в реке, рассыпаясь в ряби на множество блестящих осколков. Этот свет бросал блики на камни, затмевал искры звезд на водной глади. Падал на лицо Кейела. Все еще хмурое и задумчивое, но гораздо более умиротворенное, чем при разговоре с Дароком.

Поев, мы сполоснули миски и стали раскладывать плащи и одеяла на берегу. Мы шли чуть выше по течению, зная, что Роми и Елрех облюбовали для хозяйственных нужд подступ к реке пониже, в метрах ста от этого места. Убежденные, что нас никто не потревожит, а Мивенталь, появляющиеся и в этой роще, обязательно предупредят о малейшей опасности, позволяли себе расслабиться. Улечься Кейел не позволил — стал раздевать, а потом увел к реке. В ночь вода была парной. И чем позднее становилось на улице, тем отчетливее виднелся пар над рекой.

Мы купались. Резвились, смеялись, плескались. Иногда кто-то из нас вмиг успокаивался и очередное дурачество обращалось во внезапное объятие и поцелуи. Мне нравилось целовать Кейела не меньше, чем когда он целовал меня. Нравилось видеть, как он глубоко вдыхает и закрывает глаза. Нравилось гладить его кожу, на которой от моей ласки проступали мурашки. Голова кружилась, когда он стискивал волосы на моем затылке и прижимал меня к себе плотнее, запрокидывая голову и позволяя целовать в шею. И ноги слабели, когда он срывался на ответную нежность.

— Идем, — оторвавшись от моих губ, позвал он.

И потянул за руку. Вода шелком нежила живот, легонько подбивала ослабевшие ноги. Стопы наступали на круглую гальку, водоросли провожали осторожным касанием к голени. Я все дальше отходила от реальности и терялась в волшебстве ночи. Крепче сжимала горячую ладонь Кейела, и радовалась ответному крепкому стискиванию, как ребенок чуду. Уже за это проявление его взаимности ускорялась, догоняла и, цепляясь за предплечье, останавливала Кейела и лезла к нему с поцелуями. Он отвечал, но упрямо вел к середине реки. А она не углублялась, не сбивала с ног, не гнала прочь.

Кейел усадил меня на огромный валун и забрался следом. Ровная твердь под спиной вдруг показалась мягкой периной. Вода стекала по телу с волос, щекотала кожу, дразнила... И я слизала блестящие капли с груди Кейела, промочила губы каплями с его живота. Он быстро подхватил и эту новую игру, как поддерживал все предыдущие. И вскоре ночь наполнилась шумными вздохами, осторожными стонами и шепотом, наполняющим это место нашими именами. Звезды кружились с Луной, сверкающее небо то отдалялось, то рушилось на нас. Воздух иногда пылал в груди, а порой студил разгоряченные тела. Плотно переплетенные, нуждающиеся друг в друге и словно желающие слиться. И эта необъяснимая нужда, тяга, необходимость — желание быть с Кейелом заставляло постоянно выгибаться и двигаться к нему навстречу. Так часто и долго, что мышцы в ногах и руках загудели, а речную воду на теле сменил пот. Но награда за усталость всякий раз заставляла звезды кружиться и рушить небо. Воздух вновь и вновь раскалялся и согревал до жара грудь, живот, ударял приятно в виски и вспыхивал ярко в глазах.

Некоторые звезды сияли ярче других, подсказывая о четвертом шаге Луны. Кейел дрожал, удерживаясь на локтях, и едва ли не наваливался на меня. Дыханием трогал шею, медленно восстанавливая его. Я смотрела поверх его плеча на небо и улыбалась. Истома добавила рукам неподъемный вес. Хотелось еще раз обнять Кейела, погладить его спину, но, казалось, что даже малейшее движение — это невозможная задача.

Кейел откатился в сторону, улегся рядом на валуне, прижимаясь ко мне. В лунном свете блестели его глаза и сияла улыбка. Притянув меня к себе, он заложил руку под голову и протянул:

— Хорошо.

Я усмехнулась разлившемуся теплу в груди. Устроила голову удобнее на твердой груди и стала гладить пальцами место, где когда-то давно были шрамы от чьих-то когтей. Говорить не хотелось, будто вновь для понимания нашего настроения и чувств слова были не нужны. Кейел запустил руку мне в волосы и стал играть с прядями, приятно лаская. Продолжая улыбаться, я закрыла глаза. Под щекой стучало родное сердце, любимый человек обнимал и гладил. Волшебная ночь отчетливо показала мне третий мир, в котором не существовало ничего, кроме меня и Кейела.

Мы так и уснули на огромном камне, стоявшем прямо посреди реки. Проснулись поздно, но, судя по тому, что Мивенталь не разбудили Кейела, нас даже никто не искал.

Вторая группа, наконец-то, появилась к обеду, что безумно обрадовало. Волнение о пятерке преследовало каждое утро, но я напоминала себе, из кого она состоит. И не прогадала. Мало того, что они принесли содержимое сундука, добытого со дна озера, так еще и припасы. Стрекоза проявила инициативу и настойчивость, убедив всех зайти в заводь Ал'лирта. В город отправили только Лиара, который мало кого интересовал в Фадрогосе и, соответственно, не вызвал бы подозрений. Остальные дожидались в подлеске неподалеку от города. Откуда компания взяла наличные, я уточнять не стала. Пока они рассказывали наперебой о своем пути, уловила несколько слов из их короткого спора и поняла, что без каких-то других разбойников, орудовавших на той дороге и решивших ограбить Стрекозу с Лиаром, не обошлось. Только Кейел влез с вопросами, уточняющими внешность грабителей, а услышав, поник. Он тоже не стал интересоваться судьбой несчастных, не знающих, что вдоль дороги по лесу шли васоверги.

Сразу в Свод скверны мы не отправились. Даже васоверги, как выяснилось, могут быть подвержены психологическим травмам. И если Стрекоза с Лиаром, путешествуя от одного священного кольца к другому, отдыхали, отчего проявляли радушие, то васоверги выглядели подавленными и злыми. Они не отрицали, что духи Предков существенно ускоряли и облегчали дорогу, но сам факт того, что им приходилось пользоваться их помощью, угнетал воинов. И я решила дать им время прийти в себя.

К тому же весь остаток дня я посвятила подробному рассказу о том, что нас ждет в Своде Скверны и игре Наллеран, которую мы подробно разбирали сначала черчением палкой по земле, а потом, забрав последние листы у Роми, тратили их и играли, не подглядывая в клетки друг друга. Сначала мне казалось, что идея взять за шифровку русский язык — хорошая, но затем я ее отменила. Попросила кислого Роми помочь, и он споро накидал шифровку именно на драконьем языке. Так практика была более логичной. С чем столкнемся, то и изучаем. И многие символы уже к закату обрели между нами — десятью разными существами, устроившихся кругом у костра, — четкие

названия. Я была уверена, что, играя каждый вечер и используя разные символы, мы вскоре будем пользоваться одними лишь названиями, не тратя драгоценное время на подробные описания.

На закате пришлось оставить в покое уставших существ. Васоверги сразу же под предлогом охоты отправились вглубь леса, но я была уверена, что Дарок будет допрашивать троицу о Стрекозе. К слову, эльфийка никак не выдавала обиду на меня. Рана на ее груди не заросла и требовала ежедневной обработки. Но даже, промачивая ее зельем прямо при мне, Стрекоза с улыбкой рассказывала мне о том, как васоверги морщились подходя к озеру. Что Архагу даже пришлось влезть в воду, потому что Стрекоза из-за раны, не смогла доплыть до берега, и Лиар бросил сундук, помогая ей. Вот за сундуком Архаг и полез.

— Ходил потом грязь по себе размазывал и чесался, — хохотала Стрекоза, мешая Елрех осмотреть порез на заживающем ухе. — Видела бы ты его, человечка, решила бы, что не воина себе в отряд взяла, а облезлую, побитую кошку. Ему в тот миг только бы ушки прицепить и к голове прижать!

И несмотря на грубое поведение девушки и совсем уж не женственный хохот, голос все равно завораживал.

В отличие от Стрекозы, Лиар смотрел на меня волком. Постоянно казалось, что как только повернусь к нему спиной, он всадит нож мне между лопаток. Я даже ощущала ту боль. Именно этот парень и показал мне, какая она бывает от клинка. Лиар немного нервировал, но я не позволяла опасениям проявиться эмоционально.

Ужин получился поздним. Васоверги вернулись после заката, когда уже доходило над костром несколько крупных рыбин, пойманных Кейелом. Но от мяса молодого кабана отказываться никто не думал. Возвращению второй группы, казалось, радовался даже Роми. По крайней мере, он пытался участвовать в беседе за ужином и улыбаться. А может, ему просто надоело спать каждое свободное время.

— Почему вы тащились в Заводь? — спросил он, опираясь спиной на валун. И с несвойственным ему в последнее время аппетитом продолжил есть наваристую кашу с куском поджаристой кабанины.

— А куда нам надо было? — удивилась Стрекоза с набитым ртом и запила все быстро ягодным морсом.

Ягоды собирали мы с Кейелом после позднего завтрака... Я улыбнулась, поерзав на поваленном дереве и отвлекаясь от еды. Кейел сидел на траве, налегая плечом на мое колено. Никто из новоприбывших почему-то не удивился внезапным отношениям, только васоверги скалились изредка, наблюдая за нашей взаимной заботой друг о друге.

— В Обитель, — ответил Роми, поглаживая кисточкой хвоста ногу. — Она ведь ближе была.

— Еще чего удумал? — возмутилась эльфийка. Лиар, разместившийся на плаще рядом с ней, что-то забормотал и замахал черным хвостом активнее. — Может, Лиара и плохо знают в лицо, но рисковать нельзя! Стража в Обители гораздо бдительнее, чем в Заводе. К тому же Заводь мы знаем лучше, да и некоторых стражников можно подкупить. Выставь сегодня нас под суд духов, мы за собой многих на этот суд потащим! Не все такие невинные, как хотят казаться.

— В Обители точно нельзя подкупить уважаемую стражу, — донесся голос Елрех из полутени. Как только в нашей компании прибавилось васовергов, она сразу же вернулась к старой практике — есть чуть вдали ото всех. — Каждый в гильдиях защитников старается честной жизнью доказать свою ценность.

Стрекоза фыркнула, но отрицать не стала. В лагере вдруг наступило безмолвие. Потрескивал костер, стучали ложки, чавкали васоверги. Наевшийся Норкор рыгнул и, вздохнув тяжело, потянулся за кружкой. Я вновь увлеклась Кейелом: накрутила русую прядь волос, собранных в низкий хвост, на палец и легонько потянула. Он мигом отклонился и обернулся с вопросительным взглядом. Улыбнулся мне и плечом толкнул колени.

— Елрех, — обратился Роми.

Дружный стук ложек мигом зазвучал тише. Я напряглась, Кейел нахмурился и повернул голову к шан'ниэрду.

— Что тебе, уважаемый исследователь?

Последние дни между этими двумя были весьма теплые отношения, но всегда официального тона и характера. Роми и вправду готов был помогать Елрех с чем угодно: от сортировки трав до уборки в лагере или чистки рыбы от чешуи. Они вели себя вежливо друг с другом, где-то порой тянулись поговорить на общие темы, но скованность в поведении присутствовала у обоих.

— Ты не могла бы поужинать с нами? — выдавил из себя Роми, хмурясь.

Поежился, поморщился и замер. На сером лице появилось ошеломление, желтые глаза медленно открывались все шире и шире. Роми сглотнул и побледнел. Понял, что в очередной раз показал влюбленность к полукровке перед всеми? Устыдился?

Зелье не спасло от рвоты. Миска с остатками каши опрокинулась в траву. Сам Роми быстро оказался на коленях и опорожнял желудок. Я кое-как дожевала и проглотила то, что успела набрать в рот, и посмотрела на кашу уже без аппетита. Мысленно сделала зарубку, что доест порцию обязательно надо, но можно и позже.

Как только Роми поднялся с трудом и побрел в сторону реки, Кейел спохватился следом. Положив руку ему на плечо, я остановила его.

— Я сама, — пояснила, отставляя миску.

За Роми не спешила, давая ему время привести себя в порядок. Нашла его на берегу. Он сидел под раскидистым деревом, прислонившись к стволу, и мял травинку. На мое приближение никак не отреагировал. Я устроилась на валуне, тоже сорвала травинку и стала крутить в пальцах. Вода журчала и, мерцая, отражала осколки луны. Ветер спал.

— В той жизни ты убил свою семью, — сказала я. В душе расплзалась горечь. У меня было мало опыта в сочувствии мужчинам, но я точно знала, что даже этот Роми — не Вольный — не простит мне жалость. Однако выразить поддержку необходимо. Нужно, чтобы он знал, что мы понимаем его, а если и не понимаем, то принимаем таким, какой он есть — никто не способен быть совершенным во всем. Я сглотнула и продолжила равнодушно рассказывать: — Сестру уже во взрослом возрасте. Она хотела отомстить за родителей.

Роми разглядывал реку и продолжал мять травинку. Хвост неподвижно лежал на земле.

— В нашу первую встречу тебе почти удалось убить и меня.

— Я был Вольным, — тихо ответил он.

— К тебе вернется память. — Я опустила голову и уставилась на носы сапог. — Вернутся и все чувства с ней.

— Думаешь, у Вольных они сильнее?

Я не ответила. Думаю, что на этот вопрос Ромиар сам найдет ответ. И он принялся размышлять, будто нашел за что зацепиться и отвлечься:

— Их всегда считали бесчувственными. Многие знают, что способность чувствовать к ним возвращается, но мало кто верит, что они способны на полноценность.

— Звери?

— Звери. — Откинул травинку. — Звери, животные, бесчувственные твари. Ты говорила, — покосился на меня, — что я не сходил с ума. Предполагаю, что я либо любил сильнее, чем способен любить сейчас. Когда я не Вольный. Либо я, наоборот, был подвержен чувствам меньше.

Половинка луны выглядывала из-за тонкого облачка. Хотелось напомнить Роми, что он обручился с Елрех. Их ритуал Связи сердец я запомнила хорошо. Однако был риск, что это только усилит его недуг.

— И как ты думаешь: какая вероятность больше?

— Вторая, — неуверенно ответил Роми. — Раз я убил семью и потом жил с этим — вторая.

Тогда, возможно, и Кейел не любил меня сильнее в той жизни, чем теперь просто испытывал влечение. Я почесала морщинку между бровей.

— Благодаря зельям я еще держусь, — произнес Роми. — Пытаюсь бороться со своими мыслями, но ничего не могу поделать. Елрех не заслуживает такого отношения к себе. Меня тошнит от ее вида. Я смотрю на нее и представляю, как ее зачали... Наверное, ее отец тоже сошел с ума из-за фангры.

Я качнула головой, но тайну Елрех не выдала. Это ее право, делиться с Роми или нет.

— Мне хочется узнать, как она выросла. Ведь она добрая. Я никогда еще не встречал существ великодушнее. И при этом меня тошнит, когда я представляю беловолосую фангру подростка. Мне жаль ее, и я хочу помочь ей. Наверное, Елрех пришлось терпеть гонения отовсюду до тех пор, пока ее не приняли в Пламя Аспида. И ты не представляешь, как я хочу показать ей, что существа не

плохие. Что она, несмотря на цвет волос, кожи и просто происхождение, прекрасна во всем. Но это... Это безумие. Меня воротит. Иногда я представляю, как мы могли бы... — Его передернуло. — Отвратительно.

— Как будто переспать с животным, — подсказала я и поморщилась.

Роми кивнул и, нахмурившись, посмотрел на меня. Я повела плечом, сбрасывая прикосновения, ожившие воспоминанием.

— Я ведь была любовницей темноволосого шан'ниэрда. Понимаю, о чем ты говоришь. Передо мной было разумное существо, а я почти всегда содрогалась, прежде всего видя рога и хвост. Легко было представить вместо его головы голову буйвола. Или когда он говорил о влюбленности ко мне, трудно было отвести глаза от нечеловеческих клыков или глаз. Из-за них складывалось впечатление, что и язык у него раздвоенный, а на ужин он поедает мышей и ящериц. Противно. Трудно было избавиться от наваждений: представленных образов, привкусов. Они даже не осознавались, но всегда были во мне.

— Как ты справлялась?

Голова вжалась в плечи непроизвольно, а в горле запершило от воспоминаний.

— Видимо, было достаточно любовного зелья из рубиновой сладости. Ну и знаешь... — Речная вода с отражением луны напомнила о глубоком озере, о прыжке, о бесконечных самообманах. — Пришлось поработать над собой.

Роми вздернул бровь.

— Не заметил, что у тебя хорошая сила контроля.

— Зато я целеустремленная, — я усмехнулась. — Что, не самый лучший повод для гордости?

Он улыбнулся тоже. Застучал легонько хвостом по земле. Взбодрился.

— Я боюсь, Асфи, что даже если ты приведешь меня к артефакту, то будет уже поздно. Наверное, к тому времени Елрех успеет возненавидеть меня за мое отношение к ней.

Хотелось опровергнуть его опасения, но вновь появлялись риски навредить ему. Разговором бы вселить в него надежду на лучшее, но при этом без упоминания о Елрех. Роми сам подсказал вариант:

— Я подробно описываю все, что чувствую и что со мной происходит. Все в моем дневнике. Когда я сойду с ума, ты или Кейел должны отдать его моей гильдии. Только сразу отдавайте кому-то из моей гильдии, а не моим родным. Им нельзя давать возможность скрыть позор, которым моя история покроеет всю семью. Они воспользуются любой малостью, чтобы утаить мою влюбленность в грязную полукровку.

— Ты торопишь события.

— Я знаю, от чего предостерегаю, — нахмурившись, произнес резче и потер губы. — Мы можем успеть вернуть мне память Вольного, но она может не уберечь от сумасшествия, которое уже убивает меня. Ты ведь видишь: я не могу есть, и от этого слабеет мое здоровье — я немощен, моя кожа зудит, и от ее разрушения спасают только мази, у меня часто болит живот; я растерян и не могу сосредоточиться на чем-либо. Я привык наблюдать и обдумывать увиденное, но теперь ничего не замечаю перед собственным носом, кроме нее. А от того, что вижу ее постоянно у меня пропадает желание жить. Я погиб, человечка. У меня был один единственный шанс на долгую и счастливую жизнь, а я упустил его. При этом я обрек себя на худший из всех возможных вариантов. Я разглядел в грязной полукровке, позоре своей расе, самую прекрасную женщину во всем Фадрагосе.

Вода журчала в метре от нас, Луна — свидетельница его откровений — слушала и следила. Помнит ли она ту клятву, которую он и Елрех приносили друг другу перед ее взором?

В теплых объятиях Кейела сон был крепче и слаще, но пробуждение ничуть не огорчило. От осторожных поцелуев и ласковых уговоров открыть глаза я бы не отказалась просыпаться каждый день.

Завтракали быстро, в путь выдвинулись затемно. В ущелье Свода Скверны хотелось прийти как можно раньше. Я морально готовилась к зною, к пыли и к врагу. Была уверена, что рано или поздно мне придется удерживать себя от соблазна разуться. Однако меня успокаивали мимолетные взгляды на Дарока. Вид крепкого васоверга предостерегал от глупых соблазнов лучше любой другой угрозы. Как я объясню ему, что буду расхаживать босой, когда кажется, что раскаленный

песок жется даже через подошву сапог?

Поговорив накануне с Роми, я не могла унять желание поговорить и с Елрех тоже. Она неоднократно признавалась, что Ромиар нравится ей, как добродетель. Но нравится ли, как мужчина? Возможно, он прав: пока мы дойдем до сокровищницы, Елрех будет воспринимать его только лишь с ненавистью или жалостью. Вдруг потом артефакт не поможет ей избавиться от этих новых чувств. Пользуясь тем, что все мы разбились по группам и растянулись, я составила ей компанию. Благо убежать трудолюбивому алхимику на этой территории было некуда — рыжая степь уперлась в желтые скалы, а они оставили нам только небольшую дорогу, где трудно разминуться.

— Из опасного похода вернулись только трое, — рассказывала Елрех про своих согильдийцев, шагая рядом со мной. — Тлетворные пауки забрали у нас двух друзей, а еще четверо остались с озерными русалками.

— Большие потери, — отметила я. И тише добавила: — Мне жаль, Елрех.

Она кивнула, но грусть в серых глазах пробыла недолго — уже через миг Елрех с добротой покосилась на меня.

— С тех пор Дриэн требует от нас особой осторожности. Он усложнил занятия для учащихся у нас алхимиков, а старичков, вроде меня, время от времени приглашает попить отваров. Во время бесед начинает допрашивать о нечисти, чтобы мы не вздумали расслабляться. У нас очень непростая работа, Асфи. Аспиды не боятся заходить туда, куда не все наемники смеют соваться.

— Я это поняла еще в прошлой жизни, — улыбнулась ей.

На всякий случай оглянулась и проверила, что Роми с Кейелом далеко и подслушать не могут. Сразу за ними, по всему проходу ущелья, растянулась четверка васовергов. Активный Архаг подошел к скалистой стене и стал выглядывать пару, идущую впереди всех, — Стрекозу с Лиаром. Я нахмурилась, памятуя, что связывает разбойников с васовергами. Нехорошее предчувствие обдало сердце холодком.

Ветер дул в лицо, донося тихие обрывки беседы между эльфийкой и ее другом. Я повела плечами, зашагала бодрее и, убедившись, что нас не услышат, сразу коснулась интересующей меня темы:

— С тобой все в порядке? — спросила и мгновенно получила в ответ забитый взгляд в свою сторону. Елрех стиснула лямку сумки и, свесив голову, мотнула ею. Вплетенные в волосы амулеты легонько стукнули друг о друга. — Елрех, вам с ним нужно лишь дотерпеть до сокровищницы.

— Я помню, милая человечка.

— Прости меня. — Я до боли закусил губу, стыд теплом коснулся щек, но решительность за долю секунды смела это тепло. — Я затянула с дорогой. За собственными желаниями перестала верно взвешивать чужие риски.

— Не вини себя, — с полуулыбкой сказала Елрех и подняла голову. — Мне приятно наблюдать за вами. За тобой. Когда потом ты еще сумеешь побыть со своим возлюбленным?

Мысли об одиноком будущем я сразу же отмела. Сейчас речь не обо мне. Вытерла со лба капли пота, выступившие из-за поднимающегося зноя, и продолжила:

— Я не могу гарантировать вам счастье и взаимность после возвращения памяти. Роми вчера предположил, что он обижает тебя сейчас, и в итоге ты его возненавидишь. Память вернется, но нынешняя тоже никуда не исчезнет. Елрех, мне важно, чтобы ты понимала, что он не хочет тебя обижать.

— Он не обижает меня, добрейшая Асфи, — Елрех хохотнула. Ее голос зазвучал бодрее: — Само собой, мне неприятно видеть, как его воротит от меня, но я с детства знаю, каково отношение других существ ко мне. Тебе не стоит волноваться о моих чувствах к уважаемому Роми. Он хороший, хоть и кажется заносчивым, он добрый, заботливый и верный. Это только ты имеешь удивительную способность ненавидеть даже таких существ.

Беседу прервал нарастающий со спины топот. Мы резко обернулись и встали спина к спине, бросая сумки и обнажая кинжалы. Увидев бегущих васовергов, не оторопела и не удивилась, — лишь зубы скрипнули неприятно. Стрекоза с Лиаром тоже слышали шум. Не подозревая ничего, мирно остановились и повернулись к нам лицами. Когда на них на полном ходу налетели Архаг и Норкор, стали громко спрашивать, что происходит. Этот же вопрос повторила возмущенно Елрех. Я только вздохнула шумно и поспешила к эпицентру развивающихся событий.

— Рот закрый, грязная девка! — рыкнул Дарок.

— Пусть твой выродок не трогает меня! — крикнула Стрекоза, вырываясь из кокона рук Архага, пока он с похабной улыбкой дышал ей в ухо. Клацнул клыками возле ее щеки, и получил затылком в подбородок. Эльфийка явно метила в нос, но из-за роста не дотянулась — Архаг возвышался над ней больше чем на голову. Однако от неожиданности выругался и на секунду потерял контроль. Стрекоза извернулась, попыталась выскочить из крепких рук, но смогла лишь отстраниться. И тут же получила тяжелую пощечину от Гахсода. Ее голова качнулась, в тонкой шее что-то хрустнуло — девчонка заскулила.

Я сократила расстояние до двух метров и, уловив невидимую границу по предостерегающему взору Дарока, остановилась. «Не смей лезть в мои дела» — говорили внимательные серые глаза. От злости, вызванной беспомощностью, пришлось сжать кулаки, а страдания Стрекозы вынудили зажмуриться. Мне лично довелось узнать, насколько тяжелые пощечины у васовергов. Когда донеслись новые звуки ударов, я все-таки решила напомнить о себе:

— Не забываете, что они нужны мне здоровыми!

— Если что, с тобой и твоими друзьями пойдет Дарок, а мыждемся вас, — обронил Архаг, заламывая руки Стрекозы и заставляя ее опуститься на колени.

Выходит, они все обсудили и решили без моего ведома? Удивляться нечему.

Норкор повалил Лиара на живот. Судя по тому, как тот пытался откашляться и подогнуть ноги, последние звуки ударов исходили от этих двоих.

— Дарок, мне хотелось бы, чтобы никто в этом походе не пострадал, — сдержанно произнесла я, игнорируя высказывание Архага. — В конце концов оба они клялись мне в безотказности перед духами. Хочешь что-то узнать у них — просто спроси через меня.

При упоминании о духах Дарок скривился и тяжелой поступью шагнул ближе к плачущей эльфийке.

— Что опять мы сделали не так?! — шмыгая носом, из которого текла кровь, спросила она. Дернув заведенными за спину локтями, зарычала, подалась вперед и плюнула в Дарока. Кровавый плевок не долетел — упал возле пыльного сапога. — Что ты хочешь от нас?!

— Правду, — ответил Дарок и скривил в отвращении мясистые губы.

Норкор опустил колено на спину Лиара и придавил того к земле. Что-то тихо проговорил с ломаным акцентом, и шан'ниэрд перестал шипеть и вырываться. Гахсод скрестил руки на груди и невозмутимо смотрел сверху вниз на Стрекозу. Она окидывала его и Дарока поочередно презрительным взглядом. Словно затравленный, дикий зверек вертела головой и вся превратилась в сгусток напряжения, готового при первой же возможности броситься на угрозу и, возможно, в последнем бою отстоять себя. Золотые волосы растрепались, на скуле заалел будущий синяк, кровь успела под жарким солнцем запечься на щеке возле носа, губах и подбородке.

— Что задумал старый вождь? — втирая подошвой в землю красную слюну Стрекозы, спросил Дарок.

Стрекоза мигом побледнела и, забывшись на долю секунды, отклонилась к Архагу. Он хмыкнул насмешливо над ее головой — она отстранилась резко. Поморщилась и чуть повела плечами, стараясь удобнее устроить заломанные руки.

— Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь, будущий вождь.

В этой фразе голос прошелестел непривычно елейно, чем эльфийка и выдала себя — она все прекрасно понимает. Дарок покачал головой и угрюмо вздохнул. Выдох по звучанию напомнил тихое, недовольное рычание тигра — не укусит на первый раз, но раздражать его не стоит.

Воздух раскалялся с каждой минутой, солнце поднималось выше — тени уменьшались и редели. На выступах скал, растопырив плащом крылья, сидели грифы. Допрос перетек на васовергский язык сразу же, как только зазвучали первые имена приближенных старого вождя.

Уловить из внутренней борьбы этой расы удалось меньше, чем за время жизни в доме Дарока. Единственное, что полезное я выяснила для себя — Стрекоза донесла до старого вождя наши планы. Логика подсказывала, что у нас с Дароком образовался общий враг, однако сила Вестницы молчала, да и тревога совершенно не трогала меня. Стоит ли бояться старого вождя васовергов? Что такого в сокровищнице Энраилл сможет раздобыть ему Стрекоза, чтобы сделать его опасным для всего Фадрогоса? Много чего... В сокровищнице полно разных артефактов, каких-то карт, свитков — знаний. В умелых руках все это превратится в могущество. И нрав васовергов никак не обещает добрых целей использования этой силы.

В какой-то момент Архаг отпустил руки Стрекозы и отошел. Так же поступил Норкор с Лиаром, и последний не поспешил утешать подругу. С хмурым видом уселся на месте и, глядя озлобленно на Дарока, принялся вытирать лицо от песка. Стрекоза с растерянным видом продолжала «каркать» на незнакомом языке.

Ромиар не выдержал первым — тоже устроился на земле и отхлебнул воды из бурдюка. Вскоре Елрех последовала его примеру, усаживаясь чуть поодаль. Я переступила с ноги на ногу. Кейел стоял рядом со мной и хмуро следил за происходящим. В беседе Дарока и Стрекозы прозвучало мое имя, и эльфийка посмотрела на меня исподлобья.

— Да, я готова повторить все по требованию Асфи, — тихо произнесла она.

Дарок мимолетно оглянулся на меня. Что-то сказал Стрекозе, и она оскалилась.

— Теперь он убьет меня!

— Я убью его первым, — заявил Дарок, высоко вскидывая рогатую голову.

— А если нет? — она с вызовом уставилась на него, продолжая сидеть на коленях. Хлопнула по земле и приподнялась. — Ну?! А если не убьешь его, куда мне податься?!

Архаг вновь шагнул к ней и положил руку на девичье плечо. Стрекоза сбросила ее и натуральным образом зашипела на него.

— Не трогай ее, Архаг, — внезапно потребовал Дарок. — Ты рассказала мне много полезного.

— Но ты все равно не можешь пообещать мне, что защитишь от него! Весь Васгор кишит его васовергами! Куда мне теперь деться, пока ты не разберешься с ним и его воинами?!

— Это уже не мои заботы.

Стрекоза дернула ухом и отвернулась.

— Ты можешь укрыться у викхартов, — осторожным тоном посоветовал Кейел. — Если жить по их законам...

Она ошпарила его взглядом.

— Ты меня еще на север отправь, человек! — ее крик разлетелся звонким эхом по ущелью.

Я поморщилась и повела головой.

— Не забывайся, — предупредила ее.

— Прости, Асфи. — Стрекоза мигом втянула голову в плечи и завела руки за спину.

— Ты услышал то, что хотел? — я обратилась к Дароку.

Он сплюнул под ноги и кивнул.

— Даже больше, чем планировал.

— Тогда надо идти дальше.

Со мной никто не спорил. Васоверги двинулись с места первыми, а Стрекоза с Лиаром еще какое-то время сидели на земле, но потом последовали за нами.

По внутренним ощущениям не прошло и часа пути, как вновь было нарушено устоявшееся спокойствие.

— Рычание! — крикнула Стрекоза далеко за спиной, привлекая внимание всех.

Васоверги обернулись и застыли четырьмя бесстрашными скалами. Я оборвала болтовню с Кейелом, хватаясь за кинжал и прислушиваясь. Высоко на утесах сидели стервятники и иногда сбрасывали на нас камешки. Шумел ветер, катал песок по скалистой почве, заставлял трястись колючие ветки кустарников. Ромиар, крутя головой с интересом, стукнул посохом о землю.

— Все нормально, — бросила я взбудораженной эльфийке. Окинула всех настороженных существ взглядом и пояснила: — Это не монстр, а вода. Но путь становится небезопасным. Будет шумно. Наверное, мы не будем слышать друг друга, поэтому я пойду первой. Если разгляжу монстра, подам вам знак. Стрекоза, береги слух.

Направившись дальше, я протиснулась между васовергами и услышала раздраженное бормотание

за спиной. Удивилась, но удивление почти сразу отпало — васоверги, как обычно, оскорбляли Кейела. Он не отставал от меня ни на шаг.

— Тебе сражаться нельзя, — напомнила я, как только поравнялся со мной.

— Твой запрет оскорбляет. — Кейел нахмурился и стиснул топориче в кулаке.

— Это наш с тобой уговор. И ты сам согласился со мной, что тебе нужно вернуться из похода живым.

Не ответил. Только отвернулся и, шагая рядом, стал раздраженно дергать лоскут кожи из обмотки топорича.

Первые раутхуты, выросшие на пути, вызвали у ребят интерес. Даже васоверги не могли устоять, чтобы не подойти и не потрогать зеркальную поверхность. Их восхитили не столько минералы, сколько их количество. Я же внутренне подобралась, стараясь всматриваться в окружение внимательнее. В памяти прекрасно отложилось место, где прятался монстр, едва не убивший Кейела, но никто не гарантировал, что он будет там же.

Солнце начало скатываться с зенита. Рокот рос — разговоры смолкали. Периодический грохот бил по ушам. Полуденный зной вынуждал расходовать воду, но зато совершенно отбивал аппетит. Шаги поднимали пыль, она оседала на одежду, прилипала к потной коже.

Вдали показалась скала, рассекающая ущелье на две части и тянущаяся высоко к небу. Я подняла руку и остановилась. Вокруг меня столпились остальные, начали приглядываться к раутхутам. Кинжал, разгоряченный под знойным солнцем, передал тепло ладони. Перехватив удобнее сумку, я осторожно шагнула к скале. Кейел — упрямец, — сняв с пояса топор, последовал за мной. Я нахмурилась, попыталась перехватить его внимательный взор, но, кажется, парень целенаправленно не смотрел на меня.

Зеркальная скала с каждым сокращенным метром росла все выше. Отражения впитывали солнечный свет, приумножали его, бросали на землю и рыжие скалы причудливые блики. Мы подошли слишком близко, и я уже начала сомневаться, что мы встретим тварь тут. Однако среди множества раутхутов некоторые пришли в движение. Дарок, идущий в двух метрах от меня, увидев зеркальную громадину, отступил. Кейел высоко запрокинул голову, пытаясь разглядеть тупорылую морду с маленькими черными глазами. В зеркальном теле, мы разбивались на мозаику и казались совсем крошечными.

Я облизала пересохшие губы и охнула. Тварь не медлила. Прыгнула.

Я только и успела, как оттолкнуть Кейела в нишу между камней и заскочить за ним следом. Пыль от веса твари поднялась гигантским облаком. Я закашлялась, ощупывая Кейела.

— Не смей лезть! — крикнула ему на ухо и выскочила из укрытия.

Рассмотреть что-либо в пыли не представлялось возможным. А тварь, как назло, в этот раз вела себя слишком подвижно.

Собственное отражение, показавшееся в пыли, предупредило об опасности. Я отпрянула, позволяя тяжелой лапе беспрепятственно пронестись рядом. Упав на колено, быстро натянула на лицо косынку и, шурясь, всмотрелась в непроглядную стену пыли. Из-за нее казалось, будто стремительно наступил вечер. Дрожь земли сообщила, что монстр продолжает на кого-то охотиться. Не будет ли у нас потеря?

К сожалению, перед тем, как тварь предъявила себя нашим глазам, я не успела заметить, где находились многие из нас.

В затишьи между грохотом раздался громкий мужской крик. Я подняла голову, стараясь каким-то чудом отыскать источник голоса. Начала вставать, но теплый поток воздуха склонил к земле, заставил зажмуриться и опустить голову. Через миг ветер, дующий сверху вниз, стих. Пыль прибилась к земле. Тварь расхаживала в двух десятках метров от меня, выглядывая что-то среди наростов раутхутов.

Ромиар, опираясь на посох, стоял вдали от нас на насыпи валунов и с беспокойством смотрел на тварь. Он вновь крикнул что-то, и воздух хлестнул по твари порывом ветра, но не отпугнул ее. Среди раутхутов мелькнула беловолосая голова. Там Елрех... Тварь охотится за Елрех.

Мигом я оценила позиции и состояние остальных. Васоверги рассредоточились вокруг твари и, потирая глаза, видимо, пострадавшие от пыли, присматривались к происходящему. Все они были абсолютно невредимыми. Лиар со Стрекозой незаметно перебежали к нескольким кристаллам раутхутов, росшим за спиной твари. Я тоже обернулась. Мне повезло больше. Рядом со мной в

раутхуте отражение рябило, словно лужа от дождя, и я быстро вскочила. Преодолела расстояние в несколько шагов и ударила по отражению кинжалом. Первый звон бьющегося стекла порадовал слух, но мгновенно утонул в грохоте.

Кусок плоти оголился у нашего врага высоко на спине. Однако васовергам было этого достаточно. Гахсод подпрыгнул ближе и хлестнул плетью. Тварь взревела. Разворачиваясь, она бросилась просто перед собой и врезалась ровно в укрытие, где стоял Кейел. Я замерла на долгую секунду, а потом на ватных ногах сорвалась следом за громадиной. Проскочила в карман, снова забитый пылью, и стала звать Кейела. Грохот не позволял расслышать собственного голоса. Руки скользили по шершавой поверхности камня, натыкались на обломки. Земля дрогнула. И еще раз. Видимо, тварь поднимается. Где Кейел?

Хлынувший сверху воздушный поток опять прибил пыль к земле, позволяя разглядеть пространство. Часть скалы была разбита, и насыпь перекрывала мне путь, однако за ней имелся лаз, залитый солнцем. Сквозной проход!

Я выскочила из расщелины и, позабыв обо всем, стала осматриваться. Облегчение унесло холод, охвативший все тело. Кейел показался из-за скал впереди. Пыльный с ног до головы, крепко сжимающий топор, но целый.

Духи Фадрэгоса!

Он впился в меня обеспокоенным взглядом и бросился ко мне.

Удар в спину пришелся рядом с позвонком. Пронзил болью, будто в меня вогнали кол. Я отлетела в сторону и, упав, мигом перевернулась на спину. Глотая воздух, крепче сжала рукоять кинжала. Рядом со мной Стрекоза приподнялась на локтях. Там, где я стояла только что, просела земля под весом передних лап твари.

— Жива, человечка? — прочитала я по губам Стрекозы.

И кивнула ей. Эльфийка кивнула мне в ответ. Посмотрела на тварь и улыбнулась, стискивая зубы. Ловко вскочила на ноги и метнулась в сторону раутхутов. Тварь в эту секунду разбавила шум рычанием. С другой стороны от нас Лиар разбивал увесистым продолговатым булыжником одну зеркальную поверхность за другой. По морде твари сыпались осколки.

Тень накрыла меня, и я встрепенулась, перехватывая кинжал удобнее.

Кейел...

Он присел рядом со мной и, схватив под локоть, стал тянуть в сторону. Я послушно поднялась и засемила подальше. Пробегая между раутхутами, и я, и он, били по отражению, если замечали малейшую рябь. Несколько раз мне мерещилось, и я, ударяя по кристаллам, не добивалась ровным счетом ничего. Крепкие раутхуты, в таких случаях, даже не царапались.

Кейел взобрался на валун и подал мне руку. Я спрятала кинжал, ухватила за кисть и ощутила крепкую хватку. Кейел буквально затащил меня наверх и через несколько секунд подвел за талию к валуну повыше. Перед тем, как посадить, крикнул мне на ухо: «Ксанджи!». Я вскарабкалась на поверхность, раскаленную солнцем, выпрямилась в полный рост и осмотрелась. Тварь истекала кровью, но металась от врага к врагу с таким остервенением, что грозила вымотать даже васовергов. Они прыгали в разные стороны, убежали, уклонялись и всякий раз хлестали по незащищенным участкам, вырывая бритвами из плоти куски. Стрекоза с Лиаром продолжали искать новые подвижные отражения в раутхутах. Елрех тоже разбивала отражения и все чаще рисковала собой, стараясь взять больше внимания твари на себя, а затем пряталась между крепкими минералами.

Ксанджи отозвались на мой призыв мгновенно. Всего лишь просьба, лишенная, казалось бы, и крох ненависти, позволила им промчаться к твари. Плающие огни один за другим исчезли в прорехах брони, вьелись в плоть, заставили тварь вопить и дергаться. Васоверги благоразумно разбежались, Елрех выпрыгнула из укрытия и бросилась к Роми. Не удивлюсь, если не задумываясь. И он точно так же, не тратя ни секунды на сомнения, отбросил посох и, опустившись на четвереньки, протянул ей руку. Стрекоза подбежала к Лиару, схватила его за шкуру, отвлекая от поиска подвижных отражений и потянула прочь.

Всего лишь несколько секунд прошло, как великие духи испепеления получили приглашение уничтожить живое... И тварь уже дымилась. Все еще живая она извивалась на земле, поднимая пыль, сбрасывая пламя наружу, разрывая лапами собственную плоть, но не имея возможности избавиться от духов разрушения. Они убивали ее изнутри.

Меньше минуты — и иссушенная гора останков тлела посреди расщелины. Ветер ворочал пепел, размазывал сажу по песку. Во время затишья ветерка дым поднимался из-под оставшихся кусков

раутхутовой брони.

Васоверги часто плевались, наверное, наглотавшись песка и пыли. Елрех сидела на валуне, свесив одну ногу и попивая воду из бурдюка Роми. Сам рогатый парень стоял за ней, устало разглядывая место первого столкновения. Стрекоза с Лиаром о чем-то перекрикивались друг с другом, и эльфийка нередко толкала шан'ниэрда в бок локтем и смеялась. Кажется, ей понравился бой. Я присмотрелась к золотоволосой внимательно. Поняла ли она, что спасла мне жизнь? Задумывалась ли над этим хотя бы на мгновение?

Кейел, стоя на нижнем валуне, похлопал по моему камню, привлекая внимание. Заправил пряди за уши, поморщился, стряхивая со щеки песок, а затем, улыбнувшись мне, подставил руки и поманил, подсказывая, что готов помочь мне слезть.

Кейел

Несколько рассветов мы шли по скалистому ущелью, встречаясь с чудовищами, покрытыми крепкой раутхуговой броней. Асфи больше не настаивала на том, чтобы я держался подальше. И я рад был помогать всем, чем мог. Тем более требовалось от меня не так и много. Я не рисковал, как васоверги, принимая ярость чудовищ на себя, а, как и Стрекоза с Лиаром, всего лишь отыскивал рябь в отражениях. Как только в броне удавалось создать прореху, Асфи призывала Ксанджей.

Все были в бою при деле. И Ромиар, измученный шан'ниэрд и ответственный исследователь тоже. После того, как мы увидели радушность Мивенталь ко мне, Ромиар стал перебирать на бумаге имена сильных духов воздуха. Из-за недуга, вызванной влюбленностью, работать было сложно, но, видимо, он сумел понять, какие духи легко отзовутся ему. Либо он просто звал во время боя разных духов до тех пор, пока кто-то из них не ответил. Мне хотелось расспросить его, но постоянный шум, наполняющий ущелье, не позволял этого сделать.

Шум не умолкал, а, наоборот, лишь звучал громче. Асфи успокаивала меня, что так грохочет вода. Рассказывала о каком-то поломанном колесе, которое должно было направлять воду в город. Она выкрикивала мне это на ухо коротко, неясно, стараясь успеть до того, как новый грохот поглотит в себе непрерывный шум. Я не мог разобраться о чем, она говорит, пока не увидел все своими глазами.

На подходе к мосту, зависшему над ущельем, нас встречали гигантские каменные шан'ниэрды. Они удерживали его и словно обозначали собой, кому принадлежит это дивное место. Причудливые выемки в земле и на стенах, широкие ступени и величественный проход, ведущий в черноту скалы. Перед тем, как войти внутрь, Асфи предостерегающе показала Стрекозе на уши — эльфийка затыкала их чем только могла, но все равно с каждым рассветом выглядела более уставшей; шум не позволял ей отдохнуть. А потом Асфи повела нас внутрь. Шла медленно, будто давала время осмотреть вырезанные в камне рисунки, и мы рассматривали. Даже васоверги — вечно хмурые и раздраженные тем, что чудовищ убивают не они, а духи, — позабыли о ярости и с приоткрытыми ртами глазели по сторонам, ощупывали чей-то великий труд, запечатленный узорчатými углублениями на стенах.

Внутри веяло приятной прохладой и пугал непроглядный мрак. Казалось, что Асфи поведет нас прямо в него, но она остановилась возле зеркала, закрепленного в ржавых кольцах. Они стояли на длинных ножках и выглядели недвижимыми, однако Асфи быстро это опровергла. Отдала мне сумку, подошла к ним и с силой потянула. Кольца неохотно дернулись, чуть повернулись и застыли. Асфи, закусив губу от усердия, налегла всем весом, но конструкция не поддавалась. Я поспешил на помощь, но через несколько шагов передо мной вырос Дарок. Опередив меня, он оттеснил Асфи и потянул за кольца — они мигом сдвинулись. Вскоре с немymi подсказками Асфи васоверг поймал зеркалом луч света и направил его в угол, где пряталось другое зеркало. Дневной свет развеял мрак, и на несколько часов Солнца я позабыл обо всем...

Дивный город таился в скале. По нему можно было прочесть историю не хуже, чем в тех книгах, что взял в поход для меня Ромиар. И я читал с замиранием сердца... О путниках, которые после долгой дороги под палящим взором Солнца с удовольствием попадали в тень и прохладу. Тут же видели харчевни, где могли утолить жажду и хорошенько поесть. Чуть дальше им позволяли смыть с себя пыль, постричь волосы и сбрить бороды. Догадываюсь, что Ромиар скажет, что этот город жил пользой именно для путников. Куда они держали дорогу? К краю мира? Возможно, тут лежал кратчайший путь к южной части леса Темных духов.

Асфи не торопила нас, да и сама с любопытством в глазах заходила в приглянувшиеся ей двери. Мы рассматривали вещи, сохраненные под крепкими сводами города. Несмотря на толстый слой пыли на вещах, чудилось, что совсем недавно тут была жизнь. Комнатушки застыли в таверне во времени с широкими кроватями, этажерками, столами, стульями и комодом. Крохотные балконы когда-то давно позволяли разглядывать прохожих на улицах. Во многих комнатах были раскинуты деревянные доски, видимо для письма, стояли статуэтки в виде зверей, уцелели даже тряпичные куклы. И Асфи не позволила к ним прикоснуться, наверное, опасаясь, что их оберегают духи. А я никак не мог отделаться от вопроса: почему это место назвали Сводом скверны?

Ответ отыскился в глубине города...

Голубой водопад разбрасывал искры и создавал шум, который мы слышали далеко-далеко отсюда. Он тянулся широким полукольцом, исчезая в коридорах, высеченных в скале. Кое-где через дыры в природном потолке на воду падали узкие лучи солнца, и воздух проникал в город сквозняком. Колеса, о которых рассказывала Асфи, я разглядывал лишь до того момента, пока не заполнились корыта, прикрепленные к нему. Колесо прокрутилось на три шага Солнца, вода вылилась — грохот оглушил, открывая тайну рычания «монстра». В остальное время я рассматривал статуи существ. Передо мной несомненно стояли соггоры. И судя по тому, как брезгливо морщились васоверги, они были высечены из редкого Олруона. Заезжие купцы иногда поговаривали, что крохотного камешка

этого минерала хватило бы, чтобы надолго обеспечить Солнечную защитой против дракона. Он вытягивает природные силы из существ, обладающих ими.

Стоило Дароку увидеть изгнанных истинных правителей, как ненависть исказило его лицо. Он окинул своды города, тонущие далеко в полумраке совсем другим взором. Скверна — вот, что он думал об этом месте. Не нужно было обладать теми знаниями и умом, каким владеет Ромиар, чтобы понять это. Пока тут хранится такое количество Олруона, многие существа не смогут приблизиться к нему.

А потом снова было лишь ущелье. Пыльное, узкое, наполненное монстрами с раутхутовой броней.

Радовали закаты, хоть я и стыдился своей радости. Но с угасающей жизнью Солнца мы всегда готовились к отдыху. Иногда удавалось собрать сухостоя по дороге и разжечь костер. Воду берегли, несмотря на то, что пополнили запасы в городе-пещере, потому ели вяленое мясо и сухари. Их вкус быстро приелся, а дорожная пыль, за время пути смешавшись с потом, ощущалась на всем теле. Хотелось отмыться и вдохнуть прохладу, наполненную ароматами трав либо хвои. Но при всех раздражающих вещах закаты все равно радовали...

Асфи садилась рядом, обнимала меня и прятала лицо, утыкаясь носом мне в грудь либо в шею. Казалось, что ее совсем ничего не смущало. Ни наша грязь, ни хмурые взгляды васовергов и насмешливые Стрекозы. После заката она прекращала замечать всех, кроме меня. Ее отношение ко мне, словно хмель, кружило голову и разгоняло кровь по венам. Я обнимал хрупкую девушку, которая при жизни Солнца казалась грозной воительницей, и не хотел ни на миг отпустить от себя. Иногда я прослеживал взор карих глаз и удивлялся той задумчивости, с которой Асфи смотрела на Стрекозу и Лиара. О чем она размышляла в эти мгновения, долгое время оставалось лишь гадать.

Спустя несколько рассветов шум стал стихать, отступила жара. На скалах появился мох, и ветер дул странный... Одновременно освежающий, но тяжелый. Мы подходили к Краю мира, и, наверное, ветер доносил запахи Кровавой воды. Ближе к смерти Солнца и вовсе вышли на зеленые предгорья, заросшие туями и можжевельником. Частые насыпи камней затрудняли путь, но после зноя он все равно был бодрее.

— Никто не оглох? — Асфи разорвала долгие рассветы безмолвия вопросом.

Я догнал девушку, идущую впереди, и взял за руку. Она не удивилась — лишь мигом, будто по привычке прильнула щекой к моему плечу и улыбнулась. Подтянула сумку, запрокинутую за спину, и переспросила:

— Почему молчите?

— Отвыкли говорить, — отозвалась в стороне Стрекоза, обходя валуны.

— Ну хотя бы слышишь меня — уже хорошо.

— Этот город, — заговорил Дарок, поравнявшись с нами и морщась, — его построили истинные правители?

— Не уверена, — ответила Асфи, нежно пожимая мои пальцы, — скорее всего, шан'ниэрды.

— Темноволосые, — брезгливо уточнил Ромиар за спиной.

Его брезгливость вселяла надежду, что ему стало легче переносить влюбленность. По крайней мере, он теперь мог прямо любоваться Елрех, даже зная, что это видят все, и его не рвало.

— Великий город! — восхитился Лиар, вырывая на ходу из черной кисточки хвоста колючки.

— Беловолосые шан'ниэрды не прятали свой город под землю, — зацепился Ромиар. — Они не боялись выстроить его на предгорье.

— Это тот, что сожрало Лавовое озеро? — усмехнулась Стрекоза, оборачиваясь.

За беседой Асфи привела нас к пещере из раутхутов, где мы без труда раскопали сундук с ключом. Не отходя, разбили лагерь.

— Не вижу смысла делать круг через пустыню, — сказала Асфи перед тем, как отправиться заняться ужином. — Пойдем обратно тем же путем. Никто уже не будет нас тормозить, поэтому дорога должна быть полегче.

Первые духи показались на небе, когда я нарубил хорошую связку дров. От Кровавой воды, мерцающей под Луной, повеяло свежестью, донесся шум волн, совсем не похожий ни на грохот водопадов, ни на речные всплески. Ноги утопали в густом мху и, наконец-то, вокруг чувствовался аромат хвои.

Горка дров, сложенных в центре поляны, вспыхнула с помощью духов. Васоверги, увлеченные разговорами, и не заметили. Стрекоза с восторгом разглядывала кольцо с огромным желтым камнем, появившееся у нее после визита в заброшенный город. Лиар улыбался, сидя рядом и наблюдая за ней. Ромиар активно записывал наблюдения о прожитом рассвете. Елрех пристраивала на плоский камень, положенный в костер, котелок с небольшим количеством воды и трав. На сооруженном вертеле висели два ошипанных гуся. Асфи сидела на плаще и протирала мокрой тряпкой лицо и шею — приводила себя в порядок. Ее голос тихо встрял в пересказ Архага о сражении с первой тварью из Свода скверны и очень быстро зазвучал в тишине:

— Тинаэль, ты когда-нибудь мечтала забыть обо всем и начать жизнь сначала? Скажем так, с чистого листа.

Стрекоза, услышав свое имя, вздрогнула и быстро спрятала кольцо в сапог. Я внутренне насторожился. Отряхивая руки от крошек коры, устроился рядом с Асфи и присмотрелся к ней. Что она задумала? Беспокойство дремало. За последние рассветы Асфи казалась настроенной благодушно ко всем нам и от нее не хотелось ждать жестокости. В темных глазах плясал огонь, но лицо как никогда излучало спокойствие. Движения рук были медленными и осторожными. В какой-то миг я засмотрелся, хотел помочь стереть грязь на щеке, которую она не стерла.

— Глупый вопрос, — произнесла разбойница, обнимая колени. — Кто бы не хотел, окажись он на моем месте? О преступлениях забуду, о предательстве, о многом... И духи не осудят, раз помнить ничего не буду. Одному знакомому даже повезло так. Уродом был тем еще. Ему в голову поленом попали, он все и забыл. Сейчас где-то в Обители живет. Хорошо ему. А почему ты спрашиваешь?

— Точно хочешь? — вместо ответа уточнила Асфи. Стиснув тряпку в кулаке, опустила руку. Склонила голову к плечу, прищуриваясь с хитрецей. — Я ведь серьезно интересуюсь.

— Нельзя стереть память всего лишь при желании, — с сомнением проговорила Стрекоза. — А по голове бить себя не дам.

— В сокровищнице есть артефакт, который вызывает болезнь Солнца, — сказал Роми, не отрываясь от своей работы; белая кисточка хвоста ритмично стучала по сапогу.

— Болезнь Солнца? — изумленно пробормотала Стрекоза.

Асфи, распустив волосы, стала расчесывать их пятерней и устремила взгляд, наполненный удовольствием, на костер. Дарок хмыкнул. Провел языком по клыкам, посматривая с нетерпением на гусей. Похоже тема разговора его не заинтересовала.

— Куда ты поведешь нас дальше? — спросил он у Асфи, потирая руку об руку.

— В Холмы грез.

Сердце екнуло. Мысли о Стрекозе, ее возможной беспечной жизни и великодушии Асфи выветрились мигом.

— Куда?! — хором переспросили Норкор и Архаг.

Глава 26. Любовь к Вестнице

Асфи

И в мыслях не было рассказывать о местонахождении подсказок заранее. Васоверги даже при всех договоренностях вызывали опасения, а к Стрекозе отсутствовали и крохи доверия. Теперь, конечно, ее привязала ко мне клятва. И, как предупредил меня осторожно Роми, болезнь Солнца избавит воровку не только от памяти о кошмарном прошлом и вины, но и от всех клятв. Я не огорчилась, наоборот — порадовалась. Всю жизнь держать на привязи строптивую девицу не было никакого желания.

В итоге обернулись мои недомолвки скандалом и обидами. И кто оказался слабым? Не трусливая ушастая и не ослабевший Роми, не выпускающий из рук посох, а прославленные яростью Солнца васоверги! Четверка рослых мужиков едва ли не объявила бойкот, отказываясь идти в регион Холмы грез. А сказать им, что на самом деле я не собираюсь никого тащить с собой, тоже не могла. Лишние вопросы и без того возникнут, но пусть лучше возникнут потом, когда я точно смогу что-то придумать, проигнорировать, в конце концов, и просто сбежать, ни с кем не прощаясь. Потом...

Сейчас же задача стояла в обратном — убеждать всех, что мы сильные. Настолько сильные, что даже нежить нам нипочем. Мне не верили.

Васоверги не верили и злились. Стрекоза с Лиаром не верили и смотрели на меня, как на безумную, постоянно шушукаясь между собой, но послушаться моих приказов не могли. Ромиар не верил, но смирился со своей смертью, кажется, давно. Лишь украдкой поинтересовался, можем ли отправить Елрех в город, пока сами пойдем за последней подсказкой? Елрех хотя бы хотела верить, зная о моей силе Вестницы, но всякий раз стыдливо опускала глаза. И только Кейел удивлял. Он единственный, кто верил мне. Я сказала, что мы справимся, и он, не долго думая, кивнул. Видимо, слепая вера в меня даже не позволяла ему взвесить все риски и еще раз обмозговать, куда я якобы всех тащила.

С невероятными усилиями мне удалось сдвинуть с места четверку здоровых громил. Всю дорогу, что васоверги могли говорить — до священного кольца, — они явно ругали меня на своем языке. Дарок сверлил тяжелым взглядом затылок и после долгих споров прекратил попытки достучаться до моего разума. Когда опустились в регионе Ящеров, он со мной и словечком не обмолвился, лишь смотрел пристально, со злобой и подозрительностью. Не удивлюсь, если решил, что хочу избавиться от него в Холмах грез.

И вот я возглавляла колонну далеко впереди, словно в гордом изгнании из группы недоверчивых существ, а Кейел не отставал ни на шаг. Как и не прекращал расспросы. Правда, теперь уже не о мире вокруг...

— И ты хотела остаться с ним на всю жизнь? — он хмурился задумчиво, разглядывая траву под ногами.

Трава была высокая, густая и покрытая утренней росой. Штанины выше колена впитали в себя влагу и теперь неприятно охладили кожу. Солнце в этом регионе согревало, но не способно было быстро высушить одежду, как в Своде Скверны. Я вела всех в знакомую с прошлого раза рощицу.

— Наверное, хотела, — с улыбкой призналась я. Пожав плечами, пояснила: — Тогда я была уверена, что люблю его. Я ведь знакома была с ним с детства. И у нас все как-то само собой получилось.

— Как будто говоришь обо мне и Лери. — Он поднял подбородок и направил недовольный взгляд на серую полосу виднеющейся рощицы.

— Нет.

Стоило ли опровергать?.. Да, Асфи, он не принадлежит тебе, и ему с тобой явно не по пути.

Я невольно ускорила шаг.

— Почему? — посмотрев на меня снова, поинтересовался Кейел.

— Ты же ревновал ее, — напомнила я. Из-за нее ведь он примчался в Медвежью колыбель и полез с кулаками один на четверых.

— Ревновал, — согласился. И виновато опустил голову.

— Ну вот! А я Женьку никогда не ревновала. Ему девушки и смс томные писали... Это такие... письма короткие. Мы нередко вместе их читали, и я, кроме жалости, к Женьке ничего больше не испытывала. Мне было жутко представлять, что кто-то мог бы также преследовать и меня. — Я оглянулась; фигура васоверга в рассветных лучах казалась немного меньше. — Ужасное чувство!

— И ты его совсем не ревновала? — изумился Кейел.

— Нет. Я же говорю: мы росли вместе. Потом повзрослели и стали жить вместе, то он у меня, то я у него. Когда как и кому было удобнее. Потом и о свадьбе речь зашла. Ну, о ритуале связи сердец. И у меня никогда не возникало сомнений в правильности наших отношений.

— А потом ты встретила Вольного, — верно догадался Кейел. И хоть он улыбался, голос его прозвучал тише, а в зелено-карих глазах погасли искры интереса.

— Да, встретила, — ответ у меня тоже получился глухим, вялым.

Видимо, разговор закончился...

Впереди стелилось поле душистого разнотравья. Под нашими ногами трава с шумом мялась и клонила к земле. Еще не жужжали жуки, не прыгали кузнечики. Только голубые и белые бабочки беззвучно порхали от цветка к цветку. Безветренная погода сулила дневное тепло. Я покосилась на Кейела осторожно, чтобы не заметил. После перемещения священным кольцом он выглядел бодрым. Загорелое лицо покрывал слой пыли, она собралась грязью в морщинках, на висках у волос и на шее. Русые волосы слиплись и лоснились жиром. Одежду тоже не помешало бы хорошенько простирнуть. Глядя на него, невольно хотелось спрятаться от его глаз, потому что я точно была не лучше. Из-за упрямости васовергов страшно было задерживаться в регионе Рубиновой сладости, чтобы потешить себя и остальных рекой.

Но как бы Кейел ни был испачкан, им хотелось любоваться. Я точно знала, что и у Кейела-Вольного, и у этого Кейела-простака в сумке полный порядок. Что он бережный, трудолюбивый, заботливый...

— Последней Луной ты не хныкала, — прервал он мои размышления и снова улыбнулся.

Но этот Кейел, в отличие от Вольного, не умеет долго злиться. Вопрос лишь в том, забывает ли обиды? Этого я пока не знала. Вольный точно помнил обидчиков и моменты обид долго... Если не сказать, что запоминал, наверное, на всю жизнь.

— Я по ночам хнычу? — удивилась я, осознавая смысл фразы. И подтянула сумку выше. Она вечно бьет по пояснице и мешает. Ее лучше будет оставить.

— Лунами, — с улыбкой поправил Кейел и оглянулся, будто убеждался, что мы слишком далеко, и слов не разберет даже эльфийка. — И очень тихо. Не думаю, что кто-то слышит.

— Ты слышал, — не согласилась я.

Кейел вдруг замялся. Отвернулся, будто выигрывал себе секунду, а потом признался:

— Я прислушивался. — Заправил прядь за ухо и спросил: — Асфи, что ты видишь во снах? Что заставляет тебя плакать?

— Много чего, — уклончиво ответила я, перебирая в голове последние сны, которые посещали меня несколько раз. Дыхание перехватило, сердце сжалось, и я проявила откровенность: — Родители, душная квартирка, иногда Вольный...

Повернулась, будто хотела перепроверить, идут ли за нами другие существа, не отстают ли, и прищурилась словно от солнца. Зажмурилась, потерла прослезившиеся глаза и продолжила путь.

После мимолетного взгляда на яркие лучи в глазах в самом деле заплясали красные и желтые пятна. Разглядеть Кейела мне не удавалось, а он тем временем поддержал меня за локоть, позволяя идти уверенней.

— Это ведь он заставляет тебя плакать? Я думал... Асфи, а он любил тебя?

— Любил. — В этом у меня не возникало никаких сомнений. Чертов Вольный ради меня мир уничтожил, который обязался спасти. Знал бы он, чем все закончится... — Конечно, любил! Но в какой-то период, пока наши отношения не зашли слишком далеко, он бы запросто убил бы меня. В реку бы, например, кислотную сбросил или... Не знаю. Ему пришлось учиться милосердию, да и то, скорее всего, до конца он так и не понял, что это и зачем это нужно. В общем, я очень долго боялась его. А теперь воспоминания приходят в кошмарах.

Кейел крепче стиснул мой локоть. В глазах, наконец-то, прояснилось окончательно, и я сумела рассмотреть грусть в глазах парня. Заметив мой взгляд, он отвел свой, а потом снял с моего плеча сумку — ловко, быстро, я и не поняла, как пальцы разжались, — забросил себе на второе плечо и проговорил:

— Мне тоже иногда снятся кошмары из прошлого.

— Из детства?

Отбирать сумку обратно не спешила. Плечо ныло и зудело.

— Да. Наверное, из детства — это самый страшный кошмар. — Мельком глянул на грязную рубашу, будто убеждался, что по ней не растекается кровь из живота. В этом я его понимала... После того, что сделал в той жизни со мной Лиар, привычка проверять живот долго меня не отпускала. — А у тебя Асфи, какой самый страшный?

Я хмыкнула, задумываясь. Но и секунды не прошло, как меня передернуло. Накатила тошнота. И, судя по холоду в щеках и тому, как Кейел обеспокоенно стал разглядывать мое лицо, я сильно побледнела.

— Синее пламя, Кейел, — хрипло ответила. Ненависть к себе мигом вернула силы, прогнала тошноту и холод. — Мы все сгорим в синем пламене.

Кейел

Не думал, что бывает так: тепло в груди просто от разговоров. И горечь, когда речь заходит о других мужчинах, которые были рядом с ней. Кто она мне? Девушка, которая любит не меня, но проводит со мной время так, словно любит. И кто я ей? Парень, который позволяет близость с собой, или тот, кто пользуется ее чувствами — слабостью, — чтобы после оставить? Почему она терпит меня? И почему с каждым рассветом хочется все сильнее, чтобы она не терпела, а любила.

Солнце золотило темные волосы Асфи, просачивалось сквозь ресницы и попадало в карие глаза. Они блестели сильнее обычного, но сама девушка при этом была задумчиво хмурой.

Мы разбили лагерь недалеко у ручья. Первую половину рассвета осматривались, стирали вещи, мылись. На обед васоверги поймали взрослого оленя, а Елрех успела собрать и кореньев, и ягод, и разных плодов дичек. Кушаний получилось так много, будто мы праздновали пробуждение Сальира. Вокруг костра не хватало лишь бочек с хмельным медом и столов с пирогами, как бывало в Солнечной.

Васоверги успели-таки на рассвете помолиться Солнцу. Расселись прямо в поле, не дойдя до роши совсем немного, и Асфи не стала торопить их, а в тени деревьев заставила ждать всех остальных окончания ритуала. Видимо, это задобрило воинов. А от славной охоты они вовсе повеселели, и теперь отлеживались после плотного обеда под раскидистым деревом в нескольких метрах от костра, лениво беседуя и готовясь в скором времени к тренировочному бою между собой.

Стрекоза с Лиаром, как обычно, уединились. В последние рассветы им было о чем поговорить. Сначала эльфийка не воспринимала слова Асфи всерьез, потом отказалась от предложения, однако в итоге согласилась с тем, что болезнь Солнца подарит ей новую жизнь без старых шрамов. Лиар упрямылся дольше. Он не хотел терять ту Тинаэль, которую знал, но любовь шан'ниэрда переборол эгоизм. Лиар тоже взглянул на предложение взвешенно, и ему понравилось, что Ромиар напишет о Стрекозе и ее болезни Солнца в своих записях. Записи я обязался передать в гильдию исследователей, если с самим исследователем что-то случится. Ради изучения болезни за Стрекозой присмотрят и ее жизнь наладят так, чтобы она ни в чем не нуждалась. Сам Лиар перед духами совестью был чист, и как бы он ни помогал воровке, никто не посмеет его осуждать, когда он начнет приносить пользу под покровительством исследователей. К тому же стены Обители гильдий наверняка укроют их обоих от старого вождя васовергов до тех пор, пока Дарок не убьет его. И окончательно удалось уговорить шан'ниэрда наедине, без васовергов и девушек рядом, когда Ромиар прямо сказал ему, что забыв о прошлых прикосновениях мужчин, Стрекоза позволит себе новые. Теперь Лиар смотрел на подругу с надеждой, часто в их беседах можно было уловить обрывки, которые касались именно пользы от болезни Солнца.

В такие моменты Ромиар особенно понуро свешивал голову. Я беспокоился о нем, но верил Асфи, что мы успеем к сокровищнице, и другой артефакт — слеза Луны, — вернет моему другу память. О том, что мы теперь друзья, я не сомневался. То, что Ромиар доверял мне в беседах, доверить наверняка не смог бы я никому.

Ромиар уводил меня подальше, когда ему нужно было выговориться и когда он боялся, что потом не сможет сам вернуться к остальным. Все подумали, что ему стало легче в ущелье, где им с Елрех некуда было особенно разойтись. Но все лишь усугубилось...

«Я трогаю камни, которые она ощупывала, когда выискивала в них ценные минералы, — делился Ромиар со мной, сидя на коленях и привалившись плечом к валуну, за которым нас никто не видел. Все полагали, что мы отошли по нужде. Наверное, так и было... Ромиара опять рвало. — Я давал ей свой бурдюк, потом полшага Солнца не мог пить, а после смерти Солнца не мог оторвать губ от него. Меня холодный пот прошибает, когда вижу Елрех, и бросает в жар, когда она мне снится. Знаешь, какой она снится мне, человек? Голой. Совсем голой. И мы с ней вдвоем, и я могу ее трогать. Мне хочется сказать ей, как она красива, но я умом понимаю, что полукровка красивой быть не может. Она уродлива. Настолько уродлива, что меня сейчас опять стошнит... — И его тошнило. Недолго, но я успевал в это время подумать о себе и о Асфи, о том, что она всегда казалась мне необычайно красивой. Наверное, из-за ее глаз. А потом он вытирал губы грязным платком и продолжал откровенничать: — Мне стыдно, что я принижаю ее достоинства. Ты в курсе, человек, что достоинства есть у всех? Даже у людей. Кем бы вы были без нас, беловолосых шан'ниэрдов? Это мои предки затеяли борьбу вокруг того ужаса, который устроили вам васоверги. Васоверги... Даже у этих мародеров есть достоинства, которые мы вынуждены признавать. Они сильные воины. Им для побед на поле боя духи не нужны. Многие этим могут похвастаться? Не отвечай, я знаю точно, что никто. А они могут. У них есть достоинства. Так почему тогда достоинств нет у Елрех? Грязная полукровка! Позор. Такой позор! Какое у нее достоинство, Кейел? Ну! Какое?! — Видя, что я готовлюсь ответить, он скалился и опережал с ответом: — Нужно такое достоинство, чтобы сразу ясно становилось! Не нужно мне говорить, что она добрая и мудрая. Для этого ее еще узнать надо. А если начинаешь существом гордиться и уважать его только тогда, когда узнаешь его лучше, значит, это не свойственно всей расе. Значит, достоинство приобретенное. А

если любить существ только за приобретенные достоинства, то и любить тогда можно всякого. И гордиться всяким. Но это неправильно. Звериное в нас все равно побеждает, оно с рождения — выше приобретенного. Просто его узнать надо лучше, раскопать достоинства. В тебе, например, заведомо ясно было, что надо искать клад. Ты — человек. От вас людей никогда ничего ждать нельзя, кроме удивления. Не зря вы самые таинственные существа. А она... Она... Хочу, чтобы она была счастлива. Чтобы ее любили не за расовые достоинства, как правильно, а за ее личные. Представляешь, чего хочу? И хочу сказать ей об этом, да только смысла нет. Какой в этом смысл, человек, если я ее никогда счастливой не сделаю? Она всегда будет смотреть на меня с пониманием, что она мне отвратительна до тошноты. Елрех убивает меня»...

Во время таких уединений Ромиар мог говорить много. Часто я не понимал его рассуждений, но иногда вспоминал то, что вычитал в книгах, и тогда все становилось на свои места. Все эти приобретенные достоинства и данные от рождения, все расовые отличия и порядок в мире, который мечтали построить многие беловолосые шан'ниэрдэ, опираясь на эти отличия, — все вставало в какую-то отчетливую схему — в процветающий мир. И полукровки беловолосых шан'ниэрдэв никогда и нигде в таких записях не упоминались.

После обеда Ромиар, уединившись на пригорке, решил отвлечься подсказками и ключами, которые мы успели собрать. Елрех, словно чувствуя обострение его недуга, несмотря на внешнюю бодрость, сдержанность и вежливость шан'ниэрдэ, предпочитала уходить. Возможно, это не было связано с Ромиаром. Она трудолюбивый алхимик, да и не переносила близость васовергов.

В этот раз, как и во многие другие, у костра мы с Асфи остались вдвоем, что мне нравилось. Находиться рядом с ней было приятно и в молчании. Начищенный до блеска клинок блеснул в тонких руках. Она оценила свою работу презрительным взглядом, а затем стала перебирать флаконы с зельями. Удивительная девушка старалась держать оружие в порядке, хоть чаще и просила помощи у духов. Даже воровка, всякий раз орудующая кинжалом, не уделяла ему столько времени. Устыдившись и собственного разгильдяйства, я украдкой глянул на топор — чист, наточен. Вздохнул шумно и тоже принялся пересматривать вещи в сумке. Вытряхнул из нее все на траву и замер, когда деревянная фигурка Лери, выпав, откатилась к ноге Асфи и ударилась о сапог.

Сердце ухнуло. Почему возникло чувство, будто я совершил что-то чудовищное?

Асфи отвлеклась от зелий и посмотрела на фигурку спокойно. Во мне словно тетиву отпустили: я вздрогнул, сердце заколотилось, по телу прошел озноб — захотелось быстро спрятать то, чем не так давно я мог хвастаться и гордиться. Потянулся было за фигуркой, но Асфи опередила. Неспешно подняла ее, посмотрела на нее с улыбкой. Вдруг погладила по голове, снимая налипшие травинки, и потерла большим пальцем круглый живот.

— Соскучился? — протянув мне фигурку, спросила с добротой в голосе. И попыталась приободрить: — Потерпи, немного осталось. Скоро вернешься к ней.

Деревяшка легла в раскрытую ладонь, и мне с трудом удалось ее удержать. Она словно превратилась в гадюку — ее хотелось отшвырнуть, пока не ужалила.

— Соскучился? — повторил я, пряча фигурку обратно в сумку. Когда в последний раз я думал о Лери? Все ли с ней хорошо? Представил, что все плохо, и испугался собственной бесчувственности. Мне хотелось, чтобы у нее все было хорошо, но почему-то сильной тревоги не испытывал. Признался вслух сам себе: — Не соскучился. Меня лишь волнует, как меня примут назад. Я должен был стать сильнее, но только и делаю все время, что читаю книги.

— Сила в знаниях, — хмыкнула Асфи, возвращаясь к сортировке вещей. — Это даже в моем мире признавали.

— Это так, но думаю, в моем случае знания не помогут.

— Почему? В гильдию исследователей не могут набирать с улицы всех подряд всего лишь потому, что они умеют рассуждать. Роми дал тебе базу... ну, основу. Она поможет тебе освоиться. Я уверена, что наш хвостатый друг не мог ошибиться, приглашая тебя к своим. Вот и тебе не стоит в себе сомневаться.

— Я говорю о другом, Асфи.

— О чем? — Она взглянула на меня внимательно, и ее глаза на несколько мгновений приворожили. Мы так спокойно говорим о моем возвращении... О нашем расставании. Из-за этого спокойствия холодеют пальцы.

— Меня не отпустят к исследователям, — голос прозвучал хрипло. Руки едва удерживали вещи, а те никак не хотели укладываться в сумку.

— Кто? — Асфи не то удивилась, не то пыталась утаить злость.

Я пожал плечами, называя первое существо из длинного списка:

— Да та же матушка.

Видела бы она сколько я потратил монет на вещи, которые явно не переживут этот поход, точно пожаловалась бы отцу.

— Кейел, это тебе решать, а не ей.

Я усмехнулся. Если бы все было так просто...

— Асфи, ты или Роми... Я — не вы. У меня будет сын. Я верю, что у меня будет сын. И я не хочу, чтобы он был похож на меня. Его должен воспитывать мой отец.

— Спятил? То есть... — Она поиграла плечами и мотнула головой. — Кейел, это не лучшая идея.

— Ты просто не знаешь всего. — Я спрятал за улыбкой смесь грусти и обиды, оставшиеся от давнего прошлого.

Асфи отложила все вещи. Скрестив ноги, уселась удобнее и сцепила руки в замок. Нахмурившись, склонила голову набок и произнесла твердо:

— Так расскажи.

Я смотрел на нее, замерев, и внутренне терялся. Глядя на эту девушку, совсем не хотелось касаться скверных тем и снова упоминать себя дураком. Кончик ее курносого носа покраснел и шелушился — отметилось злостью Солнце. Щеки тоже обгорели, и теперь алели. Асфи никогда не будет смуглой. Выходит, в других регионах, которых не касается гнев Солнца, краснота с кожи сойдет. У Асфи кожа не была такой бледной, как у Лери, и на ощупь не настолько бархатная, однако ее все равно хотелось гладить, трогать, ощущать. Даже теперь...

— И почему ты думаешь, что будет сын?

Я смял в кулаке плащ, на котором сидел, удерживая желания. Беседа не располагала к нежностям.

— Не знаю, но я уверен, что Лери подарит мне сына, — мягко пояснил я, стараясь не задеть Асфи. Но ее равнодушие в этом разговоре вызывало обиду и злость. Почему она так спокойно слушает о Лери и говорит о ней? Неужто совсем ничего для нее не значу? Узнала получше, сравнила с Вольным и поняла окончательно, что не я ей нужен. И другого избранника не любила, но была с ним. Она его совсем не ревновала, именно поэтому и поняла, что не любила. И меня совсем не ревнует... Я тоже сел удобнее, упираясь руками в землю, и тверже добавил: — Я хочу сына, Асфи, и у меня будет сын.

Прямого взгляда она не выдержала — отвернулась. Потерла шею и, снова сцепив руки в замок, продолжила злиться:

— Тогда отдавать его твоему отцу на воспитание тем более нельзя, — сказав тихо, улыбнулась неловко.

— Я не смогу воспитать в нем мужчину.

Она вскинула брови высоко. Чему удивляется?

— Лери винит во многом моего отца, — пояснил я. — В том, как ко мне относятся в деревне. Считает, что ему нельзя было так часто позволять деду со мной общаться. Дурное воспитание от него... Винит и за то, что именно отец рассказывал всем о скверне, живущей в моей голове. Если бы он не выносил это из дому, то сельчане бы ничего не знали, а меня можно было бы избавить от скверны тихо.

— Каким же образом? — Асфи, поморщившись, резким взмахом руки отбросила за спину волосы.

— Разговорами, убеждением в моей неправоте, перевоспитанием. Асфи, Лери не любит, когда кому-то делают больно. И отца моего она поэтому и винит, что его слова поселили ненависть ко мне в окружающих.

— И теперь ты боишься повторения истории? — Взгляд карих глаз уколол, а в голосе послышалось ехидство. — Поэтому хочешь, чтобы воспитанием с рождения занимался кто-то, у кого не будет поддержки скверным мыслям?

Почудилось, будто она перевела тему. Или не почудилось?

От мысли, что она все-таки не хочет обсуждать Лери, на душе становилось легче. Все же человек я

плохой. При возлюбленной, которая носит нашу жизнь в себе, желать ревности другой девушки... Дурно это. И дурно то, что я послушал Роми, что нашел себе оправдания, и сблизился с Асфи. Мерзко.

Я молча кивнул.

— Тогда отдай парня в гильдию. Знаешь, я стараюсь не давать тебе советов, потому что... Бед от меня больше, чем пользы, куда уж мне советовать кому-то как жить? Но в этот раз удержаться невозможно. Кейел, не доверяй своему отцу. Это не тот человек, которому можно доверить самое ценное, что есть в жизни. Извини, но я бы ему и ботинки свои почистить не доверила. Черт... — Тряхнув волосами, шепнула недовольно. И, насупившись, взглянула на меня виновато: — Прости, пожалуйста. Зря я так.

— Отдать в гильдию — замечательная идея, — улыбнувшись, ответил я.

Стало очень хорошо — я ей точно не безразличен. Стало непросто хорошо. Тепло разлилось по груди, передало силу рукам, вызвало желание улыбаться как можно шире. Опять захотелось обнять Асфи, прижать ее голову к плечу, вдохнуть аромат хвои, впитавшийся в ее волосы из мыла, ощутить девичью хрупкость в своих руках и, крепко удерживая, вспоминать, какая сила таится за обманчивой внешностью.

— Вот и поступи так.

— Мне не отдадут сына. — Мысли о предстоящих проблемах потеснили чувства к Асфи. — Я много раз ругал духов, Асфи.

Она оскалилась едва заметно и отвернулась, позволяя любоваться профилем.

— Ты же сам выступаешь против этой чуши.

— Именно это и не позволит мне ни забрать сына, ни вступить в гильдию исследователей. Если я попытаюсь забрать Лери с ребенком из Солнечной насильно, то мои же родители пожалуются в гильдию Справедливости.

— Они били тебя! — прошипела Асфи, вперившись в меня яростным взглядом. — Духи заступятся за тебя.

— Нет. — Я покачал головой и облизал пересохшие губы. С каждым проговоренным словом невидимая тяжесть наваливалась на меня сильнее. — Ты права: духи заступятся за меня, но только за то, что меня ударили первыми. И моих родителей, соседей, возможно, даже Лери накажут. Лишь духам будет известно, какое наказание их ждет. Я не смогу наказать одних и защитить других. Потребую наказания — оно затронет всех. И другая причина — меня тоже могут потребовать к ответу. Ведь моя скверна спровоцировала существ на ненависть.

Асфи округлила глаза и приоткрыла рот. Теперь она была похожа на маленькую девочку, которая впервые увидела какое-нибудь чудо, которое творят духи.

— Безумие, — ее голос потерялся в шелесте трав.

— Асфи, если меня заставят клятвой подтвердить мои рассуждения о законах духов, о послушании им... О многом, о чем я говорил, тогда меня наверняка выгонят из регионов. Я стану изгоем.

— Ромиар сказал, что гильдия исследователей...

— Ромиар — беловолосый шан'ниэрд. Слышала бы ты, как он рассуждает о спасении таких, как я. Они... как это правильно сказать? Возносятся в собственных глазах, когда помогают немощным.

— Самоутверждаются, решая чужие проблемы, — поняла она. — Не думаю, что это так. Он искренен. И это говорю я — та, кто готова чихвостить его за любой его небрежный взмах хвоста. — Асфи усмехнулась, явно пытаясь развеять обстановку шутивным высказыванием.

Я не мог не улыбнуться ей. И продолжил говорить с улыбкой, хоть в душе назревало осознание, что в моей жизни близится огромная беда. Как я справлюсь с ней?

— Асфи, я не буду рисковать Лери и сыном, полагаясь на поддержку исследователей. Я не такой дурак, чтобы понимать, что они не пойдут против всего Фадрэгоса, защищая жалкого человека. И изгоем быть не хочу. О севере и северянах мне доводилось слышать жуткие вещи.

Жалостливое выражение лица Асфи навело на мысль, что и в этом вопросе все неоднозначно, но расспрашивать в этот миг о севере не хотелось.

— Я сам себе противен, — признался, и словно камень с души рухнул. — Я очень хочу, чтобы

существа в жизни полагались только на себя, а сам от духов отказаться не могу. Я не обладаю той силой, какой обладают васоверги. И я не такой, как ты, Асфи. Я слабый человек. Душой слабый. Мне страшно, что если я отрекусь от духов, то за меня больше некому будет заступиться.

Разговор прервали васоверги громким хохотом. Они дружно поднялись и отошли в сторону, где поляна позволяла размахивать плетьюми. Асфи, наблюдая за ними, хмурилась и кусала губу. О чем думает? Я проследил за ее взглядом, и увидел Дарока, по-хозяйски оценивающего пространство вокруг себя.

Возникающие в голове вопросы застревали в горле уже на первых словах. Желание продолжать беседу исчезли. Одолела ревность... Ревность к той, кто не ревнует меня. Ревность к свободной девушке. А Лери?..

И в мыслях мигом образовалась пустота. Пропать. О Лери и думать не хотелось.

Наверное, с Асфи пора прекращать все, пока не зашло слишком далеко. Пока увлеченность и удовлетворение плотских желаний не переросли в сильные чувства.

Решение, как надо действовать, возникло в голове мгновенно, но мигом принесло боль и страх. Преодолевая их, я вытащил деревянную фигурку, отыскал маленький нож и принялся обтачивать формы. Уже к закату закончу.

Асфи, наконец-то, оторвала взгляд от васоверга — будущего вождя, важного существа в Фадрогесе, — и обратила внимание на меня. Тепло, словно мотылек, вспыхнуло в груди мимолетно, пронеслось по крови, принося легкость. Но ледяная тяжесть задушило и размазало это тепло с особой жестокостью, когда Асфи равнодушно отвернулась и как ни в чем не бывало продолжила возиться с вещами.

И верно. Мне давно пора насытиться свободой и остановиться. Почему бы не теперь? Пока еще не поздно.

Асфи

До вечера я разгребала дела. Вот казалось бы, откуда им взяться? В походе, в жизни без прошлого и будущего, по сути, в пустоте. А они брались. Рождались в желании учесть все риски и застраховать жизнь каждого, кто мне доверился.

Пришлось снова перебрать зелья, чтобы в них запросто могла разобраться Елрех, когда это может понадобиться экстренно. Мало ли что произойдет тут, пока меня не будет рядом.

Насчет еды я не беспокоилась — никто из взрослых существ, окружающих меня, с голоду точно умирать не собирался. Только если Роми, но его не кинет Кейел, да и Елрех...

Роми я написала огромное письмо. Дождалась, когда Кейел — отчего-то злой и расстроенный, возможно, разговором, — отойдет, а сам рогатый исследователь задремлет, и осторожно стащила у него несколько листов афитакской бумаги, чернила и палочку для письма. Спрятала все за пазуху и под предлогом прогулки и желании побыть одной удалилась как можно дальше от лагеря.

Долго думала, что написать...

Крутила, вертела листы, макала кончик палочки в чернильницу и застывала над чистой поверхностью, не решаясь марать ее.

Что писать-то?

Хотелось многое, но требовалось только нужное. А что нужное?..

Я вернусь?

Или... В случае, если не вернусь?..

И снова — или...

Голова разболелась. Ветер гнул листы, которые я прижимала к неровному камню. Чернила на кончике высыхали быстро, и приходилось макать палочку в них снова и снова. В какой-то момент слова сложились в предложения порывисто, будто меня, наконец-то, осенило и прорвало.

Написанные записи высохли. Я сложила их, спрятала обратно за пазуху и поспешила в лагерь.

— Нагулялась? — поинтересовался Дарок, когда я вышла к костру.

В вопросе слышалось что-то странное... Будто он содержал подкол. Ехидство? Вот уж не думала, что только из-за Холмов грез между нами пробежит огромная черная кошка.

— Прекрасные места, — отмахнулась я, отыскивая взглядом остальных.

Все были невредимыми, здоровы — большего и не нужно. То, что Елрех опять с закатом сидит дальше ото всех, прячась в тени кустарников, раздражало, но понимание такой необходимости успокаивало. Ромиар разворотил сумку, видимо, разыскивая украденное.

— Что-то потерял? — спросила я, подходя к котелку с кашей и посуде. Стоит ли поесть?

— Потерял, — с досадой ответил шан'ниэрд и откинул беловолосую косу за спину. — Чернильницу и афитакскую палочку. Видимо, забыл на прошлой стоянке, или выпали по пути.

— Больше не осталось? — изобразила я изумление.

Поесть бы надо, вот только аппетита совсем нет. Вдруг мои предположения и надежды ошибочны? Тогда и Роми умрет, а Кейел...

Стиснула на секунду кулаки, прогоняя ужасные сомнения. Они не спасут и не помогут. Нужно действовать, как запланировала. Будто у меня есть другой вариант. На-до. Все!

— Запасные есть, — отозвался Роми.

Тогда зачем усердно разыскивает украденные? Еще бы скандал тут закатил... Взял бы запасные, раз так не терпится что-то записать.

— Удивительно, что ты раньше все не растерял, — влезла с издевкой Стрекоза.

Васоверги широко заулыбались. Лиар, судя по всему, прекрасно понимающий Роми, свесил голову на грудь и интенсивнее стал вычищать когтями грязь из-под когтей. Кейел не отвлекся от книги ни на секунду. Конкретно эту он перечитывал уже в третий раз. Что в ней особенного?

Под разгар новой беседы я решительно отошла от еды и направилась к своей лежанке. Взглянула на широкую кучу веток и замерла с плохим предчувствием. Ветки частично укрывал мой плащ, а часть была пуста. Я украдкой оглянулась и только теперь заметила, что Кейел соорудил себе отдельную лежанку.

Горло сдавило, во рту пересохло. Я попыталась усесться, словно ничего не случилось, но не смогла сдвинуться с места. Пользуясь тем, что костер освещает мне спину, а лицо укрыто в полумраке сумерек, зажмурилась и сильно сжала губы. Только бы не разреветься глупо.

В голове прокрутился дневной разговор о Лери, об их ребенке, о планах Кейела... Руки задрожали.

Пару раз глубоко вдохнув, я сумела взять себя в руки. Быстро устроилась на лежанке, отвернулась от костра и укрылась. В конце концов, у меня есть вопросы серьезнее моего предстоящего одиночества. Нужно раздобыть последний ключ и провести всех через ловушки в сокровищницу. Никто не должен погибнуть.

Беспокоили слова Кейела о том, что его попросту не отпустят в город и в гильдию. В первое мгновение я даже всерьез задумалась о предложении Дарока с воровством Лери, но быстро сообразила, что это ничем не поможет. Надежда была только на Роми. Рогатый должен что-то придумать, чтобы вытащить и Кейела, и Лери из чертовой деревни. Поэтому я решила сначала вернуть Роми память о прошлой жизни, а потом обдумать с ним варианты, чем помочь Кейелу. Его необходимо защитить.

— Рано ложишься спать, Асфи, — протянул Дарок. — Следующим рассветом ведь еще отдыхаем тут. Ты сказала, что надо набраться сил.

— Да, надо. — Я натянула одеяло до подбородка. — Но я хочу спать.

Спать не хотелось. Тем более тоска толком не проходила. Значит, Кейел поставил точку. Немного раньше, чем я планировала. В итоге я оказалась не готова.

Я крепче закрыла глаза и попыталась уснуть.

Кейел

Трудно вслушиваться в слова разговора, когда все мысли об Асфи. И невозможно читать — текст попросту расплывается перед глазами. Но я крепко держал книгу и пытался дочитать хотя бы одно предложение. Их смысл все время ускользал.

Перевернув страницу, я задумался о Лери. Попробовал вспомнить ее смех. Кажется, сумел. Попытался вспомнить поцелуи — и зашевелил языком во рту, невольно вспоминая поцелуи Асфи. Пришлось постараться, чтобы снова представить перед глазами Лери. В голове образом возникла наша последняя беседа. Будет ли Лери опять требовать меня убить уродов?

Хоть бы простила...

Представил, что простила. И вот живем вместе, в доме моих родителей, как я всегда хотел. Я могу обнимать ее перед сном и называть ласково любимой... Целовать ее на рассвете, смешить и любоваться.

Я ждал, прислушиваясь к себе. Но ничего не происходило. Былая радость от таких мечтаний не охватывала, как происходило раньше.

Совсем скоро я вернусь к Лери. Так сказала Асфи. Немного осталось... Потерпи немного.

Сердце сжалось, уши заложило. Я закрыл книгу, бережно обернул ее в кожу и засунул в сумку. На миг задержался на лежанке, которую подготовил для себя, пытаюсь остановиться и поступать правильно, но поднялся. Одновременно с приливом затаенной радости ощутил тревогу. А вдруг Асфи сейчас оттолкнет? Она ведь не глупая, все поняла. Просто ей все равно.

От последней мысли накатила досада.

Я лег позади Асфи, пробрался под одеяло и обнял ее за талию. Затаил дыхание, когда она быстро перевернулась ко мне лицом. От испуга пробрал озноб. Но Асфи лишь обняла, уткнувшись носом мне в грудь. И меня отпустило. Я запустил пальцы в ее волосы, прижал крепче голову к себе и поцеловав в лоб, прошептал:

— Пусть духи уберегут твой сон от кошмаров, Асфи.

— И тебе добрых снов, Кейел, — тихо ответила она и дотянулась губами к моему подбородку. Нежно поцеловала и шепнула: — С тобой теплее.

Воздух стал слаще.

— Ты куда? — прошептал я, чувствуя, как Асфи осторожно вылезает из-под моей руки.

— Тише, спи. Я по нужде. Приспичило.

Я приоткрыл глаза, прикидывая время. На небе вовсю сияли духи, Луна единолично владела Фадрагосом.

Асфи чмокнула меня в щеку, в губы. Хотелось ответить, но глаза слипались, клонило дальше в сон.

— Давай скорее. И возвращайся, — поторопил я девчонку и зевнул.

Она угукнула и погладила меня по голове, окончательно усыпляя.

Холод пробрался под одеяло, тронул шею, пощекотал грудь под рубахой. Я зябко поежился и попытался прижаться к Асфи ближе. Куда она отлегла?

Грудь ни во что не уперлась, рука прощупала под плащом остывшие ветки. Я нахмурился, вспоминая, что Асфи разбудила меня и отошла. Как давно это было?

Приоткрыл глаза. Сизое небо едва загорелось лиловой дымкой. Духи погасли, Луна исчезла из виду в ожидании рождения Солнца, вокруг стояла тишина. Недоброе чувство кольнуло сердце.

Я быстро сел и осмотрелся.

Васоверги спали, но вот-вот должны были проснуться; они никогда не пропускали ритуал на рассвете. Остальные кутались в одеяла, наверняка собираясь проспать чуть ли не до пятого шага Солнца. В кострище тлели угли, отдавая последнее тепло. Асфи нигде не было.

Лес отдыхал. Молчали птицы, ветер будто тоже дремал. Молочный туман поднимался в низинах, копился в кустарниках. Тишина казалась незыблемой. Я ждал, что хрустнет ветка, и вскоре откуда-нибудь появится Асфи, но ничего не происходило. Мивенталь бесшумно скользнули в виде волка

между деревьев; этой Луной никто не беспокоил нас. Сообщили бы мне духи, если бы с Асфи что-то случилось?

Тревога нарастала. Но чем дольше я осматривался, тем сильнее она сходилась на нет. Сумка Асфи была на месте, плащ мялся на лежанке. Выходит, она где-то поблизости. Я поднялся и отправился осматривать окрестности.

В высокой траве прятались сгнившие ветки и упавшие плоды дикой груши. Первые хрустели под ногами, мешая слушать лес, вторые трескались, превращаясь в скользкую кашу. В низинах уплотнялся туман, холодил густой влагой неприкрытую одежду кожу. Ветки деревьев осторожно прикасались к плечам, листья шептались над головой. Я обошел лагерь, но Асфи не заметил. Вернулся на поляну с надеждой, что мы попросту разминутся, и она уже вернулась. Но наша лежанка пустовала.

Пришлось вернуться в лес и потревожить Мивенталь. Волк при первом же тихом обращении выбежал из кустов и потрусил ко мне.

— Приведите меня, пожалуйста, к Асфи, — почесывая духов за ухом, попросил я.

Зеленые глаза взглянули с укором. Волк отступил и, мотнув головой, прильнул к земле. Фыркнул недовольно и направился в сторону. Я с облегчением поспешил за ним.

Вскоре волк привел меня к опушке леса и сел. В растерянности я обошел каждый куст. Отступившая совсем недавно тревога обратилась в ледяной страх, сковывающий сердце и мешающий вдохнуть. Несмотря на понимание, что я разбужу всех в лагере, все-таки сложил ладони лодочкой вокруг рта и крикнул:

— Асфи!

Эхо не заставило ждать. В разных сторонах одна за другой вспорхнули птицы. И все...

Стоя в полной тишине, я видел, как макушки деревьев, подсвеченные сизой дымкой, медленно пришли в движение и вскоре закружились. Птицы черными точками пересекали светящее небо. Через миг их стало так много, что показалось, будто без рассвета Солнца наступило время Луны. Незримая тяжесть заставила пошатнуться и отняла силы, но я устоял. Закрыв глаза и стиснул кулаки.

Асфи исчезла.

Асфи

Все же духи Предков замечательные. Ночью я проснулась на чистом упрямстве, а ведь безумно хотелось спать. Потом боялась сильнее потревожить Кейела, поэтому даже плаща не прихватила. Долго шла в ночном холоде в кожаной куртке, обнимая себя за плечи и стуча зубами. Кляла мысленно всех духов и несносный Фадрогос. Только когда отошла на безопасное расстояние от рощицы и убедилась, что слезки нет, что Мивенталь не завьли, сдавая мое бегство, — что все прошло хорошо, — я разулась. Тогда дорога пошла проще: я перестала спотыкаться, быстро согрелась и, естественно, повеселела. Однако все равно зевала и хотела спать. И вот духи Предков, пока духи ветра переносили меня от одного священного кольца к другому, насытили меня бодростью, да и голод утолили. Даже очнулось идиотское любопытство: если буду умирать с голоду, такие перемещения спасут организм от истощения?

Крадучись убежала еще в ночь, а уже с рассветом разглядела в пожухлой траве и грязи серые камни священного кольца отвратительного региона. Ишафи несли меня, бестелесную, прямо к ним.

Кейел

— Чего раскричался, беспокойный человек? — Елрех встречала меня на подходе к лагерю. С прогалины виднелась поляна с вещами и костром. Полукровка маячила передо мной, настойчиво перехватывая мой взгляд и мешая узнать, не вернулась ли Асфи. — Куда подевалась наша человечка? Что с ней произошло?

Коротким сильным выдохом я опустошил легкие. Зажмурился от острой боли в висках. Не вернулась...

— Говори же, нерасторопный человек! — Елрех впервые за время нашего знакомства схватила меня за запястья и стиснула так крепко, что прищемила в складках одежды кожу. В серых глазах нарастал страх. — Куда подевалась Асфи? Ты ее обидел?!

— Не знаю! — Я отшвырнул ее руки и услышал тихий рык — Ромиар, прислоняясь к дереву, наблюдал за нами и скалил клыки. Его неуместное осуждение и реакция на то, как я повел себя с Елрех, лишь разозлили. И такую злость я никогда не знал прежде, пока не повстречал Асфи. Эта злость приходила ко мне дважды: когда грязный васоверг избил Асфи и теперь. Эта злость клокотала в горле, жгла руки, заставляла суматошно оглядываться в поисках, на кого ее можно выплеснуть. Порывисто склонился к Елрех и проговорил, не узнавая собственного голоса: — Я никогда не обижу ее, полукровка.

Елрех раскрыла широко глаза и попятилась. Ромиар, пошатываясь без посоха, быстро преодолел расстояние от дерева к Елрех и встал перед ней. Неужто от меня защищает?

И хоть в груди образовалось пекло, я бы никогда не причинил вреда Елрех.

— Духи с тобой, разъяренный человек! — воскликнула она, топчась за спиной Ромиара. — Я, как и ты, волнуюсь. Только и всего. Ты на весь регион кличешь Асфи, а ее и тут нет. Мне, как и тебе, важно разобраться, куда она подевалась!

— Я не знаю. — Злость не удавалось унять. Тем более подоспели и васоверги.

Я воззрился в глаза цвета стали, спрятанные глубоко под кустистыми бровями. А вдруг этот урод убил ее? В последние рассветы Дарок смотрел на нее как на заклятого врага. Мог ли он убить ее? Была ли цель? Могла быть.

Могла...

— Тварь, — процедил я сквозь зубы. Челюсть свело от напряжения.

Васоверг вскинул подбородок и нахмурился сильнее. Большие рога зацепили ветки орешника, и те треснули. Елрех и Роми стали смотреть на него с растерянностью.

Как они не понимают?..

— Трус, — не сдержал я следующего ругательства, и Дарок склонился, будто готовился к прыжку. Из-под мясистых, изуродованных шрамом губ, показались клыки.

— Попридержи язык, деревенщина, пока я не свернул твою шею.

— Ты убил ее.

Елрех ахнула. Хвост Роми задел мое колено. Троица приспешников будущего вождя обступили его, готовясь дать отпор.

— Зачем же ты ее убил? — тихо обратилась к нему Елрех.

— Я не трогал ее.

— Вранье! — Не удержав себя, я шагнул к нему. Из рукавов курток тихо выпали плети. Благоразумие заставило остановиться. Хотелось кричать, но я всячески снижал интонацию, и от того хрипый голос не звучал, а резал воздух: — Ты трусил идти в Холмы грез! Все это заметили. Ты готов был отказаться от всего, чтобы только избежать смерти. Признавайся: ты убил ее, чтобы прекратить этот поход? Ты убил ее, чтобы у старого вождя не осталось и призрачного шанса найти того, кто знал бы, где сокровищница Энраилл. Ты убил ее, потому что она отказывала тебе. Говори!

— Он не убивал ее! Угомонись, человек! — Стрекоза кошкой выскользнула в центр нашего собрания, потрясая в воздухе листом. И с елеинной улыбкой сообщила: — Вот ее послание. Исследователь, она тебе писала. И даже не задумалась о тебе, человек.

Злорадный смешок не оскорбил. Сердце заколотилось, воздух поцарапал горло. Я сорвался с места и вырвал послание из рук эльфийки. Буквы какое-то время расплывались кляксами.

— Где ты его нашла, удивительная эльфийка? — воодушевленно поинтересовалась Елрех. — Когда?

— В вещах исследователя. Только что.

— Ты копалась в моих вещах?

Я тряхнул головой, сморгнул пелену и, наконец-то, прочел:

«Нас слишком много. Вы будете шуметь и мешать. Верь мне, Роми, я знаю, что делаю. Ни в коем случае не следуйте за мной. Пустишь остальных в Холмы грез — убьешь меня. Встретимся у Ядовитого дракона, который лежит окаменелостями в Древнем лесу. Я приду. Обязательно приду.

Но если все же вы меня не дожждетесь, то отправь в Холмы грез Стрекозу и Лиара. Они быстрые и очень осмотрительные. На прямом маршруте от Колодца к священному кольцу будет ключ. Я сделаю все, чтобы доставить его как можно ближе. Но я уверена, что вернусь.

Верь мне. Я вернусь»

Дочитав, хотел перечитать еще раз, хоть и с первого раза все послание отпечталось в памяти и облегчением, и обидой, и желанием верить Асфи.

— Дай сюда! — Дарок отобрал письмо и, морщась, стал рассматривать.

Кажется, руны общего языка он понимал плохо, но все-таки понимал. Смял лист в кулаке и сразу разжал руку. Послание упало в траву. Охватило дикое желание поднять его, распрямить и спрятать за пазуху, пока кто-то другой не отобрал его снова. Однако Дарок, бросившись к лагерю, растоптал бумагу.

— Стрекоза, остаешься! — на ходу приказал он, исчезая за деревцами и вынуждая всех следовать за собой. — Соберешь все вещи, которые останутся тут.

Резко остановился и ухватил за воротник эльфийку. Та от неожиданности пискнула и вытянулась стружкой. Прикипела испуганными глазами к его глазам.

— И только попробуй, дрянь лесная, что-нибудь стащить. Я тебя в землю живьем зарюю.

— Не трону! — полушепотом пообещала воровка. — Ничего не трону!

Дарок оттолкнул ее и, возобновив шаг, продолжил распоряжаться:

— Ты остаешься за главную. Шан'ниэрдка, ты тоже остаешься тут, — произнес, глядя перед собой, но все поняли, что обратился он к Ромиару. — Только тормозить нас будешь. Глазастая с нами! И ты, — рыкнул, оборачиваясь ко мне. Я выдержал несколько мгновений его суровый взгляд, и готов был выдерживать еще долго, но он произнес: — Пойдешь с нами и будешь звать беспутную девку так же громко, как звал недавно. Чтобы она поджала свою безрассудную смелость и примчалась к тебе сразу, как только услышит.

Харкнул мне под ноги, распалая едва притихший гнев, и тронулся с места. Я ждал, пока злость уймется. Вспоминал строки, что оставила нам Асфи. Вспоминал ее вранье... Она говорила так легко о предстоящем отдыхе, что никто не догадался об обмане. Никто не предполагал, что она оставит нас, а сама уйдет, как уходят воры.

Она целовала меня спросонок и врала...

Отчего так больно? Наверное, от того, что я верил ей. Верил всему, что она мне говорила. Даже не задумывался над тем, как доверял. И вдруг просыпаюсь, а ее нет. Ушла в тот регион, которым взрослые пугают друг друга сказками у костров.

Наконец пришло осознание, что Дарок собрался в Холмы грез.

Я бросился в лагерь вслед за ним. Выскочил на поляну. Стрекоза с Лиаром сидели над вещами васовергов и о чем-то тихо переговаривались. Ромиар хмурился, собирая свои вещи. Дарок был уже далеко. Его силуэт быстро таял, как и силуэты остальных, подсказывая, что они не идут, а бегут.

— Роми! — Я метнулся к исследователю. Желтые глаза посмотрели на меня с усталостью. — Асфи написала, что мы убьем ее, если пойдем следом за ней!

Он задумался. Мое сердцебиение расшатывало меня.

— Так и написала? — выгнул белые брови. Я кивнул. Возвращаясь к сбору вещей, Роми безразлично произнес: — Значит, убьем.

Ноги понесли меня за Дароком прежде, чем я задумался, стоит ли и в этот раз верить Асфи. Но в голове всплыла беседа с Кхангатором... Он обещал Асфи выполнить многое в ближайшее же время, как только они заключили сделку. В Холмах грез ни в коем случае нельзя шуметь.

Асфи

Отвратительный регион.

Воздух будто был пропитан запахом крови. Босые ноги вязли в бурой грязи, но ступали мягко, почти беззвучно. Туман обступал плотно, при каждом вдохе утяжелял легкие влагой. Изморозь садилась на лицо, склеивала ресницы. Затянутое небо казалось безоблачным, но между тем за серой мглой не просматривалось и намека на солнце.

Вдали показались очертания знакомых холмов, и я оцепенела. Глаза остекленели, и их невозможно было ни закрыть, ни отвести в сторону. Тут умирала малышка. Моя бедная девочка, считающая меня чуть ли не божеством. Кем я была для нее? И когда отпустит вина за то, что она была для меня всего лишь средством достижения цели. Любила ли я ее? Жестокая хозяйка, которая отмахивалась и раздражалась всякий раз, когда девчонка искренне пыталась добиться моего расположения. Одно радует — у меня хватило силы убить ее быстро.

Оцепенение спало. Оковы, сжимающие сердце, либо разбились, либо сердце снова окаменело, и ему уже ничего не было страшно. Дышать стало легче.

Впереди ждала суровая дорога. Надеюсь, Кхангатор успел перекинуть сюда каменных великанов. Если их не брал даже огонь драконов, то наверняка им не страшна и магия нечисти. Под крепкую шкуру не проберется ничего. Пусть бы оказалось так. Тогда огромные создания, не терпящие ни малейшего шума и существ поблизости чуть больше птиц, станут моими союзниками. А если Кхангатор не смог перекинуть их сюда, или магия нечисти сумела пробраться под каменную кожу, то...

Тряхнула волосами и улыбнулась. Видя, торчащую из земли кость перед собой, намеренно шагнула на нее — стопа встала на ровную поверхность.

Как бы ни был тернист путь, все получится.

Кейел

Догнать их удалось почти у самого священного кольца. Перехватив покрепче топор, я заступил им путь.

— Ты убьешь ее!

— Эта баба сама подохнет скорее! — выплюнул Дарок, собираясь обойти меня.

— Ты читал послание! — не позволяя я ему пройти, мысленно готовясь к удару. Что стоит такому воину отмахнуться от человека? — Она написала, что мы убьем ее, если последуем за ней!

— Брехня! — Дарок внезапно остановился; его лицо перекосило от злости. — Ты веришь ей, человек? Ты до сих пор веришь этой девке?!

— Она просила Кхангатора драконом освободить регион Каменных великанов от этих самых каменных великанов, — удивленно проговорила Елрех, стоя в стороне от нас.

Дарок нахмурился и посмотрел на нее.

— Я только вспомнила об этом. Хитрая человечка! — восхитилась фангра, повернувшись к священному кольцу лицом. — Я тогда и подумать не могла, что она указывает регион Холмов грез, чтобы намеренно облегчить нам задачу. Говорила, что это единственное место, где великаны мешать никому не будут, и что за такое решение великого вождя все только поблагодарят.

Дарок фыркнул и поморщился сильнее. Норкор с тупым взглядом поскреб грязную щеку. Архаг и Гахсод переглянулись.

— Получается, ты нам там не нужен, — заявил Дарок. Смердное дыхание заставило отвернуть голову. — Побереги голос. Будешь надирать его тут, когда я верну безмозглую женщину. Тебе придется ругать ее и рассказывать, как ты едва от страха за нее не обделался. Может, хоть это ее образумит.

— Ты не пройдешь.

Пришлось распрямить плечи, вставая перед ним. Глупость собственного поступка изумляла меня. Да и не только меня. За широченной спиной своего вождя изумленно переглядывались васоверги. Дарок снова шагнул ко мне ближе, и почудилось, будто земля под этим шагом ощутимо просела. Когда его лицо приблизилось к моему, я приложил все усилия, чтобы ни единый мускул не дрогнул. В руке скрипнуло топориче.

— Ты хорошо ее знаешь, человек? Достаточно хорошо, чтобы доверять всему сказанному ею? Или, может, она сказала тебе, кто она? М? Сказала? — тихо спросил васоверг, будто не хотел, чтобы услышали остальные. Помолчал, словно давал мне время на размышления, а затем резко отступил и громко пообещал: — Будь по твоему, слюнтяй! Но если с дурной женщиной что-то случится, я наведу в Солнечную и вырежу всю твою деревеньку.

Сплюнул под ноги и зашагал обратно к лагерю.

Асфи

Удивляло, как в таком омерзительном месте, умудрялись вырастать кустарники и трава. Да, чахлые, пожухлые, будто в Фадратосе существовала осень. Именно здесь. Но ведь как-то все это росло. И на ветвях высоких кустарников то и дело сидели птицы. Ни живые и ни мертвые. Нежить. Только тут я поняла истинный смысл такого глупого слова. На Земле о нем и задумываться не приходилось.

Бесшумную поступь пришлось прервать. Первая встреча с крупным представителем нежити представилась как нельзя вовремя. Сила Вестницы привлекала удачу. Я как раз добралась до каменного доказательства того, что Кхангатор умеет держать свое слово.

Существо, явно претендующее на образ разумного, состояло из блекло-зеленых волокон силы. А еще отчасти из пожелтевших ребер, на которых то и дело виднелась грязь и с которых свисала трава. У него была нижняя челюсть с несколькими уцелевшими зубами и напроочь отсутствовала остальная часть черепа. Подгнивший глаз — кажется, крупного животного, — был зацеплен за большой зуб.

Я скривилась. Нагнулась, зачерпнула пригоршню отвратной грязи, слепила комок плотнее и бросила в зачаток нежити. Комок угодил в ребра. Стоя на одной лишь безумной силе магии, нежить покачнулась. Позвонки шеи треснули по челюсти, и та покосилась, но не упала. Многоголосый рев раздался незамедлительно. Ужасное нечто поковыляло ко мне.

По земле прошла дрожь, передалась через босые ступни мне. Гигантский камень открыл глаз. Поводил им из стороны в сторону, заметил того, кто посмел потревожить сон. Вскоре поднялся лениво, и мое сердце ушло в пятки. Как бы ни помнила я размер этих существ, все же восхитилась и ужаснулась им снова. Огромная нога сбила нежить, будто пластмассовую игрушку. Челюсть упала-таки рядом, и великан с силой топнул по ней. Зеленые сгустки силы развеялись от ноги в разные стороны и впитались в землю. Великан осмотрелся уже двумя глазами.

Я не дышала, не двигалась — сама превратилась в камень.

И десяти секунд не прошло, как гигант, сотрясая землю, выбрал себе новое место для сна. Присел на корточки, принял странную позу, заламывая себе руку за головой, а вторую поджимая коленями, а через миг закрыл глаза. Теперь в нем трудно было разглядеть хоть что-то, кроме обычного огромного валуна.

Улыбнувшись, я возобновила бесшумный шаг.

Кейел

В одиночестве было легче и сложнее одновременно. Елрех какое-то время пробыла со мной, попыталась приободрить какими-то словами, но я не мог вслушиваться. Понял о добром намерении полукровки только по интонации. А затем ушла и она.

Я добрел до священного кольца, удерживая топор в руке. Размышляя над словами Дарока. О чем Асфи не сказала мне? Кто она? И почему она сказала об этом ему, а мне нет? Чем я заслужил ее недоверие ко мне? Всегда казалось, что я выказывал ей все, чтобы она понимала, что может полагаться на меня во всем и всегда. Тогда почему Дарок знает о ней что-то большее, чем я?

Хотел войти в священное кольцо и отправиться в Холмы грез. Но застыл, вспоминая наставление на листе. Можно ли верить тому, что написала Асфи? Этот вопрос заставлял врасплох и разрывал душу на части.

Оставшись на внешней стороне границ кольца, я подступил к высокому камню и, навалившись на него спиной, сполз. Усевшись, обхватил топориче двумя руками, уперся им в землю. С оружием в руках спокойнее не становилось. Душа болела так, как не болела даже в детстве, когда я понял, что родители пытались убить меня, зная, что вскоре у них появится другое дитя. Наверное, они не хотели, чтобы я воздействовал на него своей скверной. Я понял это еще тогда, когда не мог ходить без помощи знахарки. Понял и даже мог принять, уложить в голове, как дрова. Одна весть на другую, колко, с занозами, но в порядок, который держался плотностью и тяжестью этих вестей. Тогда с тягостным чувством удалось принять то, что меня хотели заменить другим дитем — лучшим, чем я.

А в этот раз не получалось. В голове ничего не укладывалось. Вольный, Дарок, ее бывший жених из другого мира, я... Кто ей важнее? Почему она говорит одно, делает другое, а чувства проявляет не подходящие ни словам, ни делам? Кто она?

Не погибнет ли в Холмах грез?..

Глупец. Зачем отговорил васоверга идти за ней?

Асфи

О времени в этом регионе можно было забыть. Светлый сумрак владел оскверненными местами, путая раннее утро с поздним вечером. Всю дорогу приходилось развлекать себя воспоминаниями. Несложно догадаться, о ком я думала, желая отвлечься от омерзительных пейзажей. Как там Кейел? Надеюсь, не волнуется обо мне.

Немного поедала грусть, когда я вспоминала Лери. Капризная и взбалмошная девчонка — это то, что я запомнила о ней. Только один раз мы беседовали, а потом виделись издали несколько раз, и никто не стремился встретиться. Избегали друг друга. Причины, я уверена, были для нас открыты на уровне подсознания.

Теперь же мне хотелось встретиться с ней в располагающей обстановке. Может, на кухне у Елрех. Заварить чаю, разрезать горячий пирог с начинкой из молочных фруктов — вечно забываю их заковыристое название, — и пусть бы сладковатый аромат наполнил тесное помещение. Хотелось поговорить с Лери по душам, убедиться, что эта девочка, когда-то давно спасшая Кейелу жизнь, не даст его в обиду. Тогда ей хватило смелости и сил, наверняка хватит их снова. Хотелось ощутить любовь Лери, которую она испытывает к Кейелу, а потом попросить ее, чтобы она никогда не смела разлюбить его. Хотелось вверить в ее хрупкие ручки самое дорогое, что когда-либо дарил мне Фадрагос, а потом отнял. Мне было важно, чтобы сердце и душа Кейела больше никогда не страдали.

Думая об этом, я дошла до огромной ямы. И не останавливаясь ни на секунду, ступила на древнюю лестницу, уводящую полукольцом вглубь колодца. Толстые ветви стелились и в земляных стенах, и под ногами, но ни один мой шаг не потревожил их покой.

Спустившись в самый низ, прошла к центру. Отсюда Роми-Вольный раскопал и вытащил воздухом сундук. Тут и надо копать.

Села на колени и ладонью расплескала ржавую, вонючую лужу из ямки. Корни заскрипели, заворочались.

— Ксанджи, — позвала я. — Тут ваше все, что найдете.

И прежде, чем гигантский корень со всего размаху пришиб бы меня по голове, огненные духи расправились с ним. На щеку мягко опустился пепел. Со всех сторон забурлила земля.

— Айссия, уберегите меня, — тихо попросила я. Незамедлительно духи укрыли меня бирюзовым сиянием.

Неподалеку раздался зловещий вой. Видимо, Ксанджи, обрадованные вседозволенностью, разлетелись в поиске добычи. Вслед за воем встряхнуло землю. Ксанджи вряд ли будут жалить то, что им не пробить. Наверное, каменные великаны теперь перебьют нежить, которая посмеет слишком громко вести себя.

Хмыкнув, я села удобнее и стала неспешно раскапывать влажную землю руками. Надеюсь, сундук закопан не слишком глубоко.

Кейел

Все давно ушли. Проходили мимо меня прямо в кольцо, и почти никто не обратился ко мне. Васоверги сделали вид, что я пустое место. Не привыкать... Ромиар бросил полупшепотом, успокаивая:

— Мы не в Холмы грез. Ты убедил всех, что это не лучшая идея.

Елрех стиснула плечо на мгновение и поспешила за остальными.

Это случилось еще до первой половины жизни Солнца. Теперь же оно не оживало и не крепло, а медленно умирало. Асфи не было.

Прислонив топор к ноге, я потер лицо и посмотрел на небо. Нет там купола. Ничего нет. Асфи сказала, что это путь в бесконечность. Где-то там висят в пустоте звезды и планеты. Другие миры... Она явилась к нам с одного из них. Это она сказала Дароку? Разве не скрывала об этом ото всех, кроме нас — меня, Ромиара и Елрех? Да и что меняет такое знание о ней? Почему Дарок решил показательно хвастаться этим в такое время?

Миры в пустоте... Асфи называла ее невесомостью, хоть миры и висят в ней. Миры в темноте, хоть и сияют так ярко, что мы способны их увидеть. Асфи говорила, что они, очень тяжелые, неподъемные, легко крутятся вокруг друг друга.

«Как в танце?» — спросил я. И она засмеялась: «Как в танце, Кейел. Как в танце... А может, и впрямь вытанцовывают друг перед другом?»

Она задумывается по-разному... Когда думает над глупым предположением, закусывает губу, сдерживая улыбку. Думая о серьезном, хмурится и обязательно один раз вздыхает глубоко. Когда обдумывает, как что-то объяснить мне, что касается мироустройства, поднимает голову, подставляя взору тонкую шею, и поворачивает голову в сторону. Я прижал пальцы к губам, надеясь запомнить особенные поцелуи. Повторятся ли они еще? Услышу ли я еще раз от Асфи, как ей нравятся мои глаза? Смогу ли сжать ее руку?

Ощувив прилив ужаса, отпрянул от камня и едва не вскочил. Застыв на корточках, упираясь ладонью в священный камень, опомнился. Нельзя следовать за ней. Она ведь написала об этом в письме. Нельзя... Все, что остается мне, — ждать.

Опустился на землю обратно. Поднял упавший топор и опять прислонил к ноге так, чтобы в любой момент запросто дотянуться до него. Затылком вжался в прохладный камень и закрыл глаза. Я дождусь ее.

Асфи

Как бы я ни спешила, но добраться к региону Ящеров удалось только к закату. Роща горела в алом горизонте. Ветер поцеловал в лицо и потрепал волосы сразу же, как только Исшафи и Итъял бесшумно отпустили меня из своих объятий в центр священного кольца. Я улыбнулась. Не спеша обуваться, стиснула в руке сапоги и направилась в сторону лагеря. Если ребята меня послушали, то там уже никого не найду, и можно будет отправляться в Древний лес.

Вздрогнула, когда краем глаза разглядела странный выступ у камня. Очень неестественный. В секунду выпустила сапоги из руки и обнажила кинжал. Набрала полную грудь воздуха, в любой момент готовясь позвать Ксанджей, но рассмотрела наконец, что это был за выступ.

Кейел, услышав, падение сапог, тоже встrepенулся и схватился за топор. Поднял на меня глаза и застыл. Ветер обдувал суровое лицо, играл русыми прядями, выпавшими из хвоста. Взор зелено-карих глаз настораживал. Откуда столько обиды и ненависти?

Нахлынул страх. Я бросила взгляд в сторону лагеря и едва не задохнулась.

— Что случилось? На вас кто-то напал? Кто? — Стоять на месте удавалось с трудом, а Кейел как назло молчал. — Кейел, где остальные?! Что случилось?

Хриплый смех пришиб к земле. Ноги налились свинцом, всю меня охватила оторопь. Что смешного?

А Кейел продолжал смеяться. Хохотал хоть и негромко, но все равно походил на безумца. Навалился на камень спиной, налег на него затылком и смеялся. Вот только глаза оставались холодными, колкими. И холод по-прежнему отдавал то ли ненавистью, то ли обидой.

Кейел оборвал смех так же внезапно, как и начал его. Выдохнул шумно и опустил плечи будто под тонной усталости. Опять посмотрел на меня, не особо поворачивая ко мне головы. Словно искоса оценивал.

— Кейел, все в порядке?

Он кивнул. Наконец-то... Хоть что-то подающее признаки разума.

Бросив топор, поднялся. Через два шага обнял меня и, словно обессилев в ногах, сполз вниз. Стоя на коленях, прижался щекой к моему животу и крепче обнял за талию. Я сглотнула колючий комочек. В носу защипало, к глазам подступили слезы. Руки сами потянулись к его голове. Лоскут ткани, которым Кейел подвязывал волосы, легко слетел. И я с удовольствием распустила хвост, запутала пальцы в волосах. Затянувшееся молчание резало по сердцу.

— Кейел, пожалуйста, скажи что-нибудь.

Он продлил муки несколько секунд, а потом сказал глухо:

— Я ждал тебя.

Глава 27. Сокровищница тайн

Кейел

В регионе Ящеров мы задержались. Асфи каким-то образом умудрилась вымазать ноги в грязи. Да и руки... Пока раскапывала сундук с ключом и куском карты. Из-за ее рук пришлось еще раз мыться и мне — вся шея и волосы после этой грязи воняли падалью. Но я лишь радовался заминке. Мы пробыли у ручья до самой Луны, после отошли от прохладной низины подальше. А к священному кольцу отправились вовсе с рассветом.

Пожалуй, лучшее время жизни, которое у меня случилось, я проводил с ней. С этой девушкой из чужого мира.

В Древнем лесу до назначенного места шли, держась за руки. Я рассказывал ей о том, как фадрагосцы пугают друг друга Холмами грез. Из-за чего-то Асфи громко смеялась, сгибаясь пополам, а из-за чего-то с печалью кивала, подтверждая, что это не выдумки.

Встречали нас с изумлением и облегчением одновременно. Кажется, никто не верил, что Асфи вернется. Неужто никто, кроме меня, не готов был ждать ее до конца? Иначе почему лагерь был разбит скупо? Так, будто существа готовы были вскоре разойтись, не прощаясь.

Всю первую половину рассвета Асфи заставляла нас играть в Наллеран. Соглашался даже Дарок, который так и слова не сказал Асфи по поводу ее ухода. Она при этом поглядывала на него украдкой. Неудивительно... Ведь я спросил у нее прямо, что она рассказывала о себе Дароку такого, чего не рассказала мне? И Асфи искренне опешила. Долго уточняла у меня обо всех событиях, которые произошли без нее, в самом деле желая разобраться, что имел в виду васоверг. Видимо, теперь, как и я, гадала, зачем он соврал мне.

У меня находился только один ответ: васоверг хотел меня уязвить. Просто выбрал самый неудачный момент. Либо удачный... Когда бы еще подобные слова поселили бы во мне такое сомнение?

А после того, как Солнце стало стремительно падать, начались подготовки к походу в самую сокровищницу. Васоверги отправились на охоту. Елрех под надзором Асфи складывала вещи. Ромиар спал, набираясь сил. Стрекоза с Лиаром удалились от лагеря и бездельничали. Я наталкивался на них, когда выискивал сухостой для костра.

Разобравшись с дровами, окинул взглядом полупустой лагерь. Ромиар спал, отвернувшись от костра. И я воспользовался относительным уединением.

Немедля вытащил из сумки деревянную фигурку, подошел костру и выбросил ее в огонь. Хотел стыдливо отвернуться, но набрался сил и заставил себя смотреть, как сгорает деревяшка. Сначала огонь пожирал ее нехотя. Лизал руки, голову, подол платья, пока те не почернели. Затем загорелась голова и плечи. Вскоре огонь охватил всю фигурку, и ее уже трудно было отличить от других поленьев.

Во мне жило спокойствие.

В лесу раздался женский смех, и спокойствие разрушилось, как хрупкое стекло. Сердце загрохотало, во рту пересохло. Что рассмешило Асфи?

Обрадуется ли она, услышав то, что я ей скажу?

И грохот оборвался. Сердце ушло в пятки.

Асфи

Впервые за столько недель удалось рассмешить Елрех!

Для этого пришлось увести фангру подальше ото всех. Убедиться особенно, что никакой ушастой заразы рядом не ютится! Затем выбрать удачное место для посиделок. Прекрасная земляничная поляна была тут как тут. Мы уселись под высоким деревом с толстым стволом, обросшим со всех сторон мхом, и я стала полупшепотом делиться с Елрех предстоящей дорогой. Рассказывать о ловушках в лабиринтах старалась осторожно, чтобы не вызвать подозрения, что весь этот разговор неспроста. Никогда не было ясно, когда удача Вестницы отвернется от меня... Нужно, чтобы Елрех знала, как пройти до сокровищницы. Тем более осталось сделать последний рывок. Будет обидно, если все усилия окажутся бессмысленными.

Озвучив все планы пошагово, мне внезапно захотелось попрощаться с Елрех. Это настроение... Предчувствие собственной смерти?.. Оно казалось именно таким.

Это настроение вызывало щемящую грусть, одновременно облегчение и еще желание оставить после себя хорошие воспоминания. И в воспоминания мы с ней и нырнули, обсуждая знакомство с Роми.

— Безумная была ночка! — прыснула я в кулак.

— Никогда не думала, что услышу от беловолосого шан'ниэрда, как он мечтал увидеть в своей комнате двух девиц, — посинев, сдерживая смех, протянула Елрех.

— Он такое говорил?! — Я склонилась к ней, округляя глаза и не веря собственным ушам.

— Его смертельная мечта! — чуть ли не хрюкая, выдавила Елрех и стиснула клыки покрепче.

Спустя секунду превратилась ярко-синее нечто и все же расхохоталась. Я расхохоталась тоже.

Услышав треск ветки, оборвала смех и положила руку на плечо Елрех. Мы уставились на деревья, из-за которых донесся шум. Оттуда неспешно вышел Кейел.

— Не помешаю? — с вежливой улыбкой спросил он и заправил русую прядь за ухо.

Я широко улыбнулась. Нежность захлестнуло сердце. Духи Фадрагоса... Повелители, спасибо за то, что позволили мне знать этого человека!

— Пойду приготовлю те зелья, что ты просила, — проговорила Елрех, поднимаясь с места.

— Я не хотел мешать. — Кейел нахмурился и отступил к деревьям.

Елрех мотнула головой, бодро направляясь к разбитой стоянке.

— У меня полно дел. Мне некогда отдыхать, любезный человек!

Он проводил ее теплым взглядом, а затем приблизился ко мне. Как только опустился рядом, я мигом обняла его за шею. Он прижал меня к себе за талию.

— Хочешь земляники? Тут ее полно. Целая поляна!

— А ты покормишь? — спросил, не растерявшись. Хриплый голос ласкал слух, убаюкивал душу.

Отпустив его из объятий, потянулась за несколькими ягодками, которые мы с Елрех не успели слопать за разговором. Под солнечным светом они блестели красной росой. Дотянуться до лакомства не сумела. Кейел не позволил. Перехватил за локоть свободной рукой и снова прижал к себе, поцеловал внезапно.

Обычно вел себя сдержанней, поэтому напором застал врасплох. Втянув голову в плечи, я отвечала на поцелуй. Сумев вдохнуть, погладила его шею. Он разорвал поцелуй на долю секунды, произнося коротко прямо в губы:

— Асфи...

Я промычала в ответ. Головокружение приходило медленно, принося с собой сладкую слабость. Кейел опять отстранился, лбом прижался к моему лбу, стал мять губы большим пальцем, будто хотел дальше целовать, но его что-то останавливало.

— Что нам мешает быть вместе? — шепотом спросил он.

— Что? — переспросила, находя взглядом его глаза.

Думала, что увижу их опьяненными, но в них застыла трезвая решимость.

— Ты ведь ни к чему не привязана. Так что нам мешает быть вместе?

Его слова насторожили. Я обдумала вопрос еще раз, освобождаясь от сладкого плена нежности.

— У тебя будет сын, — произнесла ему одну из самых очевидных причин.

Может, и не сын будет, а дочь. Но он же сам не так давно твердил об этом.

— Будет. Обязательно будет. И мои родители будут любить его.

От услышанного я вытянула шею, попыталась отодвинуться, но Кейел обхватил мое лицо и продолжил выговаривать в губы полупшепотом:

— Асфи, я все равно буду плохим отцом. Слышишь меня? Пожалуйста, Асфи, я не готов расстаться с тобой.

Я все же выкрутилась из его рук и отпрянула. Он смотрел на меня упрямо. То есть он это всерьез?

— Так не пойдет, Кейел, — сдержанно произнесла я, хоть мир вокруг отдалился и казался нереальным.

— Тебя не держат никакие обязательства.

Мне с трудом удалось удержать крик. Просто крик. Бессловесный, подталкиваемый желанием унять бурю эмоций. Из-за них заложило уши. Что мешает согласиться?.. Многое!

Черт возьми...

У него будет сын, будет семья, о которой он всегда мечтал. Любящая жена, сын... Духи Фадрогоса, пусть у него будет сын! Я сжала траву в кулаках и, нахмурившись, опустила голову. Уставилась на крепкие корни. Они лежали поверх земли, удерживая древнее дерево. Дерево они спасали, позволяя ему жить, а мои корни... Не корни — путы.

Тебя снова сковали, Асфи.

— Кейел, нам придется расстаться.

Мельком покосившись на него, я отвела взгляд. Кейел так побледнел, будто ожидал от меня совершенно других слов. Видимо, рассчитывал на радость и согласие...

— Асфи... — попытался ладонью накрыть мою руку, но я успела быстро вытянуть ее из-под его руки. Глаза упорно не поднимала.

— Жизнь — штука сложная. Особенно семейная, — голос не подводил — звучал ровно, но при этом связки будто передавило. — У нас будут ссоры. Они есть в каждой семье. И знаешь, что ждет при наших ссорах? Ты будешь припоминать мне, как отказался от сына и другой женщины, ради такой нехорошей меня. Помнишь, — заставила себя посмотреть ему в глаза, и едва не лишилась самоконтроля. В его глазах росло безумие: пустой взгляд сверлил меня, или что-то за мной. Лицо Кейела побледнело, будто в нем не осталось ни капли крови, и окаменело, отражая небывалую растерянность. Я с трудом договорила: — ты сам говорил, что я не для семьи.

— Я сказал со зла, — он едва шевелил губами. Хриплый голос еле-еле заглушал шелест листьев. — Хотел причинить тебе боль. Прости меня, Асфи.

Он закрыл глаза и опустил голову. Сердце разрывалось на куски. Я рвала его на части. В который раз...

А Дарок не отстанет. И убьет Кейела, как обещал убить любого, кто окажется рядом со мной, когда тот найдет меня. Сумеем ли мы прятаться всю жизнь вдвоем?

Он всегда хотел нормальную семью и нормальную жизнь...

Пришлось вонзить ногти в ладони и вдохнуть глубоко. Благо такой вдох легко замаскировать под раздражение.

— Прекрати, Кейел. Я не понимаю, на что ты рассчитывал. Мы же изначально договаривались, что это обоюдное удовольствие. — Было ли такое? Судя по его лицу, даже если не было, он поверил жестоким словам. — После этого похода у меня будет полно дел, и на тебя не останется времени. Извини, но я точно не сделаю тебя счастливым. Не умею. К тому же... — Чего еще наговорить, чтобы отрезать все мосты между нами? Пожала плечами, несмотря на то, что он так и не открыл

глаз. — Я поняла, наконец-то, что ничего не знаю о Фадрагосе. И до того, как не узнаю этот мир полностью, не хочу снова загонять себя в золотую клетку.

Достаточно. Думаю, что теперь достаточно.

Кейел кивнул и посмотрел на меня. В висках забарабанило. Ладони вспотели.

— Я понял тебя, — произнес он спокойно. И почему-то казалось, что это спокойствие такое же напускное, как вся моя бравада. Взгляд любимых глаз потеплел, улыбка украсила восхитительное лицо. — Я могу еще этой Луной...

Вдруг усмехнулся и фыркнул. Тряхнул волосами и произнес эту фразу иначе:

— Я могу до конца этого дня и эту ночь еще провести с тобой? — Склонил голову к плечу. — Как прежде. Ты разрешаешь?

Просьба вывернула душу. Нервную дрожь в руках, да и во всем теле, пришлось скрывать, резко поднимаясь.

— Да, конечно. Но сейчас пора заняться делами.

Не знаю, как выглядел мой побег с поляны со стороны, но я старалась идти к лагерю ровной походкой. До самой поляны не дошла, свернула в сторону озера, которое обнаружили ребята и где мы набирали воду. Направилась быстрым шагом к нему. Скрывшись за густыми зарослями кустарника, позволила себе постоянно оглядываться. Обнаружив с облегчением, что Кейел не последовал за мной, бросилась по лесу бегом. Бежала до тех пор, пока не закололо в боку. Не позволяя себе разрыдаться, вцепилась в кору дерева ногтями. Вонзила их до боли и налегла всем весом, повисая на стволе. Стиснула зубы и замычала, сдерживая рвущийся вопль.

Нельзя плакать. Никаких опухших глаз быть не должно. В этой жизни никто рядом со мной не умрет! Тем более Кейел.

Ужином давилась. Стрекозу с ее песнями хотелось придушить или спалить. Запах запеченного над костром мяса напоминал, что предыдущие столкновения Ксанджей с союзниками оборачивались для меня не совсем хорошо.

Ночь превратилась в ад.

Объятия Кейела никогда не обжигали до такой степени. Я будто сама оказалась во власти Ксанджей. Из этих объятий хотелось вырваться и сбежать. Плюнуть на все обещания, плюнуть на все... Но что потом?

Приходилось терпеть.

Утром, пока все с ошарашенными лицами смотрели представление полупрозрачных Энраилл, я грела руку в ладони Кейела. Именно грела.

За время мучительной ночи пришла усталость. Она охладила одни чувства и принесла за собой другие. Мы расстаемся... Теперь уже навсегда?

Наверняка нет.

Уверена, что я не смогу жить в одном с ним мире, не подглядывая иногда за его жизнью. Буду узнавать о нем, терзая себя. Что поделать?

Перебирая его пальцы своими, наслаждалась последними часами рядом с ним. После сокровищницы предстоит много дел. Стрекозу, потерявшую память, вместе с Лиаром нужно доставить в Обитель гильдий. А еще неизвестно, чем обернется возвращение памяти к Елрех и Роми. Я морально готовилась к нервотрепке.

Я сжала Сердце времени, и все покрылось синим пламенем. Ребята корчились от боли. Не случится ли у них болевого шока, как только последние фрагменты памяти о прошлой жизни вернутся к ним?

К счастью, все эти опасения и мысли о предстоящих заботах сильно отвлекали, не позволяя мыслям о нас с Кейелом завладеть рассудком полностью.

Под моим руководством Елрех очистила глазницы дракона. Васоверги достали из лже-гнезда спрятанный драконий глаз и вставили на место. Сдвинулась дверь на спине дракона — на поляне возник мираж.

Пока длилось представление, я обнимала Кейела, а он обнимал меня в ответ. Удивляла его отстраненность от происходящего. Пока Стрекоза испуганно разглядывала величайших магов и

дергала ушами, Лиар с восхищением глазел на Ликвира, читающего свои записи. Елрех побледнела и расплакалась, накрывая рот ладонью и слушая перешептывания Аклена и Ил. Ромиар хмурился и тяжело вздыхал; его хвост повис безжизненно. Даже васоверги морщились наблюдая, как вырезают живому лже-дракону глаза. Как потом второй лже-дракон пламенем до камня сжигает первого.

Никто не остался равнодушным к происходящему, кроме Кейела.

— Тебе все равно? — шепотом поинтересовалась я почти в самом конце обрывка чужой жизни. — Такая трагедия...

Кейел повернул ко мне голову и уставился на меня. Я проглотила все слова. Ему не было все равно, но думал он явно не над тем, что транслировала иллюзия прямо перед его носом...

— Кто были все эти существа? Вестница среди них?! — задала очень плохой вопрос Стрекоза, когда образы прошлого развеялись. — Разве эта сокровищница не архимага Энраилла?

— Это его сокровищница, — воодушевленно ответил Лиар, круглыми глазами разглядывая опустевшую поляну и размахивая черным хвостом. Эти хвосты... хотелось оторвать! — Он был среди всех этих существ!

— Ты знаешь личность Энраилла? — изумился Гахсод, подходя со скрещенными на груди руками к голове дракона.

— Об этом знает любой темноволосый шан'ниэрд! — спесиво отозвался Лиар. Ромиар, несмотря на истощение, простонал и закатил глаза. Надеюсь, никто из присутствующих, кроме исследователя, не знает клятву Аклен'Ил и не сможет связать нынешних мудрецов с легендами и подсказками. Все же мудрецы постарались на славу, пряча собственные следы. Лиар стал просвещать: — Он был темноволосым шан'ниэрдом...

— Хватит болтать! — приказал Дарок раздраженно и вышел в центр поляны. Я мысленно поблагодарила его. — Что дальше, Асфи?

— Можно идти внутрь. Проход открыт!

— Тогда чего стоим? — Дарок высоко задрал голову.

Лишь бы с рогами васовергов нам хватило места внутри...

Кейел

Мельтешение каких-то существ и их проблемы интересовали мало. Пока Асфи хмуро разглядывала наших союзников, я присматривался к ней. Кто она?

Этот вопрос не давал покоя с самого начала, когда мы встретились. И позже. Помнится, я задавал его Ромиару, но ему уже было не до нее и ее тайн. Теперь вот Дарок... Просто девушка из чужого мира? Как ей удалось выжить в Холмах грез?

Я рассказывал ей о тех местах, и она не высмеивала лишь самые жуткие рассказы. Там все кишит нежитью. Нежить жадная, и чувствует тепло чужой жизни за много километров от себя. Прикосновение нежити убивает живую плоть, вытягивая все силы и тепло из мест прикосновения. Мелкая нежить — пугливая, и сама не лезет.

«Не нарывается» — сказала Асфи с усмешкой, развеивая рассказы, что даже насекомые опасны.

Нежить крупнее опасна. С ней без толку бороться.

Асфи сказала, что каменные великаны растаптывали ее, пока Асфи молча стояла рядом.

Столько смелости... Всего лишь этого хватило, чтобы выжить столько времени в страшнейшем регионе Фадрагоса? Можно ли верить в это?

Можно ли верить в то, что я не нужен Асфи?

Пока она отмахивалась от меня словами, костяшки на ее кулаках белели от напряжения. И эту Луну она не спала. Я знаю. Потому что тоже не мог уснуть.

Асфи

Что меня особенно порадовало — долго не мялись. Васоверги первыми стали забираться на спину Аклена, туда, где открылась дверь. Стрекоза дважды оглянулась на лес прежде, чем последовать за ними, словно в последний раз обдумывала, стоит ли терять прежнюю жизнь, а может, просталась. Я помнила свои чувства в тот день, когда сама топталась на этом месте, зная, что вот-вот предстоит расставание с теми, к кому привыкла и кого успела полюбить. Эти воспоминания навязчиво лезли снова, но я отгоняла их.

В нутро дракона я спускалась последней. Елрех поджидала на нижних ступенях и, заглядывая с сочувствием в глаза, сжала мою руку.

— Девушка сказала, что придут другие Вольный и Вестница и пожертвуют собой ради будущего, — едва уловимо слышу прошептала она; Вольный и Вестница вовсе были названы одними только губами. — Выходит, милая человечка, вы пожертвовали собой?

Смотреть в серые глаза, полные слез сострадания, стало невыносимо больно. Будто в груди поселился червь, питающийся каменными сердцами.

— Освободите круг! — приказала я, оставляя Елрех без ответа. Он даже в мыслях ранил сильнее кинжала.

Дождалась, когда толпа существ разойдется по темным углам, и вытащила ключи. Разложив их по местам, отступила. Закрыв глаза, принялась разминать шею и прокручивать в голове все, что нас ожидало под сырыми сводами земли. Шорох прозвучал в раздражающей тишине, оповещая об открытии прохода.

— Будто следуем предсказаниям, — тихо произнес Лиар из дальнего угла.

— Каким еще предсказаниям? — оскалившись недовольно, спросил Норкор.

— Тем, что были спрятаны с этими вещами, — Лиар кивнул на проход, где недавно я раскладывала ключи. — Много было написано о том...

— Не время болтать. — Я передернула плечами, подтянула сумку на плече и поспешила к спуску. — Все идут за мной и ничего не трогают.

На миг обернулась и отыскала взглядом Кейела. Мне нужно было успокоить червя в камне, убедившись, что с парнем все в порядке. Однако едва не остановилась на ступени, когда увидела его глаза. Он стоял, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Без восхищения, без прежних искр, выдающих в нем желание угодить любому моему капризу. Смотрел трезво, с живым интересом и подозрением. Я что-то упустила? Что произошло между нами, что так переменяло его отношение ко мне?

Вчерашнее предложение, прозвучавшее из уст Кейела, с одной стороны безумно радовало, пробуждая надежду. С другой стороны... С другой стороны, оставалось слишком много рисков, что рядом со мной Кейел и в этой жизни пострадает.

Дарок шел по пятам. Его тяжелый взгляд тоже буравил мне спину и стал уже привычным. Наконец-то, мне удалось разгадать его характер — оскорбленный. Поводов, чем я могла оскорбить будущего вождя васовергов, хватало. Иногда я начинала перебирать их в мыслях, но быстро уставала считать одну причину за другой, которая сеяла бы между нами раздор.

— Откуда тебе все известно, человечка? — голос Стрекозы прозвучал глухим эхом. Каменные своды коридора были тесными и узкими.

Спешка не спасала от расспросов...

— Я была у старухи. Она способна навеять видения, — соврала я, говоря полуправду. У старухи мы были с Елрех, и та позволила мне вспомнить о Кейеле и его отце.

— И ты узрела весь этот сложный путь до сокровищницы? — вцепился клещом интереса в меня Лиар.

— С моими знаниями мы догадались о многом, — пришел на выручку Роми.

Каждый его шаг обозначался стуком посоха. Очень медленный, очень уставший... Но я была спокойна за рогатого друга: Елрех приготовила ему снадобья, способные придать силы на небольшой срок. Их он выпьет перед коридором с наллерам.

— Хочешь сказать, что мы идем по вашим догадкам? — недовольно полюбопытствовал Дарок, и я

скривилась. — Чего они стоят? Ты, беловолосая девка, уже однажды подвел нас со стрелометом. Кто обещает, что не подведешь снова?

— Ты знал, куда отправляешься. — Ошупывая рукоять кинжала, я успокаивала злость и не позволяла себе оглянуться. Почему Дарок пытается задеть снова и снова? Зачем провоцировал Кейела на глупую ревность? Что с ним творится? Ни за что не поверю, что он влюбился. — Я не скрывала от тебя конечную точку нашего маршрута с самого начала, поэтому не смей ставить это мне в упрек.

Дарок хмыкнул. Лиар вновь о чем-то расспрашивал, но уже не меня, а Гахсода. Звук шагов поглотил большую часть слов, и разобрать отдаленный несколькими метрами диалог не получалось. Остальные молчали.

У двери-иллюзии не останавливались. Я сходу призвала Ксанджей и прошла сквозь узкий проем со спрятанными по сторонам зубами раутхутов. Васоверги пригибались и прижимали локти к животу, протискиваясь в него. Елрех хмурилась, разглядывая торчащие острые грани. Стрекоза проскользнула быстро-быстро, видимо, опасаясь, что они сомкнутся именно на ней. С Кейелом я старалась не встречаться взглядом. Только с облегчением дождалась, когда он ступит на безопасный пяточок последним и отойдет к стене. О каменных украшениях на стене в виде драконьих голов, извергающих пламя, я предупредила всех заранее, как и о многом другом.

Чтобы не толкаться лишний раз среди десяти тел, замкнутых на крохотном участке, я громко командовала, кому и что делать. Архаг с извращенным удовольствием отковырял янтарный глаз дракону, затем перебросил с улыбкой ритуальный кинжал Гахсоду, стоявшему у второго дракона. Кейел с равнодушием сжег факелом рубиновое сердце. Раутхуты защелкнулись, отрезая путь для отступления. Стрекоза неосознанно прижалась плечом к груди Лиара, и у парня потемнели зеленые глаза.

— Ниши в полу, — продолжала говорить я, стоя в непосредственной близости от опасной драконьей головы. — В них пазы, куда надо вставить глаза драконов.

Васоверги слушались с энтузиазмом. Дарок не мешал ни им, ни мне, наблюдая за происходящим с любопытством и будто затаенной радостью. И эта радость мне не нравилась. Не стоит ли убить васовергов прямо тут? Ушел куда-то важный васоверг, будущий вождь, и не вернулся... Неужели у меня из-за этого нарисуеться многотысячная армия врагов?

Я тряхнула головой и вернулась вниманием к коридору.

Добравшись до рычагов, мы обезвредили ловушки и направились к самому неприятному участку. Жадные черные души уже не пугали меня, как прежде, но пугало многое другое. Например, безучастный ко всему, кроме Елрех, Роми. Он выпьет зелье, а Елрех я приставлю к нему поближе — в соседний коридор, — это даст надежду, что он будет заинтересован пройти игру, как можно скорее. Не позволит же он Елрех умереть от рук чудовищ. Тем более мы превратимся в таких же жадных чудовищ и будем навеки заточены в сокровищнице.

Вопросов ко мне больше ни от кого не звучало. Все были заняты разглядыванием каменных стен, дверей, символов... Лиар оказался знатоком истории Фадрэгоса, либо у него были отличные наставники. Будь мне интересно, я бы поинтересовалась, в какую гильдию он собирался вступить до того, как в его жизни появилась Стрекоза. Может быть, он и вовсе был в числе тех, кто и без гильдии имел вес в Фадрэгосе. Но меня этот шан'ниэрд интересовал мало. Вспоминая, как он когда-то стоял надо мной с окровавленным кинжалом и безумным взглядом, вовсе хотелось либо убить его первой, либо оказаться как можно подальше от него.

— У меня появиться гнусное ощущение, — пробормотал Норкор, когда мы вошли в комнату, освещенную ведьмовским камнем. — Будто у меня что-то кто-то украсть.

Я на пятках развернулась лицом к растерянным существам.

— Я не чувствую присутствие духов, — пролепетала одновременно с васовергом Стрекоза, пятясь к порогу. Ее бледное лицо в белом свете минерала казалось болезненным, почти мертвым.

Елрех, идущая вслед за ней, положила руку ей на плечо и ободряюще произнесла:

— Духов и вправду нет, чуткая эльфийка. Но нужно верить Асфи. Разве ты позабыла, сколько мы всего преодолели под ее руководством?

Наверное, в другой обстановке такие слова польстили бы. Я закусила губу, мельком покосившись на Дарока, с недовольством изучающего помещение. Было бы здорово отправить его во второй пятерке... Какая вероятность того, что они все смогут пройти за нами следом? Возможно, игра открывает проход единожды для пятерых, запирая остальных неудачников в ловушке.

— Все помнят условия игры? — с бодрой улыбкой спросила я, шагнув в центр зала.

— До тошноты, — отозвался Роми, стоя у камня-указателя. — Ты нам всем надоела с ней.

— Асфи заботилась о нас, — беззлобно заметил Кейел, подперев плечом дверной косяк, и посмотрел мне в глаза.

Тепло его взгляда окутало меня целиком и моментально. Мигом в ушах зазвучали слова вчерашнего предложения, вызывая трепет в груди. Однако Дарок резким движением смел нахлынувшие чувства. Он быстро повернулся к нам и, хмуря брови цвета стали, спросил:

— Долго будем топтаться тут? — Потер ладонью широкую грудь, царапая когтями кожаную куртку. — Норкор прав — место омерзительное.

Я пожала плечами и предложила:

— Ну пойдём. — Шагнула к центральной плите и напомнила: — Роми, пей зелья. Ты пойдёшь в первом коридоре. Елрех, ты во втором.

— Как скажешь, мудрая человечка. — Она в ту же секунду отступила от Стрекозы и направилась к указанному месту.

— Кейел, ты пойдёшь в четвертом. Дарок, ты в пятом.

Несмотря на мои указания, Дарок встал рядом, напротив четвертой плиты. Я уставилась в его упрямые серые глаза, стискивая кинжал. Появилось едва преодолимое желание как минимум накричать на васоверга. Артачиться в это время, на этом промежутке!.. Чертов васоверг!

Краем глаза уловила, как ко мне подходит Кейел, и сдержалась. Договор, который возник сам собой на поляне, что мы последнюю ночь проводим парой, улетучился так же сам собой. Поэтому, ощутив теплое дыхание Кейела у себя на виске и осторожное прикосновение губ, только прижалась к нему. Приобняв за талию, он прошептал мне на ухо:

— Не злись из-за пустяков, Асфи. Теперь не время ссориться. — И, отстраняясь, добавил громче: — Я пойду по пятому коридору. Дарок, я запомнил все руны драконьего языка, но в некоторых могу путаться, поэтому буду уточнять их описаниями.

Дарок вынужден был принять навязанное дружелюбие, хотя по его лицу было видно, как ему трудно это дается. Шрам пересекающий толстые губы почернел от тени.

— Тогда проси пояснений таких рун и от меня.

Его ответ отменил желание напомнить еще раз, что ошибка одного в этой игре будет стоить жизни всем. Дарок точно не был самоубийцей.

Напоследок перед тем, как разделить, Кейел сжал мою руку и пожелал удачи.

Удача в последнее время была на моей стороне практически всегда, когда вопрос касался моего выживания. Я не сомневалась, что она не откажет мне и теперь. Однако волнение о Кейеле, Елрех и Роми вышибли из меня реальность происходящего, как только за спиной закрылась каменная дверь.

Символы под ногами и над головой поплыли перед глазами. Огонь факелов, укрытых в колбе, замельтешил и будто обжег нутро. Я встряхнула руками, вытерла вспотевшую ладонь о штанину, второй рукой крепче стиснула лямку сумки и постаралась вернуть себе самоконтроль.

Голос Елрех, звучащий слева, успокаивал; ответы Дарока раздражали. Не он должен был идти рядом...

Не замечая, собственных шагов, я думала о грядущем будущем и приходила в ужас. Мы все тяжело расстались. О чем-то ссорились... О чем? Все вертелось вокруг моего предательства.

— Асфирель! — обратилась Елрех, и я встрепенулась, едва не сойдя с плиты.

Через долгую секунду до меня дошло, что это не имя — символ, руна. Отыскала рассветное солнце над головой и вступила под него, называя Дароку его символ.

Шаг за шагом, метр за метром. Факелы потухли, в силу вошло сияние ведьмовского камня. Шелест и тени наполнили длинный коридор. Через толщи стен доносился хриплый голос. Настолько глухо он звучал, что ни слов, ни слогов нельзя было разобрать, но я продолжала упрямо прислушиваться. Как я буду жить без Кейела? Что делать, когда все получают то, чего хотят?

Куда девать себя?

Одно я знала точно: ждать, когда Дарок придет за мной, я не намерена.

Стиснув зубы, повернула голову к ночному охотнику. Силуэт тьмы дрожал от колыхания природного огня. Монстр потянулся ко мне длинной рукой, но достать не сумел — факелы все еще были сильны. Я оскалилась, как если бы пыталась выразить существу всю свою ненависть. Она, конечно же, не была вызвана только им и только тем, что мы оказались снова заперты в сокровищнице, но я вкладывала в оскал всю ее. Ненависть бурлила во мне, жгла руки и ноги, подталкивала к желаниям бить, бежать, кричать — не бездействовать. Однако было во мне и другое... Это другое еще в прошлой жизни было совершенно несвойственно мне. Оно гасило все эти желания, заставляло думать прежде, чем делать. Усталость. Усталость от всего была такой сильной, изматывающей, что любую необходимость хотелось совершить быстрее, но так, чтобы не приходилось ничего переделывать.

Перестав скалиться, я наступила на плиту с символом, который назвала Елрех, и произнесла ровным голосом символ Дароку.

Из коридоров наллерам мы вышли невредимыми и даже до того, как зеленая жидкость погасила факелы. Первым делом я высмотрела Кейела. Он стоял напротив своего входа целый и невредимый. Крови не было видно ни на лице, ни на шее. Вся его поза выдавала, что ранений он не получил. Он тоже осматривал меня хмуро. Я хотела улыбнуться ему, но, видя Дарока, плюнувшего под ноги и озлобленного близостью ночных охотников, отвернулась от Кейела, стараясь придать выражению лица безразличие.

— С вами все в порядке? — поинтересовалась у взбудораженной Елрех и удивительно бодрого после зелий Роми.

Шан'ниэрд стоял с прямой спиной, оскорбленным взглядом и высоко поднятым подбородком. Все его недовольство было направлено также на монстров, пытающихся преодолеть силу света и добраться до нас.

— Все в порядке, милая человечка, — ответила Елрех, откидывая копну белых волос за спину и оглядывая Роми.

— Тогда зови следующих.

Елрех кивнула. Вложила два пальца в рот и громко свистнула. С той стороны донесся свист пичуги — заливаясь трелью могла только Стрекоза. Наступил момент, когда все могло разрешиться далеко не радужно для всех. Отвернувшись от Дарока так, чтобы он не видел моего оружия, я стиснула кинжал. Все уставились в сторону коридора с любопытством. Если тревога у кого-то и присутствовала, то только у Дарока, но он в большинстве случаев выглядел хмурым.

Тишина давила неприятно на уши. Шелест монстров уже воспринимался, как фоновый шум. Поэтому как только в колбах с ближайшими к выходу факелами громко булькнуло, а затем стремительно стал падать уровень зеленой воды, отлегло от сердца.

Колбы опустели, медленно погасли ведьмовские камни. Коридоры погрузились во тьму. В потолке над нами раздался короткий скрежет, заставляя вскинуть головы. Сразу за этим раздался гул и шорох — каменные двери на той стороне коридора стали открываться. Напротив меня в тусклом белом свете стоял Архаг. Он улыбался мне плутовской улыбкой, и складывалось впечатление, что этот васоверг вышел на приятную прогулку.

Я хмыкнула, маскируя выдох облегчения и выпуская из ладони рукоять кинжала. Теперь жизни второй пятерки зависели только от них самих. В случае их смерти, Дарок не посмеет обвинить меня в том, что я не держу своих слов.

Со стороны наблюдать за метанием черных душ добраться до живой плоти было занимательно. Либо просто Архаг не умел иначе встречать врагов, как только скалить им улыбочки и показывать неприличные жесты. Его расслабленность и веселость никак не способствовали появлению беспокойству о нем. В остальных коридорах атмосфера была несколько иная.

Я проходила от стены к стене, разглядывая каждого участника наллерам и игнорируя взгляды Кейела. Его желание остаться со мной с каждой минутой только сильнее ранило душу. В какой-то момент моих блужданий он осторожно перехватил меня за руку, и это было приятно и больно одновременно. Мне больше не удастся ощутить его прикосновения.

— Все в порядке? — спросила я, глядя на него.

Кейел, сомкнув плотно губы и рассматривая мои глаза, кивнул.

— Тогда не время. — Я отняла свою руку и вернулась вниманием к Стрекозе, идущей неровным шагом по плитам и дергающей ушами.

Кейел, отступая к стене, шумно вздохнул.

Спустя несколько минут, когда было видно, как коридоры игры подводят всю пятерку к выходу, я подошла вплотную к решеткам. За ними стояла Стрекоза, трясущаяся, как зайчик. За ее плечом шелестел темный силуэт. То таял под тускнеющим светом факела, то восстанавливался... И настойчиво тянулся к затылку разбойницы. Остальные толпились по углам, не смея так, как первый. Настырный...

Лиар, идущий по соседнему коридору, выкрикнул символ. Стрекоза, секундами ранее прикипевшая ко мне взглядом, миготом отвлеклась и быстро отыскала нужную плиту. Установка с решетками щелкнула где-то в полу — решетки со скрежетом стремительно опустились. Я мгновенно схватила Стрекозу за воротник куртки и дернула на себя, выхватывая ее буквально из когтистых рук тьмы. Она же в это время бросилась на меня со всей силы, будто знала, что хочу ее уберечь. В итоге — обе едва не повалились на пол.

— Ты чего?! — возмутилась я, отталкивая ушастую трусиху. Не удивительно, что с таким чувством самосохранения она выжила даже в Васгоре. — Осторожнее! Ты наступила мне на ногу.

Эльфийка оглянулась боязливо, вытягиваясь стрункой, и тотчас же пришла в себя. Выдохнула, гордо задрала нос и фыркнула язвительно.

— Это ты меня на себя потянула. Вот я и не устояла.

Покачав головой, я осмотрела остальных. Почти никому от темных душ не досталось, кроме коренастого Норкора. Но причина, почему его руки все исполосованы и в крови, стала ясна в первые же секунды. Васоверг, выбежав из коридора, бросился к нему обратно и с неудержимой злостью пытался вытащить черные души голыми руками. В момент, когда из его порванных рукавов выпали плети, Гахсод ударил друга кулаком в лицо. Норкок отлетел к стене, тряхнул головой и, покосился злобно на коридор, сплюнул. Потер скулу с покрасневшим пятном и гордо распрямив сутулые плечи направился к Дароку.

— Что за дверь? — спросил Дарок, отводя раздраженный взгляд от собрата на меня.

Я посмотрела на массивную дверь вверху широких ступеней, заставленных чашами с огнем. Ее изучала троица: Кейел, Елрех и Роми. Ощупывали, разгадывали витиеватые узоры, видимо, решили, что в них запрячено послание. Придется их разочаровать.

— Самое страшное позади, — бросила, направившись к первой ступени.

У двери в зал с историей обезопасила нас, громко повторив для всех:

— Что бы ни стояло перед вами дальше, ни в коем случае не трогайте ничего.

Увидев понимание в глазах абсолютно всех, отобрала у Роми факел и попросила Архага открыть дверь. Как только мы вошли внутрь, посыпались уточнения о том, что именно нельзя трогать.

— Артефакты, — ответила я, освещая перед собой во мраке клочки пути. Разжигать масло по краям стен, исписанных историей Фадрэгоса, не хотелось, и я пыталась отыскать проход дальше, размахивая скупым огнем. — Пройдем по коридору, попадем в зал. В нем алтарь. Руки отрублю, если хоть кто-то посмеет что-нибудь тронуть.

Стоило произнести угрозу, и Стрекоза, крадущаяся в свете моего факела, исчезла из поля зрения. Ей не раз приходилось испытывать мое терпение и проверять, как далеко я готова зайти, выполняя обещания.

— Тут какой-то свиток, — произнесла в темноте Елрех. Мне бы ее зрение...

Я шагнула на голос и вскоре отыскала рычаг. Небольшая каменная дверь отъехала как раз возле Кейела. Свет его факела предъявил взору чернеющий проем. Я подсказала:

— За порогом можно призвать Охарс.

Повторять Кейелу дважды не пришлось, и уже через несколько мгновений существа один за одним проходили в освещенный подземный коридор. Я стояла у постамента со свитком, опираясь на камень рукой, и прогоняла эмоции. Кромешная темнота раз за разом подползала ко мне, старалась уничтожить островок света. Под сводами сокровищницы будто жили самые свежие воспоминания, и они нагоняли дикую тоску. Под ее тяжестью одолевало желание затеряться во мраке, забиться в угол и расплакаться.

Не было ни малейшего желания разбираться в причинах, вызывающих такую тоску. Благо, сил хватало сосредотачиваться на сиюминутных проблемах.

Позволив себе короткую слабость, я задержалась и не заметила, как в круглом зале, укрытом темнотой, осталась одна. Или не одна?..

Высокий, широкоплечий силуэт отделился от тьмы. Стальные рога поймали свет факела и блеснули угрозой. Дарок смотрел на меня свысока и, жуя губы, о чем-то размышлял. Приняв решение, хмыкнул и шагнул ближе. Я не шелохнулась, выражая твердость и безбоязненность перед воином.

— Я знаю, кто ты.

От короткой фразы бросило в пот. Сердце ухнуло.

— О чем ты? — я растянула улыбку, стараясь сделать все, чтобы она не дрогнула.

Дарок улыбнулся в ответ, походя на сытого кота. Поднес руку к моему лицу и, подцепив прядь волос, выбившуюся из косы, накрутил ее на палец.

— Гархорт тоже ничего не мог дать своей Вестнице, — протянул он.

Я попыталась рассмеяться, но смех застрял в горле. Ноги налились свинцом и, чтобы хоть немного почувствовать в них силу, я поменяла позу. Повернулась к постаменту спиной и налегла на него локтями, придавая телу показную расслабленность. Выдавить из себя смех так и не удалось. Пришлось выгнуть бровь и коротко произнести:

— Смешно.

— Смеешься надо мной, Асфи? — Дарок потянул за прядь, но боли не причинил. Заставил только посмотреть в глаза цвета стали. Толстые губы, исполосованные шрамом, приблизились к лицу. — Долго смеяться не позволю...

Обещание повисло в воздухе напряжением. Напомнило о нашем уговоре. Как мне избавиться от его преследования, не вызывая подозрения всей своры? Несчастный случай?

Дарок усмехнулся, словно поймал меня с поличным, и принялся рассуждать:

— Откуда тебе известно столько о сокровищнице? Откуда эти знания?

— От старухи, — упрямилась я.

— Женщина, ты не идешь вперед, — проигнорировал он меня, — ты разносишь вести. Предупреждаешь, оберегаешь, даруешь каждому то, что он заслужил. — Погладил пальцем щеку, и я поморщилась беззащитно — противно. Дарока это ничуть не смутило. — За этим вы и являетесь в Фадрагос. Вестницы... И уходите от нас, так никому и не сказав, кто вы. Поэтому о вас почти ничего неизвестно.

— Я не Вестница, Дарок. Ты бредишь!

Я попыталась уйти, но Дарок сразу шагнул навстречу, заставляя отпрянуть обратно к камню.

— А я тебе не верю. — Гнилостное дыхание добралась до носа, вынуждая отвернуться. От доброго настроения Дарока не осталось и следа. Он прорычал мне в лицо, едва не стискивая клыки. — Ты не забыла, что я пообещал тебе, Асфи?

— Такое забудешь!

Я толкнула его в грудь, и, на мое счастье, он от неожиданности отпора с моей стороны, отступил. Радовало и то, что не бросился преследовать. Охарс маячили у порога, указывая путь к выходу.

— Условия переменились, женщина!

Гнев нахлынул еще большей волной, бросился в щеки, зазвенел в ушах. Я порывисто обернулась и уставилась на громилу, сжимая кулаки.

Дарок поднял факел, оставленный мною у постамента, и сказал:

— Я найду тебя, приведу в Васгор к своим воинам и проведу по осколкам костей или по углям. И если твои ноги не пострадают, то пойму и я, и мои воины, что ты соврала мне. Тогда я посажу тебя на цепи. На те цепи, которые не позволят тебе взывать к духам. И хочешь ты того или нет, но ты станешь матерью моих сыновей. А со временем ты научишься любить меня, как когда-то первая Вестница любила Гархорта. Я стану таким же вождем, каким был он. Твои знания позволят мне стать самым мудрым и уважаемым вождем.

Языки огня плясали рядом с его лицом, танцуя в жестоких глазах. Выколоть бы их и скормить

птицам!

Глубоко вздохнув, взяла себя в руки. Терпение было на грани. Казалось, что если дам малейшую слабину, то эмоции хлынут через трещину и снесут все на своем пути. Голова кружилась. Я невольно потрогала себя под носом, опасаясь, что повысилось давление и у меня опять пошла кровь. Крови не было. Она лишь бушевала в сердце, заставляя его работать на полную мощь.

Думала, что разговор окончен, но стоило мне отвернуться, как ненавистный голос опять разнесся в зале:

— И этот волчонок. Он, или другой, третий... Даже если ты вступишь в гильдию, то я выпотрошу твоего верховного. Не ищи себе заступников, Асфи, если не хочешь видеть их с переломанным хребтом.

Я зажмурилась, чувствуя, как мир вокруг раскачивается, будто превратился в маятник. Вправо, влево, вправо, влево... И амплитуда становится все шире и шире. Ни одна мысль не могла надолго задержаться в голове, поэтому и не нашлось слов для ответа. И я ушла молча.

Кейел

Асфи слегка вздрогнула, заметив меня, и сразу же нахмурилась. Поняла, что я все слышал. От стены за спиной веяло сыростью, неровный камень давил выступом в плечо, но я за то время, что стоял за каменной дверью, ни разу не сдвинулся.

Вестница?..

Предположения Дарока многое объясняли. Очень многое. Как и его угрозы...

В глазах Асфи тлели огоньки. В последние рассветы Солнце исчезло из них, будто умерло окончательно, оставив после себя лишь искры своего призрака.

— Почему не пошел с остальными? — поинтересовалась Асфи, закидывая сумку на плечо.

— Волновался за тебя.

Она дернула головой и нахмурилась сильнее. Взгляд, устремленный на скалистый пол, напротив, смягчился — опечалился.

— Ты не спасешь меня от него, — едва слышно произнесла она.

— Прости. — Я тоже опустил глаза в пол.

Не спасу... Глупо это отрицать, жестоко — дарить надежды, наверняка зная, что ты ничто перед ее врагом.

— Не стыдись. — Асфи положила руку мне на сгиб локтя. — Если он использует амулеты, запрещающие духам появляться, то, боюсь, и я себе ничем не помогу. Никто не поможет.

Я взял ее за руку, оттолкнулся от стены и шагнул ближе. Прислонившись лбом к ее лбу, закрыл глаза и позволил себе еще немного обмануться нашей близостью. Хотелось представлять, как мы с ней будем рядом каждый рассвет и каждую Луну. Вспомнил ласку, которую она мне дарила, и ласку, на которую была способна Лери. Такая бездна разделяет их... Нет ничего общего.

Наконец в зале раздались шаги. Не прошло и нескольких мгновений, как из прохода вышел Дарок. Асфи не отпрянула, как я того ожидал, а наоборот. Услышав Дарока, зажмурилась крепче, обняла меня. Уткнувшись носом в ключицу, втянула воздух шумно и замерла.

Я поднял голову и прищурился. Перехватил взор Дарока, и злость, клокопавшая во мне, не позволила отвернуться. Мы уставились друг другу в глаза. Не знаю, что он высмотрел в моих, но я видел отвращение, будто перед ним стоит мерзкая букашка. Однако васоверг поморщился первым и, тряхнув рогатой головой, отправился вслед за остальными.

Глядя Асфи по голове, я провожал взглядом того, кто стал причиной нашего с ней раздора. Выходит, чтобы Асфи жила спокойно, васоверга необходимо убить. Но как это сделать?

В Солнечной поговаривали, что не каждый зверь справится с мародерами. Не каждый...

Выходит, мне нужен зверь посильнее.

Асфи

До зала с призрачными драконами и проклятием Единства шли, держась за руки. Присутствие Кейела рядом успокаивало, будто лишая злости. Я перебирала его пальцы своими, надеясь запомнить их. Длинные. Мозолистая ладонь, шершавые подушечки, короткие ногти, срезанные ножом едва ли не под корень.

У него крепкая хватка. А от руки исходит тепло, которое способно размягнуть даже каменное сердце.

Я прислушивалась к его размеренным шагам и хриплому голосу, звучащему в сводах тесного коридора глухо. Кейел рассказывал мне о какой-то ерунде... Ему самому интересно сейчас обсуждать зверей Фадрэгоса?

Но он обсуждал, глядя перед собой стеклянными глазами, которые вызывали во мне беспокойство. Не споткнется ли?

Обсуждал в основном хищников, сравнивая их, пересказывая чужие байки о самых свирепых. Упоминания о кровожадных, способных убить даже васовергов, заставляли поднимать глаза на Дарока. Он оторвался от нас, и его громоздкая фигура угадывалась чертами в полумраке. В эти мгновения я будто понимала, о чем размышляет Кейел, и видела связь между этой пустой болтовней и случайными смертями вонючих уродов.

Я бы тоже хотела, чтобы откуда ни возьмись появился свирепый зверь и разодрал Дарока на мелкие кусочки. Желательно на глазах множества свидетелей. Ведь нельзя навлечь гнев всей его армии. Может, Кейел намекает на вмешательство Мивенталь? Сомневаюсь... Он бы не стал вмешивать духов в такое грязное дело.

Я стиснула его руку крепче и сразу же почувствовала взаимное пожатие.

В зале с драконами творилась суматоха. Васоверги стояли наготове к бою. Их плети лежали бритвами на каменном полу, подошвы сапог скрипели под весом носков. На кулаках от напряжения выступили костяшки. Не лопнут ли в них их же плети?

Я хмыкнула.

Стрекоза, заслышав меня, быстро обернулась, поднимая кинжал выше. Увидев меня, спросила полупшепотом:

— Ты знала, что тут бессмертные стражи?!

Вслед за ней на меня воззрелся темноволосый шан'ниэрд. Елрех, не спуская глаз с драконов, отступила к жертвеннику и покосилась на него. Роми, опираясь на посох, прикрыл лицо рукавом, будто чесал нос. С моей стороны было видно, как он морщится от близости Елрех. Заострившиеся черты лица на секунду выдали душевные муки, а затем вновь предъявили присутствующим усталость гордеца.

Ромиар был единственный из всех, кого меньше заинтересовали драконы, чем банка с водой истины и утопленной в ней веткой. Желтые глаза бегали из стороны в сторону, читая руны на жертвеннике.

Выпустив руку Кейела, я протиснулась между всеми и спокойным шагом устремилась к деревянной двери. Она, приоткрытая, будто приглашала войти.

Тревожить отдых заключенных душ Аклена и Ил не хотелось, поэтому у двери повернулась к застывшим спутникам и поманила их рукой. Васоверги, приподняв бритвы над полом, крадучись последовали за мной. За ними засеменила Стрекоза. Тихо застучал посох Роми...

За дверью пахло стариной, которую я волей-неволей набрала в себя полной грудью с наслаждением. Исчезла сырость, немного потеплело, и я, спустившись с последней скрипнувшей ступени,дохнула на озябшую руку. Вторая — до сих пор хранила тепло Кейела.

Заметив блеск граней знакомого артефакта, неосознанно потянулась за перчатками, но осадила себя. Не время возвращаться в прошлое... Уберечь бы Елрех и Роми.

Внутри спустились остальные, и за спиной стало тесно.

— Священное кольцо? — удивленно и резко спросил Гахсод.

Ему, как и Дароку, приходилось склонять рогатую голову, чтобы не задевать дощатый потолок. Но над валунами священного кольца потолок резко уходил ввысь, позволяя васовергам выпрямиться в полный рост. Оставшись там, они стали разглядывать издали полки и шкафы с многочисленными

сокровищами — артефактами, свитками, книгами...

Я подошла к одному из столов, на котором в открытых футлярах и на подставках лежала крохотная часть артефактов. Прикипела взглядом к хрустальному сердцу с острыми гранями и едва сумела отвести глаза. Мое сердце в это время будто сжалось болезненно до размера горошины. Поморщившись и потеряв ладонью грудь, посмотрела на артефакт, ради которого я рискнула многим уже в этой жизни. Овальная бляха была железной и выглядела тяжелой; по ее краям виднелись выемки для больших пальцев, а в центре вились черные узоры символов. Чем они были нанесены, можно было лишь догадываться. Однако происхождение вкраплений, выступающих кое-где в этих узорах, не вызывало вопросов — ведьмовской камень сиял тускло, холодно, напоминая о луне или о далеких, едва заметных глазу звездах.

Третий артефакт бросился в глаза сам. Привлек внимание в тот момент, когда я уже собралась позвать к себе Роми.

Бронзовый шар с редкими мелкими колючками, наверняка способными проткнуть кожу до крови, лежал в креплениях причудливой подставки. Тонкие металлические диски окольцовывали крепления до самого основания, расходящегося книзу и крепко привинченному к столешнице. Таких дисков было три, и от самого верхнего под углом ввысь тянулись кривые прутья, напоминая солнечные лучи. Смерть Солнца...

Стрекоза вытягивалась на носочках в углу у шкафа, рассматривая банки с законсервированными то ли существами, то ли растениями. Лиар, стоя у нее за спиной с тревожной физиономией, заметил мой взгляд и осторожно тронул эльфийку за плечо. Та быстро оглянулась и проследила, куда он указывает ей. Никаких дополнительных объяснений никому не понадобилось. Стрекоза дернула ушами, заметно слотнула и, в последний раз посмотрев на Лиара, неспешно направилась ко мне.

Тихие переговоры между васовергами оборвались. Елрех отвлеклась от изучения рисунков, листы с которыми лежали на одном из столов. Роми, повиснув на посохе, подался вперед и впился прищуром желтых глаз в эльфийку. Кейел, с ленивым интересом разглядывающий столы с причудливым, наверное, ритуальным оружием, остановился и тоже стал наблюдать за нами.

— Какой? — тихо пискнула побледневшая эльфийка.

— Этот. — Я указала пальцем. — Возьми его сама. Не думаю, что кому-то его можно трогать.

Артефакт стоял на краю стола, поэтому сильно тянуться к нему ей не пришлось. Кольца позволяли свободно запустить в них две руки. Стрекоза облизала губы, выдохнула и приблизила ладони к шару еще. Посмотрела на меня, не поднимая головы. В зеленых глазах бился страх.

— Не бросай меня потом, человечка, — с отрывистым дыханием прошептала она. Над губой выступили бисеринки пота.

Я шагнула к ней и сжала плечо.

— Ромиар пообещал, что не оставит ни тебя, ни Лиара в беде. К тому же Елрех, поверь мне, уже привыкла к тебе. А кто в Фадрэгосе не знает, как фангры окружают заботой тех, к кому прикипели душой? Все будет в порядке, Тинаэль. Ты приняла верное решение.

Она с облегчением выдохнула и кивнула. Аккуратно обхватив шар, стала вытаскивать его, но ойкнула почти сразу и подпрыгнула на месте. Я на всякий случай отпрянула от нее. Лиар бросился к нам, но по моему приказу, отданному жестом выставленной руки, остановился, не смея трогать свою подругу. Стрекоза в это время запрокинула высоко голову и приоткрыла рот. Зеленые глаза закатились под широко открытые веки. Все тело было напряжено, будто через него пропускали электрический ток. Разве что, ни судорог, ни дрожи не было.

Спустя несколько секунд жуткого оцепенения, руки Стрекозы разжались — колючий шар, пролетев всего несколько миллиметров, упал обратно ровно в пазы креплений. Эльфийка мешком повалилась на пол, расцарапав запястья о «солнечные лучи». Лиара больше ничего не способно было удержать, и я благодарному отскочила с его пути. Рухнув на колени рядом с возлюбленной, он стал суматошно ощупывать ее.

— Тинаэль! — крикнул, взрывая тишину.

Развернул ее ладони к свету — они были в крови. Я глянула на артефакт, отмечая, что он чист. Под ненавистным взглядом Лиара, напоминающим о моем давнем знакомстве с ним, села с другой стороны от эльфийки и ощупала ее запястье. Пульс бился ровно.

— Она жива, — успокоила шан'ниэрда, и он с силой нажал на второе запястье, повторяя за мной прощупывание пульса. — А вот ты скоро проткнешь ей вены своим когтем.

— Когда она придет в себя?! — Лиар ревностно прижал Стрекозу к себе.

Я поднялась, отряхнула колени, разглядывая чистые штанины. Видимо, сокровищницу оберегают чары от грязи и пыли.

— Не знаю, — пожалала плечами. — Но я уверена, что артефакт сработал верно. И то, что твоя подружка потеряла сознание, спасло ее от заготовленного для нее зелья. Мне не пришлось усыплять ее до того, как она бы начала впитывать обновленным сознанием окружающую нас обстановку.

Лиар свел на переносице темные брови и еще крепче прижал к себе тонкую эльфийку. Не переломал бы он ей ребра...

— Ты принес мне клятву, Лиар, что никогда не пойдешь против меня, — напомнила я ему. — И ты не расскажешь никому о сокровищнице, если желаешь Тинаэль лучшего. Ты понимаешь, о чем я?

Он весь вспыхнул; щеки заалели. Верхняя губа задрожала, а хвост заметался за спиной размашисто.

— Мы с ней всего лишь хотим жить достойно! Ты... — Не договорил, оставляя загадкой, хотел ли оскорбить, или собирался угрожать. Закрыв глаза, опуская рогатую голову. — Твой друг обещал нам...

— И Ромиар сдержит обещание.

Я посмотрела требовательно на упомянутого. Его прищур никуда не делся.

— Убери ее отсюда, — приказал Роми, срываясь с места, и в несколько шагов, стуча посохом, доковылял до нас. — Пока она не очнулась. Меня дождетесь в Обители гильдии. Послание, которое я написал, у тебя?

Лиар задрал подбородок и кивнул.

— Имена тех, кто поможет, если не смогу я? — уточнял Роми назидательным тоном.

Лиар кивнул повторно.

— Тогда иди, мой темный брат. Отдашь необходимые письма страже на воротах и увидишь, как быстро все разрешится. Никто не посмеет осудить тебя и никто не тронет твою возлюбленную.

Лиар, позабывший о злости, стал бережно переключать Стрекозу, чтобы поднять ее на руки. Мы с Роми расступились, давая ему проход.

— С ними будет так же? — спросил за плечом Дарок, вынуждая повернуться к нему. Я не слышала его поступи, не заметила, когда он подошел. Склоняя голову под потолком, он продолжил с отвращением интересоваться: — С твоими друзьями. Зачем ты привела их сюда, Асфи?

— Чтобы исцелить Роми, — не стала врать, скрещивая руки на груди и глядя в серые глаза. — Не знаю, будет ли так же, но нам предстоит еще повозиться.

— Так вы затеяли этот поход из-за влюбленности шан'ниэрдки? — Дарок вовсе скривился.

— Это вопрос моей жизни и смерти! — оскалился Роми. Зелье бодрости придало ему сил с лихвой, раз хватало на злость.

— Я не заметил, чтобы ты был влюблен в полукровку в начале похода, — засомневался Дарок.

— Мы не спешили об этом распространяться, — поддержала несложный обман я.

Дарок глянул на меня с недоверием. Хмыкнул и склонился ко мне. Я с трудом устояла на месте; пальцами впиалась себе в руки.

— И что в этой вонючей дыре может помочь этой девке?

— Артефакт, — с готовностью ответила. И осуждающе покачала головой. — Дарок, у некоторых есть доступ к перечню артефактов, которые создал Энраилл. Ты забыл, что у меня был богатый любовник? А я же тебе говорила. Говорила, что он задаривал меня украшениями. Ты придумываешь себе глупости обо мне, и я, слыша их, даже не представляю, как подобную чушь разбивать. Против нее ни одного здравого довода не придумаешь!

— У тебя их нет, — он снизил тон.

Почему? Неужели, собратьям о своих догадках не говорил?

— Ты получил от Стрекозы то, что хотел? — перевела тему.

— Она поведала мне много интересного. — По толстым губам скользнула довольная улыбка. Дарок поскреб шею. — Придется немного дольше повозиться, чтобы скинуть старую тварь с насиженного места, но я точно сделаю это.

— Значит, я свою часть сделки выполнила, — я тоже улыбнулась, вскидывая подбородок.

— И я провел тебя, смелая женщина, как и уговаривались. Поэтому не собираюсь дольше торчать в комнате полной скверны. Тем более хочу проведать Хайко перед тем, как отправиться к Кхангатору. — Приблизил свои губы к моему уху и прошептал: — А потом я приду за тобой, Асфи. Ты не прождешь меня и периода. И не полагайся на силу, сокрытую в этих скверных вещах. Какое бы могущество ты ни обрела, оно не помешает мне.

Улыбку удалось удержать. К тому же успешное завершение миссии и уход лишних свидетелей не могли не радовать.

— Надеюсь, ты умрешь, — сказала ему на прощание, — пока будешь возиться с очередной кладкой дракона.

Дарок, отстранившись, вскинул брови. Хмыкнул, оценивая меня насмешливым взглядом, и зашагал прочь.

Васоверги вошли в священное кольцо, окружив Лиара с его драгоценной ношей, положили ему руки на плечи, и тот обратился к духам. Маленькие полупрозрачные светлячки безотказно явились, обозначая, что кольцо и вправду работает, и, значит, мы сможем выбраться из сокровищницы. А могут ли священные кольца вообще не работать?

От вопроса отвлек тихий голос Ромиара.

— Духи Фадрагоса, наконец-то!

Я успела подумать, что он разделяет мою радость от ухода васовергов, но краем глаза заметила, как он буквально бросился к Слезе Луны. Отбросил посох, и тот громко ударился о пол.

В сокровищнице остались лишь мы четверо. Воцарилась оглушительная тишина. Поглаживая края железной бляхи, Роми никак не решался положить пальцы на предназначенное для них место. Кончик хвоста подрагивал у самого пола; язык то и дело облизывал потрескавшиеся серые губы. Желтые глаза сияли, неотрывно разглядывая узоры на артефакте.

— Все будет в порядке, Роми, — проговорила я, догадываясь о причинах промедления и нерешительности.

— Ты врешь мне, человечка, — не меняя положения, едва слышно, сказал он. — Ты ведь понятия не имеешь, как будет, верно?

Не дожидаясь ответа, впрочем, которого у меня не было заготовлено, Роми быстро оглянулся, проверяя, не приблизилась ли к нам Елрех и не слушает ли.

— Но я спокоен. Хуже уже быть не может. Даже если я умру — это будет даром для меня. Такое облегчение — перестать думать о ней...

И он решительно накрыл выемки пальцами. Облизал серые губы еще раз, пока вкрапления ведьмовского камня постепенно разгорались ярче. Его лицо тронула нервная полуулыбка, а затем Роми коротко и порывисто вдохнул, широко открыл глаза, резко выпрямляясь, и замер.

Я затаив дыхание следила за ним. Ладони вспотели, сердце покрылось льдом и — без того тяжелое — потяжелело еще сильнее.

В тишине скрипнула половица, едва слышно стукнулись амулеты, вплетенные в волосы Елрех. Она медленно и осторожно, не отрывая обеспокоенных глаз от Роми, подошла к нам. Остановившись по другой бок от него, заглянула ему в лицо и закусил побледневшие губы. Через миг покачала головой, сцепила руки в замок и прижала к груди. Светло-синие губы зашевелились наверняка в беззвучной молитве.

Я глубоко вздохнула и ощутила дикое желание отступить, отвернуться, зажмуриться... В голове роились разные мысли, сменяя друг друга невыносимыми кадрами. Не навредила ли я Роми? Не перепутали ли мы артефакт?

Он горел в синем пламени... А до этого угрожал мне.

Мы столько раз ругались...

Я отступила и спиной наткнулась на что-то мягкое. Кейел успокаивающе сжал мои плечи и прильнул щекой к виску. Теплое дыхание поиграло волосками, пощекотало кожу.

Присутствие Кейела приободрило, напоминая, что как бы ни сложились наши судьбы, мы все равно спасли Фадрагос. Мы все его спасли. Наверное... По крайней мере, даже своим эгоизмом мы вложили в его спасение все то, что от нас ждали. Дальше дело не за нами.

Шагнув к неподвижному Роми обратно, я потянулась к его лицу. Хотела поводить рукой перед глазами, но он среагировал быстрее. Вдруг посмотрел на меня и медленно поднес указательный палец к губам, требуя тишины. Осторожно положил артефакт на стол, будто боялся, что от его малейшего прикосновения к твердой поверхности раздастся оглушительный стук. Свел белые брови на переносице, и лицо приобрело жалостливое выражение, такое непривычное для заносчивого шан'ниэрда.

Он, сцепив руки за спиной, отступил от стола одним размашистым шагом и посмотрел на Елрех. Тонкие ноздри раздулись от резкого выдоха. Раздался тихий голос:

— Твоя очередь, Елрех.

Я ощутила облегчение уже от того, что Роми не упал замертво. Решила сразу поинтересоваться:

— Роми, ты...

— А ты помолчи, — приказал он мне, прочертив быструю полудугу хвостом.

Заметив, как на долю секунды сжались серые губы, я поняла: он все вспомнил. Зубы скрипнули неприятно. Такое ли я планировала возвращение тех, кого стремилась вернуть? Нет. Я вовсе ничего не планировала. Даже не представляла и не воображала, как это будет. Может, и к лучшему.

Кивнула, опуская голову и сжимая рукоять кинжала скользкой от пота ладонью. Сердце дрожало в груди, будто, попав в паутину, внезапно обратилось в мотылька. Поглаживания Кейела по плечам больше не успокаивали.

На пол, в точку, куда я уставилась, упала тень. Она принадлежала Елрех. Тень подняла руки, искаженные метаниями неугомонных Охарс, и сжала в руках плоский предмет. Тишина из оглушительной превратилась в предсмертную.

Меня не простят.

Как я могла позабыть обо всем, что натворила? Как позволила собственному эгоизму обратно взять верх над рассудительностью? Боялась одиночества — получу отверженность всеми.

Но разве Елрех не любила Роми? Любила. Настолько, что страдала, зная, что бывших Вольных не бывает. Что они куда-то исчезают. Умирают.

Теперь я вернула ей Роми, и он не Вольный. Ведь не Вольный же?

Неужели она меня не простит?

Раздался стук, и я вздрогнула. По шее покатались струйки пота, впитались в воротник рубахи. Во рту образовалась пустыня.

— Мы...

Задумчивое «мы», сказанное Елрех, повисло в воздухе недосказанностью и породило тысячу разных вариаций для продолжения. Кого касалось это мы? Нас всех или только ее и Роми? Она хотела припомнить обиды, или... «Или» сеяло хаос в голове. Он за мгновение разросся до таких масштабов, что проще было отказаться от любых догадок. Тем более даже самые первые успели вскружить голову, вызывая слабость в ногах и тошнотворный комок, подкативший к горлу.

Тень сдвинулась с места, разгоняя суетливое скопище духов. Тень подняла руку к другой тени, и та попятилась.

— Мне нужно время, — прохрипел Роми.

Меня пробрал озноб, приморозил к полу, потек жидким льдом по крови.

Первая тень молча шагнула в другом направлении, падая мне на ноги, накрывая меня.

Сейчас все решится...

Веки, опустившись, закрыли от меня внешние источники страхов, но будто открыли винтик внутренних на полную мощь.

Руки Кейела все еще лежали на плечах, но я едва ли их чувствовала. Зато другое прикосновение опалило. Елрех легонько стиснула мне локоть и дружеским движением погладила. Таким мимолетным, что в обычной жизни, возможно, осталось бы незамеченным — будничным. Но в данную секунду оно подарило надежду на будущее. Ресницы впитали выступившие слезы, а Елрех ушла дальше.

Я осмелела. Открыла глаза, посмотрела на Роми, наблюдающего за Елрех. Он стоял в паре метров от нас, скрестив руки на груди и хмурясь. Он не выглядел злым, скорее — уставшим, утомленным. Однако не было и заметно такого безумия и отвращения, к которому привыкли. Наверное, именно его отсутствие бросалось в глаза так ярко, выдавая внутренние изменения в шан'ниэрде.

Хотелось сказать ему что-нибудь, но приказ, чтобы я молчала, останавливал.

— Это так... — тихо протянула за спиной Елрех, — тяжело.

Я повернулась к ней, выкручиваясь из объятий Кейела. Фангра сидела у стены и крутила в руках свой кинжал так, словно не узнавала его.

— Я одолела им лиертахона. Это было вместе с тобой, безрассудная человечка, — задумчиво продолжила делиться она. В больших серых глазах застыла растерянность. — И в ту же ночь перерезала им силки. В них угодила крохотная косуля. Ей еще жить да жить...

Мы с Роми шагнули к Елрех одновременно, и я, чувствуя укол в сердце, остановилась, уступила ему первенство. Но как только он опустился на корточки перед Елрех, все же не выдержала и подошла к ним. Присела с другой стороны и решительно взяла Елрех за руку. Если не простила, то отшвырнет. Зато сколько мучений сразу же оборвется внутри меня, вызванные множеством вопросов, на которые я пока не получила четких ответов.

Елрех схватила меня крепко-крепко в ответ, будто падала куда-то и пыталась удержаться. Хотя внешне она проявляла несоответствующее спокойствие.

Роми задышал шумнее, тяжелее, а затем потянулся пальцами к щеке Елрех. Едва притронувшись, отдернул руку. Елрех подняла голову, посмотрев на него тем же растерянным взглядом.

— Прости, — произнес он.

— Не заставляй себя, если тебе плохо, — с пониманием ответила Елрех. — Я не обижусь...

И закусила губу. Повернула ко мне голову, потом снова к Роми. Поинтересовалась вежливо:

— Как мне обращаться к тебе?

По мне прошла дрожь. Я и представить не могла, что сейчас твориться в их головах. Все ли прошло хорошо с этими артефактами?..

Скулы Роми резко очертились, губы превратились в тонкую полоску. Он склонил голову к плечу и уверенно, в полный голос произнес:

— Я люблю тебя, Елрех. — Взметнул хвостом, на скорости стукнув им о пол. — Меня не прекратило тошнить от твоего вида, но ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Эта раздвоенность восприятия мешает, и мне нужно время, чтобы справиться с ней.

— Я спросила не об этом. — Елрех втянула голову в плечи и сильнее стиснула мою руку.

Ромиар прикрыл глаза ладонью и, снизив тон, сказал, словно размышляя вслух:

— Ты моя избранница сердца. Мы прошли ритуал сердец, пусть мир этого и не помнит. — Сжал кулаки; под серыми губами блеснули клыки. — Мы напомним.

— Роми. — Елрех хотела тронуть его второй рукой, но сжала в ладони воздух. И проговорила с полуулыбкой: — Ты уважаемый исследователь, мне это нравится. Если ты не против, уважаемый исследователь, я буду звать тебя так.

На лице Роми расплзлась улыбка. Она по-прежнему отражала усталость, но была...

Я понимала, что лишняя. Чувствовала это с самого начала, но не могла уйти. Кроме этого чувства во мне проснулось и другое. Неприкакаянная... Я не знала, куда идти дальше, что делать. Предстояло так много, но все предстоящее казалось совершенно ненужным.

Несколько мгновений Елрех и Роми любовались друг другом, как после долгой разлуки или при первой влюбленности, а затем глазастая фангра отвлеклась и переменялась в лице. Ее серые глаза превратились в блюдца, а бледность едва не превратила голубую кожу в серо-белую

— Что ты делаешь, добрый человек? — спросила она, глядя в сторону артефактов.

Волосы на затылке встали дыбом, зашевелились.

Мы с Роми опять обернулись разом, не поднимаясь в полный рост. Кейел, позабытый на короткий срок всеми нами, стоял перед столом и держал в руках Слезу Луны. На его лице боролись чувства: неуверенность, сомнения, сожаления...

— Тебе это не нужно, Кейел, — произнес Роми, вставая на ноги.

Кейел только склонил голову ниже, рассматривая артефакт. Русые волосы непослушно выпали из-за ушей, повисли вдоль напряженных щек. Длинный нос бросал тень на губы, глаза ввалились под хищные брови и блестели из темноты. Но Охарс перелетели суетливо, закружили, выравнявая свет и смягчая острые черты лица.

— Нужно, — упрямо ответил Кейел.

— Зачем? — не отставал Роми, обыскивая взглядом комнату.

Я стиснула кулаки. От мысли, что Роми собирается обидеть Кейела, лишь бы тот не применил артефакт, становилось дурно. Зло просыпалось в груди, распылялось, сбивало с убеждения, что Кейелу нельзя вспоминать прошлую жизнь. Тем более из-за меня...

— Роми прав, Кейел, — взяв себя в руки, мягко проговорила я, тоже поднимаясь в полный рост.

— Почему? — спросил он и уставился на меня. — Почему **ты** отговариваешь меня?

— Потому что она впервые проявляет благоразумие, — процедил Роми, сжимая кулаки. Его хвост заметался из стороны в сторону.

Радовало лишь то, что, несмотря на зелье бодрости, он был истощен. В нем недостаточно силы, чтобы даже просто хорошенько приложить человека. Наверное, сейчас с ним справился бы и ребенок.

— Ты боишься его? — изумился Кейел, сильнее повернув голову к Роми, чем напомнил коршуна.

— Что?

— Ты выглядишь так, словно боишься, что я верну память Вольного. Вы все боитесь. Почему?

— Я желаю тебе счастья, Кейел, — выпалила я, шагнув к нему и прижимая руки к груди. В ней исстрадалось сердце, а легкие не справлялись с кислородом.

— Отказываясь от меня? — он хмыкнул.

Я закусила губу.

— Милый человек, — заговорила Елрех. — Ты... Тебе будет больнее всех нас.

Ее слова ударили острее кинжала. В ушах зазвенело.

— Он был страшным человеком? — Сквозь мутную пелену в глазах, удалось увидеть, что Кейел обращается к Роми.

— Он не был человеком. Зверь! — выплюнул Роми. — Из-за таких, как он, всех Вольных презирают! Из-за него их!.. нас. Нас ненавидят из-за таких, как он. Он убивал, использовал, плевал на всех. Даже на других Вольных, несмотря на то, что они тоже избранники духов. Якшался с виксартами и вел дела с этими... Он не брезговал даже васовергами, пользуясь их услугами. Кейел, тебе не нужна эта память, чтобы защититься от сельчан. Я помогу тебе, и мы...

Он застонал, как от резкой боли. У меня в голове будто щелкнул курок, и я вздрогнула. Кейел сделал свой выбор.

Откуда у меня эта паника? До оцепенения... Разве не я мечтала, чтобы мой Вольный вернулся?

Вспомнились последние ночи с Кейелом, и накатила тоска. Я даже не обняла его напоследок, не сказал ему, какой он замечательный. Только грубила... Позволит ли обнять теперь?

На плечо легла рука Елрех. Я подняла голову, взгляделась в широко раскрытые и неподвижные

глаза, хранившие в себе вечное тепло позднего лета и ранней осени. Почему мне всегда казалось, будто само собой разумеющееся, что Вольный, вернувшись, выберет меня, а не покладистую Лери?

Кейел

Когда я понял, что полюбил этот аромат? Вязкий и обволакивающий, словно смола, которая манит насекомых в обманчиво солнечные объятия. И они гибнут в ней... Медленно тонут в смертельной западне, стараясь вырваться, но лишь липнут сильнее и сильнее. Проникая в нее глубже.

Опасный аромат... И горький.

Не приторно горький, не резкий. Он раскрывается постепенно, словно боль от затянутых ран, оставшихся после славного боя. Когда давно отпустили плохие эмоции, когда воспоминания растворили глубоко в себе все самое скверное и отполировали до блеска секунды собственной славы.

Эта горечь проникает через ноздри, дразнит терпкостью, дарит наслаждение и чувства бодрости, свежести... А затем раскрывается во рту вязкостью. И ее хочется раскатывать на языке, продлевая мучительные и одновременно приятные ощущения.

Когда же я полюбил запах хвои? Когда связал его с запахом свободы и свежести в затхлой жизни на задворках мира, или когда угодил в плен янтарных брызг, притворяющихся умирающим Солнцем в бездне темных глаз?

Угодил в приманку, словно ничтожное насекомое. Дважды...

Глупец.

Несколько секунд я пытался осмыслить происходящее... или произошедшее.

Запутался. Бросил идиотскую затею.

Посмотрел на артефакт в руках и с трудом удержался, чтобы не разломить на две части. Железный... И не смог бы. Прав Дарок: вся эта комната полна скверны. Слышишь, Алурей? Вы, Великие духи, и те, кто решил использовать нас, — источники скверны в Фадрэгосе. Вся ваша сила, ваши желания, даже направленные на созидание, ведут к разрушению. И порождают никому не нужных зверей.

Одиноких, бестолковых, потерянных...

Не желая смотреть на источник моих переосмыслений в обеих жизнях, я положил артефакт на место и сразу направился к священному кольцу. Слабость прокатилась по ногам, разлетелась темной волной в голове, застилая взор чернотой. Пришлось остановиться уже через шаг.

Все-таки использование артефакта отнимало силы и вызывало потребность посидеть хоть немного, либо попросту стоять неподвижно. Я взглянул в желтые глаза и усмехнулся.

— Ты был хорошим человеком, — произнес с искренней досадой Ромиар.

«Подаришь живому мертвецу погребальный венок, какие вы, шан'ниэрды, носите друг другу в гробницы?» — этот вопрос вслух не озвучил. Улыбнулся шире, но смех сдержал. Провоцировать слабого шан'ниэрда на продолжение драки не было ни малейшего желания. Да и лицо прекрасно помнило боль, оставленную сильными ударами. Тронул щеку тыльной стороной ладони, убеждаясь, что крови нет. Кажется, Роми сломал мне челюсть, раздробил нос и точно выбил несколько зубов. Он собирался избить меня до смерти.

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Теперь ты пробудил в себе монстра.

Я фыркнул, вскидывая брови.

Ошибаешься, Ромиар... Ошибаешься, если думаешь, что ты не такой же зверь, как и я. Просто высокомерие шан'ниэрдов, ваше желание видеть себя в лучшем свете, вынуждает тебя сдерживаться. Но и приглядываться не нужно, чтобы видеть, что ты такой же. Такой же, как и я. Такой же, как и все в этой в этой комнате. Как во всем мире. Мы все звери, заключенные в двуногие тела.

Уловил движение в полумраке и, испугавшись непоправимого, резко посмотрел в глаза своей слабости. Она застыла на месте, будто пойманная с поличным. Прикусила губу, с силой сдавливая и заламывая пальцы. Переминаясь с ноги на ногу, шарила горящим взором по комнате, будто пыталась найти в нем опору для пошатнувшейся силы. Ее неуверенность раздражала. И в то же время радовала... Решившись, безумная набрала воздух в грудь и приоткрыла рот. Успела поднять на меня глаза, прежде чем совершить свою последнюю ошибку.

Увидев, как я покачал головой, рот закрыла и благоразумно отступила в тень.

Правильно.

Неправильно то, что мне отвратно видеть ее боль, отраженную на привлекательном личике. Ее боль быстро проникала в меня, и я разделял ее, словно свою. Безвольный...

Фангра поднялась молча и направилась к кольцу. Заметив ее движение, Ромиар потерял ко мне интерес и, взволнованный, последовал за ней. Я воспользовался освободившимся местом. Неспешно подошел к стене и, привалившись к ней спиной, сполз. Уселся, вытянув ноги, закрыл глаза и расположил затылок на прохладной поверхности.

Услышав тихие шаги, напрягся вновь. Ярость затопила нутро, вытеснила покой. Попытался нащупать кинжал, но успокоился и топору. Вспомнил, как сидел так же под священным кольцом совсем недавно и ждал *ее*. Только чувства растратил попусту. Знал бы сразу, что не нужен ей... Она отвергла меня, когда я дважды отдал ей все, что у меня было в жизни. Выложил все связи, назвал места тайников, поделился всеми тайнами о выживании в самых суровых местах Фадрагоса... И еще: отказался ради нее от будущей жены и ребенка — семьи. И она все отвергла.

Ради моей безопасности? Не верю.

Усмехнулся и ощутил, как девчонка пугливо встрепенулась. Пусть боится... И все же от этого горько. Хочется обнять, успокоить.

Нельзя.

А ведь даже Дароку похвасталась Волтуаром. Надо же. Кто-нибудь сумеет удовлетворить все ее прихоти?

Ревность мигом уничтожила последние крупницы желания дать ей еще один шанс.

Алурей, ты с самого начала знал, кто она? Знал, что она — мой враг? Наверняка. Ей нельзя доверять.

Приоткрыл глаза, покосился на нее, и она шустро отвернулась. Покраснела. Побледнела... Покусала немного нижнюю губу и решила на глупость снова — потянулась к моей руке. По телу пробежал жар, напоминая холодное пламя — не сжигающее, а разрывающее плоть на мелкие кусочки, на песчинки... Страх охватил мгновенно, и я стиснул топориче до скрипа. Девчонка заметила и замерла с занесенной рукой. Ее губы дрогнули, подбородок задрожал, брови выгнулись, как будто она вот-вот заплачет.

Духи, сколько личин она носит?

Перехватив мой взгляд, она поняла, что я не шучу. Если придется защититься от нее, то я воспользуюсь топором. Или... Глупость. Но пусть верит в нее.

Зачем она вернулась? Зачем пришла за мной в Солнечную?

Она кротко сложила руки на коленях. Посидела молча несколько мгновений, колко рассматривая помещение, будто искала в нем последние крупницы пользы, пока я украдкой разглядывал ее. Затем разгладила складки на темных штанах и, упираясь ладонью в стену, поднялась. Решительно прошла мимо меня, снова пробуждая необузданный страх во мне.

Я дернулся вслед за ней, хотел удержать, но вовремя опомнился. Попытался найти хотя бы одну причину простить ее, пожалеть или... Нужны ли причины, чтобы полюбить?

Какая глупость...

И с Дароком пусть справляется сама. Пусть теперь сравнит всех мужчин, что у нее были. Она бросила правителя, бросила богатого жениха в своем мире, бросила меня... Вольного без крова, без будущего, с одной лишь единственной целью в жизни — спасти мир. И ту она отняла, обманув меня. И я ведь после этого подарил ей то, чего она хотела. Вернул ее в счастье, к которому она стремилась. Уничтожил мир ради нее. А она вернулась, и снова бросила меня. Зачем только искала?

Чтобы опять врать... Только это она и умеет.

Она удалялась, путая мысли, чувства, опустошая изнутри. Будто уходом отнимала что-то необходимое, бесценное. Края пустоты стремительно обрастали колючей болью, и хотелось до безумия закончить мучения как можно скорее. Я облизал губы и позвал ее.

Асфи

— Асфирель.

Я вздрогнула, ощутив тупой удар в груди. Будто выстрелили в упор.

Не Аня, не Асфи. Асфирель...

Сглотнув с трудом, заставила себя вдохнуть и повернуться к Кейелу. Он сидел, ссутулившись и глядя на сбитые носы своих ботинок. Выглядел так, будто раздумывал чистить обувь или выбросить в ближайшую мусорку. На его лице ни один мускул не дрогнул, когда он перевел этот же безразличный взгляд на меня и добавил:

— Прощай.

Пожалуй, умереть под тяжелым прессом было бы не так... больно? Нет. Тут гремучая смесь и боли, и досады, и унижения, и усталости... Чего только не найдется в этом пласте, который вот-вот раздавит меня прямо в этом хранилище, прямо на этом полу.

Кейел отвернулся и принялся снова крутить носом сапога, рассматривая его.

Ну конечно... Идиотка! Он был Вольным, убежденным, что любит меня. Потом я вернулась и попала на глаза парнишке, которому не хватало эмоциональной уравновешенности. Не хватало чувства собственного достоинства или... Черт его знает, что ему не хватало! Но он точно разбирался в чувствах. Теперь Вольный вернулся, а с ним осталось понимание собственных чувств. И он попросту разобрался, что никогда и не любил меня. Может, путал бедняга симпатию и страсть с любовью. Да, наверняка, так все и есть!

И разом полегчало — схлынули чувства, сомнения, будто их смело невидимой рукой. Вот только сдвинуться с места не удавалось, как и отвернуться. Я стояла и наблюдала за тем, кто был близко — в трех метрах от меня, — но представлялся кем-то далеким.

Я хмыкнула. Мы будто из разных сказок. Он гадкий утенок, превратившийся в прекрасного лебедя. А я... Русалочка?

Духи Фадрогоса! К черту сказки...

Тряхнула волосами и продолжила короткий путь. За камнями священного кольца что-то тихо обсуждали Роми и Елрех. Заметив меня, фангра резко обернулась. В сочувствии, отраженном в серых глазах, можно было утопиться.

— Ты куда? — дернув уголком губ, спросил рогатый.

— Заканчивать дела.

— А потом? — он нахмурился.

Елрех проводила меня взглядом в центр священного кольца.

— Не знаю. — Я пожала плечами, всерьез задумываясь над «потом». Видимо, понимание пришло с тем облегчением, которое подарил Кейел напоследок. Своим прощанием он поставил жирную точку в листе, где жизнь, расписанная в строках, была вся перечеркнута и заляпана черными чернилами. Я тихо сообщила друзьям о планах: — Жить хочу.

И забормотала обращение к духам.

— Погоди, Асфи, — произнес Роми, поднимая руку. — Мне нужно извиниться...

Но ждать я не собиралась. Ни ждать, ни задерживаться, ни оставаться в прошлом больше ни на секунду. Хватит. Давно пора двигаться вперед.

С последними быстро сказанными словами духи обратили меня в бестелесное нечто и подхватили, как пушинку.

Глава 28. Вести из прошлого

Вся та легкость и силы, которые пришли ко мне с последними словами Кейела, очень скоро исчезли без следа. Наверное, будь я в теле, на земле, то плюнула бы на все и помчалась обратно к нему. Понадобилось бы — бросилась бы на его топор самолично. Лишь бы избавиться от невыносимой боли потери. Может быть, я бы ползала перед ним на коленях, вымаливая прощение и заверяя, что никогда больше не предам его. Я готова была на все.

Но духи предков и ветра уносили меня дальше и дальше от сокровищницы. Они же пленили рассудок, напитывая его силой и позволяя только думать, думать, думать... Ничего другого не оставалось. Как на ритуале Ярости, только без телесных мук.

Вина перед Кейелом пролегла дорожкой от самого нашего знакомства и через всю нашу совместную историю. За несколько часов размышлений, летя высоко над землей и разглядывая лесную местность, мне удалось увидеть ее как никогда отчетливо. Словно художник легкой рукой рисовал ее густыми чернилами прямо под нашими ногами, когда мы шли в очередном походе. И у меня возникал вопрос, который никак не отпуская: а я бы простила себя на месте Кейела?

С одной стороны, он тоже обманывал меня, использовал, когда это было ему нужно. С другой стороны, используя и обманывая, он потом не отнекивался и никогда не отрицал, что способен на подобное. Конечно, это не оправдывало его, но это будто обрывало дорожку его обмана. В его вине передо мной было множество светлых пробелов, и всегда находилось что-то положительное. Скинул в реку Истины — подарил силу. Использовал, чтобы узнать тайну Аклена и Ил — так ведь был уверен, что и мне жить в Фадрэгосе, которому грозила опасность. Как ни крути, а цель у Кейела всегда лежала в полюсе защиты всего мира и каждого существа, живущего в нем.

И в конце нашего похода... того, давнего, оставленного мною в прошлой жизни. В конце всех передрыг, через которые мы прошли, Кейел прощался со мной совсем иначе. Теперь я точно знала причины, почему он тогда смягчился, почему не замечал обмана перед самым носом, а на грубости мог ответить лаской. Он стремился оставить после себя хорошие воспоминания. В глубине души, прощаясь с жизнью, Вольный задумывался о моем будущем — защищенном, обеспеченном, благополучном.

Я не могла похвастаться перед ним тем же. Пока он размышлял, как отдать мне все самое лучшее, мне приходилось думать над враньем, которое должно было обречь Фадрэгос. Обречь Вольного на новый тернистый путь. А с учетом того, что он увидел меня в Чаше, показывающей смертельных врагов, то в его глазах я и вовсе уничтожила его мир безвозвратно. Почему я не понимала этого тогда, мучаясь выбором: сжимать Сердце времени или нет?

Убивать или нет — вот уж выбор. И за такое простить?

В священное кольцо в регионе Больших мостов я опустила ночью и тревожить охрану, закрывшую ворота Обителя гильдий совсем недавно, не хотела. Как не хотела встречаться случайно и с Кейелом.

Ночь прошла больно.

Я подошла ближе к городу и укрылась в знакомой рощице. Разулась, опасаясь замерзнуть. Плаща с собой не было. В сокровищнице я позабыла и сумку, о чем вспомнила только в шелесте деревьев, стягивая с ног обувь. Гуляла по роще, разговаривая с деревьями и зная точно, что они ничего не помнят. Мои слова висели в ночной тишине, не находя ушей собеседника.

— А помните, мы сидели с ним тут, под звездами...

Никто не помнил.

Кейел

Проститься с небывалой парой — беловолосого шан'ниэрда и представительницей позора всей его расы — не было ни сил, ни желания. Как только духи выпустили нас в регионе Больших мостов, я сжал ляжку сумки крепче и направился к Обители гильдии.

— Может, заберешь? — прилетел в спину вопрос, вынуждающий оглянуться.

Ромиар приподнял повыше чужую сумку. Зачем она мне?

Не отвечая на идиотское предложение, жалящее сердце осами, продолжил путь молча. От священного кольца донеслись тихие ругательства. Елрех стала успокаивать разозленного шан'ниэрда.

Спутники отстали, и одиночество лишь обрадовало. Хотелось отгородиться от прошлого хотя бы на короткое время. А еще не думать о нем. Ни в коем случае не думать.

По дороге Асфирель не встретила. Возможно, она и не направлялась в Обитель гильдии. Куда же тогда?

За спиной остались подвесные мосты, мимо проплывали домики с уютными дворами. Цветочный запах вытеснил навязчивый аромат хвои, но не сумел уничтожить воспоминания о нем. Стоило лишь расслабиться, дать больше свободы собственным мыслям и памяти, как в голове всплывал образ темноволосой девушки. Ладони будто сразу ощущали мягкие волосы и тепло напряженной поясницы, а ноздри щекотал любимый запах. Наверное, я извращенец, раз так быстро полюбил боль, которую он пробуждал во мне.

Я тряхнул головой, убрал волосы за уши и ускорился.

Городские стены выросли за старыми дубами и тонкими осинами. Духи попробовали мои намерения, пролетая сквозь руки, и юркнули к страже. Недовольный человек отворил мне двери в воротах и, ругая шляющихся путников в такое время, пропустил внутрь.

Знакомые улочки кишели народом, виляя между домами. Я брел, видя безликую толпу и не замечая ее одновременно. В какой-то миг прирос к обочине, внимательно разглядывая освещенное крыльцо. На нем стояла гибкая темноволосая девушка, о чем-то переговариваясь с высоким эльфом. Сердце колотилось в груди, спину пробрал озноб.

Небрежным взмахом руки девушка отбросила копну волос за спину и повернула голову. Свет обрисовал нос с горбинкой, ровную бровь и пухлые губы; в ухе блеснула длинная серьга.

Озноб отпустил, а я потерял интерес к крыльцу неизвестного заведения.

И что бы я сделал, будь там Асфирель? Почему так хочется повстречать ее, несмотря на душевную боль, которая возникает даже просто при воспоминании о ней?

В таверне удалось найти свободный стол на двоих. Полная подавальщица, знакомая мне, но не помнящая меня, извинилась и позвала напарницу.

— Алийка! Быстро иди сюда! Обслужи господина!

Она умчалась к столу, за которым голосили пьяные наемники. Заведение не славилось спокойствием и уютом, зато могло похвастаться хорошей выпивкой, вкусной едой и приемлемыми ценами. Стуча пальцами по краю исцарапанного стола, я ждал нерасторопную девицу. И сглотнул невольно, когда она с перепуганными глазами протиснулась через нескольких спорящих между собой верзил.

Хорошенькая. Темные волосы отливали в свете декоративных факелов медью. Огонь горел в карих глазах. Невысокая... Она уронила полотенце и, ойкнув, присела у моих ног.

— Простите, господин! — высокий голос утонул в оскорблении одного из верзил, решившегося ударить. Девушка, испугавшись драки, вскрикнула и подалась вперед, неосознанно навалившись мягкой грудью мне на ноги и прильнув лицом к моему животу. Подняла на меня круглые глаза и еще раз пискнула: — Простите!

Я придержал ее, положив руку на напряженную спину. Мужики продолжали махать кулаками в двух метрах от нас и могли задеть подавальщицу. Схватил ее за шкуру и одним рывком затащил к себе на лавку. Усадил рядом и приобнял за плечи, наблюдая за пьяными, разгневанными мужиками.

Подоспели вышибалы. Ловкий эльфиор прыгнул между столами, быстро подобравшись к дальнему

мужику. Он как раз пытался отломать от лавки спинку, чтобы вооружиться. Второго на себя взял широкоплечий человек. Всего несколькими ударами, под надзором охранных духов, они осадили мужчин и, заломав руки, вывели на улицу.

Юная Алийка сопела мне в шею, не смея высовывать носа. Обеими руками она крепко обнимала меня за талию. Взор выхватывал макушку ее темных волос, вызывая легкий дурман. Я невольно прижался к ним лицом и шумно вдохнул. В ароматах еды, пропитавших волосы, немного ощущалась горечь. Пришлось втянуть воздух еще раз, чтобы прислушаться к своим ощущениям. Горечь была другой... Такая бывает у кисло-сладких фруктов, растущих в очень теплых регионах.

Раскрасневшаяся Алийка отстранилась и потупилась. Не сводя взгляда прекрасных глаз от моей груди и не убирая горячих рук с талии, повторила:

— Простите, господин.

— Новенькая? — поинтересовался я, теряя к девушке интерес.

— Третий рассвет работаю, — кивнула она. — Вам чего?

Наконец отпустила меня, выскочила из-за стола, деловито отряхнула полотенце и действительно приступила к работе.

Запеченное мясо выглядело аппетитно и было вкусным, но застревало в горле. Я запивал каждый кусок несколькими большими глотками вина. Вот пойло оказалось дрянным. Сладкое, вязкое... Мне принесли на пробу сидр. От него сводило зубы.

— Принеси чего покрепче, — приказал я старой знакомой подавальщице.

Мясо осталось почти нетронутым. Горькая настойка выжигала в груди боль. Ненадолго.

Приходилось пить часто. Но с каждым выпитым глотком, умирала надежда, как умирает на закате Солнце, что боль исчезнет. Скверна пустила корни глубоко. Я слеп от выпивки, но прозревал внутрь себя. Образы воспоминаний становились отчетливей.

С каждым глотком.

Еще один и закрыть глаза — она улыбается, сидя напротив, и учит дурацкой игре. Выставляет передо мной кулаки и дергает ими заранее, опасаясь, что вот прямо в этот миг я стукну ее поперх своими кулаками. А потом наоборот. Хмурится и возмущается забавно, когда я ловко дурю ее. И выглядит счастливее всех на свете, когда поддаюсь ей так, что она не замечает поддавка.

— Вам принести чего-нибудь еще, господин? — врывается в четкий образ чужой голос.

Чужая девушка из чужого мира...

Я смотрю на нее и вижу в темных глазах огонь. Почему-то сейчас он кажется отражением факелов. Наверное, стоит посмотреть поближе, разглядеть в них умирающее Солнце. Девушка склоняется по первому же подзывающему жесту. Она всегда была слишком доверчивой...

Огни расплываются перед глазами, а ее губы блестят после того, как она облизала их от волнения. И я целую их.

— Господин! — Подавальщица отскочила, снова уронив полотенце. Как ее имя?

— Извини, — сказал я, приходя в себя.

Потер лицо и отодвинул стакан с выпивкой. Попросил комнату и воду.

В тесной комнате стояли кровать, комод и лавка с утварью для умывания. На крохотном оконце висели белые занавески в горошек. Крепкие парни внесли огромную бочку, наполнили ее водой, уточнили, можно ли забрать на рассвете, и оставили меня в одиночестве. Духи нагрели воду, позволяя понежиться и отмокнуть.

Сидя в бочке, закрывал глаза и запрокидывал голову. Хотелось ее прикосновений, голоса, поцелуев. Безумие...

Стук в дверь сначала будто почудился, но затем повторился громче. Возможно, я задремал. Вода остыла, звуки в таверне затихли. Хмель до конца не отпустил, и тело показалось чужим, слабым. Держась за спинку кровати, я стянул покрывало и обмотал им бедра. Отыскав топор, прислонил его у двери так, чтобы можно было легко поднять. Отворил дверь и нахмурился.

Подавальщица стояла за порогом и мяла подол длинного платья. Темные волосы выбились из

толстой косы, придавая виду девушки небрежность. Карие глаза замельтешили, длинные ресницы задрожали. Она изучала меня взглядом.

— Я что-то забыл в зале? — на всякий случай спросил, догадываясь о других причинах ее визита.

подавальщица покраснела и мотнула головой.

— Мне показалось, что я... что ты... — Посмотрела чернотой своих глаз в мои глаза и спросила, нервно глядя ямочку между ключицами. — Я нравлюсь тебе?

Наверное, мне пойдет на пользу... Сколько я еще протяну со своим безумием наедине?

Я отошел в сторону, открывая дверь шире. Проследил, как нерешительно девушка переступает порог. В темноте комнаты видел, как фигурка подпрыгнула на месте, когда дверь за ней закрылась.

В темноте желание пробудилось мгновенно. Темнота позволяла обмануться. Недавние воспоминания легко заменялись другими. Темноволосая, темноглазая...

— Господин...

— Кейел, — подсказал я, прижимая девушку к двери и поднимая подол платья.

Она поцеловала в щеку, в уголок губы, в подбородок... И я сам отыскал ее губы своими. Обхватив ее лицо, заставил приоткрыть рот. Ощувив мой язык, девушка попробовала оттолкнуть меня и отвернуться. Задергалась. Но через несколько секунд неравной борьбы простонала от удовольствия и с легкостью поддержала новую игру, позволяя мне погрузиться в воспоминания глубже.

Тесемки платья легко развязались, и я, закрыв глаза, стал целовать дрожащие плечи. Аня... Ее хотелось зацеловать всю.

— Кейел, — голос прозвучал хрипло, на грани стоны.

Возбуждение ударило в голову, отбирая последние крохи свободы. Я ее пленник. Узник. Опускаясь перед ней на колени, стягивал платье и целовал освобождающиеся от одежды сантиметры кожи. Впитывал в себя девичьи стоны и выдохи, растворял их отличия от необходимых в оживающих воспоминаниях.

Платье упало в ноги, а я замер, стоя на коленях. Сколько раз такое было? И так глупо закончилось...

— Ах! — Девушка дернулась в моих руках, и я расслабил хватку.

Погладил бедра, на которых останутся синяки после моих пальцев. Стараясь взять воспоминания под контроль, прижался губами к мягкому животу. Ощутил девичьи руки в волосах. И забылся...

Иногда приходил в себя, когда не узнавал Аню. Приходилось закрывать глаза, вспоминать терпкость любимого запаха и звучание звонкого голоса. И стоны порой казались безобразными, резали по ушам, и я заглушал их поцелуями.

Но в забытьи таилась боль.

Она перемешивалась со сладостью ночи, вызывала глухую ненависть, и я физически ощущал оковы на сердце. И словно пленник рвался сорвать тяжелые кандалы, разорвать цепи, созданные ложью. Избавиться от них раз и навсегда!

Тогда стоны прерывались вскриками, а хрупкое тело подо мной сжималось, словно от страха. Приходилось избавляться от болезненных и затягивающих воспоминаний. Приходилось шептать девчонке, как она красива.

— Правда? — выдохнула она мне в щеку.

Я переплел наши пальцы, поднял ее руки выше и вжал в твердый матрас. Она выгнулась со стоном. Лунный свет упал на лицо отчетливее, выдавая внешнюю схожесть с той, кого хотелось видеть вместо нее.

— Правда, Алия. — Имя вспомнил не сразу, а произносил тогда, когда нужно было разбить ожившие образы в голове. С очередным движением, вызвавшим ее стон, мазнул губами по виску девчонки. — С первого взгляда на тебя во рту пересохло.

Ей нравилось слышать этот полуобман, а мне ничего ни стоило потрепать немного. Зато после него она быстро забывала о том, что моя нежность и ласка легко меняется силой и жестокостью.

Тело трясло от слабости и бессилия, когда за окном собрался туман. Я сел, спустил ноги на холодный пол. Посмотрел за окно. На улице стояла глубокая ночь, до рассвета было далеко. Тумана тоже не было, просто от нашего дыхания запотело окно. Клонило в сон, но хотелось пить.

Чужая рука погладила поясницу, и ее хотелось сбросить. Скрипнула кровать.

— Я тебя раньше тут не видела, — перевернувшись на бок, довольным голосом протянула Алийка.

— Ты работаешь тут три рассвета, — напомнил я.

Она замялась. То ли ей ответ не понравился, то ли его тон.

— Кейел, а ты наемник, да?

— Уйди.

Она уходила громко. Так же громко, как получала удовольствие, ерзая подо мной. Видимо, обиделась. Рывком скинула с себя одеяло, соскочила с кровати, обдавая меня сквозняком. Отыскала платье и, хлюпая носом, громко топала, неловко натягивая на себя яркую тряпку.

Хлопнула дверь, в коридоре слышались быстрые шаги, и наконец все затихло. Я облокотился на колени и спрятал лицо в ладонях. Что теперь делать? Как жить дальше?

Асфи

Лес просыпался. Птицы перелетали с ветку на ветку, щебетали, заливали ранними песнями всю округу. Будили сонных зверьков, осторожно высовывающих носы из нор. Мох бережно обнимал босые ноги, омывая их утренней росой. Солнце проникало лучами под лиственные кроны и согревало почву. Впрочем мне вся эта забота была ни к чему.

Я оглядывалась, пытаюсь понять, как далеко забралась в глушь. Сначала бродила на опушке леса, ожидая утра и проговаривая все, что могла вспомнить. Рассуждая вслух, как бы могла поступить, если бы была умнее. И потом... Боль стала невыносимой, и я попыталась сбежать от нее. Бежала легко. Ни веточки, ни кочки, ни камни, ни скользкие скаты, ни крутые подъемы — ничего не могло помешать Вестнице на ее пути. И я бежала до тех пор, пока не забыла причины, которые гнали меня.

Предрассветный туман, проникнувший в густые заросли леса, умыл меня и привел в чувства. Теперь предстоял обратный путь к Обителю, а ночь показалась глупостью. Впрочем, эта глупость до сих пор тяготила и пугала.

Высокая трава укрыла гнездовье в низине. Я ощутила поглаживание щиколотки и только тогда пригнула траву. Клубки зеленых змей с щетинистым хребтом лежали по сторонам от меня. Чудом, дарованным Вестницам, стопа встала в крохотный свободный островок. Пройдохи аспиды — одна из самых опасных змей Фадрогоса — расползались от меня неохотно, но и без шипения и выставленных зубов. словно не чувствовали от меня никакой тревоги.

Солнце поднималось все выше и выше, а я шла без усталости.

Зов в груди усилился, зазвучал громче, как прекрасная мелодия, и я поняла откуда-то, что Обитель близко. Конкретно этот зов отличался от предыдущих. Он окрылял, придавал сил и разливал сладость в душе. И я улыбалась ему, забывая все невзгоды.

Ворота встречали радушно распахнутыми створками. Охранные духи поцеловали меня теплом и провели мимо стражи в город. Знакомый фангр, когда-то встречавший меня на этих же воротах, стоял ко мне лицом, облокотившись на забор загона с вьючными животными. Рядом потягивался напарник, дергая длинными ушами. Судя по их кислым выражениям лиц, им было скучно. Но несмотря на это, они не обратили на меня никакого внимания. Что прошла мимо них босоногая девушка в рубахе, порванной на плече, что не прошла — все равно. Где я потеряла куртку, понятия не имела. Не помнила. Утром лишь увидела, что колючие ветки не пощадил ни рубаху, ни штаны, оставляя на них зацепки и прорехи.

Стоило вслед за мной к воротам подойти другому путнику, как стражники прервали беседу на полуслове и подобались.

Я углубилась в город, осторожно обходя прохожих. Зов усиливался и дарил безмятежность. Иногда меня все-таки замечали горожане.

— С вами все в порядке? — подошла ко мне синеокая эльфийка, едва достающая мне до плеча. Совсем еще ребенок... — Вам помочь?

Я положила руку на острое плечо, и девочка испуганно оглянулась на дом. На крыльце стояла точная копия ее, но взрослая, и с опаской наблюдала за нами.

— Все в порядке, — громко ответила я, обращаясь прежде всего к маме девочке. — Пусть духи будут благосклонны к вашей доброте!

Склонив голову, услышала похожее пожелание в ответ.

За тихой улочкой раскинулась громкая и светлая площадь. Огромная карта Фадрогоса висела в воздухе, будто подвешенная на невидимые нити. Дом мудрецов возвышался перед ней, как белый храм с витражными окнами. Его помпезность незримо давила на плечи и голову, будто находящиеся в нем сходу хотели показать горожанам, что они выше, значимее и важнее. Этот трюк работал, как надо. Но не на меня.

Улыбаясь и чувствуя присутствие великой силы, я взбежала по ступеням. Вошла в большой зал, укрытый полумраком и свернула в коридор с арочным входом. Мне навстречу шла фангра, шурша одеяниями мудрецов, но, несмотря на зоркие глаза, даже не покосилась в мою сторону. Не увидела.

Зов возрос, вселяя ощущение всемогущества и вел меня вперед беспрепятственно. Ступени широкой лестницы, еще один коридор и поворот... Темно-синие ковровые дорожки, тени витражей на белых мраморных стенах, синие гобелены, темная мебель, отшлифованная до блеска...

Двери. Темные, высокие, двустворчатые. За ними огромное пространство, а в нем те, к кому меня манило. Я потерла языком о небо, чувствуя, как хочется говорить, рассказывать, делиться тайнами. Мудрецов ждут хорошие вести. Они обрадуются. А еще в воздухе ощущается их облегчение.

Я решительно толкнула дверь, и охранные духи не остановили меня. Смазанные петли позволили створке бесшумно и легко поддаться, но внутри сразу же заметили мой приход.

Зал был большой, светлый, с высоким куполообразным потолком. Воспоминания ударили мгновенно острием кинжала. Я прижала руку к груди, вторую — виновато спрятала за спиной и опустила голову, мысленно прося прощение у Кейела. В этом зале я рассказала мудрецам, как он сбросил меня в реку Истины. Сказала, что он убил Этирс, не зная, что та осталась жива и невредима. Именно тут я решила на месть — ритуал, пробудивший двух призрачных драконов: красного и синего.

Меня тронули за плечо, и я подняла голову, растерянно рассматривая шан'ниэрдку. Ее бело-синее одеяние из тяжелой ткани напомнило о мудрецах и о зове, который на миг исчез под натиском других переживаний, более острых и тяжелых.

— Что вам? — побледнев, спросила темноволосая, рогатая женщина. Ланкеала, какой же ты стала... Красивая, взрослая, с другими чертами лица. — У нас важное собрание. Тут нельзя находиться посторонним.

Ее голос дрожал, выдавая сильное волнение. Из-за собрания?

Я окинула беглым взглядом зал. Внутри в основном находились темноволосые шан'ниэрды в богатых одеяниях. Правители... Повернув голову, ощутила очередную волну чувств: страх, трепет, благодарность, тепло. Хотелось улыбнуться, но было нельзя. Конечно же, нельзя. Волтуар сидел на скамье в ближнем ряду и смотрел на меня с подозрением и холодным интересом. Голубые глаза со змеиным зрачком иногда щурились с вызовом. И все-таки ему идет черный цвет.

— Я с вестями, — прошептала, поворачиваясь снова к Ланкеале.

— Какими? — спросила она полушепотом и, будто боясь увидеть кошмар, посмотрела на мои ноги. — Откуда?

Я улыбнулась.

— Из прошлого.

Ее рука на моем плече сжалась; когти вонзились через ткань, пробили кожу. Я ничем не выдала ее волнения, немного поцарапавшего меня.

— У нас собрание, — просипела шан'ниэрдка, повторяя, как за гипнотизированная. — Важное. Здесь нельзя... Нельзя здесь.

— Я не тороплю. Скажите мне, где я могу подождать вас.

— Благодарю! — чуть громче сказала она. В ее глазах обозначилась собранность. — Пойдемте. Я сама проведу вас.

Коротко кивнув, остальным мудрецам, все еще остающимся в неведении, растерянности и выглядящим возмущенными тем, что оборванная человечка посмела заявиться на важное собрание правителей, шан'ниэрдка вывела меня. По дороге до следующего помещения она извинялась.

— Если вам угодно, мы не заставим вас ждать.

— Мне некуда спешить.

— Простите нас. Просто это собрание...

— Оно действительно важно. Разумные существа умирают, это нужно прекратить.

— Да, да... Простите, что заставляем вас ждать. Я потороплю остальных верховных мудрецов.

Мы вошли в просторный кабинет с овальным столом — простой и уютный. Ланкеала предложила воды, дернула шторы, будто хотела их самолично раскрыть и впустить больше света в кабинет, но опомнилась. Шторы и так были раздвинуты. Потоптавшись у порога, она нахмурилась и посмотрела на меня решительно.

— Вестница? — спросила уверенным голосом.

— Да. — Я вскинула лицо повыше и улыбнулась, позволяя ей рассматривать себя столько, сколько

необходимо.

Она снова побледнела, схватилась за дверной косяк, задышала чаще.

— Мы поспешим, — пообещала и исчезла за дверью.

За окнами, расположенными высоко, сновали горожане, катились повозки на деревянных колесах с запряженными в них мситами или ослами, обычными лошадьми и теми, что могли щелкнуть перед носом любопытных зевак длинными клыками. Звуки едва проникали в кабинет. В отличие от солнца... Оно заливало улицу светом, лучами трогало подоконники, согревало часть ковра и стола и слепило меня, вынуждая щуриться. Я отошла вглубь кабинета. Выбрала стул в углу. Разглядывая помещение, улыбалась.

Когда-то в этом кабинете я получила от мудрецов первые важные знания о Фадрогесе, которые впоследствии стали моей основной целью. Теперь я вернулась сюда же, чтобы вернуть другие знания мудрецам.

Прижала руку к груди; улыбка сошла с лица. Жаль, что сердце пришлось разбить...

Беззвучно отворилась дверь, и в комнату один за другим влетели мудрецы. Четверка мужчин расположилась у стола, повторяя его полукруг. Ланкеала осторожно прикрыла дверь, вытащила из шкафчика амулеты и положила с двух сторон от двери у самого порога. Повернулась ко мне с вежливой улыбкой и сложила руки на животе.

Воцарилось молчание. Мы лицезрели друг друга: мудрецы меня с недоверием и неумным любопытством, а я... Я вспоминала каждого из них другими. Разделяла боль утраты светловолосого эльфа. Никому не пожелаешь увидеть на жертвенном алтаре собственного отца. Сочувствовала и сиротам помладше. Ланка и Ликвир были и сейчас похожи между собой, как брат и сестра. Оба статные, привлекательные темноволосые шан'ниэрдры. Я посмотрела на Рувена. Солнце подсвечивало волоски его гривы и перышки роскошных рыжих крыльев. Несмотря на кошачью морду, в медовых глазах читалась доброта и милосердие. Он сжимал спинку кресла, приставленного к столу, когтистыми руками и то и дело нервно дергал усами.

— Помнишь, эльфиорку, которая страдала болезнью Солнца и которую вам пришлось убить? — спросила я у него. Его расширившиеся глаза подсказали, что помнит, но не верит. Я склонила голову к плечу. — Ей нравилась заколка с синими драгоценными камнями. Рувен, вы все сделали правильно. Тебе не за что себя винить.

— Быть не может. — Нелтор одним движением отодвинул стул и упал в него. Погладил коричневую бородку двумя пальцами, посмотрел на стол темными глазами и повторил: — Быть не может. Неужели...

— Дождались, — с облегчением выдохнул Эриэль. Занял соседний с человеком стул и опустил голову на руки.

— Мы ждали тебя, Вестница, — с улыбкой и почтением произнесла Ланкеала.

Ликвир прижал ладонь к груди, словно признавал меня, и чинно склонил голову.

— Ил предупреждала? — догадалась я.

— Ах, наша маленькая Ил... — Глаза рассата заблестели; когти вонзились в обивку кресла, дырявя ее.

— Она, — с улыбкой кивнула шан'ниэрдка, разглаживая складки на синем подоле одеяния. — Велела нам ждать. Предупреждала, что будет долго и нелегко.

— Забыла предупредить, что пройдет суровая вечность, — буркнул в бороду Нелтор.

Я улыбнулась ему, ловя на себе добрый взгляд темных глаз.

— Мне многое нужно вам рассказать.

— Вы голодны? — учтиво поинтересовался Ликвир, осторожно глядя на меня исподлобья. Из-под его одеяний доносился легкий шелест, выдавая движения хвоста.

— Благодарю, — отказалась я, качая головой. — Я попрошу у вас лишь малость. Потом. Сначала новости...

И произошедшие события полились складно как никогда прежде. Рассказ походил на движение маятника — размеренное, ровное, плавное. От моего прихода к мудрецам до их сокровищницы...

— Мы вскрыли ее. Наверное, теперь она привлечет к себе ненужных визитеров. Это опасно.

— Не должна, — ответила Ланкеала, сидя на стуле ближе всех ко мне.

Теперь она просила звать ее новым именем, Линсирой, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Раутхуты замкнулись за вами? — спросил Нелтор, накручивая бороду на палец.

Я кивнула.

— Значит, окаменелости закрылись, Вестница, — мелодичным голосом протянул Эриэль, помассировав мочку длинного уха. — Тебе не о чем тревожиться.

Линсар вскинул рогатую голову и завел руки за спину, принимая воинственный вид.

— Я отправлюсь этой Луной ко входу и на всякий случай проверю.

— Я уверена, что там все в порядке, — мягко заверила брата Линсира, оглядываясь на него через плечо.

— Вижу по Вестнице: ей так будет спокойнее.

— Ты очень прозорлив, Линсар, — сказала я. — Мне и вправду будет спокойнее, если в сокровищницу никто не сможет проникнуть, кроме... Там священное кольцо. Возможно, васоверги захотят перебрать священные кольца и... Они смогут догадаться, как попросить духов переместить их туда?

Мудрецы разом отвергли мои опасения. Нелтор покачал головой. Рувен произнес, частенько порывая:

— Дор-рога туда доступна лишь из одного кольца. Но о его местонахождении знала только Ил. Она говор-рила, что оно спрятано на виду, но путь к нему никто не ищет. Что место мер-ртво. И дор-рога к кольцу тоже мер-ртвая.

Священное кольцо, покрытое пеплом на острове в Лавовом озере?

Передернув плечами, я продолжила рассказ:

— Мы прошли ваши ловушки. Историю мира я им не показывала, этот зал миновали в полумраке...

От моего прихода к мудрецам до их сокровищницы, а потом в обратном направлении...

— Они использовали Слезу Луны. Это моя и их награда за наш путь и наши жертвы.

— Как и говорила Ил... — покачал гривой Рувен. — Вестнице пришлось жертвовать собой. Нехорошо.

— А кто из них был Вольным? — спросил Нелтор. — Разве были Вольные?

— Они оба. Жертвы... Я прошла свой путь, и мне нужно было разбить наши сердца. Они оба были Вольными, верховные мудрецы.

Линсира, прикрывая губы ладонью, высказала сомнения:

— Бывших Вольных не бывает...

— Они были Вольными, — настаивала я, вытирая вспотевшие ладони о штаны. — Я разбила наши сердца, воспользовавшись Сердцем времени...

Маятник рассказа начал падение в другую сторону: от сокровищницы до моего появления в этом кабинете... В той далекой жизни. Моей, но другой. Важной, нужной. Они обе были мне нужны. Они позволили мне прозреть и обрести веру. Самую сильную веру, которую кто-либо когда-либо мог придумать. Теперь я знала, что могут существовать боги, повелители, мудрецы — кто угодно, но вся сила живет только во мне. Лишь верой в себя я могу многое. Хоть мир уничтожить, хоть его спасти.

Солнце за окном исчезло, перекатившись на другой край Фадрогоса. Теперь комната остыла и показалась немного сырой. Я обняла себя и потерла плечи. Рассказ моей истории и истории целого мира подходил к концу. Все чаще слышались уточняющие вопросы, звучали размышления. Неоднократно я смачивала горло несколькими глотками воды.

— Десиен, — протягивая с любовью, повторил имя Эриэль. И забарабанил тонкими пальцами по столу. — Как же вы вовремя, Вестница. Только этим рассветом думали, как выманить ведьму.

— Теперь предстоит думать, как ему помочь. — Линсар, сидя в кресле, закинул ногу на ногу.

— Обязательно, — поддержала его сестра, хмуря тонкие темные брови.

— Значит, вы не против того, что соггоры вернутся в регионы? — полюбопытствовала я, поджимая пальцы на ногах.

— Совсем не против! — Нелтор широко улыбнулся, сцепив руки в замок и наваливаясь всем весом на стол.

— Только этого и ждем. — Линсар устало потер глаза.

— Тяжело управлять всем. По три правителя в р-регионах, а без наших советов ни шагу ступить не могут.

— Иногда едва успеваем их облагоразумить и остановить от дрязг, — пожаловалась Линсира, пропуская прядь волос через пальцы.

— При правлении соггоров всем было лучше, — подвел итог Нелтор. — Но фадрагосцы запомнили их, как виновников всего случившегося.

— Не их вина в том конфликте, — тихо произнесла я.

Меня поддержали дружным молчанием. Все прекрасно помнили причины самой кровопролитной войны и ее последствия.

— Балкоры вымирают. Если честно, я не понимаю, откуда у Десиена силы для того, чтобы спасти десяток-другой выживших.

— Но у вас же нашлись силы на ваш тернистый путь, — проговорил Эриэль.

— Нашлись. Но без Единства я бы не справилась. Да и многое другое помогло.

— Не планируете вернуть его?

— Единство? — я вскинула бровь.

Рассат кивнул, расхаживая по кабинету. С его крыльями сидеть в кресле было мучительнее, чем часами стоять.

— Не планирую.

— Вы дитя другого мира, — ласково произнесла Линсира, сцепляя руки на коленях. — Вас не тронет проклятие.

— Не хочу. — Я вжалась в спинку стула, стараясь оторвать ноги от прохладного пола. От этого вопроса вдруг стало совсем зябко. — Не хочу видеть, как умирают другие, когда ты только начинаешь стареть. Или... Я даже не представляю, когда с Единством начинают стареть. Вольные... Этот тот же принцип, да? Духи делают их тела крепче. Сколько бы они жили, если бы не стремились выполнить свои миссии необдуманно?

— Вольные, — Линсира свела брови на переносице, — мотыльки-однодневки нашего мира. Вы правы. Нет ничего хорошего в бесконечной жизни.

— Вечная память — наше проклятие, — протянул Эриэль, опуская голову.

— Вы как Луна?

— Мы не холодны, Вестница, — опроверг предположение Нелтор. — В нас еще теплится доброта и милосердие. Но чувств, конечно, ощущаем гораздо меньше, чем раньше. Раньше жизнь была лучше...

— Небо ярче, трава зеленее, — я усмехнулась.

— Не смейтесь, — Линсар впервые за все время улыбнулся, доказывая в очередной раз, что шан'ниэрды чертовски хороши собой. — Эмоции выгорают и мир действительно кажется тусклее.

— Нам давно пора переродиться, — проговорил тихо Рувен, продолжая расхаживать от окна к шкафу.

Наблюдая за ним, я прислушалась к себе. Зов давно затих, очнулся голод и обычные житейские потребности. Пора было завершать беседу, или как минимум сделать перерыв. Но один вопрос мучил меня, не позволяя уйти сразу:

— Вы не будете преследовать меня?

— Зачем нам это? — удивился Нелтор.

— В той жизни... Я ведь уже рассказывала, что мы не поладили. Да и я Вестница. Мало ли кому расскажу. Фадрагосцы пойдут за мной, отвергнут ваше правление. Ну, знаете... — Повела плечами, опуская глаза. — Я устала бежать от врагов, а в вашем мире людям не доверяют. Впрочем, в нашем тоже... — Снова подняла голову и обвела всех решительным взглядом. — Но мне хочется убедиться, что вы не убьете меня. Не избавитесь, как от ненужного свидетеля.

Нелтор улыбнулся шире и вдруг с озорным блеском в темных глазах посмотрел на мои ноги.

— У нас поговаривают, что Вестницы могут ходить по углям, по осколкам, по ядовитым колючкам и на их стопах не останется ни царапинки. А у вас вон губы посинели от холода. Вы бы пересели поближе. Туда, где ковер лежит. Все ногам теплее будет.

Дыхание перехватило. Я постаралась разжать онемевшие пальцы на ногах. И вправду замерзли... Резко опустила обе стопы на холодный каменный пол. Шмыгнула носом и вцепилась пальцами в сидущку стула. Еще раз обвела взглядом присутствующих — они все смотрели на меня с отеческой насмешкой.

— Вы принесли нам прекрасные вести, — произнес Нелтор, поднимаясь со стула. — Но не сказали своего имени.

— Асфирель.

— Мы предоставим вам комнату для отдыха. Пищу, кров, чистую одежду — все необходимое.

— Деньги? — Линсира склонила голову к плечу.

— Не нужно. Я умею зарабатывать.

— Вы можете остаться у нас столько, сколько захотите, — оставался учтивым Эриэль.

— Спасибо. — Я тоже поднялась и подошла к столу. — Мне бы привести себя в порядок, поесть, и я уйду. И одежду... раз уж предлагаете. — Спыхватилась, добавляя поспешно: — Не обязательно дорогою. Добротную бы и практичную. Пойдет и с чужого плеча.

— Куда планируете отправиться? — Рувен остановился.

Я попятилась, сжимая кулаки.

— Не скажете? — удивился эльф.

— Чем хотите заниматься, Асфирель? — попытался разузнать Линсар.

— Жить.

Мудрецы переглянулись и с пониманием закивали. Рассказывать о своих планах не хотелось никому. Просить у них защиты от Дарока тоже. Сила Вестницы покинула меня с последней вестью, сказанной адресатам. Теперь им предстоит как-то помочь Десиену и подготовить население к переменам. И я помню с прошлой жизни, что мудрецы не бессмертны. Кхангатор сумел убить их, значит, с ними тем более расправится Дарок. Но теперь у меня хотя бы появился шанс, что если он и поймает меня, то не сумеет убедиться, что я Вестница.

Меня отвели в купальню, расположенную в подвалах дома мудрецов, где позволили и отмокнуть вдоволь, и просохнуть в тепле. На скамье меня ждали новенькие и хорошие сапоги, штаны, рубаха, куртка и даже плащ. Я оделась, удивляясь, что все село так, будто шили на меня. Нацепила ножны с кинжалом. Срезала лоскут ткани со старой рубахи и, собрав подсохшие волосы в косу, перевязала ее.

В огромной столовой было пусто, пахло вкусно сдобой. За длинным столом одно место было заставлено тарелками с едой. Грибной суп, тушеное мясо, вареные яйца, каша, пироги, булочки, кувшин с молоком, полные соусницы... Я переводила взгляд от одного к другому, усаживаясь на скамью и не зная, за что хвататься. Но как бы ни ощущался голод, съев тарелку супа и одно яйцо, я наелась.

В дорогу мне предложили собрать еду, и я не отказалась. Забрав маленький сверток, покинула дом мудрецов. Сбежала по широким ступеням, разглядывая небо. До заката оставалась пара шагов Солнце. Я подошла к карте Фадрагоса и стала прикидывать маршрут.

Кейел

В городе с самого утра везде чудилась *она*. В каждой темноволосой девушке, в каждом быстром движении, которое я ловил краем глаза. Куда бы я ни отправился, везде высматривал тонкую фигурку в толпе. Поэтому из Обители гильдий хотелось убраться как можно скорее. Поэтому радовало и злило одновременно, что у Лери светлые волосы, а в Солнечной вовсе нет девушек, которые могли бы напомнить о той, кого стоит забыть раз и навсегда.

Елрех проговаривала перед тем, как мы вошли в священное кольцо, укрытое в сокровищнице, что по возвращению навестит дом своей гильдии. Сказала мимолетно, чтобы я подошел к нему к середине пути Солнца и забрал свою долю. Тогда я подумал, что перебьюсь. Был слишком зол после пережитого, да и в голове с трудом укладывались две жизни.

Вольный я или простак-деревенщина? Я задавал себе этот вопрос перед рассветом, когда проснулся от внезапного кошмара. Снилось смесь ереси. На берегу реки горел большой костер, а вокруг столпились сельчане. Отец расхаживал с Сердцем времени в руках и радовал присутствующих громкими речами. Среди них была и *она*. В конце, когда Сердце времени было выброшено в костер, и его пламя загорелось синим, именно *ей* доверили главную роль ритуала очищения от скверны. Темные глаза выворачивали душу, глядя в мои глаза, а руки, умеющие ласкать, как никакие другие не могут, толкнули меня в костер.

Кошмар не понравился. От него бросало в холодный пот, отчего вымокла подушка и простынь. Он же и напомнил, почему я боялся использовать Слезу Луны. Стал ли я хуже после того, как вспомнил все? Изменился ли?

В предрассветном сумраке я вытягивал перед собой руку и рассматривал ее. Я это я. Какой был, таким и остался. Изменений я в себе не замечал, будто не способен был увидеть, ведь они наверняка должны были быть.

Утром за завтраком, считая монеты, оставшиеся в похудевшем кошеле, понял, что отказываться от предложения милой фангры глупо.

Завтрак приносила Алийка. Поставила тарелку небрежно и кружкой о стол грохнула так, что разлила отвар. Я попросил у нее прощения. Она покраснела, фыркнула, обозвала тварью бессердечной и ушла, едва не рыдая.

К обеду я о ней забыл. Не смог бы запомнить, видя в каждой темноволосой девчонке ту, от которой ныло сердце. К обеду я изрядно устал от манящих миражей и постарался не обращать на них внимания. Да и дел хватало.

Я прошелся по знакомым значным местам, сравнивая собственные знания с реальностью. Видел тех, кого не прочь был бы убить, ведь у каждого из них зуб на меня. Приходилось одергивать себя. Они меня не помнят. Старые обиды и недопонимания остались в прошлом.

В каком прошлом?

Две реальности сходились в голове вместе. Радовало то, что в одной жизни я не успел много где побывать, а в другой — напротив. Но почти не был там, где был в первой. Не представляю, какой бардак образовался бы при других обстоятельствах.

Отличия встречались, но нечасто. Контрактов на нечисть для свободных от гильдий наемников на досках с объявлениями висело больше. Оплату за них обещали выше. Выходит, я неплохо срезал заработок на нечисти.

Иногда я встречал оживших мертвецов. Сам убивал их. Помнил, как и при каких обстоятельствах приходилось. Но вот они шли навстречу и проходили мимо, не замечая меня.

Встретил прекрасную Айвин. Не случайно. Успел заскочить в Цветочный квартал, где она каждый день за пару часов до обеда приходила в уютное заведение и пила травяной чай. Думал разузнать у нее как-нибудь о Вайли, все-таки сестрички часто общались, а тревога о бездарной Вольной не отпускала. Надо же... жива. Пока что.

Но Айвин пришла не одна, а в компании темноволосого шан'ниэрда. Он вился вокруг нее змеем и волчьими глазами косился на любого мужчину поблизости. Пришлось отказаться от затей.

К обеду подоспел в дом гильдии Пламени Аспидов. Вошел в главное здание, спросил у девицы за стойкой, где найти Елрех.

— А вы Кейел, да? Елрех ушла, попросила передать вам вот это. — Тяжелый кошель опустился на стойку. Туда же легли несколько писем. — Она не смогла вас дождаться. Ее вызвали в гильдию

Справедливости.

— Зачем?

Девушка пожалала плечами, возвращаясь к сортировке трав, наваленных в несколько корзин.

— Вроде бы беловолосый шан'ниэрд из гильдии Исследователей организовал какой-то поход... Ходят слухи, что они искали рецепт создания эликсира могущества. Но вместо него выяснили способ, как беловолосые могут влюбляться в низшие расы, не сходя при этом с ума. Елрех повезло... Такого красавца в себя влюбила. Он с ней приходил. Правда, раздраженный был, жуть.

— И как с этим связана гильдия Справедливости? — не понял я.

— А, это... — Девушка сняла опустевшую корзинку со стойки и водрузила другую. — Семья этого шан'ниэрда в ярости. Хотят призвать Елрех к ответственности.

— Получится?

Я убрал кошель поглубже в сумку.

— Не думаю. — Девушка выглядела непроницаемой, хоть и кривила губы. — Дриэн отправился с Елрех. Он за нее до смерти стоять будет! Да и Елрех меня заверила, что ее вины в случившемся нет. А Елрех... Не знаю, кем ты ей приходишься, парень, но знай, что пусть она и грязная полукровка, но достоинства ей не занимать. Раз она сказала, что вины за ней нет, значит, точно так и есть. Хоть пусть рога свои и клыки обломают, но ничего не добьются.

На крыльце дома гильдии задержался невольно. Несколько долгих секунд мялся, глядя то в сторону квартала Кожевников, то в сторону парка, за которым находился дом Справедливости. Вспоминая Ромиара и Елрех, выдохнул с облегчением и направился к кварталу Кожевников.

Побродил среди вони и стоков от дома к дому, от мастера к мастеру, от торговца к торговцу. Узнал расценки услуг каждого и направился в другую окраину города. Дорогу к кварталу Кузнецов срезал через главную площадь. Остановился перед домом мудрецов и долго разглядывал высокое белое здание с колоннами и разноцветными витражами. Энраилл... Они пробуждали глухую злость, хоть я и понимал, что не они первопричина всех наших бед. Сжимая и разжимая кулаки, постоял немного перед ступенями, а затем продолжил путь. Хотелось успеть все до заката, и уйти из города.

В квартале Кузнецов ориентировался лучше. Знал хорошо торговцев и их уловки. Знал, кто промышляет оружием мертвецов. Стоит лишь назвать им секретные фразы, и они вели в подвалы, сокрытые от духов и защитников амулетами. Несколько фраз прошли мимо ушей торговцев. Видимо, изменения коснулись и таких мелочей. Но одна все-таки сработала. И за удивительно низкую цену я обзавелся прекрасным мечом. К нему сразу же шли ножны, позволяя сэкономить немного на кожевниках. Вот приглянувшийся кинжал, тоже принадлежавший убитому, продавался без ножен. Но пройти мимо я не мог.

— Надо же... Из кости горной утопленницы.

Я погладил клинок. Его легко было принять за стальной, но не было блеска. Будто отшлифован плохо, да еще и с царапинами.

— А у вас глаз наметан, — похвалил кузнец, вместе со мной любуясь оружием.

— Сколько хочешь за него?

Мужик назвал цену, и я не стал торговаться. Как и не сказал ему, что он сильно продешевил. Судя по структуре волокон клинка, утопленница была в расцвете сил и успела высосать немало крови из крепких ребят. Прикупив еще кое-чего по мелочам, я поспешил обратно в квартал Кожевников. Солнце клонилось к горизонту.

Остановился перед картой Фадрогаса. До Завода Ал'лирта доберусь легко. А потом возвращаться одному по дороге, где промышляют разбоем все, кому не лень. Может, стоит все-таки поискать караван и прибиться к нему? Тело у меня крепкое, мечом управлять умею, если понадобится — и топором зарублю, но вот вина перед духами... Я пока еще чист. Стоит ли искать проблемы или лучше избегать их?

За широким постаментом, возвышающимся по пояс, привиделась *она*. Опять... Стояла чуть вдали, подняв высоко голову, и прикрывала глаза от заходящего солнца рукой. Смотрела на карту. Прохожие сновали взад-вперед, то и дело пряча от меня темноволосую девушку. Гибкую, тонкую... В груди снова очнулось что-то неясное, звериное, приносящее и боль, и сладость. Очередной горожанин заслонил девушку собой, и я в эту секунду попытался отвести взгляд. Не смог. Девчонка открылась взору снова. И я присмотрелся внимательнее. Одетая с иголочки. На *ней* вчера были

поношенные вещи. И Елрех точно ей не помогала, иначе сейчас эти девицы находились бы рядом. Девушка приложила ко лбу вторую руку, сгущая тень на лице. По брусчатке покатился воз, с привязанным шкафом, и вскоре фигурка потерялась за ним.

Я убрал волосы за уши, подбил маленький камень ногой. Поправил ремни ножен на груди, пока еще непривычных телу, и поспешил обратно к кожевнику. Новый кинжал требовал особых ножен.

До Солнечной добирался в одиночку, но на опушке любого леса меня встречал черный волк. Он и довел до деревни тропами получше. Новенький эльфиор, переселившийся к нам незадолго до моего побега, завидев меня, выскочил из речного домика.

— О! А я помню тебя! — Он высоко задрал острый подбородок, глядя, как я спускаюсь по крутому склону. — Это тебя искала та странная компания. Теперь о тебе вся деревня говорит. Ну ты даешь!

— Похоронить успели? — приподнял я бровь, ступив на пологий скат.

Парень хмыкнул, не разделяя шутку. Семена за мной следом, с сомнением протянул:

— Скорее, проклясть недоеденный труп... Твоя-то красавица Фадрагосу новую жизнь подарила! А тут отца вдруг не стало.

— Уже?

Сколько периодов прошло с тех пор, как я ушел?

— Ага! Здоровый мальчуган родился. Говорят, в маму пошел.

— А ты сам видел?

— Не, — закачал головой. И ссутулился. — У вас тут обычай южный: детей до двух периодов не показывают никому, кроме родных и знахарки, помогавшей ему на свет появиться.

— У вас такого не было?

— У нас многое было...

— Напомни, откуда ты?

Раньше я никогда не интересовался переселенцами, зная наверняка, что Тигар и его ублюдки сходу настраивают всех против меня. А этот, видимо, им не приглянулся, раз беседует со мной. За трепом мы приблизились к закрытым воротам. Эльфиор сиял от радости.

— Мне к речному пора. У вас тут лодки редко, а переправу просят еще реже, но староста у вас требовательный.

— У нас, — поправил я, хлопнув вихрастого по плечу.

— Да, у нас. Все никак не привыкну. А, да, меня Окрином звать.

— Кейел. — И я в лоб спросил: — Тигар не принял тебя?

Эльфиор ссутулился, цепляясь пальцами за пояс, и с шумом выдохнул.

— Слухи ходят, что тебя тут не любят, — заговорил он, глядя на носки сапог. — А ты вот мне по слухам и понравился. Вроде бы ты один с Тигаром и не дружишь. Да и не Тигар он никакой! Имя выдуманное. Выгнали их с позором из Обители. Судили его родителей за обман какой-то. Отец вынюхивал что-то во дворце у одного правителя и пересылал другому. Но ты это... не болтай почем зря. А то он меня убьет.

На воротах дежурил сын кузнеца — у юнца только борода расти начала и голос стал ломаться, а характер уже был испорчен. Увидев меня с вышки, он присвистнул:

— Гляньте-ка, кто вернулся! — Перегнулся через частокол и с ухмылкой на веснушчатой роже потребовал: — А ну-ка порежь себя и крови отведай.

— Открой дверь.

— Не открою. Вдруг ты упырь!

Видел бы ты упыря, всю жизнь бы заикался, трус бесхребетный.

— Порежь себя, кому сказал! Кровь свою покажи!

— Зачем? — запрокинув голову повыше, я склонил ее к плечу и прищурился.

— Чтоб сдох ты, паршивец сквернодумный! Режь себя, а то не пушу! Арбалет заряджу огненной стрелой и выстрелю. Спалю тебя, понял?! — Поднял арбалет, показывая серьезность. — У нас тут нечисть повадилась с леса ходить. Теперь, ви-шь, ворота даже рассветами запираем. А тебя тем более не пушу внутрь, пока кровь человечью не покажешь!

Я, услышав причины, хмыкнул. Стянул перчатку с руки, вытащил кинжал из ножен и порезал ладонь.

— Давно нечисть гуляет? — спросил, предъявляя ему красную ладонь.

Он задумался, отрывая завистливый взгляд от кинжала.

— Да вот, небось, ты пропал, и объявилась.

Я глянул в сторону леса. Мивенталь, спасибо вам за всю заботу обо мне. За ту любовь, о которой надолго позабыл.

Вскоре открылась дверь в воротах. Я прошел.

— А вещички-то такие где раздобыл? Ишь, как разоделся! — не отставая от меня, проговаривал молодой дурак. — Отвечать будешь или нет? Вот дрянь, а не человек. Думаешь, вырядился и можешь теперь гордо расхаживать? Я Тигару все расскажу! И этот меч мне достанется, понял?

Он плюнул мне в спину, но я не обернулся.

Уже родила. Сколько периодов меня не было? В маму пошел. На нее похож, или она пытается по крови схожесть оправдать? Лери врать не умеет. Она не Аня...

— Ах ты, паскуда! — Отец колот дрова.

Увидев меня, вытер пот с лица рубахой, откинул топор и высмотрел полено покрепче.

— Живой вернулся. — Поднял полено из кучи. Взвесил в руке. — Посмел явиться.

Я вошел во двор и направился по дорожке к дому. В спину прилетел ворох ругательств, пробуждая тихую злобу. Слушая быстрою и тяжелую поступь, ждал, когда она оборвется.

Оборвалась.

Выждав секунду, легко увернулся от размашистого удара, который пришелся бы ровно по затылку. Перехватил крепкую руку и вывернул до хруста. Полено упало на землю, укатилось в траву. Мужик — не отец — взыв, попытался дотянуться до моего лица. Я перехватил его за затылок и швырнул на крыльцо.

Тяжелый. Он не долетел до деревянных ступеней. Упал на живот рядом. Перевернулся на спину, пока я снимал с пояса топор, и, увидев, как иду к нему, стал отползать. Дверь дома заскрипела. Из нее выскочила бледная матушка.

— Да что ж ты это! Да что ж ты это! — всплеснула руками, хватаясь за подпорный столб, и зашаталась, будто боялась заслонить собой избранника сердца. — Ты что удумал, а? Родного отца!

Подбросив топор в руке, я замахнулся. Видя смертельную бледность обоих, ощутил приятное чувство, которого они лишали меня всю жизнь. Признание. Признание меня, как существа, способного на что-то в этой жизни. Признание меня человеком.

— Пощади, сынок! — прикрываясь руками, воскликнул мужик.

Топор выбил щепки из ступени у самой головы и крепко засел в доске. Я нащупал воротник его рубахи и, стиснув в кулаке, потребовал.

— В глаза смотри.

Он смотрел и не смотрел одновременно. Не было в них осмысленности. Только страх.

— Сынок? — я усмехнулся.

Нет, у меня отца, чтобы зваться его сыном. Разве это не так, Алурей?

Матушка сползла по столбу, приложив руку к груди. Ее глаза заблестели от слез. Теперь она будет стыдиться случившегося и жаловаться соседям. Я только вернулся в дом во всеоружии. И эта женщина не спросит у меня, все ли со мной хорошо. Не ранен ли я. Не порадуется моим успехам.

Скорее, обвинит во всех бедах и поставит в укор мое отсутствие, даже если беды совсем не касались нашей семьи. Будь я дома, она бы обвинила во всех бедах меня, упрекая, что лишь одним присутствием в деревне я навлекаю беды. Ведь все наши беды от моих скверных мыслей. Проходя мимо нее, я склонился и прильнул губами к ее виску.

— Здравствуй, матушка. — Она зажмурилась, будто ожил ее ночной кошмар. Ей не понравилось, что я до сих пор жив? Или тон приветствия? — Лери у нас?

Она кивнула и обратилась тихой молитвой к духам.

Духи Фадрагоса, видите, какого неугодного сына вы воспитали этим людям?

В доме пахло пирогами. У моих родителей не было недостатков, кроме незначительной малости. Их сын родился и вырос со скверными мыслями в голове. Моих родителей можно было показывать беловолосым шан'ниэрдам, как пример тех людей, которые могут стать совершенством. Прекрасный мужчина, хозяин с золотыми руками, способный сам построить дом и обеспечить семью достатком даже в глухой деревне. И замечательная во всем женщина, у которой дома пахнет пирогами, кладовые ломятся от еды, в комнатах всегда убрано, и даже в самом дальнем углу чердака или подвала никто не найдет ни паутины, ни пылинки. Таким бы людям да такого же совершенного сына... Но не повезло. Дважды.

Я вошел в свою комнату и не ошибся. Лери сидела у окна с пальцами и вышивала на белой тряпке красные цветы. Увидев меня, выронила все из рук. Круглыми глазами стала осматривать меня с головы до ног.

— Где колыбель? — спросил, разглядывая комнату.

В ней появилось немного больше мебели. Скамья у окна, комод, полки на стенах, табурет у двери и кровать. Раньше была только кровать. И та — соломенный тюфяк. Сквернодумцу на пользу спать на твердом... Еще сквернодумцу когда-то запретили смотреть перед сном на Луну. Такое созерцание пробуждало скверные мысли. Поэтому окно было заколочено снаружи. Оно выходило в сад, но доски все равно выглядели, как узорчатые ставни, чтобы никто вдруг не усомнился в совершенстве заботливых родителей.

Злость росла с каждой секундой, проведенной под крышей родного дома.

— В комнате твоей матушки. — Наконец-то, заговорила Лери, выдыхая и заливаясь румянцем гнева. — Мы думали, что тебя нечисть в лес утащила. Где ты пропадал?

Она сжала кулаки и медленно поднялась со стула.

— Ты просила меня стать сильнее. Хотела, чтобы я мог защитить нас. Я искал силу.

Я закрыл за собой дверь и задвинул тяжелый засов. Хмыкнул. До моего ухода засов был только снаружи. Выглядел, как украшение, и был хорошо замаскирован под дверные узоры.

— Я думала, что тебя съела нечисть!

В спину что-то ударило. Я повернулся и проследил за тем, как пальцы закатываются под кровать. Голубые глаза Лери заблестели. Она с силой стиснула зубы и кулаки. На бледном лице румянец заалел двумя яркими пятнами. Я отстегнул ножны, поставил меч у двери и медленно шагнул к подруге детства. Она затряслась и скривилась, словно от боли.

— Тише, — прошептал, остановившись рядом.

Погладил большим пальцем напряженную скулу, повторяя след слезы. Она блеснула, стекая к подбородку. Грусть вынудила меня улыбнуться. Надо же... Раньше бы я принял эту встречу и реакцию за любовь. Как все-таки сильно изменилось восприятие.

— Я больше не оставляю тебя. Больше не уйду.

Обнял Лери, а она ударила меня в грудь. И снова, снова, снова... Я поднимал голову повыше и морщился, когда кулаки попадали по подбородку. Лери отталкивала меня — я обнимал крепче. С силой прижал ее к себе, надеясь, что она не додумается вцепиться зубами мне в шею.

— Ты не любишь меня! Не любишь!

Правда. Теперь люблю другую. Только ты уверена, что я люблю тебя.

— Не любишь! — кричала, пытаюсь ударить коленом. — Пусти меня! Пусти!

— Лери, тише. Я рядом.

— Уйди! Ты бросил меня! Я не нужна тебе!

— Нужна.

— Врешь!

Полуправда — не вранье.

Когда ей надоело кричать, когда устала биться в истерике, я уложил ее на кровать и стал целовать. Она всхлипывала громче.

— Я соскучился по тебе, Лери.

Перехватил яблочное дыхание и коснулся губами ее губ.

— Нет! — Она отвернулась, выворачивая шею и упираясь кулаками мне в грудь.

— Почему? Разве ты не рада моему возвращению? Я скучал. Вернулся к тебе. Принес подарки для тебя, для сына, для родителей. Лери...

— Не хочу! Отпусти меня! Дурак! Я не просила тебя уходить! А ты ушел! Теперь отпусти! Я не хочу тебя!

— А я хочу. — Запустил руку под подол сарафана, собрав его в складки и погладив бархатную кожу. — Ты моя избранница, Лери. Ты подарила мне сына. Мы любим друг друга. А близость у нас была лишь три раза. И сейчас я хочу повторить наш первый. Помнишь его?

Она захрипела, набирая побольше воздуха в грудь. И с новой силой принялась бить по лицу и груди, царапая и отталкивая.

— Отпусти меня, немедленно! Скверна в тебе! Выпусти, говорю! Матушка! — завопила во все горло, оглушая левое ухо. — Батюшка! Спасите!

Я перехватил ее руки, завел высоко над головой, и, тряхнув хорошенько, спросил громко:

— Чей это сын, Лери?!

Она хватанула еще раз воздуха, но, осмыслив вопрос, кричать перестала. Замолкла, уставившись на меня. Округлила голубые глаза. Розовые губы затряслись, будто от обиды.

— Что это ты такое спрашиваешь, дурак?

Я склонился к ней ниже и проговорил:

— Он родился рано. Не прошло трех периодов с той Луны, когда ты впервые отдалась мне.

— Не доносила, — она всхлипнула. Голос зазвучал тонко, мягко. — Но он крепкий. В тебя пошел. У тебя пусть ума нет, но крепкий, глянь, какой. А скверна у тебя в голове только ухудшилась. Кто так дурно на тебя повлиял? В чем меня обвинить пытаешься? И потом говоришь мне, что любишь...

Светлые волосы на висках впитали слезы, прилипли к нежной коже. Пробудилась жалость к ней и благодарность за прошлое. Она спасла мне жизнь...

Теперь до слез жалеет об этом.

Я приник губами к белой щеке, попробовал на вкус горько-соленые капли. Жаль, что все так сложилось между нами.

Я поцеловал ее еще раз, и она задышала глубже. Когда отыскал ее губы своими губами, она позволила задержать прикосновение на несколько секунд. Поерзала подо мной призывно, отмечая последние сомнения. Я прижал ее крепче, навис над ней снова. Дождался, когда она откроет глаза и перехватит мой взгляд. Готовясь к новой истерике, попросил:

— Поклянись духами, Лери, что ты подарила жизнь моему сыну.

Она не сдержалась. Фыркнула со злобой. Руки дернулись в моих ладонях. Но безуспешно. И она плюнула мне в лицо. Я дернулся, но с такого расстояние, какое разделяло наши лица, попал бы и ребенок. Пришлось вытереть слюну плечом. Кожаная куртка неприятно поскребла скулу швом.

— Лери, договоримся по-хорошему...

— Ты не любишь меня! Скверна в твоей голове убивает все хорошее в тебе!..

Истерика была. Лери кричала, пока не сорвала голос. Хохоча, обвиняла меня в тугодумии. Иногда звала на помощь моих родителей, не догадываясь, что отцу требуется время прийти в себя и хотя бы сменить штаны на чистые. Что мать будет ходить под дверями, сотрясая воздух причитаниями и жалобами, но никогда не заступится. А когда все прекратится, пойдет как ни в чем не бывало заниматься домашними делами.

Когда Лери, наконец-то, затихла и обмякла подо мною, я склонился к ее уху и принялся тихо напоминать:

— Когда-то дети на берегу реки били меня, протыкали насквозь раскаленным прутком. — Ткнулся носом в светлые волосы. Дыхание Лери участилось. — Теперь духи разрешают мне в ответ делать с этими выросшими детьми что угодно. И я хочу тебя, Лери. И я возьму тебя. Никто не осудит, никто не заступится. Я устал ждать от тебя ласки и подачек. Я научился сам брать все, что мне нужно. И я буду брать тебя каждую Луну, каждый рассвет. Если придется, я буду связывать тебя...

Она закричала, дернувшись резко и с силой. Клацнула зубами возле моего уха, но я успел отпрянуть, крепче сжимая ее запястья. Бледное, круглое лицо, покрылось красными пятнами. Лери затрясло, будто судорога пробрала все тело.

— Я не твоя, выродок скверны! И сын не твой! Ненавижу тебя!

Добившись признания, я выпустил ее. Злость смешалась с облегчением, и эта смесь отняла силы. Я с трудом сел на краю кровати, спуская ноги на пол. Уперся руками в мягкий матрас, чувствуя пальцами внутри него что-то матерчатое, воздушное. Те, благодаря кому я появился в Фадрогосе, приняли Лери, как желанную и родную. Она села у меня за спиной и спрятала лицо в ладонях. Комната опять наполнилась рыданиями.

— Чей он? — спросил я.

Лери закашлялась. Вытирая щеки, губы, нос, хватала ртом воздух, смотрела в окно и продолжала плакать.

— Лери, чей он?

— Я не зна-а-аю.

Девичьи плечи затряслись. Голубые глаза вдруг раскрылись шире и посмотрели на меня испуганно.

— Кейел! — Лери бросилась на меня со спины. Обняла за плечи и крепко сцепила руки в замок, будто чувствовала, что хочу оттолкнуть. Мокрые губы стали целовать то шею, то щеку, то снова шею. Неосознанно попытался отвернуться, убраться от ненужной ласки подальше. Лери заворковала: — Прости меня! Прости, душа моя! Я ведь не со зла, я ведь... Кейел, не бросай меня!

Я скривился.

— Кто отец, Лери? — повторил вопрос, уклоняясь от поцелуя в губы. — И не ври. Почую вранье — выставлю с позором!

— Кейел, да как же...

Она что-то пробормотала. Сквозь всхлипы было не разобрать. Я молча терпел поцелуи и мокрую от раздражающих слез кожу.

— Я не знаю. Духами клянусь, Кейел, я не знаю!

Духи тут же засияли перед нами, подтверждая правдивость признания. Лери продолжила плакать навзрыд мне в шею. Потом закачалась вместе со мной и зашептала о горькой судьбе. Я дал ей время, затем поинтересовался:

— Как так получилось, Лери? — Накрыл ее руку своей. Дрожит. — Расскажи мне.

Она всхлипнула, вздохнула тяжело и сдалась. Прижимаясь щекой к моему виску, заговорила тихо, сбивчиво:

— Тигар с Онкайлой опять расстались. Она как раз в Обитель уехала. И он... — Шмыгнула носом, обнимая крепче. — Он в любви мне признавался, а я ведь только его всегда и любила. Я так обрадовалась. Себя не помнила от счастья! И все было у нас хорошо. Он мне обещал, что теперь уж они точно-точно расстались. Навсегда-навсегда! И я с ним была. И рассветы, и Луны... Только злилась я, что он прятался ото всех. Я все спрашивала его, почему прячемся? А он, мол, чтобы нашему счастью никто не завидовал. И я верила...

Захныкала, полной грудью налегая мне на спину.

— А потом Онкайла вернулась, и он к ней вернулся... — Снова едва не сорвалась на рыдания, но лишь дважды шумно вдохнула. — И он ей о нас все рассказал. Я слышала! Он со мной был ей назло-о-о... И ему со мной стыдно было перед всеми... Но, но... между одноглазой и... толстухой...

Лери не была толстой. Круглые бедра, полная грудь, крепкие ноги и руки. В деревнях таких любили, но Тигар не был деревенским. Ближе к Обители гильдий предпочитали высоких и худых. Желательно эльфиек. Исключением являлись только широкобедрые, фигуристые шан'ниэрдки.

— Я разозлилась. Мне так обидно стало! Он мне так сладко в уши пел, и я поверила. И потом, дура, верила! Думала, он ей врал, а не мне! Поэтому захотела ему так же больно сделать, как он мне. И я к Танмору пошла. А его дома не было. Но брат был. А Эпит страшный, но в душе добрый. — Лери то сипела, то повышала голос на гласных. И часто качала нас из стороны в сторону, неотрывно глядя на дверь. — И я с ним решила... Ну... Только он же страшный. Поэтому я выпила настойку, что их матушка делает. Много выпила. И потом Танмор пришел. А мы с Эпитом... А Танмор же всегда меня любил. Как и ты, но сильнее. Они чуть не поубивали друг друга. И Танмор свое потребовал. И я с Танмором еще...

В этот раз рыдания напомнили скулеж.

— Зачем соглашалась? — прервал я отвратительное завывание. — Могла бы просто уйти.

— Не могла-а-а... Танмор сказал, что всем расскажет. Всем-всем в Солнечной! И я не могла. Потом дальше поле убирали, помнишь?

Припоминал. Хорошая земля находилась в нескольких километрах вниз по течению. Чернозем смешался с песком — почва получилась рыхлая и мягкая. Плодородная. Туда раз в период отправляли собирать урожай.

— Туда же многих парней послали. И кормить их надо было. Меня послали еду отнести. И Танмору захотелось там... А там низкие кусты только. Нас увидели, и я...

Под очередные рыдания выдохнул, опуская голову. Убрал волосы за уши, ощущая пальцами мокрые пряди с правой стороны. Лери, увидев руку перед носом, принялась покрывать ее поцелуями. Я отдернул руку, а Лери обняла с силой, и заговорила быстро, будто боялась, что не позволю ей договорить.

— Кейел, я не знаю, кто отец! Я ушла от них всех, когда грязная кровь из меня долго не выходила. Поняла, что чистая жизнь грязную кровь во мне уничтожила. И я... Прости меня. Я знала, что ты любишь меня. А они... Парни всегда тебя боялись! Они у костров Лунами часто говорили, что от скверного подальше держаться надо. Что если ты мстить будешь, то духи тебя не осудят. И я... — Принялась целовать меня снова: шею, щеку, голову. Перемежала поцелуи со словами: — Кейел, не гони меня, пожалуйста! Кейел, милый мой! Душа моя! Я отдаваться тебе буду. И любить тебя буду. Я полюблю тебя. Только не гони меня! Кейел, пожалуйста, давай попробуем... Давай? Ты ведь любишь меня! Всегда любил! Кейел!

В память врезалась последняя ночь, когда Лери уснула в моих объятиях. Она подстрекала убить всех. Теперь мотивы становились ясны. Я вздохнул, сжимая ее руку крепче и проговорил:

— Попробуем, Лери, попробуем.

Глава 29. Разбитые жизни

Солнечный свет падал на стол с завтраком. К еде я был непривередлив, но именно молочные каши, как выяснилось, ненавидел больше всего. Ковыряя ложкой с краю, смотрел в окно и слушал Лери.

— И мырма эта на тебя засматриваться стала. Ты ее к себе не подпускай. Еще опойт чем, а мне потом бегай, отваживай вас друг от друга. — Поставив последнюю помытую тарелку в шкаф, она уперла руки в бока и повернулась ко мне. — Кейел! Ты слушаешь, что я тебе говорю?

Я молча кивнул, не отрывая взгляда от картинки за окном. Отец расхаживал по двору, собирая инструменты. Часть мужиков уходила на несколько недель в лес на валку сухостоя и посадку новых саженцев.

— Неужто слушаешь? — взъелась Лери. — А ну! О ком я тебя предупреждала?

— Об Онкайле, — без интереса ответил я. Снова ковырнул ложкой серо-белую жижу и решил не доедать. Взяв кружку с отваром, повторил кратко: — Она послушала Окрина о том, как я убивал деву желаний. Теперь смотрит на меня.

Лери все равно обиделась.

— Тебе плевать на меня, да? Ты в мою сторону и не смотришь.

Я вздохнул тяжело и повернул к ней голову. Она свела на переносице светлые брови и сжала губы. Цветастый сарафан спадал до самого пола, красный, широкий пояс пережимал талию, делая полную грудь более выразительной и тяжелой. Поймав мой взгляд на себе, Лери смягчилась. Шагнула ближе, поглаживая косу и проговорила:

— А тобой теперь взаправду многие восхищаются. Все никак не нарадуются, что скверна из твоей головы вышла навсегда и не возвращается. Что ты в лес ходить не боишься и нас от нечисти оберегаешь. А девки-то, девки... — Обняла за шею, продолжая ворковать довольно: — Онкайла давно мне завидует, но только теперь надумала тебя у меня увести. И новенькая переселенка тоже с тебя глаз влюбленных не сводит. Но с ней я уже переговорила за деревней. Сказала, что косы повыдираю, если удумает чего. Да и видел бы ты, как на меня за костром смотрели, когда сказала всем, что сундук девы желаний ты мне весь отдал, а там и ожерелья, и заколки, и платья такие, каких никто никогда у нас не видал! Обещала, что этой Луной в одно из них наряжусь. — Прижалась мягкой щекой к моей щеке и попросила: — Давай хоть разок со мной к костру сходишь. Вот уж никто не ожидает.

— Ты ведь знаешь, не пойду.

— Ну разок, милый.

Я покачал головой, отпивая отвар. Лери не особо расстроилась.

— Тебя никто не обижает? — поинтересовался, зная ответ наверняка.

После того, как Танмор провалялся у знахарки месяц и остался на всю жизнь хромым, никто не смел в открытую оскорблять меня и моих близких.

— Нет. — Она поцеловала в висок. — Как ты всем сказал, чтобы меня не трогали, так меня после того не трогают. Ходят все вежливые и только доброе говорят. За глаза лишь Онкайла смеет дурно обсуждать. Но ты с ней не говори! И подходить к ней не вздумай. И не верь ей, Кейел. Не верь! Она языкастая, болтать всякое любит.

— Не буду.

И дело не в том, что Онкайла — первая красавица из всех четырех молодых девушек деревни, которая вдруг заинтересовалась мной, а в том, что Лери снова загуляла. Вечерами она оставляла сына с моей матушкой, уходила к деревенскому костру и задерживалась, думая, что в это время я уже сплю и не слышу, во сколько она возвращается. От костра они с Тигаром часто отходили по одному. Долго пропадали за околицей и возвращались так же — по одному. Об этом мне рассказал наблюдательный Окрин. Думаю, если Онкайла и ищет встречи со мной, то только для того, чтобы сообщить, кто в очередной раз разлучил ее с Тигаром.

Я набрал воздуха в грудь, собираясь обсудить этот вопрос с Лери и пресечь рождение второго эльфеныша под крышей моего родного дома, но вспомнил последние месяцы и молча погладил Лери по руке. Теперь она чувствовала себя самой важной в деревне. Все ее слушались, повиновались ее прихотям и стремились дружить с ней. Позабылись старые ошибки, позор и стыд. Наконец-то в доме никто, кроме мальчугана, набивающего шишки на каждом углу, не рыдал взахлеб. Никто не закатывал ежедневные истерики о разбитой жизни. И самое простое — я мог

выспаться.

Лери, как и моей матушке, было важно мнение других. Но если матушку заботило мнение о ней, как о женщине, то Лери волновало больше мнение о ее сарафанах, бусах, длинной косе. Она так и не полюбила меня, как обещала, но смогла полюбить то, что стали говорить обо мне деревенские. Старики оценили, что я перебил всю разгулявшуюся нечисть в первый же месяц. Им спокойнее зажилось при негласном лесничем. Мой отец все чаще отзывался обо мне перед сельчанами в добром свете, но при этом боялся пересекаться со мной в доме один на один. И ничто так не грело самолюбие Лери, как симпатия других девиц ко мне, возросшая в связи с моими вылазками в лес. Новенькая переселенка, девица из соседней деревни, в самом деле несколько раз пыталась перехватить меня в сумерках и манила на разговор в заросли жасмина. Ее, как и многих других, девиц, не смущало наличие избранника, с кем они обменялись ис'сиарами перед ликом Луны. Девицам в деревнях скучно...

Первое время Лери, после того, как убедилась, что я не собираюсь выдворять ее, выдавать кому-либо тайну о ее сыне, и, послушала, что говорят обо мне сельчане, стала требовать внимания как никогда прежде. Красовалась передо мной, как только умела, не подозревая, что за пределом маленькой Солнечной, есть девушки, способные увлечь мужчин без прихорашиваний и ярких сарафанов. Лери тот мир был неизвестен. И я не винил ее. Только устал притворяться, что хочу. И не желая портить дома спокойную обстановку, либо уходил в лес на несколько дней, либо ложился спать раньше. Возвращаясь, я точно знал, чего ждать от ночей. И вздохнул с облегчением, когда пыл Лери затих. Позже стали ясны причины, и я не спешил от них избавляться. Пока Тигар таскает ее по оврагам и кустам, она не будит меня ночами.

— А-а-а... — ласково протянула Лери мне на ухо. — Гляньте, духи Фадрэгоса, кто выглядывает из-за угла!

За дверным косяком показалась светлая макушка. Голубые глаза внимательно смотрели на меня. Я старался не двигаться, улавливая движение боковым зрением, внутренне напрягаясь и предчувствуя, чем все опять обернется. Предчувствие пробуждало злость.

— Поздоровайся с отцом, Таллаен! — Лери выпрямилась в полный рост, выпуская меня из объятий, и дернула за плечо. — Кейел, посмотри на него! Ну посмотри же! Сын пришел поздороваться с отцом!

Я стиснул кружку, стараясь унять злобу. Услышав очередную глупую просьбу Лери, повернул голову к остроухому мальчику. Он мигом юркнул за угол. Раздался топот быстрых шагов, затем прозвучал грохот, и наступила пара секунд молчания. Тишина разлетелась на осколки громким ревом.

Лери подскочила к шкафу, схватила полотенце, которым протирала помытую посуду, и швырнула мне в лицо. Я не уклонялся. Снял полотенце с головы и положил на край стола.

— Это все ты виноват! — Белое лицо покрылось красными пятнами; мальчик в комнате разорался громче. — Он боится тебя! Совсем ребенка запугал отрешенностью своей! Неужто трудно хоть раз поговорить с ним? У тебя язык, что ли, отвалится, а?! За все время его жизни ни разу на руки его не взял! Ни разу с ним не поговорил! Таллаен растет, отца не зная!

— Я тоже его не знаю, — произнес тихо, намазывая варенье на краюху хлеба.

В доме стало невыносимо шумно, но Лери все равно слышала. Замолчала, сжимая кулаки и глядя на меня с ненавистью. Приблизилась быстро, когда я подносил хлеб ко рту, одним ударом выбила его из руки и, зарывав, побежала к своему сыну. Я посмотрел на кусок хлеба с вареньем с сожалением. Хотелось есть, но не эту молочную дрянь. И было бы хорошо прервать раздражающие рыдания обоих существ в этом доме.

Стук в дверь прозвучал спасением от дурных мыслей. Я поднялся, переступил босыми ногами растекшееся по полу варенье и кусок хлеба, подошел к двери. Отворить не успел, как услышал топот за спиной. Лери прибежала посмотреть, кого принесло в такую рань. Сына она держала на руках. Увидев меня, мальчик, как всегда, стал вырываться и пытаться убежать подальше.

За порогом топтался незнакомый дед — голубокожий фангр. Растерянно глядел то на меня, то мне за спину. Что-то сказал робко, но рыдание мальчика не позволили услышать.

— Вы кто такой?! — шмыгая носом, крикнула Лери.

— Я издали, девица. Я...

Дед замолк, поправляя пояс грязной туники и понимая, что не может перекричать детский плач. Я оглянулся на мальчика. Белокурый, поймав мой взгляд на себе, дернулся из рук Лери с силой. Грохнулся коленями на пол, раздирая их до крови, и под охи своей матери бросился прочь. Лери за

ним не побежала. Прижимая руку к сердцу, второй — вытирая покрасневшие глаза, дышала надсадно и смотрела с отвращением на меня и деда. Ее сын заплакал в дальней комнате, и плач не мешал разговору.

— Меня добрый мужчина пропустил к вам, когда я сказал, что ищу Кейела, что с любой нечистью управится, — проговорил дед, щупая рукой воздух, будто хотел за что-нибудь ухватиться.

— Зачем он тебе? — в голосе Лери появились воинственные интонации.

— Да вот беда у нас в деревне... — Дед ссутулился, становясь еще ниже чем был, а он едва ли доставал мне до плеча. Волосы когда-то были черными, но с возрастом посерели и торчали из тоненькой косы. — Девочки наши... Спаси их, парень добрый.

— Что с ними? — я нахмурился, предчувствуя тревогу. Видел ее на старческом лице, испещренном множеством фангровских трещинок.

— Откуда ты?! — громко спросила Лери, кидаясь грудью на дверной косяк, разделяющий комнату от сеней.

— Из Заболоти, — поглядывая на меня осторожно, отчитался перед ней старик.

Остальные его вещи темным ворохом лежали на крыльце. И как он донес все? По нему видно, что слишком стар даже для таких нош, как плащ и небольшая котомка.

— Это ж в нескольких рассветах от нас! — изумилась Лери, округлив голубые глаза. О своей истерике позабыла. Сын ее тоже прекратил плакать.

— Путь неблизкий. — Дед склонил голову. — Я-то думал не дойду. Но вот...

— Что стряслось? — Я скрестил руки на груди и прислонился плечом к открытой двери.

— Девоньки наши пропадают. Деревня и так маленькая, а тут еще горе такое... — Он промокнул светлые глаза посеребрившим от грязи платком. — Внучка моя тоже... Уйти не успел. А первой мать ее, доченьку мою, уволок...

— Кто?

— А! — Махнул рукой. — Подозреваем, что линарь приبلудился.

Я кивнул. И услышал за спиной:

— Нет. Не пойдешь. Слышишь меня, Кейел? Я не пускаю.

— Я соберусь, — обратился я к перепуганному деду, — и выйду. Подожди меня во дворе.

— В Заболоть пойдешь?! — Лери отскочила от двери; покрашенные свеклой губы скривились на белом лице. — Зачем она тебе? Да на кого пойдешь?! Ты слышал его?! Там линарь!

Я не хотел слушать. Отодвинул Лери в сторону и направился в комнату за одеждой. Переступил порог. Зубы заскрежетали. Сын Лери как-то пододвинул табурет к моему комоду и поднял тяжелую крышку. Добрался до оружия. Хныча бесшумно пытался засунуть кинжал обратно в ножны. Порезав руки, измазал все в крови. Увидев нас в дверях, уронил кинжал и упал вместе со стулом.

Лери ахнула, бросаясь к мальчику.

— Когда же это прекратится, а?! Посмотри, что ты наделал! Я просила тебя хранить свои железки в сарае! Все в крови! Все в крови!

Она зарыдала. Следом зарыдал и перепуганный эльфенок. Его острые уши мы с Лери перед сельчанами оправдывали, напоминая, что у нее прапрадед был чистокровным эльфом. Изредка могло повезти любому, когда слабая кровь высших существ могла победить сильную кровь низших. Нам верили. Но мне от этого легче не было.

Я подошел к комоду, забрал оружие в охапку и направился к выходу, оглядываясь по сторонам. Одеваться лучше на улице.

Когда вернулся за походной одеждой, Лери обняла зареванного мальчика крепче и, забыв недавнюю ссору, опять запричитала:

— Сын тебя не видит! Все пропадает в своем лесу и пропадает! Ладно в нашем... Но в Заболотье-то тебе зачем?! Кого мы там знаем? А нас?! Тебе дело до них какое? А умрешь если?! Сына без отца оставишь! Хоть раз о нас подумай...

Сколько бы я ни делал для нее, ей всегда казалось мало.

Я хлопнул входной дверью, отрезая крики за спиной. Дед застенчиво топтался рядом и прятал от меня виноватые глаза. Он слышал слова Лери и детский плач, но отказываться от моей помощи не спешил.

Первым делом я выяснил у него, может ли он прямо сейчас идти обратно. Он ответил с готовностью.

— А как же, сынок, — крепко обхватив посох, произнес мягко. И не подозревал старый, как сердце тронул за живое всего одним словом. Я отвернулся, разглядывая знакомые дома и стараясь спрятать от старых глаз бледность. — Боюсь, как бы кровопийца всю мою деревню не убил, пока я тут хромаю.

— Почему не отправили кого-то помоложе?

— Да кого ж это отправлять прикажешь? — он покачал головой, сутулясь сильнее. — Парни наши охраняют девок и Луной и Солнцем. А я староста к тому же. Я в ответе.

И, пригорюнившись, совсем замолк.

У речного домика я попросил деда подождать немного. Решил проведать Окрина. Эльфиор сидел, свесив ноги с дощатого настила, и смотрел на себя в воду. Оперевшись рукой на столб, я спросил:

— Как ты?

Окрин и не вздрогнул. Как знахарка ни пыталась спасти его матушку от тяжелого недуга, недуг одолел. Несколько рассветов назад Окрин с отцом хоронили ее в земле, где-то в глубине леса.

— Получше. — Он выдавил из себя улыбку, поднимая на меня ясные глаза. — С отцом думаем обратно в Обитель вернуться. У вас тут существа с виду добрые, а как ковырнуть — гнилье внутри. Ты извини меня, что я так прямо тебе о том говорю.

— Ничего. — Я с улыбкой стукнул ребром кулака по столбу. — Когда уходите?

— Пока не решили. А ты снова охотиться?

— Позвали.

— Дед дошел?

Я кивнул. Улыбка Окрина стала естественней.

— Я ему спускаться помогал. Думал, что убьется или по дороге помрет, но к Солнечной не дойдет. Но смотри, что любовь с существами делает. Ради любимых сельчан такой путь старик проделал, — присвистнул слабо, но с искренним восхищением. — Я рад, что ты ему не отказал. Удачи тебе, Кейел.

— Духи будут добры к нам — еще вернусь до твоего ухода.

— Поспеши! — донеслось в спину. — Хоть попрощаемся!

Запел глухарь. Птица осторожная, но наш шум ее не перепугал. Линарь не из крикливой нечисти...

Сгущались сумерки, умирало Солнце, цепляясь последними красно-рыжими отсветами за листву и темные, покрытые мхами стволы. Проходя мимо поваленного бревна, я склонился за сумкой. Голова закружилась, меня повело в сторону, и, падая, я успел ухватиться за крепкий сук. Стоял, повиснув на нем, и переживал слабость. Пальцы второй руки сильнее сжимались на толстых хрящах.

Линарь не из крикливой нечисти. Он двигается бесшумно; в ночи можно услышать лишь хлопанье огромных кожистых крыльев. У линаря белки глаз без радужки и зрачка — он слеп на глаза от природы, но мир видит. И видит прекрасно. Все его органы, каждый сантиметр серо-белой кожи улавливают кровотоки живых существ. Чуть слабее он чувствует потоки воздуха и тепло от неживых поверхностей. Мало обладать сноровкой, чтобы убить линаря в одиночку. И безумие идти на него в одиночку...

Но я был не один, а в запасе снадобий, зелий и амулетов мне мог позавидовать бывалый наемник. Елрех регулярно присылала с торговцами посылку, а Роми контролировал, нанимая знакомых шан'ниэрдов, чтобы все было доставлено в отдаленную Солнечную в целостности и сохранности.

Мысленно благодаря Алурея, я побрел от места сражения дальше. Некоторые зелья Елрех помогли усмирить кровоток, а амулеты заглушили до конца так, что я стал восприниматься мертвым. Но эти

условия лишь помогли отследить логово твари. В остальном полагался на себя и на духов. Мивенталь и сейчас следовали рядом, косясь на меня зелеными волчьими глазами. Им какое-то время удавалось сбить кровожадную тварь с толку, но он все же понял, что вся угроза исходит от меня. И когда он занялся лишь мной, я думал, что не выживу. Если бы не милость Алурея...

— Давно ты не дарил мне плоть во времени, — пробормотал я, с трудом выбираясь из оврага.

Мивенталь прижимали волчьи уши к голове и терпеливо вели меня дальше.

Линарь вцепился в мой мираж остатками зубов, которые я первым делом, как добрался до него, переломал и выбил. И сделал несколько глотков крови, которая быстро растворилась в настоящем и исчезла, как и моя иллюзия. Только подставился монстр, позволяя мне срубить одним ударом голову.

Духи распалили костер по первой просьбе, когда я еще не дошел до своей стоянки. Кровь текла из нескольких располосованных когтями мест, несмотря на замедленный кровоток. К тому же из-за этого влияния зельев на кровь немного ослабло тело и клонило в сон.

Я поставил голову линаря на бугор у костра так, чтобы он смотрел на меня белыми, с красными прожилками глазами. Сам, привалившись к дереву, уселся рядом. Дотянулся до сумки, вытащил перевязочную ветошь и бутылку с очищающим травяным настоем. Первым делом стянул с себя куртку, рубаху и занялся раной на животе. Новые шрамы грозились остаться рядом с толстым кривым швом. Он тянулся от ребер к ногам, напоминая о последней ссоре со старой викхарткой.

Знахарка прозвала меня такиром. Дословный перевод с викхарсткого — тот, кто ищет смерти. Вредная старуха ругала меня после каждого возвращения, латая старые и новые раны. Последнее мое состояние ей особенно не понравилось. Возможно, не понравился мой хохот и песни, разбудившие глубокой ночью всю деревню. В тот момент, когда мне удалось добраться к ней, я ничего не соображал. Мешало оживленное ядовитыми грибами воображение.

Грибами отравился намеренно. Дева желаний знала, кто к ней пришел и была готова к встрече. Едва не утащила вслед за собой к Древу жизни. Исполосовала всего, но значительным оказался ее последний удар тонкими, длинными когтями. После него живот пришлось зажимать, чтобы не потерять содержимое. В сундуке с богатствами отыскал булавки, ими сцепил края. Мивенталь буквально тащили на себе из глубины леса, пока мне на глаза не попала поляна, усеянная сизыми шляпками с белыми крапинками. Гриб последнего веселья знали даже дети. Он вызывал видения, смех, давал прилив сил, а потом, если не принять снадобья, убивал.

Я рвал грибы и толкал в рот. Кривился от горечи и кислотности, промахивался мимо пазухи, но рвал и засовывал, куда только мог. Запомнил ясно, как пальцем впихивал в голенище сапога. В очередной раз цеплялся за жизнь, не понимая только, зачем она нужна.

Гриб придал сил. Хлынул такой их прилив, что Мивенталь с трудом оттащили от реки и повели к деревне. На воротах пел песни, пугая выставленных на ночь сторожей. У знахарки смеялся, видя, как расходятся края разорванного живота и в нем блестят внутренности. Рассказывал о тех, кого убил. Она не верила. Смотрела с жалостью, ругала и просила не двигаться, чтобы она могла защитить меня. Грибы выпадали из каждой складки одежды, подсказывая, что мне нужно снадобье. Знахарка и им напоила, и потом продержала у себя несколько недель, не позволяя ни вставать, ни ворочаться. Каждый рассвет меняла перевязку и мазала живот. А когда все затянулось, выставила за дверь и запретила приходить к ней.

Линарь оставил отметины, но с этими ранами я мог справиться сам.

Промокнув покрасневшую ветошь в настое, вытер кровь с груди. Нахмурился, разглядывая три следа от когтей. Голос прозвучал словно над самым ухом: «Будто хотели добраться до сердца»

Ветошь выпала из рук; я резко оглянулся. Лес погрузился в темноту, растворив без следа солнце. Звуки тоже изменились, но не пропали: уханье, тьяканье, грызня, редкий визг... Все далеко. И только голос, который, как мне казалось, я успешно позабыл, звучал в голове отчетливо, словно мы общались с его обладательницей вчера.

«Жадина»

Я вытер испарину с лица и, не обращая внимание на быстрый стук сердца, продолжил промывать раны.

Справившись со всем, с трудом обмотал сам себя. Надел дырявую рубаху и поморщился, когда мокрая от крови ткань прилипла к коже. Надо было захватить что-то на смену, но в последние минуты в доме было невыносимо. Отметая сожаления, вытащил из сумки бурдюк с водой и, приподняв его повыше, выказал молчаливое уважение отрубленной голове. Несколькими глотками смочил пересохшее горло. Закутавшись в куртку плотнее, откинул голову на сырой ствол дерева и

закрыл глаза.

Сон сморил мгновенно.

Проснулся на заре. Промозглый туман стелился в низинах и скатывался с холмов воздушным покрывалом. Кострище лежало передо мной кучкой остывшего пепла. Я поежился от холода и сырости. Зевнул, собираясь с силами.

За ночь тонкие, неглубокие раны склеились мазью, но было ясно с первого взгляда, что сильной нагрузки в ближайшее время лучше избегать.

В котомке, которую собрали мне жители Заболотья, лежали лепешки с прослойкой меда и орехов, яблоки, солонина, вареные овощи и бутылка морса. Этого хватило бы и на завтрак, и на ужин. Но я был уверен, что добрые жители приютят на несколько дней, пока не восстановлюсь. Отказываться не намеревался. При воспоминаниях о доме невольно передегеривало.

Позавтракав в тишине, поднялся. Собрал вещи, прикрыл ветками и мхом кострище, нацепил на себя оружие. И не забыл отрубленную голову.

Солнце показалось между высокими стволами, прогнало сумрачную серость. Туман истончился на холмах, осел на листву мерцающими каплями росы. Уловив краем глаза блеск на высоком листе папоротника, я остановился. Искристые капли напоминали что-то, от чего сердце замирало.

Две капли лежали на зелени и отражали лес. Чистые, будто воплощение невинности... В них проник рассвет. Забрел осторожно лучами, тронул душу, пробуждая давние воспоминания. И девушка из чужого мира ожила перед глазами, словно живая. Озерная вода стекала по ее волосам, коже, застыла искристыми каплями на губах. Их хотелось целовать, а глаза... Я делал все, чтобы менять в них эмоции почаще.

Стук сердца разнесся в ушах. По рукам прошла дрожь, вынуждая стиснуть мясистое ухо линаря крепче.

В тот день мы тоже искали линаря, но в Красной осоке убивал не он.

Кинжал оказался в руке быстрее, чем волна злости успела обернуться испугом. Острые срезало лист папоротника с застывшими на нем искристыми каплями. И они внезапно засверкали повсюду, в мгновение превращаясь в девичьи слезы. Одна из них упала за шиворот, уколола ледяным осколком. Я отступил, разглядывая лес, в один миг ставший мне врагом.

Вдохнул глубже, стараясь прогнать оживающие один за другим образы прошлого. Сжимая кинжал крепче, сорвался с места и, несмотря на дерганье в ранах, поспешил прочь. Лишь бы выбраться из леса быстрее.

В Солнечной устроили отдых. Раз в период деревенские не выходили работать ни в поля, ни к реке. Мастерили огромный «шалаш» из крепких бревен на самой большой площади. Мужики стаскивали к нему скамьи и столы. Женщины пекли пироги и печенья, выносили из общего склада вина.

Проходя в распахнутые ворота, я посмотрел на небо. Солнце достигло самого пика жизни и нависло как раз над «шалашом». Его запалят на закате, когда погаснет последний луч. Зазвучит музыка, голосистые затянут песни, молодые пойдут ближе к костру и будут танцевать. Веселье продлится всю Луну, а потом наступят несколько дней тихого отдыха — без песен, без костров.

Длинный кол бросился в глаза сразу за воротами. Возможно, им на ночь подпирали главные двери. В последнее время они стали расшатываться от ветра, громко стучали, чем пугали сторожей.

Острый конец крепкой палки без труда проткнул землю. Голова линаря насела на второй конец не сразу, пришлось повозиться. Чувствуя тонкий гнилостный запах, я порадовался, что линари из-за живучести своей природы разлагаются гораздо медленней остальных существ. Гам поблизости затих — меня заметили.

Лери стояла на пути к дому, жалась к обочине колеи; за ее ногами прятался ее сын. Заметив, что я иду к ним, мальчик попятился, наткнулся пяткой на ногу Онкайлы, испугался и бросился убежать между всеми. Лери окликнула его, собираясь за ним, но успокоилась, когда его поймал мой отец. Стиснула кулаки, покраснела от злости и, когда я молча поравнялся с ней, последовала за мной.

— Опять гадость с собой притащил! — укорила за трофеем. — Зачем ты головами красуешься? Запугиваешь остальных? Не тронут тебя. Никто не тронет. А на мерзость эту смотреть тошно. Да и сына пугаешь. Он и так тебя боится, а тут еще видит, как ты головы отрубленные домой приносишь.

Надо бы похвалить Лери — в этот раз ее голос звучал сдержанно. Но отчего-то мягкость встречи только разозлила. Сворачивая к калитке, уколол намеренно:

— Он не мой сын.

Лери едва не споткнулась на дорожке, которой ходила по многу раз на день. Надув щеки, заозиралась виновато. За мной последовала молча, понуро.

Запах овощного пирога пощекотал ноздри и вызвал тошноту. Я остановился в комнате, рассматривая знакомую обстановку и перебирая воспоминания. Высокий порог, отделяющий отцовскую комнату, напомнил, как больно прикладываться о него носом и как унижительно запоминать границу территории, которую нельзя пересекать. При взгляде на крепкий стол и табуреты в ушах зазвучали скрипы, а ягоды будто ошпарили от кипятка. Отец порол меня с силой, и при каждом хлестком ударе чудилось, что ножки стола или табуретов — смотря, на что меня бросили, — вот-вот сломаются. В полумраке отдаленного коридора спряталась дверь кладовой. С обратной стороны я изучил ее на ощупь всю. Было время... Много времени в крошечной темноте и холоде. Вызывать духов я боялся. Если бы отец распахнул дверь внезапно и увидел, что я обратился к духам, то...

— Что ты, Кейел? — Лери ласково погладила плечо, топчась скромно за моей спиной. Не заметив, сняла с грязного плаща липкую паутину и отдернула руку. — Фу! Гадость...

Меня тоже передернуло. Не от паутины...

Направился в нашу комнату, на ходу играя застежкой ножен. Ноготь цеплялся за холодное железо, щелкал почти беззвучно. Отсчитывал время. Я чувствовал растущую волну внутри себя и понимал, что больше не смогу сопротивляться. Не смогу остановить ее. Она крепла с каждым моим шагом, с каждым взглядом, с каждым воспоминанием. Зрела, чтобы взорваться и разрушить оковы лжи. Она подкупала окрыляющим ощущением.

За порогом комнаты замер, уставившись на кровать. Мы с Лери помещались на ней вдвоем, но мне всегда было тесно. Была ли хоть одна ночь, проведенная тут с удовольствием? В последнее время мне было легче сражаться в лесу против нечисти.

— А я тут поняла... — прижавшись к моему локтю, робко сказала Лери, — что только тебя одного люблю. Мне так повезло с тобой, Кейел. Так...

— Снова поругались с Тигаром?

Я повернул к ней голову. Лери вскинула подбородок, округлила голубые глаза. Светлый локон съехал с румяной щеки, повис вдоль белой шеи, бросая на нее тонкую тень и обращая внимание на осторожный глоток.

— Тебе опять обо мне что-то наплели? Я говорила тебе, как у нас много завистников объявилось...

Я накрыл упругие губы пальцем, запрещая врать больше. Подбородок Лери задрожал, брови выгнулись дугой, предвещая слезы.

— Кейел, я правду говорю. Я теперь точно поняла, что люблю тебя. Ты у меня хороший такой. Совсем не такой, как...

Запнулась, понимая, что оговорилась. Я разглядывал ее, не двигаясь. Когда-то давно я плел ис'сиары и мечтал, что именно эта девушка примет мое подношение. Обезумел от счастья, когда она сама пришла ко мне, отказавшись от ухаживаний других. Долго не понимал, почему Танмор стал звать меня вором и требовал от Тигара заставить меня вернуть им то, что я посмел украсть. Я многого не знал. Что-то мне рассказывали, но я не верил. Не хотел верить. Лери была заветной мечтой. Была...

Кто виноват в том, что все изменилось?

Упругие губы прогнулись под давлением пальца. Сердце молчало. Оно всегда оставалось безучастным, пока я не вспоминал его владелицу...

Волна достигла пика. Еще стремительней пронеслась по телу, на краткую секунду даря приятное ощущение — и схлынула. Оставила после себя облегчение. Будто я, наконец-то, скинул неподъемную ношу.

— Что ты, Кейел? — сцепив руки в замок и прижимая их к подбородку, спросила Лери.

Я подошел к комоду. Раскрыл сумку и стал бросать в нее вещи. Для склянок с зельями отыскал в углу комода походный мешок, в котором в последний раз Роми с Елрех передали посылку.

— Куда это ты снова собрался, Кейел? — голос Лери прозвучал непривычно испуганно. — Что это ты, милый? Только ведь вернулся. Ты, может, голоден? Так ты скажи, я на стол накрою. Кейел...

Словно предчувствуя расставание, она бросилась мне на шею со спины с нежными поцелуями. Уклоняясь от губ, вызывающих раздражение, продолжил складывать последние вещи в сумку. Хорошо, что вещей у меня не много.

Затянув завязки туго, поднялся во весь рост.

— Не пущу! — Лери крепко обхватила меня за плечи. — Не пущу!

Захныкала. Я без проблем разорвал ее объятия, повернулся к ней лицом. Удивился. Надо же... Впервые на моей памяти, она плакала почти беззвучно. Впервые не спешила обвинять меня во всем. Впервые вела себя искренне...

— Смотри на меня, Лери. — Обхватил круглые щеки ладонями. Поймал глазами испуганный взгляд. — Кроме нас с тобой никто не знает правду о твоём сыне. Я тут с рождения был уродом, и как бы ни старался, так уродом и останусь. Поэтому живи с моими родителями. Они любят тебя, любят и твоего сына, как родного внука. Не вздумай признаваться им, иначе ты убьешь мою мать. Не доводи до этого. Держи язык за зубами.

— Что это ты, Кейел? — повторила вопрос, как зачарованная. — Прости меня, милый.

Я тряхнул ее за плечи.

— Соберись, Лери! — потребовал полупшепотом, склоняясь к ней ниже и прислушиваясь к окружению. Дом молчал. — Я ни в чем тебя не виню. Но остальным знать правду о твоём сыне нельзя. Наши сельчане уже привыкли жить, обвиняя кого-то в собственных бедах. Я уйду, и всем нужна будет новая жертва. Не становись ею. И тем более не позволяй своему сыну стать ею. Никто не заслуживает этого. — Сжимая ее руки крепче, проговорил медленно: — И он не заслуживает такого детства. Ты права: ему нужен любящий отец. Дед его не заменит. Поэтому присмотришься к Танмору.

Лери ахнула, накрывая рот ладонью.

— Что это ты такое говоришь?

— Помолчи! — Я поморщился, с трудом удерживая мало интересующие меня мысли. — Танмор с детства любит тебя. Он примет тебя, хоть с ребенком, хоть без него.

— Ноги под ним опять раздвигать?! — Лери вспыхнула, как свекла.

— Какая разница, подо мной или под ним?

Удар пришелся по скуле неожиданно. Не больно, но обидно. Зачем продолжаю возиться с ней? Какое мне дело, как сложится ее дальнейшая жизнь?

Лери захныкала снова. Схватив меня за запястья, привстала на носочках и принялась целовать в щеку.

— Прости меня! — зазвучал тоненький голос между поцелуями. — Ты вправе злиться на меня. Вправе прибить, если захочешь того! И лучше ударь, чем вот так! Сердце будто надорвалось от твоих жестоких слов.

— Хватит, Лери.

Я оттолкнул ее осторожно, но она полезла ко мне снова.

— Кейел, не удержалась я. Опять Тигара послушала... Он эльф. Так складно о любви говорит... А ты... От тебя и словечка доброго не дождешься. Гонишь от себя, от объятий морщишься, будто от меня мситами воняет. Кейел, но я точно говорю, что полюбить тебя успела... Разглядела наконец в сравнении, что ты лучше всех. А как ушел за линарем, так с Луной поздней проснулась, села на кровати и страшно стало. Думала, не вернешься. А мне как без тебя теперь? Я и не представляю. Полюбила тебя крепко...

Мне удалось отцепить ее руки от своих. Одну сумку закинул на плечо, вторую поднял с пола, сжал в кулаке. Лери стояла посреди комнаты и хлопала ресницами.

— Куда ты, Кейел? — донеслось вслед.

Вопрос хороший... Знать бы ответ.

Лери догнала меня у калитки. Попыталась остановить. Быстро поняла, что легко не справится. Крепко стиснула двумя руками мое запястье и изо всех сил стала удерживать, упираясь ногами в землю. Я бросил сумку с зельями — склянки зазвенели от падения. Одним движением подтянул

Лери к себе, вторым — легко выпутал руку из девичьих пальцев. Лери не растерялась — вцепилась в плащ.

— Кейел, не бросай меня! — Видимо, женское чутье подсказало ей о моих намерениях. — Как же я без тебя буду-то, а?

Пришлось прибегнуть к крайним мерам. Я обхватил бледную шею ладонью. Глядя, как широко раскрываются голубые глаза, со светлыми, словно отмеченными любовью Солнца, ресницами, впился пальцами в плоть крепче. Приподнял руку, заставляя Лери привстать высоко на носочках. Слушая первый сиплый хрип, склонился к круглой щеке и произнес отчетливо:

— Останусь дома — убью всех. И выродка твоего не пожалею. С ним разделаюсь в последнюю очередь, чтобы успел посмотреть, как ты мучаешься.

Разжал руку — Лери рухнула на колени и закашлялась. Постоял немного рядом, убеждаясь, что не передал ничего, и она может дышать самостоятельно. Хотел было подсказать, чтобы берегла драгоценности, отобранные у девы желаний, а затем продала торговцам, когда те доберутся в эту глушь. Собрала бы монет побольше и отправила сына в Обитель гильдий. Если мальчик хоть раз оступится в рассуждениях, его прозовут сыном сквернодумца. Тогда участь его ждет незавидная. Жалость удалось одолеть напоминанием, что моя забота о ком угодно в Солнечной, тоже может выйти этому существу боком. Лери такая же, как и остальные в этой деревне. Возможно, лишь немного более доверчивая и милосердная.

— Не ругай сильно, — попросил тихо, отступая от нее.

Поднял сумку с земли и ускорился. Со стороны ворот доносился шум веселья. Жители Солнечной готовились к вечеру с энтузиазмом. Лери все-таки заревела. Ее слова напомнили скулеж:

— Ой, дура я...

Лесное озеро стояло в безветрии. Плакучая ива склонилась над ним, будто любовалась собой в отражении черной глади. Берег зарос рогозой и кувшинками, собрал насекомых, создав им пристанище. Приютишь ли ты так же милостиво потерянного человека? Разве хуже я насекомого?

Неподалеку плюхнулась рыба, оставив после себя бегущие по воде круги.

— Красиво тут, — произнес едва слышно Окрин и сошел с покатога склона ближе к берегу.

— Красиво, — подтвердил я, чувствуя гордость за это место.

Тут пахло хвоей, а лесное озеро будто застыло во времени.

Я с улыбкой повернулся к вихрастому эльфиору.

— Ну что, сможешь мне?

— Помогу, добрый человек. — Окрин хмурился, ковыряя носом сапога влажную землю. — Но вдвоем не управимся. Видишь, земля тут сырая. Считаю — мокрая. Настил надо строить высокий, дом поднимать как можно выше, а столбы вкапывать глубже. Да кому я это объясняю... Ты и сам в этом разбираешься получше моего. Только кто в это место сунется нам помогать?

Он махнул рукой, с опаской оглядываясь по сторонам.

— Ничего. — Я подтянул сумку на плече повыше. Моя уверенность в этом месте только крепла с каждым глотком здешнего воздуха. — У меня друг уважаемый исследователь. Я навещу его, попрошу, чтобы он за меня обратился к строителям. Ты только выбери, в какую гильдию будем обращаться.

Окрин скривил гримасу, но с готовностью кивнул. Он не стал мне таким другом, каким стал Ромиар, но тем не менее мы сильно сблизились. Особенно после совместного ухода из Солнечной, когда унесли каждый свои тайны о жителях деревни. Окрин многого не знал обо мне и не особенно стремился узнавать. Наверное, поэтому рядом с ним я отдыхал душой.

— Только, Кейел, — полупшепотом обратился он ко мне, поднимая глаза на серое небо. Тяжелые тучи лениво клубились над нами, опускаясь все ниже. Ветра не было, чтобы разогнать их, — ты бы над местом еще раз подумал. Тут Шиллиар часто плачет.

— Пусть плачет.

Я посмотрел на себя в воду. Заправил прядь волос за ухо, втянул хвойный аромат полной грудью и улыбнулся, приветствуя знакомую сладость в сердце.

Пусть небо плачет. От слез можно укрыться, было бы с кем.

Глава 30. Тернистый путь

В отличие от многих других регионов, беды всегда обходили Очаг мудрости стороной. Издавна повелось, что горные хребты в этой части Фадрагоса облюбовали миролюбивые гелдовы. С этими неповоротливыми громами трудно было конфликтовать. Брось в них камень — они поднимут его, принесут тебе обратно и скажут, что ты его уронил.

Крохотная деревенька стояла на высоком холме, поросшим буйной травой, будто нарисованная. Несколько добротных домов раскинулись просторно вокруг главного амбара. Ниже по склону вытянулись в ряд сарай и хлева. Сразу за ними виднелись прямоугольники огородов. Не много, а только чтобы хватило всем всего по чуть-чуть. Прямо не деревня — община.

На нужный дом мне указал улыбчивый гелдов.

— Тот, — коротко произнес, глядя на меня сверху вниз, как на ребенка.

Я поблагодарил и направился к окраине деревни.

Не сказать, что место самое удобное для маршрута. Но если кто-то ищет безопасный путь и отдых, то дойти до деревни труда не составляло.

Роскошь дома бросалась в глаза на подходе. Двухэтажный, с косой крышей с одной стороны и с огражденной площадкой с другой. Будто владельцы любили забраться повыше и полюбоваться видом холмов и гор. Большие окна, резные ставни, двухстворчатые двери. Каменная дорожка тянулась к крыльцу от низкого забора. Калитка, увитая девичьим виноградом, была радушно приоткрыта. Я остановился возле нее и присмотрелся к клумбе, разбитой в углу двора.

Беловолосая фангра выпалывала сорняки, сидя ко входу спиной. Сторожевые духи, тронув меня нежным теплом, сообщили хозяйке дома о госте. Удерживать их от этого я намеренно не стал, хоть и мог. Духи относились ко мне с былой памятью, как к Вольному, пусть я уже таким и не являлся. Наверное, если какой-то глупец захочет обвинить меня в убийствах, которых в этом времени я не совершал, то духи подтвердят его вранье. С возвращением памяти много интересного открылось для размышлений.

Елрех, упираясь коленями в дощечку, которую подкладывала, чтобы не испачкаться в земле, оглянулась и присмотрелась. Белые брови медленно поползли вверх, а серые глаза округлились. Через мгновение она поднялась, прошла к озерцу, благоустроенному прямо во дворе, помыла руки и, вытирая их полотенцем, направилась ко мне.

— Неожиданная встреча, добрый человек, — проговорила веселым голосом. — Не думала, что доживу до того, что вновь свидимся.

Я улыбнулся и склонил голову к плечу. Не смея без приглашения войти во двор, произнес с душевной теплотой:

— Ну, здравствуй, милая фангра.

Подул ветерок, со стороны клумбы повеяло запахом трав. Я усмехнулся, кивая на клумбу.

— Аспиды неисправимы? Что у тебя там?

Под синими губами блеснули клыки; серые глаза повеселели сильнее. Елрех оперлась рукой на приоткрытую калитку.

— Много чего. Зачем декоративные цветы, когда землю можно с пользой засаживать? Пройдешь в дом?

Отступила в сторону, открывая дорогу. В это же время на крыльцо вышел Роми. Ухмыляясь криво, встал перед лестницей и вытянулся на носках, видимо, не смея ступать босыми ногами на пыльную каменную дорожку.

— Эх, и сволочь же ты, человек! — выкрикнул, скрещивая руки на груди, и замахал хвостом, словно довольный пес. — Прекрасные места омрачил своим визитом. Мерзкая у тебя душа! Мерзкая-я!

Я тоже был рад встрече, но промолчал. Воспользовавшись гостеприимством Елрех, вошел.

В доме было просторно и тихо. Пахло травами: пряно, душисто, с горчинкой — приятно. В большой комнате, устланной ковром, стояла богатая мебель. Шкафы были завалены книгами в кожаных переплетах, свитками, перевязанными шнурками разных цветов, статуэтками, вещами, вызывающими больше вопросов об их предназначении, чем дающих ответов. Через окно, обрамленное бежевыми шторами, падал густой свет. Я сел за стол, продолжая разглядывать

обстановку.

— Не бедствуете, — отметил вслух.

— Ты ждал чего-то другого? — изумился шан'ниэрд, помогая Елрех накрыть на стол.

От плотного обеда я отказался. Ромиар расставил чашки. Елрех принесла графин и снова убежала на кухню. Я погладил полукруглый край отполированного стола.

— Слышал, что от тебя отреклась семья.

— Да, скверная история. — Ромиар поморщился.

— И вы перебрались в Очаг мудрости не потому, что тут вам больше нравится погода, как вы мне об этом писали, а потому что тут ваши окна не закидывают тухлыми яйцами.

— Ты был в Обители гильдии, — заключил Роми, кривясь сильнее и разливая отвар по чашкам. Хвост пролетел за прямой спиной резче. — Узнавал о нас перед тем, как заявиться к нам. Боялся навестить просто так. Что пытался выяснить, человек?

Я стиснул кулак под столом, удерживая внешнее равнодушие. Ромиар ударил пронизательностью:

— Хотел убедиться, что ты не хуже нас? Боялся испортить нам славную жизнь, показавшись на пороге нашего дома?

Елрех внесла в комнату нарезанный пирог. С порога приструнила избранника сердца:

— Не успели повстречаться, как ты принялся отчитывать Кейела. Теперь мне ясна человеческая мудрость: он к нам так долго не шел, потому что знал, как ты будешь его ругать.

Ромиар мигом стусевался. Опустил графин на стол, улыбнулся, развел руками и сразу спохватился — отобрал у Елрех тяжелое блюдо с пирогом. Пока ставил между чашками в центр стола, Елрех расправила складки белой рубашки на его плече. Обхватив серое лицо руками, привстала на носочках и поцеловала в щеку. Серые губы расплзлись в довольной улыбке.

— Что вы успели не поделить? — обратилась ко мне, усаживаясь за стол. — Ты ведь только пришел, милый человек, а уже ссоритесь.

— Мы не ссоримся, — в один голос прозвучало два ответа.

Ромиар посмотрел на меня с интересом и хмыкнул. Заметив, как зябко поежилась Елрех, размашистым шагом подошел к дивану, поднял с подлокотника теплый платок и накинул ей на плечи.

— Как продвигаются успехи в исследовании ваших отношений?

— Ив молодец, — похвалил Ромиар и опустился на стул. — В этом вопросе любую мелочь схватывает на лету. Думаю, что она всем докажет, что наше сумасшествие вызвано не кровью.

— Ты сам-то в этом уверен?

— Уверен, человек. Мне с пеленок вбивали в голову, что мы уязвимы в любви перед низшими расами. Вместо эльфийских баллад мне рассказывали ужасные истории о сумасшедших сородичах. Я научился кривиться и морщиться при упоминании о низших расах раньше, чем говорить. Как думаешь, как это повлияло на меня?

— Но тебя тошнит не надуманно.

— Еще как тошнит. — Посмотрел на Елрех, мигом разволновавшуюся от его слов, и исправился: — Тошнило. Когда духи отобрали меня у семьи и... ты сам знаешь, что с нами происходило.

Знаю. Помню образы, которые Алурей вкладывал мне в голову вместе со словами: чужая смерть, первые раны, боль от них, как признак того, что тело нуждается в заботе и защите, и многое другое. Все слова, характеризующие событие, вкладывались в голову на общем языке, или на языке того народа, с кем я общался в последний раз чаще всего. Нас знакомили с окружающим миром и действительностью, как родители знакомят своих детей. С одним лишь отличием — у нас была трезвая голова. Когда Кхангатор на одной из тренировок намеренно опрокинул меня в кучу навоза, я не обиделся, только понял, что мне не нравится ни запах мситских отходов, ни ощущения, когда кожа соприкасается с ними. Я учел это на будущее и после этого ни в одной из тренировок никогда не забывал оценивать обстановку, чтобы понимать, куда сильный противник может меня отшвырнуть. Думаю, если бы мой отец макнул меня в навоз лицом, то эмоции не позволили бы мне сделать таких выводов.

Ромиар, временами попивая отвар небольшими глотками и кроша пирог в тарелку, продолжал говорить:

— Духи уничтожали то отвращение, которое в меня вкладывали родители. До конца не справились, но этого хватило, чтобы я не сошел с ума, когда полюбил Елрех. А Елрех ответила мне взаимностью, чем окончательно стерла все чувства. Тогда я еще не мог разобраться в них. Не знал, что именно меня так сильно раздражает, когда Елрех рядом. Думал, что это и есть начало того сумасшествия, о котором когда-то слышал из рассказней мамы.

— Теперь знаешь, что это было? — поинтересовался я, вдыхая пар, поднимающийся над кружкой. Мелисса...

Когда я шел путем Вольного, Асфирель предпочитала перед сном отвар именно этой травы.

— Догадался давно. — Ромиар устало навалился на высокую спинку стула. Застучал темным когтем по краю стола и скривился. — Кстати, подсказал твой дружок.

Мой дружок? Я нахмурился.

— Балкор, — пояснил Роми, склоняя голову к плечу; желтые глаза прищурились. — При встрече он сказал, что я боюсь всех, кто не похож на меня. Точных слов не вспомню, но тогда я долго думал над брошенными им фразами. Какой может быть страх у беловолосого шан'ниэрда? Тем более у Вольного. Его слова ударили по самолюбию и застряли в голове занозой. И потом до меня дошло, что он прав.

Он отпил отвара и на миг перехватил на себе добрый взгляд фангры. Затем снова посмотрел на меня.

— Сильный страх — корень нашего сумасшествия. Мы боимся до такой степени, что изводим сами себя.

— Объясни, — попросил я, не понимая его.

За окном промчалась темная тень, раздалось карканье. Елрех нахмурилась и пробормотала что-то едва различимое о наглых воронах, клумбе и вложенном в нее труде.

Ромиар помолчал несколько секунд, прислушиваясь к шуму на улице. Заметив, как Елрех махнула рукой, продолжил беседу:

— Все в Фадрагосе знают, что беловолосый шан'ниэрд сойдет с ума из-за любви к представительнице низшей расы. Высока вероятность такого же исхода для того, кто полюбит представительницу другой расы из высших. Например, эльфийку. Но есть и маленькая вероятность другого конца. Полюбишь ее — и у тебя есть шанс того, что ты все-таки не спишишь. Многие искали связь в различии рас: высшие, низшие... А связь всегда лежала в степени страха.

Я хмыкнул. Его мысли, наконец-то, обрели очертание смысла. Пока еще туманного, полупрозрачного, но с каждым мгновением проявляющегося все более четко.

— Вы набираете в прислугу эльфов, — пробормотал в уютной тишине комнаты.

— Эльфов и темноволосых шан'ниэрдов. — Ромиар кивнул с удовлетворением на высокомерном лице. Видимо, ему польстило, что кто-то без долгих объяснений вник в суть его идеи. — Изредка берем фангр, но отправляем их в чернорабочие, подальше с глаз. Мы не даем себе шанса узнать их получше и развеять какую-то часть страха, связанную с ними. Твой друг сказал, что на севере об этом страхе знают все. Я думаю, что у них сохранились знания о первых сумасшедших беловолосых шан'ниэрдах.

Он изогнул брови, молча интересуясь моим мнением. Я постарался вернуться в ту часть юности, которую практически провел без чувств. Десиен в самом деле стал моим другом настолько, насколько это возможно, когда лишь одна сторона способна на симпатию, а вторая попросту заинтересована в максимальном получении пользы от первой.

— Записи, — протянул я, вспоминая то время. Холодные своды старых замков; смотрители хранилищ, закладывающие в щели между камней амулеты, прогоняющие сырость; нескончаемый поток слов шуплого балкора, опасавшегося малейшего сквозняка. Тогда я не мог оценить ни одной шутки, но Десиен рад был любым ушам и мог посмеяться над своим остроумием в одиночку. — Да, я встречал в библиотеках и такое. На севере есть архив личных переписок, дневников, листовок. Все собрано в разное время. Согоры стараются сохранить абсолютно все, что попадает к ним.

В желтых глазах загорелся восторг и ликование, но Ромиар быстро прикрыл их густыми ресницами. На какое-то время будто впал в полусонную задумчивость и старался удержать рвущуюся на губы

улыбку. От меня не укрылась дрожь серых уголков.

— Я даже предполагаю, откуда пошло это сумасшествие среди наших мужчин. — Голос прозвучал с печалью и сожалением, но я угадывал за ним силу воли, способную сковать радостные эмоции. Теперь Ромиар будет стараться сблизить наши регионы с Севером? Возможно, у него появится новая цель в жизни — примирить обе стороны, чье сотрудничество может стать полезным как для одних, так и для других. Он тряхнул головой, отбрасывая свои мысли, но вместе с ним и я постарался вернуться к беседе. Тревога из интонации друга никуда не исчезла, а открывшиеся глаза подсказали, что раздражение в самом деле охватило Ромиара: — Женщины бывают крайне ревностными в любви к своим сыновьям. Думаю, они хотели, чтобы наследники рода женились только на лучших женщинах. В итоге простые страшилки, которыми запугивали мальчиков, превратились в страшные сказки. Из уста в уста они преобразовывались, обрастали жуткими подробностями, пока не стали правдоподобными. Мы стали воспринимать их, как пособие к выживанию.

— Думаешь, всего лишь такими рассказами можно развить страх, вызывающий сумасшествие?

— Если вколачивать их в головы так, как вколачивают нам? — Он выгнул бровь и запрокинул подбородок повыше. — Ты не представляешь себе, человек, как нас воспитывают в застенках родных домов. К нам никого не подпускают, кроме шан'ниэрдов, пока мы не заговорим. Потом только нам расширяют территории дома, где мы можем увидеть впервые прислугу. Знаешь, на что я обращал больше всего внимания, когда увидел эльфиоров и эльфов? В первую очередь я видел все отличия между нами, и они казались мне уродскими. До этого я знал лишь мать, отца, бабушку и дедушку. Самая красивая из них была мама. Самым страшным мне казался дед. Мне не нравился его широкий рот и морщинистый подбородок. Теперь представь, что я мог увидеть красивого в существах с розовой кожей?

— Ничего.

— Именно, человек. — Ромиар фыркнул, комкая тряпичную салфетку. — Когда я научился читать по слогам и хорошо рисовал, меня впервые повели осмотреть территорию двора. Мама хотела, чтобы я попробовал нарисовать скот. Тогда я увидел маленьких розовокожих поросят. Я спрашивал о них и слышал в ответ: мы кормим их, даем им кров, а они... Не могли же мне, ребенку, сказать, что мы их убиваем к столу на ужин. Поэтому мне сказали, что поросята служат нам в ответ добром. И я задал закономерный вопрос: тогда они такие же, как наши слуги? У эльфов и темноволосых шан'ниэрдов тот же цвет кожи. Мы так же кормим их в ответ за прислуживание, и иногда они спят у нас.

Я усмехнулся.

— Тебе смешно, — скривился Роми. — А моя мама не смеялась. Только попросила, чтобы говорил о таком тише. Сказала, что все так, но отличия все же есть: поросята не обижаются, когда им говорят неприятную правду.

Смех едва не вырвался наружу, но был бы не уместен. Мне было плевать, что думали о нас беловолосые шан'ниэрды, которые своим высокомерием и, соответственно, отстраненностью ото всех обрекали себя на ту же участь, которую теперь всячески пытался исправить для своей расы Десиен. Только последние не сами выбрали себе такую судьбу.

— От нашей разумности веет проблемами. Вам проще, когда мы необразованные идиоты, — подавив веселье, произнес вслух и постарался проникнуться чужим волнением. — Вы воспринимаете нас хуже скота.

— Именно так, человек. Но наша тяга к совершенству толкает нас к обратному — к неоправданному милосердию. Однако эта тема для другой дискуссии. Не будем отходить от сумасшествия из-за любви. — Ромиар криво улыбнулся. Покосился на Елрех, закутавшуюся в платок и внимательно слушающую нас, и вздохнул глубже. — Наших женщин никто не запугивает тем, что они, полюбив представителя другой расы, сойдут с ума и умрут от этого. Женщин не ограничивают в общении со слугами, их не держат взаперти, поэтому у них и не развивается этот страх к другим. Они с детства привыкают к отличиям между расами, мы — нет.

— Твоя сестра не отличается терпимостью к другим, уважаемый, — проговорила Елрех и поправила густые волосы на плече. — Я много раз тебе говорила, что ее тошнило от моего вида.

— Но ее не тошнит от наших слуг, — ответил тише Ромиар и, приобняв Елрех, поцеловал ее в макушку головы. Погладив плечи, произнес так, словно извинился: — Грязные полукровки — самый страшный позор, которым только можно запачкать наши семьи.

Елрех накрыла его руку своей и с пониманием улыбнулась.

— Нашим женщинам вбивают то же отвращение к другим расам, какое вбивают с младенчества

нам. — Ромиар повернул ко мне голову, свел на переносице белые брови. — Но им все равно проще. А мы, мужчины, в итоге так запуганы в сознательном возрасте, что стремление к жизни развивает тошноту к другим расам, как тошноту к падали, с которой не справится желудок. Наша общая подруга называла это стремление инстинктом самосохранения.

Во рту пересохло. Общая подруга... Отвар смочил язык, смягчил напряженное горло. Ромиар тоже воспользовался заминкой и отпил из чашки. Стал доливать нам всем отвара и продолжил делиться размышлениями:

— И если мы влюбились в представительницу низшей расы, то мы, испытывая эту тошноту, даже не пытаемся думать о лучшем и развеивать страх, вбитый с детства, а, наоборот, только думаем о том, что вот-вот станет хуже. Мы загоняем сами себя. Это же и объясняет, почему у тех, кто влюбился в представительницу высшей расы, есть шанс на благополучный исход. У них есть надежда. И они тешат себя ею, тем самым ослабляя страх и позволяя себе привыкнуть к избраннице.

— Ты объяснил это Ивеллин? — полюбопытствовал я, с благодарностью наблюдая, как Елрех докладывает в мою тарелку кусок пирога побольше. — Как ты оправдал знания, которые приобрел в шкуре Вольного?

Тяжелый вздох шан'ниэрда отвлек от созерцания милой фангры. Ромиар откинул длинную косу за спину; за ней хвост заметался с новой силой.

— Все это исследование затягивается именно по этой причине. Я сам пишу о Вольных. С трудом. Так многое хочется поведать миру о нас, но не все можно объяснить, чтобы не выдать лишнего. Ивеллин тоже часто задает непростые вопросы, но я пока нахожу варианты, как отговориться.

— Не вини трудолюбивую эльфийку, добросердечный Роми. — Елрех прижалась щекой к его груди, и он мигом обнял избранницу. Елрех посмотрела на меня и пояснила: — Для нее это огромный шанс заслужить уважение всего мира. Как я узнала у нее: она помирилась с родителями, благодаря тому, что мы с Роми выбрали для исследования наших отношений именно ее. Она обязательно справится, милый человек. А вот ты...

Закусила синюю губу клыком, в серых глазах отразилось сострадание.

— Я?.. — удивляясь, подтолкнул к продолжению фразы.

— Ромиар упомянул об Асфи, и ты побледнел. Ты ведь неспроста именно теперь пришел к нам, так?

Ухмылка растянулась на лице неосознанно. Мышцы свело от напряжения, дыхание сбилось. Я готовился к этому разговору долгие дни, недели... Прошло больше месяца по северному подсчету времени. Прошло полпериода. Как ни отсчитывай, но я терял жизнь, которую мог провести совершенно иначе. Понимание этого злило. С другой стороны, возникало столько вопросов, когда я думал о том, как все исправить. Нужно ли исправлять?

— Тебе всегда удавалось раскусить меня, как никому другому, — шумно выдохнув, я постарался расслабиться. Откинулся на спинку стула, сцепил руки в замок, пряча их под столом. Задал единственный вопрос, из-за которого сердце забилось быстрее: — Где она, Елрех?

Роми опустил взгляд на край столешницы. Елрех стиснула кулак на его груди, собирая белую рубашку в складки.

— Я отвечу тебе так же, милый человек, как отвечаю всем, кто о ней спрашивает. Мы не знаем, где она.

Виски будто ужалили осы.

— Но ты знаешь, — прохрипел я.

Посмотрел на чашку с отваром, но понял, что от напряжения не могу расцепить пальцы. Елрех, словно решила подпитать растущую ярость и страх, покачала головой. Роми посмотрел на меня исподлобья, произнося каждое слово отчетливо:

— Успокойся, человек. Мы не искали ее. В первом письме сумасбродная человечка сама попросила об этом. И мы исполняем ее волю.

Она писала письма... Дышать стало легче от понимания, что она где-то в Фадрогосе. Тоже дышит, двигается — живет.

— Кто еще спрашивал о ней? — спросил полупшепотом, разглядывая цветущие кусты за окном.

— А ты как думаешь? — с укором полюбопытствовала Елрех.

Я молча кивнул. Фангра отлипла от шан'ниэрда и поднялась. Завозилась с графином, подливая в него воды, досыпая сбор трав и призывая духов. Ромиар лениво потирая шею и наблюдая за движениями возлюбленной, перешел к волнующей меня теме:

— В последние периоды у Дарока пошла череда неудач. Виксарты, прислуживающие старому вождю, заклеямили какую-то тварь и натравили на него. Сам он не особо распространяется, а слухи... Существа любят преувеличить и наболтать лишнего. Кто-то говорит, что это была кугида, другие перечисляют все виды подземных монстров, кто-то и вовсе болтает, что на него натравили линаря. Но суть в том, что тварь в самом деле была сильная. Она перекусила ему часть мышц на правой руке. Дарок стал менее поворотливым. Неуклюжесть не особо мешает ему в бою, но вредит его репутации. И у него прибавилось забот. Мы давно его не видели.

— До этого страшного события, — заговорила Елрех, разливая новую порцию отвара по чашкам, — будущий великий вождь приходил к нам часто. Хвастался успехами в войне против старого вождя и его сторонников. И он постоянно спрашивал нас об Асфи. Мы показывали ему ее письма и клялись духами, что не знаем, где она. В последний раз он отправил наемников по всему Фадрагосу, чтобы те заставляли девиц вставать на острые осколки. Велел привести ему тех, чьи ноги не пострадают.

Как в одной из глупых сказок, которые Асфирель рассказывала мне в пути, развлекая пустой болтовней... Те наемники наведались даже в Солнечную. Нашего старосту наградили за то, что не стал отнекиваться и запросто поклялся перед духами, что привел на проверку каждую девушку. Лери в тот день разозлилась, что кто-то поверил в глупую легенду о Вестнице и заставляет из-за этого проходить болезненные испытания. Я в тот день потерял рассудок и очнулся к ночи в дремучем лесу, где по слухам завелись древесные красавицы. Слухи оказались верны, и о наемниках пришлось быстро забыть, чтобы спасти собственную жизнь.

Пальцы хрустнули в замке, и я расцепил руки, свесил их со стула, запрокидывая голову.

— Как я понимаю, ему никого не привезли.

— Никого. — Ромиар скривился и вздернул подбородок, будто увидел в моих глазах вызов или приглашение к бою. В этот раз я не сомневался, что шан'ниэрд будет сражаться со мной бок о бок против моего врага. — Нам тоже было любопытно проверить свои догадки, где бы она могла спрятаться, поэтому мы интересовались, в каких деревнях устраивали проверки. Проверяли девиц даже там, где, как нам казалось, она могла бы быть.

— И что? — я изумился собственной догадке. Неужели Вестницы нигде не нашлось?

Елрех покачала головой.

— И там все девицы искололи ноги до крови.

Тревога сжала сердце.

— Но она пишет письма, — озвученной вслух мыслью прогнал тревогу.

Выходит, спряталась так хорошо, что не могут найти даже наемники, служащие Дароку. Я предполагал, что тем испытанием, которому подверг васоверг всех девиц, Вестницу смогут отыскать, но она сбежит. Или даст отпор. В одном я был убежден твердо: если Асфирель сама не сможет позаботиться о себе, то никто не сможет ей помочь. Она должна уметь выживать самостоятельно. И я не успел забыть, что она прекрасно умеет это делать в любых условиях. Тогда почему ее не нашли наемники? Они рыскали по самым глухим местам и угрожали отдаленным деревням пламенем дракона. Никакой староста не будет прятать пришлую девушку, рискуя остальными жителями. Пусть даже пришедшая прожила с ними около двух лет.

— Пишет, — подтвердила Елрех, присаживаясь за стол. Облокотилась на край, складывая ладонь к ладони и прижимая руки к щеке. — Она жива, взволнованный человек, и здорова. Изучает лекарское дело, хвастается своими успехами. Пишет без уточнений, потому понять невозможно, где живет.

— Дарок даже искал ее на севере, — сказал Роми, устремляя задумчивый взгляд на полку со свитками. — Он отправлял туда своих разбойников. Они пожили под личиной изгоев какое-то время, но о ней там ничего не выяснили.

Я покачал головой. На север она не сунется, но Дароку неизвестна предыстория ее знакомства с проклятыми регионами. Как неизвестно и многое другое...

— Сомневаюсь, что она будет помогать Вайли разбираться с Десом. Ведь так она самолично приведет Фадрагос к гибели. Снова. И наверняка она не станет помогать Десу приносить Вайли в жертву.

— Ты был близок с этой Вольной, — отметил с грустью Ромиар. — Я сожалею, Кейел.

— Не больше, чем с тобой, — отмахнулся я.

— Ты не искал ее?

— Искал. Но при первой же неудаче оставил эту затею. Не хочу ни видеть, ни знать, как она умрет снова. Это путь только Вайли.

Ромиар фыркнул, но с пониманием закивал. Елрех свесила голову на грудь, видимо, почувствовав себя лишней, когда прозвучали откровения Вольных.

— Мы получили свою награду, — тихо произнес шан'ниэрд. — Как знать, человек, может, и ее награда — не перерождение в ветвях Древа жизни.

— Мне не настолько это интересно, чтобы рисковать спокойствием.

— Было бы чем рисковать, бестолковый человек. — Елрех хмыкнула, больно задевая душу. — Чтобы что-то потерять, нужно это что-то обрести. Тебе ли, Вольному, этого не понимать?

— В самом деле — пока еще не обрел. — Я с трудом растянул на лице улыбку и спросил, глядя в серые глаза: — Покажешь мне ее письма?

— Покажу.

Она поднялась, расправляя складки на темных штанах. Закутавшись плотнее в теплый платок, отправилась в другую комнату. Не теряя времени зря, я обратился к Роми.

— Мне нужна твоя помощь. Надеюсь, ты не откажешь.

— В чем? — он удивился. Видимо, легкость моего вопроса, с какой я его задал, подсказывала ему, что просьба не составит для него труда.

— В строительстве дома. Регион дождливый, поэтому согласятся не все гильдии. Но, может, если попросит уважаемый исследователь, дело пойдет проще. Я расчистил территорию от деревьев, выкорчевал пни и укрепил землю песком и твердой почвой.

— Большая работа, — с изумлением оценил Ромиар. И, будто не поверил услышанному, уточнил: — Ты строишь себе дом?

— Я работаю не один. И прямо в эти мгновения, пока я распиваю с вами отвар, мой хороший друг продолжает трудиться в одиночку. — В груди шевельнулось недовольство собой, но причины, заставившие меня оставить Окрина одного, загасили его. — Мы с ним многое заготовили под строительство, и я бы хотел продолжить строить сам, своими руками, но придется заняться другими делами.

Ромиар прищурился, склоняя голову к плечу.

— Какими?

— Они тебе не понравятся, — ответил я. И посоветовал, вкладывая в голос угрозу: — Не лезь в это.

— Я могу предложить тебе и другую помощь. — Ромиар поморщился из-за моего отказа. Но кое-что из общения с ним и Елрех я уловил отчетливо: как бы они ни кривились от вони и грубости Дарока, все равно сблизилась с ним. Ни Елрех, ни Ромиару не понравятся мои планы. Особенно, если провалится первый... Ромиар продолжал настаивать: — В конце концов, мы были Вольными. Тело вспомнило многое, и, видимо, эти навыки уже не забудутся.

Я покачал головой, отказываясь от настойчивого предложения. Оно было ценным, и услышать его — многое значило для меня. Ведь шан'ниэрд никогда не был идиотом, и теперь наверняка прекрасно связал и мой интерес к поискам Асфирель, и мое утаивание планов. Неужели он в самом деле готов пойти против Дарока и всей его армии, если я попрошу об этом? Его предложение в этом направлении звучит признанием, что он готов ринуться за мной куда угодно и пойти против тех, к кому питает добрые чувства.

— Лучше потратить все усилия на то, чтобы изменить отношение фадрагосцев к Вольным, — бесшумно стукнув ладонью о стол, произнес я. — Мы не заслуживаем того обращения, с которым сталкиваемся на своем пути.

— Вот все письма, добрый человек. — Елрех внесла в комнату тонкую связку. Отделила один лист и положила передо мной. — Это было самым первым.

Я хмыкнул, глядя на письма и не решаясь прикоснуться к ним. На спине выступила испарина, ноги потяжелели. Давно я не испытывал таких сильных чувств. Они отбирают способность дышать полной грудью, и из-за этого вскоре начинает кружиться голова.

— Она пишет нечасто, — заметил тихо.

— Очень редко. — Елрех отставила чашку с отваром подальше от писем, словно опасаясь, что на них может пролиться жидкость. — Можно подумать, что зазнавшаяся человечка поздравляет нас только с великими праздниками. Просто немного заранее.

Я убрал волосы за уши, обдумывая слова Елрех. Чем не подсказка? Возможно, Дарок ее упустил, иначе не тратил бы столько усилий на поиск на севере и в больших городах.

— Но пишет регулярно? — уточнил с надеждой.

Надежда оправдалась.

— Перед каждым великим праздником. — Ромиар криво улыбнулся. — В одном из писем поздравляла нас и с Медовым днем, и с тем, что мы повторно обменялись ис'сиарами. А перед Луной мы клялись друг другу за полпериода до Медового дня.

Я с пониманием кивнул, принимая от шан'ниэрда очередную подсказку, но ничего не уточняя вслух. Так они смогут оправдываться перед Дароком сколько угодно, что не знают, где находится Асфи. Ведь они не могут знать об этом наверняка. Такую правду духи примут за чистую и подтвердят их слова клятвой без вреда для Ромиара и Елрех.

Погладив уголок желтого листа, я выстроил очередное предположение. Выходит, до Асфирель доходят громкие новости, но живет она в отдалении от священного кольца. Перед великими праздниками из деревни кто-то выбирается в город за большими покупками к столу, тогда она и отправляет письма. Если бы к кольцу выбирались чаще, то и она писала бы чаще.

Я взял в руки ее первое письмо и усмехнулся. Пояснил негромко:

— Она пишет руны, словно ребенок.

— И допускает много неточностей в завитках, — подсказала Елрех и потянулась за другим письмом. — Ты, безграмотный человек, как покинул Солнечную, быстрее научился письму. А с ней я устала бороться еще тогда, когда вы с Роми были Вольными. Она постоянно жаловалась, что некоторые наши руны похожи на символы ее родного языка, поэтому она невольно пишет их.

Зацепившись взглядом за первую строку, не смог оторваться от нее.

«Здравствуй, Елрех»

В голове возник образ темноволосой девушки, склонившейся над этим листком и выводящей эти первые слова.

«Здравствуй, Елрех»...

Думала ли она обо мне, когда писала письмо? Вспоминает до сих пор или давно позабыла?

Возможно, она вернулась к Волтуару и стала одной из многочисленных любовниц правителя. Их бы не смогли проверить наемники. Эти девушки в безопасности, этих девушек берегут, как бесценные сокровища.

Голова закружилась, руки ослабли, а грудь словно поросла железом и застыла, не имея возможности впустить в себя воздух. Зубы скрипнули, щеки разболелись, и я с трудом разжал челюсть. Отмахиваясь от образов, лишаящих надежду, встряхнул письмо и заставил себя читать дальше. Но никак не отпускало понимание, что если Асфирель в самом деле вернулась к Волтуару, то я не посмею потревожить ее счастье снова.

Но тогда она бы писала Елрех не только по великим праздникам...

«Здравствуй, Елрех.

В некоторых местах у вас слишком дорогая бумага, а я испортила уже два листа. У меня дрожат руки, а в голове настоящий бардак. Не знаю, что тебе написать, но я точно не буду просить прощения. Мой уход от вас — подарок для всех. Не ищи меня. Надеюсь, ты не настолько глупая для такой затеи.

У меня все хорошо. Я учусь заново жить, и мне кажется, что у меня все получается. Иногда, конечно, грустно, но скучать не приходится. Все время занята исцелением зверей или

расчленением мертвых. Изучаю по ним строение внутренностей. Это... интересно. Знала бы ты, какая у меня сварливая наставница! Никогда не думала, что встречу кого-то скандальнее тебя! Но обойдусь без подробностей. В другое время пробую улучшить свойства лечебных настоев и мазей.

В остальном порядок. Дом, огородик, заусенцы, мозоли, обычные хлопоты... Это доставляет удовольствие»

Наткнувшись на несколько строк, залитые чернилами, позволил себе краткий отдых и потер глаза. В груди все объяла вьюга, и выла так, как никогда не выла в Ледяной пустоши. Глотнув воздуха, облизал губы и нетерпеливо отыскал начало прерванного текста.

«Я очень скучаю по тебе. По всем. Порой безумно хочу всех обнять, но одергиваю себя до того, как срываюсь собирать вещи. Я точно устала жить прошлым. И мне очень надоело думать о будущем. Знаешь»...

Вьюга закружила ледяными осколками, вонзила в сердце, но вопреки рассказам Ани, боль не уняла. Пронзила ею, будто распарывала острыми гранями душу. Листок под большими пальцами помялся. Буквы плыли перед глазами, заслоненные полупрозрачной пеленой. Тишина в комнате смутила, и я стиснул зубы до скрежета. Захотелось отложить письмо недочитанным, но жадность... Такой жадности я никогда прежде не испытывал. Казалось, я убью любого, кто посмеет отнять у меня этот хрупкий клочок дешевой афитакской бумаги. Убью даже самого себя, если отложу его прямо сейчас. Буду убивать долго, медленно и самым мучительным способом, как убивал все это время, когда попрощался с одним прошлым, выбирая другое — ненужное, но к которому всегда упрямо и самонадеянно стремился.

...«у меня появилось много времени подумать обо всем произошедшем с нами. Появилось время поразмышлять о жизни. Я... Наверное, не скажу тебе ничего нового, но мне важно поделиться этим открытием. Моим открытием. Наверное, я, наконец-то, созрела.

Пожалуйста, никогда не трать силы на прошлое. Его нельзя вернуть. Никак. И никогда не трать время на размышления о будущем, потому что это растраты бесценного ресурса впустую. Будущее неотвратимо. Оно в любом случае наступит, неважно думаешь ты о нем или нет. Настоящее — только это одно время важно. Как бы ни было трудно, старайся черпать счастье из настоящего. Только оно стоит усилий, все остальное дарит всего лишь пустышку. Но обманчивое счастье не принесет удовлетворения. Не обманывай себя добрыми воспоминаниями и не дари себе ложных надежд красочными мечтаниями.

Елрех, я люблю тебя. Мне о многом хочется рассказать тебе, но меня торопят. Я напишу еще. Потом.

Твоя...

Извини, что так много зачеркиваний.

Твоя душой, мыслями и сердцем. Береги всех»

Услышав тихий скрип, поднял голову. Ромиар шептался с Елрех и осторожно закрывал за собой дверь. Раздался щелчок, заставивший меня вздрогнуть. В комнате я остался один. Наедине с мучительными чувствами и тонкой стопкой листов.

Аня

Солнце пробивалось лучиками сквозь густую крону старых деревьев. Проникало в тени, падало на мшистые толстые корни, на небольшие кочки. Согревало теплом сырую землю, позволяло вырасти грибам. И они росли на ясных проплешинах среди теней, как яркие крапинки на темно-зеленом и сером покрывале — красные мухоморы, сизые грибы последнего веселья, белые поганки... Среди ядовитых и зачастую одновременно целебных грибов затесались и боровики. Вокруг них кружили мухи, ползали слизи. Туда же, привыкнув к моему присутствию и смелая, спускались пичуги с красочным оперением. Они верещали, общаясь между собой, и весь лес звенел от их голоса.

Сидя в центре полюбившейся полянки, я положила руки на колени скрещенных по-турецки ног и закрыла глаза. Вдохнула поглубже лесной воздух, прогнала с сердца тревоги, связанные с последними рассветами. Конечно же, моментально ничего не ушло, но я старалась бороться с раздражением. А поэтому...

Зажмурилась покрепче, представила маму и папу, сидящих на кухне уютной квартиры...

Прислонилась поясницей к столешнице кухонной мебели, стиснула двумя ладонями стакан с вишневым компотом и улыбнулась маме. Она спросила о моих делах, и я, только ожидая этого вопроса, с готовностью ответила:

— Уже все хорошо. Представляешь, позапрошлым рассветом ко мне пришла молоденькая девушка, у которой из-за обычной простуды выскочил герпес на губе. Тут его, по крайней мере, в простонародье, называют жабьей меткой. Считают, что недуг вызывают завистники любви. — С улыбкой покачала головой, удивляясь местному населению. — Разумные существа любят находить знаки даже там, где их быть не может. Даже совсем над старенькими подшучивают, если у них высыпает герпес, что они ударились в молодость и кто-то завидует их любви. А те и рады... Сразу посматривают на всех соседских дедов или бабушек и гадают, кто именно на них запал по скуке.

Тряхнула волосами и вернулась к своим делам и наивной девушке:

— Так вот приходит она ко мне, а у нее герпес расползся по всему лицу. Плачет, едва ли не в припадке. Боится, что на всю жизнь теперь останется с жабьей меткой. Я вижу, что дела действительно плохи. И можно было бы вылечить кожу с помощью Айсии, но надо же обнаружить корень болезни. Кожа кожей, но залечить внешние признаки внутренней проблемы — не значит, избавиться от нее. И я начала расспрашивать, все ли мои наставления девушка выполняла. Она рыдает и кивает. Я прошу ее перечислить, и та без труда перечисляет. Все два настоя от простуды, одно укрепляющее зелье, мазь на герпес и само собой отдых в кровати. Все верно. Все, что я могла назначить. Конечно, очень плохо, что в поселении проблема с бумагой... На дощечках или коре все мелочи фиксировать трудно, — пожаловалась родителям, и получив в ответ несколько ободряющих фраз от папы, обняла себя. Продолжила делиться одной из самых ярких причин раздражения последних рассветов: — Снова осмотрев девушку, поняла, что одна не справлюсь. Что явно простуда оказалась не совсем ею. И я сходила за Раильей.

Упоминание наставницы, заставило поежиться, но в тот же миг вызвало улыбку. Какой бы стервой старая эльфийка ни была в общении, но за каждую жизнь она боролась с тем же жгучим остервенением. А ум, скрывающийся в седой голове, поражал ясностью соображений.

— Раилья пришла, осмотрела девицу, переспросила все то, что спрашивала и я. А потом елейно, как только эта старуха безжалостная умеет, спросила, не исцелялась ли девка чем-нибудь еще. Та отнекивалась, но как-то неубедительно. И я надела на нее вместе с Раильей. Представляете, что выяснилось? — Я скрестила руки на груди, чувствуя то острое раздражение, которое испытывала в последние дни при встрече со всеми болеющими. — Она смачивала на всю Луну герпес настоем из дубовой коры. Ее так подружка научила! А на рассвете протирала обезболивающей мазью и стирала размокшую болячку с губы. При этом и впрямь все мои наставления выполняла строго по шагам Солнца!

Хохотнула, опуская голову и подперев лоб ладонью. Мама мягким тоном попросила набраться побольше терпения — я тяжело вздохнула.

— Если бы Данея, та самая девчушка, была такая одна. Но ведь каждый, мама! Буквально каждый что-нибудь да учудит! Зла на всех не хватает.

Раздался шум из прихожей. Я представила, что это вернулся со школы Егорка, но шелест и топот отличался по атмосфере. Был менее хрупким и нес меньше уюта и спокойствия для души.

Я открыла глаза, возвращаясь из приятной и необходимой мне фантазии в реальность. Желто-зеленое пятно молниеносно приблизилось и сбilo меня. Горячий, шершавый язык стал вылизывать лицо, вынуждая плотно смыкать губы и зажмуриваться. Кое-как удалось отвернуться, отгораживаясь руками.

— Феррари! — прорычала я.

Изловчившись, обхватила шею девочки, запустила руки под капюшон и стала почесывать за ним. Лиертахон мигом задрожал всем телом, на выдохе проворковал тоненько и развалился на мне.

— Феррари, ты тяжелая. А еще я видела, как ты сожрала крота по дороге сюда. Раскопала беднягу. Прямо из-под земли достала! И слопала грязного! И теперь облизываешь мне лицо...

Наглой девахе было плевать на мои обвинения. Она сопела с удовольствием, не смея двигаться, пока я почесываю ее в чувствительном месте. И мне было бы нетрудно и дальше дарить ей ласку, если бы не температура тела ящера. Печка! К такой можно прижиматься ночами и не мерзнуть. Но сейчас на нас грело солнце, и дул теплый ветерок.

— Я вижу, твой необычный отдых прервали, — раздался мелодичный голос из тени деревьев. — Тогда я не помешаю?

— Раз ты ждал, значит, ничего серьезного не случилось? — предположила я, продолжая лежать на земле и поворачивая голову к Крисвету. — Давно ты тут?

— Нет. Пришел совсем недавно.

Широкоплечий эльф приблизился к нам и с насмешливым укором посмотрел на Феррари. В поселении привыкли, что мой лиертахон непростительно многое себе позволяет в отношении меня. Сначала пытались учить меня, чтобы я проявляла силу, запрещала Феррари вольности в играх и забавах, но потом смирились с моей чрезмерной добротой к ней. Привыкли и к тому, что иногда я приходила на эту живописную полянку, усаживалась в центре нее, закрывала глаза и могла сидеть так, в полном безмолвии, до пары шагов Солнца. Никто не смел тревожить трудолюбивую, молодую ученицу знахарки, если не вынуждало что-нибудь серьезное.

— Зачем ты искал меня? — с трудом столкнув с себя Феррари, спросила я.

Села и стала стряхивать с туники налипшие травинки, листочки и еловые иголки.

— Справились с делами рано, — ответил он, протягивая мне руку. — Я не знал, к кому еще пойти за советом.

Он крепко сжал мою руку, стоило вложить ее в его ладонь, и помог подняться. В глазах темноволосого эльфа плескалась решимость, и это меня насторожило.

Проголочным шагом мы направились к поселению по широкой тропе. Довольная Феррари носилась из кустов в кусты, гоняя то птиц, то огромных бабочек, но от нас не отставала.

— Какого совета ты ищешь? — поинтересовалась я, нарушая затянувшуюся тишину между мной и Крисветом.

С сыном старосты мы сблизилась не сразу, и я никогда не искала с ним этой близости, как и не видела смысла избегать ее. Но вот уже два периода прошло с тех пор, когда Крисвет стал просить у меня советов по всяким мелочам. Чаще я отказывала ему, чем что-то дельное отвечала, но редкие советы всегда приносили ему пользу.

— Мы с Шайной опять повздорили, — произнес он, выше поднимая подбородок и расправляя плечи. — Мне надоела ее взбалмошность.

— И что ты хочешь от меня? — я вскинула бровь.

Переступая с кочки на кочку, заметила красноцвет-траву и без раздумий свернула осмотреть ее и место, где она выросла. Какая редкость! Присела на корточки перед алыми гроздьями крошечных колосков, по форме похожими на петушиный хвост.

— Рель, ты давно живешь с нами, — издали подступил к тягостному вопросу Крисвет, и я поджала губы, радуясь, что он не видит моего лица. — И я много раз говорил тебе, как восхищаюсь тобой.

— Как и я тебе много раз объясняла, почему это восхищение должно оставаться дружеским.

Сорвав пару созревших колосьев, чтобы получить из них семена, вскочила на ноги и крутанулась на месте. Перехватив глазами настойчивый взгляд Крисвета, улыбнулась широко. Шагнула дальше, вынуждая парня продолжить дорогу.

— Шайна любит тебя. Дай ей шанс.

— Она красива, но глупа. — Он нахмурился, на ходу срывая с низкой ветви зеленый листок, чтобы занять им руки. — Ей не хватает твоего ума и терпения.

— Она молода, как и ты. — Я склонила голову к плечу. Твердая земля под ногами сменилась дощатым настилом деревянного мостика. Бурный ручей сверкал под солнцем. Остановившись по центру мостика, я прислонилась спиной к перилам, зная наверняка, что в поселении много ушей и обсуждать личные вопросы лучше не доходя до первых жилых домов. — Я много раз тебе говорила, чтобы ты не смотрел на мою внешность. Как бы молодо я ни выглядела, но я на несколько периодов старше тебя. А Шаина и вовсе моложе нас обоих.

Крисвета обижало это напоминание. Но он всегда был чрезмерно спокойным парнем. Пожалуй, при других чувствах, при других обстоятельствах, я бы не задумываясь согласилась на предложение быть с ним.

Эльф встал напротив меня, повторяя мою позу. Разве что, я бережно держала колосья в руке, а он крутил в своей ладони.

— Я думал над твоими словами. Помнишь, когда в последний раз я пробовал уговорить тебя быть со мной. Ты сказала, что я не люблю тебя, иначе не метался бы между чувствами к тебе и Шаине. Но, Рель, разве это не говорит и об обратном? — Он изогнул изящно бровь и улыбнулся обольстительно. — Я не люблю тебя ровно так же, как не люблю Шаину.

На плечо приземлился рогатый жук, и я подула на него, заставляя улететь. С улыбкой ответила:

— Есть разница между мной и Шаиной. Она любит тебя, Крисвет, как бы ни юлила перед тобой, а я... — Грусть все же тронула сердце, и резкий выдох вырвался сам по себе. — А я давно отдала сердце другому.

— Но вы не вместе. — С красивого лица эльфа сошло веселье. — И твоего возлюбленного нет с тобой, Рель.

— Он отверг меня, — ответ прозвучал резче. Сердце екнуло. Я растянула улыбку шире, тряхнула волосами и медленно зашагала к поселению. — Такое случается.

— Он жив? — поинтересовался Крисвет, следуя за мной.

— Искренне надеюсь на это.

— Ты искренне надеешься на то, что он жив, несмотря на то, что он отверг тебя? — в мелодичном голосе прозвучало удивление.

Я повела плечами, прогоняя тоску.

— Он предпочел другую девушку, Крисвет, вот и все. И это неудивительно. Я его сильно обидела, потеряла последние крохи его доверия. Знаешь, он очень пострадал из-за меня.

— Тогда он, может, тоже любит тебя, и ты зря не пытаешься добиться его.

Кровь отхлынула от щек. Пугающие мысли о том, что это может быть правдой, вцепились клещом в голову. Я прижала кулак к груди, сглотнула и поняла, что этот разговор надо заканчивать. Остановившись перед колеей, повернула голову к эльфу и нахмурилась.

— Я очень сильно надеюсь, Крисвет, что он счастлив. Никто в нашем мире не заслуживает счастья больше, чем он.

На скулах Крисвета выступил румянец. Парень стыдливо отвел глаза и стал поправлять рукава рубахи. Но ему — за что он мне и нравился, — хватило смелости извиниться.

— Прости, Рель. Мне не стоило лезть с такими вопросами к тебе.

Я отмахнулась и продолжила путь. Крисвет, не отставая от меня, заговорил деловым тоном:

— Не знаю, почему ты уперлась в возраст, и не буду узнавать. Однако, Рель, мне бы хотелось, чтобы ты присмотрелась ко мне внимательнее. Я давно не маленький мальчик и не подросток. В моем возрасте принято определяться с избранницей сердца и думать о своем доме. Шаина очень ветреная девушка, чем часто огорчает меня. А ты не даешь мне возможности ни узнать тебя получше... Как девушку, а не подругу. Ни показать тебе себя так же, как парня, а не друга.

Он заступил мне путь, вынуждая посмотреть на него. За его спиной виднелся тайный вход в поселение, укрытый от глаз непрошенных гостей духами иллюзии. Феррари, не дожидаясь нас, промчалась вперед и исчезла в проходе.

— Мужики начинают подшучивать надо мной. Шаина проводит Луны то со мной, то с другими. А я сын старосты и, наверняка, когда придет время, приму его дело. Мне нужно уважение моих сельчан, а не насмешки. И уж тем более мне будут мешать сравнения моих любовных успехов под

светом Луны с успехами других мужей.

Такая проблема и впрямь у Крисвета была. С его характером ему будет непросто заслужить уважение простых сельчан и, откровенно говоря, хамоватого сборища бандитов. А женщины... В этом поселение они удивляли меня, хотя иногда мне казалось, что я их понимаю. Женщины тут ценили в мужчинах силу и умение держать все и всех под твердым кулаком. И чем невыносимее мужлан мне казался, тем больше чужих жен бегало к нему, пока не видели мужья. Впрочем, когда в выделенном мне доме просела крыша, пришлось потрудиться, чтобы уговорить мужиков починить ее. Сама я, как ни старалась, не справилась. Каждый мужлан в те дни стремился затащить меня в постель или к себе в дом, чтобы держала его в порядке, готовила и рожала... Наверное, я не прогадала, когда пришла сюда, как начинающая знахарка. Именно то, что я лечила многих наравне с Раильей, открывало мне больше привилегий. Но и тогда пришлось воздействовать на мужиков через старосту, и многие из них обиделись, что я так ни с кем не закрутила романа. Думаю, женщины тут вынужденно выбирали прежде всего кормильца в дом и хозяина, а уже потом тешили изменами сердце.

Крисвет был слишком мягок для такой жизни.

— У вас... — Я закусила губу, коря себя за оговорку. Сколько живу в Фадрাগосе, а временами все равно в словах просачиваются сравнения с родным домом. — В отдаленных поселениях приняты свободные нравы. Поверь мне, целительнице, я знаю, о чем говорю.

— Кто ж не знает, целительница? — Он усмехнулся задорно, подмигивая мне. — Да и свободные нравы приняты не только в отдаленных от регионов поселениях. Это ты у нас... необычная. Мужики, да и не только они, и над тобой подшучивают, что ты никого к себе не подпускаешь и со всеми держишься холодно. Такая любовь, как у тебя, присуща чаще шан'ниэрдам или уважаемым.

Хотелось сказать, что он многого обо мне не знает, но удалось вовремя прикусить язык. Выстраивать вокруг себя недомолвками образ честной девушки, желающей тихой жизни знахарки, удавалось непросто. Но ко мне привыкли и в душу лезли редко. В основном только наглецы или семья старосты.

— Мне пора перейти к серьезной жизни, — уверенно произнес Крисвет. Ветерок подул чуть сильнее, и эльф прищурился. — Наверное, ты права, что я не люблю тебя. Но тогда и я прав, что не люблю Шаину. Просто она доступнее, поэтому мы с ней ближе, чем с тобой. И я точно не вызываю у тебя отвращение. По тебе видно, когда тебе кто-то не по нраву. Может, сердце свое ты и отдала другому, но твоя душа, тело и разум тут. Рель, подумай о нас. Я бы стал тебе хорошим мужем. А если тебе важно, чтобы отношения с тобой походили на отношения шан'ниэрдов, то поклянусь тебе в верности. Поклянусь, что буду близок телом только с тобой.

— Крисвет, в поселении полно свободных девушек, — собрав все спокойствие в себе, произнесла я. — Тебе лучше поискать другую.

— Лучше не будет, — упорствовал он. — Пусть над твоей недоступностью и подшучивают, но мужики за это и уважают тебя, как готовы уважать не каждого воина. Просто пообещай мне, что подумаешь над моим предложением. К следующей полной Луне я принесу тебе ис'сиару. В этот раз это не просто слова, а твердое решение. Ты обещаешь?

Я невольно оглянулась на тропу, ведущую к уютной полянке. Потерла шею и кивнула.

— Хорошо, Крисвет. Я обещаю, что всерьез подумаю над твоим предложением и, когда ты принесешь мне ис'сиару, приму взвешенное решение.

Кейел

После вонючих переулков першило в горле и появлялось желание смочить его. Усевшись за угловой стол, я подал знак подавальщице. Оценивающие взгляды будущих собеседников не смущали и не пугали. Я точно знал, чего стоит Фаррд и его прихлебатели.

Пока добирался до Васгора опасался, что тут все могло измениться, как изменилось в некоторых торговых кварталах Обители гильдий. Но стоило войти в это заведение и присмотреться к Фаррду, как все опасения отступили. Правда, узнать Фаррда удалось не с первого взгляда, да и не со второго...

— Мне описывали тебя другим, — соврал я на васовергском языке, склоняясь над столом и обводя указательным пальцем свое лицо. — Кто это сделал?

Сплюснутый нос смотрел в сторону, передний зуб был сломан, вмятины усеяли лоб. Мне нравилось.

— Тебе какое дело? — влез другой васоверг.

Здоровая детина склонилась ко мне и ослабилась. Я приблизил свое лицо к его пасти и поморщился.

Фаррд, оценив мою реакцию, похлопал убудка по плечу и молча приказал не встречать.

— Я не угодил работой Дароку, — ответил он, облакачиваясь на стол. — Слышал о таком, человек?

Удивление охватило на несколько секунд. Настолько сильное, что я не сдержал ухмылку. Духи Фадрагоса, надо же, какие совпадения бывают!

— Чего смешного? — спросил с сильным акцентом на васовергском викхарт.

— Я пришел к Фаррду за помощью, — ответил ему на чистом викхартском, изумляя его. Улыбнулся и, снизив тон, пояснил: — Из-за Дарока. Мне нужно разобраться с ним.

Викхарт почесал длинным пальцем шрам, тянущийся от ямки на лысой голове, как трещина на разбитом яйце. Кивнул, посмотрел на Фаррда, но промолчал. Молодая викхартка принесла выпивку. Отвратное поило болотного цвета подавали только в харчевне Фаррда, но оно было лучшим из того, что тут могли предложить. Это же касалось и самого информатора. Он был мразью, но свою работу выполнял лучше любого в этом городе.

Как только подавальщица отошла от стола, викхарт зашептал что-то на ухо Фаррду. Я глотнул пойла, переждал острую боль в носу и лбу и откинулся на спинку скамьи. На всякий случай осмотрелся. Ближайшие столы от нас пустовали и стояли чуть поодаль, за другими — васоверги напивались до беспамятства.

— Ты знаешь, кто я, — обратился ко мне Фаррд, наваливаясь предплечьями на столешницу. Кожаная куртка натянулась на его плечах до скрипа. — Значит, порядок работы со мной тебе тоже известен?

Уголок губы дернулся, и я потерял нос, пряча эмоции за рукой. Информация взамен на услугу и наоборот. Имеется только одно отличие между просителями и Фаррдом. Просители попадают в крепкую паутину, а последний торгует их секретами, завлекая в опасную сеть все больше и больше существ. И чем сильнее дергаешься в дальнейшем, пытаешься вырваться, тем крепче влипаешь.

Единственный целый глаз Фаррда блестел, как черное брюшко муравья, в тени густой брови. Васоверг ждал от меня ответа и оплату вперед. Я кивнул. Раскинул руки на спинке широкой скамьи и застучал по ней пальцами. Заранее подготовленная речь полилась из меня без запинки:

— Меня зовут Кейел. Я не разбойник, не вор. Никогда не состоял в гильдиях, долгое время жил в отдалении от регионов. Примерно десять периодов назад жизнь свела меня с Дароком.

Фаррд прищурился, его прихлебатели наостригли уши сильнее. Я продолжил выкладывать информацию о себе, постоянно украдкой следя, не приближается ли кто-то.

— Мы были в походе. И не сошлись с ним кое в каком вопросе. Вопрос касается девушки.

Фаррд не скрыл заинтересованности во взгляде, и я не стал юлить.

— Мы не знаем, где она сейчас, но мне известно, что он продолжает искать ее.

— Да, — кивнул Фаррд, небрежным движением отодвинув кружку. — Я знаю, какую девку он ищет. Говорил с ней лично. Но мне неведомы причины.

Пытливость тона вызвали вспышку злости, но я справился с ней. Улыбаясь широко, выдал правду:

— Она сильный воин. И Дарок считает, что она Вестница. Он хочет повторить успех правления Гархорта.

Ублюдки за столом приобрели каменные лица и стали переглядываться. Фаррд подался было вперед, хотел уточнений, но отпрянул. Быстро опустил плечи, отхлебнул побольше пойла, сплюнул в сторону и поморщился.

— Вестница... — протянул равнодушным тоном, но глаза его горели и выдавали жадное нутро с потрохами. Приковывая тяжелым взглядом то заинтересованного викхарта, то всполошенного васоверга, сказал: — Появись она в Фадрагосе, никто бы не узнал о ней.

Однако пададь, сидящая передо мной, теперь точно сопоставила и пожелания Дарока исколоть стопы девицам, и неумное желание будущего вождя найти именно эту девушку. Будто васовергам так важно, кто будет кричать от боли под ними и кого пара лет непрерывного вынашивания их ублюдков истощит до полусмерти.

— Видимо, у него есть все основания верить в то, что эта девушка несет в своем уме тайные вести. — Я ухмыльнулся, склоняя голову к груди и добавляя огня полупшепотом: — И у меня тоже.

Теперь не только я с осторожностью посматривал по сторонам. Фаррд свистнул громилу, скучающую у входа, и попросил пересадить ближайшую компанию подальше. Приказал расчистить пространство вокруг нас и никого не подпускать.

— Ты уверен, что она Вестница? — спросил Фаррд, сгорбившись над столом и подзывая меня пальцем.

Я тоже склонился над столом и кивнул. Заговорил первым, навязывая свои условия:

— И я понимаю, что Дароку нельзя завладеть ею. Как можно принять вождя, который был воспитан старыми, слабыми людьми? Большая часть васовергов ведь именно поэтому до сих пор сомневается и не встает под его правление.

Фаррд кивнул, открыл рот, явно желая уточнить, но я умел включать дурака. В моей обычной жизни это стало моей основой выживания, а жизнь Вольного научила скорости и наглости.

— Если он завладеет Вестницей, то вся власть перейдет только к нему. Он знает это. Знает, что может стать вторым Гархортом в глазах ваших собратьев. Вам нельзя этого допустить! — И снова, не позволяя Фаррду вставить ни слова, проговорил едва слышно: — Я знаю, как избавиться от Дарока раз и навсегда. Я убью его, но мне нужна твоя помощь!

Напряженные лица собеседников медленно вытянулись.

— Ты? — протянул викхарт.

— Он слаб на правую руку, — скалясь и глядя в ржавые глаза викхарта, произнес я. — А я ловок и быстр. Я плотник — с детства машу топором и владею ножами. Не недооценивай меня, викхарт.

Я отпил побольше резкого пойла и переждал колкую боль. В глазах мутнело, но зелья, выпитые заранее, хорошо справлялись с опьянением. Каким бы хмельным ни казался мой взор, рассудок оставался трезвым.

Верзила растянул снисходительную улыбку и покачал трехрогой головой. Викхарт хмыкнул насмешливо и, подняв свою кружку тонкой рукой, выразил мне почтение. Фаррд скривился, рассматривая меня. Однако мои слова направили разговор в нужное русло.

— Какая у тебя идея? — спросил Фаррд.

Я смочил горло еще одним глотком. После длительного общения на васовергском оно начинало першить.

— Скоро ритуал Ярости, — произнес, опуская железную кружку на стол, но не выпуская ее из руки. — Сведи меня с тем, кто сможет провести меня на священную землю. Я хочу пройти ритуал и убить на нем Дарока.

— Ты подохнешь. Не успеешь и шагу к нему ступить.

Я склонил голову к плечу и прищурился.

— Вот и посмотрим.

Фаррд с сомнением почесал толстую шею. Вопросительно глянул на советника. Прежде, чем викхарт выразил свое мнение, я проговорил:

— Ты все равно ничего не теряешь. Если он убьет меня, то ты всего лишь упустишь удачу. А если я убью его, то все, кто уважал Дарока, перейдут под руководство того, чья метка будет на моем лбу.

— В таком случае, если ты подохнешь, Дарок живьем скормит своему дракону того, чья метка будет на твоём лбу, — огрызнулся верзила.

Но его мнение меня не интересовало. Викхарт думал, поскребывая грязным, потрескавшимся когтем тонкую губу. Фаррд подпер подбородок кулаком и, буравя меня тяжелым взглядом, размеренно стучал косточкой по ободку тарелки с остывшим куском мяса.

— Ладно, — принял он самостоятельное решение. — Я помогу тебе, человек. Но Дарок не настолько мешает мне, как ты думаешь. Поэтому сделка пока все еще односторонняя. Я не вижу ни одной выгоды для себя.

Он лукавил. Я только что преподнес ему, как он думает, по людской глупости, щедрый дар, от которого нельзя отказаться, кем бы ты ни был. Ему остается только отыскать самого несчастного васоверга, увязшего в его паутине, чтобы тот поставил свою метку на моем лбу. И как только я возведу этого васоверга до статуса вождя, Фаррд без зазрения совести избавится от меня. Что ему еще нужно? Новый вождь, вместо старого, который растерял и уважение большинства, и давно утратил молодость, и имел немало самостоятельных рычагов влияния. Фаррд порой тратил немало усилий, чтобы облагородить старика. Да и появится Вестница на привязи, владеющая тайнами целого мира...

Давай, спроси о ней, жадный идиот!

— Расскажи мне, что тебя связывает с Вестницей.

Взросшее во время молчания напряжение отпустило. Я выдохнул с улыбкой, выкладывая правду без утайки:

— Я люблю ее.

— Ты понимаешь, человек, почему я вынужден расспросить тебя о ней?

— Это твоя форма работы, — кивая, произнес я. Покачал головой из стороны в сторону, будто взвешивал дальнейшие слова. — Мне рассказывала об этом Стрекоза. Она была с нами в походе. Жаль, что она лишилась памяти.

— Стрекоза, — прогнусавил Фаррд с искренней досадой. — В самом деле, жаль. Она принесла мне немало пользы, а теперь, говорят, похожа на обычную девицу. Шьет какие-то тряпки, сочиняет отвратительные баллады и живет в роскоши. И много она тебе обо мне наболтала?

— Нет. Но от нее я узнал, как ты работаешь. Тебе нужна уверенность, что проситель не подставит тебя, поэтому ты узнаешь все о тех, кого он любит. Этот подход мне не нравится, но я понимаю его. В твоём деле трудно обезопасить себя.

На буром лице, полном прорех и отметин отвязной жизни, растянулась покровительственная улыбка. Фаррд махнул приглашающе рукой, и я заговорил, рассказывая все о Вестнице, что знал на сегодняшний день.

Давно мне не приходилось жить в условиях хуже: тесно, крохотное окно под закопченным потолком, камень вместо тюфяка с наброшенной поверх шкурой, еще один камень в углу заменял стол. В комнате было душно, но хозяин таверны предостерегал проветривать. Смерд сточной улицы проникал внутрь даже сквозь закрытое окно. Да и насекомые, смертельные для человека, могли заползти через малейшую щель. Хорошо, что стены были плотно замазаны глиной.

Прошло пять рассветов с того момента, как мы с Фаррдом заключили договор. Я ждал. И готов был прождать хоть целую вечность. Но дверь загрохотала. Прихвостень Фаррда, наконец-то, пришел за мной. Мне понадобилось несколько минут на сборы.

Город пересекали в молчании. Шли долго, много петляли, пока не уперлись в скалу. Часть дома виднелась прямо на уступе, остальная — пряталась в самой скале. Крутые ступени вынуждали подняться метров на семь над землей. У массивных дверей высились два постаменты с драконьими черепами. Выходит, меня привели к важному васовергу. Не всякий мог похвастаться родовым домом.

Незнакомец открыл и, разглядев моего провожатого, молча пропустил нас. Пока стоял неподвижно, свесив рогатую голову, позволил рассмотреть себя. Молодой. Возраст был виден и по светлому

оттенку длинных рогов и по лицу, не отмеченному боями. Он прятался в тени и вел себя тихо. Словно пленник.

— Дальше разбирайтесь сами, — сплюнув прямо на порог, произнес провожатый.

Подтянул ремень на поясе, хмыкнул и ушел.

— Следуй за мной, — пробасил понурый васоверг.

Скупую обстановку разбавляли драконьи символы на стенах. Они подсказывали, что дом принадлежал приближенному вождя. Такое положение мог занимать только сильный васоверг, неоднократно проявивший себя на ритуале Ярости и в многочисленных сражениях. Тот, кто вел меня по мрачным коридорам, не дотягивал до положения и обычного наемника.

— Как тебя зовут, сын Ярости? — поинтересовался я любезно.

— Закрой пасть, — огрызнулся он.

Выходит, легко подружиться не удастся. Однако, что бы он ни думал — придется.

Васоверг поселил меня в дальней комнате. Из окон можно было увидеть все дома яростных. Ворота Дарока темной тенью стояли вдали, и все последующие дни я смотрел на них после пробуждения и перед сном. Собирал душевные силы перед неизбежной встречей. Они понадобятся мне ради терпения. Как бы ни жгла ненависть сердце, требуя мести, а кулаки ни сжимались против воли при мысли о Дароке, убивать его в мои планы не входило.

Молодой васоверг, принявший меня под крышей своего дома, не спешил знакомиться. Даже имени своего не назвал. Ни о каких беседах по душам речи идти не могло, поэтому я решил не наседать.

Мы просыпались до рассвета: он выходил на порог и молился Солнцу; я забирался выше, где находился просторный уступ и оттачивал навык убийства на невидимом противнике. После молитвы васоверг звал меня завтракать, затем мы снова расходились: он — в свои комнаты; я продолжал бой до солнцепека. Спустя четыре дня васоверг стал присматриваться к моей тренировке с порога, но надолго не задерживался. Еще через два дня моя отстраненность, показывающая уважение к пожеланиям пленника обстоятельств — а васоверг явно был им, — дала плоды...

В главном зале не было окон, и факелы коптели стены. Мы сидели за каменным столом. Неокрепшие рога принимали на себя рыжий свет и едва окрашивались. Темные волосы пыльным множеством косичек свисали до самой поясицы. Васоверг явно не был бойцом.

— Ешь больше, человек, — пробасил он. — Скоро нам привезут кабанье мясо.

— Кто-то проявляет заботу о человеке? — спросил я и впился зубами в твердое мясо ящера.

После пищи васовергов в животе долго сохранялась тяжесть. Но непривередливые воины редко позволяли себе что-то получше. Слишком много затрат на поимку зверей в отдаленных лесах и доставку их в Васгор. К тому же они предпочтут скормить лучшее драконам.

Васоверг впервые посмотрел на меня с открытым упреком. Под его взглядом я перестал жевать и усмехнулся. Когда молчать надоело, тихо произнес:

— У нас с Фаррдом договор.

— Я знаю. — Он прижал костяшки кулака к столу. По темным глазам было видно, что хотел спросить о многом, но в последний момент коротко выдохнул и сказал: — Дарок убьет тебя.

— Думаешь? — я вложил в голос учтивость.

Васоверг кивнул.

— Великий вождь убьет тебя, а потом придет за мной.

— Он пока еще не вождь.

Васоверг резко выдохнул носом. Насупился.

Подходящее время настало... Я отодвинул тарелку с едой, вытер тряпкой рот и, стиснув ее в пальцах, заговорил прямо:

— Я хорошо знаю Фаррда. Обратишься к нему однажды, и уже не слезешь с его крючка. Мало кому это удавалось. — Склонился над столом и спросил у удивленного васоверга полупшепотом: — Я могу помочь тебе?

Толстая бровь поднялась выше. Несколько мгновений парень буравил меня насмешливым взглядом, а затем разговорился как никогда за все время, что мы жили под одной крышей:

— Фаррд был великодушен ко мне. — Улыбка расплзлась на квадратном лице шире, но я видел по темным глазам, что не ошибся в предположениях: Фаррд нажил много врагов. — Я выжил в кандар'рхоре. Но лишь милостью Солнца. К тому рассвету, когда я осмелился выйти оттуда, меня окружали подростки. Я сильно задержался, прячась в нашей колыбели.

Он распрямил руку, лежавшую на столе, и бесшумно постучал ладонью по каменной столешнице.

— Мне пришлось уходить оттуда одному. Тебе известно, человек, что означает уйти из кхандар'рхора одиночкой?

Я равнодушно выдержал тяжелый взгляд на себе. Живой смертник, сидящий передо мной, отвернулся первым и с усмешкой обреченного продолжил говорить:

— За пределами кандар'рхора все не так. Никто не приносит в лабиринты живой скот или маловажных пленников. Мне нужно было что-то есть и пить. Все ближайшие дороги и богатые охотничьи угодья поделены между братствами. Они хорошо сторожат свои владения и не пускают к себе чужаков. — На миг стиснул клыки до еле уловимого скрежета. — Я умирал. Пытался к кому-то прибиться, но меня отовсюду гнали с позором. Я недостаточно силен и ловок, чтобы даже просто дотронуться до противника. Ни плетью, ни кулаком.

Сжав огромный кулак, поднес к лицу и посмотрел на него с отвращением.

— Я не знал, куда идти.

— Тебя направили к Фаррду?

Васоверг кивнул. Знакомо... Меня привели к нему слухи, что у этого васоверга можно раздобыть любые сведения.

— Викхартка. Работает в его харчевне. Она пожалела меня. Содержать меня у нее бы не получилось, но она слышала, что Фаррд способен творить чудеса. И по ее совету я пошел к нему.

Я погасил в себе зарождающееся сострадание. Жалость к слабости неуместна. Удивительно, что этот парень дожил до своих периодов.

— У тебя было, что ему предложить? — поинтересовался я, догадываясь, как дальше сложились обстоятельства.

Васоверг чуть слышно рассмеялся. И оборвав смех, посмотрел на меня пристально.

— Ничего.

В наступившей тишине взял пустую кружку и сплюнул в нее. Посидел немного молча, а после проговорил в сторону:

— Ты тоже работаешь с ним, значит, знаешь, что он просит в оплату. — Вздохнул тяжело и проговорил: — У меня для него ничего не было.

Я вонзил нож в кусок мяса.

— Ты попросту отсрочил свою смерть.

Васоверг с насмешливой грустью посмотрел на мою тарелку. Нож крепко засел в прожаренной до корочки вырезке.

— Фаррд пристроил меня в братство. От радости я даже не задумался, как ему это удалось. Братство-то оказалось не простым. Небольшое, но важное. Существовало под покровительством старого вождя. Мы занимали земли вблизи нескольких деревень к югу от Заводи, разведывали там дороги, перехватывали добычу у другого братства, которому покровительствует Дарок. Да и так... работали по мелочам. Однажды Фаррд пригласил меня к себе. — Он пожал плечами и потянулся к ножу. Поднял его вместе с куском мяса и стал разглядывать, крутя им перед самым носом. — Говорили, как давние друзья. Я устал благодарить его за щедрый дар. Наш главный закрывал глаза на мою слабость. Иногда даже покрывал ее, оправдывал меня. Потом Фаррд спросил о двух наших братьях. Расспрашивал об их дружбе, об их разговорах. Я было поинтересовался, зачем ему они. А он в ответ напомнил, что я не заплатил ему за услугу.

Обхватив жирное мясо рукой, снял кусок с лезвия и быстро метнул нож в сторону. Я моментально нащупал рукоять кинжала и проследил за полетом ножа. Он ударился в каменную стену и со звоном упал. Тощая крыса соскочила с декоративного выступа и стремительно удрала в другую

комнату. Васоверг раздраженно выругался. Видимо, на свое неумение метать ножи и плохую меткость.

— Фаррд попросил о пустяке. Мне так показалось. — Он кинул кусок мяса обратно мне в тарелку и взял тряпку со стола. — Он рассказал мне историю о каком-то украденном послании. Ее нужно было рассказать в братстве, когда все будут рядом и смогут услышать меня. Что-то в ней было. В этой истории.

— Почему ты так думаешь? — Я склонил голову к плечу, отпуская рукоять кинжала.

— После того, как я повторил ее слово в слово перед братьями, наступили скверные времена. Те, о ком Фаррд спрашивал, подрались на рассвете. И один зарезал другого. Глава потребовал объяснений. И когда начались разбирательства, возник раздор вокруг давнего дела. Я о нем знать не знал. И до сих пор причины для меня скрыты. В тот же рассвет из одиннадцати братьев в живых осталось трое. И это вместе со мной.

Васоверг буравил гневным взором стену, на которой плясал свет огня. Клыки выпирали в оскале.

— После этого о нас узнал старый вождь. Он лично отправил за нами и пригласил к себе. Оказалось, что раскрылся заговор. Что часть братьев были против старого вождя. Он благодарил нас. Потом мы пытались возродить братство, добрать новеньких из кандар'хора, но ничего не вышло. Все разбрелись по новым братствам, и только я опять не смог ни к кому примкнуть.

— И ты снова пошел к Фаррду? — догадался я.

— Пошел. — Васоверг скривил губы в сожалении. — А он и ждал меня. Так и заявил мне это при встрече. Теперь, сказал, у тебя есть множество секретов о тех, кто остался жив из бывшего братства.

Я покачал головой, стараясь взглядом выразить сочувствие. Васоверг растолковал верно.

— Вот и я тогда понял, человек, что связал себя с грязью. Хотел было рассказать всем, к чему этот васоверг принуждает меня, но он перечислил мне, как много васовергов пострадает. Сказал, что это случится из-за меня. Тем рассказом об украденном послании я будто поставил клетку вокруг каждого. Я, может, и умру. Все равно подохнуть должен был еще давно. Но другие братья, как оказалось, сами не ведая, влезли в жуткую западню и втянули других. Но они — не ведая, а я — уже от Фаррда знал и знаю. У меня нет выхода, человек, как только молча делать все то, что он говорит, и ждать, либо своей смерти, либо когда кто-то убьет его. Но я тебе так скажу: умирать я не хочу.

— Понимаю, — кивнул я. Мне уже доводилось видеть такую тягу к жизни. Но это была женщина, человек, слабая с виду. Невинная... Как рассвет. Этот васоверг тоже может погубить всех. Я тряхнул головой, заправил волосы за уши и проговорил: — С Фаррдом легко сотрудничать и легко вестись у него на поводу. Кажется, что он не спрашивает ничего дурного, а потом выходит, что сказанными пустяками он убивает и развязывает междоусобицы. И обвинить его нельзя напрямую, ведь все сказанное сказано было не им.

— Точно.

— Ты у него под сапогом.

— Как есть. И поверь мне, человек, никто не поможет мне. — Он вытащил иглу щетинистого кота из подушечки и стал выковыривать остатки пищи между зубов. При этом, что радовало, продолжил беседу: — Он подарил мне этот дом за все секреты, которые я принес ему. Он приблизил меня к старому вождю, и я обрел имя яростного васоверга, хотя никогда не участвовал в ритуале Ярости. Я хорошо жил с такой никчемной силой. И хотел бы жить дальше. Но теперь ему понадобилось мое имя на твоём лбу.

Замолчав, он стиснул кулак и осмотрел меня оценивающе-презрительно.

— Я видел, как ты готовишься к ритуалу. Ты ловкий и быстрый, но что ты против Дарока?

— У него повреждена рука, — напомнил я.

— Ему не нужна рука против тебя. Поговаривают, он перегрызает противникам глотки собственными клыками, а после умывается их кровью. Весь его двор заставлен трофеями поверженных врагов. А на самый высокий холм во дворе, который хорошо просматривается с дороги, он поставил череп лучшего воина старого вождя и показательно справляет на него нужду.

Я шумно вздохнул, потирая переносицу. Духи Фадрогаса, надоело слышать это все...

— Тебе интересно, как я помогу тебе с Фаррдом, или нет? — спросил у него прямо.

Он несколько мгновений смотрел на меня, а потом махнул, приглашая продолжать. И я не заставил долго ждать.

— Не ставь мне метку. Подготовь меня. Обозначь штрих белой краской. Так у вас делали в древности, позволяя сильнейшему из чужой расы без покровительства пройти на священную землю.

— Фаррд не одобрит.

— А ты не говори ему. Пусть узнает потом. Если я проиграю с безымянной меткой, он найдет тебе применение и позволит еще пожить. Если я проиграю с твоей меткой, Дарок поставит твой череп на самый высокий холм в своем дворе уже к рассвету.

Его продолжительный выдох походил на утробное рычание. Однако он быстро сдался.

— Зачем ты ищешь смерти? — спросил он, будто пытался убедиться в твердости моих намерений.

— Я не ищу ее, — с готовностью заявил я. — Я не проиграю этот бой.

— И что ты сделаешь, когда победишь? Ты получишь себе в услужении многотысячное войско. Какое-то время васоверги будут подчиняться тебе, но потом яростные начнут бросать тебе вызовы один за другим.

Ему бы такую предусмотрительность в молодости. Возможно, теперь не пришлось прислуживать Фаррду ради роскоши в Васгоре при ленивой жизни.

— Не заглядывай так далеко. — Я улыбнулся, понимая, что не готов сделать этого васоверга полноценным союзником. Ему всего знать нельзя. — Для начала я выйду победителем из круга.

Последующие дни пошли веселее. У нового знакомого появились азарт и кроха веры в меня. Видимо, ему хотелось впечатлить Фаррда и обзавестись в будущем влиятельным знакомым, если вдруг я одержу победу. И мысль собственной безнаказанности приободрила его. Именно он насадил на Фаррда и вынудил того отыскать мне пару крепких воинов. Они приходили после утренней молитвы, поднимались на уступ и боролись со мной. Сначала посмеивались, оскорбляли, заигрывали, будто перед ними девчонка. Потом наглотались крови с пылью.

Спустя четыре дня мы ушли из Васгора далеко в пустошь. Выживали день и ночь. Боролись между собой до усталости, а рассветами молились.

Новые приятели помогли отточить ловкость, позволяющую в одно мгновение оказаться вблизи менее проворных противников и так же быстро уйти. Подскок — удар — уход.

У новых приятелей тоже имелся зуб на Фаррда... И в отличие от молодого васоверга, оставшегося в родовом доме на скале, эти воины уважали себя. Поэтому я посвятил их в свои планы полностью.

— Сюда дави! — рявкнул громила Хар, лежа подо мной и сжимая до хруста мой кулак в своем. — Сюда! Сильнее!

Рукоять кинжала давила в грязную шею: наверху — выше кадыка, основание — ниже, костяшки пальцев упирались прямо в кадык. Хар требовал, но сам кривился от боли.

— Еще, человек! — подтрунил Ронм, наблюдающий за нами со стороны.

Тени в ямке на шее сгустились, серое лицо Хара приобрело красный оттенок, из горла вырвался хрип. Я стал выжидать и наблюдать. Через несколько секунд Хар выпустил мой кулак и сразу ухватился за запястье. Попытался отвести мою руку, но столкнулся с сопротивлением. Длинные рога, прижатые к земле тяжелыми телами, сковали воина целиком. Он не мог пошевелить головой. Попытался дернуть ногами, но рога сильнее впились в спину и опасно закрипели — одно неловкое движение могло сломать их. Свободной рукой Хар похлопал меня по плечу.

— Я хочу знать, как долго он пролежит в таком состоянии и все ли из сказанного поймет.

Хар ответил мне сипением. Ронм высморкался на землю, прошелся вокруг нас. Произнес лениво:

— Он крепче многих братьев. То, что убьет Хара в несколько мгновений, Дарок выдержит без труда.

Я убрал руку. Васоверг жадно схватил воздух ртом и положил ладонь на свою шею. По его вискам бежал пот, белки глаз покраснели. Стараясь не причинить ему вреда, я слез с него и поднялся.

Пустыня вокруг оазиса пылала знойным маревом. Песок и каменная крошка скрипели на зубах, кололись под одеждой.

— Вы обещали показать, что делать с его руками.

— Покажем, — сказал Ронм, пока Хар приходил в себя. — Плети — наше оружие, наша врожденная сила. И наша же слабость. Прием недостойный, подлый, поэтому васоверги им не пользуются, но ты человек и...

— Я не брезгую подлостью.

В Васгор мы вернулись к началу всеобщей подготовки к ритуалу. В этот период васоверги изменяли рацион: снижали объем твердой пищи, но в тот же момент ели то, что придавало как можно больше сил. Тренировки, напротив, ожесточились и усилились. Все понимали, что путь к почету стелется через множество смертей. Каждый понимал это и не хотел оказаться в числе убитых.

От васоверга, чья крыша дома стала нашим пристанищем, мы скрывали детали дела. Все обсуждения моего плана остались сказанными далеко в пустыне. В Васгоре, для тесного круга знакомых, я всего лишь гордый смертник, возомнивший, что смогу убить Дарока.

Накануне ритуала Ронм и Хар тихо наставляли меня, повторяя хитрости, которые я уяснил и с первого раза. Оба васоверга совсем не волновались о себе, но, разглядев во мне способность убивать и отвоевывать свое, приняли меня за собрата. Им не хотелось видеть мою смерть в ритуальном круге.

В свете Луны я подошел к окну и высмотрел вдаль черные ворота. Долгие мгновения следил за еле уловимой игрой рыжего света в крохотных окнах. Мне чудились тени то Архага, то Норкора, то Гахсода, то Дарока.

После заката Дарок убьет меня, и тогда Ронм и Хар выслужатся перед ним — сообщат, кто провел меня на священную землю. Это планировал сделать сам я, прямо в бою, но пусть внезапные союзники получат свою награду. В любом случае Дарок не оставит Фаррда после этого в живых. Либо...

Либо я сумею сторговаться с Дароком.

— Эта тварь должна заплатить за все, — приблизившись ко мне со спины, едва слышно произнес Хар.

Я сжал кулаки и сказал то, в чем был убежден:

— Утихомирь ярость, брат. Судьба Фаррда уже решена.

Впервые о ритуале я услышал от Кхангатора. Виххарт живописно рассказывал мне и Вайли, какое таинство заключает в себе все от начала голодания до пролитой крови в ритуальном круге. Трудно после долгих дней голода и изнурительных тренировок просидеть от рассвета до заката под палящим солнцем. Видеть воинов перед собой, помня, что один из них с наступлением темноты попытается убить тебя и, если ты не достаточно соберешься с силами, наверняка убьет. И раз ты оказался на священном плато васовергов, значит, твоя жизнь неоднократно толкала тебя в скверну. А память... Память пробуждает самое темное, стоит тебе только остаться наедине с собой.

Голод, страх за жизнь, убийство невинного животного, кровь, снова жертва — снова кровь. Ярость не может дальше спать после того, как Солнце весь день прожигало тебя насквозь. Жар дня, проведенного в заточении худшего из всех острогов — в заточении с самим собой, внутри себя и в темных закоулках памяти, — разожжет пламя злобы, даст силу к бою насмерть и к желанию убивать. Естественно, если есть чему разгораться.

Кхангатор рассказывал, что нередко люди, фангры и эльфы не дожидались боя. Не дожидались даже ночи. Поднимались со своих мест засветло и под беспощадным надзором Солнца прыгали со скалы.

Я слышал о ритуале от Кхангатора многое и был готов к нему.

Затемно, после несложных процедур, я, Хар и Ронм взяли своих жертв, обмолвились несколькими словами и направились к дороге. Васоверги многочисленной толпой шли по ней, не смея нарушить остаток спокойной ночи голосами. Для половины из нас эта ночь была последней.

Вереница событий потянулась, как и эта толпа к священной земле, — тихо, с обыденным хладнокровием, но с чувством назревающей бури и скорого конца. Я постоянно высматривал Дарока в толпе. Надеялся, что все пойдет по плану, и запрещал себе беспокоиться, что замысел провалится. Беспокойство больше касалось Ани. Я рассказал о ней Фаррду, и он сделает все, чтобы разыскать ее. Но я верил, что Вестница станет его слабостью, пробудит в нем жадность, и та погубит его. Он будет медлить с поиском, будет заинтересован в том, чтобы как можно меньше существ знали о Вестнице. И для начала он устранил опасного конкурента — Дарока. А Аня... Она

должна уметь сама постоять за себя. Если ее не нашли до сих пор, значит, за нее можно лишь порадоваться. Она жива, она нашла себе интересное дело, она...

Разъедает сердце тоской.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания о ней. Иногда мысль, что меня могут убить, пугала меньше, чем мысль о нашей встрече. Что мы скажем друг другу? Как она посмотрит на меня? Вдруг у нее уже кто-то есть.

Дарока я увидел при подъеме на плато, но намеренно на глаза ему не показывался. Обменявшись последними взглядами со спутниками, выбрал себе место поодаль от будущего соперника. Дарок вошел в круг, снял с себя куртку: правая рука с виду выглядела здоровой. Архаг заслонил собой Дарока, готовясь к ритуалу, и я последовал его примеру. Понимая, какой зной будет в полдень, снял с себя куртку. Утренняя прохлада мигом пробралась под рубаху, легкий озноб тронул кожу. Усаживался я долго — расчищал ладонями камень под собой от песка и крошек. Двигаться потом никто не запрещал, но васоверги посчитают смену позы за слабость. На ритуале выдержка должна проявляться во всем и при всех невзгодах.

Устроившись удобнее, разложил ритуальные предметы по местам. Окинул двух жертв взглядом и прижал зайца к земле крепче. Вот-вот Солнце озарит Шиллиар — и все начнется.

Архаг уселся, и за ним стал виден Дарок. Как только луч света забрезжил на Краю мира, предвещающая рождение Солнца, Дарок взял ритуальный кинжал и поднес его к зайцу. Правая рука издали не вызвала вопросов, если бы не странная поза. Чтобы согнуть руку, Дарок едва заметно приподнимал ее в плече и отводил от себя в сторону. Не глядя на свою жертву, я поднес клинок к ней. Лишь окинул беглым взглядом, чтобы убить быстро и безболезненно, и снова стал следить за Дароком.

Кровь пролилась.

Дарок сразу опустил руку, быстрым движением укладывая кинжал плашмя и прижимая его ладонью к земле. Он старался скрывать, но я видел, как ему трудно владеть рукой. Она слушалась его, но недолго.

Я отвернулся. Свежая кровь заблестела в лучах рассветного Солнца. Я подставил ладонь, набрал горсть и провел по лицу. Набрал еще горсть — выпил. Взглянув на Солнце, не смог обратиться к нему. Память подсунула заветы, которые на деле оказались пророчеством. Я прищурился. Яркий свет ударил в глаза, и на них выступили слезы.

И живут они слепо...

Сглотнул, вспоминая с самого детства вбитые в голову духами слова об истинной свободе — свободе от привязанностей и эмоций. Истинная свобода — дар и проклятие. Духи объясняли, что...

...свобода рождается с существом.

Дарует ее чистота разума и зрения. И истинная суть мира является свободному существу открыто. Но чистые, не защищенные духами, они впускают в себя чувства окружающих, перенимают их. И с первыми чувствами чужая скверна пачкает им глаза, крадет способность зреть. Чужие взгляды ослепляют их, как Солнце. И живут они слепо...

И я ослеп, когда впервые впустил ее чувства в себя. Тогда она плакала у священного кольца, потому что я обманом разлучил нас с ее друзьями и отправил их в опасный регион. Обида Ани была так сильна, что я искренне обиделся в ответ. Бестолково, бездумно. Просто впитал ее чувство и отразил, как гладь озерной воды отражает солнце в ясный полдень. А потом медленно приходило понимание ее обиды. И ее надежда и вера, которые она возлагала на меня, вызвали приятные чувства. Будоражащие, терпкие, пьянящие, как вино. Разве мог кто-то так слепо доверять Вольному? Она смогла.

Тогда я боролся с ростками этих чувств. Помнил заветы, понимал, чем все закончится. Но хотел еще... Как те бедняги, кто привыкает к опию. Их словно мучает жажда и голод, мешающие думать о чем-либо другом. Но сколько бы они ни пытались утолить голод, он лишь усиливается и не проходит. Вечный голод...

Вечный голод истощает их, но не видят они, оттого бессильны. Точит он радость, освобождая место тоске. Тоска отравляет разум, и он, заболевший, толкает на вероломство.

Я хотел ее ревности, но не хотел слепнуть. Не хотел вникать в ее чувства, но вникал. Повторял про себя заветы всякий раз, как наблюдал за ней. Живой, доверчивой, наивной — ослепленной чувствами. Ненавидел ее за это, но не мог осуждать. Наверное, все было бы иначе, если бы она, как и другие, видела во мне только Вольного. Но она губила меня, пока я позволял, упиваясь пьянящей

сладостью чувств.

Эмоции губительны усладой своей. И нет от них убежища и спасения. И лишившись защиты духов, с первым вздохом, обречен Вольный, как обречены безвольные. И бесстрашие будет даровано Вольному, сумевшему погубить проникшие в разум споры эмоций.

Не сумел. И боялся за нее, как никогда ни за кого не боялся. До знакомства с ней, я не думал, что существует страх, отбирающий способность мыслить.

И обретет силу Вольный, не поддавшись тайным желаниям тела.

Я хотел ее. Ревновал, любил, ненавидел, желал, желал, желал...

И велика награда Вольному, прошедшему путь, не ослепнув и не позволив росту жадности пустить корни, ибо с ней приходит вечный голод.

Он не прошел до сих пор...

Я сбрасывал Аню в реку Истины, думая, что люблю ее. Со страхом, что, возможно, никогда больше не увижу. А когда увидел, что она вылезла из воды невредимой, хотел обнять. Но не мог. Вода разъела бы мне плоть и, скорее всего, убила бы. И я разозлился... Разозлился, не зная, как объясниться с ней. Как сказать ей, что рискнул ею, ради дара, которого не увидел. Думал, он очнется сразу. Он не очнулся, а я не объяснился. И снова ее обида, разочарование во мне, недоверие, боль... Я впитал их. Впитал и отразил. И осознав, сбежал.

А потом тосковал по ней. Спасался лишь мыслями о Фадрэгосе и постоянными делами. Ведь...

...голод этот неутолим. Растет он с эмоциями и растит тоску по ним. И лишь одно спасение от него — время.

Время Вольного бесценно.

Я отдавал его ей. Отдавал больше времени, чем мог себе позволить. Ничего не мог с собой поделаться. Постоянно хотелось ее чувств! Всех чувств: ревности, злости, разочарования, страха, желания, любви, нежности, жалости — всего. Я упивался ими до головокружения, но мне было мало. Я... полюбил ее.

Нельзя было любоваться закатом в ее глазах.

Пылает Солнце, бросает отблески, отогревает эмоции. И побеждают они Вольного, уводят с истинного пути: плодят сомнения, отравляют разум и сеют скверну в сердце.

Я ослаб, очаровавшись ею.

И руки перестают подчиняться ему.

Сдался перед ее лаской и нежностью. Позволил потоку ее чувств хлынуть в меня. Разделил с ней все: ее радость, ее боль... Я горевал вместе с ней, я веселился ее счастьем, я любил и ненавидел мир ее сердцем.

Мои ладони обратились в решето, и время посыпалось через них, как песчинки. Я почти не следил за ним, тратя все его на нее. Я добровольно стал безвольным еще до того, как спас Фадрэгос.

Прости меня, Солнце, за это. Я жил со скверной в разуме и шел на поводу безвольной. Я выполнял миссию вопреки свободе и лишь с помощью ее чувств. Нет, не ее. Наших общих.

И ярость во мне не пробудить. Не старайся. Мною движет не она.

Я сжал кулаки, опуская ниже голову. Ничего. И в этот раз справлюсь лишь желанием спасти и защитить. Прости меня, я убью под взором Луны и после твоей смерти, но тебе придется проводить душу к корням Древа жизни.

Я думал, будет сложнее. Думал, что буду терять разум во время зноя. Был уверен, что мысли об Ане и произошедшем с нами будут причинять невыносимую душевную муку. Наверное, я боялся этого. Но к середине жизни Солнца я снова вздохнул с облегчением. Второй раз за долгие периоды.

В первый раз облегчение пришло, когда я принял решение уйти из отчего дома. Теперь... Когда подумал, что Аня может не принять меня. Какие у нее могут быть для этого причины? Она позабыла обо мне и разлюбила — тогда у меня будет возможность напомнить о себе и добиться ее. Либо другая жизнь, другой мужчина, семья... Возможно, она сумела отойти от скверной жизни,

выйти из западни воспоминаний. Строки ее письма ясно дают это понять. Жить, не оглядываясь... Она сумела достичь этого. И если так, то я оставлю ее раз и навсегда.

К закату накатила легкая усталость. Хотелось быстрее все закончить, выяснить и, наконец-то, понять, как придется жить дальше.

С последними лучами Солнца над священной землей разнеслась песня. Песня о последнем пути во тьму, о славном перерождении и чистоте Ярости. Я тихо поддержал сложное пение на втором куплете, вместе с остальными провожая Солнце к корням Древа жизни. Рассудок очищался от раздумий о жизни, разделенной на две схожие дороги. Из мыслей легко уходило все, кроме Ани. О ней я думал намеренно. Да и не мог иначе.

Бедное животное, измученное дневной жарой, не сопротивлялось. Завалилось на бок у моих ног, вывалив язык и задыхаясь. В темных глазах, обрамленных длинными ресницами, умирало Солнце... И я оборвал жизненные мучения быстро. Кровь наполнила желобки, потянулась по ним, как нити. Я умылся ею, глотнул и сразу сплюнул остатки. Выцепил взглядом Дарока и постарался больше не выпускать его из виду.

Прежде, чем встать, приходилось разминать ноги. Сумерки стремительно завладели окружением, и в них замелькали огромные тела. Лишь красное марево на горизонте позволяло разглядеть камни и множество тел зверей, принесенных в жертву.

Ронм подошел ко мне, оттесняя верзил широкими плечами и наматывая плетъ на руку.

— Я закрою тебя собой.

— Где Хар? — поинтересовался я.

— Внесет смуту в толпу. Скажет, многим что у Дарока на примете особый противник.

Я кивнул, стараясь следить за толпой. Она сгущалась вокруг круга, выделенного под сражения. Мы с Ронмом потянулись следом за всеми.

Фаррд сказал мне, что Дарок на этом ритуале хочет убить очередного претендента на место вождя. Сказал, в обмен на секреты о Ронме и Харе, которых подослал ко мне и тоже привязал к себе чужими секретами.

На самом деле желающие занять место вождя менялись от ритуала к ритуалу. Менялись по желанию Фаррда и с его помощью. Будучи Вольным я пришел к нему с готовностью продать любую информацию, если взамен получу весомую помощь. Ради миссии я рассказал о Кхангаторе все, что знал. И Кхангатор не заставил ждать себя. Его викхарты отыскали меня, привели к мудрому вождю, и тот рассказал мне, что потребовал от него Фаррд и что он представляет из себя.

Это был лучший информатор во всем Фадрогосе. Для меня, как для Вольного, тогда его ценность лишь выросла. Для спасения Фадрогоса мне нужны были такие, как он. Но теперь... Теперь я хотел уберечь более ценную особу. Не будь ее в Фадрогосе, я бы позволил ему захлебнуться в крови.

В этот раз молодой воин, подсланный Фаррдом, покусился на святое — стал самым преемником старого вождя. Этого Дарок никому спустить не мог. Знал бы он, что к следующему ритуалу Фаррд займет его кем-нибудь новым... Он сделает все, лишь бы распри, являющиеся способом заработка и жизни информатора, продолжались. Тем более ритуал Ярости давно стал чем-то большим, чем просто доказательство силы и прореживание рядов воинов от слабых и никчемных. Теперь это еще и поединок, где решался вопрос власти.

Вонь васовергов перебила мою вонь. С ней я уже свыкся, как свыкся со многим. С невозможностью глотнуть чистой воды, с жизнью на камнях и в пыли. С жизнью без Ани. Но последняя привычка превратила меня в живого смертника. Без нее моя ценность жизни стала призраком. Все последние периоды, как и писала Аня в своем письме, я грелся воспоминаниями и тешил себя ложными надеждами, что все само собой наладится. Вот только так не бывает. Если чего-то хочешь, надо это завоевывать.

Ронм прятал меня от алчных глаз васовергов, ищущих кого послабее. В тесном круге одна пара противников сменялась другой. Последние падали, поскальзываясь на крови. Глаза привыкли сначала к сумеркам, потом — к темноте. Луна смотрела на нас свысока. Холодная, неприступная, познавшая высшее таинство, дарующее свободу — равнодушие. Но и у Вольной Луны была своя слабость. И пока ее слабость жила, Луна пряталась в ее тепле и свете.

И мне тоже необходимо мое Солнце.

Оперевшись рукой на плечо Ронма, я привстал на носках, когда знакомый силуэт вошел в круг. Присматривался внимательнее, боясь ошибиться.

— Это он, — подтвердил Ронм мои догадки и оскалился. — Тебе пора, человек. Пусть ярость Солнца даст тебе сил и позволит твоей задумке свершиться!

Скинув мою руку с себя, он от души хлопнул меня по плечу. Я не тратил время на прощание. Опасаясь опоздать, активно проталкивался через воинов. Помедлил, когда приветственный свист затих окончательно. Без сомнения — большая часть присутствующих, даже из числа врагов, считались с Дароком. Он не спешил выбирать врага, как и преемник старого вождя не баловал его уважительной поспешностью. Они смотрели друг на друга, задрав головы. Дарок — стоя по центру круга, залитого кровью; преемник старого вождя — в первом кольце воинов.

Дарок стал приподнимать правую руку, с явным намерением указать на выбранного им противника. Я стремительно вошел в круг и на всякий случай сразу отошел к толпе. Очерчивая внутреннюю границу круга шагами, решил еще раз присмотреться к Дароку. Не мешало вблизи оценить его способность владеть рукой и двигаться. Первые удивленные возгласы донеслись отовсюду, но не сбили с пути. В мыслях был привычный холод Вольного: передо мной стояла ясная цель, ради которой я готов отдать все, что у меня есть.

Дарок так и не поднял руку до конца, лишь приподнял немного. И стиснул кулак. Смотрел на меня удивленно и брезгливо, словно не верил собственным глазам.

— Волчонок, — прочел я по толстым губам.

И снова уставился на руку. Ровно в этот миг ее охватила дрожь. Не больше десяти секунд прошло, как одолела слабость. Под ногами скользко от луж крови. И васоверг тяжелее меня. Менее ловкий и поворотливый...

— Здравствуй, Дарок, — поприветствовал на общем языке, медленно заходя ему за спину и вытаскивая кинжал из ножен.

Он стоял неподвижно. Рога мешали сильно ворочать головой, но они же защищали спину от режущих ударов.

Толпа загудела, требуя Дарока убить человека. Они хотели избавиться от меня быстро, как от мухи. Кричали об этом на языке васовергов. Сначала неуверенно, боязливо, будто сами опасались вызвать на себя гнев будущего вождя, но постепенно смелели.

Я завершил круг и снова мог видеть лицо Дарока. Глаза цвета стали, шрам рассекающий лицо... В груди чувствами шевельнулись отголоски ожившей памяти. Как мог я допустить все то, что было между ним и Аней? Ее кровь, синяки, побои. Как забыть?

Просто нужно помнить, что сама Аня важнее мести.

Я тряхнул волосами и сразу же свободной рукой заправил прядь за ухо. Склонил голову к груди, готовясь к бою. Медленно занял выгодную позицию. Дарок и не заметил. Морщился, глядя на меня. Его плети лежали на земле, пачкались в крови, местами утопая в ней полностью.

— Я не откажу тебе в быстрой смерти, безумец, — первое, что произнес Дарок на общем языке. Произнес негромко, будто не хотел, чтобы его слышали за пределами круга. Затем фыркнул и обратился уже ко всем. Обратился с насмешкой, высокомерно: — На лбу человека белый росчерк! Какой-то слабак посмел спрятаться за ним! Вы понимаете, братья мои, что это значит?

Толпа загудела; я нахмурился. Дарок раскинул руки.

— Это означает, что среди нас завелась жалкая падаль! Он пользуется чужими руками, чтобы избавиться от меня! Он боится меня! И чьими руками он хочет убить меня?! Человеческими! Посмотрите на этого глупого малыша! Наверное, он даже не понимает, к чему его принуждают! Скажи мне, добрый человек, чем тебе угрожали, раз ты вытерпел самый сложный ритуал и вышел против меня! Расскажи нам, кто поставил тебе безымянную метку?

Я скривился, слушая громкую речь. В ней звучало оправдание. Возможно, еще извинения. Он пытался отмазать меня, облагоражить. Подсказывал, что я могу обвинить того, кто привел меня сюда, включить простака и идиота, и тогда, возможно, уйти отсюда живым. А если не удастся вывести меня со священной земли живым, то он заранее просил прощение тем, что сделал все, что в его силах. Он пытался спасти мне жизнь. Выходит, поход, несмотря на наши разногласия, сблизил нас. Мне приятно — глупо это отрицать. Но я пришел не за этим.

— Заткнись, великий будущий вождь! — вскинув голову, крикнул на васовергском языке, чтобы понял абсолютно каждый. Дождался мертвенной тишины, посмотрел в ошалелые глаза Дарока и с улыбкой добавил: — Или ты не такой свирепый и бесстрашный, как о тебе ходит молва? Струсил перед человеком? Это ты правильно. — Играючи подбросил в руке кинжал. — О таком, как я, вы еще не слышали!

Дарок медленно побледнел и стиснул клыки. Он склонил голову в вежливом приветствии и тихо произнес на общем:

— Как хочешь. — Сплюнул и добавил: — Дур-рачье!

Я не смутился. Покачал головой, внутренне напрягаясь и готовясь к тому, что из жалости ко мне Дарок решит избавиться от меня быстро.

— Ты просто не знаешь, кто перед тобой, великий вождь! — продолжал я спасать его репутацию. — Поэтому не испытываешь страха передо мной! Но я...

Плеть подняла брызги крови. Рубиновые капли засверкали в свете Луны. Я вложил кинжал в ножны и отпрыгнул в сторону.

Холодные капли упали на щеку и шею. Колено погрузилось в лужу, штаны мигом впитали липкую влагу. Дарок припал на правую ногу, дернул левой рукой. Толпа волной отхлынула от круга. Бритва плети блеснула неровной гранью, и я подставился намеренно. Ладонь обожгло болью, но я сжал бритву. Второй рукой перехватил плеть и дернул быстро, резко, немного вниз — как учили Ронм с Харом. Большая часть толпы наверняка даже не успела увидеть произошедшее, но если и видела, то не пристыдит человека. Мы раса непредсказуемая, подлая, слабая. От нас можно ждать всего. И надо помнить об этом, выходя в бой против людей.

Дарок ссутулился, хватаясь за локоть. Васоверги говорили, что от такого рывка ощущение, будто по локтю ударили молотом. Сводит спину, ноги подкашиваются и слабеют.

В два шага я приблизился к Дароку, схватил вторую плеть и дернул так же. Не останавливаясь, зашел за спину и пнул в поясницу. У него не было шансов. Он лишил себя их еще тогда, когда подумал, что перед ним стоит тот простак из далекой Солнечной, забытой всеми на Краю Фадрагоса.

Спустя миг я сидел на Дароке и, удерживая в кулаке рукоять кинжала, давил на горло. Навершие рукояти упиралось под подбородком, вынуждая запрокидывать голову, основание — в ямку, лишая воздуха, костяшки пальцев опасно нажимали на кадык — уязвимое место для всех живых. В жизни Вольного Кхангатор в бою ударил меня по нему — не достаточно сильно, чтобы убить, но достаточно, чтобы научить раз и навсегда защищать горло от ударов. После той травмы я лишился голоса на несколько недель, а когда он появился, то был сиплый, как у старика. В жизни деревенского паренька мужик, подаривший мне рождение, швырнул меня на кучу поленьев. И я упал горлом на выступ. Едва не потерял сознание, а потом так же не мог говорить несколько недель. Когда сумел, голос подростка был хриплым, надломленным, как у взрослого мужчины, болеющего недугом.

Молчание вокруг звенело. Чудилось, будто его можно было пощупать, вдохнуть. Но я не позволял себе расслабиться. Дарок трогал мои плечи, шею, лицо... Пытался дотянуться до глаз, наверняка надавить на них, но руки были ослаблены подлым приемом. У меня было время, чтобы донести до него свое главное требование. Уклонившись от его руки, перепачканной в чужой крови, я склонился над ним и проговорил резко и отчетливо:

— Не ищи ее!

Отвернулся вовремя — мокрая пятерня мазнула по щеке. Влажный след охладил кожу. Тряхнув головой, я проговорил:

— Я пришел не убивать тебя! Выслушай меня!

Дарок оскалился, но дергаться перестал. Из его груди вырывалось хриплое дыхание; крепкие рога скрежетали по мокрому камню. Наверняка, больно давили в лопатки. Я осмелился сбавить давление на горло. Дарок опустил правую руку в лужу, левой вцепился мне в плечо. Я стиснул зубы, но не стал вырываться — понял, что васоверг лишь хочет показать воинам, что просто так не сдался.

Стальные глаза ловили холодный свет Луны, волосы серебрились на висках и между рогами, остальные, впитав в себя кровь, потемнели. Дарок пытался посмотреть на меня, но не мог изменить положения головы.

Я тихо повторил:

— Не ищи ее.

Он поморщился. Кадык под моим кулаком пришел в движение.

— Все из-за девки? — донесся до слуха еле уловимый хрип.

— Все ради нее.

Дарок коротко глотнул воздуха. С трудом, совсем кроху. Я расценил его бездействие, как смирение и принятие главного требования. Сказал, вкладывая в тон просьбу:

— Доверься мне, Дарок, и я сделаю тебя вождем. Поверь мне, как Гар'хорт поверил когда-то человеку. И пусть тот человек, остался позабыт вождем и всем миром, поверь мне, он сделал многое, чтобы Гар'хорт вознесся. Я вознесу тебя. Я дам тебе то, что ты желаешь. Только доверься мне. Позволь человеку удивить тебя. Духи Фадрэгоса, просто доверься мне! — Я не знал, какими уговорами убедить его. Облизав пересохшие губы, добавил: — Доверься, как доверилась бы мне Асфи.

Быстро слез с Дарока. Он мигом перекатился на бок и попытался встать, но застыл на корачках. Ему не хватало воздуха. Я пользовался этим промедлением и проявлением слабости. С гордо поднятой головой прошелся вдоль толпы, с любопытством рассматривая воинов. Многие из них выглядели растерянными, а кто-то — довольным. Еще бы... Как мог прославленный воин, претендующий на место вождя, проиграть какому-то человеку? И если теперь Дарок убьет меня, то все будут помнить обстоятельства его победы. Ведь я смотрел на всех, словно победитель, расхаживая по участку, залитому кровью, а Дарок в это время горбился, упираясь руками в землю.

Замечая краем глаза, как он поднимается, я развернулся. Быстро подошел к нему и под напряженными взорами его приспешников сел на землю. Беспечно. Будто присел отдохнуть на поляне. Когда Дарок выпрямился и хмуро посмотрел на меня, я вежливо склонил голову и протянул ему кинжал.

По толпе пробежал ропот.

— Ты недооценил противника, великий воин! — произнес я. — Уверен, если бы ты отнесся к моим предостережениям и ко мне с серьезностью, то я бы проиграл тебе! Я пришел сюда, чтобы впечатлить тебя и попросить твоего покровительства!

Воины вокруг загомонили с новой силой. Я чувствовал взоры на себе. Разные: жадные, брезгливые, недоуменные, цепкие...

— У тебя нет выбора! — в этот раз я подобрал слова на драконьем языке.

Возможно, ошибся в трактовании, но многие руны должны были передать смысл.

Дарок прищурился, разглядывая меня с подозрением. Набычился словно мсит и произнес тоже на драконьем:

— Ты другой. Что девка подарила тебе?

Я долго молчал, размышляя верно ли перевел вопрос. Потом медлил, потому что никак не мог подобрать верных слов. Мои познания древнего языка заканчивались на рунах, произношение было совсем слабым. Ответил на общем:

— Она сказала мне, кто я. — Стер улыбку с лица и поторопил с решением, подталкивая к верному действию: — Мой лоб остался без имени, великий Дарок! Я принимаю твою силу и прошу твоего покровительства. Поставь мне метку своего дома, если принимаешь меня, и укажи на того, кого считаешь достойным зваться твоим врагом! Сделай то, что требуют ваши давние традиции. Позволь мне доказать тебе свою силу, а другим показать, что моя сила — продолжение твоей! Мои руки — продолжение твоих рук. Убей своего врага моим оружием!

Дарок медлил. Сталь свирепо блестела в глазах, глубоко посаженных под бровями. Шрам рассек лицо сильнее, толстые губы кривились. Наконец, кулаки разжались. С моей ладони исчезла тяжесть кинжала. Дарок одним росчерком порезал себе пальцы и подождал, когда на них выступит кровь. Через несколько секунд она потекла по руке, а спустя мгновение я закрыл глаза, чувствуя мокрые прикосновения ко лбу.

— Я принимаю твою силу, дитя Ярости и Солнца! — Дарок указал на преемника старого вождя и произнес. — Вот твой враг!

Склонился ко мне, возвращая кинжал, и добавил тише:

— Сдохнешь — я насажу твой труп на площади Жатвы на самое видное место. Всю Луну будем терзать его и резать на лоскуты.

Я нахмурился. Дождался, когда он отойдет, и поднялся. Выбранный васоверг, как и многие другие, выглядел изумленным. Но изумление быстро сменилось готовностью принять бой. На отвратительном лице даже виднелось предвкушение легкой победы. Я догадывался, какими путями

запутал его разум. Наверное, он услышал мои слова, что Дарок попросту недооценил меня, и считал, что не допустит этой же ошибки.

Наивный.

Когда-то Аня просила научить ее драться. Я отказывал ей, понимая, что дерусь плохо. Несравненно лучше я убиваю. А драки... Драки для дураков, у кого есть время махать кулаками бесцельно.

Я шагнул в сторону, занимая позицию против нового противника. Сжал кинжал крепче и, придавая взору беспечности, старался следить за малейшим движением воина. Он двигался осторожно и тоже наблюдал за мной. Попытался предугадать нападение или выбрать лучший миг для него. Я не двигался. В отличие от прошлого поединка, в этом от меня не требовалось ничего сложного, кроме терпения. Убивать я научился раньше, чем нормально говорить.

Васоверг сделал пробный взмах, и я легко уклонился от него, просто отступив в сторону. Когда-то мне приходилось бороться за жизнь против нескольких противников, в числе которых были и сильные вихарты, кому подчинялись великие духи разрушения. Теперь передо мной был васоверг, не предполагающий, что перед ним может стоять Вольный.

Он ударил снова, метя рассекающим ударом в шею. Я пригнулся, пропуская бритву над головой, и бросился вперед. Васоверг, оценил опасность верно — склоняясь мне навстречу, быстро прикрыл предплечьем живот, грудь и шею.

Оставил открытыми глаза...

Я полоснул по нему сверху вниз, не сомневаясь в остроте клинка. Два стремительных движения — меньше секунды. И я отпрянул обратно ближе к гомонящей толпе. Несколько секунд обреченный васоверг еще не понимал произошедшее. По его лицу потекла кровь, заливая порезанные глаза, и он моргал, стискивая плети в ладонях крепче. Было ощущение, будто он пытался сморгнуть паутину с глаз. Я не знал, бывает ли боль при таких ранах, не знал, что он почувствует, но предполагал, что ему вот-вот станет невыносимо страшно. Я ждал этого.

Васоверги вокруг загомонили громче, заулюлюкали, засвистели. И раненый воин потерялся в пространстве полностью. Беспомощно выставив руку перед собой, стал щупать лицо, брови, скулы — трогал все, кроме глаз. Словно боялся, что кошмарная догадка оправдается.

Когда стиснул клыки и согнулся, закрывая лицо руками, я опять приблизился к нему. Это был тот самый момент, которым нужно было пользоваться. Помедлю немного — опоздаю. Наверняка воин начнет мстить, беспорядочно размахивая плетями и разъяренно защищая свою жизнь. Все еще растерянный, обескураженный, он был уязвим, как несмышленный ребенок. Мне ничего не стоило просунуть кинжал под толстую шею и порезать ее. Кровь хлынула на сапоги васоверга. Он стал зажимать рану одной рукой, а второй, опомнившись, слепо рыскать вокруг себя. Я только отдалялся от него, не смея отворачиваться до того, пока он не упадет замертво. Врагов нельзя недооценивать, даже если те смертельно ранены.

Постояв несколько долгих секунд, согнувшись пополам, васоверг повалился в лужу крови. Воодушевленные смертью васоверги приветствовали меня свистами и поздравляли Дарока. Другие, кому не терпелось продолжить испытание, подхватили мертвеца и потащили к краю плато. Вскоре тело будет лежать далеко внизу.

Я остановился возле Дарока и, глядя ему в глаза, проговорил:

— Фаррд провел меня сюда.

— У него нет на это права, — усомнился в моем признании Дарок. — Он сам ни разу не проходил ритуал Ярости.

Гахсод выступил из-за его плеча. Его цепкий взор следил за каждым моим движением.

— Хочешь сказать, что эта тварь обманула всех нас?

— Разве до этого он никогда никого не обманывал? — поинтересовался я, озираясь.

Из круга доносились новые выкрики, а мы незаметно оказались оттесненными подальше. Меня обступили Дарок, Гахсод, Архаг и Норкок. За головой последнего васоверга мелькнуло лицо Ронма.

Норкор сплюнул под ноги, сжимая кулаки, и требовательно произнес, обращаясь на своем языке к Дароку:

— Пора покончить с ним! Он позорит нашу расу.

— Он хотел, чтобы я убил тебя, — сказал я Дароку. Дождался, когда он посмотрит на меня

заинтересованно, и продолжил: — Поэтому он провел меня сюда. Я бы не хотел обсуждать все это в толпе, но я обещал тебе, что вознесу тебя.

— И ты можешь это сделать? — Серебристые брови приподнялись.

— А ты думал, что я болтал попусту? — Я поморщился. Поманил Дарока к себе, и тот склонился ко мне, позволяя говорить себе на ухо. Вокруг стоял гул голосов, вынуждая повышать голос. — За старым вождем нет никого, кроме Фаррда! Я убежден в этом. Многие связаны с Фаррдом и делают то, что он просит. Взамен он дает им положение. Лживое положение — иллюзию! Старый вождь слаб! И вся его власть — это огромная иллюзия.

— Ты говоришь ересь!

— Проверь это! — Я хлопнул Дарока по плечу. — Если Фаррда убью я, сколько мне придется пережить вызовов на бой? Ну! Массу! Сотню! Тысячу! Его место для многих васовергов — лакомый кусок! Поэтому я не убиваю его. Мне дорога моя жизнь. Точно так же думают другие васоверги! И все терпят Фаррда и ждут, когда кто-то подставится вместо них!

Вцепившись в рукав его куртки, я потянул его на себя, привлекая больше внимания.

— Если Фаррда убьешь ты, кто осмелится бросить вызов тебе и оспорить его место с тобой?

Дарок фыркнул изумленно.

— Пусть найдется такой дурак! Я хочу посмотреть на него!

— В этом все и дело. Убей его собственными руками! Казни этой же Луной! Может, ты и не согласишься мне, но срубив лишь ему голову, ты обезглавишь многоголового монстра засевшего в Васгоре! Многие васоверги разбегутся кто куда. Многие сразу же перейдут на твою сторону! Другие этой же Луной притащат тебе старого вождя живьем!

Дарок думал недолго. Хмурясь и стискивая клыки, посмотрел на Гахсода, слушающего нас внимательно, и кивнул ему.

Эта ночь была беспокойной. Яростные васоверги омывали улицы города кровью слабых. В доме на скале стояла гнетущая тишина.

Его владелец встретил меня воодушевленно и удивился, когда вслед за мной внутрь ворвались Архаг и Норкор. Мне пришлось ждать на плато, пока они не прошли свое испытание боем, а затем вести их к первой нити заговора. Страшное преступление — ставить даже безымянную метку на лоб кому-либо, когда сам не достоин зваться яростным. Наверное, этой ночью он еще сумеет спасти свою жизнь, рассказывая на площади перед воинами обо всех предательствах и подлостях, к которым принуждал его Фаррд. Жалкую жизнь пощадят, если парень как следует покается.

Теперь же в доме было пусто.

Снаружи доносились звуки. Громкие возгласы, предсмертные крики, глухие удары, свист плетей... Агония иллюзорного монстра.

Дарок велел мне не высовываться. В такой суматохе его же воины могли случайно убить меня. Празднование ритуала не состоялось. Вместо этого яростные васоверги устроили очищение дома от скверны и слабости.

Я стоял у окна и наблюдал за мраком улицы. Ждал, когда новый вождь вызовет меня к себе. Ближе к рассвету над городом бесшумно промчались огромные тени. Они исчезли по направлению той части, где выстроил себе крепость старый вождь. Я понял, что ждать придется дольше.

С восходом ветер принес запах гари. Не удивлюсь, если дракон Кхангатора оставил свой след в этой битве. Еще через полчаса дым заполз в дом и быстро заволок комнаты. Я собрал вещи и покинул пристанище.

Сбежал по крыльцу, глядя на ранние тени и свет солнца, создающие собой причудливые фигуры. В одной тени, залегшей в укромном месте скалы, почудились обнимающиеся парень и девушка. Дым, поднимающийся вдаль, тоже падал тенью у их ног, будто хотел прикрыть бесстыдство. Я отвернулся.

Но от рассвета спрятаться не мог.

На верхней ступени лестницы остановился. В этот раз чувствовал себя при встрече с васовергами спокойнее — я был вооружен полностью: за спиной меч, на одном боку кинжал, на другом — топор, в мыслях имя Алурея, в душе вера в свои силы.

Два васоверга, измазанные кровью, бодро поднимались ко мне. Дым щекотал ноздри, заставлял морщиться и щуриться. С каждым миготом от него все сильнее щипало глаза.

— Он чуют, что мы идти за ним!

Ломаный общий говор Норкора позволил мне узнать утренних гостей. Настороженность не прошла до конца, но волнение, что придется снова убивать, отпустило.

— Мы за тобой, волчонок! — На грязном лице Архага блеснули белизной клыки.

Я ответил на их улыбки молчаливым кивком.

По городу носились воины, разбитые по тройкам и четверкам. В домах, где жило обычное население, были закрыты ставни и двери. Через каждые несколько метров можно было разглядеть брызги крови. Запах смерти заполонил собой каждую улочку. Мы быстро двигались в сторону крепости старого вождя. В нескольких местах за высокими стенами клубился черный дым, в другой части все было объято зеленовато-желтой дымкой.

Архаг оглянулся на меня в тот момент, когда я разглядывал ядовитые испарения дракона.

— Это склад амулетов, — пояснил васоверг, удовлетворяя мой интерес. — Ну... До нас доходили слухи, что там вождь разместил скверну, позорящую истинную силу васовергов. Дарок предлагал его прислужникам сдать и доказать свою силу в поединках. И он предупреждал, что если кто-то решит зайти в склад и прибегнуть к скверне в бою, то Хайко плюнет на них. Они не слушали его! Ринулись на склад скопом.

Этот васоверг болтал всю оставшуюся дорогу. Изредка Норкор поправлял его на ломанном общем языке, словно они забыли, что на ритуале я говорил на васовергском. Либо решили, что за небольшой срок я не мог выучить его достаточно хорошо.

На территорию крепости вошли через дыру в стене.

— Хайко так и не научиться нормально приземляться, когда волноваться, — сообщил Норкор. — А бой и дракону волнительно.

— Старый вождь никогда не выходил из крепости? — спросил я, обходя обгоревшую грудку досок.

— А зачем ему выходить? — Архаг махнул рукой, ускоряясь и сворачивая к тесным улочкам. — Ему все приносили. Жил, как правитель слабых регионов. Ничего, Дарок напомнит всем, что мы смелые воины, а не изнеженные девицы. Нам сюда. На центральной улице от жара пламени обвалилась земля и дома.

Сама крепость не попала под дым. Ветер относил его в сторону. Толпа васовергов воодушевленно переговаривалась, стоя возле сгруженных в кучу трупов. Они заметили нас и дружно смолкли. С уважением кивнули Архагу и расступились. Мы взбежали по широким ступеням и вошли в арку дверей. Их створки валялись внутри вместе со щепками.

— Ты был прав, человек, за старую мразь почти никто не заступился. Лишь горстка идиотов. Пока часть их кинулась к складу с амулетами, другая — решила дать бой своими руками. Но больше половины собратьев, находящихся внутри, стоило им дослушать речь Дарока, выбросили плети против упрямых союзников. Им не хотелось прислуживать куче старых костей с дряхлой плотью. И многие находились тут совсем по другим причинам. Теперь будем разбираться с каждым!

Лучи рассветного солнца проникали внутрь через бойницы и разгоняли полумрак. На стенах виднелись черепа драконов, головы огромных медведей, волков и пустынных котов. Столы лежали перевернутыми прямо напротив входа, будто ими выстраивали баррикады. Скорее всего, так и было. Архаг и Норкор исчезли за поворотом, и я поспешил за ними.

Лестница привела нас в просторное помещение. Большие зарешеченные окна тянулись во всю стену и открывали вид на весь Васгор. Отсюда казалось, что он горит от Солнца. Яркий свет растворял в себе даже клубы дыма, вьющиеся в нескольких местах. Дарок стоял на небольшой возвышенности в центре зала с кружкой в руке и любовался своим городом. Несомненно, огромная обитель всей его расы теперь принадлежала лишь ему одному. Кожаная куртка, изодранная со всех сторон едва ли не в клочья, лежала в ногах. Если на полуобнаженном теле воина и была его кровь, то давно смешалась с кровью врагов. Порезы виднелись и на мускулистых плечах, и на толстой шее; штаны были с прорехами, и края слиплись от крови. Она же спеклась сгустками и превратила лохмы волос в пакли. Из-за нее почти нельзя было разобрать черты лица. Лишь глаза сияли на темной маске из смеси красно-бурой грязи.

Норкор встал ровно за мной, будто опасался, что я могу выкинуть что-нибудь дурное, и на этот случай собирался быть поближе. Новый вождь склонил голову и покосился в нашу сторону. Архаг

выступил впереди меня и отчитался:

— Всех, кто пытался сбежать поймали. Их собирают на площади Жатвы. Мы ждем, когда ты казнишь их! Те, кто сдался добровольно, ждут сортировки. Слабых будут судить воины. Это наше к тебе требование! Твоих воинов. Сильных оставляют для суда тебе. Но суд должен быть публичным!

— Это тоже ваше требование?

Архаг подтвердил. Дарок оскалил в улыбке клыки и повел кружкой в воздухе, поглаживая грудь.

— Пусть будет так! Мои воины заслужили несколько рассветов и Лун празднования! Скрасим его судом. Что с перебежчиками?

— Они приняли твои условия и готовы пройти поединки и доказать тебе свою Ярость! Никто не смеет оспаривать твое положение. — Архаг склонил голову к груди. — Ты вождь, Дарок!

Я не удержал улыбку, глядя на неприкрытое удовольствие васоверга. Серые глаза были наполнены мечтательностью.

— Разыщите Гахсода. Он должен проверять пострадавшие стены крепости. Скажите, чтобы отправил воинов в дома тех, кто сдался и ждет суда. Пока приговор не вынесен, охраняйте владения каждого. Кто-то из наших братьев будет оправдан и вернется к себе. Они должны быть приняты нами с должным уважением. Понимаешь, для чего, Архаг?

— Чтобы укрепить союз, а не посеять зерно раздора между нами.

— Я уверен, что когда-нибудь именно ты одолеешь меня, уже никчемного старика, и станешь вождем. В тебе достаточно для этого ума. — Замолчал ненадолго, с любопытством наблюдая за Архагом. Тот стиснул кулаки, слушая похвалу. — Выберите тех воинов, кто по вашему и по мнению большинства был лучшим в этом сражении. Дома беглецов, этих никчемных слабаков, отныне ваши! Все, что в них, — забирайте и делите между собой разумно.

— Женщины? — уточнил Архаг. — Привести их тебе?

— Не нужно. Разбирайте. У старого вождя их оказалось даже больше, чем я осилю. Видимо, все могущество старика уходило в меч, который не смог защитить его от нас.

Норкор захрюкал со смеху, одобряя пошлую шутку. Я попытался перехватить взор Дарока, чтобы понять, не задумал ли он и дальше требовать Аню себе. Но васоверг упрямо не смотрел на меня. Злил.

— Я выберу себе с десятков его баб. Остальные скрасят праздник. Можешь обрадовать этой вестью тех воинов, кому не достанется наград после этой Луны. Идите.

Архаг оглянулся на меня, но перечить вождю не посмел. И спустя несколько секунд мы с Дароком остались одни. Он не церемонясь отбросил кружку в угол и поморщился, наблюдая, как растекается красная лужа по пыльному полу.

— Сладкое пойло — худшее, что может позволить себе васоверг, — осудил, сходя с возвышенности и направляясь к каменному креслу у окна. Форма спинки предусматривала даже вырез для рогов. Дарок пнул скомканную зеленую штору с золотой каймой, брошенную на пол, и прошел дальше. — Устроил тут девчачьи залы. Совсем ополоумел старик.

Я терпеливо стоял у порога в ожидании более интересного разговора. Дарок поднялся по ступеням, растянутым вдоль всей стены к окну, еще раз окинул взором свои пылающие владения и, наконец-то, развалился в кресле. Уделять мне время не спешил. Возможно, проверял мою выдержку. Лениво расплел плетъ сначала с одной руки, перебросил ее через подлокотник на пол, затем добрался до второй. Закончив, налег спиной на каменные жерди спинки.

— Ну, человек, — тихо обратился, буравя меня тяжелым взором, — чем еще ты меня удивишь?

Мне не хотелось стоять у входа и проявлять полное смирение. Я подошел к длинному столу, останавливаясь напротив Дарока, погладил отполированную каменную столешницу и посмотрел на него. Коротко произнес:

— Достаточно.

Он молчал. Солнце росло за его спиной и мешало разглядеть даже положение головы. Выгодная позиция. Пришлось додумывать реакцию за него и предугадывать вопрос и мысли.

— Я дал тебе все, что мог. Тебе мало?

Дарок хмыкнул.

— Я не ожидал. Так что она сделала с тобой?

Теперь настала моя очередь молчать. Думаю, на этот вопрос я ему ответил после ритуала. Ответ был исчерпывающим.

Поняв, что говорить я не намерен, он промычал. И заговорил сам:

— Фаррд был лжецом, каких мне не доводилось никогда встречать. Я был убежден, что умнее этой изворотливой твари. Даже пару раз ловил его на том, что он продавал обо мне секреты, а однажды он хотел вынудить меня платить за информацию, которую я из него выбил. — Потер подбородок. — Теперь вот думаю, может, он намеренно попадался на ерунде. Отводил от себя подозрения в более серьезных вещах. Я-то считал его жадным глупцом, готовым ради сытого желудка и постоянного наличия пошла в его заведении на все. А ты что думаешь?

— Думаю, что ты мог бы спросить об этом у него. — Я сложил руки за спиной, внутренне набираясь побольше терпения.

— Я скормил его тело своему дракону, — недовольно отозвался Дарок, — а голову выбросил детворе. Они обещали принести его череп уже к этому закату.

— Ты знаешь, за чем я пришел к тебе, — сказал я, удерживая тяжелый вздох. Дарок намеренно кружил вокруг одного и того же, будто оттягивал принятие решения по волнующему меня делу. — Знаешь, но продолжаешь тратить мое время на бессмысленную болтовню.

Он подался вперед. Облокотился на колено. Солнце упало на грязное лицо, подсветило лохмы рыжим, показало мне его прищур.

— Ты другой, — задумчиво протянул и дернул губой. — Не тот, что был. Я узнаю твою отвагу, она мне понравилась еще в том дурацком походе. И ты все такой же упертый баран. — Поморщился до резких морщин. — И все-таки ты другой. Кто научил тебя за эти периоды владеть мечом? Ты только и мог держать топор в руке. И кинжал... Ловко ты им управлялся на ритуале. Я слышал, что ты не отходил далеко от своей деревеньки, но и там творил чудеса.

Выходит, следил за мной. Ждал когда начну искать Аню, или надеялся, что она решит навестить меня?

— Фаррд оказался отменным лжецом, — вернулся он к тому же, с чего начал разговор. Опять развалился в кресле, прячась в тени спинки. — Он все время водил меня за нос. Да и не только меня. Половина Васгора была должна ему хоть что-то. И ты — такой глупый волчонок — вдруг обхитрил его. Ты что же это весь поход притворялся идиотом? Или там, под землей, — Постучал по подлокотнику указательным пальцем, — Асфи что-то дала тебе?

Выдержка закончилась. Не скрывая эмоций, я покачал головой и потер переносицу. Он мог устраивать этот допрос еще долго, а голова зудела от грязи. Я провонял Васгором и накануне тоже повалился в крови. Хотелось либо подохнуть скорее, либо уйти отсюда подальше. Убивать он меня точно не будет. Теперь уже нет. Выходит, что мне просто нужно получить его согласие на сделку. Он не из тех, кто будет нарушать слово. Тем более слово, данное тому, кто может потягаться с ним по силе. Об этом я и решил напомнить. Распрямив плечи, посмотрел на Дарока и твердо сказал:

— На ритуале я победил тебя честно.

— Подло.

— Людям можно использовать подлые приемы ради...

— Я не об этом! — он отмахнулся, перебивая меня. Помолчал, стуча по подлокотнику, и спросил: — Почему ты просто не попытался договориться со мной?

Снова проверка на отличие между тем, каким он меня запомнил, и тем, кто стоял перед ним. Видел бы мой лучший наставник, Кхангатор, какое терпение в данный миг я проявляю, гордился бы мною, как никогда никем не гордился.

— Потому что ты догадался бы, что я стану ее искать, — не стал юлить я. — И следил бы за мной. Или убил бы. Давай, великий вождь, скажи, что это не так. Я бы пришел к тебе с просьбой, тихо, без свидетелей и попросил не трогать нас с ней. Что бы ты сделал? Взял и согласился?

Он выдохнул шумно, словно недовольный дракон.

— Я тоже уверен, что закончилось бы все совсем иначе. Поэтому я пришел громко и обезопасил себя.

— Поэтому теперь я не могу убить тебя, а ты — меня, — проговорил едва слышно.

— Можем. Но если я убью тебя, то устану уже в течение периода. Мне придется сражаться за свою жизнь, доказывая васовергам, что человек может управлять ими. И что-то мне подсказывает, что я окажусь не прав. Для васовергов это будет слишком унижительно — выполнять приказы человека. После твоей смерти я едва ли доживу первый период.

— А если я убью тебя теперь, мои воины разочаруются во мне, — с грустью сказал он. И я кивнул. — Я чуть не умер на ритуале Ярости от твоих рук, принял тебя к нам на священном плато, и мои самые верные братья слышали, что это ты всего за одну Луну подарил мне то, что я пытался завоевать десятками периодов. Я сражался за власть в других местах. На долинах драконов, на дорогах вблизи Васгора, сражался за викхартское расположение — и каждый раз недоумевал, почему судьба рушит мои планы и отодвигает победу. Если я убью тебя, то потеряю доверие моих воинов раз и навсегда.

— Не нужно обманывать ни меня, ни себя, — усмехнулся я, склоняя голову к плечу. — Если бы ты хотел убить меня, ты бы сделал это.

— Ты другой, — на этот раз он произнес это с затаенным восхищением. Оно льстило мне. — Что ты планируешь делать дальше?

Я повел плечами.

— Зависит от тебя.

Дарок рассмеялся тихо, но гулко, будто смех был направлен внутрь. Повеселившись собственным мыслям, он проговорил:

— Пусть ты изменился! Но ты как был человеком, так им и остался. Человек, без духов, на ритуале Ярости! Заявился сам. Использовал наши традиции себе во благо, а мою силу обернул в свою защиту. Фаррд успел перед смертью рассказать мне, зачем ты приходил к нему. Ты обхитрил всех нас. И гляди, стоишь после всего этого передо мной, смеешь мне, вождю, отказывать в правде и откровении. Далеко не у каждого васоверга такие яйца, как у тебя. — Вытянул ноги перед собой, скрещивая их. — Асфи тоже в своем бесстрашии напоминала безумную. Вы стоите друг друга. Будь по твоему, славный Кейел, сын Ярости, я не стану вам мешать. И Вестница мне не нужна! Так и передай этой женщине! Справлюсь сам. Докажу и тебе, и ей, и всему миру, что не хуже вас! — выплунув все с легкой обидой в тоне, спросил спокойнее: — Ты уже знаешь, где она?

— Нет, — с улыбкой ответил ему. Я не получил от него никаких обещаний, что он не обманет. Но и кроме доверия к нему, ничего другого не оставалось. Я сделал все, что мог. — Но у меня есть несколько догадок.

— Тогда чего ждешь? С празднованием мы справимся и без тебя. И помни, что ты теперь в моем войске. Не планирую тебя тревожить из-за пустяков, но знай, что могу заглянуть к тебе и попросить помощи. Твоя хитрость теперь и моя хитрость.

Я кивнул ему, принимая такие условия без труда. Тем более дружба в перспективе может послужить нам лучше, чем скрытая вражда и соперничество. На пороге зала я остановился и на всякий случай спросил:

— А если она не примет меня?

Дарок промычал, будто за короткое время успел погрузиться в свои раздумья и теперь возвращался к нашей теме разговора. Почесал грудь и ответил:

— Думаю, тогда она будет полной дурой. Впрочем, мне эта женщина отказала, — рассмеялся, качая ступнями. И произнес без веселья: — Иди, человек. А если не найдешь своего места в мире, возвращайся. Я всегда рад пополнению в войске.

Глава 31. Сердце дома. Перепутье

Аня

На лесной поляне голосили птицы. Я давно перестала представлять себе родных и делиться с ними своими успехами и разочарованиями и теперь просто отдыхала, наблюдая за лесом. Иногда я всерьез верила, что они могут услышать мои беседы. Могут, увидеть мои фантазии во снах. Может быть, поутру позабудут сон, или спутают меня с той дочерью, которая в новой их жизни занимает мое место. Мне все равно хотелось верить, что мы до сих пор связаны и близки.

Феррари набегалась и уставшая лежала под деревом. Глаза песочного цвета закрывала полупрозрачная дымка. Но стоило только неподалеку зашелестеть траве и листве, как девочка раскрыла капюшон и тихо проворковала, прислушиваясь к окружению.

Между деревьями показался Крисвет. Снимая с рукава темной туники колючку лопуха, вышел под лучи закатного солнца. Я улыбнулась, ерзая по земле затекшей пятой точкой.

— Несу тебе хорошие вести, — сказал он.

Я вскинула бровь.

— Есть успехи с третьим выводком лиертахонов, — произнес с широкой улыбкой.

— Лезут к рукам? — Я вскочила и приблизилась к эльфу.

Вскинув голову, посмотрела ему в глаза и убрала руки за спину. Стиснула кулаки.

— Ты молодец, Рель, — похвалил, развеивая опасение, что новость — шутка. — Они все ручные. Никого не нужно будет бить и опаивать зельями.

Я с облегчением выдохнула и рассмеялась. Мне потребовалось вложить немало усердия, чтобы разобраться во влиянии зелья на лиертахонов во время приручения, приходилось изучать их жизнь и особенно детенышей, а потом еще и убеждать старосту раздобыть яйца и создать условия для вылупления прямо в поселении. Затея провалилась на этапе добычи яиц — риск был неоправданно высоким. Поэтому вскоре я стала насаждать на то, что лиертахоны могут размножаться и у нас. Но пришлось разбираться в условиях, при которых в ящерах пробуждались нужные инстинкты.

— Сегодня мы рискнули подойти к молодняку, — продолжал Крисвет. — Рель, они облизывали нам руки.

— Признали кормильцев.

— Наверное, — он рассмеялся. — Теперь предстоит немало труда, чтобы вырастить их послушными. Шаина хочет помогать в этом деле.

Его взгляд потеплел при упоминании о новоиспеченной супруге. На меня за отказ Крисвет не обижался, лишь недоумевал, почему я готова прожить жизнь одинокой девой.

— Отец допустит ее, но под моим надзором. А...

— Рель! — девичий крик вспугнул птиц и прервал разговор. — Рель!

Я бросилась навстречу голосу. Феррари желтым пятном промчалась вперед, Крисвет последовал за мной.

Молодая фангра, подросток, выскочила из-за дерева и, натолкнувшись на меня, вскинула руки.

— Что стряслось?

— Там Тайен! — Она указала в сторону поселения. — Сын кожника! Он упал с дерева! Ходить не может. А нога распухает.

Услышав о происшествии, я немного успокоилась, но медлить не стала. У нас со знахаркой возникло разделение: я большей частью занимаюсь травмами и чем-то попроще, а она берет на себя недуги сложнее.

С парнем провозилась недолго, но за это время солнце успело сесть. Покидала дом кожника с первыми звездами. На дороге изредка встречались существа и, продолжая путь, желали мне доброй Луны.

В моем доме было тихо и прохладно. Феррари я внутрь не пускала, но девочка с удовольствием растягивалась и на сене в сарае. Он у меня пустовал, хоть мысль о том, чтобы завести или кроликов,

или птицу посещали нередко. Однако с едой в кладовой у знахарок был полный порядок, поэтому и вопрос о разведении дичи отпадал сам собой.

Подогрев ужин, поставила миску на стол. Не успела и присесть, как в дверь забарабанили. Я с досадой взглянула на нетронутую рагу и отложила ложку.

— Рель!

— Иду!

Входная дверь подалась неохотно, петли скрипнули. В ночной темноте улицы высокий мужчина топтал деревянное крыльцо. Крутанулся ко мне резко и хлопнул себя по бокам.

— Моя-то все! — оповестил, позволяя по голосу узнать его. — Рожает!

— А Раилья где? — поинтересовалась, одергивая тунику. — С родами не ко мне!

— Так она к тебе послала!

— Как ко мне? — изумилась я.

Может, ей понадобилась помощь?

— К тебе! — Черные кудри подскочили от быстрого кивка головы. Дитина подался на меня, разводя ручищами в стороны и вынуждая пятиться. — Она сама чихает и сморкается! Говорит, что роженицу ей трогать нельзя. Сказала, чтоб к тебе шел.

Я вконец опешила. Спятели? Никогда одна роды не принимала...

— Ну, чего встала? — прикрикнул на меня кудрявый. — Идешь ты, иль нет?

Духи Фадрогоса!

— Иду!

Я метнулась в комнату. Вывалила из первого попавшегося мешка содержимое на стол и стала бросать в него все, что могло пригодиться. Уже через несколько секунд мчалась вслед за мужиком.

Из некоторых домов доносился хохот, из других — звуки ссор, третьи провожали нас темными окнами и неживым безмолвием. Феррари следовала за мной вдоль обочины, иногда с любопытством заглядывая в чужие дворы. Казалось, ночь только началась, но суета, в сумерках бушевавшая на улице, уже незаметно перекочевала под крыши.

В доме, где нас ждала девушка, не многим старше меня, Охарс суетливо металась под потолком. Гурьба детей сбилась стайей в сенях и прислушивалась к стонам из комнаты. Стоило мне войти, как они дружно отпрянули к стенке и уставились на меня с интересом. Самый старший мальчик проговорил отцу:

— Ей больнее!

Он был младше матери в два раза. Голос еще звенел по-детски, но ростом парень уже достигал моего носа и смотрел на меня хоть и с уважением, но будто сверху вниз. Его отец шикнул на него и потряс кулаком.

— А вы ма патете? — донесся писк вслед.

Я почти переступила порог, но оглянулась. Зареванная девочка сидела на коленях одного из братьев. Черные кудри прилипли к мокрым щекам. На бледно-сером лице, освещенном частично светом Охарс и частично луной, краснел распухший нос. Девчонка была не самой младшей, но, наверное, только совсем недавно начала говорить. Черные глаза всех детей разом — а их было в семье девять, — уставились на меня с предупредительным укором. Или мне так показалось.

— Плакса спрашивает, спасете ли вы маму? — перевела девчонка постарше.

— Я не пакса, я усалка! — крикнула девочка и, уткнувшись в плечо брату, зарыдала с новой силой. — Ма кичит! Ма бойно!

— Спасу! — заявила я твердо, подгоняемая отцом семейства в спину.

Пришлось соврать. На самом деле уверенности не было абсолютно. Раилья в начале беременности напоминала семейству, что при последних родах едва спасла их младенца. К тому же времени после них прошло мало. Однако у любвеобильного главы семейства предупреждения не вызвали

беспокойства. Зачастую путаясь в именах собственных детей, он решительно приказал рожать еще одного. Приказал — и ушел хвастаться своей прытью перед другими поселенцами.

Красивую девушку тогда под надзором Раильи осматривала я. И жалела. Чуть старше меня, а выглядит так, словно жизнь ее на каждом шагу была. Грусть в огромных глазах такая невыносимая, что смотреть в них было тоже невыносимо. Она улыбалась той улыбкой, какой улыбаются старушки, наблюдая за горестями молодых. Тоскливо. И я жалела девушку, отгоняя от нее шумных детей, чтобы она хотя бы во время короткого осмотра могла отдохнуть недолго. Как выяснилось, жалеть не стоило...

Супруга настолько любила избранника сердца, что прощала ему даже вечные загулы и множество его детей в чужих семьях. На это мне потом указала знахарка, и я стала присматриваться к детворе по соседству. И вправду, похожих на него ребятишек бегало по поселению уж очень много.

Высокий, широкоплечий, черноглазый — в общем, яркий. К тому же лучший охотник и боец среди всех. Этот фадрагосский Аполлон привлекал к себе много внимания противоположного пола, а он и рад был скрасить немного жизнь в поселении, оторванном от всего мира. Как только до мужиков доходило, что их ребенок — не совсем их, они колотили жен, а потом шли к настоящему отцу. Правда, его побить не могли. И духов побаивались озлобить, и самого мужика.

— Мне вода нужна. — Я подошла к кровати и пощупала влажный лоб девушки. Она стиснула мою руку, хватая воздух ртом, будто рыба без воды, и хрипло застонала. Я стиснула мокрую ладонь в ответ, обозначая свое присутствие и участие. — И простыни.

Надо отдать должное мужику. Несмотря на некоторую безалаберность, ждать он не заставил. Вытащил из комода несколько светлых полотен, бросил их мне и отправился за водой.

— И соседку позови! — крикнула ему в спину.

— Какую?

— Да хоть какую! Мне помощь нужна!

Не тратя времени, призвала Айссию, попросила снять боль. Пощупала живот. Потом снова, потом еще раз... Руки затряслись, и мне пришлось постараться, чтобы унять дрожь. Поглаживая по волосам девушку, успокоившуюся после помощи Айссии, думала, как быть, и ругала Раилью. Повитуха из меня никудышная. Я лишь мельком изучила это дело, чтобы просто иногда помогать и фиксировать для Раильи состояние будущих мам. Всем этим заведовала она. Как старая знахарка допустила меня до этого?

Дверь хлопнула. Роженица вздрогнула и слабо застонала.

— Ну, что? — деловито спросил чернявый и водрузил ведра с водой на дубовый стол.

— Лохань давай! Корыто! Хоть что-нибудь! — Я подбежала к ведрам, призвала духов. Закрутилась на месте, разглядывая дом. Утвари нигде видно не было. — Где соседка?

— Одевается!

— За Раильей иди.

— Зачем это? — Мужик застыл с приподнятым люком подвала, спрятанного прямо в углу комнаты. — Она ж сказала, что никуда не пойдет.

— Ребенок не так лежит! — от отчаяния, победившего на миг, крик дошел до неприятного визга.

Я сомкнула губы плотно и обхватила шею. Жилка билась в унисон пульсу — оба оглушали и долбили по нервам быстро-быстро. Подозрительная тишина заставила напрячься, и я вспомнила о детях в сенях. О маленькой русалочке, о ее огромных черных глазах. Сердце покрылось ледяной коркой, и меня вслед за сердцем бросило в холодный пот.

Быстро сократив расстояние между отцом семейства, явно туго соображающим над моими словами, и собой, призналась тише:

— Я сама не справлюсь.

Он, вопреки грузной внешности, потупился, словно ребенок.

— Так она сказала, что ей нельзя сюда. Что она недуг дурной сюда принесет.

Я стиснула кулаки и зажмурилась.

— Так что делать, Рель? Давать тебе корыто?

События завертелись, как в тумане. Стены дома качались перед глазами, а Айссия перестарались с обезболиванием, и я хваталась за руку девушки, распластавшейся на кровати, прощупывая пульс. Роженица изредка приходила в себя, и тогда кричала от боли, рыдала и пыталась перевернуться на бок. Я боялась поить ее сонным зельем, как и боялась, что Айссия только навредят, снимая боль. Великие духи исцеления в этой ситуации были фактически бесполезны. Хотя казалось бы...

Вместе с соседкой в дом ворвалась болтовня. Дородная женщина лепетала о своем хозяйстве, о бестолковом муже, о детях — обо всем. Впрочем, болтовня никак не мешала ей споро разбираться с делами. Она помогала, приободряла и меня, и отца, успевала шугануть детей, сующих в комнату любопытный нос, да и успокоить приходящую в себя роженицу.

Осмотрев девушку еще раз детальнее, я отправила главу семейства снова к Раилье. Даже пустым надеждам свойственно жить вопреки самым худшим прогнозам. Я была уверена, что старая знахарка изначально без весомой причины не бросила бы роды на мои плечи. К сожалению, обстоятельства сложились не в мою пользу. Плод требовалось перевернуть, иначе умрут оба. Однажды Раилья рассказывала, как она когда-то спасла мать с ребенком в подобной ситуации, но о подробностях мы тогда говорили мало. Она только жаловалась на то, как ей было трудно.

Я действовала осторожно, не позволяя себе спешить. Иногда оставляла попытки и позволяла себе передышку. Оттягивала принятие осознания, которое пришло еще тогда, когда я впервые ощупывала живот девушки. Какими бы сильными мы ни казались себе или другим, нам дано осилить далеко не все. Я не справлюсь.

Ближе к утру поймала на себе взгляд влажных глаз помощницы. Она убрала руки от бессознательной роженицы и подала мне ветошь. Молча.

Вытерев руки, я отправилась за отцом семейства.

В сенях было прохладнее. Дети спали, сидя кто на скамейке, кто на мешках с овощами; жались друг к другу, как цыплята. Отец сидел на полу, смотрел на спящую дочку и гладил ее по голове. Заметив меня на пороге, подорвался бесшумно, заскочил внутрь и прикрыл за нами дверь.

Я глотком царапнула пересохшее горло, набрала воздуха побольше. Готовилась к трудным объяснениям, но выпалила на одном выдохе:

— Если не спасти вашу избранницу — умрут оба.

Стыд бурлил в груди, обжигал щеки. Смотреть в черные глаза мужчины стало буквально больно, и я отвернулась.

— Ее спаси, знахарка, — прозвучал голос твердо. — Как это я без нее? Не, я без нее никак. Ее спасай.

И ушел обратно в сени.

Плечи опустились против воли. Заболела шея и затылок. Вернулось давнее чувство неподъемной вины, о котором, мне казалось, я успела благополучно позабыть. Но что делать?

Надо, Рель... Просто надо.

Закончила к утру. Вместе с соседкой отмыли измученную девушку от крови. Опасаясь трогать ее лишней раз, осторожно постелили под нее чистую простыню, второй накрыли сверху. На пороге я в последний раз оглянулась. Не на спящую девушку. На нее посмотреть не могла — сил не хватило... Глянула на стол, убедилась, что не забыла оставить нужные зелья, нарисовать углем на дощечке разные флаконы и написать напротив дозировку палочками. Читать в этой семье не умели — только считать немного. Оба бежали откуда-то с Края мира. О причинах побега знал лишь староста, но я догадывалась. Сколько было этим подросткам, когда она впервые забеременела от него? К сожалению, не всякие родители потерпят подобное.

В сени выходила под несмолкающий гул в голове. В глазах все покрылось дымкой, дрожь вновь пробрала руки, слабость охватила ноги. От легкого касания к бедру едва не пошатнулась. Опустила голову. Маленькая черноглазая русалка терла один глаз и держала второй рукой край моей туники.

— Ма? — пролепетала девчушка и едва не упала, путаясь в собственных ногах. Старший брат поддержал ее. Тоже проснулся и тоже смотрел на меня неотрывно. Требовательно. — Ма патите.

Я вздрогнула всем телом от слабого голоска. Будто вдруг оказалась в центре позорного круга и готовилась выслушать обвинения, и любой громкий возглас мог обратить на происходящее со мной больше внимания и интереса прохожих. Собрав внутренние силы, я присела на корточки,

посмотрела на круглое личико и заправила кудрявый локон за маленькое ушко.

— Твоя мама поправится. Она просто спит.

— С ней все будет хорошо? — спросил мальчуган, отталкиваясь от стены и поднимаясь на ноги.

Пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Да. Ей нужно будет отдохнуть несколько рассветов и выполнять все мои наказания. Я передала их вашей соседке. Она обещала, что поможет.

— Спасибо тебе, Рель.

В углу заворочалась куча побольше — отец семейства поднимался, разбудив попутно двух дочерей. Они соскочили с его колен, заскакали с ноги на ногу на холодном полу, словно козочки, и ежились от утренней прохлады. Я тоже стремительно поднялась и попятилась к двери. Глядя в глаза мужчине, приоткрыла рот, но так ничего ответить на благодарность не смогла. А глаза горели в полумраке чернотой. Как черные крылья, которые эта ночь будто раскинула надо мной. Хотелось попасть быстрее под солнечные лучи. Хотелось увидеть рассвет. Быть может, он развеет мрачный, холодный полог.

— Я пойду.

Кивнув напоследок, выскочила за порог дома.

Кейел

Тропа вывела к разъезженной колее, по которой в поселение доставляли муку. Мельница стояла обособленно, пряталась в предгорье, где многочисленные речные пороги заканчивались, а река расширялась и углублялась.

Деревья шумели над головой, ветер дул слабый, но прохладный. Пробирал до дрожи. Рассветное солнце пробивалось на остывшую за ночь землю, падало на лицо и слепило. Я щурился, разглядывая сонное поселение.

— Ты кто такой? — В щели высокого частокола показался нос.

— Новый лесничий!

Я разглядел в тени на вышках блеск железа и замер, не дойдя до ворот несколько метров. Поднял руки.

— А что со старым?

— Ничего! Я просто новенький!

Медленно засунул руку за воротник куртки и вытащил гильдейский знак. Раздобыть его решил еще с того дня, как понял, что построю дом у озера. Леса находятся недалеко друг от друга, и я вполне могу следить за всеми. Мивенталь все равно помогут мне обезопасить местность, в которой я буду жить.

— И Адерион отправил тебя к нам? — проявлял недоверие вопрошающий.

Один из сторожей высунул арбалет из тени.

— Отправил! И рассказал, кто живет в этом поселении. Я клянусь духами, как поклялся и ему, что никому не расскажу о вас!

Духи сложились в знаке принятой клятвы. Арбалеты опустились, за дверями застучал засов. Встретил меня долговязый эльф. Смотрел с любопытством и грозной настороженностью. Я не стал медлить с расспросами со своей стороны. Оказавшись за частоколом, признался:

— Я не только с новостями из мира, но и по другим причинам.

— И что привело тебя?

— Ищу девушку. У меня для нее послание и предложение. Ее зовут Асфирель.

Парень почесал затылок.

— У нас таких нет! — произнес верзила, облачиваясь на перила башни и глядя на нас с высоты.

Я не терял надежды. В Фадрагосе хватало деревень и поселений, где Аня могла укрыться, но я был уверен, что она захочет вернуть лиертахона. Да и это место было единственным, кроме севера, о котором она знала, как об укрытии от преследований. В ином случае, придется пройтись по окраинным деревням и узнавать о тех, что спрятаны в глуши.

— Она знахарка, — стал уточнять, разглядывая лица сонных стражников. Видимо, не успели смениться до рассвета. Сторожевые духи в этом поселении были не особенно настроены защищать поселенцев, и местным приходилось справляться самим. — Темноволосая, кареглазая, невысокая...

— Рель! — вскрикнул долговязый и ударил себя по лбу. Обернулся к стражнику на вышке и повторил: — Это ж Рель! Не Асфирель, а Рель! Кто-то назвал тебе ее имя неверно!

Рель? Усмешка тронула губы против воли. Сердце забилося быстрее, в груди словно полегчало.

— Жди, лесничий! — Долговязый ухватил меня за рукав и спросил: — Звать-то тебя как, новенький?

— Кейел.

— Кейел, — повторил он. И крикнул: — Вяз! Позовите его кто! Дождемся с тобой главного нашего. Познакомимся, посмотрим на тебя, чтобы знать тебя в лицо. К старосте рано идти. Но к нему и не обязательно. Ты спешишь?

— Не знаю. Все зависит от Рель. Если нужно будет ей, то задержусь, а если нет — уйду сразу.

— Понял. Тогда проведут тебя к ней, покажут дом ее, а там посмотрим.

На знакомство со сторожами, с кем я был знаком, но кто меня не помнил, ушло не меньше четверти шага Солнца. Я пытался сосредоточиться на разговоре, но не мог. Тянуло к ней. Проверить, она ли это. Рель... Надежда сияла, застилая взор, и пылала в груди, мешая чувствовать землю под ногами. Эту надежду я гасил. Боялся, что не оправдается. Но вопреки всем стараниям она продолжала пылать.

Солнце путалось в макушках сосен. Мужики приветствовали меня, принимая, словно старого друга. Отдаленным и закрытым от мира, им и обычное знакомство было в праздник.

— Отведешь его к Рель, — сжав мое плечо, Вяз отдал распоряжение молодому фангру.

Человек, стоявший рядом, нахмурился и засомневался.

— Не рано? Она, может, спит.

— Не спит! Только домой пошла! — сбежав по крыльцу сторожевого домика, отозвался эльфиор, при мне сменивший приятеля. — Всю Луну пробыла у Фарека. Помогала Вае подарить жизнь Фадрэгосу. Ваю уберегла, а душа младенца с закатом уйдет к Древу жизни.

Мужики разом понурились. Со всех сторон зазвучало бормотание с просьбой к Солнцу скорее забрать чистую душу. Фангр хлопнул меня по второму плечу и позвал за собой. Вслед мне донеслись прощания и пожелания удачи.

Широкая дорога повела вглубь поселения. Фангр о чем-то рассказывал, радушно развлекая гостя, но я не вслушивался. Не мог. В голову настойчиво лезли воспоминания. Почему-то не самые добрые. Вина мешалась со страхом, стыдила за все, что было между мной и Аней, и боролась с надеждой. Та билась в груди теплом, будто металась, запертая внутри. Хотела вырваться и избегала ударов вины — либо жизнь, либо смерть. Надежда хотела жить. Ничего нового. При таком выборе мы все хотим одного и того же. Я знаю это, проходил этот путь.

Крохотные камни пружинили шаг, малейшая кочка превращалась для ног в высокую гору. Я ловил птиц взором, стараясь отвлечься от мыслей, но глаза предавали, не позволяя сосредоточиться ни на чем. На затылок легла неподъемная тяжесть, склоняя голову все ниже и ниже.

— Вон там!

От коротких слов фангра сердце ухнуло, а затем заколотилось. И я задрожал вслед за ним. Поиграв плечами, скрыл дрожь от чужого взора. Но фангр не смотрел на меня — указывал куда-то и прятал за ладонью зевок.

— Ха-а-ата, — мотнув головой, протянул. — Видишь?

Покосившаяся крыша дома выглядывала из крон слив и черешен. Низкий забор кое-где зиял дырами, но калитка была целой и казалась сколоченной недавно. С другой стороны дома высился частокол, ограждающий поселение. Не самый лучший дом на отшибе наводил на подозрения и вынуждал поинтересоваться:

— Вы ей не доверяете?

Фангр округлил глаза, глядя то на дом, то на меня. Сообразив о причинах вопроса, почесал за ухом и покатал подошвой камешек.

— Теперь уж доверяем. Но знахарка сама отказалась сменить хату. Мы ж предлагали ей что получше. Но сказала так — и попривыкла к этой, и крышу залатали. Зря, что ль? Сказала, что ей хватит.

Я кивнул. Похоже на нее.

Вначале знакомства девчонке для бесконечных жалоб и нытья нужен был лишь повод, но со временем она закалилась. Иногда казалось, что она не замечала никаких неудобств и довольствовалась водой поблизости, сносной едой и более или менее безопасным местом для сна.

Нам с ней пришлось пройти через многие неудобства...

Распровавшись с фангром, я направился к дому. В одиночку шаги давались сложнее, каждый из них становился тяжеловеснее предыдущего. Взгляд цеплялся за листву молодой сливы; лучи солнца пронзали сочную зелень, а та трепетала в их пламени под песню ветра. И я воспоминаниями возвращался в те ночи, где мы с Аней танцевали, окутанные светом огня. Музыка викхартов смешивалась с эльфийским голосом, а ночь скрывала окружающих, оставляя только нас двоих. Время путалось, соприкасалось, соединялось... Таяло. Мир исчезал вместе с ним, и заново, совершенно иначе и острее, раскрывался в объятиях Ани. Это было... Давно это было.

Я убрал волосы за уши, вдохнул глубже. Следующие два шага дались легче, а потом...

Нельзя измерить ценность того, чего нет. А рядом с этой девушкой время часто ускользало или вовсе исчезало.

Глядя на горделивую фигурку, застывшую в задумчивой позе, я пытался сдвинуться с места, но не мог. Не мог насладиться ее видом: прямой осанкой, вытянутой шеей и высоко поднятым подбородком. Аня сидела на верхней ступени крыльца, уперевшись запястьем в колено и сжимая кулак. Напряженная, натянутая — снова переполненная ненавистью. К кому на этот раз? Опять не угодил Фадрогос?

Под растекающийся жар в теле я рассматривал ее и не верил, что вижу снова. Солнце добавляло темным волосам отсвета меди, уплотняло тень под густыми ресницами. Я любовался и сведенными на переносице бровями, и легкими росчерками морщин, спускающимися от курносого носа, и поджатыми в презрении губами. Казалось, Аня вот-вот оскалится и...

Я кивнул собственным мыслям, вспоминая минуты страшного безумия Ани. Она способна рычать не хуже зверя, обламывая до крови ногти о землю и вселяя уверенность, что загрызет, если осмелишься встать у нее на пути. Она умеет кричать и рыдать так, что рыдания превращаются в вой, трогаящее сердце не слабее волчьей песни. В отчаянной ярости она лишается малейшего страха и без раздумий отдает тело темным духам. Она сама становится источником страха, безумия и смерти. Она...

Я потер грудь, стараясь унять жжение. Сердце билось не быстро, но сильно. Будто хотело сломать кости и пробить грудь. Будто рвалось преодолеть последние несколько метров и оказаться в руках той, кому принадлежало уже давно. Руки заперли в перчатках, и я снял их, заткнул за пояс. Мокрая от пота ладонь скользила по рукояти кинжала, а пальцы превратились в чужие — слабые, неповоротливые, холодные. Во рту пересохло, и у меня не получалось сглотнуть колючий ком.

Пора.

Следующий шаг прервался пронзившим осознанием — не простит.

Высказанные упреки зазвучали в голове приговором. И я пошатнулся, не выдержав их веса.

Рель...

Зачем я пришел сюда? Помешать ей в новой жизни? Обрадовать тем, что Дарок не будет искать ее? У нее нет причин верить ему на слово, как нет причин верить и мне. И мои клятвы для нее тоже ничего не стоят. Я сам показал ей их ничтожную цену. Я много раз обещал ей, что не оставлю одну, но постоянно оставлял. Я хотел помогать ей, поддерживать, но жестокими уроками учил самостоятельности. И даже выполнив ее желание ценой всего мира, не простил и попросался, будто вина лежит целиком на ней. Но это был и мой выбор. Выбор, продиктованный злостью, обидой и пониманием, что мне — безвольному, неразрушимо прикованному к ней, — не нужен мир без нее. Весь Фадрогос вместился в нее, и, уходя, она забирала с собой смысл моей жизни.

Я прикрыл глаза и улыбнулся. Силы вернулись, пальцы крепко сомкнулись на рукояти кинжала. Все правильно, и ничего не изменилось: Фадрогос и она по-прежнему для меня не имеют различий. Не простит — не страшно: значит, будет счастливо жить и без меня. Пожалуй, будет больнее, если она меня попросту не узнает.

Тень листвы дрожала у самых ее ног, будто тянулась и привлекала внимание. Но Аня не замечала ни ее, ничего вокруг. Смотрела с ненавистью в пустоту перед собой и сжимала кулак.

Отвоевывая у страха спокойствие и добиваясь равнодушия, я приблизился к калитке и тронул деревянную перекладину. Духи Фадрога, помогите мне.

— Можно? — спросил громко и испугался собственного голоса. В растерянности подчеркнуто добавил: — Знахарка.

Взгляд карих глаз обжег привычной злостью, но мне хватило сил ответить на него вежливой улыбкой. Аня долго смотрела на меня без узнавания, затем нахмурилась сильнее, кивнула и отвернулась.

Сердце перестало биться, холод в одно мгновение влился в тело. Улыбку не удалось удержать на лице, и я тайно порадовался, что Аня отвернулась. И пусть я ожидал и такую встречу, но не предполагал ее тяжести.

Рукоять кинжала скрипнула в ладони, и я шагнул вперед. Назад дороги нет. Мне придется принять любой исход, любое ее решение. Знакомые черты лица вблизи вскружили голову. Голос точно дрогнул бы, если бы близость не позволила говорить тише:

— Я присяду?

И вновь кивок.

Она не хочет смотреть на меня, потому что не простила? Или потому, что успела охладеть ко мне настолько, что теперь не рада нашей встрече? Она привлекательна, молода. Наверное, времени прошло достаточно, чтобы начать новую жизнь. Я ведь предполагал этот вариант.

Деревянная ступень скрипнула под моим весом. Я сцепил руки в замок и свесил между коленями, уставился бестолково на землю. С пустой головой наблюдал, как ветерок легонько колышет траву. И чувствовал... От Ани исходило тепло, и оно пробиралось под одежду, согревало, дурманило. К девичьему боку хотелось прижаться, а ее обнять. Но кто я для нее теперь? Какое право я имею согреваться ее теплом?

Я вдыхал все глубже и глубже. От нее пахло травами и целебными настоями. Горечь ароматов оседала на языке, и мне хотелось раскатывать во рту их терпкость вечно. Возможно, это и не хвоя, но память подсовывала смолистый привкус. Повернуть голову и посмотреть на Аню было страшно. Не так, как бывает порой в бою, и не так, как было страшно за несколько минут до этой встречи. Этот страх был отрезвляющим, и мыслями, что я уйду из поселения без Ани, что мы расстанемся с ней чужими друг для друга людьми, селил на сердце равнодушие. Как мороз в Ледяной пустоши, убивал все чувства, делающие меня живым. Как осколок льда в сердце. Он словно опять превращал меня в Вольного.

Однако я посмотрел на нее. Столько храбрости понадобилось набраться, чтобы просто скосить глаза... Столько храбрости и мужественности исчезли за один лишь миг. Бледная. Какая же она бледная. И ее тревогу, отражающуюся на лице, хотелось стереть, разгладить пальцами. Посмотреть в испуганные глаза прямо, а не исподтишка, обхватить ладонями щеки, разогреть их своим теплом, которое во мне еще осталось, и пообещать, что вместе мы обязательно со всем справимся. Но охватившее волнение не позволяло даже вдохнуть.

Эта ночь была для нее сложной. Видимо, я пришел не вовремя. Мне хотелось видеть радость в ее глазах, улыбку на лице. Хотелось многого. Но вышло все совсем иначе.

Молчание угнетало, и я не мог его победить. Украдкой любовался девичьим лицом и ругал себя. Я окончательно стал безвольным, когда потерял смысл жизни и отказался его искать. Попрощался с Аней, вернулся туда, где мне никто не был рад, и закрыл глаза на время. Я потратил непростительно много времени впустую. На глупые обиды, на удовлетворение ненужных капризов, навязанных чужими идеалами жизни. На переосмысление.

— Я думала... — голос прозвучал неожиданным свистом кнута. — Я думала, что никогда больше никого не убью.

Аня поджала губы, нахмурилась и побледнела сильнее.

— Думала: изучу целительство и стану знахаркой. Буду всех спасать. Ну, знаешь, как бывает во всех красивых историях об отважных целителях, которым все кругом благодарны, а они после многих рассветов или шагов Солнца исцеления приходят домой с осознанием, что спасли чью-то жизнь. И на душе светло, и на сердце легко, и любая благодарность дарит крылья и возносит. Как же... — хмыкнула, до хруста сжимая кулак. Сглотнула, свесила голову ниже и тише произнесла: — Я не задумывалась, что иногда придется делать выбор. И что руки будут снова в крови, да еще...

Замолчала и отвернулась, пряча от меня лицо.

— У всех бывают неудачи, — выпалил первую чушь, пришедшую в голову, едва не потянувшись рукой к девичьему подбородку. Хотелось видеть карие глаза, видеть эмоции. Стиснул мокрыми ладонями колени, с трудом останавливая себя от бездумных порывов. Облизал сухую корочку, покрывшую губы, и мысленно стал подыскивать более достойные слова утешения.

Аня тряхнула волосами; вновь подарила возможность любоваться своим лицом.

— Это не было неудачей, — со злобой произнесла и поморщилась. С силой потерла большим пальцем костяшку указательного. — Это было незнание. На Земле сказали бы о низкой квалификации, но у нас даже слова такого нет. Наверное, поэтому меня никто не осуждает.

Скривилась и, не позволив и слова вставить, выплюнула со жгучей ненавистью:

— Знахаркам тут заглядывают в рот. Имели бы традицию кланяться из уважения, так лбы бы перед нами порасшибали! Они мне благодарны! Уважают уже за то, что мне покровительствуют Айссия! Раздражают!

Передернула плечами и, по-прежнему глядя перед собой, ухмыльнулась. Я проследил за ее

взглядом, и постарался понять, кого она видит там. Опять себя?

— Ты был прав, когда осуждал слепую веру фадрагосцев в духов. Какой толк от Айссии, если **я** не знаю, как бороться с проблемой?

Я выдохнул шумно. Она подняла руку и растопырила пальцы.

— Нерожденного ребенка надо было перевернуть прямо в животе матери. И я не знала как. — Снова сжала в кулак. — Все казалось таким хрупким, нежным! Потянешь — оторвешь, надавишь — проломишь! Я столько времени пыталась... В какой-то момент подумала, что уже своими попытками замучила до смерти обоих. А потом состояние матери стало очень плохим, и я поняла, что сколько бы еще времени ни потратила, сделаю только хуже. И о принятом решении я не жалею ничуть. Выбора особо и не было: или ее, или никого. А у нее целая гурьба детей и длинная жизнь впереди. Об этом я не жалею.

Жалеешь, иначе не проговаривала бы вслух. Выходит, так и продолжает врать себе? Все грешат самообманом, но я был уверен, что она осознала цену этой самой страшной лжи и, научившись горьким опытом, будет избегать ее.

— Тогда о чем жалеешь? — поинтересовался.

Бодрость в собственном голосе не почудилась. В груди осторожно, словно боясь вспугнуть удачу, расцветала надежда, а вместе с ней очнулся стыд. Аня злится — ей больно, а я радуюсь, что она утешается в беседе со мной. Она делится со мной своими переживаниями. Разве это не хороший знак?

Вся ее выправка вдруг обмякла. Спина ссутулилась, плечи опустились, а она обняла себя и склонилась грудью над коленями. Злость и решительность на лице сменились неуверенностью и глубокой печалью.

— Я не принимаю роды, — робко призналась она. Речь зазвучала тихо, будто журчал крохотный ручеек. — Так... Помогаю порой по мелочи — принеси-подай, поддержи-убери. В общем, девочка на побегушках у старшей знахарки.

Теперь к словам приходилось прислушиваться, и я старался не упустить ни одного и не потерять общий смысл. Мне стало крайне важно разобраться в причинах ее тревог.

— В этот раз старшая знахарка занемогла. — Потерла плечи, словно замерзла. — Она сказала, что заразит роженицу, и отправила за мной, и я, как послушная овца, сразу согласилась и побежала. Боялась же, что не справлюсь, знала, что ничего толком в родах не смыслю. — Замолчав ненадолго, обвела двор пристыженным взглядом. Добавила едва слышно: — И все равно согласилась.

— А если бы отказалась? — я удивился ее рассуждениям. — Все закончилось бы еще хуже.

— Надо было сходить к знахарке и попробовать исцелить ее. Может, Айссия справились бы с ее простудой. Или чем там она заболела.

Я хмыкнул.

— Об этом я не подумал.

— И я не подумала.

Молчание опять встало между нами, но теперь не разделяло, а будто, наоборот, склеивало. Несильно — слабо. Настолько слабо, что надежда боялась расти и обманывать меня. Я устал от ее ошибочных ожиданий.

— Я во двор вошла. Дошла до крыльца, и тут вот, прямо на этом месте, осенило.

Я покачал головой. Наконец, оторопь отпустила, позволяя выдохнуть расслабленно и отвести взгляд от лица, будоражащего все внутри. Усмехнулся про себя, окончательно узнавая ту, по ком сердце изнывало тоской все последние периоды.

— Почему ты винишь только себя? — спросил, потирая ладонями. И указал на проблему в ее рассуждении: — Твоя знахарка тоже не подумала обратиться к тебе. Если винишь себя, вини и ее. Всех вини, кто знал о происходящем и об Айссии.

— Да, но...

— И вдруг бы Айссия не исцелили знахарку? — перебил сомнения Ани вторым вопросом. — Ты бы потратила на нее время и силы впустую. Вполне возможно, что роженица не выдержала бы ожиданий и умерла в твое отсутствие. Или на твоих руках. Догадываешься, что тогда было бы?

Посмотрев украдкой на нее, поймал на себе заинтересованный взгляд. Она быстро отвернулась; щеки покраснели на несколько секунд, а затем лицо снова стало белым, как мука.

— Ты бы винила себя за то, что потратила время на знахарку. Потратила время на женщину, которая в тебе не нуждалась, вместо того, чтобы вовремя успеть к той, кому ты была нужна совсем недавно.

Собственные слова отозвались в душе нестерпимой горечью, и я опустил голову. Не углубляясь в размышления о собственных ошибках, спросил твердо:

— Ты сделала все, что могла?

Аня поежилась и потупилась. В широко раскрытых глазах появились проблески понимания, будто девчонка наконец готова была принять безвыходность ситуации и собственную слабость. Она часто забывала, что имеет право на поражение.

— Я же говорю: не, все, что могла, — до последнего сопротивлялась она, — а все, что знала.

Упрямая. Тебе ведь самой станет легче.

— Я так и сказал.

Она приоткрыла рот, но так и не выдавила из себя ни звука. Опустила голову и шумно выдохнула.

Дрожащие ресницы спрятали от меня глаза, в которых плавилось Солнце. Я снова любовался девушкой, ловя взглядом малейшие движения: дрожь ресниц, поджимание влажных и искусанных губ; тонкие пальцы собирали грубую ткань туники в складки выше локтя. Аня часто сглатывала слюну, будто никак не могла проглотить комок. И я сглатывал вслед за ней.

Собирался с духом.

С каких слов начать разговор, ради которого я искал ее? Я подготавливал первые слова, набирал воздух полной грудью — и ничего не мог сказать. Мял руки в замке и все сильнее злился на себя за неуместную робость. Я готов был перевернуть мир вверх дном, чтобы найти ее, но не способен заговорить с ней. Я — Вольный. По крайней мере, был им. Я убивал, запугивал, отбирал, обманывал, льстил, хитрил, зарабатывал деньги промыслом, на который отваживался не всякий — и вот я тут...

Что я должен сказать ей? Понятное дело — правду. Но столько времени прошло, столько событий, связывающих нас, остались в прошлом, и неизвестно сколько событий разделяет нас теперь. Неужели можно просто взять и признаться ей в самых обычных вещах? Так и сказать: Аня, я скучал по тебе?

Наверное, можно признаться в помешательстве. Аня, я видел тебя повсюду: в отражении росы, в течении реки, в омуте лесных озер, чувствовал в аромате хвои и мелиссы. Мечтал вернуть все, от чего отказался, будучи ослепленным злобой. Начал строить дом у лесного озера, зная, что ты плаваешь в них не хуже русалок. Сделал все, чтобы Дароку не выгодно было воевать со мной или избавляться от меня. Обезопасил нас от него на случай, если вдруг привел бы его к тебе. Я отыскал тебя. Пришел за тобой и теперь должен спросить — ты...

— ...пойдешь со мной?

Услышав собственный голос сквозь звон в ушах, прикрыл глаза и едва не выругался. Но до слуха донесся другой голос — еще тише, еще слабее:

— Пойду.

И даже не спросила куда...

Вдруг вскинула голову и уставилась на меня круглыми глазами. По спине прошел озноб, ноги потяжелели. Первые слова Ани утонули в собственных мыслях и страхе. Наверное, в задумчивости она и не поняла, на что согласилась. Опомнилась, спохватилась. Будет извиняться?

— Прости, — подтвердила худшие опасения, с досадой кривя лицо. — Но я не могу их оставить.

Кого?..

— Тут добрые поселенцы, — объясняла она.

Я все прослушал...

— Надо вернуть. Если просто уйду, будет нехорошо с моей стороны. Ты ведь подождешь?

Я нахмурился, а она вытянула шею. Через миг привстала, опираясь на крыльцо рукой и глядя на меня так, будто собиралась о чем-то упрасивать. Принялась убеждать:

— Я быстро! Постараюсь быстро. Там всего-то посуда и всякая мелочь по хозяйству. Ведра, корзины, белье...

Бормоча о какой-то ерунде, взбежала по крыльцу и отворила дверь. Та поддалась с натужным скрипом. Исчезнув в доме, Аня не замолчала, но я больше не мог разобрать ни слова. Сидел на крыльце, оглушенный происходящим. Чего-то ждал.

— Ты заходи! — раздалось громкое приглашение с порога, и я обернулся. Едва успел заметить фигурку в светлой тунике, прежде чем она вновь исчезла в темном проеме. — Я быстро!

Суетится...

Улыбка лезла на лицо, но вместе с ней росла боль во всем теле, будто до этого мига каждая мышца была в напряжении. Я с силой потер лицо и поднялся на слабых ногах. Легкая боль в теле стала не единственной проблемой — чувства тоже сорвались с цепей. Я видел мир вокруг, но он оброс незримым туманом. Я слышал звуки суеты в доме и голос, который часто снился мне, слышал птичий щебет, шелест листьев и трав — но улавливал только отдельные куски из мешанины. Я словно заснул на ходу и шел почти на ощупь.

Низкий дверной проем. Теплота и легкая духота. Запах сушеных трав. Полумрак, а в нем скупая обстановка. Букет полевых цветов в банке на подоконнике. На васильке — пчела. Тихое жужжание. И стук дверцей из кухни. Под пальцами шершавая сырая древесина. Дому много периодов.

В сенях было две двери. В одной виднелась часть стены, обвешанная полками с несколькими статуэтками. Я свернул к другому проему. Зацепившись штаниной за скамью, едва не опрокинул ее и не упал сам. Тихо ругнулся. В ведре, стоявшем на ней, заходила вода. Ковш, лежавший рядом, перевернулся и чуть было не слетел на пол, но я успел подхватить.

— Проходи! — Аня выскочила на порог кухни, прижимая к груди казанок. — И не разувайся! Я тут, — духи знают сколько! — не подметала!

И скрылась за стеной.

Я все-таки улыбнулся. Только из ее уст можно услышать странные выражения. Духи и вправду знают, сколько она не обращалась к ним с просьбой убрать пыль. Или она не обращается к ним? Освоилась ли она в Фадрогосе окончательно?

Я заглянул на небольшую кухню, останавливаясь на пороге. Аня сидела на корточках возле открытого комода и перебирала мешки с крупой. Оглядела меня с головы до ног и уставилась на сапоги. Спросила:

— Есть будешь? У меня рагу.

— Я поел, — соврал и прикусил щеку, удерживая улыбку.

Думать о еде не хотелось. Думать ни о чем не хотелось. В голове, в унисон сердцу, билось осознание — она не отказала мне и готова пойти со мной, куда угодно. Выходит, простила, либо просто не держит зла. Она не забыла меня — нас.

Прислонившись плечом к стене, скрестил руки на груди и принялся наблюдать за ней. Резкие движения и излишняя суета выдавали спешку и волнение. Боится, что уйду без нее. А какие еще могут быть причины?

— Вот эта миска тоже Раильи, — снимая посуду с полки, проговаривала она. — Но, наверное, я могу отнести ей все вещи. Она честная и ей доверяют, смогут у нее все разобрать. И рагу...

Повернулась к столу, на котором стояли полная тарелка и казанок.

— Не должно было испортиться, — пробормотала. Понюхала, ковырнула ложечкой, попробовала и спросила: — Мы можем зайти кое-куда?

— На самом деле времени полно, — успокоил я. — Куда тебе надо, туда и пойдем.

— Спасибо! — подскочила от радости и опять заметалась по кухне. — Там полный дом детей! Не думаю, что их отец способен даже себе что-то сготовить, а у меня целая кастрюля остается...

Она болтала без умолку. Казалось, я должен был улыбаться, отражая радость души, но на улыбку порой не хватало сил. Я слушал ее голос. Старался вникнуть в жизнь ее соседей из пары брошенных о них фраз, узнавал о характере Феррари. Хмурился, когда Аня говорила, что должна лично

попрощаться со старостой. В конце концов заметил, что она в который раз заглядывает то в вычищенный шкаф, то на полки, то пугливо рассматривает порог, на котором... стою я.

Догадка о ее пустых метаниях осенила, и я сделал вид будто разглядываю стены. Освободил проход, дошел до окна в сенях, выглянул на крыльцо... Аня промчалась у меня за спиной и юркнула в комнату.

Сердце забилося чаще.

Я старался больше не стеснять ее своей близостью и остался дожидаться во дворе. Без моего присутствия под одной крышей она собралась быстро. Я не мог понять умом, какое очередное чувство мешает нам приближаться друг к другу, но ощущал его влияние. Мне казалось, что теперь я могу распознавать их все, ведь мне дано было прожить две жизни, но я ошибался. Что-то удерживало нас на расстоянии. Что-то хрупкое, но сильное одновременно. Оно волновало, пугало. Его хотелось преодолеть и так же сильно сохранить. Возможно, это всего лишь очередная форма страха. Сколько же всего существует чувств? Без Ани я бы не узнал и половины.

К старосте шли под ее несмолкающую болтовню. Она рассказывала мне обо всем, что видела вокруг. О том, как и от чего повалился забор у какой-то семьи, чей дом мы проходили. О том, как размывает колею после редкого ливня. Много рассказывала о Феррари, пока та с опаской приноживалась ко мне, бегая рядом. Часто Аню окликали местные, и та с широкой улыбкой отвечала им. С некоторыми мы ненадолго останавливались, и они слушали ее наставления по исцелению их недугов. Узнавая, что она собирается уйти из поселения, сильнее интересовались мною и не стеснялись расстраиваться.

По дороге она забежала и к старшей знахарке. Старая эльфийка встретила нас с недовольством на болезненном лице — тонкий нос припух и покраснел, глаза слезились, а голос был хриплым, как у васовергов. Близко к себе она нас не пустила, а вещи я оставил в беседке во дворе. Пока складывал их с осторожностью, с какой к ним отнеслась Аня, та уговорила знахарку обратиться к Айссии. И в тот миг, когда она разочаровалась тем, что духи не исцелили эльфийку, я испытал сильнейшее облегчение. Какой глупой была, такой и осталась... Если бы духи помогли знахарке, Аня никогда бы не простила себе прошедшую ночь. Она совсем себя не бережет.

Узнав, что Аня, Рель, уходит из поселения, знахарка заметно изменилась. Надменность в поведении исчезла, появилась ласка и нежность. Мы уходили дальше, а эльфийка, кутаясь в теплый платок, еще долго стояла у забора и смотрела нам вслед.

В очередном дворе нас встретили радостные дети. Казанок, полный рагу, Аня отдала пареньку, оставшемуся дома за старшего. Узнала о самочувствии их матери, спросила, заходила ли соседка навещать ее. Видимо, успокоившись подробными ответами, она наказала не шуметь под окнами дома, заботиться о маме и попрощалась.

Оставляя этот дом позади, крутила тесьму наброшенного на плечи плаща, словно хотела спрятаться под капюшоном. Все же о случившемся этой ночью нам предстоит еще поговорить. Возможно, и не один раз.

У старосты задержались дольше...

Как и при прошлом знакомстве, этот эльф смотрел на меня с недоверием. Пришлось прибегнуть к клятве духов повторно, затем рассказать о себе, о Солнечной, об умении справляться с нечистью. Упомянул и о друзьях в гильдии Исследователей, намекнул, что о ручных лиертахонах можно было бы и рассказать и на этом получить выгоды. Почему бы и не сделать фанатичное поселение, полное защитников тайн Энраилл, узаконенным? Жизнь тут значительно облегчилось бы для всех. А тайнам мудрецов и вправду не помешает дополнительная защита.

— Часто будешь к нам заглядывать? — после знакомства спросил он, облокотившись на стол.

— Когда остальные лесничие не смогут. — Я был предельно честен с ним и готовился к долгому сотрудничеству. — В основном буду следить за лесом восточнее, но всякое бывает. Если возникнет надобность, я приду и сюда.

— Это хорошо. Мы всегда рады новым друзьям. — Итенсиль улыбнулся и посмотрел на Аню. — Рель, а у тебя что?

Она все время, как вошла, молчала. Я оставлял ей место в центре кабинета, но она все равно держала расстояние между нами, поэтому теснилась к стене. Сжимая ляжку сумки, полную разных зелий, выступила вперед и посмотрела в глаза старосте.

— Я ухожу, — заявила прямо.

— Куда? — эльф с изумлением опрокинулся на спинку кресла.

Аня открыла рот и застыла. Растерянно взглянула на меня и заметно ступевалась.

— Со мной, — пришел я на выручку, усмехаясь одним уголком губ. Заткнул большой палец за ремень, поправил сумку на плече и сказал: — Ей нужно повидаться с друзьями. У некоторых есть для нее предложение. Возможно, интересное для нее. Я пришел в том числе и за ней. Не волнуйтесь, если ей не понравится, она всегда вольна вернуться сюда.

Он присмотрелся ко мне внимательнее, после вопросительно взглянул на Аню. И она втянула голову в плечи, залилась румянцем. Она рассказывала ему обо мне? Интересно...

— Наверное, тебе стоит попрощаться с Крисветом перед уходом, — многозначительно произнес Итенсиль, разглядывая разбросанные по столу свитки. — Заодно познакомишь его с нашим новым лесничим. Они с Шаиной с рассвета у лиертахонов. Твоя идея оказалась замечательной.

Крисвет. Вот оно что... Я невольно отступил и заметил, как Аня встрепенулась и чуть подалась ко мне. Будто даже хотела взять за локоть, но остановилась.

— В таком прощании нет нужды, я уверена, что загляну к вам. — Посмотрела на меня и твердо произнесла, будто ставила мне условие: — И очень скоро.

— Незавершенные дела? — полюбопытствовал эльф.

Аня кивнула.

— Я беспокоюсь о Вае. Этой Луной... Вам ведь уже наверняка обо всем рассказали.

— Да. Ты огромная молодец. Ты спасла ее.

— Я... Да, спасла. Но я беспокоюсь, что могла... что... Мне повезло, что на помощь мне пришла Палания. Она не в первый раз помогала при родах, и при... — Вновь глянула на меня, будто просила о помощи. О какой? Истерично хохотнула. — Забыла это слово. Знаете, бывает, крутится на языке, а вспомнить не можешь.

Итенсиль понимающе улыбнулся.

— С тобой это не редкость.

— В общем, если бы не она, то я бы многое сделала неправильно и довела бы не до конца. Благодаря ей, все должно быть хорошо. Но все-таки я беспокоюсь. И это я несу ответственность за ее здоровье и жизнь. Поэтому обязательно в скором времени вернусь проведать ее.

— Ты замечательная знахарка, Рель. И еще более прекрасный человек. Уверен, мы все будем рады тебе в любое время. И насколько я знаю, Фарек хотел отблагодарить тебя подарком за то, что ты спасла Ваю. Он очень хвалил тебя. Ты не представляешь, как он любит свою избранницу сердца.

Аня судорожно вздохнула и поджала губы. Кажется, она не согласна со старостой.

— Ему нужно беречь ее, — сказала глухо, будто с упреком. — Иначе он потеряет ее навсегда.

Сердце ушло в пятки. Кому предназначен этот упрек: этому Фареку или мне? В висках застучала кровь, щеки потеплели. Я уставился в пол. Какая разница, о ком она говорит, если это касается каждого? Надеюсь, теперь у меня получится беречь ее лучше. Пусть бы получилось.

Украдкой взглянул на нее, заправил прядь за ухо и поймал себя на коротком воспоминании... Когда у меня были заняты руки, Аня убирала мне волосы с лица. Когда у меня будет получаться что-то хуже, она поможет сделать лучше. Я больше не один. Мы впредь не по одиночке.

Мы так и не поговорили о нас. Неизвестное чувство, вызывающее трепет при сближении, слабело медленно. Мы шли в нескольких шагах друг от друга и болтали о всякой ерунде. Сколько бы я ни пытался поймать взгляд Ани на себе, мне этого не удавалось. Она будто совсем не смотрела на меня.

— Я думал, ты не сможешь общаться с Вязом, — заметил, вспоминая, как утром Аня тепло распрощалась со сторожами.

— Просто держалась от него подальше. Знаешь, вежливая отстраненность помогает избегать вражды с теми, кого недолюбливаешь.

Феррари то и дело перебивала беседу, выскакивая из кустов. Подбегала к Ане, игриво бодала ее, получала порцию ласки и вновь терялась среди старых деревьев.

— Ты сказал старосте, что мне нужно повидаться с друзьями, — в свою очередь поинтересовалась

она. — Елрех и вправду меня ищет?

Ищет? Не сказать...

— Она соскучилась, — ответил правду.

— Значит, ты был у нее? — Карие глаза забегали с любопытством. Аня рассматривала землю под ногами, пенек, кустарники, тяжелые ветви сосен. Мяла лямку сумки и жевала губы. — Как они?

— Хорошо. Устроились замечательно. И они получили твои письма. Не знаю, все ли, но у них была тонкая стопка.

Она нахмурилась и кивнула.

— Отсюда трудно кому-то писать. Вести получать легче. Лесничие обычно заходят к нам уже после того, как побывают в городе.

— Елрех с Роми будут рады повидаться с тобой.

Она улыбнулась и взглянула на меня искрящимися радостью глазами. Мне понравилось. Я стал рассказывать о них все, что узнал сам. И дорога пошла бодрее.

Ближе к полудню из оврага, вдоль которого мы проходили, выползла Феррари. Вся в крови, в налипших на нее листьях, травинках, паутине... Сверкая желтыми глазами и тряся капюшоном, преградила Ане дорогу. Выплюнула из пасти убитого ежа. Вряд ли кровь на морде принадлежала ему. Аня остановилась перед ней и устало развела руками.

— Ты большая умница, малышка, но я это есть не буду, понимаешь?

Малышка не понимала. Язык мелькнул из пасти, глаза смотрели с искренней услужливостью и недоумением. Быстрым движением головы зверь толкнул ежа ближе к ногам Ани. Аня присела на корточки и погладила окровавленную морду. Я прислонился к стволу, скрестил руки на груди и принялся с интересом наблюдать за происходящим.

— Феррари, спасибо тебе, — поблагодарила, почесывая зверя. И тут же стала гладить ежа. — Я такое не ем, малышка. Ты зря убила его. Понимаешь это?

Лиертахон вытянулся на передних ногах и принялся с удивлением разглядывать руку Ани, ласкающую убитого зверька. Я тоже немало удивился. Сцена представления продолжилась. Аня вытерла щеку тыльной стороной ладони, будто от слез, и шмыгнула сухим носом. Лиертахон плотно прижал капюшон к шее и отодвинулся назад. Проворковав коротко, резко ударил передними ногами возле ежа, разрывая мох когтями. Аня прикрыла ежа, защищая. Феррари заворковала громче и, прижавшись к земле животом, подползла ближе. Аня тут же перестала заслонять ежа и погладила лиертахона.

— Я так и не научилась воспитывать ее, — видимо, поддерживая игру перед зверем, проговорила жалобным тоном. — А после того, что сделала с ней, даже не могу повышать на нее голос. Внутри барьер.

— Ты проявила к ней милосердие, — произнес я. Если бы Тодж умирал так же, как тогда умирала Феррари, я бы сделал для него тоже, что сделала Аня. Это был самый правильный поступок.

Видя, как раскаяние проникает в хищницу, усмехнулся. Зверь смотрел испуганными глазами на Аню, облизывал руку, которой она гладила то самого зверя, то мертвого ежа, а вскоре и вовсе принялся вылизывать ежа, несмотря на колючки.

И все-таки она воспитывает зверя. Лаской и через жалость. Как когда-то пыталась воспитывать меня.

— В этот раз я чуть не опоздала. Пришла, когда ее хотели убить. Слишком подвижная и непоседливая малышка, да? — Потрепала расстроенного лиертахона по голове. — Она создавала кучу проблем в питомнике. Какое-то время я тянула. Боялась выдать себя перед поселенцами, что знаю о лиертахонах. Потом сдружилась с Крисветом и, скажем, случайно заплутала среди отдаленных построек. Пришла к Крисвету с расспросами, и он с легкостью устроил мне экскурсию. Так я и узнала, что Феррари хотят усыпить зельями. Тут же изобразила влюбленность в нее с первого взгляда и сделала все, чтобы она досталась мне. Снова пришлось проходить через тот кошмар с ее избиением, опьянением и прочей гадостью. Еще в прошлый раз думала, что больше никогда не справлюсь ни с чем подобным, но видишь — пришлось.

Она подняла на меня глаза. Взгляды пересеклись — я оторопел. Считал секунды, пока Аня ступает, отвернется... Досчитал до пяти — и отвернулся сам. Не выдержал внутреннего

напряжения. Сердце kloкотало в горле, голова кружилась. Вопрос вертелся на языке, вытесняя все прочее: что теперь между нами? Кто мы отныне друг для друга? Но страх услышать в ответ что-то невразумительное заставлял молчать.

Прочистив горло, поделился приятной вестью:

— Роми с Елрех видели Тоджа.

— Правда? — изумилась Аня. — Духи Фадрагоса, почему молчал об этом?! Выкладывай скорее!

Переложив ежа в сторону, поднялась. Вытерла руки о ветошь, заткнутую за пояс и продолжила путь. Лиертахон с виноватым видом смотрел на жертву, но уже то и дело оборачивался вслед Ане. Я же не терялся в сомнениях и времени — сразу поравнялся с ней шаг в шаг. С трепетом в груди принялся пересказывать все, что услышал от Елрех.

— Они видели его в своем регионе, когда Елрех изучала горы и леса южнее.

— Дай угадаю! — Аня игриво перепрыгнула рытвину и рассмеялась. — Елрех знает каждую травинку в округе!

Я тоже рассмеялся, чувствуя прилив сил и подъем от звона счастливого голоса. На секунду замер, пропуская через себя приятные ощущения, и поспешил догнать ее.

— Как они смогли узнать Тоджа? — с широкой улыбкой спрашивала Аня. Она, не замечая того, ускорила — помчалась вперед, будто не петляла между деревьями и шагала по кочкам старого леса, а шла по ровному, мшистому ковру. Обернулась ко мне на миг; девичья коса взлетела в воздухе, в глазах, сверкая, отразилось солнце. — Или радужные ящеры все отличаются друг от друга?

— Тодж особенный! — Я спешил за ней, то следуя по пятам, то равняясь, когда позволяла тропа. Аня волновала меня: иногда утопая в солнечных лучах, словно ускользала, и я боялся потерять ее из виду. — У ящеров желтые глаза, у него — красные. Их слишком мало, чтобы не узнать в красноглазом радужном ящере Тоджа.

— Как он?

И я рассказал ей, как Елрех с Роми придумали ему защиту и подарили беспечную жизнь, не отнимая у него свободу. О том, что они наткнулись на опустевшее логово василисков, где от опасных существ остались лишь обглоданные кости, а несколько застывших каменных сородичей Тоджа являли взору историю борьбы за владычество над местностью. Теперь вдоль реки, протекающей в Вечном лесу, вблизи размытой границы региона Очаг мудрости и до самой восточной части региона Ящеров была территория, где верховными хищниками стала стая Тоджа. Их следы — останки жертв, радужные перья и прочие свидетельства жизни — встречали у берегов часто.

Елрех и Роми присматривали за ними, убедились, что Тодж там, и рассказали обо всем в двух регионах. Убедили всех, что стая радужных ящеров — лучшая защита от более жестоких хищников, живущих в глубине Вечного леса, и признак его здоровья. Там, где главенствуют живые звери, отсутствует нечисть. И пока ящеры сильны, они не позволят никакой нечисти прийти в их дом и расплодиться. Верховные двух регионов согласились с уважаемыми и решили со своей стороны всячески оберегать стаю, не вмешиваясь при этом в их естественный образ жизни. Лишь когда стае будет грозить голод или другая опасность, им приведут пищу или защитят.

Мы много говорили обо всем, кроме нас самих, словно изучали друг друга заново, присматривались друг к другу издали, через окружение. Аня ни разу не спросила ничего, что могло бы обострить общение: ни о Солнечной, ни о Лере, ни о нашем последнем расставании. Будто ничего этого никогда не было. И я не уточнял деталей их отношений с Крисветом, не спрашивал был ли у нее кто-то и не вспоминает ли Волтуара. Никак не отпускала уверенность, что эти темы омрачат счастливое время и дадут трещину в хрупких мостах между нами, которые нам предстояло отремонтировать или построить заново.

К закату мы разбили стоянку. Поляна встретилась прекрасная — чуть тесновата, зато с большим ручьем неподалеку. Пока Аня готовила ужин, я очистил два поваленных бревна, найденных неподалеку, и притащил к костру. Разложили вещи, раскинули у огня просушиваться плащи. Могли бы попросить духов, но Аня... Это была ее идея, а я не стал ей напоминать, что у нас все проще. Мне не хотелось задевать ее такими мелочами. Она сделала для Фадрагоса больше, чем мог бы сделать фадрагосец. Она не чужая нашему миру, так стоит ли заострять внимание на ее привычках.

С сумерками сели ужинать. Нас разделяло пламя и множество невысказанных вопросов. Они постепенно начинали раздражать, но я не смел давить на Аню. Утоляя голод, обсуждали вкус каши и мяса в ней. Будто говорить больше было не о чем... Темнота скрывала черты лица, которым я

любовался под дневным светом. Огонь освещал их, но и заслонял одновременно. И невозможность видеть Аню добавляло раздражения. Звуки ночного леса отвлекали от ее голоса, и их хотелось заглушить. Или пересадить Аню ближе к себе... И зачем я притащил два бревна? Хотел сделать удобнее ей, лучше для нее. Обошлись бы и одним.

— У тебя сын или дочь? — внезапно прозвучал вопрос.

Аня точно наелась и теперь без удовольствия ковырялась в каше.

— Никого. — Я запил горечь отваром. Выходит, она тоже почувствовала, что настало время поговорить серьезнее. — Ребенок от другого.

Аня нахмурилась, поджала губы. Языки пламени спрятали ее.

— Лери сама не знает от кого, — решил выкладывать все начистоту. Нам придется многое обсудить. Зачем оттягивать неизбежное? — Я не стал об этом никому рассказывать. В любой деревне за блудную любовь осудят.

— И что теперь она будет делать?

Я пожал плечами. Набрал полную ложку каши и проглотил, вспоминая прощание с Лери.

— Я сделал для нее все, что мог. Бросил, не раскрывая ее тайны. И ей сказал, чтобы никому не говорила.

— И что? — тихо спросила Аня. — В Солнечной думают, что ты, отец, бросил ее с ребенком? Из-за...

Из-за... Скажешь, из-за чего или кого, Аня?

Она молчала. Тогда проглотив через силу очередную ложку каши, уточнил я:

— Тебя это смущает?

— Что? — Она будто встрепенулась. — Что смущает?

— Что меня теперь будут осуждать в Солнечной. А если оттуда кто-то придет в крупные города, или увидятся с языкастыми торговцами, то весть поползет дальше. О Кейеле из Солнечной, способном защищать поселения от изголодавшихся волков, чудовищ, нежити, пойдет и другая слава. Нехорошая. Порочащая мое имя. Обо мне будут говорить как о том, кто бросил сына и бедную девушку, поверившую ему, выживать на окраине Фадрагоса, кто ни разу за все время не поинтересовался судьбой мальчика. И все ради...

— Мне все равно! — отрезала Аня и поежилась, будто от вечернего холода. Тем временем от костра исходил сильный жар.

Я кивнул и объяснил свое решение:

— Лери придется трудно. Но пока я плохой, а она хорошая, у нее есть шансы, что кто-то проявит к ней и ее сыну милосердие. Возьмет ее в дом, воспитает из парня мужчину. А я справлюсь с ненавистью к себе, как справлялся и раньше.

— Да, хороший вариант, — согласилась Аня, бестолково перемешивая кашу в миске. — А ненависть окружающих не помеха тем, кто привык в жизни полагаться только на свои силы. На Земле таких называли самодостаточными. Я тоже считаю себя самодостаточной, — сказала и втянула голову в плечи. — Ты...

Замолчала, будто задумалась, а я улыбнулся. Что это только что прозвучало? Согласие разделить со мной ношу в виде ненависти окружающих за Лери?

— Ты не учел одного! — нашлась Аня с продолжением мысли, или придумала не высказанному замену. — Мальчик вырастет и может захотеть отомстить тебе. Все-таки не думаю, что Лери скажет ему правду.

— Мы с ним справимся, — проговорил, испытывая особое удовольствие от фразы.

— И какими методами? — усилила удовольствие Аня, легко воспринимая мое «мы».

— Не знаю. Все зависит от него. Но я уверен, что обойдется правдой и клятвой духов.

— Нельзя! — не согласилась она, распрямляя спину и пронзив меня острым взглядом; в глазах плескался огонь. — Представь, каково ему будет узнать правду. Всю жизнь расти обманутым матерью и с ненавистью к невинному! Ты как минимум сильно изменишь его отношение ко всем

женщинам. Он ведь направит всю эту ненависть на нас! Вот так и получаются маньяки, убивающие девушек с особой изощренностью.

— Разве это должно меня заботить? — Я не донес кашу до рта. Несмотря на миролюбивую сторону моего прошлого, сказанное Аней все равно не укладывалось в голове. — Не я виноват в том, что с ним случилось. И при этом я проявил заботу о нем и его матери, жертвуя своей репутацией.

— Знаешь, стоит проявлять милосердие там, где мы можем пресечь появление зла. Думаю, таким подходом к жизни можно сделать мир лучше.

Добро и зло всегда будут уравнивать друг друга, кто и как ни старался бы влиять на чаши этих весов. Но Ане я ответил другое:

— Хорошо. Я учту.

Она, взглядываясь в огонь, деловито кивнула и произнесла:

— А насчет случившегося с Лери и тобой сочувствую.

— Сочувствуешь? — Я вскинул брови и усмехнулся. — В самом деле?

Аня услышала. Точно услышала! Замялась на долю секунды, сглотнула, но, как ни в чем не бывало, продолжила:

— В деревнях и не такое случается. Я могу рассказать, что творилась в нашем поселении. Конечно, если захочешь. Такого не в каждой гильдии сочинителей придумают. Даже взять Фарека и Ваю. Это у которых я...

— Я пришел за тобой! — не в силах слушать ее, перебил я. — Пришел, не потому, что ребенок оказался не от меня. Я пришел за тобой.

Чувствуя, как края миски врезаются в пальцы, а каша встает тошнотворным комом в горле, отставил еду подальше. Глядя на Аню, крепко сцепил руки в замок и вдыхал глубже. Одолевала злость и нежность, желание встряхнуть девчонку... Нет. Женщину. Я видел перед собой женщину, о возрасте которой можно спорить. Передо мной сидела любимая женщина, которую хотелось встряхнуть, лишь бы она услышала, что нужна мне. И ее хотелось оберегать даже от самого себя.

— Я совсем забыла о Дароке, — свесив голову на грудь, едва слышно произнесла она.

— Я способен убить любого васоверга, — ответил я. Подавшись вперед, спросил: — Веришь мне?

Тени ресниц прятали ее глаза. Она молчала — я злился сильнее. Понимание, что не всех в Фадрогосе можно убить и тем самым обеспечить спокойствие Ане, бесило. Мог ли я убить Дарока, избегая в дальнейшем боев с васовергами? Возможно, надо было не спешить и найти такой вариант. Но я не нашел. И теперь вынужден говорить ей, что в каком-то роде служу Дароку. Что мужчина, которого она боится сильнее меня, стоит выше меня! Она думает о нем, сидя после долгой разлуки рядом со мной! Волтуар, Дарок... Я сжал кулаки, зажмурился. Тошно!

— Верю.

Клетка в груди раскрылась, выпуская кипящую лаву. Я выдохнул, чувствуя сильнейшее облегчение. Потер виски и сказал:

— Но я не стану этого делать. Догадаешься почему?

Она покачала головой.

— Потому что я верю, что ты и сама можешь убить любого васоверга.

— М-м... Могу.

Ветер покачал темные пряди, пощекотал ими девичью щеку, и Аня резким движением вытерла ее тыльной стороной запястья. Резко взглянула на меня — пламя усилилось в глазах, жадно впитывая отблески костра.

— А ты будешь просто смотреть?

— А тебе нужно мое вмешательство? — хотел спросить с тем же вызовом, с каким спросила она, но вовремя удержался и вложил в тон учтивость.

— Нет. — Она моргнула; плечи опустились, спина выпрямилась. — Нет, не нужно. Я просто... — Оставив ложку в каше, почесала щеку. — Я давно не направляла кинжал против кого-то. О

Ксанджах тоже не вспоминала.

Я пожал плечами.

— Ничего. Я готов напомнить все, что ты забыла. Да и я научился кое-чему новому против васовергов.

— Против них есть что-то действенное? — удивилась она.

— Подлый прием, — я улыбнулся. — Говорят, стыдно его использовать.

— Пусть стыдят кого-нибудь другого! — Она фыркнула и закатила глаза. — У них ни совести, ни жалости! Как угрожать на цепь посадить и заставлять рожать, как скотину, — так это не стыдно. А как...

Я рассмеялся. Решил сказать ей, что уладил вопрос с Дароком и что горжусь ею.

— Аня, — обратился и, продолжая улыбаться, замолк...

Замолкла и она.

Несколько мгновений сидели в тишине неподвижно. Я слушал отголоски ее имени в голове и вспоминал минуты нашего расставания в сокровищнице. Тогда я знал, как сделать ей больнее. И сделал.

Аня посмотрела на меня, и я стусевался под чувством вины. Стоит попросить прощения? И что изменят слова? Глядя в ее глаза, видел, как они наполняются слезами. Я всегда знал, как сделать ей больнее. Почему всякий раз не знаю, как унять ее боль? У Волтуара бы получилось, а я ни на что не годен.

— Аня, я...

Она выронила миску. Ахнула и бросилась на корточки. Попыталась собрать кашу с земли, и даже собрала, зачерпывая ее с землей и лесным мусором. Нахмурилась, глядя внутрь миски, будто не осознавала, почему там грязь. Медленно опустила ее в траву и поднялась. Отошла от костра, оглядывая поляну. Быстро повернулась ко мне спиной, словно прятала что-то. И показательно сцепив руки за спиной, только подчеркнула, что ей есть что скрывать.

Я ждал, не двигаясь, молча. Вскоре она шмыгнула носом, и сердце в груди сжалось сильнее. Ненависть к себе возросла.

— Прости! — пискнула Аня, наконец сдаваясь перед слабостью. Не поворачиваясь ко мне, расцепила руки и принялась вытирать щеки. — Я так давно не плакала! Ты тут ни при чем, чесслово! Просто... Ух! Ты мне столько вестей принес! Вот они и зацепили за душу.

Рассмеялась тихо. И тут же всхлипнула. Я зажмурился крепко, понимая, что устал ждать. Устал беречь ее, не прикасаясь к ней. Привстав, взял ее за руку и потянул к себе. Она дернулась, собираясь отскочить, но я крепче стиснул ладонь. Понимал ее чувства, разделял их, как и понимал, что кто-то из нас должен переступить барьеры в виде многочисленных сомнений и страхов. Я больше не мог ждать, когда она справится самостоятельно. И у меня больше не было сил преодолеть барьеры между нами в одиночку. Я тихо попросил:

— Хватит, Аня. Хватит.

Она смотрела на наши сцепленные руки так же, как смотрела когда-то давно в обители викхартов. Тогда она была пьяна. Теперь пьяны мы были оба. Прикосновение к ней дарил тепло, и оно разливалось по всему телу, принося с собой умиротворение. Все правильно. Все так, как должно быть. Я притянул ее к себе, и она послушно преодолела разделяющие нас шаги. Словно чужая, села мне на колени и устала на грудь. Чувствуя дрожь во всем теле, погладил ее по волосам. Мягкие, гладкие. Прижался подбородком к виску с распухшей венкой и вдохнул аромат трав. Скривился, когда Аня прижалась ко мне и разрыдалась. Слушая всхлипы и плач, стал качаться с ней на руках и тихо повторял ее имя:

— Аня, Анютка, Анечка...

Ее лиертахон метался по поляне, пытаясь разобраться в случившемся. Устав бегать вокруг нас, лег напротив на живот и с тихим воркованием внимательно следил за нами. Я продолжал гладить Аню и после того, как она перестала плакать. Перебирал ее волосы, слушая дыхание и обдумывая, что сказать ей, чтобы не ранить. В какой-то миг ощутил, как она выпустила воротник моей куртки, который сжимала до скрипа. Ее рука сползла по моей груди и ослабла. Я тихо позвал:

— Аня.

Она не шелохнулась. Осторожно отстранил ее от себя и увидел закрытые глаза, безмятежное лицо и блестящие от слез подбородок и губы. Аня спала... Стараясь не потревожить ее сон, пересел вместе с ней на плащ. Дотянулся до ее плаща, накрыл нас и устроился удобнее. Удерживая ее в объятиях — беззащитную, всецело доверяющую мне, — понял, что всегда желал именно этого. Этой возможности чувствовать ее в своих руках. Чувствовать своей.

Аня

В жизни я повидала немало снов. Бывали добрые, бывали злые. Иногда кошмары мучили даже наяву. Это когда бегаешь по лесу, не различая ничего вокруг и портя свою одежду и нервы друзьям. Наверное, пришло время посмотреть добрые сны, которые способны мучить наяву не хуже злых. «Когнитивный диссонанс!» — дружно закричали бы всезнайки на Земле. «Любовь» — с сочувствующей улыбкой сказала бы Елрех. И с ней не поспоришь. С любовью вообще спорить бессмысленно. Я пробовала, и, даже побеждая, чувствовала себя проигравшей.

Вероятнее всего, я пришла на рассвете домой и после всех переживаний забылась крепким сном. Настолько крепким, что он показался реальностью. Кейел снился мне часто. Обычно мучил — к этому я привыкла. И к тому, что Вольный в поисках мести мог жестоко убить, и к тому, что устраивал назидательную порку, и к Лери в его объятиях, и к знакомству с его сыном. Но к его утешениям привыкать не приходилось. Удивляло и предложение пойти с ним. В поход ли, в очередную ли сокровищницу, в пекло... Есть ли разница? Куда бы мы ни пошли, отовсюду выберемся.

В какой-то миг я даже поверила, что не сплю. Очень рано поверила... Так все было реально: ветер, запахи, вкусы, голоса — жизнь вокруг. Потом этот дурацкий разговор после заката! Стоило портить сон глупыми расспросами? Вдруг больше такой не приснится.

Но какие же теплые и реальные были объятия!

И, пожалуй, они были последними самыми яркими и реалистичными в этом длинном прекрасном сновидении. Потом я послушалась Кейела и прекратила плакать. И мы долго говорили о нас: о том, как взаимно скучали, как вечерами вспоминали что-то из совместной жизни. И Кейел признался мне в любви... «Аня, я люблю тебя. Очень сильно люблю» — произнес он. И я поняла — это сон. Самый прекрасный кошмар, который я когда-либо видела. И ужасное в нем даже не ненатуральность Кейела, ведь он бы никогда не признался в любви легко и непринужденно. И не то, что на мое тихое: «Ты врешь. Ты существуешь только в моем сне», — он кивнул и сказал, что сожалеет. Самое ужасное, что я чувствовала что совсем скоро проснусь. Рассвет окрашивал лесную поляну розовым цветом, а в груди Кейела, где должно быть мое сердце, набирал силу белый свет. Он рос, даря тепло и отбирая сказку. Кейел улыбался мне с нежностью, с которой никогда не улыбался наяву. А я поджимала губы, чувствуя обиду от невозможности спасти сон. Свет рос и рос, поглощая его.

Обидно...

Я сжала куртку Кейела напоследок, вкладывая как можно больше силы. И сон на миг обрел былую реальность — послышался скрип кожи. Но сами пальцы словно ослабли, и я решила не продлевать собственные мучения и открыть глаза до того, как сон исчезнет.

Рассвет и вправду наступил. А я смотрела на куртку, которую сжимала во сне, и ничего не понимала. Только то, что рассвет наступил.

Боясь пошевелиться, оглянулась украдкой. Сердце перестало биться — лесная поляна, костер, наши плащи, сумки, зевающая Феррари, подсматривающая за нами песочным глазом. Сон или не сон?

В безумном разуме одно сошлось с другим...

Подняла глаза на Кейела — сердце провалилось в пятки, желудок, напротив, подступил к горлу.

Кейел прислонившись спиной к бревну, свесил голову на грудь и обнимал меня. Русые пряди падали на впалые щеки, глаза прикрыты, будто он и не спал. Однако дыхание выдавало здоровый сон. Не доверяя реальности, я осторожно поднесла руку к его лицу — тепло. Впрочем, как и от тела. Хотела заправить волосы за ухо, но от легкого касания Кейел вздрогнул и в упор посмотрел на меня. Отпечаток сна все еще лежал на его лице.

Чувства взвились, и я едва не задохнулась.

Застыв телом, прижала пальцы к ладони и постаралась выразить вину. Кейел прочел мое сожаление — переводил взгляд зелено-карих глаз с моего лица на руку возле своих волос. Закусил губу и со странной усталостью выдохнул. Нахмурившись, покачал головой. Взял мою руку, прижал ее к колючей щеке и закрыл глаза. Поцеловал ладонь, задерживая на ней губы.

Слезы подступили, и я поняла, что за множество периодов, за которые я не пролила ни единой слезинки, готова в короткий перерыв расплакаться еще раз. Зачем он пришел? Как скоро опять уйдет? Неужели снова мир в опасности и никто, кроме нас, не справится?

— Аня, не плачь, — глянув на меня, попросил тихо. — Не нужно плакать. Хватит, Анюта.

Обнял, позволяя прижаться к твердой груди и вдохнуть его запах. Голос ото сна хрипел сильнее обычного.

— Мне было трудно без тебя, — внезапно для самой себя призналась. — Очень трудно.

Поддалась душевному порыву: обхватила его щеки и, склонив к себе, принялась целовать лицо. Он, накрыв мои руки своими, будто позволял мне делать с собой что угодно.

— Не оставляй меня больше. — В перерывах между поцелуев попросила я.

Соленый привкус во рту напоминал мне, какой сильной приходится быть, когда Кейела нет рядом.

— Не оставляю, — проговорил он, крепче стискивая мои руки. — Хочешь поклянусь духами?

— Смуклюешь. Ты умеешь.

Отстранившись от моих губ, посмотрел в глаза. Произнес с серьезностью:

— Не обману. Будешь следить издали. — Прислонился лбом к моему лбу, переворачивая все во мне. — Алурей. Это имя моего духа-покровителя. Сходим в Обитель гильдии, в библиотеке мудрецов о нем есть немного информации. В общем перечне духов. Я проверял. Утолял любопытство. Найдешь его имя, прочитаешь о его силе, убедишься, что на расстоянии, я не смогу тебя обмануть. Никого не смогу. Договорились, Аня?

Он говорил так, будто пытался загладить вину передо мной. Наверное, поэтому острое чувство вины очнулось у меня. Стыд залил щеки кровью и мешал ответить. Кейел словно разволновался из-за моего молчания и требовательно повторил:

— Аня, мы договорились?

— Я верю, — наконец отыскав нужные слова, прошептала я. — Верю тебе.

Его дыхание коснулось моих губ, и я закрыла глаза.

Бывают пугающие сны. Но они быстро забываются в счастливой реальности.

Эльфиор, встретившийся нам у озера, спустя четверть шага Солнца отошел от сильнейшего испуга. Икота его отпустила, а Феррари мы все-таки убедили держаться от него подальше. Он чуть в обморок не валился, когда малышка пыталась его обнюхать. Вскоре ей надоело сидеть смирно, и она, тщательно облизав мои руки — как делала всякий раз, когда уходила надолго, — убежала в лес. Теперь эльфиор с неприкрытым любопытством смотрел на меня все время, пока я расхаживала по территории, где всюю шла стройка. Правда, без строителей...

— Я всех мужиков на отдых отпустил. Несколько рассветов погуляют, зато с новыми силами вернутся. Что случится? Столько уж рассветов без продыху работали! — говорил он Кейелу, опираясь на строительные козлы. Махнул на высокий деревянный дом, сказочно застывший посреди темных сосен и елей. — Глянь! И пол постелили, и крышу закончили, и стекла в окна вставили! Стекла я такие, кстати, никогда не видал. Чистые, как девичья слеза! Твой друг, небось, много за них отдал.

— Не обеднеет, — ответил Кейел, налегая спиной на сложенные высокой стопкой доски и скрестив руки на груди. — А сам почему остался?

— Так кто-то ж сторожить должен. Лес хоть и глухой, и места здешние многие стороной обходят, да только всякое случается.

Слушая парней краем уха, я приблизилась к дому. Втянула густой аромат свежей древесины, погладила желтые бревна. Теплые... Небольшая часть в лесу, прямо у самого дома, была изрыта и без единого деревца. То тут то там кучками лежали опилки. Солнце заливало расчищенную от деревьев территорию, подсушивало землю, согревало стены дома.

Пройдя чуть дальше, замешкалась у порога. Парни заметили, и Окрин крикнул:

— Можешь зайти! Поглядеть на свой дом!

Я обернулась к приветливому эльфиору и улыбнулась. Окрин... Мы встретились с ним у озера, и я не сразу вспомнила, откуда он мне знаком. Кейел представил его своим другом и сказал, что они вместе ушли из Солнечной. Я сильно удивилась и сразу прониклась к парню. Друг... У Кейела.

Не теряя больше времени, я взбежала по высоким ступеням и с восторгом оценила площадь крыльца. Да на нем можно лавку поставить, и еще место останется, чтобы ноги вытянуть!

— А козырек будет? — указывая над своей головой, громко спросила я.

Пару секунд парни молчали. Затем о чем-то тихо перебросились, и Кейел ответил:

— Будет! Конечно же, будет!

Я крутанулась на месте от радости и поспешила в дом. Переступив порог, очутилась в светлой прихожей. Отыскала узкое помещение с одной лишь лавкой и столом, и быстро поняла, что это будет кухня. На лавке стояла посуда рабочих — Окрин предупредил нас, что они нередко прятались от ливней в доме. И вещи тоже убрали внутрь, опасаясь дождей. Слезы Шиллиар пугали их так же, как нечисть.

В доме было еще несколько комнат. Одна большая, остальные поменьше. Что-то сгодится под кладовые, что-то — под мастерские. Я бродила по дому, не веря собственному счастью. Повсюду встречались следы стройки: густая пыль на полу, деревянная стружка, опилки, брусья. В углу были сложены молотки пилы, стоял ящик с деревянными гвоздями. Мне хотелось рассмотреть и их. Все в этом доме!

Услышала шаги и подбежала к двери комнаты. Выглянула из нее, глядя на входную дверь. Кейел встал на пороге и с интересом осмотрелся. Заметив меня, уперся предплечьями в косяки и широко улыбнулся.

— Ну как тебе?

— Здорово!

— Не скромно? Все-таки не дворец из мрамора...

— Шутишь?! — Я рассмеялась.

Он вторил моему смеху. Выдохнув шумно, предупредил:

— Сегодня придется спать на полу. Если захочешь, поспим на улице. А завтра я сколочу нам кровать. Окрин сказал, что занавески, матрас, подушки, скатерти... В общем, я просил Елрех, чтобы она выбрала что-то для нас на первое время. Потом сама заменишь то, что тебе не понравится.

— И где все? — Я вытянулась на цыпочках. Елрех выбирала...

— Сложили в пристройке.

— Где? — голос прозвучал звонче.

— За домом.

Я бросилась туда, но не смогла выйти. Кейел перехватил меня за живот, не пропуская. Зеленокарие глаза сияли, привораживали. Улыбка на его лице пробуждала во мне небывалый восторг, ликование и готовность сделать что угодно, лишь бы она никогда не уступала место хмурости.

— Теперь я устраиваю тебя? — спросил довольным тоном. И сразу хмыкнув, опередил мои действия:
— Не смей смеяться.

— Не буду, — с сомнением заверила я. Но все же сумела взять себя в руки. — Для тебя это так важно?

Кейел кивнул. Кивнула и я.

— Я не помню, когда была так счастлива.

— Выходит, у меня, наконец-то, все получилось.

Эпилог

Аня

— Аня, — прошептал Кейел.

Я промычала, ненадолго выходя из сна, но снова отключилась.

— А-аня, — простонал он спустя неизвестное время.

Я опять промычала и с трудом разлепила глаза. Вокруг стояла непроглядная темнота. Лунный свет самую малость проникал в комнату, найдя лазейку в виде узкой щели между занавесками. Где-то в лесу ухала сова. Или филин. Сколько бы Кейел ни пытался объяснить мне разницу, я ее быстро забывала. В его руках было тепло, а чувство сказки в последние периоды ни разу не покидало меня. Бывали трудности с обустройством на новом месте, где поблизости нет никого, кроме нас, но все выглядело пустяковыми проблемами. Одно лишь не давало нам покоя — его кошмары.

— А-аня, — простонал громче, едва не переходя на рык и убеждая меня, что мне не послышалось.

Рука на моем животе резко дернулась перед тем, как притянуть меня к себе крепче. Я успела перевернуться на спину и приложила ладонь к щеке Кейела. Он с силой стискивал зубы, разжимая немного, только когда звал меня. Мое имя искажалось и становилось пугающим для этого мира. Наверное, поэтому одни из первых их с Лери скандалов случились на этой почве. Она перепугалась, когда услышала, как парень, обиженный на всю Солнечную, зовет к ним Анью. Кейел рассказал мне об этом, когда его кошмары стали повторяться уже при мне. Скорее всего, притупленные временем чувства обрели новую силу.

Он вздрогнул всем телом, и я не стала больше тянуть с бесполезными поглаживаниями. Не мне ли знать, какими силами обладают сны. Их ложь не перехитришь, потому что в нее искренне веришь.

— Кейел. — Я осторожно растормошила его. — Я тут. Это дурной сон.

Он подскочил, приподнимаясь на локте. Осмотрелся, щупая подушку в темноте. Сжал мое плечо, потрогал волосы, щеку. Выдохнул.

— Духи Фадрэгоса...

Упал обратно на подушку. Обхватив мою голову, притянул меня ближе. Уткнулся носом в волосы и крепко уснул. Я слушала его дыхание — спокойное, ровное — и успокаивалась сама. Пожалуй, кошмары, доводящие его по ночам до криков, можно считать небольшим осложнением после всего, что с нами случилось. Отделались малой кровью. К тому же кошмары с ним случались нечасто. И почти всегда повторялись: либо я жестоко убивала его, либо лишала сил и заставляла наблюдать за гибелью Фадрэгоса, а затем бросала одного, либо между ним и другими выбирала других.

Я зевнула. Полежала немного, размышляя и вспоминая, в какой момент мы стали отражением друг друга, но быстро вернулся сон. Я прильнула к груди, где билось **мое** сердце, и уснула.

Кейел

Солнце заливало двор ярким светом. Макушки сосен качались под порывами ветра. Лес шумел птицами и зверьем. В этом месте все наполнилось жизнью и силой, и порой мне казалось, что эта энергия наполняла и нас с Аней.

Я закончил сколачивать лестницу для нее — всего три ступени. Именно то, чего ей не хватало, чтобы снимать утварь с верхних полок на кухне. Вышел из мастерской, отыскал Аню взглядом. Она пожелала разбить немного грядок у дома, и теперь изо дня в день боролась с сорняками ради мелкого урожая. Сначала я хотел объяснить ей, что здешняя почва — не лучший выбор для выращивания овощей, никакие духи не насытят ее и не сделают плодородной. Но короткое восторженное «Хочу!» отбило все здравомыслие и у меня.

Теперь я просто наблюдал, надолго ли хватит Аню заниматься землей. Если быстро надоест, продолжим выбираться раз в два периода в город. Как я и планировал, купим мсита или вола, а амбар защитим амулетами от вредителей и сырости. Можно даже раскошелиться и зачаровать его, чтобы мешки с продуктами хранились в нем как можно дольше. А если она вырастит урожай два-три, то обращусь к земельной гильдии — пусть изучат землю, подскажут, чем ее разбавить. Потом найдем ту же гильдию, что помогала строить дом, пусть привезут земли с других регионов. Это все сразу обойдется дороже покупки мсита, но со временем, наоборот, окупится.

Аня заметила меня. Рассмотрев лестницу в моих руках, подняла сжатый кулак вверх и оттопырила большой палец. Этот знак из чужого мира означал ее одобрение. Улыбнувшись, я направился к дому.

Жизнь текла в нашем островке размеренно и спокойно, словно время для нас остановилось. Мы были предоставлены сами себе и пользовались этим сполна. Купание в озере, вылазка в лес за травами, грибами и ягодами, которые Елрех с радостью забирала у нас и отдавала в гильдию — на этом же мы и зарабатывали. Иногда я вырезал фигурки из дерева, но продавать их без гильдии было сложнее. Просить Ромиара поискать знакомых среди гильдий плотников или купцов не хотели ни я, ни Аня. Остальное я получал от гильдии лесников. Платили немного — безопасность лесов, где плачет Шиллиар и мало, кто тут появляется, почти никого не интересовала. Много ли пользы от меня тут? Но меня это совсем не трогало, пока устраивало Аню. А она... Казалось, будто бывшую Вестницу устраивала самая малость, а больше и не требовалось. Был бы дом, где можно было бы прятаться от дождя...

В этом же доме вкусно пахло едой и ягодным отваром. Я поставил лестницу на кухне и залез на чердак. Под крышей были натянуты веревки, увешанные лесными травами. Маленькое окно открылось без скрипа — сквозняк незамедлительно проник внутрь, и травы закачались, зашелестели.

На крыльце остановился. Прислонившись плечом к опорочному столбу, залюбовался Аней и задумался, надо ли что-то еще от меня этим рассветом. Необходимости не было... Но будет неплохо наловить рыбы. Сильный ветер может разогнать облака к вечеру, и тогда во дворе можно будет развести костер, постелить покрывала. Аня любит такие вечера — жаренная на костре еда, звездное небо над головой и бесконечные разговоры на самые разные темы.

Либо ветер пригонит больше туч, и пойдет дождь. Тогда рыбу можно потушить, призвать поменьше Охарс, разлить вино. Такие вечера Аня тоже любила и в шутку называла их «ужином при свечах». Она шурилась, с удовольствием слушая, как капли стучат по окну или гремит гром. Весь вечер рассказывала о своей доброй бабушке, ее домике в деревне, черешне во дворе... И я любовался ею, испытывая больше удовольствия, чем от созерцания звезд.

Аня расхохоталась, вырывая меня из задумчивости.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Ты во мне дырку просверлишь!

Она поднялась, отряхнула передник от земли и направилась к умывальнику. Феррари, лежавшая рядом и занявшая дорожку во дворе длинным хвостом, лениво приоткрыла глаз. Прошлым рассветом она приволокла нам оленя. И от этого дара мы не отказались. Теперь хищница вела себя с нами снисходительно. Такого поведения зверю хватало на несколько дней, а потом она забудет о добыче и будет снова игривой и ласковой, пока опять не притащит нам то, что нас устроит.

Пока Аня снимала с себя передник и мыла руки, я сел на крыльце и шурился от ослепительного солнца. Склонил голову к плечу, любуясь походкой своей избранницы сердца. Простое белое платье шло ей. Невинный рассвет... Иногда за этим обликом молодой любящей женщины, хозяйки дома и моего самого близкого друга, я не мог разглядеть пламени Ярости. Но обмануться себе не позволял. Каждую минуту помнил, что огонь ненависти — это ее суть, ее сила и основа к движению. Сколько

бы дорог она ни оставила позади, ничто не потушит его в ней. Она создана из него, и он умрет только вместе с ней.

— Бездельничаешь? — с шутливым укором спросила она и толкнула меня в грудь пальцем. — Я тоже хочу.

Забралась на меня. Возбуждение не заставило себя ждать. Поцелуй оставил горьковатый вкус ромашкового чая, который Аня иногда пила по утрам. А вечерами у нас по-прежнему мелисса... Надавила ладонями на плечи, вынуждая развалиться на крыльце. Я скользнул рукой под подол ее платья, погладил шелковую кожу, но Аня быстро перехватила мои руки и завела мне их над головой. Взглянула на меня с любопытством.

— Это мой прием, — напомнил я, указывая подбородком на наши руки.

— Я тут подумала, — пропуская мои слова мимо ушей, сказала она. — Что мы уже давно тут сидим. Скоро мхом обрастем, как все в этом лесу.

Я хмыкнул, приглядываясь к ней внимательнее. В карих глазах затаилась лукавство.

— И что ты предлагаешь? — Я изогнул бровь.

— Да так, ничего особенного. Просто немного проветриться.

Стоит насторожиться...

— Слушай, ты столько меня учил! — то ли восхитилась она, то ли похвалила меня. Льстится женщина — задумала хитрость. — Мы с тобой почти каждое утро то деремся, то часовые зарядки устраиваем. Знаешь, у нас в армии парней так не тренируют, как ты меня гоняешь.

Я хмыкнул громче, услышав переход к обвинениям. Стоит готовиться к требованиям и условиям?

— Армия — это такое место...

— Я помню. Там бедные парни красят траву и роют ямы, чтобы потом их закопать. Аня, что ты хочешь?

Она набрала побольше воздуха в грудь, и, нависая надо мной, посмотрела в глаза. Выпалила:

— Пойдем на нежить поохотимся! Чесслово, я буду осторожной! Договоримся с какой-нибудь гильдией охотников, чтобы они нам контракты уступили, которые попроще и за которые мелочевку платят. — Прищурилась на один глаз. — Думаешь, им жалко будет? Ну, или как ты ходил по глухим местам, откуда людям эти контракты...

— Существам.

— Существам эти контракты сложно и долго размещать. Мы ни у кого труд не отберем и денег заработаем!

Я смотрел на курносое лицо, вглядывался в самые красивые глаза, которые когда-либо видел, и все еще чувствовал вкус самых нежных губ на своих губах. Ну какая она женщина?.. Девчонка. Или все-таки...

— Кейел, пожалуйста. Ты замечательный, и жизнь тут прекрасная, но, кажется, я засиделась. Хочется Фадрэгос посмотреть! Ты мне столько про него понарасказывал, что я поняла, что ничегошеньки в нем не видела! И прямо обидно стало, что Повелители меня сюда затащили, экскурсию устроили, но самое прекрасное...

— Иди собирайся, — сдался, чувствуя как ликует душа.

— ...спрятали. — Она округлила глаза, будто ослышалась. — Правда?

— Правда, Аня, правда. — Я подтолкнул ее в ногу, но она продолжала смотреть на меня, словно не верила, что так легко соглашусь. И почему сомневалась? Я тоже с удовольствием подержу меч в руках, иначе с такой жизнью скоро все забуду. Я поторопил: — Если хочешь уйти сегодня на закате, то собираться надо уже сейчас. Надо пересмотреть вещи, убрать продукты, спрятать ценности на всякий случай. Мало ли, какое ушлое существо будет мимо проходить. Сторожевые духи отпугнут, но бывают и Вольные. Ты ведь помнишь, что их духи пропустят в дом. А те без зазрения совести вынесут все, что можно выгодно продать.

Аня сидела на мне еще несколько секунд. Вскоре расплылась в улыбке и, резко склонившись, крепко поцеловала меня. Не успело дыхание восстановиться, как она коротким признанием отобрала его снова:

— Духи Фадрэгоса, как же я люблю тебя, Кейел!

И, вскочив резво, бросилась в дом.

Ветер разогнал тучи. Порывами он быстро пробирался под одежду, а запястья продолжали хранить тепло ее рук, и я завел их под голову, стараясь сохранить его подольше. Выдохнул с облегчением, решая один из вопросов, о котором долго размышлял. Быть просто хорошим или очень хорошим? Теперь выбор Аня сделала сама — никакого ей огорода.

— Кейел, мне нужно купить сапоги. Эти расползлись, — донесся голос из дома. — И я буду чистить свой кинжал! Тебе принести твой меч?

Глядя на ослепительное Солнце и чистое небо Фадрэгоса, я рассмеялся.

Очаг мудрости

В Фадрагосе не найдется никого, кто мог бы поспорить с остротой зрения фангр. Поэтому Елрех увидела двух путников на горизонте задолго до того, как они дошли до их маленького поселения, где любые гости были в редкость.

Сделав обход по своему саду, в котором росли ценнейшие травы, она вернулась к низкому забору и снова посмотрела на горизонт. Теперь она была уверена, что к ним идут незнакомцы. Поглаживая круглый, тяжелый живот и чувствуя в нем осторожные движения, она взвешивала, стоит ли беспокоить Роми. Вскоре желание обезопасить себя и семью победили.

Роми сидел в кабинете, изучая свитки, которые ему доставили от Кхангатора этим рассветом. Викхарт передавал ему множество отчетов из бывшего региона Каменных великанов. Глядя на вдохновенное лицо возлюбленного, Елрех поняла, что в свитках добрые вести.

— К нам идут неизвестные существа, — произнесла она.

Ромиар поднял на нее желтые глаза.

— Когда ты вошла? — обеспокоился, судя по всему не расслышав ее слов. Окинул взглядом с ног до головы, отбросил свитки и вскочил. — Тебя что-то беспокоит?

— Что ты, заботливый Ромиар, разве может меня что-то беспокоить в такой замечательный рассвет?

— Этот рассвет замечательный? — переспросил, бросая взгляд на стол. Ему требовалось время, чтобы перенести внимание от работы к беседе.

— Очень. — Елрех кивнула, клыкасто улыбаясь. — Ты заперся в своем кабинете, потому не слышишь, как красиво поет ветер.

— Мы можем прогуляться, — охотно предложил он. И тут же спохватился: — Естественно, если тебе не тяжело.

— Не тяжело, но и гулять не хочу. Выпью отвара с медом и сяду за написание книг. Дриэн рад будет, что я готова передать знания молодым алхимикам.

— Я заварю тебе травы.

Она усмехнулась, умолчав, что все давно готово и ждет на кухне.

— Тогда завари и для нежданных гостей, — попросила его.

— Гости? — Он нахмурился. — Каких гостей? Кто к нам идет?

Она пожала плечами.

— Не спеши с расспросами, на которые у меня нет ответов. Совсем скоро увидим. Может, они и не к нам, а к милым соседям. Или вовсе заплутали.

Накинув на избранницу сердца шерстяной платок, Роми отправил ее вперед. Сам задержался — прихватил со стола нож для резки бумаги и спрятал за пояс. Осторожность Вольного и недоверие ко всем, кроме Елрех, вернулась к нему с памятью о другой жизни. Все-таки бывших Вольных не бывает. Даже встречая несколько периодов назад Кейела и Асфи в доме, он за считанные секунды успел вооружиться до зубов. Естественно, скрывая это от возлюбленной, чтобы лишней раз не волновать ее. Полагаться только на своего духа-покровителя и Великих духов ветра Роми себе не позволял. Будь он один, мог бы, но рядом была единственная, кого он любил и способен был любить. А теперь осторожность бдительного шан'ниэрда усилилась многократно — Елрех носила под сердцем их ребенка.

Роми выскочил из дома вовремя. Острое зрение не обмануло Елрех — двое путников поднимались на холм и, разглядывая поселение, двигались по колее, которая как раз пролегалa возле их калитки. Светловолосая эльфийка сразу, как только расстояние позволяло разглядеть черты лица, показалась ему смутно знакомой. Высокий чистокровный фангр вызывал странное ощущение. Роми попытался понять, что его смущает, но чутье лишь подсказывало о подвохе, не давая подробностей.

Когда путники приблизились, Роми не выдержал. Приобняв Елрех, задвинул ее за спину. Оперся на забор и улыбнулся, излучая обманчивую доброжелательность.

— Пусть духи будут благосклонны к вам, уставшие путники! — поприветствовала Елрех.

— Пусть духи оберегают ваш дом! — ответил фангр, останавливаясь на противоположной стороне

колеи.

Роми присмотрелся к ним: уставшие... Елрех, как часто бывало, точно подобрала им описание. Эти двое едва переставляли ноги. Цвет сапог с трудом был различим под слоем дорожной пыли; грязные штаны — измятые, с прорехами и прицепившимся репеем, а под куртками, выгоревшими под солнцем, виднелись рубахи — то ли болотного окраса, то ли перепачканные в чем-то. Однако волосы, собранные в хвосты, открывали чистые лица.

— Что привело вас в этот далекий регион? — спросила Елрех, ступив обратно ближе к забору. — Да еще и в самую его глушь! Дальше только опасный лес, куда мало кто отваживается забредать.

Роми недовольно проследил за Елрех и хотел было приобнять ее, а потом незаметно завести себе за спину, но, наученный реагировать на малейшие изменения, уставился на ноги фангра. Тот, ровно в тот же миг, как Елрех шагнула вперед, попятился.

— Мы сбились с пути! — Эльфийка вздернула подбородок.

Она посмотрела на Роми ясными голубыми глазами. Беззастенчиво, с холодным равнодушием — так смотрят охотники на сытого зверя. Помнят, что перед ними опасный зверь, но не ждут от него опасности. Роми отметил, что эльфийка к тому же выдерживала расстояние между ними, позволяющее ей в любой миг наброситься на них или отразить удар, но при этом не заходя за ту грань, которая начинает нервировать любого незнакомца, а особенно хозяев дома. Порывистый ветер заиграл светлыми, как белое золото, волосами красавицы эльфийки, и остудил мысли Роми. Сердце его почти не билось, а все тело было напряжено и готово к прыжку. Но стоило справедливо отметить, что для такой настороженности причин не было. Перед ним стояла всего лишь гордая, возможно, самовлюбленная и очень хрупкая эльфийка. Подумаешь, встала так, будто заняла удобную позицию перед боем. И фангр... Он был высоким, сильным, но казался очень уставшим. Наверное, и попятился всего-то от сильного порыва ветра.

Роми растянул радушную улыбку сильнее и постарался взять себя в руки. Это все из-за Елрех и жизни в ней.

Вся эта оценка и мысли в его голове промелькнули за пару мгновений, а Елрех между тем предложила путникам:

— Вы едва стоите на ногах. Видно, устали в непростой дороге. Не зайдете ли к нам? Я накрою вам на стол, мой избранник, — Положила руку на плечо Роми, — покажет, где можно отмыться. У нас есть целая комната для гостей, где вы сможете отдохнуть столько, сколько вам потребуется. А как наберетесь сил, отправитесь в путь дальше.

— Ты очень добра к нам сестрица, — с широкой улыбкой ответил фангр, — но мы не хотим нигде задерживаться.

Между парами возникло неловкое молчание. Елрех смотрела спокойно, с той же добротой, но затруднялась продолжить беседу. Роми не стал прятать эмоции: нахмурился, упер руки в бока, чтобы легче было вытащить нож из-за пояса, и уставился на подозрительного фангра. Темноволосый, чистокровный, он назвал грязную полукровку сестрицей...

Под пристальным взглядом Роми фангр отступил и едва заметно поежился. Улыбнулся неловко и собирался что-то сказать, но эльфийка успела первой:

— Мы устали так сильно, что зачастую не понимаем, что происходит. — Тряхнула волосами и тоже подбоченилась. Выдохнула с силой, приняла отрешенный вид, но Роми казалось, будто, даже не глядя на него, она не упускала его из виду. — Мы направлялись к священному кольцу в регионе Молочных мситов. Но потеряли карту в пути, а потом, видимо, свернули на развилке не туда. Мы очень спешим, добрая фангра, и не можем принять твое предложение. Но будет прекрасно, если ты подскажешь нам дорогу.

— Вежливый Роми, — с нажимом на первое слово, обратилась Елрех. Погладила его от плеча к локтю. Попросила: — Расскажи бедным путникам, как быстрее пройти к нужному кольцу, а я соберу еды и дам им одну из наших карт. У нас их все равно много.

Роми кивнул ей и несколько мгновений провожал ее взглядом. Ему хотелось совсем не такого разговора с этими двумя подозрительными существами. Если бы не Елрех с ее требованием проявить вежливость, он бы быстро управился с эльфийкой, а затем вытряс ответы из трусливого фангра. Эти двое явно что-то скрывали... И их тайна зудела у Роми в груди, вызывая раздражение. Размахивая хвостом, он стиснул клыки, вдохнул глубже и доверился решению Елрех.

Эльфийка с фангром слушали его наставления о пути внимательно, будто и вправду в какой-то момент заблудились. Пока он указывал направление и рассказывал, какие овраги и рощицы лучше обойти стороной, Елрех возвратилась. Большую сумку она тянула одной рукой, а в другой держала

свернутую трубочкой карту.

Роми бросился к ней, сдерживая ругательства за то, что она не позвала его на помощь. Перехватил тяжелую сумку и поинтересовался, все ли в порядке. В это короткое мгновение он позабыл о злосчастных путниках напрочь, а улыбка Елрех и нежность в серых глазах фангры растопила его сердце, как огонь масло.

— Возьмите, несчастные существа, — с легкой насмешкой произнесла Елрех и протянула карту эльфийке.

— Ох, спасибо тебе огромное, фангра! — Эльфийка быстро сократила расстояние и забрала подарок. — Никогда этого не забуду!

Роми хотел было вынести за калитку сумку, но заметил за поясом эльфийки нож и снова напрягся. Не отходя от Елрех, поднял тяжелую ношу над низким забором. Пока эльфийка заталкивала карту за пояс, фангр продолжал переминаться с ноги на ногу вдали.

— Берешь? — спросил у него Роми.

— О! — воскликнула эльфийка и, не успев освободить руки от карты, шагнула к Роми. — Погоди, уважаемый!

Роми убрал от ее рук сумку и с раздражением глянул на фангра.

— Она тяжелая, — пояснил. — Точно не для девичьих плеч.

— Ой, мне не привыкать!

Несмотря на попытку хрупкой эльфийки забрать сумку, Роми не поддался. Теперь нежелание фангра приблизиться стало ключом к разгадке тайны, которую эти подозрительные существа хранили. Роми в этом не сомневался.

Фангр какое-то время изображал растерянного простака и пытался не обращать внимание на слова и поведение Роми, но в итоге нервно хохотнул и произнес:

— Уф! Я в последние рассветы сам не свой! Простите мне мою медлительность и тугодумие.

Он улыбался, но серые глаза выдавали крайнюю степень раздражения. Сорвавшись с места, он в стремительно приблизился и ухватился за ляжку сумки. В один миг с прищуром посмотрел на Елрех, будто видел перед собой пройдоху Аспида, а потом переменялся в лице снова. Как ни в чем не бывало излучал добродушие, закидывая сумку себе на плечо.

— Вы слишком беспокоитесь о нас, — говорил с благодарностью. — Мы не заслужили такой заботы.

— Ну что вы, застенчивый брат мой, — с усмешкой произнесла Елрех. И голубая кожа фангра побледнела. — С первого взгляда видно, как вы устали в пути. И у вас пустые руки. Много ли поймаете дичи в пути, когда дорога торопит вперед. Мы могли помочь, поэтому помогли, чем могли.

— А вы сами откуда? — поинтересовался Роми, прекрасно уловив что-то между Елрех и фангром.

— Из деревушки, что на Краю Фадрагоса, — поспешила ответить эльфийка. — О ней почти никто не слышал. Мы ушли оттуда потому, что там остались последними. Все молодые ушли в обители искать лучшей жизни и принести больше пользы миру, а старики все до последнего отправились к корням Древа жизни.

— И где эта деревушка? — не удовлетворился ответом Роми.

— Далеко, — отрезала эльфийка. — Мы спешим. Спасибо вам за все. Вы добрые существа, и пусть духи оценят вашу доброту и отблагодарят за нее.

Сказав все на одном дыхании, она махнула рукой и поспешила прочь. Фангр, улыбнувшись, молча кивнул им, обменялся взглядами с Елрех, поправил сумку на плече и засеменял за эльфийкой следом.

Когда они отошли достаточно далеко, чтобы острый слух эльфийки точно не мог услышать ни слова, Роми поделился:

— Что-то с ними не так.

— И что же, наблюдательный Ромиар? — веселилась Елрех.

Он посмотрел на нее с легким укором. Что-то было между ней и фангром, что-то безмолвное, но многозначительное.

— Эльфийка показалась мне знакомой, — начал он издалека, надеясь, что Елрех расскажет ему обо всем. — Не могу вспомнить, где видел ее, но...

— Такую редкую красоту трудно забыть, пусть даже видел ее мельком и один разок, — произнесла Елрех, поглаживая себя по животу. — Ни грязная одежда, ни усталый вид — ничего не может укрыть ее от посторонних глаз.

— Ты знаешь ее? — Роми активнее замахал хвостом; когти вонзились в рейку забора.

— И ты знаешь, забывчивый Вольный. — Глаза Елрех, устремленные на него блестели радостью.

— А он? — кивнул в сторону ушедших. — Этого фангра я вижу впервые. И его поведение... Он вел себя странно.

Елрех улыбнулась шире.

— Это потому, что он — не он.

Что это значит?

Не дав ответа Ромиару, она хохотнула и поспешила в дом. Он незамедлительно последовал за ней.

— От Дриэна недавно пришли вести, — проговаривала Елрех, поднимаясь по крыльцу и поглаживая живот. — Наши друзья приходили к нему. Представляешь, милый Роми, они поймали сумрачного барсука! Он не смог отказаться от него. Впервые на моей памяти он нарушил одно из главных правил гильдий: не работать с теми, кто не состоит в гильдии.

Ромиар, внимательно слушая каждое слово, открыл перед ней дверь.

— Надо написать ему. Будь я несколько легче, сама отправилась бы разыскивать их, а так придется просить о помощи Аспидов.

— Зачем тебе люди?

Елрех остановилась на пороге и с нежностью посмотрела на Роми. Погладила его по щеке, поправила белую прядь, цепляя ее за рог.

— Им нужно знать, — заговорила тихо, будто боялась, что игривый ветер разнесет ее слова по миру, — что в Фадрэгосе грядут долгожданные для всех перемены. Вот увидишь, Асфирель с Кейелом будут радоваться больше других.

— Перемены? — переспросил Роми. — Эти незнакомцы несут их?

Елрех кивнула.

— И ты уверена, что они идут с добротой? Мне так не показалось.

— Роми! — с укором сказала Елрех. Положила ладонь ему на сердце и проговорила с серьезностью. — Посмотри на существ, кто нас окружает своим вниманием. Среди них есть и хитрые викхарты, и свирепые васоверги, но даже они не способны помыслить о вреде Фадрэгосу. Что бы нас ни отличало друг от друга, мы все желаем Фадрэгосу лучшего. Ты еще вспомнишь мои слова, уважаемый исследователь: нет никакой важности в именах существ, главное, что эти существа несут в наш дом. А эти двое точно несут Фадрэгосу мир и благоденствие.